

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

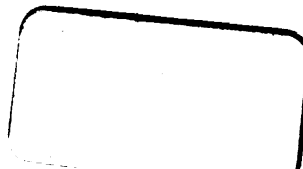
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXVII

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1902

PSlav 381.10

~~PSlav 381.10~~

~~PSlav 381.10~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD GARY COOLIDGE
JULY 1 1922

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXVII.

ОПИСАНІЕ ДНѢПРА У ГОГОЛЯ ¹⁾.

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ Гоголя часто встрѣчаются мѣста, поразительная яркостью и вѣрностью красокъ, мѣста, при чтеніи которыхъ живописецъ невольно беретъ за кисть и тотчасъ, можетъ быть, бросаетъ ее, чувствуя свое безсиліе въ соперничествѣ съ великомъ художникомъ слова. Таково, напримѣръ, чудное описаніе Днѣпра. Эта великолѣпная картина представляетъ какой-то восторженный гимнъ красотѣ пышной рѣки. Кажется, по одному тону описанія, по благоговѣнію и восторгу, съ какимъ Гоголь любитъ Днѣпромъ, можно угадать, что эта рѣка, которой, по словамъ его, нѣтъ равной въ мірѣ, — не чужая ему, но течетъ черезъ его родину.

Картина состоитъ изъ трехъ частей: Днѣпръ во время дня, ночью и въ бурю. Въ каждой части нѣтъ ни одного лишняго слова, ни одного сколько нибудь общаго мѣста; здѣсь каждое слово звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ, каждое выраженіе полно значенія и живописной выразительности. Поэтому нѣтъ возможности разбирать все прекрасное въ этомъ отрывкѣ; для этого нужно бы разобрать каждую фразу, каждое слово.

Трудно лучше выразить пышную плавность и тишину теченія Днѣпра, когда ярко свѣтитъ солнце, — блескъ и свѣжесть водъ его. Кажется, чувствуешь дыханіе прохлады, кажется, видишь опрокинутые въ водѣ зеленокудрые прибрежные лѣса и эту голу-

¹⁾ Не напечатанная замѣтка покойнаго Н. П. Страхова, найденная въ его рукописяхъ и любезно сообщенная намъ его племянникомъ, Н. П. Матченко.

бую, зеркальную дорогу, безъ мѣры въ ширину, вьющуюся по зеленому міру. За этимъ слѣдуетъ еще болѣе живописная, болѣе роскошная картина Днѣпра въ лѣтнюю ночь,—лучшее мѣсто отрывка. Отъ сотрясенія Вожіей ризы сыплются звѣзды, и ни одна не убѣгаетъ отъ темнаго лона Днѣпра, развѣ погаснетъ на небѣ. Его сонная плавность, его безконечная темная синева, по которой иногда пробѣжитъ серебряная струя,—изображены съ искусствомъ выше всякихъ похвалъ и сравненій. Въ третьей части художникъ рисуешь бурю, когда горы ходятъ по небу, и водные холмы, отбѣгая отъ горъ, плачутъ и заливаются вдали. Последнее выраженіе навело воображеніе Гоголя на другую картину, и она вылилась изъ-подъ пера его въ полномъ богатствѣ красокъ. Сравненіе плача съ плескомъ волнъ довольно обыкновенно, но нигдѣ оно не высказано такъ оригинально, нигдѣ такъ прекрасно не согласуется съ мѣстностью. Кажется, видишь разгульнаго казака, ѣдущаго въ бурю по берегу Днѣпра. Старая мать убивается надъ нимъ, заливаясь горячими слезами, и плачь ея сливается съ плескомъ волнъ Днѣпровскихъ.

Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ живость слога и блескъ выраженій—изумительны. Мы замѣтимъ болѣе яркіе.

«Глядишь и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина». Метонимія смѣлая и чрезвычайно выразительная.

«Будто голубая, зеркальная дорога, онъ вьется по зеленому міру». Эпитетъ необыкновенный, но чрезвычайно живописный, если вспомнимъ зеленыя степи, по которымъ течетъ Днѣпръ.

«Любо жаркому солнцу погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ». Выраженіе живописное; кажется, можно видѣть, какъ жаркіе лучи играютъ, преломляясь въ холодной водѣ.

«Синій, синій ходитъ онъ плавающимъ разливомъ». Это повтореніе очень выразительно даетъ слышать плавное волненіе рѣки.

Замѣчательны также восклицанія: зеленокудрые! пыльные! Множество другихъ безусловныхъ отгѣнковъ въ оборотахъ придаютъ слогу чисто поэтическую восторженность, свойственную одному Гоголю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его сочиненій.

«Молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ».

Вообще, если замѣчать выраженія новыя, смѣлая, поразительно живописная, то нужно бы подчеркнуть почти каждое слово, потому что каждое слово этого прелестнаго отрывка дышитъ неподдѣльной свѣжестью и живымъ поэтическимъ увлеченіемъ.

Н. Н. Страховъ.

ГОГОЛЬ.

Опытъ характеристики.

«Обо мнѣ много толковали, разбирая
кос-какія мои стороны, но главнаго су-
щества моего не опредѣлили».

(Изъ писемъ Гоголя).

ВЪ САМОМЪ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ петербургскихъ литературныхъ салонахъ явился еще совсѣмъ юный, начинающій писатель, который, однако же, какъ-то сразу сумѣлъ обратить на себя вниманіе довольно обширнаго кружка людей, причастныхъ современному литературному движенію. Явился онъ невѣдомо откуда и вступилъ въ кружокъ литераторовъ безъ всякихъ связей и рекомендацій. Вступилъ тогда, когда еще въ его литературномъ формулярѣ не было вписано ни одной литературной заслуги, когда еще изъ-подъ пера его не вылилось ни одной строки, которая могла бы свидѣтельствовать о присутствіи ему таланта. Ему принадлежали всего на всего двѣ-три статейки, отчасти оригинальныя, отчасти переводныя, разбросанныя по современнымъ журнальцамъ, да и тѣ ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ «пробъ пера» любого изъ начинающихъ сотрудниковъ журнала. Но между тѣмъ этого совсѣмъ неизвѣстнаго юношу замѣтили, обратили на него вниманіе—пустили его въ ходъ; заинтересовался имъ Дельвигъ, рѣшился рекомендовать его Жуковскому; Жуковскій, не всмотрѣвшись въ этого новичка по литературѣ, сбывъ его на руки Шлегелю, этому надежному ментору и руководителю всей пишущей братіи... И только уже Шлегель, всмотрѣвшись въ рекомендованнаго юношу, рѣшилъ, что онъ руководить его не можетъ, что это

по силамъ... развѣ Пушкину! Онъ и познакомилъ его съ великимъ нашимъ поэтомъ и великимъ прозорливцемъ.

Этотъ начинающій юноша былъ Гоголь, и Пушкинъ не только обратилъ на него вниманіе, но даже снизошелъ до нѣкотораго сближенія съ нимъ. И дѣйствительно, юноша, рекомендованный Плетневымъ, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на Пушкина; невзрачный по внѣшности, не обладавшій никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, неотесанный и застѣнчивый, онъ былъ, однакоже, настолько оригиналенъ, что привлекалъ къ себѣ общее вниманіе и возбуждалъ любопытство. Въ немъ не было ничего «петербургскаго» или «московскаго»—того, что было уже издавна и хорошо извѣстно Пушкину, что въ его глазахъ уже порядочно поизносилось и прискучило поэту... Это былъ настоящій, типическій хохоль—типъ, совершенно новый и незнакомый Пушкину. И онъ пораженъ былъ своеобразнымъ складомъ ума этого юноши, необузданною силою его организаціи, огневою живостью его рѣчи, въ которую онъ вносилъ яркія блестки своего неисчерпаемаго юмора, а главное—пламенною вѣрою въ свою силу, во всемогущество и всеобъемлемость своего таланта. Влестящимъ, чарующимъ подтвержденіемъ почти безграничной самоувѣренности этого юноши явился тотъ рядъ повѣстей и разсказовъ, который вылился такъ быстро и такъ неожиданно изъ-подъ его пера и всѣхъ поразилъ свѣжестью и яркостью красокъ, оригинальностью замысла и наивною простотою картинъ и бытовыхъ сценъ, выхваченныхъ цѣпкомъ изъ жизни и обвѣянныхъ ароматомъ южной природы и поэзіи. Собранныя въ два небольшихъ тома, подъ общимъ названіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», эти очаровательныя повѣсти поразили и Пушкина, и всю массу современныхъ русскихъ читателей. Проникнутыя обворожительною веселостью и бодрымъ юношескимъ міросозерцаніемъ, эти повѣсти вѣдь представились плодомъ вдохновенія, охватившаго разомъ душу автора, какимъ-то порывомъ мощнаго гениа, вдругъ вскрывшаго передъ глазами изумленныхъ читателей цѣлый міръ новыхъ впечатлѣній, новыхъ звуковъ, новыхъ стремленій и призывовъ къ жизни. «Вечера на хуторѣ» явились въ современной русской литературѣ какъ бы откровеніемъ, поразившимъ русское общество новостью и свѣжестью впечатлѣній и наблюденій автора въ какомъ-то никому невѣдомомъ, очаровательномъ уголкѣ Руси—въ той Малороссіи, съ которой тогда чуть ли не по наслынкѣ была знакома современная русская интеллигенція.

Успѣхъ «Вечеровъ», вполне понятный и естественный, не подѣйствовалъ на Гоголя такъ, какъ подобныя же успѣхи очень часто дѣйствуютъ на другихъ молодыхъ авторовъ. Онъ попытался было продолжать свою дѣятельность въ томъ же родѣ—попытался почерпать для нея матеріалы и впечатлѣнія изъ той же родной ста-

рины и быта; но уже то непосредственное творчество, которое вызвало къ жизни «Вечера на хуторѣ», оказалось изъяснимымъ.

Изъ туманнаго и холоднаго Петербурга онъ попытался было вернуться въ свою теплую южную родину, къ тѣмъ соловьямъ и пѣснямъ, которыя нѣкогда такъ его манили и очаровывали; но родимая Малороссія уже предстала передъ нимъ иною—не прежнею странною обаяніемъ и увлеченіемъ... Между знакомыми ему и милыми его сердцу впечатлѣніями родного края и его авторскимъ сознаниемъ стояла уже непреодолимая стѣна: онъ уже не могъ отрѣшиться отъ тѣхъ началъ, которыя воспринялъ въ послѣдніе годы столичной жизни—не могъ увлекаться, не могъ поддаваться восторгу, который нѣкогда охватывалъ всю его душу. Передъ нимъ, съ поразительною ясностью, выступали наружу всѣ недостатки и несовершенства того узкаго и плоскаго провинціальнаго міра, въ которомъ онъ уже не чувствовалъ себя «своимъ человѣкомъ»... Отворачиваясь отъ неказистой дѣйствительности, онъ только усиленіемъ сознательной воли переносился къ прошлому своей родины, и только въ пѣняхъ о далекой старинѣ и о «временахъ казачества» искалъ для себя поэтическаго настроенія и образовъ, достойныхъ вдохновенія.

Въ результатѣ новаго настроенія получилось нѣчто цѣльное и оригинальное, нѣчто весьма существенное и новое въ литературномъ родѣ, но уже совершенно иное, непохожее на «Вечера на хуторѣ»... Гоголь не могъ не сознавать этого «новаго» въ своемъ творествѣ, но это «новое» ему не нравилось, онъ не могъ отнести къ нему также непосредственно и просто, какъ относился къ своимъ первымъ произведеніямъ... И все же, поддаваясь извѣстнаго рода самообману и какъ бы не желая порывать живую связь со своимъ недавнимъ прошлымъ, онъ къ общему заглавію сборника своихъ новыхъ произведеній («Миргородъ») добавилъ, въ видѣ поясненія: «повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Но, несмотря на это добавленіе, всѣ видѣли, что между «Вечерами» и «Миргородомъ» нѣтъ ничего общаго, что авторъ-юноша уже отцвѣлъ и созрѣлъ, что онъ быстро и смѣло вступаетъ въ новый фазисъ развитія своего таланта и отъ первыхъ, порывистыхъ шаговъ безсознательнаго творчества переходитъ къ творчеству сознательному. Не всѣмъ этотъ новый періодъ въ развитіи Гоголевскаго таланта могъ нравиться, и очень многимъ показалось, что молодой писатель обманулъ надежды, вызванныя въ обществѣ появленіемъ его «Вечеровъ»: «Миргородъ» не имѣлъ такого успѣха, какъ первый сборникъ повѣстей Гоголя. Легко можетъ быть, что и самъ Гоголь также смотрѣлъ на свой «Миргородъ», какъ на шагъ назадъ; можетъ быть, онъ даже былъ уязвленъ въ своемъ авторскомъ самолюбіи меньшимъ успѣхомъ своего второго сборника... Но онъ чувствовалъ, что уже не можетъ

такъ творить, какъ творилъ въ первомъ расцвѣтѣ юности: самосознаніе пробудилось и изъ области туманныхъ видѣній и заманчивыхъ грезъ низводило его къ осязанію и наблюденію дѣйствительности во всей ея ужасающей наготѣ.

Но Пушкинъ, этотъ величайшій реалистъ, оцѣнилъ по достоинству новыя произведенія Гоголя. Онъ отлично понялъ и предугадалъ настоящее значеніе таланта этого юнаго, начинающаго писателя, а самому ему указалъ на тѣ цѣли, къ которымъ онъ долженъ былъ стремиться... Въ душѣ сочувствуя реальному отношенію къ жизни, Пушкинъ, близко подходившій къ этому направленію въ нѣкоторыхъ (очень немногихъ) произведеніяхъ своихъ, не рѣшался, однако же, поддаться ему вполне, отрѣшившись вполне отъ старыхъ традицій поэтическаго творчества. Но это имало не мѣшало тому, чтобы онъ желалъ видѣть въ творествѣ другихъ авторовъ болѣе правды, болѣе прямого, непосредственнаго наблюденія жизни и воссозданія дѣйствительности во всей ея будничной наготѣ. И вотъ онъ говоритъ, онъ наставляетъ Гоголя, онъ возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ сознаніе своей силы, указываетъ ему на задачи, достойныя его пера, набрасываетъ ему планы двухъ важнѣйшихъ его произведеній: «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ».

И молодой богатырь чувствуетъ, какъ отъ каждой бесѣды съ великимъ поэтомъ, отъ каждаго совѣта и указанія этого умнѣйшаго и европейски образованнаго человѣка, силы въ немъ удесятряются, крѣпнуть и растутъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ расширеніемъ того горизонта, который передъ нимъ раскидывается, расширяется и наконецъ представляется ему необъятнымъ, необозримымъ. Отъ маленькихъ, ничтожныхъ, ограниченныхъ наблюденій и впечатлѣній, вынесенныхъ изъ крошечнаго уголка поэтической малороссійской глуши, Гоголь переходитъ на широкое поприще наблюденія современнаго ему строя русскаго общества, обсужденія важныхъ и серьезныхъ вопросовъ, волнующихъ лучшіе кружки русскихъ людей, и отъ крошечныхъ фигурокъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей» переходитъ къ смѣлымъ попыткамъ воссозданія типовъ, представляющихъ собою преобладающій элементъ въ массѣ современнаго ему общества. Юному богатырю, уже и по самой природѣ своей склонному къ заносчивости и преувеличеніямъ, начинается казаться, что и силы его также необъятны, какъ необъятенъ открывающійся передъ нимъ горизонтъ, и онъ, очертя голову, бросается впередъ и жадно хватается за выполненіе тѣхъ громаднѣхъ задачъ, на которыя указываетъ ему гениальный руководитель... И какъ было не поддаться этому соблазну, какъ не увѣрять въ свою чрезвычайную мощь, когда великій поэтъ, какъ змѣй-искуситель, нашептываетъ ему въ уши дивныя рѣчи и указываетъ въ будущемъ

путь, залитый ослѣпительнымъ свѣтомъ вѣчной, неувядаемой славы! Пушкинъ, великій Пушкинъ самъ говорилъ этому юношѣ, еще не искушенному жизнью:

— Какъ можно не принятыя за большое сочиненіе, при вашей способности угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставить его вдругъ всего, какъ живого! Это просто грѣхъ!

А кто же не знаетъ, что подобное поощреніе дѣйствуетъ на сердце 25-ти-лѣтняго юноши, какъ искра на порохъ, и заставляеть его забывать обо всякой жѣрѣ, обо всякой ограниченности нашихъ силъ и средствъ нравственныхъ...

И если, съ одной стороны, нельзя не признать того, что Пушкинъ, увлекшійся гениальной талантливостью Гоголя, оказалъ на развитіе его таланта сильное и преобладающее вліяніе; то съ другой стороны, едва ли можно отрицать и то, что великій поэтъ нашъ слишкомъ понадѣлся на силы Гоголя и слишкомъ рано ускорилъ развитіе его таланта. Изъ-подъ пера юноши, подъ обаяніемъ Пушкина, почти разомъ вылились такія дивныя произведенія, какъ «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ душъ»; но зато и силы богатырскія ослабли, и духъ бодрый истомился и замеръ, поникая и теряясь передъ громадностью задуманнаго труда...

Чтобы выолгѣ усвоить себѣ значеніе того, что было достигнуто Гоголемъ хотя бы только созданіемъ одной такой комедіи, какъ «Ревизоръ», надо представить себѣ то общество и ту литературу, среди которыхъ приходилось жить и дѣйствовать Гоголю. Общество, въ которомъ все было основано на условномъ пониманіи потребностей русской жизни и на строгомъ подчиненіи идеѣ внѣшняго порядка, при полномъ внутреннемъ разладѣ и рядомъ съ вопіющими проявленіями произвола и безправія. Литература, въ которой только еще начинало пробуждаться самосознаніе, и то въ кружкѣ немногихъ избранниковъ, а большинство поэтовъ и литераторовъ предавалось своему благородному занятію, или какъ пріятному развлеченію, или какъ обязательному труду. При томъ же литература, въ значительной степени, являлась еще, такъ сказать, занятіемъ «сословнымъ», дворянскимъ, къ которому еще только начинали приступать разночинцы и простецы всякаго рода. Проникнуть въ литературу можно было только при помощи связей или отношеній къ извѣстному кружку. Даже и весьма талантливые люди, люди независимые въ матеріальномъ отношеніи, не въ силахъ были выступить на литературное поприще, не опираясь на какія нибудь связи, не пользуясь чѣмъ нибудь покровительствомъ...

Чтобы еще болѣе изумиться такому явленію, какъ «Ревизоръ» Гоголя, надо припомнить біографическія данныя, рисующія намъ Гоголя въ началѣ 30-хъ годовъ самымъ юношей, далекимъ отъ всякаго житейскаго опыта, способнымъ увлекаться нелѣпѣйшими планами служебной карьеры, дѣтски-заносчивымъ и мелочно-тщеславнымъ.

И вдругъ этотъ юнона создаетъ «Ревизора», съ безсмертными типами Хлестакова и Сквозника-Дмухановскаго, съ цѣлою фалангою остальныхъ лицъ и характеровъ, набросанныхъ кистью великаго мастера и художника! Повторяемъ, для 27-ми-лѣтняго, почти начинающаго писателя, такое вполне законченное произведеніе, какъ «Ревизоръ», представляется намъ изумительнымъ доказательствомъ присущей автору творческой силы. Мы, кажется, видимъ, какъ всецѣло и какъ безотчетно онъ предался мощному порыву вдохновенія, охватившему все его существо въ тотъ моментъ, когда ему предложена была Пушкинымъ такая богатая тема для сценической обработки. И дивная комедія вышла изъ-подъ его пера, какъ цѣльный самородокъ, и, несмотря на то, что была написана удивительно быстро, до постановки на сцену, не подвергалась никакимъ важнымъ поправкамъ и измѣненіямъ.

Усиліе генія, создавшаго такое произведеніе, какъ «Ревизоръ», было, вѣроятно, чрезвычайно велико, тѣмъ болѣе, что эта комедія не была плодомъ долгаго житейскаго опыта, строгихъ и вдумчивыхъ наблюденій надъ изображаемою средою, а родилась, какъ Минерва изъ головы Юпитера, во всеоружіи своихъ гениальныхъ достоинствъ и при наличности немногихъ, но необходимыхъ недостатковъ...

Это особенно рѣзко выляется при сравненіи «Ревизора» съ другою прекрасною комедіею, составляющею до сихъ поръ украшеніе русской сцены—съ «Горемъ отъ ума». Въ этой комедіи авторъ рисуетъ намъ картину жизни, знакомою ему съ дѣтства, и наполняетъ сцену типами, которые извѣстны были всей Москвѣ, какъ постоянные завсегдатая ея клубовъ и салоновъ. Въ «Ревизорѣ» одною силою воображенія авторъ воссоздаетъ типы людей, заимствованные изъ живою русской дѣйствительности, и окружаетъ ихъ пестрою толпою той провинціальной среды, въ которую ему удалось только мелькомъ заглянуть въ ранней юности, и отъ которой его уже раздѣляли годы его столичной жизни ¹⁾, богатые новыми впечатлѣніями и встрѣчами.

Отсюда и разница въ томъ впечатлѣніи, которое въ свое время производили и до сихъ поръ производятъ обѣ комедіи: «Горе отъ ума» представляетъ собою очень умное, изящное и привлекательное произведеніе, оцѣниваемое по достоинству образованными классами общества; а «Ревизоръ», даже несмотря на нѣкоторую каррикатурность и вычурность выставленныхъ въ немъ лицъ, несмотря на нѣкоторый симметризмъ въ расположеніи дѣйствій, является пьесою общедоступною, выхваченною прямо изъ русской жизни и дѣйствительности, всѣмъ близкою и всѣмъ знакомою.

¹⁾ Самъ Гоголь (въ письмѣ къ Щепкину, отъ 29 апрѣля 1836 г.) признается, что въ моментъ написанія «Ревизора» «нотербургская жизнь была ему лучше знакома, нежели провинціальная».

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какое именно впечатлѣніе произвела пьеса Гоголя на Пушкина, и какъ отнесся онъ къ ней, увидавъ ее на сценѣ. Но самъ авторъ остался не вполне доволенъ своимъ произведеніемъ послѣ того, какъ самъ, въ качествѣ зрителя, явился неумолимымъ судьей пьесы. «Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы»,—такъ пишетъ онъ въ письмѣ «къ одному литератору». Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ, но не тотъ, какого, вѣроятно, ожидалъ самъ авторъ; есть основаніе думать, что не совсѣмъ доволенъ ею былъ и Пушкинъ и другіе многіе изъ лицъ кружка, въ которомъ постоянно вращался Гоголь и мнѣніемъ котораго онъ дорожилъ. Недовольство это вызывалось, конечно, не недостатками пьесы, а чрезвычайною новизною ея содержанія и оригинальностью приемовъ въ обработкѣ сюжета. Явленіе было чрезвычайное, исключительное, не бывалое, и даже произведенное имъ впечатлѣніе не подходило ни подъ одно изъ тѣхъ, которыя вызывались другими театральными пьесами. Даже и недовольство, которое высказывалось многими, не походило на порицаніе или критическое осужденіе, а скорѣе на тотъ «гласъ народа», который служитъ отголоскомъ искренняго признанія общественныхъ язвъ, вѣрно подмѣченныхъ и рельефно выставленныхъ авторомъ на сценѣ. Не даромъ Гоголь пишетъ Щенкину послѣ перныхъ представленій «Ревизора»:

«Теперь я вижу, что значить быть комическимъ писателемъ!... Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстають, и не одинъ человекъ, а цѣлыя сословія!... Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любятъ, между тѣмъ, братскою любовью».

Несмотря, однакоже, на то, что пьеса Гоголя доставила ему много тягостныхъ впечатлѣній и разочарованій, что она не удостоилась того успѣха, какого онъ ожидалъ и жаждалъ,—тотъ сильнѣйшій переполохъ, который былъ вызванъ «Ревизоромъ» въ современномъ русскомъ обществѣ, долженъ былъ бы удовлетворить Гоголя уже самымъ сознаніемъ обладанія громадною силою таланта. Но этого было для него недостаточно: обладая громаднымъ талантомъ, онъ уже съ самой ранней молодости страдалъ крайнею слабостью воли и потому способенъ былъ поддаваться каждому, даже и мимолетному впечатлѣнію или внушенію. И вотъ уже въ маѣ мѣсяцѣ 1836 года онъ пишетъ Пушкину:

...«Я усталъ душою и тѣломъ... Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! Миѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы уѣхать теперь Богъ знаетъ куда»...

Въ этихъ словахъ намъ слышится несомнѣнное переутомленіе нравственное, вызванное, можетъ быть, чрезмѣрнымъ напряженіемъ творческой силы, въ короткое время создавшей такое произведеніе,

какъ «Ревизоръ»; но въ то же время слышится и преувеличеніе, къ которому Гоголь былъ очень способенъ, и ропотъ капризнаго, избалованнаго счастьемъ ребенка, который ожидаетъ отъ жизни однихъ только успѣховъ и наслажденій...

Къ сожалѣнію, желаніе «убѣжать Богъ знаетъ куда» оказалось осуществимымъ: явилась неожиданно возможность уѣхать за границу, и въ видѣ оправданія этой довольно безцѣльной поѣздки явилась уже цѣлая теорія, созданная Гоголемъ:

«Тѣду за границу»,—пишетъ онъ Погодину въ маѣ 1836 года,— «и тамъ разымаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель правовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отечествѣ».

Къ этой теоріи, конечно, ничѣмъ не оправдываемой, въ другомъ, современномъ письмѣ, Гоголь приводитъ еще другое объясненіе своего рѣшенія ѣхать за границу:

«Мнѣ хочется, ... избравши (тамъ) постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе», и добавляетъ къ этому заявленію роковыя слова: «порѣ уже мнѣ творить съ бѣльшимъ размышленіемъ».

Называемъ эти слова «роковыми» по отношенію къ дальнѣйшей дѣятельности Гоголя, потому что въ нихъ слышится намъ, съ одной стороны, отрицаніе всего, что до той поры было написано Гоголемъ, а съ другой—чувствуется начало того періода разсудочнаго творчества, который, въ концѣ концовъ, привелъ Гоголя къ такимъ печальнымъ результатамъ. Но, несмотря на эти первыя тѣни и сомнѣнія, проявившіяся въ сознаніи Гоголя, послѣдующіе три года жизни (1836—1839) были плодотворно посвящены имъ выполненію поваго и важнаго замысла, который онъ уже вынашивалъ въ душѣ своей въ то время, когда создавалъ «Ревизора». За обработку этого замысла Гоголь принялся съ восторгомъ и предался ему всецѣло, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ тѣсно связанъ былъ въ его сознаніи съ дорогою для него памятью нашего великаго поэта, завѣщавшаго ему этотъ трудъ, какъ милое дѣтище на попеченіе. Насколько біографическій матеріалъ, до сихъ поръ собранный, позволяетъ намъ заглянуть въ творческую дѣятельность Гоголя за этотъ трехлѣтній періодъ, мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что въ его работѣ надъ своимъ знаменитымъ произведеніемъ не было въ ту пору ничего ненормальнаго. Онъ очень усердно и съ увлеченіемъ работалъ надъ первою частью «Мертвыхъ душъ», и, видимо, былъ вполне доволенъ и вполне удовлетворенъ своею работою. Къ произведенію своему онъ относился просто, естественно, не связывая его ни съ какими неосуществимыми цѣлями, не преувеличивая его значенія... Такимъ образомъ, вся первая часть «Мертвыхъ душъ» (въ первоначальной

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ ГРОБУ.
Съ литографіи того времени.

диз. цена. 18 лив. 1902 г. сив.

редакціи) была написана подъ наитіемъ того же непосредственнаго вдохновенія, которымъ вызваны были лучшія произведенія Гоголя. Не даромъ же онъ впослѣдствіи эту основную редакцію своего произведенія называлъ «первыми, невинными и скромными главами»...

Но пребываніе за границей, благотворно подѣйствовавшее въ началѣ на дѣятельность Гоголя, съ теченіемъ времени оказало (и должно было оказать) на него и дурное вліяніе. Особенно дурно вліялъ на него тотъ кружокъ, среди котораго онъ вращался за границей, кружокъ праздныхъ людей, съ независимымъ состояніемъ и обширными связями, къ которому его невольно тянуло по природному пристрастію къ нѣкоторому аристократизму. Его положеніе въ этомъ кружкѣ было довольно фальшивое и ни въ какомъ смыслѣ не привлекательное. Его быстро возростающая извѣстность тянула и привлекала къ нему этихъ людей, съ которыми, въ сущности, у него не было и не могло быть ничего общаго, потому что большинство этихъ людей посвящало жизнь заботамъ о своемъ здоровьѣ, о развлеченіяхъ и всякихъ эстетическихъ наслажденіяхъ, а нескончаемо долгіи досугъ своего дня могло свободно отдавать неистощимымъ бесѣдамъ о всякихъ отвлеченныхъ вопросахъ, теоріяхъ и идеяхъ. Въ этомъ кружкѣ Гоголь сумѣлъ себя поставить въ положеніе прихотливаго, избалованнаго ребенка, которому всё старались поблажить и угождать. Въ то время, когда онъ еще пуждался въ твердомъ руководителѣ (такимъ и былъ для него Пушкинъ!), въ опорѣ опредѣленнаго кружка, съ строго выработанными убѣжденіями и мнѣніями, онъ очутился въ кружкѣ людей, потворствовавшихъ его слабостямъ и странностямъ, преклонявшихся передъ авторитетностью его мнѣній, неспособныхъ или не дерзавшихъ ему противорѣчить... Въ довершеніе всего, среди кружка аристократовъ и заграничныхъ друзей Гоголя нашлись такія личности, которыя увлекли его въ область религіозно-мистическихъ стремленій, и эти увлеченія повліяли потрясающимъ образомъ на весь его умственный и нравственный строй... Вліяніе это сказывалось уже очень замѣтно, когда Гоголь, въ сентябрѣ 1839 г., вернулся въ Россію на короткое время: его московскіе друзья замѣтили въ немъ рѣзкую перемену и ясно сознававшіяся проявленія религіозной экзальтаціи...

Гоголь привезъ тогда въ Москву всю первую часть своихъ «Мертвыхъ душъ», читалъ отрывки изъ нея въ кружкѣ ближайшихъ московскихъ друзей, выслушивалъ ихъ мнѣнія и замѣчанія, однако же не рѣшился еще печатать свою книгу и увезъ съ собою обратно рукопись «Мертвыхъ душъ» за границу.

Осенью 1840 г. Гоголю пришлось выдержать въ Римѣ одну изъ тѣхъ весьма тягостныхъ нервныхъ болѣзней, которыя и до сихъ составляютъ загадку для медиковъ. Давно уже нервно-разстроенный

и вообще слабый, по самому составу своего организма, Гоголь, вероятно, былъ предрасположенъ къ этой болѣзни смолоду; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что на развитіе этой болѣзни въ значительной степени повліяла его непосильная работа надъ произведеніемъ, которое болѣе и болѣе разрасталось въ его сознаниіи и, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыя онъ себя поставилъ, становилось мало-по-малу совершенно неисполнимою, недоступною задачею всей его жизни... Нѣкоторое и даже весьма существенное обостреніе перваго недуга должно было вызывать въ Гоголь и его постоянное пребываніе въ кружкѣ мистиковъ и нѣтистовъ, которые направляли его мышленіе на разрѣшеніе вопросовъ темныхъ, запутанныхъ и сбивчивыхъ. Какъ бы то ни было, но невозможно отрицать тотъ фактъ, что именно эта болѣзнь 1840 года вызвала главнымъ образомъ тотъ роковой поворотъ въ сознаниіи Гоголя, который сначала возбудилъ въ душѣ его ничѣмъ не разрѣшными сомнѣніями и вопросы, а затѣмъ вынудилъ его принятія за разрушеніе его дивнаго творенія и привелъ самого автора на край гибели.

Поворотъ проявился главнымъ образомъ въ томъ, что онъ приступилъ «къ совершенной очисткѣ» перваго тома «Мертвыхъ Душъ»... «Переменяю, переписываю, многое перерабатываю вовсе», — пишетъ онъ одному изъ своихъ московскихъ друзей и въ то же время сообщаетъ ему, что «дальнѣйшее продолженіе (труда) выясняется въ головѣ моей нище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволить слабѣя мои силы». Это «колоссальное», которое мерещится ему въ будущемъ, мѣшаетъ его работѣ въ настоящемъ, спутываетъ его, сбиваетъ съ толку и вынуждаетъ къ переѣмамъ и вставкамъ, которыя начинаютъ нарушать и портить художественную цѣнность законченнаго имъ произведенія. Сохранившіяся черновыя рукописи «Мертвыхъ Душъ» (первой части) свидѣтельствуютъ о кропотливой работѣ автора надъ текстомъ и достаточно ясно указываютъ намъ, что эта работа была далеко не всегда плодотворною и производительною. Въ кругъ ея, несомнѣнно, входили и тѣ лирическія вставки въ текстъ первой части, которыя сулятъ въ будущемъ что-то новое и необычайное въ направленіи всей поэмы.

И это чувство отчужденія и какое-то неопредѣленное внутреннее волненіе все возрастало и возрастало въ немъ до такой степени, что онъ чуть-чуть не уѣхалъ въ Иерусалимъ, къ гробу Господню, махнувъ рукой на печатаніе своего произведенія. Этотъ замыселъ до такой степени показался ненормальнымъ всему кружку его друзей, что они даже не отговаривали его отъ поѣздки въ Иерусалимъ. Кое-какъ онъ самъ одумался и съ трудомъ дождался окончанія печатанія первой части «Мертвыхъ душъ». 21 мая 1842 г. первые экземпляры были вручены Гоголю, а два дни спустя онъ уже уѣхалъ за границу.

Незадолго до отъезда онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «если бы ты зналъ, какъ тяжело здѣсь мое существованіе! Я уже нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? Покоя нѣтъ въ дунѣ мой».

Но покоя не нашелъ онъ и за границей—и тамъ онъ не увидѣлъ передъ собою «открытаго горизонта». Глубокій сумракъ царилъ въ дунѣ его, и каждый шагъ, каждая мысль, каждое движеніе душевное одинаково приводили его къ одному роковому вопросу: «зачѣмъ? къ чему это?»

И этотъ страшный, обезсмысливающій вопросъ вынуждалъ сегодня уничтожить все, что онъ создалъ вчера. Не только остановилась всякая дѣятельность, великое дальнѣйшее продолженіе пзлюбленнаго труда, но началось даже отрицаніе всего, прежде созданнаго! И въ то же самое время онъ доходитъ въ своихъ религіозно-мистическихъ увлеченіяхъ до крайнихъ границъ экстаза... «Невидимая рука Творца» руководитъ имъ во всемъ; «непостижимое» и «таинственное» отовсюду его окружаетъ... Онъ уже не пишетъ продолженія «Мертвыхъ Душъ», не надъ вторымъ томомъ ихъ работаетъ, а создаетъ нѣчто такое, что «является покажется еще тайною для всѣхъ».

Но эта усиленная работа надъ пзлюбленнымъ трудомъ уже не удовлетворяетъ Гоголя. Онъ уже начинаетъ чувствовать, что онъ не можетъ совладать съ нею, что не онъ—господинъ труда, а трудъ—полновластный господинъ подъ его волею.

И онъ пугается этого неестественнаго настроенія и спѣшитъ съ трудомъ покончить, какъ бы то ни было и во что бы то ни стало...

И при этомъ въ сознаніи его происходятъ странныя превращенія! То онъ падаетъ духомъ и начинаетъ всего опасаться и трепетать; то вдругъ возносится духомъ въ какія-то горнія выси, и трудъ его начинаетъ ему представляться «великимъ, спасительнымъ, даже святымъ»...

Наконецъ онъ появляется въ Москвѣ (въ октябрѣ 1841) и приступаетъ немедленно къ хлопотамъ о напечатаніи труда. Но онъ уже ни для кого неузнаваемъ; общее настроеніе его оказывается до такой степени подавленнымъ и угнетеннымъ, что онъ на всѣхъ производитъ самое тягостное впечатлѣніе, вызываетъ къ себѣ состраданіе и жалость. Но этого мало: судя по его письмамъ за это время, онъ чувствуетъ полное охлажденіе ко всему, что прежде любилъ, полное отчужденіе ко всему родному. «Съ того времени, какъ нога моя ступила въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ... Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ видѣлъ»... Или еще: «о Россіи могу писать только въ Римѣ... А здѣсь я погибъ и сѣивался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ передо мной»...

Эта тайна должна «открыться только въ послѣдующихъ томахъ», которыхъ предполагается уже неопредѣленное число... А до того времени «ключъ отъ этой тайны въ душѣ у одного только автора». Мало-по-малу онъ дошелъ до того, что создалъ цѣлую особую систему творчества—творчества по плану, строго обдуманному, къ которому еще слѣдовало готовиться рядомъ подвиговъ самосовершенствованія, самонствязанія, и молитвою, и чтеніемъ св. Писанія и твореній отцовъ церкви. Еще шагъ по этому пути, и уже всякое творчество было отринуто и презрѣно и великій писатель обратился уже къ проповѣди, къ поученію своихъ ближнихъ. Всѣ силы духа, всю свою энергію, всѣ помыслы и упованія онъ вдругъ почему-то возлагаетъ именно на эту проповѣдь, и безъ оглядки торопитъ своего друга печатаніемъ этой пространной, многословной и крайне безсодержательной проповѣди, которой придаетъ странное заглавіе «Переписки съ друзьями». И тщетно удерживаютъ Гоголи друзья, тщетно стараются убѣдить его въ томъ, что печатаніе этой книги поколеблетъ его авторскую славу... Онъ настаиваетъ; онъ убѣжденъ, что книга «необходима и полезна для всѣхъ»; онъ рѣшается даже писать своему другу:

«Я дѣйствовалъ твердо, во имя Бога, когда составлялъ эту книгу; во славу Его святого имени взялъ перо, а потому и разступилсь передо мной всѣ преграды и все останавливающее безсильнаго человѣка. Дѣйствуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мою, какъ бы дѣлалъ самъ дѣло на прославленіе имени Его», и такъ далѣе.

Книга была отпечатана по волѣ автора и, по выходѣ въ свѣтъ, вызвала цѣлый взрывъ негодованія, даже со стороны друзей Гоголя. Это негодованіе потрясло его, но уже не вернуло къ жизни и дѣятельности. Онъ принялъ ударъ съ какимъ-то страннымъ, тупымъ смиреніемъ, какъ новое испытаніе, налагаемое на него Промысломъ, а на всѣ укоры въ недѣятельности отвѣчалъ только обѣщаніемъ объяснить «въ небольшой книжечкѣ» всю исторію своего писательства, и тогда даже и «нелитераторъ долженъ будетъ увидѣть, я ли виноватъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ, и противъ Кого идти трудно человѣку».

Послѣ такихъ доводовъ всѣ оставили Гоголя въ покоѣ, и онъ уже оканчивалъ жизнь въ Москвѣ, въ полномъ уединеніи, почти въ забвеніи, исключительно озабоченный мыслью о приближающемся концѣ, къ которому усердно готовился.

Въ февралѣ 1852 года, Гоголь почувствовалъ себя особенно дурно, и, прощаясь съ жизнью, исполняя послѣдній христіанскій долгъ, наложилъ руку на всѣ свои рукописи... Въ какомъ-то непонятномъ порывѣ самоотрицанія и самоуничиженія онъ сжегъ все, что попало ему подъ руку... 21 февраля 1852 г. его не стало.

Тягъ окончилась много разъ повторяющаяся и теперь еще повторяющаяся въ русской жизни исторія одного изъ громадѣйшихъ талантовъ, отъ которыхъ все имѣли полное право ожидать очень и очень многого. Погибъ человекъ, необычайно богато одаренный отъ природы, радостно встрѣченный всеми лучшими представителями русской мысли, благопріятствуемый, почти балуемый судьбою, не испытавший никакихъ тяжелыхъ невзгодъ и несчастій... Погибъ, подавленный собственными же громадными силами, съ которыми онъ, какъ сказочный богатырь, не могъ совладать, по недостатку характера и того чувства мѣры, которое такъ высоко развито въ гениальныхъ писателяхъ и мыслителяхъ Запада, умѣющихъ вполнѣ использовать запасъ своихъ силъ для общаго и своего личнаго блага... Но, высказывая это, мы не осуждаемъ и не порицаемъ: мы только указываемъ на одинъ изъ весьма существенныхъ недостатковъ всехъ русскихъ людей, которыхъ, кажется, только нѣпѣнная суровая дѣятельность начинаетъ ставить въ условія, воспитывающія силу воли и вырабатывающія характеръ.

П. Н. Полевой.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ РУКОПИСИ ГОГОЛЯ.

ВЪ ВОСЕМЬ часовъ утра, 21-го февраля 1902 года, исполнится 50 лѣтъ со дня смерти величайшаго изъ русскихких писателей, Н. В. Гоголя. Имя Гоголя такъ популярно, такъ широко распространено и у насъ, и въ другихъ странахъ, что можетъ быть легко причислено къ тѣмъ величайшимъ именамъ челоѳчества, которыя дѣлають великія открытія. Найти антидифтеритную сыворотку, открыть великій астрономическій законъ, опредѣленно выражающійся при извѣстныхъ условіяхъ, открыть ех-лучи или показать міру челоѳческую пошлость «сквозь видимый міру смѣхъ, но невидимыя и незримыя слезы»—почти одно и то же. Во всѣхъ нихъ сказывается проникновенное, напряженное вниманіе челоѳческаго гениа въ область неизвѣданнаго, усилія ума пріоткрыть его завѣсу и постоянное стремленіе по пути идеальнаго совершенствованія; во всѣхъ нихъ, благодаря безконечному разнообразію творческихих силъ и ихъ проявленію въ природѣ, разнообразно сказывается челоѳческій гениа...

Пусть умеръ Гоголь! Гоголь тѣла, Гоголь воли! Но не умеръ Гоголь великой мысли, великаго гениа, наглядно и до жестокости подробно описаннаго «пошлость пошлаго челоѳка»... Мы вспоминаемъ Гоголя-гениа, гениа природы, проводника великихъ творческихих идей... Онъ былъ орудіемъ этой природы, избранникомъ ея въ области пониманія скрытыхъ явленій жизни. Русскіе гордятся имъ... И не напрасно!

Прошло 50 лѣтъ со дня его смерти... Грустная годовщина! Всякая смерть возбуждаетъ тяжелыя чувства и глубокую скорбь въ любящихъ сердцахъ, но тѣмъ болѣе возбуждаютъ непримирен-

няя чувства грусти, скорби и сожалѣній, смерть генія и сознаніе его невозвратности. Гоголя мы привыкли любить съ дѣтства, съ того момента, когда въ наше сознаніе забрасываются сѣмена мысли, когда творческая фантазія открываетъ намъ перспективы жизни, душа куда-то стремится и все чего-то желаетъ. Тогда, именно тогда, онъ, этотъ великій геній, становится близко къ нашему сердцу и съ тѣхъ поръ становится нашимъ близкимъ довѣреннымъ другомъ, товарищемъ, является сокровищницей нашего остроумія, нашихъ словечекъ, прибаутокъ, незамѣтно врѣзавшихся въ нашу память. Мы говоримъ зачастую: ну, это уже гоголевщина! Что за слово «гоголевщина»? Откуда оно? Какъ откуда? Отъ него же, отъ этого великаго печальника человѣчества... Или говоримъ: ну, это — маниловщина, чичиковщина, поздравщина и т. д. Мы зачастую повторяемъ остроты героевъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», бессмертныхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Дикашки» и, главное, повторяемъ бессознательно, точно онѣ наши, точно мы ихъ пропзвели изъ себя, а, оказывается, мы беремъ ихъ напрокатъ у того же великаго генія природы... Поэтому можно судить о близости этого таинственнаго печальника человѣчества нашему сознанію, нашему сердцу, нашей душѣ.

Всякій помнитъ и, такъ сказать, наглядно *представляетъ* себѣ героевъ созданій Гоголя. Каждый хочетъ ихъ нарисовать, сдѣлать художественно. Художники дали три альбома гоголевскихъ типовъ: Воклевскій, Агинъ и альбомъ въ изданіи Маркса, а теперь иллюстраціей произведеній Гоголя заняты Маковскій.

Пластическая, почти до осязательности, красота типовъ свидѣтельствуешь о великомъ дарѣ прозрѣнія, вниманія и представленія Гоголя всей сути жизни. Если Гоголь говорилъ, что онъ наблюдалъ всю «быстро-несущуюся жизнь» цѣликомъ, то это — правда, великая, дѣйствительная правда. Онъ ее видѣлъ, наблюдалъ, сидя гдѣ нибудь въ маленькой петербургской квартиркѣ, какъ наблюдалъ, видѣлъ и разыгрывалъ сраженія на мансардѣ 6-го этажа въ одномъ изъ домовъ французскаго города Безансона артиллерійскій поручикъ Наполеонъ Бонапартъ, весь окруженный планами, картами и огромными фоліантами описаній побѣдъ, одержанныхъ другими. И это ничего, что онъ не зналъ жизни, что онъ былъ молодой, неопытенъ. Онъ ее зналъ интуитивно, онъ зналъ, благодаря особенному чутью, особенному дару прозрѣнія сути явленій и благодаря своему ясному уму, точно, ясно и картинно изображалъ эти явленія.

Это чутье давало ему преимущества передъ другими. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы, чувствовалъ себя выше толпы, онъ чего-то искалъ, чего-то хотѣлъ выснаго, выходящаго за предѣлы обыкновеннаго. Онъ вѣчно тосковалъ. По комъ или о чемъ? () несовершенствахъ жизни, о паденіи идеаловъ. Первоначально, суди по

превосходнымъ письмамъ Гоголи, собраннымъ г. Шенрокомъ въ 4-хъ томахъ, онъ боялся того, что пройдетъ на землѣ безслѣдно, ничего не сдѣлавъ, а потомъ, когда онъ твердою ногой сталъ на поприщѣ служенія обществу, онъ затосковалъ о несовершенствахъ жизни. *Тоска по идеаламъ есть свойство только великихъ натуръ.* Она объясняется тѣмъ интуитивнымъ проникновеніемъ въ тайныя пружины жизни, прозрѣніемъ ея хода, которое дается, только благодаря особому дару, чутью. Генію ясны *результаты*, а простымъ смертнымъ только логическое теченіе жизни, только внѣшніи обстоятельства. Геній предвидитъ на разстояніи, что выйдетъ изъ данной комбинаціи фактовъ, знаетъ ихъ *конецъ*, ихъ *судьбу*, смотритъ въ сердцевину, въ корень вещей, а простой смертный видитъ только въ данную минуту совершающіяся и логически пережегающіяся событія. Въ этомъ предвидѣніи, въ этомъ прозрѣніи и кроются психологическія основанія тоски по идеаламъ у гениальныхъ натуръ.

Почему они видятъ, почему *они*—геніи, есть, собственно, дерзкіе вопросы по отношенію къ тайнымъ творческимъ вѣлвіямъ природы. Почему и, главное, къ какихъ формахъ дано имъ интуитивное проникновеніе въ скрытую завѣсою природу, такъ же неизвѣстно. Гете въ своихъ «разговорахъ» съ Эккерманомъ говоритъ, что не всякій старикъ можетъ считаться опытнымъ въ жизни, и что есть много юношей, понимающихъ жизнь глубже и разностороннѣ многихъ стариковъ. Причина кроется не въ разстояніи прожитыхъ годовъ, а въ дарѣ понимать жизнь, проникать въ нее, угадывать ее, отличать въ ней главное отъ неглавнаго, въ дарѣ, объясненія котораго нужно искать въ особенностяхъ устройства нашей психики.

Геній, даже въ то время, когда онъ еще ничего не сдѣлалъ, когда *только заявили о себѣ* людямъ, *когда только почувствовали въ себѣ священный огонь*, всегда сознаетъ въ себѣ силы на дѣло великое, сознаетъ свое право на безсмертіе. Не будемъ ссылаться ни на Шекспира, ни на Наполеона, ни на Пушкина, ни на Шопенгауэра... Эти примѣры избиты, а факты слишкомъ установлены въ психологической наукѣ. Геній, заявляющій о своемъ величій, даже въ то время глубоко искрененъ. Онъ говоритъ не изъ хвастовства (ему не передъ кѣмъ хвастать, такъ какъ онъ выше людей, которыхъ превосходно знаетъ, понимаетъ и видитъ насквозь), но лишь правду. О. М. Достоевскій, возмнившій о себѣ послѣ похвалы Ыблинскаго «Вѣднимъ людямъ» и разошедшійся, благодаря своему самолюбію и самолюбію, въ редакціи «Современника» съ Н. С. Тургеневымъ, графомъ Л. Н. Толстымъ и др., не чувствовалъ ли въ себѣ великія силы?

Чувствовалъ ихъ въ себѣ и Гоголь. Объ этомъ онъ высказался опредѣленно въ письмѣ къ В. А. Жуковскому изъ Гамбурга отъ 26—16 іюня 1836 года:

«... Миръ ли не благодарить Пославнаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, *невидимыхъ, незамысленныхъ* для свѣта, исполнена жизнь моя! *Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человекъ. Дивную силу чувствую въ душѣ своей*» ¹⁾ и т. д. (Письма, т. I, стр. 383—384).

И эти слова были сказаны въ такое время, когда ни «Мертвыхъ душъ» (1841 г.), ни «Ревизора» (1842 г.), главныхъ, коронныхъ произведеній Гоголя, еще не было, когда они еще зрѣли, незримые свѣту. Гдѣ онъ могъ почерпнуть увѣренность въ своей «дивной силѣ»? Гдѣ она была? Въ чемъ проявилась? Она покоилась въ его духѣ, въ его сознаніи своего духовнаго величія, своего духовнаго превосходства. Это сознаніе дается *посвоель*, въ силу данныхъ человѣку талантовъ.

Мы не дѣлаемъ другихъ выдержекъ, такъ какъ эту считаемъ слишкомъ категорической, и обращаемъ вниманіе читателей на нее. Это не самолюбіе, не задоръ юности, не безсознательное «сверхчеловѣчіе» или «сверхтоліе» россійскаго издѣлія, а жаръ сердца, приливъ вдохновенія, озаряющаго всеъ духовныя побужденія и жизненныя цѣли человѣка.

Внутренняя жизнь Гоголя такъ богата разными моментами, что ее должно изучать не по методу г. Шенрока. Академикъ Пыпинъ указалъ этотъ методъ въ своей книгѣ «Жизнь и переписка В. Г. Бѣлинскаго», а мы сказали бы, что таковымъ методомъ можетъ быть или исключительно психологическій, или тотъ, который примѣнилъ извѣстный Ауэрбахъ къ біографіи Спинозы, представивъ жизнь философа въ его цѣломъ, съ изображеніемъ его ученія, на почвѣ разсказа (романа). Иначе всякіе «Матеріалы къ біографіи» будутъ ужасно скучны, монотонны и утомительны и будутъ играть роль сырого матеріала или сухой справочной книги.

Какъ художникъ, Гоголь принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «усидчивыхъ» писателей. Методъ его творчества или форма, въ которую выливались его созданія, состояла въ слѣдующемъ: онъ напишетъ что нибудь и долго держитъ въ своемъ портфель, временами, во время приливовъ вдохновенія, отдѣлявая по частямъ рукописи. Гоголь мало жалѣлъ себя и странно работалъ надъ своими созданіями. Въ смыслѣ способа работы, онъ сильно напоминаетъ намъ Флобера, также мало щадиннаго себя. Особенно этотъ методъ должно отнести къ зрѣлой порѣ его дѣятельности, къ началу 50-хъ годовъ («Мертвыя души», «Ревизоръ»). Въ созданіяхъ же перваго періода виденъ слѣдъ только вдохновенія. Это—кипящая лава словъ, каскадъ образовъ, переливающихся всеми цвѣтами радуги, когда они проходятъ черезъ воображеніе и отливаются въ окончательныя кристаллическія формы. Часто Гоголь одно думалъ, другое писалъ

¹⁾ Куревнѣ нашѣ.

зачеркивалъ, подписывалъ, летѣлъ дальше, не оканчивая словъ, и вдругъ возвращался къ предыдущей мысли, работалъ и снова летѣлъ дальше. Въ этихъ мѣстахъ видна молодость, стремленіе использовать минуту вдохновенія и въ то же время углубленная, напряженная работа надъ собой и своимъ дарованіемъ. Вслѣдствіе этого, рукописи перваго періода его литературной дѣятельности читаются крайне трудно, съ большимъ напряженіемъ, требуютъ много времени, вниманія и навыка къ разбору рукописей. Таковы, по крайней мѣрѣ, повѣсть «Пропавшая грамота»; лекціи по средней исторіи и др. Есть, впрочемъ, и хорошо написанныя рукописи, но ихъ меньше.

Мы дали эти свѣдѣнія читателю, какъ общія руководящія мысли. Мы кое-что тутъ намѣтили для будущихъ литературныхъ работъ о Гоголѣ, особенно въ области разработки біографическихъ матеріаловъ.

Гоголя можно читать въ разные періоды жизни человека: въ дѣтствѣ, въ юности и въ зрѣлую пору. Великій разъ онъ будетъ новъ, глубокъ, мудръ, содержательнъ, развѣртывая новыя и новыя стороны своей духовной сущности, подобно вѣчно юной природѣ.

Трудно было бы найти изъ рукописей что нибудь новое, теперь, но прошествіи 50-ти лѣтъ со дня смерти Гоголя. Все, что было можно извлечь и добыть, извлечено и добыто. Занесенныя книжки Гоголя, старыя тетради, письма, клочки бумагъ, всякая мелочь—давно уже приведены въ порядокъ, рассмотрѣны и оцѣнены. Всякій вносилъ все, что зналъ о Гоголѣ. Культъ Гоголя царилъ и въ первые годы послѣ его смерти, какъ царитъ и теперь. Десятое изданіе сочиненій Гоголя считается единственнымъ по полнотѣ и по тѣмъ цѣннымъ историко-литературнымъ и критическимъ примѣчаніямъ, которыя сдѣланы покойнымъ профессоромъ Московскаго университета И. С. Тихонравовымъ. Кто хочетъ работать надъ Гоголемъ, тотъ долженъ имѣть это изданіе его сочиненій.

Но рукописи Гоголя еще въ достаточномъ количествѣ (по крайней мѣрѣ, нѣсколько переплетенныхъ томовъ въ листъ писчей бумаги) сохранились въ замѣчательной сокровищницѣ собирателя гравюръ и рукописей, П. Я. Дашкова. Благодаря его любезности, его всегдашнему радушію и желанію принести пользу русскому обществу, онъ предоставилъ редакціи «Историческаго Вѣстника» нѣкоторыя рукописи Гоголя. По порученію редакціи, мы ихъ тщательно дешифрировали, снабдили примѣчаніями и приводимъ здѣсь. Нѣкоторыя рукописи представляютъ интересъ первостепенной ли-

тературной важности, такъ какъ ни профессору Тихонравову, ни извѣстному Кулишу, ни другимъ издателямъ и изслѣдователямъ сочиненій великаго писателя, онѣ не были извѣстны, за исключеніемъ друга поэта, Прокоповича, который и выпустилъ первое изданіе, по просьбѣ Гоголя, въ то время, когда онъ въ первый разъ путешествовалъ за границей. Мы говоримъ о повѣсти «Пронавшая грамота», помѣщенной въ 1-й части «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Профессоръ Тихонравовъ не видѣлъ этой рукописи. Мы не говоримъ о мелочахъ, которыя, если и не имѣютъ такого значенія, то все же цѣнны, какъ рукописи великаго человѣка.

П. И. Дашковъ добылъ эти рукописи и далъ имъ удобную форму, благодаря только особой своей находчивости.

Исторія рукописей такова.

Однажды, въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, къ Павлу Яковлевичу заѣхалъ извѣстный академикъ, Аристъ Аристовичъ Куникъ, археологъ, предѣдатель археографической комиссіи по изданію иностранныхъ актовъ, и предложилъ ему купить рукописи Н. В. Гоголя, имѣвшія тогда въ распоряженіи вдовы профессора М. И. Погодина, близкаго друга поэта. Павелъ Яковлевичъ Дашковъ согласился тотчасъ, и купля—продажа была совершена почти въ тотъ же день. Но въ какомъ ужасномъ видѣ были эти рукописи! Это, собственно, были и не рукописи, а ихъ клочки, эти были листы, разорванные на тысячи кусковъ нервной, раздражительной рукой поэта. Н. В. Гоголь извѣрился въ жизнь, въ людей, наконецъ, въ смыслъ своего существованія. Будущее не представляло свѣтлыхъ точекъ, въ прошломъ было мало утѣшительнаго... Былъ только одинъ въ мірѣ огонь, его согрѣвавшій, было одно только свѣтило, дававшее его жизни смыслъ и определенную цѣль, но и его давно уже не было. Умеръ Пушкинъ! не было Пушкина, столь властно управлявшаго душой Гоголя... Не было на его пути компаса или путеводной звѣзды... Было темно въ этомъ мірѣ лжи, козней, интригъ и двусмысленностей... Гоголь потерялъ равновѣсіе, шелъ по наклонной плоскости къ своей знаменитой «Исповѣди» и тосковалъ объ идеалѣ, о несовершенствахъ жизни. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что несовершенство жизни такъ необъятно, что ему, бѣдному жителю земли, ихъ нечего исправлять, что онъ ничего не могъ сдѣлать изъ того, что ему было назначено Творцомъ, что онъ, наконецъ, въ сущности, ничтожество... И вотъ въ одну изъ такихъ минутъ черной меланхоліи собралъ онъ всѣ свои рукописи, изорвалъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ и сталъ растапливать ими каминъ, помѣнивая кочергой.

Дѣло было въ Москвѣ.

Слуга Гоголя, видя острый припадокъ болѣзни и не умѣя помочь, побѣжалъ къ М. И. Погодину, со словами:

— Баринъ, спасите нашего барина!.. Съ нимъ что-то неладное.

Погодинъ немедленно поѣхалъ къ Гоголю и, увидѣвъ груду разорванныхъ клочковъ бумаги, тщательно собралъ ихъ, взялъ маленькій чемоданъ Гоголя, положилъ туда разорванные и собранные имъ въ наволочку рукописи и отвезъ къ себѣ. Это было въ послѣдніе годы жизни Гоголя. Разорвано было все, что было тогда у Гоголя подъ рукой,—отъ первыхъ набросковъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» до послѣдняго его созданія, второй части «Мертвыхъ Душъ».

Долго собиралъ М. П. Погодинъ разорванные клочки рукописей своего великаго друга, но въ системѣ собранія кусочковъ допустилъ громадную, мы сказали бы, методологическую ошибку. Погодинъ собиралъ ихъ по смыслу, вслѣдствіе этого долго бился и умеръ, не только не докончивъ дѣла собранія, но и не подвинувъ его. Клочки были вновь положены въ наволочку и спрятаны въ чемоданъ Гоголя. Умеръ и М. П. Погодинъ. Затѣмъ эти бумаги, какъ уже сказано, перепли къ А. А. Кунику, а отъ него къ П. Я. Данкову.

Что нужно было дѣлать съ ними? Прошлый опытъ *приседенія въ цѣльмй видѣ рукописей* не привелъ ни къ чему. Нужно было изобрѣсти новый методъ *собиранія*...

Мы приведемъ этотъ методъ здѣсь по той причинѣ, что онъ интересенъ съ принципиальной стороны и можетъ оказать услугу всѣмъ, идущимъ по слѣдамъ П. Я. Данкова въ дѣлѣ *собиранія рукописей*.

Разсмотрѣвши груду обрывковъ рукописей, бывшихъ въ ужасномъ состояніи, словно знакомясь съ ихъ характеромъ, П. Я. Данковъ оставилъ ихъ въ покоѣ до весны. Весною онъ поѣхалъ къ себѣ въ имѣніе и захватилъ наволочку съ рукописями Гоголя. Затѣмъ призвалъ нѣсколько малограмотныхъ людей и просилъ ихъ на большомъ просторномъ столѣ складывать, за опредѣленную почасную плату, эти безконечные кусочки не *по смыслу*, а *по виду и цвѣту бумаги*.

Дѣло замѣтно подвигалось. Разрозненные кусочки живо складывались только *на глазъ*, сведенные листы рукописей отодвигались, а П. Я. Данковъ ихъ провѣрялъ. Дѣло было благополучно кончено, и листы были сведены.

Началась вторая часть работы. Для человѣка опытнаго она не такъ трудна, какъ кропотлива, и беретъ много времени и терпѣнія. Однако, П. Я. Данковъ перешелъ и эту стадію: незамѣтно склеилъ кусочки, какъ это можно замѣтить на факсимиле «Пропавшей грамоты», приложенномъ къ настоящей книгѣ въ «Историческаго Вѣстника», свелъ контекстъ по содержанію и получилъ новыя рукописи Гоголя въ нѣсколькихъ переплетенныхъ томахъ.

Профессоръ Тихонравовъ, конечно, не зналъ о существованіи этихъ рукописей.

Рукописи, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, мы будемъ печатать хронологически, при чемъ для двухъ только вещей—повѣсти «Пропавшая грамота» и «Письма» къ сестрамъ, мы устанавливаемъ приблизительныя даты, по нѣкоторымъ историко-биографическимъ даннымъ. Рукописи будутъ идти такъ: а) повѣсть «Пропавшая грамота» (къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія), рукопись которой до этого времени никому не была известна; б) «О среднихъ вѣкахъ», статья помѣщена въ первой части «Арабесокъ», 1834 г. (X изд., т. V, стр. 118—129); в) не напечатанное нигдѣ «Письмо» Н. В. Гоголя къ сестрамъ въ Екатерининскій институтъ, 1837 г.; д) «Письмо» къ М. П. Погодину, 30 марта 1837 года; е) отрывъ объ альманахѣ «Утренняя Заря» 1842 года, въ двухъ неизвѣстныхъ еще редакціяхъ. Наконецъ, отдѣльныя отрывки.

Изъ этихъ рукописей, въ приложеніи къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», воспроизводятся въ точныхъ факсимиле: 1) Письмо Гоголя къ сестрамъ; 2 и 3) первая и вторая редакціи отрыва объ альманахѣ «Утренняя Заря»; 4) письмо къ Погодину и 5) повѣсть «Пропавшая грамота».

Обозрѣвая наши рукописи Н. В. Гоголя даютъ намъ право думать, что онѣ имѣютъ громадное не только литературное, но и общественное значеніе въ виду великости самого имени Гоголя, въ виду громадности его духовной физиономіи и въ виду его значенія въ русской жизни.

Любезность Н. Я. Данкова, обладателя этихъ рукописей, даннаго намъ счастливишій случай познакомиться съ ними и изучить ихъ, велика и будетъ, вѣроятно, оценена въ русской литературѣ и русскимъ обществомъ. Мы счастливы, что намъ пришлось работать надъ подлинными рукописями Гоголя. Въ этой работѣ есть свои хорошія и свои нехорошія стороны. Къ нехорошимъ мы смѣло относимъ, напримѣръ, сведеніе вариантовъ. Это, въ сущности, кропотливый и утомительный трудъ, имѣющій исключительно академическій интересъ. Онъ отнимаетъ много времени, не даетъ ничего ни душѣ, ни сердцу, ни уму. Онъ не можетъ быть ничѣмъ удовлетворенъ, но зато онъ же даетъ величайшее наслажденіе, когда вы вспоминаете, что рукописи, по которымъ приходится сводить варианты, принадлежатъ Гоголю, великому Гоголю, вашему доброму, душевному другу—Гоголю, спутнику вашему отъ раннихъ школьныхъ лѣтъ до гробовой доски, порой насмѣшливому, порой веселому, порой мудрому и проникновенному, но чаще всего мечтательному и вѣчно юному, какъ природа.

Кон. Михайловъ.

I.

«Пропавшая Грамота».

Повѣсть «Пропавшая грамота» — одна изъ четырехъ первой части извѣстныхъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», напечатана въ ряду прочихъ четвертой, т. е. послѣдней, въ первомъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Рукопись ея никому не была извѣстна, и годъ ея появленія въ свѣтъ также покрытъ мракомъ неизвѣстности.

Вотъ что говоритъ профессоръ И. С. Тихомировъ, редактировавшій превосходное десятое изданіе «Сочиненій» Гоголя, по поводу этой повѣсти, въ примѣчаніяхъ, на стр. 539:

«Намъ неизвѣстенъ рукописный текстъ этой повѣсти, напечатанной въ первый разъ въ первой части «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» (въ 1831 году) и въ послѣдующихъ изданіяхъ «Сочиненій Гоголя» не подвергавшейся редакціоннымъ измѣненіямъ».

Затѣмъ приведены самыя незначительныя варианты.

Рукопись была, видимо, разорвана Гоголемъ во время описаннаго нами выше припадка черной меланхоліи, а П. М. Данковъ ее склеилъ и, такимъ образомъ, возвратилъ ее русскому образованному обществу. Въ виду этого, рукопись «Пропавшей грамоты» представляетъ чрезвычайный интересъ въ литературномъ отношеніи. Мы ее приведемъ цѣликомъ, какъ бы напомнимъ ее заново русскому обществу, а любители отечественной литературы, надо думать, обрадуются этой находкѣ такъ же, какъ обрадовались ей мы.

«Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» это — апофеозъ малороссійскаго быта. Жвленія этого быта и картины природы Малороссіи преломились въ творческой фантазіи поэта и получили кристаллическую форму совершеннаго созданія. Кулишъ въ своемъ извѣстномъ изданіи сочиненій Гоголя сѣтуетъ на Гоголя за то, что онъ плохо знаетъ и описалъ малороссійскую природу и бытъ, нѣсколько удалившись отъ дѣйствительности. Вѣрно ли это? Поэтъ, писатель, особенно такой, какъ Гоголь, описываетъ или схватываетъ въ явленіи только типическое, только его суть, только его корень, а аксессуары, въ которые окутываются явленія быта и картины природы, исходятъ изъ творческой фантазіи поэта, создаются ею. Онъ не долженъ слѣдовать мелочнымъ указаніямъ дѣйствительности, не имѣющимъ значенія въ творческомъ опредѣленіи типа.

Время написанія «Пропавшей грамоты» опредѣлить очень трудно. Можно сказать, что она написана въ промежутокъ времени отъ

начала октября 1829 года до первых мѣсяцевъ 1831 года. Эти соображенія подтверждаются слѣдующими соображеніями. По своему прѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь сталъ просить свою мать о присылкѣ ему описанія малороссійскихъ обычаевъ. Онъ говоритъ:

«Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы много знаете обычаевъ и нравовъ малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно» ¹⁾.

Письмо писано въ апрѣлѣ 1829 года.

Далѣе:

«Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно» ²⁾.

Въ письмѣ къ матери отъ 22-го мая онъ пишетъ:

«Между прочимъ я прошу васъ, почтеннѣйшая маменька, узнать *теперь* о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: у *Пашкиля*, какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ, что за игра *Пашокъ*, семь листовъ? изъ хороводныхъ: *въ зреника*, *въ журавля*. Если знаете другія какія, то не премините. У насъ есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя повѣсти, рассказываемыя простоялюдцами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость, удружите мнѣ которою нибудь изъ нихъ» ³⁾.

Слово «*теперь*» означаетъ, что ранѣе просимыя справки онъ получилъ. Получилъ ли онъ новыя справки въ скоромъ времени и когда именно, неизвѣстно. Августъ и весь сентябрь 1829 года онъ провелъ за границей. Возвратившись, сталъ искать себѣ мѣста.

Въ 1830 году онъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свинына разсказъ «Ночь на Ивана Купала», искромсанный заботливою рукой канувшаго въ Лету редактора.

Въ концѣ года, 19-го декабря, онъ пишетъ матери:

«... я, посвятившій себя всего пользѣ, обрабатывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пушусь писать подобныя глупости!» ⁴⁾. Дѣло идетъ о подозрѣніи матери Гоголя въ томъ, что ея сынъ написалъ комедію «Свѣтскій балъ», принадлежавшую Павлу Свиныну.

Во всякомъ случаѣ, это заявленіе характерно въ томъ отношеніи, что Гоголь усердно надъ чѣмъ-то работалъ. Естественно думать, что работалъ онъ надъ своими «Вечерами», именно надъ первой ихъ частью, куда послѣдней вошла и «Пропавшая грамота».

¹⁾ «Письма» Гоголя, т. I, стр. 119. ²⁾ Ibid., стр. 120. ³⁾ «Письма», т. I, стр. 122—128. ⁴⁾ Ibid., стр. 167.

Такъ какъ ему, кромѣ игры въ *дурня*, никакихъ другихъ не сообщили, то онъ ее и вставилъ въ эту повѣсть.

Черезъ четыре мѣсяца, въ маѣ 1831 года, въ письмѣ къ А. С. Данилевскому онъ говоритъ:

«Моя книга («Вечера») врядъ ли выйдетъ лѣтомъ: наборщикъ пьетъ запоемъ» ¹⁾.

21-го августа того же года онъ писалъ Пушкину въ Павловскъ:

«Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завиды меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что *«штурки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, очень до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву»*. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни» ²⁾.

Но уже 10-го сентября онъ писалъ В. А. Жуковскому:

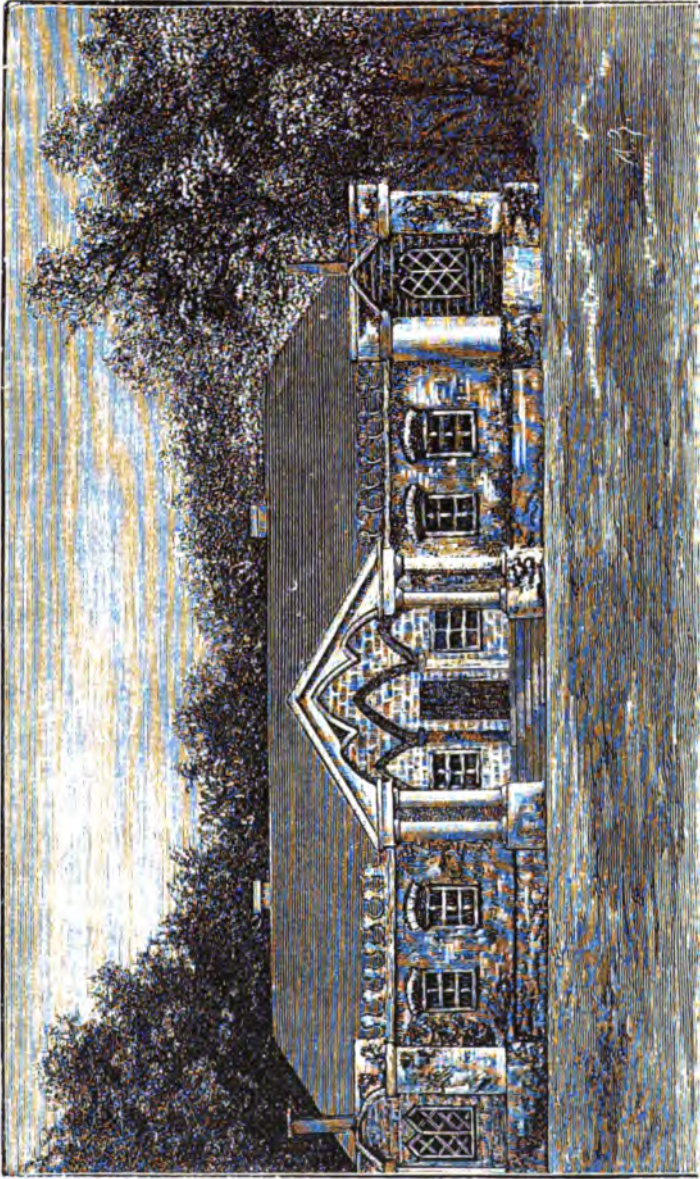
«Насилу я могъ управиться съ своею книгою и теперь только экземпляры для отправленія вамъ» ³⁾.

Если книга была въ августѣ въ наборѣ, то она была въ типографіи не съ августа, а, должно быть, немного раньше, можетъ быть, съ конца апрѣля или начала мая, какъ это видно изъ письма къ Данилевскому.

Сведя все это, можно опредѣленно утверждать, что повѣсть написана почти въ годовой промежутокъ времени, отъ конца 1829 года (съ октября—ноября) до начала (января—февраля) 1831 года.

Мы здѣсь представимъ ее *первые* по рукописному списку, въ параллель съ напечатаннымъ текстомъ тихонравовскаго изданія «Сочиненій» Гоголя, такъ какъ во многихъ мѣстахъ много существенной разницы, воспользуемся немногочисленными вариантами X изданія и прибавимъ къ нимъ, въ видѣ вариантовъ, зачеркнутыя и надписанныя выраженія самого Гоголя. Для удобства, различенія въ текстахъ мы отмѣтимъ *жирнымъ* шрифтомъ. При этомъ мы цѣликомъ сохраняемъ орфографію, транскрипцію и грамматическіе обороты Гоголя. Они любопытны.

¹⁾ Ib., стр. 179. ²⁾ Ib., стр. 185, XXXII. ³⁾ Ib., стр. 188, XXXIII.

Старый деревенский домъ въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губ., впоследствии сломанный, въ которомъ Гоголь провелъ дѣтскіе годы.

Д. В. ПЕЧЕН. Изъ альб. 1902 г. слѣб.

Рукопись.

Такъ вы хотите чтобы я вамъ еще рассказалъ про Дѣда. Почему не потѣшить **веселой** прибауткой. **Вы люди бывалые** васъ **ненапугаешь** чудными дивами ¹⁾ **которыхъ какъ-то въ разумную старину не въ сто мѣръ было больше** вѣдь **точно нивѣсть** какая радость падеть на сердце **какъ** услышишь про то, что **далеко далеко** и года и мѣсяца нѣтъ дѣялось на свѣтѣ. А какъ еще вшутается **и родня** и дѣдъ или прадѣдъ такъ **вотъ врагъ меня возьми** если не чудится что вотъ вотъ самъ все то дѣлаешь... будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу или **прадѣдъ самъ** шалить въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши ²⁾ дѣвчата и молодницы. Покажись только на глаза имъ «**Хома Григорьевичъ, Хома Григорьевичъ а нуте нуте... яку** ³⁾ нибудь **стратовинну казочку а нуте нуте...**» тарата татата и пойдутъ и пойдутъ. Не жаль вѣтъ **рассказать** ⁴⁾ вѣдь я знаю **то** что каждая въ постелѣ дрожитъ подъ одѣяломъ **такъ**, какъ будто ее **трясетъ** лихорадка и рада бы **совсѣмъ залѣзть** въ тулупъ свой. Царапни горникомъ крыса сама какъ нибудь задѣвъ **кочергою** и Боже **мой** душа въ пяткахъ. А

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: дѣявшимися.

²⁾ Зачеркнуто: молодница.

³⁾ Выше зачеркнуто: какую.

⁴⁾ Далѣе въ скобкахъ: да вѣдь знаешь, что каждая какъ придетъ,—последнія два слова зачеркнуты.

Текстъ X изданія соч. Гоголя.

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще рассказалъ про дѣда?—**Пожалуй**, почему же не потѣшить прибауткой? **Эхъ, старина, старина!** Что за радость, что за разгулье падеть на сердце, когда услышишь про то, что **давно-давно**, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще вшутается **какой нибудь родичъ**, дѣдъ или прадѣдъ,—ну, **тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ**, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или **прадѣдовская душа** шалить въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчата и молодницы; покажись только на глаза имъ: **Хома Григорьевичъ! Хома Григорьевичъ! а нуте, яку-нибудь страховинну казочку! а нуте, нуте!**» тарата-тата, та-та-та, и пойдутъ, и пойдутъ... Рассказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожитъ подъ одѣяломъ, какъ будто **бьетъ** ее лихорадка, и рада бы **съ головою влѣзть** въ тулупъ свой. Царапни горникомъ крыса, сама какъ нибудь задѣвъ **ногою кочергу**, - и Боже **упаси!** и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: **расскажи ей страшную сказку да и только. Что-жъ бы такое** **рассказать** вамъ? **Вдругъ не взбредетъ на умъ...** Да, раз-

на ¹⁾ другой день ничего не бывало навязывается сызнова раскази страшную какую нибудь сказочку знаете ли однакоже что я вамъ расказу теперь? Я вамъ расказу какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ въ Дурня. **Постойте же чуръ только не сбивать.** Покойный дѣдъ былъ не изъ простыхъ въ тѣ годы козаковъ. Зналъ онъ твердо—онъ-то и слово—титлу поставить, а сами знаете, что если бы тогда собрать со всего **Ватурина края** то нечего и шапки **поддерживать** въ одну горсть ²⁾ всѣхъ **завернуть** можно было. (Стало быть и дивиться **не нужно** если всякой встрѣчный кланялся ему **мало мало** ³⁾ не въ поясъ. **Вотъ** задумалось разъ **самому** Вельможному гетьману послать за чемъ ⁴⁾-то къ Царицѣ грамоту ⁵⁾).

Тогдашній полковный писарь вотъ нелегкая его возьми и прозвище не вспомню Вискрякъ не Вискрякъ Матузочка не Матузочка Влопецекъ не Влопецекъ знаю только что какъ то **чудно называется** и мудреное прозвище позоваль къ себѣ дѣда и сказаль что **такъ и такъ** наряжаетъ его панъ Гетьманъ гонцомъ съ грамоткою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться. Грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня чмокнулъ жену и двухъ

скажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ въ дурня ¹⁾. **Только** заранѣ прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку, а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. Покойный дѣдъ, **надобно** вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время козаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то, и словотитлу поставить. **Въ праздникъ** **отхватаетъ** апостола, **бывало, такъ,** что теперь и **поповичъ** иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего **Ватурина** грамотеевъ, то нечего и шапки **подставлять,** въ одну горсть **можно было всѣхъ уложить.** (Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

Одинъ разъ, задумалось вельможному гетьману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь, — вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Матузочка не Матузочка, Голопуцекъ не Голопуцекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище, — позоваль къ себѣ дѣда и сказаль ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетьманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называль, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной **отецъ** хоть бы и нашего брата, и под-

¹⁾ Зачеркнуто: слѣдующій.

²⁾ Зачеркнуто: все забрать было.

³⁾ Зачеркнуто: почти что.

⁴⁾ Чемъ-то нужно гдѣ-то.

⁵⁾ У Гоголя вездѣ не грамота, какъ въ изданіи проф. Тихонравова, а грамотка.

¹⁾ То-есть въ дурачки.

своихъ какъ самъ онъ называлъ поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной **батько** хоть бы и нашего брата и поднялъ такую за собою пылъ какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посерединѣ улицы играть въ кашу. На другой день еще иѣтухъ не **дралъ** въ четвертый разъ **горла** Дѣдъ былъ уже въ Конотопѣ. На ту пору была тогда ярмарка. Народу **всякаго по улицамъ столько** ¹⁾ что глаза **мерещило только знаете** такъ какъ было еще рано то все еще дремало **растянувшись** по землѣ возлѣ коровы лежалъ парубокъ съ покраснѣвшимъ какъ снигирь носомъ съ **недоспанной рожей** **возлѣ этакаго храпка** шла перекупка кремнями синькою и бубликами подѣ телегою ²⁾ цыганъ **на бочкѣ съ дегтемъ** чумакъ на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ москаль съ поясами рукавицами ну **много много всего** какъ водится **на ярмаркахъ**. Дѣдъ приостановился чтобы **все** разглядѣть хорошенько между тѣмъ въ яткахъ начало шевелиться жидовки **начали** побрякивать фляжками. Дымъ **покатился** то сямъ то тамъ кольцами и горячими ³⁾ по всему табору **понесло** горячими сластенами. Дѣду ⁴⁾ **вспало на умъ** что у него иѣтъ ни огнива ни табаку наготовѣ вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ **только глянь навстрѣчу гуляка**

1) Зачеркнуто внизу: такого.

2) Нужно: телѣга.

3) Далѣе зачеркнуто: сластенами по: слово: горячими, излишне.

4) Далѣе зачеркнута фраза: Дѣдъ мой вадумалъ что ему нужно запастись.

нялъ такую за собою пылъ, какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы играть въ кашу. На другой день, еще иѣтухъ не **кричалъ** въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что **въ глазахъ рябило**. Но такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ **гуляка** парубокъ, съ покраснѣвшимъ, какъ снигирь, носомъ; подалѣ **храпѣла**, сидя, перекупка съ кремнями, синькою, **дробью** и бубликами; подѣ телѣгою лежалъ **цыганъ**; **на возу съ рыбой**—чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ приостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между тѣмъ въ яткахъ начало **мало-по-малу** шевелиться: жидовки **стали** побрякивать фляжками; дымъ **покатило** то тамъ, то сямъ кольцами, и **запахъ** горячихъ сластенъ понесся по всему табору. Дѣду **вспало на умъ**, что у него иѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. **Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ** — навстрѣчу запорожецъ. Гуляка, и по лицу видно! Красные, какъ жаръ, шаровары, синій **жупанъ**, **яркій двѣтной поясъ**, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самымъ пяты—запорожецъ да и только! Эхъ, народецъ! **станетъ**, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, **брякнетъ**

запорожець и по лицу видно **въ красныхъ** какъ жаръ шароварахъ **въ синемъ** жупанѣ **въ яркомъ** цвѣтномъ поясѣ при боку сабли и люлька съ мѣдной цѣпочкой по самымъ пяты запорожець да и только! Охъ народецъ. Станетъ вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами и пустится... да вѣдь какъ пустится: ноги **отвертываютъ** словно веретено въ бабьихъ рукахъ ¹⁾, **какъ** вихорь дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры и тутъ же подпершись ею въ боки **валетъ** въ присядку, **свиснетъ** пѣсню... душа гуляетъ. **Нѣ-то** ²⁾ **времячко**—не быть запорожцамъ **въ наши дни** ³⁾.

Ну **встрѣтились** долго-ли до знакомства поили калякать такъ что дѣдъ совсѣмъ было уже забылъ про путь свой попойка завелась такая какъ **въ великомъ посту** или на свадьбѣ, только прискучило наконецъ колотить горшки и кидать въ народъ деньги да и **ярмарка - то невѣкъ стоитъ** вотъ и стоворились чтобы **уже какъ говорятъ** путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ

подковами—и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги **отплясываютъ**, словно веретено въ бабьихъ рукахъ: **что** вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и тутъ же, подпершись ею въ боки, **несется** въ присядку: **залететъ** пѣсней—душа гуляетъ!.. **Нѣтъ**, прошло времячко: не увидать больше запорожцевъ! Да. Такъ **встрѣтились**. **Слово за слово**—долго ли до знакомства? Пошли калякать, **калякать**, такъ что дѣдъ совсѣмъ уже было позабылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ Великимъ. Только, **видно**, наконецъ прискучило бить горшки и пивырать въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ стоворились **новые пріятели**, чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали **они** въ поле. Солнце убралось **на отдыхъ**; **когда** горѣли **вмѣсто** него **красноватыя** полосы; по полю нестрѣли нивы, что **праздничныя** плахты **чернобровыхъ** молодежи. Нашего запорожца раздобаръ **взялъ страшный**. Дѣдъ и еще другой, **прилетѣвшійся** къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли застѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ **нѣсколько** разъ хватался за бока и чуть не надсадить своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось **тѣмъ** далѣе, **тѣмъ** сумрачнѣе, а **вмѣстѣ** съ **тѣмъ** становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ, **разсказчикъ** нашъ притихъ совсѣмъ и вздра-

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: жилистыми руками разомъ.

²⁾ Слѣдуетъ: не то.

³⁾ Далѣе зачеркнуть длинный періодъ и нѣсколько передѣланный идетъ дальше:

Слово за слово и завелась межъ ними дружба гуляка и попойка съ утра и до вечера такъ что дѣдъ уже и позабылъ было совсѣмъ (про то что нужно ѣхать) про свой путь. Только наконецъ наскучило (дѣду) бить горшки и кидать въ народъ деньги **къ тому же** и ярмарка не вѣкъ простоятъ (продолжится) вотъ и отправились уже вмѣстѣ.

вечеръ когда выѣхали ¹⁾ въ поле ²⁾. **Солице какъ старый ³⁾ погонщикъ заалѣло ⁴⁾ по небу гдѣ гдѣ прохватывались красныя и оранжевыя ленты** по полю нестрѣли швы какъ **плахта праздничная чернобривой** молодницы **Нашево** запорожца **раздоборъ такой ⁵⁾ взялъ что дѣди еще другой приплеснувшись къ нимъ гуляка подумали что одна ⁶⁾ нечистая сила могла прикрутить молодецкій языкъ.** Откуда что понабиралось исторіи прісказки такіе ⁷⁾ диконинныя что дѣдъ **разъ десять** хватался за бока и чуть не **порвалъ ⁸⁾ живота со смѣху по въ полѣ становилось чемъ ⁹⁾ дальше сумрачнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая моль **такъ что наконецъ расказчикъ ¹⁰⁾ нашъ ¹¹⁾ совсѣмъ притихъ** и вздрагивалъ при **маломъ ¹²⁾ шорохѣ** «Гѣ-Гѣ землякъ да ты не на шутку ¹³⁾ принялся щатать совѣ уже думаешь какъ бы домоѣ да на пѣчь ¹⁴⁾. «Да хорошо вамъ веселиться отвѣчалъ онъ поворотившись на конѣ и оставившись на дѣда. Передъ вами таиться нѣчего ¹⁵⁾. Знаете-ли что душа моя давно продана нечи-**

гиваль при малѣйшемъ шорохѣ.

«Гѣ, ге, землякъ! да ты не на шутку принялся считать совѣ. Ужъ думаешь, какъ бы домоѣ, да на печь!»

«Передъ вами нечего таить-ся», **сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои.** «Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?»

«Окая невидальщина! Кто на вѣку своимъ не знался съ нечистымъ? Тутъ-то и пужно гулять, какъ говорится, на прахъ».

«Ужъ, хлопцы! гуляль бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!» **сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ: «эй, не выдайте! не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!»**

Почему-жъ не пособить человеку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ **напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ допустить чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.**

Козаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядомъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вкравши очи во мракъ. Огонекъ, **казалось, несся на встрѣчу, и передъ козаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры**

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: загородъ. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: по небу краснѣло послѣ. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: насѣчникъ. ⁴⁾ Далѣе нельзя разобрать слова. ⁵⁾ Повторено это слово. ⁶⁾ Выше зачеркнуто: только развѣ сама. ⁷⁾ Пужно: такіе диконинныя. ⁸⁾ Наверху написано: разорвалъ. ⁹⁾ Пужно: чѣмъ. ¹⁰⁾ Пужно: запорожецъ. ¹¹⁾ Далѣе зачеркнуто: уже. ¹²⁾ Зачеркнуто внизу: каждомъ. ¹³⁾ Зачеркнуто: дальше прикусилъ. ¹⁴⁾ Должно: печь, а впереди надо: считать вмѣсто считать. ¹⁵⁾ Должно: нечего.

стому ¹⁾. «**Вотъ чего** окая невидальщина кто не знался на вѣку своимъ съ нечистымъ тутъ-то и нужно гулять какъ говорится на прахъ. «Эхъ братцы гулялъ бы и я да въ ночь эту срокъ молодцу ²⁾... Эй братцы эй не спите одной ночи вѣкъ не запомню вашей дружбы. Почему же не пособить человѣку въ такомъ горѣ. Дѣдъ безъ дальнихъ околличностей объявилъ что онъ готовъ свою душу отправить въ пекло если допустить чорта понюхать собачьимъ его рыломъ христіанской души.

Козаки ³⁾ наши фхали бы можетъ быть и далѣе если бы не обволокло всего неба ночью словно чернымъ рядомъ и въ полѣ не стало также темно какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ и кони чуя близкое стойло ⁴⁾ торопились ⁵⁾ на сторожа уши и вклавши очи въ мракъ. Огонекъ близился и ⁶⁾ передъ нашими козаками показался шиннокъ повалившійся на одну сторону ⁷⁾ словно баба на пути (воротившаяся) съ веселыхъ крестинъ домой. Въ тѣ поры шинки не то были что теперь доброму человѣку ⁸⁾ не только ⁹⁾ развернуться приударить горлицы или тропака и прилечь и то даже было некуда когда въ

шинки были не то, что теперь. Доброму человѣку не только развернуться, приударить горлицы или тропака, — прилечь даже негдѣ было, когда въ голову заберется хмель, и ноги начнутъ писать покой-онъ-по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами: подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинкаръ одинъ, передъ каганцемъ, нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько кварталъ и осьмухъ высушили чумацкія головы. Дѣдъ, спросивши треть ведра на тронхъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ онъ повернуться, какъ видитъ, что его земляки спать уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставнаго къ нимъ третьяго козака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сърое выказываетъ роги... Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ или промывать оставшеюся водкой... По какъ скоро немного прояснились они, все пропадало. Наконецъ, мало погода, опять показывается изъ-подъ воза чу-

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ же вы хотите чтобы веселиться. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: Слушайте. ³⁾ Впереди зачеркнуто: Пути. ⁴⁾ Зачеркнуто: подымало. ⁵⁾ Зачеркнуто: и бодрѣй. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: на глазахъ нашихъ. ⁷⁾ Зачеркнуто: на бокъ. ⁸⁾ Поворотиться было и куда. ⁹⁾ Зачеркнуто: не гдѣ было.

голову заберется хмѣль ¹⁾ и ноги начнутъ писать покой - онъ - по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами подѣ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ иной свернувшись, какъ сеть другой **растянувшись** ²⁾ храпѣли какъ коты **только шинкаръ** одинъ нарѣзывалъ на палочкѣхъ передъ каганцемъ рубцами число **выпороженныхныхъ** ³⁾ кварталъ и осьмухъ. Дѣдъ жой спросивши треть ведра на тронхъ отправился самъ подѣ сарай все трое легли рядомъ только **дѣдъ** неусиѣлъ повернуться какъ видить что его земля(ки) ⁴⁾ снятъ уже мертвецкииъ сномъ. **росбудивши** ⁵⁾ приставшаго къ нимъ третьяго козака. Дѣдъ напомнилъ ему данное товарищу обѣщаніе тотъ привсталъ протеръ глаза и снова заснулъ. Нечего дѣлать пришлось одному караулить чтобы чемъ ⁶⁾ иибудь **занять себя** обсмотрѣлъ онъ возы все, **навѣдался** до коней закурилъ люльку пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ ⁷⁾ все было тихо такъ что какисъ ни одна муха не пролетѣла вотъ и ⁸⁾ чудится ему что изъ засосѣднѣго воза что-то сѣрое ⁹⁾ показываетъ роги тутъ и глаза его начали ¹⁰⁾ смыкаться такъ что принужденъ

¹⁾ Должно: хмель. ²⁾ Наверху надписано: развернувшись, и далѣе зачеркнуто: подальѣ такую музыку начали. ³⁾ Надписано: сколько шанпан. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: уже. ⁵⁾ Нужно: разбудивши. ⁶⁾ Надо: чѣмъ. ⁷⁾ Зачеркнуто: только глаголю и д. начали. ⁸⁾ Внизу зачеркнуто и поставлено наверху и: дѣду нашему. ⁹⁾ Внизу зачеркнуто: черное. ¹⁰⁾ Далѣе зачеркнуто: такъ сѣвлять.

дище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; **руки его окостенѣли**, голова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и какъ припекло порядочно уже солнце его **выбритую** макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что воровъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ—козакъ спать, а запорожца иѣтъ. Выспрашивать—никто знать не знаетъ: одна только верхняя свитка лежала **на томъ мѣстѣ**. **Страхъ и раздумье** взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней—ни своего, ни запорожскаго! Что-бъ это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила, **кто же** коней? **Сообразя все**, дѣдъ заключилъ, что, **вѣрно**, чортъ приходилъ иѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, тѣ и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. «Ну», думаетъ, «нечего дѣлать, пойду иѣшкомъ: **авось попадется на дорогѣ какой иибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки, какъ иибудь уже куплю коня**». Только хватился за шанку—и шанки иѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще **помѣнялись** они на время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетьманскій **гостинецъ!** Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! Тутъ дѣдъ

онъ былъ ежеминутно проти-
рать ¹⁾ кулакомъ и промывать
оставшеюся водкой ²⁾ **промы-
валъ глава онъ увидѣлъ что
ничего нѣтъ. Наконецъ опять ³⁾**
мало погоди показывается изъ
подъ воза чудище Дѣдъ вытира-
рацилъ сколько могъ глаза по
**дьявольская ⁴⁾ дремота обвѣва-
ла передъ ними все туманомъ**
голова скатилась и крѣпкіи сонъ
схватилъ его такъ что онъ пова-
лился словно убитый. Долго спалъ
Дѣдъ и какъ припекло порядоч-
но уже солнце его обритуго ма-
кушку тогда только схватился
на ноги потянувшись раза два
и почесавъ спину замѣтилъ онъ
что уже воровъ стояло не такъ
много какъ съ вечера чумаки
видно потянулись еще до свѣта.
Изъ двоиухъ козакъ спитъ, а за-
порожца нѣтъ выспрашивать—
никто **слыхомъ не слыхалъ** и
знать не зналъ **объ этомъ** одна
только верхняя свитка лежала
Пошелъ посмотреть на коней
**запорожцевого ни своего духа
не слышно нечего было ду-
мать ⁵⁾** чтобы это значило По-
ложимъ **что нечистый взялъ**
запорожца **но за что же**
коней. Дѣдъ заключилъ что
чортъ пѣшкомъ и такъ какъ
до цекла **неслишкомъ** близко то
утянулъ его коня ⁶⁾ больно ему
было крѣпко что недержалъ

¹⁾ Нужно: протирати. ²⁾ Далѣе за-
черкнуто: чуть только сдѣла. ³⁾ Подпи-
сано: Но наконецъ снова показывается.
⁴⁾ Внизу зачеркнуто: по руки его око-
стенѣли. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: Долго
думалъ и Дѣдъ думалъ все. ⁶⁾ Далѣе
зачеркнуто: ну ибъчего дѣлать.

принялся угощать чорта такими
прозвиздами, что, думаю, ему не
одинъ разъ чихалось тогда въ
пеклѣ. Но бранью мало посо-
бишь; а затылка сколько ни че-
саль дѣдъ, **никакъ не могъ ни-
чего придумать.** Что дѣлать? Ки-
нулся достать чужого ума! со-
бралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ
пинкѣ, добрыхъ людей, чума-
ковъ и просто заѣзжихъ, и раз-
сказалъ, что такъ и такъ, такое-
то приключилось горе. Чумаки
долго думали, **подперши бато-
гами подбородки свои,** крутили
головами и сказали, что не слы-
шали такого дива на крещеномъ
свѣтѣ, чтобы гетьманскую грамоту
утащилъ чортъ. Другіе же приба-
вили, что когда чортъ да москаль
украдутъ чтонибудь, то помни-
най какъ и звали. Одинъ толь-
ко шинкаръ сидѣлъ молча въ
углу. Дѣдъ и подступилъ къ
нему. Ужъ когда молчить чело-
вѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много
умомъ. Только шинкаръ не такъ-
то былъ щедръ на слова, и
если бы дѣдъ не полѣзъ въ
карманъ за питью злотыми, то
простоялъ бы передъ нимъ да-
ромъ.

«Я научу тебя, какъ найти
грамоту», сказалъ онъ, отводя
его въ сторону. У дѣда и на
сердцѣ отлегло. «Я вижу уже по
глазамъ, что ты козакъ—не ба-
ба. Смотри же! Близко шишка
будетъ поворотъ направо въ
лѣсъ. Только станеть въ по-
лѣ примеркати, чтобы ты былъ
уже готовъ. Въ лѣсу жи-
вуть цыганы и выходятъ изъ
норъ своихъ **ковать желѣзо въ
такую ночь,** въ какую одинъ

козацкаго слова ¹⁾ да **ѣхать-то какъ безъ коня**. Ну думать себѣ пойду пѣшкомъ по дорогѣ встрѣчу гдѣ-нибудь цыганъ идущихъ изъ ярмарки на дорогѣ куплю себѣ гдѣ-нибудь только хватился за шапку—пѣтъ и шапки всплеснулъ руками покойный дѣдъ какъ вспомнилъ что вчера еще обмѣнялись на время съ запорожцемъ шапками Кому больше утащить какъ не нечистому вотъ тебѣ и гетьманскій гонецъ! вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами и побранками, что думаю ему неодинокъ разъ чихалось тогда въ нектѣ. Но бранью не пособилъ а затылка сколько не чесалъ дѣдъ и некакъ не могъ придумать ничего, что станешь дѣлать кипулся достать чужого ума собралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ шиннѣ добрыхъ людей чумаковъ и просто забѣжныхъ и рассказать что такъ и такъ такое приключилось горе чумаки долго думали крутили головами ²⁾ брались за чубъ видали умъ накононецъ ³⁾ сказали что слышали такого дива накрещеномъ свѣтъ чтобы ⁴⁾ Гетьманскую Грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что ужъ ⁵⁾ когда чортъ да москаль украдутъ чтонибудь то помниай уже какъ звали.

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: ну ничего и ѣхать давно уже пора. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: по не. ³⁾ Выше зачеркнуто: только. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: укра грамоту къ царицѣ царскую. ⁵⁾ Должно: ужъ.

вѣдмы ѣздить на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда слышишь стукъ; а будетъ передъ тобою малая дорожка, мимо обожженного дерева: дорожкой этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу—ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не позабудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ». Сказавши это, шинкаръ ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человекъ —не то, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ козаковъ,—всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однакожъ, что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревь, и деревья, что охмелѣвшія козацкія головы, разгульно покачивались, шопоча листьями шляпную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный ту-

Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу ¹⁾ Дѣдъ ²⁾ и подступилъ къ нему ужъ когда молчигъ человекъ то вѣрно зашибъ много умомъ! Только шинкарь не такъ то былъ щедръ на слова и если бы Дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за нятью золотыми то молча и до вечера простоялъ бы передъ нимъ. «Я научу тебя какъ найти грамоту сказать онъ отводя дѣда въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. И вижу уже по глазамъ что ты козакъ — не баба. Смотри-же! близко шинка будетъ поворотъ на право, въ лѣсъ только станеть въ полѣ примеркать чтобъ ты былъ уже наготовѣ въ лѣсу живутъ цыгане и только ³⁾ выходятъ они изъ норъ своихъ **въ какую вѣдъмы ѣздятъ на своихъ коцерагахъ и куютъ желѣзо.** Чемъ ⁴⁾ они проманилиотъ на самомъ дѣлѣ знать тебѣ пѣчего ⁵⁾. Много будетъ стуку по лѣсу только ты не иди въ тѣ стороны откуда стукъ слышишь ⁶⁾ а будетъ передъ тобою малая дорожка мимо обожженнаго дерева дорожкой этой иди иди и иди станеть терновникъ тебя царапать густой орѣшникъ станеть мѣшать тебѣ ты все иди. И какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь ты кого тебѣ нужно ⁷⁾ не поза-

лупъ свой, и вдругъ словно сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ. И, будто зарницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево, и кусты терновника! Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ шинкарь. **Однакожь, не совсѣмъ** весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отъ роду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-помалу, выбрался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такіа широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно ворошенная сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, **посматривая** на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, **вотъ-вотъ** готовится погаснуть, и снова **отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ козачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ!** «Ну, тутъ одна только **чертовская таратайка развѣ пройдетъ**». Дѣдъ, **однакожь**, ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. **Теперь** только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такіа **смазливыя** рожи, что въ другое время, Богъ

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: и хоть бы слово на всѣ рассказы. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: тотчасъ и по думалъ. ³⁾ Внизу зачеркнуто: въ самую глубокую ночь. ⁴⁾ Надо: чѣмъ. ⁵⁾ Надо: пѣчего. ⁶⁾ Внизу зачеркнуто: слышенъ будетъ. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: только не позабудь только набрать.

будь ¹⁾ **накласть себѣ въ карманы того что позвонче брячало.** Сказавши это пиникарь ушелъ въ свою кануру **словно его въ шею погнало** и не хотѣлъ болѣе не говорить ни слова. Покойный Дѣдъ былъ **нелзя сказать** чтобы изъ трусливаго десятка... **Одинъ бывало иной разъ выходилъ на медведя ²⁾** а подчасъ и **пяти чловѣкъ умять ему было живѣе какъ нашему брату отпѣть воскресный кондакъ** но все жъ однако жъ почувствовалъ **непонятную дрожь по всѣмъ членамъ какъ вступалъ въ темную глухую ночь въ лѣсъ** Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо какъ въ виномъ подвалѣ. Только слышно было что далеко далеко **въверху ³⁾** надъ головою холодный вѣтеръ по верхушкамъ деревьевъ гулялъ и **они ⁴⁾** что **подгулявшіе ⁵⁾** козацкіе головы покачивались шолоха листвями нълную молвь какъ вотъ забѣяло такимъ холодомъ что вспомнилъ про овчинный тулупъ свой и вдругъ словно сто молотовъ застучали **такъ по всему по лѣсу ⁶⁾** такимъ стукомъ что **у дѣда зазвенѣло въ ушахъ и такъ какъ бы вамъ сказать зарницей освѣтило на минуту весь лѣсъ.** Дѣдъ увидѣлъ тотчасъ дорожку **словно змѣйка** пробирающуюся **промѣжъ ⁷⁾** мѣл-

знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь, нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: «Помогай Богъ вамъ, добрые люди!» Хоть бы одинъ кивнулъ головой: сидятъ да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незапяттымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. Смазливья рожи—ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынуть люльку, посмотрѣлъ вокругъ—ни одинъ не глядитъ на него. «Уже, добродѣйство, будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того»... (дѣдъ жигвалъ въ свѣтѣ немало, зналъ уже, какъ подпускать турусы, и при случаѣ, пожалуй, и передъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь) «чтобы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть, — люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, **чортъ-ма** (не имѣется)». И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню **пряме-хонько** дѣду въ лобъ, такъ что, если бы **онъ немного не посторонился**, то, статья-можетъ, распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя, наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшил-ся—будетъ ли слушать нечистое племя, или нѣтъ—разсказать дѣло. Рожи и уши наставили, и лапы протянули. Дѣдъ догадался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ,

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: взять съ собою.

²⁾ Надо: медвѣдя. ³⁾ Надо: вверху.

⁴⁾ Зачеркнуто внизу: деревья. ⁵⁾ Зачеркнуто внизу: опьянѣвшіе. Надо: под-

гулявшія козацкія. ⁶⁾ Надписано наверху и зачеркнуто: по всѣмъ угламъ.

⁷⁾ Надо: промежь.

кихъ ¹⁾ кустарниковъ воть и обожженное дерево и кусты терповника такъ, все такъ какъ было ему говорено Нѣтъ не обманулъ шинкаръ **Неслишкомъ** весело было однако же ему продираться черезъ колючія ²⁾ кусты еще **такихъ отродякъ** не видывалъ онъ чтобъ проклятые шиши и сучья такъ больно царапались Почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть ³⁾.... **И думаю самъ нечистый** ⁴⁾ поджавши хвостъ побѣжалъ бы какъ собачка когда увидѣлъ ⁵⁾ бѣ тогда дѣдову рожу. Мало по малу выбрался онъ на просторное мѣсто и сколько могъ онъ замѣтить деревья рѣдѣли и стаповились чѣмъ далѣе такіе широкіе ⁶⁾ какіихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. **Чудно ему показалось когда вмѣсто листьевъ стали виднѣться жидовскіе** ⁷⁾ ермолки и словно вороны чернѣли посередине ночи глядя предъ деревьями мелькнула и рѣчка словно вороненная сталь ⁸⁾ долго стояли Дѣдъ у берега поглядѣлъ на всѣ стороны **какъ воть замѣтилъ на другомъ берегу огонь который казалось каждую минуту** ⁹⁾ хотѣлъ погаснуть и вспыхивалъ снова показывая личину свою въ рѣчкѣ дрожавшей какъ польская шляхта въ ¹⁰⁾ московскихъ лапахъ.

¹⁾ Надо: мелкихъ. ²⁾ Надо: колючіе.
³⁾ Зачеркнуто внизу: заставляло его вскрикнуть. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: далъ бы тягу. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: если бы.
⁶⁾ Надо: такіа широкіа. ⁷⁾ Надо: жидовскіа. ⁸⁾ Далѣе зачеркнуто: призадумался Дѣдъ стоя у берега. ⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: дума, надписано: готовился.
¹⁰⁾ Далѣе зачеркнуто: татарскихъ.

словно собакамъ, имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ пере мѣнилось, земля задрожала и какъ уже,—онъ и самъ разсказать не умѣлъ,—попалъ чуть ли не въ самое пекло. «Ватюшки мои!» ахнулъ дѣдъ, размядѣвши хорошенько. Чтѣ за чудница! рожки на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдѣтъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество **выпадетъ** снѣгу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака. Шлыл подишли, Воже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго человѣка при **одномъ** видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, верты хвостами, увивались около вѣдѣмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ, амузыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ валторны. Только завидѣли дѣда — и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофинныя, лошадиныя рыла—всѣ повытигивались, и воть такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Копотона до **Ватурина**. «Ну, это еще не совѣмъ худо», подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свишину, колбасы, **крошенный** съ капустой **лукъ** и много всякихъ

Проедши далье по берегу уви-
дѣль онъ мостокъ на такой уз-
кой и дырявой что одна чертов-
ская таратайка могла по немъ
проѣхать.

Дѣдъ ступилъ смѣло и скорѣе
чѣмъ иной¹⁾ успѣлъ бы достать
рожокъ и попохачъ табаку былъ
уже на другомъ берегу. Тутъ
только разглядѣлъ дѣдъ что возлѣ
огни сидѣли люди и такіе кра-
сивые²⁾ рожки что³⁾ въ другое
время и богъ знаетъ чего не
дать бы лишь бы⁴⁾ улепотнуть
отъ такого знакомства Ну теперь
нечего дѣлать пужно было завя-
заться вотъ дѣдъ и отвѣсилъ
поклонъ мало не въ поясъ «По-
могай Богъ вамъ добрые люди!
Хоть бы одинъ кивнулъ головой
сидятъ да молчатъ да сыплютъ
что-то въ огонь види одно мѣсто
незанятымъ⁵⁾ дѣдъ безъ вели-
кихъ околичностей успѣлся⁶⁾ и
самъ Сперва почти ничего ниче-
го и Дѣдъ. Долго сидѣли молча
такъ что Дѣду уже и наскучи-
ло давай шарить⁷⁾ въ карманѣ
вынулъ⁸⁾ люльку наклалъ та-
баку посмотрѣлъ вокругъ ни
одинъ не глядитъ на него «Уже
добродѣйство будете ласковы какъ
бы такъ чтобы примѣрно сказать
того Дѣдъ живалъ въ свѣтѣ не
мало знаетъ ужо какъ подпускать
турусу и передъ царемъ неуда-
рить бы лицомъ въ грязь! что-

сладостей: «видно, дьявольская
сволочь не держитъ постовъ».
Дѣдъ-таки, не мѣшаетъ вамъ
знать, не упустилъ при случаѣ
перехватить того-сего на зубы.
Вдаль, покойникъ, аппетитно,
и потому, не пускаясь въ раз-
сказы, придвинулъ къ себѣ ми-
ску съ наръзанннмъ саломъ и
окорокъ ветчины, взялъ вилку,
мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ,
которыми мужикъ беретъ сѣно,
захватилъ ею самый уфенетный
кусокъ, подставилъ корку хлѣ-
ба—и, глядь, и отправилъ въ
чужой ротъ, вотъ-вотъ повлѣ са-
мыхъ ушей, и сляпнно даже, какъ
чья-то морда жуестъ и щелкаетъ
зубами на весь столъ. Дѣдъ ни-
чего; схватилъ другой кусокъ и
вотъ, кажись, и по губамъ зацѣ-
пилъ, только опять не въ свое
горло. Въ третій разъ— снова
мимо. Взбеленился дѣдъ: поза-
былъ и страхъ, и въ чьихъ ла-
пахъ находится онъ, прискочилъ
къ вѣдьмамъ: «Что вы, Продо-
во племя, задумали смѣяться, что
ли, надо мною? Если не отдадите
сей же часъ моей козацкой шап-
ки, то будь я католикъ, когда
не переверочу свинныхъ рылъ
вашихъ на затылокъ!» Не успѣлъ
онъ докончить послѣднихъ словъ,
какъ всѣ чудница выскалили зу-
бы и подняли такой смѣхъ, что
у дѣда на душѣ захолопуло.

«Ладно!» провизжала одна изъ
вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за
старшую надъ всѣми, потому ли-
чина у нея была чуть ли еще
не красивѣе всѣхъ: «шапку от-
дадимъ тебѣ, только не прежде,
пока сыграешь съ нами три раза
въ дурни!»

¹⁾ Снизу зачеркнуто: бы нашъ. ²⁾ На-
до: такіе красивые. ³⁾ Далье зачерк-
нуто: дѣдъ. ⁴⁾ Снизу зачеркнуто: чтобы
только, а впереди надо Богъ вмѣсто
богъ. ⁵⁾ Далье зачеркнуто: около огня.
⁶⁾ Внизу написано: съелъ. ⁷⁾ Внизу за-
черкнуто: полезъ въ карманъ. ⁸⁾ Надо:
вынулъ.

бы **какъ говорятъ** и себя не забьтъ да и васъ не обидѣтъ. Люлька то у меня **примѣрно** есть да того чемъ ¹⁾ бы ²⁾ зажечь ее *чортъ та*. И на эту рѣчь **ни одинъ не отозвался** только одна рожа сунула горячую головню Дѣду ³⁾ **чуть чуть** въ лобъ такъ что если бы **не вздумалъ дѣдъ немного посторониться** то статья можетъ **что** распроцался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя наконецъ что время даромъ проходитъ рѣшился, будетъ слушать или нѣтъ нечистое племя — рассказать дѣло Рожки и уши наставили и лапы вытянули. Дѣдъ догадался забрать въ горсть бывшіе ⁴⁾ съ нимъ деньги и кинулъ имъ словно собакамъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги все передъ нимъ пережѣмалось земля подъ нимъ задрожала и какъ уже онъ и самъ рассказать не умѣлъ только поналъ чуть ли не въ самое пекло Ватюшки мои Ахпучъ Дѣдъ размядѣвъ хорошенько. — Чтѣ за чудища ⁵⁾! Рожки на рождѣ какъ говорится не видно. Вѣдьмъ такая гибель какъ бываетъ ⁶⁾ на Рождествѣ иногда **выпадать** снѣгу розряжены розмазаны словно панночки на ярмаркѣ. Когда увидѣлъ какъ черти съ собачьими мордами на нѣмецкихъ ножкахъ увивались около нихъ словно парни возлѣ красныхъ дѣвокъ... И всѣ сколько не было ихъ тамъ **словно** хмельные отплясывали какого-то чер-

¹⁾ Надо: чѣмъ. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: запали; слово не окончено. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: прямехонько. ⁴⁾ Надо: бывшія. ⁵⁾ Надо: чудища. ⁶⁾ Надписано: случается; зачеркнуто: иногда.

Чтѣ прикажешь дѣлать? Козаку състь съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ сълѣ. Принесли карты, замасленные, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

«Слушай же!» залаяла вѣдьма въ другой разъ: «если хоть разъ выиграешь—твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта больше **не увидишь!**»

«Сдавай, сдавай, **хрычовка!** **Что будетъ, то будетъ!**»

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки—смотрѣть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. **Пришлось остаться дурнемъ!** Только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, и со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень, дурень, дурень!»

«Чтобъ вы перелопались, дявольское племя!» закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. «Ну», думаетъ, «вѣдьма подтасовала, теперь я самъ буду сдавать». Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ въ карты: масть хоть куда, козыри есть. И **сначала** дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма—пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри! Не думая, не гадая долго, хватъ королей всѣхъ по усамъ козырями!

«Ге, ге! да это не по-казацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?»

«Какъ—чѣмъ? Ковырями?»

товскаго тропака пыль подняли Боже упаси какую Дрожь проияла крещенаго ¹⁾ человекѣ при видѣ какъ высоко скакало бѣсовское племя а музыку колотили себѣ въ щеки кулаками словно въ бубны и свистали носами какъ въ волторны. Только завидѣли Дѣда и турнули къ нему ордою. (Свинные собачьи козлиные дрофинные лошадиные ²⁾ рыла всѣ повытягивались и вотъ таки лѣзуть цѣтоваться... Плюнулъ Дѣдъ такая мерзость папала! Наконецъ схватили и посадили Дѣда за столъ длиною можетъ съ дорогу отъ Копотопа до самого Нѣжина. Ну это не совѣмъ худо подумалъ дѣдъ занидѣвши на столѣ свинину колбасу крашеюную съ капустой **цыбулю** и много всякихъ сластей видно дьявольская сволочь не **любитъ сухарей грызть черствыхъ**. Дѣдъ таки **нужно** знать ³⁾ не упустилъ при случаѣ **хорошенько** ⁴⁾ **подѣзеть**.

Не **распускаясь на слова и роеказни** придвинулъ онъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины взялъ ⁵⁾ **вилку на которой можетъ быть черти жарили грѣшниковъ** захватилъ ею самый увѣснѣтый кусокъ подставилъ кусокъ хлѣба и ⁶⁾ глядѣ отпранилъ его въ чужой

¹⁾ Внизу зачеркнуто: всякаго когда бы увидалъ. Въ печатномъ контекстѣ переставлены фразы. ²⁾ Въ согласованіи вездѣ нужно я: лошадиныя, дрофинныя и т. д. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: любилъ поѣсть. ⁴⁾ Надъ строкой надписано и зачеркнуто: нѣтъ немного. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: ухватилъ. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: казись прямо отпранилъ его туда куда и нужно, только.

«Можетъ быть, по-вашему это и козыри, только по-нашему—нѣтъ!»

Глядѣ—въ самомъ дѣлѣ простая масть. **Что за дьявольщина!** Пришлось въ другой разъ быть дурнежъ, и чертаньё пошло снова драть горло: «дурень! дурень!» такъ что столъ дрожалъ, и карты прыгали по столу. Дѣдъ **разгорячился**: сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрывль и **набралъ** изъ колоды полную руку козырей.

«Козырь!» **вскричалъ онъ**, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрывла восьмеркою масти. «А чѣмъ ты, **старый дьяволъ**, бьешь?» Вѣдьма подняла карту; подъ нею была простая шестерка. «**Вишь, бѣсовское обморачиванье!**» сказалъ дѣдъ и съ **досады хватилъ кулакомъ, что силы, по столу**. Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту нору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды, **только мочи нѣтъ**; дрянъ такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, **уже такъ, не глядѣ**, простою шестеркою; вѣдьма приняла. «**Вотъ тебѣ на! это что? Э, э! вѣрно, что нибудь да не такъ!**» Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подѣ столъ и перекрестилъ; глядѣ—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ вмѣсто шестерки спустилъ кралю. «Ну, **дурень же я былъ!** Король козырей! **Что! приняла? А? кошечье отродье! А туза не хочешь?** Тузъ!

ротъ вотъ вотъ возлѣ самыхъ ушей и слышно даже что чья-то морда жуется и скрежещетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего схватилъ другой кусокъ и вотъ какъ жисъ и по зубамъ помазалъ только оштырь въ ¹⁾ не свой ротъ ²⁾ въ третій разъ снова ничего а отъ колбасъ какъ нарочно такой запахъ поднялся по всему столу какого дѣдъ какъ послѣ того самъ божилося не нюхалъ никогда на бѣломъ свѣтѣ. Дѣда схватило забелѣнился ³⁾ Дѣдъ такъ что позабылъ и страхъ весь и въ чьихъ лапахъ находится. Прискочилъ къ вѣдьмамъ «что вы продово племя задумали смѣяться что ли надо мною. Если вы не отдадите сейчасъ же козацкой шапки моей то будь я Собачій сынъ если не повертаю вѣмъ вамъ шен и не поворожу правильнѣй рожь вашихъ на затылокъ Не успѣлъ онъ кончить какъ вѣ хари ⁴⁾ выскылили зубы и подняли такой адскій смѣхъ что дѣда захолонуло на душѣ вотъ такъ точно если подольетъ воды въ молодые ⁵⁾ дрожжи или разожжетъ какъ огонь желѣзо и послѣ кинетъ въ воду. Адское шипѣніе поднялось по всему пеклу. «Ладно провизжала одна вѣдьма ⁶⁾ Дѣдъ почелъ за главную потому что сто харь были уже чуть ли не мерзѣ всѣхъ Шапку отдадимъ тебѣ только не прежде покажѣшь не сыгра-

валеть!»... Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и откуда ни возмисъ, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо. «Нѣтъ, этого мало!» закричалъ дѣдъ, прихрабвившись и надѣвъ шапку. «Если сейчасъ не станеть передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекренчу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!» и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости.

«Вотъ тебѣ конь твой!»

Заплакалъ бѣдняга, глядя на нихъ, что дѣтя неразумное. Жаль старата товарища! «Дайте же мнѣ какого нибудь коня, выберите изъ гнѣзда вашего!» Чортъ хлопнулъ арапникомъ — конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и, дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однакожь началъ на него посередѣ дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни повода, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожъ забирала при однихъ разказахъ. Глянулъ какъ-то себѣ подъ ноги и пуце перепугался: пропасть! крутивна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ ниц, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, какъ жисъ, и духъ вышибло. Но крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся не-

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: въ чужой ротъ.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: Досадно. ³⁾ Нужно: забеленная. ⁴⁾ Надписано: чудница.

⁵⁾ Нужно: молодая. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: глядя на которую можно.

ени съ нами три раза въ дурни». Что прикажешь дѣлать събыть казаку съ бабами въ дурни. Дѣдъ отпираться отпираться. А наконецъ събыть принесли карты **только такіе** замазанные ¹⁾ какими у насъ поповны гадаютъ про жениховъ своихъ. Слушай же залаяла вѣдьма въ другой разъ если хотя разъ выиграешь твоя шапка когда жъ все три раза останешься дурнемъ тогда не погнѣвайся не только не видѣть тебѣ ее да **можетъ стать** ся и свѣту больше сданавай сданавай **Старая вѣдьма послѣ ужъ увидимъ** вотъ и карты розданы взялъ дѣдъ въ свои руки смотрѣть не хочется такая дрянь хоть бы на смѣхъ козырь изъ масти самая старшая девятка царь даже нѣтъ, а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. **Что прикажешь дѣлать** остался дурнемъ только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ и со всехъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды дурени! дурени! Чтобъ вы перелопались дьявольское племя закричалъ дѣдъ затыкая пальцами себѣ уши Ну **же** вѣдьма подтасовала теперь и самъ буду здавать здасть ²⁾, засвѣтить козыря поглядѣть въ карты масть хоть куда козыри есть и дѣло шло **кажись** какъ ³⁾ нельзя лучше ⁴⁾ **карты въ колодѣ оставалось уже немного** только вѣдьма пятерикъ съ ко-

много и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ: передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзть долой. Какая чертовщина! **Что за пропастъ, какія съ чловѣкомъ чудеса дѣлаются!** Глядь на руки — все въ крови; посмотрѣлъ на стоявшую **торчмя** бочку съ водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату, смотритъ: дѣти пытаются къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говори: «Дивысь! дивысь маты, **мовъ** дурна, скачел!» ¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку **потихоньку**, разбудилъ ее: «Здравствуй, жена! здорова ли ты?». Та долго смотрѣла, выпучивши глаза, и, наконецъ, уже узнала дѣда и разсказата, какъ ей снилось, **что** печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки... **и**, чортъ знаетъ, что еще такое. «Ну», говоритъ дѣдъ, «тебѣ во снѣ, мнѣ наяву. Нужно, **вижу**, будетъ освятить **нашу** хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего». Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ **наглядѣлся** дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему на-

¹⁾ Надо: такіа замазанныя. Затѣмъ фразы: какими поповны и т. д., повторяется два раза. ²⁾ Надо: сдавать — сдать. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: нужно. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: только вѣдьма.

¹⁾ Смотри! смотри! маты, какъ сумасшедшая, скачелъ!

ролями у Дѣда на рукахъ одни козыри не думая не гадая долго хватъ королей по усамъ всѣхъ козырями. Ге! Ге! да это не по казацкому ¹⁾, а чемъ ²⁾ ты кроешъ землякъ ³⁾. Какъ чѣмъ? козырями. Можетъ по-вашему это и козыри только, по-нашему нѣтъ! Глядь въ самомъ дѣлѣ простая масть. Тфу дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ. И пошло чертанье драть горло Дурень! дурень! **такимъ крикомъ** что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ **началъ горячиться** здаль ⁴⁾ въ послѣдній опять идетъ ладно вѣдьма опять нятерикъ Дѣдъ покрывль и собралъ изъ колоды полную руку козырей «Козырь воскликнулъ ударивъ ⁵⁾ картою по столу такъ что ее ⁶⁾ свернуло коробомъ не говоря ни слова покрывла восьмеркою масти **а чемъ** ⁷⁾ **хрычовка** ⁸⁾ **черти бѣ позабирали всю твою родню бѣешь вѣдьма** поднила карту подъ ней была простая шестерка масти. **Что за дьяволъ? повторилъ Дѣдъ нѣсколько разъ плюнувши.** Къ счастью еще что у вѣдьмы **на ту пору** была ⁹⁾ плохая масть у дѣда случилась пары сталъ набирать **всѣ карты** изъ колоды **только опять нѣтъ дрянъ** такая лѣзетъ что дѣдъ

долго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты, такія **высокія**, что если бы хать десять поставитъ одну на другую, и **тогда, можетъ быть, не достало бы; какъ взглянулъ онъ** въ одну комнату—нѣтъ; въ другую— нѣтъ; въ третью—еще нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь—сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ саногачъ. и золотыя галушки ѣсть; какъ велѣла ему **насыпать** цѣлую шанку синицами; какъ... всего и вспомнить нельзя! Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случилось, что ктонибудь и **напоминалъ** объ этомъ, то **дѣдъ молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стого труда упросить его пересказать все, какъ было.** И, видно, уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, **дѣлалось** такое дивно, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затѣвуютъ свое, и вотъ такъ и дергаеть пуститься въ-присядку.

¹⁾ Надо: казаки. ²⁾ Надо: чѣмъ.
³⁾ Выше зачеркнуто: Можетъ по-вашему это и козыри только, по-нашему нѣтъ! ⁴⁾ Надо: здаль. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: кулакомъ. ⁶⁾ Выше зачеркнуто: карту. ⁷⁾ Надо: чѣмъ. ⁸⁾ Выше зачеркнуто: ты старая вѣдьма. ⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: дрянъ неважная, а впереди вѣсто слова—счастью, надо—счастью.

и руки опустил въ колодѣ ни одной карты пошелъ простою шестеркою вѣдьма приняла ¹⁾ **Чтобы это значило Э! Э! смекнулъ дѣдъ карты потихоньку подѣ столомъ и перекрестилъ ихъ глядѣ на рукахъ у него тузъ король и валетъ козырей и онъ впустилъ вмѣсто шестерки кралю ²⁾. Ну хорошо же: «король козырей! тузъ козырей! валетъ ³⁾...» Громъ пошелъ такой по пеклу на вѣдьму напали корчи и откуда и возмись. Бухъ шапку дѣду прамехонько въ лице ⁴⁾. Нѣтъ этого еще мало закричалъ прихрабившись и надѣвъ шапку Дѣдъ если нестанетъ передо мною сейчасъ же ⁵⁾ молодецкой конь мой то вотъ убей меня громъ на этомъ мѣстѣ, если и не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ. Тогда онъ «вотъ тебѣ конь твой» ⁶⁾ загремѣли передъ нимъ конскія кости заплакалъ дѣдъ при видѣ ⁷⁾ на нихъ, что дитя неразумное. Жаль стараго товарища. «Дайте жъ мнѣ какого-нибудь другого коня скорѣе выбратъся изъ вашего чертовскаго гнѣзда... Чортъ хлопнулъ арашикомъ конь какъ огонь взвился передъ нимъ дѣдъ, что птица понесся наверхъ.**

(Трахъ однако жъ напалъ на его ⁸⁾ посреди дороги когда конь не слушался его ни окрику ни поводней ⁹⁾ скакалъ черезъ

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: вотъ тебѣ на!

²⁾ Далѣе зачеркнуто: Ну еще хорошо.

³⁾ Надо: валетъ. ⁴⁾ Зачеркнуто внизу: рожу. ⁵⁾ Зачеркнуто внизу: здѣсь же.

⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: и товарища. ⁷⁾ Стилистическая неправильность: при взглядѣ на или при видѣ ихъ. ⁸⁾ Надо: него.

⁹⁾ Надо: поводовъ.

провалы и болота въ какихъ уже мѣстахъ онъ былъ такъ дрожь брала при однихъ рассказахъ. Кручи рытвины косогоры пропасти буераки волки ястрепа ¹⁾ цапли кажись все передъ нимъло куталось и дравнило его языками.

Деревья протягивали вѣтви и хватали его за шапку такъ что дѣдъ принужденъ былъ снять ее и держать въ рукахъ, ухватясь другою за гриву, а проклятые ²⁾ вѣтви видно нарочно между тѣмъ шелкали его по носу и драли за чубъ, но досаднѣе всего показалось и дѣду, что смотрѣть дрянн какой кустикъ и тожь смотри вытягивается ухватить его за чубъ. Небо все еще чернѣло, что казацкіе ³⁾ брови, гдѣ-то мерещились звѣзды ⁴⁾. Повѣялъ вѣтерокъ Ну слава Вогу немного до разсвѣту Только дѣдъ примѣчаетъ конь его еще прихрамываетъ Глядь вмѣсто ушей торчатъ рога смекнулъ дѣдъ ни кто другою какъ самъ хромою черть подъ нимъ Ну, ну, думаетъ теперь онъ не быть добру только не успѣлъ онъ и шагнуть передъ нимъ провалъ такой, что голова закружилась. Сатанинское животное прямо черезъ него ⁵⁾ Дѣдъ держитъ его. Не тутъ-то было и черезъ пни и кочки полетѣлъ въ провалъ и такъ хватился о землю что кажись духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ

¹⁾ Вмѣсто: ястреба. ²⁾ Надо: проклятыя. ³⁾ Надо: казацкія. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: и вотъ. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: провалъ.

въ провалѣ ничего не помнилъ, и какъ очнулся немного и осмотрѣлся то уже почти совсѣмъ разсвѣло. Передъ нимъ мелькали знакомые ¹⁾ мѣста. Онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты. Перекрестился дѣдъ. Когда слѣзъ долой экая чертовщина! **Слава Богу есть по крайней мѣрѣ шапка** глядь на руки всѣ въ крови. Посмотрѣлъ въ стоявшую въ сторонкѣ бочку наполненную водой и лицо также обмывши хорошенько чтобы не напугать дѣтей входитъ онъ потихоньку въ хату смотреть дѣти пятятся задомъ къ нему и въ испугѣ указываютъ ему пальцами говоря: **Дивись Дивись мати якъ дурна скаче** и въ самомъ дѣлѣ баба сидитъ заснувши передъ гребнями держитъ въ рукахъ вертено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ взялъ за руку ²⁾ **полегоньку** сбудилъ ее «сдравствуи жена! ³⁾ здорова ли ты? та долго смотрѣла вынучивши глаза наконецъ уже узнала дѣда и рассказала какъ ей снилось **какъ** печь ѣздила по **всей хатѣ** выгоняя лопатою вонъ горшки лоханки **ушаты** чортъ знаетъ что такое. Ну, говоритъ дѣдъ тебѣ во снѣ мнѣ на яву нужно только **думаю** будетъ освятить **намъ** хату. Мнѣ же теперь мѣшкать нечего. Сказавши это и отдохнувши немного дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ ни ночью **покажѣсть** не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ

¹⁾ Надо: знакомыя.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: сбудилъ.

³⁾ Далѣе зачеркнуто: Что это.

грамоту самой царицѣ... Тамъ навидалъ онъ такихъ дивъ что сталъ надолго послѣ того розказывать какъ повели въ палаты въ палаты такія что если бъ хать десять поставитъ одну на другую и врядъ ли ¹⁾ будетъ, какъ вошелъ онъ въ одну комнату—нѣтъ, въ другую—нѣтъ, въ третью—нѣтъ въ четвертую уже ²⁾ даже заглянулъ—нѣтъ, а въ пятой уже глядь, сидитъ сама съ игристою короною въ сѣрой новехонькой свиткѣ въ красныхъ сапогахъ и золотыя галушки ѣсть. Какъ повелѣла царица дать ему цѣлую шапку ³⁾ синицами такъ ⁴⁾ всего вспомнить нельзя ⁵⁾. Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ. Только разъ какъ-то случилось былъ онъ навеселѣ гостей было вдоволь варенухи и того больше. Слово за словомъ дѣдъ и занемудря про грамоту какъ было она пропала и началъ уже было розказывать... Только глядь невзначай вверхъ на полку—горшки все ⁶⁾ надували щоки ⁷⁾ выпучили глаза и стали ему строить хари что дѣда морозъ подралъ по кожѣ и уже недопросились его розказать ⁸⁾. На другой же день дѣдъ все розка-

¹⁾ Внизу зачеркнуто: што развѣ мало.

²⁾ Далѣе зачеркнуто: нѣтъ. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: Ассигнаціи. ⁴⁾ Примѣчаніе самого Н. В. Гоголя: Синихъ Ассигнацій. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: Два мѣсяца послѣ того спустя. ⁶⁾ Слѣдуетъ: всѣ. ⁷⁾ Слѣдуетъ: щеки. ⁸⁾ Далѣе зачеркнуто: на другой день какъ розказалъ на другой все попу на исповѣди покаѣется не розказалъ всего попу на исповѣди и не освѣтилъ хату.

залъ попу на исповѣди и освятилъ всѣ уголки и закоулки хаты послѣ чего уже не боялся говорить ¹⁾ объ этомъ встрѣчному и поперечному хотя видно еще въ наказаніе за то что онъ не сдѣлалъ этого прежде ²⁾ они появились Бабѣ ровно черезъ ³⁾ годъ именно въ то самое время прилучилось такое диво, что танцуетъ да и только ⁴⁾ за что ни примется ноги затѣвуютъ свое и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

II.

О среднихъ вѣкахъ.

Лекція Гоголя «О среднихъ вѣкахъ» одной изъ первыхъ помѣщена въ «Арабескахъ» и напечатана въ X-мъ изданіи его сочиненій, на стр. 118—129.

Лекція эта, послѣ ея написанія Гоголемъ, была помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. III, сентябрь 1834 года, отдѣленіе II, стр. 409—427, подъ такимъ заглавіемъ: «О среднихъ вѣкахъ. Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ адъюнктъ-профессоромъ Н. Гоголемъ».

Профессоръ Тихонравовъ говоритъ, что «рукописный оригиналъ не былъ у насъ въ распоряженіи» (т. V, стр. 561). Мы же пользовались исключительно рукописнымъ оригиналомъ.

Мы знаемъ изъ біографіи Гоголя, что профессору въ Петербургскомъ университетѣ онъ получилъ въ 1834 году, исключительно благодаря протекціи ректора Плетнева, который и раньше принималъ въ его судьбѣ большое участіе, и благодаря Пушкину.

Мы не будемъ распространяться о, такъ сказать, корректурной сторонѣ лекціи. Она вышлѣ и довольно подробно приведена профессоромъ Тихонравовымъ въ V т., 561—563 стр. Онъ даетъ объ этой лекціи историко-литературную справку.

Въ этой лекціи, крайне интересной своимъ фактическимъ матеріаломъ, оцѣнкой лекторскихъ способностей Гоголя, его спосо-

¹⁾ Внизу зачеркнуто: рассказывать. ²⁾ Внизу написано: не тотъ часъ. ³⁾ Наверху написано и зачеркнуто: каждый. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: ноги сами собою.

бомъ мышленія, оборотами рѣчи и т. д., нашлись опять-таки варианты, которые мы и отмѣчаемъ.

Точный списокъ съ рукописнаго оригинала впервые появляется въ печати.

О среднихъ вѣкахъ ¹⁾.

Приступая къ чтенію исторіи Среднихъ вѣковъ я долженъ необходимо изяснить прежде всего достойно. Никогда исторія міра не принимала для насъ такой важности ²⁾ какъ въ это время несмотря на то что оно обыкновенно и считается мыслямъ и самымъ безинтереснымъ въ исторіи человечества ³⁾. Всѣ событія міра ⁴⁾ текутъ приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности и т. д. ⁵⁾ Выше зачеркнуто: съ усиленною быстротою. ⁶⁾ X изд.: какъ. ⁷⁾ X изд.: какъ. ⁸⁾ Выше зачеркнуто: веселый. ⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: приближаясь къ этому и смѣшавшись. ¹⁰⁾ X изд.: смѣшавши. ¹¹⁾ X изд.: въ устроеніи. ¹²⁾ Надо: первы. ¹³⁾ Надо: всемірное. ¹⁴⁾ Надо: какія... старыя. ¹⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ изгнѣ, не окончено. ¹⁶⁾ Надо: прибавлено. ¹⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ составились. ¹⁸⁾ Надо: онѣ. ¹⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ совершился весь этотъ процессъ. ²⁰⁾ X изд.: стройное. ²¹⁾ Выше зачеркнуто: правила, и исправлено: привилегіи. ²²⁾ Въ X изд.: переставлены слова и добавлено: правы. ²³⁾ X изд.: совершившія.

¹⁾ X-е изданіе «Сочиненій» Гоголя, Арабески, ч. I, стр. 118—129, О среднихъ вѣкахъ. ²⁾ Въ текстѣ X-го изданія слѣдуетъ: и значительности, такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣка. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: въ среднихъ вѣкахъ значитъ лавы повѣд, не окончено. ⁴⁾ Въ текстѣ X-го изданія: приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности и т. д. ⁵⁾ Выше зачеркнуто: съ усиленною быстротою. ⁶⁾ X изд.: какъ. ⁷⁾ X изд.: какъ. ⁸⁾ Выше зачеркнуто: веселый. ⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: приближаясь къ этому и смѣшавшись. ¹⁰⁾ X изд.: смѣшавши. ¹¹⁾ X изд.: въ устроеніи. ¹²⁾ Надо: первы. ¹³⁾ Надо: всемірное. ¹⁴⁾ Надо: какія... старыя. ¹⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ изгнѣ, не окончено. ¹⁶⁾ Надо: прибавлено. ¹⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ составились. ¹⁸⁾ Надо: онѣ. ¹⁹⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ совершился весь этотъ процессъ. ²⁰⁾ X изд.: стройное. ²¹⁾ Выше зачеркнуто: правила, и исправлено: привилегіи. ²²⁾ Въ X изд.: переставлены слова и добавлено: правы. ²³⁾ X изд.: совершившія.

ный¹⁾ ходъ—все получило начало или зародилось²⁾ или образовалось въ эти темныя³⁾ закрытыя для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя стихіи и фундаментъ всего⁴⁾. Безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія⁵⁾ неясна неудовлетворительна не полна новая исторія. *Они въ этомъ отношеніи похожи на постьтителей великолѣпной и строіной фабрики, которые бы удивлялись быстрому образованію почти на глазахъ самыхъ трудныхъ издѣлій, но позабываютъ заглянуть въ мрачное⁶⁾ подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса⁷⁾ дающія толчокъ всему. Исторія эта похожа на статую художника⁸⁾ не научившагося⁹⁾ анатоміи челоука.*

Но отъ чего же несмотря на всю важность этого особеннаго времени всегда какъ-то неохотно¹⁰⁾ занимались среднею исторіей рѣдкіи¹¹⁾ возлагали¹²⁾ на себя обѣтъ раздѣлнить хоть нѣкоторыя¹³⁾ изъ сказанныхъ мною¹⁴⁾ вопросовъ. На это отвѣчаютъ¹⁵⁾ нетрудно. Средней исторіи назначали самое низшее мѣсто. Время ея дѣйствія считали слишкомъ варварскимъ слишкомъ невѣжественнымъ, чтобы заняться имъ. Но если бы это обвиненіе было вполнѣ справедливо, то и тогда никакъ не оправдывается изъ невниманіе. Люди которые такъ пренебрегли этими невѣжественными вѣками готовы были богъ знаетъ за что за торсть свидѣній о первоначальныхъ вѣкахъ древняго міра также ничуть не простищеніе первоначальнаго времени вѣковъ среднихъ. Но назвать совершенно варварскимъ и невѣжественнымъ это время это непростительность, неосмотрительность, небальновидность, чтобы не сказать даже невѣжество. Это самый интересный¹⁶⁾ процессъ сліянія двухъ жизни древняго міра и новаго это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ¹⁷⁾ свойствъ эти дряхлыя умирающія стихіи стараго міра, которыя тянутъ по новому пространству какъ рѣки впавшія въ море, но долго еще не сливаюція¹⁸⁾ своихъ прѣсныхъ водъ съ его¹⁹⁾ солеными волнами.—Эти дикіе мощные²⁰⁾ стихіи новаго ушорно не допускающія къ себѣ чуждаго просвѣщеннаго вліянія²¹⁾ наконецъ невольно принимающія его. Это стараніе съ какииъ европейскіе дикари кроютъ римское просвѣщеніе по-своему²²⁾.

Эти урывки²³⁾ или лучше сказать клочки римскихъ формъ законовъ среди новыхъ стихіи среди новыхъ еще неопредѣленныхъ, не

1) Внизу зачеркнуто: паразитный. 2) X изд.: зародышъ или даже развилося и т. д. 3) Надо: темныя. 4) X изд.: новаго. 5) X изд.: ихъ. 6) X изд.: темное. 7) Далѣе зачеркнуто: подтала, не окончено 8) Далѣе зачеркнуто: который не смотря. 9) X изд.: изучившаго. 10) X изд.: ими (т. е. вѣхами). 11) Надо: рѣдкіе; въ X изд. далѣе: очень рѣдкіе, пораженныя величіемъ предмета. 12) Внизу зачеркнуто: соглашались. 13) Надо: нѣкоторыя. 14) X изд.: приведенныхъ. 15) Далѣе зачеркнуто: теперь весьма. Далѣе въ X изд.: Мнѣ кажется, это происходило отъ того, что,—мысль неокончена. 16) Въ X изд., стр. 119, идутъ значительные варианты въ первой строкѣ, а затѣмъ по рукописи совершенно новыя мысли. 17) Далѣе зачеркнуто: формъ. 18) Надо: сливаюція. 19) Внизу зачеркнуто: морскими. 20) Надо: дикія мощныя. 21) X изд.: по. 22) Въ X изд. перестановка словъ, внизу 119 страницъ. 23) X изд.: отрывки.

получивших ни образа ни границъ, ни порядка¹⁾. *Все это мнѣ кажется гораздо занимательнѣе и болѣе возбуждаетъ собою любопытство нежели все неподвижное время всесвѣтлой Имперіи подъ правленіемъ безсильныхъ римскихъ императоровъ.* Другая причина почему я хотѣлъ обратить вниманіе на исторію среднихъ вѣковъ— это мнимая сухость которую привыкли сливать²⁾ съ мыслями съ первоначальнымъ временемъ исторіи нынѣшней Европы. На нее глядѣли какъ на кучу произшествій нестройныхъ, разнородныхъ какъ на толпу³⁾ самыхъ раздробленныхъ и бессмысленныхъ движеній, не имѣющихъ нити которая бы связывала ихъ и совокупляла въ одно цѣлое. Мнѣніе⁴⁾ это я не почитаю стоящимъ возмуженія несообразности его видна сами собой. Разсматривайте внимательнѣй⁵⁾ глубже и вы можете отыскать и связь и идею и направленіе но я⁶⁾ не отрицаю что для самаго⁷⁾ умѣнія найти это нужно быть одарену свыше тѣмъ чутьемъ которымъ весьма немногіе историки⁸⁾ имѣютъ этими немногимъ⁹⁾ предоставленъ завидный даръ представить все въ изумительной ясности и въ стройности. *Все событія и протѣстствія¹⁰⁾*, все что было и происходило *все занимательно если только о немъ остались мѣтоси и если страсти сильно... И дѣйствовали¹¹⁾*. Такъ въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторіи сквозь всю кучу произшествій тянется невидимо¹²⁾ постепенное возрастаніе власти папы¹³⁾ и развивается феодализмъ. Казалось событія происходили такіе¹⁴⁾, которые блескомъ своимъ совершенно затемняли уединеннаго¹⁵⁾ римскаго первосвященника. Дѣйствовалъ сильный Государь или вассаль¹⁶⁾ а¹⁷⁾ существенныя выгоды незамѣтно *переродили¹⁸⁾* и все что ни происходило казалось нарочно происходило для того чтобъ прибавить новую силу папѣ. Гильденбрандтъ тихо поднималъ¹⁾ занавѣсъ и²⁰⁾ показалося *могущество²¹⁾* уже давно пріобрѣтенное папами²²⁾.

Исторія среднихъ вѣковъ менѣе *асягъ друиѣхъ* можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пѣстроты²³⁾ *такихъ дѣйствій* такихъ

¹⁾ X изд. далѣе: самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и тысячелѣтней силы ея,—они всѣ для насъ занимательнѣе и болѣе и т. д. ²⁾ X изд.: съ понятіемъ о ней. ³⁾ Выше зачеркнуто: кучу. ⁴⁾ Надписано и зачеркнуто: Я не почитаю даже. ⁵⁾ X изд.: и. ⁶⁾ X изд.: однако же. ⁷⁾ Зачеркнуто выше: этого. ⁸⁾ X изд., стр. 120, представлены слова. ⁹⁾ Выше зачеркнуто: словесной даръ. ¹⁰⁾ X изд., идетъ большой вариантъ: «Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія сухимъ и невѣжественнымъ». ¹¹⁾ X изд., идетъ большой вариантъ: «выключая развѣ только съ утратою извѣстій». ¹²⁾ X изд.: невидимою нитью. ¹³⁾ X изд.: папской власти. ¹⁴⁾ X изд.: совершенно отдѣльно и... ¹⁵⁾ X изд.: еще скромнаго... ¹⁶⁾ Въ X изд. далѣе: и дѣйствовалъ лично для себя. ¹⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: всѣ всегда; въ X изд.: между тѣмъ. ¹⁸⁾ X изд.: текли. ¹⁹⁾ X изд.: отдернулъ. ²⁰⁾ Далѣе зачеркнуто: можно сказать только. ²¹⁾ X изд.: власть. ²²⁾ Далѣе трудно разобрать, кромѣ двухъ словъ: какъ основа в — ²³⁾ Нужно: нестроты.

рѣзкихъ противоположностей такой *иллюминативной* ¹⁾ яркости какъ въ ней. Ее можно сравнить съ огромнымъ ²⁾ строеніемъ въ фундаментѣ котораго улеся ³⁾ крѣпкій ⁴⁾ гранитъ а также ⁵⁾ стѣны выведены изъ различнаго и стараго и новаго матеріала ⁶⁾ на одномъ кирпичѣ видны готфскія руны на другомъ ⁷⁾ римская позолота Арабская рѣзба *римской* ⁸⁾ карнизъ готическое окно все слѣпилось въ немъ ⁹⁾ составило самую пеструю башню.

Но яркость можно сказать только *видимое достоинство* событіи среднихъ вѣковъ внутреннее же ихъ достоинство ¹⁰⁾ колоссальность ¹¹⁾ и исполнская, почти чудесная отвага свойственная одному только возрасту *юности* и оригинальность дѣлающая ихъ единственными *невстрѣчивыми* ¹²⁾ себѣ ¹³⁾ повтореній ни въ древнія ни въ новыя времена.

Что ¹⁴⁾ *легкомысленнымъ рѣшеніемъ* они уже производили крайній планъ потому что слово сказанное *міру* то что и дѣло. И по этому по *внимательному разсмотрѣнію* его увидимъ что самое начало среднихъ вѣковъ представляетъ по виду кучу происшествій совершенно отдѣльныхъ одно отъ другаго, только проникнутыхъ одною ¹⁵⁾ но могущественною связью невидимо ¹⁶⁾ *выростающею* около паны. Она видоизмѣнена въ началѣ она кроется и затемняется рядомъ *Варварскихъ* при остромъ взглядѣ и уже видно ся начало. Наконецъ увидѣвши ¹⁷⁾ *вырвется* вдругъ какъ пламя изъ *Везувія*. Средніе вѣка можно назвать исторіею паны. Онъ могущественный обладатель изъ. Онъ какъ *двигатель* ¹⁸⁾ *всѣми силами* и какъ *Богъ* начнетъ однимъ мановеніемъ своимъ править ихъ судьбою. Его исторію можно назвать главою среднихъ вѣковъ. Его непреодолимое ¹⁹⁾ желаніе властвовать Его постоянныя средства исполненныя проицательности и мудрости слѣдствія старческаго возраста его деспотизма деспотизмъ безчисленныхъ легионовъ его могущественнаго духовенства ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха наложившихъ ²⁰⁾ оковы своей *тяжелой власти* во всѣхъ уголкахъ міра куда ни проникало ²¹⁾ *небесное знаменіе креста*. Это ²²⁾ *дивное явленіе* какое великое явленіе которому равнаго *врядъ ли можетъ представить исторія*. Не буду говорить о злоупотребленіяхъ и о тяжести оковъ *наложенныхъ на нихъ рукою духовнаго Деспота*. Проникнувъ болѣе въ это великое событіе

¹⁾ Наверху надписано: страшною, въ X изд.: странною. ²⁾ Внизу зачеркнуто: величественнымъ. ³⁾ X изд.: свѣжій. ⁴⁾ X изд.: какъ вѣчность. ⁵⁾ X изд. дѣло: толстая. ⁶⁾ X изд.: такъ что. ⁷⁾ X изд.: блестятъ. ⁸⁾ X изд.: греческій. ⁹⁾ X изд.: и. ¹⁰⁾ X изд.: есть. ¹¹⁾ Пужно: колоссальность. ¹²⁾ X изд.: не встрѣчающимися, стр. 121. ¹³⁾ Далѣе зачеркнуто: подобія. ¹⁴⁾ Значительные варианты въ X изд., стр. 121, при чемъ по рукописи содержанія больше, такъ какъ печатныхъ вариантовъ всего 3 печатныхъ строчки. ¹⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: невидимую. ¹⁶⁾ Внизу зачеркнуто: постепенно. ¹⁷⁾ Трудно разобрать и подобрать по смыслу и почерку слово. ¹⁸⁾ Надо: двигаться. ¹⁹⁾ Внизу зачеркнуто: средства. ²⁰⁾ X изд.: свои желѣзныя. ²¹⁾ X изд.: проникло. ²²⁾ Далѣе зачеркнуто: также чудное неслыханное, не окончено.

мы увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія не схвати эта всемогущая власть всего въ свою руку ¹⁾ не двигай и не устремляй по своему желанью народы и Европа разсыпалась бы связи бы не было ²⁾ Государства вдругъ бы можетъ быть нѣкоторыя поднялись вдругъ развратились другіе ³⁾ сохранили бы дикость свою на гибель другимъ ⁴⁾ образованье и духъ народный бы развились и въ одномъ мѣстѣ возвысились бы впередъ ⁵⁾ въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства Европа не устоялась бы не сохранила бы того равновѣсія которое удивительно ее содержитъ. Она бы долѣе была ⁶⁾ въ хаосѣ. Она бы не слилась желѣзною силою энтузіазма въ одну стѣну ⁷⁾ устранившію ⁸⁾ Восточныхъ завоевателей ⁹⁾. Можетъ быть безъ того ¹⁰⁾ великаго событія ¹¹⁾ вся Европа уступила бы ихъ напору и магометанская луна ¹²⁾ вознеслась бы надъ нею ¹³⁾. *Разсматривая дѣянья Провидѣнья мы поневолю должны преклониться передъ нимъ* ¹⁴⁾. Власть папы какъ будто нарочно дана была для того чтобы государства въ это время окрѣпли и возмужали чтобы они повиновались ¹⁵⁾ покаместъ достигнуть возраста повелѣвать другими, чтобы сообщить имъ энергію безъ которой жизнь народовъ ¹⁶⁾ безцвѣтна и безмысленна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою власть папы какъ исполнившая уже свое предназначеніе какъ болѣе уже не нужная чтобы руководить народы вдругъ поколебалась и стала разрушаться несмотря на всѣ сильныя мѣры на все желанье удержать за собою гибнущую силу свою ¹⁷⁾. Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же что подмостки и лѣсъ для постройки зданія въ началѣ онѣ ¹⁸⁾ выше и ¹⁹⁾ значительнѣе самого зданія ²⁰⁾ но какъ только зданіе достигло настоящей высоты они какъ ненужные отнимаются прочь ²¹⁾. При мысли ²²⁾ о среднихъ вѣкахъ невольно сливается ²³⁾ о крестовыхъ походахъ, великомъ исполненскомъ событіи которое стоитъ какъ исполнитъ въ срединѣ другихъ тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ въ какое другое время было когда нибудь ему равное своею оригинальностью и величіемъ. Что не какая нибудь война за похищенную жену ²⁴⁾ и слѣдствіе массы страстей всегда почти бывшій одинъ причиною войны но вторная защита даже правъ и обязанностей всегда справедливая

¹⁾ X изд.: въ свои руки. ²⁾ X изд.: нѣкоторыя. ³⁾ Надо: другія. ⁴⁾ X изд.: сосѣдамъ. ⁵⁾ X изд.: въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе. ⁶⁾ Выше зачеркнуто: бродила. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: отразившую монгольскихъ завоевателей. ⁸⁾ X изд.: своею крѣпостью. ⁹⁾ X изд.: и. ¹⁰⁾ X изд.: этого. ¹¹⁾ X изд.: явленія. ¹²⁾ Выше зачеркнуто: утвердилась. ¹³⁾ X изд.: вмѣсто креста. ¹⁴⁾ Въ X изд., стр. 122, начало, мысль перефразирована. ¹⁵⁾ X изд.: прежде, пещели. ¹⁶⁾ Выше зачеркнуто: челоуѣка. ¹⁷⁾ X изд.: гибнущія свои силы. ¹⁸⁾ Надо: они. ¹⁹⁾ X изд.: кажутся. ²⁰⁾ X изд.: строенія. ²¹⁾ Далѣе зачеркнуто: Самое великое событіе среднихъ вѣковъ мысль о которыхъ невольно сливается уже при первомъ словѣ о крестовыхъ походахъ. ²²⁾ Выше зачеркнуто: словѣ. ²³⁾ X изд.: мысль. ²⁴⁾ X изд. вариантъ: «не порожденіе . . . за свободу и народн. независимость».

но съ которою все таки не сопряжены личныя выгоды ¹⁾. *Пить въ эти предпріятія обыкновенно*

*Случающіяся всегда и вездѣ въ самомъ днѣль какое дивное происшествіе: народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы короли графы въ простыхъ власннцахъ ²⁾ монахи въ духовныхъ облаченіяхъ ³⁾ становятся въ ряды воиновъ ⁴⁾ монахи съ крестами ⁵⁾ предводитель ⁶⁾ несмѣтными вассалами ⁷⁾ и всѣ текутъ протикнутые одною мыслію освободить Гробъ Христовъ. Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. Не есть ли что то великое въ этой мысли. И напрасно крестовые походы ныне называютъ безразсуднымъ предпріятіемъ. (Странно бы было ⁸⁾ если только отрокъ заговорить словами разсудительнаго мужа. Они были порожденіемъ ⁹⁾ тогдашняго духа и времени. Это предпріятіе такою рода которое можно здѣлать недостигнувши возраста мужа. Но совершить это предпріятіе можетъ такой только юноша которому опредѣлено быть геніемъ. А какіе безчисленные какіе непредвидѣнные ¹⁰⁾ слѣдствія крестовыхъ походовъ. Нужно было всю массу образовать и воспитать дать ей увидѣть свѣтъ который часто заслоняло ¹¹⁾ духовенство и вся масса ¹²⁾ извергается въ другую часть свѣта идѣ потухающее Аравійское просвѣщеніе силится передать свой пламень и вся Европа вояжируетъ по Азіи. Не ¹³⁾ въ правѣ ли ты изумляться обыкновенно какой нибудь выходецъ изъ земли образованной приносить самъ ¹⁴⁾ первыя свѣденія ¹⁵⁾ и просвѣщеніе и это образованіе втянется медленно *страшно медленно* и постепенно образуетъ ихъ. Здѣсь напротивъ народы сами переходятъ всею массою за образованіемъ и несмотря на долгое пребываніе не сливаются съ своими учителями ничего не принимаютъ отъ нихъ роскошнаго и развратнаго удерживаютъ свою самобытность при всемъ заимствованіи множества азійскихъ обыкновеній и возвращаются въ Европу европейцами не Азіатцами. И уже неговорю о тѣхъ слѣдствіяхъ о тѣхъ переменахъ въ феодальномъ правленіи для которыхъ нужно было временное удаленіе множества сильныхъ *такимъ образомъ какъ**

¹⁾ Кромѣ словъ, личная выгода, тутъ все ново:

Это не какая нибудь война за жену Менелая ни порожденіе ненависти двухъ ширимирныхъ націй. Это не кровопролитная битва между алчными властителями за корону даже не война за свободу и широдную независимость. Пить ни одна изъ страстей ни одно собственное желаніе ни одна личная выгода не входятъ сюда *всѣми народами объемлетъ одна высокая мысль. Народы текутъ освободить святъ вѣру идѣ подобное событіе отразилось когда нибудь.*

²⁾ Далѣе зачеркнуто: епископы. ³⁾ X изд., 122: препоясанные оружіемъ. ⁴⁾ Вид.: епископы, пустынники.... ⁵⁾ X изд.: въ рукахъ. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: воинствомъ. ⁷⁾ X изд.: толпами. ⁸⁾ X изд., риторическій вопросъ: Не странно ли было бы.... ⁹⁾ X изд., стр. 123: порожденіе. ¹⁰⁾ Надо: какія безчисленные какія непредвидѣнные. ¹¹⁾ X изд.: отъ нея. ¹²⁾ X изд.: для этого. ¹³⁾ Далѣе зачеркнуто: достойно ли это. ¹⁴⁾ Внизу зачеркнуто: дикарями; X изд.: одичъ. ¹⁵⁾ Надо: свѣдѣнія.

передельная доль нужно удалить на время сто жильцовъ и вынести все находящееся въ немъ.

Кромѣ крестовыхъ походовъ бросимъ взглядъ на другія происшествія наполняющія *средніе вѣка* ¹⁾). Всѣ они исполнены чудесности сообщающей *средней исторіи* какой-то ²⁾ фантастическій свѣтъ все ³⁾ они порожденіе юношества прекраснаго исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ часто безразсудныхъ по ⁴⁾ плѣнительныхъ ⁵⁾ и въ своей безразсудности.

Взглянемъ на ⁶⁾ то ⁷⁾ время когда появились Аравитяне— краса народовъ восточныхъ и одному только человѣку и созданной имъ религіи обязаны они своимъ блескицимъ ⁸⁾ существованіемъ роскошной какъ ночи и вечера востока пламенной какъ природа близкая къ индійскому морю важной и размышляющей какую только могутъ вышнить пустыни Азіи. *И почти съ непостижимою внезапностію* ⁹⁾ смуглыя чалмоносцы воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ средиземнаго моря и воображеніе и умъ ихъ ¹⁰⁾ въ виду изумленнаго запада развиваются отпечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ мечетяхъ садахъ фонтанахъ также быстро какъ и въ богатыхъ сказкахъ и поэзіи ¹¹⁾.

Не чудесно ли и не исполнено ли ¹²⁾ совершенно противоположной оригинальности на *сѣверѣ* появленіе норманновъ ¹³⁾. *Вообразите себѣ пустыню Сѣвернаго Океана наполненную узкорудыми кораблями легкими и таскими на которыхъ держатся дерзкая горсть* ¹⁴⁾ людей подвигаемая дикою религіею своей народности за которыми какъ будто по пятамъ несетя мрачный ихъ. Одинъ и сѣбговья ¹⁵⁾ *хребты* ¹⁶⁾ (Кандинавіи ¹⁷⁾). *Неудивительно ли когда людные и значительныя* ¹⁸⁾ *государства со страхомъ уступаютъ этимъ малолюднымъ прищельцамъ воспитаннымъ бурей и морями все: отеческій домъ, имущество, родство* ¹⁹⁾.

Колоссальныя завоеванія ²⁰⁾ Монголовъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необытная внутренность Азіи которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ освѣтилась ²¹⁾ въ самомъ стран-

¹⁾ X изд.: Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почесться второстепенными, но тѣмъ не менше и т. д. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: радужный. ³⁾ Надо: всё. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто неоконченное: чрезвыч. ⁵⁾ X изд.: безразсуднаго, но плѣнительнаго. ⁶⁾ X изд., стр. 123: Разсмотримъ ихъ по порядку времени. Возьмемъ и т. д. ⁷⁾ X изд.: блестящее. ⁸⁾ X изд.: радужнымъ. ⁹⁾ X изд.: быстротою они, эти смуглыя и т. д. ¹⁰⁾ X изд.: и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила араба. ¹¹⁾ X изд. значительный вариант: «вѣкъ впередъ самое прекрасное созданіе нашего воображенія», стр. 124. ¹²⁾ X изд., стр. 124, въ началѣ вмѣсто риторическаго вопроса: какъ и т. д. ¹³⁾ X изд. дополненіе: народа, котораго гнѣвный сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ пѣдръ своихъ. ¹⁴⁾ X изд.: дерзкихъ. ¹⁵⁾ Внизу зачеркнуто: горы. ¹⁶⁾ Надо: готовыхъ. ¹⁷⁾ X изд. дополнено: наводитъ паническій страхъ на обширныя государства. ¹⁸⁾ Надо: людныя и значительныя. ¹⁹⁾ X изд., мысль переработана, сохранены только нѣсколько словъ. ²⁰⁾ X изд., стр. 124: и пространство... ²¹⁾ Внизу зачеркнуто: показалось.

помъ величин. *Въ* ¹⁾ эти степи которымъ почти конца нѣтъ, озера и пустыни исполнискаго ²⁾ размѣра гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человекъ встрѣчается какъ будто для того, чтобы еще болѣе увеличить вокругъ себя пространство. Эти степи шумящія хлѣбомъ никѣмъ несѣемымъ и несобираемымъ травою почти ³⁾ равняющейсея ростомъ съ деревьями *пустынно* ⁴⁾ па-сутся табуны и стада овецъ которыхъ отъ вѣка никто не считалъ и сами владѣльцы не знаютъ *изъ* настоящаго количества. Эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана давшаго обѣтъ передъ толпами своихъ узкоглазыхъ плосколицыхъ ⁵⁾ широкоплечихъ малорослыхъ монголовъ завоевать мѣръ и многолюдный Пекинъ горитъ цѣл-ный мѣсяць ⁶⁾ стада *пасутся въ* Пидіи табуны кипятъ на волгѣ ⁷⁾ какъ будто на ихъ завоеваніи отразилась коллосальность Азии *чтобы лучше показать ее другимъ парадность.* ⁸⁾

Я уже ничего не говорю о *появленіи* ⁹⁾ Венеціи этого небольшо-го лоскутка земли которую всю занималъ одинъ городъ и го-родъ безъ государства выжимая золото ¹⁰⁾ со всего міра и *собираля* *мужелюу дань съ огромнѣйшихъ государствъ, этиаъ царственныаъ куп-* *цовъ которыхъ великолѣпнѣйшіе дворцы при Адриатическомъ морѣ* *вмѣщали въ себя сокровища болѣе чѣмъ тогдашній доходъ всей Европы* и *которыхъ корабли ниодѣ не встрѣчали соперниковъ* ни осо-бенно Ганза играющая... ¹¹⁾ *Эти явленія повторяются въ исторіи* *міра часто* ¹²⁾ хоть въ другихъ формахъ и съ *нѣкоторыми измѣне-* *ніями. Гораздо чудеснѣе* ¹³⁾ жизнь Европы ¹⁴⁾ послѣ крестовыхъ по-ходовъ когда въ ней ¹⁵⁾ *являются* темны и неопредѣленны границы государствъ, когда Государь ¹⁶⁾ едва звучитъ своимъ именемъ и вмѣсто ¹⁷⁾ миллионы владѣльцевъ изъ которыхъ каждый маленькій императоръ въ своей землѣ. Когда вся Европа облакается ¹⁸⁾ въ неприступные замки съ башнями и зубцами и твердыя крѣпости усѣиваютъ *всю* поверхность *земли* когда *всѣ* воспитанная взаим-нымъ страхомъ ¹⁹⁾ сила рыцарей дѣлается почти львиною ²⁰⁾ и за-ковывается съ ногъ до головы въ желѣзо тяжести котораго ни прежде ни послѣ не выносила человекъ и грубо независимо разви-вается ²¹⁾ самостоятельная гордость души ²²⁾. Казалось *они должны*

1) X изд.: Эти. 2) Наверху написано и не зачеркнуто, но по смыслу къ этому мѣсту не подходитъ: на которыхъ обозначено. 3) Далѣе зачеркнуто: ка-сающеюся. 4) X изд.: (Топи, гдѣ и т. д. 5) Выше зачеркнуто: и мрачнолицыхъ монголовъ. 6) X изд. вариантъ: «милліонъ народа... на замерзшемъ озерѣ». 7) Надо: на Волгѣ. 8) X изд. вариантъ: «Такого быстраго распространія... ни новая исторія». 9) X изд.: о важной торговлѣ. 10) Выше зачеркнуто: стягивая сокровища богатства. 11) Мысль не окончена самимъ Гоголемъ. 12) X изд.: мысль перефразирована. 13) X изд.: Несравненно оригинальнѣе. 14) X изд.: во время и... 15) X изд.: еще. 16) Выше зачеркнуто: она вся облакается. 17) X изд.: того. 18) Выше зачеркнуто: одѣвается. 19) X изд.: и битвами. 20) Далѣе зачеркнуто: облакается. видимо, не кончено. 21) Выше зачеркнуто: воспитывается. 22) Далѣе зачеркнуто: это безпредѣльное уваженіе къ настоящему.

бы совершенно закалиться чувствами и сдѣлать ихъ такими безчувственными какъ непроницаемая латы ихъ. Но какъ чудно они смягчаются и это смягчаетъ явленіе, которое тѣмъ болѣе удивительно что составляетъ совершенный контрастъ съ ихъ нравами¹⁾. Это все общее, и безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ²⁾. Женщина среднихъ вѣковъ является какимъ-то Божествомъ. Для нея толмятся турниры, для нея ломаются копья. Ея розовая или голубая лента вѣвца на плечахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы. Для ней суровый рыцарь удерживаетъ свои *неукротимые*³⁾ страсти, также монцо какъ арабскаго бѣгуна своего налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ и все⁴⁾ что бы быть только достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь удивительна то вліяніе ея на нравы *достойно еще большаго изумленія*. Вся эта кочующая странническая жизнь, на которую обрекли себя рыцари, которая обратила всю Европу въ какую-то шумную движущуюся столицу сколько опытовъ сколько приключеній представляла она *каждому*⁵⁾ и какъ самыя ихъ взаимныя столкновенія⁶⁾ вмѣсто того чтобы ослабить⁷⁾, какъ то⁸⁾ дѣлается въ періодахъ исторіи когда роскошь развѣдаютъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгоды⁹⁾ выводитъ за собою низость лести и способность устремиться на все утонченныя¹⁰⁾ *низости* и пороки¹¹⁾. Пороки народовъ образованныхъ не могли коснуться рыцарства Европы¹²⁾ Едва только появились улучшения для жизни которыхъ относили Венеція и Ганза начали отодвигать рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни и *разрѣзало въ нихъ сердце*¹³⁾ уменьшать энтузіазмъ религіозный¹⁴⁾ *появился новый родъ обществъ*¹⁵⁾ связанныхъ такими неразрывными узлами *какими ни одно общество ни въ какомъ періодъ исторіи не было связано* не для своей пользы не для своего существованія, что обыкновенно дѣлается съ цѣлью общества¹⁶⁾ Но... эти необыкновенныя явленія могутъ.

1) X изд. стр. 126: мысль перефразирована, 17 строчка снизу. 2) X изд.: женщинъ. 3) Надо: неукротимыя. 4) X изд.: для того. 5) X изд., далѣе идетъ фраза: Все благородство въ характерѣ европейцевъ было ей слѣдствіемъ. 6) X изд., риторическій вопросъ: А вся эта странническая жизнь и т. д. Незначительный вариантъ, послѣдняя строчка снизу, стр. 126: доставившая тысячи опытовъ и приключеній каждому и произведшая впоследствии въ европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! 7) Далѣе зачеркнуто: сила ихъ обрѣ(е)кла. X изд.: брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе! 8) X изд.: всеобщій духъ и напряженіе, стр. 126, сверху. 9) X изд.: обыкновенно. 10) X изд.: личныхъ. 11) Внизу зачеркнуто: возможные. 12) X изд.:—вмѣсто этого, они только укрѣпили и развили ихъ. 13) X изд.: казалось. Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неуныпно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. 14) X изд., стр. 126, мысль перефразирована. 15) X изд.: какъ появившіяся чудныя, небывалыя некогда доголь общества стали грозными соплідатями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. 16) Далѣе зачеркнуто: связанныхъ такою крѣпостью. 17) X изд., стр. 126, 16-я строчка сверху, мысль окончательно перефразирована, вслѣдствіе чего есть варианты.

только произвести один среднй вѣкъ наложениемъ для себя строгой обязанности наблюдать за вѣмъ міромъ уничтожить все то, что составляетъ желаніе человека и жить для всего человечества быть прочнымъ неумолимымъ защитникомъ вѣры Христовой все принести въ жертву и отказаться отъ вѣсѣхъ выгодъ жизни¹⁾. Нечудесно ли это явленіе? Эту энергію и силу для него скопленные только было вычеркнули²⁾ изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена рыцарей³⁾ стали уклоняться отъ своей постоянной цѣли и стали обращать глаза на другія какъ они⁴⁾ начали заражаться желаніемъ добычи и корысти какъ⁵⁾ только роскошь заставляла живѣе привлекаться къ собственной жизни они стали болѣе походить на тѣхъ за которыми сами наложили на себя неусытное⁶⁾ смотрѣніе. Однимъ словомъ какъ только немного пошатнулся общій энтузіазмъ какъ уже новое явленіе чудеснымъ образомъ стремится поддержаться⁷⁾. Возникають страшныя тайныя суды неумолимыя, неотразимыя какъ высшія predeterminedenія⁸⁾. Ни слава, ни состоянія⁹⁾, ни даже самая корона не спасаютъ и не отменяютъ разъ произнесенный приговоръ¹⁰⁾. Незнаемыя невидимыя какъ судьба гдѣ нибудь¹¹⁾ въ глуши лѣсовъ подъ сырмъ сводомъ глубокаго подземелья они грозно взвѣшивали и разбирали всю жизнь и дѣла того которому посреди необъятныхъ своихъ владѣній и¹²⁾ сотни покорныхъ вассаловъ и въ мысль не приходило¹³⁾ есть ли гдѣ въ мірѣ выше его власть и если эти подземныя тайныя суды разъ¹⁴⁾ произнесли¹⁵⁾ обвиняющее слово,—все кончено. Напрасно самый властитель грозою могущества своего становится труднымъ¹⁶⁾ приближеніе къ себѣ напрасно золото его залѣпливаетъ¹⁷⁾ уста его приближенныхъ¹⁸⁾ неумолимый книжаль наступаетъ его на концѣ міра осторожно крадется мимо пышной толпы придворныхъ изъ за плечъ его друга его вѣрной жены прославляетъ онъ и наступаетъ его¹⁹⁾.

А самый образъ занятій²⁰⁾ неясныхъ образованій это всеобщее устремленіе вѣсѣхъ къ чудесной наукѣ. Это²¹⁾ желаніе выштыть и познать таинственную силу въ природѣ эта алчность съ какою²²⁾ ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства безъ котораго

1) X изд., стр. 126, строчка 20 и далѣе, фраза нѣсколько варьирована, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ словъ. 2) X изд., построеніе фразы другое. 3) X изд.: рыцарскіе. 4) X изд.: только. 5) Внизу зачеркнуто: когда. 6) X изд.: сами же. 7) Надо: поддерживаться. 8) X изд.: являющіяся уже не совѣстью передъ вѣтреннымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. 9) Внизу зачеркнуто: богатства. X изд.: обширная земли. 10) X изд., родители, надежь. 11) Внизу зачеркнуто: въ своихъ. 12) Внизу зачеркнуто: среди. 13) Внизу зачеркнуто: не могъ взять. 14) Внизу зачеркнуто: рѣшала. 15) X изд.: произносила, стр. 127, 4-я строка. 16) X изд.: затруднить. 17) X изд.: залѣпляетъ. 18) X изд.: и заставляетъ вѣсѣхъ прославлять его. 19) X изд., варианты, но незначительныя. 20) X изд.: царствовавшій въ среднѣхъ и концѣ среднихъ вѣковъ. 21) Далѣе зачеркнуто: всеобщее. 22) X изд.: вѣсѣ.

науки никогда бы не развились и не достигли неизбитаго совершенства. *Это ужасное гонѣніе* ¹⁾ *изъ эта* ²⁾ простодушная вѣра въ духовъ и *даже самыя обвиненія* въ сообщеніи съ ними. *Несоставляетъ ли это чудесности почти сказочной. Какъ только такъ быстро такъ неопузило, такъ сверхъестественно дѣйствуетъ чело­вѣкъ желающій что такое слово невозможность.*

А эти занятія алхиміей считавшейся самой великой и тяжелой ³⁾... вѣнецъ учонности ⁴⁾ среднихъ вѣковъ въ которой заключено самое дѣтское желаніе открыть такое свойство чтобы все обращалось въ золото найти такое средство, которое бы вдругъ доставило чело­вѣку всевозможное счастье. Представьте себѣ какой нибудь германскій городъ въ средніе вѣки эти узныкія ⁵⁾ неправильныя улицы высокія пестрыя готическія ⁶⁾ домики и среди ихъ ветхій почти валищійся ⁷⁾ считае­мый ⁸⁾ необитаемымъ по разтреснувшимся стѣнамъ котораго лѣнится мохъ и *ветхость* ⁹⁾. *Станы окопъ* глухо заколочены это жилище Алхимика ничто не говоритъ о присутствіи живущаго но въ глухую ночь голубоватый дымъ вылетая изъ трубы докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи уже состарѣвшагося ¹⁰⁾ въ своихъ исканіяхъ вѣчно неразлучнаго съ надеждою и благо­честивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ *этого* жилища гдѣ ¹¹⁾ духи основали пріютъ свой и гдѣ вмѣсто духовъ основало жилище неугаемое желаніе непреборенное любопытство живущее только ¹²⁾ собою и зажигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи первоначало ¹³⁾ всего европейскаго духа которое ¹⁴⁾ преслѣдуетъ инквизиція и проникаетъ ¹⁵⁾ во все *потайныя* ¹⁶⁾ мысленія чело­вѣка оно вырывается мимо и облеченное страхомъ еще съ большимъ наслажденіемъ при­дается ¹⁷⁾ своимъ занятіямъ. *А сама инквизиція какое мрачное и ужасное явленіе. Желѣзныя* ¹⁸⁾ *котки страшно протягиваются* ¹⁹⁾ *изъ монастырскихъ стѣнъ изъ подъ монастырскихъ и хватаютъ безъ различія всѣхъ на кого только пало подозрѣніе.*

Подъ безчисленными монастырскими сводами и переходами произносятся допросы не вѣрящіе никакимъ оправданіямъ. Тѣлесныхъ мукъ безчисленны орудія пытокъ вѣрящіе одному свидѣтельству изобрѣтательности ума инковъ-изувѣровъ ²⁰⁾. *Какія ужасныя картины налагаются безпрѣдельной чело­вѣческой алчности звать все и*

¹⁾ Надо: гоненіе. ²⁾ X изд.: Саяны даже и т. д. ³⁾ Надо: передается. ⁴⁾ Надо: желѣзные. ⁵⁾ Дальше трудно разобрать слово. X изд., стр. 127: ключомъ ко всѣмъ познаніямъ. ⁶⁾ Надо: учености. ⁷⁾ Надо: узныкія. ⁸⁾ Надо: высокие, пестрые, готическіе. ⁹⁾ Внизу зачеркнуто: почти валищійся. ¹⁰⁾ Надо: считае­мый, зачеркнуто дальѣ: почти. ¹¹⁾ X изд.: старость. Въ рукописи дальѣ зачеркнуто: эти жильцы пост, и не окончено. ¹²⁾ Внизу зачеркнуто: по­сѣдѣвшаго. ¹³⁾ X изд.: по его мнѣнію. ¹⁴⁾ Внизу зачеркнуто: однимъ. ¹⁵⁾ X изд.: первоначальная стихія. ¹⁶⁾ Дальѣ зачеркнуто: напрасно, и надписано слово, которое трудно разобрать. ¹⁷⁾ X изд.: прощала. ¹⁸⁾ X изд.: тайныя. ¹⁹⁾ Дальѣ зачеркнуто: непрестанно. ²⁰⁾ X изд., 128 стр., 9-ая строка, построена иначе фраз.

*какъ неудержимо жила эта личность. Душа въ общей массѣ всю человечества торжествуетъ надъ тѣломъ*¹⁾.

Неединственны-ли всё эти явленія не подають-ли²⁾ они права называть средніе вѣка *вѣками чудеснаго*³⁾. Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ во все теченіе этихъ десяти юныхъ вѣковъ, юныхъ потому что въ нихъ дѣйствуетъ⁴⁾ все молодое кипилице отвагою порывы и мечты *юноши* не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія еще не имѣвшіе промеднаго чтобъ оглянуться *назадъ*. Въ нихъ все было поэзія и безотчетность *отъ того-то они имѣютъ особенную привлекательность и съ ними также жаль расстаться какъ съ улетѣвшею юностью*. Вы вдругъ почувствуете переломъ когда вступите въ область Исторіи Новой? Перемѣна слишкомъ опутительна и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря прежде воздымавшіяся и пѣвившіяся неправильными высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всюю своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающими правильное теченіе⁵⁾.

Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнью цѣлаго человечества то средніе вѣка будутъ тоже для человечества что для человѣка время воспитанія⁶⁾. Дни его текутъ незамѣтно дни свѣта дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы какъ нужно для *соити*⁷⁾ объ нихъ никто не знаетъ но зато они всё слѣдствія порывовъ⁸⁾, зато безъ нихъ не *образовалась*⁹⁾ бы¹⁰⁾ дѣятельность *его жизни* въ кругу общества.

Теперь разсмотрите между какими колоссальными событіями заключены средніе вѣка¹¹⁾, *какія сильныя катастрофы ограничиваютъ ихъ*: Великая Имперія повелѣвавшая міромъ дряхлая, истощенная падаетъ съ нею валится полъ-свѣта и валится весь древній міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей съ писателями¹²⁾, статуями, и тяжестью роскоши и утонченнаго¹³⁾ разврата. *Этими великими событіями начинають*¹⁴⁾ оканчиваться средніе вѣка тоже самымъ великимъ изумительнымъ событіемъ. Всеобщимъ взрывомъ подыма-

¹⁾ X изд. значительный вариантъ: инквизиціи, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантий свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только не предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная мучами, заглушать голосъ души, то въ общей массѣ всего человечества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ. ²⁾ X изд.: даютъ. ³⁾ X изд.: чудесными. ⁴⁾ Выше зачеркнуто подъ слогомъ—уст: ительно, и надписано: уст. ⁵⁾ X изд. идетъ значительный вариантъ: Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу; но совокупленіе ихъ вывѣтъ, въ цѣлое, являютъ изумительную мудрость. ⁶⁾ X изд.: въ школѣ. ⁷⁾ X изд.: міра. ⁸⁾ X изд.: слѣдствіе порывовъ и обнажаютъ за однимъ разомъ всё внутреннія движенія человѣка. ⁹⁾ X изд.: состоялась. ¹⁰⁾ X изд.: будущая его... ¹¹⁾ X изд.: заключается время среднихъ вѣковъ. ¹²⁾ X изд.: гладіаторами, стр. 129. ¹³⁾ X изд.: утонченностью. ¹⁴⁾ Далѣе въ рукописи идутъ повторенія тѣхъ же словъ.

ющимъ на воздухъ и *повергающимъ*¹⁾ въ ничто всё страшныя власти такъ деспотически ихъ обнявшіе. Власть папы потрясается²⁾ *печатные листы разносятъ громъ и молнію вкругъ во весь концалъ міра и звонятъ свободу*. Сокровища Венеціи и всемірная торговля подрываются³⁾ *сильнымъ подвигомъ одного челоука* и корабли *разоряченными*⁴⁾ *взмахомъ раздѣляя волны невѣдомаго океана* несутся мимо средиземнаго моря *отягоченнаго сокровищами*. Усиливающійся гнѣтъ властей къ концу среднихъ вѣковъ⁵⁾ чтобы сильнѣе приготовить взрывъ⁶⁾.

III.

Письмо Гоголя къ сестрамъ въ Екатерининскій институтъ, изъ Рима, писанное или въ іюнѣ 1837 года, или въ іюнѣ 1838 года.

Письмо это, воспроизводимое въ приложеніи въ точномъ факсимиле, нигдѣ не было напечатано. Оно не имѣетъ даты, но должно думать, что писано въ 1837 году и прислано изъ Рима къ Н. Я. Прокоповичу, его другу и издателю его «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Прокоповичъ обдѣлывалъ личныя дѣла Гоголя въ Петербургѣ не только во время его второй заграничной поѣздки, но и раньше и позже, часто присылалъ ему деньги взаймы и т. д. Это были школьные друзья.

Отъ 21/9 іюля 1837 года онъ пишетъ ему изъ Баденъ-Бадена.

«Получилъ ли ты письмо мое изъ Рима? Въ немъ были, между прочимъ, два письма въ институтъ. Если ты ихъ не отдавалъ туда, то и *не отдавай*⁷⁾. Пусть останутся у тебя»⁸⁾.

Прокоповичъ, видимо, просьбу друга исполнилъ и письма оставилъ у себя. Вѣроятно, это были письма: одно къ сестрамъ общесе, а другое къ какому нибудь другому лицу. Сохранившись вмѣстѣ съ другими бумагами, они отъ Прокоповича перешли къ Гоголю,

¹⁾ X изд.: *обращающимъ*. ²⁾ X изд. далѣе: и падаетъ, власть невѣжества подрывается. ³⁾ X изд. далѣе: и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли и т. д. ⁴⁾ X изд.: *расширенными*. ⁵⁾ X изд.: *сильный напоръ и усиленный гнѣтъ властей*, казалось, были для того только, чтобы и т. д.

⁶⁾ Въ X изд. идетъ конецъ, котораго въ рукописяхъ нѣтъ:

Умъ челоука, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всё свои усилія, всего себя. И оттого-то, можетъ быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV,—вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются средніе вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенныя, исполненныя порывовъ; какъ его летящіе къ небу столпы и стѣны, оканчивающіяся мелькающимъ въ облакахъ шпидемъ.

⁷⁾ Курсивъ надъ. ⁸⁾ «Письма» Гоголя, изд. В. Шеврова, т. I, стр. 458, XXX.

по его просьбѣ, и затѣмъ достались пр. Погодину, а отъ его вдовы П. Н. Дашкову.

Что это было то именно письмо, о которомъ Гоголь просилъ Прокоповича, видно по самому содержанію, гдѣ онъ рассказываетъ о климатѣ Италіи, о празднествѣ въ тридцати верстахъ отъ Рима и т. д. Письмо это впервые появляется въ печати.

Остальные письма имѣютъ точно обозначенныя даты, годъ, мѣсяцъ и число ихъ написанія.

Если эти соображенія не могутъ дать возможность удовлетворительно выяснитъ вопросъ о времени написанія этого письма, то въ виду упоминанія въ немъ имени Александра Семеновича Данилевскаго, второго его друга, котораго онъ называлъ то братомъ, то родственникомъ, то племянникомъ, а, въ сущности, онъ былъ ему совсѣмъ чужой человѣкъ, это письмо можно отнести и ко второй половинѣ (послѣ іюня) 1838 года.

Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорится:

«Это письмецо вамъ вручить нанѣ добрый родственникъ Александръ Семеновичъ».

Письмо писано, несомнѣнно, изъ Рима. Дѣйствительно, въ 1838 году они путешествовали вмѣстѣ. Затѣмъ А. С. Данилевскій, видимо, уѣхалъ въ Петербургъ искать себѣ службы, и Гоголь снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ кн. П. А. Вяземскому, отъ 25 іюня 1838 года, гдѣ очень просилъ за Данилевскаго.

Онъ говоритъ, между прочимъ, о немъ:

«Примите благосклонно подателя этого письма, брата моего Данилевскаго»¹⁾.

Но письмо это по назначенію доставлено, очевидно, не было, такъ какъ не зачѣмъ ему было бы быть у пр. Погодина среди другихъ бумагъ Гоголя, и это обстоятельство насъ заставляетъ думать, что письмо это, вѣроятно, застряло у Прокоповича, у котораго А. С. Данилевскій могъ остановиться на первое время своего пріѣзда изъ-за границы, а отъ него снова перешло съ остальными бумагами обратно къ Гоголю.

Но такъ какъ Гоголь попалъ въ Римъ впервые послѣ Пасхи 1837 года и пробылъ въ немъ до 1838 года, за небольшими разъѣздами въ разныя стороны, то письмо это могло быть отнесено и къ этому времени.

Милыя мои сестрицы Лиза и Аннетъ. Вы все-таки ко мнѣ напишите и нехотите писать Вотъ уже вновь три мѣсяца, какъ я не получалъ отъ васъ никакого извѣстія. Что вы дѣлаете, думаете

¹⁾ «Письма», т. I, стр. 514, LIH.

ли обо мнѣ, обо мнѣ, который васъ такъ любить, какъ вы себѣ не можете вообразить, который для васъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы вы были только счастливы. А вы не хотите писать ко мнѣ. Я много бы далъ чтобы васъ увидѣть и вновь поговорить съ вами какъ, бывало помните мы говорили съ вами въ этой узинькой маленькой комнатѣ гдѣ стояло фортепіано. Это письмецо вамъ вручить нашъ добрый родственникъ Алекс. Семеновичъ ¹⁾. Вы уже вѣрно знаете о его несчастьи. Онъ лишился своей матери. Добрая Татьяна Ивановна, у которой вы проводили иногда такъ пріятно время съ вѣрочкой ²⁾ и сестрой ея, уже умерла. Отъ него вы узнаете о мнѣ онъ расскажетъ вамъ когда и гдѣ меня видѣлъ. Мы съ нимъ провели много пріятныхъ минутъ вмѣстѣ. Напишите мнѣ кто у васъ бываетъ и съ кѣмъ вы чаще видите и говорите не забудьте особенно ты сестрица Анетъ не забудь мнѣ написать о своемъ здоровьи. Ты часто чувствовала разнаго ³⁾ рода припадки извѣсти меня продолжаются ли они и въ какомъ видѣ что же касается до меня мое здоровье ⁴⁾ въ одинакомъ состояніи, несмотря на прекрасный климатъ Италиі. Если бъ ты знала какъ непріятно подъ такимъ чудеснымъ небомъ быть не совсѣмъ здоровымъ. Ахъ я вамъ расскажу кое-что о праздникѣ ⁵⁾ который былъ наднихъ въ 30 верстахъ отъ Рима въ деревнѣ Джексано. Праздникъ этотъ называется *giovata* тоже цвѣточный. Вообразите что всѣ улицы въ городѣ были усланы ⁶⁾ и вымощены цвѣтами. Но не думайте чтобы цвѣты были набросаны просто. Совсѣмъ нѣтъ. Вы не узнаете что это цвѣты вы подумаете что это ковры разсланы по улицѣ и на этихъ коврахъ множество разныхъ изображеній все это выложено изъ цвѣтовъ. Гербы, вазы, множество разныхъ уборовъ и даже наконецъ портретъ папы. Видъ удивительный, всѣ улицы, окна, двери все это было полно народомъ. По всѣмъ этимъ цвѣтамъ должна была пройти процессія, начиная отъ двухъ церквей и обойти весь городъ. Впереди прочихъ и тотчасъ вслѣдъ за монахами шли три дѣвочки лѣтъ пяти прехорошенькія собой одѣты ангелами съ крыльями и всѣ въ ожерельяхъ. Я думаю вы знаете что въ религіи католической очень много процессій. Лѣтомъ они ⁷⁾ всегда происходятъ по улицамъ, которые ⁸⁾ въ это время биткомъ набиты народомъ. Народъ въ своихъ яркихъ пестрыхъ костюмахъ подъ италіанскимъ яркимъ небомъ дѣлаетъ удивительное зрѣлище. Окна ⁹⁾ изъ которыхъ высовывается множество лицъ. Эти окна убираются пунцовыми, малиновыми и голубыми шелковыми матеріями. Италіанцы очень любятъ глядѣть изъ окошекъ, особенно италіанки. Это для нихъ наслажденіе какъ сходить въ театръ они ¹⁰⁾

¹⁾ Данилевскій. ²⁾ Надо: Вѣрочкой. ³⁾ Надо: разнаго. ⁴⁾ Надо: здоровье. ⁵⁾ Надо: праздникъ. ⁶⁾ Надо: устланы. ⁷⁾ Надо: онѣ. ⁸⁾ Надо: которые. ⁹⁾ Мы нигдѣ не будемъ говорить о пропущенныхъ знакахъ препинанія; при скоронписи могутъ случиться и невольныя ошибки. ¹⁰⁾ Надо: онѣ.

смотреть хоть даже на улицѣ пройдетъ одинъ только козелъ или оселъ. Я думаю вы знаете, что итальянцы всѣ музыканты всѣ поютъ. Опера въ Римѣ теперь прекрасная вы никогда неслыхали ничего подобнаго. Вообразите что въ Италиі ибѣтъ почти ни одного самого маленькаго ¹⁾ городка въ которомъ бы не было театра а въ театрѣ оперы. Вообразите что здѣсь иногда можно провести цѣлую ночь сидя подѣ окномъ и слушая пѣсни гуляющихъ все что ни возвращается поздно ночью изъ театра все это поетъ на улицахъ и повторяетъ до послѣдней всѣ слышанныя ²⁾ ими Ариі ³⁾, дуэты, квартеты и хоры. Черезъ недѣлю я ѣду въ Неаполь гдѣ пробуду можетъ быть около двухъ мѣсяцевъ и гдѣ чудесная природа. Я вамъ о немъ напишу. Письма ваши отдайте на этотъ разъ Прокоповичу онъ за вами придетъ и отправитъ ихъ мнѣ если вы только не забудете другой оказіи. Прощайте мои милые мною любимые ⁴⁾ сестрицы будьте здоровы и не забывайте меня.

Вашъ братъ Николай.

IV.

Письмо къ М. П. Погодину.

Мы не знаемъ, по какому оригиналу свѣрять г. Шенрокъ это письмо къ М. П. Погодину, по подлинное находилось въ нашемъ распоряженіи и принадлежитъ П. Я. Данкову вмѣстѣ съ другими гоголевскими бумагами. Оно также воспроизводится въ этой (февральской) книгѣ «Историческаго Вѣстника» въ приложеніи въ точномъ факсимиле.

Тутъ есть одинъ только существенный вариантъ. Оставляя бумаги Гоголя, печатаемая здѣсь теперь, безъ измѣненія въ области транскрипціи, грамматики и стили, мы въ выноскахъ дѣлаемъ поправки по правиламъ теперешняго правописанія. Такимъ образомъ, читатель имѣетъ, собственно, два текста—настоящій гоголевскій и такой, который долженъ былъ бы быть. Первый приемъ едва ли не въ первый разъ примѣняется къ печатанію бумагъ великихъ нашихъ писателей. Ошибки грамматическія не могутъ умалить ихъ духовнаго величія. Пусть знаетъ общество, что и великіе люди не всегда твердо знаютъ грамматику и ея правила. Впрочемъ, Гоголь неоднократно и самъ извинялся за свои ошибки въ письмахъ, особенно, когда онъ писалъ кому нибудь изъ кружка Пушкина и Жуковскаго, гдѣ требовалась большая осторожность, и это несколько не вредило его репутаціи великаго человѣка.

¹⁾ Надо: маленькаго. ²⁾ Надо: слышанныя. ³⁾ Надо: ариі. ⁴⁾ Надо: милые мною любимыя и т. т. д.

Въ общемъ, письмо почти безъ измѣненій ¹⁾).

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполненно ²⁾ тѣмъ же чемъ ³⁾ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбѣлъ какъ Руской ⁴⁾ какъ писатель я... я и соотой доли не могу выразить своей ⁵⁾ скорби. Моя жизнь мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя ⁶⁾ минуты моей жизни были минуты въ которые ⁷⁾ я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки я плевалъ на презрѣнную чернь *извѣстную подь именемъ публики*, мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего непредпринималъ ⁸⁾ ничего неписалъ и безъ его совѣта. Все что есть у меня хорошаго всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву чтобы я писалъ и ни одна строка его не писалась безъ того чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью какъ будетъ доволенъ онъ угадывалъ что будетъ нравиться ему. И это было моею высшею первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ или ты нарочно сдѣлалъ ⁹⁾ такое заключеніе послѣ сильного тобой приведеннаго примѣра чтобы сдѣлать еще разительнѣе самой ¹⁰⁾ примѣръ... Для чего я прѣйду? Невидалъ я развѣ дорогого зборища ¹¹⁾ нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ. Или я незнаю что такое *советники начинаю отъ титулярнаго до дѣйствительныхъ тайныхъ*? Ты пишешь, что всѣ люди даже холодные были тронуты этою потерей. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни. Развѣ я небылъ свидѣтелемъ горькихъ горькихъ минутъ, которые ¹²⁾ приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то что самъ Монархъ (буди за то благословенно имя его) почтилъ ¹³⁾ талантъ. О! когда я вспомню нашихъ судій ¹⁴⁾, меценатовъ, ученыхъ, умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли... Должны быть самыя ¹⁵⁾ причины когда они меня заставили рѣшиться на то начто я бы нехотѣлъ рѣшиться. Или ты думаешь

¹⁾ Въ «Письмахъ» Гоголя, собранныхъ Шенрокомъ, это письмо помѣщено въ т. I, стр. 484, XXII. ²⁾ Надо: наполнено. ³⁾ Надо: чѣмъ. ⁴⁾ Надо: русскій. ⁵⁾ Надо: моей. ⁶⁾ Надо: свѣтлыя. ⁷⁾ Надо: въ которыхъ. ⁸⁾ Гоголь часто сдѣлываетъ отрицаніе *не* съ глаголомъ, мы не будемъ отмѣчать эти случаи, какъ извѣстныя, уже опредѣлившіяся въ рукописныхъ формы гоголевской транскрипціи. ⁹⁾ Надо: сдѣлалъ. ¹⁰⁾ Надо: самый. ¹¹⁾ Надо: сборища. ¹²⁾ Надо: которыхъ.

¹³⁾ Въ «Письмахъ» Гоголя, собранныхъ Шенрокомъ, т. I, стр. 484, тутъ: «почиталъ (его) талантъ».

Мы не знаемъ, изъ какихъ это рукописей, но въ подлинномъ письмѣ Гоголя къ Погодину этого «его» нѣтъ, а вмѣсто слова—почиталъ другое слово, болѣе сильное и болѣе опредѣленное—почтилъ. ¹⁴⁾ «Письма»,—судей. ¹⁵⁾ Надо: самыя; у Шенрока «самыя сильныя»; но нашей рукописи послѣдняго слова нѣтъ.

мнѣ ничего что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли? Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасные ¹⁾ небеса, мѣръ богатѣй искусствами и челоуѣкомъ. Но развѣ перо мое принялось описывать предметы могучіе ²⁾ поразить всякаго. Ни одной строки немогу посвятить я чуждому непреодолимоу связью приковавъ я къ своему ³⁾. И нашъ бѣдный неяркій мѣръ нашъ, наши курныя ⁴⁾ избы, обнаженные ⁵⁾ пространства предпочелъ я лучшимъ небесамъ привѣтливѣе глѣдѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить. Нѣтъ слуга покорный. Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руки если дойдетъ до этого дѣла. Но въ своей никогда! Мои страданія тебѣ немогутъ исполнѣ понятны. Ты въ пристани, ты какъ мудрецъ можешь перенести и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны и упираются мнѣ только на якорь гордости которую вселили въ грудь мою высшія силы, сложить мнѣ голову свою не народниѣ ⁶⁾. Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня прѣѣжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На іюнь и іюль ѣду въ Германію на воды и возвратившись провожу здѣсь осень зиму и весну. Небо чудное. Шью его воздухъ и забываю весь мѣръ. Напиши мнѣ что-нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь какъ сильна моя любовь, даже гадости я готовъ слышать изъ родины.

Прощай. Твой Гоголь.

Мой адресъ: Via de Isidoro. 17. Casa Giovanni massuci.

V.

Альманахъ „Утренняя Заря“.

«Утренняя Заря» — альманахъ, изданный въ 1842 году В. Владиславлевымъ. Гоголь его рецензировалъ и, какъ видно, изъ самаго сличенія двухъ редакцій, въ окончательной формѣ рецензію укоротилъ.

Вотъ что говоритъ профессоръ Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ этой рецензіи:

«Въ «Москвитянинѣ» 1842 года, № 1, стр. 304—318, напечатанъ былъ разборъ альманаха «Утренняя Заря», подписанный буквами

¹⁾ Надо: прекрасныя. ²⁾ Надо: могущіе. ³⁾ Внизу зачеркнуто: своей землѣ. ⁴⁾ Надо: куриныя. ⁵⁾ Надо: обнаженныя. ⁶⁾ Надо: на родниѣ.

Н. Н. Соколовъ М. П. Погодинъ сообщилъ мнѣ, въ 1853 году, что начальныя страницы этой рецензіи (т. е. первые два §§ статьи включительно до словъ: «это сіяющая игрушка») написаны Гоголемъ. У Погодина хранился въ то время и оригиналъ этого отрывка въ двухъ экземплярахъ: одинъ черновой, другой, переписанный набѣло; тотъ и другой писаны рукою Гоголя. Отрывокъ написанъ въ началѣ 1842 года, когда вышелъ въ свѣтъ альманахъ Владиславлева «Утренняя Заря на 1842 годъ». Гоголь жилъ въ это время въ Москвѣ, въ домѣ Погодина на Дѣвичьемъ полѣ» (т. V, изд. X, стр. 681).

И все это вѣрно, такъ какъ оба эти отрывка находятся въ нашихъ рукахъ, и мы ихъ представляемъ теперь впервые.

Первая редакція.

Начнемъ ¹⁾ блестящимъ ²⁾ издѣліемъ типографической роскоши, легкимъ ³⁾ сверкающимъ цвѣткомъ притѣвляющимъ наступающей 1842 годъ. Альманахъ Владиславлева съ каждымъ годомъ издается роскошнѣй ⁴⁾. Онъ украшенъ и теперь ⁵⁾ портретами красавицъ Петербурга ⁶⁾ Портретъ Великой Княгини Марьи Александровны предводитъ ими... и вѣрно остановится всѣ читатели ⁷⁾ выраженіе и мысль ⁸⁾ сквозятъ въ чертахъ лица и какъ во ⁹⁾ что-то святое вематриваемъ въ нее внимательнѣй, всякой ¹⁰⁾ Русской предъ новымъ годомъ вѣрно не безъ ¹¹⁾ полной гордости для русскаго сердца ¹²⁾ видя что едва ли красавицы сѣвера не возьмутъ верхъ надъ ¹³⁾ красавицами украшающими Европейскіе кипески... Западная блещетъ ¹⁴⁾ всею роскошью своею неувидимой красотой ясность простоты отражается в... ¹⁵⁾ полнотою взгляда. Чисто славянское ¹⁶⁾ видѣется въ профили А. Барятинской... Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ дѣло совершенно новое ихъ будетъ разсматривать съ жаждностью... ¹⁷⁾ отдаленной Россіи куда едва доходитъ слухъ о столицѣ ¹⁸⁾ не одинъ одареннымъ высокимъ художественнымъ чувствомъ.

¹⁾ Зачеркнуто: съ. ²⁾ Далѣе зачеркнуто произв. не окончено. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: блестящ., не окончено. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: бумага, картинки, печать—сіяющая игрушка; трудно разобрать, что написано наверху. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: шесть портретовъ красавицъ Петербурга. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: невольно останавливать и затѣмъ какое-то слово не окончено. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: какъ обѣщана. ⁸⁾ Далѣе зачеркнуто: означены. ⁹⁾ Далѣе трудно разобрать. ¹⁰⁾ Надо: всякій. ¹¹⁾ Далѣе что-то написано, но разобрать трудно. ¹²⁾ Внизу что-то написано и немного далѣе, но разобрать трудно. ¹³⁾ Въ рукописи: на. ¹⁴⁾ Что-то написано, но разобрать трудно. ¹⁵⁾ Далѣе не разборчивы два слова. ¹⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: красота. ¹⁷⁾ Далѣе не разборчивое слово. ¹⁸⁾ Внизу зачеркнуто цѣлое выраженіе, которое трудно разобрать.

На этотъ годъ вѣроятно всякой будетъ еще радостнѣе дарить или получать альманахъ Утренняго Заря. *Это блестящее произведеніе будетъ такъ подвѣрнуто суровой критикѣ. Она предъ нимъ остановится какъ предъ...¹⁾ мотылькомъ или цвѣткомъ боясь дуновеньемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержаніе²⁾ соответствуетъ назначенію. Оно для легкаго будучаго чтенія красавицы. Свѣтскость слога гладкость языка и приличье въ повѣстяхъ и³⁾ въ легкихъ граціозныхъ стихахъ. Словомъ это сіяющая игрушка. Повѣсть самого издателя блещетъ легкостью и живостью искусство назначающій сюжетъ обратитъ въ занимательный. Изъ стихотвореній. . . .⁴⁾ Но пусть лучше разнеситъ этотъ блестящій мотылекъ по всемъ угламъ⁵⁾ Россіи свои поздравленія⁶⁾ съ новымъ годомъ всемъ отъ Камчатки до береговъ сіяющей Тавриды.*

Вторая редакція.

Начнемъ блестящимъ издѣліемъ типографской роскоши, легкимъ сверкающимъ цвѣткомъ привѣтствующимъ наступающій 1842-й годъ.

Альманахъ украситъ семью портретами. Портретъ Ея Императорскаго Высочества Марьи Александровны занимаетъ первое мѣсто.

Выраженіемъ и мыслью сквозятъ черты его, и вѣрно всякой Русской наканунѣ новаго года всмотрится въ нихъ внимательней, какъ во что то свѣтлое, пророческое. Всѣ прочіе портреты прекрасны. Не безъ тайной внутренней гордости разсматриваемъ ихъ види что едва ли красавицы сѣвера не возьмутъ верхъ надъ красавицами украшающими Евронейскіе книжки. Портретъ графини Елены Михайловны Заводской блещетъ всею роскошью ея неуязвимой красоты. Свѣтлая ясность простоты отражается въ лицѣ графини Софьи Александровны Бенкендорфъ.

Южной полнотою взгляда озарено лицо баронессы Екатерины Николаевны Менгенъ... Наконецъ, тинъ чисто-славянской красоты видѣнъ въ профилѣ княжны Марьи Ивановны Барятинской. Помѣщеніе портретовъ сіяющихъ нашихъ современницъ есть у насъ дѣло еще новое. Ихъ будетъ разсматривать съ жадностью житель отдаленнаго угла Россіи куда едва доходятъ слухи о столицѣ и не одинъ одаренный высокимъ художественнымъ вкусомъ полюбуется ими,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты ?)

¹⁾ Трудно разобрать зинтеть. ²⁾ Далѣе зачеркнуты плохо разабраемыя слова, за исключеніемъ «иноплѣ». ³⁾ Зачеркнуто далѣе: въ стихахъ. ⁴⁾ Далѣе трудно разобрать. ⁵⁾ Внизу зачеркнуто: пространствамъ. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: ихъ. ⁷⁾ (Слѣва этихъ стиховъ, на полѣ, Гоголемъ написано «эти стихи куренвомъ».)

какъ сказалъ Пушкинъ. И всякій на этотъ текущій годъ будетъ еще радостнѣй дарить или получать Утреннюю Зарю, жаль подвергнуть это блестящее издѣлье строгому ¹⁾ перу суровой критики. Она предъ нимъ остановится, какъ передъ нѣжнымъ мотылькомъ или цвѣткомъ боясь дуновеньемъ своимъ лишить его свѣжести. Содержанье его вполне соответствуетъ своему значенію. Это легкое будуарное чтенье красавицы. Свѣтской слогъ, гладкость языка, строгое приличье во многихъ повѣстяхъ и легкая граціозность нѣкоторыхъ стиховъ словомъ это сіяющая игрушка.

Повѣсти самого издателя близуютъ живостью и легкостью. Въ нихъ тоже обычное ему искусство незначущій предметъ обращать въ занимательный. Картезианскій монастырь Жуковой и Черногорецъ Надеждина выходятъ рельефнѣе другихъ. Что до стиховъ то читатель вѣрно остановится надъ Любовью Мертвеца Лермонтова, Дорожною думою князя Вяземскаго крѣпъ того мелькаютъ въ Утренней Зарѣ имена Кольцова Бенедиктова графа Солгуба Кукольника. Но зачемъ рассказывать что въ ней есть. Читатель найдетъ. Пусть лучше разносится этотъ блестящій мотылекъ по всемъ концамъ Россіи и светло поздравляетъ съ новымъ годомъ всѣхъ отъ Камчатки до береговъ Тавриды ²⁾.

VI.

Отрывки.

Въ числѣ рукописей Гоголя находятся, между прочимъ, кусочки, несвязанные между собой ни единствомъ мысли, ни единствомъ плана. Они не могутъ претендовать на какое нибудь литературное значеніе въ общей сокровищницѣ Гоголевскихъ созданій, а имѣютъ единственною цѣлью пополнить ее.

Мы ихъ не замѣтили ни въ пяти томахъ X изданія «Сочиненій» Гоголя, ни въ двухъ дополнительныхъ, изданныхъ подъ редакціей Шенрока. Можно думать, что эти отрывки и урѣзки мыслей появляются въ печати впервые, но даже если они и были, чего мы не замѣтили, то и тогда интересъ къ нимъ можетъ быть только посредственный.

Смотрю долго, а всѣхъ не знаю. Вы натурально берете мужа которой понадежише, пообразованише, человекъ бывалый.

Вы всѣ такіе достойные господа что вдругъ я никакимъ образомъ не могу рѣшиться. Позвольте мнѣ я подумаю хорошенько поразмышляю, а тогда уже скажу прямо. Теперь позвольте мнѣ просить васъ откушать хлѣба и соли...

¹⁾ Внизу зачеркнуто: черствому. ²⁾ Все набранное курсивомъ въ рукописи вычеркнуто Гоголемъ.

Нѣсколько строкъ изъ «Мертвыхъ душъ»... ¹⁾ другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все что ежеминутно предъ-очами и чего не зрять равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мѣлочей ²⁾, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земля и ³⁾ подъ часъ горькая и скучная дорога, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи.—Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему незрѣтъ признательныхъ слезъ и единогодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ;...

Есть еще такія ⁴⁾ мѣста на землѣ нашей холодъ вѣчной зимы круглый годъ итакъ скучно въ тѣхъ мѣстахъ такъ уныло какъ будто ничего нѣтъ живаго тамъ ни травки ни деревца только недѣли надвѣтъ зазеленѣетъ мохъ наземлѣ и послѣ опять все снѣгъ все снѣгъ люди такіе маленькіе такіе бѣдные ⁵⁾, ходятъ все въ шубахъ и никогда не покидаютъ ихъ, только и дѣла что ловятъ рыбу и оленей которыми ⁶⁾ одними только и живутъ тамъ. Снѣгъ тамъ массой и его пройти нельзя въ батинкахъ ⁷⁾ или сапогахъ потому что тотчасъ можно провалиться, и бѣдные люди тамошніе чтобы помочь этому придѣлываютъ подъ сапоги себѣ ⁸⁾ маленькіе саночки, которыхъ называютъ *лыжами* и съ которыми они гоняются за звѣрями, хотите ли вы знать что это за люди? Это камчадалы, эскимосы, самоѣды.

VII.

Семилѣтняя война.

Марьи Терезинъ было очень непріятно, что она принуждена была уступить Фридриху Силезію. Войска въ Австріи безпрестанно набирались. Франція и Россія заключили съ нею тѣснѣйшій союзъ все это нешло изъ виду Фридриха Великаго. Желая предупредить своихъ непріятелей онъ вдругъ ворвался (въ 1756) въ Саксонію. Овладевъ ею вступилъ въ Богемію и осадилъ Прагу. Фельдмаршалъ Даушъ, съ войскомъ вдвое болѣе Фридрихова пришелъ на помощь къ осажденному городу и заставилъ короля вступить въ сраженіе при *Коллинѣ* (въ 1757) пруссаки сражались

¹⁾ Знаменитыя строки изъ VII главы «Мертвыхъ душъ», X изд., т. III, стр. 131.

²⁾ Надо: мелочей. ³⁾ Внизу зачеркнуто: дерзнувшаго. ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: землѣ.

⁵⁾ Надо: бѣдные. ⁶⁾ Внизу зачеркнуто: одну только ее ѣдятъ. ⁷⁾ Надо: ботинкахъ.

⁸⁾ Внизу зачеркнуто: къ сапогамъ своимъ.

отчаянно, король присутствовалъ вездѣ, но все было напрасно, онъ былъ разбитъ. Это ободрило его непрітелей. Нѣмецкіе имперскіе чины даже отрѣшили его отъ престола. Между тѣмъ русское войско подъ начальствомъ Апраксина вступило въ Пруссію. При *Грюсъ-Егерндорфѣ* Прусскій Король былъ разбитъ совершенно, несмотря на непреодолимое свое мужество. Казалось все оставило короля и Ему опредѣлено было погибнуть. Полководецъ Его Виттерфельдъ былъ убитъ Австрійскія войска стали показываться около Берлина. Взяли Швейницъ. Но Фридрихъ далекъ былъ отъ унынія и въ рѣшительную минуту показалъ всю твердость души и непреклонное терпѣніе. Въ томъ же году при небольшой деревнѣ *Росбагъ* собравши всѣ свои силы напалъ онъ на Австрійскую и Французскую армію и одержалъ къ всеобщему удивленію знаменитую побѣду и давши роздыхъ своему войску. Еще съ большію ¹⁾ силою напалъ на непріятельскія Арміи при *Лейтентъ*. Здѣсь военное искусство восторжествовало но Лейтентская побѣда подняла его съ края гибели на верхъ славы и щастія ²⁾. Марья Терезія обратилась снова къ Россіи. Русскіе подъ начальствомъ Фермора вступили снова въ Пруссію. Осадили Кеннесбергъ. Фридрихъ поспѣшилъ на помощь и встрѣтилъ ихъ при *Цорндорфѣ* (1758). Сраженіе было кровопролитно. Потери съ обѣихъ сторонъ велики. Русскіе видя непреодолимую отчаянную твердость Фридриха отступили. Фридрихъ обратился на Австрійцевъ при деревнѣ *Гохкирхенъ* завязалась отчаянная битва. Фридрихъ и его воско ³⁾ оказывало чудеса. Все свое знаніе въ военномъ дѣлѣ истощилъ онъ и несмотря на это долженъ былъ уступить. Его фельдмаршалъ Кейтъ былъ убитъ. Его войска были разбиты множество взято было въ плѣнъ. Но собравши остатки, стройно и въ удивительномъ порядкѣ отступилъ онъ отъ Гохкирхена. Фельдмаршалъ не смѣлъ напасть на него. Фридрихъ и побѣжденный былъ для него страшенъ. Въ слѣдующемъ году непріатели Фридриха соединились противъ него съ новыми силами при Куниендорфѣ.

¹⁾ Надо: большею. ²⁾ Надо: щастія. ³⁾ Надо: войско.

VIII.

Вѣкъ Людовика IV ¹⁾.

Вся вторая ²⁾ половина 17 столѣтія называется вѣкомъ Людовика IV ³⁾. Это былъ вѣкъ славы для Франціи ⁴⁾ въ это время она стала на ⁵⁾ блистательную степень государства Людовикъ ⁶⁾ имѣлъ много ума, еще болѣе тонкаго вкуса любезности и въ первые годы своего царствованія показалъ ⁷⁾ и необыкновенную ревность къ наукамъ художествамъ торговлѣ и искусствамъ. На всемъ было означено ⁸⁾ его покровительство. При дворѣ французскомъ собралось все изящное тогда въ Европѣ все закигло жизнью явилась академія наукъ показались театры.

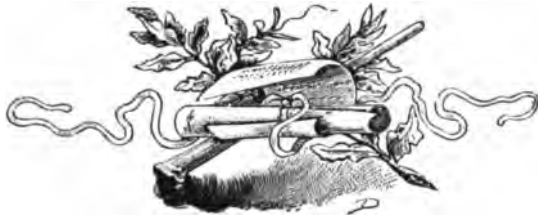
Смѣшилъ всѣхъ комедіей Расинъ создалъ французскую трагедію Буало, писалъ правила и училъ тогдашнихъ поэтовъ. Министръ Людовика Кольбертъ завелъ фабрики шолковыя зеркальныя драгоцѣнныхъ ковровъ и собралъ въ не долгомъ времени огромное богатство. Вся Европа собиралась въ Парижъ веселиться и наслаждаться жизнью. Но Людовикъ немѣлъ мѣры своей щедрости и обратилъ ее послѣ въ безумную расточительность. Кромѣ того онъ еще хотѣлъ увеличить свою славу подвигами военными и новыми пріобрѣтеніями къ своему государству. Прежде всего хотѣлъ онъ покорить часть Голландіи и французы почти скоро прославились за военныя дѣла. Полководцы Конде и Тюренъ побѣждали вездѣ куда ни приходили. Король пріобрѣлъ аттрибутъ и множество Голландскихъ городовъ но дорого заплатился за это. Вся Европа обратилась противъ него. Тюренъ умеръ казна истрачена а Людовикъ послѣ многихъ войнъ, принужденъ былъ заключить миръ въ Рисвиккѣ въ 1697 году.

Всѣ богатства собранныя Кольбертомъ пропали но король предпринялъ еще новую войну за наслѣдство Испанскаго престола на который онъ хотѣлъ возвестъ внука своего Филиппа и снова почти вся Европа вооружилась противъ Людовика. Война была не изъ щастливыхъ ⁹⁾ для французовъ. Англійскій генералъ Мальбругъ и Австрійскій принцъ Евгенийъ разбивали вездѣ французовъ и изнуренная Франція войнами голодомъ склонилась къ миру ¹⁰⁾ заключенному въ Утрехтѣ въ 1713 г. Людовикъ былъ сильно уни-

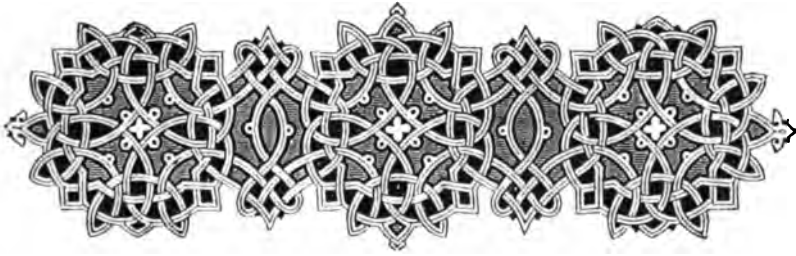
¹⁾ Очевидно, тутъ Гоголь описался. Думаемъ, что нужно не Людовикъ IV, а Людовикъ XIV, такъ какъ далѣе упоминаются Расинъ, Буало и министръ Людовика Кольбертъ. ²⁾ Надписано не зачеркнуто: первая. ³⁾ Далѣе зачеркнуто: Франція показала въ это время самымъ блистательнымъ... ⁴⁾ Далѣе зачеркнуто: Въ царствованіе Людовика. ⁵⁾ Далѣе зачеркнуто: самую. ⁶⁾ Далѣе зачеркнуто: въ первые годы своего царствованія. ⁷⁾ Далѣе зачеркнуто: свое покровительство. ⁸⁾ Надо: означено. ⁹⁾ Надо: счастливыхъ. ¹⁰⁾ Надо: миру.

жентъ. Франція его расточительностью была доведена до жалкаго состоянія. Долги ея были огромны. Народъ въ бѣдности и развратѣ, посреди такихъ несчастій которыхъ онъ самъ былъ причиною. Умеръ король Людовикъ IV ¹⁾ въ 1715 на 79 году своего рожденія.

Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Людовика IV вся Европа была занята войною за наслѣдство Австрійскихъ владѣній. Императоръ Австрійскій Карлъ VI объявилъ прагматическую санкцію, по какой дочь его Марія-Терезія должна была послѣ него взойти на престолъ ²⁾. Фридрихъ II еще мало извѣстный въ то время король прусскій, сталъ требовать Силезію. Курфирстъ Баварскій даже провозгласилъ себя императоромъ и уже короновался. Европейскія государства приняли одиѣ сторону Марьи Терезіи другія курфирста третіи ³⁾ Фридриха. Съ помощію однако же вѣрныхъ своихъ венгерцевъ, Марья Терезіи удалось восторжествовать надъ первымъ своимъ непріателемъ а съ Фридрихомъ заключить миръ ⁴⁾ сначала въ Бреславлѣ потомъ въ Ахенѣ 1718 по коему вся Европа признала Силезію, принадлежащей Фридриху.

¹⁾ Надо: XIV. ²⁾ Далѣе зачеркнуто: Въ то время Марья Терезія взойшла на Императорскій престолъ. ³⁾ Надо: третьи. ⁴⁾ Надо: миръ.

ОТЕЦЪ ГОГОЛЯ.

ДНОЙ изъ первыхъ задачъ, возникающихъ передъ историкомъ жизни художника, писателя, является типичное, вѣрное дѣйствительности описаніе среды, въ которой протекло его дѣтство, и выясненіе тѣхъ вліяній, которыя безсознательно воспринимались имъ въ дѣтскіе годы. Первое мѣсто въ этой средѣ занимаютъ люди и, прежде всего, семья, отецъ и мать. Вліяніе послѣднихъ выражается и непосредственнымъ образомъ въ сознательномъ управленіи жизнью ребенка, и посредственнымъ, черезъ психическое воздѣйствіе ихъ личности. На душевномъ складѣ ребенка всегда отражается тотъ типъ, представителями котораго являются его родители и близкіе. Въ жизни Николая Васильевича Гоголя обстановка дѣтскаго возраста, изображаемая въ большинствѣ случаевъ несоотвѣтственно дѣйствительности, имѣла большое значеніе, повліявъ и на складъ его личности и на характеръ его творчества. Основной тонъ этой обстановки—сѣрая, средняя, будничная жизнь, поглощенная мелкими личными интересами; въ ней останавливаются наше вниманіе обиліе житейской пошлости, которую Гоголь всю жизнь изображалъ въ своимъ произведеніяхъ, и отсутствіе здороваго идеализма. Маленькими людьми были и мать и отецъ Гоголя: только историки ихъ знаменитаго сына вывели ихъ изъ забвенія и нѣсколько приподнято изобразили ихъ личности. Отецъ Гоголя, правда, извѣстенъ, какъ авторъ веселыхъ малороссійскихъ комедій, но есть основанія думать, что, не будь на свѣтѣ Николая Васильевича, историки малорусской драматиче-

ской литературы врядъ ли бы вспомнили о Василии Аванасьевичѣ Гоголѣ—Яновскомъ, такъ какъ врядъ ли бы сохранилась память о его драматическомъ творествѣ. Но Василий Аванасьевичъ Яновскій для насъ интересенъ, главнымъ образомъ, какъ отецъ Гоголя, какъ человѣкъ, имѣвшій вліяніе на него и передавшій нѣкоторыя черты своего психическаго склада сыну. А сынъ впоследствии писалъ: «Я уже отъ многихъ своихъ недостатковъ избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться». Василии Аванасьевичъ умеръ въ 1825 году, когда сыну было 16 лѣтъ, и онъ уже продолженіе 4 лѣтъ учился въ Нѣжинѣ. Конечно, Николай Васильевичъ очень любилъ своего отца, но мы не можемъ сказать, имѣлъ ли онъ опредѣленные представленія о характерѣ своего отца, выдѣлялась ли въ нихъ личность Василія Аванасьевича, какъ положительный типъ изъ среды мелкихъ, сѣрыхъ людей, окружавшихъ и отца и сына. Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно отрицательно отвѣчать на послѣдній вопросъ, если принять во вниманіе, что въ письмахъ Гоголя кромѣ тѣхъ фразъ, которыми принято выражать свое отношеніе къ родителямъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на то, что Гоголь цѣнилъ отца, какъ человѣка, стоящаго выше средняго уровня, одареннаго высокими качествами души. Личность отца Гоголя была извѣстна намъ по воспоминаніямъ его близкихъ, по запискамъ Кулиша, почерпнувашаго весь матеріалъ изъ этихъ же воспоминаній. Понятна доля субъективизма въ оцѣнкѣ личности Василія Аванасьевича. Въ нашемъ распоряженіи находятся семейныя бумаги отца Гоголя: его документы, переписка его съ отцомъ, матерью, съ своей женой, знакомыми, дѣловыя бумаги. Пользуясь главнымъ образомъ ими, попробуемъ дать характеристику Василія Аванасьевича.

I.

О дѣдѣ Гоголя и отцѣ Василія Аванасьевича, Аванасіи Демьяновичѣ, и его женѣ Татьянѣ Семеновнѣ, урожденной Лизогубъ, рассказываютъ, что они послужили прототипомъ супружеской четы старосвѣтскихъ помѣщиковъ; впрочемъ, рядомъ съ этимъ, рассказываютъ еще о нѣсколькихъ старичкахъ, будто бы тоже давнихъ матеріалахъ для изображенія Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. То, что намъ извѣстно о службѣ и житейскихъ отношеніяхъ Аванасія Демьяновича, противорѣчитъ сближенію его съ Аванасіемъ Ивановичемъ изъ «старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Служилъ онъ все время «у письменныхъ дѣлъ» въ полковой миргородской канцеляріи (съ 8 января 1757 года), потомъ полковымъ канцеляристомъ и полковымъ писаремъ. Немало онъ видѣлъ на своемъ

вѣку. Не разъ онъ былъ «опредѣляемъ въ указное употребленіе комисіи и въ разныя внутреннія командированія и посылки, исправляя порученныя ему дѣла съ примѣрностью и должнымъ усердіемъ безъ малѣйшаго порока и подозрѣнія добронорядочно». Былъ онъ между прочимъ и въ крымскомъ походѣ; съ 1785 года состоялъ, по выбору дворянства, въ «учрежденной въ городѣ Кіевѣ о разборѣ дворянства дѣлѣ комисіи». Сохранились воспоминанія о томъ, что онъ учился въ академіи. Въ одной официальной бумагѣ Аѳанасій Демьяновичъ пишетъ о себѣ: «грамотѣ порусски, полатыни, погречески и попольски читать и писать умѣю». Въ семейныхъ бумагахъ Гоголей сохранилось очень много писемъ къ Аѳанасію Демьяновичу отъ различныхъ лицъ, его замѣтокъ и писемъ къ дѣтямъ, не имѣющихъ для насъ никакого значенія, но указывающихъ на то, что дѣдъ Гоголя былъ энергичный, бывалый человекъ, дѣятельно поддерживавшій отношенія съ своими многочисленными знакомыми и слѣдовательно мало былъ похожъ на Аѳанасія Ивановича.

Намъ неизвѣстенъ годъ рожденія Василія Аѳанасьевича, и наши свѣдѣнія по этому вопросу поставлены къ зависимость отъ официальныхъ данныхъ о службѣ Василія Аѳанасьевича, а официальные данныя очень сбивчивы и неясны. Въ бумагахъ Василія Аѳанасьевича сохранилась копія патента, въ которомъ значится: «извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Василія Яновскаго, который намъ значковымъ товарищемъ служилъ для его оказанной къ службѣ нашей ревности и примѣрности въ наши корнеты 1787 года ноября 27 дня пожаловали и учредили». Сколько лѣтъ было въ это время корнету Василію Яновскому? Въ семейномъ спискѣ Аѳанасія Гоголя, поданномъ въ 1798 году, указано сыну Василію 15 лѣтъ, но изъ другой дѣловой бумаги уступнаго записки Семена Лизогуба на хуторъ Татьянѣ Яновской и внуку Василію, видно, что уже въ 1781 году Василій Аѳанасьевичъ жилъ на бѣломъ свѣтѣ¹⁾. Но все равно, родился ли онъ въ 1783 году, какъ выходитъ по семейному списку, или въ 1780 году, какъ можно заключить изъ второго документа, пожалованіе въ корнеты 4 или 7—8 лѣтняго мальчика кажется страннымъ. Но нужно вспомнить, что это было въ XVIII вѣкѣ, когда зачисляли на службу при рожденіи. Примѣры многочисленны. Но если мы не должны удивляться тому, что чины шли съ перваго дня жизни, все-таки мы не можемъ не подивиться тому, что они шли до рожденія. А такъ выходитъ изъ сохранившагося въ бумагахъ Гоголей подлиннаго аттестата, выданнаго полковникомъ Фѳедоромъ Занковскимъ въ Сорочинцахъ 25 августа 1781 года съ приложеніемъ печати и за надлежащимъ номеромъ. Выданъ онъ значковому товарищу, сыну малороссійскаго полкового писаря, Василію Яновскому въ тѣмъ, что «воступя онъ въ службу ея императорскаго величества съ

1770 года, продолжалъ оную первѣе при полковой миргородской канцеляріи письменныхъ дѣлъ полковымъ канцеляристомъ по 1772 годъ, съ котораго за опредѣленіемъ въ настоящій его чинъ находясь въ командѣ моеи былъ въ крымскомъ походѣ въ прошедшую съ оттоманской портой войну во второй арміи въ 1773 году а въ 1774 года по 1781 годъ употребляемъ былъ во многіе внутренне и пограничныя командированія и посылки; исправляя всѣ возложенныя на него дѣла добропорядочно безъ малѣйшихъ пороковъ и подозрѣній съ отличной ревностію похвальнымъ успѣхомъ, почему за таково усердно и безпорочно продолженную онимъ Японскимъ службу достоинъ награжденія чиномъ войскового товарища». Мы отказываемся объяснить происхожденіе этого аттестата, но несомнѣнно, что въ это время (1770—1773 году) Василій Яновскій, отецъ писателя, еще не родился. Помимо приведенныхъ выше официальныхъ данныхъ, мы ниже приведемъ другія, изъ которыхъ видно, что въ 1792—1796 онъ учился въ Полтавѣ, въ семинаріи, былъ со-всѣмъ ребенкомъ и назывался «Васютой». Впрочемъ, вопросъ о службѣ Василія Аванасьевича не имѣетъ значенія: все равно, вѣдь, онъ служилъ только номинально.

Извѣстно, что Василій Аванасьевичъ учился въ Полтавской семинаріи. Въ Полтавѣ былъ онъ на попеченіи нѣкоего Стефана Гординскаго, по всей вѣроятности, учителя семинаріи. Дошло нѣсколько писемъ Гординскаго къ отцу Василія Аванасьевича. Всѣ они начинаются такъ: «Ваше высокоблагородіе, высокомилоостивый государь и благодѣтель мой Аванасій Демьяновичъ». Въ каждомъ выражается благодарность за различныя благодѣянія и прибавляется та или другая просьба. Гординскій не только училъ Василія Аванасьевича, но и исполнялъ различныя порученія отца своего ученика: покупалъ маслины, оливы, вино судацкое, табакъ виргинскій. Изрѣдка онъ сообщалъ и о своемъ питомцѣ. Вотъ, напримеръ, выдержка изъ письма 26-го ноября 1794 года. «Что же касается до голубовъ, за которые вы изволили писать, якобы Васюта держалъ оныя, то хотя сему и правда, однако мнѣ несвѣдущу. Нынѣ же узнавши объ этомъ обстоятельно, завѣряю васъ, что уже точно не будетъ держать болѣе, а меня покорно прошу извинить». 2-го марта 1795 года Гординскій сообщалъ Аванасію Демьяновичу: «Васюта, слава Богу, по силѣ своихъ силъ и дарованій въ ученіи своемъ успѣваетъ сообразно оныхъ и впредь подавать добрую надежду, а его понуждаю къ ученію, соображаясь всегда силамъ его тѣлеснымъ, которыя усматриваются невелики». Сохранилось два письма Василія Аванасьевича къ своимъ родителямъ, писанныя имъ въ Полтавѣ. Вотъ одно изъ нихъ: «Высокомилоостивѣйшіе родители мои, батюшка и матушка. Во-первыхъ приношу вамъ всенижайшее благодареніе за присланный мнѣ гостинецъ, который въ цѣлости получилъ, при коемъ изъ письма

вашего узналъ, что вы за то недовольны, что я не вмѣстѣ приобщался святыхъ тайнъ, сіе я сдѣлалъ не самъ отъ себя, то есть не по своему желанію, но по приказанію отца префекта, который въ разсужденіи множества спасенниковъ, велѣлъ всѣмъ имѣющимъ не болѣе 15 лѣтъ семинаристамъ готовиться на пятницу, въ конхъ числѣ и я былъ, и потому повелѣнія не могъ перемѣнить. При чемъ остаюсь вашъ, высокомилоулюбившихъ родителей, покорнѣйшій сынъ и слуга Василій Яновскій. Р. Р. И инспекторъ меня за это пооралилъ, а Иванюшу выговаривалъ, что онъ не послушалъ та не zostался. Р. Р. Всепокорнѣйше прошу мнѣ куртку на лѣто и бѣлые шаровары, да меду. 1796 года, февраля 23-го дня». Опираясь на это письмо, можно съ увѣренностью утверждать, что Василіи Аонасѣвичъ родился не раньше 1780 года.

Мы не знаемъ, сколько времени пробылъ Василіи Аонасѣвичъ въ Полтавѣ: изъ сохранившихся въ бумагахъ Гоголя указаніи видно, что онъ находился въ Полтавѣ въ 1792—1796 годахъ. По всей вѣроятности, въ 1796 году онъ кончилъ свое ученье. Съ этого времени начинаются хлопоты Аонасія Демьяновича о дальнѣйшей судьбѣ сына, который все же числился все это время «находящимся въ малороссійскомъ почтамтѣ». Онъ списывается съ своими благопріятелями, отвѣты которыхъ сохранились въ семейныхъ бумагахъ. Одинъ изъ нихъ, подпись котораго трудно разобрать въ письмѣ, сообщалъ дѣду Гоголю: «письмо ваше по пріѣздѣ моемъ сюда, немедленно вручилъ Дмитрію Прокофьевичу ¹⁾, и его превосходительство охотно былъ расположенъ удовлетворить просьбѣ вашей, но послѣдовавшее по случаю кончины государыни императрицы совершенно новое преобразование гвардіи пресѣкло къ тому всякіе способы и великую возможность... Буде, кто вновь хочетъ записаться въ гвардію, тотъ долженъ служить на лицо первоначально солдатомъ и постепенно происходить чинами». Вотъ какъ отразилось восшествіе на престолъ Павла на жизни застрявшей въ глубинѣ Малороссіи мелкой помѣщичьей семьи. Не передѣлавъ Павелъ порядка въ гвардіи, быть можетъ, отецъ Гоголя былъ бы гвардейцемъ, и, Богъ знаетъ, имѣлъ ли бы онъ знаменитаго сына. Послѣ неудачной попытки пустить сына по военной службѣ, Аонасіи Демьяновичъ остановился на штатской. Сначала онъ разсчитывалъ послать сына въ пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Онъ уже запасся рекомендаціями къ вліятельнымъ лицамъ въ Москвѣ, но почему-то дѣло разстроилось. Попробовавъ онъ было отослать его въ Черниговъ для службы подъ руководствомъ своего пріятеля Павла Корочевского, но и здѣсь ничего не вышло. Такъ и остался Василіи Аонасѣвичъ «находящимся

¹⁾ Конечно, Троицкому. Вотъ съ какихъ поръ Троицскій принималъ участіе въ дѣлахъ семьи Яновскихъ.

при малороссійскомъ почтамтѣ по дѣламъ сверхъ комплекта». Въ 1799 году Василій Аванасъевичъ былъ произведенъ изъ губернскихъ секретарей въ титулярные совѣтники. Служба была номинальной, и Василій Аванасъевичъ даже не былъ внесенъ въ списки почтамта и долженъ былъ ходатайствовать передъ Д. П. Троицкимъ, который былъ въ это время директоромъ почтъ, о выдачѣ ему аттестата о службѣ. «За приключившимися мнѣ столь тягостными и продолжительными припадками, изъяснялся онъ въ своемъ прошеніи, проживалъ я въ домѣ для пользованія себя и въ спискахъ почтамта остался невписаннымъ». Въ 1805 году Василій Аванасъевичъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассессора, и съ этого времени онъ жилъ въ деревнѣ, сначала на положеніи паншча при родителяхъ, потомъ какъ глава семьи. И только, когда Троицкій пріѣхалъ на житье въ свое имѣніе и былъ выбранъ въ повѣтовые маршалы или предводители, Василю Аванасъевичу пришлось служить при немъ въ роли секретаря маршала. Въ 1812 году Василій Аванасъевичъ принималъ участіе въ заботахъ о всеобщемъ земскомъ ополченіи и, по предписанію Троицкаго, какъ дворянинъ, извѣстный честностью, завѣдывалъ собранными для ополченія суммами. Нѣкоторое время онъ исправлялъ даже должность маршала.

II.

Изъ событій домашней жизни Василя Аванасъевича самымъ крупнымъ и самымъ характернымъ для него была исторія его женитьбы. Здѣсь ярко сказалась одна черта его характера—необыкновенная чувствительность, мягкость и деликатность его натуры. Безъ сомнѣнія, чувствительность лежала въ самой природѣ Василя Аванасъевича, человѣка слабого, болѣзненнаго; но укрѣпilo и развило ее чтеніе современныхъ романовъ, героемъ которыхъ всегда являлся необыкновенно чувствительный юноша. Самое страстное письмо Василя Аванасъевича къ своей невѣстѣ очень характеризуетъ его и какъ бы выхвачено изъ какой нибудь сентиментальной повѣсти того времени. «Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастья сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ странное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце. Прощайте, наилучшій въ свѣтѣ другъ! Прощу васъ быть здоровой и не беспокоиться обо мнѣ. Увѣряю васъ, что никого въ свѣтѣ и не можетъ столь сильно любить, сколько любить васъ и почитать васъ вѣчно вѣрнѣйшій другъ, несчастный Василій... Прощу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ. И самъ не знаю, какъ пишу». Нужно отмѣтить, что всѣ любовныя письма своего жениха Марья Ивановна показывала своимъ родителямъ и подъ ихъ диктовку пи-

сала отвѣты. Марья Ивановна въ своихъ запискахъ вспоминала о томъ, какъ ухаживалъ за ней Василій Аѳанасьевичъ. «Когда я бывало гуляла съ дѣвушками къ рѣкѣ Песлу, то слышала пріятную музыку изъ-за кустовъ другого берега. Не трудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома, скрываясь дома». Супружеская жизнь Василія Аѳанасьевича своею безмятежностью напоминаетъ жизнь Филемона и Бавкиды, Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Когда явились дѣти, супруги сосредоточили на нихъ всю свою любовь. Василій Аѳанасьевичъ способенъ былъ занемочь, узнавъ о томъ, что милому Никошѣ плохо живется въ Нѣжинѣ. Въ домашней жизни онъ былъ не взыскательный, добрый и нехозяйственный помѣщикъ. Надѣленный нѣкоторымъ эстетическимъ вкусомъ, онъ занимался разбивкой садовъ. Каждой аллеѣ онъ подыскивалъ названье: въ сосѣднемъ лѣсу была, напримѣръ, «долина спокойствія». Его чувствительную «деликатную» душу характеризуетъ то, что, «будучи человѣкомъ мягкимъ и уступчивымъ по натурѣ, онъ постоянно требовалъ, чтобы никто не смѣлъ стукомъ разгонять соловьевъ, и не позволялъ поэтому мыть бѣлье на прудѣ, находящемся въ Васильевкѣ посреди сада» ¹⁾. Не имѣя, кромѣ хозяйственныхъ, мало привлекательныхъ его, никакихъ другихъ дѣлъ, Василій Аѳанасьевичъ создавалъ себѣ дѣла: покупалъ различныя вещи, которыя, «быть можетъ, ему и не были нужны, строилъ бесѣдочки, гротики въ своей усадьбѣ; проводилъ цѣлыя дни въ саду, подрѣзывая деревья. Въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Троицкій сообщаетъ Василію Аѳанасьевичу, что требуемые имъ «математическіе» инструменты приобретены. Зачѣмъ они понадобились Василію Аѳанасьевичу, трудно догадаться. Василій Аѳанасьевичъ писалъ стихи на различные случаи. «Мужъ мой, говоритъ Марья Ивановна, писалъ иногда стихи, по ничею серіознаго». Вообще онъ, подобно многимъ изъ среднихъ людей, обладалъ различными способностями; былъ большимъ мастеромъ на малыя дѣла и превеликимъ искусникомъ.

Такимъ онъ былъ въ своей семьѣ; среди своихъ сосѣдей онъ пользовался репутаціей веселаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, и который съ удовольствіемъ сдѣлаетъ то, о чемъ его попросятъ. Эта готовность къ услугамъ отчасти объясняется тѣмъ скромнымъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ средѣ помѣщиковъ, или богатыхъ или именитыхъ, онъ—человѣкъ не знатный и небогатый. На его положеніе нужно обратить особенное вниманіе. Лица, среди которыхъ онъ жилъ, были или выше или ниже его; первые были для него «благодѣтелями».

¹⁾ В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, I, 51.

вторымъ благодѣтельствовалъ онъ самъ. Отношенія низшихъ къ высшимъ характеризуются тѣмъ специфическимъ оттѣнкомъ подобострастія, изображеніе котораго такъ удавалось Гоголю. Для всѣхъ лицъ, имѣющихъ какое либо значеніе, Василій Аоанасьевичъ былъ постояннымъ и добросовѣстнымъ комиссіонеромъ. Сохранилась масса писемъ, въ которыхъ просятъ его о различныхъ одолженіяхъ. Тонъ писемъ мѣняется соответственно общественному положенію корреспондента. Для Орлая, директора училища, въ которомъ училъ его сынъ, онъ присматриваетъ покупателей на его имѣніице и вообще наблюдаетъ за ходомъ дѣлъ въ имѣніи, полтавскому прокурору Горбоискому онъ приторговываетъ землю. Но самымъ большимъ челоѣкомъ въ округѣ былъ жившій въ своемъ имѣніи Кибинцахъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, который какъ разъ приходилъ родственникомъ Марьѣ Ивановнѣ. Безусловно невѣрно сообщеніе Кулиша о томъ, что отецъ Гоголя и Трощинскій были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Ихъ отношенія были далеко неравноправны: между ними было слишкомъ большое разстояніе. Онъ—богатый и властный челоѣкъ, Марья Ивановна и Василій Аоанасьевичъ—бѣдные родственники, которымъ нужно было помогать матеріально и которые могли нѣсколько разсѣять скуку деревенской жизни. Онъ искренно думалъ, что они должны съ готовностью оказывать ему различныя услуги; они искренно признавали за нимъ право на такое мнѣніе. Василій Аоанасьевичъ принималъ большое участіе въ управленіи угодьями Трощинскаго. Письма А. А. Трощинскаго, племянника сановника, почти цѣликомъ посвящены различнымъ сообщеніямъ о томъ, что нужно сдѣлать Василію Аоанасьевичу для экономіи Трощинскаго. Василій Аоанасьевичъ былъ довѣреннымъ челоѣкомъ и велъ сношенія съ управителями, экономами и другими лицами, служившими у Трощинскаго. Въ бумагахъ Василія Аоанасьевича сохранилась интересная жалоба на его дѣйствія отъ одного расчитаннаго по его винѣ управителя: «Прискорбно сердцу моему,—пишетъ послѣдній,—вести съ вами переписку о дѣлѣ, вамъ извѣстномъ, коимъ безбожный г-нъ Яновскій, профессоръ лжи, очернилъ меня и мою честную семилѣтнюю и девятидневную въ экономіи его превосходительства Д. Г. Трощинскаго службу. Пусть чернить. Десница всевидящаго Бога очернить и его въ свое время... Я сказалъ уже, что не только къ г-ну Яновскому писать не буду, но и видѣть его,—сохрани меня Богъ—не хочу. Лучше посмотрѣть на паршивую въ полѣ лежащую собаку, нежели на него». Вотъ какихъ аттестаціи добился Василій Аоанасьевичъ, ревностно стараясь объ интересахъ своего «благодѣтеля». Но онъ не только оказывалъ различныя услуги по управленію, онъ еще заботился о развлеченіи его превосходительства. Онъ принималъ большое участіе въ тѣхъ спектакляхъ, что ставились на сценѣ домаш-

няго театра Д. П. Троцинекаго въ Кишинцахъ. Если судить по тому, что по дѣламъ домашняго театра обращались къ нему, то можно думать, что онъ являлся организаторомъ дѣла. На этой сценѣ игралъ и онъ, и его жена; игралъ Василій Аонасьевичъ не только въ чужихъ пьесахъ, но и въ своихъ, которыя онъ составлялъ на этотъ случай. Двѣ извѣстныя намъ его комедіи, написанныя для развлеченія сановника, тщательно разбирались историками малороссійской литературы. «Будучи живымъ членомъ своего общества,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—В. А. Гоголь захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его воссозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провѣденія времени—вотъ все, что могъ искать писатель тогдашній въ родномъ быту, а Гоголь-отецъ очень искусно и умѣло почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи». Гоголь-сынъ зналъ эти комедіи, очень цѣнилъ ихъ и одну изъ нихъ поставилъ на сценѣ Нѣжинскаго училища.

Близость къ Троцинскому создавала Василю Аонасьевичу извѣстное положеніе. Сохранилось немало писемъ къ нему отъ различныхъ лицъ, которыя въ почтительныхъ выраженіяхъ просили походатайствовать за нихъ передъ его превосходительствомъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Троцинскимъ. Вообще, если судить по тѣмъ письмамъ, что дошли до насъ, Василій Аонасьевичъ былъ человѣкъ «общественный», живой, находившійся въ перепискѣ и съ благодѣтелями и съ благопріятелями.

Намъ извѣстенъ одинъ эпизодъ изъ жизни Василя Аонасьевича, рисующій его увлеченіи характеръ. Въ началѣ XIX вѣка итѣкій поручикъ, Иванъ Осиповичъ Танскій, задумалъ разыскать свое наслѣдство—земли и угодья, пожалованныя его предкамъ, въ числѣ которыхъ былъ и переяславскій полковникъ Василій Танскій. Какъ извѣстно, бабка Гоголя, Татьяна Семеновна, была дочерью Семена Лизогуба и Анны Танской, дочери Василя Танскаго. Поручикъ Иванъ Танскій путешествовалъ за границей, былъ въ Молдавіи, разыскивая фамильныя бумаги. Но такъ какъ онъ не былъ единичнымъ наслѣдникомъ, то ему пришлось обратиться къ Василю Аонасьевичу и просить снабдить его довѣренностью на веденіе дѣлъ. Несмотря на то, что дѣло представлялось сомнѣнъ эфемернымъ, искомыя имѣнія находились въ разныхъ государствахъ, Василій Аонасьевичъ увлекся мечтой стать богатымъ человекомъ и вручилъ Танскому «вѣрующій открытый листъ». Конечно, изъ поисковъ Танскаго ничего не вышло, но между Танскимъ и В. А. Гоголемъ завязалась переписка, изъ которой одно письмо Танскаго къ Гоголю было напечатано въ «Кіевской Старинѣ» (т. 59, стр. 13, октябрь 1897 г.). Другія письма Танскаго и черновики писемъ Василя Аонасьевича сохранились въ семейныхъ бумагахъ.

III.

Среди бумагъ Василия Аванасьевича Гоголя сохранилась записная книжка, на синей бумагѣ, въ 16-ю долю писчаго листа. На первой страничкѣ написано: Monitor. 1817. Basilii Janovsky. Достаточно пересмотрѣть эту книжку, чтобы получить извѣстное представление о личности ея владѣльца. Рядъ дѣльныхъ замѣтокъ прерывается записями совсѣмъ нехозяйственного характера. «1817 года, декабрь: должно заплатить въ Полтавѣ: 1) въ казначействѣ подушныя деньги за 2-ю сего года половину, 2) портному Гѣлухиному за пошитые сюртука и 3) сапожнику Власу за сапоги.— На сіе взять деньги отъ Г. полк.: Ал: Фед: Ляховича слѣдующе за него за корову. NB. не забыть справиться въ Полтавской казенной палатѣ за переводъ Гернервыхъ людей за Орловыхъ людей, записаны ли они въ ревизіи... Попросить Пол: Лях: за сына Катарева о помѣщеніи его въ полкъ». Дальше — замѣтка о дѣлахъ. На слѣдующей страницѣ: «написать до Зимина 1) за посылку денегъ на Украинскій Вѣстникъ и календарь, 2) о переплетѣ 2-хъ книгъ въ Миргородѣ». Потомъ слѣдуютъ неинтересныя замѣтки о томъ, что предстоитъ сдѣлать Василию Аванасьевичу по имѣніямъ Троцинскаго. Послѣ нихъ открываются записи 1818 года о работахъ по дому (постройка клуня, плотины и т. п.) и различныя замѣтки хозяйственного характера. За ними любознательный Василий Аванасьевичъ выписываетъ откуда-то: «Качества души. Разумнѣе. Простое понятіе души, оно созерцаетъ токмо сущность и вѣчныя начала вещей. Мудрость размысливаетъ не токмо о началахъ, но и о слѣдствіяхъ, изъ оныхъ проистекающихъ; она заимствуетъ нѣчто и отъ ума, который созерцаетъ, и отъ знанія, которое доказываетъ. Благоразуміе цѣнитъ и слышитъ благо и зло, рассуждаетъ не слѣпнно, даетъ намъ рѣшимость избирать то, что наиболѣе сообразно съ истинною нашею пользою, когда же оно, имѣя довольно свѣдѣній, чтобы произнести рѣшеніе, не имѣетъ довольно силы заставить насъ дѣйствовать, тогда оно есть токмо здоровое разсужденіе. Мнѣніе скрывается въ своихъ сомнѣніяхъ и часто увлекаетъ насъ въ заблужденіе. NB изъ всѣхъ качествъ души превосходнѣйшее есть мудрость, а полнѣйшее благоразуміе». Вслѣдъ за этимъ философскимъ отрывкомъ—слѣдующая записка: «9 осталась должна Марья Васильевна проигрышу 13 руб. 20 коп., а Федоръ Федоровичъ остался за расчетомъ долженъ 4 рубля 60 коп., да проигрышъ третьяго числа впервые 30 коп., итого 11 руб. 90 коп.». На слѣдующей страницѣ Василий Аванасьевичъ записалъ для памяти значеніе слова импровизаторъ, онъ перевелъ его для себя выраженіемъ изустный риемачъ.

На всякій случай Василій Аѳанасьевичъ записаль, что «мозаики работаются превосходнѣйшія въ Флоренціи, а особливо ландшафты, а историческія картины въ Римѣ. Въ первой употребляются самыя мелкіе, а въ послѣдней гораздо большіе камни». Дальше идутъ выписки о любимомъ предметѣ Василія Аѳанасьевича—садоводствѣ: «Баконъ, Мильтонъ и Аддисонъ установили вкусъ аглицкихъ садовъ. Кентъ, другъ Попе, имѣлъ отличнѣйшій вкусъ и дарованіе въ аглицкомъ садоводствѣ. Достойный его преемникъ Браунъ» и т. д., слѣдуетъ перечисленіе лучшихъ англійскихъ садовъ.

На послѣдней страничкѣ два стихотворенія, или выписанныя Васильемъ Аѳанасьевичемъ откуда нибудь, или принадлежація его перу. Въ послѣднемъ случаѣ они—единственныя, дошедшія до насъ. Первое безъ названія.

О! Я, сударь, изъ столбонныхъ дворянъ:
 На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,
 А я мухъ колотилъ въ доровнѣ для забавы;
 Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
 Чтобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поѣлъ.

Второе имѣетъ заглавіе «Купецъ».

За доброе подчасъ ты продаешь гнилое,
 Не боже берешь, какъ впятеро иль втрое.
 Аршинъ и пожницы, вѣсы, рука и взоръ,
 Зубъ каждый у купца и даже лавка—воръ.

Одной этой записной книжки достаточно было бы для характеристики Василія Аѳанасьевича, хлопотуна по чужимъ дѣламъ, живого человѣка, поглощеннаго интересами повседневной жизни, не чуждаго книгъ и литературы, любопытнаго или любознательнаго, интересующагося предметами, далекими отъ его жизненнаго обихода (мозаики); однимъ словомъ, человѣкъ средней руки.

Такимъ былъ Василій Аѳанасьевичъ Гоголь. Въ памяти сына, который почти не упоминаетъ о В. А. въ своей перепискѣ, осталась, повидному, одна черта характера Василія Аѳанасьевича—его чувствительность и доброта. Въ 1836 году, вспоминая объ отцѣ, Николай Васильевичъ называетъ его «пѣжнымъ» отцомъ. Въ письмѣ отъ 24-го марта 1827 года, вспоминая о томъ, какъ въ дѣтствѣ онъ любилъ заниматься въ саду, Николай Васильевичъ пишетъ: «Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія (садоводства), хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ напеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать этого небснаго ангела». За этими строками слѣдуетъ риторическое отступленіе, изъ котораго ровно

ничего нельзя объяснить объ отношеніяхъ сына къ отцу. «Это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живить, даетъ даръ чувствовать самого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгустившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ; я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, испытую свои силы для поднятія труда важнаго... и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія». Трудно, очень трудно повѣрить въ искренность этого отрывка. Стилъ, въ которомъ Гоголь, буквально, вязнетъ, обличаетъ неясность, спутанность и неискренность мысли. Помимо этого соображенія всѣ данныя о личности Василя Аонасьевича говорятъ за то, что этотъ средній, обыкновенный человѣкъ, добрый, услужливый, ни въ какомъ случаѣ не могъ бы быть вождемъ, ангеломъ, твердо и непреклонно указующимъ въ мѣту жаднаго исканія; героическимъ существомъ, къ которому съ надеждою обращались бы чьи либо восторженные взоры.

П. Е. Щеголевъ.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ М. БОЛЬШИХЪ - СОРОЧИНЦАХЪ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, ГДѢ КРЕСТИЛИ Н. В. ГОГОЛЯ.

БОЛЬШИЯ-СОРОЧИНЦЫ, теперь мѣстечко Полтавской губернии, Миргородскаго уѣзда, нѣкогда сотенный городъ миргородскаго казацкаго полка, замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: какъ мѣсто, гдѣ погребенъ бывшій малороссійскій гетманъ Данилъ Павловичъ Апостолъ, и какъ мѣсто, гдѣ родился и былъ крещенъ нашъ знаменитый писатель Николай Васильевичъ Гоголь. Какъ погребеніе Апостола, такъ и крещеніе Гоголя произошли въ церкви св. Преображенія, самой лучшей изъ церквей Сорочинцевъ.

Церковь св. Преображенія сооружена самимъ же гетманомъ Апостоломъ, въ 1632 году, и стоитъ на древнемъ земляномъ, довольно высокомъ валу, противъ такъ называемаго Затона живописной рѣчки Псла, лѣваго притока Днѣпра, и живописной долины, Оболони. Нѣкогда эта церковь занимала центральное мѣсто «Городка», т. е. земліаго укрѣпленія Сорочинцевъ, какъ его называютъ мѣстные старожилы.

Преображенская церковь въ Сорочинцахъ безспорно самая красивая изъ всѣхъ церквей мѣстечка. Уже издали зданіе ея поражаетъ своею грандіозностью, рѣдкою оригинальностью, рѣдкимъ сочетаніемъ своихъ формъ и своею отдѣлкой. Туристъ видитъ передъ собою не заурядную сельскую церковь, низенькую, деревянную, придавленную къ землѣ, а величественное, пятиглавое, обширное зданіе, совершенно не пристающее къ обычнымъ сельскимъ строеніямъ, которому мѣсто не только въ уѣздномъ или губернскомъ, а даже

въ столичномъ городѣ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи церковь эта еще болѣе поражаетъ наблюдателя.

Стѣны ея сложены изъ камней и имѣють до 2½ аршинъ толщины, но стоятъ безъ цоколя, что составляетъ рѣдкость для нашего времени. Снаружи она отдѣлана весьма затѣйливыми и весьма красивыми лѣпными украшеніями, хотя и безъ всякихъ фронтоновъ, колоннъ и портиковъ. Внутри церкви положенъ полъ изъ желѣзныхъ квадратныхъ плитъ и устроены три престола: главный во имя Успенія пресвятой Богородицы и боковые—во имя Покрова и святой Троицы. Противъ главнаго престола возведенъ чрезвычайно высокій, замѣчательной рѣзьбы, иконостасъ, съ густой позолотой, теперь сильно потускнѣвшей, и съ рѣдкими, по художественному исполненію, иконами. Иконы здѣсь настолько хорошо написаны, что многія изъ нихъ, въ особенности же иконы ветхозавѣтныхъ пророковъ, невольно приковываютъ къ себѣ зрителей, поражая ихъ своимъ библейскимъ спокойствіемъ и невольно перенося воображеніе ихъ въ далекія, полныя таинственности, времена.

Въ числѣ другихъ иконъ видное мѣсто занимають иконы пророка Даніила и великомученицы Іуліаніи, патроновъ гетмана Апостола и его супруги. Св. пророкъ Даніилъ держитъ въ правой рукѣ камень (эмблема фундатора храма), а въ лѣвой свитокъ съ пророчествами, изображенными тутъ же въ лицахъ. Великомученица Іуліанія представлена въ славѣ красоты и непорочности, но ниже нея на тумбѣ изображена особо ея глава, отсѣченная отъ туловища. Обѣ фигуры, Даніила и Іуліаніи, въ сильной степени национализированы художникомъ, одѣвшимъ ихъ въ малорусскіе костюмы, особенно Іуліанію.

Кромѣ этихъ двухъ иконъ изъ множества другихъ, сильный интересъ возбуждаетъ также большой деревянный крестъ съ рельефной фигурой Спасителя, въ терновомъ вѣнцѣ, вырѣзанной по срединѣ креста, какъ это всегда можно видѣть въ католическихъ костелахъ, но весьма рѣдко въ православныхъ храмахъ. Этотъ крестъ помѣщенъ въ слабо освѣщенномъ углу, противъ бокового праваго иконостаса; и невольно привлекаетъ къ себѣ взоры обозрѣвателя храма.

Изъ другихъ церковныхъ вещей замѣчательны: два антипинса, 1732 и 1781 года, первый—освященный кіевскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, и второй—архіепископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ Иларіономъ; далѣе, одна риза серебряной парчи и съ серебряными на бокахъ пуговицами, довольно тяжеловѣсная и довольно свободная въ покроѣ; затѣмъ, пять напестольныхъ крестовъ, частію серебряныхъ, частію кипарисовыхъ, но обложенныхъ серебромъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ крестовъ имѣются слѣдующія надписи: 1) «Сей крестъ наданъ до храму святого Преображенія 1770 года марта 11 дня»; на немъ же по оправѣ: «1772 году сей

крестъ здѣланъ до храму Преображенія Христова коптомъ добродѣтельныхъ дателей. Цѣна 15 рублей». 2) «Сей крестъ святѣй здѣланъ до церкви Преображенія Господня соборной Сорочинской коптомъ благочестивыхъ добродѣтелей 1765 року априля 10 дня». 3) мощи Михайла князя тверскаго (на золотомъ крестѣ). 4) Д. А. Е. В. П. I. В. З. (Вѣроятно, инициалы герба Данила Апостола).

Изъ древней утвари, кромѣ крестовъ, въ церкви св. Успенія имѣются еще: 4 серебряныхъ чаши, 3 диска, 3 звѣздицы, дарохранительница. Къ этому еще: плащаница по бѣлому шелку масляными красками лицо, руки и ноги превосходнаго письма и верхній на престольный покровъ, по шелку и серебру тканый золотомъ, рѣдкая по прекрасной работѣ вещь.

Церковно-богослужебныхъ книгъ сохранилось болѣе 40; изъ нихъ наиболѣе интересны: 5 евангелій, всѣ московской печати 1653, 1717, 1735, 1744 и 1796 гг.; затѣмъ, апологіонъ, львовской печати 1651 г., 12 книгъ четырехъ-миней 1705 года, бесѣды Іоанна Златоустаго, житія святыхъ (12 книгъ), собраніе разныхъ поученій, исторія новаго заветъа Кедрина и др.—всѣ второй половины XVIII вѣка.

Въ церковномъ архивѣ Успенской церкви хранятся: три записи на пожертвованіе церкви «плѣсовъ» или усадебъ съ надворными постройками и безъ построекъ, главнымъ образомъ лубенскимъ полковникомъ, Петромъ Апостоломъ, сыномъ гетмана, начиная съ 1746 года. Кромѣ того, «реестръ для памяти папу Андрею Стефановичу, 1728 года», въ которомъ весьма интересны показанія цѣнъ на различные предметы потребленія: водку, хлѣбъ, рыбу, а также и на другіе предметы: крашанину, казацкую одежду, церковныя требы и т. п. Тутъ же имѣется большой, въ размѣрѣ цѣлаго листа, писанный синодикъ съ родословіями нѣкоторыхъ «славетне-уроконыхъ» въ Малой Россіи пановъ, какъ, на примѣръ: пана Петра Кулябки, его милости писаря полку миргородскаго, пана Ивана Яллинскаго, пана Михаила Гамалѣя, сотника миргородскаго Моисея Заруднаго, Григорія Чичагова, обознаго полку миргородскаго Василия Родзянки, жителя Тимофея Пищимуки, сотниковъ сорочинскихъ Петра Жученка и Михаила Лоевскаго, писаря полку миргородскаго Ивана Руновскаго (1719 г.), усопнаго раба Божія Марка Малинки, генераль-маіора Георгія Леслия (Лессія), убиеннаго въ походѣ 1737 года (ниже оны же записанъ о здравіи: господина генерала Лессія и паней его и чадъ Георгія, Феки); яснотельможнаго его милости ктитора и фундатора церкви каменной Преображенія Господня Сорочинской господина гетмана Данила Апостола. Кромѣ названныхъ «уроконыхъ» малороссійскихъ фамилій, приведены и многіи другія, менѣе извѣстныя въ исторіи Украины. Кое-гдѣ, по полямъ этого же синодика, имѣются записи въ родѣ слѣдующихъ: «Слуга Пахоміе (ііі) архіерія, которій утону здѣсь лѣта 1720 мѣсяца іуліе 18 у четвергѣ

рано». Или: «Люби въ щастію, люби въ несчастію, а понеже стра-тишь цноту, будешь имѣти вѣчную работу».

Къ большому сожалѣнію, этотъ синодикъ сильно пострадалъ отъ какой-то невѣжественной руки, которая во многихъ мѣстахъ безжалостно вырѣзала самыя наименованія родовъ.

Кромѣ всего названнаго въ церкви св. Успенія, у плотопогъ, которые обычно поддерживаютъ своды и куполь храма, обращаютъ на себя вниманіе особыя возвышенныя мѣста, съ такъ называемыми бокунами или стасидіями для стоянія и сидѣнія почетныхъ посѣтителей храма, очевидно, въ данномъ случаѣ гетмана Апостола и его супруги съ семьей.

Выше праваго клироса бросается въ глаза прибитый къ стѣнѣ деревянный, въ видѣ щита, раскрашенный разными цвѣтами, кругъ съ изображеніемъ герба гетмана Данила Апостола, съ прикрѣпленной вверху его съ обнаженнымъ мечомъ рукой, съ орденомъ Александра Невскаго на красной лентѣ по срединѣ, съ четырьмя булавами и двумя бунчуками по срединѣ и съ рельефными славянскими буквами по краямъ: «За труды и отечество». «Десь, мабуть, гетьманъ бувъ добрый вояка, шо заслужывъ соби отъ таку медалью», говорятъ мѣстные крестьяне, взирая на гербъ Апостола.

Еще далѣе, за правымъ клиросомъ, въ той же стѣнѣ вдѣлана желѣзная доска съ длинной эпитафіей на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, которая гласитъ, что въ этой же церкви погребенъ генераль-майоръ Георгій Лесли, убитый во время набѣга татаръ, въ 1737 году, въ украинскія поселенія, ниже г. Полтавы. «Всепресвѣтлѣйшаго императорскаго російскаго маестату высокоблагородному и высокопревосходительному генералу мапору Георгію Лесли, 11-го дня февраля, при берегу Днѣпровомъ, сильно отъ варваръ аттакованному, безмѣрно израненному и мужественно умершему, въ незабвенную память эпитафіонъ или гробное надписаніе». Далѣе, слѣдуетъ этотъ эпитафіонъ изъ 44 syllабическихъ стиховъ, въ концѣ котораго помѣщенъ часовой циферблатъ со стрѣлкой надъ цифрой VIII и съ латинскою подписью: «ita cursum consumavi—такое теченіе совершихъ».

Изъ исторіи Украины мы узнаемъ, что генераль-майоръ Георгій Лесли, во время русско-турецкой войны 1737 г., двигаясь съ сотнею драгунъ въ приднѣпровской степи, пониже г. Полтавы, но тамъ внезапно былъ постигнутъ ворвавшимися на Украину татарами и былъ убитъ съ большею частью драгунъ, а слыть его съ оставшимися въ живыхъ драгунами былъ захваченъ въ плѣнъ.

Самъ гетманъ Данилъ Павловичъ Апостоль скончался 17 января, 1734 года, въ г. Глуховѣ, но былъ перевезенъ въ Сорочинцы и погребенъ подъ церковнымъ поломъ, въ особомъ каменномъ склепѣ. «Того жъ 1733 года, апреля 28 дня, говоритъ малороссійскій лѣтописецъ самовидецъ, гетманъ и кавалеръ Данилъ Павловичъ Апо-

Церковь Преображенія въ м. Сорочинцахъ, гдѣ крестили Гоголя.

столь заболѣзноваль на паралѣжъ.... Въ року же наставиметь 1734, генваря 17 дня, гетманъ и кавалеръ Даніилъ Апостолъ въ Глуховѣ умеръ, въ покои, при вѣрности ея императорскому величеству, которого тѣло провожено было до Сорочинецъ и тамъ въ новоооруженной отъ него же каменной церквѣ погребено архиепископомъ кіевскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ, съ церемонією прензрядною, февруаря 5 дня» (Лѣтопись, Кіевъ, 1878 г., стр. 317, 318).

Въ этомъ же склепѣ была погребена и жена гетмана Апостола, пережившая его нѣсколькими годами и получавшая до смерти пенсію въ 3.000 рублей, а также, вѣроятно, и нѣкоторые другіе родственники гетмана.

Лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ ходъ въ склепъ гетмана Апостола былъ совершенно доступенъ всѣмъ. Но затѣмъ, въ видахъ устраненія порчи и хищенія, которымъ подвергались гробы съ имѣвшимися въ нихъ покойниками, доступъ въ склепъ былъ воспрещенъ и ходъ въ него вовсе задѣланъ. Открывается же онъ только тогда, когда балки, на которыя настланъ желѣзный полъ, встѣпаютъ и требуютъ замѣны новыми, а это бываетъ одинъ разъ въ 8 или 10 лѣтъ. Въ одинъ изъ такихъ удобныхъ моментовъ два мѣстныхъ просвѣщенныхъ любителя старины, В. М. Базилевскій и А. И. Ксѣнзенко, успѣли осмотрѣть интересный склепъ и передаютъ о немъ слѣдующее.

Склепъ приходится какъ разъ противъ большого паннакидила, подвѣшеннаго въ куполь церкви, и имѣетъ подобіе «четырехсторонней камеры со сводчатымъ, въ видѣ арки, потолкомъ», длины 8 аршинъ, ширины 4 аршина и высоты нѣсколько выше роста человѣка. Къ нему ведутъ 10 каменныхъ ступенекъ, около 3 аршинъ ниже уровня церковнаго пола. При входѣ съ послѣдней ступеньки въ склепъ посѣтитель видитъ нѣсколько гробовъ, 15—20, различныхъ размѣровъ—большихъ, среднихъ и малыхъ, большею частью развалившихся отъ сырости, и вмѣстѣ съ тѣмъ поражается тѣмъ безпорядкомъ, который царитъ въ склепѣ: между разнымъ хламомъ, который въ немъ набросанъ, можно видѣть человѣческій черепъ съ женскимъ головнымъ уборомъ, обломки оружія, куски полусгнившей матеріи, которыми были обиты гробы и т. п. Нѣкоторые гробы по формѣ своей совершенно непохожи на гробы нашихъ временъ: они скорѣе похожи на продолговатые прямоугольные ящики, нежеланно то, что мы называемъ гробами.

Особо стоятъ четыре большихъ гроба, два у правой стѣны склепа и два у лѣвой, но такимъ образомъ, что одинъ гробъ положенъ на другой. Изъ этихъ четырехъ гробовъ одинъ выдѣляется и своей величиной, и своей роскошной отдѣлкой. Это и есть гробъ гетмана Даніила Апостола. «Длиною этотъ гробъ, говоритъ г. Ксѣнзенко, около трехъ аршинъ; онъ дубовый, на точеныхъ ножкахъ, обитъ чернымъ бархатомъ; крышка его по краямъ обгнила, и обивка на

Престоль Преображенской церкви.

ней сохранилась только кой-гдѣ; но самый гробъ сохранился хорошо, за исключеніемъ его дна, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнило. Снаружи, на изголовьѣ гроба, прибита четырехугольная металлическая дощечка ¹⁾, около 5 вершковъ въ квадратѣ; на ней масляными красками нарисованъ большой кругъ, изображающій часовой циферблатъ съ одной только стрѣлкой, поставленной на цифрѣ V; на правой сторонѣ его написаны римскія цифры, начиная отъ XII до V включительно; на лѣвой же сторонѣ цифръ нѣтъ, но значится написанное по окружности славянскимъ прирѣтомъ слово «преста». Въ большомъ кругѣ нарисованъ еще малый кругъ, а въ немъ ландшафтъ, изображающій заходъ солнца, въ видѣ человеческого лица, съ сіяющими лучами. Очевидно, что эта надпись и рисунокъ есть аллегорическое изображеніе времени дня, когда послѣдовала кончина гетмана. Когда была приподнята крышка гроба, то взорамъ представился довольно высокаго роста покойникъ, одѣтый въ кафтанъ, достигающій колѣнъ. Мягкія части головы и лица совершенно исчезли, превратившись отчасти въ похожую на сажу пыль, въ изобиліи покрывающую костный скелетъ головы и лица. Кафтанъ изъ парчи, первоначальный цвѣтъ которой, а также рисунокъ ея ткани опредѣлить, конечно, невозможно; все это сильно измѣнилось отъ времени; теперь кафтанъ имѣетъ цвѣтъ зеленовато-грязный, застегнуть на правой сторонѣ на нѣсколько металлическихъ пуговицъ, имѣющихъ оливкообразную форму и еще кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія (со стороны посѣтителей); рукава довольно длинныя, съ обшлагами, къ кистямъ рукъ постепенно суживающіеся. На головѣ изъ такой же парчи, какъ и кафтанъ, небольшая шапочка, по крою напоминающая священническую скуфью; отъ времени, а быть можетъ, и отъ чрезмѣрнаго усердія къ древностямъ многихъ прежнихъ посѣтителей гетманской усыпальницы, отдѣлка шапочки сильно пострадала; замѣтно, что она была украшена узорчатымъ шитьемъ или чѣмъ либо подобнымъ, что потомъ исчезло. Черезъ лѣвое плечо широкая лента, несомнѣнно орденская. На лѣвой сторонѣ груди на кафтанѣ нашита золотомъ звѣзда ордена св. Александра Невского, котрымъ покойный былъ пожалованъ въ 1731 году; въ кружкѣ ея—девизъ ордена: «За труды и отечество». Остальные принадлежности костюма совершенно разложились; сохранились только на ногахъ кожаные туфли. Мягкія части рукъ и ногъ также совершенно разложились, превратившись въ маркую черную пыль, покрывающую обнажившіеся кости.

Второй гробъ стоитъ сверху сейчасъ описаннаго; обивка его почти совершенно исчезла. Въ немъ покоятся останки какого-то военного сановника... Покойникъ одѣтъ въ короткій мундиръ со

¹⁾ По увѣренію В. М. Василевскаго, серебряная.

стоячимъ высокимъ воротникомъ и расходящимися полами. Воротникъ расшитъ золотымъ нитьемъ, а полы, карманные клапаны на бокахъ полъ и рукавные обшлаги обшиты позументомъ, изображающимъ дубовые листья; по бортамъ полъ, на клапанахъ и обшлагахъ металлическія плоскія пуговицы. На рукахъ шелковыя вязаныя перчатки; на ногахъ длинныя шелковыя чулки и кожаные

Образъ пророка Даниїла.

башмаки. Очень можетъ быть, что это и есть останки того генераль-майора Георгія Лесли, о которомъ глаголетъ упомянутая выше эпитафія.

Третій гробъ, нижній съ лѣвой стороны, обитъ шелковою полосатою матеріей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поистрепаннейшей: гробъ довольно длинный, также на точеныхъ ножкахъ. Заключенные въ немъ останки покойника покрыты кускомъ черной матеріи; изъ одежды болѣе или менѣе сохранился только длинный шелковый, черного цвѣта, плафрокъ съ рукавами, а на ногахъ башмаки; покойникъ сильно разложился; за неключеніемъ костнаго скелета, все

остальное исчезло. Можно предполагать, что въ этомъ гробѣ похоронена женщина, а шелковая обивка гроба и такой же плафрокъ указываютъ, что женщина эта принадлежала къ высшему кругу. Очень можетъ быть, что это прахъ жены гетмана Апостола.

Наконецъ, четвертый гробъ, стоящій на верху третьяго, также съ лѣвой стороны у входа, заключаетъ въ себѣ останки и одежды, настолько разложившіеся и измѣнившіеся, что болѣе или менѣе ясное представленіе ихъ и описаніе невозможны. Гробъ этотъ также сильно обгнилъ.

Остальные гроба, развалившіеся и сгнившіе, свалены въ беспорядочную кучу щепъ, обломковъ, выпавшихъ ножекъ и массы древесной пыли» (Ксѣпенко, «Кіевская Старина», 1887, февраль, 358, 359).

Другой очевидецъ, лично посѣщавшій гетманскій склепъ, В. М. Базилевскій, къ этому описанію прибавляетъ еще, будто бы склепъ представляетъ собою начало подземнаго хода, который идетъ затѣмъ подъ землянымъ валомъ, далѣе подъ рѣкой и выходитъ въ башню, отстоящую отъ церкви приблизительно саженьяхъ во сто, въ усадьбѣ одного (?) помѣщика. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ обывателей спустились будто бы по ступенькамъ этого хода, но до конца не доходили, такъ какъ подъ конецъ воздухъ становился до того спертымъ, что отъ него гасла свѣчка, да и, кромѣ того, грозилъ опасность быть заваленнымъ землей.

Въ этой же Свято-Преображенской гетманской церкви мѣстечка Большихъ-Сорочинцевъ былъ крестецъ и нанѣ знаменитый писатель, Н. В. Гоголь-Яновскій. Въ метрической книгѣ, въ первой части о родившихся, за 1809 годъ, мартъ мѣсяць, подъ № 25, значится: рожденъ 20, крещенъ 22, Николаѣ; родители: помѣщикъ Василій Яновскій; воспріемники: господинъ полковникъ Михаилъ Трехимовскій; молился въ и крестилъ священноамѣстникъ Іоаннъ Вѣловольскій ¹⁾).

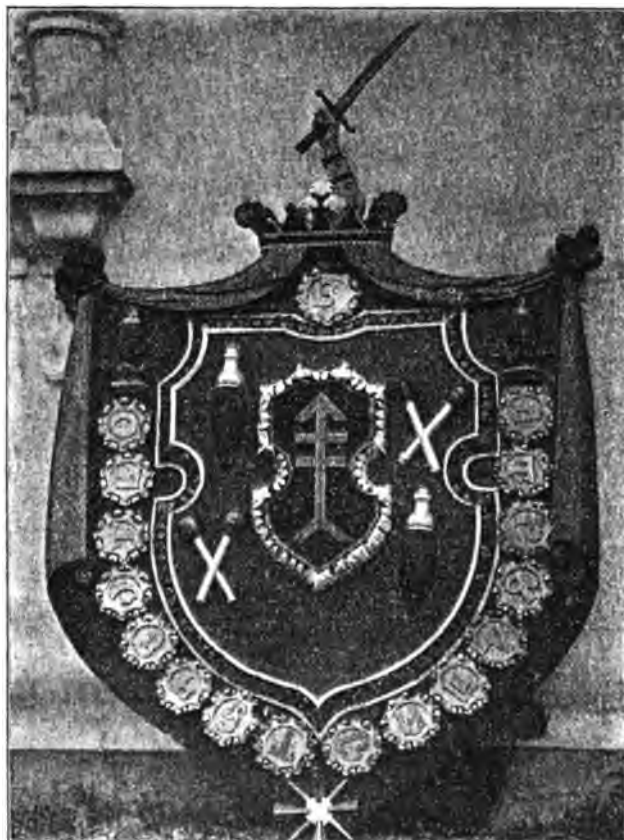
Родовое имѣніе Гоголей-Яновскихъ было, какъ извѣстно, село Васильевка, въ 40 верстахъ отъ Полтавы, но онъ родился въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, куда его мать, Марья Васильевна, незадолго передъ тѣмъ переѣхала подлѣ наблюденіе знаменитаго въ свое время доктора Трахимовскаго.

Относительно дома, гдѣ родился Гоголь, существуютъ два указанія: В. П. Горленка и В. А. Гиляровскаго. Горленко въ своемъ сочиненіи «Южнорусскіе очерки и портреты» пишетъ: «Домикъ генеральши Дмитріевой, гдѣ 19 марта ²⁾ 1809 года родился Гоголь,

¹⁾ У большинства биографовъ Гоголя день рожденія его обозначенъ 19 марта; тоже у В. П. Горленка: Южнорусскіе очерки и портреты, Кіевъ, 1898, 15. Только у В. А. Гиляровскаго вѣрно обозначено 20-е число марта: «Русская Мысль», 1900, февраль, 128.

²⁾ Какъ мы сказали, 20, а не 19-го.

давно не существуетъ. Уничтоженъ, говорятъ, недавно и описанный выше флигелекъ въ Яновщинѣ, да и родное село его сильно въ послѣднее время измѣнилось» (стр. 15). Другое говоритъ В. А. Гиляровскій въ своемъ разсказѣ «Гоголевщина»: «Гоголь родился въ Сорочинцахъ, въ домѣ Трахимовскаго; домикъ этотъ цѣль и тещерь... потомъ онъ былъ проданъ помѣщику г. Чарныну, а по-

Гербъ Данила Апостола.

томъ г. Александренку, и отъ него уже приобрѣлъ его настоящій владѣлецъ, становой приставъ П. М. Ересько... Это чисто побѣленая мазанка, съ дверью по срединѣ. Дверь эта ведетъ въ большую комнату съ глинобитнымъ поломъ, въ правомъ углу которой расположена большая печка, а рядомъ съ ней дверь, ведущая въ пристройку. Налѣво—дверь въ комнату, гдѣ когда-то докторъ Трахимовскій располагалъ своихъ пациентовъ, и гдѣ родился девяносто

лѣтъ назадъ Николай Васильевичъ Гоголь» («Русская Мысль», 1900, февраль, 122, 126).

На чьей же строонѣ правда? По тщательнѣ собраннѣмъ справкамъ на мѣстѣ пиппунимъ настоящія строки, оказалось, что Гоголь родился въ домѣ Трахимовскаго, а не въ домѣ генеральни Дмитріевой, все состояніе которой унаслѣдовалъ Юрій Алексѣевичъ Малинка, дѣдъ А. А. Малинки, теперешняго предводителя дворянства Миргородскаго уѣзда. Юрій Алексѣевичъ Малинка часто и показывалъ и говорилъ, что Гоголь именно родился въ крохотномъ домикѣ Трахимовскаго, теперь г. Ереськи.

Описаніе Свято-Преображенской церкви въ м. Большихъ-Сорочинцахъ было бы неполно, если бы мы не сказали еще о двухъ рѣдкихъ колоколахъ, висѣвшихъ на особой отъ церкви колокольнѣ. На одномъ изъ нихъ вырѣзана краткая надпись: «1775 годъ, 50 пудъ»; на другомъ болѣе пространная: «АХИН. 20 пудъ. Сей звонъ на хвалу Божію, кому Богъ дастъ. С.Г.З. року АХИН мца марта» (т. е. 1658, мѣсяца марта).

Д. И. Эварницкій.

ЗАМѢТКИ О ГОГОЛѢ.

I.

Снятие маски съ Н. В. Гоголя Н. Рамазановымъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 г. (№ 25, стр. 260—261) мы разыскали любопытный, но прошедшій, кажется, совсѣмъ незамѣченнымъ разказъ Н. Рамазанова («Московская городская хроника. Художественныя извѣстiя») о томъ, какъ онъ снималъ маску съ только что умершаго Гоголя.

«21-го февраля, послѣ обѣда, раздался звонокъ въ моей квартирѣ, и явился сильно встревоженный г. А—ъ (Аксаковъ?), который объявилъ о смерти Н. В. Гоголя. Правда, до того уже были точныя слухи о тяжелой болѣзни послѣдняго; но врядъ ли кто равнодушно могъ вынести вѣсть о смерти этого человѣка. Однако нельзя было медлить; я позвалъ старика формовщика, и чрезъ четверть часа мы были уже на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ гр. Т. (Толстого). Гробовая крышка, встрѣченная нами у входа, подтвердила внезапную горестную вѣсть. Я взошелъ по парадной лѣстницѣ въ верхнiе покои, гдѣ въ совершенной темнотѣ ходилъ по комнатамъ хозяинъ дома, и на вопросъ: «гдѣ Н. В. Гоголь?» онъ отвѣтилъ, указывая обратно на лѣстницу: «тамъ внизу». Когда я подошелъ къ тѣлу Гоголя, онъ не казался мнѣ мертвымъ. Улыбка рта и не совсѣмъ закрытый правый глазъ его породили во мнѣ мысль о летаргическомъ снѣ, такъ что я не вдругъ рѣшился снять маску; но приготовленный гробъ, въ который должны были положить въ тотъ же вечеръ его тѣло, наконецъ, безпрестанно прибывавшая

толпа желавшихъ проститься съ дорогимъ покойникомъ заставили меня и моего старика, указывавшаго на слѣды разрушенія, поспѣшить снятиемъ маски, послѣ чего съ слугою, мальчикомъ Гоголя, мы очистили лицо и волосы отъ алебаstra и закрыли правый глазъ, который, при всѣхъ нашихъ усиляхъ, казалось, хотѣлъ еще глядѣть на здѣшній мѣръ, тогда какъ душа умершаго была далеко отъ земли».

Этотъ разсказъ остался, повидимому, неизвѣстнымъ почтенному біографу Гоголя, В. И. Шенроку.

II.

Воспоминаніе о Гоголѣ «комнатнаго надзирателя».

Въ 1850-хъ годахъ В. Негрескулъ записалъ со словъ одного изъ воспитателей Гоголя, П. (Періона?), и помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1853 г., № 71, стр. 729) любопытный разсказъ о пребываніи великаго писателя въ лицей. Насколько мы знаемъ, ни одинъ изъ біографовъ Н. В. имъ не воспользовался, хотя въ немъ попадаются очень характерныя черты и для разсказчика-воспитателя, и для его питомца.

«Я былъ комнатнымъ надзирателемъ при Нѣжинскомъ лицей, но главною моею обязанностію было говорить всегда съ студентами по-французски, обучать ихъ этому языку болѣе практически. Въ числѣ студентовъ были Н. В. Кукольникъ и Н. В. Гоголь. Последний былъ очень лѣнивъ; плохо занимался по всѣмъ предметамъ, пренебрегалъ изученіемъ языковъ, особенно по моему предмету учился онъ плохо; поведенія же онъ былъ прекраснаго; смирнѣе его не было, хотя товарищи часто жаловались на него; онъ всѣхъ копировалъ, передразнивалъ, клеймилъ прозвищами; по характера былъ добраго и дѣлалъ это не изъ желанія обидѣть, а такъ, по страсти.

«Извѣстно, какъ любилъ Н. В. Гоголь товарищей, съ какимъ участіемъ разспрашивалъ всегда о нихъ... Н. В. Гоголь любилъ страстно рисованіе, литературу, но было бы слишкомъ смѣшно думать, что Гоголь будетъ Гоголемъ. Меня перевели въ Одесскій учебный округъ, на вакансію учителя французскаго языка при гимназій, и я потерялъ изъ виду своихъ воспитанниковъ; русскихъ журналовъ я не читаю, о литературѣ никогда не говорю: я плохо знаю русскій языкъ. Могъ ли я знать объ успѣхахъ Гоголя, Кукольника, а между тѣмъ слышу часто въ разговорахъ товарищей: Гоголь, Гоголь... Странно, не можетъ быть... Нѣтъ, фамилія знакома: одинъ Гоголь былъ моимъ ученикомъ... Я увѣрился, что Гоголь дѣйствительно кончилъ въ Нѣжинскомъ лицей.

«Странно, право, странно»...

Сжатая характеристика Гоголя-лиценста подтверждается другими свидѣтельствами и заслуживаетъ, конечно, полнаго вниманія. Какъ хороши и знаменательны эти «странно»!

III.

«Иностранецъ Василій Федоровъ».

Давно уже было указано, насколько Гоголь остается вѣренъ дѣйствительности даже въ мелочахъ. Мы можемъ привести новое подтвержденіе этого общаго указанія—на одномъ мелкомъ, но характерномъ фактѣ.

Въ началѣ «Мертвыхъ Душъ» изображаются перныя впечатлѣнія Чичикова при осмотрѣ города (изд. Тихонравова, III, 7). «Показались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: «иностранецъ Василій Федоровъ»...».

Что это—результатъ живого наблюденія, занесеннаго въ записную книжку, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ «Молвы» (1831, VI, 8—9): «Мы не найдемъ въ Москвѣ... остроумной вывѣски; зато у насъ есть весьма забавныя и характеристическія. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно лукавство, съ какимъ хозяева нашихъ вывѣсокъ мистифируютъ на свой счетъ публику, и почти всѣ съ однимъ умысломъ: не казаться тѣмъ, что они въ самомъ дѣлѣ. Напримѣръ: «здѣсь портной А. Финсъ Никулинъ»—этотъ очевидно мѣтитъ въ нѣмцы; другой: здѣсь иностранецъ мужской портной Николаѣ Рахмановъ—въ этомъ преобладаетъ космополитизмъ: не говоритъ, какой націи, только не русской. Есть еще портной «новоприбывшій изъ Парижа», и засаленная вывѣска пятнадцать лѣтъ настоячиво увѣряетъ въ томъ всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ. Одинъ, съ діогеновскою замашкою, просто пишетъ, между двумя нарисованными сапогами: здѣсь Яковъ; другой, напротивъ, чинъ чиномъ: здѣсь Иванъ Василичъ. Но вывѣски предметъ важный, и для наблюдательнаго человѣка онѣ—источникъ великихъ результатовъ»...

Такимъ наблюдательнымъ человѣкомъ и былъ Н. В. Гоголь. Случайное и частичное наблюденіе, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ, однородныхъ, дало начало цѣльной и выразительной картинѣ провинціальной жизни—въ ея вышнихъ проявленіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Срв. Соч. Виземскаго, VIII, 431 (и II, 184): «а какова эта вывѣска, которую можно было видѣть въ 1820-хъ годахъ, въ Москвѣ, на Арбатѣ или Поварской! Въолшными золочеными буквами красовалось: Гремиславъ, портной изъ Парижа»; *ibidem*, X, 151: «вывѣска, писанная на французскомъ языкѣ, какъ многія наши городскія вывѣски: Tailleur Effremoff de Paris, и т. п.».

IV.

Гоголь въ Одессѣ въ 1848 году.

Биографы Гоголя не даютъ почти никакихъ свѣдѣній о пребываніи великаго писателя въ Одессѣ въ 1848 г. Наболѣе обстоятельный изъ нихъ, В. И. Шенрокъ, даже жалуется на скудость источниковъ и безуспѣшность своихъ поисковъ.

Однако, кое-какія указанія можно было найти въ брошюрѣ, названіе которой меньше всего могло бы обѣщать это: «День памяти Пупкина 6 (26) іюня 1880 года въ императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ» (Одесса, 1880, стр. 46—51). Г. Тройницкій прочелъ во время университетскихъ поминокъ свое стихотвореніе о Гоголѣ, отчасти касавшееся и Пушкина, и прибавилъ нѣсколько интересныхъ разъясненій.

Въ виду рѣдкости и малоизвѣстности брошюры извлекаемъ изъ этой статьи все существенное.

Братъ поэта, Л. С. Пушкинъ, былъ замѣчательно остроумный человѣкъ и феноменальной памяти. Онъ зналъ на память и превосходно читалъ всѣ ходившіе тогда въ рукописи русскіе стихи. Онъ и познакомилъ автора ¹⁾ съ Гоголемъ.

Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Италіи Гоголь, по прибытіи въ Одессу, отправился съ парохода прямо въ карантинъ, котораго въ ту пору не могъ миновать ни одинъ пассажиръ изъ-за границы ²⁾. Левъ Сергѣевичъ съ намиъ авторомъ отправились въ карантинъ, гдѣ на ихъ звонокъ вышелъ изъ своего номера Гоголь. Физиономія Гоголя, при первомъ взглядѣ на него, поражала саркастическимъ выраженіемъ. Онъ разсѣянно перебиралъ четками и привѣтствовалъ навѣстившихъ его знакомъ своей руки. Его отдѣляли отъ посѣтителей четверныя проволочныя рѣшотки на довольно значительное пространство, такъ что разговаривать оказывалось довольно неудобнымъ. Явственно доносился только плескъ береговой волны, а по ту сторону залива какъ бы трепетала въ струяхъ знойнаго міража прилегающая въ морю степь. Гоголь не разъ заходилъ къ автору стихотворенія и Льву Сергѣевичу, въ домъ Крамаревой, по Дерибасовской, гдѣ они оба квартировали.

Гоголь вспоминалъ объ Италіи, о Пушкинѣ, о порядкахъ въ отечествѣ, о новѣйшихъ явленіяхъ въ русской литературѣ и разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Вообще ему было привольнѣе въ

¹⁾ Помѣщеннаго ниже стихотворенія—несомнѣнно, самого Тройницкаго.

²⁾ Гоголь прибылъ сюда на русскомъ пароходѣ, въ сопровожденіи г. Базиліа. Прим. автора.

дружескомъ кружкѣ, чѣмъ въ большомъ обществѣ. Гоголь проживалъ у Сабанѣева моста, во флигелѣ дома, нынѣ принадлежащаго графинѣ Толстой, въ двухъ комнаткахъ. Въ одной изъ нихъ стоялъ только круглый ясеневый столъ, на которомъ лежала одна книжечка—Новый Заѣтъ, на греческомъ языкѣ. Въ другой—кровать, два стула и у окна ясеневая конторка, на которой лежала толстая тетрадь въ полулистъ. Гоголь уже находился тогда подъ разъядающимъ настроеніемъ того мистицизма, изъ котораго, по-видимому, онъ и самъ не усматривалъ выхода, и который натолкнулъ его на злополучную рѣшимость съжечь вторую часть «Мертвыхъ Душъ» и ускорилъ его смерть.

Воспоминанія о знакомствѣ и бесѣдахъ съ Гоголемъ выразились въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Гоголю.

Въ память знакомства съ нимъ при возвращеніи его чрезъ Одессу изъ Италіи

Ты возвращался изъ страны,
Гдѣ столько красокъ и весны;
Гдѣ въ мѣрѣ волнаго искусства
Такой просторъ для думъ и чувства;
Гдѣ свѣтлымъ мраморнымъ богамъ
Курили долго олимпіамъ;
Гдѣ обаяньемъ дышатъ донны,
Гдѣ изваянныя мадонны
Но перекресткамъ и дворцамъ
Подъемятъ взоры къ небесамъ;
Гдѣ въ храмахъ прежнихъ поколѣній
Ужь не возносится моленій;
Гдѣ древній мѣръ пріять нашель;
Гдѣ католичества престоль.
О той полуденной странѣ,
Ея богачь, ея весель,
Ея чарующихъ созданьяхъ,
Гремящихъ славою преданьяхъ
Великій нашъ пѣвецъ мечталъ,
Хотя ея и не видаль ¹⁾;
Въ нее лишь только уносился,
Лишь духомъ съ нею онъ родился ²⁾,
И ликъ ея, какъ бы живой,
Сіялъ предъ вѣщею душой.
Ты, на пути въ свой край родимый ³⁾,
На скиоскій берегъ нашъ ступилъ,
И мѣръ иной, родной картиной,
Тебя отсюду окружилъ.

¹⁾ Извѣстно, что Пушкину ни разу не довелось побывать за границей.
Прим. авт.

²⁾ Сроднился?

³⁾ Малороссію?

Перебиря молча четки,
 Ты намъ привѣтъ послалъ рукой
 Сквозь карантинныя рѣшотки,
 И здѣсь мы встрѣтились съ тобой:
 Братъ знаменитаго поэта ¹⁾,
 Да я, ничѣмъ не именитый,
 Да ты—заше цѣ знаменитый.
 Горлячимъ воздухомъ одѣта,
 Видѣлась цѣнь черезъ заливъ;
 Волны рокочущей отливъ
 До слуха чутко доносили,
 Пока ты съ нами не простился.
 Былъ ясный день и зной томилъ,
 Когда ты кровь мой посѣтилъ.
 И незамѣтно время мчалось,
 И многое припомнилось
 Про зарубежной жизни строй,
 И намъ присущій быть родной
 И про твою съ поэтомъ ²⁾ встрѣчу.
 О немъ—владыкѣ русской рѣчи,
 Великомъ, искреннемъ вѣнцѣ,
 Въ терново-лавровомъ вѣнцѣ
 Унесшемъ въ глубь своей могилы
 Таки творческія силы,
 Намъ грустно было вспоминать
 И раны сердца растравлять.
 Ни люстры, висѣвшихъ съ потолка,
 Ни бронзы, ни утвари красивой,
 Въ укромной сѣни уголка,
 Когда въ Одессѣ суетливой
 Ты проживалъ, я не видалъ.
 О нихъ ты мало поминалъ.
 Всего двѣ горенки: въ одной
 Звѣлѣтъ Спасителя, въ другой,
 Гдѣ воплощалась мысль твои,
 Лежала рукопись. Въ ея
 Потомъ сожженные листы
 Ты заносилъ свои мечты,
 И думалъ ты, что трудъ упорный,
 Многострадальный, плодотворный,
 Смертенъ. Одишь ударъ рѣзца
 До вождедѣннаго конца,
 Тебѣ казалось, оставался.
 И ты простился и растаялъ,
 Растаялъ съ нами навсегда...
 Всему здѣсь жребій и череда!
 Ты мыслилъ много, и страдалъ,
 И умеръ. Не осуществился
 Тебя томившій идеаль.
 Изъ дольнаго переселился
 Ты въ оный міръ, гдѣ нѣтъ ни словъ ³⁾,

¹⁾ Л. С. Пушкинъ. Прим. авт.

²⁾ Пушкинъ. Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ автору.

³⁾ Слезъ?

Ни мнимыхъ радостей, ни грезъ,
 Ни воздыханій, ни печали,
 Что прежде сердце волновали.
 Туда, туда—тебѣ во слѣдъ,
 Я посылаю свой привѣтъ
 Твоимъ несбывшимся мечтамъ
 И недомоловленнымъ рѣчамъ¹⁾...

V.

А. Григорьевъ о Гоголѣ (1847 г.).

Въ 40-хъ годахъ А. Григорьевъ переживалъ довольно острый періодъ романтическаго броженія. Торжество реализма въ литературѣ и проповѣдь «практицизма» въ публицистикѣ приходились ему сильно не по нутру. Жизнь какъ бы потеряла свои краски, родникъ чистой поэзіи иссякъ, благодаря «сумрачнымъ» Гоголю и Лермонтову...

Какъ характерно и знаменательно само сопоставленіе! Обращеніе къ социальнымъ темамъ, глубокой психологической анализъ, смѣхъ сквозь слезы, «железный стихъ» — все это убило поэзію «поцѣлуя», безъ которой тяжело живется на свѣтѣ:

О поцѣлуй!.. Тебя давно не пѣли
 Поэты наши... Злобой и тоской
 Железные стихи ихъ намъ звенѣли,
 Но стихъ давно ужъ не звучалъ тобой...
 На Божій міръ такъ сумрачно глядѣли
 Избранники, намъ данные судьбой,
 И Лермонтовъ, и Гоголь... Такъ уныло,
 Такъ безъ тебя намъ пусто въ мірѣ было²⁾!...

На такой точкѣ зрѣнія Григорьевъ, конечно, могъ удержаться не долго — только въ пору «мятежной юности», но это не лишаетъ его стиховъ извѣстнаго значенія: они — характерный симптомъ романтическаго настроенія и показатель литературнаго значенія Гоголя, котораго, вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, ставили во главѣ «новѣйшей» литературной школы.

В. В. Каллашъ.

¹⁾ О близкихъ отношеніяхъ Гоголя со Стурдзой въ Одессѣ говорятъ Н. Н.—въ «Вибл. Зап.» 1859, II, 268—268, и самъ Стурдза—«Москвитянинъ», 1852, XX, 224—228.

²⁾ «Моск. город. листокъ», 1847, № 163, стр. 657.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902.

ШОМНИКИ по Гоголь вызовутъ, конечно, появленіе цѣлой литературы о немъ, безчисленныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, ученыхъ изслѣдованій и матеріалы различной цѣнности. Одно изъ первыхъ мѣстъ, а, быть можетъ, и первое въ этой Гоголевской литературѣ 1901—1902 года, займутъ изданныя А. Ф. Марксомъ и редактированныя В. И. Шенрокомъ письма Н. В. Гоголя въ четырехъ объемистыхъ томахъ. Трудъ В. И. Шенрока—дѣйствительный дань признательности памяти Гоголя и необыкновенной цѣны пріобрѣтеніе для всѣхъ изслѣдователей великаго писателя.

Впервые собраніе писемъ Гоголя далъ его первый биографъ, П. А. Кулишъ, въ своемъ шеститомномъ изданіи «Сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя» (Спб., 1857). Здѣсь письма заняли пятый и шестой томы. Трудъ Кулиша былъ истиннѣ грандіознымъ: ему пришлось отыскивать и собирать со всѣхъ концовъ Россіи письма. Чтобы оцѣнить эту работу, по вѣрному замѣчанію В. И. Шенрока, нужно самому испытать ее. Еще труднѣе было расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: нужно вспомнить, что тогда только началось биографическое изученіе Гоголя. Тѣмъ не менѣе, изданіе Кулиша было цѣннымъ вкладомъ въ исторію Гоголя, но оно имѣло свои крупныя недочеты, по большей части, не по винѣ издателя. Въ письмахъ было немало пропусковъ по цензурнымъ соображеніямъ; при жизни матери и сестеръ Гоголя и другихъ его корреспондентовъ Кулишъ не считалъ возможнымъ опубликовать многія мѣста изъ писемъ Гоголя; наконецъ большинство именъ и фамилій были замѣнены или звѣздочками или произвольными знаками. Наконецъ, Кулишъ

опускали некоторые строки в письмах (например, подписи, адреса), считая их лишними и не предвидя, что эти мелочи могут быть очень ценны для определения времени их написания. Кулишу не удалось вполне правильно распределить в хронологическом порядке всю массу писем, нередко он относил их не к тому времени, когда они были написаны. Отсутствие указателя и необходимых пояснений и примечаний затруднили пользование изданием Н. А. Кулиша.

Но V и VI томы, содержащие в себе письма, не повторились в следующих изданиях сочинений Гоголя и мало-по-малу становились библиографической редкостью. А с тех пор, с 1857 года, число известных нам писем возросло чуть не вдвое; почти каждый год приносил все новые письма, которые печатались не только в специальных исторических журналах, но и в общих, в сборниках, газетах и отдельных книгах. Повторялись издания старых напечатанных в собрании Кулиша писем, в исправленном тексте, с восстановлением пропусков и раскрытием инициалов. Но, несмотря на существование указателей литературы о Гоголе пользование этими разбросанными всюду материалами было чрезвычайно затруднительно, и необходимость издания полного собрания Гоголевских писем стала настоятельной. Нечего и говорить, что вынужденная теперь писма Гоголя — труд первостепенной важности. Издание писем Н. В. Гоголя попало в надежные руки В. И. Шенрока, лучшего в настоящее время специалиста по Гоголю, автора превосходных четырехтомных «Материалов для биографии Гоголя», редактора VI и VII томов классического, «Тихомировского» издания сочинений Гоголя.

Действительно, г. Шенрок дал образцовое издание, удовлетворяющее всем научным требованиям. Оно совершенно упрямляет теперь издание Кулиша, бесконечно превосходя его и в количественном и в качественном отношении. По объему оно почти вдвое превосходит собрание Кулиша: вместо двух томов теперь пошло на письма четыре. Г. Шенрок собрал все напечатанные письма Гоголя и прибавил к ним несколько еще нигде не напечатанных писем. Издание В. И. Шенрока совершенно свободно от недостатков собрания Кулиша. В основу своего труда В. И. Шенрок положил принцип проверки всех писем по подлинникам. Понятно, вполне этот принцип не мог быть проведен по той причине, что кое-каких писем теперь уже не достать. Благодаря этой проверке, восстановлены все пропуски, инициалы и знаки издания Кулиша замещены фамилиями, неточности, доходившие иногда до искажений, исправлены. Письма расположены в хронологическом порядке. Благодаря своему глубокому изучению жизни Гоголя, г. Шенрок удачно справился с хронологическим приурочением писем и исправил ошибки Кулиша. В подстрочных примечаниях он дает необходимые пояснения событий и лиц, упоминаемых в тексте. К четвертому тому приложен подробный указатель. Эта работа по редакции писем действительно огромная, потребовавшая от г. Шенрока упорного и продолжительного труда, незамыслимого с первого взгляда, и только запинающейся специально Гоголевскими вопросами способная оценить количество труда и его результаты и от души поблагодарить г. Шенрока. Мы имеем образцо-

ное изданіе сочиненій Гоголя, позволяющее слѣдить за исторіей его творчества по исторіи его рукописей. Но только теперь съ появленіемъ этихъ объемистыхъ четырехъ томовъ, заключающихъ значительную часть дупи Гоголя, является возможность заглянуть глубоко въ душу этого замѣчательнаго чловѣка, является опредѣленная увѣренность, что раскроются тайны его жизни. Благодаря изданію г. Шенрока, становится возможнымъ изученіе творчества Гоголя въ связи съ исторіей его душевныхъ переживаній. И г. Шенрокъ кладетъ начало этому изученію, приводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ біографическія справки и параллельныя мѣста изъ произведеній Гоголя.

Мелкіе промахи совершенно теряются въ оцѣнкѣ общаго значенія его работы. При кое-какихъ письмахъ не ясно, напримѣръ, проверены ли они по подлинникамъ, не видно, гдѣ они впервые напечатаны. Въ алфавитномъ указателѣ не указаны имена и названія, вошедшія въ «дополненія» къ 4-му тому; и это не отмѣчено. Кое-гдѣ досадныя типографскія опечатки. Наконецъ, можно было бы, относясь съ педантической строгостью, потребовать сохраненія Гоголевскаго правописанія, но, повторяемъ, эти мелочи нисколько не уменьшаютъ огромнаго значенія работы г. Шенрока.

Мы позволимъ себѣ закончить нашу замѣтку однимъ пожеланіемъ. Когда читаешь письма Гоголя, особенно къ тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ въ теченіе долгаго времени, всегда чувствуешь желаніе имѣть подъ рукой отвѣтныя письма его корреспондентовъ; иногда это желаніе превращается въ потребность. Многія мѣста въ письмахъ Гоголя и многія подробности въ его отношеніяхъ къ друзьямъ-корреспондентамъ остаются непонятными безъ знакомства съ ихъ письмами. Въ особенности это нужно сказать о письмахъ матери Гоголя, Смирновой, Языкова, Погодина и др. Многія изъ этихъ писемъ уже изданы, и большинство этихъ изданныхъ писемъ напечатано г. Шенрокомъ. Теперь, когда мы имѣемъ прекрасное изданіе писемъ Гоголя, мы — въ правѣ надѣяться, что почтенный изслѣдователь и біографъ Гоголя довершитъ свою работу по изданію Гоголевской переписки и возьметъ на себя трудъ вынестить въ печать письма къ Гоголю. И это изданіе будетъ имѣть интересъ не только для специалистовъ-историковъ литературы, но и для большой публики, такъ какъ у Гоголя были очень разнообразныя отношенія. Небезнолезно было бы присоединить къ этому изданію немногочисленныя письма, преимущественно друзей Гоголя, о Гоголѣ. Тутъ можно было бы напечатать отрывки изъ переписки его матери съ своими родственниками. Мы надѣемся, что г. Шенрокъ, такъ много уже сдѣлавшій для изученія Гоголя, внесетъ въ программу своихъ будущихъ работъ изданіе всей переписки Гоголя.

П. Щеголевъ.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III. Национализмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ I. Спб. 1901.

Одною изъ важнѣйшихъ новостей русской исторической литературы за истекшій годъ является книга г. Милюкова; какъ и все, выходящее изъ-подъ пера талантливаго автора, она обратила на себя всеобщее вниманіе и приобрѣла

обширный круг читателей еще в то время, как печаталась отдельными главами на страницах одного из петербургских «толстых журналов».

В основу этих «Очерков» легли, как известно, университетские чтения автора, «Введение в курс русской истории», прочитанное им на историко-филологическом факультете Московского университета; но для настоящего издания эти переработаны заново, и, по мере того как подвигается их издание, переработка эта все больше и больше дает себя чувствовать: настоящий выпуск можно уже рассматривать, как нечто совершенно новое.

Широкое понимание поставленной себя задачи всегда характеризовало г. Милюкова, как историка, и настоящий труд представляет собой лишнее свидетельство такого понимания; автор считает своим долгом, прежде чем говорить о русском национализме, высказать свои взгляды на этот вопрос вообще, результатом чего и является сжатый, но превосходный историко-философский этюд, поставленный во введении к книжке: в согласии с современными научными воззрениями, г. Милюков определяет национальность, как понятие характера социального, придавая главное значение надорганической среде в деле дифференциации народностей, и при этом высказывает это свое положение с замечательною ясностью и наглядностью; установил даже этапы развития национального самосознания—эпоха органическая, переходная и критическая, как он их называет, автор излагает затем историю развития русского национального самоопределения согласно этим установленным им стадиям.

Историю русского национального самосознания слѣдует начинать с конца XV вѣка—таково главное положение г. Милюкова, когда он приступает к истории выработки националистических идеалов органической эпохи; нѣтъ сомнѣній, что невозможно говорить о самосознаніи русской національности, как цѣлаго, прежде политическаго объединенія русскаго народа, достигнуто же объединеніе это дѣйствительно лишь Московскимъ государствомъ. (Хотя не надо, казалось бы, забывать о наличности проявленій такого самосознанія и въ болѣе отдаленныя эпохи; Святославъ, не желавшій посрамить земли Русской, Мономахъ—добрый страдалецъ за землю Русскую,—все это даетъ право говорить о существованіи извѣстнаго народнаго самосознанія уже и въ тѣ времена). Поэтому трудно согласиться съ теми изъ критиковъ, которые обвиняли автора въ пренебреженіи нѣкоторыми традиціями такъ называемаго удѣльно-вѣчевого періода. Но въ то же время едва ли не представляется возможнымъ поставить г. Милюкову упрекъ съ другой точки зрѣнія: всякое самоопредѣленіе національности есть продуктъ извѣстнаго обмѣна идей и даже ихъ столкновенія; слѣдя генезисъ такого самоопредѣленія, недостаточно поэтому разложить его на его основныя производители, весьма важно указать также и на тѣ тенденціи, которыя отрицательнымъ своимъ вліяніемъ оказали воздѣйствіе на выработку національной московско-русской идеи. Кругъ такихъ тенденцій легко можетъ быть указанъ—это идеалы новгородской духовной культуры; не слѣдуетъ забывать, что, доросши до положенія политическаго центра Руси, Москва не успѣла еще въ то же время стать во главѣ нашей древней умственной жизни, и культурный перевѣсъ Новгорода надъ Москвой долго давалъ

себя чувствовать, отразившись въ своего рода духовной борьбѣ, во время которой Москва и высказала впервые многія изъ тѣхъ идей, которыя впоследствии залегли въ основу нашего народнаго самосознанія.

Налагая исторію его развитія, авторъ очень подробно останавливается на интересномъ вопросѣ о вліяніяхъ назвѣ: Софія Палеологъ, ея спутники и компаніоты — люди, далеко не представляющие собою коллекцію адамантовъ добродѣтели — «суть бо греци лживы и до сего дни», — «братушки» различныхъ мастей и колеровъ, начиная съ Кириана и Пахомія и кончая Юріемъ Крижанпечемъ, который очутился на своемъ мѣстѣ, кажется, лишь когда угодили въ Сибирь — все они немало способствовали тому, что наши національныя идеи и идеалы сложились въ ту именно форму, въ какую они отлились; но въ то же время эти же пришельцы путемъ сравненія русской дѣйствительности съ фактами жизни другихъ странъ способствовали также и зарожденію критическаго отношенія къ тому, въ непереложномъ великолѣпнн чего до сихъ поръ никто не сомнѣвался. Эта критика сказалась и въ извѣстныхъ попыткахъ древнерусской оппозиціи, какъ религіозной, такъ и политической. Г. Милюковъ говоритъ также и объ оппозиціи соціальной, но едва ли холоцское и казачье движеніе времени Лихолѣтія можетъ серьезно считаться выраженіемъ критики московскаго національнаго идеала: критика, для того, чтобы быть таковой, должна быть сознательна, должна исходить изъ определенныхъ идей: а каковы были идеи Болотникова, Заруцкаго, Баловня? Правда, здѣсь нѣкоторую помощь автору оказываютъ безызвѣстный Иванка Пересвѣтовъ, однако стоитъ ли этотъ Иванка того, чтобы съ легкимъ сердцемъ принимать его помощь?

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сказывалось вліяніе другихъ народностей на укладъ жизни русской національности; дѣло началось съ замѣтovaných въ области внѣшней культуры, но на этомъ остановиться не могло; тому мѣшали и потребности московскаго правительствя, и его дѣйствія: въ послѣднемъ отношеніи весьма любопытна исторія нѣмецкой колоніи на Русѣ, чрезвычайно живо и выпукло нарисованная г. Милюковымъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича, послѣднее московское и первое западническое царствованіе, тоже останавливаетъ на себѣ вниманіе автора. Мало кто изъ нашихъ историковъ обращалъ вниманіе на трагическій элементъ въ жизни и правленіи этого государя, очутившагося, такъ сказать, въ позѣ Геркулеса на распутиѣ, недоумѣвающаго, но какой же дорогѣ пойти; правда, онъ не обращался за разъясненіемъ этого недоумѣнія къ проходящимъ, и потому-то, быть можетъ, безпомощная въ своей нерѣшительности поза его не слишкомъ бросается въ глаза; считая ее необычной, небывалой доселѣ, мы забываемъ, что она также и тяжела. Съ присущимъ ему тонкомъ пониманіемъ г. Милюковъ обратилъ вниманіе на это колебаніе, на этотъ разладъ, и подъ его перомъ образъ царя Алексѣя принимаетъ, правда, менѣе идиллическій и болѣе скорбный характеръ, чѣмъ обыкновенно, но зато несомнѣнно выплываетъ въ жизненности, въ правдоподобіи.

Наконецъ авторъ приступаетъ къ изложенію той эпохи, когда, по его словамъ, произошла «официальная побѣда критическихъ элементовъ надъ на-

ціоналистическими», къ изложенію эпохи Петра. Здѣсь г. Миллюковъ безспорно является крупнымъ авторитетомъ, давно уже признаннымъ русскою историческою наукою; поэтому его взглядъ на Петра и на его реформу приобретаетъ несомнѣнный интересъ. Взглядъ этотъ въ общихъ чертахъ остается тотъ же, какимъ его высказалъ г. Миллюковъ въ своемъ большомъ трудѣ о петровской реформѣ: реформа эта создавалась болѣе или менѣе случайно, подъ влияніемъ внѣшнихъ потребностей жизни, нарождалась отрывочно, частями, а отнюдь не по заранѣ намѣченному, систематически построенному плану; зачастую преобразователю приходилось становиться лицомъ къ лицу съ такими результатами его дѣятельности, которые для него самого были не меньшей неожиданностью, чѣмъ для лишь его окружавшихъ; реформа носитъ на себѣ преимущественный отпечатокъ личности самого преобразователя, такъ какъ у него не было сотрудников или были больше лишь по имени; да и не мудрено: некому было довериться; еще въ молодости Петръ пережилъ грозную крамолу, вѣдствіи крамола эта, хотя и полужадушенная, давала себя чувствовать даже въ средѣ ближайшихъ помощниковъ царя, которымъ онъ въ концѣ концовъ долженъ былъ обѣщать ихъ «зѣло аркебузировать» за тѣ мины, которыя они чинили «подъ фортецію правды», даже въ нѣдрахъ собственнаго его семейства (котораго, правда, не умѣлъ устроить Петръ, царь-мастеровой, принявшій смотрѣть на людей, лишь какъ на «струментъ» своей работы); сына своего онъ принужденъ былъ «весьма наслѣдствна лишити» и поступитъ съ нимъ, «какъ съ злодѣемъ». Личность Петра далеко не можетъ быть названа уравновѣшенной: это—человѣкъ одновременно и дѣла, и разгугла, и высокихъ побужденій, и самыхъ грубыхъ страстей, и полководецъ, и судья, и фабрикантъ, и черноработчій—и черноработчій по-преимуществу; потому-то и сама реформа приняла узкоутилитарный характеръ и однимъ фактомъ своего существованія не могла еще знаменоватъ собою перелома въ жизни русской національной идеи; переломъ этотъ произвели уже послѣдующія событія, стоящая, однако же, въ близкой зависимости отъ дѣла Петра, обусловленная его реформой.

М. Помяловскій.

Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Часть первая. Всенародный мѣсяцесловъ. А. С. Ермолова. Спб. 1902.

Въ этомъ капитальномъ трудѣ собраны всѣ народныя пословицы, поговорки и примѣты на погоду, урожай и на разныя явленія природы и расположены по временамъ года, по мѣсяцамъ и по днямъ. Все собранное выражаетъ собою результаты вѣковыхъ народныхъ наблюдений—главнымъ образомъ въ области сельскохозяйственной жизни населенія, его быта и домашнего обихода. «То, что мы разумѣемъ,—говоритъ А. С. Ермоловъ,—подъ названіемъ вѣковой народной мудрости, не есть еще, конечно, наука, но только ея зародыши, зачатъ такихъ наблюдений и опытовъ, изъ котораго наука можетъ широко черпать, и къ которому она, поэтому, не должна относиться пренебрежительно, хотя бы тутъ наряду съ правдою и примѣшивалось много заблужденій и по-

пятии невѣрныхъ. Это уже дѣло науки разобраться во всей массѣ вѣкамъ накопленныхъ результатовъ народной наблюдательности и воспользоваться тѣмъ, что найдется тутъ цѣннаго и вѣрнаго. Систематизированное же собраніе народныхъ повседневныхъ наблюдений и примѣтъ можетъ привести свою долю пользы и въ другомъ отношеніи—съ точки зрѣнія практической: сельскій хозяинъ можетъ, слѣдя день за днемъ за этими наблюдениями и провѣряя ихъ въ собственномъ своемъ опытѣ, руководствоваться въ своей практической дѣятельности тѣми изъ нихъ, которыя подтвердятся на дѣлѣ и окажутся фактически вѣрными».

Во вступительной главѣ къ своему почтенному труду авторъ объясняетъ и его цѣль: онъ говоритъ, что гдѣ бы человекъ ни жилъ, что бы онъ ни дѣлалъ, онъ не уйдетъ отъ влияния климата и погоды, и что именно отъ комбинаціи этихъ различныхъ факторовъ—тепла, свѣта и влаги,—прежде всего и болѣе всего зависитъ у насъ урожай, а съ нимъ и благосостояніе русскаго народа, который твердо вѣритъ, что «не земля родитъ, а небо», и что «лѣто родитъ, а не поле». Отъ простаго народа, отъ крестьянина земледѣльца далеко находится наука и агрономія; гораздо блаже къ нему стоитъ вѣковая народная мудрость, являющаяся, по словамъ А. С. Ермолова, «результатомъ вѣкамъ накопленнаго, почти безосознательнаго, изъ рода въ родъ передаваемаго, опыта и наблюденья, производимаго не точными физическими приборами, но повседневнымъ общеніемъ съ природою чуткаго къ ея явленіямъ, съ которыми связаны всѣ его жизненные интересы, простаго крестьянина пахаря. Познавать природу, подмѣчать своеобразныя особенности ея явленій и даже до извѣстной степени предугадывать ихъ—дано не однимъ только людямъ науки. Если только ученые въ состояніи, путемъ долготѣпныхъ точныхъ наблюденьй, во всеоружіи многосторонняго знанія, сознательно приподнимать завѣсу природы и уламливать скрытыя за нею тайны, находя нагъ научное объясненіе и формулируя ихъ въ видѣ неизбѣмыхъ законовъ и положеньй, то въ дѣлѣ изученія природы, по крайней мѣрѣ, въ ея отношеніяхъ къ повседневной жизни земледѣльца, многое познается простымъ умомъ темнаго, но наблюдательнаго сельскаго люда, который «съ природою одною жизнью дышитъ»...

Но А. С. Ермоловъ, въ своемъ обширномъ трудѣ, не останавливается на примѣтахъ и наблюденьяхъ надъ явленіями природы, сдѣланныхъ однимъ лишь русскимъ крестьяниномъ: параллельно, онъ приводитъ примѣты и пословицы на погоду и урожай у земледѣльцевъ иныхъ странъ— французовъ, нѣмцевъ и др., и ихъ поговорки очень часто сходятся съ нашими, сложенными русскимъ мужикомъ, что еще болѣе увеличиваетъ интересъ и цѣнность книги. При этомъ, русскія и иностранныя пословицы и примѣты приурочиваются къ однимъ и тѣмъ же числамъ стараго стпля.

Свой «всенародный мѣсяцесловъ», какъ называетъ авторъ первую часть своего труда, онъ раздѣляетъ по мѣсяцамъ и днямъ, но это отнюдь не значитъ, чтобы крестьянинъ, въ распредѣленіи своего земледѣльческаго труда, придерживался порядка разъ назначенныхъ чиселъ и дней: каждый годъ измѣняются примѣты—измѣняется и порядокъ труда. Къ календарямъ же народъ относится скептически; онъ говоритъ: «кто по календарю съѣтъ, тотъ

рѣдко вѣсть», «календарнымъ тепломъ не угрѣешься», «календарь не порука» и т. под. Даже пунктуальные и методичные нѣмцы имѣютъ на этотъ счетъ свою поговорку: «Wer jeder Sage Glauben schenkt, dem ist der Scheitel verengt»,—говорить они... Зато у всѣхъ народовъ существуетъ изреченіе, нерешенное еще отъ римлянъ: «Vox populi—vox Dei, гласъ народа—гласъ Божій». И вотъ этотъ-то «гласъ народа», являющій собою глубокой, богатый и неисчерпаемый «кладъ народной мудрости», и зарегистрировать въ первой части замѣчательнаго труда А. С. Ермолова. Мы не будемъ дѣлать изъ этой прекрасной книги вышесокъ, но мѣсяцамъ и числамъ, хотя бы только для образца, такъ какъ отрывочное приведеніе поговорокъ и примѣты не можетъ дать читателю надлежащаго представленія о томъ глубокомъ интересѣ, которымъ проникнута книга А. С. Ермолова; пространныя же цитаты и компиляціи не входятъ въ рамку нашей сжатой библиографической замѣтки о книгѣ. Отсылаемъ къ ней самой всѣхъ тѣхъ, кто поинтересуется этимъ серьезнымъ трудомъ, источниками которому служили многіе сборники и статьи—на польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Изъ русскихъ же источниковъ, служившихъ подспорьемъ къ книгѣ, были слѣдующее: извѣстное сочиненіе Снегирева «Русскія народныя поговорки и притчи», «Сказанія русскаго народа», собранныя Сахаровымъ, «Пословицы русскаго народа» извѣстнаго народовѣдца В. П. Дала и его же «Толковый словарь», «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» А. Аванасьева и многія другія сочиненія, представляющія, въ общемъ и въ связи съ иностранными сочиненіями о томъ же предметѣ, весьма обширную литературу, на одно изученіе которой нужны многіе годы усидчиваго труда и терпѣнія. Не часто появляются въ русской литературѣ такія книги, представляющія собою не только результаты труда, но, главное, и живой любви къ этому дѣлу первоисточниковъ, для нашей земледѣльческой страны, важности. И. Н.

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію, книга вторая. Дм. Цвѣтаева. Варшава. 1902.

Въ юньской книгѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года мы говорили о первой части приложеній къ историческому изслѣдованію варшавскаго профессора Д. В. Цвѣтаева о царѣ Василю Ивановичѣ Шуйскомъ въ Польшѣ. Теперь появилась вторая часть приложеній, древнѣйшіе акты въ которой, какъ и въ первой, сообщаютъ о русско-польскихъ отношеніяхъ той поры, когда Польша достигла высшаго своего политическаго торжества надъ Москвою, но обнаружилъ и внутреннюю непрочность его, приведшую къ дальнѣйшимъ, роковымъ для самой Польши, послѣдствіямъ. Для даннаго вопроса важны помѣщенныя здѣсь извлеченія изъ корреспонденціи нунція Симонетта о взаимныхъ отношеніяхъ между Сигизмундомъ III и Василюмъ Шуйскимъ и вообще о дѣлахъ съ Москвою. Ихъ полезно рассмотреть въ связи съ сообщеніями въ послѣдней книгѣ Ширлинга «La Russie et le Saint-Siège»

(Paris, 1901). Интересны рѣчи Крукеншцаго отъ имени польскаго воиска Сигизмунду и канцлера Крыскаго гетману Жолкевскому при представлѣнїяхъ Шуйскаго подъ Смоленскомъ въ лагерѣ и въ Варшавѣ, на генеральномъ сеймѣ, и въ особенности обширная грамота Сигизмунда по случаю плѣна и представленія несчастнаго московскаго государя. Въ этихъ актахъ ясны цѣли и намѣренія Польши, а еще яснѣе не знавшее мѣры хвастливое тщеславїе временныхъ побѣдителей. Извлеченія изъ сеймовыхъ приходо-расходныхъ книгъ даютъ подробныя officialныя данныя о польскихъ казенныхъ расходахъ на содержаніе плѣнныхъ царя и его братьевъ, московскихъ пословъ митрополита Филарета, князя Голицына, князя Трубецкого и другихъ съ ихъ свитами и слугами, на подкуны и т. п. Въ числѣ бранившихъ польскіе «подарки» оказываются многія лица, о которыхъ до сихъ поръ ничего подобнаго не было извѣстно, почему тутъ можно найти и долю разъясненія группировки русскихъ, заявлявшихъ тогда приверженность польскому королю.

Дальнѣйшіе акты касаются варшавскаго и гостынского мѣстъ погребенія и существовавшихъ и существующихъ тутъ учреждений. Варшавскихъ археологовъ и любителей старины сильно за послѣдніе годы интересовалъ вопросъ, что представляетъ собою зданіице, стоящее въ саду первой мужской гимназїи. И въ польской, и въ русской печати держались того мнѣнія, что оно—сохранившаяся подлинная усыпальница царя и его брата и невѣстки Шуйскихъ, сооруженная для нихъ Сигизмундомъ III. Въ книгѣ приводится цѣлый рядъ документовъ XVII—XIX вѣковъ, изъ исторїи мѣстности, на которой стояло и стоитъ это зданіице; въ поясненіе ихъ приложена и officialная докладная записка (№ 185) профессора Цвѣтасва въ управленіе Варшавскаго учебнаго округа о реставраціи зданіица. Несомнѣннымъ оказывается, что это строеніе всегда служило лишь бесѣдкой въ саду и ничего тождественнаго съ усыпальницей и ея исторїей не имѣло; она стояла въ частномъ владѣнїи, находившемся по сосѣдству съ собственной землею усыпальницы или такъ называемой московской канлици. Канлицей владѣли доминикане обсерванты, постоянно ведшіе тяжбы и споры съ сосѣдями. Изданные документы о сосѣднихъ владѣнїяхъ и вводятъ въ исторію сосѣдскихъ отношеній и этимъ очень оживляютъ исторію самого доминиканскаго монастыря, сообщая любопытныя данныя изъ церковно-общественнаго быта въ Варшавѣ въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкахъ. Въ первой части, какъ помнимъ, послѣ актовъ о представленїи на сеймѣ, о кончинѣ Шуйскихъ и отдачѣ ихъ помергншихъ останковъ, были помѣщены документы преимущественно о самой варшавской усыпальницѣ и о монастырѣ доминиканъ обсервантовъ.

По снесенїи зданій канлици, ея земля была подарена обществу любителей наукъ, которое, прикупивъ себѣ сосѣдній домикъ ксендзовъ миссіонеровъ, выстроило на мѣстности канлици большой домъ, а передъ нимъ памятникъ Коенрипку. Дѣло сооруженія дома и памятника, дальнѣйшихъ передѣлокъ въ нихъ и учрежденія премїи имени Коенрипка весьма подробно передается въ документахъ. Извлеченія изъ протоколовъ, тексты уставовъ и правилъ и акты о выборахъ въ члены общества раскрываютъ его внутреннюю организацію и жизнь, его отношенія къ русскому правительству, а также къ рус-

скимъ и юго-славянскимъ ученымъ и поэтамъ и проч. Послѣ разныхъ заявленій обществомъ преданности русскимъ государямъ и послѣ инсемъ съ взаимными любезностями между обществомъ и принимаемыми выборы въ него такими лицами, каковы графъ Румищевъ, князь Вяземскій, Кенпещъ, Шторхъ, Булгаринъ, проф. Симоновъ, Шафарикъ и другіе, весьма какъ бы неожиданными являются многочисленные документы объ участіи польскихъ членовъ общества въ возстаніи 1830—1831 годовъ: князя Чарторыскаго, князя Островскаго, графа Плятера, епископа Пракмowskaго, Нѣмцевича, Осинскаго и длиннаго ряда другихъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ общества. Въ документахъ объ этомъ участіи раскрывается многое въ характерѣ и свойствахъ возстанія. Нелегальность членовъ общества повела къ закрытію его; официальная переписка о томъ указываетъ, съ какою осторожностью производилось это закрытіе. Оставшіяся послѣ общества денежные суммы послужили къ постройкѣ зданій для нѣсколькихъ учебныхъ заведеній.

Въ бывшемъ домѣ общества, служившемъ потомъ для дирекціи благотворительной лотереи и для medico-хирургической академіи, помѣщается нынѣ 1-я мужская гимназія. Документами о данномъ учебномъ заведеніи, русскомъ по составу учащихся, и о сооруженіи въ немъ церкви, въ память о поконившемся государѣ, заканчиваются акты къ исторіи варшавскаго мѣста погребенія царя Шуйскаго. Послѣднія данныя важны въ исторіи русскаго просвѣщенія въ краѣ.

Царь Василій Ивановичъ жилъ въ заключеніи, скончался и былъ первоначально погребенъ въ 130 верстахъ отъ Варшавы въ Гостынскомъ королевскомъ замкѣ. Въ первой части были помѣщены акты о смерти тамъ Шуйскихъ и инвентарная опись замка; въ настоящей части педаны документы о выдачѣ имущества Шуйскихъ, оставшагося послѣ ихъ смерти, и лѣтописныя свѣдѣнія о постройкѣ нѣмецко-лотерейскою общиною себѣ кирки на развалинахъ этого замка; постройка была выполнена при щедрой денежной помощи со стороны правительства въ первые годы царства Польскаго.

Документы второго тома извлечены изъ архивовъ и рукописныхъ собраній варшавскихъ, московскихъ, петербургскихъ, гостынскаго, львовскаго, краковскаго и римскихъ (болѣе, чѣмъ изъ 20-ти), главнымъ образомъ латинскіе, польскіе, русскіе, затѣмъ итальянскіе, нѣмецкіе, французскіе. Число актовъ въ 1 книгѣ тома до 170, во 2 книгѣ 202; за небольшимъ изъятіемъ они новыя, доселѣ не изданныя.

Размѣщены акты по хранилищамъ, изъ которыхъ извлечены они, съ точнымъ обозначеніемъ дѣлъ и рукописей. Это должно имѣть руководящее значеніе для желающихъ заниматься въ варшавскихъ архивахъ, доселѣ въ большинствѣ недоступныхъ и неизвѣстныхъ изслѣдователямъ.

За актами въ 1-й части были помѣщены рисунки, именно: изображеніе представленія Шуйскихъ въ Варшавѣ, снимки съ печатей, виды отдѣльныхъ зданій и части Варшавы съ бывшею въ ней московскою капицей; во второй части за актами слѣдуютъ планы мѣста и мѣстности варшавской усыпальницы Шуйскихъ, XVII—XIX вѣковъ. Освѣщая исторію мѣста, рисунки и и планы (числомъ около 30) цѣнны, какъ и поясненіе и дополненіе къ

картографин Варшавы. Изданы они тщательно, почти всё въ размѣрѣ подлинниковъ.

Вообще, въ этомъ новомъ трудѣ профессора Д. В. Цѣтѣева, судя по спеціальному заглавію его, почти нельзя было и ожидать столько интересныхъ и цѣнныхъ историческихъ данныхъ, сколько заключается въ немъ. Это обусловливается тѣмъ, что почтеннымъ ученымъ профессоромъ мѣста погребенія цари Шуйскаго взяты въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ нашихъ учреждений, и что въ своихъ научныхъ поискахъ и извлеченіяхъ соответственныхъ документовъ онъ не знаетъ усталости и умѣетъ преодолевать встрѣчающіяся затрудненія, въ чемъ ему помогаетъ и его необыкновенно обширное научное знаніе архивнаго дѣла и рѣдкая настойчивость въ изученіи каждаго взятаго имъ научно-историческаго предмета.

Покренимо желаемъ скораго появленія самого историческаго изслѣдованія, которое послѣ такого обширнаго и тщательнаго изученія и выбора матеріаловъ должно, на фонѣ вѣчныхъ русско-польскихъ отношеній, обогатить и осветить свѣдѣнія о пребываніи цари Шуйскаго въ Польшѣ, исторію учреждений на мѣстахъ его погребенія и точно опредѣлить мѣсто бывшей въ Варшавѣ царской усыпальницы.

А. Никольскій.

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. Изданный его учениками и почитателями. Москва. 1902.—Н. Стороженко. Изъ области литературы. Его же. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

16 декабря въ Москвѣ праздновалось 30-лѣтіе научно-литературной дѣятельности профессора Н. И. Стороженка и 25-лѣтіе со времени избранія его въ дѣйствительные члены общества любителей россійской словесности. Юбилеи привѣтствовали профессора историко-филологическаго факультета, члены общества любителей россійской словесности, депутація отъ различныхъ учреждений, отъ бывшихъ слушателей, слушательницъ, студентовъ и почитателей. Н. И. Стороженко—одинъ изъ выдающихся знатоковъ исторіи всеобщей литературы и одинъ изъ популярныхъ профессоровъ Московскаго университета, поэтому чествованіе носило замѣчательно сердечный характеръ. Но друзья и ученики любимаго профессора не ограничились поднесеніемъ ему адресовъ и множества привѣтствій, а ознаменовали его юбилей издаваніемъ трехъ сборниковъ, весьма содержательныхъ и цѣнныхъ.

Въ ознаменованіе исполнившагося тридцатилѣтія профессорской дѣятельности Стороженка они выпустили сборникъ «Подъ знаменемъ науки», редактированіе котораго было поручено приватъ-доценту Московскаго университета М. Н. Розанову. Сборникъ открывается краткимъ очеркомъ научно-литературной и общественной дѣятельности Н. И. Стороженка, гдѣ въ связи съ біографіей профессора выяснены его ученія и литературныя заслуги, и тепло освѣщена его плодотворная и многосторонняя дѣятельность. Въ концѣ статьи, въ видѣ приложенія, находимъ полный библиографическій указатель къ печатнымъ

трудагы Стороженка. Самый сборник—объемистая книга въ 740 стр.—составленъ интересно и заключаетъ въ себѣ 55 статей разнообразнаго содержания. Первая статья принадлежитъ перу «маститаго» романиста Воборыкина, и представляется собою переводъ на русскій языкъ его лекціи объ эволюціи русскаго романа, читанной авторомъ въ Брюссельскомъ новомъ университетѣ. Года два тому назадъ имя напечатана толстая книга объ европейскомъ романѣ, гдѣ описаны шесть западныхъ литературъ. Въ этой лекціи, не представляющей для русскаго читателя особеннаго интереса, онъ разсматриваетъ періодъ «творческаго нарастанія» романа во вторую треть XIX вѣка, т. е. шестидесятые годы, сказавъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ Толстого, Достоевскаго и Тургенева. Профессоръ Ф. Миценко напечаталъ любопытныя соображенія о томъ, какъ сложилась басня, будто бы скны имѣли обыкновение остилять всѣхъ своихъ рыбковъ. Г. Архангельскій помѣтилъ свою рѣчь о поэзіи Баратынскаго, Е. Некрасова—отрывокъ изъ біографіи Огарева, наименѣе извѣстный публикѣ, такъ какъ въ этой статьѣ описано раннее дѣтство Огарева. Профессоръ Л. Ю. Шенелевичъ подвелъ библиографическіе итоги русскои литературы о Сервантесѣ, указавъ, что въ этой литературѣ имя Стороженка занимаетъ первое мѣсто.

Изъ другихъ статей слѣдуетъ указать на цѣнную статью В. Якушкина «Учебные годы А. Н. Радищева», гдѣ авторъ даетъ свѣдѣнія объ ученіи Радищева, о годахъ его студенчества въ Лейпцигѣ. П. С. Коганъ въ небольшой статьѣ выяснилъ міросозерцаніе Рѣскина (Философъ «красивой жизни»). Статья П. Н. Иванова о Сент-Симонѣ и симонизмѣ излагаетъ выводы автора изъ его диссертации на ту же тему. Очень интересенъ очеркъ профессора Р. Ф. Брандта объ основныхъ мотивахъ поэзіи Мицкевича. Авторъ отнесся вполне объективно къ поэзіи великаго польскаго поэта, указавъ и на то, что поэтическія преувеличенія Мицкевича «не разъ могли быть приняты за полную историческую правду и содѣйствовали тогда поддержанію начальной русско-польской розни» (320 стр.). Профессоръ Кириичниковъ написалъ содержательный этюдъ о Гоголѣ и Вѣлишскомъ лѣтомъ 1847 года. Онъ находитъ, что несправедливо считать Гоголя во время выхода въ свѣтъ его «Переписки» душевно-больнымъ: «онъ владѣлъ въ это время всѣми способностями своего глубокаго и тонкаго ума, кромѣ способности творчества» (стр. 432). На зациту «добрый цѣли» книга Гоголя вызвала критическій отзывъ Вѣлишскаго въ «Современникѣ», и въ особенности сильное вліяніе оказало на Гоголя знаменитое письмо Вѣлишскаго. Къ этой же эпохѣ относится напечатанная въ «Сборникѣ» лекція профессора Линиченка о Вѣлишскомъ въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками. Любопытны также нарисованныя черты Огарева въ воспоминаніяхъ его бывшаго крестьянина. Воспоминанія эти собраны П. Мендельсономъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губ. и прекрасно дополняютъ образъ Огарева, гуманнаго и благороднаго поборника свободы. Укажемъ еще на интересную статью В. Шенрока о П. А. Плетневѣ («Профессоръ-словесникъ стараго тина»), въ которой авторъ реабилитируетъ имя Плетнева отъ несправедливой оцѣнки его дѣятельности, и отъ упрековъ въ карьеризмѣ, какъ это сдѣлано въ статьѣ Г. Скабичевскаго. Въ нашей замѣткѣ мы не касаемся даже другихъ, не менѣе

цѣнныхъ статей, хорошихъ переводовъ, стихотвореній («Жильберъ» Е. Дегена, «Русскія отношенія Гете» — очень обстоятельный очеркъ В. В. Каллаша, «Мое знакомство съ П. А. Кулишемъ» Н. В. Стороженка, «Творческія силы» Д. И. Тихомирова, «Загоскинъ и цензура» А. Ф. Конц, «Историческое значеніе поэзіи графа А. К. Толстого» Н. А. Котляревскаго, «Вожарше-человѣкъ и писатель» Е. Д. Журавовскаго, «Два Донъ-Жуана» М. П. Смирнова, «Вольтеры въ русской литературѣ» Д. Д. Зыкова, «Одинъ изъ современниковъ Шекспира» М. Н. Розанова и др.). Издана книга прекрасно и очень дешево (2 р.).

Два другихъ сборника, одновременно вышедшихъ и тоже составленныхъ учениками Н. П. Стороженка, принадлежать уже перу самого юбиляра. Въ первомъ изъ нихъ «Изъ области литературы» собраны статьи, имѣющія общій, не специальной характеръ. Такъ, въ статьѣ (публичная лекція) «Педагогическія теоріи эпохи Возрожденія» охарактеризованы педагогическіе взгляды гуманистовъ. Здѣсь обрисована замѣчательная попытка преобразованія школы на началахъ гуманизма, задуманная падуанскимъ гуманистомъ Витторинно да-Фельтре. «Онъ жилъ со своими учениками, какъ отецъ съ дѣтьми, онъ отдавалъ имъ все свое время и все свои средства. Для нихъ онъ отказался отъ радости семейной жизни и сдѣлался почти анахоретомъ; и когда друзья совѣтовали ему жениться, чтобы имѣть сыновей, подобныхъ себѣ, онъ шутилъ отвѣчая, намекая на свою школу, что у него и безъ того слишкомъ много сыновей». Къ этой же эпохѣ гуманизма относится двѣ слѣдующія за этой статьёю о Дж. Вруно и Э. Додд. Статья «Джорджано Вруно, какъ поэтъ сатирикъ, и драматургъ», была прочитана авторомъ по случаю открытія въ Римѣ памятника Вруно. Въ ней дана характеристика литературныхъ произведеній Вруно, оказавшаго, какъ замѣчаетъ авторъ, влияние и на Шекспира, и на Лейбница, Якоби и Шеллинга. «Вольнодумецъ эпохи возрожденія» — гуманистъ Этьеннъ Доле, типографикъ и издатель, сожженный въ Парижѣ 3 августа 1546 года. Это — одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей эпохи Возрожденія, «которые смѣло вступили въ борьбу за право разума и вѣрующей совѣсти, положили основы свѣтской науки и основаннаго на ней міросозерцанія и запечатлѣли своєю кровью вѣрность своимъ убѣжденіямъ» (стр. 33). Страстная любовь къ классической древности, вѣра въ ея обновляющую силу, вѣра въ торжество разума сдѣлали имя Доле однимъ изъ выдающихся. Занимаясь испанской драмой XVI—XVII вв., Н. П. Стороженко внесъ въ эту область литературы много новаго, и слѣдующія двѣ статьи («Возникновеніе реального романа» и «Философія Донъ-Кихота»), напечатанныя въ «Сборникѣ», дадутъ читателю сжатый очеркъ развитія реального романа въ Европѣ, выяснятъ роль въ этомъ развитіи такъ называемой «плутовской повѣсти» и представятъ замѣчательный анализъ литературныхъ взглядовъ Сервантеса. Статья о философіи Донъ-Кихота считается лучшей русской работой объ этомъ великомъ произведеніи. Н. П. Стороженко не только разсматриваетъ истинный смыслъ «Донъ-Кихота», не только «исчерпалъ все перлы гуманности и мудрости», которые разсыпаны въ разсужденіяхъ Донъ-Кихота, но выяснилъ связь между Сервантесомъ и лучшими представителями эпохи возрожденія.

Укажемъ, наконецъ, еще на прекрасную статью о Теодорѣ Паркерѣ, въ которой русская публика впервые познакомилась съ знаменитымъ американскимъ проповѣдникомъ и моралистомъ, борцомъ противъ невольничества, на «поэтическую» статью объ юношеской любви Гете и яркій очеркъ жизни ш-го Сталь.

Издатели разбили статьи Н. Н. на три группы: къ первой изъ нихъ относятся статьи Стороженка по иностранной литературѣ, наиболѣе цѣнныя, въ сущности, ко второй—семь статей, относящихся къ русской литературѣ, и къ третьей—статьи изъ малорусской литературы. Всѣ его статьи по русской литературѣ, не внося чего либо новаго, отличаются чуткостью, изяществомъ и глубокимъ знаніемъ вопроса. Среди множества статей о Пушкинѣ небольшая статья Стороженка и теперь блещетъ своей сжатой, тонкой оцѣнкой значенія Пушкина. Полная высокаго воодушевленія статья объ эволюціи критическихъ идей Бѣлинскаго составляетъ украшеніе юбилейной литературы о Бѣлинскомъ. Широта взгляда Стороженка, глубина и многосторонній анализъ отразились и въ его статьѣ о Шевченкѣ, «гениальногъ горемыкѣ».

Но любимая тема Н. Н. Стороженка—Шекспиръ. Его курсъ о Шекспирѣ «является послѣднимъ словомъ, которое сказано наукой о великомъ англійскомъ драматургѣ». Третья изъ названныхъ нами книгъ заключаетъ въ себѣ рядъ этюдовъ объ изученіи Шекспира и статей о Шекспирѣ. Здѣсь помѣщено цѣлое изслѣдованіе о Макбетѣ, статья о прототипахъ Фальстафа, о сонетахъ Шекспира въ автобиографическомъ отношеніи, о Шекспирѣ и Бѣлинскомъ и др. Можно поблагодарить этотъ тѣсный кружокъ друзей Н. Н. Стороженка за ту большую услугу, которую они оказали русской публикѣ изданіемъ трудовъ своего учителя.

П. А.

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Томъ II. Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 1901.

Тщательная и детальная разработка исторіи Римской имперіи есть одинъ изъ несомнѣнныхъ успѣховъ науки истекшаго XIX столѣтія. И капитальная изслѣдованія по этой эпохѣ, и новые матеріалы, въ видѣ надписей, монетъ и, въ послѣднее особенно время, папирусовъ, появились въ прошлое столѣтіе въ огромномъ количествѣ. Поэтому авторъ указаннаго въ заглавіи изслѣдованія поставилъ себѣ весьма нелегкую задачу, желая сказать свое слово въ той области науки, гдѣ до него трудилось столько выдающихся ученыхъ, а энергія г. Гримма, съ которой онъ работаетъ надъ своей темой, прямо удивительна, такъ какъ первый томъ настоящаго сочиненія появился всего въ 1900 году. Правда, г. Гриммъ значительно сузилъ свою задачу, такъ какъ изложеніе его основывается исключительно почти на текстахъ древнихъ авторовъ. Что же касается новѣйшей ученой литературы, то позволительно думать, что она не всегда извѣстна автору; трудно объяснить иначе, почему, говоря, напримѣръ, объ Антонинѣ, г. Гриммъ называетъ дѣй небольшія и довольно старыя работы Зиверса и Боссарта и Мюллера (1870 и 1868) и не упоминаетъ вовсе о весьма

солидномъ трудѣ G. Lacour-Gayet, Antonin le Pieux et son temps (Paris, 1888); точно также, приводя литературу о Маркѣ Авреліи, авторъ долженъ былъ бы, наряду съ классической книгой Ренана, назвать обстоятельную работу американскаго ученаго P. B. Watson'a (New-York, 1884), гдѣ весьма подробно указана литература предмета. Правда, г. Гриммъ въ предисловіи къ первому тому говорилъ, что онъ не обременяетъ своего сочиненія ссылками, чтобы сдѣлать его доступнымъ и для неспеціалистовъ, а спеціалисты и безъ указаній автора усмотрятъ, какого ученаго онъ имѣетъ въ виду въ томъ или другомъ случаѣ. Но, отказываясь, конечно, отъ званія спеціалиста, позволяю себѣ все-таки утверждать, что отъ недостаточныхъ ссылокъ на пособія изложеніе г. Гримма страдаетъ иногда значительной неопредѣленностью. Изъ многихъ примѣровъ укажу на одинъ. Говоря о важной реформѣ Гадріана, назначившаго на должности завѣдующихъ официальной перепиской императора и принятіемъ прошеній всадниковъ вмѣсто бывшихъ до того вольноотпущенниковъ, г. Гриммъ задается вопросомъ, почему Гадрианъ не распространилъ этой мѣры и на управление финансами. Между тѣмъ, въ книгѣ Фридлендера *Darstellungen aus der Sittengeschichte Rom's*, которая, судя по всему, была настольнымъ пособіемъ г. Гримма, содержится указаніе, что и завѣдываніе финансами было поручено Гадрианомъ всадникамъ; того же мнѣнія придерживается и Шурцъ, авторъ спеціальнаго изслѣдованія о реформѣ Гадріана (*De mutationibus in imperio ordinando ab Hadriano imperatore factis*. Bonn. 1883), оставшагося, повидимому, неизвѣстнымъ г. Гримму. Этотъ недостатокъ изложенія наводитъ на еще одно общее соображеніе. Начиная съ эпохи Гадріана, главнымъ источникомъ для г. Гримма служатъ такъ называемые «Писатели исторій Августовъ». Въ настоящее время трудами Петера и другихъ доказана почти полная несостоятельность этихъ авторовъ, какъ историческаго источника, поэтому естественно, кажется, было бы ожидать въ трудѣ г. Гримма обстоятельной общей критической оцѣнки и проверки извѣстій этихъ писателей, но ожиданія наши совершенно напрасны.

Пора, однако, обратиться къ связанному изложенію содержанія книги. По первоначальному плану авторъ предполагалъ довести въ настоящемъ томѣ свое изложеніе до V—VI вѣковъ, а на самомъ дѣлѣ кончилъ только Маркомъ Авреліемъ (т. е. 180 г. по Р. Хр.). Правда, и въ теперешнемъ видѣ книга представляетъ внушительный томъ въ 466 страницъ. Совершенно правильно ввелъ г. Гриммъ, начиная съ этой части, въ свое изложеніе и греческіе источники, которые онъ въ первомъ томѣ игнорировалъ. Первая глава изслѣдованія, посвященная движенію 68—69 гг. и Гальбѣ, Отону и Вителлію, изложена, сравнительно съ послѣдующими, черезчуръ подробно. Особенно удалось автору выясненіе причинъ движенія. Въ разсказѣ объ эпохѣ Флавіевъ г. Гриммъ справедливо останавливается на «систематическомъ стремленіи этихъ принцевъ и въ особенности Домиціана къ усиленію и упроченію престижа императорской власти». Точка зрѣнія автора на Домиціана очень неопредѣленна, и крайне жаль, что г. Гриммъ не выяснилъ подробнѣе, какъ онъ смотритъ на эту интересную личность. Въ послѣдующей главѣ «Римское общество время Флавіевъ», гдѣ преимущественно говорится объ оппозиціи принципату, наиболѣе интереснымъ представляется § 6 («Очеркъ развитія греческихъ взглядовъ на мо-

нархю»), правда, не претендующій, по словамъ самого г. Гримма, на новизну взглядовъ. Впрочемъ, къ чести автора слѣдуетъ сказать, что онъ съ большимъ стараніемъ прослѣдилъ вліяніе греческихъ монархическихъ теорій на римскую литературу. Говоря о личности Діона Хрисостома, г. Гриммъ оставляетъ безъ вниманія любопытную характеристику этого писателя, данную профессоромъ А. П. Соппи въ «Филологическомъ Обзорѣннн», т. XIV (1898 г.). Поражаютъ въ этой главѣ неоднократныя ссылки г. Гримма на парадоксальную книгу Вильг. Ад. Шмидта *Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit*, послужившую въ свое время главнымъ пособіемъ Д. П. Исареку въ его работѣ объ Аполлоніи Тианскомъ. Неужели можно вѣрить такому автору, который, напримѣръ, говоритъ, что латъ Марціала Доминіана носитъ характеръ пародіи. А такихъ утверждений въ книгѣ множество. Конечно, далѣе, не одному г. Гримму приходило въ голову тожество Матерна, выводимаго въ «Диалогѣ объ ораторахъ» Тацита, съ одноименнымъ софистомъ, о казни котораго разсказываетъ Кассій Діонъ, но если бы г. Гриммъ заглянулъ въ *Geschichte der römischen Litteratur* Теффеля-Швабе (§ 318), то встрѣтилъ бы тамъ весьма сильные доводы противъ этого отождествленія. Тамъ же читаемъ, что если относить составленіе Тацитова «Диалога» къ эпохѣ Тита, какъ это дѣлаетъ г. Гриммъ, то различіе между тѣмъ и другимъ Матерномъ слѣдуетъ считать доказаннымъ. Въ слѣдующей (IV) главѣ дается обзоръ правленія Нервы и Траяна. Трудно согласиться съ мнѣніемъ г. Гримма, чтобы Нерва «стать во главѣ заговора противъ Доминіана». Судя по даннымъ источниковъ, душою заговора могутъ быть названы Т. Петроній и Нареній. Что же касается Нервы, то выборъ заговорщиковъ упалъ на него послѣ того, какъ они безуспѣшно обращались ко многимъ другимъ лицамъ. Самое правленіе Нервы очерчено очень кратко, такъ не упомянуто почти объ его мудрой финансовой политикѣ. Типичными представителями римскаго общества въ эпоху Нервы и Траяна выбраны въ слѣдующей главѣ, какъ и нужно было ожидать, Тацитъ и Плиній. Обширная характеристика перваго читается съ интересомъ, хотя и не блещетъ особой оригинальностью. Впрочемъ, о Тацитѣ писали такъ много, что проявить самостоятельное сужденіе о немъ возможно только послѣ долгихъ специальныхъ занятій, а это, очевидно, не входило въ планы г. Гримма. Болѣе удивительно, что онъ не знаетъ, что чтеніе въ Миласской надписи собственнаго имени Тацита (Publius) невѣрно; объ этомъ писали еще въ 1895 г. (въ 132 т. Записокъ Вѣнской Академіи Наукъ) австрійскіе ученые Gula и Szanto, лично видѣвшіе надпись. Вопросъ о томъ, когда Тацитъ попалъ въ сенатъ, изложенъ довольно противорѣчиво. На стр. 192 сказано, что историкъ принадлежалъ къ сенату со временъ Веспасіана, а на стр. 307 «при Титѣ онъ съ должностью квестора получилъ доступъ въ сенатъ». Что касается Плинія Младшаго, то г. Гриммъ отнесся къ нему, кажется, очень жестоко. Мнѣніе автора, что перенеска Плинія «всегда поражаетъ своимъ однообразіемъ, необыкновенной пустотой и напыщенностью и преобладающимъ интересомъ къ внѣшней формѣ», такъ же односторонне, какъ и противоположное утвержденіе г. Мережковскаго (въ «Вѣчныхъ спутникахъ»); книга эта, вѣроятно, неизвѣстна г. Гримму), что «это—одна изъ самыхъ удивительныхъ книгъ, какія намъ оставила древность,—особенный родъ литера-

туры, близкій нашему современному вкусу, исключаящей все условное и вышнее, немного поверхностный, но зато грациозный, очаровательно-разнообразный». Если переписка Шпиния не преслѣдовала политическихъ цѣлей, а, стало быть, и дала мало матеріала для г. Гримма, то изъ этого не слѣдуетъ еще относиться къ ней съ такимъ пренебреженіемъ, такъ какъ въ ней безусловно немало интереснаго. Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, которой посвящена VI глава, изложена довольно бѣгло. Въ отдѣлѣ о Гадріанѣ обращаетъ на себя вниманіе полемика съ Моммзеномъ о томъ, слѣдуетъ ли различать два императорскихъ совѣта, политическій и судебный. Кажется, что при наличности нашихъ данныхъ окончательное рѣшеніе этого вопроса весьма трудно; во всякомъ случаѣ доводы г. Гримма имѣютъ за себя значительную вѣроятность, онъ ошибается только, утверждая, что у Кассія Діона (55, 27) не говорится ни слова о совѣтѣ Августа. Въ указанной главѣ терминъ *synedroi* есть (изданіе Штурца, т. III, стр. 404). Затѣмъ большое значеніе, повидимому, придастъ г. Гриммъ свидѣтельству біографа Гадріана, что этотъ императоръ выбралъ въ свой совѣтъ лицъ, заранѣе одобренныхъ сенатомъ. Автору осталась, очевидно, неизвѣстной статья объ императорскомъ совѣтѣ Зеека въ 7-мъ полутомѣ новаго изданія энциклопедіи Паули. Про императора Антонина неточно сказано, что онъ происходилъ изъ галльскаго города Немауза; отсюда родомъ былъ его отецъ, а самъ Антонинъ родился на одной виллѣ близъ Ланувія и провелъ свое дѣтство въ домѣ дѣда. Характеристика Марка Аврелія, дѣлаемая на основаніи его «Размышлений», очень содержательна. Зато исполнѣ безцвѣтна послѣдняя глава о Римскомъ обществѣ времени Гадріана, Антонина и Марка Аврелія. Светонію г. Гриммъ удѣляетъ одно примѣчаніе; объ его исторической достовѣрности не сказано ни слова, а характеристика возрѣлій черезчуръ кратка. Правда, читатель отсылается за подробностями къ французской книгѣ Масе, но она принята была ученой критикой весьма неодобрительно; о Фронтонѣ, Гелліи и Анулѣ (кстати, г. Гриммъ почему-то вездѣ пишетъ Аннулей) сказано еще меньше, чѣмъ о Светоніи.

Подводя итоги сказанному, позволю себѣ думать, что за тотъ періодъ времени, въ теченіе котораго работалъ г. Гриммъ, онъ успѣлъ сдѣлать очень многое, даже больше весьма многихъ другихъ ученыхъ на его мѣстѣ; но при чтеніи его работы можетъ иногда возникнуть вопросъ, не требовала ли избранная авторомъ тема болѣе продолжительнаго срока для ея выполненія. **А. М.**

Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. Изданіе 2-е. Спб. 1901.

Среди нашихъ русскихъ историковъ немного найдется такихъ, которые соединяли бы въ себѣ и виднаго изслѣдователя-спеціалиста и талантливаго популяризатора. Вышній профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. П. Карѣевъ, несомнѣнно, занимаетъ крупное мѣсто въ ряду нашихъ ученыхъ. Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ его имя стало извѣстнымъ, благодаря замѣчательному изслѣдованію его о крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ въ послѣдней четверти

XVIII вѣка, извѣстно имя Карѣева и всѣмъ занимающимся соціологіей, исторіей Польши, общими проблемами исторической науки и философіей исторіи. Такая широта, глубина анализа и многосторонность нашего ученаго, одного изъ талантливыхъ и популярныхъ профессоровъ, не позволила ему замкнуться въ узкія рамки исключительной специализаціи, вынесла наружу, въ русское общество, результаты его долгихъ ученыхъ трудовъ. Его переработанные университетскіе курсы легли въ основу пылнѣющей «Исторіи Западной Европы», п эти пять томовъ составляютъ цѣнное украшеніе нашей исторической литературы. Это единственный трудъ въ своемъ родѣ, трудъ, оригинально построенный, строго выдержанный, вылигъ научный и доступный большинству. Не говори о русской литературѣ, даже въ иностранной нельзя указать такого общаго сочиненія по исторіи Западной Европы, гдѣ бы съ такой полнотой трактовались соціальныя и экономическія отношенія, гдѣ была бы такъ объективно и основательно освѣщена культурносоціальная исторія.

IV томъ изучаетъ первую треть XIX вѣка, когда, въ связи съ глубокими потрясеніями политическими, страшно выдвинулись экономическіе и соціальные вопросы. Соціальной исторіи XIX вѣка отведено въ этомъ томѣ важное и подобающее мѣсто. Читатель найдетъ здѣсь исторію отміны крѣпостничества до 30 года, исторію образованія промышленнаго пролетаріата въ связи съ происходившими въ ту эпоху политическими и экономическими перемѣнами во Франціи и въ Англіи, съ капитализмомъ, и рабочимъ вопросомъ. Самостоятельное мѣсто занимаютъ главы, излагающія и анализирующія, какъ экономическія ученія того времени (Бенжаменъ Констанъ, Бентамъ, Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сэй, Симонди), такъ и соціальныя (Сенъ-Симонъ, Фурье и Р. Оуэнъ). Новое изданіе пересмотрѣно авторомъ, исправлено и дополнено новыми библиографическими указаніями, которыя, вообще, составляютъ цѣнную сторону капитальнаго труда П. Н. Карѣева.

Пожелаемъ, чтобы русскіе читатели изучали этотъ содержательный, интересный трудъ.

П. К.

В. В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія, съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб. 1902.

«Съ величайшею способностью къ обобщенію, — говоритъ В. В. Розановъ, — въ Достоевскомъ удивительнымъ образомъ была соединена чуткая восприимчивость ко всему частному, индивидуальному. Поэтому онъ не только понималъ общій главный смыслъ того, что совершается въ исторіи, но и почувствовалъ нестерпимый его ужасъ». Конечно, «ужасъ» этотъ обрѣтается въ исторіи западныхъ германо-романскихъ племенъ. Это вызвало у автора книги мысль о необходимости у насъ «комментированныхъ изданій, — комментированныхъ не со стороны формы и генезиса литературныхъ произведеній, какъ это уже есть, но со стороны ихъ содержанія и смысла».

Дѣйствительно, Достоевскій представляетъ богатую почву для такого рода комментариевъ. У него рядомъ съ чисто художественнымъ изображеніемъ перв-

но-большого человека, в чем он не имеет соперников даже по отзыву специалистов-психiatров, идут целые страницы разсуждений чисто публицистического свойства. В общемъ содержаніе ихъ вертится около «ужаса» западной цивилизаціи, «гниенія» Европы, тщетности стараній внести разумныя начала въ человеческое «своеволие» и таинственнаго величія смиренной русской «самобытности». Взгляды эти по существу не представляютъ ничего оригинальнаго. Это—конгломератъ славянофильскихъ и «почвенныхъ» идей, но онѣ выражены съ фанатической страстностью, въ пророческомъ стилѣ и духѣ.

В. В. Розановъ чрезвычайно удачно, со свойственными ему талантами и вдумчивостью, систематизируетъ и развиваетъ эти идейныя страницы романовъ Достоевскаго, особенно останавливаясь на «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ» въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Общія выводы, къ которымъ приходитъ онъ при этомъ, весьма утѣшительны: «Внесеніе гармоніи въ жизнь и исторію, — читаемъ на 119 стр., — соединеніе красокъ и полотна въ живую картину, вотъ что не выполнено человекомъ на землѣ и чего такъ страшно недостаетъ ему... Раса, послѣднею вступившая на историческое поприще, къ которой принадлежимъ и мы, въ особенностяхъ своего психическаго склада несетъ наибольшую способность выполнить эту великую задачу».

«Взять насильственныхъ стремленій романскихъ расъ—все соединить единствомъ формы, не заглядывая въ индивидуальный духъ и не щадя его, и взять упорнаго стремленія германскихъ расъ объединиться отъ цѣлаго и уйти въ нескончаемый міръ подробностей.—раса славянская входитъ, какъ внутреннее единство, въ самую разнообразную и, повидимому, непримиримую противоположность».

Это сказано краснорѣчиво, но почтенный В. В. Розановъ не замѣчаетъ, что это старая, старая гегельянская триада чисто нѣмецкаго происхожденія. Тезисъ—романскій унитаризмъ, и антитезисъ—германскій индивидуализмъ, примиряются въ синтезисѣ—въ всенѣмецкомъ государствѣ вообще и «феноменологіи» Гегеля въ особенности... Только въ эту «триаду» Хомяковъ подставилъ вмѣсто нѣмцевъ—славянъ и вмѣсто гегельянской философіи—православіе.

Замѣтимъ, что «Феноменологія» Гегеля, давшая диалектику антитезиса, появилась еще въ 1806 году.

«Духъ состраданія и терпимости, которому нѣтъ конца, продолжаетъ В. В. Розановъ, и одновременно отвращеніе ко всему хаотическому и сумрачному, заставляетъ ее (расу славянскую), безъ какой нибудь насильственности, медленно, но и вѣчно созидать ту гармонію, которая почувствуется же когда нибудь и другими народами, и вмѣсто того, чтобы, губя себя, разрушать ее, они подчиняются ея духу и пойдутъ, утомленные, ей на встрѣчу».

Если, однако, эта «гармонія» будетъ созидаться «медленно и вѣчно», то не представитъ ли она собою какой-то убогающій и недостижимый предѣлъ? И оиять таки невольно вспоминается, что это вѣчное стремленіе къ недостижимому—душа нѣмецкаго романтизма. Невольно вспоминается докторъ Фаустъ, который, стремясь къ идеалу, долженъ цѣпляться, рваться, влидываться, лишнуть ко всему и въ своей несчастности постоянно видѣть передъ собою призракъ нищи, проносящейся мимо жадныхъ губъ, едва онѣ коснулись ея...

А «Фаустъ» Гёте вышелъ въ 1808 году, когда у насъ пламенный патриотъ Сергій Глинка началъ издавать «Русскій Вѣстникъ» съ специальною цѣлью поражать мечемъ словеснымъ «узурпатора Бонапартія», Шаховской ставилъ «Полубоярскія затѣи», громадный успѣхъ на сценѣ имѣла трагедія Державина «Продъ и Маріамна», а Жуковскій перевелъ «Ленору» Бюргера подъ видомъ «Людмилы».

«Сознаніе недостаточности тѣхъ идеаловъ, заключаетъ В. В. Розановъ, которые преслѣдуются другими расами, всего болѣе можетъ сосредоточить наши силы на собственномъ».

«Собственный» идеалъ, конечно, тотъ же, который далъ Достоевскій: «смирить свой духъ».

Книга г. Розанова читается съ глубокимъ интересомъ, такъ увлекательно и красиво она написана. Лучшее доказательство ея несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ—два изданія въ короткое время. Конечно, идейныя страницы Достоевскаго по ихъ глубокому вліянію на русское общество восьмидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія достойны подобнаго разбора. Едва ли, однако, онѣ выдержатъ сопоставленіе съ культурно-историческими фактами развитія мысли у насъ и на Западѣ. Факты эти покажутъ съ несомнѣнностью, что всѣ духовныя движенія нашего общества за послѣдніе два вѣка и на первомъ планѣ наше славянофильство питались мыслью Запада. При этомъ идейная гегемонія и починъ всегда оттуда, съ Запада, или, только съ «опозданіемъ», какъ русскіе поѣзда. Философія Шеллинга явилась въ 1800 году, а первые русскіе шеллингианцы только около 1825-го года. Фихте и Гегель явились въ первые десятилѣтіе вѣка, а наши гегельянцы-славянофилы и западники въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Книга «Міръ, какъ воля и представленіе» Шопенгауэра явилась въ 1819 году, а мы познакомились съ этимъ трактатомъ въ 80-хъ годахъ. «Коммунистическій манифестъ» Маркса и Лассалья вышелъ въ 1847 году, а наши «марксисты» шумѣли только въ «концѣ вѣка». Такъ-то оно и идетъ! Вотъ и попробуйте сосредоточить наши силы на «собственномъ» идеалѣ, когда всегда этому идеалу есть прецедентъ на Западѣ, только опередившій его на полъ-столѣтія...

— дтѣ.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Два тома. Спб. 1902.

Графъ Николай Семеновичъ Мординовъ принадлежитъ къ числу выдающихся государственныхъ дѣятелей въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I. Онъ пользовался въ свое время огромной популярностью, приобрѣтенной имъ преимущественно либеральными мнѣніями, которыя и письменю и устно излагалъ въ государственномъ совѣтѣ по разнымъ вопросамъ. Эти мнѣнія и рѣчи перенисывались въ сотняхъ экземплярахъ и ходили по рукамъ, приводя всѣхъ въ восторгъ и возбуждая глубокое уваженіе къ свѣтлой личности Мординова. Какъ человекъ просвѣщенный, онъ тщательнo собиралъ и сохранялъ всѣ бумаги, не только касавшіяся его самого, но также и другихъ лицъ его фамиліи. Въ собранномъ имъ архивѣ насчитывается болѣе 8.000 докумен-

товъ, и теперь графиня Екатерина Александровна Мордвинова предприняла ихъ изданіе подъ заглавіемъ «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ». Вышедшіе два тома заключаютъ въ себѣ бумаги XVIII столѣтія, относящіяся къ отцу и брату графа Николая Семеновича и къ нему самому, за время командованія имъ черноморскимъ флотомъ. Оба тома, изданные роскошно, снабжены обстоятельнымъ предисловіемъ и примѣчаніями В. А. Вильбасова, который слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Мордвиновскій архивъ: «Въ немъ нѣтъ, — говоритъ г. Вильбасовъ, — извѣстій, касающихся дюра и высшаго общества. Въ этомъ замѣчается его отличіе отъ другихъ архивовъ, придающее ему особое значеніе и своеобразную окраску. Многія тысячи бумагъ, составляющія архивъ графовъ Мордвиновыхъ, всецѣло посвящены жизненнымъ интересамъ Россіи и исключительно касаются пользы и нужды народныхъ, общественныхъ и государственныхъ». И дѣйствительно, въ документахъ, помѣщенныхъ въ обоихъ томахъ, не встрѣчается ни одной строки, посвященной придворнымъ событіямъ. Искательство, низкопоклонство, интриги были не въ характерѣ Мордвиновыхъ, и потому они тщательно удаляются отъ двора; своею служебною карьерой, общественнымъ положеніемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ они исключительно обязаны лишь самимъ себѣ, своимъ личнымъ качествамъ, трудолюбію и преданности интересамъ родины.

Большая часть документовъ, напечатанныхъ въ двухъ томахъ «Архива графовъ Мордвиновыхъ», относится къ морскому дѣлу и дѣятельности графа Николая Семеновича по устройству черноморскаго флота въ 1785—1799 годахъ, который ему приходилось создавать, встрѣчая всевозможныя препятствія и неприятности отъ Потемкина и потомъ Зубова, вышнивавшихся въ его распоряженія, не слушавшихъ его совѣтовъ и не признававшихъ его указаній, даже специальныхъ. Тѣмъ не менѣе, Мордвинову удалось сдѣлать очень многое и оставить по себѣ добрую память въ черноморскомъ флотѣ. Въ царствованіе Павла, въ 1797 году, вслѣдствіе неслѣпнаго доноса премьеръ-майора Иванова, Мордвиновъ былъ вызванъ въ Петербургъ, подвергнутъ домашнему аресту и преданъ суду особой комиссіи, которая вынесла его оправдала, а Ивановъ принесъ повинную въ «покаянномъ» письмѣ къ оклеветанному имъ начальнику. Въ 1799 году Мордвиновъ неожиданно былъ уволенъ отъ службы «по случаю подорванія на Глубокой пристани бомбеннаго погреба». Но эта немялость имѣла весьма важныя послѣдствія. Она, по справедливому заключенію г. Вильбасова, направила Мордвинова на новую стезю, на которой его познанія и способности получили болѣе широкое примѣненіе: морякъ Мордвиновъ сталъ великимъ государственнымъ человѣкомъ.

Занимая отвѣтственный постъ командира черноморскаго флота, Мордвиновъ не ограничивался только своею спеціальностью. Онъ зорко слѣдилъ за политическими обстоятельствами и за всѣмъ, что касалось русскихъ владѣній на берегахъ Чернаго моря. Поэтому среди его бумагъ, помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ томахъ «Архива», находится свѣдѣнія о подступахъ къ Константинополю, о способахъ атаки и о мѣрахъ защиты Босфора, о дунайскихъ гирлахъ, объ укрѣпленныхъ бережныхъ пунктахъ Оттоманской имперіи, объ экономическомъ положеніи Крыма, о защитѣ русскихъ береговъ отъ заразныхъ болѣзней.

картинками, о сохраненіи корабельныхъ тѣсовъ, условіяхъ судостроенія и т. д. Вообще, изданіе «Архива графовъ Мордвиновыхъ» составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу историографію.

О. Ш.

В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и рассказы.
Спб. 1902.

Двѣ большія историческія повѣсти «Душа женщины» и «Алмазь изъ рода Гиреевъ» и историческій же рассказъ «Туркція» занимаютъ почти половину этой книги; другая половина посвящена рассказамъ изъ современной жизни. «Душа женщины» — любопытная страница изъ быта польскаго университетскаго города XVI вѣка. Авторъ обнаружилъ здѣсь встрѣчающагося, къ сожалѣнію, далеко не всегда и у присяжныхъ историческихъ повѣствователей умѣнье, не нагромождая подробностей, нѣсколькими мѣткими штрихами ввести читателя въ духъ и характеръ разсматриваемой эпохи. Романшескій эпизодъ повѣсти развивается на почвѣ отношеній прѣхавшаго изъ Волыни въ Краковскій университетъ студента Стаховича къ племянницѣ профессора Костки, нанвѣ Анелѣ. По эту романшескую пору заслоняетъ фигура самого ученаго врача Костки, смѣлый и пытливый умъ котораго, стремившійся проникнуть въ столь обширную еще въ тѣ времена область таинственнаго и неизвѣданнаго, создалъ ему какъ въ профессорской средѣ, такъ и среди его домашнихъ, репутацію чернокожника и чародѣя. Костку некушаетъ непреодолимое желаніе раскрыть, въ интересахъ науки, тайну зарожденія человѣческой жизни; и вотъ, при помощи итальянца Бенедетто, владѣющаго умѣніемъ заклинять души и заставляя ихъ говорить, онъ рѣшается подвергнуть временному усыпленію свою племянницу Анелю, чтобы имѣть возможность вызвать ея душу, «душу женщины», и вывѣдать отъ нея великую тайну, долженствующую обогатить науку. Мастерски очерчены и нѣкоторыя второстепенныя лица рассказа, въ родѣ бакалавра Вельчика, начальника «драбовъ» гутмана Шрингера и др. Повѣсть эта едва ли не лучшая вещь сборника и читается отъ начала до конца съ неослабывающимъ интересомъ. «Алмазь изъ рода Гиреевъ» — поэтическая картина любви татарскихъ Ромео и Джульетты, плѣннаго юноши Пскандера и дочери хана Гирей, Амдѣ. Взаимное влеченіе бахчисарайскихъ любовниковъ приводитъ ихъ къ столь же трагическому концу, какъ и ихъ веронскихъ предшественниковъ. Изъ рассказовъ на современные темы самый крупный — «Передъ завѣтною дверью». Героемъ его является студентъ Сушковъ наканунѣ его вступленія въ дѣйствительную жизнь. На всемъ почти протяженіи рассказа онъ выступаетъ передъ нами не съ особенно выгодной для него стороны: въ немъ слишкомъ много заботы о своей карьерѣ, заставляющей его унижаться передъ людьми, которые, по его мнѣнію, могутъ быть ему полезны въ будущемъ, слишкомъ много мелочности и заносчиваго высокомерія передъ «маленькими», хотя бы и хорошими людьми, знакомство съ которыми, однако, ни на одинъ шагъ подвинуть его на поприщѣ житейскихъ уснѣховъ не можетъ. Поэтому, когда въ концѣ концовъ, подъ впечатлѣніемъ обиды, полученныхъ отъ вліятельныхъ людей, на поддержку которыхъ онъ

разсчитывалъ, герой разсказа, по мановенію руки автора, вдругъ перерождается и идетъ искать поддержки и сочувствія у тѣхъ, къ которымъ раньше пренебрегалъ, читатель не слишкомъ довѣряетъ такому внезапному перевороту и остается при мысли, что для Сункова весьма легко возможенъ и «рецидивъ» къ прежнему его настроенію. Почти все разсказы сборника проникнуты составляющею характерную особенность автора доброжелательностью къ людямъ, обиженнымъ и обойденнымъ судьбою. Въ особенности слѣдуетъ выдѣлить въ этомъ отношеніи разсказы «Антекъ» и «Сючастники». Въ послѣднемъ просто, но правдиво рисуется то безучастіе, съ которымъ люди, даже по природѣ мягкіе и отзывчивые, нерѣдко проходятъ мимо чужого страданія, когда оно не слишкомъ бросается въ глаза. Только когда чаша терпѣнія страдающаго человѣка переполнится, и онъ рѣшается покончить расчеты съ жизнью, въ окружающихъ начинается шевелиться что-то похожее на укору совѣсти, и нѣсколько поздно они приходятъ къ заключенію, что небольшая доза вниманія съ ихъ стороны могла бы предупредить катастрофу. Въ этомъ смыслѣ авторъ какъ бы признаетъ всѣхъ насъ «соучастниками» въ дѣлѣ холоднаго и равнодушнаго отношенія къ нашему ближнему.

Н. Юрьянъ.

Жанна Д'Аркъ, романъ Марка Твена. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902.

Нельзя не приписать переводу романа американскаго писателя Марка Твена «Жанна Д'Аркъ». Наши познанія объ «Орлеанской Дѣвѣ» очень слабы, и даже драма Шиллера не вполне освѣщаетъ нравственный обликъ замученной французской патриотки. Но одного мученичества Жанны Д'Аркъ недостаточно, чтобы благоговѣть передъ ней. Въ счастливые дни своего торжества надъ панами и князьями, въ дни героическихъ побѣдъ надъ англичанами, Жанна Д'Аркъ плѣняетъ собой массы своимъ цѣломудріемъ, великодушіемъ, изяществомъ и скромностью. Эта деревенская дѣвушка, лишенная даже школьнаго образованія, посвятила свой умъ великимъ мыслямъ и измѣнила ходъ столѣтней войны. Она создала во Франціи національное движеніе противъ Англіи и нанесла христіанскими взглядами тяжкіе удары каноникамъ и церковникамъ. «Въ награду за все, — говоритъ Маркъ Твенъ: — коронованный ею праздношатающійся король Франціи, Карль VII, стоялъ неподвижно, равнодушно въ то время, какъ французское духовенство схватило и сожгло живую на кострѣ это благородное, самое наивное, самое милое, самое очаровательное дитя на свѣтѣ, — Жанну Д'Аркъ...». Романъ о ней научаетъ любить не только честную и возвышенную женскую душу, но выѣстъ съ нею и благороднѣйшіе мотивы и чувства, какими воодушевлены героическіе періоды исторіи. Выѣстъ съ тѣмъ, онъ обогащаетъ и умъ познаніями, преподнесенными въ безхитростномъ разсказѣ отъ имени оруженосца и писца Жанны Д'Аркъ, изъ одной съ ней деревни, игравшаго съ ней въ дѣтскія игры и сражавшагося рядомъ съ ней въ войскахъ противъ англичанъ. Этотъ приемъ не новъ въ литературѣ.

Такъ написана между прочимъ «Исторія французскаго крестьянина»

Эркмана-Шатриана и т. д. «Мы ожидаемъ,—говоритъ переводчикъ Марка Твена:—укорененія такого приѣма, особенно въ историческомъ романѣ, при его новомъ, научномъ, реальномъ направленіи, и привѣтствуемъ его. Въдѣ онъ требуетъ глубокаго изученія предмета. Только знатокъ источниковъ можетъ «перевологити» минувшее время въ лицѣ героя, который думаетъ, чувствуетъ, даже говоритъ, какъ въ старину. Такимъ и оказался Твенъ. Онъ справился съ своей трудной задачей: онъ выдержалъ и тонъ и даже языкъ товарищей Жанны. Онъ снабдилъ свой романъ научными примѣчаніями и ссылками на французскія и англійскія книги,—пріемъ, который также, къ счастью, начинаетъ распространяться теперь у авторовъ историческихъ романовъ».

Проф. А. Травевскій обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ: Бальзакъ: «Темное дѣло» (Наполеонъ I); Энсвортъ: «Уатъ Тайлеръ» (крестьянское движеніе въ Англии въ XIV в.); Эженъ Сю: «Жанъ Какаль» (истребленіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV); Жоржъ Зандъ: «Йлжика» (гугенотское движеніе XV в.); Шинплеръ: «Царь Сіона» (анабаптисты времени Лютера) и т. д.

Историческій романъ—эта «вселенская панорама», по выраженію Бѣлинскаго, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать въ русскомъ обществѣ поднятію общественнаго духа и ознакомленію съ міросозерцаніемъ лучшихъ дѣятелей всемірной исторіи въ разные ея эпохи.

А. Фаресовъ.

3. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901.

Впечатлѣніе, которое получается отъ этой книги, вполне благоприятное: внѣшность языкъ, которымъ она написана, и содержаніе заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны читателей.

Она написана къ знаменательному дню празднованія столѣтняго юбилея со дня присоединенія Грузіи къ Россіи. О Кавказѣ пишется вообще мало книгъ, особенно отдѣльныхъ монографій, а, между тѣмъ, его политическая, внутренняя, бытовая жизнь полна многихъ крайне интересныхъ моментовъ. Мы, напримѣръ, не знаемъ государственнаго строя Кавказа, характера грузинскаго самодержавія, грузинскаго феодализма, не знаемъ въ достаточной степени быта и свойствъ этого даровитаго (на поприщѣ поэзіи и литературы) народа и многого другого. Между тѣмъ, монографіи по этимъ вопросамъ были бы крайне своевременны. Во всякомъ случаѣ, должно помнить, что Грузинское царство въ эпоху присоединенія къ Россіи переживало только героическую эпоху своей исторіи. Этого не надо упускать изъ виду.

Авторъ—юристъ, это видно по самому характеру изложенія. Термины и положенія международнаго права—его оружіе; онъ оперируетъ съ ними. Далеко не всегда можно согласиться съ авторомъ во многихъ дѣлаемыхъ имъ выводахъ, особенно, въ области проявленія русскимъ правительствомъ стремленій къ окончательному присоединенію отдававшихся только подъ протекторатъ, по мнѣнію автора, кавказскихъ народностей. Многіе чисто историческіе недочеты, недомолвки и субъективные выводы не могутъ помѣшать полученію весьма пріят-

наго впечатлѣнія отъ благородства тона, изящества и красоты языка, какими написана эта интересная книга.

Ея недостатокъ въ отсутствіи цѣльности изложенія: главы текутъ другъ за другомъ безъ достаточной связи съ основною мыслью автора—оцѣнить характеръ присоединенія на основахъ международнаго права, замѣтна нѣкоторая излишняя растянутасть въ исторической части и слишкомъ обильные аксесуары мыслей, подлежащихъ доказательству автора, но все это—тѣ мелочи, безъ которыхъ не обходится ни одна книга.

Какъ интересныя, отмѣчаемъ слѣдующія мысли автора:

«Присоединеніе Грузіи къ Россіи было политическимъ событіемъ первостепенной важности. Именно со времени этого присоединенія Россія становится на путь, который, можетъ быть, приведетъ ее къ берегамъ Персидскаго залива» (Предисловіе, стр. I).

«Присоединеніе Грузіи не было цѣлью, къ которой издавна и сознательно стремились» (ibidem).

«Россія не имѣла въ Грузіи никакихъ экономическихъ интересовъ; не могла она ее привлекать и въ видахъ «исправленія» границъ; но сама Грузія нуждалась въ Россіи и, не удовлетворяясь протекторатомъ, искала болѣе тѣснаго единенія» (ibid., стр. IV).

«Идея присоединенія принадлежитъ Грузіи, ея царямъ; но какъ она будетъ присоединена, на это дала отвѣтъ Россія» (ibid.).

Всѣ эти мысли являются основною канвой, на которой вышитъ превосходный коверъ этого очерка, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ экивокъ по адресу Россіи чисто полемическаго свойства, которые можно было бы съ успѣхомъ выкинуть изъ книги.

К. Н. Михайловъ.

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902.

Въ 1872—1873 гг. покойный профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ прочелъ своимъ слушателямъ курсъ исторіи новой русской литературы; лишь теперь, цѣлая четверть вѣка спустя, курсъ этотъ появляется въ печати,—и теперь читается съ живымъ интересомъ и представляетъ собою видное явленіе въ нашей текущей научной литературѣ.

Въ живомъ, образномъ изложеніи авторъ даетъ очеркъ исторіи русской литературы на фонѣ исторической жизни русскаго общества того времени. Эпоха первыхъ годовъ царствованія императора Александра I—эта знаменательная эпоха въ исторіи русскаго обществѣ—представлена здѣсь въ сильныхъ, рѣзкихъ и красивыхъ чертахъ. Загадочная личность самого царя, этого «сфинкса, неразгаданнаго до гроба», съ ея колебаніями, въ ея скорбной и печальной половинчатости, выдвинута впередъ; ея двойственностью объясняется многое въ жизни Россіи тѣхъ временъ, и психологическая характеристика Александра I, рассказъ объ его воспитаніи и воспитателяхъ, является въ книгѣ Булича цѣннымъ отдѣломъ, не утратившимъ своего значенія и нынѣ, послѣ появленія новыхъ трудовъ, посвященныхъ этому царствованію. Этою

характеристикою превосходно освѣщается весь дальнѣйшій ходъ положенія: понятнымъ становится и пылкій приступъ къ выполнению либеральной программы, создавшейся безъ точнаго знанія русской дѣятельности, и неудача, и разочарованіе, и охлажденіе...

Со времянь императора Александра I наше просвѣщеніе, до той поры принимавшееся преимущественно, или какъ техническая выучка тому, что надо для службы, или какъ удовлетвореніе потребности европейской моды, впервые получаетъ настоящую оцѣнку, и больше, чѣмъ когда либо прежде, дѣлается предметомъ правительственныхъ заботъ и попеченій. Широкій планъ насажденія образованія на Руси нашель себѣ выраженіе въ организаціи министерства народнаго просвѣщенія, въ его равносторонней дѣятельности, одною изъ главныхъ заслугъ которой надо считать распространеніе университетскаго, высшаго образованія, въ чемъ содѣйствіе нашему министерству оказали лучшія научныя силы запада; ихъ сотрудничество, та широкая свобода академической жизни, которая являлась неизбежнымъ слѣдствіемъ высокаго пониманія ея задачъ и цѣлей,—все это способствовало пробужденію если не во всемъ нашемъ обществѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной лучшей его части научнаго и литературнаго интереса, а его зарожденію благоприятствовала также и та свобода мысли и слова, которая въ то время наблюдается. Не надо думать, что это была абсолютная свобода—ничуть; но по сравненіи съ тѣмъ, что было и до той поры, да и въ послѣдующую эпоху, литература наша могла затронуть и разработать вопросы, имѣвшіе живой общественный интересъ. Однако же, результаты литературнаго движенія въ первые годы правленія Александра совсѣмъ не оправдываютъ тѣхъ предположеній, которыя создаются при знакомствѣ съ относительно благоприятными условіями его развитія; наше общество въ массѣ своей не доросло тогда до пониманія тѣхъ задачъ и требованій, какія предъявляло себѣ тогда наше во всѣхъ отношеніяхъ передовое правительство, жившее далеко впереди общества, и даже лучшія силы нашей литературы проявляютъ мало пониманія дѣйствительной обстановки; правда, надо сознаться, люди эти не имѣли почвы подъ ногами, новое царствованіе поставило факты и идеи въ довольно чувствительный разладъ. Даже такіе люди, какъ Карамзинъ,—а его послѣдователи Маргуновъ, Макаровъ и др. и недавно,—не умѣли пойти дальше безплоднаго сентиментализма, не имѣваго ничего для того, чтобы играть серьезную роль въ жизни нашего общества, бывшаго явленіемъ чуждымъ, наносимымъ; такіе люди, какъ Пнинъ, люди стойкихъ убѣжденій и трезваго пониманія русской дѣятельности, встрѣчались очень рѣдко, да и не мѣсто имъ тогда было по внѣшнимъ условіямъ нашего обществя. А на ряду съ такимъ неумѣнемъ передовой группы русской интеллигенціи понять вѣянія минуты и ея требованія мы замѣчаемъ начало отливнаго движенія, начало реакціи, которая тоже выражается первоначально въ области литературы, прежде чѣмъ перейти въ практику жизни; подъ споромъ Шишкова и карамзинистовъ о старомъ и новомъ слогѣ чувствуется борьба старыхъ и новыхъ теченій русской жизни, и условія исторической обстановки все болѣе и болѣе давали надежду на усилѣніе первыхъ.

Событія европейской полгики первыхъ десятилѣтій XIX вѣка способство-

вали пробужденію національныхъ чувствъ и повышенному патристическому настроенію, все свое должно было брать верхъ надъ чуждымъ, заноснымъ, а такъ какъ и нашъ либерализмъ того времени созданъ не на почвѣ мѣстныхъ идей и фактовъ, то подобное настроеніе, выразившееся въ литературной дѣятельности извѣстнаго графа Растропчина, Глинки и ихъ единомышленниковъ, было крайне неблагопріятно не только для дальнѣйшаго его развитія, но и для самаго его существованія. Этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія особенно ярко сказался въ извѣстной запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи», представляющей въ себѣ, наряду съ многими мѣткими и вѣрными замѣчаніями, проповѣдь реакціонной политики, какъ въ области управленія, такъ и сословныхъ отношеній. Это же новое теченіе сказалось и на развитіи и судьбѣ тѣхъ мистическихъ ученій, развитіе которыхъ такъ характерно для Александровскаго царствованія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго труда Булича; изложеніе его доведено до второй половины царствованія Александра I. Надо надѣяться, что и продолженіе этихъ лекцій не замедлитъ появиться въ свѣтъ.

М. П—я.

Commentationes Nikitinianae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу тридцатилѣтія служенія его русскому просвѣщенію. 1871—1901. Спб. 1901.

У нашихъ филологовъ есть весьма симпатичный обычай, заимствованный съ Запада, — чествовать выдающихся и любимыхъ профессоровъ поднесеніемъ имъ сборника специальныхъ статей. *Commentationes Nikitinianae* являются уже четвертымъ изданіемъ въ этомъ родѣ: такіе же сборники поднесены были ранѣе Ѳ. Ѳ. Соколову, П. В. Помяловскому и Ѳ. Е. Коршу. Настоящая книга объединяетъ въ себѣ статьи 40 авторовъ, включая сюда и мюнхенскаго профессора, К. З. Крумбахера, и такимъ образомъ можетъ служить довольно точнымъ показателемъ тѣхъ интересовъ, которые занимаютъ русскихъ филологовъ. А интересы эти весьма разнообразны: въ книгѣ встрѣчаются изслѣдованія по греческой и римской эпиграфикѣ, отчасти на основаніи неизданнаго матеріала, по палеологіи и палеоботаникѣ, основателемъ которой является русскій ученый М. Н. Ростовцевъ, по исторіи литературы Греціи и Рима, по греческимъ и римскимъ древностямъ, по древнеклассической и христіанской археологіи и, наконецъ, по византиновѣдѣнію. Въ сборникѣ впервые изданы два неизвѣстныхъ доселѣ греческихъ текста византийскаго времени и одинъ (св. Григорія Нисскаго), имѣвшійся ранѣе въ плохой и поздней редакціи. Изъ статей, представляющихъ общій интересъ, можно назвать «Матеріалы для характеристики Овидія» (М. М. Покровскаго), содержащія много остроумныхъ замѣчаній касательно процесса творчества этого поэта; «Тема и планъ Горациевой *Ars Poetica*» (И. В. Петушила), гдѣ дается тщательный и подробный анализъ этого столь важнаго для исторіи всеобщей литературы произведенія; «Ѳукидидъ и историческая наука XIX вѣка» — В. П. Бузескула, показывающаго, «насколько близко

подошелъ величайшій историкъ древности къ тѣмъ задачамъ, присматъ и воззрѣнїямъ, которые характеризуютъ науку XIX вѣка»; прекрасный стихотворный переводъ двухъ отрывковъ изъ Лукреція — И. И. Холодняка; «Женщина въ изображенїи греческаго сатирика VII-го вѣка до Р. X.» (А. Н. Деревницкаго), гдѣ разбирается любопытный памятникъ мязогинской литературы, принадлежащій Симониду Аморгскому. Для характеристики отрицательныхъ женскихъ типовъ авторъ сопоставляетъ ихъ съ животными, такъ, напримѣръ, перяху со свиньей, лукавую съ лисицей, злую съ собакой, лѣнивую и похотливую съ ослицей, безобразную и безстыдную съ обвязаной. Въ общемъ настоящій сборникъ лишній разъ доказываетъ то положеніе, что, если значеніе науки классической филологїи близко примыкаетъ у насъ обыкновенно къ западнымъ теченїямъ ея, то изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, чтобы за короткій періодъ наибольшаго развитїя этой науки въ Россїи у насъ не появлялось лицъ, съ честью могущихъ соперничать съ западными филологами. Само собою разумѣется, что одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ здѣсь тому маститому ученому, которому поднесена была настоящая книга, и портретъ котораго ее украшаетъ.

А. М.—въ.

А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman). Недавніе люди. Спб. 1901.

Изъ статей этого сборника, четыре—«Степанъ Стамбуловъ», «Софійское житье-бытье», «Московский городской голова Алексѣевъ» и «Таинственная корреспонденка»—уже знакомы нашимъ читателямъ, такъ какъ первоначально были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Остальные статьи «О Чернышевѣ», «Памяти Полонскаго», «Памятникъ Царю-Освободителю» и «Захарьинъ» появились въ газетныхъ фельетонахъ. Несомнѣнно, лучший изъ этихъ талантливыхъ и яркихъ набросковъ,—очеркъ своеобразной личности «тирашина и блудника», болгарскаго диктатора Стамбулова. Это психологическій и бытовой портретъ, въ которомъ автору удалось схватить сходство. Положительно, этотъ своеобразный плодъ удивительной конституціонной прививки къ патриархальному быту земледѣльческаго народа, какъ живой, стоитъ передъ вами. Вы слышите и ревъ разъяренной толпы, вѣющій востокомъ: «Въ клѣтку тебя! Въ клѣтку!» Предъ вами раскрывается вся свирѣбая душа этихъ «братушекъ», воспитанная вѣками рабства. Очеркъ «Софійское житье-бытье» является пояснительнымъ комментариемъ къ личности Стамбулова, рисуя своеобразный бытъ и строй жизни болгарскихъ «интеллигентовъ». Въ нашей литературѣ болгарамъ посчастливилось. Тургеневъ представилъ намъ героическаго Инсарова въ романѣ «Наканунѣ», и тогда Добролюбовъ утверждалъ, что ничего подобнаго личности беззаветно преданнаго дѣлу освобожденїя родины Инсарова въ русской дѣйствительности быть не можетъ, и что Елена, новый человекъ съ новыми запросами сердца, дома никакъ не могла найти достойнаго ея любви человека, и только изъ Болгарїи можно было его выискать. Ну, вотъ, г. Амфитеатровъ съ добродушнымъ безпристрастіемъ показываетъ намъ цѣлыя толпы этихъ Инсаровыхъ, съ утра до ночи политикующихъ и спасающихъ отечество. И это, дѣйствительно, Инсаровы. Тургеневъ своего болгарина написалъ очень

хорошо съ его скрытной, практической натурой и свирѣпой душой, вдругъ ненавистическимъ свѣтомъ прилипающей къ глазамъ, при воспоминаніи о турецкихъ «тираніяхъ и блудникахъ». Но... мало поэтичны эти Инсаровы. Спустя полгода по смерти Стамбулова, кладбищенскіе сторожа жаловались русскимъ, что могила диктатора—истинное ихъ наказаніе: чуть не присмотри, — и наваялять на нее всякой гадости! Черта характерная. «Признакъ, — прибавляетъ г. Амфитеатровъ, — эта каннибальская ненависть «братушекъ» къ человѣку, предъ которымъ они заживо, рабски трепетали, показалась мнѣ весьма противною. Онъ стоилъ болгарскаго политикующаго общества, а общество стоило его».

— дѣть.

В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библиографическій обзоръ. Спб. 1901.

Изъ предисловія узнаемъ, что объемистая книга г. Сиповскаго (272 страницы), написанная по порученію редакціи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», представляетъ отпечатки его статей, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ. Авторъ сообщаетъ, что ограниченность мѣста заставляла его постоянно сокращать свою работу, и что поэтому онъ не можетъ смотрѣть на свой трудъ, какъ на удачное исполненіе своихъ замысловъ. Тѣмъ не менѣе, г. Сиповскій рѣшился выпустить отдѣльнымъ изданіемъ неудачное исполненіе своихъ замысловъ, «лытя себя надеждой, что, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, его статьи сослужатъ нѣкоторую службу русской публикѣ». Никто не станеть спорить противъ того, что обзоръ г. Сиповскаго «нѣкоторую службу сослужить», но, по всей вѣроятности, г. Сиповскій врядъ ли будетъ доволенъ, если его риторическая фраза о цѣнности его труда будетъ принята на самомъ дѣлѣ только въ ея дѣйствительномъ содержаніи. Очень жаль, конечно, что работа не оправдываетъ замысловъ ея автора: объ нихъ мы не можемъ судить по книгѣ, но дѣло въ томъ, что книга г. Сиповскаго вообще не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ предъявлять къ критическому обзору, написанному ученымъ специалистомъ по исторіи русской литературы и напечатанному на страницахъ такого серьезнаго и дѣльнаго органа, какъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Мы упоминали о томъ, что по книгѣ г. Сиповскаго нельзя судить объ его замыслахъ. Прибавимъ къ этому, что недостатки книги объясняются не столько сокращеніями въ угоду мѣсту, сколько полнѣйшимъ отсутствіемъ замысловъ. Вся книга производитъ такое впечатлѣніе, будто авторъ читалъ въ разное время, находясь въ различныхъ настроеніяхъ, литературу о Пушкинѣ и дѣлалъ лично, для себя, отмітки на клочкахъ бумаги, отмітки разнообразнаго содержанія; потомъ онъ распредѣлилъ клочки на нѣсколько кучекъ и соединилъ вмѣстѣ. У г. Сиповскаго не было руководящихъ принциповъ при его работѣ. Они вообще могутъ быть различны. Обзоръ юбилейной литературы можетъ быть только перечнемъ статей или перечнемъ съ изложеніемъ всего содержанія статей; въ обзорѣ, сдѣланномъ ученымъ, мы въ правѣ ждать осложненія задачъ. Опираясь на тщательное изученіе всей предшествовавшей литературы,

ученый обозрватель может отметить все новое, что внесла в понимание пушкинских вопросов юбилейная литература; от его желаний зависит произвестн критический, научный анализ этого новаго и выяснит тѣ задачи, которыя стоятъ передъ будущими пяслѣдователями Пушкина. Наконецъ, обзоръ можетъ носить публицистическій характеръ; исходя изъ того положенія, что каждая эпоха имѣетъ свою точку зрѣнія на великаго человѣка и его произведенія, обозрватель можетъ набросать очеркъ современныхъ настроеній, очертить то, что эпоха внесла въ понимание пушкинскихъ вопросовъ. Книга г. Сиповскаго не подходитъ ни къ одному изъ указанныхъ нами типовъ обзора. Очевидно, ея единственный *raison d'être*—то, что она можетъ сослужить нѣкоторую службу». Правда, трудъ г. Сиповскаго не лишенъ все же нѣкоторой системы. Онъ раздѣленъ на XII главъ съ слѣдующимъ содержаніемъ: глава I—чествованіе юбилея; II—матеріалы; III—общіе очерки жизни и дѣятельности А. С. Пушкина; IV—біографическіе очерки частнаго характера; V—характеристика Пушкина; VI—историко-литературная оцѣнка дѣятельности Пушкина; VII—Пушкинъ и иностранная литература; VIII—Пушкинъ и русская литература; IX—Пушкинъ—народный, національный поэтъ; X—воспитательное значеніе Пушкина; XI—къ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній; XII—библиографія пушкинской юбилейной литературы. Но въ обработкѣ матеріала, положеннаго въ основу каждой главы, нѣтъ никакой системы. О нѣкоторыхъ работахъ г. Сиповскій только упоминаетъ; о другихъ онъ говоритъ пространнѣе, при чемъ относительно нѣкоторыхъ онъ сообщаетъ, чего въ нихъ нельзя найти (не обращено вниманія на то и то, не указано на то и то и т. п.); относительно другихъ—онъ указываетъ на то, что можно въ нихъ найти, иногда все, что въ нихъ находится (полное содержаніе), иногда кое-что, что можно въ нихъ найти. Немногія работы онъ излагаетъ очень подробно и подвергаетъ оцѣнкѣ. Иногда оцѣнка выражается однимъ словомъ «хорошо или удовлетворительно», иногда она разрастается до размѣровъ критическаго экскурса, въ которомъ г. Сиповскій разбираетъ чужія работы съ точки зрѣнія своихъ взглядовъ на Пушкина. А эти взгляды отчасти высказаны имъ въ своихъ двухъ брошюрахъ (конечно, онѣ охватываютъ только незначительную часть пушкинскихъ вопросовъ), отчасти высказываются совершенно догматически.

Возьмемъ на выдержку нѣсколько отзывовъ г. Сиповскаго. Вотъ одинъ о статьѣ Черныяева: «недуренъ маленькій разборъ стихотворенія «Буря», въ которомъ сказалось пушкинское отношеніе къ природѣ и человѣку» (стр. 244). Не правда ли, недуренъ небольшой отзывъ г. Сиповскаго? Или еще: «прекрасно выяснено значеніе отрывка: «Цезарь путешествовалъ»» (стр. 277). Изъ отзыва о работѣ проф. Истрина: «прекрасно характеризуетъ проф. Истринъ Пушкина, какъ реалиста, какъ реформатора въ области языка, какъ публициста, какъ критика». А содержаніе характеристики? Вѣдь иногда г. Сиповскому приходитъ на мысль передать сущность мыслей разбираемаго автора. Вотъ еще: «напрасно только автору хотеть доказать, что у Пушкина, еще мальчика, глубокая въра носила характеръ исканія». Почему напрасно? Поражаютъ своей безцѣльностью характеристики словъ, произнесенныхъ различными священниками, и рѣчей, прочитанныхъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, характеристики, на ко-

торыя у г. Синовскаго не хватаетъ даже фразъ: до того однообразны слова и рѣчи! Какой смыслъ имѣють слѣдующія отмѣтки г. Синовскаго: «Г. Шнейдеръ выяснилъ въ нѣсколькихъ общихъ словахъ значеніе поэта» (стр. 171)... «Г. Бобровниковъ сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о личности и дѣятельности Пушкина» (стр. 171)... «Г. Стариченко бѣгло обрисовалъ значеніе великаго поэта, выяснивъ значеніе поэта вообще и Пушкина въ частности» (стр. 171. Въ этихъ двухъ строчкахъ—тавтологія)... «Г-жа Городецкая отмѣчаетъ значеніе литературы вообще, довольно обстоятельно очерчиваетъ до-пушкинскую литературу и, въ заключеніе, перечисляетъ все сдѣланное Пушкинымъ (внесъ въ область литературы самобытность, разнообразіе, преобразовалъ языкъ, рисовалъ русскую жизнь»... 169 стр.). Такихъ отмѣтокъ десятка. Вообще манера г. Синовскаго произносить судъ надъ работами другихъ сильно напоминаетъ пріемы учителя съ указкой въ первыхъ классахъ гимназій: «Изъ мелкихъ замѣчаній можемъ мы сдѣлать г. Кудряцеву слѣдующія» (стр. 60)... «Въ работѣ не встрѣтимъ мы ничего новаго, но все извѣстное намъ изложено хорошимъ языкомъ» (стр. 176)... «Все, что сказано нами г. Мякотину, можетъ быть сказано и г. Якушкину» (стр. 152). Словами: «недурно, прекрасно, вѣрно, умѣло, хорошо», нестригъ вся книга. Тамъ, гдѣ г. Синовскій переходитъ изъ роли учителя, исправляющаго тетрадки учениковъ, въ роль ученаго спеціалиста, насъ поражаетъ догматичность его мнѣній: быть можетъ, г. Синовскій и пришелъ къ нимъ послѣ продолжительнаго изученія пушкинскихъ вопросовъ, но вѣдь передъ нами одни только тезисы. Впрочемъ, въ своихъ двухъ брошюрахъ г. Синовскій обосновалъ свои взгляды по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ; онъ не разъ ссылается на нихъ и скромно дѣлаетъ себѣ оцѣнку: «перечитывая обширную юбилейную литературу, имѣли мы удовольствіе убѣдиться, что наше мнѣніе принято многими критиками» (стр. 202). Какъ мило и хорошо! Вслѣдъ за этими строками авторъ характеризуетъ работу г. Тихомирова: онъ, по мнѣнію г. Синовскаго, далъ «очень цѣнную работу»; дальше г. Синовскій признаетъ, что обзоръ статей о байронизмѣ Пушкина сдѣланъ по его работѣ, и г. Тихомировъ сошелся съ нимъ въ основномъ заключеніи. Предоставляемъ читателю судить, чья работа цѣннѣе—г. Тихомирова или г. Синовскаго. Не проще ли было бы прямо написать: «намъ удалось въ своихъ двухъ статьяхъ дать очень цѣнную работу».

Разбирая мнѣнія различныхъ авторовъ, г. Синовскій въ большинствѣ случаевъ опирается на одинъ палюбленный свой аргументъ: «Пушкинъ былъ Пушкинъ». Онъ не разъ упрекаетъ авторовъ за нежеланіе понять, что Пушкинъ—не простая единица, а натура художественная (151 стр.). И какъ только г. Синовскій усмотритъ во взглядахъ, подвергшихся его разбору грубыя и негрубыя ошибки, онъ сейчасъ же взываетъ: «Боже мой, Боже мой! Можно ли такъ судить? Вѣдь Пушкинъ былъ Пушкинъ». Къ сожалѣнію, онъ не развилъ намъ, въ чемъ состоятъ «пушкинская» точка зрѣнія на вопросы, связанные съ изученіемъ Пушкина. При словѣ «Пушкинъ» должны смолкать, по мнѣнію г. Синовскаго, всѣ имѣющіе дерзость отмѣчать слабости, ошибки, недостатки Пушкина, точь-въ-точь, какъ маэнистки при словѣ «Маэни».

Не чужда г. Синовскому и публицистическая точка зрѣнія. Правда, онъ повторилъ въ началѣ своей книги общую мысль о томъ, что «особенность геніаль-

наго писателя—это даръ такъ глубоко захватывать жизнь человѣчества, что цѣлые вѣка потомъ трудятся надъ толкованіемъ его произведенія, каждая эпоха находитъ въ немъ новыя стороны, указываетъ новое содержаніе, освѣщаетъ его съ новой стороны». Къ сожалѣнію, г. Синовскій ничего не сдѣлалъ для того, чтобы въ юбилейной литературѣ отмѣтить новыя стороны, новое содержаніе, новое освѣщеніе, созданное эпохой. Въ первой главѣ г. Синовскій дѣлаетъ оцѣнку юбилейнымъ празднествамъ; онъ настроенъ восторженно и рѣзко отзываясь о статьяхъ тѣхъ, кто несимпатически смотрѣлъ на пушкинскій юбилей. Не стоитъ спорить о характерѣ торжествъ, но нельзя не отмѣтить крайне наивнаго взгляда на значеніе Пушкинскаго праздника въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Ну, кого хочеть убѣдить г. Синовскій этой фразой: «впервые подъ покровомъ его имени, подъ впечатлѣніемъ его же рѣчей на мирномъ праздникѣ культуры померкла вѣковая вражда?» (стр. 19). Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ уже не наивной, а просто нелѣпой выходки по адресу г. Пѣшехова, одного изъ тѣхъ публицистовъ, которые думали, что праздникъ не удался. Г. Синовскій пишетъ: «на статью свою г. Пѣшеховъ предлагаетъ смотрѣть, какъ на «разоблаченіе всякаго рода недоразумѣній и обидъ», нанесенныхъ его гражданскимъ чувствамъ»... Къ этой фразѣ г. Синовскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «не правда ли, какъ одинаково звучитъ съ этими словами то объясненіе, которое далъ редакторъ «Маяка», когда его упрекнули въ желаніи «донести» на Пушкина: если «Маякъ» при свѣтѣ Евангелія открываетъ труны и создалъ ямы въ литературѣ, за это его благодарить и поддерживать должно. За это не всякій возьмется» (стр. 23). Къ чему это странное и непонятное сопоставленіе г. Пѣшехова съ редакторомъ «Маяка»? Быть можетъ, тутъ какое нибудь сокращеніе въ угоду мѣсту?

Итакъ какую же службу можетъ сослужить книга г. Синовскаго? Только, «нѣкоторую»: все же въ ней перечислены все или почти все работы о Пушкинѣ (за исключеніемъ статей въ газетахъ и еженедѣльныхъ журналахъ), вышедшія въ 1899—1900 гг. Правда, пользованіе этимъ перечнемъ затрудняется, во-первыхъ, отсутствіемъ указателя, во-вторыхъ—присутствіемъ «критико-библиографическихъ упражненій» г. Синовскаго, именно, упражненій, отъ которыхъ читателю нѣтъ пользы. Вѣдь онъ не вынесетъ изъ книги г. Синовскаго опредѣленнаго представленія о томъ, въ какомъ положеніи находятся пушкинскіе вопросы въ юбилейной литературѣ; книга не освободитъ его отъ чтенія юбилейныхъ статей и при своей разбросанности не явится надежнымъ руководителемъ при этомъ чтеніи.

П. Щ.

Мих. В. Хелтуплишвили. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Изд. Ал. Арабидзе. Кутаисъ. 1901.

Эта книжка въ 101 страницу принадлежитъ къ числу тѣхъ же юбилейныхъ изданій, которыя вызвало присоединеніе Грузіи къ Россіи.

Авторъ кратко разсматриваетъ исторію присоединенія къ Россіи трехъ крупныхъ государственныхъ организмовъ Закавказья: царствъ Карталинско-Кახетинскаго, Пмеретинскаго и княжества Мингрельскаго.

Авторъ, вопреки точному смыслу допешдникъ до насъ актовъ, старается всѣми силами проникнуть во внутреннія условія государственной жизни названныхъ царствъ и объяснить, что присоединеніе ихъ не было протекторатомъ, но не было и присоединеніемъ въ точномъ смыслѣ слова. Это—ахиллесова пята юбилейныхъ изданій этого года. Вотъ какъ, напримѣръ, выражается авторъ на 48 страницѣ:

«Хотя, ненавидя русскихъ (курсивъ нашъ), царь Соломонъ (пмереттинскій) надѣялся, войдя въ сношенія съ Турціей и съ Баба-ханомъ, поддержать царевича Александра Иракліевича, чтобы изгнать русскихъ даже изъ Карталинн-Кахетин, но, съ другой стороны, онъ отлично понималъ, что необходимо показывать притворное расположеніе къ Россіи и даже, если потребуется, добровольно поддаться ей, чтобы сохранить за собою и за своими потомками титулъ и преимущества царя». При такомъ освѣщеніи, знаменитый царь Соломонъ былъ самонадѣянный и недальновидный политикъ—только. Между тѣмъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Но, переходя къ обсужденію «просительныхъ пунктовъ», авторъ твердо опирается на выработавшіяся практикой данныя международного права и находитъ, что съ точки зрѣнія права все было предусмотрено и соблюдено.

Книга издана чисто, хорошо, крупнымъ шрифтомъ, для провинціи даже превосходно. По содержанію же она крайне интересна, тѣмъ болѣе, что авторъ работалъ по актамъ и источникамъ (стр. 101—102).

Кон. Мих—въ.

Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комиссіи за 1900 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь. 1901.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» В. Е. Рудаковъ далъ краткій обзоръ дѣятельности нашихъ архивныхъ комиссій за 1900 г. Наименѣе вниманія, какъ кажется, авторъ удѣлилъ Тверской комиссіи, такъ что дѣятельность ея, сравнительно съ другими, вышла очень блѣдною. Причины этого понятны. Тверская комиссія не издаетъ систематическихъ сборниковъ своихъ трудовъ, а отчетъ ея за 1900 годъ заоздалъ и появился въ свѣтъ только въ половинѣ истекшаго декабря 1901. Пользуясь данными этого отчета, я позволю себѣ изложить главнѣйшіе факты изъ дѣятельности комиссіи, которая въ общемъ работала гораздо плодотворнѣе, чѣмъ это можно думать, судя по статьѣ г. Рудакова, а также внести нѣкоторыя поправки въ его сообщеніе. Въ отчетномъ году комиссія имѣла семь засѣданій, посвященныхъ мѣстной исторіи и археологін и отличавшихся каждое значительнымъ обиліемъ рефератовъ. Изъ темъ болѣе общаго характера можно указать на данныя о пребываніи полномочнаго министра Мальтійскаго ордена, графа Лигты, въ Тверской губерніи съ 1799 до 1810 г., свѣдѣнія о духовникѣ Гоголя, протоіерей Константиновскомъ, о неизданномъ житіи св. Филиппа, митрополита московскаго, объ исторіи Милулинскаго княжества, новые варианты духовныхъ стиховъ и апокрифическія сказанія, фамиліи бумажъ дворянъ Трапп-

ныхъ, характеризующія нравы XVIII столѣтїя, и т. д. Кроме того, члены комисіи предприняли весьма плодотворную въ смыслѣ церковно-археологическихъ и архивныхъ результатовъ экскурсію по Волгѣ; описаніе этой поѣздки, составленное правителемъ дѣлъ комисіи П. А. Виноградовымъ, вышло на дняхъ въ свѣтъ отдѣльною книжкою со многими рисунками. Особенно цѣнныя добытыя здѣсь свѣдѣнія о св. Аннѣ, княгинѣ Кашинской, почитаніе которой продолжается и понынѣ, несмотря на запрещеніе собора 1678 года. Весьма усердно занимались члены комисіи присылаемыми имъ не только изъ Тверской, но и изъ многихъ другихъ губерній архивными описями; всего въ отчетномъ году разобрали они по такимъ описямъ 70.489 дѣлъ; наряду съ этимъ въ тверскомъ историческомъ архивѣ описано было 4.051 дѣло. Издательская дѣятельность комисіи не можетъ быть признана обширною; въ свѣтъ выпущено было всего четыре книги, наиболѣе интересной среди которыхъ является составленный М. В. Рубцовымъ биографическій очеркъ В. В. Болотова. Замѣчу кстати, что упоминаемая у г. Рудакова брошюра того же автора (Зубцова, конечно, опечатка) въ спискѣ изданій комисіи не указана. Конечно, комисіи не могла развитъ свою издательскую дѣятельность исключительно влѣдствіе недостатка средствъ, такъ какъ ею приготовлено къ печати 13 изслѣдованій, между которыми упомянуть названный у г. Рудакова трудъ В. Ф. Кудрявцева. Что касается тверскаго музея, то онъ отнюдь не умаляетъ силъ комисіи, какъ пишетъ г. Рудаковъ, а на основаніи новаго устава, утвержденного министерствомъ народнаго просвѣщенія 14-го августа 1898 г., состоитъ въ ея вѣдѣніи. За отчетный годъ въ музей поступилъ, между прочимъ, портретъ П. П. Лажечникова, о которомъ почившій писатель говорилъ, что «онъ снятъ для жены въ лучшія минуты его жизни», документы секретаря Суворова, Е. Фукса, и бумаги изъ семейнаго архива дворянъ Травинныхъ (966 листовъ, XVII и XVIII вв.).

А. М.—въ.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902.

На Лондонскомъ международномъ конгрессѣ, имѣвшемъ дѣлю разработку вопросовъ, касающихся борьбы съ торговлей «бѣлыми невольницами», представитель отъ Россіи, князь Волконскій, въ своемъ докладѣ сказалъ, что въ Россіи сколько нибудь организационной защиты несчастныхъ женщинъ не существуетъ, какія либо законоположенія, ограждающія личность надлежной женщины отъ злоупотребленій и пригнѣсеній, тоже отсутствуютъ.

На конгрессѣ, между прочимъ, было постановлено открыть въ каждой странѣ «національный комитетъ» для борьбы съ торговлей «несчастными женщинами» и войти въ сношенія со всеми благотворительными учрежденіями подобнаго характера, съ цѣлью объединить ихъ дѣятельность, при чемъ также рѣшено обратиться за помощію и содѣйствіемъ въ этой борьбѣ къ правительству каждой страны. У насъ въ Россіи уже имѣется большое подобное учрежденіе («Россійское общество защиты женщинъ»), въ составъ котораго входятъ представители отъ министерства юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ.

истор. вѣстн., февраль, 1902 г., т. LXXXVII.

20

Въ то время, какъ въ Россіи насчитывается только шесть приютовъ для несчастныхъ женщинъ, въ которыхъ призрѣвается нѣсколько десятковъ надпшихъ, за границей это дѣло поставлено поразительно широко: такъ, наиримѣрь, изъ 64.000 благотворительныхъ заведеній во Франціи большинство имѣетъ своею задачей зациту несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ, и въ одномъ Парижѣ имѣется 191 специально посвященное этой цѣли учрежденіе. Также широко поставлено это дѣло и въ Германіи, гдѣ «берлинскій союзъ женщинъ» имѣетъ въ Берлинѣ нѣсколько убѣжищъ, въ которыхъ дается приютъ около 900 надпшимъ женщинамъ. Въ Германіи же имѣется отдѣленіе «Международнаго общества друзей молодыхъ дѣвушекъ», имѣющее 36 развѣтвленій въ провинціи, и отдѣленіе «Христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ», имѣющее 3.000 филиальныхъ отдѣленій въ Германіи. «Христіанской ассоціаціей молодыхъ женщинъ» разбросано въ Лондонѣ 25 общежитій и ресторановъ для бѣдныхъ женщинъ, въ провинціяхъ около 100, въ Шотландіи 11, въ Ирландіи 14. «Обществу друзей молодыхъ дѣвушекъ», находившееся подъ покровительствомъ королевы Викторіи, имѣетъ 1.330 развѣтвленій въ Англіи съ 32.399 почетными и дѣйствительными членами и ежегодно оказываетъ помощь 154.170 женщинамъ. Помимо этого, въ Англіи же существуютъ еще другія организаціи, ставящія себѣ цѣлью удерживать дѣвушекъ отъ паденія: «Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ», «Ассоціація помощи молодымъ служанкамъ» и другія, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія «Лига союзовъ работницъ» и многочисленныя «женскія поселенія». Помимо этихъ, такъ сказать, предохраняющихъ организацій, тамъ же имѣется много приютовъ для спасенія надпшихъ женщинъ. По словамъ извѣстнаго генерала «Арміи спасенія» Вутса («Въ трупобахъ Англіи»), имъ въ первые же три года своей дѣятельности въ этомъ направленіи было открыто 13 приютовъ въ Англіи и 17 за границей, а число всѣхъ женщинъ, вырванныхъ изъ позора, простиралось до 3.000.

Въ 1897 году авторъ разбираемой книжки выступилъ въ Казани съ проектомъ «Общества зациты несчастныхъ женщинъ», чему предшествовалъ рядъ его статей въ газетѣ «Камско-Волжскій Край», которыя и вошли въ настоящую книжку. Несмотря на многія неблагоприятныя обстоятельства, сминатія къ этому дѣлу не замедлили обнаружиться въ обществѣ. На организацію проектируемаго «общества» стали поступать пожертвованія, явились члены, и это движеніе даже перекинулось за предѣлы Казани. При этомъ замѣчательно то, что жертвовали не извѣстные богатые благотворители, а швей, студенты, курсистки, ученицы школы кройки, священники, учительницы, фельдшерницы, фармацевты, акцизные чиновники, офицеры, солдаты, наборщики, профессора, нѣкоторые адвокаты. Въ числѣ многихъ писемъ, получавшихся авторомъ по этому поводу, оны получали иногда трогательныя письма и отъ самихъ «несчастныхъ».

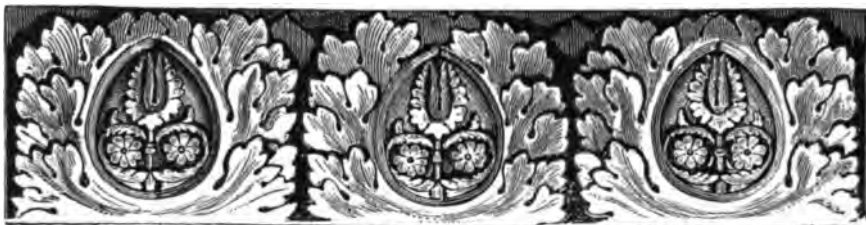
Какъ это хорошее дѣло ни тормозилось, но въ концѣ концовъ былъ выработанъ и утвержденъ уставъ, и «общество зациты несчастныхъ женщинъ» стало функционировать въ Казани. Изъ отчета этого «общества» за 1900 годъ можно видѣть, что за короткій годовою срокъ имъ было сдѣлано немало. Прежде всего имъ былъ открытъ приютъ, въ которомъ нашли себѣ помощь и

убѣжище до 40 дѣвушекъ и женщинъ, пожелавшихъ бросить позорный промыселъ и заняться честнымъ трудомъ. Бюро общества, помимо прискаанія мѣстъ не одной сотнѣ нуждающихся женщинъ, имѣло юридическую консультацію, выразило свою дѣятельность въ прошеніяхъ на высочайшее имя о выдачѣ отдѣльнаго вида на жительство, въ прошеніяхъ въ благотворительныя учрежденія и проч., въ прошеніяхъ о пользованіи правомъ бѣдности при веденіи дѣлъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ путемъ переписки подъ угрозой возбудить дѣло по 994-й статьѣ были заключены соглашенія о выдачѣ ежемѣсячнаго пособія матери и ребенку, возбуждено 3 дѣла о жестокомъ обращеніи по 142 ст. уст. о наказ., 5 дѣлъ объ оскорбленіяхъ чести и цѣломудрія женщинъ и 2 дѣла объ истребованіи несовершеннолѣтнихъ изъ домовъ терпимости по просьбѣ ихъ родителей. Вместе съ тѣмъ общество сумѣло привлечь на свою сторону мѣстную администрацію, которою было издано нѣсколько постановленій въ видахъ борьбы съ развратомъ. Особенно цѣннымъ и знаменательнымъ является, что общество сразу коснулось такихъ общихъ вопросовъ, какъ вопросъ о ссудо-сберегательной кассѣ для трудящихся женщинъ, о надзорѣ за ремесленными и фабричными заведеніями, гдѣ работаютъ дѣвушки и женщины, о наблюденіи за «контрактантами» различныхъ садонныхъ увеселителей, оупутывающихъ беззащитныхъ и неопытныхъ дѣвушекъ, о недоуценіи въ дома терпимости дѣвушекъ моложе 20-ти лѣтъ, о закрытіи домовъ терпимости въ Казани и проч.

Въ книжкѣ, помимо исторіи возникновенія казанскаго «общества защиты несчастныхъ женщинъ» и извлеченія изъ отчета о дѣятельности его за 1900-й годъ, имѣется четыре прекрасныхъ беллетристическихъ очерка изъ жизни женщинъ этой категоріи («Несчастная», «На ловлѣ», «Маскарадъ» и «Пробужденіе») и уставъ казанскаго общества.

Вас. Якимовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КАКИМЪ образомъ египетскій министръ сдѣлался богомъ. Въ «Journal des Débats, revue hebdomadaire» египтологъ Масперо рассказываетъ интересную исторію одного изъ министровъ фараона Аменотеса III. Эта статья составлена на основаніи только что найденной Легрэнотъ статуи съ надписями, а также трехъ другихъ, открытыхъ раиѣ. Въ срединѣ XV столѣтія до Р. Х., въ царствованіе Тутмосиса, въ городѣ Атрибизѣ, на Дельтѣ, прожигалъ писецъ неважнаго происхожденія. У него былъ сынъ, по имени Аменонисъ, поднявшійся мало-по малу изъ низкаго положенія до знанія министра. Какимъ образомъ онъ достигъ такого блестящаго положенія — еще неизвѣстно, пока только узнали изъ надписей, что онъ пользовался въ Египтѣ большою властію и вліялъ въ сильной степени на фараона Аменониса III. Въ рукахъ этого министра находилась власть военная и гражданская, и никого не было авторитетнѣе его, исключая фараона и членовъ его семьи. Онъ преобразовалъ финансы, доведенные до плачевнаго положенія небрежностью его предшественниковъ, привелъ въ порядокъ армію, увеличилъ флотъ, воздвигнулъ храмы и заведывалъ общественными работами. Можетъ быть, даже знаменитая статуя Мемнона въ Фивахъ была воздвигнута имъ, но пока это еще неизвѣстно навѣрно. Онъ до такой степени овладѣлъ любовью фараона, что послѣдній позволилъ ему поставить самому себѣ статую въ храмѣ Амона, въ Карнакѣ. Тамъ-то и открыли его статую. Послѣдняя, открытая Легрэнотъ, представляетъ образцовое произведеніе египетской скульптуры ¹⁾. Она изображаетъ старца съ изображеннымъ отъ времени лицомъ. Надпись сообщаетъ: «Я пришелъ къ тебѣ

¹⁾ Comment un ministre devient dieu en Egypte, par G. Maspero. Journal des Débats, revue hebdomadaire. 10 janvier 1902.

въ Амонъ умолять тебя въ твоёмъ храмѣ, ибо ты — повелитель надъ всѣмъ, что есть подъ небомъ; что есть въ небѣ — указываетъ на твое сіяніе, ты слышишь эту мольбу, такъ какъ ты несравненный богъ Солнце. Ты даровалъ мнѣ честь быть среди твоихъ избранныхъ, дѣйствующихъ согласно правдѣ, я праведникъ, потому что не сдѣлалъ никакого беззаконія... я не заставлялъ тѣхъ справлять барщину на общественныхъ работахъ, которые живутъ своимъ трудомъ: когда я призывалъ къ себѣ кого нибудь, то я слушалъ внимательно, что онъ мнѣ говорилъ, я никогда не преклонялся и никогда не слушалъ лжи, ведущей къ тому, чтобы разорить другого. Моя добродѣтель оправдываетъ оказываемыя мнѣ почести, сіяющія предъ лицомъ всѣхъ. Видѣли ли, чтобы я выпрашивалъ у кого нибудь, какъ это дѣлаютъ со мною, по случаю моего богатства, и свидѣтельствую, что я остался справедливымъ до старости. Я достигъ восьмидесяти лѣтъ въ милости фараона и дотяну до ста десяти лѣтъ!» Изъ этой надписи видно, насколько высоко цѣнилъ себя этотъ министръ. Жилъ ли онъ такъ долго — неизвѣстно, но потомки сохранили за нимъ преимущества, какихъ не оказывали ему даже фараоны и его современники. Во многихъ мѣстахъ храма поставлены его статуи, и надписи, сдѣланныя на многихъ изъ нихъ, восхваляютъ его добродѣтели. Разсказы объ немъ, передаваемые изъ устъ въ уста, поддерживали память объ Аменоѣсѣ не только въ образованномъ, но и въ низшемъ классѣ Египта. Въ это время на магію смотрѣли, какъ на самую почтенную науку, и образованіе считалось совершеннымъ, лишь когда се постигали, поэтому государственные люди и правители обязательно были кудесниками. Одинъ изъ сыновей Рамзеса II, со славою регентствовавшій болѣе двадцати лѣтъ, въ послѣдней половинѣ царствованія отца, не былъ забытъ тотчасъ же послѣ своей смерти, благодаря высокому уваженію современниковъ къ его кудесничеству. Аменоѣсъ избѣжалъ забвенія, также благодаря извѣстности его мистическихъ талантовъ. Нѣкоторые найденные папирусы, съ длинными магическими надписями, перепишечки приписываютъ ему; для нашего вѣка это какая-то галиматія. Что касается египтянъ, то они считали ихъ чудодѣйственными и чувствовали глубокое уваженіе къ ихъ автору. Такимъ образомъ Аменоѣсъ является составителемъ Черной книги. По мнѣнію египтянъ, не каждому человеку удается найти слова, которыя заставили бы боговъ исполнить человеческую волю; испытанныя же формулы Аменоѣса всегда достигали своей цѣли. Имя его записано въ реестрѣ храмовъ рядомъ съ именами Имутеза, Дидуфора и другихъ маговъ, которымъ трижды великій Гѣрмесъ способствовалъ своимъ вдохновеніемъ. Аменоѣсъ сдѣлался героемъ массы легендъ, переходившихъ изъ устъ въ уста, но многія изъ нихъ затерялись. Только одна достигла нашего вѣка въ двухъ версияхъ. Такъ египетскій, національный историкъ Манитонъ разсказываетъ, что фараонъ Аменоѣсъ пожелалъ лицомъ къ лицу увидѣть боговъ, какъ сдѣлалъ его предшественникъ, Горастъ. Онъ обратился съ этою цѣлью къ самому знаменитому магу того времени, Аменоѣсу, сыну Нааписа. Послѣдній сказалъ ему, что онъ, фараонъ, будетъ счастливъ и сдѣлаетъ счастливымъ Египетъ, если освободитъ страну отъ поселившихся въ Египетъ нечестивыхъ иностранцевъ. Фараонъ соединилъ всѣхъ иностранцевъ въ числѣ 80.000, сначала въ каменоломнѣ Туариха, затѣмъ въ развалинахъ Авариса, которыя были не заняты, со вре-

мени изгнанія царей-пастуховъ. Такимъ образомъ онъ напалъ на себя и на свое государство страшное несчастіе. На самомъ же дѣлѣ въцунъ скрылъ отъ него часть воли боговъ; несчастные призвали къ себѣ на помощь изгнанныхъ царей-пастуховъ и заняли Египетъ. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ они владѣли имъ и въ концѣ этого времени были побѣждены. Чувствуя, что приближается исполненіе его предсказанія, онъ предупредилъ письменно фараона, а затѣмъ убилъ себя. Все случилось, какъ онъ предсказывалъ. Иностранца, соединившіяся подъ начальствомъ царей-пастуховъ, завладѣли всѣмъ Египтомъ, и фараонъ, скрывшійся въ Эѳіопіи, отюеовалъ свое царство лишь черезъ тринадцать лѣтъ. Манетонъ смѣшалъ этотъ египетскій романъ съ еврейскими сказаніями и соединилъ похожденія Аменоиса, сына Пааниса, съ разсказами изъ книги Исхода. Вторая версія извѣстна изъ греческаго панируса, эпохи Птолемея. Въ немъ сохранилось это пророчество въ формѣ, болѣе близкой къ египетскому оригиналу. Тамъ говорится, что Аменоисъ былъ горшечникомъ, славившимся своей мудростью. Однажды имъ овладѣлъ даръ пророчества, и онъ предсказалъ Египту различныя несчастія, за которыми послѣдуетъ эра благоденствія, какового не видали со времени Озириса и Пзиды. Фараонъ Аменоисъ, узнавъ объ этомъ предсказаніи, пожелалъ услышать его изъ устъ самого пророка. Послѣдній повторилъ слова, послѣ чего уналъ мертвымъ. Манетонъ пользовался этими самыми данными, но безъ связи съ еврейской исторіей. Воздвигаемыя египтянами статуи въ храмахъ представлялись имъ, не какъ бездушныя изображенія, воздвигаемыя лишь для увѣковѣченія памяти умершаго, но какъ живыя существа, въ которыхъ находилась душа, или, по крайней мѣрѣ, ея двойникъ. Въ тотъ моментъ, какъ се воздвигали, жрецъ исполнялъ священную церемонію, силой которой частица жизни жертвователя входила въ статую и уже никогда не покидала ея. Къ подобнымъ статуямъ прибѣгали для открытія будущаго и приравнивали ихъ къ богамъ. Если изображаемыя личности не становились высшими богами, то все-таки они выходили изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ и вмѣшались въ сонъ божества. Аменоисъ, еще при жизни, принадлежалъ къ послѣднимъ сверхчеловѣческимъ существамъ, о чемъ онъ хвалился въ вышенприведенномъ извлеченіи изъ надписи на его статуй. Онъ существовалъ внѣ времени, такъ какъ оно не могло стереть слѣдовъ его бытія, и поклоненіе ему не только не уменьшалось среди современниковъ, но все болѣе и болѣе возрастало. Въ Фивахъ временъ Птолемея вѣрили, что онъ основалъ маленькій Лѳорскій храмъ, называемый теперь Деиръ-ель-Меднихъ, и ему приносили жертвы, наравнѣ съ самой богиней. Почему его смѣшали въ ту же эпоху съ ѳиванской богиней Фта—мы еще не знаемъ, но его религія перенеслась туда, и онъ сдѣлался оракуломъ. Съ этой эпохи онъ становится въ полномъ смыслѣ богомъ, а не маленькимъ божествомъ, которыхъ обыкновенно боготворятъ въ Фивахъ. Какъ Амонъ, Кунсу, Меутъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи два святилища—одно въ Карнакѣ, въ городѣ живыхъ, гдѣ находились двойникъ его души и живыя статуи, другое—въ некрополѣ, гдѣ его божество принимало похоронныя почести, принадлежація богамъ смерти. Въ Карнакѣ обращались за совѣтами къ его оракулу; за него отвѣчали жрецы послѣ того, какъ совѣтовались со статуями, и поклонники,

выходя из храма, дѣлали въ знакъ благодарности надписи, или рисовали картины, на одной изъ наружныхъ не украшенныхъ стѣнъ. У Аменониса были поклонники такъ же, какъ у Амона. Въ заключеніе Масперо говоритъ: «Эго рѣдкій случай, чтобы простой смертный, тѣмъ болѣе министръ, сдѣлался египетскимъ богомъ».

— Смерть Плинія Старшаго. Въ томъ же журналѣ посвящена анонимная статья ¹⁾ смерти Плинія Старшаго. На время забытый спорный вопросъ объ обстоятельствахъ его смерти вновь возбудилъ вниманіе археологовъ. Въ 1858 г. между Каstellамаромъ-ди-Стабіа и Везувіемъ была найдена подводная часть древняго корабля. Доски и гвозди этого судна были обиты бронзовыми пластинками. Прошедшій годъ, недалеко отъ этого мѣста и совсѣмъ близко отъ прежняго берега, были открыты разнородныя богатой виллы, съ кладовыми, полными запасовъ, и галлерей, на которой лежали скелеты. Розыскы продолжались, и не далеко отъ дома найдена новая группа скелетовъ; изъ нихъ одинъ былъ очень высокаго роста; на его шеѣ сохранилась тяжелая золотая цѣпь, на рукахъ были два золотые браслета, въ формѣ змѣи, а на пальцахъ драгоценныя перстни. Подлѣ него лежалъ мечъ съ дорогою рукояткою, изъ слоновой кости, въ бронзовыхъ ножнахъ, на которыхъ была изваяна морская раковина. Вокругъ лежало множество разсыпанныхъ монетъ, а также находилась глиняная Минерва, обрывки матерій затканыхъ золотомъ, бронзовыя украшенія и остатки богатыхъ носилокъ, сохранившихся настолько, что ихъ можно узнать. Эти находки не произвели сначала никакого впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ Неаполя въ продолженіе ста лѣтъ уже находили подобныя предметы. Но Эдуардъ Жамми, почетный консулъ въ Каstellамарѣ, высказалъ мнѣніе о возможности найти въ послѣднемъ открытіи разрѣшеніе спорнаго вопроса относительно смерти Плинія Старшаго. Это подняло на ноги археологовъ. Предложеніе Жамми, однако, не нашло отголоска среди итальянскихъ археологовъ и напротивъ возбудило даже множество возраженій. Но Жамми не остановился передъ этимъ: онъ основывался на знаменитомъ письмѣ Плинія Младшаго, въ которомъ послѣдній рассказываетъ Тациту о смерти своего дяди. Слѣдя внимательно за каждымъ словомъ письма, онъ подтверждаетъ, что каждая мелочь соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ недавней находки. Плиній Младшій пишетъ, что его дяди получилъ письмо отъ своей пріятельницы Ректины, звавшей его къ себѣ на помощь; Плиній Старшій съѣзъ на галеру; задержанный бурей, онъ не могъ добраться до дома Ректины; принужденный высадиться на берегъ, онъ достигъ менѣе отдаленной виллы Помпоніана и, угрожаемый въ этомъ убѣжищѣ дождемъ непа и ливномъ, онъ долженъ былъ направиться къ своему судну и погибъ въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ отплыть въ море. По мнѣнію Жамми, находка въ Стабіа, по всѣмъ признакамъ, соотвѣтствуетъ мѣсту, описываемому Плиніемъ Младшимъ. Домъ съ галлерей и кладовыми былъ Помпоніана, другая вилла, невдалекѣ, недавно открытая, принадлежала Ректинѣ, остовъ судна съ досками и гвоздями былъ, безъ всякаго сомнѣнія, военный корабль, на которомъ отплылъ Плиній Старшій;

¹⁾ La mort de Pline l'ancien. «Journal des Debats. Revue hebdomadaire». Janvier 1902.

наконецъ богатяя посылки, драгоцѣнности и мечь съ дорогой рукояткой, найденный близъ скелетонъ, свидѣтельствуютъ о высокомъ положеніи этой личности. Кто же другой могъ быть важной особой, погибшей тамъ, если не Плиній? Возраженія, сдѣланныя Жамми, многочисленны, но не слинкомъ основательны. Во-первыхъ, ссылаются на то, что корабль, найденный въ Стаби, — военный, а потому Плинія Старшаго должны были сопровождать офицеры и солдаты, въ Стаби же, возлѣ предполагаемаго скелета Плинія, лежатъ только одно оружіе. Во всякомъ случаѣ, доводы Жамми болѣе вѣскіе, чѣмъ его оппонентовъ. Однако въ одномъ отношеніи представляется нѣкоторое затрудненіе: въ своемъ письмѣ Плиній Младшій утверждаетъ, что трупъ дяди нашли чрезъ три дня послѣ катастрофы. Но возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ его оставили безъ погребенія и, восемнадцать вѣковъ спустя, нашли на мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ? Жамми замѣчаетъ, что Плиній Младшій въ своемъ письмѣ совсѣмъ не говоритъ о похоронной церемоніи, «столь важной у римлянъ», и, можетъ быть, онъ рассказываетъ о находкѣ тѣла, не присутствуя при этомъ лично. Латинскій текстъ письма гласитъ: «когда показался день, — пишетъ Плиній Младшій, (это былъ третій день послѣ смерти), — его тѣло нашли неповрежденнымъ, безъ ранъ и въ той же одеждѣ. Онъ походилъ скорѣе на спящаго, чѣмъ на мертваго. Въ это время я съ матерью былъ въ Мизенахъ; но это не интересно для исторіи, а ты спрашиваешь лишь о томъ, что касается его смерти. Я останавливаюсь и прибавляю только одно слово, что изъ всего мною написаннаго нѣтъ ничего, чего бы я не видѣлъ». Изъ этихъ словъ Плинія Младшаго видно, что онъ не присутствовалъ лично при розыскахъ умершаго дяди, а слѣдовательно вопросъ объ его находкѣ, тотчасъ послѣ Помпейскаго погрома, является воиолнѣ спорнымъ. Такимъ образомъ открытіе Жамми можетъ быть вѣроятнымъ, хотя также недоказаннымъ. Эта статья основана на личныхъ замѣткахъ Жамми, которыя онъ сообщилъ въ редакцію «Journal des Débats».

— Тосканелли и Христофоръ Колумбъ. Американскіе историки одиы за другимъ начали развѣнчивать Христофора Колумба, основываясь на мнѣніи Ласъ-Казаса и автора «Historie». По мнѣнію послѣднихъ, главнымъ виновникомъ открытія Америки былъ не Христофоръ Колумбъ, а Тосканелли. Дѣйствительно знаменитый флорентійскій астрономъ однажды сообщилъ Христофору Колумбу о письмѣ и картѣ, адресованныхъ ему въ 1474 г. Фернанду Мартину, лиссабонскому канонику и приближенному совѣтнику португальскаго короля Альфонса V. Въ этомъ письмѣ онъ подстрекалъ и ободрялъ Мартина привести въ исполненіе изложенный имъ великій планъ. Въ 1871 г. Генри Гаррисъ нашелъ латинскій текстъ письма Тосканелли, написаннаго ему въ 1471 г. Эта находка сначала казалась солидной опорой для доказательства вѣрности высказываемаго мнѣнія относительно Тосканелли. Но вышло иначе: въ бумагахъ Тосканелли не нашли никакого слѣда относительно открытія западнаго пути въ Индію, а въ сочиненіяхъ Колумба нѣтъ даже отдаленнаго намека ни о Тосканелли, ни о письмахъ или картѣ, полученныхъ имъ для передачи. Каноникъ Мартинъ, которому знаменитый астрономъ писалъ въ 1474 г. на скверномъ латинскомъ языкѣ, совершенно не извѣстенъ. Но еще серьезнѣе то обстоятельство, что около этого времени въ Португаліи не возникалъ вопросъ

ни о дорогѣ въ восточную Индію, ни о торговлѣ пряностями съ Востокомъ. Эти подтвержденія бросаютъ тѣнь на дѣйствительность документа, котораго кстати и нѣтъ у Ласъ-Казиса, а его оригинала никто не выдастъ. Генри Виньо, первый секретарь посольства въ Соединенныхъ Штатахъ, въ своемъ критическомъ этюдѣ ¹⁾ «Нисъмо и карта Тосканелли» подозрительно относится къ предположенію, приведенному Ласъ-Казисомъ. По его мнѣнію, все доказываетъ, что эта корреспонденція подложна, и что ея авторъ—Бартелеми, братъ Христофора Колумба, очень преданный великому открывателю. Желаніе создать впечатлѣніе, что адмиралъ руководился только своей идеей, а не слѣдовалъ сообщенію какого-то кормчаго, навело его на мысль поддѣлать заблаговременно бумаги, появившіяся семьдесятъ лѣтъ спустя. Книга Виньо содержитъ важныя документы о жизни Колумба и открытіи Америки, чѣмъ занимаются американцы уже давно.

— Тайна Маріи Стюартъ. Одна изъ самыхъ интересныхъ, трагическихъ и загадочныхъ историческихъ личностей была, безъ сомнѣнія, Марія Стюартъ. Около трехсотъ сорока лѣтъ безчисленное количество книгъ, брошюръ и статей писано о ней, но до сихъ поръ остаются тайной: убійство ея мужа Дарилея, ея третій бракъ съ Вотвелемъ, инезма въ шкатулкѣ, на которыхъ главнымъ образомъ основаны ея приговоръ, наконецъ, ея личный характеръ. Эти загадочныя обстоятельства имѣютъ огромное значеніе для ея характеристики, ибо отъ ихъ разрѣшенія зависитъ вопросъ, убила ли она, прямо или косвенно, Дарилея. Главнымъ доказательствомъ ея виновности были предъявлены инезма, хранившіяся въ шкатулкѣ Вотвеля, а они сохранились не подлинныя, и многіе полагаютъ, что они подложныя. Такимъ образомъ эта тайна не маловажная, не просто случайность національной исторіи, какъ говоритъ Карлайль, а напротивъ основной вопросъ, отъ котораго зависитъ виновность или не виновность Маріи Стюартъ, интересующей всѣхъ англичанъ и шотландцевъ до настоящей минуты. Поэтому почти ежегодно выходятъ изслѣдованія таинственной загадки, и если авторъ новаго сочиненія выясняетъ какую нибудь новую сторону вопроса или заявляетъ какую нибудь ловкую разгадку, то поднимается шумъ не только въ Англій, но и во Франціи, гдѣ Марія Стюартъ чрезвычайно популярна. Въ концѣ прошлаго года вышли два сочиненія, обратившія на себя общее вниманіе. Первое изъ нихъ — биографія Маріи Стюартъ, Самуэля Кована ²⁾, въ двухъ томахъ, а второе—«Тайна Маріи Стюартъ», Андрю Ланга ³⁾. Несмотря на основательный, подробный и старательный трудъ Кована, онъ не представляетъ ничего новаго, и авторъ, ярый защитникъ Маріи Стюартъ, не бросаетъ яркаго свѣта на инезма въ шкатулкѣ и бракъ Маріи съ Вотвелемъ. Онъ ясно представляетъ положеніе даннаго вопроса со всѣхъ его сторонъ, но нимало не способствуетъ разгадкѣ. Тайна остается тайной. Напротивъ Андрю

¹⁾ La lettre et la carte de Toscanelli sur la route des Indes par l'ouest, par Henri Vignaud. Paris. 1901.

²⁾ Mary, Queen of scots. By Samuel Cowan. 2 vols. London. 1901.

³⁾ The Mystery of Mary Stuart. By Andrew Lang. London. 1901.

Лангъ въ однотономъ своемъ трудѣ даетъ много новыхъ данныхъ для разрѣшенія тайны Маріи Стюартъ, почему его книга возбудила большую сенсацию въ Англии и во Франціи. Со всѣхъ сторонъ посылались полемическія статьи, и почти каждая изъ нихъ, по слѣдамъ Ланга, старается оправдать и очистить память шотландской королевы. Изъ этихъ статей наиболѣе замѣчательны: краткій очеркъ сэра Герберга Максвелля, подъ заглавіемъ: «Марія, королева Шотландіи, и тайна писемъ въ шкатулкѣ», напечатанный въ январьской книжкѣ «Pall-Mall Magazine»¹⁾, и критическій разборъ книги Ланга въ «Revue des Deux Mondes», Т. Визэва²⁾. Для полного уясненія себѣ личности Маріи Стюартъ, а также загадки ея жизни, необходимо взглянуть на ея юность, которая придала ей главнымъ образомъ характеристическія черты. Шести лѣтъ она отправлена шотландскимъ парламентомъ во Францію, какъ невѣста дофина. Но, очевидно, она не могла еще выйти за него замужъ и десять лѣтъ воспитывалась при самомъ развратномъ дворѣ въ Европѣ, такъ что, по словамъ Ламартина, ее скорѣе готовили въ любовницы, чѣмъ въ жены французскому королю. Какъ бы то ни было, въ 1558 г. дофинъ сдѣлался королемъ подъ именемъ Франциска II, и Марія Стюартъ сдѣлалась французской королевой. Въ слѣдующемъ году, слабый здоровьемъ Францискъ умеръ, Катерина Медичи сдѣлалась роковымъ руководителемъ французскаго двора. Конечно, тотчасъ заговорили о вторичномъ бракѣ юной королевы, и, благодаря ея красотѣ и славѣ, безконечныя предложенія сыпались на нее отъ различныхъ родственниковъ королевскихъ особъ въ Европѣ. Но она предпочла вернуться въ свое Шотландское королевство въ 1561 г., когда ей только что минуло 19 лѣтъ. Лангъ рисуетъ въ своей книгѣ чрезвычайно блестящій и живой ея портретъ, въ ту самую минуту, когда легкомысленная, гордая и доврѣшная Марія Стюартъ вышла на берегъ Шотландіи: «Это была молодая брюнетка высокаго роста, съ прекрасными карими, граціозно продолговатыми глазами. По характеру она была полу-француженка и если не отличалась красотой, то была такъ очаровательна, что даже лица, окружавшія Елизавету, не могли этого не признавать. Въ ея лицѣ и манерахъ было нѣчто такое принадлежательное, что она плѣняла всѣ сердца, гдѣ бы она ни была. Даже впоследствии ея тюремники обожали ее. «Да благословитъ небо эту нѣжную-королеву!» — восклицалъ эдинбургскій народъ, видя ее въ богатыхъ платьяхъ со шлейфами, противъ которыхъ такъ возставалъ религіозный Ноксъ. Ея сердце было полно доброты и благодарности. Въ сентябрѣ 1561 года послѣ неудачнаго заговора Ридольфи она страдала не столько за себя, какъ за двухъ слугъ, которые были посланы въ Шотландію, то-есть на вѣрную смерть. По поводу одного денежнаго дѣла она искала: «И лучше заплати два раза, чѣмъ кого нибудь оскорбить несправедливымъ подозрѣніемъ». Эту молодую женщину, чувствительную, гордую, страстную, неустранимую и добрую преслѣдовали каждый день безжалостный глава протестан-

¹⁾ Mary, Queen of Scots, and the mystery of the Casket Letters. By sir Herbert Maxwell. Pall-Mall Magazine. January 1902.

²⁾ Revues étrangères: Le Mystère de Marie Stuart, par Vyzewa. «Revue des Deux Mondes». 15 dec. 1901.

стантовъ, Показъ. Ея католическіе патеры подвергались пыткамъ, ея вѣра постоянно унижалась, и ея личность осыпалась оскорбленіями; всѣмъ ея планамъ упорно противодействовала Елизавета. Марія пытала много причинъ постоянно плакать, даже прежде чѣмъ ея вѣрный слуга Риччіо былъ убитъ глунымъ мужемъ и жестокими лордами на ея глазахъ. Быть можетъ, при этомъ избытокѣ страданій, ея сердце одеревенѣло; быть можетъ, ею овладѣлъ злой духъ ненависти и мести. Но ея сердце, по природѣ, все-таки оставалось гѣбнымъ и полнымъ сожалѣнія. Среди ужасныхъ мученій она сожалѣла работъ, которые грѣбши на галерахъ, и писала лорду Аберкерни, прося его сжалиться надъ бѣдной женщиной и ея дѣтьми, жилище которыхъ онъ конфисковалъ. По несчастью, при храбрости чисто мужской, она не была способна на хитрость, а въ ея время хитрость была единственнымъ оружіемъ женщинъ. Ея натура была такъ пряма, и она такъ не умѣла подозрѣвать, что повѣрила обѣщанію Елизаветы и ея кольцу и отдала еѣ въ руки, несмотря на то, что она была ея злѣйшимъ врагомъ. Она не умѣла притворяться и не понимала, что другимъ было извѣстно это искусство». Къ этой мастерской характеристикѣ Маріи Стюартъ можно еще прибавить, что она всегда нуждалась въ мужскомъ влияніи, которое руководило бы ею. Но вокругъ ея толпились враждебные еѣ лорды, одинаково невірные и вѣроломные, какъ протестанты, такъ и католики. Не удивительно, что она обратила вниманіе на своего двоюроднаго брата, лорда Генри Дарилея, сына католическаго лорда Леннокса и правнука англійскаго короля Генриха VII. Красивый, высокаго роста, съ прекрасными манерами и любовью къ атлетическимъ упражненіямъ, онъ возбудилъ въ ней пламенную страсть. Вопреки сопротивленію большинства лордовъ Марія вышла замужъ за Дарилея въ 1565 г., 23 лѣтъ отъ роду. Однако черезъ шесть мѣсяцевъ брачной жизни она убѣдилась, что сдѣлала серьезную ошибку. Дарилей имѣлъ не только непріятный характеръ, но былъ еще настолько глупъ, что не могъ подходить къ живому уму Маріи. Мало того, онъ возымѣлъ ревность противъ Давида Риччіо, королевскаго музыканта, къ которому дѣйствительно Марія питала нѣжную дружбу. Болѣе же близкую связь между ними отрицаютъ повѣйшіе историки. Однако многіе въ то время были противоположнаго мнѣнія, и ея легкомысленное поведеніе давало основаніе ко всякаго рода предположеніямъ. Не только ея мужъ ненавидѣлъ Риччіо, но его ненавидѣли всѣ лорды, боясь быстро увеличивающагося его вліянія. Тогда, по наущенію короля, группа лордовъ составила заговоръ, и Риччіо былъ убитъ на глазахъ королевы, несмотря на то, что она была беременна. Она, однако, не умерла, но характеръ ея озлобился: она возненавидѣла всѣхъ окружающихъ ее, въ томъ числѣ мужа, и единственнымъ исключеніемъ составилъ лордъ Ботвелъ, хотя и онъ участвовалъ въ убійствѣ ея друга. Но онъ отличался твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, и она нашла въ немъ единственнаго человека, который могъ руководить ею. Прошелъ годъ; Дарилей былъ убитъ, и главнымъ убійцею былъ Ботвелъ. Онъ понравился Маріи силой характера, но Ботвелъ былъ въ нравственномъ отношеніи ниже всякой критики, хотя для внушенія любви нравственность не играетъ большой роли, поэтому послѣ суда, бывшаго лишь комедіей, Ботвелъ былъ освобожденъ отъ подозрѣнія въ убійствѣ Дарилея, и черезъ нѣсколько

дней послѣ этого онъ увезъ королеву въ свой замокъ Дунбаръ. Говорятъ, что Марія была согласна на это похищеніе и, безнадежно скомпрометированная, вышла за него замужъ. Лорды, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, возстали противъ королевы и, овладѣвъ ею, заточили ее въ Лохленскій замокъ. Вотвелю же позволили бѣжать, потому что онъ слишкомъ много знаетъ объ участіи лордовъ въ убійствѣ Дарилея. Подозрѣнія въ соучастіи Маріи въ заговорѣ и потомъ въ убійствѣ Дарилея находили доказательства въ ея слишкомъ легкомысленномъ поведеніи, а главное въ извѣстной всѣмъ п каждому ненависти къ Дарилею и въ компрометирующей свадьбѣ съ очевиднымъ его убійцей — Вотвелемъ. Но лорды считали эти улики недостаточными, и спустя годъ, въ продолженіе котораго слѣдствіе продолжалось, неожиданно была представлена ими шкатулка Вотвеля съ восемнадцатью французскими письмами Маріи къ нему и одиннадцатью ея любовными сонетами. Незвѣстно, какимъ образомъ эти подлинники, служившіе безспорнымъ доказательствомъ виновности Маріи, исчезли и сохранились только ихъ коніи. Оригиналы же никто не выдалъ, такъ какъ лордъ Моргонъ, который велъ долготѣнее судебное преслѣдованіе противъ Маріи, былъ казненъ. Такимъ образомъ составилось то, что называется тайной Маріи Стюартъ, и незвѣстно, существовала ли въ дѣйствительности эта шкатулка съ письмами и сонетами. Какъ бы то ни было, внослѣдствіи англійскіе суды признали подлинность этихъ коній, и онѣ послужили главной основой смертнаго приговора несчастной королевы. Весь вопросъ, занимавшій столько лѣтъ всю Англію и Шотландію, заключается въ томъ, были ли эти документы подлинны или подложны. Спустя триста сорокъ лѣтъ, за разгадку этой тайны взялся послѣ столькихъ историковъ Лангъ, и надо отдать ему справедливость, что его трудъ чрезвычайно серьезный, добросовѣстный и основательный. Онъ принялся за него съ твердой увѣренностью, что ему удастся обличить бѣдную Марію Стюартъ. Но, по несчастію для него, онъ дѣйствовалъ, какъ настоящій историкъ, и долженъ былъ, какъ настоящій историкъ, прийти къ тому убѣжденію, что обвиненіе и оправданіе одинаково неосновательны. Несомнѣнно, что многія изъ писемъ въ шкатулкѣ, очевидно, были написаны по-французски, такъ какъ въ англійскомъ переводѣ нѣкоторыя фразы были чисто французскія. Но съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ французскій критикъ Визеа, другія фразы, по своему внутреннему строю — не французскія. Такимъ образомъ, если Лангу не удалось доказать невинность Маріи Стюартъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, освѣтилъ ея тайну, насколько это теперь возможно.

— Обѣденіе маркизы Вренвилльеръ. Въ настоящую эпоху реабилитаций не осталась забытой и знаменитая маркиза Вренвилльеръ, отравившая отца, братьевъ, и едва той же участи не подвергшая своей сестры и невестки. Ея адвокатами являются теперь въ ученое медицинское собраніе докторъ Кабанесъ, редакторъ «Chronique medicale», и докторъ Нассъ. Они говорятъ, что Вренвилльеръ ни болѣе ни менѣе, какъ «неуравновѣшенная натура», бѣдная женщина, дѣйствовавшая «подъ вліяніемъ различныхъ сильныхъ страстей, повиновавшаяся лишь злему внушенію», и что судьи XVII вѣка лучше бы сдѣлали, послать ее въ госпиталь, а не на плаху. Въ бесѣдѣ съ репортеромъ

газеты «Eclair» докторъ Кабанесъ прибавляетъ: въ особенности, судя по ея поведенію во время казни, можно оцѣнить степень ея истеріи. «Она казалась нечувствительной къ всевозможнымъ пыткамъ. Эта особая нечувствительность истекаетъ изъ ея нервности. Эту нервность замѣтили у многихъ колдуній, которыя были ни больше ни меньше, какъ невропатки; онѣ переносили пытки, продолжая иѣть или смѣяться ужаснымъ смѣхомъ, даже находясь въ пламени». Кабанесъ отрицаетъ свое желаніе ее реабилитировать, но хочетъ объяснить и защитить ее, какъ умственно разстроенную женщину.

— Былъ ли жепать Боссюэ? Имя Боссюэ, величайшаго оратора Франціи, проповѣдника при дворѣ Людовика XV и воспитателя дофина, живеть до сихъ поръ въ памяти у французовъ. Въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ «Journal» помѣщена статья Жана де-Боннефона ³⁾, касающаяся интереснаго вопроса: былъ ли женатъ Боссюэ? Въ Дижонѣ устроился музей, который вскорѣ долженъ обогатиться любопытнымъ портретомъ дѣвнцы Вьё де-Молеонъ. По словамъ Вольтера, она была женою Боссюэ, или его вѣчной невѣстой. На портретѣ представлена старая, некрасивая дама, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, въ старомодномъ костюмѣ и въ чепчикѣ. Въ «Вѣкѣ Людовика XIV», въ отдѣлѣ художествъ, Вольтеръ писалъ, что Боссюэ, сдѣлавшійся великимъ человекомъ, сначала предназначался къ свѣтской карьерѣ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ обязался жениться на г-жѣ Вьё, дѣвушкѣ рѣдкихъ достоинствъ. Его таланты къ богословію и краснорѣчію выказались очень рано, вслѣдствіе чего родители и друзья предназначали его для духовной карьеры. Г-жа Вьё уговаривала его сама рѣшиться на этотъ шагъ, предпочитая славу возлюбленнаго счастьемъ жить съ нимъ. Въ другомъ мѣстѣ Вольтеръ говоритъ: одно семейство увѣряетъ, что существовалъ брачный контрактъ между Боссюэ и еще очень юной г-жей Вьё, что эта особа пожертвовала своей страстью и положеніемъ для счастья, котораго ея возлюбленный достигнетъ своимъ духовнымъ краснорѣчіемъ; что она согласилась никогда не воспользоваться этимъ контрактомъ, за которымъ не послѣдовалъ церковный бракъ; что Боссюэ, неостаня такимъ образомъ быть ея мужемъ, сдѣлался натеромъ, и послѣ его смерти эта самая семья, приюди въ порядокъ его бумаги, видѣла этотъ контрактъ. Никогда эта дѣвушка, по словамъ той же семьи, не воспользовалась находившейся въ ея рукахъ опасной тайной; она оставалась до смерти епископа его другомъ, находясь въ строгихъ и почтительныхъ отношеніяхъ къ нему. Онъ далъ ей средства купить маленькій кусокъ земли въ Молеонѣ въ пяти миляхъ отъ Парижа. Тогда она перемѣнила свое имя на Молеонъ и жила около ста лѣтъ. Однако Вольтеръ не утверждаетъ, что бракъ существовалъ. Изъ его словъ видно, что бракъ не состоялся, что дѣвица Вьё осталась невѣстой Боссюэ. Аббатъ Денпъ, секретарь де-Висси, который наследовалъ епископскую кафедру Боссюэ, говорилъ: «Вскорѣ послѣ смерти Боссюэ его кредиторы преслѣдовали наследниковъ, въ виду неуплаченныхъ денегъ Боссюэ за купленный имъ домъ въ 20.000 франковъ. Но наследники отказались уплатить эту сумму, и кредиторы, чтобы получить свой капиталъ и проценты, наложили арестъ на домъ, занятой дамою со дня

³⁾ Femme de Bossuet. Par Jean de Bonnefon. Journal. 15 Decembre. 1901.

его приобретения Боссею. Дама хотѣла защититься двумя контрактами, находившимся въ ея рукахъ. Въ первомъ Боссею «обязывался приобрести этотъ домъ», а во второмъ—онъ ей передать его, какъ подарокъ. Кредиторы, видя свое положеніе шаткимъ, стали преслѣдовать даму. Прижатая къ стѣнѣ, дама ваяла ловкаго адвоката и вручила ему свадебный контрактъ съ Боссею, бывшимъ въ то время только каноникомъ въ Мецѣ. Это пахло много шуму, и король приказалъ племяннику Боссею прекратить дѣло. Боссею былъ только каноникомъ, когда зналъ частнымъ образомъ эту даму. Его самолюбіе внушило ему отправиться въ Парижъ и искать случая попасть въ дворецъ. Во дворцѣ онъ имѣлъ уснѣхъ большій, чѣмъ ожидалъ. Дама увидя, что онъ устроился блестящимъ образомъ, захотѣла раздѣлить его участь и послѣдовала за нимъ. Она тѣмъ осторожнѣе жила въ Парижѣ, чѣмъ выше стало ея положеніе ея мужа... Частые визиты къ ней дѣлались тайнымъ образомъ. Силетни ограничивались тѣмъ, что говорили, будто эта дама для Боссею то же, что Гюйо для Фенелона. Въ дѣйствительности она слыла за самую умную женщину въ Парижѣ. Лакеи Боссею часто рассказывали мнѣ о ней. Она любила Боссею, такъ какъ онъ былъ красивый человѣкъ и, несмотря на свои духовныя занятія, не былъ врагомъ удовольствій. Говорятъ, ихъ раса не погасла, и отъ доброй вдовы остались между прочимъ дѣвчонки, которыя получили хорошее воспитаніе; одинъ изъ монаховъ друзей показалъ мнѣ ихъ въ Луврѣ». Эти слова были написаны въ 1712 г., восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Боссею. Авторъ имѣлъ возможность получить точныя справки, но онъ былъ врагъ Боссею и человѣкъ очень дурной, способный повернуть все въ худую сторону. Въ среднѣ XVIII вѣкѣ Просперъ Марпагъ помѣстилъ въ своемъ «Словарѣ», въ статьѣ о Боссею, слѣдующую фразу: «я также не говорю о кокубинствѣ или, лучше сказать, объ его тайномъ бракѣ съ дѣвицею Молеонъ». Но все это не служитъ твердымъ доказательствомъ; единственно извѣстно положительно, что дѣвица Молеонъ занимала значительное мѣсто въ жизни Боссею. Кардиналъ Боссе призналъ, что «отношенія Боссею съ дѣвицею Вьё де-Молеонъ, отличавшейся высокой публичностью, были весьма извѣстны». Во всякомъ случаѣ достойно одно, что долгая дружба Боссею съ этой дамой стоила ему дорого во время жизни и возбудила процессъ послѣ его смерти.

— Польша и Франція въ 1790—1793 годахъ. Польскій историкъ, профессоръ Львовскаго университета, Брониславъ Дембинскій, за последнее время тщательно изслѣдовалъ взаимныя отношенія Польши и французскаго революціоннаго правительства 1790—1793 годовъ. Результатомъ этого явилась прежде всего монографія: «Феликсъ Орчевскій, посоль Рѣчи Посполитой времени Великой революціи», а затѣмъ: «Объ отношеніяхъ Костюшки къ французской революціи», трудъ, основанный, между прочимъ, и на документахъ изъ архива иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Профессоръ Дембинскій прочелъ его на засѣданіи историческаго общества въ Львовѣ. Отношенія Польши къ тогдашней Франціи характеризуются главнымъ образомъ рядомъ неудачныхъ попытокъ добиться вмѣшательства французскаго правительства въ пользу Польши. Странное впечатлѣніе производитъ неизмѣнно радужный тонъ

писемъ Орачевскаго къ королю, отдающій чистѣйшей маниловщиной въ столь трагическое для Польскаго государства время. По его словамъ, «невозможно, чтобы Екатерина, сытая всякаго рода славой, а наконецъ и годами умудренная, пожелала легкомысленно вторгнуться въ край, который, если она захочетъ пребывать съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, будетъ для нея самымъ полезнымъ союзникомъ. Великодушное отношеніе къ полякамъ могло бы побороть ихъ недовѣріе, и возникну этой мудрой императрицѣ именно этого недостаетъ для увѣнчанія ея славы». Орачевскій вѣрнѣе, что, «ловко развернуть передъ Екатериной» брошенную имъ мысль, можно было бы разжечь въ ней «амбицію благородной славы». Намекаетъ даже, что эту миссію мѣгъ бы взять на себя Враншійскій, «если хвастаетъ у него храбрости говорить правду въ Петербургѣ» (письмо 30 марта 1792 г.). Узнавъ немного спустя, что между императрицей и ея наслѣдникомъ произошли недоразумѣнія, онъ пишетъ: «кто знаетъ, не Провидѣніе ли, столь благосклонное къ намъ уже нѣсколько лѣтъ (1), которое намъ такъ кстати турецкую войну и смерть Потемкина даровало,—не Провидѣніе ли опять намъ пошлетъ какое либо обстоятельство, которое укротитъ столь несправедливое вторженіе. Впрочемъ, если польская сабля поработаетъ, это не вредно, лишь бы дворы, вѣнскій и берлинскій, сдержали свое слово» (11 мая 1792 г.). Недѣлю спустя, въ самый день деклараціи Булакова, Орачевскій изъявляетъ увѣренность, что «это только напугиванія; но лишь увидятъ нашу рать и союзъ короля съ народомъ, невозможно, чтобы стыдъ политическій (1) не заставилъ отказаться отъ столь несправедливаго нападена» (18 мая 1792 г.). Понятно, что такой неизмѣнный Маниловъ на посольскомъ посту, хотя и пользовался неизмѣнной любезностью революціоннаго правительства, но извлечь изъ этого болѣе существенной пользы не могъ. Векорѣ онъ былъ отозванъ, такъ какъ король вынужденъ былъ оказать солидарность съ прочими дворами, отзывавшими своихъ пословъ изъ Парижа во имя монархическихъ принциповъ. Но въ концѣ этого же года борьба революціи съ сосѣдними государствами опять оживила въ полякахъ надежду на ея вмѣшательство въ польскія дѣла. Послѣдствіемъ этихъ надеждъ была миссія Костюшки въ Парижъ, въ январѣ 1793 года. Костюшко имѣлъ довѣренность «выдающихся членовъ сейма» войти въ сношенія съ революціоннымъ правительствомъ. Французская республика должна была требовать сохраненія цѣлости Польши и это ставить условіемъ при заключеніи мира. Подробности пребыванія Костюшки въ Парижѣ неизвѣстны, но онъ былъ принятъ тамъ крайне любезно, и есть данныя, что обсуждался и былъ составленъ планъ дѣйствій Франціи по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Именно въ бумагахъ Фризе (Friese), секретаря Станислава Понятовскаго, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, имѣется извлеченіе изъ письма Костюшки (собственноручно имъ составленнаго) къ министру вѣнскихъ дѣлъ de Forgues, отъ 6 марта 1794 г. Костюшко увѣдомляетъ, что сокращеніе войска вынуждаетъ ускорить инсуррекцію, что невозможно держаться плана, составленнаго съ господиномъ Непін (докладчикомъ по польскимъ дѣламъ въ министерствѣ), что краковское воеводство желаетъ вручить ему власть диктатора. Прилагаетъ воззванія, проситъ содѣйствія и субсидій. Въмѣсто обѣщанныхъ

5 миллионитъ франковъ получилъ лишь 1.300.000. Требуется 10 миллионитъ; половину выслать во Франкфуртъ на имя банкирскаго дома Бетманъ, половину въ Константинополь, откуда получить ихъ можно видѣть съ турецкой денежной помощью. Просить далѣе выслать офицеровъ артиллеристовъ и инженеровъ. Но Конвентъ не долженъ требовать, дабы революція польская была такая же, какъ французская. Невозможно «выключать и осуждать шляхту и духовенство». Содержаніе этого письма не противорѣчитъ ни въ чемъ инструкціи, съ каковою отправленъ былъ Костюшко въ Парижъ. И поэтому является оно доказательствомъ неизвѣстнаго во всѣхъ своихъ подробностяхъ соглашения съ французскимъ правительствомъ, соглашения, быть можетъ, повліявшаго даже на ускореніе революціоннаго движенія въ Польшѣ.

— Пишегрю и заговоры роялистовъ. Уже давно человѣческая справедливость допускала амнистію, а теперь одинаково историческая справедливость начинаетъ допускать пересмотръ своихъ сужденій. Дѣла, въ которыхъ вмѣшивалась политическая страсть и ненависть партій, теперь, благодаря ежедневно открываемымъ новымъ документамъ, разсматриваются безпристрастно и спокойно во второй инстанціи. Такъ процессы Мармона, Моро, Пишегрю, Бурмона и др., болѣе или менѣе жестоко обвиненныхъ, надъ которыми произнесли пристрастные приговоры, теперь разбираются иначе. Безъ сомнѣнія, между историческими обвиняемыми дѣлаютъ различіе: такъ Моро, поднявшій противъ родины оружіе, какъ и Бурмонъ, перешедшій на сторону непріятеля, отличаются и теперь отъ Мармона и Пишегрю, обвиненныхъ въ измѣнѣ правительству, а не Франціи. Эрнестъ Додэ посвятилъ послѣднему свой трудъ подъ заглавіемъ «Заговоръ Пишегрю и роялистскія возстанія»¹⁾. Пишегрю обвинялся въ томъ, что, посорившись съ Директоріей, относившейся благосклонно къ идеямъ возстановленія монархіи, и ведя тайную переписку съ принцемъ Кондэ, а съ другой стороны готовый сдѣлаться главою парламентской оппозиціи, принялъ главенство надъ вооруженной оппозиціей, составилъ проектъ военной коопераціи съ иностранными войсками, далъ этому плану ходъ, ослабляя добровольно свою армію, покинулъ Мангеймъ и, не помогая своему сослуживцу Мурдану, склонился на перемиріе, предложенное австрійцами. Вотъ главные обвиненія. Додэ въ качествѣ ловкаго адвоката уничтожаетъ ихъ одно за другимъ, указываетъ на противорѣчіе свидѣтельскихъ показаній, какъ вышесказанныхъ личнымъ интересомъ. Онъ пользуется доказательствами изъ самихъ обвинительныхъ показаній и изъ не изданныхъ документовъ неоспоримой подлинности и большой дѣйности, именно бумагъ Кондэ, сохранившихся въ архивахъ Шантیلی, и военной переписки Пишегрю, находившейся въ архивѣ военнаго министерства. Додэ говоритъ: процессъ и приговоръ надъ Пишегрю доставилъ Директоріи случай, уже давно ожидаемый и приготовленный, для совершенія государственнаго переворота. Пишегрю былъ председателемъ совѣта Пяти Сотъ, совѣтъ былъ непріязненъ Директоріи, и нанести ударъ его председателю равнялось—снести голову оппозиціи. Въ этомъ Додэ видитъ первый мотивъ къ

¹⁾ La Conjuraton de Pichegru et les complots royalistes de Midi et de l'Est (1795—1797), par Ernest Daudet. 1902.

подозрѣнію. Во-вторыхъ, поводъ къ обвиненію Пиннегрю и доказательство, на которое оно опиралось, были представлены Бонапартомъ, желавшимъ отдѣлаться отъ соперника, любимаго солдатами и пользовавшагося значительнымъ политическимъ вліяніемъ. Обвинителямъ и судьямъ Пиннегрю была интересъ, его приговорить, и они заранѣ признали его виновнымъ. Болѣе того его приговора добились посредствомъ низкаго полицейскаго пронырства: полиція представила, какъ подлинное, письмо Пиннегрю и «написанное его рукою» резюме разговора, который онъ велъ, будто бы, съ однимъ изъ эмиссаровъ Кондэ. Доказательства состояли изъ писемъ, присланныхъ Кондэ его агентами; въ нихъ говорилось о проектахъ и обѣщаніяхъ Пиннегрю истинныхъ или предполагаемыхъ; сверхъ того, изъ писемъ и докладовъ, захваченныхъ Моро въ багажѣ генерала Клинглина, принадлежавшихъ тайнымъ агентамъ и эмиссарамъ. Ни одно изъ этихъ писемъ не принадлежало Пиннегрю, и принцъ Кондэ безпрестанно просилъ отъ генерала письменнаго слова, полагаясь болѣе на подпись послѣдняго, чѣмъ на завѣренія своихъ корреспондентовъ. Это служило доказательствомъ, что принцъ не очень довѣрялъ имъ. Додэ говоритъ, что всѣ они были люди, обремененные нуждой, и настоящіе предприниматели измѣнъ; что имъ выгодно было обманывать принца для выманиванія денегъ; что Монгальяръ въ минуту безденежья отправился къ Бонапарту и выдалъ Пиннегрю, какъ бы не исполнившаго своихъ обѣщаній; что Фонгъ-Борель превратился, впоследствии, въ сыщика императорской полиціи въ Страсбургѣ. Этими Додэ обрисовалъ ихъ нравственный міръ и указалъ, насколько возможно вѣрить ихъ свидѣтельству. Свидѣтельство Моро еще менѣе безупречно. Онъ не придалъ бумагамъ, захваченнымъ у Клинглина, большой важности. Но, впоследствии, когда Директорія потребовала освѣтить это дѣло, когда случился государственный переворотъ, и окончательно совершилось паденіе Пиннегрю, то Моро, обязанный ему своимъ повышеніемъ въ дивизіонныя командіры, самымъ низкимъ образомъ обвинилъ его. Онъ тѣмъ болѣе дѣйствовалъ такъ, что былъ моментъ, когда онъ опасался за себя. Ответственность Журдана была слишкомъ замѣшана въ неусиѣхѣ Пиннегрю, чтобы онъ не считалъ выгоднѣе для себя сослаться въ своемъ неусиѣхѣ на предполагаемую измѣну. Сульть и Гувьонъ-Сенъ-Сиръ писали, спустя много времени, когда обстоятельства дѣла были уже отчасти забыты, и рассказы обоихъ маршаловъ полны противорѣчій. Прибывъ въ Рейнскую армію, Пиннегрю нашелъ ее совершенно въ беспорядкѣ: съ неполнымъ наличнымъ составомъ, безъ малѣйшихъ кавалерійскихъ резервовъ, безъ военныхъ припасовъ и экипировки: войску платили расписками, но жители и поставщики требовали только денегъ. Жалобы высшихъ чиновъ подтверждаютъ перенеску главнокомандующаго, утверждая, что Пиннегрю хотѣлъ испортить своихъ солдатъ бездѣйствіемъ, что онъ не повиновался высшимъ приказаніямъ изъ Парижа, что наконецъ потребовались настоянія всѣхъ высшихъ чиновъ, чтобы онъ рѣшился пойти на Мангеймъ. При внимательномъ изученіи приказовъ, данныхъ Пиннегрю, Додэ пришелъ къ заключенію, что это были не приказы, а скорѣе совѣты, и ему предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Пиннегрю перешелъ Рейнъ въ Оппенгеймъ и вошелъ въ Мангеймъ, когда Журданъ занялъ Дюссельдорфъ, для под-

держанія его движенія. Затѣмъ послѣдовало отступленіе Журдана, покинуваго Пишегрю безъ защиты на сѣверѣ, заставляя его этимъ, въ свою очередь, снова перейти Рейнгъ, оставивъ въ Мангеймѣ гарнизонъ, который скоро долженъ былъ сдать на капитуляцію. Додэ приписываетъ Журдану отвѣтственность за перемиріе съ Австріей. Журданъ первый велъ переговоры, и за его соглашеніемъ слѣдовали переговоры Пишегрю. Выйдя въ отставку, Пишегрю, не желая обезсиловать своихъ солдатъ бездѣйствіемъ, совѣтовалъ генералу Дезэ заставлять ихъ передѣлывать дороги. Его политическое поведеніе напротивъ не безупречно. Онъ поддерживалъ сношенія съ Кондэ, его адъютантъ, повидимому, служилъ посредникомъ между Монгальяромъ, Ле-Фонтъ-Ворелемъ и баронессою Рейхъ. Дальнѣйшія событія и роль, разыгрываемая имъ въ заговорѣ Кадуцала, доказываютъ, что онъ предпочиталъ монархическое правленіе, но до несправедливаго приговора, жертвой котораго сдѣлался, это ограничивалось лишь симпатіей къ монархіи. Впослѣдствіи желаніе отмщенія заставило его перейти къ дѣйствию. Додэ, какъ судья, а не какъ защитникъ, признаетъ отношенія между Кондэ и Пишегрю несомнѣнными. Онъ это объясняетъ намѣреніемъ Пишегрю добиться, въ случаѣ приближавшагося возстановленія монархіи, милостиваго отношенія къ нему будущаго монарха. Пишегрю прежде всего служилъ Франціи, о чемъ онъ заявилъ роялистскому агенту, Оттелану: «Если бы я зналъ что Франція будетъ счастлива при республикѣ, завтра же—я буду служить ей!».

— Замокъ Сень-Клу. Недавно французскій историкъ, графъ Флери¹⁾, посвятилъ свою новую книгу описанію знаменитаго замка Сень-Клу. Онъ описываетъ дворецъ, когда-то блестящій великолѣніемъ, но не оставившій послѣ себя слѣдовъ, касается его происхожденія, описываетъ празднества, даваемые тамъ, упоминаетъ о коронованныхъ гостяхъ, посѣщавшихъ его, и оканчиваетъ исторіей его разрушенія. Первое происхожденіе Сень-Клу связывается съ самой ужасной эпохой исторіи—съ династіей Меровинговъ. Вѣроятно, многіе не забыли о вѣроломныхъ убійствахъ дѣтей Клодомира ихъ дядями, при чемъ ихъ бабка Клотильда, плохо защищавшая внучатъ, произносила въ припадкѣ безумія странныя слова: «Если они не должны сдѣлаться королями, я охотнѣе увидѣла бы ихъ мертвыми, чѣмъ постриженными». Самый младшій изъ дѣтей, Клодоальдъ, спасся отъ этой участи и укрылся въ одномъ монастырѣ. Достигнувъ совершеннолѣтія и не слушая совѣтовъ старыхъ слугъ своего отца, напечтывавшихъ ему мысль объ отмщеніи, онъ торжественно принялъ постриженіе и надѣлъ монашескую рясу. Его дяди, въ порывѣ раскаянія и для успокоенія совѣсти, оставили ему значительныя владѣнія и, между прочимъ, мѣстечко Ножанъ, на берегу Сены, близъ Парижа. Клодоальдъ построилъ тамъ монастырь, гдѣ умеръ свитымъ, оставивъ это владѣніе парижскому епископу. Имя франковъ—Клодоальдъ, было впослѣдствіи передѣлано въ Клу, и предметъ Ножанъ стало называться именемъ святого Клодоальда, то-есть Сень-Клу, и сохранило мощи своего владѣльца. Людовикъ XIV, желая подарить герцогство кургузлану-прелату Гарлей де-Шампваллонъ, назвалъ это владѣніе Сень-Клу, и всѣ парижскіе архіепископы стали называться герцогами

¹⁾ Le palais de Saint-Clou, par le comte Fleury. 1902.

Сенъ-Клу, съ 1674 г. до конца прежней монархіи. Построенный въ средніе вѣка мостъ придавалъ Сенъ-Клу нѣкоторую важность, какъ военной позиціи. Во время Столѣтней войны несчастное мѣстечко было много разъ взято приступомъ, разрушено и сожжено, а монахи укрывались въ Парижѣ, захвативъ съ собою мощи Клодоальда. Похоронныя церемоніи по скончавшимся королямъ справлялись всегда въ Сенъ-Клу. Когда Францискъ I умеръ въ Рамбулье, то, прежде чѣмъ отправить тѣло въ Сенъ-Дени, его выставляли въ епископскомъ дворцѣ Сенъ-Клу, гдѣ въ продолженіе одиннадцати дней народъ приходилъ къ нему на поклоненіе. Несмотря на эти печальныя воспоминанія, Генрихъ II любилъ Сенъ-Клу и выстроилъ тамъ виллу въ итальянскомъ вкусѣ, отданную впоследствии Катериной Медичи Іерониму Гонди, одному изъ ея откушниковъ казенныхъ доходовъ, пріѣхавшему изъ Флоренціи вмѣстѣ съ нею. Гонди устроилъ тамъ знаменитыя водопады, дѣйствующія съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и теперь. Легенда повѣствуетъ, что онъ далъ свою виллу для тайныхъ собраний, гдѣ окончательно была рѣшена Вароломеевская рѣзня. Но болѣе достоверна драма 1-го августа 1589 г. Отвоевавъ свою столицу у возмущившихся парижанъ, Генрихъ III примирился съ королемъ Наварскимъ и соединилъ съ нимъ свои военныя силы, взявъ штурмомъ Сенъ-Клу. Онъ устроилъ свою главную квартиру въ домѣ Гонди, въ то время, какъ Генрихъ Наварскій стоялъ лагеремъ въ Медонѣ. Осада Парижа велась обоими королями. Въ это время изъ города пришелъ монахъ Жакъ Клеманъ, требуя тайной бесѣды съ королемъ, во время которой онъ убилъ Генриха III за измѣну католической партіи. Несмотря на свою развратную жизнь и коварство, онъ умеръ мужественно. Сначала обманутый докторами, король понялъ наконецъ, что силы его ослабли, и заявилъ о своей принадлежности къ католической вѣрѣ; затѣмъ призвалъ Генриха Бурбона и заставилъ генераловъ, стоявшихъ на колѣняхъ вокругъ его смертнаго одра, принять присягу въ вѣрности Генриху. Финансы новаго короля Генриха IV были разстроены, и онъ даже не имѣлъ возможности отдѣлать трауромъ свои покон. Такимъ образомъ Сенъ-Клу видѣлъ туманную зарю двоихъ государей: Генриха IV и Наполеона. Въ эту эпоху Сенъ-Клу еще не былъ дворцомъ, а лишь служилъ загороднымъ домомъ для богатаго частнаго человѣка. Только случайно, благодаря войнѣ, онъ пріютилъ на время коронованную особу. Когда все успокоилось, о Сенъ-Клу забыли. Наслѣдники перваго парижскаго архіепископа, Гонди, и дяди будущаго кардинала Реца, продали имѣніе нѣкоему Бартеlemi Герварду. Затѣмъ Людовикъ XIV купилъ его для своего брата, герцога Валуа, будущаго герцога Орлеанскаго. Молодой принцъ, устранный отъ дѣлъ и арміи, проводилъ свое время въ различныхъ удовольствіяхъ и въ украшеніи Сенъ-Клу, превративъ бывшій домъ Гонди въ прекрасный дворецъ, не уступавшій Комьену и Рамбулье. Не успѣли окончить постройку новаго дворца, какъ онъ послужилъ театромъ поразительной смерти, возбудившей подозрѣніе въ народѣ. Внезапно скончалась Генриетта Англійская, жена герцога, молодая, красивая, умная женщина, пользовавшаяся не только свѣтскимъ, но и замѣчательнымъ политическимъ успѣхомъ, какъ агентъ короля. Диагностика болѣзней была въ ту эпоху въ первобытномъ состояніи. Нѣкоторыя личности подозрѣвали самого герцога Орлеанскаго,

не отличавагося вѣрностью и не очень любимаго женою. Другіе приписывали это преступленіе фавориту герцога, кавалеру Лоррену, ненавидѣвшему принцессу и котораго она взаимно не терпѣла. Вскорѣ принцъ женился во второй разъ на пфальцъ-графинѣ Рейнской, и, тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти первой жены, онъ умеръ въ столовой своего любимаго Сень-Клу. Его сынъ, регентъ Орлеанскій, родился въ Сень-Клу и тамъ же крестилъ свою дочь, знаменитую настоятельницу Шельскаго монастыря. Однако онъ не любилъ Сень-Клу и отдалъ его матери, а самъ почти постоянно жилъ въ Пале-Роялѣ. Во время своего регентства онъ изрѣдка прѣзжалъ въ Сень-Клу и оставался тамъ недолго. Въ этомъ же дворцѣ онъ принялъ Петра Великаго, первую коронованную особу, посетившую Сень-Клу. Въ продолженіе всего царствованія Людовика XV въ Сень-Клу не было никакихъ историческихъ фактовъ, кромѣ праздноствій, диванныхъ герцоговъ Орлеанскимъ, въ честь свадебъ, рожденій, выдвореній и проч., отличающихся необыкновеннымъ декоративнымъ богатствомъ. Главою Орлеановъ былъ въ то время Луи-Филиппъ, прозванный маркизою Дю-Барри «Gros-Père». Онъ былъ женатъ мorganатическимъ бракомъ на маркизѣ Монтессонъ. Это была очень вѣжная пара, и о нихъ говорили шуткою, что герцогъ, не получивъ разрѣшенія называть жену герцогиней Орлеанской, рѣшился называться маркизомъ Монтессонъ. Вообще не любившій королевскихъ почестей, онъ вдвойнѣ тяготился ими, не имѣя возможности раздѣлять ихъ съ женою. Отдавъ Пале-Рояль сыну, будущему Philippe-Egalité, онъ скрѣпя сердце, жилъ въ Сень-Клу, предпочитая вести жизнь частнаго человека въ имѣніи маркизы Монтессонъ. Въ это время (1784 г.) Марія-Антуанета почувствовала пристрастіе къ Сень-Клу, тѣмъ болѣе, что Версаль хотѣли передѣлывать, и онъ не могъ быть обитаемъ ранѣе, какъ чрезъ десять лѣтъ. Принцъ Орлеанскій былъ въ восторгѣ отъ возможности продать дворецъ и зная, какъ Марія-Антуанета любитъ, чтобы исполнялись всѣ ея капризы, — запросилъ за него шесть милліоновъ. Король купилъ дворецъ на имя королевы. Патриотизмъ нѣкоторыхъ либераловъ и мнѣніе большинства о полновластныхъ правахъ мужчинъ оскорбились поступкомъ короля. Марія-Антуанета, предупрежденная объ этомъ, съ удовольствіемъ выражала презрѣніе къ народному негодованію. Она приказала выставить на рѣшеткѣ парка объявленіе съ заголовкомъ «По указу королевы». Это вызвало всеобщее негодованіе, тѣмъ болѣе, что парижане привыкли собираться на сентябрьскій праздникъ въ Сень-Клу и каждый разъ невольно любовались этою надписью, противорѣчащей салическому закону. Однако работы въ Версали не состоялись, и дворъ проводилъ лишь короткое время въ Сень-Клу. Марія-Антуанетѣ нравился Сень-Клу не менѣе Трианона, но Людовикъ XVI предпочиталъ Рамбулье: онъ находилъ, что комнаты слишкомъ малы, и вообще помѣщеніе тѣсно. Марія-Антуанета хотѣла совершенно перестроить дворецъ, но за неимѣніемъ денегъ эту мысль отложила. Последнее и самое долгое пребываніе Марія-Антуанеты въ Сень-Клу было съ іюня по октябрь 1790 года, когда уже началась революція. Въ паркѣ Сень-Клу состоялось тайное свиданіе Мирабо съ королевой. «Государыня, — сказать трибуну, дѣлая ей руку, — монархія спасена!» Это самая изъ потрясающихъ сценъ, какія только случались въ Сень-Клу. Но ранѣе года послѣ смерти Мирабо

королевская семья, желая вернуться въ Сентъ-Клу на Пасху, была насильно задержана парижскимъ народомъ. Во время террора обстановка «национального дома», какъ стали называть дворецъ Сентъ-Клу, продавалась съ публичнаго торга, но декретомъ Конвента было рѣшено не уничтожать парка, оставивъ его для прогулокъ парижанъ. Наконецъ наступилъ 19 броммеръ VIII г. извѣстный всему свѣту государственнымъ переворотомъ. Въ этотъ день галлерей Миньяра, въ бывшемъ дворцѣ Сентъ-Клу, была занята совѣтомъ Древнихъ, но окончательный актъ этого событія послѣдовалъ въ оранжереѣ, гдѣ былъ собранъ совѣтъ «Пяти-Сотъ», и военному перевороту была придана парламентарная форма. Наполеонъ провозгласилъ себя консуломъ. Мальмезонъ показался ему слишкомъ скуднымъ для его лѣтней резиденціи, и съ осени 1801 года онъ далъ приказъ возстановить Сентъ-Клу, а въ 1802 году поселился тамъ. Жизнь Наполеона протекала въ Сентъ-Клу такъ же дѣятельно, какъ въ Парижѣ, разнообразясь лишь катаніями верхомъ и въ экипажѣ. Въ галлерей Аннолона Наполеонъ впервые услышалъ «ваше величество» и титулъ императора изъ устъ явившагося къ нему объявить мнѣніе сената Камбасереса. Въ соединеніи съ нею залъ Наполеонъ впоследствии объявлялъ г-жѣ Полиньякъ о помилованіи ея мужа. Во время имперіи, хотя дворъ проживалъ въ Фонтенбл, Компьенѣ, и даже Rambouillet, — Сентъ-Клу было любимымъ мѣстопробываніемъ императорской семьи весной и осенью; хотя торжественныя церемоніи справлялись въ Тюильри, но и Сентъ-Клу было мѣстомъ памятныхъ событій и блестящихъ празднествъ: тамъ совершалось напой крещеніе старшаго сына Луи и Гортензій, котораго Наполеонъ мечталъ сдѣлать своимъ наследникомъ, и въ 1810 году былъ созванъ совѣтъ, по поводу выбора новой императрицы, а затѣмъ совершился въ галлерей Аннолона гражданскій бракъ Наполеона съ Маріей-Луизой. 23-го іюня 1811 года былъ данъ блестящій праздникъ, въ честь крещенія римскаго короля, онъ окончился забавнымъ случаемъ: дамы и кавалеры въ парадныхъ туалетахъ расно пожились на лужкѣ полюбоваться иллюминаціей, какъ внезапно поднялась страшная буря. Въ то время императоръ обратился къ морю города Ліона со словами: «Господишь мэръ, я сейчасъ дамъ нажитья вашимъ мануфактурнымъ фабрикамъ», — и, вставъ въ дверяхъ, соединяющихъ паркъ съ залами, онъ загородилъ входъ, оставивъ такимъ образомъ подъ дождемъ всѣ блестящіе туалеты своихъ приглашенныхъ. Римскаго короля катили въ паркъ въ колясочкѣ, запряженной двумя баранками. По это появленіе ребенка въ аллеяхъ Сентъ-Клу продолжалось лишь два гѣта, и 31-го марта 1814 года дворецъ былъ занятъ передовыми войсками Ланжерона. Сентъ-Клу сдѣлался главной квартирой Шварценберга, и онъ, давая въ честь празднества въ честь союзныхъ государей. Но въ 1815 году положеніе Сентъ-Клу было худшее: въ этотъ разъ дворецъ заняли нѣмцы, полные мести къ французамъ. Блюхеръ спать въ постель Наполеона, не только не раздвигаясь, но даже не снимая сапогъ, при чемъ немилосердно обрывать шнурками драпировки надъ кроватью. Людовикъ XVIII, человекъ традиціи, считалъ Сентъ-Клу мѣстопробываніемъ, недостойнымъ его. Благодаря немцамъ, онъ, однако, проводилъ хорошее время года тамъ, хотя Сентъ-Клу ему не нравилось. Напротивъ,

остальные члены королевской семьи любили это мѣстечко, и гувернантка дѣтей, виконтесса Гонтто, старалась, какъ можно продолжительнѣе оставаться тамъ. Карль X считалъ пребываніе въ Сентъ-Клу лучшими днями его жизни. Въ его царствованіе онъ превратился въ лѣтнюю официальную резиденцію. Сентъ-Клу—свидѣтель восшествія Генриха IV, послужилъ могилою династіи Бурбоновъ. Въ его красномъ салонѣ были подписаны роковыя польскіе указы; въ этомъ же дворцѣ король и его сынъ провели четыре дня, полные иллюзій, передъ окончательной катастрофой. Луи-Филиппъ долго колебался, прежде чѣмъ поселиться въ королевскихъ резиденціяхъ. Наконецъ, 20-го марта 1831 года было объявлено разогъ, что въ Тюильри предпринимаются перекладки, и что королевская семья отправляется въ Сентъ-Клу. Съ этой эпохой связано множество анекдотовъ: напримѣръ, будто король помогать маршалу нарисовать свою карикатуру на стѣнѣ углемъ и т. д. Въ эпоху Людовика-Филиппа Сентъ-Клу было свидѣлемъ множества семейныхъ празднествъ. Луи-Наполеонъ былъ расположенъ къ Сентъ-Клу еще ранѣе своего восшествія на престолъ. Въ томъ же дворцѣ Луи-Наполеонъ пожелалъ дать зиму, въ галлерей Анлолона, аудіенцію главнымъ государственнымъ учрежденіямъ, явившимся къ нему сообщить о результатѣ плебесцита и поздравить съ императорскимъ титуломъ. Медовый мѣсяцъ императоръ и императрица Евгения провели въ маленькомъ замкѣ Вильневъ д'Ютанъ, но затѣмъ дворъ ежегодно жилъ июнь и июль мѣсяцы въ Сентъ-Клу, прежде чѣмъ отправиться въ Шомбьеръ и Біаррицъ. Удовольствія Парижа не прекращались въ лѣтней резиденціи, но съ меньшимъ этикетомъ. Коронованныя особы, начиная съ королевы Викторіи, посѣтительней во время крымской кампаніи Сентъ-Клу; и кончая императрицей Шарлоттой, уже почти безумной, появлялись довольно часто. Здѣсь же сынъ императорской четы во время гимнастическихъ упражненій подвергся опасности, которая чуть было не окончилась печально для мальчика. Наконецъ наступили послѣдніе дни Сентъ-Клу. Въ июль 1870 года туда собрались министры для совѣщанія относительно окончательнаго отвѣта въ Берлинъ. Нѣсколько дней спустя, былъ данъ послѣдній праздникъ, въ честь офицеровъ, отправлявшихся въ армію. За десертомъ Наполеонъ III велѣлъ играть марсельезу, запрещенную со времени государственнаго переворота, а 28-го іюля онъ и его сынъ удалились на войну. Имперіи произнесенъ былъ смертный приговоръ, а съ нею окончилъ свое существованіе Сентъ-Клу. По народному сказанію, Сентъ-Клу былъ сожженъ пруссаками, но, по всей вѣроятности, онъ сгорѣлъ 16-го октября отъ шальной французской гранаты. Нѣмцы виновны лишь въ томъ, что выгнали служащихъ, близко знающихъ, какъ обращаться съ пожаромъ. Рѣшивъ, что зло непоправимо, они дали волю огню. Ихъ обвиняютъ въ систематическомъ уничтоженіи отдѣльныхъ домовъ въ селеніи Сентъ-Клу, начавшемся съ битвы при Бюзенвалѣ и длившемся до перемирія. Двадцать лѣтъ развалины Сентъ-Клу стояли петровутыми и посѣщались иностранцами. Императрица Фредерика два раза прѣзжала съ нѣмецкимъ посланникомъ на развалины дворца. Но французскіе патріоты были такъ возбуждены, что въ послѣднее посѣщеніе 1891 года ей пришлось какъ можно скорѣе уѣхать изъ Парижа, и даже дипломатическия

отношенія между двумя государствами едва не порвались. Въ настоящее время оставшіяся доселѣ развалины Сентъ-Клу совершенно уничтожены, и планъ помѣстить тамъ политехническую школу не удался. Такимъ образомъ сохранился одинъ слѣдъ Сентъ-Клу—въ его паркъ.

— Два памятника. На-дняхъ въ Парижѣ открыли два памятника, совершенно различнаго значенія. Одинъ изъ нихъ воздвигнуть въ честь все-свѣтнаго гения Гейне, а другой увѣковѣчиваетъ память французскаго патріота и героя второй республики—Водена. Около пятидесяти лѣтъ прошло со времени смерти поэта, и ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ умеръ славной смертью герой демократіи. Объ этихъ обоихъ знаменитыхъ людяхъ вспомнили въ одно время, хотя исторія ихъ памятниковъ различна. Уже давно собираются отдать должную память автору «Романсеро» и никакъ не могутъ столковаться; послѣ его смерти попрежнему враждуютъ его непріатели—нѣмцы, преимущественно пруссаки. До сихъ поръ они не могутъ простить великому поэту его непримиримость относительно нѣмцевъ, которыхъ онъ безпопачно клеймилъ въ своихъ остроумныхъ сатирическихъ произведеніяхъ. Поэтому, несмотря на многочисленные проекты памятника своему великому соотечественнику, Германія еще не воздвигла статуя, достойную его памяти. Странно сказать, что единственный памятникъ Гейне, существующій до сихъ поръ, поставленъ императрицей австрійской Елизаветой въ ея виллѣ въ Корфу. Теперь тотъ же скульпторъ, которому принадлежитъ это изваяніе, датчанинъ Гассельрюсъ, взялся, по иниціативѣ нѣсколькихъ австрійцевъ, за новый памятникъ въ Парижѣ. Онъ очень скромный и состоитъ изъ бюста Гейне и надгробнаго камня надъ его могилою на Монмартрскомъ кладбищѣ. На камнѣ нѣются двѣ надписи: въ одной изъ нихъ сказано: «Генрихъ Гейне либеральная Вѣна», а въ другой начертано его стихотвореніе: «Гдѣ застанетъ меня день усюкошенія, послѣдній день усталаго путника? Подъ пальмами юга? подъ лианами Рейна? похоронитъ ли меня чуждая рука среди степи? или я буду покоиться въ прибрежномъ пескѣ? Какое мнѣ до этого дѣло! Всюду меня будетъ окружать небо Божіе и, какъ надгробные свѣточки, будутъ надъ моею головою блестѣть среди ночи лучезарныя звѣзды». Такъ же скромно, какъ и его памятникъ, было и его открытіе. На немъ присутствовало около трехсотъ нѣмцевъ, преимущественно австрійцевъ, двадцать французовъ и пятнадцать молодыхъ почитательницъ Гейне. Среди нихъ было мало извѣстныхъ людей; только три французскихъ литератора—Филиберъ Одебранъ, лично знавшій Гейне, Гастонъ Дешанъ и Жозефъ Рейнакъ. Нѣмцы: скульпторъ Каучъ, писатель Максъ Нордау, итальянецъ Гульельминетти съ женою, графиня Фризе-Гейне, племянница поэта. Предсѣдатель комитета, соорудившаго памятникъ, произнесъ нѣсколько словъ для открытія церемоніи, затѣмъ Константинъ Носке и Максъ Нордау сказали рѣчи по-нѣмецки, а Гастонъ Дешанъ по-французски. Наконецъ нѣмецкое общество нѣнія пропѣло два стихотворенія великаго поэта, а затѣмъ все было кончено. Генрихъ Гейне попрежнему покоится въ уголкѣ Монмартрскаго кладбища, и только надъ его могилою виднѣтся не цвѣты, приносимые его поклонниками, а роскошный памятникъ.

Другой памятникъ воздвигнуть Альфонсу Бодену въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ на углу улицъ Ледра Ролленъ и Траверсьеръ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ упалъ мертвымъ третьяго декабря 1851 года на баррикадѣ, смертельно раненый войсками Наполеона III, на другой день послѣ злополучнаго государственнаго переворота. Всемъ извѣстно, что скромный, честный, благородный и патриотичный депутатъ Боденъ принималъ участіе въ постройкѣ баррикады, возбуждая рабочихъ къ возстанію. Неожиданно одна женщина воскликнула: «Не думайте, чтобы наши мужья стали подставлять свой лобъ за то, чтобы вы заработали болтовней двадцать пять франковъ въ день». «Погодите, — отвѣчали спокойно Боденъ, — вы увидите, какъ мы умѣемъ умирать за двадцать пять франковъ въ день». Черезъ нѣсколько минутъ баррикада была готова, и Боденъ пошелъ на нее. Декабрьская пуля пронзила его въ самое сердце, и онъ упалъ мертвымъ. Говорятъ, что предъ смертью онъ обратился къ солдатамъ, уговаривая ихъ разойтись, и воскликнулъ: «Мы стоимъ за право!» Отвѣтомъ на эти слова была пуля капитала Брилья, положившая его на мѣстѣ. Рассказываютъ еще, что умирая Боденъ держалъ въ рукахъ книгу законовъ. Наконецъ съ другой стороны защитники декабрьскаго переворота увѣряютъ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ защитниками свободы, и что пуля, убившая Бодена, перелѣзшая черезъ баррикаду и направившаяся къ солдатамъ, по всей вѣроятности, принадлежала не солдатамъ, а товарищамъ Бодена. Такую, по крайней мѣрѣ, разсказъ полковника Блана въ статьѣ доктора Кабанеса въ «Intermédiaire». Во всякомъ случаѣ парижскіе рабочіе питаютъ культъ къ своему герою и наконецъ собрали необходимую сумму для сооруженія статуи работы Боври. Она была торжественно открыта въ присутствіи президента Лубэ, въ томъ числѣ Цьера Бодена, племянника героя. Рѣчи въ честь благороднаго патриота произнесли председатель сената Фальеръ, председатель палаты депутатовъ, Поль Дешапелъ, и первый министръ, Вальдекъ-Руссо. Вообще торжество имѣло двойную сторону: съ одной стороны официальную, а съ другой, чисто народную, такъ какъ все населеніе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и другихъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа принимало живое участіе въ этомъ торжествѣ.

— Смерть Крауса. Францъ Краусъ—знаменитый, либеральный католикъ-богословъ, археологъ, церковный историкъ и художественный критикъ, умеръ въ Санъ-Ремо 30 декабря прошлаго года. Этотъ знающій и ученый человѣкъ представлялъ литературнаго посредника между Германіей и Италіей, его не только уважали, какъ одного изъ лучшихъ германскихъ стилистовъ, но какъ изслѣдователя Данте и какъ замѣчательнаго авторитета по многимъ вопросамъ, начиная отъ первобытнаго христіанскаго искусства до исторіи итальянской революціи. Онъ родился въ Трирѣ и воспитывался въ университетахъ Фрейбурга и Бонна, а впоследствии учился въ Парижѣ. Въ 1864 году онъ сдѣлался патеромъ и находился до 1868 года священникомъ въ приходѣ Фальцфель, близъ своего роднаго города. Его археологическія сочиненія доставили ему кафедру профессора христіанской археологіи въ Страсбургскомъ университетѣ. Черезъ четыре года онъ перешелъ въ Фрейбургскій университетъ на кафедру церковной исторіи и тамъ оставался до своей смерти. Его знанія были такъ разнообразны, что онъ былъ въ одно и то же время докто-

ромъ богословія, философіи и юридическихъ наукъ. Въ продолженіе долгаго времени профессоръ Краусъ помѣщалъ извѣстныя «Церковно-политическія письма», въ литературномъ приложеніи Мюнхенскаго «Allgemeine Zeitung», подъ псевдонимами «Spectator», «Gerontius», «Xenos». Последнее изъ этихъ писемъ напечатано 2-го января вышшняго года послѣ его смерти и отличается обычнымъ знаніемъ и талантомъ, а по содержанию это окончаніе біографіи Пилигрима Росен, министра Цзя IX. Самыя замѣчательныя изъ его многочисленныхъ сочиненій - «Roma Sotteranea» и «Real», «Encyclopädie der Cristlichen Altertümer».

— Западные ученые о русскомъ византиновѣдѣніи. Успѣхи, сдѣланные за послѣдніе годы византиновѣдѣніемъ въ Россіи, не остались не замѣченными въ Западной Европѣ. Не говоря уже о Германіи, гдѣ въ такомъ специальномъ изданіи, какъ *Byzantinische Zeitschrift*, мы постоянно встрѣчаемъ подробные отчеты о русскихъ работахъ по византиновѣдѣнію и родственнымъ ему областямъ, — слѣдуетъ упомянуть о странахъ, въ которыхъ русскія работы являются менѣе доступными для мѣстныхъ ученыхъ. Такъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, со словъ «Византийскаго Временника», недавно основанный французскій ученый органъ *Echos d'Orient*, гдѣ мы встрѣчаемъ статьи итальянскаго византиниста Aurelio Palmieri (*L'oeuvre de Kunik et les études byzantines en Russie; Photius et ses apologistes russes*), француза L. Petit (*Découverte archéologique de M. Ouspensky*) и др. Далѣе отмѣтимъ работы уже упомянутого Palmieri: *Gli studi bizantini in Russia* (византийскіе этюды въ Россіи) — рядъ статей, посвященныхъ исторіи византиновѣдѣнія въ Россіи, въ журналѣ *Bessarione* (за 1900 г.), и *La Russie et les études byzantines à Constantinople* (отдѣльный оттискъ изъ константинопольской газеты «*Stamboul*» за 1900 г.), въ которой говорится о Византіи и Россіи, о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ и о его директорѣ, академикѣ Ѳ. П. Успенскомъ. Наконецъ, какъ мы узнаемъ изъ «Византийскаго Временника», профессоръ Уисальскаго университета Lundström, «единственный ученый въ Швеціи, который уделяетъ свое вниманіе византийской филологіи», въ своей работѣ «*En ting vetenskap*», посвященной очерку исторіи византиновѣдѣнія въ Европѣ, отвѣтъ нѣсколько страницъ русскимъ византинистамъ (Куникъ, Васильевскій), журналу «Византийскій Временникъ» и русскому археологическому институту въ Константинополѣ.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе академіи наукъ. Императорская академія наукъ ежегодно празднуетъ 29-го декабря свою годовицину торжественнымъ собраніемъ. Празднъ этотъ праздникъ совпалъ съ XI съѣздомъ естествоиспытателей и врачей, которые и были приглашены на засѣданіе. Въ виду ожидавшагося наплыва публики торжество было перенесено въ большой залъ консерваторіи. Но ожиданіе оправдалось не вполне: въ университетъ шли очередныя засѣданія, и залъ консерваторіи былъ далеко не полонъ. Эстрада была декорирована тропической зеленью. Торжественное собраніе было открыто августѣйшимъ президентомъ академіи, его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, занявшимъ председательское мѣсто. Рядомъ съ президентомъ помѣстились: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ и непрѣмный секретарь Н. Ѳ. Дубровинъ. Въ числѣ почетныхъ гостей были: министръ народнаго просвѣщенія, генераль-адъютантъ генераль-отъ-инфантеріи П. С. Валиовскій, товарищъ его Г. Ѳ. Зелгеръ, председатель императорскаго техническаго общества генераль Н. П. Петровъ, академикъ, профессора университета и много другихъ лицъ. Непрѣмный секретарь генераль Н. Ѳ. Дубровинъ прочелъ отчетъ за 1901 годъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ. Въ прошлой жизни академіи едва ли найдется болѣе грустный годъ, чѣмъ настоящій. Академія лишилась четырехъ выдающихся своихъ дѣйствительныхъ членовъ, 4 почетныхъ и 9 членовъ-корреспондентовъ: М. И. Сухомянова, П. П. Жданова, К. С. Веселовскаго, А. О. Ковалевскаго, М. А. Веневитинова, Шарля Эрмита, Д. Ѳ. Бѣляева, П. П. де-Колонга, Христіана Люткена, М. Рауля, Альфонса Мильнъ-Эдвардса, профессора Г. Линдстрема, Генриха де-Лакасъ-Дютье, Альфонса Ѳ. Норденильда, профессора А. Вебера и Ѳ. Бретшнейдера. Ученыя предпріятія академіи выразились въ слѣдующемъ. Въ виду отсутствія всесторонняго и въ то же время общедоступнаго описанія растительнаго міра обширныхъ владѣній Россійской имперіи, Его Императорское Величество, по ходатайству главноуправляющаго

Собственно Его Императорскаго Величества канцеляріско гофмейстера А. С. Танѣва, признавъ полезнымъ пополненіе этого пробѣла въ отечественной наукѣ, въ мартѣ минушаго 1900 года Всемилостивѣйше соизволилъ на порученіе покойному академику С. П. Коржинскому составленія труда о флорѣ Россіи и на ассигнованіе изъ собственныхъ суммъ Его Величества потребныхъ для обработки и изданія флоры Сибири, какъ перваго отдѣла флоры Россійской имперіи,—21.000 рублей, съ распределеніемъ этихъ денегъ на четыре года. За кончиною академика С. П. Коржинскаго, собравшаго обширныя для этого труда матеріалы, Государю Императору угодно было возложить составленіе флоры Россіи на академію наукъ съ тѣмъ, чтобы общес наблюденіе за составленіемъ и изданіемъ этого труда было предоставлено гофмейстеру А. С. Танѣву. Находящіеся въ распоряженіи академіи капиталы для раздачи премій въ настоящемъ году увеличились еще однимъ. Академикъ Ѳ. А. Бредихинъ внесъ въ государственныи банкъ капиталъ въ шесть тысячъ двадцать рублей (6.020 рублей) на учрежденіе изъ процентовъ съ него премій имени его супруги Анны Бредихиной за лучшіе труды по строгому механическому изслѣдованію развитія кометныхъ формъ. Въ числѣ ученыхъ предпріятій академіи должно отмѣтить предпринимасмое ею изданіе такъ называемыхъ «Грамотъ бывшей коллегіи экономіи», нынѣ хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ истекающемъ году академія попрежнему принимала участіе въ изданіи «Международной библиографіи». Рядомъ съ этою работою конференція, разсмотрѣвъ заяску Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла, постановила образовать особую комиссію для разработки мѣръ къ регистраціи произведеній печати и правильной доставкѣ ихъ въ бібліотеки. Въ качествѣ члена международной ассоціаціи академіи императорская академія наукъ принимала активное участіе въ разрѣшеніи многихъ научныхъ вопросовъ. Экспедиція по градусному измѣренію Шницбергена окончена и дала блестящіе результаты. Русской полярной экспедиціи для изслѣдованія Земли Санникова и другихъ острововъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Ново-Сибирскаго архипелага, удалось благополучно миновать мысъ Челюскинъ и дойти до района, въ изслѣдованіи котораго заключается главная цѣль экспедиціи. Вспомогательныя учрежденія академіи работали такъ же, какъ и въ прошлыя годы. Азіатскій музей пополнялся покупками и пожертвованіями. Приобрѣтено 25 томовъ мусульманскихъ рукописей Востока. Коллекціи музея по антропологии и этнографіи увеличились между прочимъ Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ Государемъ Императоромъ музею коллекціи рѣдкихъ янтарей, поднесенныхъ Его Величеству проживающимъ въ Кенигсбергѣ профессоромъ Рихардомъ Клебсомъ. Былъ прочитанъ отчетъ по присужденію премій имени Д. К. Ушинскаго. Она присуждена Виктору Анри за его сочиненіе: «Современное состояніе экспериментальной педагогики, ея методы и задачи». Премія выдана въ половиномъ размѣрѣ—400 рублей. Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности былъ прочитанъ академикомъ А. И. Соболевскимъ. Только что основанный разрядъ изящной словесности въ концѣ прошлаго года и въ настоящемъ году, въ первомъ году своего существованія, находился еще въ періодѣ организаціи. Изъ совмѣстныхъ засѣданій разряда и отдѣленія два

были публичныя: одно, посвященное памяти М. П. Погодина, съ чтеніями почетнаго академика А. А. Потѣхина, академикомъ: В. П. Ламаисаго, П. П. Кондакова, А. С. Ланно-Данилевскаго; другое для чествованія А. А. Потѣхина, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, съ чтеніемъ почетнаго академика П. Д. Боборыкина. Два закрытыхъ засѣданія были собраны для присужденія премій имени А. С. Пушкина. Работы по изданію сочиненій новыхъ русскихъ авторовъ въ этомъ году дѣятельно продолжались. Научныя работы академикомъ продолжались непрежнему. Академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ прочелъ обстоятельно составленную и вызвавшую всеобщій интересъ рѣчь объ экспедиціи по градусному замѣренію на островахъ Шницбергена. Почтенный ученый закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Организовали экспедицію 1899—1901 года, Россія внесла крупную лепту въ общую сокровищницу полярныхъ изслѣдованій и восполнила значительный пробѣлъ въ познаніи этихъ острововъ, а тотъ смѣльчакъ, который дойдетъ до русскаго флага, развѣивающагося на одной изъ высшихъ точекъ внутри Шницбергена, лучше всего оцѣнитъ трудности, которыя преодолѣла русская экспедиція, чтобы оправдать довѣріе императорской академіи наукъ и ея августѣйшаго президента». Въ заключеніе были провозглашены имена лицъ, избранныхъ академіей. Званіе почетныхъ членовъ удостоили принять: король Италіи Викторъ-Эммануиль и кронъ-принцъ шведскій Густавъ. Въ почетные члены избраны: Зиновьевъ, П. А. — императорскій посолъ въ Константинополь, Зюевъ, Эд. — президентъ имперско-королевской академіи наукъ въ Вѣнѣ, и профессоръ Берлинскаго университета Шмоллеръ; въ члены-корреспонденты: В. Хѣггинсъ въ Лондонѣ, заслуженный профессоръ А. А. Иностранцевъ, Э. В. Штеллингъ, В. Рамзай — профессоръ химіи въ Лондонскомъ университетѣ, А. Г. Натгореть — членъ шведской академіи наукъ; Павловъ, П. П. — профессоръ императорской военно-медицинской академіи, Навашинъ, С. Г. — профессоръ императорскаго университета св. Владимира, Делажъ, Пьеръ — профессоръ въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, Жюаръ, Альфредъ — членъ французской академіи въ Парижѣ, Карскій, Е. Р. — профессоръ императорскаго Варшавскаго университета, Лихачевъ, Н. П. — докторъ русской исторіи, Милетичъ, Любомиръ — ректоръ и профессоръ Высшей школы въ Софіи, Поливка, Ю. П. — профессоръ Пражскаго университета, Антоновичъ, В. В. — заслуженный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира. Высочайше учрежденная при императорской академіи наукъ постоянная комісія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ отчетномъ 1901 году располагала приблизительно тѣми же средствами, какъ и въ предшествовавшіе годы. Комісія, всегда признававшая одною изъ главныхъ своихъ обязанностей доставленіе нуждающимся писателямъ ередствъ для воспитанія и обученія ихъ дѣтей, считаетъ приятнымъ долгомъ заявить, что въ истекающемъ году А. М. Лохвицкая-Скалонъ предоставила одну ученическую вакансію во вѣранный ей гимназій въ распоряженіе комісіи для замѣщенія этой вакансіи дочерью нуждающагося писателя по выбору и предтактенію комісіи. Въ теченіе отчетнаго года комісія имѣла 23 совѣщанія. Въ нихъ разсмотрѣно 515 ходатайствъ, изъ коихъ удовлетворено 356 и отклонено 155 по отсутствію уважительныхъ

для ихъ удовлетворенія причинъ. Въ отчетномъ году изъ капитала имени Императора Николая II израсходовано 49.773 руб. 59 коп. слѣдующимъ образомъ: а) одновременнохъ пособій выдано 259 лицамъ на сумму 12.706 руб. 92 коп.; б) выдано пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, 90 лицамъ на сумму 17.761 р. в) пенсій имени Императора Николая II, выдано 57 лицамъ на сумму 19.605 руб. 67 коп. Ко дню составленія настоящаго отчета въ капиталъ имени Императора Николая II находится на храненіи въ главномъ казначействѣ остатокъ въ 715 рублей.

Публичное засѣданіе академіи наукъ. Въ больномъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ въ 2 часа дня, въ воскресенье, 9-го декабря, состоялось засѣданіе, посвященное чествованію А. А. Потѣхина по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности. Залъ былъ полонъ. Въ средѣ публики было нѣсколько писателей и много дамъ. Здѣсь были: почетные академики сенаторъ А. Ѳ. Кош и В. Г. Короленко; въ числѣ почетныхъ гостей присутствовали министръ народнаго просвѣщенія, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-пифагтерін, П. С. Вапновскій. За почетнымъ столомъ заняли мѣста вице-президентъ академіи Н. В. Никитинъ, академикъ-предѣлатель словеснаго отдѣленія А. Н. Веселовскій и юбиляръ А. А. Потѣхинъ. Появленіе послѣдняго было встрѣчено всеобщими сочувственными аплодисментами. Академикъ А. Н. Веселовскій сказалъ краткую вступительную рѣчь и затѣмъ на кафедрѣ возшеть почетный академикъ Н. Д. Воборыкинъ и началъ свою рѣчь указаніемъ на то, что у насъ до сихъ поръ не было принято чествовать живыхъ писателей публичными засѣданіями. Въ Западной Европѣ такія публичныя чествованія давно уже вошли въ обычай и служатъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. У насъ и критика не всегда является своевременной цѣлительницей и нерѣдко замалчиваетъ несимпатичныя ей произведенія. Кромѣ того, и долгій срокъ писательской дѣятельности обуславливаетъ и неоднородные по времени и взглядамъ кружки читателей. Вспомнимъ Достоевскаго: онъ достигъ апогея своей славы лишь незадолго до своей смерти, и весь почетъ со стороны публики выразился главнымъ образомъ на его торжественныхъ похоронахъ. Вотъ почему въ настоящее время публичныя чествованія такихъ корифеевъ, которые проработали неустанно въ литературѣ 50 лѣтъ, являются наиболее умѣтными. А. А. Потѣхинъ выступилъ на литературное поприще въ десятилѣтіе, прославившеся, какъ моментъ оживленія мысли. Онъ былъ пятидесятикомъ. Правда, это до сихъ поръ незаконный терминъ. Есть люди сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и десятилѣтія тридцатое и пятидесятое почему-то пропущены. Но на законности ихъ существованія настаивать необходимо, такъ эти два позабытыя десятилѣтія подготавливали людей 40-хъ и 60-хъ годовъ. Въ 30-хъ годахъ жили и работали поборники философіи, европейской поэзіи, культурно-историческаго развитія, критики и общественной мысли. То же было и въ 50-хъ годахъ (Островскій, Салтыковъ, Писемскій, Андѣевъ, Аполлонъ Григорьевъ и А. А. Потѣхинъ). Юбиляръ началъ свою дѣятельность среди кружка молодой редакціи «Москвитянина». Онъ получилъ художественно-литературное воспитаніе и принялъ и проводить въ литературу обновленные завѣты Пушкина, являясь неотомимымъ изслѣдователемъ народнаго быта и народной

жизни. А. А. Потѣхинъ выступилъ впервые, какъ драматургъ, и вынесъ на свѣтъ Божій чисто народныя темы. Нужно замѣтить, что такое теченіе обнаружилось въ это же почти время и въ Европѣ: во Франціи, Германіи и Австріи. Это направленіе А. А. Потѣхина составляетъ первую и наиболѣе юную половину его драматическаго творчества. Скоро настала эпоха реформъ, выразившаяся въ пробужденіи общественной мысли и упованій, и она нашла въ А. А. Потѣхинѣ драматурга, откликнувагося горячо на ся теченіе и вѣяніе. Слѣдующія его драматическія произведенія были основаны на темахъ, взятыхъ изъ общественной жизни. Эти темы были навѣяны запросами самой жизни, но драмы ставились тогда на сцену съ большимъ трудомъ. Автору приходилось выносить страшную борьбу съ господствовавшими въ тѣ времена порядками. Его драмы либо вовсе не попадали на сцену, либо попадали, но снимались. Это было какое-то запретительное время, а между тѣмъ такая драма, какъ «Отрѣзанный ломоть», считавшаяся неудобной и состоявшая подъ запретомъ, нынѣ вызываетъ въ зрителѣ только добродушную улыбку. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но авторъ остался вѣренъ, какъ драматургъ, прежнимъ завѣтамъ: онъ остался вѣренъ постоянному искаженію реальной правды. А. А. Потѣхинъ, уставъ бороться съ тяжелыми порядками прежняго театра, выступилъ, какъ романистъ. Въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ этого рода онъ выступаетъ, какъ реалистъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не уменьшаетъ и не преувеличиваетъ ничего. Онъ вѣренъ одной правдѣ. Его герои типичны. Онъ живо описываетъ захудалое дворянство, которое въ наши дни осталось живо такъ же, какъ и прежде, но только измѣнило свою форму, выродившись въ умственный пролетаріатъ. Авторъ выступилъ, какъ бытописатель, какъ убѣжденный реалистъ и какъ человѣкъ, хлопочущій только о томъ, чтобы герои его были типичны. Въ своихъ повѣствовательныхъ произведеніяхъ онъ сохранилъ самую любовную связь съ крестьянскимъ бытомъ и самое теплое отношеніе къ народу вообще. Въ нашей беллетристикѣ за послѣднюю четверть XIX столѣтія въ лицѣ «народничества» явилось особое отношеніе къ изображенію народно-сельской жизни. Оно носило особый оттѣнокъ въ формѣ протеста. Гл. Успенскій, Златовратскій, Писемскій, графъ Л. Толстой и Чеховъ тоже изображали и изображаютъ народную среду, но у нихъ, если откинуть всю поэтическую сторону, останутся лишь безотрадные типы крестьянства, особенно въ «Мужикахъ» Чехова. Послѣдняя вещь захватила читающую публику своимъ пессимизмомъ и односторонностью. Чеховъ обобщилъ и спустилъ крики, но онъ не долженъ былъ переносить ихъ на русскій народъ въ его цѣломъ. А. А. Потѣхинъ никогда въ своихъ произведеніяхъ не открывалъ въ народѣ его неизлѣчимыхъ болячекъ и не писалъ объ озгѣбленіи и вырожденіи крестьянина. Онъ всегда сочувственно относился и къ народнымъ устоямъ, вѣрилъ и вѣритъ въ народъ, въ его самобытность и въ то, что онъ исторически выработалъ и свой бытъ, и виды существованія, и управление. Автору нельзя ставить въ упрекъ того, что онъ не писалъ о народной нуждѣ. Въ своихъ романахъ онъ относился къ крестьянину съ художественной чуткостью и сохранилъ спокойное, здоровое отношеніе къ народу. Его повѣствовательныя произведенія не утратили своего значенія и теперь. Не менѣе крупныя заслуги

А. А. Потѣхинъ оказалъ обществу, и какъ человѣкъ дѣла въ области сценическаго искусства. Онъ былъ крупнымъ дѣятелемъ въ театральной реформѣ восьмидесятыхъ годовъ. Онъ изгналъ изъ театра рутину и чиновничество, выдвинувъ на первое мѣсто значеніе и трудъ интеллигентныхъ людей. Онъ выступилъ поборникомъ свободныхъ, частныхъ театровъ и содѣйствовалъ закрѣпленію новаго режима. Онъ вдохнулъ новый духъ и въ репертуаръ и въ сценическихъ дѣятелей, и благодаря ему, въ театральной сферѣ повѣяло теплотой и жизнью. Ему обязана театральная реформа уничтоженіемъ исключительныхъ привилегій казеннаго театра. Авторы нынѣ ему же обязаны поднятіемъ авторскаго гоноража. Благодаря ему, театры обновились. Рѣчь П. Д. Воборыкина была покрыта аллюзиями. По окончаніи ея А. А. Потѣхинъ сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, и затѣмъ послѣдовала со стороны публики сочувственная овація юбиляру.

Чествованіе В. О. Ключевского. Послѣ описанныхъ уже въ «Историческомъ Вѣстникѣ» чествованій юбиляра В. О. Ключевского, въ Москвѣ, 23-го декабря происходило чествованіе юбиляра представителями другихъ учрежденій, въ дѣятельности которыхъ онъ принималъ участіе, и его почитателями. Во вторюю часть дня въ квартирѣ юбиляра собрались депутаціи отъ Александровскаго военного училища, отъ археологическаго, психологическаго и педагогическаго обществъ, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ журнала «Русская Мысль» и отъ женщинъ-почитательницъ. Первый привѣтственный адресъ прочиталъ полковникъ Н. И. Сперанскій отъ Александровскаго училища слѣдующаго содержанія: «Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ! Сердечно привѣтствуя васъ въ знаменательную тридцатую годовщину вашей высоко плодотворной ученой и учебной дѣятельности на пользу родины, Александровское военное училище съ гордостью воспоминаетъ, что за этотъ продолжительный періодъ вы находили возможнымъ непрерывно въ теченіе 16-ти лѣтъ (1867 — 1883) удѣлять часть своего драгоцѣннаго труда и времени на чтеніе лекцій въ училищѣ. Но еще большую гордость испытываемъ мы при мысли о томъ, что вы, незабвенный учитель, впервые приложили обширныя силы своего гениальнаго дарованія въ нашемъ училищѣ. Вашимъ старымъ слушателямъ невыразимо отрадно вспомнить, какъ вмѣстѣ съ молодымъ преподавателемъ они переживали новыя приемы и методы популяризаціи исторической науки и съ захватывающимъ вниманіемъ и истиннымъ наслажденіемъ слушали параллельный курсъ новѣйшей русской и всеобщей исторіи, забывая ученымъ предразсудокъ, что новѣйшая исторія не можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Въ специальномъ учебномъ заведеніи, гдѣ большая часть силъ отдается на изученіе наукъ, имѣющихъ цѣлью подготовить отечеству защитниковъ отечества, впервые въ Россіи излагались событія XIX вѣка до конца царствованія императора Александра II съ такою глубокою основательностью и воспитательнымъ значеніемъ, которыя оказывали неотразимое вліяніе на все міросозерцаніе слушателей. Ваши неподражаемыя лекціи не только давали знаніе, но развивали передъ восхищенными слушателями истинный смыслъ протекшей жизни нашего отечества и вливали живую душу въ наши спеціальныя занятія, получавшія вслѣдствіе этого смыслъ и высшее значеніе. Глубоко благодарное вамъ

училище счастливо тѣмъ, что можетъ присоединиться ко всей читающей и мыслящей Россіи въ выраженіи вамъ, дорогой учитель, своей пламенной признательности за то духовное наслажденіе, которое вы доставляли и, — будемъ надѣяться, — еще много лѣтъ будете доставлять ванше высокоталантливою просвѣдительною дѣятельностью. Да продлитъ Провидѣніе вашу дорогую жизнь на пользу и благо науки и родины!». С. П. Моравскій привѣтствовалъ юбиляра адресомъ отъ отдѣленія преподавателей исторіи Московскаго педагогическаго общества. «Вы воспитали цѣлый рядъ поколѣній учителей исторіи. — говорилось въ этомъ адресѣ, — и эти учителя, разсѣянные по всей Россіи, продолжаютъ въ средней школѣ, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, то дѣло, которому и вы съ такимъ блестящимъ успѣхомъ служите въ университетѣ. — дѣло распространенія научнаго знанія о нашемъ родномъ прошломъ. Ваши лекціи и занятія подъ вашимъ руководствомъ на семинаріяхъ развили въ нихъ живое интересъ къ русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ привычку критически относиться къ ходячимъ преданіямъ о ней: слушая и читая васъ, они прониклись глубокимъ уваженіемъ къ силѣ научнаго изслѣдованія. — съ такимъ талантомъ и искусствомъ производимаго вами надъ матеріаломъ русской исторіи. Но не только научную школу и воспитаніе получили они у васъ: этимъ учителямъ, черезъ руки которыхъ прошла уже не одна сотня тысячъ учениковъ, вы дали своими лекціями неподржаемые образцы педагогической обработки добытаго наукой матеріала. Ваши схемы, поражающія своей стройностью и ясностью, схемы, въ которыя вы съ изумительнымъ искусствомъ умѣете вложить самыя сложныя и извилистыя процессы историческаго развитія; ваши картины прошлаго, величественныя и яркія, набросанныя рукой истиннаго художника, ваши тонкій психологическій анализъ и блестящія характеристики личностей, выступающихъ на сценѣ русской исторіи; наконецъ, сверкающее остроуміемъ и мѣткими опредѣленіями изложеніе. — все это верхи педагогическаго мастерства, обаянію котораго невольно подпадетъ всякій, кто васъ слышалъ и даже только читалъ. И это обаяніе останется на всю жизнь и отражается на всемъ преподаваніи многочисленныхъ вашихъ учениковъ. Учителей исторіи, — такъ какъ тотъ, кто учился у Ключевскаго, не можетъ уже не учить «по Ключевскому». Такимъ образомъ въ теченіе 30-ти лѣтъ своего профессорства вы больше, чѣмъ кто нибудь способствовали поднятію уровня преподаванія исторіи въ средней школѣ, хотя сами почти и не работали непосредственно на этомъ поприщѣ. Большое вамъ за это спасибо, Василій Осиповичъ, отъ отдѣленія преподавателей исторіи московскаго педагогическаго общества, наполовину, если не больше, состоящаго изъ вашихъ учениковъ». А. Ф. Пупышева привѣтствовала В. О. отъ женщинъ-почитательницъ слѣдующимъ адресомъ: «Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ. Москва особенно счастлива тѣмъ, что въ теченіе полусюлѣтія два профессора Московскаго университета привили русской учащейся женщинѣ любовь къ исторической наукѣ: это — Т. Н. Грановскій и В. О. Ключевскій. Публичныя лекціи Грановскаго увлекали въ обширную область міровой исторіи, ваши же публичныя лекціи, статьи въ журналахъ и изслѣдованія вводили насъ въ глубь пониманія русской жизни. Забытая изобрѣтеніе Іоанна Гутенберга, въ рукописныхъ и литографирован-

ныхъ листахъ мы черпали наши мысли о прошлой жизни нашего народа, въ то время какъ вы сами извлекали историческій матеріалъ изъ хартій далекаго прошлаго. Ваше могучее слово, заброшенное въ нашу душу, даже при случайныхъ публичныхъ лекціяхъ, будило постоянный интересъ и живую потребность къ изученію родной исторіи. Достигая высокаго творчества въ раскрытіи историческаго процесса и созданіи историческихъ характеристикъ и лицъ, вы, какъ старый книжникъ-чародѣй, дѣлали нашей родной стихіей доселѣ чуждую и мало интересную для насъ область отечественной исторіи. Своими «добрыми людьми» вы возстановили привлекательный образъ русской женщины XVII вѣка, а историческими комментаріями къ «Каштанской дочкѣ» освѣтили лучшія черты русской женщины XVIII вѣка. Необыкновенно приятно напомнить вамъ, что когда едва пробуждалось сознаніе необходимости высшаго женскаго образованія для русской женщины, вы стояли впереди немногихъ представителей русской науки и мысли и наборникомъ этого дорогого для насъ принципа. Мы въ правѣ выразить вамъ самое задушевное и искреннее пожеланіе еще долго будить общественную мысль и служить великому дѣлу развитія нашего самосознанія». Ю. В. Готье сказалъ привѣтствіе отъ императорскаго московскаго археологическаго общества и отъ предсѣдателя общества графини П. С. Уваровой. Отъ московскаго психологическаго общества привѣтствовалъ В. О. предсѣдатель, проф. Л. М. Лопатинъ, высказавшій, что въ историческихъ статьяхъ, монографіяхъ и высоко-художественныхъ лекціяхъ юбиляра прежде всего поражаетъ оригинальностью, тонкостью и глубиною его психологическій анализъ. При объясненіи отдѣльных историческихъ явленій, онъ не только останавливается на общей ихъ характеристикѣ, но выдвигаетъ психическую сторону дѣятелей, человѣческія страсти, вѣрованія, — то, что составляетъ достоинство людей и что является выраженіемъ ихъ слабости, — определяя такимъ образомъ значеніе и дѣлу человѣка въ исторіи. Поэтому психологическое общество привѣтствуетъ юбиляра, какъ одного изъ самыхъ глубокихъ, тонкихъ и оригинальныхъ психологовъ въ Россіи. Товарищъ предсѣдателя психологическаго общества, князь С. Н. Трубецкой, привѣтствовалъ В. О. отъ журнала «Вопросы Психологіи и Философіи», не только какъ сотрудника, но и какъ мыслителя, раскрывавшаго въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ смыслъ историческаго процесса, который онъ объяснялъ, и какъ историкъ, и какъ психологъ, и быть «для насъ учителемъ, какъ исторіи, такъ и психологіи». Отъ бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ В. О. привѣтствовала О. А. Гракова, отмѣтившая, что знакомство съ курсами В. О. вносило богатый вкладъ въ міросозерцаніе его слушательницъ, которыя гордились и гордятся тѣмъ, что были его ученицами, и отъ всей души желаютъ, чтобы русская женщина долго могла учиться у него и слушать его. Отъ преподавателей высшихъ женскихъ курсовъ проф. В. И. Герье прочиталъ адресъ слѣдующаго содержанія: «Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда подготовлялось учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ, перваго расадника для научнаго образованія русскихъ женщинъ съ систематическимъ планомъ и определенной программой, вы охотно дали свое согласіе вступить въ число преподавателей открываемыхъ курсовъ. Будущее ихъ было темно, и нельзя было предвидѣть, какъ отнесется

русская женщина къ задуманному намъ дѣлу, но вы вѣрили въ серьезность стремленія русской женщины къ наукѣ, и въ теченіе 16-ти лѣтъ оставались неизмѣнно вѣрными высшимъ женскимъ курсамъ до самаго ихъ прекращенія; вы ихъ не оставили и тогда, когда Московскій университетъ избралъ насъ профессоромъ, и когда ваши преподавательскія занятія и заботы утроились. Ваши лекціи на курсахъ привлекали многочисленныхъ слушательницъ, и вы много содѣйствовали усиѣху женскихъ курсовъ среди русскаго общества и сознанію въ немъ необходимости такого высшаго научно-образовательнаго учрежденія. Вспоминая теперь о нашей многолѣтней связѣстной дѣятельности, мы просимъ васъ принять нашъ привѣтъ и наши пожеланія, чтобы вы и впредь съ такимъ же сочувствіемъ относились къ все возрастающей потребности русской женщины въ научномъ образованіи». В. А. Гольцевъ сказалъ привѣтствіе отъ редакціи журнала «Русская Мысль», первая книга котораго въ первый годъ изданія была украшена статьей В. О., помѣстившаго затѣмъ въ журналъ цѣлый рядъ своихъ художественныхъ историческихъ очерковъ и характеристикъ. На каждое привѣтствіе юбиляръ, принося благодарность за оказанное ему вниманіе, отвѣчалъ краткой рѣчью, въ которой, вспоминая о своей дѣятельности въ томъ или другомъ учрежденіи, находилъ ее крайне скромной, а результаты ея незначительными или даже ничтожными. Между прочимъ на адресъ женщинъ-почитательницъ В. О. отвѣтилъ: «Я привыкъ думать, что русской женщиной доступны всѣ области знанія, что нѣтъ умственной высоты, — о нравственной ея доблести и говорить нечего, такъ какъ она всѣми признается, — когда либо достигнутой мужчиною, до которой не могла бы подняться женщина. Если бы кто отнял у меня это убѣжденіе, оно превратилось бы въ вѣрованіе». На адресъ отъ преподавателей высшихъ женскихъ курсовъ юбиляръ отвѣтилъ В. И. Герье: «Вспоминая о преподавателяхъ на курсахъ, моихъ бывшихъ товарищахъ, мысль моя невольно останавливается на васъ. Я высказалъ удивленіе предъ той вѣрой, съ которой принялись вы за это трудное и неиспытанное еще дѣло — руководство высшимъ женскимъ образованіемъ. Теперь на новыхъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ вами послѣ упраздненія прежнихъ, вы встрѣчаете дочерей прежнихъ вашихъ слушательницъ. На вашихъ глазахъ произошла смѣна поколѣній, измѣнилось многое въ жизни, поколебались общественныя вѣрованія и надежды, только вы остались неизмѣнны. Вы сохранили прежнюю твердую вѣру въ усиѣхъ женскаго образованія, и я убѣжденъ, что съ этой вѣрой вы не разстанетесь, и не ослабѣетъ ваша энергія въ веденіи нашего излюбленнаго дѣла. Желаю вамъ полнаго усиѣха въ руководствѣ новыми женскими курсами». В. И. Герье выразилъ надежду, что юбиляръ вновь будетъ преподавателемъ на высшихъ женскихъ курсахъ. По окончаніи привѣтствій В. О. Ключевскій еще разъ благодарилъ поздравляющихъ его лицъ за то, что они доставили ему удовольствіе подумать и убѣдиться, что за свои 30 лѣтъ преподавательской работы онъ, должно быть, сдѣлалъ кое-что небезполезное. Вечеромъ, послѣ засѣданія психологическаго общества, группа членовъ общества, во главѣ съ предсѣдателемъ и товарищемъ предсѣдателя, нѣкоторые изъ профессоровъ университета и бывшіе ученики юбиляра дали въ честь его ужинъ въ ресторанѣ Тѣстова.

Диспутъ В. М. Грибовскаго. 16-го декабря, въ актовомъ залѣ университета состоялась защита диссертациі — «Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй», припатъ-доцентомъ, магистромъ В. М. Грибовскимъ, на степенъ доктора государственнаго права. В. М. Грибовскій родился въ 1868 году, окончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1891 году и былъ командированъ за границу, въ 1897 году защитилъ магистерскую диссертацию: «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ». Кромѣ этого труда, имъ напечатаны рядъ очерковъ, какъ историческихъ, такъ и безысторическаго содержанія. Въ вступительной рѣчи къ настоящей диссертациі В. М. Грибовскій указалъ на то, что установленіе высшаго суда, т.-е. сената, въ Россіи есть интереснѣйшій моментъ русскаго права, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, исторія сената восемнадцатаго столѣтія до сихъ поръ еще не разработана въ большей своей части, а екатерининская его эпоха почти не тронута изслѣдователями, между тѣмъ екатерининская эпоха является переломомъ въ исторіи сената. Затѣмъ диссертантъ изложилъ слѣдующія положенія. 1) Первый толчекъ къ установленію въ Россіи систематическаго организованнаго подчиненнаго высшаго суда и надзора былъ данъ Петромъ Великимъ, создавшимъ сенатъ, фискалатъ и прокуратуру. 2) Преемники Петра вплоть до Екатерины Великой отнеслись къ его начинаніямъ въ отношеніи высшаго суда и надзора по большей части безразлично, вслѣдствіе чего Екатерины пришлось все начинать какъ бы сызнова. 3) Воцареніе Екатерины застало Россію изнемогавшей подъ бременемъ административнаго произвола и судейской неправды. 4) Эти застарѣлые пороки тогдашняго государственнаго порядка требовали коренныхъ преобразованій, что сознавалось Екатериной. 5) Сенатъ въ этомъ дѣлѣ не могъ быть императрицѣ настоящимъ помощникомъ, такъ какъ былъ зараженъ старыми взглядами на права и обязанности должностныхъ лицъ и учреждений. 6) Свои государственныя реформы, направленные къ достиженію искорененія произвола и неправды, императрица начала съ головы — съ сената, подвергнувъ его дѣленію на департаменты. 7) Значеніе сенатской реформы заключалось въ обращеніи сената изъ высшаго правительственнаго и фактически законодательнаго въ высшее контрольное и судебное учрежденіе. 8) Реформой губернскихъ учреждений косвенно была произведена дальнѣйшая реформа сената, такъ какъ установленіе института генераль-губернаторства фактически изымало надзоръ изъ рукъ сената и передавало его намѣстникамъ. Официальными опонентами диспутанта выступили профессора В. Н. Латкинъ и М. П. Горчаковъ. Первый, сдѣлавъ возраженія противъ нѣкоторыхъ положеній автора и находя ихъ не совсемъ обоснованными, призналъ, что представленный трудъ есть цѣнное изслѣдованіе екатерининскаго сената, при томъ первое серьезное и основанное на солидныхъ данныхъ; особенно въ немъ хорошо разобраны ревизіонныя и апелляціонныя функціи сената и разрѣшенъ запутанный вопросъ о протоколахъ и журналахъ сената. М. П. Горчаковъ, приведя общія возраженія, также указалъ на большія достоинства работы. Неофициально возражалъ Н. Д. Чечулинъ. По защитѣ положеній В. М. Грибовскій былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Историческое общество въ Москвѣ. 2-го декабря, въ засѣданіи общества, профессоръ В. М. Хвостовъ сообщилъ рефератъ, представляющій характеристику новаго труда по критикѣ римской традиціи, принадлежащаго перу итальянскаго ученаго, бывшаго профессора Пизанскаго, а нынѣ неаполитанскаго университета, Ректора Пайса и озаглавленный *Storia di Roma*. Сочиненіе Г. Пайса, заключающее въ себѣ около 700 страницъ убористаго шрифта, обнимаетъ исторію Рима отъ самаго его основанія до 36 года до Р. Х. и имѣетъ чисто критическій характеръ ея древнѣйшихъ первоисточниковъ: Ливія, Діонисія, Діодора и другихъ. Авторъ скептически относится къ легендарному сказанію о происхожденіи римлянъ отъ грека Энея, утверждаетъ, что *Fasti* и *Annales Maximae*, погибшіе въ первоначальныхъ подлинникахъ во время пожара Рима, впоследствии подверглись значительной фальсификаціи, что первое солнечное затменіе, записанное съ такою подробностью у римскихъ историковъ подъ датой 6 мая 204 года, скорѣе можно отнести къ 404 году до Р. Х., не придаютъ никакой вѣры повѣствованіямъ о войнѣ римлянъ съ латинами и гегемоніи первыхъ надъ послѣдними, о владычествѣ этрусковъ надъ римлянами, о вторженіи въ Лаціумъ сабиновъ, вытѣсненныхъ въ свою очередь этрусковъ, а также легендамъ о Сервіи Туллинѣ, Тарквиніяхъ, о Нумѣ и о другихъ 7 римскихъ царяхъ, отождествляя ихъ съ 7-ю богами, сгнганувшимися у римлянъ кровогителями 7 холмовъ, на которыхъ стоялъ древній Римъ и, наконецъ, относитъ основаніе Вѣчнаго города къ 1-й половинѣ V столѣтія. И во внутреннемъ устройствѣ Римскаго государства, по мнѣнію профессора Г. Пайса, есть много вымысловъ позднѣйшихъ временъ, такъ, напримеръ: происхожденіе законовъ Лициніевыхъ и XII таблицъ, рабская подчиненность женъ мужьямъ и, освященный закономъ, обычай покидать мужа только на 3 дня въ году для посѣщенія родительскаго дома, эмансипація сыновей и освобожденіе ихъ отъ правъ отца болѣе 3-хъ разъ продавать въ кабалу, отсутствіе въ домашнемъ быту римской чеканной монеты во времена децемвирата и прочее. Изложивъ методологическую и историографическую части сочиненія профессора Г. Пайса и замѣтивъ, что авторъ почти все событія V вѣка Римской исторіи считаетъ удвоеніемъ событий IV вѣка, докладчикъ въ окончательныхъ выводахъ, изложенныхъ во второй части сообщенія, признавая громадный интересъ по замѣчательной научной эрудиціи за трудомъ профессора Г. Пайса не только въ филологическомъ, но и въ юридическомъ отношеніи, указалъ также и на нѣкоторую неубѣдительность его доводовъ и злоупотребленіе методомъ ученаго скептицизма, склоняясь отчасти къ мнѣнію лонскаго профессора Ламбера, объясняющаго многое въ воззрѣніяхъ профессора Г. Пайса недоразумѣніями.

С.-Петербургское археологическое общество. I. Засѣданіе русскаго отдѣленія, подъ предѣлательствомъ профессора С. Θ. Платонова, происходило 4-го декабря. Результаты раскопокъ, исполненныхъ лѣтомъ 1901 года по порученію общества В. Н. Глазовымъ, послужили послѣдней темою его доклада. Научный итогъ работы подведенъ былъ А. А. Сидичевымъ. Исследования въ Великолуцкомъ и Холмскомъ уѣздахъ Псковской губ. дали нѣсколько новыхъ подробностей погребальнаго ритуала. Предметовъ найдено сравнительно мало,

как и вообще это наблюдается въ сѣверныхъ курганахъ. Цѣлая группа ихъ, взявшая немало времени у изслѣдователя, въ результатѣ дала лишь слѣды зольной прослойки, указывающей на обрядъ трупосожженія. Цѣль предметовъ, найденныхъ въ другихъ курганахъ, обращаютъ вниманіе высочныя кольца, особой формы, составляющія переходъ къ тѣмъ серьгамъ, монеты арабскія, англо-саксонскія и прочее. Древность погребеній не заходитъ далѣе XI вѣка, новѣйшія относятся къ XV столѣтію. Жальники (низкія насыпи) XII—XIV столѣтій не могли быть изслѣдованы, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ распаханы и сложены съ поверхностью земли. И курганы иногда подвергаются той же участи: крестьяне подкапываютъ ихъ сначала, придавая форму гриба, остальную работу доканчиваетъ постепенное обваливаніе кургана подъ вліяніемъ вѣтра. Особый видъ продолговатыхъ насыпей слыветъ у крестьянъ подъ характернымъ названіемъ «пирогъ». Всего раскопано В. П. Глазовымъ до 60 кургановъ; отдѣленіе отмѣтило серьезное отношеніе изслѣдователя къ порученнымъ ему работамъ. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе объ областномъ ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ, указавъ между прочимъ его положительныя стороны, способствовавшія несомнѣнному успѣху съѣзда. Профессоръ С. М. Середонинъ доложилъ результаты изслѣдованія г. Гацинтова о Великомъ Устюгѣ въ XVII столѣтіи. Докладъ рисуетъ намъ Устюгъ въ пору его расцвѣта; городъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Московской Руси, весьма значительно его торговое и въ особенности промышленное значеніе. Слесарныя издѣлія здѣсь и до сихъ поръ отличаются необыкновенной тонкостью отдѣлки. Докладъ И. Н. Холодняка о крестѣ XIV вѣка, хранящемся въ сараѣ при Нарвскомъ соборѣ, и заявленіе Д. Ѳ. Щеглова о муромскомъ камнѣ съ надписью вызвали постановленіе отдѣленія о принятіи мѣръ къ охраненію этихъ двухъ памятниковъ. II. Засѣданіе русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова происходило 18-го декабря. Живой интересъ возбудилъ докладъ А. А. Спицына: «О постепенной сѣбѣи культуръ на сѣверо-востокѣ Россіи». Множество имѣющагося уже сырого археологическаго матеріала, добытаго и добываемаго путемъ раскопокъ, даетъ въ настоящее время возможность прійти къ нѣкоторымъ научнымъ выводамъ и заключеніямъ. Это и сдѣлано было докладчикомъ по отношенію къ сѣверо-востоку Россіи. Рѣзко различающіеся типы находокъ дѣлятъ на 6 культурныхъ періодовъ жизни населенія въ теченіе I—XIV вѣковъ нашей эры. Оригинальная, специально проявившаяся около Р. Х. на русскои территоріи культура мѣднаго вѣка сѣмляется культурою, характеризуемой находками извѣстнаго Ананьевскаго могильника: склѣпными книжками, кривыми ножами, бляхами съ изображеніями волка, оленя и прочее. Культура эта имѣетъ отношеніе къ племенн роксолановъ и существовала не ранѣе I—II вѣковъ по Р. Х. Передвиженіе народовъ отрѣзало сѣверо-востокъ Россіи отъ сосѣднихъ культурныхъ вліяній. III—VI вѣка представляютъ характерныя древности мѣстной культуры. Центръ ея на Оби, за Ураломъ. Съ VII вѣка появленіе болгаръ вноситъ совершенно новыя культурныя формы. Торговый центръ переносится съ Оби на Каму. Подѣлки Востока и Кавказа, характерныя для этого времени, привозились къ намъ болгарскими купцами въ обмѣнъ на мѣха и рабовъ. VIII —

IX вѣка — первый періодъ арабской культуры; въ XI вѣкѣ вліяніе ея ослабѣваетъ, въ предметахъ этой эпохи проявляется уже замѣтно русскій элементъ. XIII — XIV вѣка также представляютъ яркія особенности культуры. Такимъ образомъ выводы А. А. Спицына имѣютъ большое значеніе для установленія хронологіи новыхъ археологическихъ находокъ. Второй докладчикъ В. Р. Апухтинъ сообщилъ о раскопкахъ лѣтомъ 1901 года въ Орловской губ. Курганы и городище, изслѣдованные имъ, относятся къ VIII—X столѣтіямъ и принадлежатъ, повидимому, племени вятичей. Въ члены совѣта общества отъ отдѣленія избранъ единогласно профессоръ Н. П. Веселовскій. III. Засѣданіе восточнаго отдѣленія происходило 20-го декабря подъ предѣлательствомъ барона В. Р. Розена. Чигантъ и утверждень отчета о дѣятельности отдѣленія за 1900 годъ. Въ секретари отдѣленія избранъ на новый срокъ С. Ф. Ольденбургъ. В. В. Бартольдъ избранъ въ предварительный комитетъ для подготовительныхъ работъ къ международному конгрессу ориенталистовъ. Затѣмъ слѣдовалъ интересный докладъ П. М. Меліоранскаго — «Матеріалы къ лексикографіи Слова о полку Игоревѣ». Докладчикъ выяснилъ вліяніе турецкаго и другихъ восточныхъ языковъ на образованіе нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ немъ словъ. Такъ «болыагъ», по мнѣнію референта, имѣетъ свое происхожденіе отъ турецко-орхонскаго слова «балбалъ», что значитъ столбъ съ утолщеніемъ на верху, грубо исполненное изображеніе челоуѣка, баба (статуя) на курганѣ и прочее. «Быля», «быль», въ значеніи вельможа, боярина, заимствовано непосредственно изъ турецкаго языка; слово «Ваянъ» референтъ признаетъ собственнымъ именемъ итѣвца; этимологическое значеніе этого слова: мудрый, ловкій и прочее. Жемчугъ—турецкое слово. Сыръ-Дарья въ древности носила названіе «Жемчужной рѣки». Кошечъ—это рабъ, слуга изъ племени кочевыхъ турокъ. Сначала это названіе носили молодые невольники, впоследствии—все невольники. «Шереширъ»—предметъ въ родѣ метательнаго снаряда съ взрывчатыми веществами, которыя были извѣстны и до изобрѣтенія пороха.

Археологическая коммиссія археологическаго общества въ Москвѣ. Въ засѣданіи коммисіи приватъ-доцентъ Московскаго университета Ю. В. Готье прочелъ докладъ: Изъ очерка исторіи хозяйственныхъ описаній Московскаго уѣзда въ XVI и XVII вѣкѣ. Первые извѣстія о писцовыхъ книгахъ Московскаго уѣзда относятся къ началу XVI вѣка; однако, все раннія описанія 1550 — 1551 гг., стоявшія въ связи съ работою Стоглаваго собора и реформой сошнаго нисьма, утрачены и даже не служили основаніемъ для позднѣйшихъ описаній. По изслѣдованіямъ докладчика, самая старая изъ дошедшихъ до насъ книгъ относится къ 1573 — 1574 г.: это отрывокъ книги, обнимающей описаніе помѣстныхъ земель въ нѣсколькихъ подмосковныхъ станахъ; подобный же характеръ отрывка носить и слѣдующая по времени сохранившаяся книга 1576—1578 годовъ; отъ 80-хъ годовъ XVI вѣка сохранилась также часть описаній Хлопова, обнимающая сѣверо-западную часть уѣзда. Какъ эта книга, такъ и слѣдующее за ней описаніе земель Троицкаго монастыря 1592 — 1593 гг. представляетъ наиболѣе интересныя описанія XVI вѣка. Все книги XVI вѣка сохранились не въ бѣловыхъ подлинникахъ, а въ видѣ какихъ-то черновыхъ списковъ, которымъ скрѣпами дяковъ 20 -- 30

годы XVII вѣка были приданы характеръ официальныхъ документовъ. Отъ многочисленныхъ описаній десятихъ годовъ XVII вѣка сохранилась только дозорная книга земель Свято-Троицкаго монастыря, представляющая особый интересъ потому, что характеризуетъ хозяйственное положеніе троицкихъ вотчинъ тотчасъ же послѣ смутнаго времени. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка Московскій уѣздъ былъ раздѣленъ для описи на три участка; всѣ книги этого времени, относящіяся къ генеральному описанію уѣзда, до насъ сохранились частью въ подлинникахъ, частью въ видѣ копій, снятыхъ еще въ XVII вѣкѣ для надобности приказа. Указъ 1628 года о продажѣ порожнихъ земель въ вотчинамъ служилымъ людямъ вызвалъ составленіе нѣсколькихъ новыхъ писцовыхъ книгъ, описывавшихъ продаваемые порожніе участки. Дѣленіе уѣзда на 3 участка въ эпоху переписей 1646 и 1678 гг. исчезаетъ, но сохраняется раздѣленіе уѣзда на половину: Зарѣчную и Замосковскую. Памятниками переписей являются двѣ книги 1646 года и четыре книги 1678 года; послѣднее составленіе послѣднихъ было причиной нареканій на переписчиковъ, повлекшихъ за собою цѣлое судебное дѣло. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія правительствомъ нѣсколько разъ пыталось осуществить второе валовое писъмо, которое должно было замѣнить устарѣвшія книги 1620 годовъ. Наиболѣе характерною чертой описаній этого времени является фактъ того большого значенія, какое придавалось межеванію земель; отъ этой эпохи до насъ дошли главнымъ образомъ именно межевыя книги; писцовыхъ книгъ собственно немного; всѣ онѣ носятъ совершенно отрывочный характеръ и сохранились въ официальныхъ современныхъ валовому писъму, подлинникахъ. Валовое же писъмо, нѣсколько разъ возобновлявшееся въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка, не было доведено до конца; оно было окончательно оставлено по указу 10-го августа 1686 года.

Кавказское отдѣленіе Императорскаго Московскаго археологическаго общества. 21-го октября прошлаго года въ Тифлисѣ состоялось подѣ председательствомъ графини П. С. Уваровой (председателя Московскаго археологическаго общества) открытіе занятій Кавказскаго отдѣленія Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Это отдѣленіе возникло, благодаря ходатайству мѣстныхъ археологовъ и любителей старины, обратившихся за содѣйствіемъ къ графинѣ П. С. Уваровой, во время ея пребыванія въ Тифлисѣ (весною прошлаго года), гдѣ она занималась описаніемъ археологическихъ коллекцій мѣстнаго Кавказскаго музея. Кавказское отдѣленіе, такимъ образомъ, представляетъ собою мѣстное археологическое общество, являясь какъ бы на сѣбѣ нѣкогда дѣйствовавшего въ Тифлисѣ общества любителей кавказской археологій. Будучи отдѣленіемъ Московскаго археологическаго общества, оно предназначается, какъ гласитъ § 1 его устава, «для успѣшнѣйшаго содѣйствія цѣлямъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества». Слѣдуя указаніямъ Московскаго общества, Кавказское отдѣленіе занимается изученіемъ мѣстныхъ древностей, не только собирая свѣдѣнія о памятникахъ мѣстной старины, производя археологическія изслѣдованія, собирая предметы древности (рукописи и т. д.), но и заботясь о сохраненіи самихъ памятниковъ. Между прочимъ въ сферу дѣятельности отдѣленія входитъ наблюденіе о правильной реставраціи и поддержаніи

древнихъ храмовъ и другихъ сооружений, подобно тому какъ объ этомъ печется коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ (при Московскомъ археологическомъ обществѣ). Присутствовавшая на первыхъ засѣданіяхъ Кавказскаго отдѣленія (предсѣдателемъ котораго избранъ окружной инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа г. Лопатинскій), графиня П. С. Уварова обратила особенное вниманіе гг. членовъ на необходимость изученія христіанскихъ памятниковъ Кавказскаго края. Хотя въ этомъ отношеніи уже сдѣлано не мало (какъ то можно видѣть изъ изданныхъ Московскимъ археологическимъ обществомъ III, IV и VII томовъ «Материаловъ по археологій Кавказа»), однако дѣла остается еще достаточно: «не изучены ни церкви самого Тифлиса, ни Гурія, ни Мингрелія, ни Кахетія, ни вся Арменія съ Эчмиадзиномъ и съ древнимъ городомъ Ани». Далѣе, графиней П. С. Уваровой было указано на необходимость распространенія свѣдѣній по археологій среди мѣстнаго общества, преимущественно среди учащейся молодежи. Съ этою цѣлью графиня рекомендовала пояснительныя экскурсіи по мѣстнымъ музеямъ и собраніямъ древностей (Кавказскій музей, музей при обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ и др.). Изъ сообщеній, уже доложенныхъ гг. членами въ первыхъ трехъ засѣданіяхъ отдѣленія, отягчимъ слѣдующія: Ерицона—Первоначальное знакомство армянъ съ сѣверо-восточную Русью до воцаренія дома Романовыхъ въ 1613 году (напечатано въ № 12 «Кавказскаго Вѣстника» за 1901 г.), Такашвили—О грузинскихъ памятникахъ окрестностей Вѣлаго Ключа, Джанашивили—О древней исторіи Грузіи по клинообразнымъ надписямъ, Калантара—О мемуарахъ Захарія Агулискаго (важный памятникъ съ бытовой стороны и для исторической географіи). Кавказское отдѣленіе соизволило принять подъ свое августѣйшее покровительство ихъ императорскія высочества государь наследникъ и великій князь Михаилъ Александровичъ, пожаловавшій отдѣленію единовременно 3.000 рублей, и великій князь Михаилъ Николаевичъ, еще въ бытность свою намѣстникомъ Кавказскаго края оказывавшій покровительство запятіямъ мѣстной археологіей. Ихъ императорскія высочества великіе князья Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ съ своей стороны приняли на себя званія почетныхъ членовъ отдѣленія. Въ числѣ почетныхъ членовъ мы встрѣчаемъ также: графиню П. С. Уварову, такъ много способствовавшую устройству Кавказскаго отдѣленія, главноначальствующаго гражданскаго частію на Кавказѣ князя Голицына, его помощника ген. Фрезе, католикоса всѣхъ армянъ Мкртича I (основателя въ Эчмиадзинѣ музей древностей), почетителя Кавказскаго учебнаго округа Завадскаго и экаарха Грузіи.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 14-го декабря въ засѣданіи предварительнаго комитета по устройству съѣзда проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ денежный отчетъ по расходамъ комитета на экскурсіи по раскопкамъ кургановъ, по собиранію и изученію архивныхъ материаловъ, по изученію церковныхъ древностей и т. п., а равно по приобрѣтенію предметовъ для этнографической выставки. Отчетъ утверждёнъ и будетъ отпраленъ въ императорское Московское археологическое общество. Кромѣ того, прочитана смѣта предстоящихъ расходовъ въ 1902 г., значительная часть которыхъ падаетъ на устройство выставокъ при съѣздѣ.

Устройство этихъ выставокъ и, слѣдовательно, значительная часть успѣха археологическаго съѣзда будетъ зависѣть отъ сочувствія къ задачамъ со стороны общества, отдѣльныхъ лицъ его и правительственныхъ учреждений, къ которымъ обращались и обращаются съ покорнѣйшей просьбой объ оказаніи помощи предварительный комитетъ и московское археологическое общество.

Проф. А. Н. Красновъ доложилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ бытомъ и обстановкой крестьянъ нѣкоторыхъ малорусскихъ и великорусскихъ селъ Харьковскаго, Валковскаго и Зміевского уѣздовъ (Тинки, Боровое, Проходы, Пересѣчное, Поляя Водолага) и о сдѣланныхъ имъ покушкахъ, относящихся къ разнообразнымъ сторонамъ народнаго быта. О такихъ же своихъ наблюденіяхъ, изученіи народнаго быта и о покушкахъ доложилъ проф. Н. Θ. Сумцо въ Пингъ изученъ специально Ахтырскій уѣздъ (Ахтырка, Хухря, Люджа), Лебединскій (Лебединъ, Михайловка, Межнричи) и г. Сумы. Въ предѣлахъ указанныхъ уѣздовъ имъ куплено свыше 200 предметовъ, кромѣ того, снято болѣе 50 фотографій.

В. С. Познанскій въ своемъ отчетѣ доложилъ, что имъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ посѣщено два великорусскихъ села и два малорусскихъ; собрано 102 предмета и приготовлено 50 фотографическихъ снимковъ-видовъ мѣстностей, типовъ жителей, видовъ домовъ и дворовъ.

Д. Н. Миллеръ ознакомилъ съ результатами своихъ работъ по изученію архивовъ Харьковской губ.; съ этою цѣлью имъ посѣщены: Богодуховъ, с. Матвѣвка (Д. Н. Кованько), Ахтырка, Тростянецъ, Чунаховка (г. Куколевскій-Плачковскій), Сумы, Лука (гг. Липтиаревы), Желѣзнякъ (г. Золотницкій), Сыроватка (волостное правленіе), Старое (г-жа Зборомирская), Степковка (г. Деконоръ), Рудневка (В. А. Савичъ), Хотынъ (гг. Строганова). Наиболѣе результатовъ дали поѣздки въ Ахтырку (интересный архивъ земскаго суда), Хотынъ (архивъ Кондратьевыхъ и Комбурлея), Луку (семейный архивъ гг. Липтиаревыхъ), и Богодуховъ (громадное дѣло вотчинной коллегіи объ имѣніяхъ Кондратьевыхъ у С. Д. Кондратьева). Начато и продолжается изученіе архива харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія.

Е. М. Ивановъ ознакомилъ съ результатами своихъ работъ также по изученію архивовъ. Съ этою цѣлью имъ посѣщены и осмотрѣны восемь архивовъ волостныхъ правленій, два архива городскихъ и полицейскихъ управленій, одинъ дворянской опеки, кромѣ того, одиннадцать архивовъ частныхъ лицъ. Въ Куянскѣ, въ городскомъ управленіи, открытъ и подробно разсмотрѣнъ архивъ куянскаго городническаго правленія, заключающій въ себѣ до 50 связокъ бумагъ XVIII вѣка. Въ Куянскѣ же, въ архивѣ собора, въ бумагахъ благочинныхъ встрѣчены земельные документы ураздненнаго Николаевскаго монастыря, а у П. В. Иванова — нѣсколько крестьянскихъ земельных документовъ, два неизданныхъ стихотворенія Нахимова и лѣтописный сборникъ конца XVII вѣка, заключающій описаніе событій въ Московскомъ государствѣ отъ Іоанна Калиты до покушенія на жизнь Пожарскаго. Въ архивѣ В. А. Задонскаго, въ Большомъ Бурлукѣ, — земельные акты XVIII вѣка и семейная переписка. Въ Харьковѣ осмотрѣны архивы управленія государственныхъ имуществъ и духовной консисторіи. В. Е. Данилевичъ сообщилъ о результатахъ

раскопокъ г-жи Е. П. Мельникъ и его самого въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, въ уѣздахъ: Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ: раскопано 59 кургановъ, изслѣдовано шесть стоянокъ. Въ изслѣдованныхъ докладчикомъ курганахъ, около с. Будъ, въ верхнихъ слояхъ встрѣчены черенки, кости, камни, за этимъ слѣдовалъ болѣе или менѣе толстый слой золы, начинавшійся болѣею частью отъ уровня горизонта и доходившій иногда до почвы. Найденные при раскопкѣ угли и обожженные огнемъ кости были малочисленны. Раскопки и изслѣдованіе поля вокругъ кургановъ дали многочисленные предметы каменнаго вѣка: множество отбойниковъ, острия и др. орудія, цѣлый сосудъ, много черепковъ отъ разныхъ сосудовъ, глинаыя болванчики для лѣпки сосудовъ, гурзила, пряслицы, а также двѣ кости съ явными слѣдами отдѣлки. Докладчикомъ сфотографированы курганныя группы, отдѣльные курганы, тиничныя погребенія, а также два городища около с. Ницахи. Кроме того, произведена вырѣзка съ землей и доставлено въ музей университета одно тиничное погребеніе. Докладчикомъ фотографировались и тины жителей, ихъ построекъ, предметы обихода и другихъ вещей, интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи. Священникъ Вас. Сивцевъ въ своемъ отчетѣ сообщилъ, что имъ изслѣдованы стоянки каменнаго вѣка между слободами: Райгородкомъ, Щуровой, Липаномъ, Поповкой и Ямполемъ, Изюмскаго уѣзда, и собрана коллекція кремневыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ, мелкихъ бронзовыхъ вещей и десять татарскихъ монетъ. Е. П. Трифильевъ доложилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ этого года въ Купинскомъ уѣздѣ; имъ раскопано 32 кургана различной величины, отъ едва возвышающихся надъ поверхностью земли до достигающихъ 9 аршинъ высоты. Содержаніе кургановъ было также разнообразно, какъ и ихъ величина. Часть могилъ была погребенія типа каменнаго вѣка, другія можно отнести къ бронзовому и желѣзнымъ вѣкамъ и къ первымъ вѣкамъ по Р. Х.; встрѣтилось нѣсколько погребеній кочевническаго типа, наконецъ, было вскрыто два кургана съ стоящими на нихъ каменными бабами, давшіе погребеніе кочевническое. Раскопки произведены были по р. Красной, отъ ея верховьевъ почти до впаденія въ Донецъ, въ шести пунктахъ: Нижней Дуванкѣ, Сватовой Лучкѣ, Кабаньемъ, въ имѣніи Лениченко, Мечетномъ, между Кабаньемъ и Краснянкой, въ Нижне-Дубровскомъ хуторѣ и близъ Тохиной. Докладчикомъ были доставлены комитету три каменныхъ бабы, изъ которыхъ двѣ находились на курганахъ, а третья пожертвована Ю. В. Розалионъ-Сошальскимъ. Профессоръ А. М. Покровскій доложилъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ 1901 г. въ Зміевскомъ уѣздѣ, на земляхъ помѣщца Вагговъ: одинъ курганъ съ каменной бабой (далъ только кости животныхъ въ верхнихъ слояхъ), два кургана тамъ же (дали скорченные погребенія въ верхней части и крашеные костяки подъ курганомъ); на земляхъ Раздольскаго товарищества — группу изъ трехъ кургановъ; въ нихъ найдено много погребеній на разныхъ уровняхъ, костяки скорченные и подъ курганомъ крашеные — каменнаго періода (неолитической эпохи); одинъ — съ каменной бабой, въ которомъ найдено скіевское женское погребеніе съ драгоценными вещами (кольца, спиральки, зеркало) и глиняными сосудами; на земляхъ крестьянъ села Отраднаго — пять кургановъ съ нѣсколькими погребеніями, въ

одномъ каменныя орудія очень хорошей полировки; положеніе покойниковъ и костяки, какъ и въ вышеназванныхъ, въ имѣніи Живновича—четыре кургана съ тѣми же особенностями, что въ предыдущихъ. Проф. Д. И. Вагалъѣй доложилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ сел. Верхнемъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, совместно съ А. М. Покровскимъ и Е. П. Трифильевымъ. Въ теченіе пяти дней было раскопано 18 могилъ и собрано большое количество предметовъ и череповъ: устройство могилъ весьма оригинально: надъ ними не было никакой насыпи; присутствіе ихъ опредѣлялось находженіемъ по откосамъ въ обнаженіяхъ овраговъ и канавъ тронутой земли, засыпанной ходы или коридоры, ведшіе нѣкогда въ пещеру, гдѣ и проходило самое погребеніе покойниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ пещеръ оказались также засыпанными землею, обрушившеюся съ потолка; другія же были свободны отъ нея. Въ пещерахъ сохранились даже явственные слѣды ихъ обмазки мѣломъ. Въ нихъ оказались коллективныя погребенія; костяки лежали въ разнообразныхъ, подчасъ характерныхъ, положеніяхъ. При костякахъ находимы были прекрасные глиняные сосуды (одинъ стеклянный). Общее число найденныхъ предметовъ даетъ въ совокупности довольно ясное представленіе о культурѣ того народа, къ которому принадлежали покойники Салтовскихъ пещеръ. Здѣсь были всевозможныя бусы, серьги, кольца, подвѣски, желѣзная кирки, сабли, ножи, бронзовые бубенчики, бляхи съ гладко полированной поверхностью, пряжки съ остатками ремней и т. п. Особое мѣсто занимаютъ остатки лошадиной сбруи и украшеній ея, стоящіе въ связи съ отысканіемъ погребенія коня. Наконецъ, особенно цѣнными являются серебряныя монеты, употреблявшіяся въ видѣ украшеній. Профессоръ Д. И. Вагалъѣй доложилъ отчетъ о раскопкахъ кургановъ, произведенныхъ имъ у селенія Пичахи, Ахтырскаго уѣзда, въ имѣніи П. П. Харитоненко, гдѣ расположено своего рода кладбище въ видѣ нѣсколькихъ сотъ кургановъ, отстоящихъ весьма близко одинъ отъ другого. Курганы на полѣ—высотой въ 1 арш. и меньше; курганы въ лѣсу—до 2½ арш. высоты. Въ курганахъ оказались коллективныя погребенія (по два, три, четыре покойника); костяки лежали головами на западъ, въ вытянутомъ положеніи, преимущественно на спинѣ. Изъ вещей при покойникахъ найдены: кольца, серьги, браслеты, бусы, вѣшечки, серебряныя и бронзовыя; остатки тканей, кожи, два медальона, изъ коихъ одинъ, повидимому, съ христіанскимъ изображеніемъ. Судя по всемъ даннымъ, можно думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ славяно-русскимъ языческимъ погребеніемъ. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о своей экскурсіи въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ съ цѣлью изученія церковныхъ древностей Харьковской губ. Въ посѣщенныхъ имъ церквяхъ описаны выдающіяся иконы, иконостасы, предметы церковной утвари, богослужебныя книги; съ нѣкоторыхъ сняты фотографіи; число фотографій доходитъ до 400; сняты планы нѣкоторыхъ древнихъ церквей.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о подготовкѣ изданія малорусскаго народнаго орнамента по матеріаламъ, собраннымъ г-жею Литвиновой въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.; таблицы уже отпечатаны, готовится введеніе собирательницы и докладника. Е. К. Рѣдинъ доложилъ третій отчетъ комиссіи по XII археологическому съѣзду историко-филологическаго общества при

институтъ князя Безбородко (въ Пѣкинѣ). Этотъ отчетъ, какъ и предыдущіе два, свидѣтельствуютъ объ обширной дѣятельности комиссіи, результаты которой окажутся весьма существенны и для XII археологическаго съѣзда, и для изученія въ археологическомъ отношеніи Черниговской губ. Достаточно указать на то, что, благодаря ея работамъ, энергій, обогатится историческій музей при черниговской губернской архивной комиссіи и создающійся въ Конотопѣ мѣстный музей. Конотопское земство, откликаясь на призымы комиссіи, въ виду XII археологическаго съѣзда, подало прекрасный примѣръ другимъ земствамъ своимъ намѣреніемъ основать историческій архивъ-музей при земской управѣ.

22-го декабря въ засѣданіи комитета В. Е. Данилевичъ доложилъ объ одномъ погребеніи, вырѣзанномъ съ земли и доставленномъ въ музей древностей Харьковскаго университета. Погребеніе открыто вблизи отъ кургановъ на земляхъ селъ Кириковки и Новой Рыбны, на границахъ Ахтырскаго и Богодуховскаго уѣздовъ. Оно состоитъ изъ костяка, лежащаго на спинѣ, слегка склонившагося на правый бокъ, головой на югъ, а ногами на сѣверъ. Правая рука вытянута, при чемъ кисть руки слегка согнута, лѣвая рука лежитъ на животѣ. Ноги согнуты въ коленныхъ; подъ костякомъ подсыпана зола тонкимъ слоемъ; у пальцевъ правой ноги кучка красной краски и такая же кучка краски у локтя лѣвой руки. Докладчикомъ подробно описанъ способъ вырѣзки и самой доставки покойника съ земли, на которой онъ погребенъ. Благодаря искусно произведеннымъ операціямъ, вырѣзка доставлена въ цѣломъ, неприкосновенномъ видѣ и составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній музея древностей, представляя наглядно образцы древнѣйшаго погребенія человека на почвѣ Харьковской губерніи. Такія вырѣзки—весьма цѣнны для археологій и, какъ требующія массы денежныхъ затратъ и хлопотъ, еще рѣдки даже въ заграничныхъ музеяхъ; а у насъ въ Россіи онѣ—только въ количествѣ трехъ экземпляровъ въ С.-Петербургѣ въ артиллерійскомъ музеѣ. В. Е. Данилевичъ познакомилъ съ результатами своихъ изслѣдованій нѣсколькихъ стоянокъ каменнаго вѣка въ Ахтырскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, Харьковской губ. (у села Янговки, Кириковки, Катанскихъ Виль), подробно обозрѣвъ самыя памятники, открытыя на этихъ стоянкахъ. Проф. М. А. Поповъ сообщилъ о результатахъ анатомическихъ изслѣдованій череповъ, костей, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ въ Новомъ Мерчикѣ, Валковскаго уѣзда, и въ селахъ: Нижней-Дуванкѣ, Кабаньемъ и Сватовой Лучкѣ, Кулянскаго уѣзда. Изслѣдованіе это является весьма интереснымъ и важнымъ для уясненія вопроса о народности древнѣйшихъ поселенцевъ Харьковской губ. и представилъ цѣнный матеріалъ въ связи съ изслѣдованіями самихъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, для русской археологій. Заслушано сообщеніе свящ. В. Сибянцева о многочисленныхъ старинныхъ желѣзныхъ предметахъ земледѣльческаго и военнаго быта, вырытыхъ при рубкѣ кустарника вблизи с. Райгородна (Павловскаго уѣзда), въ ярѣ «Скрыпниковѣ», подъ озеромъ Маяцкимъ: о плужкахъ, косахъ, топорахъ, сверлахъ, прищипкахъ, стременахъ, удилахъ, колокольчихахъ, коньяхъ, ножахъ, куекахъ, кольчатого напичья. По мнѣнію о. Сибянцева, указанные предметы принадлежали золотоордынскимъ и азовскимъ татарамъ, обитавшимъ, еще по свидѣтельству Герберштейна, на среднемъ теченіи Дона. Заслушано сообщеніе о

слободѣ Алексѣевской крѣпости Зміевского уѣзда и объ остаткахъ самой крѣпости, а равно другой, находящейся около села Михайловки. Доложено сообщеніе проф. А. М. Покровскаго о его этнографическихъ экскурсіяхъ въ Зміевскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ, при которыхъ имъ были приобретены нѣкоторые предметы быта и обстановки крестьянъ и сняты фотографіи сель, построекъ, типовъ населенія. Проф. Д. П. Багалъй доложилъ о случайной раскопкѣ, произведенной В. П. Фавромъ возлѣ Донецкаго городища, по дорогѣ, идущей изъ Филиппова села въ Карачевку, не доходя до усадьбы г. Щербинина. Въ ямѣ (на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности почвы, шириною 1¹/₂ арш.) оказалось множество черепковъ; за черноземомъ слой пепла и угля толщиной до 10 вершк., еще ниже слой изъ плохо обожженнаго кирпичча, въ ¹/₂ вершка толщины. Возлѣ черепковъ—кости собаки, лошади, коровы. Недалеко отъ ямы, на нахотѣ, находится много черепковъ, костей человѣческихъ, тутъ же найдены прислнцы и точильный камень. Заслушано сообщеніе Ф. Ф. Степанова о находкѣ вещей при случайной раскопкѣ въ хуторѣ Колки, Тарновской волости, Богородицкаго уѣзда (кости, каменная чаша, монеты, серьга). Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ сообщенія: 1) воронежской уѣздной земской управы объ оглашеніи чрезъ волостныя правленія предложенія населенію уѣзда—прислать въ управу предметы и памятники, интересныя въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніи для предоставленія ихъ комитету; 2) лебединской уѣздной управы—объ ассигнованіи земскимъ собраніемъ комитету 100 рублей на приобретение въ уѣздѣ предметовъ для выставки при сѣздѣ; 3) прив.-доц. А. Черевкова (Харьковъ) свидѣній о нѣкоторыхъ частныхъ коллекціяхъ и о предложеніи собственной коллекціи монетъ для выставки; 4) Т. Прокурникова (гор. Короча) о нѣкоторыхъ предметахъ древности, предлагаемыхъ для выставки (кубышка, монеты изъ клада, найденнаго въ Яблоновѣ, фотографіи Корочи, документы, имѣющіе отношеніе къ святителю Митрофану Воронежскому, и друг.); 5) директора с.-петербургскаго артиллерійскаго музея, генерала Бранденбурга,—о разрѣшеніи военнаго министра предоставить комитету для выставки нѣкоторые предметы музея; 6) церковно-историческаго и археологическаго общества при Кіевской духовной академіи о предоставленіи комитету для выставки тридцати предметовъ изъ музея общества; 7) полтавской комиссіи по XII археологическому сѣзду о необходимости присылки члена комитета для опредѣленія, какія изъ имѣющихся въ распоряженіи ея предметовъ старинны и какія коллекціи полтавскаго естественно-историческаго музея представляютъ интересъ для выставокъ сѣзда (комитетъ командируетъ для этого опредѣленія профессоръ Е. К. Рѣдина); 8) архива главнаго штаба военнаго министерства о нахожденіи въ немъ дѣла о слободскихъ малороссійскихъ полкахъ, описъ 25 и 26, 1731 и 1761 года, книга 341 «объ учрежденіи изъ слободскихъ казацкихъ гусарскими полками и какъ оныя напредъ сего содержимы были и о прочемъ» съ рисунками полковыхъ знаменъ (рѣшено просить Московское археологическое общество о порученіи кому либо изъ его членовъ подготовки доклада на сѣздѣ объ упомянутыхъ дѣлахъ); 9) Е. М. Иванова о коллекціи древностей изъ случайныхъ раскопокъ у Е. М. Духовскаго (Старый Мерчикъ, Валковскаго уѣзда), которыя и рѣшено просить для выставки, какъ и

тѣ, что указаны были въ сообщеніи Д. П. Миллера (въ церквахъ с. Старого, Сумскаго уѣзда, и Млинокъ, Ахтырскаго уѣзда); 10) Д. Н. Багалѣя о желательности командировки студента Криста для собиранія свѣдѣній по этнографіи и о кобзаряхъ и лирникахъ (рѣшено командировать г. Криста въ Харьковскую губ.); 11) г. Рябинина о принятіи имъ на себя расходовъ за клинне къ описанію путивльскаго собора. Въ распоряженіе предварительнаго комитета для выставокъ и для музея древностей поступили отъ многихъ лицъ разнообразныя предметы представляющіе, большею частью, громаднѣйшій интересъ.

Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ.

13-го декабря засѣданіе общества было посвящено въ значительной своей части памяти профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго. Предсѣдатель, профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ, сказалъ слѣдующее слово, посвященное памяти И. Н. Миклашевскаго: «3 декабря скончался на 43-мъ году жизни профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Горестная потеря для русской науки, для Харьковскаго университета, для тѣхъ друзей покойнаго, которые уважали и любили его, какъ весьма свѣдущаго ученаго, какъ человѣка высокихъ нравственныхъ качествъ. Иванъ Николаевичъ въ послѣднее время работалъ чрезвычайно энергично, точно онъ предчувствовалъ, что надъ нимъ носится ангелъ смерти, точно снѣшилъ внести въ науку и университетъ свой личный вкладъ. Такъ недавно, 30 октября, Иванъ Николаевичъ въ засѣданіи историко-филологическаго общества прочелъ превосходный докладъ по исторіи древне-русскаго хозяйства. Такъ недавно, въ половинѣ ноября, еще бодрый и энергичный, онъ несъ главную работу въ университетской комиссіи по сооружеанію памятника В. Н. Каразину. Еще такъ недавно при освященіи памятника Г. М. Цѣхановецкому видѣли его съ обнаженной головой передъ могилой покойнаго ректора. Еще такъ недавно въ сибѣ раздвинулись его продуманныя и сердечныя рѣчи въ пользу университетскихъ реформъ. Иванъ Николаевичъ приступалъ къ изданію большаго научнаго труда, подготовленнаго посредствомъ тщательныхъ архивныхъ разысканій, но «вечпронька на столи, а смерть за плечима». Бившій ключемъ источникъ духовной жизни сразу изсякъ. Разбилось вдребезги любящее, открытое, отзывчивое сердце; оно оказалось слабымъ передъ таковымъ недугомъ. Навсегда умолкъ голосъ, неуслонно призывавшій, въ предѣлахъ искренняго индивидуальнаго пониманія, къ исполненію высшихъ задачъ и лучшихъ цѣлей жизни. Среди выдающихся достоинствъ Ивана Николаевича прежде всего нужно отмѣтить разнообразіе и разносторонность его научныхъ стремленій, его необыкновенную работоспособность и присутствіе живыхъ общественныхъ интересовъ. Студентъ естественникъ Иванъ Николаевичъ съ теченіемъ времени занялъ катедру на юридическомъ факультетѣ и во многихъ отношеніяхъ вошелъ въ кругъ научныхъ интересовъ профессоровъ-филологовъ. Въ университетѣ Иванъ Николаевичъ былъ живымъ связующимъ звеномъ между факультетами юридическимъ и историко-филологическимъ, не только въ сферѣ научныхъ интересовъ, но и въ кругу личныхъ отношеній. Среди профессоровъ историко-филологическаго факультета Иванъ Николаевичъ давно считался своимъ человѣкомъ, близкимъ и дорогимъ человѣкомъ общихъ научныхъ стремленій и общихъ симпатій. Мало того, Иванъ

Николаевичъ сумѣлъ занять видное мѣсто и въ историко-филологическомъ обществѣ, и въ педагогическомъ отдѣлѣ; въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ онъ былъ двигательной, дѣятельной силой, въ обоихъ онъ читалъ свои рефераты, въ которыхъ съ чисто научными интересами искусно соединялъ живыя общественныя стремленія. Въ послѣдніе годы въ университетѣ не было, кажется, ни одного сколько нибудь крушнаго дѣла, въ обсужденіи котораго Иванъ Николаевичъ не принялъ самаго дѣятельнаго участія. Такъ, обстоятельный докладъ университетской комиссіи 1897 г. по вопросу объ уничтоженіи профессорскаго гонорара составленъ былъ Иваномъ Николаевичемъ. Извѣстно далѣе, какое видное участіе принималъ Иванъ Николаевичъ въ составленіи доклада комиссіи по вопросу объ измѣненіи устава 1884 г. и въ возникшихъ по этому поводу въ совѣтѣ дебатахъ. Историко-филологическое общество къ благодарности покойному за его участіе въ докладахъ должно присоединить еще благодарное воспоминаніе о его участіи въ разработкѣ проекта новаго устава. Этотъ слабый, болѣзненный человѣкъ не боялся работы, онъ работалъ съ примѣрной настойчивостью и образцовой добросовѣстностью, безъ высокомерія, съ всегданней готовностью выслушать всѣ замѣчанія и исправить всѣ достаточно доказанныя ошибки, и много было духовной силы въ этомъ слабомъ, хиломъ тѣлѣ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, и да будетъ нмя твоё вѣчно дорогимъ и памятнымъ въ лѣтописяхъ Харьковскаго университета!» Профессоръ Д. П. Багалъй въ своей рѣчи говорилъ объ ученой дѣятельности покойнаго И. Н. Миклашевскаго и специально остановился на его магистерской диссертациі о зиселеніи и хозяйственномъ бытѣ южной окраины Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Указавъ на значеніе этого труда не только для политической экономіи, но и для русской исторіи, ораторъ выразилъ пожеланіе объ изданіи обществомъ оставшихся не изданными его трудовъ. По предложенію профессора Н. Θ. Сумцова, рѣшено издать сборникъ всѣхъ статей и рѣчей, посвященныхъ памяти профессора И. Н. Миклашевскаго, и приложить къ нему портретъ покойнаго; равно обратиться съ предложеніемъ къ наследникамъ о готовности издать неопечатанные еще труды покойнаго. М. Д. Линда указалъ на труды И. Н. Миклашевскаго въ харьковскомъ обществѣ грамотности, и В. П. Бузескулъ о его трудѣ въ комиссіи по выработкѣ проекта новаго университетскаго устава. Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ М. П. Савинова: «Памяти А. А. Потебни. Гоголь и Хлестаковъ». Референтъ, исходя изъ того положенія, что всякое поэтическое произведеніе есть средство объективировать мысль, что серьезный художникъ каждымъ актомъ творчества рѣшаетъ важную задачу прежде всего для себя—съ цѣлью самоопредѣленія, самосовершенствованія, саморазвитія,—старался доказать, что и гениальный русскій юмористъ былъ не лишентъ тѣхъ же высокихъ намѣреній. На основаніи собственныхъ признаній Гоголя (цитаты изъ писемъ) и другихъ документальныхъ данныхъ (ссылки на Тургенева, Пышнина, Полевого), докладчикъ пришелъ къ убѣжденію, что Гоголь писалъ Хлестакова съ себя, что въ жизни, литературной дѣятельности, да же въ слогѣ того, къ кому гордится наша словесность, замѣчается хлестаковщина вообще и специальная хлестаковскія стилистическія формы, при чемъ референтъ подчеркнул то обстоятельство, что

вопреки общепринятому мнѣнію Хлестаковъ не просто вралъ, а лгуиъ-художникъ; котораго посѣщаетъ своего рода вдохновеніе (см. отрывокъ изъ письма Гоголя послѣ перваго представленія «Ревизора»); что хлестаковщина—не простая ложь, а—«гипербола въ крови», отъ которой чрезвычайно трудно отдѣлаться. По мнѣнію докладчика, всѣ литературныя произведенія Гоголя и характеризуются гиперболой и противоположной риторической фигурой—литотесомъ; во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ Гоголя замѣчаются два тона восторгъ и негодованіе, такъ сказать, ода и сатира; а въ гениальной личности его—самоувѣренность и самоуничиженіе. М. П. Савиновъ между прочимъ замѣтилъ, что эти крайности настроенія въ натурѣ Гоголя были усилены общественными теченіями: много погнбло живыхъ дунгъ въ переходахъ отъ опьяненія высокоуміемъ къ опредѣленію униженіемъ; эти колебанія и въ литературѣ исключали спокойное изображеніе жизни съ добромъ и зломъ; поэты легко переходили отъ оды къ сатирѣ. Н. В. Гоголь, отразивши въ типѣ Хлестакова свою гиперболичность, такъ сказать, объективировавъ въ поэтическомъ образѣ то, что было сперва субъективнѣе, тѣмъ самымъ совершилъ великій подвигъ покаянія въ грѣхѣ самомнѣнія и самоуничиженія, въ томъ грѣхѣ, въ которомъ повинно до известной степени и все современное автору общество. Этотъ покаянный подвигъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ упорно стремился къ идеаламъ тотъ гениальный писатель, отъ котораго заимствовали свой свѣтъ ближайшіе его послѣдователи: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, Григоровичъ и др. Докладъ вызвалъ живую обмѣну мыслей, въ которомъ приняли участіе многіе члены обществъ. Профессоръ В. П. Вузецкуль, Н. П. Алякретскій, о. І. Филевскій высказались противъ сопоставленія Гоголя съ Хлестаковымъ, находя его неправильнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Д. П. Выгальтъ, П. Ф. Сумцевъ указывали на возможность въ нѣкоторой степени такого сопоставленія, а В. П. Харціевъ, М. А. Масловъ развили нѣкоторыми положеніями и фактами основную идею доклада и выразили пожеланіе, чтобы лекціи А. А. Потебни, на основаніи которыхъ взята и отчасти развита тема докладчикомъ, были изданы, и чтобы развитіе и другихъ темъ этихъ лекцій было сдѣлано по тому прекрасному образцу, какимъ является докладъ М. П. Савинова. Докладчикъ далъ подробныя объясненія на замѣчанія и возраженія.

Археологическій институтъ. Традиціонныя четверговыя собранія членовъ и слушателей института, для выслушанія и обсужденія рефератовъ, перенесены въ текущемъ году на воскресенья. Первое собраніе происходило 9-го декабря подъ предѣтельствомъ профессора Н. В. Покровскаго. Агтовый залъ института былъ переполненъ слушателями. Огромный усилѣхъ и несомлаемые аплодисменты вынали на долю интереснаго сообщенія предѣдателя Императорской археологической комиссіи графа А. А. Вобринскаго «Объ остаткахъ греческой культуры въ Херсонесѣ Таврическомъ». Еще нѣсколько лѣтъ назадъ изслѣдователь Херсонеса Бертье Делягардъ высказывалъ печальныя предположенія, что на мѣстѣ древняго города уже не должно нитать надежды на какія либо новыя важныя археологическія открытія. Но слѣды многовѣковой культурной жизни не пещали, и послѣднія 4—5 лѣтъ даютъ уже возможности

назвать по количеству и научной важности новыхъ находокъ Херсонесъ-Таврической русскою Помпей или русскою Троей. Новые открытія произведены, благодаря систематическимъ раскопкамъ завѣдывающаго ими, по порученію императорской Археологической комиссіи, К. К. Костюшко-Валюжинича. Обнаружена на разстояніи около 100 сажень, подъ развалинами Херсонеса Византийской эпохи, стѣна древне-греческаго города—величественный памятникъ архитектуры III—IV вѣковъ до Р. Х.: стѣна съ ея многочисленными выступами, башнями, вѣздами и пр. Высота стѣны доходитъ до 5 метровъ. Въ тайникахъ своихъ стѣна хранитъ и богатые клады. Нѣкоторые изъ нихъ дали чудные образцы греческаго ювелирнаго искусства и керамики IV—III столѣтій до начала нашей эры. Графъ демонстрировалъ передъ присутствовавшими наиболѣе интересные золотые предметы этихъ находокъ. Часть ихъ поступитъ на-дняхъ въ императорскій эрмитажъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія раскопки Херсонесской стѣны встрѣчаютъ препятствіе, такъ какъ на мѣстѣ ея стоятъ зданія монастыря. Но городъ былъ великъ, и еще много любопытныхъ открытій можно ожидать здѣсь въ будущемъ. Вторымъ докладчикомъ былъ Н. Ф. Арсеньевъ, сдѣлавшій бѣглое обзоріе дѣятельности имѣвшаго полный успѣхъ перваго областного археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Институтъ поставленъ въ столь исключительныя условія, какъ первое ученое учрежденіе въ Турціи и первое въ Европѣ посвященное изученію древностей въ Византіи, что было бы слишкомъ не скромно, какъ выразился секретарь института, дѣлая годичный докладъ, требовать, чтобы въ срокъ, едва достаточный для распорядженія объ устройствѣ вѣншей, дѣловой стороны учрежденія, добыты были богатые окончательные выводы. Семь лѣтъ—настолько незначительный періодъ времени, что было бы слишкомъ смѣло ожидать отъ института осязательныхъ плодовъ дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ направленіяхъ институтомъ положены широкія начала, изслѣдованы пути. Институтомъ открывается со всѣхъ сторонъ работа, ея содѣйствія ищутъ европейскія государства, къ нему обращаются съ запросами и предложеніями со всѣхъ концовъ міра. Въ болѣе скромномъ, но не менѣе полезномъ отношеніи для мѣстной константинопольской жизни, археологическій институтъ сталъ умственнымъ средоточіемъ, къ которому стремятся представители единовѣрныхъ народовъ. Въ послѣдніе годы, какъ и въ текущемъ, нельзя не отмѣтить того отраднаго явленія, что институтомъ устраивается рядъ общедоступныхъ бесѣдъ на археологическія и историческія темы. Эти бесѣды преимущественно ведутся на находящихся въ распорядженіи посольства военныхъ станціонерахъ, специально для нижнихъ чиновъ. Въ послѣдній разъ велель на «Черноморцѣ» бесѣды на слѣдующія темы: 1) Политическое и церковное значеніе Царьграда. Основаніе города, его исторія и значеніе для Россіи. 2) Походы русскихъ на Царьградъ. Святая Ольга и крещеніе Владимира. 3) Юстиніанъ Великій и храмъ св. Софій въ Стамбулѣ. 4) Патріархъ Фотій. Просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Мефодія. 5) Крестовые походы. Завоеваніе Царьграда латинянами. 6) Осада и взятіе Царьграда турками. 7) Отношеніе Россіи къ грекамъ подъ турецкимъ владычествомъ. Бракъ царя Ивана III съ Софіей Палеологъ. 8) Казацкіе

походы. Война Россіи съ Турціей. Чесма, Наваринъ, Синоуп. 9) Вещественные остатки былого величія Царьграда. Стѣны, башни, колонны, церкви и т. д. Бесѣды эти ведутся поодобренію нашего посла г. Зиновьева, и археологическій институтъ съ большою готовностью пошелъ на встрѣчу желанію офицеровъ и нижнихъ чиновъ познакомиться съ древнимъ значеніемъ Константинополя. Въ самомъ дѣлѣ, для института не менѣе важно умноженіе научныхъ свѣдѣній о Византіи, какъ и распространеніе ихъ въ особенности въ той средѣ, которая своимъ служебнымъ положеніемъ и пребываніемъ въ Константинополѣ призывается къ болѣе сознательному отношенію къ исторіи и древности Царьграда. Что же касается до отношенія къ этимъ бесѣдамъ нижнихъ чиновъ, то для нихъ онѣ являются великимъ благодѣяніемъ. Живя здѣсь «на чужбинѣ» болѣе шести мѣсяцевъ, благодаря особеннымъ условіямъ мѣстной жизни, русскіе солдаты обречены на одиночество и тоску, а потому съ удовольствіемъ присутствуютъ на бесѣдахъ, которыя приносятъ несомнѣнную пользу въ смыслѣ развитія солдата. Вообще Русскій археологическій институтъ является первымъ алтаремъ для принесенія искушительныхъ жертвъ за то, что до сихъ поръ наука не посвящала изученію Востока никакихъ учрежденій. Въ настоящее время институтъ, призванный служить многіе годы, а, быть можетъ, и цѣлыя вѣка, источникомъ свѣта и науки и разсадникомъ знаній на славу русскаго имени, уже твердо стая на ноги, и, подъ руководствомъ г. Успенскаго, его несомнѣнно ждетъ полезная для науки будущность.

Древности каменнаго вѣка. Закончено устройство въ зданіи Киевскаго музея древностей и искусствъ отдѣла древностей каменнаго вѣка. Предметы этого отдѣла, которому присвоено названіе имени Н. А. Терещенко (главнаго жертвователя на постройку зданія музея), размѣщены въ громадныхъ шкафахъ, изготовленныхъ на средства того же Н. А. Терещенко. Заль отдѣла каменнаго вѣка состоитъ изъ слѣдующихъ коллекцій. Два громадные шкафа и 4 витрины заняты предметами палеолитической эпохи. Все это — тѣ предметы, которые были найдены при раскопкахъ знаменитой стоянки первобытнаго человека въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ. Коллекція эта приобретена у В. В. Хвойко Н. А. Терещенко и пожертвована имъ музею. Далѣе, одинъ шкафъ и одна витрина заняты предметами землянокъ киевскихъ возвышенностей. Пять слѣдующихъ шкафовъ и одна витрина заняты многочисленными предметами много вѣншней трипольской или площадочной культуры, которую теперь называютъ протославянской. Къ этой же коллекціи, собранной В. В. Хвойко и приобретенной у него Н. А. Терещенко, относятся двѣ модели: модель трипольской площадки и модель жертвенника той же эпохи. Большой интересъ представляетъ помѣщающееся далѣе погребеніе эпохи каменнаго вѣка; оно представляетъ собой скорченный скелетъ, лежащій въ витринѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ выкопанъ В. В. Хвойко лѣтомъ нынѣшняго года подлѣ Канева, на берегу р. Роси. При скелетѣ — два кремня и грубый сосудъ. Въ той же витринѣ выставлена коллекція череповъ каменной эпохи; черепъ — частью крашенные, частью некрашенные. Наконецъ, въ залѣ имени Н. А. Терещенко выставлены: въ высокомъ шкафу — предметы каменнаго вѣка изъ коллекціи, пожертвованной музею графомъ А. А. Бобринскимъ, въ витринѣ — орудія каменнаго вѣка, принадлежащія В. И. Халенко.

Общество любителей древней письменности. 14-го декабря, состоялось общее собраніе подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи первое сообщеніе: «Греки—литературные дѣятели въ Москвѣ XVI—XVII вв.», было прочитано А. И. Соболевскимъ. Прежде всего докладчикъ сообщилъ результаты наблюденій надъ переводами Максима Грека. Первые переводы Максима Грека въ Москвѣ были сдѣланы имъ съ греческаго на латинскій языкъ, съ котораго Дмитрій Герасимовъ и Власій переводили уже на славянскій языкъ. Повидимому, нѣкоторые оригинальныя сочиненія Максима были написаны имъ на латинскомъ языкѣ, а затѣмъ переведены на славянскій языкъ либо имъ его сотрудниками. Затѣмъ Максимъ сталъ самъ дѣлать переводы на славянскій языкъ, который зналъ еще до пріѣзда въ Москву, но зналъ въ болгарскомъ изводѣ: въ переводахъ Максима встрѣчаются обычныя средне-болгарскія формы; кромѣ того референтъ указалъ, что въ дошедшемъ до насъ автографѣ Максима наблюдается обычная средне-болгарская скоропись. Повидимому, Максимъ просматривалъ и поправлялъ даже переводы Дмитрія Герасимова и Власія, такъ какъ и въ этихъ переводахъ нрѣдка встрѣчаются типичныя для Максима средне-болгарскія формы. Переводческой дѣятельности Максима-монаха-аскета, прекрасно знавшаго греческій литературный языкъ и свято-отеческія творенія и, сверхъ того, владѣвшаго латинскимъ языкомъ и всюю виѣнскою мудростью запада, референтъ противопоставилъ переводческую дѣятельность явившихся въ Москву въ XVII в. грековъ, которые были совсемъ не похожи на Максима Грека. Это были въ большинствѣ случаевъ люди сомнительной репутаціи и далеко не тѣхъ знаній, какія нужны были московскому правительству. Оно чувствовало потребность въ новыхъ или исправленныхъ по оригиналамъ переводахъ твореній св. отцовъ, а пріѣзжіе греки такъ мало знали греческій литературный языкъ, языкъ свято-отеческихъ твореній, что сторонились отъ него и переводили лишь тѣ книжки, которыя въ XVI—XVII вѣкахъ издавались въ Венеціи на простомъ греческомъ языкѣ. Характеризуя дѣятельность переводчиковъ-грековъ, А. И. Соболевскій остановился на рядѣ переводныхъ сочиненій XVII вѣка. Далѣе были прочитаны три сообщенія о кн. М. М. Щербатовѣ: 1) А. Г. Вороновъ, ознакомивъ съ содержаніемъ хранящейся въ Императорской Публичной библиотекѣ рукописи кн. Щербатова: «Книга о бывшихъ смятеніяхъ и междоусобицахъ въ Россіи до избранія на престолъ царя Михаила Теодоровича дому Романовыхъ-Юрьевыхъ», привелъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что названное сочиненіе кн. Щербатова представляетъ собою неизвѣстное до сихъ поръ продолженіе его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»; 2) Н. П. Хрущовъ сдѣлалъ сообщеніе о «Частной жизни кн. М. М. Щербатова и отзывы о немъ современника *chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie* (Свѣдѣнія, сообщаемыя Corberon'омъ, драгоцѣнны для будущей біографіи Щербатова, но не лишены значенія и какъ образчики воззрѣнія на русскихъ француза-дипломата, легкаго въ приговорахъ, однако и наблюдательнаго, немножко философа, немножко мазона и чловѣка свѣтскаго въ полномъ смыслѣ слова); 3) П. А. Шляпкинъ ознакомилъ съ найденнымъ въ Лейпцигской библиотекѣ иснемомъ кн. М. М. Щербатова отъ 1777 года, неизвѣстно кому адресованнымъ, но очень любо-

пытнымъ по даннымъ для біографіи Щербатова. А. А. Титовъ въ этомъ засѣданіи прочелъ сообщеніе о бывшихъ земельныхъ владѣніяхъ Нагихъ въ Ростовскомъ и Угличскомъ уѣздахъ, Ярославской губерніи. При этомъ вниманію собранія была представлена въ подлинникѣ извѣстная духовная память Ивана Нагова (1598 г.), любопытная, между прочимъ, потому, что Пагой, отказывая въ ней своему слугѣ Богдану Сидорову за вѣрную службу сельцо Онуфриево и поручая ему своихъ двухъ сыновей (которыхъ проситъ научить грамотѣ) и оставшуюся послѣ него жену, словомъ дѣлая Богдана Сидорова ихъ опекуномъ, не отпустилъ его на волю, тогда какъ възявъ своимъ людямъ огнь дасть вольныя. Въ члены корреспонденты общества избранъ пресвященныи Сергій, епископъ омскій и семипалатинскій.

Общество любителей россійской словесности. 11-го декабря, въ старомъ зданіи Московскаго университета подъ предсѣдательствомъ А. Н. Веселовскаго происходило засѣданіе общества, въ которомъ д. чл. В. А. Гиляровскій сдѣлалъ докладъ «На родинѣ Гоголя». Сюжетомъ для реферата послужилъ рядъ поѣздокъ докладчика въ мѣста, которыя связаны съ памятью Гоголя. Между Миргородомъ и Полтавою г. Гиляровскій познакомился со многими современниками Гоголя, записалъ ихъ воспоминанія, точно установилъ мѣсто и день рожденія Н. В. Гоголя, представляя до сихъ поръ спорный вопросъ. Референту удалось разыскать нѣсколько Гоголевскихъ реликвій и необнародованныхъ документовъ и писемъ. Самымъ интереснымъ является письмо Гоголя къ матери изъ Женевы отъ 24-го сентября 1836 г., въ которомъ онъ описываетъ свое восхожденіе на Монбланъ. Письмо это коротко, но написано необыкновенно сильно и передаетъ впечатлѣнія высокогорной природы съ снѣгами вокругъ и съ облаками внизу. Слѣдующее письмо къ матери отъ 17-го февраля 1848 года изъ Иерусалима представляетъ Гоголя совѣтъмъ другимъ человекомъ. Онъ пишетъ: «Молился кое-какъ о себѣ, о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ лучше меня молиться». Далѣе г. Гиляровскій описываетъ усадьбу Гоголя, которая дѣлится на двѣ части: новую и старую. Первая принадлежитъ Н. В. Выкову. Усадьба содержится въ полномъ порядкѣ, Н. В. Выковъ—владелецъ реликвій Гоголя: у него большой музей рѣдкихъ вещей, принадлежавшихъ писателю. Садъ въ имѣніи г. Выкова пасаженъ самимъ Гоголемъ. Старая усадьба, принадлежавшая сестрѣ Гоголя Ольгѣ Васильевнѣ Головицѣ, почтенной старушкѣ, измѣнила свой прежній видъ. Многого, что было при Гоголѣ, въ ней нѣтъ. Докладчикъ закончилъ свой рефератъ рассказомъ М. Г. Анисимо-Яновской, отдаленной родственницы Гоголей. За послѣдніе годы жизни Гоголя она не разъ видѣла его въ Яновщинѣ и ни разу не слыхала его голоса, хотя обѣдала съ нимъ: «такой угрюмый да молчаливый!». Въ рассказѣ о старыхъ временахъ г. Гиляровскій со словъ М. Г. Анисимо-Яновской парисовалъ рядъ типовъ гоголевскихъ временъ. Предсѣдатель засѣданія, проф. А. Н. Веселовскій, заявилъ, что гоголевской и жуковской комиссіями, состоящими при обществѣ для организацин чествованій памяти Гоголя и Жуковскаго по случаю исполннвшагося въ будущемъ году 50-ти-лѣтія со дня ихъ кончины, выработана программа чествованій. 21-го февраля и 16-го апрѣля 1902 года комиссіи совмѣстно съ совѣтомъ университета устраиваютъ въ актовомъ залѣ универси-

тѣмъ два публичныхъ засѣданія; 10-го и 24-го марта и 7-го апрѣля— три утреннихъ засѣданія общества, а, кромѣ того, будутъ устроены два музыкальныхъ собранія — въ большой залѣ Московской консерваторіи. Засѣданіе окончилось выборами; въ члены пушкинской комиссіи избраны гг. Ю. А. Веселовскій и Алферовъ, въ дѣйствительные члены — П. П. Барсуковъ и А. К. Энгельмейеръ.

Библиографическое общество. 4-го декабря, состоялось, подъ председательствомъ проф. Кириичникова, общее годовичное собраніе русскаго библиографическаго общества. Изъ прочитаннаго секретаремъ отчета видно, что истекшій годъ въ дѣятельности общества имѣетъ совершенно особый характеръ, такъ какъ, взявшись за такое дѣло, какъ организація празднованія 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати, оно не могло удѣлить много времени чисто библиографическимъ работамъ. Этимъ объясняется небольшое число общихъ собраній общества (5) и незначительное число прочитанныхъ на нихъ докладовъ (7). Въ настоящее время общество состоитъ изъ 6 членовъ учредителей, 10—почетныхъ, 40—дѣйствительныхъ и 20—членовъ-корреспондентовъ. Въ истекшемъ отчетномъ году вступили вновь 4 дѣйствительные члена и 1 членъ-корреспондентъ. Тяжелую утрату понесло общество въ лицѣ скончавшагося своего почетнаго члена М. А. Веневитинова, бывшаго председателя библиографическаго кружка. Библиотека общества продолжаетъ пополняться пожертвованіями. Послѣ утвержденія отчета, секретарь общества А. А. Шевелевъ прочелъ докладъ о «русской періодической печати 100 лѣтъ тому назадъ». Первая русская газета, основанная 200 лѣтъ тому назадъ Петромъ I, подъ названіемъ «Вѣдомости о Военныхъ и Иныхъ Дѣлахъ», была въ теченіе четверти вѣка единственною; позже она переименовалась въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыя еще четверть вѣка оставались единственною русской газетою. Въ 1756 году стали издаваться въ Москвѣ «Московскія Вѣдомости». Въ эпоху Екатерины II у насъ появилось довольно много журналовъ, главнымъ образомъ благодаря энергіи Новикова; большая часть ихъ, однако, существовала недолго. Въ первые годы царствованія Александра I мы находимъ уже рядъ органовъ, но политическія извѣстія въ нихъ касаются почти исключительно заграничной жизни. Лишь изрѣдка проскальзываютъ на ихъ страницахъ нѣкоторыя свѣдѣнія о русской общественной жизни, подобныя тѣмъ, какія составляютъ теперь содержаніе газетной хроники. Всѣхъ періодическихъ изданій въ 1801 году выходило 13 (теперь ихъ почти въ сто разъ больше): «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», «Политическій Журналь», напоминающій современные ежемѣсячники, «Инокрена или Утѣха Любословія», «Мои Досуги», «Припомненіе Религіи» — изданіе духовно-нравственнаго содержанія, четыре спеціальныя органа: «Академическія Сочиненія», «Продолженіе Древней Русской Визлююнки», «Новое Продолженіе Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества», «Журналь Правовѣдннхъ», наконецъ, одно художественное изданіе: «Сантеонъ Россійскихъ Авторовъ» и два изданія характера сборниковъ: «Правдолюбецъ» и «Утреннія Зари». Всѣ эти изданія выходили въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ провинціи періодическихъ изданій въ 1801 году совсѣмъ не было. Чтобы дать понятіе о газетѣ того времени, референтъ позна-

комилъ съ содержаніемъ №№ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 3-го и 4-го декабря 1801 года, а что касается журналовъ, то остановился на «Политическомъ Журналѣ», издаваемомъ съ 1790 года въ теченіе сорока лѣтъ, на «Шнокрепѣ» и другихъ.

Библиологическое общество. 8-го декабря, въ 8 часовъ вечера, въ помѣщеніи частнаго реальнаго училища (по Загородному пр., д. 58) состоялось общее собраніе русскаго Библиологическаго общества. Э. А. Вольтеромъ прочитанъ былъ докладъ объ осмотрѣ библіотекъ въ Германіи и Австріи. Г. Вольтеръ ставилъ себѣ цѣлью вынести рядъ вопросовъ, касающихся библіотечнаго дѣла, какъ-то: о доставкѣ издателями обязательныхъ экземпляровъ въ государственныя книгохранилища, о техническихъ усовершенствованіяхъ въ переплетномъ дѣлѣ, о лучшемъ способѣ хранения драгоценныхъ гравюръ, объ устройствѣ читальныхъ залъ, о болѣе цѣлесообразномъ устройствѣ полокъ, составленіи каталоговъ, организаціи высылки книгъ иногороднымъ читателямъ, выработкѣ библіотечной бухгалтеріи, дающей возможность во всякую минуту опредѣлить число находящихся въ библіотекѣ томовъ, объ устройствѣ библіотечнаго музея, представляющаго усовершенствованіе техники библіотечнаго дѣла, и т. д. Постановка библіотечнаго дѣла у насъ въ Россіи нуждается во многихъ усовершенствованіяхъ. Такъ обязательными экземплярами у насъ питаются только библіотеки С.-Петербурга, Москвы и Гельсингфорса. Провинція совершенно забыта. Между тѣмъ въ высшей степени желательно, чтобы обязательный экземпляръ поступалъ также въ центральное книгохранилище того города, гдѣ книга издапа. Большое мѣсто библіотекъ составляетъ установившееся обыкновеніе составлять комплектъ обязательныхъ экземпляровъ изъ дефектныхъ и негодныхъ. Но мнѣнію референта, было бы желательно установить порядокъ, по которому издатели непосредственно отъ себя разсылали бы обязательные экземпляры въ библіотеки, а не чрезъ цензурный комитетъ, такъ какъ теперь, не желая замедлять выхода книжки, они посылаютъ не только исправные экземпляры.

Общество дѣятелей печатнаго дѣла. 19-го декабря, разсматривался подъ предсѣдательствомъ В. В. Сабанина вопросъ объ устройствѣ концертовъ, чтеній и т. п. для увеличенія средствъ общества. Общее собраніе, повидному, не особенно склонно было прибѣгать къ подобнымъ экстраординарнымъ мѣрамъ, которыя скорѣе приличествуютъ какому-нибудь благотворительному учрежденію, тѣмъ не менѣе вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Было только оговорено, чтобы концерты устраивались безъ танцевъ. Принято предложеніе совѣта о допущеніи въ члены общества юридическихъ лицъ, вслѣдствіе чего будетъ дополненъ и § 5 устава. Собраніемъ единогласно утверждена смета прихода и расхода на 1902 г. Приходъ исчисленъ въ 4,415 рублей, главный источникъ котораго—членскіе взносы (болѣе 2,000 р.). Закрытой баллотировкой въ почетные члены Общества избранъ Р. Р. Голике, въ действительные члены: И. П. Божеряновъ, Э. Э. Борисъ, Ю. Р. Вольнеръ, К. О. Кирхнеръ, М. П. Мельниковъ, И. В. Мѣщаниновъ. По окончаніи общаго собранія состоялась подъ предсѣдательствомъ Г. П. Франка техническая бесѣда, которая изцѣло была посвящена обсужденію проекта объ упорядоченіи ученичества въ типогра-

фійяхъ, выработанаго особой комиссіей. Въ общемъ комиссія пришла къ слѣдующему: 1) при приѣмѣ учениковъ необходимо имѣть въ виду степень образованія, здоровье и возрастъ; 2) для того, чтобы учениковъ дѣйствительно учили, а не пользовались ими, какъ это дѣлается во многихъ типографіяхъ, въ качествѣ посыльныхъ, предполагается ограничить срокъ ученичества, нормировать число учениковъ относительно наборщиковъ и подвергать экзамену при специально устроенномъ при обществѣ бюро; 3) имѣя въ виду, что на малоусибный ходъ обученія имѣетъ громадное влияние переходъ учениковъ изъ одной типографіи въ другую, гдѣ они уже выдаютъ себя за наборщиковъ, установить регистрацію учениковъ и выдержавшимъ экзаменъ выдавать свидѣтельства или билеты, удостоверяемый старшимъ инспекторомъ типографій; 4) для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня учениковъ устранять общегитія, полезныя развлеченія, прогулки по образованнымъ заведениямъ печатнаго дѣла и проч.; председателю было предложено высказаться по существу проекта; между прочимъ, выяснилось, что положеніе учениковъ въ нашихъ типографіяхъ за рѣдкими исключеніями въ высшей степени печальное, требующее скорѣйшаго измѣненія къ лучшему. Оживленные пренія по поводу проекта ясно доказали, что вопросъ этотъ дѣйствительно назрѣлъ, и техническая комиссія во время постановки его на очередь, за что многочисленнымъ присутствовавшимъ и была выражена благодарность председателю ея.

Намятникъ первопечатнику. Въ настоящее время въ императорское московское археологическое общество поступило уже очень много заявленій о желаніи принять участіе въ конкурсѣ по составленію проекта намятника первопечатнику дѣккану Ивану Федорову. Интересно, что заявленія поступаютъ изъ ставианскихъ земель, Франціи и Австріи. Отъ одного болгарскаго художника получилъ даже эскизъ намятника. Археологическое общество въ свое время ходатайствовало предъ городскимъ управленіемъ объ отводѣ земли для постановки намятника на Театральной площади, у Китайской стѣны, вблизи Синодальной типографіи. Городское управленіе отказало въ этомъ ходатайствѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что не представляется возможнымъ загромождать площадь сооруженіями. Въ настоящее же время само городское управленіе заняло неприкосновенное мѣсто подземнымъ туалетнымъ навильономъ съ двумя высокими выступами, которые обезобразили площадь. А намятникъ первопечатнику относится въ уголь къ Проломнымъ воротамъ, къ Третьяковскому проѣзду.

Географическое общество. 1. 30-го ноября, А. А. Ешевскій сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи по Манчжуріи отъ Нортъ-Артура вдоль линіи Восточно-Китайской желѣзной дороги до Хайлара и русской границы. Не останавливаясь на подробностяхъ, уже извѣстныхъ, упомянемъ прежде всего объ описаніи докладчикомъ города Дальняго, который, по всей вѣроятности, будетъ имѣть очень важное значеніе какъ въ торговомъ, такъ и другихъ отношеніяхъ. Теперь въ этомъ городѣ строится портъ для глубоководныхъ судовъ, заняты земельными работами до 30.000 китайцевъ, и ихъ работа покажется довольно странною непривычному челоуѣку; вмѣсто того, чтобы возить землю въ тачкахъ, китайцы переносятъ ее въ маленькихъ корзинахъ на коромыслахъ, что,

конечно, не способствуетъ быстротѣ работы, впрочемъ китайцы выкупаютъ свои недостатки—слабосиліе и медлительность—необычайнымъ упорствомъ и выносливостью, при томъ праздниковъ китайцы почти не знаютъ, и прогульныхъ дней у нихъ не бываетъ. Существуетъ опасеніе, что Дальній будетъ составлять нежелательную конкуренцію для г. Нинкоу, главнаго торговаго центра Манчжуріи. Докладчикъ полагаетъ, что эти опасенія не основательны. Эти два центра должны будутъ лишь дополнять дѣятельность другъ друга. Не надо забывать, что сообщеніе съ Нинкоу водой прекращается на 3 мѣсяца, тогда какъ въ Дальнемъ всегда открытъ портъ, но въ то же время Нинкоу занимаетъ настолько выгодное положеніе для сосредоточенія торговли, и торговцы такъ привыкли производить черезъ него свои торговые обороты, что едва ли Дальній будетъ въ состояніи отнять значеніе у Нинкоу. Городъ этотъ лежитъ въ наиболѣе плодородной и богатой мѣстности Манчжуріи. Изъ Нинкоу докладчикъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Мукденъ, бывшую столицу Манчжуріи; дорога идетъ среди великолѣпной долины, засѣянной рисомъ, хлопкомъ и просомъ. Поѣзда, конечно, идутъ медленно, остановки на станціяхъ продолжаются по 6—10 часовъ. Дорога обходитъ Мукденъ верстъ на 20. Несмотря на большое неудобство, это сдѣлано по просьбѣ китайскаго правительства, указавшаго на то, что близъ Мукдена находятся императорскія могилы, и нарушеніе тишины этихъ могилъ желѣзнодорожнымъ шумомъ могло бы вызвать неудовольствіе народа. Такимъ образомъ до Мукдена верстъ 20 приходится ѣхать на лошадахъ, иногда это путешествіе продолжается около сутокъ, докладчикъ же попалъ въ удачное время, и переѣздъ былъ сдѣланъ въ 6 часовъ. Дорога здѣсь отвратительная, единственно хороши мосты, построенные еще 300 лѣтъ назадъ, но, къ сожалѣнію, оставленные теперь безъ пользованія, такъ какъ громадные лужи около мостовъ заставляютъ проѣзжихъ предпочитать объѣзды по гатиамъ. Съ китайцами мы теперь въ хорошихъ отношеніяхъ, и русскіе даже предоставили вышнюю охрану Мукдена китайскому караулу. Въ Мукденѣ стоитъ еще императорскій дворецъ, въ которомъ живутъ 5 мандариновъ и чиновники; несмотря на это, разрушеніе дворца таково, что жизнь въ немъ представляетъ серіозную опасность. Повидимому, дворецъ не ремонтировался еще 300 лѣтъ, хотя суммы на ремонтъ отпускались исправно. Во многихъ залахъ, также и въ великолѣпномъ тронномъ, нѣтъ потолоковъ, дерево до того сгнило, что палка легко дѣлаетъ въ немъ отверстіе, на крышахъ растутъ цѣлыя деревья. Особенно печально, что въ этомъ зданіи находится богатѣйшая китайская бібліотека, ежеминутно рискующая погибнуть въ развалинахъ или огнѣ. Въ такомъ же запустѣніи и императорскія могилы; ближнія могилы находятся въ 5-ти верстахъ отъ города, дальнія—въ 18-ти. Когда-то это были величественныя сооруженія, расположенныя въ замѣчательно красивой сосновой рощѣ, теперь вездѣ полное разрушеніе. Изъ Мукдена г. Еневскій пріѣхалъ въ Телингъ, затѣмъ побывалъ въ Харбинѣ, которому прочитъ блестящую будущность, какъ узловой станціи для трехъ желѣзныхъ дорогъ. Экономическая жизнь Манчжуріи значительно поднялась, но мнѣнію докладчика, съ прібытіемъ русскихъ, китайская торговля расширилась, такъ какъ уже исчезаетъ понемноту страхъ передъ китайскимъ чиновникомъ, безнаказанно обирающимъ населеніе. Насе-

леніе поэтому относится къ русскимъ довольно дружелюбно, врагами же остались тѣ же чиновники. II. Въ состоявшемся 11-го декабря засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической В. А. Федченко сдѣлать докладъ объ экспедиціи своей послѣднимъ лѣтомъ въ Памиръ Шугчанъ, отчетъ которой мы помѣщаемъ ниже (см. «Географическіе экспедиціи»). Въ этомъ же засѣданіи С. П. Макенковъ сдѣлать небольшое сообщеніе о наблюденіяхъ, произведенныхъ имъ надъ почвенными водами, колебаніе уровня конхъ стоитъ въ связи съ колебаніемъ уровня рѣкъ; вопросъ этотъ въ виду его интереса и важности отданъ на обсужденіе метеорологической комиссіи. И. В. Мушкетовъ доложилъ членамъ собранія о томъ, что въ нынѣшнемъ году у отдѣленія отъ расходовъ на изданія остается свободныхъ 6.000 рублей, которые могутъ быть употреблены на организацию экспедицій, что было недоступно данному отдѣленію уже два года. III. 12-го декабря, подъ предѣтельствомъ И. П. Семелова, въ общемъ собраніи П. Ю. Шмидтъ, начальникъ корейско-сахалинской экспедиціи, сдѣлать общій очеркъ дѣятельности ея въ 1900—1901 гг. Экспедиція эта была снаряжена географическимъ обществомъ въ 1899 г. Задачи экспедиціи были очень широкі, выполненію же ихъ въ полномъ ихъ объемѣ помѣшали восточныя событія прошлаго года, но все-таки полученные результаты обильны и дѣсны. Экспедиція подвергла основательному изученію морскую фауну залива Петра Великаго, фауну Японскаго моря, совершила сухонутное путешествіе въ Корею и изучила рыбныя промыслы Сахалина. Въ заливѣ Петра Великаго производились изысканія на различныхъ глубинахъ (до 120 саж.) у Аскольдова острова, въ бухтѣ Находка и другихъ мѣстахъ; на 120-ти-саженной глубинѣ были извлечены очень красивыя морскія лиліи; очень интереснымъ по своей природѣ оказался островъ Аскольдовъ, онъ не великъ—всего 6 верстъ длины и представляетъ собою тайгу, гдѣ постоянно водятся олени, на немъ же находятся золотыя прииски. Изученіе морской фауны продолжалось въ Корей—въ заливѣ Врутона, и привело къ заключенію сходства фауны послѣдняго залива съ заливомъ Петра Великаго, а также заставляетъ сомнѣваться въ существованіи предполагаемаго холоднаго течения, идущаго Охотскимъ моремъ и Татарскимъ проливомъ. Путешествіе къ восточному берегу Кореи, въ Алмазныя горы и къ вершинѣ Санабонъ было исполнено нѣшкомъ, съ большими затрудненіями, вѣдствие избалованности вьючныхъ лошадей, привыкшихъ ѣсть только откварные бобы, и ихъ проводниковъ, которые отказываются почевать подъ открытымъ небомъ и выекаиваютъ обязательно гостиницы, гдѣ нѣжатся на подогрѣтыхъ дымовымъ ходомъ полахъ; мѣстность представляетъ собою долину, покрытую рисовыми полями, небольшими холмами, красиво испещренную верстовыми столбами съ изображеніемъ человѣческихъ головъ и священными деревьями, увѣшанными нестрыми лоскутками; дорога къ Алмазнымъ горамъ и въ самыхъ горахъ очень живописна—всюду грандіозныя ущелья, потоки, скалы съ высѣченными изображеніями Будды и многочисленные монастыри, единственные разсадники буддизма въ Корей. Въ монастыряхъ путешественники находили радушный пріемъ, имъ предоставлялся даровой ночлегъ, но за сдѣланный ризъ предъявлялся счетъ, а также представлялись книги для рас-

писыванія и пожертвованій. Отъ Сансабона экспедиція повернула къ Фузану и отъ Фузана прошла до Сеула; послѣдній путь представляетъ собою туристскую страну и безлѣсная долина, богатая луговой растительностью; край этотъ является центромъ корейскаго скотоводства. По дорогѣ попадались интересныя процессіи, переносяція священныя таблицы въ конфуціанскіе храмы, а также покойниковъ съ одного мѣста на другое, что дѣлается, когда въ семьѣ кому-нибудь не везетъ послѣ смерти родича. Сеулъ представляетъ собою крайне жалкій видъ и, вѣроятно, является бѣднѣйшей столицей міра; дворцы очень бѣдны и снабжены бумажными окнами и полами; рѣзкимъ контрастомъ ко всему этому является электрической трамвай, устроенный американцами. Всего по Корей по мало извѣстнымъ странамъ было сдѣлано экспедиціей пѣшкомъ 1.200 верстъ: были сдѣланы бѣглыя съемки, метеорологическія наблюденія, собраны богатые этнографическія, ботаническія и зоологическія коллекціи. Въ Японіи въ разныхъ частяхъ Кіу-Сіу извлечено до 400 видовъ рыбы и изъ нихъ много новыхъ и интересныхъ. На Сахалинѣ изъ Корсаковска было совершено нѣсколько сухопутныхъ поѣздокъ для изученія сельдяного, лососиннаго и китоваго про мысловъ; на югѣ Сахалина добывается около 4²/₂ пудовъ сельдей, перерабатываемыхъ японскими промышленниками въ удобрительные туки. Чтеніе доклада иллюстрировалось обильными фотографіями и выставленной богатой художественно-этнографической коллекціей. IV. Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, 14-го декабря, подъ предѣлательствомъ академика В. Н. Ламанскаго, членъ сотрудникъ общества П. Е. Опчурковъ, ѣздившій шибунимъ лѣтомъ на Печору, сдѣлалъ докладъ о «расколѣ на Изовой Печорѣ». Изовая Печора населена русскими, часть которыхъ коренные потомки новгородцевъ, пришедшихъ сюда въ началѣ XVI-го вѣка. Теперь Изовая Печора административно дѣлится на двѣ волости: Пустозерскую и Усть-Цылемскую, жители которыхъ рѣзко различаются и въ бытовомъ отношеніи: пустозеры православные, устьцылемы — раскольники-безионовицы. 80 сличкомъ селеній устьцылемовъ раскиданы на громадномъ пространствѣ, по берегамъ какъ самой Печоры, такъ и ея притоковъ — Цыльмы, Нижмы и Перицы. Какъ поморцы, устьцылемы отрицаютъ таинства и священство, но изъ чисто практическихъ соображеній почти всѣ вѣнчаются въ православной церкви. Послѣ вѣнчанія на брачанцахъ всегда накладывается эпитимія, состоящая въ постѣ и въ нѣсколькихъ сотняхъ земныхъ поклоновъ въ день. Передъ вѣнчаніемъ въ православной церкви раскольниковъ миропомазываютъ, присоединяя такимъ образомъ къ православію, но устьцылемы и дальше, во всю послѣдующую жизнь, конечно, отнюдь не считаютъ себя православными и отказываются исполнять предъявляемыя къ нимъ священниками требованія: ходитъ на исповѣдь и причащеніе, крестить и хоронить по православному обряду и прочее. Все это служитъ причиною недоразумѣній. Дѣтей крестятъ у раскольниковъ книжныя старушки и старики-наставники, при чемъ умираютъ иногда и некрещеными; зато принято креститься на старости, передъ смертью, чтобы, явись на тотъ свѣтъ съ новымъ именемъ, не отвѣчать за нажитыя во всю жизнь при старомъ имени грѣхи. Не желая хоронить по православному обряду, устьцылемы хоронятъ своихъ покойниковъ ночью гдѣ нибудь въ полѣ, подгѣ овина; дѣтей замыш-

являютъ во дворѣ, а бывали случаи, что и въ подпольѣ. Такъ какъ и смерть и рожденіе всегда скрываются, то настоящая цифра населенія въ волости никогда навѣрное неизвѣстна: многіе, давно уже умершіе, въ спискахъ все еще числятся живыми. Таинства причащенія у печорскихъ раскольниковъ нѣтъ, а исповѣдываются они у своихъ стариковъ наставниковъ. Исповѣдь бываетъ обычно «общая», при чемъ исповѣдники раздѣляются на группы: малочашечниковъ, т.-е. кержачащихъ, ѣдящихъ каждый изъ своей чашки, большечашечниковъ, ѣдящихъ въ своей семьѣ изъ общей чашки, и поперечныхъ, ѣдящихъ изъ одной посуды, или даже съ «мірскими», т.-е. православными, что случается, напримѣръ, въ дорогѣ. На общій исповѣди наставникъ громко вычитываетъ по списку грѣхи, главнымъ образомъ противъ никоніанства, а исповѣдники хоромъ отвѣчаютъ: «грѣшенъ». Живущее въ Усть-Цыльмѣ духовенство и чиновничество обвиняютъ устыцлемость (устыцлемъ и устыцлемка,—это нарицательная имена жителей всей волости, точно такъ же, какъ пустозеръ, пустозерка—житель вообще Пустозерской волости) въ суровомъ обращеніи, въ нелюбви къ дѣтямъ, отчего будто происходитъ сильная дѣтская смертность. Нелюбовь къ дѣтямъ г. Оичуковъ объясняетъ послѣдіемъ бракоборнаго ученія, при которомъ бракъ въ антихристово время блудъ, и дѣти, прижитыя отъ него, не чисты, а слѣдовательно недостойны любви. Но ученіе это на Печорѣ теперь совсѣмъ исчезло, и дѣтская смертность въ Усть-Цылемской волости едва ли сильнѣе таковой же вообще въ деревняхъ по всей Россіи. Превеличѣннымъ сильно также считаетъ докладчикъ и мифіе о странной развращенности, распущенности раскольниковъ устыцлемовъ. Правы у сосѣдей устыцлемовъ, съ одной стороны пустозеровъ, съ другой—зырянъ-ижемцевъ, могутъ быть дѣйствительно нѣсколько чище, но зато у раскольниковъ устыцлемовъ несравненно выше положеніе женщины въ семьѣ. У зырянъ-ижемцевъ женщина до сихъ поръ безответная раба мужа, въ семьѣ устыцлема жонка совершенно полноправный членъ семьи; особенно цѣнится устыцлемская «жонка», какъ хранительница старовѣрства, блюстительница «древняго благочестія». Поэтому грамотны въ Усть-Цылемской волости больше, пожалуй, женщины. Вообще раскольники устыцлемы очень добрый, гостепріимный, очень общительный народъ, при этомъ народъ очень честный: устыцлемы совсѣмъ не причастны, напримѣръ, къ той варяжской эксплуатаціи обитающихъ въ тундрахъ Печоры самоѣдовъ, которую продѣлывали надъ самоѣдами и до сихъ поръ продѣлываютъ православные ижемцы-зыряне и русскіе пустозеры. Страшная эксплуатація самоѣдовъ ижемцами и пустозерами, много разъ засвидѣтельствованная официально (напримѣръ, въ 1888 г. архангельскимъ губернаторомъ княземъ Н. Д. Голлицынымъ), привела къ печальнымъ результатамъ; самоѣды теперь совершенно сплились, развратились, всѣ поголовно заражены сифилисомъ, а ихъ богатство—стада оленей, перешло къ ижемцамъ и пустозерамъ. Изъ прежнихъ богачей самоѣдовъ уцѣлѣли единицы, большинство же или въ пастухахъ оленьихъ стадъ у ижемцевъ и пустозеровъ, или живетъ въ дырявыхъ чумахъ около русскихъ селеній, питаясь Христа ради. Въ заслугу печорскому расколу можно поставить еще то, что, будучи больше консервативенъ, чѣмъ православное населеніе, расколъ больше, чѣмъ послѣднее сохранилъ въ себѣ древній

укладъ и обличіе русской жизни. Это сказывается и въ рѣчи — староновгородскій говоръ, въ одеждѣ — женщины до сихъ поръ носятъ парчевая одежды и кокопники, шушуны и душегрейки, въ формахъ быта — сильное разнѣіе общиннаго начала. Сказывается это и въ поэзіи: устьцалема пока еще не знаютъ пѣсенъ частушекъ, поютъ исключительно старія, досельная пѣши и даже былины; свадьбы справляютъ по древне-установленному чину. Общій выводъ докладчика о печорскомъ расколѣ таковъ: чего либо строго опредѣленнаго, всѣми ясно сознаваемаго въ теоретическомъ ученіи раскола въ настоящее время здѣсь нѣтъ, мало того, съ каждымъ годомъ все больше и больше падаетъ интеллигентность раскола, что г. Ончуковъ наблюдалъ лѣтомъ 1900 года также и среди раскольниковъ на рѣкѣ Колиѣ, Умѣ и верхней Печорѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Унадокъ интеллигентности въ печорскомъ расколѣ докладчикъ ставитъ въ связь съ кажущимся ему ослабленіемъ духа раскола въ Россіи вообще, а это зависитъ, можетъ быть, отъ поворота народныхъ стремленій въ релігіозной сферѣ въ сторону рационалистическаго сектанства; послѣднее, какъ извѣстно, годъ-отъ-году усиливается. Отчасти это зависитъ и отъ уменьшенія напряженности раскола, что въ свою очередь можетъ быть объяснено закономъ 1883 года, уменьшившимъ сравнительно строгость преслѣдованій за вѣру. Надѣнію интеллигентности печорскаго раскола способствовали и свои, чисто печорскія причины: это паденіе раскольничьей грамотности среди устьцалемовъ. А пала эта грамотность потому, что въ 1844 году былъ закрытъ Великоноженскій скитъ на р. Нижмѣ, тотъ самый, гдѣ въ 1844 году произошло самоожженіе раскольниковъ, въ числѣ 86 человекъ. Великоноженскій скитъ въ теченіе 100 слишкомъ лѣтъ служилъ разсадникомъ грамотности на Печорѣ. Въ настоящее время потребность въ грамотности на Печорѣ очень сильна, какъ и вездѣ, что и удовлетворяютъ отчасти министерскія училища и церковно-приходскія школы: отчасти потому, что училищъ этихъ слишкомъ мало, а у раскольниковъ и потому еще особенно, что они не совсемъ охотно отдаютъ въ нихъ дѣтей. Докладчику посчастливилось рѣшить въ положительномъ смыслѣ вопросъ о былинахъ на Печорѣ. Таковыя до сихъ поръ на Печорѣ только неувѣренно предполагались, но г. Ончуковъ записалъ и привезъ нѣсколько былинъ, надѣясь использовать всѣ эти быстро исчезающія сокровища народнаго творчества въ слѣдующую поѣздку на Печору, будущимъ лѣтомъ. V. 29-го декабря, въ актовомъ залѣ университета, состоялось торжественное засѣданіе совмѣстно съ секціями физической географіи и географіи XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Засѣданіе открылось рѣчью председателя П. П. Семенова, приблизительно слѣдующаго содержания: императорское русское географическое общество въ болѣе чѣмъ полуувѣковой своей дѣятельности, стремясь къ разностороннему изученію Россіи и страдая, съ нею сопряженыхъ, всѣми силами старалось расширить географическую область естествознанія: вотъ почему большинство участниковъ многочисленныхъ сварижаемыхъ имъ экспедицій были естествоиспытателями; вотъ почему императорское русское географическое общество въ теченіе своей дѣятельности шло рука объ руку съ русскими естествоиспытателями, и вотъ почему

нынѣ, въ данномъ собраніи, оно считаетъ ихъ не гостями, а своими. «Примите же, — продолжалъ Н. Н. Семеновъ, — дорогие товарищи по естествознанію и по изслѣдованію дорогого намъ отечества, горячій мой привѣтъ отъ имени всего русскаго географическаго общества. Привѣтъ этотъ тѣмъ болѣе относится къ съѣхавшимся съ разныхъ концовъ Россіи труженникамъ науки, что въ томъѣ фазисѣ, въ которомъ находится современное положеніе географическихъ познаній Россіи, мы нуждаемся въ мѣстныхъ изслѣдователяхъ, имѣющихъ корни въ разныхъ частяхъ обширнаго нашего отечества и поставленныхъ въ возможность наблюдать на мѣстахъ своего жительства явленія природы интенсивно въ ихъ ежедневномъ движеніи и измѣненіи. Поэтому императорское русское географическое общество съ особенною радостью смотритъ на собравшихся въ большинствѣ числѣ со всѣхъ концовъ Россіи на нынѣшнемъ съѣздѣ естествоиспытателей и на необыкновенное его оживленіе. Наглядно убѣждаемся мы, что наука естествознанія идетъ у насъ впередъ быстрыми шагами, и намъ, начавшимъ свою дѣятельность полвѣка назадъ, когда насъ было еще такъ мало, остается передать столь полнымъ жизни и силы молодымъ поколѣніямъ русскіхъ естествоиспытателей и географовъ заветъ самоотверженнаго служенія наукѣ и любви къ дорогому и славному нашему отечеству, служенію которому мы такъ беззаветно готовы отдать до конца нашихъ дней всѣ свои силы». Рѣчь Н. Н. Семенова была покрыта долгими и горячими рукоплесканіями. Затѣмъ Н. А. Зарудный сдѣлалъ краткій предварительный отчетъ объ очень интересномъ путешествіи въ Восточную Персію, сдѣланномъ имъ въ 1900—1901 гг. по порученію географическаго общества. Это путешествіе въ Персію Н. А. Заруднаго является уже третьимъ, при чемъ онъ дошелъ въ послѣдней экспедиціи до самой Индіи. Экспедиція продолжалась одинъ годъ, пройдено болѣе 4 тысячи верстъ, изслѣдованы тщательно восточныя части Сеистана, и Персидскій Белуджистанъ пройденъ совершенно новыми путями. Первоначальное намѣреніе посетить Хеласкій Белуджистанъ не могло осуществиться, такъ какъ подъ влияніемъ англичанъ экспедиція туда не была пропущена. Сеистанъ — одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ странъ, это — Египетъ въ миниатюрѣ; она носитъ на себѣ слѣды очень древней культуры и является крайне важнымъ стратегическимъ пунктомъ для англичанъ. Белуджистанъ въ своемъ оазисѣ Метасъ, по долинѣ рѣки Рутъ-Сарбасъ — самая большая и населенная часть Ирана; лучшее селеніе Белуджистана — Бабу-Келатъ, въ немъ много лавокъ, наполненныхъ предметами европейской культуры, по проехоженію своему преимущественно изъ Германіи и Франціи; впрочемъ встрѣчаются русскіе товары: керосинъ и даже самовары. Въ крайнемъ пунктѣ Персіи, портѣ Чахбаръ, являющемся телеграфной англійской станціей, экспедиція встрѣтила очень радушный пріемъ и желаніе полного содѣйствія въ приобрѣтеніи научнаго матеріала. Экспедиція привезла огромныя коллекціи, преимущественно зоологическія, произвела метеорологическія наблюденія, нанесеніе картъ, опредѣленіе высотъ, сдѣлала множество фотографическихъ снимковъ и вообще оказалась очень плодотворной по своимъ результатамъ.

Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. I. 17-го декабря, въ зданіи консерваторіи, происхо-

дло очередное засѣданіе музыкально-этнографической комиссіи, состоящей при отдѣлѣ подѣ председательствомъ Н. А. Яичука. Въ засѣданіи была окончательно рассмотрѣна и утверждена къ печатанію и разсылкѣ издаваемая комиссіей подѣ редакціей ея секретаря А. Л. Маслова подробная программа для собранія пѣсенныхъ мотивовъ и всевозможныхъ свѣдѣній, касающихся народной музыки. Отсутствие такой руководящей программы, доступной для всякаго любителя народной музыки, очень дурно отражалось на всѣхъ потныхъ записяхъ, дѣлаемыхъ любителями, и силовъ и рядомъ эти записи оказывались мало пригодными для научныхъ цѣлей. Сознвая этотъ недостатокъ, комиссія прежде всего позаботилась о такомъ полезномъ и необходимомъ руководствѣ, которымъ она и начинаеть серію своихъ изданій, запасшись для начала небольшой суммой отъ устраниваемыхъ ею этнографическихъ концертовъ. Въ томъ же засѣданіи, между прочимъ, шла рѣчь объ устройствѣ слѣдующаго (V-го) этнографическаго концерта, который назначенъ на 30-е января 1902 года въ залѣ Романова и будетъ состоять изъ образцовъ народной музыки великорусовъ, бѣлорусовъ, малорусовъ, литовцевъ, грузинъ, финляндцевъ, мордовъ, волжковъ и саратовъ, какъ изъ существующихъ въ печати сборниковъ, такъ и изъ новыхъ матеріаловъ, собранныхъ за послѣднее время членами комиссіи во время специальныхъ командировокъ отъ этнографическаго отдѣла. Нѣкоторыя изъ этихъ записей дѣлались при посредствѣ фонографа (Е. Э. Лиевой, А. Л. Масловымъ, Н. С. Тезиловскимъ, Д. П. Аракчиевымъ и др.) и, переведенныя на бумагу, онѣ даютъ фотографически вѣрную копию народнаго исполненія. В. В. Паскаловъ доложилъ въ засѣданіи оцѣнку объемистаго сборника литовскихъ пѣсенъ (болѣе 700 номеровъ), собранныхъ ксендзомъ Ант. Юнкевичемъ и изданныхъ подѣ редакціей Сиг. Носковского и Н. Бодуэна де-Куртенэ Краковской академіи наукъ въ прошломъ году къ 500-лѣтію Ягеллонскаго университета. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ будутъ исполнены въ концертѣ 30-го января. II. 19-го декабря въ политехническомъ музеѣ происходило публичное соединенное засѣданіе отдѣла и состоящей при отдѣлѣ музыкально-этнографической комиссіи. Д. П. Аракчиевъ въ обширномъ докладѣ ознакомилъ собраніе съ историческимъ развитіемъ грузинской музыки. Начавъ съ языческой эпохи, референтъ перешелъ затѣмъ къ христіанской церковной музыкѣ, наконецъ охарактеризовалъ современную свѣтскую музыку, раздѣливъ ее на музыку деревни и музыку города; на первой отразился въ сильной степени церковный складъ, а вторая перѣдко представляетъ собою смѣсь арабской, персидской и западно-европейской музыки. Чтеніе сопровождалось многочисленными музыкальными номерами, которые были исполнены на фортепiano, на грамофонѣ, хоромъ и солистами. Многочисленная публика принимала референта и исполнителей дружными аплодисментами. Въ пропеходившемъ затѣмъ закрытомъ засѣданіи были произведены выборы членовъ бюро. Оказались выбранными на слѣдующее трѣхлѣтіе: председатель В. Ф. Миллеръ, товарищъ председателя Н. А. Яичукъ, секретарь В. В. Богдановъ, бібліотекаръ А. П. Максимовъ.

Общество любителей изслѣдованія Алтая въ Барнаулѣ. 14-го ноября общество праздновало свое первое десятилѣтіе. Торжество было весьма

скромное: собралось на засѣданіе, открытое рѣчью почетнаго предѣдателя общества А. Ф. Кублицкаго-Пюггухъ, 40—50 представителей мѣстной интеллигенціи, что для Барнаула и въ частности для самого общества немного. Присѣтствія обществу со стороны присутствующихъ на собраніи ограничились рѣчью предѣдательствовавшаго, но зато было прочтено около 25-ти приветственныхъ телеграммъ и адресовъ, присланныхъ различными учрежденіями и лицами изъ другихъ городовъ Сибири и Европейской Россіи. Секретаремъ былъ прочитанъ сжатый очеркъ дѣятельности общества за десятилѣтіе; произведены выборы трехъ лицъ, оказавшихъ услуги обществу, въ его почетные члены, а дѣйствительнымъ членомъ общества А. М. Головачевымъ сдѣлано весьма интересное сообщеніе «О семейномъ и общественномъ положеніи киргизской женщины». Этимъ и закончилось «торжество», наиболее любознательной частью котораго было, несомнѣнно, сообщеніе г. Головачева. Въ общемъ торжество все-таки произвело впечатлѣніе довольно тяжелое, чего-то формальнаго, ненужнаго и въ то же время холодно-официальнаго. А между тѣмъ давно ли это самое общество группировало около себя лучшіе элементы мѣстной интеллигенціи, его собранія и даже засѣданія совѣта привлекали многочисленныхъ посѣтителей, которыми горячо обсуждались разнообразнѣйшіе вопросы мѣстной жизни. Обществу усиленно и энергично работало при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ захолустнаго существованія и ограниченности матеріальныхъ средствъ. Истративъ за все десятилѣтіе всего около 10 тысячъ рублей, общество произвело рядъ крупныхъ работъ: произвело подворное изслѣдованіе 130-ти переселенческихъ поселковъ Алтайскаго округа, однодневную перенесъ г. Барнаула, подвергло обследованію начальныя школы въ округѣ въ санитарно-экономическомъ отношеніи, организовало нѣсколько научныхъ командировокъ въ инородческую Алтай, издало четыре тома «Алтайскаго сборника»; на его многолюдныхъ собраніяхъ дѣлались членами общества научныя сообщенія, читались и обсуждались рефераты и доклады. И все это въ какія нибудь пять—шесть лѣтъ. Общество жило и работало. Совсѣмъ иную картину оно представляетъ за послѣдніе годы: дѣятельность его почти замерла, работъ—почти никакихъ, засѣданія весьма рѣдки, интересъ къ обществу въ окружающей средѣ, повидимому, исчезъ. Только въ послѣдній годъ въ немъ наблюдается какъ будто немного болѣе жизни. Объясненія этого печальнаго явленія нужно искать въ общихъ условіяхъ существованія и дѣятельности провинціальнаго научнаго общества, которыя именно и характеризуются періодичностью колебаній въ ихъ энергіи, работѣ и вообще дѣятельности: періоды расцвѣта смѣняются періодами упадка и обратно въ зависимости отъ множества частныхъ условій. Поэтому нельзя придавать преувеличеннаго значенія тому факту, что дѣятельность общества сильно ослабла,—это еще не показываетъ, что оно близится къ смерти: за временнымъ затиханіемъ наступитъ вновь годы усиленной работы. Порукой въ этомъ можетъ служить исторія всѣхъ другихъ сибирскихъ ученыхъ обществъ. Внѣшнимъ толчкомъ для общества, вѣроятно, послужитъ присоединеніе его къ русскому географическому обществу въ качествѣ его поддѣла, о чемъ общество уже уведомлено вице-президентомъ географическаго об-

щества П. П. Семпновымъ, — присоединеніе уже рѣшено, практическое же осуществленіе его требуетъ еще нѣкоторыхъ формальностей.

Географическія экспедиціи. I. Экспедиція П. К. Козлова. Недавно закончилась замѣчательная русская экспедиція, въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ работавшая въ Монголіи и Тибетѣ. Экспедиція эта, въ составѣ всего 18 человекъ, подъ начальствомъ одного изъ «ипенпои гѣзда» Пржевальскаго, поручика Козлова, выступила изъ станицы Алтайской 14 іюля 1899 года и сначала изслѣдовала часть Алтая между русскою границей и городомъ Кобдо. Здѣсь спутникомъ Козлова, Ладигинымъ, были произведены интересныя наблюденія надъ племенемъ урнхайцевъ, которыхъ также называютъ уйгурами. Повидимому, это жалкіе остатки великаго нѣкогда тюркскаго племени, въ настоящее время значительно омоноленныя; въ странѣ ихъ экспедиціей найдены многочисленные памятники древности; круги изъ камней, каменные бабы и проч. Въ августѣ 1899 года экспедиція оставила Кобдо и двинулась далѣе на юго-востокъ, вдоль Монгольскаго Алтая, который состоитъ изъ двухъ параллельныхъ горныхъ цѣпей. Горы эти, обитѣаемыя вѣтрами пустыни, сухи и бѣдны водой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ обнажены совершенно; вѣстами, однако, въ склонахъ ихъ попадаются лѣсы, и нѣкоторыя вершины были покрыты снѣгомъ; у подножія горъ встрѣчались небольшія озера съ солоноватою или прѣсною водой. Около озера Бегеръ были замѣчены страшные звуки, которымъ туземцы придаютъ сверхъестественное происхожденіе. Звукъ, повидимому, происходитъ отъ столкновенія подъ острыми углами теплаго вѣтра, идущаго изъ долины, съ холодными струями горнаго воздуха. Въ мартѣ 1900 года экспедиція перевалила въ ту огромную, болотистую и солончаковую равнину, которая лежитъ на 2¹/₂ версты надъ уровнемъ моря и называется у монголовъ Цайдамомъ; Цайдамъ является какъ бы первою сѣвѣрною ступенью тибетскаго нагорья. Еще у Пржевальскаго установились дружественныя отношенія съ безобиднымъ монгольскимъ населеніемъ Цайдама, и всѣ паки экспедиціи устранивали здѣсь временные склады для той части провіанта и снаряженія, которую невозможно было брать съ собою на мрачныя выси тибетскаго нагорья. Козловъ дѣйствовалъ въ томъ же думѣ; одному изъ «гыгеновъ», оказавшему наибольшія услуги предшествовавшей русской экспедиціи (Роборовскаго), были переданы царскіе подарки (восемь серебряныхъ позолоченныхъ вазъ съ монгольскими надписями); при содѣйствіи монголовъ лишніе запасы были помѣщены въ «хыръ» (глиняной крѣпостцѣ) Барунъ-Засака, гдѣ была также устроена метеорологическая станція. Для охраны склада отъ тибетскихъ разбойниковъ, голюковъ, которые безнаказанно бродятъ по Цайдаму и обижаютъ мѣстныхъ монголовъ, въ «хыръ» были оставлены адъютантъ Козлова Ивановъ съ переводчикомъ и двумя казаками. Внутри ограды былъ вырытъ колодезь для снабженія гарнизона водой на случай осады. Въ маѣ 1900 года экспедиція, въ боевомъ составѣ 15 человекъ, выступила по направленію къ истокамъ Желтой рѣки, несмотря на обычное предупрежденіе со стороны властей ближайшаго китайскаго города Синна (въ провинціи Гань-су), что послѣднія отклоняютъ отъ себя всякую отвѣтственность за возможныя проявленія враждебности по отношенію къ русскимъ со стороны тибетскихъ раз-

бойниковъ; 27 мая 1901 года экспедиція перевалила черезъ проходъ въ 4.500 метровъ высотой, громадный снѣговой (несмотря на крайнюю сухость климата) хребетъ Бурханъ-Будда, составляющій какъ бы сѣверную ограду Тибета въ собственномъ смыслѣ этого слова. По дорогѣ, съ помощью небольшой переносной лодки, было изслѣдовано озеро Алыкъ-норъ. 6 июля перевалили черезъ вторую, столь же высокую, снѣговую цѣпь, Амше-коръ, и вскорѣ съ высокою перевала увидали въ отдаленіи водную площадь озера, изъ котораго выходитъ Желтая рѣка; Пржевальскій называлъ это озеро Русскимъ. Здѣсь по близости кочуетъ разбойничье тибетское племя—голыковъ, уже не разъ нападавшихъ на предшествовавшія русскія экспедиціи. И теперь здѣсь былъ встрѣченъ караванъ голыковъ, возвращавшихся изъ Лхассы; ихъ было 500—600 человекъ, съ двумя тысячами вьючныхъ яковъ. Козловъ сдѣлалъ попытку вступить съ голыками въ миролюбивыя отношенія и добыть отъ нихъ проводника, но это не удалось. Наши смѣльчаки, однако, не пали духомъ, и въ то время, какъ одинъ изъ спутниковъ Козлова, Ладыгинъ, съ восемью казаками наблюдалъ за движеніемъ голыковъ, Козловъ прошелъ вдоль неизслѣдованнаго еще западнаго берега Русскаго озера, а Казнаковъ пробрался еще дальше и почти обогнулъ другое озеро, лежащее выше и соединенное съ первымъ протокомъ,—озеро Джаринъ-норъ (Пржевальскій, открывшій истоки Желтой рѣки, называлъ его озеромъ Экспедиціи). Озера находятся на высотѣ четырехъ верстъ надъ уровнемъ моря (4.100 метровъ); каждое изъ нихъ имѣетъ около 130 верстъ въ окружности и покрыто островами; берега круты; цвѣтъ воды красивый голубовато-зеленый. При помощи переносной лодки были произведены промѣры дна нижняго озера. Температура воды его равнялась 8—9°, температура воздуха нерѣдко опускалась (въ іюнь мѣсяцѣ) до семи градусовъ ниже нуля. Козловъ не сталъ спускаться внизъ по долинѣ Желтой рѣки, гдѣ его ждали вооруженные отряды голыковъ, и направился далѣе къ югу, къ верховьямъ Голубой рѣки (Янгъ-цзы-цзяна), однако онъ письменно уведомилъ главу разбойничьяго племени, Кенегенъ-Сена, что онъ надѣется побывать въ гостяхъ у голыковъ на обратномъ пути. Переправа черезъ Янгъ-цзы совершилась благополучно. Страна, лежавшая южнѣе великой рѣки, весьма живописна и густо населена полукочевыми тангутами. По верхнимъ склонамъ горъ пасутся стада домашнихъ животныхъ, а ниже, въ долинахъ (на высотѣ 3½ верстъ) засѣвается ячмень, дающій самъ 10. По дорогѣ часто встрѣчались деревни, кумирни. Къ счастью, мѣстное населеніе относилось къ экспедиціи дружелюбно. Однако, проникнуть ближе къ Лхассѣ нечего было и думать; одинъ караванъ паломниковъ, возвращавшійся изъ Лхассы въ китайскую провинцію Сы-Чуанъ, распространилъ среди жителей слухъ, будто весной (1900 года) англичане намѣревались овладѣть Лхассой при посредствѣ вооруженной силы, и немалое количество тибетцевъ пало въ бою, защищая священный городъ. Поэтому правительство Далай-ламы распорядилось удвоить предосторожности противъ всякихъ попытокъ иноземцевъ пробраться въ священную область. Ивановъ, оставленный на Цайдамѣ, уведомилъ императорское русское географическое общество черезъ наше посольство въ Пекинѣ, что на складѣ и метеорологическую станцію были сдѣланы тангутскими раз-

бойниками дра-нападенія, въ іюль и октябрь 1900 года; оба раза тангуты были отбиты съ значительными для себя потерями. Въ іюль 1901 года въ Війскѣ были получены тревожныя вѣсти. Въ Кобдо распространился слухъ, что на экспедицію напала двухтысячная орда тангутовъ, и хотя нападеніе было отражено, но лишь цѣною жизни восьми участниковъ экспедиціи, которая находится будто бы въ крайней опасности. Къ счастью, это оказалось не вѣрно. Осенью русское посольство въ Пекинѣ увѣдомило императорское географическое общество, что экспедиція Козлова, прозимовавъ около Чамдо (въ восточномъ Тибетѣ), пробралась затѣмъ новою, нехоженою дотолѣ дорогой, къ озерамъ въ верховьяхъ Желтой рѣки. На пути пришлось дѣйствительно выдержать три сраженія съ тангутами, но исходъ ихъ былъ для экспедиціи благополученъ, и въ срединѣ іюня она возвратилась къ чайдамскому складу въ полномъ составѣ, проведя въ Тибетѣ 13 мѣсяцевъ и собравъ драгоценныя коллекціи. Въ августѣ Козловъ выступилъ въ обратный путь и 16 ноября, какъ увѣдомляютъ телеграммы, перешелъ въ Кяхтѣ русскую границу. Такъ закончилось это долгое и опасное путешествіе, закончилось вполне благополучно, невзирая на страшныя волненія, потрясавшія Китай во время пребыванія экспедиціи въ его предѣлахъ.

II. Изслѣдованіе Сыръ-Дарьи. Рѣка Сыръ-Дарья, только-что изслѣдованная по порученію министерства путей сообщенія, беретъ начало со сибирскаго хребта Тянь-Шаня. Верховья рѣки, по словамъ Н. П. Пузыревскаго, сдѣланнаго докладъ въ заведеніи географическаго общества, отличаются обиліемъ пороговъ, малою глубиной и быстротою теченія, но далѣе она становится, послѣ слиянія съ Кара-Дарьей, настолько глубокою, что вполне возможно устройство здѣсь даже паромнаго сообщенія. Эта верхняя часть рѣки порогами у Ходжента отдѣляется отъ нижняго ея теченія—тоже глубокаго и удобнаго для плаванія. Глубины на фарватерѣ колеблются около 3,3 и даже 4 саж., а мѣстами, у волнутахъ береговъ, доходятъ и до 8 саж.; глубины менѣе 5 футовъ встрѣчаются крайне рѣдко. Общее паденіе рѣки отъ Чиназа до устья—95 саж., и оно распределено очень равномерно на всемъ протяженіи рѣки, чего не бываетъ въ рѣкахъ равнины Европейской Россіи. Ниже Чиназа, верстахъ въ 250, начинаютъ попадаться острова и мели, и рѣка перѣдко течетъ въ нѣсколько руселъ: такой характеръ сохраняется до 624 вер. ниже Чиназа. Здѣсь перѣдко попадаются водовороты довольно значительныхъ размѣровъ. Ниже Ташсаута Сыръ-Дарья представляетъ цѣль плесовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ сначала очень кривыми потоками; ширина плесовъ бываетъ около 300 саж., а протоковъ—50—70 саж., фарватеръ же, случается, доходитъ до 20 саж. ширины. Далѣе до Перовска рѣка все время течетъ однимъ русломъ, ширина ея около 80 саж., и она тутъ вездѣ удобна для судоходства. Въ 12 верстахъ ниже Перовска Сыръ-Дарья отдѣляется отъ себя лѣвымъ рукавомъ Джаманъ-Дарья, который въ меженное время обсыхаетъ. Въ 30 вер. ниже Перовска рѣка раздѣляется на два рукава, обмывающіе островъ Конкуртанъ, длиною до 114 в. и шириною до 13 в. Правый рукавъ называется Караузьякомъ, а лѣвый—Яманъ-Дарью; первый рукавъ раздѣляется далѣе на рядъ протоковъ, которые ниже снова образуютъ одно русло. Другой же рукавъ, Яманъ-Дарья, несетъ главную массу

воды; онъ очень извилистъ, глубоки и напоминаетъ своимъ видомъ каналъ; ширина ея около 40—80 саж., глубина по большей части 4—4 с., наименьшая—5 футовъ. Отъ Кармакчи рѣка снова течетъ однимъ русломъ, но попадаются довольно значительные острова, и извилины рѣки все еще велики; такой характеръ сохраняется до самаго устья. Глубина на фарватерѣ понижается до 8 саж. и наименьшая глубина выше Казалинска—5 ф., а ниже—6 ф. Дельта Сырь-Дарьи постепенно растетъ и за полустолѣтiе увеличилась на 5 верстъ. Около устья рѣка разбивается на рядъ мелкихъ рукавовъ, и это мѣсто носитъ мѣстное названiе Кость-Аралъ; въ настоящее время судоходенъ правый рукавъ. Сырь-Дарья влечетъ за собою массу наносовъ, главнымъ образомъ илистаго характера. Песчаныхъ мелей на рѣкѣ почти-что нѣтъ. Перекаты очень коротки и гораздо устойчивѣе таковыхъ же на Волгѣ и на Дону, конечно, благодаря илистому характеру ложа рѣки; вообще русло Сырь-Дарьи принадлежитъ къ устойчивымъ. О колебанiяхъ уровня воды рѣки данныхъ существуетъ мало. Среднiя скорости теченiя въ меженное время равняются около 3,6 футовъ въ секунду. Бассейнъ Сырь-Дарьи обнимаетъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Долина рѣки, повидимому, является бывшею котловиною большаго внутренняго моря, на что указываетъ и составъ почвы. Поверхность долины очень ровная и затопляется на значительномъ пространствѣ высокими водами рѣки, отлагающими иногда плодородный илъ и выщелачивающими соль изъ почвы, подготовляя такимъ образомъ плодородную поверхность обширнаго протяженiя. Въ нижней части рѣки, отъ Туркестана до Ташеута, берега возвышены до 1 саж. надъ межненнымъ уровнемъ. Они покрыты лѣсомъ и служатъ мѣстогаъ оубдой жизни. Въ нижнемъ теченiи рѣка неоднократно мѣняла русло и покрыла своимъ иломъ около 100.000 кв. верстъ. **III. Озера Намира.**

Н. В. Богоявленскiй, дважды совершившiй путешествиe на Намиръ, сдѣлать 10-го декабря въ запискѣхъ отдѣла ихтiологiи русскаго общества акклиматизацiи интересное сообщенiе объ озерахъ Намира. Исслѣдованiе озеръ произведено референтомъ въ послѣднюю поѣздку лѣтомъ текущаго года. Н. В. Богоявленскiй описалъ сначала первое большое озеро Намира—Каракуль, въ переводѣ «грознае», «черное» очеро. Восточный берегъ озера, по которому лежитъ дорога, вполне безжизненъ, и только издали видѣются бѣлыя полянки, покрытыя какою-то солью. Путешественники остановились на южномъ берегу озера, гдѣ была хоть кое-какая травка. Каракуль представляетъ громадный бассейнъ воды, около 30 верстъ въ длину и 20 верстъ въ ширину. Съ южной стороны къ нему трудно подойти отъ множества мелкихъ озерковъ, которыя всѣ соединяются между собою небольшими проливами. При болѣе близкомъ разсмотрѣнiи оказалось, что всѣ эти мелкiя озера образовались отъ протавившiй подъ почвой цѣлаго слоя льда. Ледъ занимаетъ на южномъ берегу громадную площадь, покрытую сверху на два аршина слоемъ почвы, представляющей тишиное отложенiе озернаго дна. Въ этомъ наносѣ встрѣчается много раковыхъ слизняковъ, а также часто попадаются въ высохшемъ состоянiи взрослые формы веснянокъ, которыя встрѣчаются въ большомъ количествѣ на Намирахъ и домики ихъ отличаются удивительнымъ разнообразiемъ въ постройкѣ. Другое очеро Зоркуль лежитъ на высотѣ болѣе 13.000

футовъ; оно имѣетъ около 12 верстѣ въ ширину и 20 верстѣ въ длину; берега его ожилсненіе береговъ. Каракуля; встрѣчается масса птицы: гуси, утки, балланы, чайки, кулики и др. Биологическій планктонъ озера оказался очень бѣднымъ. Докладчику удалось собрать въ одномъ мѣстѣ берега въ пѣнѣ большое количество зимнихъ дафній, которая были демонстрированы на застѣданіи. Слѣдующее озеро Друмъ, имѣетъ еще не описанное, лежитъ въ юго-западномъ углу Памира. Доступъ къ нему очень труденъ; оно расположено среди отвѣсныхъ горъ, длина его пять верстѣ, ширина—двѣ версты, но глубина простирается до 105 аршинъ. Вода отличается замѣчательною прозрачностью: въ озерѣ много рыбы, но планктонъ очень бѣденъ. Отсюда путешественники отправились къ озеру Яшил-куль, или Зеленому озеру, гдѣ произошло столкновение афганцевъ съ русскими. Длина его около 20 верстѣ, а ширина—4—5 верстѣ. Природа этого озера рѣзко отличается отъ другихъ озеръ; флора его совершенно другая и напоминаетъ флору низко лежащихъ мѣстѣ. Около Зеленаго озера водится амфибія—жаба. Въ берега изобилуютъ массою птицы; по долинѣ рѣчки, впадающей въ Яшил-куль, растетъ много травы и находится множество кочевковъ. Въ фаунистическомъ отношеніи озеро не представляетъ ничего особеннаго. Но зато три озера, лежація недалеко отъ Яшил-куля, поражаютъ своимъ невѣроятнымъ развитіемъ одной формы листоногихъ раковъ. Весь берегъ одного небольшого и неглубокого озера ($\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина) былъ покрытъ яйцами артемій. Все дно было покрыто, приблизительно на вершокъ, шкурками тѣхъ же артемій. Плавать по озеру было невозможно отъ запаха разлагающихся рачьихъ тѣлъ. Среди мутной бѣлесоватой воды озера выплывали какъ будто темнокрасные змѣи, длиною около аршина, а толщиною въ руку. Эти змѣи при внимательномъ разсмотрѣніи оказывались плавающими стадами темнокрасныхъ артемій. Кромѣ перечисленныхъ озеръ, Н. В. Богоявленскимъ были еще изслѣдованы два озера --Шоръ и Раткуль, лежація на сѣверо-восточномъ Памирѣ, недалеко отъ Китайской границы. **IV. Памиръ и Шугнанъ.** Минувшимъ лѣтомъ дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества В. Н. Федченко былъ предпринятъ рядъ изслѣдованій въ области высочайшаго нагорья Азіа—Памира и долины Шугнана, недавно присоединеннаго къ Бухарѣ отъ Афганистана. Изслѣдователю удалось проникнуть туда съ границъ Бадахшана и подножій Гиндукуна. Главною цѣлью экспедиціи являлись ботаническія изслѣдованія, но произведены также изслѣдованія надъ ледниками. Кромѣ того, собраны коллекція насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, коллекція почвъ, и проч. На сѣверномъ склонѣ Алайскаго хребта встрѣчаются тѣнистыя арчевые лѣса, среди которыхъ на полянахъ растутъ въ изобиліи травы, образуя луга, остающіеся совершенно нетронутыми кочующими здѣсь въ теченіе лѣтняго времени киргизами; зимою послѣдніе проводятъ здѣсь все время. Дальнѣйшій путь черезъ Алайскую долину былъ совершенъ при весьма неблагоприятной погодѣ, постоянномъ холодномъ вѣтрѣ. Алай—это рай кочевниковъ: сюда они сходятся со своими тысячными стадами, здѣсь ихъ откармливаютъ въ теченіе іюня и іюля, а къ августу долина уже пустѣетъ. Далѣе черезъ переваль Кызыль-артъ, считающійся какъ бы воротами Памира, экспедиція поднялась на это нагорье Средней Азіа, лежащее немного ниже перевала и пред-

ставяющее каменную пустыню съ рѣдкою и бѣдною растительностью. Для всего Памира извѣстно только 200 видовъ разныхъ растений, а присоединивъ вновь найденные экспедиціей, все же нельзя считать болѣе 250—300 видовъ. Флора здѣсь отличается замѣчательною приспособленностью къ мѣстнымъ тяжелымъ условіямъ. При дальнѣйшемъ движеніи по Памиру путь экспедиціи пролегать мимо озера Большой Кара-куль, гдѣ была сдѣлана дневка. Озеро довольно значительное, около 150 кв. в. Островами и полуостровами оно раздѣлено на двѣ части, восточную—мелкую и западную—глубокую. Берега восточной части озера поднимаются не болѣе 2—3 сажень надъ водою; тутъ образовалась цѣлая цѣпь озеръ, соединенныхъ протоками съ главнымъ. На береговыхъ разрѣзахъ Кара-куля встрѣчаются прослойки подпочвеннаго льда, который, по мнѣнію докладчика, происхожденія озернаго, а не ледниковаго, какъ думали нѣкоторые путешественники. Далѣе экспедиція направилась къ рѣкѣ Мургабу черезъ переваль Акбайталъ, откуда рѣчка того же имени идетъ по долинѣ до Мургаба. У самаго слиянія двухъ рѣкъ расположено Памирскій постъ. Памирскій постъ—русское небольшое укрѣпленіе, существующее всего лѣтъ семь. Здѣсь устроены изъ кирпича-сырца склады, вырыты рвы, окружающіе все поселеніе, лежащее на самой окраинѣ береговой террасы долины Мургаба. Рѣка тутъ течетъ не широкимъ русломъ и даже во время разлива не выходитъ изъ него, развѣ случится особенно сильное половодье. Нижняя терраса рѣки занята болотистымъ лугомъ, а верхняя—растительностью, характерною для каменной пустыни, далѣе склоны горъ также одѣты растительностью, а еще выше въ ущельяхъ встрѣчаются альпійскія лужайки. Съ Памирскаго поста экспедиція пошла сперва внизъ по рѣкѣ Мургабу вдоль рѣки Алигура, при чемъ переправа черезъ Мургабъ совершена была не безъ труда; особенную помощь оказали мѣстные киргизы. Послѣднихъ на Памирѣ немного, 1.200—1.500 человекъ, образующихъ особую Памирскую волость и пользующихся значительными льготами. Лѣтомъ киргизы уходятъ высоко въ горы и пасутъ стада по альпійскимъ лугамъ, и зимою живутъ въ долинахъ рѣкъ или озеръ. Главное ихъ занятіе скотоводство: разводятъ барановъ, верблюдовъ, лошадей и яковъ, составляющихъ главное богатство киргизовъ. Яки доставляютъ не только хорошее молоко, но и служатъ лучшимъ вьючнымъ животнымъ для горныхъ странъ: гдѣ лошадь идти не можетъ, якъ пройдетъ безъ труда. Долина рѣки Алигура не широка, всего верстъ 10, и растительность здѣсь не такъ богата, какъ по Мургабу. Около западнаго конца долины расположено озеро Сасыкъ-куль, само по себѣ небольшое, всего около версты въ діаметрѣ, но очень интересное; вода его соленая. Затѣмъ было посѣчено озеро Яншиль-куль, въ которое впадаетъ рѣка Алигуръ. Это озеро не чтѣ иное, какъ запруженная часть Алигура; ширина его около двухъ верстъ, а длина верстъ 25. Отсюда экспедиція прошла въ Шугнанъ, гдѣ была встрѣчена посланцами шугнанскаго бека, сопровождавшими ее далѣе на всѣмъ пути. Въ долинѣ рѣки Гунга встрѣчались поселенія шугнанцевъ и ихъ посѣвы, но послѣднихъ мало. Сѣютъ тутъ рожь, бобы, горохъ, все попеременно на одномъ полѣ, убираютъ все вмѣстѣ и вмѣстѣ же мелютъ сѣмена, получая смѣшанную муку. Ниже встрѣчались посѣвы табака. Въ селеніи Хорогъ экспедицію встрѣтили бекъ и начальникъ рус-

скаго поста въ этомъ мѣстѣ. Мѣстное населеніе—племя таджиковъ, очень бѣдное; живутъ тутъ въ сакляхъ: сложенныхъ изъ камня; внутри сакли совершенно темныя; единственное отверстіе—маленькая дверь; снятъ на земляныхъ парахъ. Рядомъ каменная ограда для загона скота; дѣтъ, три хижины составляютъ селеніе, рѣдко больше. Изъ домашнихъ животныхъ разводятъ лошадей, коровъ, ослонъ, овецъ, козъ. Изъ Хорога сдѣлана была поѣздка вверхъ по рѣкѣ Ниянжу до поста Нинашиметаго, по довольно трудной дорогѣ, лежащей большею частью по карнизу надъ рѣчными ложами, мѣстами подымому и залитому водами бурной рѣки. Последнія мѣстами довольно широка, мѣстами— всего въ нѣсколько сажень шириною. Нинашиметскій постъ былъ крайнимъ пунктомъ движенія экспедиціи на югъ. Отсюда видны уже склоны Гиндукуна и его проходы. Результаты путешествія слѣдующіе: всего пройдено свыше 1.500 верстъ караваннаго пути, собраны богатая коллекція ботаническій и отчасти по другимъ отраслямъ знаній. **V. Алтайская экспедиція.** Летомъ текущаго года, какъ сообщаетъ «Сибирская Жизнь», извѣстнымъ изслѣдователемъ озеръ Алмаинской области, П. Р. Пгнатовымъ, была предпринята, совместно съ военнымъ топографомъ Розенауеромъ, горнымъ инженеромъ Барятинскимъ и тремя студентами, экспедиція для изученія Телецкаго озера и его многочисленныхъ притоковъ. Въ мѣсяцъ до сихъ поръ свѣдѣній объ этомъ озерѣ, по туземному наименованію «Алтынь-коль», были полныя, неточныя, отрывочныя. Экспедиціи удалось пополнить этотъ пробѣлъ, точно опредѣлить размѣры озера, его глубину, строеніе береговъ, озерную флору и фауну. Произведена была гидрографическая съемка, опиравшаяся на промѣры озера, при помощи лота Томсена, въ 2¹/₂ тыс. точекъ, глубина «Алтынь-коля» доходитъ мѣстами до 170 сажень, днша—173 версты, площадь поверхности—около 200 кв. верстъ. Эти данныя показываютъ, что «Алтынь-коль» занимаетъ третье мѣсто среди русскихъ озеръ, уступаая лишь Каспію и Байкалу. Берега главнаго плеса состоятъ изъ сланцевыхъ массивовъ, южная часть опоясана гранитными скалами. Термическія свойства озера своеобразны: при довольно высокой температурѣ воздуха, верхніе слои воды имѣли 3—4 градуса. Замерзаетъ ежегодно лишь болѣе мелкая часть, главный же плесъ сковывается льдомъ приблизительно одинъ разъ въ семь лѣтъ. Къ сентябрю «Алтынь-коль» становится очень бурнымъ и небезопаснымъ для плаванія. Берега его почти необитаемы. Вблизи лежанія поселенія порываютъ своею бѣдностью. Скотоводство, рыболовство и охота—главные источники существованія для обитателей этого уголка Алтая. Въ озерѣ ловится много рыбы разныхъ видовъ, встрѣчаются ракообразныя, моллюски. Помимо Телецкаго озера и его побережья, экспедиціей обследованъ былъ и бассейнъ рѣки Чулушмана, верховья котораго оказались почти совершенно безлюдными. Р. Пгнатовымъ вывезены богатая зоологическая, ботаническая и геологическая коллекціи. Сълано также свыше 500 фотографическихъ снимковъ.

Общество востоковѣдѣнія. 30-го ноября, Г. В. Тарновскій сдѣлалъ сообщеніе о Бухарѣ. Правительственная власть въ Бухарѣ принадлежитъ эмиру, тремъ его помощникамъ и 43 бекамъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся отдѣльные округа, при чемъ управленіе беками имѣетъ цѣлью не благосостоя-

ние ирригационной области, а личное обогащение правителя. Почва Бухары очень плодородна, и земледелие могло бы процветать здесь, если бы было урегулировано водопользование. Бухара—одна из тех стран, для которых необходимо искусственное орошение. Почти единственным водным источником для Бухары является река Заравшианг, половина которой находится в русских пределах. В прежние времена распределение воды производилось на особых водных съездах, каждый округ тогда получал столько, сколько ему было нужно. За последнее время этот порядок не практиковался, вследствие чего и явился водный кризис 1899 года, а с ним и полный неурожай хлеба и растений. Пшеница, ячмень, просо и джугара вообще могут быть культивированы в Бухаре с большим успехом. Другое дело—рис; его урожай требует такого обилия воды, что Бухара не в состоянии довольствоваться своим рисом и получает его из Самарканда и отчасти из Персии. Зато хлопок может с успехом произрастать в Бухаре, и для России очень важно способствовать этой отрасли сельского хозяйства, так как бухарский хлопок всегда найдет спрос на наших рынках. Одной из заброшенных, но также имеющих большую будущность, отраслей хозяйства, является виноградарство и связанное с ним виноделие. Превосходные сорта винограда позволяют производить очень тонкий вина, но бухарцы мало обращают внимания на виноделие и во всяком случае до сих пор не старались сделать из него предмет торговли. На давни известна еще Бухара своими мерлушками, но и здесь бухарцы проявляют крайнюю неподвижность. Скупкою каракулевых шкурок занимаются несколько кулаков-бухарцев и русских по весьма низким ценам, но затем почти все наличные шкурки перепродают им по 5 рублей штука и тем самым, которые обрабатывают шкурки и затем обратно возвращают в Россию уже по 25 р. за шкурку. Между тем устроить соответственный завод на месте, вероятно, не потребовало бы особых затрат, большая же прибыль этого дела очевидна. Горное дело в Бухаре еще в зачатке. Доктор геологии Крафт, исследовавший Бухару, нашел здесь богатейшие залежи золота, и в последнее время с большим успехом начали здесь золотопромышленную деятельность инженеры Жоравко-Покорский и Сираксы. Разрешение на добычу золота зависит от туркестанского генерал-губернатора и утверждается эмпиром и даже при самых примитивных способах промывки может дать до 25 процентов прибыли. Шелководство в Бухаре крайне упало, но поправить это дело вполне возможно. Вообще, во мнении докладчика, Бухара представляет одну из тех стран, которые в умелых руках могут дать неисчерпаемые богатства, остающиеся неиспользованными у полудикаго и невежественнаго населения.

НЕКРОЛОГИ.

БОГДАНОВСКИЙ, А. М. Въ Кіевѣ скончался 5-го января заслуженный профессор Новороссійскаго университета, извѣстный криминалистъ, Александръ Михайловичъ Богдановскій. Покойный родился въ 1832 г. въ Тамбовской губ., воспитывался въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ. На двадцать первомъ году онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность адъюнкта Ришельевского лица по кафедрѣ уголовного права и практическаго судопроизводства, черезъ четыре года защитилъ диссертацию «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго» на степень магистра уголовного права, назначенъ профессоромъ лица и вскорѣ директоромъ. При преобразованіи Ришельевскаго лица въ Новороссійскій университетъ А. М. принялъ дѣятельное и видное участіе въ этой реформѣ, затѣмъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ уголовного права и занималъ эту кафедру до 1887 г. Въ 1870 г. онъ защитилъ диссертацию «Молодые преступники» на степень доктора уголовного права. Помимо профессорской дѣятельности покойный занимался и публицистической работой. Въ 50-хъ годахъ онъ редактировалъ «Одесскій Вѣстникъ» и умѣлъ привлечь къ участію въ этой газетѣ Н. П. Пирогова, Ордынскаго, Савича и др. Подъ его редакторствомъ «Одесскій Вѣстникъ» отражалъ въ себѣ передовыя теченія тогдашняго времени. Кроме того, онъ издавалъ вмѣстѣ съ А. П. Георгіевскимъ «Новороссійскій литературный борникъ», былъ предѣвателемъ мѣснаго педагогическаго общества, членомъ одесской городской управы, почетнымъ мировымъ судьей. По выходѣ въ отставку А. М. поселился въ своемъ имѣніи Полтавской губ. и занялся сельскимъ хозяйствомъ, затѣмъ переселился въ Кіевъ. Покойному пришлось пережить нѣсколько университетскихъ исторій, студенческую въ 1869 г., Богиничевскую и др. Какъ профессоръ, онъ пользовался большими симпатіями своихъ слушателей за свое

всегдашнее добродушие, гуманность и нравственное мужество. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9286).

Иенсенъ, Д. И. 10-го января скончался профессоръ скульптуры, Давидъ Ивановичъ. Иенсенъ. Покойный, родомъ датчанинъ, жилъ въ Россіи съ 1841 г., когда былъ вызванъ въ Петербургъ для исполненія разныхъ скульптурныхъ работъ: большихъ барельефовъ, каріатидъ и т. п. во дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Свое художественное образование онъ получилъ въ Копенгагенской королевской академіи художествъ, руководимой въ то время извѣстнымъ скульпторомъ Торвальдсеномъ. По пріѣздѣ въ Россію съ 1843 по 1847 г. Д. И. былъ преподавателемъ въ скульптурныхъ классахъ рисовальной школы Общества поощренія художниковъ (нынѣ Общество поощренія художествъ). Д. И. Иенсену приписывается множество чрезвычайно интересныхъ декоративно-скульптурныхъ работъ, которыми украшены многие палаты дворцовъ, общественныя здания и манежи. Такъ, напримѣръ, имъ исполнены почти все статуи (исключая нести, стоящихъ на лицевой сторонѣ), часть барельефовъ, бюстовъ и группъ зданія императорскаго Эрмитажа. Ему же принадлежатъ и все скульптурныя работы во дворцахъ великихъ князей Николая Николаевича Старшаго, Михаила Николаевича, Сергѣя и Павла Александровичей, а также и все украшенія въ императорскихъ комнатахъ на станціяхъ Царскосельской желѣзной дороги. Кромѣ того, имъ же исполнены недурной памятникъ баронету Виліе въ клиникѣ военно-медицинской академіи, барельефы для зданія академіи и фонтанъ «Гигенъ». очень интересные фронтоны на Конногвардейскомъ манежѣ, красивый мраморный каминъ для дворца великаго князя Владиміра Александровича, множество крупныхъ барельефовъ для дома гр. Шереметева, множество всевозможныхъ бюстовъ, фигуръ, фонтановъ и вазъ для украшенія садовъ. Еще въ бытность свою въ Копенгагенской академіи Д. И. Иенсенъ получилъ за свои работы золотую медаль, а въ 1857 году наша академія художествъ присудила ему званіе академика за барельефъ: «Ахиллесъ возвращается съ поединка съ тѣломъ побѣжденнаго Гектора». Въ 1868 году ему дано было званіе профессора скульптуры за статую «Діаны», находящуюся въ академическомъ музеѣ, которая и была въ томъ же году выставлена на академической выставкѣ. Въ 1886 г. была выставлена его послѣдняя извѣстная работа—эскизъ-проектъ памятника покойному императору Александру III. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9288).

Фонъ-Кауфманъ, М. П. 7-го января въ С.-Петербурѣ скончался членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, инженеръ-генералъ, Михаилъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ.

Покойный, сынъ доблестнаго участника суворовскаго похода и братъ извѣстнаго покорителя Бухары и Хивы, родился 2-го ноября 1822 года въ м. Телештахъ, Бессарабской губ. По окончаніи курса въ винницкой гимназіи онъ былъ опредѣленъ въ Николаевское инженерное училище, въ 1839 г. произведенъ въ полевые инженеры и началъ слушать лекціи въ офицерскихъ классахъ училища (нынѣ инженерная академія). Въ это время случился съ нимъ эпизодъ, едва не испортившій всей его будущности. Послѣ удачнаго экзамена, 17-лѣтній юноша-офицеръ выполь на улицу безъ шапки. Первымъ,

кого онъ встрѣтилъ, былъ великій князь Михаилъ Памловичъ. «На гауптвахту!»—раздался надъ ухомъ пойманнаго врасплохъ юноши звучный голосъ грознаго начальника.—«На которую, ваше высочество?»—услѣлъ промолвить оторопѣвшій офицеръ. Вопросъ этотъ былъ сочтенъ за браваду, и черезъ 24 часа М. П. сидѣлъ подъ конвоемъ на перекладной и скакать въ Вооруженную крѣпость въ качествѣ прапорщика мѣстной команды. Но вспыльчивый великій князь былъ не злопамятенъ. Года не прошло со времени высылки, какъ М. П. было объявлено полное прощеніе съ возвращеніемъ въ академію. По окончаніи въ ней курса покойный опредѣлился въ гвардейскій саперный баталіонъ и съ тѣхъ поръ до кончины великаго князя пользовался расположеніемъ его высочества.

Въ гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ покойный былъ недолго. Удобства столичной жизни и положеніе баталіоннаго адъютанта не удержали его въ Петербургѣ. Онъ промѣнялъ преимущества гвардейской службы на жизнь офицера славной Кавказской арміи. Съ 1849 г. начался періодъ его боевой службы, продолжавшійся непрерывно одиннадцать лѣтъ. Ему пришлось принять участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ на лезгинской линіи, въ Чечнѣ, Дагестанѣ и въ Азіатской Турціи, послѣдовательно занимая должности полевого инженера-строителя, командира сапернаго батальона, командира Навагинскаго полка, дежурнаго штабъ-офицера (начальника штаба) дѣйствовавшего корпуса и начальника отдѣльных отрядовъ. На этихъ разнообразныхъ постахъ М. П. имѣлъ случай не разъ выказать свои обширныя познанія въ военномъ дѣлѣ, неустранимость и распорядительность. Въ 1850 г. онъ былъ тяжело раненъ пулей въ животъ при рекогносцировкѣ у с. Бехелызы. Пуля была извлечена, и оправившись онъ быстро вернулся въ ряды кавказскихъ героевъ. За боевыя отличія въ дѣлахъ съ горцами онъ получалъ нѣсколько наградъ и былъ произведенъ въ капитана и подполковника. Особенно отличился покойный при штурмѣ Карса въ 1855 г., оказавъ подвижъ, занесенный на страницы исторіи. Онъ былъ посланъ съ батальономъ Рязанскаго пѣхотнаго полка и съ охотниками на подрывленіе нашей правой колонны. Поднявшись подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ на Широшкія высоты, онъ взялъ ложементы, фланкировалъ редутъ Томась-Табія, а затѣмъ, преслѣдуя непріятеля, атаковалъ и самый редутъ, но оказался отрубаннымъ отъ правой колонны и окруженнымъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. М. П. не растерялся. Дружно ударивъ въ штыки, онъ пробился сквозь ряды турокъ, прошелъ всю линію турецкихъ укрѣпленій и возвратился въ лагерь горцами, не оставивъ въ рукахъ непріятеля никакого трофея и вынеси всѣхъ раненыхъ. Этотъ подвижъ покойнаго отмѣченъ Георгиевскимъ крестомъ 4-й степени.

Съ 1860 г. началась педагогическая, административная и общественная дѣятельность М. П. Бывшій военный министръ гр. Д. А. Милютинъ, услѣвшій еще на Кавказѣ узнать высокія душевныя качества покойнаго, пригласилъ его въ начальники вновь образованныхъ инженерныхъ училища и академіи. Твердость и благородіе характера и чисто отеческое отношеніе къ молодежи упрочили за нимъ благодарную память его питомцевъ, прибѣгавшихъ и впоследствии къ его совѣту и помощи. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ назна-

ченъ на отвѣтственный постъ главнаго интенданта военнаго министра и занимать его въ теченіе 13 лѣтъ, упрочивъ за собою репутацію беззребренника. Въ это время онъ участвовалъ въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, по измѣненію организаціи нашихъ военныхъ силъ, по устройству и образованію воевокъ и по устройству военно-врачебной части въ военное время, а также председательствовалъ въ коммисіи по составленію положенія объ организаціи полковыхъ обозовъ. По окончаніи послѣдней русско-турецкой войны М. П. возвратился въ 1879 г. ненадолго въ свою инженерную семью, замѣстивъ Тотлебена въ должности генераль-инспектора по инженерной части и наконецъ въ 1882 г. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ принималъ болѣе 15 лѣтъ дѣятельное участіе въ обсужденіи законодательныхъ и финансовыхъ предположеній по департаменту государственной экономіи.

Независимо отъ административной службы М. П. былъ однимъ изъ организаторовъ и видныхъ дѣятелей главнаго управленія общества Краснаго Креста, занимая съ 1883 г. по 1898 г. постъ председателя этого общества и направляя подъ высочайшимъ и ближайшимъ руководствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны дѣятельность этого обширнаго учрежденія какъ въ военное, такъ и въ мирное время на пользу страдающему человечеству.

За свою примѣрную, ревностную и продолжительную службу покойный получалъ всѣ награды до ордена св. Андрея Первозваннаго. Кроме того, имѣлъ знакъ отличія Краснаго Креста. Императорская академія наукъ избрала его въ свои почетные члены. (Некрологъ его: «Нов. Время» 902, №№ 9284 и 9285).

† **Кожевниковъ, А. Я.** Въ Москвѣ скончался 10-го января послѣ тяжкой болѣзни, заслуженный профессоръ Московскаго университета, Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ. Покойный родился въ Рязани въ 1836 г., медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, курсъ въ которомъ окончилъ въ 1858 году съ серебряной медалью. Приглашенный ассистентомъ въ университетскую терапевтическую клинику, А. Я. занялся специально изученіемъ нервныхъ болѣзней вообще и спинной сухотки въ частности; въ 1865 году блестяще защитилъ диссертацію «Ataxie locomotrice progressive Дюшена» на степень доктора медицины и былъ командированъ на два года за границу для подготовленія къ занятію новой кatedры въ Московскомъ университетѣ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. За границей покойный опубликовалъ цѣнное изслѣдованіе о связи нервныхъ волоконъ съ клетками въ мозжечкѣ и корѣ большого мозга («Нервные волокна, чувствующія и служація для возбужденія рефлексовъ»). Эта работа, до сихъ поръ цитируемая, выдвинула его имя въ медицинской литературѣ. Вернувшись въ Москву, онъ занялъ кatedру по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и читалъ лекціи въ теченіе 30 лѣтъ до 1899 годъ, когда по болѣзни отказался отъ кatedры, оставивъ за собою завѣдываніе неврологическимъ музеемъ. Одновременно съ 1871 года по 1874 годъ онъ читалъ частную патологию. Покойный интересовался всѣми отраслями знаній, особенно зоологіей, антропологіей, этнографіей и археологіей. Онъ занялся между прочимъ изученіемъ животныхъ паразитовъ и сравнительной анатоміей нервной системы низшихъ животныхъ. Въ области своей спе-

ціальности покойный произвелъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, касающихся казуистики и патологической анатоміи нервныхъ болѣзней. Онъ выдѣлялъ новый видъ эпилепсін (Epilepsa continua), извѣстной подъ названіемъ Кожевниковской, описалъ новую болѣзнь diplegia spastica familiaris progressiva, изслѣдовалъ строеніе нервныхъ клѣтокъ, амиотрофическій склерозъ, офтальмоплегію, латпрізмъ астенической бульбарный параличъ и др. Помимо обогащенія науки своими выдающимися работами А. Я. создалъ цѣлый рядъ медицинскихъ учрежденій для оказанія помощи больнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ нашелъ матеріальную поддержку со стороны своихъ больныхъ и особенно со стороны извѣстной московской благотворительницы В. А. Морозовой. На ея цедрыя пожертвованія онъ построилъ въ Москвѣ университетскую психіатрическую клинику, давную возможность покойному создать школу московскихъ психіатровъ. Затѣмъ по его плану сооружена новая клиника нервныхъ болѣзней, былъ выстроенъ Морозовскій пріютъ на 30 кроватей для страдающихъ хроническими нервными болѣзнями, и единственный въ мірѣ по широкой идеѣ, положенной въ его основаніе, неврологическій музей. При его дѣятельномъ содѣйствіи были устроены Алексѣевская психіатрическая больница въ с. Мещерскомъ, Московской губерніи, такія же больницы въ Рязанской, Курской, Орловской, Харьковской и другихъ губерніяхъ. За свои научные труды и выдающуюся дѣятельность покойный былъ избранъ въ почетные члены четырнадцати столичныхъ и провинціальныхъ ученыхъ обществъ: с.-петербургскаго общества психіатровъ, общества невропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ и Казани, московскаго психологическаго общества, вѣнскаго психіатрическаго общества и невропатологическаго и др. Онъ былъ основателемъ и беззмѣннымъ предсѣдателемъ московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ. (Некрологъ его: «Нов. Время», 1902, № 9290).

† **Мушкетовъ, И. В.** 10-го января въ С.-Петербургѣ скончался неожиданно послѣ непродолжительной болѣзни одинъ изъ популярнѣйшихъ профессоровъ Горнаго института, дѣятельный статскій совѣтникъ, Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся геологовъ и неутомимыхъ путешественниковъ, заслуги которыхъ давно уже признаны въ научномъ мірѣ не только въ Россіи, но и за границей. Какъ профессоръ, И. В. обладалъ талантомъ превосходнаго лектора, огромнымъ запасомъ знаній и добрымъ сердцемъ, чуткимъ къ нуждамъ и печалямъ учащейся молодежи. У него находили правдивую и перѣдко матеріальную поддержку многіе изъ его многочисленныхъ бывшихъ и настоящихъ слушателей и слушательницъ. Онъ всегда шелъ на встрѣчу нуждѣ и въ этомъ отношеніи былъ близкимъ и искреннимъ другомъ русскаго студенчества. Прослужившій на актѣ въ консерваторіи, П. В., предчувствуя близость смерти, не переставалъ беспокоиться какъ о своихъ незаконченныхъ научныхъ работахъ, такъ и о необезпеченности многихъ изъ студентовъ. Умряя просилъ забавить его отъ вѣтчиковъ, такъ какъ деньги, потраченныя на ихъ покушку, могутъ быть обращены на доброе дѣло—на вспомошествованіе нуждающимся студентамъ и др.

И. В. Мушкетовъ родился въ 1850 году. По окончаніи курса Новочеркасской гимназіи поступилъ на историко-филологическій факультетъ, но вскоре

перешелъ въ горный институтъ. Въ студенческой періодъ изслѣдовалъ діабазовую порфиритовую породу изъ Волынской губернии и напечаталъ свое первое изслѣдованіе «Волынскія». По окончаніи курса въ 1872 году отправился на Уралъ и тамъ открылъ впервые въ качкарской системѣ фармакосидеритъ, арсеніосидеритъ и мисникель—мышьяковистые минералы, содержащіе золото. Черезъ годъ, назначенный чиновникомъ особыхъ порученій по горной части при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, перенесъ свою дѣятельность въ среднеазиатскія владѣнія Россіи, занялся экскурсіями по малоизслѣдованнымъ въ геологическомъ и географическомъ отношеніяхъ землямъ и произвелъ рядъ цѣнныхъ геологическихъ изслѣдованій, прославившихъ его имя. Первое большое путешествіе совершенно покойнымъ въ западную часть Туркестана, въ сѣверный Тянь-Шань до Кульджи включительно, въ 1875 году. Въ краткомъ отчетѣ о путешествіи онъ впервые указалъ основанія орографической системы Тянь-Шаня, описалъ многія мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ (богатыя каменноугольныя залежи Кульджи и др.) и доказалъ ошибочность предположеній Гумбольдта о присутствіи вулкановъ въ Тянь-Шанѣ. Черезъ два года совершилъ путешествіе на Алай и Памиръ, въ 1879 году производилъ геологическія изслѣдованія въ Бухарѣ, по Гиссару, Аму-Дарьѣ и въ пустынь Кизиль-Кумь, въ 1880 году изслѣдовалъ Заавшанскую ледниковую область. Каждая экспедиція покойнаго доставляла ему богатѣйшій матеріалъ для научныхъ работъ. За изслѣдованія въ Средней Азій Географическое общество присудило ему высшую награду—Константиновскую медаль. Въ 80-хъ годахъ И. В. занялся изслѣдованіемъ различныхъ мѣстностей Европейской Россіи: Липецкихъ минеральныхъ водъ, Калмыцкихъ степей, Сакскихъ озеръ въ Крыму и Кавказа: окрестностей ледниковъ Казбека и Эльбруса, кавказскихъ минеральныхъ водъ и пр. Въ 1886 году онъ выпустилъ первый томъ своего обширнаго труда «Туркестанъ» и совместно съ профессоромъ Романовскимъ «Геологическую карту Туркестанскаго края». Труды эти отмѣчены академіей наукъ присужденіемъ автору полной преміи митрополита Макарія и минералогическимъ обществомъ, присудившимъ ему тоже премію. Вторая премія митрополита Макарія присуждена покойному въ 1891 году за «Физическую геологію». Землетрясеніе въ Вѣрномъ 20-го мая 1887 года направило его дѣятельность къ организаціи въ Россіи сейсмическихъ наблюденій. Командированный для изслѣдованія землетрясенія на мѣстѣ происшествія, онъ энергично принялся за выясненіе причинъ и обстоятельствъ этого явленія природы, затѣмъ помимо подробнаго описанія вѣрненскаго землетрясенія составилъ брошюру: «Землетрясенія, ихъ характеръ и способъ ихъ наблюденія», организовалъ при географическомъ обществѣ собраніе свѣдѣній о землетрясеніяхъ и принялъ на себя редактированіе «Матеріаловъ къ изученію землетрясеній въ Россіи». Въ 1890-хъ годахъ И. В. посѣтилъ ледники верховьевъ рѣкъ Теберды и Чхалты съ цѣлью опредѣлить наиболѣе выгоднѣе направленіе желѣзнодорожнаго тоннеля черезъ Кавказскій хребетъ.

Еще въ 1876 году покойный былъ удостоенъ званія адъюнктъ-профессора горнаго института за изслѣдованіе «Матеріалы для изученія геологическаго строенія и рудничныхъ богатствъ Златоустовскаго горнаго округа». Послѣп-

ише въ Петербургѣ, онъ былъ приглашенъ занять кафедру геологій въ горномъ институтѣ, затѣмъ сталъ читать одновременно лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ. Кроме того, онъ принялъ видное участіе въ географическомъ обществѣ, председательствуя до дня своей кончины въ отдѣленіи физической географіи, редактируя «Записки» общества и принимая участіе въ его «Ежегодникѣ». Былъ членомъ редакціонной геологической комиссіи минералогическаго общества и председателемъ С.-Петербургскаго общества взаимопомощи донскихъ казаковъ. Изъ-подъ пера покойнаго вышло множество ученыхъ работъ, явившихся цѣннымъ вкладомъ въ нашу научную литературу. Къ самымъ его трудамъ прибавимъ «Учебникъ динамической геологій», «Краткій курсъ петрографіи», «Нефитъ и его мѣсторожденія». Онъ неоднократно избирался представителемъ Россіи въ разныя международныя комиссіи и, приступивъ къ организаціи систематическихъ наблюденій надъ ледниками Россіи, издалъ «Программу» для такихъ наблюденій. Умеръ онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, на 52-мъ году отъ роду, оставивъ по себѣ славную память выдающагося ученаго и добраго хорошаго человѣка. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9289).

† **Опоцкій, Д. А.** 11-го (24-го) января русская колонія въ Женевѣ понесла утрату въ лицѣ скончавшагося на 68 году отъ рожденія бывшаго протоіерея русской женевской церкви, магистра богословія, Дмитрія Александровича Опоцкаго. Покойный былъ сынъ священника, обучался въ Невской духовной семинаріи и въ С.-Петербургской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ магистровъ богословія. Въ первые годы своей дѣятельности онъ былъ секретаремъ С.-Петербургской духовной академіи, рукоположенъ во діакона и преподавалъ Законъ Божій въ VII С.-Петербургской гимназіи. Съ 1863 года началась его служба за границей. Онъ былъ діакономъ русской церкви въ Парижѣ, въ 1865 году рукоположенъ во священника церкви въ Стокгольмѣ, затѣмъ былъ настоятелемъ церквей въ Брюсселѣ и въ Женевѣ. Русская колонія въ Женевѣ никогда не забудетъ его, какъ пастыря и чисторусскаго хлѣбосола. Къ нему ходили и богатые, и бѣдные, а русскіе студенты были у него, какъ у себя дома. Онъ умѣлъ каждому оказать радушный пріемъ и заставить его забыть на время, что онъ находится на чужбинѣ. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902 № 9294).

† **Смирновъ, К. П.** 5-го января, въ С.-Петербургѣ скончался бывший директоръ С.-Петербургской второй гимназіи, известный педагогъ, тайный совѣтникъ Капитонъ Ивановичъ Смирновъ. Нынѣ покойнаго пользовалось широкой популярностью, какъ автора распространенной «Учебной книги географіи» (I. Общія свѣдѣнія, —II. Азія, Африка, Америка и Австралія, —III. Европа). Этотъ учебникъ и другія его пособія выдержали нѣсколько десятковъ изданій. По нимъ изучали географію, въ особенности всеобщую, ученики среднихъ учебныхъ заведеній послѣдняго тридцатилѣтняго періода.

К. П. родился въ 1827 году, образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ преподавалъ преимущественно географію. Какъ педагогъ, онъ любилъ дѣтей и пользовался ихъ взаимными симпатіями. Онъ былъ инспекторомъ С.-Петербургской третьей

гимназін и около 25 лѣтъ директоромъ С.-Петербургской второй гимназін. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9282).

† **Федоровъ (Соловцовъ), Н. П.** 10-го января въ Одессѣ скончался извѣстный сценическій дѣятель Николай Николаевичъ Федоровъ, по сценѣ Соловцовъ. Покойный происходилъ изъ дворянской семьи; воспитывался въ Орловской гимназін, но курса не кончилъ; на театральныхъ подмосткахъ впервые выступилъ въ 1876 году въ Орлѣ же. Въ восьмидесятыхъ годахъ Соловцовъ выступалъ въ С.-Петербургѣ на императорской сценѣ, потомъ въ Москвѣ и затѣмъ всецѣло перенесъ свою дѣятельность на югъ. Въ Кіевѣ онъ создалъ «Соловцовскій» театръ, съ прекрасной труппой, заключающей крупныя артистическія имена (гг. Шуваловъ, Педдлингъ, г-жи Глѣбова, Пасхалова и друг.); въ Одессѣ—городской, гдѣ, кромѣ драмы, онъ организовалъ италянскую оперу съ хорошими силами. Въ Кіевѣ же Соловцовъ издавалъ и редактировалъ въ теченіе двухъ лѣтъ новую «Кіевскую Газету», пріобрѣтшую за короткое время довольно достаточное распространеніе. Въ качествѣ артиста Н. П. Соловцовъ за 25 лѣтъ своей артистической карьеры показалъ себя прекраснымъ исполнителемъ и бытовыхъ и нѣкоторыхъ классическихъ ролей. Это былъ хорошій исполнитель «Скупного» Мольера, Несчастливцева въ «Лѣбѣ», Городничаго въ «Ревизорѣ», Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», отца въ «Больныхъ людяхъ» и проч. (Некрологъ его: «Нов. Время» 1902, № 9289).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ «Остатки былого величія».

Г. Захарыиъ (Якушииъ) въ № 1 «Историческаго Вѣстника» текущаго года исправляетъ погрѣшности, вкравшіяся въ статью г. Миллера: «Судьба одного имѣнія», появившуюся въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, но и самъ впадаетъ въ нѣкоторыя неточности.

Никогда императоръ Павелъ не давалъ названія Ляличи пожалованному Екатериной II Завадовскому въ Малороссіи имѣнію.

Оно такъ прежде и называлось (см. «Архивъ князя Воронцова», т. XII, Москва, 1877 г., письма Завадовскаго Бакушину въ 1778 г., стр. 316, и Воронцову въ 1780 г., стр. 20).

Въ письмѣ Завадовскаго графу Семену Воронцову отъ 6 августа 1785 г. (стр. 30) говорится, что онъ называлъ свое имѣніе Екатериныдарь (а не Екатериныдарь), во имя своей благодѣтельницы. При императорѣ Павлѣ имѣніе стало называться попрежнему Ляличи.

Неизвѣстно, откуда г. Захарыиъ (Якушииъ) почерпнулъ свѣдѣнія о покупке имѣнія Ляличи княземъ Потемкинымъ отъ графа Завадовскаго. Много лѣтъ послѣ смерти Потемкина Завадовскій продолжалъ владѣть Ляличами

жить въ нихъ и заботиться объ ихъ устройствѣ (см. письма за 1801 г. и до 1805 г., также письма графини Завадовской изъ Ляличи отъ 26 февраля 1800 г. и 3 марта 1801 г.). Какъ перешло имѣнiе къ Энгельгардтамъ, мнѣ неизвѣстно, но во владѣнiи князя Потемкина Ляличи не были.

Много, вѣроятно, рѣдкостей успѣлъ собрать въ своихъ любимыхъ Ляличахъ изящный графъ Завадовскiй, но про купленное Ротшильдомъ бюро королевы Марiи-Антуанетты мнѣ пришлось слышать иное.

Императрица Екатерина II послѣ казни несчастной королевы не могла выносить присутствiе въ своихъ комнатахъ великолѣпнаго бюро, подарка ей покойной королевы, и подарила его своему статсъ-секретарю Троицкому, съ условiемъ, чтобы онъ убралъ его подальше. Д. П. Троицкiй отправилъ это бюро изъ маркетри (мозанка изъ разнаго дерева), съ бронзами Гутвера и фарфорами Буше, въ свою малороссiйскую деревню, и у кого-то изъ потомковъ Троицкаго счастливый антикварiй приобрѣлъ историческое бюро сравнительно за безцѣнокъ и перепродалъ парижскому банкиру за баснословную сумму.

Г. Захарьинъ (стр. 296) сообщаетъ, что «домъ строился по чертежамъ и планамъ знаменитаго Растрелли». Видъ дома, приложенный къ статьѣ, совершенно не во вкусъ всѣхъ прочихъ построекъ извѣстнаго графа Растрелли. Фасадъ сильно напоминаетъ таковой жезданiя государственнаго банка въ С.-Петербургѣ со стороны Садовой улицы. Перелисталъ я давно уже мной прочитанный XII томъ Воронцоваго архива и на 253 страницѣ, въ письмѣ Завадовскаго изъ Ляличи къ графу Семену Воронцову нашелъ слѣдующее:

«Около тридцати лѣтъ, что я основался въ сей деревнѣ... и въ ней обработалъ болынимъ издвиненiемъ мою селитбу. По плану Гваренгiа выстроить домъ каменный въ здѣнiемъ краю» и т. д. Дальше говорится, что по ходатайству Румишова-Задунайскаго жаловано было это имѣнiе въ 1775 г. Письмо писано изъ Ляличи 20 ноября 1800 г. и явно доказываетъ, что Ляличи никогда не могли принадлежать Потемкину.

Все это для исторiи значенiя не имѣетъ, но г. Захарьинъ такъ настойчиво исправляетъ сообщенные г. Миллеромъ рассказы разныхъ мѣстныхъ жителей и преданiя объ имѣнiи Завадовскаго, что и я рѣшаюсь въ свою очередь указать на нѣкоторыя неточности въ статьѣ г. Захарьина.

И. Ал...скiй.

Archives inouies Campyranis

etiam a class. Foris

Dr. Campyranis Campyranis

1 ¹⁸⁷ ¹⁸⁸ ¹⁸⁹ ¹⁹⁰ ¹⁹¹ ¹⁹² ¹⁹³ ¹⁹⁴ ¹⁹⁵ ¹⁹⁶ ¹⁹⁷ ¹⁹⁸ ¹⁹⁹ ²⁰⁰ ²⁰¹ ²⁰² ²⁰³ ²⁰⁴ ²⁰⁵ ²⁰⁶ ²⁰⁷ ²⁰⁸ ²⁰⁹ ²¹⁰ ²¹¹ ²¹² ²¹³ ²¹⁴ ²¹⁵ ²¹⁶ ²¹⁷ ²¹⁸ ²¹⁹ ²²⁰ ²²¹ ²²² ²²³ ²²⁴ ²²⁵ ²²⁶ ²²⁷ ²²⁸ ²²⁹ ²³⁰ ²³¹ ²³² ²³³ ²³⁴ ²³⁵ ²³⁶ ²³⁷ ²³⁸ ²³⁹ ²⁴⁰ ²⁴¹ ²⁴² ²⁴³ ²⁴⁴ ²⁴⁵ ²⁴⁶ ²⁴⁷ ²⁴⁸ ²⁴⁹ ²⁵⁰ ²⁵¹ ²⁵² ²⁵³ ²⁵⁴ ²⁵⁵ ²⁵⁶ ²⁵⁷ ²⁵⁸ ²⁵⁹ ²⁶⁰ ²⁶¹ ²⁶² ²⁶³ ²⁶⁴ ²⁶⁵ ²⁶⁶ ²⁶⁷ ²⁶⁸ ²⁶⁹ ²⁷⁰ ²⁷¹ ²⁷² ²⁷³ ²⁷⁴ ²⁷⁵ ²⁷⁶ ²⁷⁷ ²⁷⁸ ²⁷⁹ ²⁸⁰ ²⁸¹ ²⁸² ²⁸³ ²⁸⁴ ²⁸⁵ ²⁸⁶ ²⁸⁷ ²⁸⁸ ²⁸⁹ ²⁹⁰ ²⁹¹ ²⁹² ²⁹³ ²⁹⁴ ²⁹⁵ ²⁹⁶ ²⁹⁷ ²⁹⁸ ²⁹⁹ ³⁰⁰ ³⁰¹ ³⁰² ³⁰³ ³⁰⁴ ³⁰⁵ ³⁰⁶ ³⁰⁷ ³⁰⁸ ³⁰⁹ ³¹⁰ ³¹¹ ³¹² ³¹³ ³¹⁴ ³¹⁵ ³¹⁶ ³¹⁷ ³¹⁸ ³¹⁹ ³²⁰ ³²¹ ³²² ³²³ ³²⁴ ³²⁵ ³²⁶ ³²⁷ ³²⁸ ³²⁹ ³³⁰ ³³¹ ³³² ³³³ ³³⁴ ³³⁵ ³³⁶ ³³⁷ ³³⁸ ³³⁹ ³⁴⁰ ³⁴¹ ³⁴² ³⁴³ ³⁴⁴ ³⁴⁵ ³⁴⁶ ³⁴⁷ ³⁴⁸ ³⁴⁹ ³⁵⁰ ³⁵¹ ³⁵² ³⁵³ ³⁵⁴ ³⁵⁵ ³⁵⁶ ³⁵⁷ ³⁵⁸ ³⁵⁹ ³⁶⁰ ³⁶¹ ³⁶² ³⁶³ ³⁶⁴ ³⁶⁵ ³⁶⁶ ³⁶⁷ ³⁶⁸ ³⁶⁹ ³⁷⁰ ³⁷¹ ³⁷² ³⁷³ ³⁷⁴ ³⁷⁵ ³⁷⁶ ³⁷⁷ ³⁷⁸ ³⁷⁹ ³⁸⁰ ³⁸¹ ³⁸² ³⁸³ ³⁸⁴ ³⁸⁵ ³⁸⁶ ³⁸⁷ ³⁸⁸ ³⁸⁹ ³⁹⁰ ³⁹¹ ³⁹² ³⁹³ ³⁹⁴ ³⁹⁵ ³⁹⁶ ³⁹⁷ ³⁹⁸ ³⁹⁹ ⁴⁰⁰ ⁴⁰¹ ⁴⁰² ⁴⁰³ ⁴⁰⁴ ⁴⁰⁵ ⁴⁰⁶ ⁴⁰⁷ ⁴⁰⁸ ⁴⁰⁹ ⁴¹⁰ ⁴¹¹ ⁴¹² ⁴¹³ ⁴¹⁴ ⁴¹⁵ ⁴¹⁶ ⁴¹⁷ ⁴¹⁸ ⁴¹⁹ ⁴²⁰ ⁴²¹ ⁴²² ⁴²³ ⁴²⁴ ⁴²⁵ ⁴²⁶ ⁴²⁷ ⁴²⁸ ⁴²⁹ ⁴³⁰ ⁴³¹ ⁴³² ⁴³³ ⁴³⁴ ⁴³⁵ ⁴³⁶ ⁴³⁷ ⁴³⁸ ⁴³⁹ ⁴⁴⁰ ⁴⁴¹ ⁴⁴² ⁴⁴³ ⁴⁴⁴ ⁴⁴⁵ ⁴⁴⁶ ⁴⁴⁷ ⁴⁴⁸ ⁴⁴⁹ ⁴⁵⁰ ⁴⁵¹ ⁴⁵² ⁴⁵³ ⁴⁵⁴ ⁴⁵⁵ ⁴⁵⁶ ⁴⁵⁷ ⁴⁵⁸ ⁴⁵⁹ ⁴⁶⁰ ⁴⁶¹ ⁴⁶² ⁴⁶³ ⁴⁶⁴ ⁴⁶⁵ ⁴⁶⁶ ⁴⁶⁷ ⁴⁶⁸ ⁴⁶⁹ ⁴⁷⁰ ⁴⁷¹ ⁴⁷² ⁴⁷³ ⁴⁷⁴ ⁴⁷⁵ ⁴⁷⁶ ⁴⁷⁷ ⁴⁷⁸ ⁴⁷⁹ ⁴⁸⁰ ⁴⁸¹ ⁴⁸² ⁴⁸³ ⁴⁸⁴ ⁴⁸⁵ ⁴⁸⁶ ⁴⁸⁷ ⁴⁸⁸ ⁴⁸⁹ ⁴⁹⁰ ⁴⁹¹ ⁴⁹² ⁴⁹³ ⁴⁹⁴ ⁴⁹⁵ ⁴⁹⁶ ⁴⁹⁷ ⁴⁹⁸ ⁴⁹⁹ ⁵⁰⁰

187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500

Stanislaus G. ...
 [Signature]

in and the...
Vogelbein? ...
... ...
... ...

125

Империята Сарди.

Корона държавна египетска

Искам да проуча за

посланието, което е отпратено

към вас от моят мандатар

на 1842 г. нощ

на 1842 г. нощ

самият адмирал адмирал

наш. Дадено е моят

Синово соимъ Амьбьемъ ево Сое
Звоченъ. Дно некое дидяфно
рменю прачабужь. Свменю
Своръ, мадоно истръ, емпо
спустуеъ. Со иносудъ но Свемъ
и черкасъ пражирюемъ мамо мопъ
Синтобъ ево Соямъ. Дно Сисъ Соямъ
Крпъуна. Подъемъ ево Соямъ
мечъ дивагъ и мубооръ и дивъ
Бр муръ маке ево Соямъ

ПИСМО КЪ М. П. ПОЛТАВЦЮ ПО ПОХОДѢ СМЕРТИ ИЛИНКИНА.

Магнитъ 50.

Ваше письмо получено индобъ 6-го числа. Оно
не оставляет никакихъ мнѣ сомнѣній. Свое
впечатлѣнiе выразилъ въ слѣдующемъ:
Ваша мысль о томъ, что искусство —
это искусство жизни. Слово искусство
не имеетъ никакого смысла. Слово искусство
не имеетъ никакого смысла. Слово искусство
не имеетъ никакого смысла.

They heard that they had a great chance of getting
 the money. They were not at all surprised when they
 found out that they had won. They were very happy
 and they had a great time. They had a lot of
 money and they were very happy. They had a
 lot of money and they were very happy. They
 had a lot of money and they were very happy.
 They had a lot of money and they were very
 happy. They had a lot of money and they were
 very happy. They had a lot of money and they
 were very happy. They had a lot of money and
 they were very happy. They had a lot of money
 and they were very happy. They had a lot of
 money and they were very happy. They had a
 lot of money and they were very happy. They
 had a lot of money and they were very happy.
 They had a lot of money and they were very
 happy. They had a lot of money and they were
 very happy. They had a lot of money and they
 were very happy. They had a lot of money and
 they were very happy. They had a lot of money
 and they were very happy. They had a lot of
 money and they were very happy. They had a
 lot of money and they were very happy. They
 had a lot of money and they were very happy.

not sufficient another relation not sufficient question

Some necessary post-modern no man's land system a copulation

more no more in depth making how we copulation

For this system some are young generation. Why these are gone

two years more in depth in another generation born in world

conclusion not sufficient another under nobility of social system

knowing how to system and next in depth system. As current system

to system system in order of system order of system generation

no more other generation in order of system order of system

to system, order of system order of system order of system

system not go but and system order of system order of system

system in order of system order of system order of system

system in order of system order of system order of system

system in order of system order of system order of system

system in order of system order of system order of system

system in order of system order of system order of system

system in order of system order of system order of system

system in order of system order of system order of system

11

The following is a summary of the work done on the
 preparation of a report on the progress of the
 investigation during the year ending 1891.
 The first part of the report deals with the
 general principles of the investigation, and the
 methods adopted for the purpose.
 The second part contains a description of the
 apparatus used, and the results obtained.
 The third part is devoted to a discussion of the
 results, and a comparison with the results
 obtained by other investigators.
 The fourth part contains a summary of the
 conclusions reached, and a list of the
 references.
 The fifth part contains a few remarks on the
 progress of the investigation during the
 year ending 1892.
 The sixth part contains a list of the
 names of the persons who have assisted
 me in the preparation of this report.
 The seventh part contains a list of the
 names of the persons who have assisted
 me in the preparation of this report.
 The eighth part contains a list of the
 names of the persons who have assisted
 me in the preparation of this report.

about matters necessary and to give advice in cases of emergency
 and to see that the laws are properly administered and to
 see that the public peace is maintained and that the public
 safety is preserved. The Council also has the duty of seeing
 that the King's orders are executed and that the public
 revenue is collected. The Council also has the duty of
 seeing that the public works are carried on and that the
 public buildings are repaired. The Council also has the
 duty of seeing that the public health is maintained and
 that the public morals are preserved. The Council also has
 the duty of seeing that the public education is maintained
 and that the public charities are supported. The Council
 also has the duty of seeing that the public justice is
 administered and that the public order is preserved. The
 Council also has the duty of seeing that the public
 safety is preserved and that the public peace is maintained.
 The Council also has the duty of seeing that the public
 revenue is collected and that the public works are carried
 on. The Council also has the duty of seeing that the public
 health is maintained and that the public morals are
 preserved. The Council also has the duty of seeing that
 the public education is maintained and that the public
 charities are supported. The Council also has the duty of
 seeing that the public justice is administered and that
 the public order is preserved. The Council also has the
 duty of seeing that the public safety is preserved and
 that the public peace is maintained.

1878

1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900

1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920

the population was with a population of 100,000 in 1850
and population growth was rapid. The population of
the United States in 1850 was 23,000,000. The population
of the United States in 1860 was 39,000,000. The population
of the United States in 1870 was 53,000,000. The population
of the United States in 1880 was 62,000,000. The population
of the United States in 1890 was 76,000,000. The population
of the United States in 1900 was 92,000,000. The population
of the United States in 1910 was 103,000,000. The population
of the United States in 1920 was 123,000,000. The population
of the United States in 1930 was 151,000,000. The population
of the United States in 1940 was 163,000,000. The population
of the United States in 1950 was 163,000,000. The population
of the United States in 1960 was 193,000,000. The population
of the United States in 1970 was 213,000,000. The population
of the United States in 1980 was 228,000,000. The population
of the United States in 1990 was 253,000,000. The population
of the United States in 2000 was 283,000,000. The population
of the United States in 2010 was 313,000,000. The population
of the United States in 2020 was 333,000,000.

numero pmo. Postrum totum in quatuor sectionibus
 diviso. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.
 quatuor. primam. in quatuor. secundam. in octo. tertiam. in octo. quartam. in octo.

ФАКСИМИЛЕ

РУКОПИСЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ

- 1) Двѣ подписи Гоголя и конвертъ письма его къ сестрамъ.
- 2) Письмо Гоголя къ сестрамъ.
- 3) Первая редакция отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».
- 4) Вторая редакция отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря».
- 5) Письмо Гоголя къ Погодину по поводу смерти Пушкина.
- 6) Повѣсть «Пропавшая грамота».

театровъ (Old Gentleman). Недавние люди. Спб. 1901. — дта. — 17) В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библиографическій обзоръ. Спб. 1901. п. щ.—18) Мих. В. Хелгузинъ. Вступление Гривинъ къ составу Россійской имперіи. Изд. А. Арабидзе. Кутаисъ. 1901. мон. Мих.—ва. — 19) Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной комисіи за 1900 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь. 1901. А. М.—на.—20) А. Варановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникава. М. 1902. Вас. Якимовъ.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 722

1) Какимъ образомъ египетскій министръ сдѣлался богомъ. — 2) Смерть Плиния Старшаго. — 3) Тоскавляли и Христофоръ Колумбъ. — 4) Тайна Маріи Отюартъ. — 5) Объявленіе маркизы Вренвильеръ. — 6) Былъ ли женатъ Воссюв. — 7) Польша и Франція въ 1790—1793 годахъ. — 8) Пишерю и заговоры роляистовъ. — 9) Замокъ Сень-Клу. — 10) Два памятника. — 11) Западные ученые о русскомъ византиновѣдѣнн.

XVI. Смѣсь 744

1) Торжественное засѣданіе академіи наукъ. — 2) Публичное засѣданіе академіи наукъ. — 3) Чествованіе В. О. Ключевскаго. — 4) Диспутъ В. М. Гривовскаго. — 5) Историческое общество въ Москвѣ. — 6) С.-Петербургское археологическое общество. — 7) Археологическая комиссія археологическаго общества въ Москвѣ. — 8) Кавказское отдѣленіе императорскаго Московскаго археологическаго общества. — 9) Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. — 10) Историко-филологическое общество при Харьковскомъ университетѣ. — 11) Археологическій институтъ. — 12) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. — 13) Древности каменнаго вѣка. — 14) Общество любителей древней письменности. — 15) Общество любителей русской словесности. — 16) Библиографическое общество. — 17) Библиографическое общество. — 18) Общество дѣателей печатнаго дѣла. — 19) Памятникъ первопечатнику. — 20) Географическое общество. — 21) Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. — 22) Общество любителей изслѣдованія Лятя въ Варнаугѣ. — 23) Географическія экспедиціи. — 24) Общество востоковѣдѣнн.

XVII. Некрологи 790

1) Богдановскій, А. М.—2) Иценсъ, Д. И. — 3) Фовъ-Кауфманъ, М. П. — 4) Кожевниковъ, А. Я.—5) Мушкетовъ, И. В. — 6) Опонскій, Д. А.—7) Омринъ, К. И.—8) Федоровъ (Ооловцовъ), Н. Н.

XVIII. Замятки и поправки 797

1) Къ статьѣ «Остатки былого величія». И. Ал.—скаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Гоголя въ бытность его въ гимназіи высшихъ наукъ въ Пѣжинѣ; по наброску одного изъ пѣжинскихъ товарищей; изъ № 15 «Иллюстраціи» издававшейся въ 1845 г. Кукольниковъ.—2) Н. В. Гоголь. Съ гравюры Юрдана, сдѣланной съ портрета, писаннаго Моллеромъ въ 1841 году.—3) Портретъ Гоголя, рисованный карандашемъ съ натуры извѣстнымъ художникомъ Л. А. Ивановымъ, въ Римѣ.—4) Портретъ Гоголя, рисованный съ натуры актеромъ П. А. Каратыгинымъ, въ 1835 году.—5) Портретъ Гоголя, приложенный къ «Московскому Сборнику», изданному С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году.—6) Портретъ Гоголя, приложенный къ «Запискамъ о жизни Гоголя», изданнымъ Кулишемъ.—7) Гоголь въ гробу. Съ литографіи того времени.—8) Старый деревенскій домъ въ селѣ Васильевкѣ, Полтавской губ., впоследствии сломанный, въ которомъ Гоголь провелъ дѣтскіе годы.—9) 6 факсимиле рукописей Гоголя: Двѣ подписи Гоголя и конвертъ письма его къ сестрамъ.—Письмо Гоголя къ сестрамъ.—Первая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря». — Вторая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря». — Письмо Гоголя къ Погодину по поводу смерти Пушкина.—Повѣсть «Пропавшая грамота».

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, расказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МАРТЪ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Трагизмъ безволия. XII—XXIII. (Окончаніе). И. И. Мердеръ	799
II. Воспоминанія М. А. Паткуль. Гл. IV—V. (Продолженіе)	835
III. Непочатая сила. (Изъ записной книжки туриста). К. А. Ворисовы-Корженевскаго	855
IV. Литературныя воспоминанія и характеристики. (1854—1892 г.). X—XV. (продолженіе). Л. Е. Оболенскаго	882
V. Убийство помѣщика Оловянныйкова. (Быль изъ прошлой жизни). А. А. Тинкова	908
VI. Пироговъ и Булгаринъ. (Страница изъ біографіи Н. П. Пирогова). Ю. Г. Милса	923
VII. В. В. Крестовскій въ Нахичевани. В. Л. Жикмова	951
VIII. Н. И. Бухаровъ и его дворецкій Данилычъ. А. Ю. Вязюкиной	956
IX. По границамъ Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1898 г.). А. А. Семенова	961
X. Изъ жизни дальняго Востока. В. Д. Черенкова	993
XI. Забытая старина изъ эпохи самозванщины. (Посвящается предстоящему въ 1902 году археологическому съезду въ г. Харьковѣ). П. М. Раздольскаго	1003
<p>Иллюстраціи: 1) Путявскій Молченскій монастырь. — 2) Рѣзныя изъ дерева статуэтка Христа, передъ которой молился Лжедмитрій I. — 3) Кресло Лжедмитрія I, на которомъ онъ, по преданію, дѣлалъ аудиенци. — 4) Дарохранительница вѣнецъ Лжедмитрія. — 5) Образъ Жировницкой Вожіей Матери, полученный Лжедмитріемъ I отъ своего тестя, свидомирскаго посвоя Милишка, хранящійся въ Молченскомъ монастырѣ.</p>	
XII. Забытая писательница. (Памяти А. П. Хвостовой, рожд. Херасковой). В. Ж. Городецкаго	1022
XIII. Петръ Николаевичъ Полевой. (Некрологъ)	1030
<p>Иллюстрація: Петръ Николаевичъ Полевой.</p>	
XIV. Исторія шести мѣсяцевъ. (Юль—Декабрь 1862 г.). I. Кучинскаго	1035
XV. Иностранцы о Россіи. В. Т.	1062
XVI. Новыя мѣропріятія въ бібліологін. А. Вв.	1086
XVII. Изъ историческаго прошлаго въ женскомъ вопросѣ. (Культурно-историческія замѣтки). В. Ф. Пуцыковича	1090
XVIII. Критика и бібліографія	1108

1) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VII. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Сиб. 1901. X.—2) Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897 года включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансовою и экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 годъ включительно. Оставленъ съ высочайшаго соизволенія по распоряженію министра путей сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей инженера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Сиб. 1901. в. п—на.—3) Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Исследования, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890). Изданы подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Сиб. 1901. м. п—снаго.—4) Семейскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Сиб. 1901. в. Строева.—5) Князь М. А. Накашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для

См. слѣд. стр.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ХВОСТОВА.

Съ рѣдкаго гранированнаго портрета начала прошлаго столѣтія.

ТРАГИЗМЪ БЕЗВОЛІА ¹⁾.

ХІІ.

УШЕВНЫЙ кейфъ Ивкова длился съ мѣсяць.

Впрочемъ понятіе о времени утратило для него всякій смыслъ. Ничто не нарушало монотоннаго порядка существованія, которому онъ невольно подчинился, переступая порогъ своего новаго жилища. Само собою такъ устроилось, что онъ началъ превращать ночь въ день, а день въ ночь. До утра занимался чтеніемъ, которое такъ его утомляло, что онъ засыпалъ тяжелымъ сномъ до сумерекъ. Вставши пилъ кофе и отправлялся бродить по городу, подъ предлогомъ моціона и обѣда въ какомъ нибудь ресторагѣ. Но о послѣднемъ онъ часто забывалъ и возвращался домой, не чувствуя голода.

Измѣнять такой образъ жизни на болѣе нормальный и здоровый ему и въ голову не приходило. Большая часть людей живетъ иначе, но развѣ положеніе его не исключительное, и развѣ оно не дастъ ему права жить такъ, какъ ему удобнѣе?

— Вамъ бы зимнее пальто себѣ заказать,—замѣтила однажды Лиза, провожая его въ прихожую.

— У меня есть зимнее пальто въ складѣ, съ прочими вещами.

— Позвольте квитанцію, я возьму,—предложила она.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... мнѣ все равно; кромѣ зимняго пальто, ничего не нужно, а сундукъ большой, займетъ много мѣста,—возразилъ онъ растерянно.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 417.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1902 г., т. LXXXVIII.

Воспоминаніе о преспанье, лежавшемъ въ этомъ сундукѣ, ледило ему кровь отъ ужаса.

— Сундукъ вашъ можно поставить въ другое мѣсто, если вы не желаете загромождать имъ комнату. Я выну изъ него пальто, а остальное пусть себѣ лежитъ, пока не понадобится,—настанывала она.

У него отлегло отъ сердца.

— Возьмите, если вамъ есть куда его поставить,—послѣшилъ онъ согласиться, вынимая изъ портмоне квитанцію и подавая ей.

— Будьте покойны, все будетъ цѣло. Я выну только теплое пальто, если вамъ ничего больше не надо.

Она такъ и сдѣлала; когда онъ на слѣдующій день собрался гулять, на вѣшалкѣ висѣло его теплое пальто, холодное было прибрано, а о сундукѣ ему не упоминали.

Съ клягинею онъ видѣлся не такъ часто, какъ бы ему хотѣлось. Послѣ параднаго чаепитія въ столовой, она принимала его изрѣдка, лежа на кровати, въ пеньюарѣ или въ ночной кофтѣ, разодранной когтями кошки, и, какъ всегда, окруженная книгами и брошюрами. Туалета она для него больше не дѣлала, гримировки не возобновляла и имѣла очень страшный видъ. Но онъ этого не замѣчалъ. Не замѣчалъ онъ также ни безобразія ея, ни странностей, такъ сумѣла она овладѣть его мыслями и чувствами.

Выдающейся способностью этого страннаго существа было любопытство, жадное и холодное, неутомимо стремящееся анатомировать чужую душу, такъ или иначе подпавшую подъ ея вліяніе. Искусствомъ вызывать на откровенность самыхъ сдержанныхъ и молчаливыхъ людей она обладала въ совершенствѣ, и, отвѣчая на вопросы, затрогиваемые ею какъ бы невзначай, Ивковъ, самъ того не замѣчая, посвятилъ ее во всѣ подробности своей жизни до того рокового дня, когда неожиданная катастрофа перевернула вверхъ дномъ все его духовное существо.

Про это онъ ей еще не намекалъ, но начиналъ уже ощущать потребность открыть ей страшную свою тайну.

Чѣмъ объяснить эту потребность? Во всякомъ случаѣ не участвіемъ и не искренностью съ ея стороны; въ ея пристальномъ, внимательномъ взглядѣ, кромѣ холоднаго и насмѣшливаго любопытства, онъ ничего не могъ прочесть и, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія подъ одной съ нею кровлей, зналъ про нее такъ же мало, какъ и въ день ихъ перваго знакомства. Объ ея состояніи, семейномъ положеніи и проч. онъ могъ судить только по ея обстановкѣ, состоящей изъ обломковъ минувшаго великолѣпія, да по титулу, который она носила. Никогда не вырывалось у нея ни малѣйшаго намека на прошлое, по которому можно было бы заключить, были ли у нея когда нибудь дѣти и мужъ, для чего жила она такъ много за границей, все это оставалось для него загадкой, которую онъ, впрочемъ, и не пытался разгадывать.

Равнодушіе его къ жизни и къ людямъ усиливалось со дня на день; одного только хотѣлось: жить всегда такъ, какъ онъ жилъ теперь, ничего не слыша и никого не видя, кромѣ страннаго существа, обладавшаго даромъ направлять его мысли и чувства въ сторону, совершенно противоположную тому пути, которому онъ слѣдовалъ до той минуты, когда обстоятельства заставили его съ него свернуть.

Чѣмъ дальнѣе уходилъ онъ отъ остального міра, тѣмъ необходимѣе становилось ему общество княгини. Дѣлиться съ нею впечатлѣніями, навѣянными книгами, которыми она продолжала его снабжать, слышать отъ нея опроверженіе всего, что онъ привыкъ уважать и любить, какъ олицетвореніе добра и красоты, доставляло ему такое наслажденіе, что каждый разъ, возвращаясь съ прогулки домой, онъ не безъ волненія себя спрашивалъ, увидитъ ли онъ ее сегодня.

Когда проходило нѣсколько дней безъ приглашенія, Лиза, незамѣтно за нимъ наблюдавшая, считала своимъ долгомъ ставить свою госпожу въ извѣстность относительно перемѣны въ душевномъ настроеніи ихъ жилища.

Она для этого выбирала всегда почное время, когда княгиня, проспавшись и принявъ обычную дозу своего живительнаго зелья, съ лихорадочною посѣпчивостью начинала пользоваться минутами душевнаго просвѣтленія и возилась съ своими растеніями въ круглой гостинной. Она ихъ поливала, удобривала разными снадобьями землю, извлекала изъ нея червей, подтачивавшихъ корни, обмывала листья, удаляя тѣ, которые начинали сохнуть.

При этихъ операціяхъ почти всегда присутствовала Лиза и, подавая ей то ножницы, то губку съ водой, доносила ей о томъ, что происходило въ дождѣ.

Со свойственною ей смѣтливостью и умѣніемъ эксплуатировать слабости господъ, у которыхъ она служила, давно подмѣтила она пристрастіе княгини къ сплетнямъ и розказаньямъ самаго негнанаго и гнуснаго свойства и знакомила ее со скандальными исторіями, происходившими во всѣхъ этажахъ огромнаго дома, съ разнообразнѣйшимъ населеніемъ, начиная отъ роскопныхъ квартиръ съ зеркальными окнами на улицу, гдѣ семейныя драмы кончались иногда внезапными отъѣздами за границу, а иногда объявленіемъ пышными похоронами, и кончая трагикомедіями въ подвалахъ и чердакахъ, гдѣ кровавыя и шумныя развязки сопровождались вмѣнительствомъ полиціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ поселился Ивковъ, Лиза вылетала въ рассказы о сосѣдяхъ замѣчанія на его счетъ.

— Начинаетъ, какъ будто, скучать... меньше читаетъ, все больше по комнатѣ прохаживается въ задумчивости... Вчера, поздно вечеромъ, какъ принесла я ему самоваръ, спросили про погоду,

задумали, вѣрно, во второй разъ выйти прогуляться отъ скуки. Я сказала, что дождь, остались и про ваше здоровье спросили. Хотѣли еще что-то сказать, даже вернули меня, какъ стала уходить, да раздумали: «Ступайте, говорить, ничего мнѣ больше не надо»,—распространялась Лиза, стоя со свѣчей въ рукѣ у лѣстницы, на которую влѣзла ея госпожа, чтобъ очистить верхушку высокой пальмы отъ пожелтѣвшаго листа.

Все это княгиня выслушивала съ такимъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ и всѣ прочіе ея рассказы, ни на что не возражая, ничѣмъ не возмущаясь и ничему не удивляясь. Какъ описаніе дракъ, ссоръ, грязнаго разврата и убійствъ, такъ и рассказы о душевныхъ мукахъ молодого человѣка, нашедшаго у нея пристанище и о терзаніяхъ и сомнѣніяхъ котораго она не могла не догадываться, благодаря глубокому знанію человѣческаго сердца, все это вызывало только улыбку на ея узкихъ, синеватыхъ губахъ.

Тѣмъ не менѣе все это она принимала къ свѣдѣнію, и послѣдствіемъ доклада являлось приглашеніе Ивкову прійти съ нею посидѣть.

До сихъ поръ онъ всегда находилъ ее одной и такъ свыкъся съ мыслью объ ея одиночествѣ, что когда однажды вечеромъ, возвращаясь съ прогулки, увидалъ на ишалкѣ въ прихожей нарядную дамскую шубку, а подъ нею миныятюрниа теплыя ботинки, онъ съ неприятнымъ изумленіемъ спросилъ у Лизы:

— У васъ сегодня гости? Развѣ княгиня ужъ встала?

— Скоро пойду ихъ будить. Племянница ихняя пріѣхала по важному дѣлу, ожидаютъ пробужденія княгини въ гостиной.

Извѣстіе это привело его въ раздраженіе. Появленіе этой племянницы разрушало всѣ его представленія объ одиночествѣ княгини, и онъ почувствовалъ себя обиженнымъ, какъ человѣкъ, довѣріемъ котораго злоупотребили.

Досада его усиливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никогда еще не тяготился онъ такъ одиночествомъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Съ утра ему нездоровилось отъ плохо проведенной ночи. Наканунѣ ему ранне обыкновеннаго захотѣлось спать, но не успѣлъ онъ потушить свѣчу, какъ напала бессонница, продолжавшаяся съ небольшими перерывами всю ночь, и поднялся онъ съ постели съ тяжелой головой и ноющимъ отъ злого предчувствія сердцемъ. Одѣвшись, онъ снова повалился на постель и пролежалъ съ открытыми глазами безъ мыслей и безъ силъ до сумерекъ. Потомъ всталъ и, когда совсѣмъ стемнѣло, вышелъ на улицу. Но свѣжій воздухъ не разсѣялъ мрачнаго настроенія, гнетущаго ему сердце. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что заглохшія было впечатлѣнія снова начинаютъ оживать въ его душѣ; ощущалась болѣзненная чувствительность нервовъ и мучительное безпокойство отъ зловѣщихъ при-

зраковъ, невидимо носившихся надъ его головой, отравляя воздухъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ.

Чтобъ ихъ удалить, было одно только средство: погоня за новыми впечатлѣніями. Но все, что раньше его развлекало, ему опротивѣло. Книги, которыми онъ раньше зачитывался, казались ему теперь отвратительной ложью, какъ самъ сатана, вдохновившій ихъ авторовъ. Проснувшійся въ немъ новый духъ тянулъ его вонъ отсюда съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, не стало больше силъ ему противиться, и онъ рѣшилъ пойти хотъ въ театръ, чтобъ разсѣять душевное смугленіе.

Не успѣла мысль эта мелькнуть въ его головѣ, какъ онъ съ лихорадочною поспѣшностью началъ приводить ее въ исполненіе, одѣлся и вышелъ въ прихожую, гдѣ все еще висѣла шубка ненавистной поѣздительницы.

«Она, можетъ быть, теперь каждый день будетъ ѣздить къ теткѣ? Куда же бѣжать? Гдѣ искать пристанища?»—думалъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ.

Вторженіе новаго лица въ его жизнь наполняло все его существо невыразимой тоской.

ХІІІ.

Вмѣсто того, чтобъ идти въ театръ, онъ направился въ противоположную сторону, на Литейную.

Для чего? Вопроса этого онъ себѣ не задавалъ и безотчетно повиновался таинственной силѣ, овладѣвшей его душой. Вихремъ проносились въ головѣ мысли, одна другой неожиданнѣе, но останавливаться на нихъ не было ни малѣйшаго желанія. Одно только сознавалъ онъ ясно, что онъ идетъ къ чему-то роковому и неизбѣжному, какъ сама смерть...

Можетъ быть, къ смерти? Можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ онъ перестанетъ существовать? Рѣка близко, стоитъ только пройти на мостъ, перепрыгнуть черезъ перила и всему конецъ. А, можетъ быть, это произойдетъ какъ нибудь иначе...

Ему было все равно. Давно ужъ не принадлежалъ онъ самому себѣ, но никогда еще не сознавалъ этого такъ ясно, какъ въ эту минуту.

Шелъ онъ, не останавливаясь и не озираясь по сторонамъ, машинально сторонясь отъ экипажей, а попадавшіеся ему на встрѣчу люди сами отъ него сторонились, принимая его за безумнаго, таковой у него былъ растерянный видъ.

Совсѣмъ стемнѣло и при свѣтѣ фонарей, какъ одушевленные, такъ и неодушевленные предметы, казались призраками изъ другого міра, близость котораго онъ уже ощущалъ всѣмъ своимъ существомъ.

И вдругъ, не доходя до мѣста, гдѣ сѣзжаются конки, его точно что-то дернуло остановиться и взглянуть на зданіе, возвышающееся отъ него слѣва. Что именно заставило его очнуться отъ забытья, звонъ ли конокъ, гулъ ли голосовъ вокругъ нихъ, или тайное предчувствіе, что онъ дошелъ до цѣли, и идти ему больше некуда, такъ или иначе, но онъ увидалъ, что стоитъ передъ зданіемъ окружнаго суда, и въ то же мгновеніе понялъ, что именно ему надо дѣлать дальше.

Не задумываясь, поднялся онъ по широкимъ каменнымъ ступенямъ, растворилъ тяжелую дверь и вошелъ въ широкія сѣни съ колоссальнымъ мраморнымъ изваяніемъ передъ бѣгунами къ верху ступенями утопавшей во мракѣ лѣстницы.

— Нельзя ли узнать адресъ кандидата на судебныя должности Захарина?—спросилъ онъ у заспаннаго сторожа, подымающагося къ нему навстрѣчу съ скамейки, на которой онъ дремалъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе, извольте здѣсь подождать,—вѣжливо отвѣчалъ молодой малый, не успѣвшій еще утратить военной выправки.

Онъ куда-то юркнулъ, а Ивковъ остался одинъ.

Тутъ было тихо, и только черезъ нѣсколько минутъ началъ онъ различать глухой гулъ шаговъ и голосовъ, долетавшихъ сюда издалека, повторяясь эхомъ. Въ такое время, кромѣ засидѣвающагося за спѣшной работой чиновника или писаря, здѣсь никого не могло быть.

Разставаясь съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ загородномъ театрѣ, родственникъ Фролова пригласилъ Ивкова продолжать съ нимъ знакомство и между прочимъ сказалъ, что адресъ его всегда можно узнать въ окружномъ судѣ.

Вотъ онъ сюда и пришелъ. До сихъ поръ ни разу не вспоминалъ онъ про этого Захарина, а теперь ощущаетъ такую страстную потребность съ нимъ повидаться, что не можетъ безъ ужаса себя представить, что будетъ, если ему это не удастся.

Но этого не можетъ быть! Для чего же онъ сюда пришелъ? Нигдѣ не найдетъ онъ себя покоя, пока свиданіе съ Захаринимъ не состоится, въ этомъ онъ былъ такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что онъ еще живъ и дышитъ... А между тѣмъ, нѣсколько минутъ раньше, онъ даже не помнилъ имени этого человѣка.

Отъ нетерпѣнія скорѣе узнать, гдѣ его найти, время тянулось нестерпимо долго, и онъ обрадовался какъ избавленію, когда, наконецъ залыхавшійся отъ послѣдственности сторожъ сбѣжалъ назадъ съ лѣстницы.

— Никого въ канцеляріи не нашелъ, ваше благородіе, самъ разыскалъ въ книгѣ и списалъ для вашей милости... Совѣмъ отсюда близко, въ Косомъ переулкѣ. Они, вы знаете, назначеніе получили, скоро уѣзжаютъ изъ Петербурга,—говорилъ онъ, подавая Ивкову

бумажку съ адресомъ Захарина и съ поклономъ принимая монету, которую ему дали за труды.

Черезъ нѣсколько минутъ Ивковъ звонилъ у двери въ квартиру Захарина.

Отворившій ему мальчикъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на незнакомога офицера, явившагося съ визитомъ въ такое позднее время, отвѣчалъ, что баринъ его дома.

— Какъ объ васъ доложить?

— Скажите: Ивковъ, товарищъ Фролова.

— Николай Ивановичъ! Пожалуйста! Пожалуйста!—раздался голосъ изъ сосѣдней комнаты, и въ дверяхъ показался Захаринъ.— Какъ это вамъ вздумалось меня навѣстить? Прослышали вѣрно про мое назначеніе? Какъ же, какъ же, назначили въ Саратовъ. Далекое, да ничего не подѣлаешь, вѣдь и тамъ надо отправлять правосудіе, вездѣ живутъ люди. Тамъ, говорятъ, постоянный театръ, приѣзжаютъ интересныя труппы, много хорошихъ, и вообще веселятся... Садитесь сюда, извините за беспорядокъ, укладываюсь, надняхъ отправляю вещи, а за тѣмъ и самъ пушусь въ путь. Гонятъ, гонятъ, дѣло тамъ одно, такъ запутали, что самъ чортъ ногу сломить... Ну-съ, чѣмъ могу служить? Одея, подай сюда чай, столовая такъ загромождена, что некуда приткнуться.

Говоря такимъ образомъ съ большимъ оживленіемъ и не дожидаясь отвѣтовъ на вопросы, Захаринъ ввелъ Ивкова въ кабинетъ, заставленный дорожными сундуками, и, усадивъ его на кресло передъ письменнымъ столомъ, самъ примостился на краешекъ дивана, заваленнаго принесенными изъ магазиновъ картонками и свертками.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Чѣмъ могу служить?—повторилъ онъ, весело потирая руки и пылливо поглядывая на собесѣдника смѣющимися глазами. — А какъ вы похудѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись! Больны, вѣрно, были? Я къ вамъ съ мѣсяць тому назадъ заходилъ въ ту гостиницу, гдѣ вы жили съ Фроловымъ... А кетати о Фроловѣ, вы знаете, онъ въ Москвѣ, ждетъ обѣщаннаго мѣста въ корпусѣ...

— Я былъ боленъ,—вымолвилъ съ усиленіемъ Ивковъ, съ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ.

Царившій здѣсь беспорядокъ, выдвинутые ящики изъ столовъ и комодовъ, раскиданныя бумаги и книги, такъ живо напомнили ему его отъѣздъ изъ Н—ска, что онъ невольно искалъ глазами на полу трутъ еврейки.

— Оно и видно, что вы были больны, вы такъ похудѣли и поблѣднѣли, что встрѣться я съ вами на улицѣ, я бы васъ не узналъ,—продолжалъ Захаринъ, закуривая папиросу и подавая открытій портсигаръ своему гостю.

«Сейчасъ свершится то, для чего я сюда пришелъ», замелькало въ головѣ Ивкова, въ то время, какъ онъ знакомъ отказывался

отъ предложенія курить. Отъ жуткаго предчувствія слова не выговаривались.

— Не курите? А я, знаете, ни минуты не могу безъ папиросы, только вмѣстѣ съ дымомъ мысли и лѣзутъ въ голову.

— Вы сейчасъ сказали, что спрашивали про меня въ той гостиницѣ, гдѣ я раньше жилъ?—напомнилъ Ивковъ, замѣчая, что разговоръ начинается отклоняться въ сторону.

— Какъ же, какъ же, чтобъ сказать вамъ про то дѣло, которое лѣтомъ васъ такъ интересовало, помните? Солдатъ, заподозрѣнный въ убійствѣ еврейки.

Ивковъ утвердительно кивнулъ.

— Представьте себѣ, какой вышелъ казусъ!—продолжалъ Захаринъ, откидываясь къ спинкѣ дивана, чтобъ удобнѣе ораторствовать. — Приговоръ по дѣлу этого солдата, какъ вамъ извѣстно, былъ кассированъ и переданъ въ здѣшній высшій судъ. Ну, на дняхъ судъ этотъ состоялся....

— Здѣсь?!—вскричалъ хриплымъ голосомъ Ивковъ. — Стало быть?....

«Ильа здѣсь?» — добавилъ онъ мысленно слова, которыя не въ силахъ былъ выговорить вслухъ.

— Вы вѣрно думаете, что его оправдали?—подхватилъ его собесѣдникъ, объясняя по-своему недосказанный вопросъ. — Въ этомъ не вы одни, а и мы всѣ были увѣрены, а между тѣмъ вышло иначе: опять прокуроръ, уже другой, замѣтите, отказался отъ обвиненія, а судьи нашли виновнымъ! Такого случая въ военномъ судѣ не запомнятъ. Чтобы два разныхъ состава судей, на тысячу верстъ одинъ отъ другого, точно сговорившись, нашли виновнымъ подсудимаго, котораго оба прокурора отказались обвинять, это, согласитесь, такое замѣчательное явленіе, что остается только руками развести! И замѣтите, безъ новыхъ уликъ, тѣ же свидѣтели, а между тѣмъ въ послѣднюю минуту оба прокурора отказываются обвинять, а судьи осуждаютъ на каторгу!

Наступило молчаніе. Хозяинъ закурилъ новую папиросу и позвонилъ, чтобы приказать скорѣе подавать чай. Ивковъ сидѣлъ, углубившись въ мысли или, лучше сказать, въ представленія, поднимавшіяся одно за другимъ передъ его духовными очами. Катастрофа, подъ гнетомъ которой онъ изнемогалъ, воскресла передъ нимъ такъ живо, что заслонила собою все, время, пространство, все, чѣмъ онъ жилъ въ дѣйствительности, и что его окружало. Страшно было взглянуть на полъ, чтобы не увидѣть трупа еврейки, а вмѣсто Захарина ему казалось, что сидитъ Ильа и укоризненно на него смотреть.

Вошелъ мальчикъ съ подносомъ, и призраки разсѣялись. Ивковъ взялъ стаканъ съ чаемъ, машинально налилъ въ него коньяку изъ стоявшаго тутъ же графинчика и выпилъ эту смѣсь залпомъ,

обжигая себѣ ротъ, но съ наслажденіемъ убѣждаясь въ возвратѣ къ дѣйствительной жизни. Явилась возможность мыслить и обсуждать положеніе....

Какъ могъ онъ такъ долго забывать про Илью, переносившаго изъ-за него такія муки? Какъ могъ онъ оставлять его такъ долго безъ поддержки и безъ утѣшенія? Скорѣе его увидѣтъ, чтобы сказать, что онъ отказывается отъ дальнѣйшихъ его жертвъ.... Лучше самому все вынести, и судъ, и осужденіе и наказаніе....

— А убійца все еще не объявляется?—спросилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Если бы онъ объявился, то и толковать было бы не о чемъ,—возразилъ Захаринъ. — Но если онъ молчитъ до сихъ поръ....

— То будетъ молчать и дальше? Да? Но почему вы такъ думаете? Какое право имѣете вы считать его такимъ мерзавцемъ?—запальчиво вскричалъ Ивковъ, срываясь съ мѣста. — Онъ, можетъ быть, несчастіе Ильи, этотъ убійца.... онъ, можетъ быть, переживаетъ такія нравственныя муки, о которыхъ вы и понятія не имѣете! Вѣдь осужденіе Ильи это его осужденіе.. Нѣтъ, хуже! Много, много хуже!

— Очень можетъ быть,—поспѣшилъ согласиться съ нимъ Захаринъ, тоже вставая съ мѣста.

Ему становилось жутко отъ присутствія этого болѣзненнаго субъекта, отъ котораго каждую минуту можно было ждать какой нибудь безобразной выходки, и онъ мысленно упрекалъ Фролова за то, что онъ не предупредилъ его о странностяхъ своего пріятели. Чѣмъ не менѣе, желая оставаться корректнымъ, онъ себя пересилилъ и съ улыбкой замѣтилъ, что солдатикъ этотъ, котораго не могутъ ни оправдать, ни осудить, долженъ быть пресимпатичная личность, если и прокуроры и бывшій его начальникъ принимаютъ въ немъ такое горячее участіе.

«Молчите! Ничего вы въ этомъ не понимаете!»—чуть было не сорвалось съ языка Ивкова, но онъ, къ счастью, во время спохватился, подавилъ слова, рвавшіяся изъ груди, и, странно улыбувшись новымъ мыслямъ, закружившимся въ умѣ, началъ искать фуражку, чтобы уходить.

И вдругъ, обернувшись къ хозяину, спросилъ:

— Какъ надо поступить, чтобы сознаться въ преступленіи?

— Очень просто, пойти къ прокурору или написать ему.

— Къ какому прокурору?

— Все равно, къ какому бы то ни было. Ни одинъ не имѣетъ права оставить подобнаго заявленія безъ вниманія... Но вы напрасно объ этомъ беспокоитесь,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—если бы былъ другой убійца, и если бы онъ захотѣлъ сознаться, то давно сумѣлъ бы это сдѣлать.

— Ну, да, разумѣется, вамъ иначе нельзя думать,—замѣтилъ Ивковъ.

— Всякій будетъ такъ думать.

— Да, да, всякій,—повторилъ Ивковъ.

На этомъ они разстались. Проводивъ его, Захаринъ взглянулъ на графинчикъ съ коньякомъ, въ которомъ доброй половины недоставало, и усмѣхнулся. Теперь странности Ивкова ему были понятны: слабъ на вино, опьянѣлъ отъ двухъ рюмокъ.

XIV.

Затворивъ дверь за племянницей своей госпожи, Лиза расположилась ужинать со своимъ новымъ фаворитомъ, приказчикомъ изъ соседней бакалейной лавки, куда звонокъ изъ спальни заставилъ ее поспѣшно бросить недоѣденную копченую корюшку, вытереть руки, надѣть свѣжій передникъ и бѣжать къ своей госпожѣ, которую она застала въ ночной кофтѣ съ засученными рукавами, занятую чисткой своихъ туалетныхъ принадлежностей.

Послѣ возни съ растеніями княгиня ничего такъ не любила, какъ чистить свои драгоценности и вещи, украшавшія ея письменный столъ и туалетный.

Послѣ ухода племянницы она, должно быть, приняла усиленную дозу морфія, глаза ея сверкали лихорадочнымъ блескомъ, и движенія были порывистѣе обыкновеннаго.

— Скажите господину Ивкову, что я прошу его ко мнѣ чай пить, черезъ часъ,—сказала она вошедшей на ея зовъ Лизѣ, продолжая ловко и проворно уставлять вычищенными предметами столъ, пышно задрапированный бѣлыми кружевами на розовомъ атласномъ чехлѣ.

— Господина Ивкова дома нѣтъ.

Княгиня такъ мало ожидала этого отвѣта, что на костлявомъ ей лицѣ выразилось удивленіе.

— До сихъ поръ дома нѣтъ! Куда же онъ отправился?

— Не могу знать-съ. Гулять вѣрно вышли.

— Вы глупы! Онъ вернулся съ гулянья, когда Наталья Павловна была еще здѣсь.

— Точно такъ-съ, а потомъ они одѣлись и опять вышли.

— Переодѣлся?

— Да-съ, въ новый сюртукъ.

— Что же вы мнѣ этого до сихъ поръ не сказали? Получилъ онъ какое нибудь письмо? Былъ у него кто нибудь?

— Ничего имъ не приносили, и никто ихъ не спрашивалъ-съ.

— Хорошо, ступайте и, какъ вернется, передайте ему мое приглашеніе.

Ивковъ вернулся черезъ часъ и въ такомъ нервномъ возбужденіи, что обрадовался приглашенію княгини.

Одно присутствіе этой безстрастной женщины, относившейся ко всему съ ледянымъ равнодушіемъ, должно было его успокоить и помочь разобраться въ хаосъ чувствъ и мыслей, переполнявшихъ его душу.

И онъ не ошибся. Не успѣлъ онъ перенагнуть порогъ спальни княгини, какъ волненіе его успокоилось и нервное возбужденіе стихло. Точно невидимой рукой, мягкой и осторожной, но безпощадной, сжималось его сердце, позволяя ему биться настолько, чтобъ не наступила смерть. Мысли постепенно затуманивались, упонительно сладко, какъ въ дремотѣ передъ сномъ.

Отъ запаха духовъ, дѣйствовавшихъ на него особенно сильно послѣ продолжительнаго пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, можетъ быть?

Такъ или иначе, но не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ онъ опустился въ кресло у кровати, съ которой глядѣла на него пристальнымъ и пытливымъ взглядомъ княгиня, и отъ проснушагося было въ немъ новаго человѣка не осталось и слѣда. Онъ уже судить этого человѣка издали и со стороны, какъ чужого, и произносить строгій приговоръ его опрометчивости и недалекости.

«Какую непоправимую глупость сдѣлалъ бы онъ, еслибъ поддался влеченію сердца, гнавшему его домой, чтобъ писать признаніе прокурору! Не повидавшись съ Ильей, ничего не обмысливъ и даже не узнавъ, правду ли ему сказалъ Захаринъ», думалъ онъ, отвѣчая на вопросы, предлагаемые ему княгиней.

Путая ложь съ правдой, онъ объявилъ, что, соскучившись дома, ему вздумалось пойти въ театръ, но что онъ встрѣтилъ по дорогѣ пріятели, который затащилъ его къ себѣ.

-- Вашъ пріятель тоже военный?

--- Нѣтъ, онъ служитъ по судебному вѣдомству. Мы разговаривали о судебныхъ ошибкахъ, и онъ разсказалъ мнѣ про дѣло, которое меня лично интересуетъ по близости моей къ подсудимому...

И самъ не понимая, какъ это случилось, онъ поддался страстному желанію говорить про Илью и разсказалъ, какъ его заподозрѣли въ убійствѣ старой еврейки, какъ два раза судили и оба раза, невзирая на протесты прокуроровъ, осудили.

— «Для чего я ей все это говорю?»—мелькало у него въ умѣ, въ то время какъ слова неудержимо срывались съ языка. Но вернуть ихъ было уже невозможно, и онъ утѣшалъ себя мыслью, что ему стало легко послѣ этого полупризнанія.

— Но, можетъ быть, оба прокурора ошибаются, и еврейку онъ убилъ,—замѣтила княгиня.—Убить человѣка вовсе не такъ трудно,

какъ думаютъ вообще, все зависитъ отъ настроеній, — прибавила она.

— Нѣтъ, это не онъ! — вырвалось помимо воли у ея слушателя.

Наступило молчаніе, очень неловкое для Ивкова. Онъ сознавалъ, что сдѣлалъ промахъ, и не зналъ, какъ его поправить.

— Не я одинъ такъ думаю, и Фроловъ, и Захаринъ, считаютъ его невиновнымъ... А прокуроры? Вѣдь ужъ это люди, по профессіи подозрительные и къ виѣшнимъ впечатлѣніямъ относящіеся скептически, какъ же бы они могли, безъ вѣскихъ причинъ, сознаться, что заблуждались, предавая его суду? — поспѣшилъ онъ прибавить.

— Какія же вѣскія причины? Нантіе слыше, что ли? — спросила она съ усмѣшкой.

Онъ промолчалъ, не зная, что сказать.

— Не знаю, какъ вы, — продолжала она, гипнотизируя его взглядомъ, — но я вмѣшательству высшихъ силъ въ человѣческія дѣла не вѣрю. Да и высшей силы, кромѣ силъ природы, не признаю. Просто случай, простой и нелѣпый, какъ все на землѣ.

Бесѣда ихъ длилась до утра. Пробыло четыре, когда онъ поднялся, чтобъ уходить.

— Вамъ хочется спать? — спросила она.

— Нѣтъ, но ужъ поздно, и пора вамъ дать покоій.

— Я раньше второго часа пополудни не засыпаю. Когда вы уйдете, я буду возиться съ моими растеніями, читать, писать письма. А вы что будете дѣлать?

— Читать не хочется, писать никому, постараюсь заснуть, не знаю, удастся ли.

— Васъ такъ взволновало свиданіе съ пріятелемъ?

— Да, онъ напомнилъ мнѣ то, что хотѣлось бы забыть.

Глаза ея загорѣлись любопытствомъ.

— Женщину, вѣрно?

Онъ молча наклонилъ голову, успокоенный. Заставить ее еще дальше отойти отъ истины, къ которой она начинала совсѣмъ терять путь, казалось ему легче прежняго.

— Когда нибудь я вамъ расскажу про мое горе, но теперь оно еще слишкомъ свѣжо... Къ тому же, мнѣ надо рѣшить одинъ вопросъ, отъ котораго зависитъ вся моя судьба...

— «Видѣть его или не видѣть?» — добавилъ онъ про себя.

— Тѣмъ болѣе причинъ пожелать вамъ хорошо выспаться, это самое лучшее средство для заживленія сердечныхъ ранъ, — добродушно замѣтила она.

И, взявъ со стола граненый флаконъ, она налила изъ него въ рюмку нѣсколько капель, прибавила туда воды и подала ему.

— Выпейте это, заснете прекрасно и проснетесь въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ выпилъ сладковатое, приторное снадобье и поцѣловаль у нея руку.

Она тронула его своимъ участіемъ. Ему казалось, что онъ только теперь понялъ, что за милая старуха эта чудачка, которую онъ до сихъ поръ считалъ холодной, сухой психопаткой.

И княгиня тоже была убѣждена, что вполне его узнала и постигла тайну его душевнаго удрученія. Въ дневникѣ ея появилась новая про него замѣтка слѣдующаго содержанія:

«Причастенъ къ убійству!!!»

«Почти сознался, что съ убитой жидовкой его связывала женщина.

«Изъ какихъ? Навѣрное изъ самыхъ простыхъ и пошлыхъ, въ родѣ горничной, нивейки или курсистки. Женщинъ изъ вышшаго круга, даже здѣшняго, онъ никогда не зналъ. Стоитъ только взглянуть на него, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Гдѣ теперь его возлюбленная, и для чего надо было отстранить старуху—ни слова. Распространялся только про солдата, страстно хвалилъ его, повторяясь и точно передъ кѣмъ-то въ чемъ-то оправдываясь. Старался убѣдить меня, что онъ интересуется имъ изъ чловѣколюбія! И достигъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Стоило бы только молчать, но тайна слишкомъ его тяготитъ, и, чтобъ не высказать правды, онъ безпощадно лгалъ, глупо и дѣтски-наивно. Онъ впечатлительнѣе маркиза З—ни... Ничего нѣтъ легче, какъ довести его до безумія или до самоубійства... Не убита ли старуха по его приказанію или съ его вѣдома? Последнее вѣрнѣе. Чтобъ заставить совершить преступленіе, надо, пожалуй, столько же силы воли, сколько и на то, чтобъ самому его совершить... А онъ безвольный. Не принимала ли во всемъ этомъ дѣятельнаго участія та женщина, про которую ему такъ тяжело говорить, и о которой онъ постоянно думаетъ? Солдату убить, это ясно, какъ день. Прокуроры ослы. А нашему Ивкову нужно, чтобъ дѣло никогда не выяснилось. Это для него вопросъ первостепенной важности...

«Дала ему морфія отъ бессонницы»...

Морфіи подѣйствовалъ. Не успѣлъ онъ опустить голову на подушку, какъ заснулъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ, со свѣтлыми и радостными грезами. И какъ предсказывала княгиня, проснулся въ прекрасномъ расположеніи духа, но, поднимаясь съ постели, почувствовалъ такую слабость, что рѣшилъ въ этотъ день никуда не выходить.

Да его никуда и не тянуло. О свиданіи съ Захаринымъ, о томъ, что онъ отъ него узналъ, вспоминалось, какъ о чемъ-то далекомъ

и чуждомъ, до него не касавшемся. Намѣреніе же писать прокурору казалось теперь такую же нелѣпостью, какъ и рѣшеніе видѣться съ Ильей.

Безцѣльность всего этого казалась ему доказанной вполне.

«Надо ждать и до поры до времени ни о чемъ не думать», повторялъ онъ себѣ съ такимъ чувствомъ, точно кто нибудь, кому онъ противиться не въ силахъ, повелѣваетъ ему такъ думать.

Въ обычный часъ Лиза принесла лампу и объявила, что княгиня проситъ его пожаловать къ ней провести вечеръ.

— Развѣ княгиня уже встала? — спросилъ онъ, взглянувъ на часы, показывавшіе пять.

— Какое! Ея сіятельство только часа два тому назадъ изволили лечь почивать и раньше полуночи не приказали себя будить. Наталья Павловна ихъ вчера своимъ прїездомъ очень разстроили, имъ вредно, когда ихъ не во время разбудить, завсегда привыкли почивать днемъ.

— А какъ же она въ первый разъ приняла меня днемъ? — спросилъ Ивковъ, припоминая свою первую встрѣчу съ княгиней.

— Онъ тогда еще не ложились, васъ дожидались.

— Скажите, пожалуйста, Лиза, кто ей про меня сказалъ?

Еще наканунѣ не рѣшился бы онъ предложить ей такой вопросъ, но послѣ вчерашняго свиданія съ княгиней онъ и къ горничной ея началъ относиться съ болышимъ довѣріемъ, и ему казалось вполне естественнымъ попытаться выяснитъ загадку, приводившую его въ недоумѣніе каждый разъ, когда онъ вспоминалъ про письмо княгини.

— Комната эта у насъ стояла пустая, ея сіятельство мнѣ сказали, что желательно было бы сдать ее благородному господину...

— И вы наняли меня? — съ улыбкой спросилъ Ивковъ.

— Точно такъ-съ. У меня знакомый служитъ въ той гостиницѣ, гдѣ вы изволили жить.

Все объяснилось очень просто, даже слишкомъ просто. Нельзя было приписать ничему особенному приглашеніе княгини у нея поселиться, и открытіе это показалось Ивкову разочарованіемъ.

Выпивъ кофе, онъ принялся за чтеніе и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время въ болѣе или менѣе продолжительномъ забытьѣ, которымъ прерывалось его чтеніе. Сосредоточивать мысли на чемъ бы то ни было долѣе десяти минутъ сряду онъ не могъ.

Ночь опять прошла въ бесѣдѣ съ княгиней. Опять пыталась она заставить его высказаться опредѣленнѣе насчетъ обстоятельствъ, связывавшихъ его съ Ильей, и опять ему удалось, какъ нельзя лучше, не только оставить ее въ заблужденіи на этотъ счетъ, но даже усилить это заблужденіе, останавливая ее вниманіе на романѣ, складывавшемся въ его воображеніи все правдоподобнѣе и правдоподобнѣе, по мѣрѣ удаленія отъ истины.

Такъ протянулось дней пять.

На шестой Лиза вмѣстѣ съ кофе принесла ему письмо съ городской маркой.

Это было первое письмо, полученное имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ у нихъ жилъ, и не будь онъ такъ встревоженъ этимъ событіемъ, онъ, можетъ быть, подмѣтилъ бы, что оно подклеено, но онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ обращать вниманіе на выѣпный видъ конверта, который тотчасъ же разорвалъ, чтобъ узнать, кто ему пишетъ.

Писалъ Захаринъ, увѣдомляя его, что передъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ узналъ, что Илью рѣшено судить въ третій разъ.

«Вамъ можно будетъ присутствовать при разбирательствѣ, если вы будете еще здѣсь».

Къ этому онъ прибавлялъ, что обращался въ адресный столъ, чтобъ узнать его адресъ и сообщить вышеозначенную новость, и желалъ ему скорѣе оправиться отъ нервнаго разстройства, которымъ онъ страдаетъ.

Вотъ какъ все благополучно устранивалось! Можно, не трогаясь съ мѣста, спокойно ждать развязки, а тамъ поступить, смотря по обстоятельствамъ.

Если бы такъ случилось, что и въ третій разъ Илью осудятъ, ну, ужъ тогда онъ, конечно, не дастъ ему итти за себя на каторгу...

Но до этого еще далеко. Скучно, что придется хлопотать о продленіи отпуска... Впрочемъ, можно и совѣмъ выйти въ отставку. У него былъ капиталъ отъ продажи родового имѣнія, приносившій ему рублей тысячу годового дохода, пока ничего больше не надо, а дальше видно будетъ.

При мысли о будущемъ онъ, какъ испуганный ребенокъ, запертый въ комнатѣ, за стѣной которой происходитъ нѣчто страшное, о чемъ ему запрещено думать, жмурился и затыкалъ себѣ уши, отгоняя ужасныя представленія. Изъ письма Захарина одно только хотѣлось понять и запомнить: Илью будутъ судить въ третій разъ, значитъ, есть данныя предполагать, что его оправдаютъ, а слѣдовательно и ему, Ивкову, можно до поры до времени успокоиться.

Въ этотъ вечеръ княгиня показалась ему еще добрѣе и симпатичнѣе, чѣмъ наканунѣ, и на вопросъ ея, какъ онъ провелъ ночь, Ивковъ искренно поблагодарилъ ее за лѣкарство.

— Когда оно вамъ опять будетъ нужно, скажите Лизѣ, я пришло вамъ сколько нужно, чтобъ спокойно провести ночь,—сказала она.

— Дайте мнѣ лучше рецептъ, по которому я бы могъ его заказать, чтобъ въ случаѣ надобности васъ не беспокоить.

Она усмѣхнулась.

— Я понимаю, что вамъ это было бы несравненно удобнѣе, но, къ сожалѣнію, это невозможно. Лѣкарство это я получаю отъ моихъ

заграничныхъ друзей, здѣсь вамъ его не сдѣлаютъ. Но не беспокойтесь, я съ удовольствіемъ буду съ вами имъ дѣлиться. И вотъ вамъ на первый случай,—продолжала она, подавая ему пузырекъ съ темноватою жидкостью, который она вынула изъ шкатулки, стоявшей у ея изголовья.—Но предупреждаю васъ, что больше пяти капель заразъ принимать опасно, не подведите меня,—прибавила она съ добродушной улыбкой.

Онъ разсказалъ ей про письмо Захарина.

— Видите, какъ, значитъ, хорошо поступаетъ убійца, что не торопится на себя доносить, а вы, кажется, осуждали его за то, что онъ до сихъ поръ молчитъ! Для чего же напрасно себя губить, когда можно этого избѣгнуть? Ужъ теперь никакими казнями старой жидовки не воскресить, а преступникъ достаточно выстрадаетъ отъ страха и неизвѣстности за поступокъ, можетъ быть, содѣянный въ такомъ настроеніи, побороть которое онъ былъ не въ состояніи...

Каждое ея слово благотворнымъ бальзамомъ разливалось по его истерзанному сомнѣніями сердцу. Онъ объявилъ, что ему хочется дожидаться здѣсь рѣшенія дѣла.

— Но для этого мнѣ необходимо продлить отпускъ подъ предлогомъ болѣзни.

— Хотите, я вамъ пришлю для этого моего доктора?—предложила она, нимало не удивляясь его намѣренію.— Онъ имѣетъ какое-то прикосновеніе къ военному министерству и многимъ офицерамъ оказываетъ услуги... за деньги, разумѣется,—прибавила она съ улыбкой.— Мой докторъ жидъ, человекъ безъ предразсудковъ. Ъхать вамъ къ нему не для чего, я все равно должна за нимъ послать, чтобъ переговорить о дѣлѣ моей племянницы... У насъ въ семьѣ ни на что важное не рѣшаются, не посовѣтовавшись съ Осипомъ Григорьевичемъ. Мы съ нимъ давнишніе друзья... И вотъ жидъ, а преданъ мнѣ, какъ собака... Не правда ли, Манеочка, Осипъ Григорьевичъ очень хорошій жидъ?—продолжала она, обращаясь къ кошкѣ, примостившейся на ея груди. Вы можете ему не говорить о причинѣ, заставляющей васъ оттягивать отъѣздъ изъ Петербурга,—обернулась она снова къ Ивкову, не переставая ласкать кошку.

— Но у меня нѣтъ причинъ это скрывать!— вскричалъ Ивковъ.— Всякій пойметъ, что я не имѣю даже права покидать на произволь судьбы человека, въ невиновности котораго я убѣжденъ.

И, поддаваясь потребности говорить про Илью, онъ опять началъ распространяться про его характеръ, наружность и про душевныя свойства этого человека, на котораго онъ не только не обращалъ вниманія, когда жилъ съ нимъ вмѣстѣ, но даже часто, досадуя на его нерасторопность и недогадливость, завидовалъ товарищамъ, которымъ несчастливо случилось достать себѣ болѣе ловкихъ

денщиковъ. Даже и послѣ катастрофы, неразрывно связавшей ихъ судьбу, ему не приходило въ голову задуматься надъ особенностями духовной стороны этого увальня, мимо котораго онъ такъ бы и прошелъ на жизненномъ пути, не узнавъ, чѣмъ именно отличается онъ отъ миллионныхъ ему подобныхъ. Душа этого чело-вѣка внезапно обнажилась передъ его духовными очами и предстала передъ нимъ во всемъ блескѣ, во всемъ величїи своей не-земной чистоты и красоты.

Какъ могъ онъ быть такъ слѣпъ? Такъ возмутительно слѣпъ?—спрашивалъ онъ себя съ негодованїемъ.

Истина такимъ ослѣпительнымъ лучемъ внезапно прорѣзала мрачную тьму, въ которой безпомощно барахталась его душа, но обрѣтая исхода, что, ослѣпленный и смущенный, онъ на нѣсколько мгновенїй потерялъ сознанїе. Голосъ княгини достигалъ до его ушей точно издалека, и вникать въ смыслъ произносимыхъ ею словъ онъ былъ не въ силахъ, но голосъ этотъ его ласкалъ и успокаивалъ, пробужденїе души длилось недолго и опять потянуло его къ покою и къ забвенїю.

XV.

Въ ту ночь, или, лучше сказать, утро (было около пяти часовъ, когда онъ вернулся въ свою комнату), Ивковъ опять принялъ сна-добья, даннаго ему княгиней. Но на этотъ разъ сонъ его былъ уже не такъ сладокъ, какъ раньше, а тяжелъ и съ мучительными видѣнїями.

Разбудилъ его усиленный стукъ въ дверь, давно раздававшїйся въ его ушахъ, но онъ былъ, какъ въ лстаргїи, не могъ пошевелиться, не могъ раскрыть глазъ, и когда, наконецъ, скovskyвавшее все его существо оцѣпенѣнїе начало мало-по-малу проходить, онъ увидалъ себя въ совершенной темнотѣ. Дверь была заперта изнутри. Въ нее продолжали стучать, и къ голосу Лизы, громко просившей его отворить, примѣшивался незнакомый, чужой голосъ.

Накинувъ на себя первое попавшее ему подъ руку платье, Ивковъ оцущью нашелъ дверь и отодвинулъ задвижку, не понимая, для чего онъ ее задвинулъ.

Комната освѣтилась лампой въ рукахъ Лизы, и онъ увидалъ позади ся чело-вѣка, показавшагоси ему молодымъ и красивымъ, смотрѣвшаго на него съ любопытствомъ.

— Господинъ докторъ,—объявила Лиза, пропуская впередъ своего спутника, и, поставивъ на столъ лампу, удалилась.

— Честь имѣю представиться, Шварцкугель,—съ проницеской усмѣшкой объявилъ незнакомецъ, проникая въ глубь комнаты, внимательно оглядываясь по сторонамъ и безъ малѣйшаго стѣс-

ненія останавливая на Ивковѣ пытливымъ взглядъ, въ то время, какъ этотъ послѣдній поспѣшно приводилъ въ порядокъ свой костюмъ.

— Извините, что мы васъ потревожили, — началъ посѣтитель, опускаясь въ кресло передъ столомъ, не дожидаясь приглашенія.— Но княгиня мнѣ написала, что я вамъ нуженъ, а такъ какъ въ скорости заѣзжать въ эти края мнѣ не придется, то мы съ Лизой рѣшили потревожить вашу покой.

Ивковъ поблагодарилъ. Мысли его проявлялись медленно, и онъ не понималъ вполне, проснулся ли онъ, или продолжаетъ грѣзнить.

— Вамъ нужно свидѣтельство о болѣзни для продленія отпуска?—помогъ ему распутаться въ мысляхъ докторъ.

— Да, я дѣйствительно боленъ... Нервы такъ истрепались, что необходимъ полнѣйшій покой, — поспѣшилъ заявить Ивковъ.

— Такъ, такъ, — благодушно закивалъ Шварцкугель. Кто теперь не страдаетъ нервами!

— Но со мною что-то особенное... Я самъ просилъ перевода, а теперь чувствую полнѣйшую невозможность двинуться съ мѣста.

— Это бываетъ, бываетъ. Позвольте все-таки васъ осмотрѣть. Нельзя безъ этого.

Онъ приказалъ ему лечь на диванъ и довольно долго выстукивалъ его и выслушивалъ.

— Важнѣйшіе органы у васъ въ порядкѣ, сердце, легкія, подгуляли только нервы. У васъ невралгическія въ самой опредѣленной формѣ, и, разумѣется, о путешествіяхъ вамъ нечего и думать. Вамъ нуженъ безусловный покой. Я вамъ напишу свидѣтельство, которое вы при рапортѣ и пошлете.

— Не подать ли мнѣ лучше прошеніе объ отставкѣ? Служба не представляетъ для меня существенной необходимости, — сказалъ Ивковъ, въ то время какъ Шварцкугель собирался писать.

— Пхе! Зачѣмъ? Вы можете впоследствии пожалѣть, что бросили службу, когда могли ея не бросать. Положеніе ваше не безнадежное. При благоприятныхъ условіяхъ можете совершенно поправиться, — продолжалъ онъ, пытливо поглядывая на своего пациента.—А пока, вотъ вамъ микстура, извольте принимать ее на ночь и среди ночи, если проснетесь и почувствуете сердцебиеніе, тоску, безпокойство и тому подобное. А за свидѣтельствомъ извольте прислать ко мнѣ денъка черезъ два.

Проскрипѣвъ перомъ еще съ минуту, онъ кончилъ широкимъ росчеркомъ и, откинувшись на спинку кресла, опять остановилъ на Ивковѣ пытливымъ взглядъ.

— Вы уже употребляли морфій? Какъ онъ на васъ дѣйствуетъ? Ивковъ подаль ему флаконъ, данный ему княгиней.

— И начали прямо съ пріемовъ внутрь? Это же не рационально. Надо всегда начинать съ вспрыскиваній. Я вамъ прошу спрынцовку, а ужъ здѣсь васъ научать, какъ ею дѣйствовать.

И, прибавивъ еще нѣсколько словъ къ рецепту, онъ поднялся съ мѣста, спряталъ въ боковой карманъ золотую монету, поданную ему Ивковымъ, и съ любезной улыбкой напомнилъ о свидѣтельствѣ.

— Извольте прислать за нимъ послѣ завтра. Если меня не будетъ дома, пусть вашъ посланный обратится къ моему камердинеру.

XVI.

— Какъ вы его нашли?—спросила княгиня, когда отъ Ивкова Шварцкугель зашелъ къ ней.

— Пхе! Не лучше и не хуже другихъ. Проскрипитъ еще нѣсколько лѣтъ, если никакихъ особенныхъ осложненій не произойдетъ. Только напрасно ваше сіятельство изволили его съ перваго абцуга морфіемъ накачивать. Онъ для такихъ пріемовъ еще не догнилъ, хе, хе, хе! Пусть еще нѣкоторое время вспрыскиваніемъ позабавится.

— Не все ли равно, если въ концѣ концовъ все-таки придется перейти на пріемы внутрь.

Онъ пожалъ плечами.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ, особенно намъ, имѣющимъ несчастіе носить еврейскую фамилію.

— Ну, вы-то не по одной фамиліи—жидъ,—замѣтила она.

— Пусть будетъ такъ, пусть, все равно и даже тѣмъ болѣе... Каждый негодий придирается, газеты эти...

И, махнувъ рукой, онъ оборвалъ щекотливый разговоръ, чтобъ спросить, давно ли она видѣла свою хорошенькую племянницу.

— Мнѣ говорили, что она вернулась изъ Крыма?

— Вернулась.

— Чѣмъ же она теперь увлекается? Филантропіей? Спиритизмомъ?

— Все это ей ужъ давнымъ давно надоѣло, теперь она увлекается буддизмомъ. Познакомилась въ Крыму съ морякомъ, который куритъ опиумъ и знакомитъ ее съ ученіемъ Будды...

— Вотъ какъ!—протянулъ Шварцкугель, выпучивая отъ изумленія свои черные на выкатѣ глаза.—Съ чего же это онъ? Разорился? Или его обошли по службѣ?

— Ни то ни другое, а просто жена разлюбила и хочетъ съ нимъ разводиться, чтобъ выйти за другого.

— Пхе!—презрительно передернулъ плечами докторъ.—Совѣмъ, значить, слабый человѣкъ. И вы говорите, что онъ богатъ?

— Да, у него порядочное состояніе и въ виду наслѣдство.

— И буддизмомъ увлекается? И опиумомъ себя отравляетъ? Совсѣмъ, значить, плохо! И охота Натальѣ Павловнѣ съ такими субъектами водить знакомство, не понимаю! Вѣдь это получеловѣки какіе-то, право! На что они нужны? Только бременитъ землю...

— Себѣ они нужны, Шварцкугель, столько же, сколько и мы съ вами. Развѣ мы для другихъ живемъ?

— Ну! это же большая разнища! Какъ же можно сравнивать? И такая красивенькая дамочка, какъ Наталья Павловна, не умѣетъ окружить себя настоящимъ обществомъ, настоящими кавалерами, которые за счастье бы почитали ей служить и угождать! И чего она думаетъ? Молодость скоро пройдетъ...

— Ей только двадцать шесть лѣтъ, до старости далеко.

— Не говорите! Нынче старятся рано, такихъ, какъ я, которымъ въ пятьдесятъ лѣтъ больше тридцати пяти нельзя дать, немного.

— И только между жидами?

— Ну, да, ну, да, между жидами. А почему? Потому, что евреи умѣютъ пользоваться жизнью и глупостями не занимаются. Скажите Натальѣ Павловнѣ,—продолжалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:— что отъ опиума волосы лѣзутъ и зубы портятся. А буддизмъ, это ужъ совсѣмъ безуміе! Ну, еще масонство, это я понимаю...

У княгини забѣгали огоньки въ глазахъ.

— Потому что вы сами масонъ?

— Тсс! Не будемъ про это говорить! Мало ли кто во что вѣрить, это дѣло совѣсти...

— Для того, у кого она есть,—встала его собесѣдница.

— Но надо же все съ разумомъ дѣлать,—продолжалъ онъ, не разлышавъ, или притворяясь, что не разлышалъ ея замѣчанія.— А такъ, зря, отъ нечего дѣлать, чтобъ наполнить пустоту жизни, это же совсѣмъ глупо! Скажите ей, что Шварцкугель ей совѣтуетъ выгнать изъ дому всѣхъ больныхъ людей, буддиста этого...

— Она никого не послушаетъ. Она имъ теперь также увлечена, какъ раньше спиритомъ Санчини, нигилисткой Обвальской и другими. Она безъ увлеченій жить не можетъ. Все выходящее изъ ряду вонъ, всякая новинка такъ ее плѣняетъ, что, еслибъ только Иванъ Петровичъ захотѣлъ, она бы опять съ нимъ сошлась, хотя бы для того, чтобъ быть битой... Ее никогда никто не билъ.

— Да онъ же подъ опекой за развратное поведеніе.

— Вотъ именно это-то ее и прельщаетъ.

— А вы все еще про ея молодость толкуете! Да съ такими извращенными потребностями, какъ у нея, [молодости ей и на пять лѣтъ не хватитъ. За границу бы ей уѣхать, въ Берлинъ или въ Вѣну. Въ Парижѣ теперь красивенькой дамочкѣ дѣлать нечего, тамъ травлей жидовъ заняты. Всѣ удовольствія этой травлей запакошены. Хорошо еще, что тамъ полиція въ надежныхъ рукахъ,

а то даже въ театрѣ отъ антисемитовъ не спастись, хе, хе, хе! Пошла мода на пьесы съ евреями. Я говорю: сами себя изображаете, господа, сами себя! Что въ насъ такого особеннаго? Раньше мы отличались отъ васъ костюмомъ и обычаями, а теперь дѣти наши воспитываются съ вашими дѣтьми, сыновья ваши женятся на нашихъ дочеряхъ, генералы ваши служатъ у нашихъ дѣльцовъ, во всемъ, значить, сравнились. Развѣ это не правда?

— Неправда, всегда между вами и нами будетъ разница, — возразила княгиня съ усмѣшкой. — Еслибъ вы были, какъ всѣ, не надо было бы, рекомендую васъ, какъ доктора, предупреждать о вашемъ происхожденіи, и случается, что отказываются отъ вашихъ услугъ, узнавши, что вы жидъ.

— А зачѣмъ предупреждать? — съ живостью возразилъ онъ, въ досадѣ загнусавивъ.

— Этого вамъ не стоитъ объяснять, все равно не поймете.

— Потому что я жидъ? Да?

— Именно поэтому, — отвѣчала княгиня, забавляясь его яростью. — Нѣтъ, Шварцкунгель, между христіанами есть еще люди, которые на жидовъ не похожи.

— Дураковъ всегда будетъ много, и я говорю...

— Что вы будете говорить, я впередъ знаю, а вы мнѣ лучше скажите про моего офицера, не намекнулъ онъ вамъ на причину своего душевнаго расстройства?

— Нѣтъ еще, но это придетъ. Они не могутъ долго молчать, имъ всегда кажется, что легче станеть, когда выболтаются, хе, хе, хе! Но это ужъ тогда случится, когда способность соображенія и сила воли совсѣмъ ослабѣютъ, понимаете? Сегодня онъ мнѣ только сказалъ, что можетъ жить безъ службы. Но я отсовѣтовалъ ему выходить въ отставку. Безъ службы онъ скорѣе сойдетъ съ ума. Нравственная узда много значить для человѣка, утратившаго способность владѣть собою. Впрочемъ, долженъ вамъ сознаться, что интереснаго въ немъ я ровно ничего не нашель; офицеръ, какъ офицеръ, и нельзя сказать, чтобы изъ интеллигентныхъ.

— Нѣтъ, онъ интересный, — возразила княгиня.

— Ну, желаю вамъ подольше имъ забавляться, а мнѣ пора бѣжать, меня въ двадцати домахъ ждуть, а у васъ вѣчно засидишься, пхе!

XVII.

Прошло еще мѣсяца два. Зима близилась къ концу.

Самоусыпленіе Ивкова шло очень успѣшно.

Съ княгиней онъ настолько сблизился, что приходилъ къ ней запросто, безъ зова, и не тяготился ея обществомъ, такимъ же своеобразнымъ, какъ и она сама. Кромѣ племянницы ея, хоро-

шенькой психопатки, и пріятеля ея, моряка, извѣстнаго подъ кличкой буддиста, княгиню навѣщаль горбатый дипломатъ Лейпшигеръ, занимавшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ какую-то таинственную должность, позволявшую ему узнавать множество интересныхъ политическихъ новостей, которыми онъ охотно дѣлился съ княгиней и съ ея гостями.

Нравственный гнетъ, изъ-подъ котораго Ивковъ не выходилъ, не позволялъ ему относиться критически къ тому, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ, все это служило ему только развлеченіемъ, притупляя на время душевную муку, какъ иногда шумъ заставляеть замирать зубную боль.

Въ рѣдкія минуты просвѣтленія онъ самъ изумлялся своему равнодушію ко всему, что не касалось его личнаго покоя. На всѣ терзавшіе его раньше вопросы у него ужъ теперь были готовые отвѣты самаго удобнаго свойства. Различіе между добромъ и зломъ онъ пересталъ понимать, грань между духовнымъ свѣтомъ и тьмой ступедалась, онъ утратилъ способность оцѣнцать жалость къ чужимъ страданіямъ.

Способность эта въ немъ атрофировалась и замѣнилась отчасти любопытствомъ, отчасти ненавистью къ тѣмъ, которые оставались такими, какимъ онъ и самъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Илья. Онъ не могъ вспоминать про него безъ раздраженія. Развѣ этотъ дуракъ не причина всѣхъ его несчастій? Не застанъ онъ его тогда уѣхать, теперь все было бы кончено, и самое воспоминаніе о случившемся испарилось бы у всѣхъ изъ памяти. И жилъ бы онъ, какъ всѣ, служилъ бы, ухаживалъ бы за хорошенькими, пользовался бы прекраснымъ аппетитомъ, спалъ бы безъ помощи морфія и не подозрѣвалъ бы о существованіи такихъ нравственныхъ уродовъ, какъ княгиня, истеричная Наталья Павловна съ буддистомъ и, точно сорвавшійся со страницы Гофмановской сказки, загадочный дипломатъ, такой же циничный представитель отрицательныхъ свойствъ современнаго человѣчества, какимъ былъ докторъ Шварцкугель.

Но среди всей этой компаніи всѣхъ ненавистнѣе ему былъ буддистъ.

Потому, можетъ быть, что у него было съ нимъ много общаго. Такъ же, какъ и онъ, былъ онъ молодъ, красивъ, носилъ военный мундиръ и сбился съ пути, благодаря независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, также молчаливъ и, удрученный таинственнымъ недугомъ, могъ сидѣть по цѣлымъ часамъ неподвижно въ темномъ углу, устремивъ взглядъ въ пространство, не замѣчал, какъ летитъ время, и оживляясь тогда только, когда къ нему обращалась Наталья Павловна, имѣвшая на него такое вліяніе, какое княгиня имѣла на Ивкова.

Съ нѣкоторыхъ поръ и буддистъ сдѣлался пациентомъ Шварцкугеля, который прописывалъ ему капли отъ бессонницы, какъ и Ивкову, и также отговаривалъ его выходить въ отставку, подѣлывая предлогомъ, что безъ узды онъ скорѣе можетъ окончательно свихнуться.

Когда прѣзжалъ дипломатъ, эти двое, Ивковъ и буддистъ, сидѣли въ темный уголъ, до котораго свѣтъ отъ лампы не доходилъ и, по выраженію Натальи Павловны, сохранившей много дѣтскаго юмору въ воображеніи, невзирая на разстроенную нервную систему, оба они выглядывали оттуда, какъ сычи, широко раскрытыми ввалившимися глазами, казавшимися огромными и совершенно круглыми отъ напряженнаго вниманія.

— Миѣ съ моимъ буддистомъ иногда бываетъ жутко оставаться наединѣ, — сказала однажды Наталья Павловна тѣткѣ; — отъ такихъ невѣроятныхъ, какъ вашъ Ивковъ и мой морисъ, всего можно ждать. Особенно страшенъ вашъ Ивковъ, онъ похожъ на человѣка, совершившаго преступленіе, убійство или что нибудь въ этомъ родѣ.

— Очень можетъ быть, — согласилась княгиня, — но что намъ до этого? Меня убивать ему не для чего.

Забывшись, она заговорила между собою по-французски, а не по-англійски, какъ всегда, когда имъ нежелательно было быть понятыми окружающими, и, обернувшись въ сторону «сычей», Наталья Павловна вздрогнула, замѣтивъ испуганный взглядъ Ивкова.

— Онъ насъ слышалъ! — прошептала она, пригнувшись къ княгинѣ.

— Такъ чтожъ изъ этого? — равнодушно отвѣчала эта послѣдняя и позвонила, чтобы приказать подавать чай.

Ночь прошла, какъ всегда. Во второмъ часу прѣхалъ дипломатъ со свѣжими новостями. Княгиня, какъ всегда, въ разговоръ не вмѣшивалась, а только слушала, съ тѣмъ выраженіемъ холодной прони въ пристальномъ, по временамъ застывающемъ взглядѣ, къ которому всѣ здѣсь привыкли.

Когда разсказчикъ замѣчалъ, что она перестаетъ слѣдить за нитью его повѣствованія, онъ обращался къ Натальѣ Павловнѣ, а когда убѣждался, что глаза княгини снова загораются любопытствомъ, онъ еще разъ повторялъ сказанное для нея.

Лиза ловко и беззвучно разносила чай на серебряномъ подносѣ, а Ивковъ спрашивалъ себя: во снѣ или наяву слышалъ онъ, что подозреваютъ его въ убійствѣ?

Но отвѣта на этотъ вопросъ не являлось, и онъ рѣшилъ, что это была галлюцинація, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, и ему вдругъ послышалось, будто его зовутъ по имени такъ громко, что онъ повернулся къ двери и очень удивился, увидавъ ее запертой, и что въ комнатѣ, кромѣ него, никого нѣтъ.

Явленіе это Шварцкугель ему предсказывалъ между прочими послѣдствіями злоупотребленія морфіемъ.

XVIII.

Шварцкугель аккуратно его навѣщалъ, каждыи разъ бралъ пять рублей за визитъ и не забывалъ заходить къ княгинѣ, чтобы сообщить ей о результатахъ своихъ наблюдений надъ ея жильцомъ.

Результаты эти оказывались довольно плачевными.

— Боюсь я, чтобы онъ вамъ не надѣлалъ хлопотъ. Вамъ бы его куданибудь выпроводить, право! Неужели у него нѣтъ родственниковъ, которыхъ можно было бы увѣдомить, что онъ плохъ, и что ему грозитъ параличъ мозга, если за нимъ не будетъ надлежащаго ухода и надзора? Его умственные способности понижаются съ изумительной быстротой. На самый пустой вопросъ онъ вамъ не отвѣтитъ раньше, какъ черезъ двѣ-три минуты, такъ ослабѣла въ немъ способность соображенія. Я даже и представить себя не могъ, чтобы положеніе его такъ быстро ухудшилось.

Онъ смолкнулъ въ ожиданіи отвѣта, но ему не возражали, и тишина, воцарившаяся въ комнатѣ, довольно долго ничѣмъ не нарушалась.

А затѣмъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить на его слова, она спросила: не можетъ ли онъ ей прислать человѣка, близко стоящаго къ окружному суду.

— Мнѣ нужна справка объ одномъ дѣлѣ,--прибавила она.

— Я вамъ могу прислать очень дѣльнаго молодого человѣка, онъ доставитъ вамъ какія угодно справки,--отвѣчалъ Шварцкугель, нимало не смущаясь тѣмъ, что на замѣчанія насчетъ Ивкова она не нашла нужнымъ отвѣтить.

— Вашего племянника, Зоненталя?

— Кто вамъ про него сказалъ?--спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Вы сами. Вы мнѣ про него рассказывали передъ его отъѣздомъ за границу.

— Неужели? Но это было пять лѣтъ тому назадъ. И сколько мнѣ помнится, я съ тѣхъ поръ ни разу вамъ про него не упоминалъ. И память же у васъ! Феноменальная! А еще говорятъ, что морфій притупляетъ умственные способности! Каждый разъ, когда я слышу такую цѣлѣность, мнѣ хочется на васъ указать. Морфій исключительно вліяетъ на такія свойства духовной природы человѣка, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ умомъ, ни съ памятью, морфій притупляетъ чувствительность нервовъ и воспріимчивость извѣстныхъ мозговыхъ функций...

Его объясненія прервали на полусловѣ.

— Нельзя ли меня избавить отъ объясненія того, что мнѣ извѣстно гораздо лучше, чѣмъ вамъ,--рѣзко объявила княгиня.--

Что же онъ теперь дѣлаеть, этотъ вапъ племянникъ? Женился на богатой невѣстѣ, на которой хотѣлъ жениться?

— Нѣтъ, свадьба разстроилась,—неохотно отвѣчалъ онъ, отвертываясь отъ насмѣшливаго взгляда своей собесѣдницы.

— Узнали, вѣрно, что онъ жидъ? Я вамъ предсказывала, что такъ случится.

— Да,—произнесъ онъ сквозь зубы,—нашелся мерзавецъ, который постарался вмѣшаться не въ свое дѣло и всю семью возстановилъ противъ него...

— Онъ, значить, понапрасну и христіанство принялъ?

Глаза еврея засверкали веселымъ блескомъ.

— О, нѣтъ! Развѣ же онъ дуракъ, чтобъ раньше времени сжигать свои корабли! Креститься онъ долженъ былъ въ день свадьбы, а ему отказали за двѣ недѣли до назначеннаго дня. И, знаете, что случилось?—продолжалъ онъ торжествующимъ тономъ.—Она въ тотъ же годъ умерла, и такимъ образомъ весь профитъ оказался на его сторонѣ, теперь онъ ужъ давно женатъ на богатой барышнѣ изъ нашихъ...

— Чѣмъ же онъ теперь занимается?

— О! онъ отлично устроился! Поступилъ въ помощники къ самому знаменитому изъ нашихъ адвокатовъ, который меньше ста рублей за совѣтъ не беретъ, и зарабатываетъ больше своего патрона. У него собственный домъ на Петербургской сторонѣ, обстановка министерская. Столовая расписана въ декадентскомъ стилѣ, вся въ пѣтухахъ.

— Не думаю, чтобъ у министровъ были такія столовыя.

— Я же вамъ говорю, что художникъ взялъ съ него за эту столовую три тысячи, за двѣ стѣны. А когда вы желаете, чтобъ я къ вамъ привезъ Зоненталя?

— На-дняхъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И пусть пріѣдетъ днемъ, до часу; вечеромъ у меня теперь каждый день кто нибудь бываетъ.

— Я самъ его привезу.

— Нѣтъ, мнѣ будетъ удобнѣе переговорить съ нимъ наединѣ.

XIX.

Съ недѣлю спустя послѣ вышеприведеннаго разговора, княгиня совершенно неожиданно заговорила съ Ивковымъ про Илью.

— Дѣло его будетъ, должно быть, скоро разбираться. Вы не думаете пригласить ему хорошаго защитника?—спросила она, слѣдя съ любопытствомъ за измѣненіемъ его лица по мѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ ея рѣчь.

Онъ постепенно блѣднѣлъ, во взглядѣ его выразилась мучительная растерянность, и губы судорожно сжимались отъ усилія понять тайный смыслъ ея словъ.

— Защитника? Зачѣмъ?—спросилъ онъ съ усиленіемъ.

— Чтобъ его въ третій разъ не признали виновнымъ, —спокойно отпѣчала она.—Говорить, что все зависить отъ адвоката. У талантливаго адвоката величайшій преступникъ можетъ быть оправданъ, а у плохого невинный можетъ попасть на Сахалинъ. Кто защищалъ его первые два раза?

— Не знаю, какіе-то отъ суда.

— Видите!

— Вы, можетъ быть, правы,—согласился Ивковъ, пораженный новымъ открытіемъ въ сферѣ событія, игравшаго такую выдающуюся роль въ его судьбѣ.

Какъ это ему раньше не пришло въ голову? Давно бы теперь все было кончено! Илья былъ бы на свободѣ, дѣло сдали бы въ архивъ, и никто бы про него не вспоминалъ.

— Но гдѣ же найти такого адвоката? Чтобъ онъ былъ изъ самыхъ лучшихъ и не запросилъ бы нѣсколько десятковъ тысячъ за защиту? У меня можетъ не хватить средствъ такому заплатить, —вымолвилъ онъ тревожно.

Ему ужъ казалось, что хуже несчастья, какъ не быть въ состояніи заплатить за спасеніе, ничего не можетъ для него быть.

— Есть хорошіе адвокаты и не такіе дорогіе, —замѣтила княгиня:—я вамъ, можетъ быть, такого найду, подождите нѣсколько дней.

На этомъ разговоръ про адвоката и кончился, но дня черезъ два она за нимъ послала, чтобъ познакомить его съ господиномъ, котораго она ему представила, какъ товарища присяжнаго повѣреннаго, Зонентала.

Господинъ этотъ, развязный и рѣчистый, съ большимъ оживленіемъ рассказывалъ случаи изъ судебной практики однихъ интереснѣе другого, пересыпая свою рѣчь извѣстными именами и, точно догадываясь о нравственномъ настроеніи Ивкова, преимущественно напиралъ на преступленія, остающіяся нераскрытыми, и на ловкость, съ которой инымъ преступникамъ удается вводить въ заблужденіе и судъ, и общественное мнѣніе насчетъ ими содѣяннаго...

— Но это, разумѣется, только въ такихъ случаяхъ, когда отъ нихъ обмана никто не страдаетъ?—замѣтилъ Ивковъ.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ Зоненталь.

— Да потому, что должно быть нестерпимо сознавать, что изъ-за меня кто нибудь страдаетъ.

— Ну это, знаете, зависить отъ темперамента.

— Отъ совѣсти, хотите вы сказать?

— Теперь доказано что то, что называли совѣстью, есть не что иное, какъ одно изъ свойствъ темперамента, до извѣстной степени развитаго воспитаніемъ, —авторитетно заявилъ Зоненталь.

— Мсье Зоненталь узналъ про дѣло вашего бывшего денщика,— вмѣшалась въ разговоръ княгиня.— Оно будетъ разбираться послѣ Пасхи.

— Какъ же, какъ же, дѣломъ этимъ въ судѣ интересуются. Своего рода cause célèbre,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— А взялись бы вы защищать это дѣло?—спросила княгиня.

— Взялся бы.

— Безъ гонорара?

— Зачѣмъ же безъ гонорара?—поспѣшилъ сказать Ивковъ.—Я могу заплатить. Я этого человѣка хорошо знаю, увѣренъ въ его невинности и принимаю въ немъ участіе... Я могу заплатить,—повторилъ онъ съ замѣшательствомъ.

— О, я съ васъ дорого не возьму!—вскричалъ Зоненталь.

— Какого вы мнѣнія о подсудимомъ?—спросила княгиня.

— Дуракъ, ваше сіятельство, круглый дуракъ! Если бы у него была хоть капля мозга въ головѣ, онъ совершенно иначе бы поступилъ,—не задумываясь отвѣчалъ онъ.

И началъ доказывать справедливость своего мнѣнія аргументами, до такой степени противоположными истинѣ, что Ивковъ началъ раздражаться.

И вдругъ въ ту самую минуту, когда всего менѣе можно было этого ожидать, вопреки логикѣ и послѣдовательности въ выраженныхъ раньше сужденіяхъ, путаясь въ софизмахъ, одинъ другого лживѣе, наглѣе и гнуснѣе, ораторъ безсознательно доболтался до истины.

Не до истины Ильи, прокуроровъ и судей, а до той истины, за которую въ минуту отчаянія цѣплялся Ивковъ, а именно: старуха была убита нечаянно, смерть ея явилась неожиданностью для убійцы. Никто, значить, не виноватъ, и обвиняемый въ правѣ отрицать самый фактъ преступленія, случившійся безъ свидѣтелей, чтобы избѣгнуть незаслуженнаго наказанія.

— Вы вотъ какъ это понимаете!—протянула княгиня, отъ вниманія которой не ускользнуло волненіе Ивкова. Когда Зоненталь дошелъ до послѣдней гипотезы, Ивковъ страшно поблѣднѣлъ, зрачки его расширились, а губы беззвучно зашевелились подъ тщетными усиліями произнести слова, рвавшіяся изъ горла.

— Да, это мое внутреннее убѣжденіе, вынесенное изъ просмотра дѣла,—самодовольно объявилъ Зоненталь, забывая, что за минуту передъ тѣмъ онъ утверждалъ совершенно другое.—Но, разумѣется, на судѣ я этого не скажу. Несчастный глупецъ слишкомъ долго настаивалъ на своей неприкосновенности къ убійству, слишкомъ упорно повторялъ, что въ смерти старухи онъ не повиненъ, чтобы ему повѣрили, еслибъ онъ теперь сознался, что убилъ ее нечаянно...

— «Да, да, вотъ почему я теперь ужъ не могу въ этомъ сознаться»,—завертѣлось въ головѣ Ивкова.

— Всѣ скажутъ: почему же онъ тотчасъ не сказалъ правду?—
продолжалъ развивать свое предположеніе Зоненталь.

— «Разумѣтся, разумѣтся»,—мысленно повторялъ за нимъ Ивковъ.

А Зоненталь, между тѣмъ, продолжалъ:

— Правда должна быть прежде всего правдоподобна, а иначе кто же ей повѣритъ? Кто же ее пойметъ? И вотъ именно эту-то истину и упускаютъ изъ виду неопытные защитники, а потомъ возмущаются неудачами. Прежде всего надо соображаться съ интеллигенціей судей, коронныхъ, какъ въ данномъ случаѣ, или присяжныхъ, какъ въ гражданскомъ судѣ: это все равно, всѣ люди, всѣ человѣки, рѣдко способны разбираться въ психологическихъ тонкостяхъ, а слѣдовательно умному защитнику ничего не стоитъ ихъ загнипотизировать. Надо умѣть имъ навязывать свое мнѣніе, а не ждать послѣдствій ихъ собственныхъ измышлений. Это азбука нашей профессіи, и тотъ, кто не способенъ ее себѣ усвоить, лучше въ нашу среду и не суйся. Вотъ я вамъ сейчасъ сказалъ, что, по моему убѣжденію, солдатъ этотъ убилъ еврейку въ минуту запальчивости, нечаянно, а между тѣмъ на судѣ я буду отстаивать полную невиновность моего кліента, сошлюсь на недостаточность уликъ, на внутреннее убѣжденіе обоихъ прокуроровъ, отказавшихся его обвинять, на его душевныя качества, о которыхъ я, признаться сказать, и понятія не имѣю, буду въ особенности настаивать на безцѣльности преступленія, которое ему приписываютъ... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать въ соображеніе тѣ гроши, которые онъ ей былъ долженъ за апельсины. Г. офицеръ намъ поможетъ,— продолжалъ онъ, обращаясь къ Ивкову. — Я васъ попрошу припомнить все, что касается до нравственныхъ особенностей этого человѣка. И не одни только факты, а также и ваши собственные выводы изъ этихъ фактовъ. Почему, напримѣръ, вы такъ убѣждены въ его невиновности, что не останавливаетесь даже передъ издержками, чтобы ее доказать? Это очень характерно. Княгиня мнѣ сказала, что вы человѣкъ небогатый. Сообщите же мнѣ все, что ваше воображеніе и желаніе ему быть полезнымъ вамъ подскажетъ, мы всѣмъ воспользуемся, ничѣмъ не побрезгуемъ, будьте покойны. Понимаете?—счелъ онъ нужнымъ прибавить, фамильярно ему подмигивая, какъ старому товарищу и сообщнику, который безъ лишнихъ словъ долженъ понимать его гнусные замыслы и имъ сочувствовать.

XX.

Наступилъ новый фазисъ въ нравственной пыткѣ, претерпѣваемой Ивковымъ.

Теперь уже не одинъ Шварцкугель его навѣщалъ, а также и Зоненталь. Если бы у него спросили, который изъ двухъ мучительнѣе его терзаетъ, онъ затруднился бы отвѣтить.

Обоихъ онъ продолжалъ держать въ заблужденіи относительно причинъ нравственнаго разстройства, такъ пагубно отражавшагося на его нервахъ и въ мозгу, ни единымъ словомъ не проговаривался онъ на прямыя и косвенныя вопросы, намеки и предположенія, которыми они пытались влѣзть къ нему въ довѣріе, но съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что долго ему не выдержать, и что близка минута, когда онъ въ раздраженіи выплюнетъ имъ свою тайну.

При этой мысли на него нападалъ такой ужасъ, что онъ холодѣлъ съ ногъ до головы, схватывался дрожащей рукой за флаконъ съ морфіемъ и проглатывалъ порцію яда, отъ котораго впадалъ въ тяжелое забытѣ, съ галлюцинаціями, не покидавшими его вплоть даже и послѣ пробужденія. То ему казалось, что его зовутъ, то видѣлъ онъ передъ собою Илью и убитую еврейку такъ ясно, что, казалось, стоило только протянуть руку, чтобы до нихъ дотронуться, и онъ забивался въ постель, пряталъ подъ подушки голову и, обливаясь холоднымъ потомъ, лежалъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока нервы не успокоивались.

Его оставляли въ покоѣ. Никто не входилъ взглянуть, что съ нимъ дѣлается даже и тогда, когда онъ громко стоналъ отъ тоски и отчаянья.

Всего удивительнѣе было то, что близость развязки пугала его все больше и больше. Послѣ cadaго свиданія съ Зоненталемъ, считавшимъ своимъ долгомъ подробно увѣдомлять его о ходѣ дѣла, ему было такъ нестерпимо тяжело, что не хватало силъ дойти до комнаты княгини. Онъ падалъ въ изнеможеніи на кровать и лежалъ неподвижно много часовъ сряду, не ощущая ни голода ни желанія подняться, чтобы расправить ноющіе члены.

Жизнь въ его тѣлѣ застывала на продолжительное время, шевелился одинъ мозгъ, вызывая въ воображеніи страшныя и безобразныя призракы изъ невѣдомаго міра.

Время шло. Наступила весна, холодная, грязная, съ тоскливыми длинными днями.

Чтобы не видѣть вѣчныхъ сумерекъ, Ивковъ пересталъ раздвигать темныя занавѣси у оконъ и приказывалъ приносить себѣ

лампу въ семь часовъ, какъ зимой. Искусственный свѣтъ меньше его раздражалъ дневного, и теперь онъ не удивлялся бы лампѣ, горѣвшей день и ночь у княгини, какъ при первомъ свиданіи съ нею. Теперь всѣ ея странности ему были понятны.

Шварцкугель, невоздержный на языкъ, невзирая на кажущуюся солидность, разсказалъ ему однажды, между прочими подробностями о княгинѣ, что она покинула Парижъ, гдѣ жила много лѣтъ сряду, вслѣдствіе несчастья, о которомъ ей хотѣлось скорѣе забыть.

При этомъ онъ сообщилъ Ивкову и о томъ, въ чемъ заключалось это несчастье, но во всей этой исторіи Ивкова одно только поразило: возможность достигнуть забвенія смѣшной впечатлѣній, и онъ началъ въ рѣдкія минуты душевнаго просвѣтленія мечтать о поѣздкѣ за границу. Ему казалось, что только вдали отъ Россіи онъ забудетъ все и заживетъ новой жизнью.

Про намѣреніе это онъ сообщилъ Шварцкугелю, который его одобрилъ и совѣтовалъ привести скорѣе въ исполненіе.

— Чего вамъ здѣсь ждать? Весны у насъ нѣтъ, какъ видите, лѣто отвратительное, для развитія неврастеніи самое благопріятное. Въ Германіи или въ Швейцаріи вы сдѣлаетесь совѣмъ другимъ. Для того человѣка, которымъ вы интересуетесь, присутствіе ваше не нужно. Мы вамъ телеграфируемъ о результатѣ суда надъ нимъ, а показанія въ его пользу можно съ васъ взять письменно; видѣться съ нимъ для этого вамъ нѣтъ никакой надобности.

Видѣться съ Ильей! Да онъ готовъ былъ ѣхать на край свѣта, чтобъ этого избѣгнуть!

Проектомъ заграничной поѣздки Ивковъ увлекался съ недѣлю времени, и столько же забавлялись этимъ докторъ съ племянникомъ и съ княгиней.

— Ну, что, какъ онъ сегодня? Все собирается ѣхать въ Швейцарію?—спросила однажды эта послѣдняя у доктора, когда онъ, по своему обыкновенію, зашелъ къ ней отъ Ивкова.

Шварцкугель махнулъ рукой.

— Какое тамъ! Ни о чемъ не удалось мнѣ съ нимъ сегодня переговорить. Ничего не понимаетъ. Не знаю даже, узналъ ли онъ меня. Вы когда его видѣли?

— Дней десять тому назадъ. Все спитъ. Я какъ-то послала за нимъ Лизу, не могла добудиться. Откроетъ глаза, поглядитъ, поглядитъ и опять закроетъ. Пересталъ и кофе каждый день пить.

— Это совѣмъ скверно. Я приказалъ Лизѣ подмѣшивать ему въ кофе кока. Отличное средство противъ упадка силъ.

— Она, кажется, подмѣшиваетъ.

— А досадно, что онъ сегодня не могъ меня выслушать, я привезъ ему интересную новость: судъ назначенъ на 7-е число.

— Да, это извѣстіе заставило бы его непремѣнно очнуться. Насколько я могла замѣтить, одно только это дѣло и представляет для него интересъ въ жизни. Обратили вы вниманіе, какъ у него загораются глаза, когда рѣчь заходитъ про судъ надъ этимъ солдатомъ? Какъ онъ оживляется при мысли о его оправданіи и въ какое приходитъ безпокойство при одномъ намекѣ о новомъ осужденіи? Право, мнѣ иногда кажется, что онъ менѣе бы волновался, если бы дѣло это касалось его лично! Это очень странно. Вы не находите?

— Ничего нѣтъ страннаго, самое обыкновенное явленіе у неврастениковъ, прибѣгающихъ къ морфію или къ эйру, чтобы заглушить страданія. Я зналъ одну морфинистку, которая такъ ко всему охладѣла, ко всему потеряла интересъ, что скажи ей, что кругомъ ея горитъ, или что дѣти ея перемерли отъ чумы, она не шелохнулась бы и не выразила бы ни малѣйшаго волненія, а когда горничная разбила чашку, изъ которой она привыкла пить кофе каждое утро, она пришла въ такое отчаяніе, что повѣсилась, хе, хе, хе!

— И это понимаю,—холодно замѣтила княгиня, — я тоже не могла бы пережить Манеюку и ничего такъ не желаю, какъ умереть раньше ея.

— Это большая разница. Манеюка ваша необыкновенно умное животное, замѣнить его другимъ было бы трудно, это не чашка, какихъ во всякой посудной лавкѣ сколько угодно. И это къ тому разсказываю, чтобы вамъ показать, какъ разнообразны проявленія неврастениі. Каждый день подноситъ намъ эта болѣзнь новые сюрпризы. Ну-съ, а теперь прощайте, постараюсь сегодня вечеромъ къ вамъ заѣхать съ Зоненталемъ. Ему непремѣнно надо добиться кое-какихъ справокъ отъ вашего чудака.

— Пріѣзжайте, Наташа хотѣла быть.

— Съ буддистомъ?

— Нѣтъ. Она теперь гипнотизмомъ занимается.

— Такъ уже буддистъ надоѣлъ?

— Давно. Къ ней теперь какой-то американецъ повадился. Хотѣла сегодня привезти его сюда, увѣряетъ, что онъ можетъ запретить мнѣ принимать морфіи.

— Пусть попробуетъ, пусть попробуетъ! Да ужъ кстати, пусть бы внушилъ Ивкову некачъ развлеченій подальше отъ Петербурга, хе, хе, хе! Право же, неудобно будетъ, если онъ, при усиливающейся неврастениі, будетъ все жить у васъ. Отъ такихъ субъектовъ всего можно ждать...

— А вотъ посмотрите, какъ онъ насъ всѣхъ удивить, если его солдата на этотъ разъ окончательно оправдаютъ,—замѣтила княгиня.

— Такъ неужели же вы думаете, что причиною его перваго разстройства казусъ съ этимъ солдатомъ? Я тутъ рѣшительно никакой связи не вижу.

— Можетъ быть, скоро увидите, — съ загадочной усмѣлкой вымолвила она.

XXI.

Прошло еще нѣсколько дней, книжки не видѣла своего жильца. По словамъ Лизы, онъ продолжалъ лежать неподвижно, одѣтый, съ широко раскрытыми глазами, ничего не слыша и не видя. Только благодаря ея терпѣливымъ настояніямъ, выпивалъ онъ чашку кофе, которую она ему приносила, а по убыли жидкости въ флаконѣ съ морфіемъ можно было догадаться, что онъ постепенно усиливаетъ дозы этого зелья.

Явившійся къ нему за показаніями въ пользу Ильи, Зоненталь ничего не могъ отъ него добиться, сколько надъ нимъ ни стоялъ и какъ ни упрашивалъ сдѣлать надъ собою усилие, чтобъ его выслушать и подписать приготовленную бумагу.

— Подпишите, хоть не читая, — сказалъ онъ наконецъ, выведенный изъ терпѣнія его молчаніемъ. — Давно ли принимали вы такое горячее участіе въ судьбѣ этого несчастнаго, а теперь даже такихъ пустяковъ не хотите для него сдѣлать! Вѣдь дѣло обстоитъ вовсе не такъ благополучно, какъ вы воображаете, что тамъ ни толкуй, а вѣдь убійца еврейки до сихъ поръ не объявился...

Слова эти вызвали на лицѣ Ивкова сознание.

— Что вы сказали? Повторите, пожалуйста, — произнесъ онъ съ мучительнымъ усиліемъ, приподнимаясь съ подушекъ и устремляя умоляющій взглядъ на адвоката.

— Я говорю, что до тѣхъ поръ, пока убійца еврейки не будетъ найденъ...

— Онъ найдется! — вскричалъ вдругъ Ивковъ совершенно другимъ тономъ, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ, и, сорвавшись съ постели, началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, сжимая руками виски и бормоча про себя что-то безсвязное.

— Такъ вы этого не подпишите? — спросилъ съ раздраженіемъ Зоненталь, указывая на бумагу, лежавшую на письменномъ столѣ. — Предупреждаю васъ, что завтра будетъ поздно, завтра день суда.

Ивковъ, какъ вкопанный, остановился, долгимъ и пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него, а затѣмъ повернулся къ кровати и безпомощно на нее повалился, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Совсѣмъ сумасшедшій, — проговорилъ вполголоса Зоненталь и, подождавъ немного, вышелъ изъ комнаты, пожимая плечами.

А Ивковъ, пролежалъ неподвижно съ полчаса, осторожно обвелъ глазами комнату, чтобъ убѣдиться, что онъ одинъ, бросился къ двери, заложилъ крючекъ, схватилъ оставленную на столѣ бумагу, сѣлъ съ нею въ кресло передъ зажженной лампой и принялся внимательно ее перечитывать.

Всю ночь провелъ онъ за этимъ занятіемъ.

Когда керосинъ въ лампѣ выгорѣлъ, онъ раздвинулъ драпировки передъ окнами и при свѣтѣ занимавшейся зари продолжалъ свое занятіе: переживаніе всей своей жизни въ продолженіе послѣдняго рокового года, съ той минуты, когда старуха вошла въ его кабинетъ, и до той, которую онъ переживалъ теперь, нравственно и физически искалѣченный душевной пыткой, протерзавшей его безъ устали цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ.

Да, тринадцать мѣсяцевъ. То страшное случилось въ апрѣлѣ прошлаго года, а теперь май.

И завтра всему конецъ... черезъ нѣсколько часовъ...

Завтра ужъ наступило, часы показывали четыре, и небо золотилось лучами восходящаго солнца.

XXII.

Какъ и первые два раза, судъ надъ Ильей привлекъ мало публики. Собрались слушать дѣло только любители судебныхъ курьезовъ, да знакомые тѣхъ двухъ прокуроровъ, которые отказались отъ обвиненія.

Третій прокуроръ, большой формалистъ и ненавистникъ всего эксцентричнаго, былъ такъ возстановленъ противъ подсудимаго за нарушеніе обычнаго порядка въ отправленіи правосудія, что съ первой же минуты необычайно строго къ нему отнесся. При допросахъ онъ не удостоивалъ его взглядомъ и сурово сдвигалъ брови каждый разъ, когда защитникъ произносилъ слово, клонившееся къ оправданію своего кліента.

Впрочемъ защита проявила себя въ этомъ случаѣ чрезвычайно слабо. Рѣчь, сказанная Зоненталемъ, заранѣе приготовленная, отличалась бездушіемъ, небрежностью и витіеватостью. Отсутствие показаній Ивкова, на которыя онъ рассчитывалъ, приводило его въ досаду, отражавшуюся и на отношеніяхъ его къ подсудимому, который ему былъ противенъ, во-первыхъ, какъ представитель ненавистнаго ему тупого военнаго сословія, во-вторыхъ, какъ дуракъ и нелѣпѣйшее существо, переносившее съ непонятною покорностью несправедливость судьбы.

«Этакая скотина, вѣдь не онъ убилъ, это ясно, какъ день, а не умѣетъ этого доказать!»—думалъ онъ, съ брезгливымъ презрѣніемъ

емъ глядя на исхудалое лицо солдата, съ добродушнымъ выраженіемъ въ ясныхъ, какъ у ребенка, глазахъ.

Онъ, Зоненталь, сумѣлъ бы оправдаться даже и въ такомъ случаѣ, если бы трехъ старухъ отправилъ на тотъ свѣтъ, а этотъ, ни въ чемъ неповинный, далъ себя два раза осудить на каторгу, дуракъ!

Однако, на этотъ разъ Илью оправдали.

— Вы свободны,—сказалъ Зоненталь, замѣтивъ по выраженію его лица, что онъ ничего не понималъ изъ того, что ему читали и говорили.—Понимаете? васъ оправдали, можете идти, куда хотите, вы свободны,—счелъ онъ своимъ долгомъ ему пояснить шопотомъ.

Илья, наконецъ понялъ и перекрестился.

XXIII.

Весь этотъ день Ивковъ провелъ за письменнымъ столомъ и въ такомъ возбужденіи, что забылъ про морфій.

Исписавъ нѣсколько листовъ, онъ перечиталъ ихъ и разорвалъ на мелкіе куски. Потомъ принялся за новый трудъ, много короче перваго. Черезъ полчаса письмо къ прокурору было готово, положено въ конвертъ и запечатано.

Четко написавъ адресъ, онъ передѣлся, положилъ конвертъ въ боковой карманъ и вышелъ изъ дома.

На улицѣ онъ подозвалъ извозчика и приказалъ везти себя въ военный судъ.

Тутъ онъ бодро соскочилъ съ дрожекъ и вошелъ въ просторный и свѣтлый вестибюль.

По широкой лѣстницѣ спускался офицеръ съ академическимъ значкомъ и съ портфелемъ подъ мышкой. Ивковъ къ нему обратился, чтобъ узнать, какъ пройти въ залу засѣданія.

— Вамъ кого нужно?—спросилъ молодой человекъ, подозрительно оглянувъ его съ ногъ до головы.

— Сегодня разбирается дѣло по убійству еврейки, мнѣ надо тамъ быть,—отвѣчалъ Ивковъ.—Обвиняется солдатъ по имени Илья Соколовъ,—пояснилъ онъ.

— Его ужъ давно отсудили. Это дѣло разбиралось одно изъ первыхъ и кончилось во второмъ часу, а теперь скоро девять,—объявилъ офицеръ.

Правда, солнце склонялось къ западу, Ивковъ этого не замѣтилъ, ѣдучи сюда.

— Какъ же мнѣ теперь быть?—произнесъ онъ безсознательно вслухъ вопросъ, завертѣвшійся у него въ головѣ.

— Его оправдали, онъ на свободѣ,—объявилъ его собесѣдникъ, которому стало жаль Ивкова: такимъ онъ показался ему болѣзнен-

нямъ и растеряннѣмъ, точно не въ своемъ умѣ или вынѣлъ лишнее.—Это дѣло интересное. Солдата этого судили въ третій разъ... Убийца не найденъ, но этотъ не виноватъ...

Онъ еще что-то такое къ этому прибавилъ, но его не слушали. Оправдали... на свободѣ...

Завѣтнѣйшее желаніе Ивкова исполнилось. Все кончилось благополучно. Про то, какъ было дѣло, никогда не узнается, и онъ въ отвѣтъ не будетъ... никогда... никогда...

Но почему же это его не радуетъ? Почему камень, давившій ему грудь цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ, не сдвигается и продолжаетъ попрежнему угнетать все его существо?

Сколько разъ въ минуты тоскливой безсонницы отъ страха и неизвѣстности представлялъ онъ себѣ такой исходъ, и тогда ему казалось, что если дѣло кончится такимъ образомъ, онъ будетъ безконечно счастливъ, вздохнетъ свободю, почувствуетъ приливъ жизненныхъ силъ, энергій, любви къ жизни... И все это была одна мечта, иллюзія, самообольщеніе. Вышло такъ, какъ онъ желалъ, чтобъ случилось, а ему все такъе тяжело...

Даже тяжелѣе прежняго, тоскливѣе, безнадежнѣе... Прежде было на что надѣяться, чего ждать, а теперь нечего...

И вдругъ онъ вспомнилъ про письмо, лежавшее у него въ карманѣ.

Можетъ быть, ему будетъ легче, когда оно будетъ передано по назначенію?

Онъ подалъ письмо продолжавшему что-то такое объяснять офицеру со словами: передайте, пожалуйста.

— Кому?—спросилъ этотъ послѣдній, принимая съ недоумѣніемъ запечатанный конвертъ.

— Тутъ написано,—отрывисто отвѣчалъ Ивковъ, направляясь къ двери, и, не оборачиваясь, вышелъ на улицу.

Вернулся онъ домой въ двѣнадцатомъ часу ночи, измученный безцѣльной ходьбой по такимъ улицамъ и пустырямъ, гдѣ онъ никогда раньше не бывалъ, но съ яснымъ умомъ и сознавая лучше прежняго безвыходность своего положенія.

— А васъ тутъ солдатикъ одинъ спрашивалъ,—объявила ему Лиза, снимая съ него пальто.—Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, и что мы не знаемъ, когда вы вернетесь. Онъ просилъ вамъ кланяться. «Скажите, говоритъ, его благородію, что приходилъ Илья съ нимъ попрощаться. Иду на родину». Ишькомъ, вѣрно, идетъ. Узелочекъ за плечами на палкѣ. Веселый такой, глаза такъ и смѣются.

Она смолкла, не зная, что сказать дальше, а Ивковъ стоялъ передъ нею неподвижно и ждалъ. Ей стало, наконецъ, жутко подъ его пристальнымъ взглядомъ, и она объявила, что княгиня проситъ его къ себѣ чай купать.

— Сейчасъ пойду ихъ будить...

— «На родину ушелъ... пѣшкомъ... Я ему пошлю денегъ», рѣшилъ Ивковъ, не вслушиваясь въ то, что ему говорили.

Онъ пошелъ въ свою комнату, сѣлъ къ письменному столу и вынулъ изъ него портфель съ цѣнными бумагами. Тутъ было все его состояніе въ билетахъ внутренняго займа и въ облигаціяхъ. Онъ началъ откладывать то, что долженъ былъ послать Ильѣ. Отложилъ тысячу, другую, третью, но ему все казалось мало, и онъ продолжалъ вынимать изъ одной пачки, чтобы класть въ другую, пока обѣ пачки не сравнялись. Но и это его не удовлетворило, все та же тоска сосала сердце.

Что еще сдѣлать? Все отдать? Ничего себѣ не оставить?

Онъ сложилъ обѣ пачки вмѣстѣ, взялъ листъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько строкъ, положилъ его въ конвертъ вмѣстѣ съ деньгами и подписалъ на немъ тотъ же адресъ, что на письмѣ, отданномъ для доставленія прокурору.

Пока онъ этимъ занимался, тоска замерла, но не успѣлъ онъ кончить, какъ она снова начала его грызть пуще прежняго.

Что же теперь дѣлать? Куда идти за помощью и совѣтомъ? Гдѣ искать утѣшенія и покоя? На чьей груди выплакаться? Кто его пойметъ? Гдѣ найти словъ выразить то, чѣмъ полна душа? Нѣтъ такихъ словъ на человѣческомъ языкѣ!

Онъ беспомощно опустилъ голову на руки и долго рыдалъ, не вытирая слезъ, катившихся изъ глазъ на раскиданныя по столу бумаги.

Но и слезы не облегчили его. Въ сгущавшемся вокругъ него туманѣ отчаянія пытались было робко и неувѣренно пронизываться искорки давно утраченныхъ вѣрованій и упованій... Богъ, Спаситель, пришедшій въ міръ для грѣшниковъ... такихъ, какъ онъ?... Нѣтъ! Только для вѣрующихъ, а у него вѣры нѣтъ, и ему не откуда ее взять... Нѣтъ у него въ душѣ того, что нужно, чтобъ разжечь въ яркое пламя загорающіяся въ глубинѣ его существа искры, нѣтъ вѣры... Убита, мертва, какъ та старуха... Чтобъ воскресить вѣру, нужна сила воли, которая въ немъ погибла вмѣстѣ съ энергіей, съ любовью, съ надеждой... Ничего этого у него больше нѣтъ, все погасло, чѣмъ живетъ душа. Все онъ въ себѣ потушилъ изъ-за покоя, чтобъ не тревожиться, не волноваться послѣдствіями содѣяннаго преступленія, чтобъ все про него забыли, и Богъ и люди...

Онъ этого достигъ, ничего у него не осталось... хаосъ, отчаяніе, тьма... вотъ его спутники въ жизни... И никогда, никогда не будетъ другихъ...

« Ученіе Мое не отъ міра сего »

Кто это сказалъ? Почему вспомнились ему вдругъ эти слова? Какой въ нихъ смыслъ?

Отъ усилій понять, кромѣ лишней муки, ничего не выходило. Черная стѣна, заслонявшая свѣтъ разума, поднималась передъ нимъ все выше и выше, а тоска расплзалась по всему его существованію, какъ живое чудовище, слѣпое, жестокое, неумолимое...

Зачѣмъ не удалось ему повидать Илью? Свиданіе съ нимъ, можетъ быть, облегчило бы его страданія?...

Веселый, бодрый, спокойный, бредеть онъ теперь домой, питаюсь мірскимъ подаваніемъ, можетъ быть... Но что за дѣло, когда онъ сознаеть, что выполнилъ свой обѣтъ до конца... На освобожденіе свое онъ смотритъ, какъ на новое проявленіе милосердія къ нему Бога... его могли бы осудить въ третій разъ, если бы Господу было угодно...

Какая между ними бездонная пропасть въ понятіяхъ, во взглядахъ на жизнь, на обязанности, на добро, на зло! Какъ Илья близокъ къ Богу, къ вѣчной истинѣ! Счастливецъ!

Отчаяніе жгучимъ кольцомъ стиснуло ему сердце. Не стало больше силъ терпѣть. Онъ подошелъ къ ночному столику, чтобъ взять флаконъ съ усыпляющимъ снадобіемъ.

Флаконъ былъ полонъ.

Кто его наполнилъ?

Вопросъ этотъ только промелькнулъ въ его головѣ, онъ на немъ не останавливался. Не все ли равно? Ему нуженъ покой, отдыхъ, сонъ, передъ тѣмъ, что ждетъ его завтра...

Но завтра для Ивкова не было. Когда Лиза вошла въ его комнату, чтобы ему сказать, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть, онъ былъ мертвъ.

Н. И. Мердеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ¹⁾

IV.

Возвращеніе изъ Кронштадта.—Встрѣча съ Паткулемъ.—Разговоръ съ отцомъ.—Незастѣнчивость полковника.—Неожиданная отсрочка нашего отъѣзда изъ Петербурга.—Первая пахитоса.—Разсказы Паткуля про царскую фамилію.—Пожаръ Зимняго дворца.—Собачка фрейлины Вороздиной.—Кусочекъ лимона.—Стихи Мятлева.—Разговоръ съ нимъ.—Представленіе отца наслѣднику цесаревичу.—Разбитый мундштучекъ.—Предложеніе Паткуля.—Объясненіе съ нимъ.—Мое согласіе.—Отъѣздъ изъ Петербурга.

НРОСТИВШИСЯ мы уѣхали изъ Кронштадта. Подъѣзжая къ столицѣ, я услышала, какъ ямщикъ сказалъ: «Они здѣсь, вонъ съ той стороны окно спущено». Тетушка по глухотѣ, а отецъ за скрипомъ колесъ не слышали разговора ямщика и, увидѣвъ меня раскраснѣвшеюся, спросили, не холодно ли мнѣ, и не поднять ли окна.

Въ эту минуту подъѣхалъ Паткуль, поздоровался, сказалъ, что караулилъ насъ на взморьѣ цѣлый часъ, думалъ, что прозѣвалъ насъ, подъѣхалъ сначала со стороны поднятаго окна, сквозь которое ничего не было видно, и, только благодаря ямщику, узналъ, что это мы. Тутъ отецъ, конечно, догадался, что я раскраснѣлась не отъ холода, а совсѣмъ отъ другой причины.

Высадивъ tante Nathalie у подъѣзда дома, гдѣ она съ отцомъ своимъ, а моимъ дѣдомъ, Спафарьевымъ, остановилась, мы поѣхали къ себѣ въ сопровожденіи милаго всадника. У подъѣзда онъ соскочилъ съ лошади и, держа ее одной рукой, другою открылъ дверцы и помогъ намъ выйти изъ кареты. Должно быть, отецъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 441.

былъ такъ наэлектризованъ совѣтами тетушекъ, что, поблагодаривъ Паткуля, не пригласилъ его войти. Это было не только невѣжливо, но даже безчеловѣчно; я не вытерпѣла и напомнила отцу, чтобы онъ попросилъ его войти отдохнуть и обогрѣться, а чело­вѣку приказала поводить и поддержать лошадь.

Когда мы вошли въ гостиную, отецъ, уставъ сидѣть въ про­долженіе двухъ часовъ, прислонился къ столу у зеркала и стоя разговаривалъ съ гостемъ; тогда я попросила позволенія пойти снять шляпу, сказавъ, что вернусь сейчасъ. Это былъ одинъ пред­логъ, шляпа вовсе не мѣшала мнѣ; но надо было во что бы то ни стало вызвать тетушку Траверсе, познакомить ее съ нимъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, посадила его, сама же я не смѣла, разъ что отецъ или не желалъ этого, или не догадался самъ. Тетушка сейчасъ же вышла вмѣстѣ со мной, я представила ей Паткуля; онъ поцѣловалъ ей руку, не подозрѣвая, что это та самая особа, у которой онъ поцѣловалъ руку въ маскарадѣ, и которая такъ добродушно выдала меня.

Навѣрно онъ оставался бы долго и забылъ о своемъ конѣ, бесѣдуя съ тетушкой и со мной, если бы наконецъ отецъ, вынувъ изъ кармана часы, не напомнилъ мнѣ, что пора одѣваться; это былъ точно намекъ: «а вамъ пора убираться».

При прощаніи тетушка просила его бывать у нихъ, прибавивъ, что мужъ будетъ очень радъ познакомиться съ нимъ.

Въ каретѣ, когда отецъ отвозилъ меня къ м-ше Шевичъ, я призналась ему, что слышала весь разговоръ его съ тетушками, просила его быть совершенно спокойнымъ на мой счетъ, въ недо­статкѣ скромности и сдержанности съ молодыми людьми онъ упрек­нуть меня не можетъ. Напомнила ему всѣ сдѣланныя мнѣ раньше предложенія, въ которыхъ, по просьбѣ моей, приходилось отказывать то ему, то тетушкѣ Catherine. Это могло служить доказательствомъ, что я вовсе не тороплюсь выходить замужъ, а если когда нибудь выйду, то не иначе, какъ по любви. Ухаживанію Паткуля я не придаю никакого серіознаго значенія и ничего себѣ не воображаю, какъ это предполагаютъ тетушки. Доказала ему, какъ онъ былъ невѣжливъ, не предложивъ ему войти и отдохнуть, послѣ того, какъ онъ, ожидая и провожая насъ до дому, озябъ и усталъ.

— Видно, совѣты тетушекъ подѣйствовали, — сказала я, — по­тому что это было такъ мало похоже на тебя, что мнѣ за тебя было совѣстно, и я пошла попросить тетеньку выйти въ гостиную и принять его любезнѣе.

При этомъ я поцѣловала отца и сказала:

— Скрывать отъ тебя не хочу, что изъ всѣхъ, которыхъ я ви­дѣла, мнѣ только нравится Паткуль. Я не заглядываю впередъ, но предупреждаю тебя, если и онъ съ своей стороны полюбилъ меня

и сдѣлаеть мнѣ предложеніе, то если ты не дашь мнѣ своего согласія, я пойду въ монастырь, это я тебѣ обѣщаю.

Отець засмѣялся, поцѣловаль меня и сказалъ:

— Глупенькая, кто же искреннѣе можетъ желать твоего счастья, какъ не я, твой отецъ!

Карета остановилась и прервала нашу задумчивую бесѣду. Выпустивъ меня, онъ поѣхалъ дальше.

Я съ большимъ удовольствіемъ проводила время у *m-me Шевичъ*, несмотря на то, что, кромѣ нея и двухъ далеко не молодыхъ ея падчерицъ, я рѣдко встрѣчала у нея когонибудь изъ постороннихъ. Имъ нравилось, съ какимъ оживленіемъ я рассказывала обо всемъ, съ кѣмъ танцевала, что говорила; жалобы на *Мятлева*, на его шутовскія выходки веселили ихъ и заставляли хохотать иногда до слезъ.

Войдя въ этотъ день въ гостиную, я застала *М. Х.* съ какимъ-то полковникомъ; она познакомила меня съ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ любезныхъ фразъ, которыми онъ удостоилъ меня, онъ сказалъ, что можетъ сообщить мнѣ добрыя вѣсти изъ Ревеля. Полагая, что добрыя вѣсти касались моихъ родныхъ, я спросила, видѣлъ ли онъ бабушку, и здорова ли она. На это онъ отвѣтилъ, что не былъ у нея, не бывъ знакомъ въ домъ, но можетъ передать нѣчто для меня пріятное, а именно: что сестра *Паткуля*, *m-me Паткуль*, приѣзжаетъ на-дняхъ сюда и везетъ брату письмо отца, съ разрѣшеніемъ на его женитьбу.

Эта безтактность превзошла всѣ остальные. Обратившись къ *m-me Шевичъ*, я сказала:

— Вѣроятно, полковникъ не разслышалъ моей фамиліи и принимаетъ меня за другую.

Сдѣлавъ ему при этомъ короткій и серьезный поклонъ, я вышла въ другую комнату, гдѣ застала обѣихъ барышень, бросилась на стулъ и расплакалась. На вопросъ ихъ, что случилось со мной, я рассказала имъ о сообщеніи полковника, прибавивъ:

— Чѣмъ заслужила я такое неуваженіе къ себѣ?

Обѣ не знали, какъ и чѣмъ утѣшить меня, цѣловали, повторяя нѣсколько разъ:

— *Quel imbécile!*

Послѣ ухода полковника *М. Х.* вышла къ намъ и, узнавъ причину моихъ слезъ, сказала:

— *Soignez vos yeux et ne faites pas attention aux paroles des sots.*

Да! Это легко было говорить имъ, а я это долго забыть не могла. Я осталась у нихъ до вечера; бесѣда шла о томъ, о семъ, но между разговоромъ неволью возвращались au manque de savoir vivre полковника.

Возвращаясь домой, при всемъ моемъ негодованіи на него, я думала: «А что, если это правда? Не могъ же онъ выдумать». Сестра! Письмо! Разрѣшеніе! Все путалось въ моей головѣ, а сердце такъ и стучало.

Съ тетушкой мы много толковали о сообщеніи полковника, которое я передала ей слово въ слово.

Какжется, съ этого дня я еще сильнѣе полюбила Паткуля, повторая себѣ, что онъ не вѣтреная бабочка, порхающая съ цвѣтка на цвѣтокъ, а вѣрно тоже полюбилъ меня.

Наканунѣ назначеннаго дня пріема у наследника Паткуль пріѣхалъ сказать, что его высочество извиняется, что не можетъ принять отца въ это воскресеніе, по какой причинѣ, не помню, а просить прибыть въ слѣдующее.

Какъ онъ признался мнѣ позже, это по его милости пріемъ у наследника былъ отложенъ; сестра, которую онъ ожидалъ изъ Ревели, еще не пріѣхала, и боясь, что мы уѣдемъ до полученія письма его отца, просилъ его высочество отдалить пріемъ на цѣлую недѣлю.

Пробыть еще лишнюю недѣлю въ столицѣ мнѣ, понятно, улыбалось. Этой отсрочкой я воспользовалась, объѣхала еще разъ всѣхъ прежнихъ и новыхъ знакомыхъ, которые были всѣ такъ милы, добры и любезны ко мнѣ. Я не могла не быть благодарной за тотъ ласковый пріемъ, который былъ мнѣ сдѣланъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ.

Семейство Карамзинныхъ и князя Одоевскаго и его жену я знала еще въ Ревелѣ; Одоевскіе видѣли меня почти ребенкомъ. Князь былъ худенькій, тихенькій, добрый, съ женоподобнымъ лицомъ, а княгиня, высокая, полная, рѣшительная. Забыла упомянуть, что однажды, когда я объѣдала у нихъ, сестры княгини, Пущины, предложили мнѣ выкурить пахитосу. Сначала я отказалась, но когда они сами закурили и подали мнѣ зажженную пахитосу, я рѣшилась испытать, вкусно или нѣтъ. Въ то время была мода курить. Хотя у меня закружилась слегка голова, но я нашла, что это очень пріятно.

Тетушка до того баловала меня, что когда я вернулась съ обѣда и рассказала ей о пахитосѣ, то, не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, она тотчасъ же подарила мнѣ нѣсколько пачекъ, а дядюшка, баловникъ порядочный, прибавилъ къ нимъ мундштучекъ.

Вотъ съ этого-то времени, т. е. съ восемнадцатилѣтняго возраста, я не отстала отъ этой дурной привычки. Отецъ не курилъ и не одобрялъ тѣхъ, которые предавались этому занятію, о дамахъ и говорить нечего. Не желая сдѣлать ему непріятное, я не курила при немъ, пока не вышла замужъ.

Паткуль, который успѣлъ познакомиться съ дядей, очень поправился какъ ему, такъ и тетушкѣ.

Дѣйствительно, онъ имѣлъ все, чтобъ привязать къ себѣ: ясный, безъ малѣйшаго фатовства и жеманства, простъ въ своемъ обращеніи, душа на распянку. Хотя красавцемъ назвать его нельзя было, но рѣдкая доброта читалась въ его темнокарихъ, выразительныхъ глазахъ. Тетушка не стѣснялась уже своимъ скромнымъ столомъ, оставляла его иногда обѣдать, когда онъ бывало засидится у насъ. Онъ, конечно, съ благодарностью принималъ приглашеніе и ухитрялся всегда найти мѣсто возлѣ меня. Види мою сдержанность, онъ допытывался, почему я такъ холодна съ нимъ. Если бы онъ могъ только знать, что происходило у меня въ душѣ, онъ не задалъ бы такого вопроса.

Во время его посѣщеній я рассказывала ему о Финляндіи, о нашемъ житьѣ-бытьѣ, о семьѣ, подругахъ, о занятіяхъ моихъ, какъ вообще я была тамъ балована обществомъ, какъ веселилась на незатѣйливыхъ вечерахъ, и подъ конецъ прибавила, что тамъ не занимаютъ сплетнями, какъ здѣсь; только на такъ называемыхъ *café kala*, на которыя собирались послѣ обѣда старушки, за кофеемъ сообщались разныя новости, вѣрныя и часто невѣрныя.

Но мои рассказы были далеко не такъ интересны, какъ его; онъ въ подробности рассказывалъ намъ о времени своего воспитанія съ его высочествомъ, описывалъ ангельскую доброту государя, императрицы и наслѣдника, признался, что онъ боялся строгаго взгляда государя, а если государь дѣлалъ выговоръ за неудовлетворительные баллы и обѣщалъ въ слѣдующій разъ наказать, тогда, говорилъ Паткуль, такой страхъ разбиралъ, что дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

По утрамъ, по словамъ рассказывавшаго, всѣ трое ходили здороваться съ государемъ; первымъ, конечно, подходилъ наслѣдникъ. Однажды государь спросилъ великаго князя, зналъ ли онъ наканунѣ уроки. На отвѣтъ «не зналъ» государь не поцѣловалъ его. Тутъ наслѣдникъ сказалъ сквозь слезы:

— «Алеу» тоже не зналъ.

— А тебя спрашиваютъ?—строга произнесъ государь:—изволь встать на колѣни!

— Я былъ въ отчаяніи,—говорилъ Паткуль,—что изъ-за меня наслѣдникъ былъ наказанъ, и какъ только мы вышли изъ кабинета государя, я побѣжалъ къ Карлу Карловичу Мердеру и, заливаясь слезами, бросился ему на шею, умоляя его пойти выпросить у государя прощеніе. Мердеръ былъ чудный человѣкъ, котораго мы всѣ любили, и я зналъ, что онъ исполнитъ мою просьбу; онъ тотчасъ же пошелъ къ его величеству, сказалъ, что я безутѣшно плачу и прошу простить наслѣдника. Государь отпустилъ Александра Николаевича со словами, чтобъ этого больше не случалось, «а теперь,—прибавилъ государь,—пойди, поблагодари Алеу, который выпросилъ тебѣ прощенье».

Этотъ разсказъ служитъ доказательствомъ, что государь былъ требователенъ въ отношеніяхъ къ своему сыну и не дѣлалъ различія между нимъ и товарищами. Объ играхъ, урокахъ, все было упомянуто, танцклассы и уроки рисованья были общіе съ великими княжнами, Маріей, Ольгой и Александрой Николаевной.

Увлекательны были разсказы Паткуля о путешествіяхъ по Россіи и за границей. Во время пребыванія ихъ въ Англии былъ балъ у королевы Викторіи, съ которой онъ имѣлъ честь танцовать. Она была еще не замужемъ и чуть ли не въ тотъ годъ вступила на престолъ.

Какъ очевидецъ пожара Зимняго дворца, Паткуль передалъ намъ о немъ малѣйшія подробности.

Все, что было подарено ему ихъ величествами и высочествами, со времени поступленія его во дворецъ, т. е. съ 7-ми-лѣтняго возраста, сдѣлалось жертвою огня. У него была полная библіотека всѣхъ классиковъ, минералогическій кабинетъ, въ которомъ находились всевозможные камни, не исключая драгоцѣнныхъ. О спасеніи своихъ вещей онъ не думалъ. Увидя, что дворецъ горитъ, онъ побѣжалъ по фрейлинскому коридору предупредить жившихъ тамъ фрейлинъ о грозящей опасности, съ тѣмъ чтобъ онѣ успѣли уложить свои вещи. Одна изъ этихъ дѣвицъ, а именно Бороздина, дала ему свою собачку, прося сберечь ее. Онъ снесъ ее къ себѣ въ комнату, заперъ и отправился въ залъ, куда собралъ людей, чтобъ спасти мраморную статую императрицы. Но въ то время, какъ они старались отдѣлать статую отъ пьедестала, вошелъ государь, приказалъ имъ уйти и самъ пошелъ за ними. Едва его величество успѣлъ переступить порогъ сосѣдней комнаты, какъ полъ зала съ страшнымъ грохотомъ провалился. По переѣздѣ императрицы въ Аничкинъ дворецъ, Паткуль ѣздилъ изъ одного дворца въ другой, перевозя ея вещи. Собачка Бороздиной, къ величайшему ея горю, или убѣжала или сгорѣла вмѣстѣ съ его вещами. За это долго дулась на него Наталья Николаевна и не говорила съ нимъ. «Какая она злая, замѣтила я, у васъ все сгорѣло, а у нея только собачка», и мы вмѣстѣ посмѣялись надъ ея странностью.

Въ 1840-мъ году, Паткуль былъ посланъ государемъ на Кавказъ, участвовалъ въ десантѣ противъ горцевъ, подъ начальствомъ адмирала Лазарева, и былъ вызванъ обратно его величествомъ не задолго до моего пріѣзда. Судьба покровительствуетъ ему, какъ онъ увѣрялъ, говоря, что если бы онъ оставался дольше, то не имѣлъ бы счастья увидѣть меня и познакомиться. На это тетюшка сказала ему шутя:

— Я думаю, вы не много бы потеряли, если не познакомились бы съ ней, она такая скрытная, капризная, я совсѣмъ не довольна ею.

Онъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на меня, я разсмѣялась и сказала: «спросите же, зачѣмъ она любитъ и балуетъ меня, если я такая нехорошая».

Между прочимъ онъ просилъ позволенія бывать у тетушки и послѣ моего отъѣзда, извиняясь при этомъ, что теперь такъ часто надоѣдаетъ ей.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда я поѣхала къ m-me Шевичъ, которая ждала меня. Уже при встрѣчѣ я замѣтила по выраженію ея лица, что она должна была мнѣ что-то сообщить. Посадивъ меня возлѣ себя, она сказала, что Мятлевъ былъ у нея утромъ съ просьбою позволить ему привезти къ ней Паткуля и просилъ пригласить его тоже къ вечеру, такъ какъ онъ знаетъ, что я буду у нея. Согласіе было дано, визитъ сдѣланъ, и Паткуль былъ приглашенъ.

— J'espère, Marie, que vous ne m'en voulez pas, lorsque Мятлевъ demande quelque chose, il n'y a pas moyen de lui refuser.

— Зачѣмъ, ma tante, вы пригласили его? Вы знаете, что Паткуль нравится мнѣ, я всегда рада видѣть его, но на этотъ разъ мнѣ не пріятно, что онъ будетъ. Безъ того уже такъ много толковъ о немъ и обо мнѣ, а появленіе его у васъ дастъ новый поводъ къ сплетнямъ.

— Soyez tranquille, chère enfant, je sais ce que je fais!

Допытываться смысла ея словъ мнѣ не подобало; я была увѣрена, что необдуманно она не поступитъ.

Когда вечеромъ Мятлевъ съ Паткулемъ вошли, меня опять бросило въ краску; въ рукахъ у меня была чашка съ чаемъ, надъ которой я нагнулась и поднесла ее ко рту.

Поздоровавшись съ хозяйками, оба подошли ко мнѣ. Паткуль, придвинувъ стулъ, сѣлъ возлѣ меня, а я ради contenance вынула изъ чашки лимонъ и взяла его въ ротъ. Мой сосѣдъ такъ испугался, увидя это, что чуть-чуть не отдернулъ мою руку, но, опомнясь во время, убѣдительно просилъ не ѣсть лимона, увѣряя, что это очень вредно для здоровья, и что, уступивъ его просьбѣ, я докажу ему, что онъ не совѣмъ лишенъ моего расположенія. Испугомъ своимъ онъ насмѣшилъ меня, и я сказала, что хотя убѣждена, что этотъ ломтикъ никакого вреда причинить мнѣ не можетъ, но я уступаю, желая доказать, что я вовсе не такая упрямая или дурная, какою тетушка меня отрекомендовала. Надо было видѣть въ эту минуту его довольное лицо; онъ не зналъ, въ какихъ выраженіяхъ благодарить меня.

Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе скрывать отъ него то чувство, которое къ нему питала. Это было не мимолетное увлеченіе, а что-то новое, серьезное и глубокое. А между тѣмъ изъ страха, что онъ можетъ догадаться, я становилась все холоднѣе и сдержаннѣе съ нимъ.

Къ концу вечера Мятлевъ, сказавъ, что написалъ стихи на мой отъѣздъ, просилъ разрѣшенія m-me Шевичъ прочесть ихъ и, обратившись ко мнѣ, прибавилъ:

Надѣюсь, что на этотъ разъ вы не заставите меня замолчать, какъ въ маскарадѣ.

Стихи эти вызвали всеобщій смѣхъ сплетеніемъ русскихъ, французскихъ и шведскихъ фразъ. Въ нихъ онъ пригласилъ меня остаться въ Петербургѣ, доказывая холодность финляндцевъ, которые могутъ только «масло сбить, салакушку скоптить прекрасно» и проч. Понятно, что я заступалась за финляндцевъ и не соглашалась съ его мнѣніемъ о нихъ.

Прощаясь, онъ вручилъ мнѣ листокъ, обѣщая непременно захватить еще проститься со мною.

Паткуля на слѣдующій день я не видѣла, онъ былъ дежурнымъ. Вечеромъ доложили мнѣ о Мятлевѣ, я вышла къ нему. Видъ у него былъ озабоченный; здороваясь со мной, онъ сказалъ, что присланъ наслѣдникомъ спросить, почему я отказала Паткулю.

Это такъ озадачило меня, что въ первую минуту точно столбнякъ на меня нашелъ, но это продолжалось недолго, и я сказала:

— Меня удивляетъ, если наслѣдникъ дѣйствительно далъ вамъ такого рода порученіе. Паткуль мнѣ говорилъ, что никакихъ секретовъ отъ его высочества не имѣетъ и не имѣлъ, ему извѣстны самыя сокровенныя мысли Паткуля, поэтому мнѣ что-то трудно вѣрится, чтобы вамъ дано было такое порученіе его высочествомъ. Но, желая удовлетворить ваше любопытство, хотя и не знаю, почему вы принимаете такое горячее во мнѣ участіе, скажу, если это можетъ успокоить васъ, что Паткуль предложенія мнѣ не дѣлалъ, слѣдовательно не далъ мнѣ случая отказать ему.

— Значить,—воскликнулъ радостно Мятлевъ,—если онъ будетъ просить вашей руки, вы дадите ее?

— Вопросъ слишкомъ не скромный! Отвѣта на него дать вамъ не могу,—сказала я смѣясь.

Поцѣловавъ мнѣ руки и пожелавъ добраго пути, онъ сказалъ:

— Теперь я спокоенъ! Надѣюсь, мы скоро увидимся.

Смѣнившись съ дежурства, Паткуль пріѣхалъ на другой день къ намъ. За обѣдомъ онъ напомнилъ отцу, что завтрашній день въ 2 часа наслѣдникъ ожидаетъ его къ себѣ. Вечеромъ онъ извинился передъ тетушкой, что не можетъ остаться, по случаю пріѣзда его старшей сестры изъ Ревеля, которая привезла ему письмо отъ отца, и съ которою онъ обѣщалъ провести вечеръ. Пока онъ говорилъ, ко мнѣ подбѣжалъ одинъ изъ меньшихъ сыновей дяди, котораго я взяла на руки; слухъ у меня былъ чуткій; заставляя прыгать мальчика у себя на колѣняхъ, я все слышала и не проронила ни слова.

Къ назначенному часу отецъ отправился во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ его Паткуль.

Пріемомъ наслѣдника цесаревича отецъ былъ совершенно очарованъ. Говоря обо мнѣ, его высочество сказалъ, что грѣшно дер-

жать меня въ Финляндіи, слѣдуетъ переманить въ Петербургъ. Не былъ ли это легкій намекъ на то, что такъ скоро осуществилось?

Къ обѣду Паткуль пріѣхалъ къ намъ, отецъ сообщилъ ему о томъ восторженномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него его высочество, а Паткуль на это отвѣтилъ, что иначе и быть не могло: «наслѣдникъ воплощенный ангель».

Вообще о царской семьѣ Паткуль говорилъ всегда съ такою любовью, или, вѣрнѣе сказать, обожаніемъ, что восторгъ его невольно передавался слушателямъ.

Тетюшка какъ-то проболталась, что я курю, но стѣсняюсь при немъ, тогда онъ подалъ мнѣ свой портсигаръ и просилъ закурить пахитосу. Папирозъ не существовало въ то время.

Прощаясь съ нимъ, при его уходѣ я уронила мундштучекъ, поднявъ его, увидѣла, что кусочекъ янтаря откололся, и положила на столъ. Послѣ его отъѣзда мундштука на столѣ не оказалось, я думала, что тетя или дядя спрятали его, чтобъ помучить меня, но они утверждали, что не видѣли. Мундштукъ словно канулъ въ воду.

23-го февраля, въ день нашего отъѣзда, пріѣхалъ дѣдушка проститься съ нами. Зная объ ухаживаніи за мною Паткуля (котораго онъ не видѣлъ никогда) и любя меня безгранично съ самаго моего дѣтства, онъ повторилъ мнѣ тѣ же предостереженія, которыя я невольно подслушала въ Кронштадтѣ. Вѣдь никто изъ нихъ не зналъ Паткуля, а между тѣмъ только повторяли: «молодъ и вѣтренъ». Какъ нарочно, пока дѣдушка сидѣлъ у меня, раздавался звонокъ за звонокомъ; при каждомъ звонкѣ я вскакивала и выбѣгала въ переднюю. Боясь, чтобы Паткуль не встрѣтился съ дѣдушкою, я хотѣла направить перваго черезъ коридоръ прямо къ тетюнкѣ. На вопросъ дѣдушки, зачѣмъ я вскакиваю такъ часто, я отвѣчала, что жду письма отъ своихъ изъ Гельсингфорса; отчасти это было вѣрно.

По правдѣ сказать, я не понимаю, почему я такъ боялась этой встрѣчи. Дѣдушка былъ такой добрый, чудный старикъ, и я увѣрена, что Паткуль понравился бы ему.

Прощаясь, дѣдушка крѣпко поцѣловалъ меня, перекрестилъ и сказалъ: «дастъ Богъ, весной вы всѣ пріѣдете къ намъ въ Ревель, до свиданья!». Но, выходя изъ комнаты, погрозилъ пальцемъ со словами: «не увлекайся». «Не бойтесь»,—отвѣтила я, а сама подумала: «поздно!».

Вскорѣ пріѣхалъ Паткуль и, передавая мнѣ новый мундштучекъ съ моимъ вензелемъ, просилъ принять его и разрѣшить ему оставить на память старый.

Я отказалась принять и требовала возвратитъ мой, онъ это сдѣлалъ, вынувъ его изъ своего портсигара, но, повидимому, съ большимъ сожалѣніемъ.

Кромѣ Паткуля, обѣдала у насъ tante Nathalie Спафарьева. Дѣдушка былъ къ кому-то отозванъ, а она желала провести еще нѣсколько часовъ съ нами. Вѣрно она догадывалась, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, въ особенности, когда тетушка послѣ обѣда предложила ей пойти посмотрѣть, какъ укладываютъ мои вещи. Это былъ предлогъ оставить насъ вдвоемъ по просьбѣ его.

Оставшись съ нимъ en tête à tête, я предугадывала приближеніе минуты рѣшенія моей судьбы; сердце забилось у меня такъ сильно, что стукъ его барабанилъ въ ушахъ. Непреодолимая робость вдругъ овладѣла мной, и въ ту минуту, когда я встала, чтобъ слѣдовать за тетушкой, Паткуль просилъ меня выслушать его одну минуту.

Брядъ ли на моемъ мѣстѣ ктонибудь отвѣтилъ бы такою глупостью, какъ я, что не имѣю съ нимъ никакихъ секретовъ, и онъ можетъ говорить со мной при другихъ. Съ этими словами я вышла съ нимъ изъ комнаты.

Странное дѣло, почему именно предъ нимъ мною овладѣла такая, ничѣмъ необъяснимая, робость; развѣ только потому, что я дѣйствительно любила его.

Тетушка, увидя насъ входящими почти вслѣдъ за нею, недоумѣвала, какъ успѣли мы переговорить такъ скоро, но, взглянувъ на него, она поняла по грустному выраженію его лица, что между нами ничего не было кончено.

Послѣ чая, я пошла переодѣться въ дорожное платье. Вдругъ входитъ тетушка съ недовольнымъ лицомъ, начала дѣлать мнѣ разговоръ по-французски, что я, какъ глухая дѣвчонка, вела себя въ отношеніи Паткуля, который обезкураженъ и въ отчаяніи, не зналъ, какъ принять мое нежеланіе выслушать его. Когда она увидѣла, что у меня слезы навернулись на глазахъ, ей стало жаль меня; руки у меня были, какъ ледъ, и я вся дрожала.

— Что же ему сказать?—спросила она.

— Чтобъ онъ пошелъ къ отцу, и когда заручится его согласіемъ, получить мой отвѣтъ.

Въ будуарѣ онъ ожидалъ меня, передавъ, что отецъ его согласенъ на его женитьбу и мой ничего не имѣетъ противъ этого, посмотрѣлъ на меня умоляющимъ взглядомъ и сказалъ, что счастье его въ моихъ рукахъ, что онъ ждетъ отъ меня рѣшенія своей судьбы. Посадивъ его возлѣ себя, я просила его выслушать меня и отвѣтить откровенно на мои вопросы. Обдумалъ ли онъ хорошенько, на что рѣшается? Воспитанный въ царскихъ хоробахъ съ наслѣдникомъ русскаго престола, будетъ ли онъ довольствоваться скромной семейной жизнью? Увѣренъ ли онъ въ томъ, что не пожалѣетъ когданибудь, что пожертвовалъ всѣмъ для меня, которая, кромѣ любящаго сердца, ничего дать ему не можетъ и положительно никакихъ средствъ не имѣетъ? У отца насъ семеро, и онъ обезпечить меня

не можетъ ничѣмъ. Я не балована, лишениі не боюсь и готова все перенести для человѣка, котораго люблю.

На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что, самъ не имѣя достаточно средствъ, онъ никогда не рѣшился бы, какъ бы сильно ни любилъ меня, сдѣлать мнѣ предложеніе, если бы наслѣдникъ, отъ котораго онъ ничего не скрывалъ, не сказалъ ему, видя его такимъ грустнымъ: «сдѣлай предложеніе, женись, я тебя не оставлю». «На этотъ счетъ, прибавилъ Паткуль, я былъ спокоенъ, но такъ какъ вы не давали мнѣ предпочтенія передъ другими, я до этой минуты не былъ увѣренъ въ вашемъ согласіи». Протянувъ ему руку, которую онъ въ первый разъ могъ поцѣловать, я сказала, что вручаю ему свое счастье и всѣми силами буду стараться составить его для него.

Дорого я дала бы, чтобъ отодвинуть на одинъ денекъ нашъ отъѣздъ, но лошади были поданы, надо было собираться въ путь.

Не имѣя еще согласія государя, Паткуль просилъ отца и меня сохранить помолвку нашу втайнѣ и сказалъ, что императрица, благословивъ его, обѣщала сама сообщить его величеству и просить его разрѣшенія.

Въ минуту отъѣзда было подано шампанское; чокаясь рюмками, тетя и дядя знаками выпили за наше здоровье, бывъ предупреждены, что это до поры до времени должно остаться тайною, и пожелали намъ счастливаго пути. Взявъ съ нихъ обѣщаніе навѣстить насъ въ Финляндіи въ непродолжительномъ времени, мы уѣли съ отцемъ въ крытыя сани или такъ называемую кибитку, и подъ звонъ бубенчиковъ лошади помчались, унося меня съ грустью о предстоящей разлукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ счастливую, отъ гостепріимнаго дома дяди и столицы, гдѣ я была принята не только любезно, но даже, могу сказать, съ баловствомъ.

Когда мы подѣхали къ первой станціи, тамъ остановилась, кромѣ нашей, еще другая тройка. Сюрпризъ былъ самый неожиданный и пріятный, когда подошла къ намъ тетушка съ Паткулемъ, которому она предложила ѣхать проводить насъ.

Пока перекладывали лошадей, мы поговорили, простились еще разъ и разстались на неопредѣленное время.

V.

Мои письма къ тетускѣ.—Увѣдомленіе Паткуля о согласіи государя на его женитьбу.—Разрѣшеніе переписываться съ женихомъ.—Знакомство съ родными моего жениха.—Его няня.—Приѣздъ Паткуля.—Первый подарокъ жениха.—Испугъ.—Приключеніе во время поѣздки въ Вышгородъ.—Серенада студентовъ.—Моя свадьба.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Посѣщеніе бароновъ Арпсъ-Гофенъ.

По приѣздѣ домой я тотчасъ же сообщила тетускѣ о предстоящей перемѣнѣ моей будущности. Отъ сестеръ и братьевъ пришлось скрыть, такъ какъ, до разрѣшенія государя, помолвку мою объявлять было нельзя. А дѣти ничего не умѣютъ держать въ секретѣ.

Почтовое сообщеніе было въ то время одинъ или два раза въ недѣлю, но съ первою же почтою, послѣ моего отъѣзда, я получила отъ жениха, на французскомъ языкѣ, церемонное письмо съ заглавіемъ *Mademoiselle*, но иначе и быть не могло.

Отвѣчать на письма его мнѣ не было разрѣшено. Бывъ увѣрена, что онъ навѣщаетъ дядю и тетю, я поручила послѣдней передать ему, что письма его получены мною, но чтобы отвѣта на нихъ онъ не ждалъ, такъ какъ мнѣ не позволено переписываться съ нимъ, пока мы не будемъ объявлены женихомъ и невѣстой.

Вскорѣ мы были обрадованы приѣздомъ дяди и тетуски. Весьма понятно, что главное мѣсто въ нашихъ съ тетей задушевныхъ бесѣдахъ занималъ онъ, мой женихъ.

Тетуска призналась мнѣ, что даетъ ему читать всѣ мои письма къ ней, и надѣется, что я не въ претензіи за эту нескромность съ ея стороны, и что онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія государя, чтобъ я наконецъ могла писать ему.

Къ сожалѣнію, наши дорогіе гости оставались очень недолго у насъ; они спѣшили вернуться къ дѣтямъ.

Зная теперь, что онъ читаетъ мои письма, я приложила больше старанья и откровенно высказывала въ нихъ свои чувства и мысли.

Однажды, когда я окончила письмо въ восемь страницъ, *tante Catherine* пожелала прочесть его. Отдавая мнѣ его обратно, она сказала:

— Я не подозрѣвала, что ты можешь такъ хорошо писать, но послать его нельзя. Ты просишь передать сердечный поклонъ «дорогому Александру», это не идетъ; зачеркни хорошенько и назови его или по фамиліи или женихомъ.

Тутъ, признаться, я не выдержала, назвала тиранствомъ воспрещать мнѣ переписываться откровенно съ тетуской, которая такъ добра ко мнѣ, и къ которой я привязалась всѣмъ сердцемъ.

На это она начала доказывать, что свадьбы часто расходятся; Паткуль такъ молодъ, что на постоянство его я рассчитывать не должна, а потому молодая дѣвушка должна держать себя всегда осторожно.

Къ чаю я на верхъ не пошла подъ предлогомъ головной боли, прочла еще разъ свое бѣдное письмо и, заливаясь слезами, разорвала его на клочки.

Когда тетушка сошла внизъ и застала меня въ слезахъ, спросила о письмѣ, желая прочесть его еще разъ, чтобъ рѣшить, можно ли отправить его съ выраженіемъ «дорогому Александру», или нѣтъ. Показавъ ей клочки, я отвѣтила, что оно уже не существуетъ. Никакъ не ожидая, что я рѣшусь уничтожить его, тетушка очень недовольнымъ тономъ сказала: «C'est par méchanceté que la lettre est détruite!» на что я отвѣтила: «Votre tyrannie m'a revoltée». Отвѣтить такъ тетушкѣ, которая послѣ смерти матери замѣнила намъ еѣ, было очень нехорошо съ моей стороны, но я была вспыльчива, а главное я чувствовала себя обиженной за Паткуля, въ которомъ она допускала возможность измѣнить мнѣ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ получаю письмо отъ жениха, которое начиналось: «Ура! вчера 4-го на вечерѣ у императрицы, государь, взявъ меня за плечи, ввелъ передъ собой въ гостиную со словами: «се женихъ грядетъ!» и, повернувъ меня къ себѣ, поздравилъ и поцѣловалъ». Оказывается, что его величество хотѣлъ объявить его женихомъ въ то самое число, когда, за годъ передъ тѣмъ, наслѣдникъ сдѣлался женихомъ, вотъ почему онъ такъ долго медлилъ своимъ согласіемъ.

Тутъ императрица поцѣловала Паткуля и поздравила официально, какъ и всѣ великіе князья, княгини и княжны, сопровождая поздравленія наилучшими пожеланіями.

Вѣсть, что я невѣста, разнеслась по Гельсингфорсу съ быстротою молніи; чуть ли не съ перваго дни начали прѣзжать съ поздравленіемъ.

Моимъ лучшимъ друзьямъ: Rosine Hartman и Mathilde Armfeld, я тотчасъ написала по полученіи письма жениха, и обѣ прибѣжали немедленно ко мнѣ. Всѣ приняли горячее участіе въ моей радости.

Дождалась я наконецъ счастливой минуты, когда имѣю полное право писать жениху. Сѣла къ столу, взялась за перо, написала «Monsieur», а дальше не подвигается, сидѣла чуть ли не цѣлый часъ. Первое письмо должно быть болѣе или менѣе церемонное, тетушка будетъ читать его, написать холодно, это огорчитъ его, а высказать то, что я чувствую, не позволятъ. На словѣ «Monsieur», мое перо такъ и застряло. Наконецъ я попросила тетушку помочь мнѣ, на что она посоветовала написать черновое, и она поправитъ его. Каково мое было удивленіе, когда, прочитавъ его, она замѣтила,

что оно слишкомъ холодно, и я могу выражаться ласковѣе и съ большимъ чувствомъ. Скажи она мнѣ это раньше, я не сидѣла бы, какъ истуканъ, цѣлые часы за сочиненіемъ этого письма.

Когда я принесла ей прочесть слѣдующее, она объявила, что теперь могу писать ему безъ ея контроля и подѣ диктовку своего сердца. Наконецъ, я начала выходить изъ - подѣ строгой опеки; тетушка была увѣрена, что излишней нѣжности не позволю я себѣ никогда.

Получивъ отъ жениха списокъ съ именами отца и сестеръ его (ихъ было восемь), я всѣмъ написала нѣмецкія письма, прося принять меня благосклонно въ ихъ семью. Отвѣты получила самые сердечные.

Вскорѣ дошла до насъ изъ Ревеля грустная вѣсть о кончинѣ tante Nathalie Спафарьевой. Если бы я могла предвидѣть, что день моего отъѣзда изъ Петербурга былъ днемъ нашего послѣдняго свиданія, то я, конечно, сообщила бы ей подѣ секретомъ, что я невѣста, и увѣрена, что она порадовалась бы моему счастью.

Какъ только море очистилось отъ льда, отецъ отвезъ меня погостить къ бѣднымъ старичкамъ, оставшимся послѣ кончины дочери совершенно одинокими. Мнѣ, какъ невѣстѣ, не разрѣшили носить черное платье, а сшили сѣрое, въ которомъ я явилась къ дѣдушкѣ и бабушкѣ. Пріѣзду моему они очень обрадовались, я старалась, насколько могла, развлекать ихъ и быть полезной въ домѣ, въ тотъ короткій срокъ, который провела у нихъ.

На другой день нашего пріѣзда я съ отцемъ поѣхала знакомиться съ будущей моею родней. Генераль Паткуль, отецъ жениха, былъ комендантомъ и жилъ съ семьей въ Вышгородѣ.

Такого ласковаго, радушнаго пріема я никакъ не ожидала, съ первой же минуты была принята, какъ дочь и сестра, и дружескія отношенія установились между нами съ перваго дня.

Жила еще старуха-няня, Григорьевна, нянчившая моего жениха до поступленія его во дворецъ. Меня повели къ ней, представили и спросили, правится ли ей невѣста Александра Владимировича. Старушка прослезилась, просила позволенія поцѣловать мнѣ руку, которой, понятно, я не дала, а обнявъ ее расцѣловала.

— Какая ты ласковая!—проговорила она:—полюби моего Александринку, вѣдь онъ такой у меня добрый, хорошій.

Перекрестивъ меня и пожелавъ намъ счастья, она просила не прогнѣваться, говоря, что питомца своего она всегда осѣняетъ крестнымъ знаменьемъ, когда онъ наѣзжаетъ въ Ревель.

Всю прислугу созвали, чтобы показать невѣсту молодого барина.

На другой день отецъ съ старшими дочерьми пріѣхалъ отдать официальный визитъ моему отцу и мнѣ и возобновить знакомство съ дѣдушкой, съ которымъ они были, не знаю за что, въ непріа-

зненныхъ отношенійхъ. Примиреніе послѣдовало. Старое кануло въ воду, и о немъ не вспоминалось.

Однажды, когда я сидѣла съ моими старичками за утреннимъ кофе, мнѣ послышался звукъ колокольчиковъ. Не успѣла я подбѣжать къ окну, какъ мимо дома пронеслась почтовая тройка, съ военнымъ въ адъютантской фуражкѣ. Это онъ! сердце ошибиться не можетъ, подумала я и, подойдя къ дѣдушкѣ, передала ему предположеніе. Видя, какъ я волнуясь, добрый дѣдушка предложилъ для моего уснокоенія написать записку одной изъ сестеръ жениха, которую взялся тотчасъ отослать.

Присѣвъ у окна, я рѣшила не вставать съ мѣста, пока не получу отвѣта на мою записку, но не прошло и четверти часа, какъ я увидѣла карету, въ которой сидѣлъ въ полной формѣ генераль Паткуль. Увидя меня у окна, онъ улыбаясь кланялся въ спущенное окно, заслоня собой своего сосѣда, присутствіе котораго я угадала, но видѣть не могла. Въ одно мгновеніе я очутилась въ передней, отецъ его развелъ руки, думая, что онъ скростъ собой, но я, не повдоровавшись съ нимъ, проскользнула подъ его руку и бросилась къ жениху. Это было первое свиданіе жениха съ невѣстой, послѣ трехмѣсячной разлуки.

Представили его моимъ старичкамъ, которымъ онъ очень пришелся по сердцу; дѣдушка оставилъ его обѣдать, но, не видя давно отца и сестеръ своихъ, онъ выразилъ желаніе провести съ ними день и упросилъ отпустить меня къ нимъ.

Во время своего визита онъ передалъ мнѣ на память нашего перваго свиданья небольшой футляръ и, прося принять его, прибавилъ, что это—драгоценная для него вещь; наслѣдникъ цесаревичъ подарилъ ему ее въ Англии, къ балу королевы Викторіи, съ которой онъ имѣлъ честь танцовать.

Это была булавка, съ крупнымъ брилліантомъ, оправленнымъ въ когтяхъ. Мнѣ же эта булавка тѣмъ болѣе была дорога, что онъ носилъ ее при статскомъ платьѣ. Какъ вѣрить послѣ этого предразсудкамъ, что дарить булавки не хорошо? Въ нашей тридцати-шести-лѣтней, счастливой супружеской жизни не только не было ни одной ссоры, но никогда малѣйшее облако не помрачило пройденнаго нами пути.

Отпущенъ онъ былъ только на десять дней, а такъ какъ онъ желалъ познакомиться съ тетунькой, братьями и сестрами моими, то мы рѣшили отправиться на пароходѣ въ Гельсингфорсъ: сопутствовать намъ вызвалась одна изъ старшихъ сестеръ его.

Тетунька Екатерина приняла его ласково, онъ понравился ей, хотя она нашла его вовсе не такъ красивымъ, какъ ожидала по моему описанію. На вкусъ товарища нѣтъ.

Провелъ онъ съ нами нѣсколько дней, во время которыхъ его представляли всѣмъ знакомымъ. Онъ произвелъ на всѣхъ самое

приятное впечатлѣніе, какъ на старыхъ, такъ и на моихъ подружъ, которыя выражали ему свое сожалѣніе, что я покину Финляндію.

Паткуль, проводивъ сестру свою въ Ревель, тотчасъ же вернулся въ Петербургъ.

Свадьба наша была назначена въ концѣ августа, по окончаніи поста и лагернаго времени. Опять предстояло три мѣсяца разлуки.

На лѣто мы переѣхали опять къ дѣдушкѣ всей семьей, кромѣ отца, который съ своей канонерской флотиліей отправился въ плаваніе.

Почти все лѣто я просидѣла за няльцами, вышивая экранъ жеману къ его пріѣзду.

За двѣ недѣли до свадьбы я работала у окна и увидѣла мимо насъ промчавшуюся карету, запряженную четверкой почтовыхъ, изъ которой на полномъ ходу выскочилъ Паткуль; я такъ испугалась, что вскрикнула невольно, заслонивъ глаза руками. Сердце замерло отъ страха, что онъ расшибся. Тутъ одна изъ сестеръ закричала: твой женихъ бѣжитъ! Вскочивъ со стула, я добѣжала до сѣней, однако ноги мои подкосились до того, что я была не въ состояніи встрѣтить его у подъѣзда и сѣла на ступень съ страшнымъ биеніемъ сердца.

Когда онъ добѣжалъ и увидѣлъ меня блѣдную, сидящую на ступени, онъ испугался въ свою очередь и, цѣлуя мнѣ руки, спрашивалъ, что со мною, здорова ли я. Въ первую минуту я не въ состояніи была вымолвить ни одного слова, но, придя немного въ себя, упрекнула его въ неосторожности выскакивать изъ кареты, когда она неслась во весь духъ.

Онъ старался всячески успокоить меня тѣмъ, что, бывъ хорошимъ гимнастеромъ, онъ не настолько неловокъ, чтобы не уметь выскочить изъ кареты.

Выпросивъ согласіе родныхъ моихъ, чтобъ меня отпустили къ его отцу, онъ уѣхалъ на Вышгородъ, куда, часъ спустя, меня туда же привезли.

Такъ какъ его и мои родные желали видѣть насъ у себя, то мы чередовались. Если обѣдали у однихъ, вечеръ проводили у другихъ. Въ тѣ дни, когда мы отправлялись къ его роднымъ, онъ ѣхалъ въ дрожкахъ, присланныхъ за нимъ отцомъ, а я въ дѣдушкиныхъ.

Какъ-то разъ дѣдушка, увидя, что поданы двое дрожекъ, спросилъ, для кого вторыя. Найдя, что за недѣлю до свадьбы, по его мнѣнію, даже смѣшно ѣхать врозь, отпустилъ насъ съ Богомъ въ своемъ экипажѣ. Надо же было случиться, чтобъ, какъ парочно, на поворотѣ съ Нарвской улицы лошадь начала кружить насъ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Соскочивъ первая, я крикнула кучеру отправиться домой и въ 9 часовъ пріѣхать за мной на другой лошади, добѣжала до бульвара, и мы вмѣстѣ съ женихомъ дошли пѣшкомъ до Вышгорода.

Но что это было, когда я вернулась домой!

Тетушка встрѣтила меня грознымъ выговоромъ, какъ смѣла я ѣхать вдвоемъ съ женихомъ къ его роднымъ безъ позволенія, что скажутъ тѣ, которые видѣли насъ, и, наконецъ, какого мнѣнія будетъ обо мнѣ и воспитаніи моемъ Карамзина. котораго живеть на нашей улицѣ.

Надо замѣтить, что т-те Карамзина очень любила меня, а съ меньшей дочерью ея, Елизаветой Николаевной, мы такъ подружились, что были на ты.

Когда я выслушала ее, мнѣ такъ стало обидно отъ незаслуженнаго выговора, что я отвѣтила:

— Если уже дѣдушка не только разрѣшилъ, но самъ предложилъ намъ ѣхать вмѣстѣ, то мнѣ нечего было спрашивать позволенія другихъ.

Она обидѣлась; положимъ, что я была не въ правѣ такъ отвѣчать ей, но я тоже была вспыльчива. Отправляясь на сонъ грядущій, я извинилась, и миръ былъ возобновленъ.

Наканунѣ нашей свадьбы мы поѣхали вдвоемъ на кладбище за благословеніемъ моей матери, гдѣ, стоя на колѣняхъ у ея могилы, дали обѣтъ не измѣнять до гроба нашей взаимной любви. Обѣтъ былъ свято сдержанъ нами.

Паткуль обѣдалъ у насъ, но вечеромъ уѣхалъ довольно рано, жалѣя, что не услышитъ серенады, которую подъ моимъ окномъ собирались пропѣть дерптскіе студенты.

О серенадѣ я подъ секретомъ была предупреждена родственникомъ бабушки, тоже студентомъ, который посоветовалъ мнѣ показаться имъ въ окно или бросить ленточку въ доказательство, что любезность ихъ принята мною благосклонно. Въ одиннадцать часовъ молодежь, числомъ отъ двадцати до тридцати, собралась дѣйствительно и спѣла очень стройно и согласно въ честь мою *Ständchen*. Показаться я не могла, готовясь ложиться спать, поэтому, выбросивъ въ открытое окно изъ-за спущенной сторы ленточку, я поблагодарила ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ чего, провозгласивъ мнѣ *hoch! hoch!* и бросая фуражки вверхъ, они удалились.

Настало 27-е число августа, счастливый для меня день.

Утромъ пріѣхалъ шаферъ съ подарками и запиской жениха, въ которой онъ извиняется, что не исполнилъ моего требованія не подносить мнѣ подарковъ, но такъ какъ фермуаръ и букеты сдѣланы изъ перстней, пожалованныхъ ему наслѣдникомъ, то онъ надѣется, что я приму ихъ и надѣну къ вѣнцу. Это не входило въ мои намѣренія, я желала быть одѣтой, какъ можно проще и не имѣть на себѣ никакихъ цѣнныхъ вещей, но такъ какъ это было его желаніе, то тетушка сказала, что я обязана исполнить его.

Около двухъ часовъ пріѣхалъ шаферъ объявить, что женихъ

въ церкви. Дѣдушка и отецъ благословили меня иконами, а теттушка Траверсе, прѣхавшая съ дядей наканунѣ изъ Петербурга, была моею посаженою матерью. Меньшой братъ съ образомъ ѣхалъ съ нами.

Вся прислуга выбѣжала на улицу, сопровождая меня лучшими пожеланіями, когда я садилась въ карету.

Я сознавала, что это самый важный шагъ моей жизни; вернусь изъ церкви не той уже беззаботной молодой дѣвушкой, какой выбѣжала изъ дома дѣда, вернусь не подъ моею дѣвичьею фамиліею, и на мнѣ будутъ лежать серіозныя обязанности, которыя я дала себѣ слово свято исполнять. Я была такъ увѣрена въ любви и честныхъ правилахъ моего жениха и такъ сильно полюбила его сама, что ни минуты не сомнѣвалась въ моемъ будущемъ счастьѣ.

Все, что знало меня съ дѣтства, собралось у церкви, посмотрѣть на жениха; не только церковь, но и улица были переполнены народомъ.

По окончаніи обряда, мы прямо отправились къ дѣдушкѣ, куда съѣхалась вся родня мужа, посаженные, шафера и подружки.

Столъ, накрытый для большого парада въ залѣ, былъ украшенъ нѣсколькими изящно сдѣланными пирамидами изъ живыхъ цвѣтовъ, собственнаго изобрѣтенія и трудовъ доброй бабушки. Съ благословенной нашей семьей насъ сидѣло за обѣдомъ около пятидесяти человѣкъ.

Послѣ чая, снявъ вѣнокъ съ головы и раздѣливъ его на вѣтки, я съ завязанными глазами раздала ихъ подружкамъ и шаферамъ, которые встали вокругъ меня кольцомъ. Есть примѣта, что та, которая первая получитъ вѣтку, скоро выйдетъ замужъ; на этотъ разъ примѣта осуществилась.

Когда мы переодѣлись по-дорожному и вошли въ залъ, то созвали всю прислугу и, по русскому обычаю, притворивъ двери, усѣлись по мѣстамъ. Водворилось полное молчаніе; тихій ангелъ пролетѣлъ!.. Затѣмъ встали, помолились и простились. Родные мои отпускали меня на новую жизнь съ благословеніемъ и пожеланіями полнаго безоблачнаго счастья.

Разставаясь со своими, я удерживалась отъ слезъ, чтобы для нихъ не усиливать тяжести минуты разставанія. Вслѣдствіе этого tante Catherine сочла меня неблагодарной, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала мнѣ навѣстить насъ въ Петербургъ и привезти сестру мою, Aline, съ которой я была очень дружна.

Когда мы усѣлись въ карету, заложенную четверкой почтовыхъ, пропояжавшіе насъ закричали намъ «съ Богомъ»; мы перекрестились, ямщикъ свистнулъ, ударилъ по лошадамъ, и карета укатила. Изъ оконъ кареты мы махали платками въ отвѣтъ машущимъ намъ съ крыльца, пока поднявшаяся изъ-подъ колесъ пыль не заслонила намъ окончательно все и всѣхъ. Проѣхавъ шлагбаумъ, карета

вдругъ остановилась; горничная моя, финляндка, сидѣвшая на сидѣньѣ за каретой, уронила мѣшокъ съ своимъ запасомъ яблокъ и бутылкой au de Cologne; послѣдняя разбилась, но надушенные яблоки она тщательно собрала.

Пока мы ѣхали, мужъ сообщилъ мнѣ, что первыми обновили его карету государь и наслѣдникъ при слѣдующемъ обстоятельстве. Дворъ находился въ Царскомъ Селѣ; наслѣднику послѣ болѣзни позволено было прокатиться не иначе, какъ въ каретѣ, а его не была готова. Тогда мужъ предложилъ выписать изъ Петербурга свою, заказанную къ свадьбѣ. Въ тотъ часъ, когда наслѣдникъ собирался выѣхать, государь вошелъ къ нему и пожелалъ прокатиться съ нимъ. Карета поправилась его величеству, и на вопросъ, новую ли онъ заказалъ, получилъ отвѣтъ, что она принадлежитъ Паткулю, заказавшему её къ свадьбѣ.

По дорогѣ намъ предстояло заѣхать къ тремъ дядюшкамъ мужа, баронамъ Ариксъ-Гофентъ, жившимъ въ своихъ помѣстьяхъ по Нарвской дорогѣ, въ разстояніи семи верстъ одинъ отъ другого.

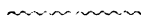
Первая остановка была 28-го августа въ Вайварѣ, у Карла Карловича, жившаго съ своей женой Эмилией Ивановной. Тамъ застали мы старшаго его брата, Югора Карловича, отставнаго генерала, бывшаго командира л.-гв. гусарскаго его величества полка, очень любезнаго, съ свѣтской полировкой, говорящаго по-французски, какъ истинный парижанинъ. Въ молодости онъ былъ большимъ сердцеѣдомъ, увезъ жену свою, рожденную Демидову, отъ живого мужа.

Мы пріѣхали къ вечернему чаю и были встрѣчены какъ дядюшками, такъ и тетушкой очень радушно. Предполагали остаться въ Вайварѣ до слѣдующаго утра, но Егоръ Карловичъ такъ настоятельно просилъ ѣхать къ нему въ Лагино, гдѣ ожидаетъ насъ его жена, Александра Петровна, что волею-неволею пришлось уступить. Свѣтская, до невѣроятія жеманная, тетушка встрѣтила насъ по-родственному, но наговорила мнѣ такую массу комплиментовъ и любезностей, что съ первой минуты оттолкнула отъ себя.

Утромъ напоила меня чаемъ, который цѣлый часъ кипятила на плиткѣ въ серебряномъ чайникѣ; можно себя представить, какой вышелъ вкусный настой. Послѣ обѣда, простясь съ ними, мы поѣхали въ Ольгино къ третьему дядѣ, Андрею Карловичу, и женѣ его, Ольгѣ Лаврентьевнѣ, гдѣ познакомились съ многочисленной ихъ семьей, радушно и съ простотой насъ принявшей. Наши отношенія и впоследствии были самыя дружескія. Изъ Ольгина мы выѣхали въ тотъ же вечеръ послѣ ужина, и 30-го августа, въ день тезоименитства наслѣдника и именинъ мужа, карета остановилась у подъѣзда дома Мамонова, на Грязной улицѣ, близъ Николаевской.

М. А. Паткули.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕПОЧАТАЯ СИЛА.

(Изъ записной книжки туриста).

I.

НУ, ТЕПЕРЬ и двухъ верстѣ не осталось!—говоритъ мнѣ Игнатъ Артюховъ, видимо, въ утѣшеніе.
— Какъ хочешь, а дальше не пойду!—заявляю я рѣшительно и, бросивъ ружье на землю, присаживаюсь на камень, ярко зеленый и мягкій отъ пушистаго слоя мховъ, которыми поростають на Уралѣ не только обломки разныхъ горныхъ породъ, но даже стволы и корневища деревьевъ.

— Неужли притомились? Удивленіе!—всякій разъ спрашиваетъ меня Артюховъ, когда я, измученный долгой ходьбой, пытаюсь убѣдить его въ необходимости привала.

Игнатъ Артюховъ—«истовый уроженецъ Урала», такъ онъ величаетъ себя, и знаетъ мѣстную округу, какъ свои пять пальцевъ. Онъ исходилъ вдоль и поперекъ весь горный кряжъ съ его отрогами; изучилъ, какъ бывалый охотникъ, всѣ «увалы» и «лога», всѣ долинки и перелѣски за время своего пребыванія на Среднеуральскомъ хребтѣ, гдѣ онъ коротаетъ добрую половину своей жизни. Мнѣ рекомендовали его на одномъ изъ заводовъ, какъ проводника, на котораго вполне можно было положиться.

Бродить по Уралу безбоязненно, какъ меня тянуло, кочевать въ лѣсу, забираясь въ самую глушь, къ старымъ урочищамъ, куда знаетъ дорогу только бывалый человѣкъ, мыслимо лишь съ надеж-

нимъ проводникомъ. Такимъ именно считался «Игнатка Рубецъ», извѣстный подъ этой кличкой болѣе, чѣмъ подъ своей настоящей фамиліей:

Съ виду это былъ сухощавый, крѣпко сложенный мужикъ, лѣтъ сорока, мало чѣмъ отличавшійся отъ обыкновенныхъ присковыхъ рабочихъ. Одѣвался онъ во что попало, выбирая изъ своего крестьянскаго гардероба все, что ни на есть похуже. Старые, рваные порты, когда-то синіе, а теперь уже совсѣмъ полинялые, были безжалостно истрепаны и поминутно вылѣзали изъ рыжихъ, дырвыхъ сапогъ съ длинными голенищами, перехваченными выше икръ когда лычкомъ, когда веревочкой. Избалованная рубаша была того неопредѣленнаго цвѣта, каковой принимается всякая ткань, побывавшая на тѣлѣ русскаго человѣка, когда онъ носитъ ее, не снимая недѣлю, другую, то обливался потомъ на солнцепекѣ, то грѣясь у костра, весь пропитанный дымомъ.

— «На охотѣ ходить—не въ хороводѣ плясать!»—говаривалъ обыкновенно Рубецъ, когда я намекалъ ему на неприглядность его одежды. При этомъ онъ укоризненно качалъ своей широколобой головой, изукрашенной багровымъ шрамомъ, тянувшимся отъ лѣвой брови къ уху. О происхожденіи этого печальнаго трофея и обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, Артюховъ не любилъ распространяться и на вопросъ мой, гдѣ онъ «стяжалъ» эти знаки «боевого» отличія, обыкновенно отвѣчалъ многозначительно: «Было дѣло подъ Полтавой»... и сразу становился хмуро-сосредоточеннымъ.

Вообще, насколько я могъ замѣтить, Игнатъ избѣгалъ бесѣды о своемъ прошломъ не менѣе, чѣмъ о своемъ «гардеробѣ». Всякій разъ, когда я касался этой темы, — типичныя черты его лица: тонкій, заостренный носъ, напоминавшій клювъ «копчика», хитрые глаза, зорко выглядывавшіе по сторонамъ, и большой, искривленный ротъ,—все выражало тогда протестъ и затаенную досаду.

— «Хорошо, молъ, вамъ разсуждать!»—выразительно говорила его птичья физиономія.—«У васъ, поди, въ чемоданѣ-то не одна перемѣна лежитъ... Такъ-то, а наше дѣло—охотничье-съ!» договаривалъ онъ уже вслухъ свою думушку.

— Ежели да хорошую одежду носить—одни убытки! Все равно стреплешь, по лѣсной чащѣ лазаючи... Развѣ, что вы мнѣ новый костюмъ въ такомъ разѣ справите?—обращался онъ ко мнѣ не безъ ехидства.

Тѣмъ дѣло обыкновенно и кончалось; и только разъ, по моему неотступному настоянію, Игнатъ Артюховъ рѣшился наконецъ вымыть рубашу и все прочее, воспользовавшись нашимъ приваломъ у горной рѣчки.

Раздѣвшись, онъ принялся стирать свою одеженку, разумѣется, безъ мыла, и умора была смотреть, какъ худой, поджарый Рубецъ,

стоя на самой серединѣ бойкой рѣченки, которая доходила ему до колѣнъ, съ озлобленіемъ полоскалъ рубаху. Та надувалась пузыряремъ, тогда какъ порты, упущенныя изъ рукъ, быстро уносились по теченію. Рубецъ выскакивалъ на берегъ съ мокрой рубахой въ рукахъ и гнался за ними съ проклятіемъ. Я помиралъ со смѣху, глядя на эту стирку, напоминавшую подвиги Донъ-Кихота Ламанчскаго.

Наконецъ-то одежда была отжата и торжественно развѣшена по сучьямъ ольхи для провѣтриванья. Надо ли добавлять, что по утру Игнатъ съ большимъ трудомъ натянулъ на себя полусырую рубаху, при чемъ она долго коробилась на немъ, какъ картонная. Напрасно я уговаривалъ его не рисковать здоровьемъ. Артюховъ отличался необыкновеннымъ упрямствомъ, и малѣйшаго противорѣчія съ моею стороны уже было достаточно, чтобы онъ сдѣлалъ непремѣнно по-своему.

И теперь, когда я опустился въ изнеможеніи на камень, чувствуя, что затекшія ноги мои почти одеревенѣли отъ долгой ходьбы, отъ неустаннаго подъема съ камня на камень, съ увала на уваль,— Рубецъ тотчасъ же запротестовалъ и принялся доказывать безусловную необходимость добраться до вершины засвѣтло.

— Невозможно намъ здѣсь разсиживаться!—говорилъ онъ мнѣ бабьимъ плаксивымъ голосомъ.—Мѣста здѣсь глухія, таежныя... Таково можетъ дѣло выйтить, что цѣлы, подобру-поздорову, не выберемъ! А вы все свое ладите: «сяду да сяду, усталъ да усталъ»... Что намъ теперь пропадать что ли?

— Перестань ныть, пожалуйста!—говорю я.

— Я не ною, а осторожность долженъ соблюсти... Мало ли у насъ варнаковъ въ эту пору по разнымъ логовамъ притуляется? Слышь, баринъ, идемъ, вѣрно я тебѣ говорю! Обязательно до «Иконникова ключа» надо дойтить до заката.

— Поспѣемъ. Нечего труса справлять—съ нами ружья.

Я хладнокровно растягиваюсь на спинѣ и рѣшительнымъ движеніемъ закладываю подъ голову руки.

— Н-ну, характеръ!.. слышите мнѣ голосъ Игната, и затѣмъ слѣдуетъ энергичный плевокъ, которымъ Рубецъ обыкновенно выражаетъ послѣдній предѣлъ своего терпѣнія. Проводникъ мой отходитъ въ сторону и тоже садится. Вынувъ изъ огромной войлочной шапки кисетъ съ табакомъ, онъ достаетъ изъ него свою носогрѣйку, набиваетъ табакомъ и принимается раскуривать съ остервенѣніемъ.

Приподнявшись на локтѣ, я оглядываю незнакомую мнѣ мѣстность. Съ горной площадки, на которую мы теперь забрались, открываются дивная картина. Прямо у меня подъ ногами, какъ въ глубокую пропасть, вьется осыпь камней гигантской «морены»¹⁾.

¹⁾ Морена—остатки исчезнувшего ледника.

По этимъ камнямъ, полузаросшимъ пестрыми лишаями, мы съ Рубцомъ взбирались съ доброй частью, то перепрыгивая рядъ препятствій, преграждавшихъ намъ дорогу, то карабкаясь въ обходъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, оторвавшихся отъ горныхъ кряжей и принесенныхъ сюда исчезнувшимъ потокомъ.

Вправо отъ нихъ темными пятнами уходятъ какъ будто въ бездонную глубину вершины пихты и сибирскаго кедра; тянутся темныя впадины горныхъ отроговъ, образуя лога, поросшіе мелкимъ березничкомъ и зелеными кустами. Еще ниже подъ ними идутъ чередуясь такъ называемые «увалы», но намъ не видать отсюда ихъ обрывистыхъ реберъ, упирающихся въ долину. Они подернуты теперь серебристой дымкой тумана, что ползетъ, цѣпляясь за хвон, поднимается съ низинъ, какъ предвѣстникъ близкаго заката.

Но здѣсь на вершинахъ еще свѣтло. Лѣтній вечеръ еще пылаетъ багрянымъ полымемъ ярко разгорѣвшейся зари, и она, то расплавленнымъ золотомъ, то искрясь рубиномъ, заливаєтъ добрую половину небосклона. Кругомъ насъ, будто вычеканенные изъ мѣди, встаютъ остроконечные утесы основного горнаго хребта съ его рѣзко отѣненными впадинами... Разсѣлины, трещины этихъ гигантскихъ утесовъ густо заросли, какъ щеткой, сосной да елью. А надъ всей этой громадой изжелта-сѣрыхъ горъ, зеленыхъ пятенъ растительности и бурыхъ каменистыхъ осипей, разстилается темно-синій небесный пологъ съ отблесками розоватыхъ тоновъ на западномъ склонѣ.

Неохватнымъ просторомъ вѣетъ съ высоты горныхъ уральскихъ гребней, высоко поднятыхъ надъ долинами. Въ необыкновенно мощныхъ формахъ запечатлѣлась здѣсь природа, какъ бы застывъ въ своей суровой, рѣзко очерченной красотѣ. Окрестныя горы, живописныя ущелья и темныя лога задрапированы въ красивыя складки зеленыхъ лѣсовъ, лиловатыхъ кустарниковъ, и чѣмъ пристальнѣе вглядываешься въ ихъ строгіе контуры, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе отъ этихъ гранитныхъ твердынь, подавляющихъ васъ какой-то особенной и только имъ присущей стихійной силой...

II.

Испытывая таинственную власть надъ собой этой силы, я понимаю, почему Игната Аргюхова охватываетъ тревожное безпокойство всякій разъ, когда солнце начинаетъ клониться къ закату. Мирный торжественный покой природы вызываетъ въ немъ невольный, мистическій трепеть. Чѣмъ сильнѣе мягкій сумракъ заволакиваетъ окрестности, ступеневая кругомъ знакомыя очертанія пейзажа, и постепенно начинаютъ исчезать тѣ или иные признаки мѣстности, тѣмъ безпомощнѣе чувствуетъ себя Рубецъ, заражен-

ный, какъ большинство русскихъ простолюдиновъ, упорнымъ суевѣріемъ. Я всякій разъ замѣчаю, что этотъ человѣкъ, побывавшій на вѣку своемъ во всякихъ передрыгахъ, ходившій не разъ на медвѣдя одинъ,—боится ночной темноты и величаваго безмолвія, какъ безпомощный ребенокъ.

Близость ночныхъ сумерекъ заставляла Рубца шагать ускореннымъ маршемъ, игнорируя всякіе обходы препятствій, лѣзть напрямикъ, очертя голову, лишь бы поскорѣй добраться до какого нибудь лѣснаго «юота», какъ будто по пятамъ за нимъ гналась «нечисть» лѣсная.

Но гоноръ охотника и кладонскателя заставлялъ Рубца дѣйствовать дипломатично. И теперь онъ прибѣгъ къ своей обычной тактикѣ.

— Наши мѣста особенныя,—увѣрялъ онъ меня серьезно.—Конечно, ежели кто безъ пониманія, такъ тому наплевать... Никогда такой человѣкъ своей бѣды не учуетъ, и въ пропасть свалится и на варнака наскочитъ. Нашъ уральскій «лѣшакъ» ¹⁾—не другимъ чета! Такой тебѣ «хмары» ²⁾ напуститъ—ой, ой, ой! Еще одинъ-то я туда-сюда... храбрился Игнатъ, пытался свалить свой страхъ съ больной головы да на здоровую.—А съ вами? Развѣ возможно по логамъ да въ буреломѣ ночевать? Ума надо рѣшиться! Случись что, анъ за все я одинъ отвѣчаю.

— Это мнѣ нравится!—говорю я улыбаясь.—А давно ли ты ко мнѣ въ няньки приставляешь?

— Нянька не нянька, а проводникъ. Опять, такъ скажемъ, вдругъ къ ночи гроза грянетъ? Тогда что?

— Подъ деревья станемъ,—говорю я равнодушно:—вотъ подъ ту лиственницу.

— Вотъ это славно!—воскликаетъ онъ уже со злобой.—Не видали вы, знать, нашихъ грозъ-то уральскихъ? Ливьями вода льетъ въ эту пору... вымокнешь до нитки!

— И похоже, что быть дождю!—соображаетъ Рубецъ, пристально взглядываясь въ синеву неба.—Безпремѣнно будетъ гроза,—заявляетъ онъ уже рѣшительно.—Вона облачко-то надъ горою, словно какъ притулилось... Видите? Нѣтъ? Ну... ладно! Не вѣрите, чай? А вотъ посидите здѣсь часокъ, господинъ хорошій, такъ оно себя окажетъ.

Я гляжу на Рубца съ недоувѣріемъ. Хотя мнѣ и приходилось слышать о грозовыхъ ливняхъ, особенно сильныхъ на Уралѣ, но на мой взглядъ едва примѣтное темное облачко не предвѣщало ничего серіознаго.

— Пустяки, и такъ разойдется!

¹⁾ Лѣшій.

²⁾ Навожденіе.

Игнатъ вскочилъ, какъ ужаленный. Его взбѣсило мое спокойствіе.

— Что-жъ я, выходитъ по-вашему, дуракъ что ли? Хороши будутъ «пустяки», сами увидите!.. Да вотъ...

Рубецъ не договорилъ и вдругъ весь насторожился, какъ добрая охотничья собака. Лицо его сразу сдѣлалось серіознымъ. Онъ быстро пригнулся къ землѣ и юркнулъ къ обрыву, осторожно пробираясь между дереньями.

— Кому бытъ?—сообразалъ Игнатъ вслухъ.—А вѣдь сюда пробираются... Н-ну, дѣла! Говорилъ я вамъ, сказывалъ?—упрекалъ онъ меня, сидя за кустами и тыкая пальцемъ въ воздухъ. Признаюсь, я ничего не могъ разслышать, какъ ни напрягалъ слуха.

— Поеть?—проговорилъ вдругъ Рубецъ, съ изумленіемъ поднимаясь съ корточекъ.—Ловко! А я-то страху набрался! Кому только бытъ? Слышать, ровно голосъ-то господскій? Одначе по нашимъ мѣстамъ къ вечеру пѣть негоже.

Артюховъ вышелъ изъ своей засады, неодобрительно трянувъ головой, поднялъ мое ружье, валявшееся на травѣ, и подалъ мнѣ со словами:

— Надо итти, а то скоро совсѣмъ стемнѣетъ.

Не успѣлъ я встать съ мѣста, какъ и до меня донеслись теперь тихіе отзвуки далекой пѣсни. Въ саженьяхъ ста или двухстахъ подъ нами, въ лѣсной чащѣ, видимо пробирался человѣкъ, шелъ беззаботно распѣвая.

— Верхами идутъ!—неожиданно объявилъ мнѣ Игнатъ.— Не иначе, что объѣзчики! Ну, это свои!—добавилъ онъ уже небрежнымъ тономъ и опять ухарски вскинулъ ружье на плечо.—Идемте.

Мы двинулись въ путь. Но не прошло и получаса, какъ сзади насъ, по узкой каменистой тропѣ зазвонили подковы. Рубецъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой и, какъ осторожный охотникъ, тотчасъ же сошелъ съ дорожки и всталъ за стволъ могучей лиственницы. Я послѣдовалъ его примѣру.

Вдоль обрывистаго горнаго кряжа, по которому пролегалъ нашъ путь къ вершинамъ, показались два всадника. Они ѣхали гусемъ, при чемъ у передняго виднѣлось за спиной ружье, а на головѣ была надѣта форменная фуражка казеннаго лѣсника, которыми охраняются здѣсь «кабинетскія» дачи.

Мужичекъ сторожъ съ рыжей окладистой бородой, плелся шагомъ, безучастно посматривая по сторонамъ. Ѣхавшій за нимъ блондинъ былъ молодой человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, лѣтъ тридцати не болѣе, и по одеждѣ, какъ и по манерѣ держаться на непривычномъ ему сѣдлѣ, показался мнѣ купеческимъ приказчикомъ. Ѣздить верхомъ онъ видимо не привыкъ. Поводья у него болтались на широкой лукѣ киргизскаго сѣдла, а правая нога, вынутая изъ стремена, должно быть, съ привычки затекла и висѣла плетью

Одѣтъ онъ былъ въ вышитую шелковую рубашку и разстегнутый парусиновый пиджакъ, въ суконные русскіе шаровары, заправленные въ высокіе нарядные сапоги съ подборомъ. Щегольской парусиновый же картузь съ широкимъ днищемъ на каркасъ никакъ не могъ обмяться на головѣ и при каждомъ сотрясеніи атлетической фигуры купчика упорно лѣзъ съ затылка на лобъ, закрывая козырькомъ глаза. Купчикъ не вытерпѣлъ наконецъ и снялъ его пухлой рукой.

Потъ съ лица у него валялъ градомъ, глаза щурились, крупный мясстый потъ лоснился отъ загара. Отъ всей фигуры его вѣло здоровьемъ, выносливостью, избыткомъ силы. Несмотря на отсутствіе красоты, лицо его дышало той добродушной улыбкой, которая характеризуетъ несаго русака, слегка застѣнчиваго и увалистаго. Смѣшно было смотрѣть, какъ подъ его богатырской фигурой жалась бѣдная деревенская лошаденка, едва передвигавшая ноги.

Не успѣли проѣзжіе поровниться съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ притаялся мой проводникъ-охотникъ, какъ Рубецъ вдругъ выскочилъ на тропу передъ самой мордой лошади лѣснаго объѣздчика и обѣими руками загородилъ ей дорогу.

— Стой, Пестрякъ... Куда торопишься?—загоготалъ Артюховъ. Я ожидалъ, что лошадь объѣздчика, испуганная неожиданнымъ появленіемъ передъ ней человека, бросится въ сторону, но, къ моему удивленію, она тотчасъ же остановилась, какъ вкопанная. Ей видимо хотѣлось передохнуть хотя малость.

— Охъ, чтобъ тебя, непутевый, блажной!—не сразу отвѣтилъ лѣнникъ, скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ досадой.—И откуда взялся, забубенная твоя головонька? — продолжалъ Пестрякъ уже совершенно пріятельскимъ тономъ.

— Нечего гамить! — строго проговорилъ Рубецъ:—куда плывешь-то? На Шуралингъ ¹⁾ заводъ что ли?

— Ишь какой пряткій! На дворѣ—ночь, а онъ эво-та куда маханулъ... на Шуралингъ!.. На уютѣ заночуемъ...

— У Иконникова ключа?—быстро спросилъ Игнатъ.—Ну, такъ намъ по дорогѣ... И, повернувшись спиной къ объѣздчику, охотникъ обратился ко мнѣ покровительственно:

— Выходите, что ль, господинъ хорошій! Не пужайтесь! Богъ попутчиковъ послалъ...

Пока Пестрякъ и мой проводникъ вели свои діалоги, молодой купчикъ смотрѣлъ на нихъ совершенно равнодушно, видимо насколько не слѣгуя на неожиданную задержку.

— Баринъ... тутъ... со мной... изъ Нижнетурья... охотимся!—объяснялъ между тѣмъ Рубецъ Пестряку небрежно, развязно роняя отдѣльные слова. Онъ продолжалъ стоять предъ головой его

¹⁾ Шуралинскій заводъ на Уралѣ.

лошади, загораживая ей дорогу. Игнатъ совершенно успѣлъ уже освоиться съ новымъ положеніемъ. Вечерніе «страхи» не смущали его болѣе, а встрѣча съ Пестрякомъ, который, какъ мнѣ показалось, не дуракъ былъ выпить, видимо сулила Рубцу самую заманчивую перспективу.

III.

Я выпелъ изъ моей засады какъ разъ предъ купчикомъ, который молча обтиралъ съ лица потъ цвѣтнымъ платкомъ, кряхтя и отдуваясь. Оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, богатырь дружески раскланялся и неожиданно проговорилъ:

— Отченко даже жарко! Сказываютъ, намъ по дорогѣ? Отченко даже пріятно! — Купчикъ кивнулъ головой въ сторону Игната и добавилъ, добродушно улыбаясь:

— Занятный такой... Одначе, будете знакомы: Илья Наумоиъ Сухановъ.—Я назвалъ себя. Сухановъ опять повторилъ:—Отченко даже пріятно,—и спросилъ, видимо недоумѣвая:

— Значитъ, вы въ родѣ какъ бы пѣшкомъ?—Но за меня отвѣчалъ уже Рубецъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Не сумлѣвайтесь! Раньше васъ на Иконниковомъ-то ключѣ будемъ. А «уютъ» тамъ хорошій и почевка—первый сортъ... одно удовольствіе.

— Вотъ что, сваты!—обратился онъ уже повелительно къ Пестряку:—ты купца-то веди въ объѣздъ, гдѣ дорога лучше, а мы напрямикъ пойдемъ... Такъ-то оно складигѣ.

— Ладно ль въ объѣздъ-то будетъ? — усомнился лѣсникъ, но Артюховъ тотчасъ же задалъ на него окрикъ и, свернувъ со мною въ лѣсъ на едва примѣтную «таежную» тропу, крикнулъ объѣздчику вслѣдъ:

— Слышь, Пестрюковъ, пошевеливай! Какъ разъ грозой смочить!..

И когда объѣздчикъ съ купцомъ двинулись въ путь, Игнатъ объявилъ мнѣ таинственно.

— Я ихъ нарочно въ объѣздъ-то послалъ... Намъ напрямки до «ключа» и версты не будетъ. Не люблю я, когда до меня на лѣсной «уютъ» приходятъ...

— Ужъ такая примѣта есть... особливо къ ночи... Ежели да въ «уютъ» войти безъ молитвы небывалому человѣку,—быть бѣдѣ на почевкѣ!—увѣрялъ меня Рубецъ на ходу, широко шагая и то и дѣло перекидывая ружье съ одного плеча на другое.

Дѣйствительно, и получаса не прошло, какъ мы вышли съ нимъ на поляну, гдѣ стоялъ небольшой деревянный сарайчикъ, сколоченный изъ толстыхъ словыхъ бревенъ съ низенькой дверью, но безъ оконъ. Уютъ у Иконникова ключа былъ устроенъ, какъ большинство уральскихъ убѣжищъ, для защиты охотниковъ отъ грозъ

и непогоды—лѣтомъ, а зимой отъ вьюгъ и лѣсного зѣбья. Сарай стоялъ на лужайкѣ подъ однимъ изъ горныхъ уваловъ и былъ прислоненъ къ отвѣсной скалѣ, по-мѣстному «Иконникову камню». Въ ней на высотѣ аршина изъ разсѣлины сочился горный ключъ холодной, прозрачной воды и, сбѣгая въ природномъ ложѣ изъ песчаника, терялся въ густо разросшемся кустарникѣ.

Кругомъ небольшой поляны толпились высокіе кедры и пихты, а надъ «укутомъ» справа, осѣняя его вѣтвями, стройно поднималась вѣковая лиственница. Сарайчикъ издали казался зеленымъ холмомъ—такъ вросли въ землю его деревянные стѣны, обложенные дерномъ. На крышѣ отъ ежегоднаго перегноя образовался толстый слой чернозема, густо заросшій травой и кустами.

Пока я жадно пилъ воду, Рубецъ первымъ вошелъ въ «уютъ», бормоча себѣ подъ носъ какія-то заклинанія. Онъ долго бродилъ тамъ въ темнотѣ, постоянно на что-то натываясь, взвизгивая и ахая... Вдругъ онъ выскочилъ изъ дверей весь блѣдный, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ испуга.

— Спички-то гдѣ у васъ?—пролетѣлъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Ну, оказал!

— Да что случилось?

Но въ эту минуту на полянѣ появился Пестрякъ, ведшій въ поводу обѣихъ лошадей, едва передвигавшихъ ноги. Слѣдомъ за нимъ шелъ Сухановъ увалистой, медленной походкой.

— Инь, ровно медвѣдь валить!—замѣтилъ Рубецъ, понизивъ голосъ.—Совсѣмъ притомилъ животину-то. Да и ты чудакъ, Пестряковина, какъ есть дура. Подъ этакова мужчину быка надо!

Объѣздчикъ молча прошелъ въ уютъ и черезъ минуту вернулся къ намъ съ большимъ войлокомъ. При видѣ его Рубецъ вдругъ всплеснулъ руками:

— Ахъ, чтобъ тебя! Ну, и даль же я маху! Это ты, чортова кукла,—обратился онъ съ сердцемъ къ Пестряку,—въ печь-то его засунулъ?

— Кого?—переспросилъ объѣздчикъ.

— Да войлокъ-то... Догадала тебя нелегкая...

— Ну, такъ что жъ?

— На поди! Уморилъ меня было, да еще спрашиваетъ? Сталъ я въ темнотѣ по печи шарить, а тамъ кто-то лежитъ да шевелится...

— Лѣнака испугался? Ай да охотники!—разсмѣялся Пестрякъ, разстилавшій для насъ войлокъ на полянѣ подлѣ «юта».

Пока объѣздчикъ съ Рубцомъ обсуждали вопросъ, чѣмъ мы будемъ кормиться, Сухановъ неторопливо усѣлся на камень и, снявъ картузъ, задумчиво глядѣлъ въ открывшуюся передъ нами даль, куда уходила фіолетовая гряда каменныхъ отроговъ Урала.

За темной щетиной лѣсовъ, на розовой пеленѣ небосклона медленно угасали послѣдніе лучи заката. Въ тишинѣ вечерняго воздуха, напоеннаго прохладой, ароматомъ смолы и душистой горной полыньки, тихо звенѣла въ зеленой чащѣ невидимая рѣченка, пробираясь съ камня на камень къ болотнымъ низинамъ. Ея говорливая трель и сдержанный протяжный шумъ лѣса, по которому тянуль теперь вѣтерокъ, предвѣстникъ близкой ночи, навѣвали на насъ какую-то сладостную дрему, полузабытье, неотразимо дѣйствуя на душу. Не хотѣлось ни двигаться, ни хлопотать о почлегѣ и ужинѣ, а тянуло сидѣть неподвижно, любуясь тихимъ отблескомъ зари, прислушиваясь къ таинственному лѣсному шепоту.

Суханова, судя по выраженію его лица, охватило такое же настроеніе. Онъ глядѣль въ эту розовую даль въ глубокомъ раздумьи. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Наконецъ онъ обернулся ко мнѣ и проговорилъ тихо:

— Хоро-шо-съ... отченно я люблю здѣшнія мѣста...

— А вы издалека?—спросилъ я, подходя и тоже присаживаясь подлѣ него на камень.

— Мы, то-есть, екатеринбургскіе будемъ... по торговой части... Допрежь того недалече я отъ здѣшнихъ мѣстовъ проживалъ, а теперь, значить... въ отлучкѣ.—Сухановъ помолчалъ и добавилъ:—я вѣдь крестьянскій сынъ и годовъ съ десять тому попросту Илюшкой прозывался... да-съ.

Я посмотрѣль съ любопытствомъ на купчика; простота его рѣчи и неожиданная откровенность меня удивили.

— Ушелъ-съ изъ своихъ-то мѣстовъ тоже не по своей волюшкѣ! Ужъ такой, значить, предѣль мой... Да-съ. Коренные мы, съ отцомъ-то, какъ есть землепашцы были. Анъ, сыну-то пришлось на купеческую линію стать, да и помаялся я съ ней немало!

Сухановъ произнесъ все это сдержанно, какъ будто раздумывая надъ своей судьбой.

Илья говорилъ на «о», той особой скороговоркой, избличающей старообрядца, какими изетари полно Приуралье. Самъ онъ не курилъ, и когда Рубецъ задымилъ своей носогрѣйкой, Сухановъ отвернулся отъ него съ явнымъ презрѣніемъ.

Насколько я замѣтилъ, мой юркій проводникъ почему-то не по нраву пришелся екатеринбургскому богатырю. Илья Наумычъ обращался съ нимъ, какъ съ «мелочью», не заслуживающей вниманія. Напрасно Игнатъ, очевидно, успѣвнѣйшій разузнать отъ Пестряка всѣ подробности относительно купчика, лебезилъ предъ нимъ, предлагая съ своей стороны всевозможныя услуги, въ надеждѣ на хорошую подачку, Сухановъ избѣгалъ съ нимъ разговаривать. Когда навязчивый Рубецъ предложилъ ему «растереть затекшія ноги», Сухановъ не выдержалъ и сурово отрѣзалъ:

— Отвяжись, сдѣлай милость. Словно оводъ присталъ! На что похоже?

Озадаченный Рубецъ убрался, но, разводя костеръ, долго ворчать себѣ подъ носъ. Объяздчикъ Пестрикъ предложилъ намъ изжарить на ужинъ убитую имъ тегерку да пару «рябцевъ», на что мы оба охотно согласились.

— Экое приволье благодатное!—говорилъ мнѣ между тѣмъ Сухановъ, любуясь открывавшеюся передъ нами панорамой.

— Сколько лѣтъ, кажись, въ городѣ маюсъ, а отъ своихъ-то мѣстовъ не могу отвыкнуть! Повѣрьте, иной разъ сномъ приснятся, а не то такая тоска по нимъ западаетъ — терпѣнья не станетъ, моченьки... Въ лавкѣ ль сижу, пойду ли въ гранильню,—тамъ у меня мастеровъ человѣкъ съ двадцать,—и на людяхъ-то отъ душпекъ нѣтъ покоя! Все бы это, кажись, бросилъ, опять бы куда ушелъ и новое бы дѣло какое ни на есть наладилъ.

— Какое же дѣло?—полюбопытствовалъ я.

— Ахъ, Боже мой!—оживился Сухановъ.—Ничего не могу сказать точно... какое именно дѣло... Однако изъ ума не идетъ у меня эта самая думушка.

И, помолчавъ съ минуту, богатырь обратился ко мнѣ съ нескрываемымъ волненіемъ, видимо надѣясь, что я разрѣшу томившее его сомнѣніе.

— Ну, скажите на милость... По всѣмъ видимостямъ человѣкъ вы ученый, а я всеконечно человѣкъ «темный», скрываться отъ васъ не могу... Грамотѣ съ трудомъ научился, да и тому пяти годовъ не будетъ. Объясните вы мнѣ, что это за болѣсть такая? Не иначе что болѣсть! Какое дѣло ни заведу, проработаю годъ, два, не лежить у меня къ нему душа, да и только... Все, будто, «не то» выходитъ. Такъ учеть представляться, будто у пустяковъ ходишь, а хотѣлось бы дѣла настоящаго, серьезнаго... И учеть меня раздумье брать такое, что хоть пропадать въ ту пору. Что за оказія? Болѣсть это что ли во мнѣ какая, али такъ, просто, «съ глазу»?

IV.

Сухановъ поднялся, уронилъ картузъ на траву и, видимо не замѣчая его, медленно зашагалъ по зеленой полянѣ. Я глядѣлъ на его широкія плечи, на огромную спину и руки, на этотъ могучій ростъ здороваго, полнаго жизни человѣка, и при слабомъ отблескѣ костра, въ густѣющихъ сумеркахъ, мнѣ невольно вспоминалась давно минувшая эпоха, когда родная Русь, полуязыческая, полухристианская, растила могучее племя богатырей, не знавшихъ, куда дѣвать обуревавшую ихъ силушку... Мерещились мнѣ безконечныя степи подъ Кіевомъ, берега синяго Дона, сплошныя хмурые лѣса новгородскіе, и вездѣ по нимъ бродилъ русскій человѣкъ, выскивая «себѣ дѣла богатырскаго», «боя честнаго», «супротивника по плечу», «дружинѣ богачества, а князю славы».

— Не съ кѣмъ намъ своей силою помѣриться!— тосковали много позднѣе русскіе молодцы - унѣиунички, всѣ эти «вольные атаманы», уходившіе изъ Московскаго государства на широкій волжскій просторъ, въ неизвѣстную глушь Сибири. Силушка могучая, жажда вольной волошки тянула, какъ и въ старину, новыхъ «богатырей», начиная отъ Кудеяра, Ърмака и Стеньки Разина, вплоть до Пугачева, поднимавшаго за собой цѣлыя орды людей, не знавшихъ, куда дѣвать себя, чѣмъ унять расхолоднуюющуюся кровь широкой русской натуры... И она жива еще, эта сила, на Русси, только цѣли и средства ея примѣненія стали теперь иными.

Чѣмъ дальше я всматривался въ Илью Суханова, тѣмъ ярче сквозилъ въ немъ его прототипъ—былой богатырь Илья Муромецъ, Грузно ступая, Илья ходилъ передо мною, какъ скованный тяжелымъ бременемъ давившей его силы, тоже раввавшейся на просторъ и какъ будто не находившей себѣ исхода. А между тѣмъ трудно было допустить, чтобы такому человѣку, полному энергій, жажды дѣла, не находилось на родинѣ желаннаго примѣненія. Я высказалъ мою мысль богатырю; онъ тотчасъ же встрепенулся.

— По совѣсти скажу, здоровьемъ и силушкой меня Богъ не обезсудилъ!—отвѣчалъ мнѣ Сухановъ, при чемъ грудь его дышала, какъ кузнечный мѣхъ, а ноги, ступая по мягкой травѣ, плотно утрамбовывали ее въ землю.

— Еще мальченкой меня вчетверомъ ребята одолѣть не могли.. Потомъ, какъ подростъ, стало меня тянуть въ дальніе края, по смотрѣть, гдѣ какъ люди живутъ. Я и размякну... Анъ, вышелъ такой стихъ, что тятенька меня безъ дальняго разговора по шеѣ—трахъ: «въ работу, говорить, Илья, съ Богомъ!»

— Позвольте,—изумился я,—развѣ вы что нибудь сдѣлали? Провинились?

— Ничего я не сдѣлалъ, а попросту ему надоѣлъ. Хорошо-съ. Въ здѣшнихъ-то нашихъ мѣстахъ мужички почти всѣ «клады» копаютъ. Не то, что заправданніе клады, а, попросту сказать, «шурфуютъ»¹⁾, сибирскіе камни ищутъ... Чать, вы и сами знаете? «Тяжеловѣсы»²⁾, бриилы, изумруды, рубины попадаются...

— И много добываютъ?

— Иному такое счастье выпадетъ, что не одинъ мѣшокъ наскребетъ... Хоша скупщикъ у него сырецъ перекупить и продасть вдвое дороже, а все-таки шурфовщикъ, который умѣлый, въ ба-рышахъ...

— Насъ тогда у отца только двое и было: Ванюшка да Ильюшка, и обоимъ завсегда подзатылины. Строгъ у насъ отецъ-то, не дай Богъ... А мамынька, хоша насъ и любила, слова молвить не могли

¹⁾ Шурфовать—копать шахты, разрабатывать россыпи.

²⁾ Тяжеловѣсы -сибирскіе бриллианты.

Когда Наумъ Прохоровъ осерчасть, — мамынька только плачетъ, а заступиться за насъ и думать не смѣй! Ванюшку-то въ солдаты взяли, угнали въ Варшаву, онъ тамъ въ госпиталѣ и померъ.

— Какъ четырнадцатый годъ мнѣ пошелъ, батька трешницу досталъ да и объявилъ: «ты, говоритъ, такой сякой, не ублюдкомъ вышелъ, а болтаться-то зря, говоритъ, нечего! Люди шурфуютъ, и ты ступай. Да поровни такъ, чтобы на трешницу мово родительскаго капиталу тебѣ другую нажить, понялъ? И что дальше, то больше — ну, въ люди и выйдешь... На насъ же, говоритъ, со старухой не надѣйся».

— Послалъ меня дорогіе камни скупать. Бился я, бился, да спервоначала-то дѣло и проворонилъ. Купилъ на трешницу вмѣсто тяжеловѣсовъ стекла; народъ-то у насъ бѣдовый — надули! Тутъ и началась моя наука. Намялъ мнѣ бока отецъ по-свойски, еще трешницу далъ, да изъ дому и выгналъ. «Не смѣй, говоритъ, приходитъ, пока въ дуракахъ живешь». Да вмѣсто отцова-то благословенія на прощанье по загривку съѣздилъ.

Я только молча развелъ руками.

— Известно-съ — необразование. Однако, съ той поры дѣла у меня пошли много сходиѣе. Сталъ съ барышемъ покупать, а черезъ три года пятьсотъ рублей нажилъ. Тятенкѣ трешницу снесъ обратно и на повинности всѣ сполна, а мамынкѣ шаль подарилъ прелестную-съ. Брата Ивана тогда уже въ живѣхъ не было! — Сухановъ вздохнулъ и на минуту задумался.

— Тутъ на меня впервые и раздумье нашло: domeкаю, что за полѣны весь товаръ мой пропадаетъ. Вижу, дѣло мое «стынетъ» ¹⁾, и надумалъ я въ шлифовщики стать — поучиться самому камень шлифовать. Тогда ему и цѣна совсѣмъ другая, не за «слѣпой камень» ²⁾ берешь, а по карату. Такъ поступилъ я на гранильную фабрику въ подмастерье.

— Восемнадцать годовъ тогда мнѣ было, а изъ себя-то я, видите, каковъ? А тамъ, по заводамъ, въ подмастерьяхъ больше мальченки живутъ, и очень надо мною товарищи насмѣхались. Всю науку я тогда почувствовалъ — лупили меня мастера ремнемъ не жалѣючи! Въ двадцать годовъ я ужъ самъ мастеромъ ходилъ и жалованье получалъ хорошее. За брилліантову грань очень меня хозяинъ полюбилъ и жалованье прибавить сулилъ, да я не остался.

— Почему же? — изумился я.

— Опять раздумье взяло... Мочи нѣтъ, ровно сглазилъ кто. Надумалъ я самому дѣло новости, да и махнулъ въ Екатеринбургъ. Деньжонки-то у меня, признаться, тогда порядочныя были: тысячи три цѣлковыхъ. Въ Екатеринбургѣ подобралъ я себѣ двухъ масте-

¹⁾ Сибирское выраженіе, значитъ «перестаетъ интересоваться».

²⁾ Слѣпой камень — сырецъ, не отдѣланный.

ровъ и принялся самъ скупать камни, шлифовать; съ купцами торгъ завелъ безъ перекупки. Слава тебѣ, Господи, Бога гнѣвить не могу, торговля не плохая... Думаю, домъ въ городѣ-то купить и хозяйствомъ обзавестись въ полную... Гадаю ужъ давно, да все не выходитъ...

— Зачѣмъ же дѣло стало?—полюбопытствовалъ я.—Человѣкъ вы молодой, самъ хозяинъ, значить, и самъ себѣ голова...

— Какъ есть въ самую центру попали!—отзывается Сухановъ и, подперевъ руками бока, останавливается передо мной, встряхнувъ русыми кудрями.

— Тутъ-то вся и заковырка: выходитъ такъ, что не самъ я себѣ голова при родителяхъ-то! Пронюхалъ старикъ мой, что въ Екатеринбургѣ я хорошо приустроился, и найди на него блажь. Предъ самой Пасхой не высылаетъ мнѣ паспортъ, да и basta! Наказалъ съ землякомъ пріѣзжать къ нему безпремѣнно. Что тутъ дѣлать? Въ городѣ дѣло налажено, мастера живутъ, торговля... Вросай все, въ деревню тащись! Собрался я, поѣхалъ...

— «Мнѣ, говоритъ, одному со старухой не управиться! Безпремѣнно долженъ ты съ нами «страду» справлять»¹⁾.

— Волкомъ взвылъ я въ ту пору! За пять-то годовъ поотвыкъ оченно отъ хрестьянской работы. Силушки много, да гнуться не въ моготу стало; просто затормошился! Старики-то моц до зари встануть и въ поле: косятъ, жнутъ, вяжутъ... Развѣ за ними утонишься? И половинны не наконю супротивъ ихъ, а измучусь вдосталь. Вижу, не сдобровать мнѣ—спины не разогну, наконецъ взмолился:

— Отпустите вы меня, говорю, ради Бога! Все равно, я вамъ не работникъ, сами, чать, видите? Лучше наймите подходящаго человѣка, а я исполна заплачу. Просто на стѣны отецъ-то полѣзъ:

— «Моженъ ли ты, говоритъ, Плюшка, изъ моей власти выйтить? А? Нѣтъ тебѣ паспорта, коли такъ, безъ моего согласенія!»

— Ну, и намаялся я тутъ со старикомъ-то. Едва ужъ мы съ маминькой его уломали. Самъ видитъ, что сподручибе работника взять, а все кобенится.

— «Черезъ меня, говоритъ, ты въ люди вышелъ и долженъ это завсегда чувствовать!» Одначе отпустилъ, хоша на прощанье потрясъ за загривокъ.

— «Большого-то форсу, говоритъ, не заводи, почитай родителя—во какъ; а по зимѣ я къ тебѣ безпремѣнно наѣду».

— Вотъ-съ, какова темнота-то по деревнямъ въ напихъ мѣстахъ! Выгоды своей человѣкъ сразу понять не можетъ! Много въ ту пору дивовался я на прежнюю свою жизнь: и отца-то съ матерью жаль, и самому не въ моготу оставаться... Вернулся я къ себѣ въ городъ, опять на меня тоска навалилась! Ночи не силу беретъ раздумье...

¹⁾ Страда — лѣтнія полевые работы.

V.

Илья Наумовичъ умолкъ и, отирая платкомъ лобъ, снова присѣлъ на камень. У лѣснаго «уюта», въ густѣющемъ сумракѣ ночи, все ярче и ярче разгорался костеръ, разведенный Пестрюковымъ. Старикъ давно копошился надъ огнемъ, гдѣ жарилась на шомполахъ дичь, и гигантская тѣнь, поднимаясь сзади объѣзчика, тянулась по луговинѣ, вздрагивая при каждомъ его движеніи.

Хитрый Рубецъ сидѣлъ себѣ въ сторонѣ, попыхивая трубкой и, видимо, не безъ ироніи прислушиваясь къ нашему разговору. Спутанныя лошади темными силуэтами видѣлись на противоположномъ концѣ поляны; ночная мгла уже скрывала окрестности. Съ востока вдругъ потянулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, и на край синяго неба неслышно надвинулась темная, тяжелая туча. Она какъ будто давила воздухъ своимъ свинцовымъ покровомъ, и все труднѣе становилось дышать отъ скопившагося въ атмосферѣ электричества.

— Быть грозѣ!—проговорилъ Сухановъ, какъ будто очнувшись, и торопливо взглянулъ на небо.—То-то съ утра еще нудить меня стало... Моченьки нѣтъ, такъ по всѣмъ суставамъ ломота и ходить: видно, кровь застоилась?

— А не закусить ли намъ?—обратился онъ ко мнѣ вдругъ, указывая рукой на жарившуюся дичь. Какъ бы... того... не ровень часть, дождемъ не прохватило?..

Мы подошли къ огню и усѣлись на мягкомъ войлокѣ. Объѣзчикъ дорожнымъ ножомъ рознялъ тетерку и подалъ намъ на деревянномъ кружкѣ съ большими ломтями чернаго хлѣба, густо посыпаннаго солью. Сухановъ перекрестился двумя перстами. Онъ ѣлъ не спѣша и все время сосредоточенно глядѣлъ на огонь ярко пылавшаго костра, изрѣдка моргая, попрежнему поглощенный своими думами.

Расторопный Пестрякъ, одѣливъ насъ тетеркой, принялся за «рябцовъ», какъ онъ выражался; а Игнатъ, крайне недовольный старообрядцемъ, которому не удалось ему подслужиться, дулся на всѣхъ и только изрѣдка окидывалъ меня исподлобья сердитымъ взглядомъ.

Я наблюдалъ Суханова, и мнѣ думалось въ эту минуту, что вотъ она — та «непочатая сила» вольной Руси, которой принадлежитъ будущее... Только нѣтъ этой силѣ еще примѣненія, и дремлетъ она, и мается въ темнотѣ убогаго невѣжества, инстинктомъ порываясь къ свѣту, къ какому-то «особому» дѣлу, къ смуглой, еще неразгаданной цѣли...

Все было необыкновенно типично въ этомъ «хрестьянскомъ сынѣ» — слабограмотномъ, но вдумчивомъ и любознательномъ, какъ большинство самородковъ, начиная съ Ломоносова. Несмотря на

«громоздкость» и «увальность» фигуры уральскаго богатыря, на явную медлительность его соображенія, чувствовалось, однако, что онъ потому только «на землѣ сидитъ», что съ нею у него, какъ у легендарныхъ русскихъ витязей, существуетъ «великая связь». Но разъ онъ «встанетъ да пойдетъ, то полъ-свѣта обойдетъ».

Я перевелъ глаза на моего охотника, Игната Аргухова, на его тщедушную, но самодовольную фигуру, и контрастъ съ Сухановымъ, «дѣтищемъ земли», получился еще сильнѣе, еще рельефнѣе. Предо мной сидѣлъ тоже «русскій человѣкъ», несомнѣнный представитель того «фабричнаго» поколѣнія, которое здѣсь, какъ и вездѣ, успѣло измельчать и выродиться подъ вліяніемъ заводской цивилизаціи. И это въ какія нибудь полтора, два столѣтія существованія на Уралѣ горной промышленности!

Рубецъ, несмотря на свои относительно молодые годы, казался испитымъ, дряблымъ, помятымъ жизнью человѣкомъ и представлялъ яркій типъ «безпеченника», какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи даже пожилой объѣздчикъ Пестрякъ, вышедшій изъ государственныхъ крестьянъ, имѣлъ предъ нимъ всѣ преимущества. Онъ былъ бодрѣе, привѣтливѣе и казался вполнѣ здоровымъ; не смотрѣлъ на насъ, какъ затравленный звѣрь, то дерзкій и наглый, то жалкій, трусливый, смотря по перевѣсу силъ противника, какъ это ясно сквозило во всѣхъ движеніяхъ Рубца, «кладонскателя» и «охотничка».

Пестряковъ, какъ лѣсникъ, имѣлъ «почву» подъ ногами. Будучи объѣздчикомъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ, онъ чувствовалъ, такъ сказать, «легальность» своего положенія и потому держалъ себя степенно и съ достоинствомъ. Рубецъ велъ себя, глядя по обстоятельствамъ—по компаніи, какъ онъ самъ сознавался, и, бывая въ разныхъ передрягахъ, твердо придерживался пословицы: «Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ».

Наблюдая выраженіе его хитрыхъ глазъ, я былъ увѣренъ, что мое присутствіе связывало ему руки. Не будь меня, Игнатка навѣрняка прикинулся бы «столовѣромъ», крестился бы «двуперстиемъ», ни разу не закурилъ бы носогрѣйки, смиренничая въ надеждѣ «обойти» купчика. Только подлый запахъ тютюна одинъ могъ его выдать.

И это былъ представитель того же «крестьянства», только выросшаго не на «землѣ», а на «заводахъ», успѣвшій уже промотать свою природную силушку, научившись класть свою честь на проруху... А Илья Наумовъ Сухановъ шутя пробирался черезъ десять вѣковъ и вышелъ невредимо изъ невзгодъ и борьбы все тѣмъ же «богатыремъ», какимъ природа создала его пращура Кіевского періода, современника не менѣе легендарнаго князя «Володимира Красное Солнышко»... Но удивительнѣе всего, что онъ сумѣлъ пронести черезъ эту тысячу лѣтъ не только свою силушку могучую, съ бо-

гатырскимъ здоровьемъ и тѣлосложеніемъ, но сохранилъ свою симпатичную прямогу безхитростнаго міросозерцанія.

Едва мы успѣли поужинать, какъ вдругъ издали донеслись до насъ глухіе раскаты грома. Минуть черезъ пять пошелъ дождь; пришлось забираться въ сарай, куда первымъ юркнулъ Рубецъ, громко бранившій насъ, что мы своевременно не оцѣнили его предсказаній. Пестрякъ успѣшилъ развести огонь въ полуразвалившейся печкѣ «уютя» и натаскать хвороста внутрь сарая, гдѣ намъ предстояло провести ночь, если дождь не разойдется и не заставит сидѣть цѣлыя сутки. Сюда же были принесены ружья, сѣдла и весь дорожный скарбъ Пестряка, вѣрнѣе его охотничья сумка и мѣшокъ съ хлѣбомъ. Лошадей спутали; бѣдныя животныя, почувявъ близость грозы, сами спѣшили укрыться подъ вѣтвистый навѣсъ лиственницъ.

Не прошло и четверти часа, какъ крупныя капли дождя зашипѣли, падая въ догоравшій костеръ; раздался громовой ударъ, и, на сколько было видно въ окно, яркая молнія вспыхнула, мгновенно освѣтивъ лѣсную поляну. Въ ту же минуту дождь полилъ ливнемъ, какъ изъ ведра, а удары грома становились все чаще и чаще.

Несмотря на грозу, прервавшую нашъ разговоръ, бесѣда скоро возобновилась. Въ «уютѣ» было тепло. Огонь привѣтно грѣлъ насъ, освѣщая бревенчатыя стѣны съ деревянными нарами, на которыхъ мы улеглись съ Сухановымъ. Рубецъ залѣзъ на палаты и все время кряхтѣлъ тамъ, ворочаясь съ боку на бокъ. Старикъ объѣздики, не привыкшій сидѣть безъ дѣла, подбрасывалъ хворостъ въ огонь, тревожно прислушиваясь къ грозовому ливню. Пестряка видимо смущали лошади, и было уже за полночь, когда онъ, несмотря на ливень, выбѣгалъ посмотрѣть, что съ ними дѣлается. Мнѣ было жаль старика, а безучастное отношеніе Рубца насъ обоимъ бѣсило. Илья Наумовъ прилегъ было на минуту, но скоро опять сѣлъ и, упорно глядя на огонь, къ которому его такъ и тянуло, какъ ребенка, возобновилъ свои разсужденія.

— Да, не забуду я этой деревенской побывки... Что говорить! Облютѣлъ тогда отецъ—мѣры нѣтъ. А какъ зимой ко мнѣ въ городъ припожаловалъ да посмотрѣлъ на мое житье-бытье, просто рехнулся старикъ: ѣсть поѣдомъ съ утра до ночи...

— «Ишь ты, говоритъ, какъ здѣсь живешь, Илюша? Совсѣмъ въ купцы вышелъ? Работники-то тебя «хозяиномъ» величаютъ, и скотина у тебя есть—пара лошадей да корова. Все доглядѣлъ! А я въ ту пору санки себѣ на городской манеръ справилъ, лошадокъ купилъ и сѣномъ запасся. Фатера у меня въ городѣ хорошая: чистота, просторъ. И гранильщики подобрался народъ смышленный и тихій. Завидно, вишь, отцу стало на мое обзаведеніе; ѣсть меня и все поровить съ заковыркой:

— «Ты смотри, говоритъ, Илюшка, на купецкій манеръ не ладь! Жлиота-то у меня не отращивай! Я тебѣ живымъ манеромъ спесь-то

выбью. Да гляди, еще оженишься тутъ безъ отцова благословенія? Ась? Мѣщанку расейскую за себя возьмешь—и думать не моги. Потому намъ въ полѣ работница нужна... Мать совѣмъ стала немощной сосудъ, ей одной не подѣ силу!»

— Просто изморомъ извелъ меня, ей-Богу! Съ мѣсяцъ, али больше выжилъ. Взялъ деньгами на избу двѣ сотни, лошадь одну отъежомъ отнялъ, да на своей-то чалой такой возъ сѣна увезъ, что другому и на двухъ подводахъ поднять впору.

— «Кормы-то, говоритъ, у насъ, сынокъ, плохіе, а денегъ-то у тебя много, не обнищаешь!» Хитрый старикъ: у самого, какъ я на побывкѣ-то былъ въ деревнѣ, три омета стараго сѣна стояло—лѣто-годняшнихъ. Ну, да Богъ съ нимъ! Одного мнѣ только жаль, что онъ лошадь взялъ: пару разстроилъ.

— А сколько вамъ лѣтъ тогда было? — улынулся я, взглянувъ на Суханова.

— Да двадцать третій мнѣ пошелъ, аль двадцать четвертій... Какъ онъ уѣхалъ,—опять меня тоской прихватило. Понять не могу, что такое; нудитъ пуще прежняго, а какъ приляжусь къ своему дѣлу,—ничего не тѣшить!—Сухановъ обхватилъ руками колѣна, усталыми глазами на огонь и продолжалъ, вполнѣ искренно недоумѣвая:

— Работа шла въ томъ году хорошо; большіе барыши были. И шлифовкой дѣла задались на удивленіе! Мастера на подборъ хорошіе, въ товарѣ почти изъяна не было... Иной разъ такая бываетъ незадача, что за камень дорогія денги отдашь, а въ шлифовкѣ его мастеръ испортитъ. Тогда все шло на удачу. Одна бѣда: беретъ меня тоска, а отъ нея—раздумье... Не пойму, что такое? Спать ляжешь—въ голову невѣсть что лѣзетъ,—всю ночь глазъ не сомкнешь. Начнешь эту канитель съ купцами перебирать — тотъ обжулить норовитъ, этотъ обмѣрить, товаръ твой охантъ, каратомъ сплутовать.... Ни на грошъ ни въ комъ совѣсти не осталось, просто бѣда! Повѣрите, такъ я загрустилъ, что хоть дѣло свое бросить въ пору.

VI.

Лицо Суханова становилось все задумчивѣе и серьезнѣе. Онъ сидѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ «юта», упершись широкими ладонями въ колѣни. Обѣздчикъ Пестрякъ, прикурнувшій у печи, слушалъ насъ съ живымъ любопытствомъ. Рубецъ на полатахъ притворился спящимъ. Благодаря дерновому насту на крышѣ, сильный дождь падалъ неслышно, и только глухой шумъ на полянѣ да яркія вспышки молніи съ рѣдкими громовыми раскатами напоминали намъ о грозѣ и ливнѣ. Сухановъ вдругъ оздачилъ меня неожиданнымъ вопросомъ:

— Вы какъ полагаете? А по моему разумѣнью при торговомъ дѣлѣ человѣку по совѣсти прожить невозможно?

— Почему такъ, Илья Наумичъ?

— Потому, какъ они сами говорятъ: «не обманешь—не продашь»... И безпремѣнно прижать норовятъ! Да развѣ это по-божески выходитъ, по правдѣ?—Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Признаться, прогнвно мнѣ стало съ «перекупщиками» валандаться. Надумалъ я тогда самому съ товаромъ на ярмонку махануть, въ Нижній. Поудивилъ пріятелей... Спервоначала думали—шутить; аиъ, нѣтъ, въ августѣ и уѣхалъ. Раньше-то, окромя Екатеринбурга, я нигдѣ не бывалъ... Обрадовался словно ребенокъ.

— Не подумайте, что изъ-за корысти какой, а просто надоѣло мнѣ слѣпымъ сидѣть. Товаръ подбираешь хорошій. Другой-то разъ изъ-за рѣдкаго камня любительски такую муку примешь, бѣда! Аквамаринъ, наиримѣръ, брилліантовой гранью завсегда я самъ шлифовалъ. А тутъ попадетъ скушникъ — лодарь, рѣдко когда свое дѣло понимающій, и учнетъ твой товаръ перебирать да хаять... Оченно мнѣ даже это обидно завсегда было. Вотъ я и рѣшилъ самому въ Нижній сълѣзть: свой товаръ показать, людей посмотрѣть. Потянуло меня на чужую сторонушку—и тоску мою, словно рукой, сняло!

Сухановъ поднялъ голову и, взглянувъ на меня, какъ-то радостно улыбнулся. Оживленіе сказывалось и въ его голосѣ и въ ярко блестящихъ, широко раскрытыхъ глазахъ.

— Въ Перми-то, на Камѣ, какъ увидаль я въ первый разъ пароходы огромные, прямо таки ума рѣшился! День денской съ палубы не сойду; все гляжу, не нагляжусь на эту милую игрушку... Кругомъ мѣста пошли привольныя, конца имъ нѣтъ! А ужъ какъ на Волгу-матушку сплыли, то-то я возрадовался. Вотъ раздолье-то гдѣ, вотъ веселье! Пароходы снуютъ одинъ за однимъ; баржи, бѣляны идутъ, вездѣ народомъ полнехонько. И народъ-то все веселый, прибаутчикъ, гораздъ пѣсни пѣть.

— Особливо артелью складно поютъ... нагрузчики. На пристаняхъ-то въ Казани, въ Козьмодемьянскомъ, заслушаться можно! «Ермака», кажись, вѣкъ бы слушалъ... наплачешься, право! Да, приволжскій народъ, правду сказать, не намъ чета. Сиднемъ сидючи по берлогамъ, въ дремучемъ лѣсу, у насъ темный народъ, сѣрый, угрюмый... Спервоначала — все въ диковинку было. На казанской-то пристани, пока пароходъ стоялъ, я въ городъ скиталъ: первый разъ Освободителю-Царю намитникъ видѣлъ. Диковина!

— Познакомился я дорогой-то съ старичкомъ однимъ; хоша и не нашей вѣры, а человѣкъ оказался хорошій, обстоятельный. Онъ меня въ Нижнемъ и приустроилъ и на ярмонкѣ всѣ ходы тогда показалъ. Спасибо ему, тысячи дѣвъ я на товаръ нажилъ.

— Не даромъ васъ, значить, на просторъ ткнуло?—сказалъ я улыбаясь.

— Воистину-съ такъ!—согласился онъ съ какимъ-то дѣтскимъ прямодушіемъ.

— Вотъ они дѣла-то какія! Ровно съ глазъ слѣпота спала: что по нашимъ мѣстамъ полтина, то тутъ въ два рубля ходитъ. Что у насъ «безъ цѣны», осколкомъ считается, здѣсь, на ярмонкѣ, на «карать» идетъ. Шутка ли? Просто, вѣрите ли, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Долго я съ той поры самъ на себя дивился: какъ это люди но своимъ захолюстьямъ сидятъ, на Божій свѣтъ выгянуть боятся?

— Что же вамъ особенно понравилось въ Нижнемъ?—спросилъ я Суханова.—Самъ городъ, ярмарка или Волга?

— Какъ вамъ сказать? По совѣсти и не знаю, что лучше? Очень даже все хорошо! Особливо рѣка: пароходы на ней, баржи, караваны. Красиво! И народъ - то все такой бойкій, смышленный. Дѣла дѣлаетъ не шуточные. Просто, вѣрите ли, въ глазахъ зарыбило. И такъ одно дѣльце меня околпачило, что даже и вспоминать совѣстно.

Илья Наумовичъ смущенно взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Признаться вамъ... Съ барышами-то, на радостяхъ, я тогда «на низъ» сплылъ, до самой до Астрахани. Все равно, думаю, мнѣ по дорогѣ... Все тотъ же старичекъ присовѣтовалъ.

— «Проѣзжайтесь, говоритъ, себя «образуйте». Какъ вамъ, говоритъ, купцомъ стать, ничего не издавши? Назадъ-то, домой, можно и по чугунскѣ вернуться».

— Такъ я и сдѣлалъ. Теперь сами посудите: каково это, ни гдѣ не бывавши, въ самый, что ни есть, омутъ попасть? Какъ побѣждалъ я «на низъ» Самолетомъ, пароходъ трехъэтажный, съ полъ-деревни длиной, двѣ трубы, пытитъ, свиститъ, а самъ такъ и чешетъ—моченьки моей не стало! Мѣста кругомъ развеселыя; просторъ, широта—не надышишься. Но пристанямъ вездѣ работа кипитъ. Товару горы навалены!

— Къ «низовьямъ»-то азіатецъ пошелъ: татарва, персіанецъ, армяне... И всѣ торгъ свой особливый ведутъ, у каждаго своя сноровка. А всѣ у пароходчика въ кулакѣ сидятъ — потому онъ сила!

Илья Наумичъ вздохнулъ и помолчавъ добавилъ:

— Теперь-то и вспомнить смѣшно, какъ меня тогда это пароходное дѣло присушило. Только и бредилъ, какъ бы свой «Самолетъ» завести.

— Много ли ему, спрашиваю, цѣна-то?

— Тысячъ, баютъ, двѣсти, не меньше.

— Ахъ, будь ты неладенъ! Такъ я и заскулилъ.. Ну, думаю, Илья, не нашего дѣла чета, не по рылу, выходитъ, похлебка.

— Вѣрите ли, едва тогда домой добрался, и хоша барышни хороше приишлись, а на свое-то дѣло и смотрѣть не хочется. До того полюбилась мнѣ жизнь на могучей рѣкѣ, что съ тѣхъ поръ который уже годъ самъ я по всему Поволжью съ товарищемъ ѣзжу.

— Да что!—проговорилъ Сухановъ, порывисто поднимаясь съ наръ.—Вѣда мнѣ съ моимъ сердцемъ! Нѣтъ мнѣ съ нимъ сладу... Полюбилась волюшка-раздолье, потянуло меня самъ не знаю куда, хоша на край свѣта! Только и радости, какъ весна подойдетъ. Всю-то силушку, что на зиму накоплю, что меня тоской къ землѣ гнететъ, по чужимъ мѣстамъ размыкаю. Видно, такъ мнѣ на роду написано...

Илья Наумовичъ прошелся по «уюту», разминая плечи, грудь и чудовыя руки, въ которыхъ по его увѣренію «застоялась кровь» отъ «спокоя». Дремавшій Пестрякъ встрепенулся тоже; пристально вглядываясь въ богатыря, онъ видимо чувствовалъ предъ нимъ благоговѣйный трепетъ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за выраженіемъ лица Суханова. Онъ сноваль по уюту, весь охваченный своими думами. Старикъ объѣздчикъ приподнялся на колѣняхъ и вдругъ проговорилъ откашлявшись:

— Эхъ, вана милость! Всю-то душеньку ты мнѣ разворочалъ! Самъ я тоже изъ заволжскихъ мѣстовъ, въ молодцахъ ходилъ на рыбномъ караванѣ у кунца Безпалова годовъ пять аль больше. Нѣтъ лучше той жизни, что на рѣкѣ! Вспомнишь о ней въ нашихъ хмурыхъ мѣстахъ, не въ могогу станеть, какъ предъ истиннымъ Богомъ. Сколько муки я здѣсь въ лѣсахъ принялъ — бѣда! Ушелъ бы, кажись, безъ оглядки, да мое дѣло не ваше. Съ бабой да дѣтворой далеко не ускачешь...

— Ну, вотъ, вотъ!—тоскливо отозвался Сухановъ.—Въ самую центру попалъ, любезный! Отъ жены да дѣтей ходу нѣту.

— А развѣ вы женаты?—спросилъ я Илью Наумовича.

— Второй годъ пошелъ, какъ законъ совершилъ!—отвѣчалъ онъ какъ-то растерянно.—Стихъ такой подошелъ... Мы хоша и по старой вѣрѣ живемъ, а у попа вѣнчаны. И дѣтеночекъ у меня уже махонькій есть... Весь въ батьку моего вышелъ—году нѣтъ, а кулаченки-то такъ и суетъ мнѣ въ рыло. Одначе не пора ли ко сну?—спохватился онъ вдругъ и, снявъ съ себя парусиновый пиджакъ и сапоги, взобрался на нары, которыя гнулись и трещали подъ массивомъ его громоздкаго тѣла.

Огонь на загнѣткѣ медленно угасалъ, слабо вспыхивая въ кучѣ образовавшагося угля, уже подернутаго слоемъ сѣраго пепла. Въ уютѣ воцарилась тишина. За окномъ не слышно было раскатовъ грома; гроза пронеслась, и дождь прекратился. Разговоръ болѣе не возобновлялся, но я долго еще не могъ заснуть подъ вздохи и крихтѣніе старика объѣздника и подъ богатырскій храпъ Ильи Суханова.

VII.

На другой день мы проснулись рано.

Яркое солнце только что всплыло надъ синей грядою горныхъ хребтовъ, бросая золотыя пятна на зелень далекаго бора, на желтыя кремнистыя ребра утесовъ. Прорѣзанный его лучами, голубоватый туманъ, скопившійся за ночь въ низинахъ, медленно таялъ. Утренній вѣтерокъ весело шелестѣлъ листвою, и наша полянка, омытая дождемъ, блестѣла, какъ налакированная. Кедръ и лиственницы, ель и сосна, искрились мириадами брилліантовъ, переливая капли дождя, нависшія на ихъ зеленыхъ иглахъ. Кусты черемухи, жимолости и дикаго малинника, при каждомъ дуновеніи вѣтра роняли крупныя дождевыя перлы, какъ драгоценныя тяжеловѣсы чистѣйшей воды, сказочной игры и блеска.

Желтый настъ хвои, мокрый и блестящій, переливалъ всеми цвѣтами радуги, то сверкая, какъ изумрудъ, то искрясь рубиномъ. Въ голубой синевѣ неба прозрачной и чистой черными точками парили коршуны, выслѣживая съ высоты добычу. Въ лѣсной чащѣ курлыкала горная курочка, отрывисто кричалъ косачъ, распѣвала въ кустахъ разная птичья мелкота, гудѣли имели и пчелы. Природа дышала свѣжестью и прохладой, лѣтнее утро разгоралось все ярче и ярче.

Объѣздчикъ Пестрякъ давно засѣдлалъ лошадей. Рубецъ, лѣниво зѣвая, обертывалъ тряпкой стволъ своего ружья, чтобы не «отсырѣло», какъ смѣялся надъ нимъ Сухановъ. Мой новый знакомый пробирался на Нижне-Туринскій заводъ, и такъ какъ охотиться намъ было безразлично въ какой сторонѣ, то я и рѣшилъ проводить Илью Наумова до ближайшихъ уваловъ. Рубецъ, разумѣется, протестовалъ, принимался спорить со мной, какъ всегда, доказывая, что сворачивать въ сторону намъ не рука, и т. п.

— Хотѣли на Курдюмовку итти, а теперь вона куда пожрнули! Ни съ чѣмъ не сообразно! Даромъ-то ноги бить тоже никому не охота...

Но я настоялъ на своемъ. Сухановъ перекрестился широкимъ «истовымъ» крестомъ, надѣлъ на голову злополучный картузъ и объявилъ объѣздчику, что пойдетъ пѣшкомъ, такъ какъ желаетъ «размяться». Пестрякъ, сидѣвшій уже верхомъ, передалъ другую лошадь Игнату, на которую Рубецъ, очень довольный, тотчасъ же взобрался, не преминувъ, однако, проворчать съ притворной досадою: «Н-ну... и характеръ!» Объѣздчикъ тронулся впередъ, указывая намъ дорогу. Артюховъ за нимъ, и мы, покинувъ гостепріимный кровъ у «Иконникова ключа», стали спускаться по кручѣ съ горнаго увала.

Каменная тропа пошла, опять извиваясь, потянулась узкою лентой среди высокой травы, огибая могучие стволы кедровъ и пихтъ. Мѣстами она терялась въ кустахъ жимолости и волчьихъ ягодъ. Сухановъ шагаль такъ, что я едва успѣвалъ за нимъ свадн. Версты черезъ три тропа развѣтвлялась, уходя вправо—на «заводы», влево—«въ лѣса», по географіи Пестряка, объѣздника. Здѣсь намъ предстояло разстаться. Богатырь снялъ картузъ и, протянувъ мнѣ пухлую руку, проговорилъ улыбаясь:

— Ну-съ, прощенья просимъ! Здоровы будьте. Можетъ, Богъ приведетъ, опять свидимся? Будете въ нашемъ городкѣ—въ Екатеринбургѣ, значить, милости прошу, не обезсудьте.

Я поблагодарилъ и далъ ему мой адресъ.

— Должны же вы, Илья Наумычъ, побывать въ Бѣлокаменной? Сухановъ радостно встрепенулся.

— Безпримѣнно. Очень даже радъ буду.

— Ко мнѣ тогда заверните.

Богатырь до боли сжалъ мнѣ руку и, окончивъ обычнымъ—«очень даже пріятно», не безъ труда влѣзъ на сѣдло, подъ которымъ бѣдная лошадь опять занаталась, какъ жеребенокъ.

— Ну, и дура же, Пестряковъ!—не вытерпѣлъ Рубецъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Суханову.—Подъ этакова мужчину—быка надобно!—и онъ сердито плюнулъ.

Я проохотился съ Рубцомъ болѣе двухъ недѣль; но, бродя по Уралу, мнѣ все-таки не удалось добраться до Екатеринбурга. Я такъ и уѣхалъ, не побывавъ въ этомъ любопытномъ центрѣ горно-заводской промышленности.

VIII.

Года два спустя, однажды утромъ, въ квартирѣ моей робко дрогнулъ звонокъ, и прислуга, отворивъ дверь, вступила съ кѣмъ-то въ переговоры. Я невольно прислушался. Голосъ гостя показался мнѣ незнакомымъ.

Но каково же было мое изумленіе, когда она, впустивъ говорившаго, подала мнѣ визитную карточку, на которой значилось готическими буквами: «Илья Наумовичъ Сухановъ», и ниже: «первой гильдіи екатеринбургскій купецъ. Проломная улица, домъ собственный». Почти вслѣдъ за горничной появился знакомый мнѣ богатырь, но я невольно отступилъ, пораженный происшедшей съ нимъ метаморфозой.

Суханова нельзя было узнать: предо мной стоялъ щеголь, въ смокингѣ тонкаго сукна, въ сѣрыхъ панталонахъ на выпускъ. Накрахмаленная рубашка съ высокимъ воротничкомъ ослѣпительной бѣлизны впивалась ему въ шею и рѣзала уши. Пестрый шарфъ, завязанный новомоднымъ фасономъ, слегка топорщился на груди.

Голова была острижена «бобрникомъ», а русая борода сведена клинышкомъ, на французскій манеръ, въ подражаніе «Генриху IV». Только мускулистыя загорѣлыя руки оставались попрежнему безъ перчатокъ, да на толстыхъ пальцахъ прибавилось перстней съ драгоценными камнями. Сухановъ говорилъ мягче и слова произносилъ правильнѣе, хотя далеко не ушелъ отъ своего прежняго жаргона.

— Извините, что обезпокоилъ!—началъ онъ, улыбаясь и уморительно распаркиваясь.—Но какъ тогда на Уралѣ я съ вами встрѣтился...

— Душевно радъ. Давно ли вы въ нашихъ краяхъ и откуда?

— Съ вашей легкой руки, торговлю мою преумножилъ... Этой годъ самолично изъ Макарьевской ѣзды въ Москву и Питеръ... На дѣла, слава Богу, жаловаться не могу-съ. Одной ярмонкой Нижегородской нынче не расторгуеться—обставляю себя шире-съ! И потому въ первую гильдію записался.

Я велѣлъ подать чаю. Илья Наумовичъ оживился, держалъ себя непринужденно, видимо стараясь щегольнуть предо мной своимъ «обхожденіемъ». Однако, наливая чай изъ стакана на блюдце, истово перекрестился на старинѣ и пилъ его въ прикуску съ крохотнымъ кусочкомъ сахара. Я похвалилъ его за постоянство въ обычаяхъ и твердость въ вѣрѣ. Богатырь улыбнулся и отвѣчалъ мнѣ степенно:

— Никакъ намъ иначе невозможно-съ! Шкуру, коль хонь, мѣняй, а нутра не тревожь—потому грѣхъ.

Не прошло и четверти часа, какъ Сухановъ совершенно у меня освоился, и мы опять, какъ два года тому назадъ въ лѣсномъ «уютѣ», бесѣдовали съ нимъ по-пріятельски.

— А признаться ли вамъ, откуда я сейчасъ возвращаюсь? Хотя бы пари держать—не угадаете?

— Вѣроятно, изъ Петербурга?—сказалъ я.

— Изъ Па-ри-жа-съ! Изъ самаго изъ Парижа.

Я широко раскрылъ глаза, а Сухановъ продолжалъ ухмыляясь:

— Вотъ штуку-то откололъ! Умора! Въ Питерѣ Троицкую гостиницу изволите знать?

Я кивнулъ головой.

— Завсегда я въ ней останавливаюсь. Весной тамъ съ французомъ однимъ, факторомъ, познакомился. Юркій французъ—бестія и такая пройдоха: все по-нашему говорить норовить, такъ что разобрать можно. Онъ-то меня и подбилъ, чудной такой, право! «Мусьемъ» меня окрестилъ, да такъ привязался—проходу отъ него не стало...

— «Вдемъ, говоритъ, мусьѣ! Барыни большіе въ Парижѣ будутъ!» Ну, мнѣ въ банку и засѣло. Махану, молъ! Была не была, не съѣдятъ, чай, меня французы, подавятся?

Да вѣдь вы же иностранныхъ языковъ не знаете?—спросилъ я Суханова.

— Откуда мнѣ ихъ знать, помилуйте!—разсмѣялся уральскій Илья Муромецъ, поглаживая бородку.—Я и слушать ихній говоръ долго не могу—голова кружится.

— Вотъ умора-то была, доложу вамъ!—продолжалъ онъ, прихлебывая съ блюда.—Пока по Россіи-то ѣхали—ничего. Ну, а за Варшавой—просто бѣда. Подъѣхали мы къ границѣ—какъ навалились на насъ нѣмцы, по-своему лопотятъ, руками размахиваютъ и все къ моему саквоюжу рвутся. А время было, сами знаете, постъ—Петровки. Кушать-то намъ по положенію скоромятину нельзя. Я и захватилъ съ собой малу толику «тешки», да въ саквоюжѣ ее и спряталъ.

— Ну, конечно, въ вагонѣ-то отъ нея духъ пошелъ... Эка не видалъ, подумаешь? А нѣмцамъ-то, видать, все въ диковину? Подхватили меня подъ руки, двое саквоюжѣ мой несутъ и повели. И такъ это мнѣ съ непривычки смѣшно и чудно на нихъ, право? Народъ—мелкота, совсѣмъ даже плогавый. А хорохорятся—страсть!

— Отперъ я имъ саквоюжѣ—такъ что тутъ было, и сказать вамъ не могу.. Вотъ, подите, какой народецъ!—добавилъ Сухановъ, искренно недоумѣвая.—Отняли таки у меня «тешку»-то, право? Такъ я полуголодный до Парижа съ однимъ хлѣбомъ и ѣхалъ.

— Что же такъ, Илья Наумовичъ? Вѣдь на станціяхъ есть буфеты.

— Ходилъ я на нихъ—подходящаго-то намъ ничего нѣтъ! Я и то знаками намекалъ—постнаго, молъ, кушать хочу! Ну, конечно, народъ глупый: мотають головой да на меня глаза пялятъ. Подумаешь, людей не видали?

— Какъ вы въ Парижѣ устроились?—спросилъ я, все болѣе недоумѣвая.

— Добрался я до него тоже съ мукой немалой. Спасибо еще, кондукторъ билетъ мой поглядитъ, пробормочетъ—«але», глядишь, изъ вагона и вызволитъ да въ другой поѣздъ посадитъ. Да и то я хлопотъ набрался... Покажись мнѣ разъ, что будто меня назадъ повезли—я и поднялъ суматоху. Заблудиться недолго—туда завезутъ, что назадъ и ходу не сыщешь? Чужіе чемоданы печаянно уронилъ. Публика перепугалась, конечно... Спасибо, ужъ землякъ одинъ объяснилъ, что въ этомъ мѣстѣ дорога у нѣмцевъ цѣпей пошла, ну, и кажется, словно опять назадъ ѣдешь!—Сухановъ утеръ потъ на лбу и добавилъ:

— Въ Парижѣ этомъ самомъ я часовъ пять на вокзалѣ задарма высидѣлъ. Спасибо, факторъ-еврей попался, по-нашему говоритъ и по-ихнему лопочетъ. Приустроилъ меня на квартирѣ. Только одна

бѣда,—продолжалъ онъ сокрушенно,—«хіякры» ихніе меня не берутъ, не сажаютъ; комплекціи моѣй, должно быть, боились? Зато земляки, русскіе, то-есть, нашлись, словно родные! Всю-то выставку я съ ними, какъ малый ребенокъ за нянькой, прошагалъ. Ну, и выставка—одно великолѣпіе!

Илья Наумовичъ развелъ руками и съ восторгомъ продолжалъ:

— Построенія чудовищныя! Народищу разнаго тѣмъ темъ—со всего свѣту народы понаѣхали и всѣ по-своему говорятъ. Сущее столпотвореніе! И ко всему тому я расчудесно своими камнями расторговался. Ежели Богъ приведетъ, безпремѣнно опять въ Парижъ поѣду!

— Понравилось вамъ?

Сухановъ покругилъ бородку.

— Одно только, признаться, меня сокрушаетъ... Говору-то я ихняго не понимаю—вотъ бѣда! Надумалъ я было дѣльцо одно, да несуразно какъ-то выходитъ...—Онъ посмотрѣлъ на меня испытующе.

— Что такое?

— Вы какъ полагаете?—проговорилъ мой гость, видимо конфузясь.—Возможно мнѣ заграничному говору научиться? Очень это мудреная вещь... языкъ ихній?

— Разумѣется, можно, хотя и трудно...

— Такъ я и полагалъ... французинку принаиантъ да заняться? Въ Екатеринбургѣ у насъ учителей нѣтъ, а гувернантки найдутся... Одначе и такъ не выходитъ.

— Почему же, Илья Наумовичъ?

Сухановъ совсѣмъ застыдился и густо покраснѣлъ.

— Помилуйте, какъ же возможно? Жена-то совсѣмъ опшалѣеть... А у меня три младенца,.. Въ какомъ это я разѣ вдругъ за указку съ «мадамой» сяду? И то мнѣ отъ своего брата-торговца прохода нѣтъ—во всемъ упрекаютъ. Посудите, гдѣ же бабѣ понять, что при нынѣшней нашей коммерціи безъ «чужихъ» языковъ за границу нѣтъ ходу?..

Допивъ четвертый стаканъ чая, Сухановъ поблагодарилъ и сталъ прощаться. Пожимая мнѣ руку, онъ задумчиво проговорилъ, какъ будто вспомнивъ:

— Нашихъ-то мѣстовъ еще не забыли?—и тотчасъ добавилъ:— а меня, повѣрите ли, каждый годъ на тѣ заводы тянетъ, гдѣ я съ вами-то тогда повстрѣчался... Люблю просторъ лѣсной, въ горахъ-то куда привольнѣе; и какъ выберусь изъ города, такъ и тоска будто полегчаетъ...

— Да о чемъ вамъ тосковать-то, Илья Наумовичъ?

Богатырь глубоко вздохнулъ и взялся за шляпу.

— Думушки одолѣли... отвѣтилъ онъ грустно.—Нудятъ, сосутъ сердце, покою не даютъ. Привяжется же этакая немочь? Какъ есть

искушенье... Понаглядѣлся я на божій свѣтъ — нѣтъ ему краю! И вездѣ-то люди о своемъ хлопочуть... Дѣловъ разныхъ затѣяно—счета нѣтъ! И вездѣ-то люди бьются—каждый по своему мѣсту и, будто, коммерціей своей довольны... Дивлюсь я самъ на себя: какъ это я на свое настоящее дѣло никакъ не потрафлю? Не попадаетъ по сердцу работы, а на работу пудить? Съ мелочью-то, признаться, возиться и надоѣло... А крупнаго надумать не могу! Конечно, нынче безъ образованія трудно.., ну, и затоскуешь безъ сурьезнаго дѣла. За Иркутскъ съѣздить задумалъ—можетъ, тамъ свою судьбу найду?.. улынулся онъ и потряхнулъ попрежнему головою.

— Жена и то говоритъ, что лихой человекъ меня сглазилъ, оттого я нигдѣ себя покоя не знаю... Чудная, даже бабуку звала, отчитывать пробовала. А Шуралинскій директоръ на заводѣ меня доктору показывалъ, такъ тотъ ощупалъ всего и объявилъ, что какая-то «непочатая» сила во мнѣ наружу просится. И... ну, и чудодѣи!

Сухановъ протислся и вышелъ.

«Непочатая» сила, подумалось мнѣ, и сколько ея у насъ на Руси еще ждетъ примѣненія и пропадаетъ даромъ...

К. А. Борисовъ-Корженевскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ¹⁾.

(1854—1892 г.).

X.

I. Юзовъ (Каблицъ). — Его народничество. — Складъ его ума и сердца. — Его необыкновенная вѣра въ свое призваніе. — Причины его первоначальной популярности среди молодежи и затѣмъ паденія этой популярности. — Значенію для меня его книги «О русскомъ расколѣ». — Его безграничная вѣра въ народъ. — Литературныя сплетни о Юзовѣ и ихъ несправедливость. — Частныя черты изъ жизни и характера этого рѣдкаго человѣка.

УПОМЯНУЛЪ фамилію I. Юзова. Это былъ его литературный псевдонимъ, а настоящая его фамилія была Каблицъ. Однако, жилъ онъ подъ иной фамиліей, вынужденный къ этому обстоятельствами своего далекаго пропалаго. Почти въ концѣ нашего знакомства, незадолго до смерти Юзова, его «жизненный» псевдонимъ былъ обнаруженъ, а такъ какъ сотрудничалъ онъ въ «Недѣль» и моемъ журналѣ, то были вызваны для нѣкоторыхъ справокъ я и П. А. Гайдебуровъ, послѣ чего Юзовъ получилъ возможность вновь носить свою настоящую фамилію. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве, чтобы объяснить главную причину, заставившую Юзова не подписаться подъ упомянутымъ въ предыдущей главѣ письмомъ.

Что такое былъ Юзовъ, какъ человѣкъ и какъ писатель? Почему онъ могъ такъ волновать въ свое время сердца, особенно

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 486.

сердца молодежи, и почему теперь онъ забытъ, а за его гробомъ или всего два-три человѣка? Стоитъ ли поэтому и говорить о немъ такъ подробно, какъ хочу говорить я?

Стоитъ, отвѣчу я, и думаю, что о немъ стоитъ говорить не меньше, если не больше, чѣмъ о многихъ публицистахъ, пользующихся теперь огромной (сравнительно) популярностью, и похороны которыхъ будутъ, вѣроятно, обставлены съ большою помпой.

Что же такое было въ Юзовѣ, что дѣлало его сперва очень популярнымъ, а потомъ забытымъ и покинутымъ?

Это было прежде всего то самое свойство, которое создало колеблющуюся популярность даже такого великаго таланта, какимъ былъ Достоевскій, а у Юзова былъ небольшой талантъ: это было сердце, страстно любившее народъ.

Но насколько это сердце влекло Достоевскаго къ миротворчеству и нѣкоторой дипломатіи, настолько Юзова оно влекло къ словесной борьбѣ, къ крайнимъ выводамъ изъ своихъ принциповъ и къ безпощадному бичеванію того, что не сходилось съ этими крайними выводами.

При этомъ, какъ часто случается съ натурами страстными и въ то же время упорными, его больше всего раздражало, вызывая громы и молніи полемики, разногласіе ближайшихъ по направленію группъ нашей интеллигенціи. Такъ, напримѣръ, никому онъ не посвятилъ столько ударовъ, какъ «народолюбцамъ», съ одной стороны, и «либераламъ», съ другой. «Народолюбцами» онъ называлъ тѣхъ изъ нашей интеллигенціи, которые, любя народъ или думая, что они любятъ его, желали бы его осчастливить по своему «интеллигентному» усмотрѣнію, по рецептамъ и образцамъ Западной Европы, по кабинетнымъ теоріямъ, какъ бы хороши ни были эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ понятіе «народолюбчества» онъ включалъ одинаково и бюрократію съ ея заботливой опекой надъ народной жизнью, и свободомыслящихъ корифеевъ анти-бюрократическаго направленія (либералы), и, наконецъ, поборниковъ экономическаго реформаторства всякаго рода, если оно не вытекало изъ «народныхъ началъ», «народныхъ желаній» и навязывало народу нѣчто чуждое, выработанное на почвѣ иной цивилизаціи, иной исторіи.

Понятна поэтому причина, вызывавшая къ Юзову вражду почти всѣхъ «передовыхъ» группъ нашей тогдашней литературы. Понятно и первоначальное увлеченіе имъ молодежи, которая въ его рѣчахъ слышала что-то новое, смѣлое, а въ его рѣзкой полемикѣ, въ его сжатомъ, почти лаконическомъ изложеніи чувствовала глубокую, безповоротную силу убѣжденія.

Замѣчательно, что вражда къ Юзову созрѣла не вдругъ: вначалѣ ея не было, когда онъ только развивалъ свои общіе принципы, обосновывая ихъ, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, на всевоз-

возможныхъ цитатахъ изъ книгъ европейскихъ философовъ и ученыхъ, переводы которыхъ имѣлись на русскомъ языкѣ (Юзовъ не зналъ иностранныхъ языковъ, хотя нѣкоторое время прожилъ въ Западной Европѣ и Америкѣ). Его статьи (напримѣръ, о расколѣ) появлялись даже въ «Вѣстникѣ Европы». Лишь впоследствии, когда онъ сталъ примѣнять эти принципы къ текущимъ вопросамъ жизни, разгорѣлась вражда. Но и послѣ этого его личныя отношенія съ противниками поддерживались. Это совершенно отдѣляло литературныя отношенія отъ личныхъ и, напримѣръ, при первомъ моемъ выступленіи на страницахъ «Свѣта» съ проповѣдью «любви и мира», разразился противъ меня въ «Недѣлѣ» жестокой статьёй подъ заглавіемъ «Однобокая нравственность». Въ этой статьѣ доказывалось, что нормальный человѣкъ долженъ одинаково и любить, и ненавидѣть: любить добро, ненавидѣть зло. Поэтому проповѣдывать «любовь» значить проповѣдывать хожденіе на одной ногѣ и такъ далѣе. А между тѣмъ, въ это время мы были уже близко знакомы, и онъ часто бывалъ у меня. Для него была основнымъ закономъ известная формула: «Ты мнѣ другъ, Платонъ, но истина выше дружбы». Онъ полемизировалъ и впоследствии, когда я отвѣтилъ ему, что «вражды не нужно проповѣдывать, такъ какъ ея и безъ того довольно накопилось». Но вотъ именно потому-то, что накопилаcя ея очень много, она застаивается людей итти уже по слѣпому влеченію, а не по планамъ, обдуманнѣе спокойно и цѣлесообразно. Проповѣдь любви, конечно, не должна уничтожить ненависти къ злу и борьбы противъ него, но она должна сдѣлать эту борьбу осмысленнѣе и цѣлесообразнѣе» и т. д., и т. д.

Онъ держался иного воззрѣнія, и на все у него была готова цитата изъ какого нибудь знаменитаго европейскаго ученаго. Въ данномъ случаѣ, онъ ссылался на физиологовъ, психологовъ, этиковъ, доказывающихъ необходимость упражненія каждой нашей способности, чтобы она могла проявиться дѣлательно въ жизни. Ненависть или вражда должны такимъ образомъ обратиться въ привычку дѣлательнаго протеста, а для этого не имѣетъ значенія, будутъ ли онѣ цѣлесообразны или слѣпы.

Замѣчательно, что его собственный личный опытъ долженъ былъ убѣдить его въ невѣрности этого взгляда, въ ослабляющемъ, а не укрѣпляющемъ дѣйствиіи нецѣлесообразныхъ протестовъ, но умъ у Юзова былъ умъ странно упрямый, стойкій. Я иногда, шутилъ, говорилъ ему, что его голова вмѣсто мозга наполнена огромными десятипудовыми гириями, которыя, если уже онѣ одинъ разъ улягутся въ известномъ порядкѣ, не могутъ быть перемѣщены никакой силой.

Тѣмъ не менѣе, мысль его постоянно кипѣла и горѣла: тамъ, гдѣ появлялся Юзовъ, тотчасъ же начинался горячій споръ и длился до разсвѣта. При этомъ Юзовъ увлекался до такой сте-

пени, что иногда говорилъ грубости и дерзости, но ему невольно прощали это, чувствуя, что онъ чуждъ всякаго личнаго желанія оскорблять, что сказанное имъ есть результатъ страстной любви къ своимъ идеямъ, страстной вѣры въ нихъ.

Какъ велика была эта вѣра, доказываетъ слѣдующій мой разговоръ съ нимъ: какъ-то поздно ночью мы заговорились, возвращаясь откуда-то изъ гостей, до того, что разъ десять подходили къ подъѣзду «меблированныхъ комнатъ», гдѣ онъ жилъ, и снова уходили. Ночь была теплая, тихая. Наконецъ, онъ, подъ влияніемъ какого-то особаго прилива теплаго чувства, спросилъ у меня:

— Скажите мнѣ откровенно, по душѣ, не думаете ли вы, что я ошибаюсь вотъ въ какой увѣренности: мнѣ думается, что мои убѣжденія должны имѣть большое будущее, что мое дѣло не можетъ погибнуть и заглухнуть. И я это думаю, между прочимъ, на томъ основаніи, что, пробѣгая свое прошлое, я вижу, что судьба постоянно спасала меня отъ смерти и гибели. Вы знаете, что у меня вставной глазъ: въ дѣтствѣ въ меня нечаянно выстрѣлили. И однако я остался живъ. Въ послѣдующей моей жизни были сотни случаевъ, когда я висѣлъ на волоскѣ (и онъ рассказалъ нѣсколько такихъ случаевъ), а между тѣмъ я остался цѣлъ и невредимъ и даже на свободѣ, то-есть могу писать о моихъ идеяхъ, работать для нихъ, хотя только на литературномъ пути. Да я и бросилъ сознательно, по убѣжденію, всѣ другіе пути. Я вижу, что мое призваніе, мое дѣло — только на этомъ пути, что меня вела къ нему какая-то высшая сила условій, обстоятельствъ, называемая силой исторіи...

Вотъ какъ высоко думалъ этотъ человѣкъ о своей роли въ русской жизни, даже въ русской исторіи!

Если бы онъ зналъ, бѣдняжка, какъ незамѣтно прошли его похороны, и какъ быстро исчезло всякое воспоминаніе о немъ и о его литературныхъ трудахъ даже въ средѣ русской молодежи!... Такъ ли бы говорилъ онъ?...

А онъ говорилъ еще и вотъ что:

— Только эта вѣра въ свое призваніе и удерживаетъ меня въ жизни. Мнѣ живется тяжело! Кромѣ того, я очень боленъ.

Въ самомъ дѣлѣ, его матеріальныя условія были очень и очень не блестящи. Несмотря на огромный трудъ, котораго ему стоила каждая статья, такъ какъ статьи его были всегда переполнены матеріалами, фактами, цитатами, онъ, по его словамъ, «никогда не могъ заработать у Гайдебурова болѣе семидесяти пяти рублей въ мѣсяцъ». Юзовъ увѣрялъ, что этого ему достаточно. Но онъ не зналъ въ то время, что, живя въ меблированныхъ комнатахъ, питаясь дешевымъ, кухмистерскимъ обѣдомъ, онъ неуклонно расшатывалъ свое здоровье, нажилъ катарръ желудка, отъ котораго два раза едва не умеръ, а подъ конецъ всѣ эти расстройства рано свели

его въ могилу, свели какъ разъ въ то время, когда онъ обзавелся, наконецъ, семьей, зажилъ нѣсколько болѣе гигиенично и комфортабельно, страстно привязался къ родившейся у него дочкѣ, съ которой возился, какъ нянька, какъ мать. Все это очень понятно, если мы припомнимъ, что всю жизнь, почти до 40 лѣтъ, онъ прожилъ холостякомъ—почти бродягой, подъ чужимъ именемъ, съ вѣчной неувѣренностью въ томъ, что съ нимъ будетъ завтра. А, между тѣмъ, повторяю, сердце у него было любящее и жаждавшее любви; подъ его виѣшней грубостью, подъ его полемическими рѣзкостями и «жестокостями» крылась почти женственная нѣжность чувства и потребность такого же чувства со стороны другихъ. Эта потребность, какъ бываетъ нерѣдко, осталась отъ дѣтской привязанности къ матери. А какъ сильно онъ любилъ свою мать,—въ то время давно умершую,—видно ужъ изъ того, что и псевдонимъ его «Юзовъ» былъ произведенъ отъ ласкательнаго имени Юзи (Посифъ), которымъ его называла мать.

Въ его крови соединились двѣ національности, какъ и въ его характерѣ: мать была полька, отецъ—шведъ. Польская горячность и страстность сливались съ шведскимъ упорствомъ и упрямствомъ, съ шведской методичностью, аккуратностью, точностью.

И наружность его носила отпечатокъ двухъ этихъ народностей: онъ былъ средняго роста, строенъ, гибокъ, сухощавъ, но не худъ. Сухощавое, довольно правильное лицо, съ бѣлокурыми волосами и бородкой, поражало свѣжестью своего цвѣта и румянца, хотя это не былъ цвѣтъ лица конфетныхъ красавцевъ: это былъ мужественный румянецъ, пробивавшійся сквозь кожу нѣсколько смугловатую. Такъ какъ въ Парижѣ ему удалось сдѣлать искусственный глазъ, совершенно не отличавшійся отъ его собственнаго, то можно было прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ и не догадаться объ этой ненормальности. Тѣмъ болѣе, что онъ носилъ слегка дымчатые очки. Но выраженіе здороваго глаза осмысливало все лицо, невольно переносилось и на искусственный глазъ, и въ общемъ было глубоко-симпатично, полно чувства, мысли, энергіи, бодрости и неустанной потребности сейчасъ же кинуться въ словесный бой или отдаться умственной работѣ.

Неудивительно, что онъ нравился многимъ женщинамъ, и это заставляло досужихъ петербургскихъ кумушекъ рыться въ его личной, сердечной жизни далекаго прошлаго. Были охотники бросить на него тѣнь и съ общественной стороны: говорили о какихъ-то деньгахъ, собранныхъ на общее дѣло и въ которыхъ онъ не далъ достаточнаго отчета.

Насколько я успѣлъ узнать характеръ Юзова (а времени было для этого довольно: я зналъ его болѣе десяти лѣтъ, и нѣсколько дачныхъ сезоновъ мы провели ближайшими сосѣдями, посѣщая другъ друга ежедневно), я не могу допустить и тѣни сомнѣнія въ его безусловной, безупречной честности и корректности.

Не задолго передъ смертью, уже обзаведясь семьей, онъ почувствовалъ невозможность существовать однимъ литературнымъ трудомъ и получить мѣсто въ желѣзнодорожномъ контролѣ.

Многіе могли поставить ему въ упрекъ и это, какъ ярому противнику бюрократіи. Но онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что для него бюрократія была не здѣсь, а гораздо больше тамъ, гдѣ кричали противъ бюрократіи (см. выше); что, наоборотъ, служба по контролю есть служба народу, такъ какъ оберегаетъ «народныя» копейки.

Мнѣ дорога память о Юзовѣ не только въ силу нашихъ дружескихъ отношеній, но еще и потому, что одна изъ его книгъ произвела нѣкоторое измѣненіе въ моихъ взглядахъ на наше крестьянство. Это—книга о расколѣ. До прочтенія этой книги я могъ считаться, по классификаціи Юзова, «народолюбцемъ», то-есть я всего ожидалъ для народа отъ одной интеллигенціи. Книга Юзова наглядно убѣдила меня, что въ народѣ есть своя собственная интеллигенція, что въ немъ живутъ и не умерли начала древней русской «свободы совѣсти» и даже гражданской свободы. Такимъ образомъ въ моихъ глазахъ измѣнилась роль интеллигенціи относительно народа. Я призналъ, что интеллигенціи необходимо прислушиваться къ голосу самого народа и серьезно считаться съ этимъ голосомъ, не навязывая народу того, что «не въ его духѣ», или національно-помъ характерѣ. Я сталъ думать, что этотъ «національный духъ», или характеръ, далеко не тотъ, какимъ онъ казался мнѣ: въ немъ не одна косность и невѣжество, не одно рабство, унаслѣдованное отъ времени крѣпостничества,—въ немъ, подъ наносной корою этихъ временныхъ, навязанныхъ свойствъ, живетъ великій, врожденный инстинктъ, способный дать основаніе для величайшихъ общественныхъ идеаловъ, не уступающихъ западно-европейскимъ, а, быть можетъ, идущихъ дальше и выше этихъ послѣднихъ.

Я и теперь рекомендовалъ бы чтеніе этой книги Юзова всякому, кто недостаточно вѣритъ въ умственные и нравственные силы русскаго крестьянства, смотритъ на него презрительно, а потому и не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами для самоотверженной работы въ народной средѣ.

Миръ твоему праху, страстный работникъ на нивѣ народной!

Не знаю почему, измѣнились ли условія времени или сами люди стали иными, но въ то время умственная жизнь среди писательской братіи была оживленнѣе, чѣмъ теперь: поднималась масса вопросовъ и философскихъ, и социологическихъ, и текущихъ общественныхъ. Устроивались такъ называемые «журь-фиксы», то-есть опредѣленные дни у того или другого изъ писателей, и тутъ-то велись дебаты, иногда очень шумные и горячіе, вокругъ самовара и скромнаго ужина, состоявшаго обыкновенно изъ холодныхъ закусокъ и какихъ нибудь фруктовъ.

Правда, и въ то время были писатели, даже изъ корифеевъ, которые заявляли, что не выносятъ серьезныхъ разговоровъ, такъ они имъ надобли въ ихъ печатныхъ бесѣдахъ съ читателями. Были и такіе, которые собирались въ опредѣленные дни въ квартирахъ редакторовъ на роскошно-обставленные вечера, съ картами и дорогими ужинами. Но я говорю не объ этихъ писателяхъ, а о литературной молодежи, державшейся воззрѣній «народническихъ» или близко подходящихъ къ народничеству. Если имъ приходилось бывать на такихъ роскошныхъ ужинахъ и вечерахъ, они порою говорили о нихъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, какъ о потугахъ подражать «большому свѣту», на что шли деньги, урѣзываемыя изъ гонорара сотрудниковъ, питавшихся, какъ, напримѣръ, Юзовъ, кухмистерскими обѣдами. Нѣкоторый «ригоризмъ» еще оставался въ этой молодежи, быть можетъ, какъ безсознательный остатокъ идей и настроеній 1860-хъ годовъ.

Это настроеніе вышло съ новой силой и яркостью въ такъ называемомъ толстовствѣ, о которомъ я поговорю въ связи съ моими воспоминаніями о Л. Н. Толстомъ, а теперь передамъ мое краткое знакомство съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ и маленькій эпизодъ съ одной моею замѣткой о немъ.

XI.

Знакомство съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ.—Моя замѣтка противъ него и ея печальныя послѣдствія.—Два слова о В. О. Португаловѣ.

Однажды я получилъ отъ Н. П. Вагнера письмо, посланное по его адресу, но обращавшееся «къ редакціи» тогдашней «Мысли». Письмо это было отъ Глѣба Ивановича Успенскаго. Онъ предлагалъ помѣстить въ «Мысли» очеркъ, начатый имъ, но еще не оконченный о дѣтскихъ типахъ крестьянскихъ школъ. Къ этому онъ добавлялъ, что «сейчасъ» нуждается въ деньгахъ и, если редакція можетъ ему дать авансомъ рублей 200, то онъ обѣщаетъ прислать ей свою работу листа на два, на три. Получить онъ желаетъ по 200 рублей за листъ.

Я въ то время имѣлъ очень скромный приходъ отъ «Мысли», едва покрывавшій самые необходимые расходы и обыкновенный гонораръ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ, что для Г. И. Успенскаго можно допустить экстраординарныя усилія, даже заемъ. Однако, по моимъ расчетамъ, болѣе 150 рублей за листъ редакція была не въ силахъ уплатить.

И вотъ я немедленно пошелъ къ Успенскому для сообщенія ему моего рѣшенія. Со мной поѣхала одна моя хорошая знакомая, принимавшая горячее участіе въ моихъ дѣлахъ и журналѣ, слу-

шательница врачебныхъ курсовъ, Е. К. В.; ей просто хотѣлось видѣть вблизи Г. И. Успенскаго, котораго всѣ мы очень любили, какъ писателя, но мало знали, какъ человѣка. Онъ почти не жилъ въ Петербургѣ и, во всякомъ случаѣ, не бывалъ ни на какихъ обѣдахъ и журъ-фиксахъ.

Жилъ онъ въ очень маленькой квартиркѣ съ весьма скудной мебелью. Комнатка, въ которую онъ ввелъ насъ, служившая ему, повидному, рабочимъ кабинетомъ, не имѣла даже письменнаго стола, который замѣнялся круглымъ, простымъ обѣденнымъ столомъ съ откидными полами, окрашеннымъ въ темно-красную краску. Столъ былъ приставленъ къ старенькому дивану.

Глѣбъ Ивановичъ замѣтилъ, что у него ужасный беспорядокъ, такъ какъ онъ живетъ на бивуакахъ; жена его до сихъ поръ была учительницею въ деревенской школѣ, и только теперь они хотять устроиться въ городѣ, etc., etc.

Тутъ же онъ приступилъ къ разговоръ о предполагаемой имъ статьѣ, матеріаломъ которой, кромѣ его личныхъ наблюденій, послужатъ тетрадки учениковъ-крестьянъ, собранныя и сохраненныя его женою.

И сказалъ, что буду очень счастливъ, если онъ дастъ такую статью, но тутъ же объяснилъ ему вполне откровенно и искренно скромное положеніе журнала, небольшой (сравнительно) кругъ его подписчиковъ, что обуславливалось самымъ типомъ журнала, его преимущественно научнымъ характеромъ, приспособленнымъ для популяризаціи знаній всякаго рода среди провинціальной деревенской интеллигенціи и учащейся молодежи.

Онъ безъ всякихъ пререканій согласился на предложенную мною цифру, сказавъ, впрочемъ, въ самомъ началѣ, что послѣ того, какъ онъ напишетъ письмо въ нашу редакцію, его обстоятельства, повидному, измѣнятся, такъ какъ Салтыковъ выразилъ намѣреніе удовлетворить его нужду въ довольно крупномъ авансѣ. «Если я, — прибавилъ онъ, — получу эти деньги изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», то мнѣ уже не будетъ времени поработать и для вашего журнала, хотя я очень желалъ бы этого. Впрочемъ, я постараюсь урвать у себя время, только навѣрное обѣцать не могу».

Въ концѣ концовъ мы порѣшили, что я на всякій случай буду имѣть деньги наготовѣ, а онъ извѣститъ меня, если онъ ему понадобится.

Мы разстались, повидному, съ самыми лучшими чувствами другъ къ другу. На меня, по крайней мѣрѣ, Глѣбъ Ивановичъ произвелъ чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе всѣмъ, что я видѣлъ, и что онъ говорилъ. Его скромность, даже застѣнчивость были просто поразительны, такъ какъ въ то время онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ любимыхъ писателей. Его болѣе, чѣмъ скромная

обстановка дополнила это впечатлѣніе: «вотъ настоящій человѣкъ идеи!» думалъ я, уходя отъ него.

Вскорѣ я получилъ отъ него второе письмо, очень милое ¹⁾, въ которомъ онъ извѣщалъ, что устроилъ свое финансовое дѣло, ѣдетъ въ деревню и не отказывается отъ своего желанія дать свой очеркъ нашему журналу, который очень уважаетъ.

Послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ. Глѣбъ Ивановичъ, живя въ деревнѣ и наблюдая крестьянъ вблизи, приходилъ въ своихъ очеркахъ къ воззрѣніямъ на крестьянство все болѣе и болѣе пессимистическимъ. А у меня, наоборотъ, какъ разъ къ этому времени, все сильнѣе возростала вѣра въ народъ.

Лѣтомъ, если не ошибаюсь, 1882 года, я жилъ на дачѣ въ Теріокахъ, по сосѣдству жилъ Юзовъ, и наши постоянныя бесѣды о народѣ и его судьбахъ особенно высоко подняли мое «народническое» настроеніе. Какъ разъ въ это время получила книжка «Отечественныхъ Записокъ», въ которой былъ помѣщенъ новый очеркъ Успенскаго: въ немъ пессимизмъ дошелъ до своего апогея. Описывая одного старосту-крестьянина, Глѣбъ Ивановичъ выражался буквально такъ: «русскій крестьянинъ — особь опасная своею дикостью и глупостью».

Послѣднее выраженіе поразило меня почти до слезъ. «Какъ,— думалъ я,— такой знатокъ народа, глубоко любившій его, и говорить не о простомъ «невѣжествѣ» русскаго крестьянина, которое можно исцѣлить, и не о «дикости» только, которая можетъ исчезнуть, благодаря культурѣ, — онъ говоритъ о «глупости», которая не исцѣлима, что выразилъ и народъ въ своей пословицѣ: «пыльный проспится, дуракъ — никогда!»

Статья была прочтена еще разъ вмѣстѣ съ Юзовымъ, который, конечно, былъ пораженъ ею не меньше меня. Подъ горячимъ впечатлѣніемъ я набросалъ очень рѣзкую замѣтку, полную страстныхъ упрековъ по адресу глубоко любимаго и уважаемаго писателя. Однако, когда первое впечатлѣніе отъ его статьи улеглось, и когда моя замѣтка была дана на обсужденіе небольшого кружка, собиравшагося у меня иногда на дачѣ, между прочимъ, и кое-кому изъ учащейся женской молодежи, то мы общимъ голосомъ рѣшили — подождать ее печатать: быть можетъ, это, какъ говорится, сорвалось въ минуту какого нибудь тяжелаго впечатлѣнія отъ очень возмутительнаго факта. Быть можетъ, послѣдующіе очерки загладятъ это впечатлѣніе.

И вдругъ, дня черезъ два я получилъ изъ Самары письмо отъ извѣстнаго популяризатора, д-ра Веніамина Осиповича Португалова. Онъ горячо протестовалъ противъ «очевиднаго поворота» въ идеяхъ Успенскаго; обращалъ мое вниманіе на рядъ такихъ же

¹⁾ Оба письма хранятся у меня и до сихъ поръ.

его выходокъ, а въ заключеніе прибавлялъ, что видитъ въ этомъ вліяніе пѣкской компаніи очень богатыхъ буржуа-милліонеровъ, у которыхъ гостилъ въ то время въ Самарской губерніи Успенскій. Португаловъ прибавлялъ (не знаю, какъ очевидецъ ли, или же только по слухамъ) оценку времяпрепровожденія въ домѣ у этихъ милліонеровъ, которые де развлекаются остроумными бесѣдами талантливаго и впечатлительнаго писателя, для котораго де даже полезно будетъ, если кто нибудь скажетъ искреннее горячее слово противъ его послѣднихъ очерковъ.

Это письмо прекратило мои колебанія. Я не только рѣшилъ напечатать статью, но и вставилъ въ нее два-три намека о причинѣ поворота въ идеяхъ Успенскаго, какъ ее объяснялъ Португаловъ. Португалову я вѣрилъ. Мнѣ казалось, что у него не можетъ существовать никакой побочной цѣли—писать неправду о Глѣбѣ Ивановичѣ, и что письмо его ко мнѣ проникнуто исключительно желаніемъ помочь самому Успенскому взглянуть со стороны на свое новое настроеніе.

Я и теперь увѣренъ, что Португаловъ былъ совершенно искрененъ. Но впоследствии я имѣлъ случай убѣдиться, что онъ чересчуръ горячъ и способенъ увлекаться подозрительными настроеніями, при которыхъ уже не знаетъ пощады, преувеличиваетъ факты, видитъ ихъ въ одностороннемъ освѣщеніи и, такимъ образомъ, можетъ быть несправедливъ совершенно искренно и невольно. Наконецъ, я узналъ впоследствии и тѣхъ лицъ, у которыхъ гостилъ въ то время въ Самарской губерніи Г. И. Успенскій. Эти, по словамъ Португалова, буржуа-милліонеры оказались очень развитыми, интеллигентными людьми, самоотверженно отдававшими десятки, а, быть можетъ, и сотни тысячъ на учащуюся молодежь, школы, на изученіе быта сибирскихъ рабочихъ, на поддержку писателей, журналовъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, оказалось совсѣмъ не то, что писалъ мнѣ Португаловъ. Но дѣло было сдѣлано, статья напечатана!.. Много лѣтъ потомъ мнѣ не хотѣли простить ее, хотя я и объяснилъ всѣ свои мотивы, всѣ условія, при которыхъ статья была написана, объяснилъ въ письмѣ, посланномъ въ отвѣтъ на письмо одного изъ выдающихся нашихъ писателей-публицистовъ, горячо обвинявшаго меня за эту замѣтку.

Этого мало: три лица, изъ которыхъ двое писали въ моемъ журналѣ, а имя третьяго стояло на обложкѣ въ числѣ сотрудниковъ, выразили свой протестъ противъ моей замѣтки, напечатанъ въ газетахъ, что выходятъ изъ состава моихъ сотрудниковъ. Въ письмѣ ихъ былъ намекъ, что у меня была какал-то «задняя мысль» въ этой замѣткѣ. Я немедленно предложилъ имъ черезъ газеты третейскій судъ, ставя условіемъ, что, если они не примутъ этого суда, то это будетъ считаться признаніемъ съ ихъ стороны клеветы противъ меня. Двое изъ нихъ, А—въ и Г—нъ, промолчали на этотъ

вызовъ, а третій, Б—чт, хотя и выразилъ согласіе на третейскій судъ, однако назвалъ имена двухъ писателей, которые фактически не могли принять на себя роли, предназначенной для нихъ. Такъ дѣло это и заглохло, но въ публикѣ, не знавшей его подробностей, должно было составитья впечатлѣніе, неблагоприятное для меня и которое могло повредить журналу...

Комментаріи къ этому инциденту излишни, но онъ такъ ярко характеризуетъ нашу русскую способность разъединяться, враждовать, не разбирая иногда мотивовъ вражды, что я не считъ возможнымъ промолчать объ этомъ случаѣ. Быть можетъ, для далекаго будущаго онъ освѣтитъ нравственное положеніе писателя нашего времени въ дополненіе къ его незавидному общественному положенію.

XII.

Исторія «Пушкинскаго кружка».—Его первый періодъ; его второй періодъ, «Плещевскій»; столкновеніе Минаева съ Терпигоревымъ, третій періодъ съ А. П. Пальмомъ во главѣ, а затѣмъ съ Н. А. Л—нымъ.—Попытка поднять его при помощи Всеволода Михайловича Гаршина.—Уходъ Гаршина и полное паденіе.—Впечатлѣніе отъ личности Гаршина и небольшая характеристика этой личности.

Я уже упоминалъ о «Пушкинскомъ кружкѣ», по поводу А. П. Плещеева. Теперь расскажу нѣсколько подробнѣе исторію этого кружка, такъ какъ онъ игралъ нѣкоторую роль, если не въ дѣлѣ улучшенія общественнаго и моральнаго положенія писателей, то въ дѣлѣ доставленія кое-какого отдыха и развлеченія послѣ тяжелой умственной работы. А, вѣдь, и это дѣло немалое!

Образовался этотъ кружокъ и получилъ разрѣшеніе существовать официально, благодаря усиліямъ и хлопотамъ маленькихъ литературныхъ работниковъ, въ то время почти неизвѣстныхъ въ въ «большой» литературѣ. Представители этой послѣдней знали только по слухамъ, что этотъ «кружокъ» собирается въ «Знаменской гостиницѣ», носящей теперь названіе «Сѣверной», что тамъ читаютъ что-то, веселятся и танцуютъ. Не помню уже, сколько времени просуществовалъ этотъ кружокъ, годъ или два, когда нѣкоторые писатели (и въ томъ числѣ я и Плещеевъ) получили отъ его членовъ приглашеніе принять въ немъ участіе. Какъ я уже говорилъ, въ слѣдующемъ же послѣ этого собраніи, Плещеевъ былъ избранъ предсѣдателемъ кружка, а я — товарищемъ предсѣдателя. Былъ избранъ и новый совѣтъ. Первой реформой новаго состава кружка было то, что чтенія, происходившія въ немъ, были урегулированы слѣдующимъ образомъ: имъ была посвящена первая треть вечернихъ собраній, и эта первая треть дѣлилась на двѣ части: въ первой читались произведенія и отрывки изъ произведеній ка-

кихъ иибудь классиковъ и прославившихся повѣйшихъ писателей, во второй—произведенія членовъ кружка. Программа этихъ чтеній составлялась совѣтомъ. Вторая треть вечера посвящалась музыкѣ и пѣнію, третья танцамъ, которые длились иногда далеко за полночь.

Входъ на эти вечера допускался только по рекомендаціи членовъ, но постороннія лица должны были вносить небольшую входную плату, если не ошибаюсь, не болѣе 25 копеекъ, да и то, кажется, одни только мужчины. Собирались по большей части въ обширной залѣ той же Знаменской гостиницы, съ прилежавшими къ ней отдѣленіями, въ видѣ гостиныхъ. Залъ былъ въ два свѣта, довольно изящный по отдѣлкѣ. Но когда нужно было, для усиленія средствъ, устраивать болѣе многолюдные вечера, то брали залъ Павловой, на Троицкой улицѣ, и плата повышалась до 50 копеекъ.

Вечера проходили очень прилично и весело, хотя рѣдкій вечеръ собиралось менѣе 100 человекъ. Были вечера «Лермонтовскіе», «Тургеневскіе», «Достоевскаго» и т. п., смотря по тому, какой изъ писателей занималъ своими произведеніями первую часть вечера. Явились и любители декламаторы. Иногда выступали исполнителями и исполнительницами извѣстные актеры и актрисы (такъ, нѣсколько разъ читала Стрелетова и др.). Каждому чтенію предшествовалъ коротенькій рефератъ о томъ писателѣ, которому былъ посвященъ вечеръ. Эти рефераты брали на себя различныя лица. О Достоевскомъ, наиримѣръ, читалъ О. Миллеръ. Въ чтеніяхъ принимали участіе Всеволодъ Гаршинъ, поэтъ Н. Минскій, Терпигоревъ (Сергій Атава), Плещеевъ, Пальмъ, Крыловъ (драматургъ), Надсонъ, Позниковъ, Софмоновъ и мн. др.

Изъ музыкантовъ особенно часто услаждалъ насъ своей игрой покойный Эдуардъ Юльевичъ Гольдштейнъ, который взялъ на себя завѣдываніе музыкальной частью и поставилъ ее очень хорошо.

Для танцевъ играли на рояли, а иногда и на двухъ роялихъ любители. Однажды, я помню, былъ сыгранъ экспромтомъ вальсъ въ восемь рукъ, и главную партію въ немъ фантазировалъ Э. Ю. Гольдштейнъ.

Поэтому можно судить, какъ дружно и единодушно шли въ это время дѣла кружка. На его вечерахъ можно было встрѣтить самыхъ выдающихся представителей нашей журналистики, конечно, не изъ стариковъ.

И вдругъ, какъ я уже говорилъ, послѣ инцидента съ однимъ подвыпившимъ поэтомъ, падѣвшимъ дерзости А. Н. Плещееву, кружокъ сталъ сперва медленно, а потомъ и быстро разлагаться.

Но прежде, чѣмъ перейду къ описанію этого второго (или, вѣрнѣе, третьяго) періода въ исторіи кружка, расскажу объ одномъ торжественномъ ужинѣ, устроенномъ его совѣтомъ въ залѣ Знаменской гостиницы, въ годовщину Пушкина.

Ужинъ отличался не только многолюдствомъ, но и большою оживленностью: въ честь Пушкина читались стихи, говорились рѣчи. Но въ концѣ его случился инцидентъ, какъ бы предвѣщавшій грядущее разложеніе. Въ числѣ ужинающихъ былъ извѣстный поэтъ Минаевъ. Онъ славился своими экспромптами. И вотъ группа лицъ, сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ, и въ томъ числѣ Терпигоревъ,—стали просить его сказать какойнибудь экспромптъ.

Минаевъ былъ уже навеселѣ, но, тѣмъ не менѣе, подумавъ немножко, громко продекламировалъ слѣдующее четверостишіе:

Я Пушкина воспѣть не въ состояннѣ,
Но Терпигорева могу:
Когданибудь, на невскомъ берегу
Я воспую его дѣяннѣ.

Сперва Минаеву аплодировали, аплодировалъ и Терпигоревъ, но къ концу ужина между нимъ и Минаевымъ занялся крупный разговоръ: Терпигоревъ требовалъ, чтобы Минаевъ объяснилъ громко и при всѣхъ, какіи его «дѣяннѣ» имѣлъ въ виду Минаевъ въ своемъ экспромптѣ. Ссорившихся пытались успокоить, но разговоръ становился все громче и громче. Едва-едва удалось уговорить Минаева перейти въ одну изъ маленькихъ гостиныхъ, гдѣ онъ и заснулъ. Терпигоревъ же уѣхалъ разстроенный и обиженный.

Считаю нужнымъ добавить, что не этотъ случай и вообще не поэтъ Минаевъ были причиной отказа Плещеева отъ председательства. Минаевъ очень рѣдко бывалъ въ кружкѣ.

По выходѣ Плещеева, председателемъ былъ избранъ А. И. Пальмъ (извѣстный романистъ и драматургъ), а я оставался товарищемъ председателя. Въ этотъ періодъ, вечера кружка нѣсколько измѣнили свой характеръ въ томъ отношеніи, что на подмосткахъ его чаще стали появляться не только артисты драматической труппы, но и артисты русской оперы: одинъ разъ была даже поставлена сцена изъ «Русалки» Даргомыжскаго, съ декорацией лѣса и въ костюмахъ.

Все это вызывало значительные расходы, тогда какъ приходъ былъ почти такой же, какъ прежде. Кромѣ того, кружокъ сталъ терять свой простой, интимный характеръ, въ которомъ преобладалъ литературный элементъ.

Не помню, вслѣдствіе чего Пальмъ отказался также отъ председательства, а на его мѣсто былъ избранъ Н. А. Л—нъ. Новый председатель держался того взгляда, что главной цѣлью кружка должно быть во всякомъ случаѣ то, чтобы въ немъ было весело. А потому литературную часть сократили еще больше, въ ней утратилась прежняя систематичность, но зато расширилась вокальная часть. Однажды на его подмосткахъ выступила какая-то при-

ѣзжая пѣвица малороссійскихъ романсовъ, правда, очень хорошенькая и къ которой весьма шелъ малороссійскій костюмъ, но пѣніе которой относилось уже не къ серьезной музыкѣ, а скорѣе къ шансонеткѣ.

Впрочемъ, о возможности допустить шансонетку на подмостки кружка стали уже говорить открыто: «вѣдь, это будетъ весело и привлечетъ публику»,—слышались голоса.

Э. Ю. Гольдштейнъ отказался отъ завѣдыванія музыкальной частью, и она составлялась изъ случайныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, привезенныхъ къмъ нибудь и часто никому неизвѣстныхъ.

Я сдѣлалъ еще одно усиліе, чтобы направить кружокъ на болѣе серьезный путь и съ этой цѣлью предложилъ во-первыхъ, пригласить въ кружокъ Вс. Гаршина и избрать его предсѣдателемъ; во-вторыхъ, я составилъ проектъ устава общества взаимнаго кредита среди писателей и старался провести этотъ проектъ на одномъ изъ собраній.

Курьезно окончилось это мое начинаніе: одинъ изъ членовъ, М. О. Михневичъ, припомнилъ, что имъ съ нѣсколькими другими лицами, въ томъ числѣ и Гр. Константиновичемъ Градовскимъ, уже былъ когда-то составленъ проектъ подобнаго устава, и потому де лучше воспользоваться тѣмъ прежнимъ, вполне выработаннымъ уставомъ, чѣмъ выработывать новый по моему проекту. Его мысль горячо поддерживалъ Гр. Константиновичъ Градовскій и нѣкоторые другіе члены кружка. При этомъ я могъ замѣтить, что большинство было не на моей сторонѣ, вѣроятно, возстановленное противъ мени моими постоянными протѣстами противъ новаго направленія, воцарившагося въ кружкѣ. Мой проектъ провалился, а о проектѣ Михневича и Градовскаго съ тѣхъ поръ не было ни слуха ни духа.

Второе мое предположеніе устроить собраніе подъ предсѣдательствомъ Гаршина состоялось, но привело къ неожиданнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что многіе изъ писателей заявляли мнѣ лично неудовольствіе на то, что въ кружкѣ оказались членами и такія лица, которыя не имѣютъ почти никакого прямого участія въ литературѣ (напримѣръ, типографщики), а также и лица, общеніе съ которыми не особенно желательно и вообще несприятно для наиболѣе почтенныхъ и выдающихся представителей печати. Такъ, напримѣръ, двое изъ такихъ представителей прямо заявляли мнѣ, что охотно посѣщали бы кружокъ и даже пошли бы въ предсѣдатели, если бы не было въ кружкѣ такого-то (имя рекъ).

Я полагалъ, что всѣ это хорошо понимаютъ, и придумалъ слѣдующую мѣру, которая могла бы очистить кружокъ отъ нежелательныхъ элементовъ косвеннымъ путемъ, не оскорбляя ничего самолюбія. Я предложилъ избрать комиссію для провѣрки литературныхъ правъ всѣхъ членовъ кружка, а для этого составить

этой комиссиі инструкцію, опредѣляющую точно, что должно считаться достаточнымъ литературнымъ правомъ.

Но знаю, быть можетъ, я не особенно точно выразилъ мою мысль, или же противъ нея была подготовлена нѣкоторыми коалиціи заранѣе, но цѣлый рядъ ораторовъ выступилъ противъ моей мысли, при чемъ въ ихъ рѣчахъ она была совершенно извращена: мнѣ приписывали намѣреніе—сдѣлать кружокъ олигархическимъ учрежденіемъ, въ которое члены будутъ допускаться по количеству написаннаго ими, такъ что все молодое и свѣжее литературное поколѣніе, написавшее еще немного, будетъ исключено.

Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго! Я просто надѣлся, что предполагаемая мною комиссиа, руководясь извѣстными принципами, очиститъ кружокъ отъ нежелательныхъ элементовъ, поправивъ туда въ первый періодъ существованія кружка, когда принимали въ члены почти безъ разбора, лишь бы составилъ достаточный контингентъ участвующихъ.

Къ сожалѣнію, и Гаршинъ, съ которымъ я не успѣлъ переговорить заранѣе, не уловилъ скрытаго смысла моего предложенія. А когда изъ рѣчей моихъ противниковъ онъ увидѣлъ, что моя мысль клонится (какъ они говорили) къ «аристократизаціи кружка по числу написанныхъ листовъ», то—естъ, когда ему показалось, что я хочу устранить изъ кружка молодыхъ и начинающихъ авторовъ, онъ самъ присоединился къ мнѣнію моихъ противниковъ. Рѣчь онъ сказалъ очень мягкую, задумчивую, примиряющую; но именно эта мягкость и примирительный тонъ, доказывавшій его полное безпристрастіе,—уже окончательно докочали мое непонятое предложеніе. Нѣкоторые члены прямо сочли себя обиженными мною; одинъ владѣлецъ типографіи принялъ мое предложеніе на счетъ самого себя и своихъ коллегъ и шумно удалился изъ собранія, заявивъ, что онъ уходитъ самъ, пока его не выгнала комиссиа. Два-три лица послѣдовали его примѣру.

Я заявилъ послѣ этого собранію, что выхожу изъ кружка.

Дальнѣйшіе дни его были и послѣдними его днями. Случился инцидентъ, доходившій даже до судебного слѣдователя: одинъ изъ членовъ совѣта утверждалъ, что передалъ 200 рублей, принадлежащихъ кружку, другому члену совѣта; этотъ послѣдній отрицалъ полученіе. Возбудилось дѣло, но его постарались замять, а кружокъ прекратился самъ собою, завялъ и засохъ.

Въ заключеніе этой «исторіи Пушкинскаго кружка» мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, которое производилъ на меня Всеволодъ Гаршинъ въ это время. Трудно представить себѣ болѣе симпатчнаго впечатлѣнія, къ которому бы не примѣнивалось ничего—ни малѣйшихъ сомнѣній или диссонансовъ въ безусловной чистотѣ и даже красотѣ человѣческой личности! Да, Гаршинъ былъ, по-моему, настолько же прекрасенъ душой,

какъ онъ былъ прекрасенъ и своей вѣжностью. Что-то дѣтски-задумчивое, кроткое, мягкое, изящное безъ всякой мысли объ изяществе было и въ его лицѣ, и въ глазахъ, и въ голосѣ, и въ каждомъ словѣ, которое онъ говорилъ.

Необычайная правдивость, искренность, простота, совершенное отсутствіе смущенія или волненія, какія бываютъ даже у самыхъ выдающихся людей, если они самолюбивы и помнятъ о «себѣ», о сохраненіи своего достоинства или уваженія окружающихъ. Въ Гаршинѣ чувствовалось, что онъ совсѣмъ не думаетъ о себѣ, что онъ весь отдается тому дѣлу или вопросу, или предмету, или лицу, на которомъ остановилось его вниманіе.

Мнѣ припоминается одинъ маленькій случай, который, какъ весьма часто именно маленькіе случаи, освѣщаетъ эту черту въ личности Гаршина, черту, состоящую въ способности отдаваться какому либо предмету, какъ отдаются только дѣти. А, вѣдь, дѣти—самые великіе, чистые и безкорыстные наблюдатели и созерцатели жизни, ея явленій и окружающихъ предметовъ.

Дѣло было въ моей квартирѣ, вѣкорѣ послѣ Святой недѣли. Мы собрались въ засѣданіе комитета. Былъ и Гаршинъ. На небольшомъ столѣ, за которымъ мы сидѣли, стояла металлическая пепельница, въ видѣ разбитаго яйца, подаренная мнѣ кѣмъ-то на Пасху. Яйцо было устроено такъ, что становилось само собою на свой широкій конецъ, и, какъ бы вы ни опрокидывали его, оно вновь принимало прежнее положеніе. Гаршинъ заинтересовался этимъ яйцомъ, какъ ребенокъ, пока мы еще не начали засѣданія. Во время засѣданія, тинувшагося часа полтора, онъ съ такимъ же полнымъ самозабвеніемъ отдался вопросамъ, подлежащимъ нашему разсмотрѣнію. Но когда мы окончили засѣданіе, Гаршинъ вновь вспомнилъ о яйцѣ, подошелъ къ маленькому столику и нѣсколько разъ старался повалить пепельницу, улыбался тому, что она вставала. — Вотъ интересная пепельница! — воскликнулъ онъ, наконецъ, и въ голосѣ его чувствовалось чисто-дѣтское удовольствіе.

И тотъ же человѣкъ, идя какъ-то вечеромъ по улицѣ со своей женой (въ то время слушательницей женскихъ врачебныхъ курсовъ) и съ нѣсколькими своими знакомыми, былъ привлеченъ уличной сценой: какой-то господинъ требовалъ, чтобы городовые взяли указываемую имъ молодую дѣвушку и отвели въ участокъ, такъ какъ онъ обвиняетъ ее въ недовольномъ уличномъ промышлѣ. Суровый господинъ называлъ себя членомъ комитета, заботящагося о нѣкоторыхъ санитарныхъ условіяхъ столицы. Женщина (или дѣвушка) горько плакала, говорила, что она ни въ чемъ не виновата, просила отпустить ее и т. д.

Гаршинъ принялъ горячее участіе въ этой несчастной. Онъ тутъ же, поздно вечеромъ, отправился съ женой и со своими зна-

комыми въ участокъ слѣдъ за арестованной, потребовалъ, чтобы и его показаніе было внесено въ протоколъ, и затѣмъ, когда дѣло перешло къ мировому судѣ, аккуратно являлся на засѣданія въ качествѣ свидѣтеля въ пользу бѣдняжки, съ которой поступили дѣйствительно несправедливо и обходились очень грубо при ея задержаніи.

Тутъ мы видимъ ту же беззавѣтность, ту же горячую, молодую способность отдаваться влеченію своей души. Но только здѣсь это влеченіе было глубоко-гуманное, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Гаршина. И важнѣе всего то, что такія влеченія у него были не увлеченіями, т. е. не мимолетными или скоропреходящими порывами. Нѣтъ, они глубоко западали въ его душу, заставляли вновь возвращаться къ предмету или вопросу, которые его заинтересовывали, пока этотъ вопросъ или предметъ не будетъ вполне понятъ, исчерпанъ или ассимилированъ.

Насколько я понимаю сущность художественнаго творчества, эти свойства являются самыми необходимыми элементами высшаго художественнаго и поэтическаго таланта. Только такіе таланты даютъ намъ не поверхностныя, такъ сказать, фотографическія черты явленія, предмета, событія, а самую ихъ душу, ихъ идею, ихъ настроеніе (если можно такъ выразиться). И таковы именно всѣ произведенія Гаршина. Подъ его взглядомъ дѣлались живыми, полными глубочайшаго и высшаго смысла — и пальма ботаническаго сада, и жаба, и сорванная роза, и жуки, и русскій раненый солдатикъ, забытый на полѣ сраженія, и несчастный желѣзнодорожный сторожъ.....

Сколько великихъ произведеній могъ дать намъ этотъ чудный человекъ, если бы смерть не отняла его такъ рано у Россіи!

ХІІІ.

Терпигоревъ (Сергій Атава).—Его отличительныя черты въ домашней жизни.—Его гостепріимство, любовь къ народу и горячее, искреннее отношеніе къ своему писательству.

Сообщу теперь мои воспоминанія о другомъ крупномъ талантѣ и горячемъ, искреннемъ человекѣ, о которомъ теперь уже рѣдко вспоминаютъ. А между тѣмъ въ его произведеніяхъ, несмотря на ихъ почти неизмѣнную связанность съ крѣпостнымъ помѣщичьимъ бытомъ, есть много «вѣчнаго», общечеловѣческаго, глубокаго: я говорю о Терпигоревѣ.

Въ Терпигоревѣ, какъ и въ Тургеневѣ, были наслѣдственныя черты барина, помѣщика, а, между тѣмъ, это были совершенно различныя типы.

У Терпигорева не было ни утонченности манеръ и обращенія, свойственныхъ барамъ, воспитаннымъ подъ строгимъ надзоромъ иностранныхъ гувернантокъ, хотя изъ очерковъ его видно, что у него были и гувернеры, и гувернантки. Но изъ тѣхъ же очерковъ (напримѣръ, «Дьяконъ») видно, что эти воспитатели его дѣтства были и «люди», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, люди съ извѣстными общественными убѣжденіями, ненавидѣвшіе рабство и насилие. Манеры Терпигорева, вся его фигура, нѣсколько разжирѣвшая, носили слѣды степного добродушія и гостепримства, однимъ словомъ, того тиша русскихъ баръ, которые любили жить весело, окружать себя гостями и ничего не жалѣли, чтобы ихъ накормить и напоить. Такіе помѣщики страстно любили охоту, охотничьихъ собакъ, любили красивыхъ, рослыхъ, здоровыхъ русскихъ женщинъ, любили сытно и вкусно поѣсть, но опять таки по-русски, безъ французскихъ утонченностей, любили и вышить прилично и опять въ русскомъ вкусѣ: предпочитая иногда «березовку» или «смородиновку», рецептъ которыхъ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, — какому нибудь утонченному французскому вину.

Всѣ эти черты и были у Терпигорева. Въ первый же разъ, какъ онъ пригласилъ меня къ себѣ посидѣть вечеромъ, я засталъ у него нѣсколько человѣкъ гостей, въ томъ числѣ извѣстнаго московскаго публициста Приклонскаго. Живая бесѣда скрашивалась обильными яствами и возліяніями, при чемъ я, никогда не пьющій водки и настоекъ, съ наслажденіемъ выпилъ именно «березовки», а затѣмъ «смородиновки», совершенно необыкновенныхъ: отъ «березовки» пахло настоящими, только что распустившимися березовыми молодыми листочками, и каждая капля ея переносила васъ въ деревню, въ березовую аллею, ранней весной, когда каждый листокъ распространяетъ ароматъ. «Смородиновка» переносила ваше воображеніе въ фруктовый садъ, гдѣ среди яркой, густой травы разбросаны тѣнистые кусты крыжовника и черной смородины. Терпигоревъ сейчасъ же объяснилъ способъ приготовленія этихъ чудодѣйственныхъ нектаровъ: «нужно де собрать первые листочки, но не класть ихъ тогда же въ водку, а сохранять и только за два дня до употребленія настаивать ими вино. Тогда и получится этотъ естественный ароматъ!»

Въ первый разъ я былъ у него въ городской квартирѣ, а въ послѣдующіе за городомъ, у Строгонова моста, гдѣ онъ занималъ цѣлый барскій деревянный домъ, съ колоннами и садомъ, обращенный фасадомъ на красавицу Неву.

Терпигоревъ сумѣлъ, такимъ образомъ, устроить себѣ и въ Петербургѣ вполнѣ барскую усадьбу. Отсюда онъ чуть не ежедневно путешествовалъ въ Петербургъ «для моціона», показывался на Невскомъ среди толпы гуляющихъ, наблюдалъ эту толпу, встрѣчался съ знакомыми, останавливалъ ихъ, бесѣдовалъ и опять шелъ,

заканчивая прогулку завтракомъ или обѣдомъ, по большей части, въ ресторани «Афганистанъ» (около Пассажа), куда и меня затягивалъ раза два.

Въ своей усадьбѣ у Строгонова моста онъ также любилъ устраивать обѣды, «блины» и т. п. Разъ, на такихъ блинахъ, я встрѣтилъ В. А. Гольцева (изъ Москвы).

Я пришелъ нѣсколько рано. Тернигоревъ заканчивалъ съ своимъ кабинетъ, стоя у высокой конторки, какой-то фельетонъ, который очень волновалъ его, какъ и все, что выходило изъ-подъ его пера. Въ этомъ фельетонѣ онъ полемизировалъ съ княземъ Мещерскимъ по поводу проповѣди этого послѣдняго о необходимости розогъ для мужика.

Онъ попросилъ меня «чутьочку посидѣть», такъ какъ онъ сейчасъ кончить,—далъ мнѣ альбомъ фотографій съ своихъ собакъ, выставленныхъ на послѣдней выставкѣ, но живой, страстной темпераментъ не позволилъ ему писать покойно. Онъ безпрестанно прерывалъ себя, прочитывая мнѣ вслухъ тѣ мѣста изъ своей полемики, которыя были особенно удачны и были мѣтко противника. Съ общимъ содержаніемъ фельетона онъ познакомилъ меня ранѣе, тотчасъ по моемъ приходѣ.

На Тернигоревѣ была широкая красная кумачевая рубашка, подпоясанная «святымъ» пояскомъ съ молитвой, какіе обыкновенно продаютъ въ монастыряхъ и особенно любимы крестьянами. Тотъ негодующій юморъ, съ какимъ онъ разсказалъ мнѣ о разбираемой имъ статьѣ и о планѣ своихъ возраженій, тотъ добродушно-ядовитый смѣхъ, съ какимъ онъ прочитывалъ выдержки изъ своего фельетона, сказали бы каждому, что онъ пишетъ «всѣмъ шутромъ», всѣмъ сердцемъ, что онъ живетъ тѣмъ, что пишетъ.

Фельетонъ отправленъ, и Тернигоревъ сталъ мнѣ показывать свое хозяйство. А оно состояло изъ двухъ великолѣпныхъ черныхъ сетеровъ, получившихъ золотыя медали на послѣдней выставкѣ. Были показаны и эти медали. Тернигоревъ съ наслажденіемъ ребенка и настоящего любителя заглядывался на своихъ чудныхъ героевъ, скакавшихъ къ нему на грудь и прыгавшихъ кругомъ. А я въ свою очередь любовался на его атлетическую фигуру въ красной рубашкѣ, на его не красивое, но доброе и милое лицо съ почти не исчезавшей улыбкой, сразу и добродушной и полной юмора.

Съ его женой (второй) я уже былъ знакомъ. Теперь, войдя къ намъ, въ комнату залитую свѣтомъ, она вновь заставила меня вспомнить первое впечатлѣніе отъ знакомства съ нею: это была сама жизнерадостность, здоровье, мощь, веселая привѣтливость и безпредѣльное гостепріимство! Тернигоревъ подобралъ себѣ и подругу жизни по своему характеру: въ ея присутствіи вы чувствовали себя дома среди друзей, которые готовы открыть вамъ всѣ свои кладовыя и

лари, чтобы вы были сыты, веселы, довольны... И вамъ невольно хотѣлось смотрѣть на ея высокую фигуру, полную, но безъ излишества, на ея пріятное лицо, пылавшее румянцемъ, на ея добрые, ласковые глаза. Совсѣмъ простой костюмъ, безъ всякихъ украшеній, какъ у всѣхъ городскихъ русскихъ женщинъ, заставлялъ васъ еще больше чувствовать себя дома и держаться безъ излишнихъ стѣсненій и свѣтскихъ формальностей.

Я не буду описывать «блиновъ», со всѣми принадлежностями къ нимъ, съ удивительной ухой и т. д.

Если я рассказываю обо всемъ этомъ, то исключительно затѣмъ, чтобы нѣсколько обрисовать типъ Терпигорева и его семьи, такъ какъ всѣ угощенія, предложенныя намъ и восхищавшія знатоковъ (а ихъ собралось человѣкъ десять-двѣнадцать), были приготовлены и сервированы самой хозяйкой. Согласіе между нею и хозяиномъ было, повидному, безусловное, полное: ни малѣйшей тѣни недовольства; ни разу никакого замѣчанія съ его стороны или торопливости съ ея.

Но вы ошиблись бы, если бы подумали, что вся жизнь и душа Терпигорева были въ этомъ гурманствѣ, въ этихъ собакахъ. Нѣтъ, это былъ аксессуаръ, который, казалось, былъ ему такъ же необходимъ, какъ и воздухъ.

А содержаніе жизни давалось общественными вопросами, волновавшими въ то время прессу и на которые онъ откликался и въ жизни, и въ своихъ фельетонахъ со всею горячностью и подвижностью своего сангвиническаго темперамента.

Самое гурманство было у него особаго характера, болѣе снпатичное, чѣмъ обыкновенное, эгоистическое гурманство или сластолюбіе, которое мнѣ отвратительно. У него оно носило вполне общественный характеръ, было формой гостепріимства, любви къ обществу и дружеской умной бесѣдѣ, которая для русскаго человѣка какъ-то не устраивается, если нѣтъ ѣды и цитія. Даже изъ моихъ воспоминаній можно видѣть, что самый, такъ сказать, цвѣтъ русской интеллигенціи не можетъ сходиться для однихъ бесѣдъ: ему нуженъ обѣдъ или ужинъ, и тогда развязываются языки, начинаются рѣчи. Не даромъ же въ русскомъ народѣ сложилась поговорка: «сухая ложка ротъ деретъ». А Терпигоревъ былъ русскій человѣкъ до мозга костей...

Пожелаемъ же мира его праху! Онъ искренно, горячо, сердечно любилъ Россію и русскій народъ! Онъ страстно, насколько было въ его силахъ, боролся съ врагами этой любимой Россіи и ея народа!

XIV.

Н. С. Лѣсковъ.—Его характеристика, сдѣланная Терпигоревымъ.—Вѣрность этой характеристики.—Лѣсковъ въ городѣ и на дачѣ.

Нѣсколько инымъ и даже совсѣмъ инымъ представляется мнѣ Николай Семеновичъ Лѣсковъ, о которомъ тотъ же Терпигоревъ, большой мастеръ на опредѣленіи людей, иногда неудобныя для печати, говорилъ, что тотъ не можетъ прикоснуться ни къ одному человѣку, не положивъ на него кусочекъ... дурно пахнущаго вещества...

У Лѣскова мнѣ пришлось быть два раза: въ первый разъ на городской квартирѣ, отдавая ему визитъ; во второй разъ на дачѣ, въ Шуваловѣ.

Въ городской квартирѣ меня поразила пестрота ея обстановки и убранства со множествомъ предметовъ русской археологіи или, попросту, русской старины, въ видѣ гравюръ, книгъ, полотенецъ, образовъ и т. п.

Все это было размѣщено съ извѣстнымъ вкусомъ, какъ на выставкѣ, и мнѣ почувствовалось, что нельзя жить уютно, полной, настоящей жизнью, среди этой искусственной обстановки. Быть можетъ, тутъ было и немало вещей цѣнныхъ по своей рѣдкости. Но, вѣдь, рѣдкость-то, прежде всего, и не есть сама по себѣ «цѣнность», т. е. удовлетвореніе живой потребности; рѣдкость цѣнна только по тому удовлетворенію, которое она даетъ своему собственнику: «вотъ молъ у меня есть какая вещь,—ни у кого другого нѣтъ такой».

И въ этой обстановкѣ (какъ это почти всегда бываесть) сказывалась и сущность характера самого хозяина: онъ жилъ одиноко, жилъ для себя, хотя говорили, что у него есть деньги, и даже, что онъ изрѣдка даетъ ихъ подъ хорошее обезпеченіе.

Въ самыхъ его писаніяхъ сказывалось это свойство любителя рѣдкостей: онъ выбиралъ или подбиралъ такія фразы, такія слова, «какихъ ни у кого не встрѣчается», онъ рисовалъ типы, которые рѣдко встрѣчаются. Наоборотъ, ничто простое, обыкновенное, просто-жизненное, ему не было любо, вызывало въ немъ брезгливость или отвращеніе. Вы не найдете у него ни одного типа, ни одного лица, на которое бы онъ не положилъ «кусочекъ дурно пахнущей грязи». Даже, описывая толстовцевъ, съ которыми онъ очень любезничалъ, часто посѣщая складъ «Посредникъ», бывшій ихъ средоточіемъ въ Петербургѣ, онъ сумѣлъ въ свои описанія подпустить достаточное количество яда и безжалостной насмѣшки. Вспомните описаніе ихъ костюма или фразу о нихъ одной изъ героинь разсказа: «не такъ страшень чортъ, какъ его малютки».

Только прислуга изъ толстовокъ вышла у него болѣе симпатичною, да и то потому, что къ женщинамъ онъ вообще былъ снисходительнѣе, чѣмъ къ мужчинамъ.

На дачѣ мнѣ пришлось у него быть по дѣлу. Только передъ тѣмъ онъ выразилъ большое сочувствіе къ моему журналу. Именно для журнала мнѣ, въ началѣ лѣта, крайне понадобилась небольшая сумма денегъ, которую легко было покрыть изъ полугодовой подписки. Всѣ говорили, что Лѣсковъ дастъ деньги взаймы, и что у него можно попросить. Вотъ я и поѣхалъ.

Дачу въ «Озеркахъ» онъ занималъ на прекрасномъ мѣстѣ, на возвышеніи, надъ озеромъ. Съ его стеклянной галлерей было видно все огромное озеро отъ края до края и необъятная зеленѣющая даль—парковъ, дачъ, садовъ, полей и, наконецъ, на горизонтѣ—финляндскихъ лѣсовъ...

Когда я пріѣхалъ, его не было дома. Меня встрѣтила очень изящная прислуга-нѣмка, говорившая ломанымъ русскимъ языкомъ, скромная, но ласковая, очень чисто одѣтая и очень недурная собой.

Она посоветовала мнѣ подождать Николая Семеновича, который уже полчаса тому назадъ долженъ былъ вернуться изъ города. Я остался, и Лѣсковъ дѣйствительно возвратился домой черезъ нѣсколько минутъ. Онъ прямо прошелъ въ свою комнату, гдѣ переодевался и умывался, а затѣмъ вышелъ ко мнѣ и принялъ меня очень привѣтливо, почти дружески. (Передъ этимъ въ моемъ журналѣ была напечатана его статья).

Въ рукѣ онъ держалъ какой-то небольшой предметъ, завернутый въ бумагу.

Поговоривъ со мной, онъ позвалъ нѣмку, которой сказалъ любезно, указывая на свертокъ:

— А это—подарокъ вамъ.

— Что такое?—улыбаясь жеманно, спросила она.

— А вотъ сейчасъ развернемъ.

Оказалось, что это былъ новоизобрѣтенный «пробникъ» для молока. Достаточно было налить на этотъ «пробникъ» немножко молока, и получался оттѣнокъ, позволяющій угадывать, чисто ли оно, или содержитъ какія нибудь подмѣси.

Нѣмка выразила или старалась выразить удовольствіе отъ такого подарка, «сдѣланнаго ей», какъ выразился Лѣсковъ.

Мнѣ это показалось тогда характеристичнымъ. Даже то, что было нужно прежде всего ему самому, онъ умѣлъ сдѣлать подаркомъ для другого.

Когда онъ впоследствии посѣщалъ складъ «Посредникъ», просиживалъ тамъ по цѣлымъ часамъ, читалъ въ слухъ кое-что изъ своихъ произведеній, бесѣдовалъ или наблюдалъ чужія бесѣды и споры, мнѣ всегда вспоминался этотъ случай: онъ тоже дѣлалъ этимъ юношамъ «подарокъ», являясь запросто въ ихъ среду, но

дѣлалъ онъ все это для того, чтобъ напечатать для себя новый материалъ и дать его подъ тѣмъ соусомъ, о которомъ говорилъ Терпигоревъ.

Въ противоположность Терпигореву, режимъ Лѣскова отличался чисто нѣмецкой скромностью: на завтракъ намъ дали по ломтику яичницы и по стакану молока, вѣроятно, уже испробованнаго на новомъ инструментѣ.

Наконецъ, я рѣшился приступить и къ разговору о деньгахъ.

Лѣсковъ улыбнулся, выслушавъ мой откровенный разговоръ о положеніи дѣла, а я былъ вполне откровененъ, такъ какъ имѣлъ дѣло съ писателемъ, который еще недавно выражалъ горячее сочувствіе журналу: «значить, поможетъ,— думалъ я, — нужно только все рассказать откровенно, на чистоту».

Итакъ, онъ улыбнулся и отвѣтилъ покойно:

— Сразу видно, что вы не умѣете просить денегъ займа! Но въ данномъ случаѣ это все равно: у меня денегъ нѣтъ, а, если и есть, то очень не большія, а я вамъ лучше посоветую вотъ что...

И начались совѣты, въ которые вошелъ даже знаменитый богачъ Кокоревъ (бывшій откупщикъ); Лѣсковъ предлагалъ даже переговоры съ нимъ и о результатахъ меня увѣдомить, много говорилъ объ умѣ и чуткости Кокорева, о томъ, что, говоря съ человекомъ, онъ видитъ насквозь не только своего собесѣдника, но и землю подъ нимъ на цѣлую сажень.

Тогда Лѣскова былъ теперь иной. Его любезность утратилась и смѣнилась сухостью дѣловыхъ разговоровъ. Я затронулся уйти отъ него, и онъ меня не удерживалъ, какъ будто я потерялъ для него всякій интересъ.

Никакого извѣщенія о его переговорахъ съ Кокоревымъ я потомъ не получалъ и не видѣлъ Лѣскова съ тѣхъ поръ ни разу.

XV.

Складъ «Посредникъ» и его значеніе въ литературѣ.— Впечатленіе, вынесенное мною отъ его внутренней жизни.— Стадіи развитія этого кружка.

Отъ Лѣскова—прямой переходъ къ складу «Посредникъ», гдѣ я встрѣчался съ Николаемъ Семеновичемъ.

Этотъ «складъ» имѣетъ прямое отношеніе къ литературѣ, такъ какъ онъ едва ли не первый на Руси началъ въ обширныхъ размѣрахъ изданіе книгъ для народа, не съ цѣлью барыша или коммерческой наживы, а совершенно безкорыстно, съ идейными цѣлями, отдавая этому дѣлу бесплатно огромный трудъ и предоставляя всѣ барыши его торговой фирмѣ, взявшей на себя печатаніе и распространеніе изданій, подготовленныхъ, отредактированныхъ и даже прокорректированныхъ складомъ.

Лица, состоявшія членами склада, считали въ своей средѣ и крупныхъ богачей—аристократовъ, и небогатыхъ интеллигентовъ—разночинцевъ, но все одинаково жили чрезвычайно скромно, даже бѣдно,—нѣкоторые въ своихъ квартирахъ, при семьяхъ, другіе при самомъ складѣ, въ двухъ-трехъ небольшихъ коморкахъ, иногда сырыхъ и холодныхъ и даже почти всегда холодныхъ и сырыхъ, такъ какъ члены склада стремились къ наибольшей дешевизнѣ помѣщенія и къ тому, чтобы оно было въ нижнемъ этажѣ, гдѣ можно выставить книжечки прямо на лицедрѣніе проходящему люду, въ окнахъ. Сперва складъ помѣщался на Дворинской улицѣ (на Петербургской сторонѣ) въ небольшомъ каменномъ домикѣ, внизу (теперь онъ перестроенъ); затѣмъ въ деревянномъ старомъ домѣ на углу 8-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта. Это былъ самый оживленный періодъ въ существованіи склада. Послѣ этого перебрались въ болѣе комфортабельное помѣщеніе на Лиговскѣ, противъ 1-й улицы Песковъ, а затѣмъ дѣятельность склада была перенесена изъ Петербурга въ Москву.

Есть и теперь въ Петербургѣ складъ «Посредникъ», возникшій одновременно съ послѣдними днями прежняго: онъ не имѣлъ и не имѣеть ничего общаго съ прежнимъ, нося съ нимъ лишь одинаковое названіе, противъ чего нельзя было принять никакихъ мѣръ, такъ какъ основатель второго «Посредника», имѣецъ, утверждалъ, что онъ еще ранѣе получилъ разрѣшеніе на книжный магазинъ съ такимъ названіемъ.

Съ дѣятелями склада «Посредникъ» я познакомился до его открытія, получивъ сперва изъ Воронежской губерніи проектъ его учрежденія съ просьбой высказать мои замѣчанія на этотъ проектъ. Подобныя же просьбы были обращены къ нѣсколькимъ другимъ писателямъ. Вскорѣ по полученіи мною этого проекта, ко мнѣ явился и одинъ изъ основателей этого склада, молодой офицеръ морской службы, бѣлокуроый, худенькій, симпатичный, съ добрыми дѣтски-ласковыми глазами, П. И. Б—въ. Затѣмъ я познакомился и съ другимъ учредителемъ склада, В. Ч—вымъ. Упоминаю объ этомъ знакомствѣ, такъ какъ черезъ В—ва и Ч—ва я впоследствии познакомился съ Л. Н. Толстымъ, о которомъ буду говорить въ слѣдующей главѣ. А теперь возвращусь къ складу «Посредникъ».

Оба новыхъ знакомыхъ моихъ имѣли независимыя и даже хорошія средства: одинъ былъ помѣщикомъ Костромской, другой—Воронежской губерніи. Мысль, возникавшая у нихъ, встрѣтила горячее и живое сочувствіе въ средѣ писателей и выдающихся художниковъ. Почти все наши лучшіе беллетристы обѣщали имъ дать свои рассказы, приспособленные для народнаго чтенія. Знаменитые художники обѣщали свои иллюстраціи и рисунки. Главнымъ условіемъ складъ ставилъ, чтобы въ его изданіяхъ не было ничего,

несогласнаго съ христіанской моралью. Тотчасъ нашлось немало лицъ изъ молодыхъ литераторовъ, слушательницъ высшихъ курсовъ, интеллигентныхъ дамъ и вообще лицъ, сочувствовавшихъ просвѣщенію народа, которые предложили безвозмездно свои услуги и помощь при просмотрѣ, редактированіи и корректурѣ симпатичныхъ изданій склада. Работа закипѣла. Книжки печатались не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, издателемъ Никольскаго рынка и книжнымъ торговцемъ Сытинымъ, который быстро сталъ расширять свое издательское дѣло, прибрѣлъ паровую печатную машину, затѣмъ другую, а впослѣдствіи сталъ издавать многотомныя сочиненія и даже журналъ и газету. Изданія «Посредника» расходились въ первые же года въ милліонахъ экземпляровъ, а попытки нѣкоторыхъ другихъ лицъ взяться за то же дѣло, внеся въ него иное направленіе, не имѣли успѣха и очень быстро прекращались послѣ нѣсколькихъ выпущенныхъ книжекъ.

Между тѣмъ основатели и дѣятели склада продолжали жить также скромно и бѣдно. У нихъ даже явилась мысль, что слѣдуетъ извлекать средства къ существованію только плодами производительнаго физическаго труда, а трудъ распространенія истины долженъ быть бесплатнымъ, носящимъ цѣль и награду въ самомъ распространеніи свѣта и истины. Поэтому стали задумываться о томъ, какъ бы научиться различнымъ ремесламъ. Лица, сочувствующія дѣятельности склада, почти каждый день заходили туда вечеромъ: собиралось, такимъ образомъ, иногда человѣкъ десяти-пятнадцати; обсуждались различныя положенія и требованія этики, читались въ слухъ новыя, особенно выдающіяся произведенія, поступившія въ складъ для изданія или просто написанныя авторами, но еще не напечатанныя. Такъ, я уже упоминалъ, что здѣсь читалъ отрывки изъ своего произведенія Лѣсковъ; здѣсь же я услышалъ въ первый разъ «Крейцерову сонату» Л. Н. Толстого и нѣкоторыя другія его произведенія и рассказы.

Удивительное впечатлѣніе выносилъ я каждый разъ изъ этихъ посѣщеній склада «Посредникъ»: все житейское, эгонстическое, мелкое исчезало изъ души. Она освѣщалась мягкимъ, радостнымъ свѣтомъ высочайшихъ этическихъ стремленій и цѣлей, достигнуть которыхъ казалось такъ легко въ живомъ общеніи съ другими, которые уже осуществляли отчасти жизнь, «откинувшую всякія житейскія попеченія».

Одинъ мой знакомый, любившій все выражать грубымъ, реалистическимъ, нѣсколько циничнымъ языкомъ, сказалъ мнѣ однажды, выходя изъ склада:

— Право, я чувствую себя, выходя отсюда, словно послѣ бани: чувствуешь, что вымылся, сталъ чище, легче и бодрѣе.

Мысль о ремеслахъ начала осуществляться. Сперва взяли учителя шить сапоги, потомъ переплетать, и, наконецъ, добрались до столярничанья и даже подумывали учиться слесарному дѣлу.

Такъ какъ при складѣ не было помѣщенія для обученія всѣмъ этимъ ремесламъ, требовавшимъ значительнаго мѣста для орудій, инструментовъ и матеріала, то была нанята небольшая квартирка, въ три комнаты съ прихожей, на одной площадкѣ съ моею квартирой на Слоновой улицѣ, въ домѣ Тимоѣева. Въ ней поселился одинъ изъ руководителей мастерской, большой знатокъ и дока въ разныхъ ремеслахъ, хотя онъ и служилъ передъ этимъ въ одномъ изъ петербургскихъ банковъ. Сперва дѣло обученія пошло очень хорошо. Желающіе учиться являлись аккуратно и дѣлали успѣхи. Но мало-по-малу стали приходять не съ прежней аккуратностью; преподаватель ремеселъ, руководившій мастерской, началъ проявлять властныя наклонности, дѣлалъ рѣзкіе выговоры, грубыя замѣчанія. Общее расположеніе духа потеряло отъ этого прежнюю высокую настроенность, полную взаимной любви. Въ концѣ концовъ мастерскую стали посѣщать только три-четыре человѣка, и она закрылась...

Къ этому именно времени относится мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, къ которому я и перехожу теперь.

Л. Е. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УБИЙСТВО ПОМЪЩИКА ОЛОВЯННИКОВА.

(Быль изъ прошлой жизни).

НАДЪЛАНШЕЕ въ свое время много шума дѣло объ убійствѣ щигровскаго помѣщика Оловянникова и до сей поры живетъ въ памяти нѣкоторыхъ изъ курскихъ старожиловъ. Дѣло это, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу такихъ, которыя въ значительной степени обрисовываютъ особенности прошлаго быта и нравовъ и производятъ сильное впечатлѣнiе своимъ глубокимъ трагизмомъ. Вотъ уже прошло семьдесятъ лѣтъ со времени убійства Оловянникова, а между тѣмъ преданiе о немъ, переходя изъ поколѣнiя въ поколѣнiе, сохранилось до настоящаго времени въ видѣ легенды, гдѣ въ большей или меньшей степени бывшее переплетено съ небылицами. Нужно сказать, что «Оловянниковское дѣло» и для современниковъ представлялось страннымъ и загадочнымъ. Одинъ изъ нихъ, теперь уже давно покойникъ, совѣтуя мнѣ отыскать въ мѣстныхъ архивахъ данныя объ этомъ, по его выраженiю, «прогрѣвшемъ на всю Курскую губернiю казусъ», качая своей, убѣжденной сѣдинами, головой, приговаривалъ:

— Темное это было дѣло, охъ, какое темное! Изъ-за этого дѣла самъ губернаторъ М. Н. Муравьевъ «выговоръ» получилъ...

Намъ удалось, однако же, послѣ продолжительныхъ розысканiй найти архивные документы, касающiеся «знаменитаго дѣла». Первое впечатлѣнiе образуетъ, такъ сказать, цѣлое море всевозможнѣйшихъ канцелярскихъ бумагъ, въ которыхъ не часень разобратся путемъ. Вспоминается фраза Кантемира «лѣзть на бумаж-

ны горы», и, начавши работу, несразу овладѣваешь «полемъ зрѣнія» и уясняешь себѣ ходъ страшной жизненной драмы. Первоначальное слѣдствіе объ убійствѣ Оловяникова, дополнительныя слѣдствія, новое разслѣдованіе преступленія, движеніе по разнымъ судебнымъ инстанціямъ продолжались, въ своей совокупности, около десятка лѣтъ, результатомъ чего, конечно, явилась громаднѣйшая переписка разнородныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Оловяниковское дѣло доставило много хлопотъ мѣстной и столичной юрисдикціи, было разсматриваемо въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ, восходило на высочайшее воззрѣніе императора Николая Павловича и вызвало осужденіе земскаго и уѣзднаго судовъ и самой курской палаты уголовного суда. Не говорю уже о томъ, что въ дѣлѣ объ убійствѣ Оловяникова было открыто много злоупотребленій административныхъ и судебныхъ чиновниковъ, которые впоследствии подверглись разнымъ наказаніямъ и взысканіямъ.

Вотъ эта грустная, но любопытная исторія.

I.

Въ Щигровскомъ уѣздѣ Курской губерніи, въ селѣ Красномъ, проживалъ богатый помѣщикъ, отставной майоръ Оловяниковъ. У него были обширныя имѣнія, находившіяся въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Ко времени нашего разсказа Оловяниковъ былъ вдовцомъ, и въ одномъ съ нимъ домѣ проживали сынъ, отставной поручикъ Виссаріонъ, и незамужняя дочь Елизавета. Другая дочь Анна была замужемъ. Оловяниковъ — уже порядочный старикъ — велъ жизнь самую безалаберную, самодурствовалъ, ежедневно напивался во всю правду и забавлялся разными выходками и балаганническими продѣлками кру́постного шута-дурачка. Къ дѣтямъ старый майоръ относился ненормально: Виссаріона, которому въ то время было уже подъ тридцать лѣтъ, онъ терпѣть не могъ, держалъ его въ черномъ тѣлѣ и отказывалъ въ самомъ необходимомъ. Бывшій поручикъ щеголялъ, вмѣсто собственнаго платья, въ обноскахъ, которыми его ссужалъ домашній учитель, обучавшій когда-то дѣтей Оловяникова, да потомъ и оставшійся жить въ помѣщичьей усадьбѣ на хлѣбахъ изъ милости; ютился онъ въ маленькой комнатѣ нижняго этажа и отраду своихъ дней видѣлъ только въ выпивкѣ и приставаніи къ дворовымъ женщинамъ. Замужняя дочь Оловяникова навѣщала отца со своимъ мужемъ и дѣтьми, гостила у него, но любовью старика не пользовалась. Но зато онъ страстно любилъ незамужнюю дочь, но любовь эта необыкновенно тяготила ее. Отецъ ласкалъ ее, ни въ чемъ ей не отказывалъ, довѣрялъ упра-

вление всѣми денежными и хозяйственными дѣлами, дѣлалъ дорогіе подарки, исполнялъ всѣ ея прихоти... но требовалъ одного — безсмысленнаго дежурства при немъ и требовалъ «грозно и повелительно». Еле-еле удавалось Елизаветѣ на день, на два, отлучиться изъ дома, а когда приходилось самому Оловянникову выѣзжать въ Цигры или Курскъ, то онъ большею частью бралъ съ собою любимую дочь, что той очень не нравилось. Любопытно въ этомъ отношеніи показаніе сестры Елизаветы—Анны:

— Отецъ отказывалъ сестрѣ въ развѣздахъ по баламъ и гостямъ, запрещалъ кокетничать съ мужчинами и ни за что не хотѣлъ выдать ее замужъ. Нѣсколько помѣщиковъ изъ окрестной молодежи одинъ за другимъ предлагали ей руку. Всѣ получали отъ Оловянникова отказъ.

Онъ дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ то угрозами, то просьбами, иногда даже, если былъ навеселѣ, плакалъ и становился передъ дочерью на колѣни.

Въ 1830-мъ году, съ семействомъ Оловянникова познакомился молодой человѣкъ, поручикъ въ отставкѣ, Я—ій. Онъ очень понравился Елизаветѣ и сталъ навѣщать оловянниковскую усадьбу чаще и чаще. Прошло немного времени, и Я—ій сдѣлалъ предложеніе Елизаветѣ. Она дала свое согласіе, и оба обратились къ отцу. Тотъ и слышать не захотѣлъ о свадьбѣ, а на Я—аго закричалъ, затопалъ ногами и тутъ же поспѣшилъ отказать молодому человѣку отъ дома. Грубъ былъ старикъ, а потому зычнымъ крикомъ своимъ даже привлекъ въ свою комнату прислугу.

Елизавета прежніе отказы отца, повидимому, переносила терпѣливо. Въ этотъ разъ она упала на колѣни, расплакалась, но не смогла разжалобить Оловянникова. Послѣ того какъ женихъ ея принужденъ былъ удалиться, старикъ сказалъ дочери, что въ благодарность за отказъ ея отъ замужества онъ даритъ ей 50.000 рублей.

— Дай только мнѣ,—говорилъ онъ,—честное слово, что не покинешь меня до моей смерти, а потомъ распоряжайся, какъ хочешь!

Отецъ прослезился въ свою очередь. Дочь дала слово и взяла переданные ей отцомъ изъ шкатулки 50.000 рублей.

Пока тѣмъ дѣло и окончилось.

Черезъ нѣсколько времени Я—ій нашелъ случай видѣться съ Оловянниковой. Потомъ у нихъ устроились тайныя свиданія въ нижнемъ этажѣ барскаго дома. Случалось, когда отецъ спалъ, они катались вмѣстѣ. Будучи самъ человѣкомъ со средствами, женихъ дарилъ Елизаветѣ драгоценныя вещицы, которыя она носила, а подозрительному старику объясняла, что украшаетъ себя на подаренныя имъ деньги.]

Время шло своимъ чередомъ, а о согласіи отца на бракъ и думать было нечего. Каждый день, послѣ обѣда, Елизавета вслѣдъ за отцомъ ходила въ его кабинетъ, напѣвала ему на сонъ грядущ-

цій колыбельныя пѣсни, была съ нимъ и вечеромъ. Съ нею въ отцовскую комнату допускался только шутъ, потѣшавшій своего барина. Изъ остальныхъ обитателей Оловянниковаго дома—дѣтей его, родныхъ и прислуги, никто не могъ входить въ «завѣтную» комнату. Убирала ее и даже стлала отцу постель Елизавета. Иногда старикъ просыпался ночью и надолго засаживалъ свою дочь играть съ нимъ въ пикетъ. Игра затягивалась на цѣлыя часы, и Елизаветѣ ни подъ какимъ предлогомъ не позволялось замѣнять себя кѣмъ либо изъ домашнихъ. Она исполняла все, чего желалъ старикъ-отецъ, но испытывала страшныя душевныя муки, о чемъ часто говорила своей сестрѣ.

Та, какъ могла, утѣшала ее.

— Вотъ умереть паленъка, онъ человекъ ветхій—дряхлый, тогда все пройдетъ для тебя; будешь жить на своей волѣ.

Елизавета тяжело вздыхала и находила себѣ отраду только въ перепискѣ съ любимымъ человекомъ. Она стала необыкновенно задумчива и, повидимому, создавала въ умѣ своемъ планъ дѣйствія.

И здѣсь мы находимся въ области роковой тайны: почему Елизавета Оловянникова, получившая отъ отца капиталъ въ 50.000 рублей, невѣста богатаго человека, не предпочла уѣхать изъ отцовской усадьбы и уходомъ выйти замужъ за Я—аго... Развѣ этого не практиковалось въ то время? Несмотря на тщательныя розыски, нищему эти строки во всемъ громадномъ дѣлопроизводствѣ не удалось найти хотя бы малѣйшаго намека на объясненіе роковой тайны, приведшей къ кровавой драмѣ.

II.

Въ декабрѣ 1831 года, съ Оловянниковымъ случилось непріятное происшествіе. Накушавшись вдоволь разныхъ яствъ (а онъ, несмотря на преклонныя лѣта, былъ порядочный лакомка), старый майоръ потребовалъ квасу. Принесли ему большую кружку освѣжительнаго напитка, и онъ не осунулъ ее сразу, а началъ смаковать квасокъ. Страшно ядовитая горечь обожгла ему ротъ. Тогда Оловянниковъ перепугался, не подсыпана ли въ квасъ отравы. Въ домѣ у него гостилъ знакомый—Пожидаевъ. По просьбѣ Оловянникова онъ отвѣдалъ подозрительнаго напитка и почувствовалъ необыкновенную горечь во рту, а потомъ тошноту.

— Тошно мнѣ стало, — сейчасъ же сказалъ гость, — замутило всего...

Хозяинъ позвалъ дворовыхъ людей, и они, по данному приказанію, отпивали изъ кружки...

— Ну, что? Ну, какъ? — спрашивалъ у cadaго крѣпостнаго баринъ.

— Тошнить! Горько! Дюже горько!—заявляли они.

Старикъ взялъ кружку, поставилъ ее въ шкафъ и заперъ на замокъ.

— Я знаю,—твердо сказалъ онъ,—это Виссаріонкино дѣло!

И велѣлъ назавтра заложить лошадей, чтобы ѣхать въ Курскъ.

Виссаріона отецъ считалъ безпутнымъ велѣдствіе его пьянства и заподозрѣлъ въ покушеніи на свою жизнь. И старый майоръ въ одно и то же время и ошибся, и нѣтъ. Сильнаго яда въ квасъ ему дѣйствительно всыпалъ сынъ, но въ этомъ случаѣ онъ былъ исполнителемъ просьбы своей сестры Елизаветы. Она обѣщала въ случаѣ смерти отца «озолотить» брата. Тотъ согласился отравить отца, но на сей разъ неудачно.

Оловянниковъ дѣйствительно на другой день послѣ описаннаго случая вмѣстѣ съ Елизаветою поѣхалъ въ Курскъ. Онъ привезъ съ собою злополучную кружку съ квасомъ. Въ Курскѣ старикъ обратился къ члену курской врачебной управы, доктору Ев—у, обыкновенно лѣчившему въ домѣ Оловянникова. Ев—ъ былъ хорошій пріятель Елизаветы Оловянниковой и фаворитъ сестры ея Анны.

Ев—ъ при самомъ старикѣ торжественно изслѣдовалъ квасъ и объявилъ, что въ немъ никакого яда не оказалось.

— Да какъ же такъ?—спорилъ съ докторомъ Оловянниковъ:— не я одинъ, Пожидаевъ, дворовые, все замѣтили въ квасу отраву.

И подробно излагалъ обстоятельства квасопитія.

Докторъ, какъ умѣлъ, успокаивалъ Оловянникова. Тотъ, повидному, согласился съ доводами Ев—а, но Елизавета поспѣшила послать въ усадбу записочку Виссаріону. Въ ней было сказано: «Дѣло кончено, въ квасу ничего не нашли».

А между тѣмъ отецъ берегъ квасъ, и когда собрался ѣхать изъ Курска домой, сказалъ дочери, что онъ кружку съ квасомъ представитъ въ щигровскій земскій судъ для того, чтобы ее арестовали и находящіяся въ ней остатки кваса формальнымъ образомъ изслѣдовали. Эти слова имѣли роковыя послѣдствія. Не будь такъ настойчивъ въ этомъ случаѣ старикъ, — можетъ быть, дочь его послѣ неудавшейся попытки отдѣлаться отъ отца имѣла бы время одуматься и измѣнить свои намѣренія. Но теперь она испугалась слѣдствія и допроса Виссаріону. Теперь у нея на умѣ была одна мысль—спѣшить, какъ только возможно.

Елизавета указала брату другой путь для умерщвленія отца.

— Не бойся,—говорила она,—тебѣ ничего не будетъ, у меня въ рукахъ большой отцовскій капиталъ; Ев—ъ не выдастъ насъ изъ-за сестры Анюты. Онъ постарается, и напишутъ, что отецъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Схоронимъ концы въ воду. А деньги раздѣлимъ и будемъ жить по своей волѣ.

Виссаріонъ согласился; просилъ только побольше давать ему водки, что зависѣло отъ разрѣшенія сестры. А та, кромѣ брата,

подговорила еще учителя и повара. Поваръ, однако, не сразу согласился на преступленіе.

— Умертвить отца,—говорила Елизавета, — очень легко. Какъ заснетъ онъ, тутъ-то его и придушить. Пьяный онъ въ моментъ задохнется и не пикнетъ.

Въ то же время Елизавета просила Виссаріона, чтобы онъ не говорилъ впоследствіи о томъ, что она затѣяла отцеубійство, или даже, что она знала о немъ.

— Ты о моемъ согласіи на убійство не говори. Въ случаѣ, какъ будетъ слѣдствіе, я деньгами зацѣню, ни до какой бѣды не допущу. Отецъ собирается ѣхать въ Цигры, везетъ въ земскій судъ квасъ. Надо, какъ можно скорѣе, съ нимъ покончить. И въ это время вышло изъ горницъ всѣхъ «дѣвокъ».

Что заставило согласиться на убійство Оловяникова — домашнего учителя (умершаго раньше окончанія судебного дѣла)? По его показанію, дружба съ Виссаріономъ, съ которымъ они пьивствовали.

— До согласія моего на убійство,—сказалъ учитель,—Елизавета обращалась со мною дурно, а потомъ стала ухаживать за мною.

Любопытно показаніе повара:

— Барышня обходилась со мною строго, въ расходныхъ деньгахъ считала за грошъ или копейку. когда запомнишь, что показать въ запискѣ, грозилась говорить отцу, грозилась драть. А какъ захотѣла склонить меня на убійство отца,—вся перемѣнилась: перестала учитывать, очень меня задарила, обѣщалась вольнымъ сдѣлать.

Въ роковой день, 24-го января 1832 года, майоръ Оловяниковъ обѣдалъ съ гостями, пріѣхавшими къ нему и квартировавшими въ нижнемъ этажѣ дома помѣщиками Фенисовыми. Онъ основательно выпилъ и покачиваясь отправился спать въ свою комнату. Отъѣздъ въ Цигры былъ назначенъ назавтра. Фенисовы также ушли къ себѣ отдохнуть. Въ это время, послѣ барскаго обѣда, горничныя сидѣли въ людской и ѣли... Елизавета прошла чрезъ людскую и сказала:

— Стучите сильнѣй ножами и вилками!

Эти слова, во время судебного слѣдствія, разбирались на разные лады; слѣдователи добивались отъ обвиняемой, зачѣмъ она произнесла ихъ. Она утверждала, что сказала «стучите» иронически, чтобы остановить громкій стукъ «дѣвокъ», мѣшавшій ей отцу спать, а обвинители находили въ произнесеніи инкримированныхъ словъ косвенную улику противъ Оловяниковой... Она, будто бы, для того велѣла стучать, чтобъ не слышно было стоновъ отца, на котораго должны были напасть трое убійцъ.

Войди въ смежную съ отцовскою комнату, Елизавета сказала брату:
— Не пропускай время!

Она выслала дѣтей своей сестры въ дѣтскую. Виссаріонъ, поваръ и учитель вошли въ гостиную и выпили водки, но боялись войти къ Оловянникову, пока онъ не уснетъ крѣпко. Дочь два раза входила въ комнату отца и убѣдилась, что онъ спитъ крѣпко. Тогда убійцы вошли и задушили старика. Елизавета ожидала ихъ въ гостиной.

Вошелъ къ ней Виссаріонъ. Онъ весь дрожалъ.

— Мнѣ страшно!—были его первыя слова...

— Молчи, дуракъ!—крикнула на него сестра... Ну, что, кончили?

— Капутъ!—отвѣтилъ тотъ тихо, и на глазахъ его навернулись слезы.

— Ну, туда ему и дорога,—отвѣчала Елизавета.

Затѣмъ вышли изъ спальни поваръ съ учителемъ. По ихъ словамъ, они оставались въ комнатѣ убитаго «для поправленія его тѣла». Поваръ пошелъ прямо въ лакейскую, а учитель зашелъ къ Елизаветѣ. Та уже разговаривала съ позванной ею горичной Натальей. Учитель проговорилъ:

— Все кончено.

Елизавета на это ничего не отвѣтила и передъ горичной показала видъ, что не слышала или не поняла словъ учителя, и сдѣлала ему выразительный знакъ рукой.

Вотъ какъ, по записи курскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчачо, злоумышленники убили Оловянникова: «раскаившіеся преступники показали, что они его, давя по груди за ротъ, носъ, шею, удушили, что душеніе оное продолжалось не болѣе четверти часа, можетъ быть, и менѣе, что при ономъ душеніи Оловянниковъ всѣмъ корпусомъ хотя и дѣлалъ напряженія, хотя старался изъ рукъ преступниковъ освободиться, хотя тихимъ и томнымъ образомъ хрипѣлъ, но они не переставали продолжать давленіе, пока совсѣмъ удушили»...

Наступило для Елизаветы Оловянской время разыграть комедію. Она, какъ будто бы ничего не зная, вошла въ спальню отца разбудить его. Быстро вышла она оттуда и опять вошла. Черезъ минутку она выбѣжала изъ спальни, притворилась испуганной, закричала:

— Да что же это такое? Папенька, кажись, скончался.

Съ этими словами она упала на полъ, плакала и «убивалась», потомъ легла въ постель, нюхала спиртъ, но больше уже въ отцовскую комнату не показывалась.

— А я,—показалъ на судѣ Виссаріонъ,—увидѣвъ Лизаветино притворство, также притворнымъ образомъ повалился на скамейку и рыдалъ горько.

Вѣсть о смерти барина сейчасъ же разнеслась по всему дому. Сестра Елизаветы и другіе окружили ея постель, взглянули и на

трупъ старика. Гости, легшіе соснуть, были разбужены дворней и поскорѣ встали и взошли наверхъ. Фенисовы вошли въ спальню, посмотрѣли на трупъ и замѣтили на шеѣ покойника неладное.

— Непремѣнно надо дать знать земскому суду,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Послать нарочнаго!

Елизавета молчала. Фенисовы ее уговаривали.

— Смерть вашего отца,—сказалъ Николай Фенисовъ,—весьма сомнительна; непременно посылайте въ земскій судъ.

Елизавета на предложеніе Фенисовыхъ дала странный отвѣтъ:

— Отецъ мой умеръ своею смертью; въ насильственномъ умерщвленіи я ни на кого подозрѣнія не имѣю. Съ какой стати дѣлать объявленіе въ земскомъ судѣ, если я попрошу священника, и онъ утвердитъ, что исповѣдовалъ и приобщалъ моего отца передъ смертью? Тогда и придратъся будетъ не къ чему.

— Нельзя безъ объявленія,—сказалъ Фенисовъ,—вы барышня, вы этого не понимаете, а это необходимо.

Онъ сѣлъ къ столу и собственноручно написалъ объявленіе въ земскій судъ и подаль его Елизаветѣ.

— Подпишите,—сказалъ онъ.—Я распоряджусь отослать.

— Ни за чтѣ, ни за чтѣ!—замахала руками Елизавета, привскочивъ съ кровати:—не пошлю въ судъ, и такъ скороняя.

Гости пошептались другъ съ другомъ и поспѣшили откланяться и уѣхать изъ усадьбы.

Наслушавшись рѣчей Фенисовыхъ, Виссаріонъ сталъ просить сестру послать объявленіе о скоропостижной смерти отца.

— Молчи!—крикнула она:—не выдумывай глупостей. Пошлю въ Курскъ за Ев—имъ, онъ осмотритъ тѣло и дастъ свидѣтельство о томъ, что отецъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Вотъ и все. Земскій судъ не посмѣетъ стать въ контру съ членомъ врачебной управы.

Какъ только гости уѣхали, Елизавета немедленно встала съ кровати, стала ходить по комнатамъ, дѣлала разныя распоряженія насчетъ того, чтобы скорѣе скоронить отца, и вела себя (по словамъ свидѣтелей) такъ, какъ будто бы въ домѣ не случилось никакого несчастья. Она «не имѣла скорбленія и огорченія, а смѣялась и шутила».

Сейчасъ же заговорила она съ сестрою Анною о своемъ женихѣ.

— Женихъ мой,—сказала она,—нравился моему папенькѣ и мнѣ нравится. Мнѣ съ братьями жить нельзя.

Елизавета написала письмо Я—скому. Онъ немедленно прискакалъ въ усадьбу.

Близкіе люди знали о томъ, что старый майоръ не терпѣлъ, видѣть не могъ Я—скаго. Елизавета сочла необходимымъ сказать на это:

— Говорятъ, что папенька отказалъ Я—скому, это—не правда; это мы скрывали о его согласіи на свадьбу, скрывали потому, что не хотѣли, чтобы кто нибудь зналъ, что дано уже слово.

III.

На другой день въ Оловянниковскую усадьбу пріѣхалъ Ев—ъ. Елизавета чрезвычайно обрадовалась его пріѣзду и обратила на себя вниманіе прислуги тѣмъ, что «смѣялась и хохотала крѣпко»...

— Отчего въ это время,—допрашивалъ впоследствии Елизавету слѣдственный чиновникъ:—вы были веселы и смѣялись?

— Сіе происходило,—отвѣчала обвиняемая,—отъ желанія Ев—а развлечь меня въ огорченіи моемъ. Онъ все время смѣшилъ меня.

Елизавета позвала «дворовую женку» Дарью, велѣла ей поставить самоваръ, вымыть спальню и перемыть бѣлье убитаго, на которомъ были кровавыя пятна; но такъ какъ эти пятна никоимъ образомъ не отмывались, то пришлось бѣлье спрятать на чердакъ, въ золѣ, возлѣ печной трубы.

Самъ Ев—ъ нашелъ, что о смерти Оловянникова надо оповѣстить земскую полицію. Пріѣхали исправникъ, стряпчій и уѣздный врачъ. Чиновники эти производили наскоро слѣдствіе, а Елизавета приготовила имъ пакеты съ большими, какъ оказалось впоследствии, денежными вложеніями. Анатомировать тѣло взялся Ев—ъ и, какъ членъ врачебной управы, повѣсилъ на уѣзднаго врача. Объявленіе о смерти Оловянникова подъ диктовку Ев—а написалъ Виссаріонъ, и въ это объявленіе была вклеена такая фраза: «покойный страдалъ геморроидальными припадками, почему и умеръ». Передъ анатомированіемъ, чтобы не былъ замѣченъ на шеѣ трупа шрамъ, Елизавета взяла довольно широкую ленточку, продѣла ее въ ушко креста и навязала на шею крестъ такимъ образомъ, чтобы ленточка прикрывала шрамъ. Стали анатомировать трупъ Оловянникова, а подлѣкаръ какъ-то неосторожно сдвинулъ съ мѣста ленточку и обнажилъ кровавый шрамъ. Ев—ъ крикнулъ на подлѣкаря:

— Затѣмъ ты сдвинулъ ленту? Угораздила тебя нелегкая!

Но такъ какъ здѣсь находились посторонніе люди, то Ев—ъ прибавилъ какъ бы въ оправданіе своего окрика слѣдующую нелѣпную фразу:

— Надо показать понятнымъ, какъ у покойнаго на шеѣ ленточка лежала.

Ев—ъ самъ написалъ актъ освидѣтельствованія трупа, и въ этомъ актѣ было удостовѣрено, что причина смерти Оловянникова—апоплексія. Уѣздный врачъ только подписалъ свою фамилію.

Земскій судъ призналъ, что Оловянниковъ умеръ естественною смертію, и далъ позволеніе схоронить его. Какъ впоследствии оказалось, Елизавета истратила на это позволеніе 12.000 рублей. Поваръ получилъ «вольную» и также не остался безъ вознагражденія, какъ равно учитель и Виссаріонъ, «усугубившіе послѣ этого свое пьянство».

Вскорѣ были похороны убитаго. Съѣхались его родственники. Какъ они отнеслись къ совершившемуся факту, неизвѣстно. Извѣстно только, что на другой день послѣ похоронъ отца Елизавета заявила своему дядѣ, что она рѣшилась, какъ можно скорѣе, обвѣнчаться съ Я—скимъ. Тотъ неодобрительно покачалъ головой...

— Отложи, Лизаветушка,—сказалъ онъ, свадьбу, хоть до лѣта. Неловко теперь приступить къ этому дѣлу. Подумай!

Но племянница не стала думать; черезъ нѣсколько дней свадьба была сыграна.

На свадьбѣ Оловяниковой собралось много гостей, но родные ея отца отсутствовали. Подшвынне гости потребовали къ себѣ для забавы шута Гордея. Шутки его высоко цѣнились сосѣдями-помѣщиками.

— Гдѣ Гордя—«свиная морда»? Гдѣ онъ? Сюда его!—кричали гости:—давайте сюда дурака!

Засуетилась прислуга. Обнарили весь домъ, всю усадьбу. Шута не нашли. Навели справки: никто не могъ сказать, когда и куда онъ ушелъ. Новобрачная вздрогнула и смутилась при этомъ извѣстїи. Въ роковой день убїиства шутъ толкался въ комнатахъ, Елизавета нѣсколько разъ встрѣчалась съ нимъ въ дверяхъ отцовской спальни. Нужно сказать, что когда Елизавета задумала преступленіе, то ей и въ голову не приходило опасаться шута. А онъ успѣлъ подсмотрѣть, какъ задушили его барина. Но каковъ былъ шутъ! ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ онъ не выдалъ себя. Когда въ усадьбѣ Оловяникова хозяйничали полицейскія власти, шутъ не сдѣлалъ никакого заявленія, и его никто не подумалъ допрашивать. Впослѣдствїи одна изъ горничныхъ показала, что послѣ смерти барина шутъ забивался въ какой либо уголъ и здѣсь, какъ она выразилась, «ревѣлъ бѣлугою».

Какъ только первое слѣдствїе было окончено, и у виновныхъ въ убїиствѣ Оловяникова отлегло отъ сердца, внезапно изъ усадьбы исчезъ шутъ.

На свадебномъ пиру Елизавета убѣдилась въ этомъ, и страшная догадка смутила ее.

Между тѣмъ гости кричали:

— Сюда его, сюда Гордеюшку!

И многіе уже заранѣе хохотали и потирали руки отъ предвкушенія удонолствїя слушать Гордеевы присказки и видѣть его выходки, доставившія ему славу на всю округу.

Велѣно было искать шута и на деревнѣ, но его и тамъ не оказалось. Онъ былъ уже въ Курскѣ, куда добрался пѣшкомъ.

Здѣсь Гордей, въ числѣ другихъ просителей, явился къ губернатору П. Н. Демядову, упалъ къ нему въ ноги и разсказалъ все.

Губернаторъ велѣлъ чиновнику снять съ шута показаніе. Это было исполнено. Но шутъ не удовольствовался этимъ. Въ это время въ Курскѣ былъ сенаторъ Мечниковъ. Онъ ревизовалъ судебныя учрежденія Курской губерніи. Гордей нашелъ случай увидѣть сенатора и разсказалъ ему о кровавомъ происшествіи.

Сенаторъ счелъ своимъ долгомъ записать показаніе шута, а его отпразилъ къ губернскому прокурору.

Загорѣлось новое дѣло. П. Н. Демидовъ послалъ въ усадьбу Оловянникова новыхъ слѣдователей: чиновника особыхъ порученій Тимченкова, жандармскаго капитана Шотена и другихъ лицъ. Неизвѣстно почему, вмѣстѣ съ слѣдователями была послана военная команда, съ оберъ-офицеромъ во главѣ. Команда заняла усадьбу Оловянникова и прилежавшую къ ней деревню. Почему оказалась необходимой эта мѣра, мы не знаемъ. Въ бумагѣ о назначеніи новаго слѣдствія было сказано: «Гражданскій губернаторъ, осмысливъ, что слѣдователи, при весьма сильныхъ сомнѣніяхъ о насильственной смерти отставнаго майора Оловянникова, не озаботились изобличить столь важное происшествіе, приказалъ переислѣдовать дѣло».

При новомъ слѣдствіи очень скоро сознались Виссаріонъ, поваръ и учитель. Они оговорили Елизавету и ея сестру. Тѣ не сознались и съ негодованіемъ отвергли взведенное на нихъ обвиненіе. Елизавета даже подала жалобу на Тимченкова губернатору въ томъ, что онъ будто бы исторгалъ у нея признаніе помощью пристрастій и угрозъ. Теперь Елизавета начала направлять дѣло такимъ образомъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, выгородить себя отъ страшнаго обвиненія. Пущены были въ ходъ, какъ и прежде, деньги. Второе слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова производилось весьма продолжительное время. Въ августѣ 1832 года, стало быть, почти черезъ полтора года послѣ совершенія преступленія Тимченковъ писалъ губернатору: «Окончаніемъ слѣдственнаго дѣла объ убійствѣ майора Оловянникова я день и ночь занимаюсь, но по запутанности дѣла, по прикосновенности многихъ частныхъ и должностныхъ лицъ¹⁾, старающихся избѣжать законной отвѣтствен-

¹⁾ Нужно замѣтить, что, помимо главныхъ участниковъ въ преступленіи, явномъ дѣйствительно было замѣщено очень много лицъ, какъ, напримѣръ, персоналъ земскаго суда и полицейскіе чиновники, поняты, видѣвшіе, при вскрытіи трупа, «боевые знаки» на шеѣ, прислуга Оловянникова, подозрѣваемая въ томъ, что она знала о преступленіи, мужъ Елизаветы М—скій и т. д. Обвинялись эти и другія прикосновенныя къ дѣлу лица въ разныхъ преступленіяхъ: кто въ недонесеніи объ убійствѣ, кто въ полученіи взятокъ, кто въ укрывательствѣ, кто въ пособничествѣ и т. п. Чѣмъ болѣе тянулось дѣло, тѣмъ болѣе возрастало число обвиняемыхъ.

пости, и по множеству предметовъ, я за всѣми моими усиленными занятіями скоро окончить производство слѣдствія не могу». Губернаторъ торопилъ слѣдователя и писалъ ему, что на него жалоба за то, что онъ, когда снималъ допросъ съ Елизаветы Оловяниковой, ея сестры и другихъ женщинъ, проживавшихъ въ то время въ усадьбѣ, то велѣлъ въ сосѣдней комнатѣ звенѣть кандалами и угрожалъ допрашиваемымъ, въ случаѣ ихъ запираательства, наложеніемъ кандаловъ. Чтобы разслѣдовать эту жалобу, въ усадьбу Оловяникова губернское правленіе послало своего совѣтника Щиголева. Была на Тимченкова и другая жалоба, будто бы онъ перепачкалъ кровью отъ убитаго пѣтуха подушки покойнаго Оловяникова и въ такомъ видѣ внезапно показалъ ихъ Елизаветѣ, чтобы она призналась въ убійствѣ.

Въ половинѣ 1832 года весь составъ щигровскаго земскаго суда, исправникъ и стряпчій, производившіе первое слѣдствіе, были преданы суду уголовной палаты. Губернаторъ Демидовъ потребовалъ отъ члена врачебной управы Ев—а отвѣтовъ на «вопросные пункты» по Оловяниковскому дѣлу. Ев—ъ отвѣчалъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ.

«Къ дѣлу о смертномъ убійствѣ Оловяникова,—писалъ онъ,—я привлекаемъ быть не могу, потому что злодѣйство то произведено за 40 верстъ отъ меня. Слѣдователь совершенно напрасно сталъ дѣлать розыскъ обо мнѣ, какъ будто государственномъ злоумышленникѣ, самъ придумывалъ несомнительныя подозрѣнія и другихъ приводилъ къ бездоказательнымъ, злословнымъ и даже поносительнымъ навѣстамъ на меня. Съ своей стороны на его «вопросные пункты» я отвѣтовъ не дамъ, потому что многіе изъ вопросовъ слѣдователя не только съ законами, но и съ разсудкомъ не согласны и даже смѣхъ и хохотъ въ себѣ содержатъ».

Тогда отъ Ев—а потребовало показаній курское губернское правленіе. Ев—ъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ и этому присутственному мѣсту. Оно сдѣлало новый запросъ. Полицеймейстеръ ѣздилъ къ Ев—у, а тотъ и знать ничего не хотѣлъ, отговариваясь и отписываясь. Въ это время сынъ Оловяникова—Виссаріонъ, учитель и поваръ находились въ тюрьмѣ, а Елизавета на свободѣ. Она выдала полную довѣренность на управленіе имѣніями мужу, а тотъ вскорѣ долженъ былъ по частимъ закладывать ихъ; видимое дѣло, что для устраненія висѣвшей надъ головою грозы приходилось Елизаветѣ направо и налево расточать взятки.

Какъ бы ни было дѣло, въ концѣ 1832 года слѣдствіе было закончено, и слѣдователь, по представленію П. Н. Демидова, за свои труды получилъ высочайшую награду—орденъ св. Станислава 4-й степени. Между тѣмъ едва успѣлъ Демидовъ, переведенный въ другое мѣсто, выѣхать изъ Курска, какъ курская уголовная палата признала слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Оловяникова «непол-

нымъ» и потребовала новаго разслѣдованія. Новый слѣдователь занялся разсмотрѣніемъ дѣйствій и поступковъ прежняго слѣдователя, а объ обвиняемыхъ не проронилъ ни полслова. А губернской прокуроръ писалъ въ курское губернское правленіе о томъ, что «такъ какъ ему предписано министромъ юстиціи наблюденіе по дѣлу объ убійствѣ отставнаго майора Оловянникова, то онъ считаетъ необходимымъ, чтобы подсудимымъ были предоставлены всѣ средства къ оправданію», какъ будто бы кто либо мѣшалъ имъ оправдываться.

Съ 1834 года Оловянниковское дѣло вступило въ новый фазисъ, который идетъ до самаго окончанія его. Этотъ фазисъ—самый любопытный и въ то же время неудобный въ своихъ подробностяхъ для изложенія вслѣдствіе того, что въ это время тянулася безконечная и скучная переписка присутственныхъ мѣстъ по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова. Достаточно сказать, что дѣло это было окончено только въ концѣ 1838 года, т. е. замедлилось на цѣлыхъ семь лѣтъ, несмотря на то, что окончанія его требовалъ нѣсколько разъ министр юстиціи и самъ государь Николай Павловичъ. Въ мартѣ 1834 года, состоялось именное повелѣніе о скорѣйшемъ окончаніи дѣла объ Оловянниковѣ уголовною палатою. Палата въ длиннѣйшей отпискѣ, гдѣ ею подробно были расписаны полученія и отправленія бумагъ, движеніе ихъ по разнымъ инстанціямъ и т. п., заявила, что дослѣдованіе о совершенномъ преступленіи заключается въ себѣ 497 листовъ, а «дѣло объ умерщвленіи Оловянникова, чрезъ производство трехъ слѣдствій, вмѣстѣ съ производствами уѣзднаго суда и сея палаты, независимо отъ того обслѣдованія, на 3.700 листахъ размножено, и теперь изъ дѣла составляется экстрактъ, къ чему прилагается неусыпное стараніе». Для проявленія этого неусыпнаго старанія понадобились цѣлые годы. Просмотръ вороховъ исписанной бумаги выясняетъ намъ то обстоятельство, что въ Курскѣ по дѣлу Оловянникова боролись два теченія—административное и судебное: курскіе губернаторы и губернское правленіе старались направить пресловутое дѣло на надлежащій путь, предавали суду виновныхъ въ потворствѣ чиновниковъ, посылали предписанія и предложенія, а судебныя власти, губернской прокуроръ, стряпчие, уголовная палата держали руку подсудимыхъ, затягивали дѣло до безконечности, а палата поголовно оправдывала всѣхъ, кого губернское правленіе отдавало подъ судъ. Зато подсудимые, получившіе громадное наслѣдство, при окончаніи дѣла оказались совершенно нищими. Не будетъ никакой ошибки, если скажемъ, что въ этомъ дѣлѣ полетѣла сотня тысячъ. А когда фонды были исчерпаны до дна, то изъ уголовной палаты Оловянниковское дѣло было отправлено въ сенатъ, о чемъ палата писала губернскому правленію: «благоволитъ оное правленіе быть извѣстно, что дѣло объ умерщвленномъ цигровскомъ помѣщикѣ майорѣ Григоріѣ

Оловяниковъ сыномъ его Виссаріономъ съ товарищи внесено сего числа въ правительствующій сенатъ. Предсѣдатель Горпачевскій, за секретаря Четвериковъ, повѣтчикъ Козловъ».

По рѣшенію уголовной палаты, Елизавета была признана ни въ чемъ невинною.

Во второмъ фазисѣ производства Оловяниковскаго дѣла встрѣчается много курьезныхъ фактовъ. Курскій губернскій прокуроръ одну судебную бумажку, которую могъ просмотрѣть въ одинъ день, просматривалъ два года, что было констатировано сенатомъ. Какъ мы выше видѣли, членъ врачебной управы Ев—ъ дерзко отказывался отвѣчать на слѣдственные вопросы и, зная духъ и направленіе присутственныхъ мѣсть, требовалъ, чтобы дѣло о немъ было передано изъ губернскаго правленія въ уголовную палату. Тогда губернаторъ донесъ о дѣйствіяхъ Ев—а министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ устранилъ замѣшаннаго въ преступленіи штабъ-лѣкаря отъ должности, передавъ его на судъ палаты. Палата оправдала Ев—а, и онъ началъ было добиваться возстановленія себя въ прежней должности; но въ это время подоспѣло высочайшее утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ Ев—ъ былъ осужденъ. Цигровскій уѣздный судъ, по требованію губернскаго правленія, долженъ былъ представить копію съ одного изъ судебныхъ документовъ и выполнилъ это только черезъ полтора года, со времени поступленія въ судъ требованія. Уголовная палата оправдала членовъ цигровскаго земскаго суда, а сенатъ велѣлъ всѣмъ членамъ и предсѣдателю палаты объявить выговоръ и обнародовать объ этомъ по всей Россіи, посредствомъ сенатскихъ указовъ и напечатанія въ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Но такъ или иначе, а средства Елизаветы Я-ской, прожившей уже почти восемь лѣтъ съ мужемъ и имѣвшей дѣтей, изсякли. Къ тому времени ея дѣло было рассмотрѣно въ сенатѣ, который въ обширномъ указѣ своемъ поставилъ на видъ Курской уголовной палатѣ множество ея проступковъ. По словамъ сенатскаго указа, палата «отвлеклась въ превратное сужденіе и разнорѣчивое толкованіе обстоятельствъ дѣла и, ослабляя силу доказательствъ противъ Елизаветы Я-ской, впала въ противорѣчія при разсужденіи о виновности подсудимыхъ и не дала вѣры свидѣтелямъ, уличавшимъ Я-скую, желая всѣми стараніями изъять ее отъ законнаго, за преступленіе, наказанія».

О губернскомъ прокурорѣ сенатъ писалъ слѣдующее: «прокуроръ долженъ былъ, какъ можно чаще, доносить о дѣлѣ министру юстиціи, а онъ всемѣрно скрывалъ отъ министра ея ходъ. Когда же дѣло сіе сдѣлалось яснымъ, то черезъ три года сталъ входить къ министру съ разными представленіями, но и въ это время скрывалъ нѣсколько журналовъ губернскаго правленія отъ министра юстиціи».

Въ длинномъ перечнѣ разныхъ упущеній сенатъ не миновалъ и тогдашняго курскаго губернатора, впоследствии знаменитаго графа М. Н. Муравьева. Ему было сдѣлано «замѣчаніе» за то, что онъ при представленіи въ сенатъ всѣхъ данныхъ по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова не представилъ своего мнѣнія, что обязанъ былъ сдѣлать.

Изъ сената Оловянниковское дѣло, по повелѣнію государя Николая Павловича было передано въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, согласно съ сенатомъ, положилъ: Виссаріона Оловянникова и повара, а также Елизавету Я-скую сослать въ каторжныя работы, при чемъ повару прежде ссылки, въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ задушилъ своего барина, назначено было дать чрезъ посредство палача 20 ударовъ кнутомъ. Сестра Елизаветы—Анна, которая, какъ это выяснилось изъ хода судебного дѣла, знала объ умыслѣ своей сестры на жизнь отца, была приговорена къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Изъ другихъ виноватыхъ отмѣтимъ наказаніе К—ву и щигровскому уѣздному лѣкарю Д—у. Обоихъ было велѣно отрѣшить навсегда отъ должностей и впредь никогда въ службу не опредѣлять.

На мнѣніи государственнаго совѣта государемъ 27-го октября 1838 года написано: «Быть по сему».

Такова одна изъ жанровыхъ картинокъ дореформеннаго прошлаго на почвѣ суда и расправы.

А. Танковъ.

ПИРОГОВЪ И БУЛГАРИНЪ.

(Страница изъ біографіи Н. И. Пирогова) ¹⁾.

НМЯ великаго ученаго и рядомъ съ нимъ имя величайшаго литературнаго проходимца — такое странное со-сѣдство должно поразить каждаго, даже только по-верхностно знакомаго съ личностью того и другого. Every inch a gentleman Пироговъ и «Видокъ Фигля-ринъ»! Что дало поводъ поставить эти два имени ря-домъ? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Вѣроятно, какая нибудь гадость, сотворенная почтеннымъ «дѣдушкой Фаддеемъ». И дѣй-ствительно, никого не уважавшій, начиная съ себя, или вѣрнѣе, кончая собой, Булгаринъ сдѣлалъ въ своей нечистоплотной газетѣ оскорбительную вылазку противъ Пирогова. Глубоко проникнутый чувствомъ уваженія къ себѣ, глубоко уважавшій печатное слово, Пироговъ отнесся къ выходкѣ Булгарина очень строго и очень, серьезно, строже и серьезнѣе, можетъ быть, чѣмъ она заслуживала. Ту страстность, съ какою Пироговъ обрушился на Булгарина можно скорѣе всего объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ ясно видѣлъ скрытыя за спиною Булгарина торжествующія лица своихъ недоброжелателей изъ среды профессоровъ академіи. Мы ду-маемъ, что будемъ очень близки къ истинѣ, если предположимъ, что вся эта Булгаринская исторія представляетъ собою по началу не что иное, какъ стратегическій ходъ со стороны противниковъ

¹⁾ Читано 28-го ноября 1901 года въ торжественномъ въ память Пирогова обраніи соединенныхъ медицинскихъ обществъ въ С.-Петербургѣ.

Пирогова. Со свойственной ему порывистостью, на что и рассчитывали, Пироговъ очень сильно реагировалъ на выходку Булгарина. Въмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ вскорѣ понялъ, что Булгаринъ, производя свои клоунады, рассчитывалъ на горячій приемъ и поддержку со стороны противниковъ Пирогова, чувствовалъ твердую почву подъ ногами. Поэтому, стремясь вывести Булгарина на свѣжую воду, Пироговъ хотѣлъ тѣмъ самымъ дать хорошій урокъ своимъ противникамъ, указать имъ, каковъ долженъ быть нравственный обликъ наставника. И вотъ возникло цѣлое официальное канцелярское дѣло «о понесенныхъ оскорбленіяхъ академикомъ Пироговымъ отъ надворнаго совѣтника Булгарина», дѣло, изъ-за котораго Пироговъ едва не оставилъ профессуры въ академіи.

Столкновеніе Пирогова съ Булгаринимъ представляетъ въ высокой степени интересную и поучительную страницу изъ біографіи великаго хирурга; оно служитъ яркой иллюстраціей, до какой степени доходили партійные раздоры профессоровъ тогдашней медико-хирургической академіи, до какихъ циркусовыхъ столбовъ доходила неразборчивость въ средствахъ борьбы у противниковъ Пирогова. Съ другой стороны весь этотъ эпизодъ замѣчательно полно и эффектно освѣщаетъ то печальное явленіе въ нашей журналистикѣ, которое въ свое время называлось Булгаринскимъ.

Прежде, чѣмъ развернуть предъ вами біографію Пирогова на той страницѣ, которая посвящена Булгаринской исторіи, я позволю себѣ, въ цѣляхъ лучшаго уясненія этой «картинки нравовъ», вернуться нѣсколько назадъ и познакомить васъ съ тѣми событіями, стеченіе которыхъ привело Пирогова изъ тихаго, уютнаго Дерпта въ шумный, чиновный Петербургъ.

I.

10-го сентября 1838 года, происходило обычное засѣданіе конференціи Петербургской медико-хирургической академіи. Вдругъ въ залъ конференціи вбѣгаетъ студентъ фармаціи Иванъ Сочинскій и со словами: «Варваръ, ты обреченная моя жертва»,—бросается на профессора химіи Нечаева. Увидѣвъ предъ собой поднятый ножъ, хотя и перочинный, почтенный профессоръ сталъ защищаться кресломъ, а сосѣдь его, профессоръ Калининскій, схватилъ Сочинскаго за руку. Не разбирая уже ничего, послѣдній наноситъ ударъ ножомъ Калининскому. Подоспѣвшіе на крикъ служители схватили и обезоружили Сочинскаго.

Описанный трагическій случай, окончившійся самымъ ужаснымъ образомъ для главнаго героя его, наказаннаго шпирутенами и умершаго вскорѣ послѣ наказанія, имѣлъ также громадныя послѣдствія

для того учебнаго заведенія, въ стѣнахъ котораго онъ произошелъ. Въ то прямолинейное время подобныя изъ ряда вонъ выходящія поступки приводили всегда къ одному результату, а именно къ тому, что кого нибудь «прогоняли сквозь строй» и кого нибудь «отдавали въ солдаты». Такъ и было въ данномъ случаѣ.

Воспитанникъ учебнаго заведенія бросился съ ножомъ на профессора, неудовлетворительная отмѣтка котораго выбрасывала его изъ этого заведенія. Кого «прогнать сквозь строй»,—это было ясно. Но кого «отдать въ солдаты»? Рѣшили «отдать въ солдаты» самое учебное заведеніе, преступную *alma mater* несчастнаго Сочинскаго. Изъ вѣдомства гражданскаго академія была передана въ вѣдѣніе военнаго министерства и специально, *excusez du peu*, въ департаментъ военныхъ поселеній подъ властную руку «ученика и сподвижника» графа Аракчеева, Петра Андреевича Клейнмихеля, достойнаго продолжателя жестокихъ дѣлъ графа.

Карательная мѣра, примененная къ медико-хирургической академіи, оказалась, какъ это рѣдко бываетъ, благодѣтельной. Грозный попечитель академіи въ основу задуманнаго имъ преобразованія академіи положилъ одну весьма здравую мысль. Онъ порѣшилъ ввести новый и прежде неизвѣстный элементъ въ составъ профессоровъ академіи и замѣстить всѣ вакантныя и вновь открывающіяся кафедры профессорами, получившими образованіе въ университетахъ. «Подсказалъ ли кто Клейнмихелю эту мысль, или она сама, какъ Минерва изъ головы Юпитера, вышла въ полномъ вооруженіи изъ головы могущественнаго визиря,—это осталось мнѣ неизвѣстнымъ», говоритъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ Пироговъ.

Долголѣтняя идиллія, когда «почти всѣ члены конференціи академіи были воспитанниками этой академіи, и различіе между ними было только то, что одни были наставниками другихъ», эта идиллія, о которой съ такимъ умиленіемъ говорилъ одинъ изъ историковъ академіи ¹⁾, была нарушена. Произошло своего рода «привзаніе варяговъ», но не добровольное, со стороны самихъ профессоровъ, а подневольное, по желанію попечителя. Неудивительно, что профессора-аборигены встрѣтили профессоровъ-варяговъ далеко не съ распростертыми объятіями.

Благодаря этому «привзанію варяговъ», и Пироговъ въ 1841 году перешелъ изъ Дерптскаго университета въ медико-хирургическую академію, занявъ новую, по его мысли, учрежденную кафедру госпитальной хирургіи.

Курульные кресла медико-хирургической академіи въ моментъ вступленія въ среду ея профессоровъ Н. И. Пирогова были замѣ-

¹⁾ Прозоровъ. Матеріалы для исторіи императорской С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Спб. 1850.

щены далеко не блестяще. Наибольше видные представители стараго поколѣнія профессоровъ, Вушъ, Спасскій, Велланскій, этотъ россійскій шеллингистъ, о которомъ можно сказать, какъ о Парацельсѣ, *qu'il rêve en plein midi et delire en pleine santé*,—все они сошли уже со сцены. Изъ всего состава коллегіи академическихъ профессоровъ можно было назвать лишь два, три имени, остальные члены коллегіи принадлежали къ тѣмъ профессорамъ, которые, по выраженію Гейне, не имѣютъ никакого имени. Во главѣ этой коллегіи былъ поставленъ съ громкимъ названіемъ президента академіи, но безъ всякой фактической власти, бывшій главный докторъ Московскаго госпиталя Иванъ Богдановичъ Шлегель, вполне корректный человекъ и прекрасный, безукоризненно честный администраторъ, но совершенно чуждый наукъ и потому лишенный въ глазахъ конференціи всякаго авторитета въ вопросахъ научнаго характера. Вершителемъ всѣхъ судебъ академіи являлся попечитель ея, П. А. Клейнмихель, предъ которымъ трепетала вся академія, начиная съ президента и кончая любимымъ студентомъ. Президентъ зналъ, что въ случаѣ чего не остановились бы и предъ закрытіемъ академіи ¹⁾, а студенты знали, что въ случаѣ чего каждый изъ нихъ могъ понасть подъ красную шапку. Какое либо не понравившееся ему представленіе конференціи Клейнмихель оставлялъ совершенно безъ отвѣта, помѣтивъ лишь на соответствующей бумагѣ кратко и выразительно вздоръ ²⁾. Къ студентамъ академіи Клейнмихель обращался на ты.

Послѣ авторитарическаго президентства баронета Вилліе, послѣ грознаго попечительства Клейнмихеля, профессора были такъ запуганы, что въ иныхъ случаяхъ оказывались *plus royalistes que le roi même*. Такъ попечитель Анненковъ (третій попечитель академіи, замѣстившій Клейнмихеля) обратилъ вниманіе конференціи, что выраженія въ отчетѣ, читанномъ на актѣ профессоромъ Олендзскимъ о попеченіи вообще начальства и о попеченіи его Анненкова (какъ-то: называніе его меценатомъ, близкимъ саповникомъ императора, нисхождение отъ ступеней престола, недостижимость высокаго ума и добродѣтели, и проч.) должны считаться совершенно неумѣстными и даже неприличными, такъ какъ, во-первыхъ, попеченіе начальства о пользѣ вѣрннаго ему заведенія принадлежитъ къ примымъ его обязанностямъ и, слѣдовательно, не заслуживаетъ никакой особой похвалы, а, во-вторыхъ, подобная похвала, изъясленная въ присутствіи самихъ начальниковъ, въ глазахъ постороннихъ лицъ можетъ почестся прямою лестью. Поэтому просилъ впредь отчеты и рѣчи, предназначенныя читаться въ публичныхъ торжественныхъ

¹⁾ Исторія императорской военно-медицинской академіи за сто лѣтъ. Спб. 1898, стр. 857.

²⁾ I. c., стр. 849.

фбраніяхъ, предварительно разсматривать въ общемъ собраніи конференціи, а изъ настоящаго отчета, если его предположено гдѣ либо напечатать, «всеѣ льстивыя выраженія насчетъ академическаго начальства и собственно его, Анненкова, исключить». Президентъ Шлегель принялъ въ данномъ случаѣ всю вину на себя и просилъ обратить весь выговоръ на него: «Черезъ меня,—писалъ онъ Анненкову,—конференція получила совершенно невиннымъ образомъ столь чувствительное для ученаго общества нареканіе тѣмъ болѣе, что предписаніе ваннаго превосходительства должно было быть объявлено въ полномъ присутствіи (конференціи) и занесено въ протоколъ (засѣданія конференціи), слѣдовательно, останея навсегда въ лѣтописяхъ академіи и можетъ возбудить невыгодное впечатлѣніе на все учебное заведеніе не только между ученымъ сословіемъ Россіи, но болѣе всего за границею и быть причиною непріятныхъ для оной (академіи) сужденій». Попечитель согласился «отнестись по сему предмету» вмѣсто конференціи къ Шлегелю.

Весь укладъ академической жизни, въ который пришлось войти Пирогову, не отвѣчалъ ни основнымъ чертамъ его характера, ни той обстановкѣ, въ которой протекли первые 5 лѣтъ его профессорской дѣятельности въ Дерптѣ.

«Вѣрно, нигдѣ въ Россіи того времени, рассказываетъ Пироговъ, не жилось такъ привольно, какъ въ Дерптѣ. Главнымъ начальствомъ города былъ ректоръ университета. Старикъ полицеймейстеръ съ десяткомъ оборванныхъ казаковъ на тощихъ лошаденкахъ, которыхъ студенты, при нарушеніи общественнаго порядка, удерживали на мѣстѣ, цѣпляясь за хвосты,—полицеймейстеръ, говорю, этотъ держалъ себя, какъ подчиненный передъ ректоромъ; жандармскій полковникъ встрѣчался только въ обществахъ за карточнымъ столомъ. Университетъ, профессора и студенты господствовали».

Попечитель не игралъ особой роли въ Дерптѣ, и даже съ такимъ попечителемъ, какъ бывшій во времена Пирогова генералъ Крафтштремъ—тоже экземпляръ на рѣдкость, «поступившій съ сѣдла на попечительство», Пироговъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не раскланивался, и между ними были натянутыя отношенія.

«Натянутыя отношенія» между кѣмъ либо изъ профессоровъ медико-хирургической академіи и ея попечителемъ Клейнмихелемъ послѣдній врядъ ли даже допускалъ и въ мысляхъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что въ Дерптѣ Пироговъ за нѣдывалъ благоустроенной университетской клиниккой, а въ Петербургѣ—хирургическимъ отдѣленіемъ громаднаго военнаго госпиталя. А каковы въ тѣ времена были госпитальные порядки, объ этомъ безъ ужаса нельзя говорить!

Первые семь лѣтъ профессорства Пирогова въ медико-хирургической академіи можно безъ всякаго преувеличенія назвать семи-

лѣтней войной, которую пришлось вести Пирогову сначала съ госпитальной администраціей, гдѣ воръ на ворѣ снѣлся и воровъ погонялъ, а затѣмъ и съ враждебно настроеннымъ противъ него большинствомъ въ конференціи.

Во время этой войны противъ злобы и глупости, войны мелкой, принесившей Пирогову массу нравственныхъ мукъ, я увѣренъ, онъ не разъ вспоминалъ о той мирной идилліи, какой было его профессорство въ Дерптѣ, не разъ горько раскаивался, что «въ надеждѣ славы и добра» перешелъ въ Петербургъ. Въ этой войнѣ Пироговъ всегда дѣйствовалъ открыто, выступалъ съ поднятымъ забраломъ, въ то время, какъ его противники далеко не отличались особой разборчивостью въ средствахъ борьбы. Къ чему, къ чему только не прибѣгали противники Пирогова! Одинъ главный докторъ госпиталя напалъ на гениальную по своей простотѣ мысль: отдѣлаться отъ Пирогова, объявивъ его сумасшедшимъ. Эта гениальная идея, благодаря энергіи Пирогова, не встрѣтила, однако, сочувствія со стороны высшаго начальства, и никѣмъ непризанному автору ея пришлось получить два основательныхъ нагоняя,—одинъ устный, другой письменный,—и въ крайне унижительной для него по своей торжественности обстановкѣ извиниться предъ Пироговымъ. Другой главный докторъ, менѣе гениальный, чѣмъ его предшественникъ, хотѣлъ подвести Пирогова подъ уголовную отвѣтственность за якобы насильственное производство операцій, вслѣдствіе чего больнымъ приходится ночью убѣгать изъ госпиталя, чтобы спастись отъ операціоннаго ножа Пирогова. Въ конференціи, если инициатива какого либо предложенія или проекта исходила отъ Пирогова, послѣдній встрѣчалъ поддержку только со стороны немногихъ профессоровъ, остальные оказывали упорное противодѣйствіе и старались тормозить дѣло. Такъ, напримѣръ, проектъ Пирогова объ устройствѣ анатомическаго института встрѣтилъ въ конференціи возраженіе, что такой институтъ совершенно не нуженъ!

Наконецъ, царившій въ то время формализмъ, благодаря которому даже въ научномъ дѣятелѣ прежде всего видѣли чиновника, формализмъ, особенно рѣзко проявившійся въ военномъ вѣдомствѣ съ его желѣзной дисциплиной и безграничной субординаціей, въ вѣдомствѣ, гдѣ въ тѣ времена все было сосредоточено на «игрѣ носковъ»,—этотъ формализмъ могъ легко давать поводъ къ столкновеніямъ съ высшимъ начальствомъ. Такое столкновеніе и было у Пирогова незадолго до Булгаринской исторіи, о чемъ онъ упоминаетъ, много лѣтъ спустя, въ письмѣ къ баронессѣ Эдитѣ Раденъ, другу и помощницѣ великой княгини и великой женщины Елены Павловны. Пироговъ только-что вернулся тогда съ Кавказа, гдѣ онъ впервые примѣнялъ эфирный наркозъ въ военно-полевой практикѣ, оперируя иногда по 12 часовъ въ сутки, на колѣняхъ и согнувшись въ три погибели, такъ какъ вмѣсто операціонныхъ столовъ служили

большіе камни. Довольный результатами своей поѣздки Пироговъ тотчасъ по возвращеніи явился къ военному министру, а затѣмъ на аудіенцію къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Но позвольте мнѣ предоставить слово самому Пирогову.

«Никогда не забуду, пишетъ Пироговъ, въ какомъ душевномъ разстройствѣ я предсталъ предъ ней тогда, почти немедленно послѣ официальной аудіенціи у военнаго министра, гдѣ получилъ неза-служенный выговоръ. Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ доложить о себѣ военному министру почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ насчетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анненкова (попечителя академіи). Я былъ такъ разсерженъ, что со мною приключился истерическій припадокъ со слезами и рыданіемъ (я теперь сознаюсь въ своей слабости). Послѣ этой выходки я рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей. Но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа и такъ меня успокоила, что я не обратилъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ».

И такое «отсутствіе такта» проявилъ Анненковъ, котораго бесспорно слѣдуетъ причислить къ лучшимъ людямъ той эпохи, и котораго самъ Пироговъ считалъ таковымъ.

Это произошло въ 1847 году. А въ 1848 году разыгралась Булгаринская исторія.

II.

Теперь позвольте васъ познакомить съ тѣмъ лицомъ, которое какъ бы ввело почтеннаго Фаддея въ профессорскую коллегію академіи, и благодаря которому Булгаринъ неожиданно-негаданно изъ фельетониста «Сѣверной Пчелы» превратился въ какого-то совѣщательнаго члена конференціи медико-хирургической академіи специально по вопросу объ ученыхъ достоинствахъ кандидатовъ на кафедры. Лицомъ этимъ былъ экстраординарный профессоръ Шипулинскій, желавшій во что бы то ни стало сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ.

Съ 1844 года, когда произошли первые выборы, на которыхъ Шипулинскій былъ забаллотированъ, и вплоть до 1848 года, когда должны были произойти новые выборы, Шипулинскій, какъ изъ рога изобилія, сыпалъ разными заявленіями, жалобами, прошеніями на высочайшее имя, стараясь запугать конференцію и оказать на нее давленіе извнѣ. Находя такой образъ дѣйствій Шипулинскаго далеко не корректнымъ, нѣкоторые профессора, въ томъ числѣ и Пироговъ, вооружились противъ Шипулинскаго. Когда же въ

концѣ 1847 года (29-го ноября) и въ началѣ 1848 года (11-го февраля), для открытія избирательной кампаніи, въ «Сѣверной Пчелѣ» появились фельетоны съ неумѣренно хвалебными замѣтками объ изобрѣтеніяхъ профессора Шипулинскаго, Пироговъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами высказалъ мнѣніе, что замѣтки эти внушены самимъ Шипулинскимъ. Мнѣніе это было высказано въ конференціи, въ одномъ изъ засѣданій которой фельетонъ «Сѣверной Пчелы» удостоился прочтенія. За допущеніе къ прочтенію въ засѣданіи конференціи фельетона «Сѣверной Пчелы» относительно экстраординарнаго профессора Шипулинскаго» президентъ Шлегель получилъ впоследствии «замѣчаніе отъ вышшаго начальства».

Упрекъ по адресу Шипулинскаго въ рекламированіи себя при просвѣщенномъ содѣйствіи «Сѣверной Пчелы» былъ, повидимому, справедливъ. Уже одна маленькая, но бросающаяся въ глаза, чисто внѣшняя особенность указываетъ на то, что статейки о Шипулинскомъ преслѣдовали и особую цѣль: въ нихъ Шипулинскій постоянно титулуется экстраординарнымъ профессоромъ, при чемъ слово «экстраординарный» также постоянно напечатано курсивомъ. Это было своего рода *avis aux lecteurs*. Читатели должны были вывести слѣдующее заключеніе: «Вотъ, молъ, такой замѣчательный ученый, а всего только экстраординарный профессоръ». Рекламный характеръ этихъ замѣтокъ былъ очень картинно очерченъ въ чрезвычайно остроумной и бойко написанной статьѣ, помѣщенной въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» ¹⁾ за 1848 годъ подъ заглавіемъ «Письмо къ провинціальному врачу отъ провинціальнаго же врача, проживающаго въ столицѣ».

Заявленіе Пирогова, что статьи «Сѣверной Пчелы» инспирированы самимъ Шипулинскимъ, повело къ странному результату. Совершенно неожиданно на сцену выступило новое лицо. Нашелся рыцарь безъ страха и упрека, который вступился за угнетенную невинность профессора Шипулинскаго. Рыцарь этотъ, посѣдѣлый въ бояхъ, уже въ теченіе 28 лѣтъ ломалъ копья за «правду» на аренѣ русской журналистики и былъ не кто иной, какъ самъ Фаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, редакторъ «Сѣверной Пчелы» и авторъ хвалебныхъ реляцій о научныхъ подвигахъ экстраординарнаго профессора Шипулинскаго.

Узнавъ неисповѣдимыми путями, какимъ успѣхомъ пользуются въ конференціи его печатные труды, съ какимъ интересомъ читаются въ конференціи его фельетоны, Булгаринъ рѣшилъ порадовать своихъ читателей и почитателей среди профессоровъ академіи, отблагодарить ихъ за ихъ вниманіе къ нему и его органу. И вотъ Булгаринъ обращается уже непосредственно къ членамъ конференціи,

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости, 1848 г., № 54.

присылаетъ въ конференцію письмо, въ которомъ беретъ подъ свою защиту все того же экстраординарнаго профессора Шипулинскаго.

Новоявленный защитникъ чести профессора Шипулинскаго былъ въ достаточной степени знакомъ Пирогову еще по Дерпту, гдѣ у Булгарина подъ самымъ городомъ была дача-мыза Карлово, и гдѣ Булгаринъ ежегодно проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

«Булгаринъ,—разсказываетъ о томъ времени Пироговъ,—старался всюду проникнуть и со всѣми познакомиться, фрапируя каждаго своей развязностью, походившей на наглость. Во время годовой ярмарки онъ ходилъ по лавкамъ заѣзжихъ петербургскихъ и московскихъ купцовъ и, когда они не уступали въ цѣнѣ, то грозилъ имъ во всеуслышаніе, что разругаетъ ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ»».

Въ мемуарахъ Пирогова, доведенныхъ имъ только до начала петербургскаго періода его жизни, не упоминается нигдѣ, хотя бы попутно, объ его исторіи съ Булгаринымъ. Правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ записокъ Пироговъ посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ эсквайру of Carlowo, при чемъ въ одномъ мѣстѣ онъ даетъ, какъ нѣмцы говорятъ, *dem Kinde den rechten Namen*, прилагая къ Булгарину одинъ довольно опредѣленный, хотя не вполне парламентарный, зоологическій терминъ ¹⁾.

Письмо, присланное Булгаринымъ въ конференцію, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ ту «развязность, походившую на наглость» о которой говоритъ Пироговъ.

«Слухомъ земля полнится,—такъ начинается свое посланіе Булгаринъ,—дошли до меня слухи, будто бы профессоръ Пироговъ въ числѣ доводовъ, по которымъ экстраординарный профессоръ Шипулинскій не можетъ быть профессоромъ ординарнымъ въ академіи, приводитъ и то обстоятельство, что въ издаваемой мною «Сѣверной Пчелѣ» было напечатано о нѣкоторыхъ его ученыхъ трудахъ». «Профессору Пирогову вздумалось,—продолжаетъ Булгаринъ,—какъ я слышалъ, утверждать, будто эти извѣстія написаны самимъ профессоромъ Шипулинскимъ или, по крайней мѣрѣ, по его внушенію, и потому профессоръ Пироговъ обвинялъ профессора Шипулинскаго въ самохвальствѣ и шарлатанствѣ». «Если бы эта клевета касалась меня одного,—благородно заявляетъ Оаддей,—то я, зная г. Пирогова съ разныхъ сторонъ, не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія на его слова, но какъ онъ возводитъ клевету на человѣка, много и всѣми уважаемаго, то я, какъ редакторъ газеты, удостоенной всемілостивѣйшаго высочайшаго вниманія государя императора, какъ литераторъ, взысканный монаршею милостію за мои труды и пользующійся довѣріемъ и благосклонностью публики въ теченіе 28 лѣтъ, чего нельзя иначе приобрѣсти, какъ правдою, я прошу гг. членовъ конференціи обратить вниманіе на нижеслѣдую-

¹⁾ Сочиненія Н. П. Пирогова. Спб. Т. I, стр. 528.

щее». Прежде всего Булгаринъ заявляетъ, что Шипулинскій «никогда не просилъ его, чтобы онъ извѣщалъ публику объ ученыхъ трудахъ Шипулинскаго, а тѣмъ паче, чтобы хвалилъ и прославлялъ». «Честный и благородный г. Шипулинскій,—патетически восклицаетъ Булгаринъ, — хорошо понимаетъ, что похвала по просьбѣ хуже поруганія».

«Хотя я не медикъ,—повѣствуетъ далѣе Булгаринъ,—но всѣ знающіе меня медики скажутъ вамъ, что я не совершенный профанъ въ медицинѣ, ибо въ теченіе 3 лѣтъ слушалъ курсы различныхъ отраслей медицины въ Виленскомъ университетѣ единственно изъ любви къ наукѣ, и если не умѣю лѣчить, то умѣю отличить ученаго медика отъ шарлатана или проворнаго рѣзуна». Затѣмъ авторъ письма сообщаетъ конференціи, что онъ читаетъ медицинскія книги и журналы и выписываетъ ихъ для себя изъ-за границы, въ чемъ можно удостовѣриться въ почтовой экспедиціи, и что онъ, какъ журналистъ, обязанъ слѣдить за ходомъ и успѣхомъ науки. Никому, кромѣ Пирогова, не могло, по мнѣнію Булгарина, показаться удивительнымъ, что говорили въ «Сѣверной Пчелѣ» о трудахъ Шипулинскаго, когда объ нихъ говорено было и въ русскихъ и въ нѣмецкихъ медицинскихъ журналахъ. «Гораздо удивительнѣе,—пишетъ Булгаринъ,—что профессоръ Пироговъ, не зная или не желая знать о его (Шипулинскаго) ученыхъ трудахъ, могъ предположить такую низость во мнѣ и въ г. Шипулинскомъ, якобы г. Шипулинскій самъ себя хвалилъ, а я допускалъ это въ моей газетѣ. Профессоръ Пироговъ, вѣроятно, не знаетъ, что недоказанная клевета наказывается законами, а нѣтъ выше оскорбленія, какъ обвиненіе чловѣка во лживости,—поучаетъ Булгаринъ.—Профессоръ Пироговъ вѣрно забылъ также, что объ немъ гораздо чаще было говорено въ газетахъ и журналахъ, нежели о г. Шипулинскомъ. «Сѣверная Пчела» нѣсколько разъ говорила съ похвалой о немъ и еще недавно въ текущемъ году публиковала объ его пребываніи въ Кіевѣ и сдѣланныхъ тамъ операціяхъ. Не за то ли разгнѣвался профессоръ Пироговъ, что «Сѣверная Пчела» не напечатала рѣчи, произнесенной въ честь его, рѣчи, наполненной преувеличенными похвалами, которыя серьезное дѣло превратили въ смѣшное, превознося профессора Пирогова не только превыше Гиппократы, но даже превыше языческаго бога медицины Эскулапа! «Сѣверная Пчела» по благоразумію отвергла рѣчь сію, охраняя честь профессора Пирогова. Въ журналѣ «Библиотека для Чтенія» печатали такія похвалы профессору Пирогову, какихъ не удостоился еще ни одинъ медикъ, ни одинъ хирургъ и ни одинъ анатомъ въ мірѣ! Даже въ «Полицейской Газетѣ», гдѣ каждый можетъ хвалить себя, свои изобрѣтенія и труды по такъ, выставленной въ заглавіи,—печатались похвалы профессору Пирогову! Ужели должно предполагать, что самъ профессоръ Пироговъ написалъ ко мнѣ похвальное слово себѣ

изъ Кіева, что онъ запрашивалъ или задабривалъ редактора «Библиотеки для Чтенія», давая ему медицинскія статьи въ журналъ (какъ, напримѣръ, объ этеризаціи, напечатанныя лѣтомъ), и, наконецъ, самъ помѣщалъ похвалы себѣ въ «Полицейской Газетѣ»? Оскорбленіе, нанесенное профессоромъ Пироговымъ г. Шипулинскому и мнѣ, тѣмъ болѣе оскорбляетъ меня, что я предполагалъ въ немъ любовь къ наукѣ и вслѣдствіе того безпристрастіе къ людямъ, совместно трудящимся на ея поприщѣ, и, читая похвалы, печатаемыя его приверженцами въ журналахъ, вѣрилъ, что лѣта и важныя занятія измѣнили въ немъ тотъ характеръ, которымъ онъ отличался въ Дерптѣ, и что весьма было бы полезно для блага науки, которая всегда страдаетъ отъ враждованія ея жрецовъ».

Письмо оканчивается одною изъ обычныхъ Булгаринскихъ тирадъ о его правдолюбіи, тирадъ, въ которыхъ Булгаринъ склонялъ правду во всѣхъ падежахъ и извращалъ истину во всѣхъ направленіяхъ.

«Руководствуясь всегда и во всемъ правдою,—пишетъ Булгаринъ,—защищая, по мѣрѣ силъ моихъ, все отечественное, сокрушаясь каждой несправедливостію, я почелъ обязанностью довести до свѣдѣнія гг. членовъ конференціи, что предположеніе профессора Пирогова (если онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ его, что почти невѣроятно), будто бы профессоръ Шипулинскій запрашивался на похвалы въ «Сѣверной Пчелѣ»,—ложное и оскорбительное для чести моей и для чести г. Шипулинскаго. *Dixi ex animam meam saluavi!*»

Оаддеево посланіе было прочитано въ засѣданіи конференціи ученымъ секретаремъ ея.

И развязное начало письма и заключительное латинское изреченіе—все это придаетъ письму Булгарина какую-то фамильярность дурного тона, который онъ никоимъ образомъ не долженъ былъ себѣ позволить, обращаясь письменно къ коллегіи профессоровъ высшаго учебнаго заведенія. Не говоря уже о крайне оскорбительныхъ выраженіяхъ и намекахъ по адресу Пирогова, письмо Булгарина и по самому существу своему и по своей формѣ носило оскорбительный для всей конференціи характеръ. Это прежде всего и понималъ попечитель академіи Аншенковъ, какъ только онъ ознакомился съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ Булгаринскаго пера. Въ виду этого Аншенковъ «письмо издателя «Сѣверной Пчелы» надворнаго совѣтника Булгарина, адресованное имъ въ конференцію императорской медико-хирургической академіи, счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія военнаго министра», чѣмъ и доказалъ, что понималъ свой долгъ, какъ попечителя академіи, дорожащаго честию академіи.

Военнымъ министромъ былъ въ то время князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, личный другъ императора Николая Павловича,

человѣкъ недюжиннаго ума и независимаго характера. Къ подвѣдомственной ему академіи Чернышевъ всегда относился съ большою заботливостію. Онъ умѣлъ уважать научныхъ дѣятелей и старался привлечь въ академію лучшія научныя силы и удерживать въ ней талантливыхъ профессоровъ. Такъ, напримѣръ, когда такой выдающійся профессоръ, какимъ былъ Зейдлицъ, хотѣлъ по болѣзни оставить службу, Чернышевъ предложилъ ему взять для излѣченія отпускъ, на сколько ему угодно времени.

По приказанію Чернышева, Анненковъ имѣлъ съ Булгаринымъ личное объясненіе. Надо полагать, что попечитель академіи объяснилъ Ѳаддею Венедиктовичу, что онъ ни съ Пироговымъ, ни съ кѣмъ либо инымъ изъ членовъ конференціи не учился, какъ говорятъ французы, по одной азбукѣ и потому не долженъ былъ допускать такого развязнаго тона въ своемъ письмѣ. Результатомъ этого объясненія было извинительное письмо Булгарина на имя Анненкова, препро-вожденное послѣднимъ президенту Шлегелю.

Въ этомъ письмѣ, написанномъ, конечно, по требованію Анненкова, Булгаринъ уже въ довольно минорномъ тонѣ «имѣеть честь донести, что письмомъ своимъ въ конференцію медико-хирургической академіи онъ вовсе не имѣлъ намѣренія нанести обиду или оскорбленіе г. профессору Пирогову, но желалъ только опровергнуть мнѣніе, обнаруженное въ конференціи, будто бы въ «Сѣверной Пчелѣ» помѣщено было извѣстіе объ ученыхъ трудахъ д-ра Шипулинскаго по его собственному внушенію».

«Почитая себя, — пишетъ Булгаринъ, — крайне обиженнымъ и оскорбленнымъ такимъ мнѣніемъ, я не могъ взвѣшивать словъ и выраженій въ первомъ порывѣ чувствъ, а потому, если въ письмѣ есть какое жесткое слово или неловкое выраженіе, то они сорвались съ пера не для обиды кого бы то ни было и не изъ неуваженія къ конференціи, но единственно отъ глубокой скорби, которою я былъ объятъ отъ взведеннаго на меня подозрѣнія въ дѣлѣ, на которое ни я, ни почтенный д-ръ Шипулинскій никогда бы не рѣшились, почитая его безчестнымъ».

Сравнивая оба письма Булгарина, нельзя сказать *comparaïson n'est pas raison*. Здѣсь сравненіе очень многое доказываетъ. Укажу только на одно. Мы говорили, что въ рекламированіи себя Шипулинскаго обвинялъ не одинъ только Пироговъ, но также и другіе профессора. Это, конечно, было прекрасно извѣстно Булгарину. Между тѣмъ въ своемъ первомъ письмѣ Булгаринъ говоритъ исключительно только о Пироговѣ, какъ взводившемъ такое обвиненіе на Шипулинскаго. Въ своемъ второмъ письмѣ Булгаринъ выражается совершенно иначе: онъ говоритъ глухо о «мнѣніи, обнаруженномъ въ конференціи».

III.

Казалось бы, что извинительнымъ письмомъ Булгарина все дѣло должно было бы закончиться. Человѣкъ сторича написалъ рѣзкое письмо, ему выяснили, что оно оскорбительно, и онъ письменно же извинился. Кажется, дѣло просто. Но здѣсь именно дѣло было не такъ просто, «но умыселъ другой тутъ былъ».

Выступая защитникомъ и бардомъ Шинулинскаго, Булгаринъ имѣлъ въ виду не столько возстановленіе чести Шинулинскаго, сколько оскорбленіе чести Пирогова. Булгаринъ хотѣлъ во что бы то ни стало оскорбить Пирогова, задѣть его. Это желаніе проходить красною нитью чрезъ все его письмо въ конференцію, письмо, въ которомъ, какъ мы уже указывали, Булгаринъ нападаетъ только на одного Пирогова, оставляя совершенно въ сторонѣ другихъ профессоровъ, также обвинявшихъ Шинулинскаго въ рекламированіи себя на страницахъ «Сѣверной Пчелы». Своимъ письмомъ въ конференцію, своими нападками на Пирогова въ этомъ письмѣ Булгаринъ преслѣдовалъ только одну цѣль: вывести Пирогова изъ терпѣнія и вовлечь его въ журнальную полемику. Если бы Пироговъ вступилъ въ полемику съ Булгаринимъ, то затѣянная противъ Н. И. кампанія приняла бы грандіозные размѣры по количеству той грязи, которою забросалъ бы его Гаадей. Это понималъ Булгаринъ, это понимали недоброжелатели Пирогова изъ среды академическихъ профессоровъ, которые унизились до союза съ Булгаринимъ, но это понималъ и самъ Пироговъ. Пироговъ зналъ, что такое—полемика съ Булгаринимъ.

Вотъ какъ рисуется намъ Бѣлинскій ¹⁾ литературные приемы Булгарина.

«Журналистикой,—говоритъ Бѣлинскій,—началъ онъ свое литературное поприще, журналистикой и оканчиваетъ его теперь (писано въ 1846 году). Но и здѣсь, какъ и во всемъ, остался онъ вѣренъ самому себѣ: никакихъ принциповъ, никакихъ убѣжденій, одна литературная тактика, какъ и двадцать лѣтъ назадъ. Такъ же точно говоритъ онъ неумолкаемо о своей любви къ правдѣ и о своихъ «врагахъ». Такъ же точно хвалитъ сегодня то, что бранилъ вчера, и что снова будетъ хвалить завтра, смотря по отношеніямъ. Такъ же точно позволяетъ себѣ приписывать своимъ противникамъ то, чего они не дѣлали и не говорили, и возражать на мнѣнія, которыхъ они никогда не обругивали». Не правда ли, какъ пріятно было вести полемику съ такимъ противникомъ? Но это—только одна сторона медали. Другая — заключалась въ близости

¹⁾ Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть XII. Москва. 1874 г.

Булгарина къ III-му Отдѣленію, что придавало его полемикѣ совершенно особыи букетъ.

III-е Отдѣленіе, въ лицѣ Бенкендорфа и Дубельта, всегда оказывало особое покровительство Булгарину. Когда послѣдній окончательно сталъ «патріотомъ своего отечества», онъ пожелалъ «избавиться отъ званія французскаго капитана», подобно тому, какъ позднѣе его protégé Шишулинскій пожелалъ избавиться отъ званія экстраординарнаго профессора. Благодаря представленіямъ Бенкендорфа ¹⁾, Булгаринъ былъ опредѣленъ въ министерство народнаго просвѣщенія, но никакой должности въ этомъ министерствѣ не исполнялъ, а «былъ употребляемъ по усмотрѣнію Бенкендорфа по письменной части на пользу службы и всѣ порученія исполнялъ съ отличныи усердіемъ». Какія опасенія внушала всѣмъ близость Булгарина къ Бенкендорфу, можно судить по тому, что Пушкинъ послѣ первыхъ нападокъ Булгарина на него въ «Сѣверной Пчелѣ» счелъ нужнымъ предупредить Бенкендорфа о своихъ отношеніяхъ къ этому человѣку (Булгарину), потому что послѣдній могъ бы причинить ему *un mal infini* ²⁾. Къ Дубельту Булгаринъ стоялъ еще ближе и называлъ его въ письмахъ «отцемъ и командиромъ». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дубельту Фаддей самъ сообщаетъ, что однажды въ обществѣ онъ говорилъ о Дубельтѣ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ его Фаддеемъ Дубельтовичемъ.

Фаддея Дубельтовича Булгарина, этого матадора журнальной полемики, который, по выраженію Бѣлинскаго, «ссорился съ людьми, которые уже печатались, когда еще онъ не начиналъ учиться грамотѣ, ссорился съ людьми, которые еще не начинали учиться грамотѣ, когда уже онъ печатался»,—вотъ кого выдвинули на первую линію противъ Пирогова недоброжелатели послѣдняго.

Булгаринъ, надо отдать ему справедливость, повелъ кампанію противъ Н. И. очень ловко. Другого, не такого «любителя правды», могло бы нѣсколько смутить одно маленькое обстоятельство: весьма лестный отзывъ о Пироговѣ по поводу его пребыванія въ Кіевѣ, отзывъ, помѣщенный уже въ «Сѣверной Пчелѣ» и притомъ самимъ Булгаринымъ ³⁾. Но Булгаринъ былъ выше этого! «Ловкій товарищъ» Греча даже очень ловко упомянулъ объ этомъ отзывѣ въ своемъ письмѣ въ конференцію.

Итакъ, предавъ забвенію свой лестный отзывъ о Пироговѣ, Булгаринъ приступилъ къ дѣлу, но повелъ его издалека.

28-го февраля (1848 года) въ обычномъ фельетонѣ Булгарина ⁴⁾,

¹⁾ Сухомлиновъ, М. И. Полемическія статьи Пушкина. Историческій Вѣстникъ, 1884 г., т. III.

²⁾ Сухомлиновъ, М. И., 1. с., стр. 482.

³⁾ «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 22.

⁴⁾ «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 46.

посившемъ названіе «журнальной всякой всячины», но бывшемъ, по словамъ Ыблинскаго, «хуже всякой всячины», появилась небольшая замѣтка по поводу «Отчета общества русскихъ врачей» за 1847 годъ. Въ этомъ «Отчетѣ» нѣсколько страницъ было посвящено эвирному наркозу, при чемъ отдавалось должное Пирогову, потрудившемуся столько въ этомъ вопросѣ. Отозвавшись съ похвалою объ обществѣ и его трудахъ, авторъ фельетона дѣлаетъ совершенно не идущее къ дѣлу *postscriptum*, въ которомъ, какъ это зачастую бывастъ, и заключается вся соль.

«Читая всѣ русскіе медицинскіе журналы, — заявляетъ Булгаринъ, — мы удивляемся, что никто изъ ученыхъ врачей нашихъ не взялъ на себя необходимой обязанности слѣдить за ложными мнѣніями, утвердившимися въ публикѣ насчетъ медицины и хирургіи, и опровергать заблужденія силой правды. Такъ, напримѣръ, хирургія болѣе подлежитъ общему мнѣнію, какъ дѣло видимое, и о ней именно имѣютъ у насъ самое ложное понятіе, полагая все достоинство хирургической операціи въ скорости. Но если бы скорость составляла достоинство операціи, тогда бы пушечное ядро или топоръ были самыми лучшими инструментами! Важность операціи состоитъ не въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе отрѣзать или вырѣзать больную часть тѣла у человѣка, но чтобы искусно вырѣзать или отрѣзать и самому вылѣчить. Тотъ истинно великій хирургъ, который болѣе вылѣчилъ людей, подвергнувшихся операціи, а не тотъ, который много и скоро рѣзалъ, не боясь, что будетъ послѣ того съ больнымъ. Это — чистая логика! — патетически восклицаетъ Булгаринъ. — Знаменитый Ларрей, главный хирургъ Наполеоновской арміи, изгонялъ изъ арміи проворныхъ рѣзачей, которые всю славу свою поставляли въ болѣе числѣ и въ скорости операціи, и терпѣть не могъ хирурговъ, которые дерзко приступали къ рѣзанію, какъ будто къ тушѣ мяса. Нѣжность, состраданіе, мягкость пріемовъ и человѣколюбіе — первыя качества хирурга». Ларрей, рассказываетъ далѣе Булгаринъ, представилъ къ исключенію изъ службы одного хирурга, который вскрылъ трупъ своей жены; Ларрей мотивировалъ свое представленіе тѣмъ, что «этотъ человѣкъ — безъ сердца и не можетъ стяжать уваженія честныхъ и благородныхъ людей». Къ этому анекдоту о Ларреѣ Булгаринъ дѣлаетъ въ выноскѣ примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что, «къ счастью, примѣры такой безчувственности и сердцекаменѣлости такъ же рѣдки, какъ телята съ двумя головами, и что онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ одинъ только примѣръ». Не требуется особой проницательности, чтобы догадаться, что этотъ одинъ примѣръ — Пироговъ.

«А мы, профаны, — не безъ ироніи продолжаетъ Булгаринъ, — судимъ по наружности! Кто смѣлѣе приступилъ къ дѣлу, да скорѣе отрѣзалъ, тотъ у насъ и молодецъ, а что будетъ послѣ, того мы не узнаемъ, слѣдовательно, о томъ и не заботимся. Покорнѣйше про-

симъ почтенныхъ и ученыхъ врачей бесѣдовать съ нашей публикой и просвѣщать насъ, внушая истинное понятіе о наукѣ».

Въ заключительномъ аккордѣ этой Булгаринской прелюдіи мы встрѣчаемъ уже прямой намекъ на Пирогова въ формѣ замѣчанія на отчетъ Общества русскихъ врачей, что «пора бы, кажется, бросить толки о сѣрномъ эфирѣ и приборахъ къ его употребленію и положить дѣло въ архивъ, въ отдѣленіе древней исторіи, а вмѣсто того исчислить: сколько каждый изъ нашихъ хирурговъ сдѣлалъ счастливыхъ операций и сколько людей самъ вылѣчилъ послѣдней операциіи. По этому исчисленію можно было бы навѣрное опредѣлить заслуги и достоинства господъ хирурговъ».

Приведенная замѣтка Булгарина носила на первый взглядъ такой безобидный характеръ общаго разсужденія, что была полностью перепечатана въ лучшемъ медицинскомъ журналѣ того времени, издававшемся въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ «*Medicinische Zeitung Russlands*» и подъ редакціей доктора Максимилиана Гейне, родного брата поэта.

Итакъ первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ, кампанія противъ Пирогова началась. Но желанный эффектъ не получился. Благодаря своей «безчувственности и сердцекаменѣлости», Пироговъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на замѣтку Булгарина, въ которой послѣдній съ такимъ краснорѣчіемъ ваводилъ на великаго хирурга тяжкое обвиненіе

«Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду.»

Неунывающій Өаддей рѣшилъ тогда повести атаку съ другого фланга и написалъ извѣстное уже намъ письмо въ конференцію медико-хирургической академіи. Это письмо было, слѣдовательно, второй перчаткой, которую бросалъ Булгаринъ Пирогову, но Н. И. не желалъ поднимать грязныхъ перчатокъ Өаддея Дубельтовича. Такимъ образомъ и этотъ стратегическій ходъ оказался неудачнымъ и повелъ къ совершенно неожиданному результату. Вмѣсто полемики съ Пироговымъ,—полемики, все удовольствіе которой уже предвкушалъ Өаддей, ему пришлось имѣть «объясненіе» съ Анненковымъ, пришлось сразу сбавить тонъ и извиняться.

Неудача съ письмомъ въ конференцію не обезкуражила Булгарина. Онъ не думалъ сложить оружія. Для него только стало яснымъ, что для того, чтобы нанести Пирогову чувствительный ударъ, нужно придумать что нибудь особенное. И Булгаринъ оправдалъ возложенныя на него надежды. Булгаринъ дѣйствительно придумалъ нѣчто совершенно особенное.

Если Булгаринъ, какъ онъ писалъ въ своемъ письмѣ въ конференцію, зналъ Пирогова съ разныхъ сторонъ, но вѣрилъ, что лѣта и важныя занятія измѣнили тотъ характеръ, которымъ онъ отличался въ Дерптѣ, то и Пироговъ, въ свою очередь, зналъ Бул-

гарина съ разныхъ сторонъ, но никогда не вѣрилъ, чтобы что либо могло измѣнить тотъ характеръ, которымъ Булгаринъ отличался и въ Дерптѣ, и въ Петербургѣ, и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ. Но то, что произошло одновременно съ присылкой извинительнаго письма Булгариннымъ, то, что Оаддеи сдѣлалъ въ то же самое время, въ тотъ же самый день, какимъ помѣчено его извинительное письмо,—такого поступка, я думаю, и Пироговъ не ожидалъ даже отъ Булгарина!

10-го марта, на другой день послѣ объясненія съ Анненковымъ, Булгаринъ написалъ свое извинительное письмо, и 10-го же марта тотъ же Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» фельетонъ ¹⁾, въ которомъ взводилъ на Пирогова завѣдомо ложное обвиненіе въ плагиатѣ! Фельетонъ этотъ даже теперь производитъ при чтеніи гнусное впечатлѣніе, такъ какъ очевидно, что авторъ фельетона прекрасно зналъ, что каждое его слово — гнусная ложь, каждое утвержденіе — наглая передержка. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе этотъ фельетонъ долженъ былъ произвести на Пирогова!

Уже самое начало фельетона говоритъ за себя.

«Возлѣ cadaго журнала,—такъ начинаютъ Булгаринъ,—выются роємъ трутни, которые хотятъ поживиться медкомъ, т. е. попасть въ журналъ съ чѣмъ нибудь для прославленія своего собственнаго имени или имени пріятеля. Такимъ образомъ и «Библіотека для Чтенія» при всемъ умѣ и учености ея редактора попала впросякъ. Если глупецъ ошибется, то умный человекъ поправитъ, а если умный человекъ дастъ промахъ, то ужъ поправить ничѣмъ нельзя, какъ обнаруженіемъ истины. Послушайте и вы удивитесь, какую шутку сыграли съ «Библіотекой для Чтенія!»

Оказывается, что въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1844-й годъ ²⁾ была помѣщена статья по поводу сочиненія Пирогова «Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла», сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ томъ же 1844-мъ году и удостоеннаго академіей наукъ полной Демидовской преміи. Статья, помѣщенная въ «Библіотекѣ для Чтенія», не представляла собою критическаго разбора или реферата названнаго сочиненія Пирогова. Только въ началѣ статьи говорится о сочиненіи Пирогова, отдается должное этому труду, и высказывается та мысль, что и большая публика должна бы знакомиться съ подобными учеными работами. Затѣмъ авторъ статьи даетъ читателямъ довольно хорошо составленный популярный очеркъ комплиментнаго характера по анатоміи верхней конечности. Ни о Пироговѣ, ни о его «Курсѣ прикладной анатоміи», въ самомъ очеркѣ, занимающемъ 44 страницы и снабженномъ многочисленными рисунками, нѣтъ ни слова. Въ заклю-

¹⁾ «Сѣверная Пчела», 1848, № 55.

²⁾ «Библіотека для Чтенія», 1844. Томъ 68. Отдѣлъ критики, стр. 37—82.

ченіе авторъ отсылаетъ тѣхъ читателей, которые заинтересовались вопросомъ, благодаря его очерку, къ сочиненію Пирогова.

Вотъ этой-то статьей «Библіотеки для Чтенія», напечатанной за 4 года до описываемыхъ событій, Булгаринъ и воспользовался для обвиненія Пирогова въ плагиатъ его «Курса прикладной анатоміи» изъ сочиненія Чарльза Белля о человѣческой рукѣ.

Сдѣлавъ массу передержекъ въ начальномъ отдѣлѣ статьи, благоразумно не приведя конца статьи, Булгаринъ указываетъ заимствованія, сдѣланныя авторомъ компилятивнаго очерка изъ труда Чарльза Белля, нагло выдавая этотъ текстъ за текстъ сочиненія Пирогова.

«Послѣ этихъ неоспоримыхъ уликъ,—заканчиваетъ Булгаринъ,—мы имѣемъ полное право предложить на разрѣшеніе всѣхъ просвѣщенныхъ людей вопросъ: къ кому же теперь должно отнести всѣ высокопарныя прилагательныя «Библіотеки для Чтенія»:—«плодъ долготѣльныхъ трудовъ гениальнаго человѣка», «все здѣсь привлекательно», «умный ножъ» и т. д., къ Чарльзу Беллю или г. Пирогову? Вѣдь «Библіотека для Чтенія» представила текстъ Чарльза Белля и его таблицы, а похвалы отнесла къ г. Пирогову! Помилуйте, за что же обижать ученаго Чарльза Белля? Виновать ли онъ, что издалъ свое сочиненіе и таблицы восемью годами прежде г. Пирогова? Сознаемся, что этого мы не видали еще ни въ одной литературѣ и даже не знаемъ, какъ это называется?».

Въ послѣдней фразѣ почтенный Оаддей Венедиктовичъ проявилъ совершенно не свойственную ему излишнюю скромность. «Какъ это называется»,—онъ долженъ былъ отлично знать, а для того, чтобы «это увидѣть», ему вовсе не нужно было дѣлать передержки въ старыхъ статьяхъ «Библіотеки для Чтенія», а стоило лишь взглянуть на одно изъ первыхъ своихъ литературныхъ произведеній. Какъ русскій литераторъ, Булгаринъ дебютировалъ изданіемъ на русскомъ языкѣ книжки польскаго ученаго Ежовскаго «Избранныя оды Горация» и «выставилъ на ней свое имя, позабывъ упомянуть имя Ежовскаго»¹⁾. «Это былъ одинъ изъ первыхъ подвиговъ г. Булгарина во славу русской литературы и въ ознаменованіе пламенной любви его къ правдѣ», замѣчаетъ по этому поводу Вѣлинскій.

Какъ специалистъ по части плагиата, Булгаринъ понималъ, что пущенный имъ мючъ о плагиатѣ со стороны Пирогова не могъ внушать особаго къ себѣ довѣрія. Поэтому представлялось крайне желательнымъ привести еще что либо, что могло бы дискредитировать въ глазахъ читателей «Сѣверной Пчелы» Пирогова, какъ ученаго. И вотъ вдохновители Булгарина вспомнили объ одномъ сочиненіи Пирогова, которое отличалось тѣмъ оригинальнымъ свойствомъ,

¹⁾ Вѣлинскій, I. с., стр. 481.

что въ немъ всѣ слабыя мѣста были особенно отмѣчены самимъ авторомъ. Сочиненіе это, носящее названіе «Анналовъ хирургической клиники» и изданное Пироговымъ въ 1838—1839 годахъ, въ первые годы его профессорской дѣятельности, представляетъ совершенно особый интересъ и заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться.

Выдающеюся чертою, дѣлающею величайшую честь Пирогову, какъ клиническому наставнику, представляется его научная добросовѣстность по отношенію къ своимъ ученикамъ, его откровенное признаніе предъ аудиторіей своихъ ошибокъ. Въ бытность свою за границею, до полученія каедръ, онъ «достаточно убѣдился, что научная истина далеко не есть главная цѣль знаменитыхъ клиницистовъ и хирурговъ». Пироговъ видѣлъ тамъ, что въ знаменитыхъ клиникахъ перѣдко принимались мѣры не для открытія, а для затемненія научной истины. «Вездѣ,—говоритъ онъ,—было замѣтно стараніе показать товаръ лицомъ, и это бы еще ничего, но съ тѣмъ вмѣстѣ товаръ худой, недоброкачественный продавался за хорошій и кому? Молодежи, неопытной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды».

Это недостойное и несимпантическое стремленіе шло совершенно въ разрѣзъ со взглядами Н. И. на обязанности клиническаго наставника. «Для учителя такой прикладной науки, какъ медицина,—писалъ онъ,—необходима, кромѣ научныхъ знаній и опытности, еще добросовѣстность, приобретаемая только труднымъ искусствомъ самосознанія, самообладанія и знанія человѣческой природы». И вотъ, чтобы приблизиться, сколько можно, къ тому идеалу, который Пироговъ составилъ себѣ объ обязанностяхъ профессора хирургіи, онъ положилъ себѣ за правило при первомъ своемъ вступленіи на кафедру ничего не скрывать отъ своихъ учениковъ, откровенно сознаваться предъ своими слушателями въ своихъ ошибкахъ и во всѣхъ промахахъ у постели больного.

Осуществленіемъ такого рѣшенія на дѣлѣ явилось изданіе Пироговымъ «Анналовъ (лѣтописей) хирургической клиники» за первые два года его профессорства въ Дерптѣ, составленныхъ имъ въ этомъ духѣ. «Анналы» эти представляютъ собраніе клиническихъ лекцій Пирогова и описаніе случаевъ, наблюдавшихся въ клиникѣ. Обыкновенно подобныя клиническіе отчеты носили и носятъ совершенно иной характеръ. Выбираются наиболѣе блестящіе клиническіе случаи въ смыслѣ діагноза или лѣченія, и о нихъ-то главнымъ образомъ и повѣствуется *ad majorem gloriam* автора отчета; о неудачныхъ же—въ лучшемъ случаѣ упоминается либо вскользь, либо за волосы притягиваются всѣ возможныя и невозможныя извиняющія и смягчающія вину обстоятельства. Въ «Анналахъ» Пирогова мы видимъ діаметрально-противоположное направленіе. Взявъ эпиграфомъ слова Ж. Ж. Руссо изъ его «Исповѣди»: «Que la trompette du ju-

gement dernier sonne quand elle voudra; je viendrai ce livre à la main me présenter devant le souverain juge. Je dirai hautement: voila ce que j'ai fait, ce que j'ai pensé, ce que je fus», Пироговъ въ своей клинической исповѣди также не щадилъ себя и откровенно сознавался въ своихъ ошибкахъ, какъ при діагнозѣ, такъ и въ лѣченіи, подробно останавливаясь на такихъ случаяхъ. Въ предисловіи своемъ молодой профессоръ заявилъ, что пишетъ книгу эту не для того, чтобы служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, а для того, чтобы не служить.

Какое отрадное впечатлѣніе своею научною добросовѣстностью произвели «Анналы» Пирогова, можно судить по слѣдующему факту. Когда печатались «Анналы», неожиданно ночью является къ Пирогову цензоръ, профессоръ минералогіи Энгельгардтъ, вынимаетъ изъ кармана одинъ листъ «Анналовъ», читаетъ вслухъ взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ откровенное признаніе автора въ грубѣйшей ошибкѣ діагноза и сопровождающій это признаніе упрекъ собственному тщеславію и самолюбію. Прочитавъ, старикъ-профессоръ принялся обнимать Пирогова и сказалъ, совершенно растроганный: *ich respectiere Sie* (я уважаю васъ). «Этой сцены,—говоритъ Пироговъ,—я никогда не забуду; она была слишкомъ отрадна для меня.... За это душевное *respectiere* старика я готовъ былъ перенести не одну, а тысячу критикъ».

Пироговъ, раскрывая самъ свои ошибки и критикуя себя безпощадно, не предполагалъ, что найдутся охотники воспользоваться его положеніемъ и въ критическомъ разборѣ снова выставить на видъ признапыые имъ самимъ грѣхи его. Критикъ, однако, нашелся и «началъ валять» Пирогова. «Дѣло было,—говоритъ Н. И.,—конечно не трудное. Я самъ облегчилъ ему этотъ трудъ, потому что, печатая свои ошибки, валялъ себя безъ милосердія». Критикъ, такъ отвѣлявшій Пирогова, былъ его петербургскій знакомый, докторъ Задлеръ, написавшій огромную критическую статью. Съ этою статьею въ рукахъ Пироговъ явился въ свою аудиторію и доказалъ, что въ статьѣ еще многія изъ его ошибокъ не были выставлены. «Я выигралъ въ глазахъ моихъ слушателей,—говоритъ онъ,—и, благодаря этой критикѣ, они мнѣ начали вѣрить вдвое болѣе прежняго».

Такимъ образомъ, если «Анналы» не должны были, по заявленію ихъ автора, служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, то съ другой стороны научная добросовѣстность, которою дышала эта клиническая исповѣдь, должна была служить молодымъ и даже старымъ профессорамъ образцомъ подражанія.

Кромѣ критики Задлера, упомянутой Пироговымъ, по поводу «Анналовъ» хирургической клиники появилось въ медицинской журналистикѣ немало замѣтокъ, которыя, однако, въ большинствѣ случаевъ проглядѣли идейную сторону книги, ея воспитательно-

этическое значеніе, а обратили вниманіе лишь на фактической матеріаль. Между прочимъ въ одной статьѣ ¹⁾, посвященной вопросу о желательности или нежелательности спеціализаціи, авторъ констатировалъ рѣзкое численное превосходство выдающихся хирурговъ сравнительно съ представителями внутренней медицины, какъ на кафедрахъ, такъ и среди практическихъ врачей, и отмѣтилъ сильное увлеченіе хирургіей въ ущербъ изученію внутренней медицины. Въ доказательство вреда слишкомъ односторонней спеціализаціи авторъ статьи привелъ нѣсколько исторій болѣзней изъ «Анналовъ» Пирогова, гдѣ послѣдній, какъ слишкомъ увлекающійся, по мнѣнію его, хирургъ примѣнилъ слишкомъ энергическое и нераціональное лѣченіе, результаты котораго оказались крайне плачевны. Однимъ словомъ, авторъ статьи указываетъ, съ точки зрѣнія спеціалиста по внутренней медицинѣ, ошибки, сдѣланныя Пироговымъ.

Коротенькій рефератъ этой статьи былъ помѣщенъ въ библиографическомъ медицинскомъ изданіи ²⁾. Этотъ-то рефератъ и былъ въ рукахъ Булгарина, который и приводитъ выписку изъ него, гдѣ говорится, что въ своихъ «Анналахъ» Пироговъ хотя и является дѣльнымъ анатомомъ и операторомъ, но все-жъ эти «Анналы» явно доказываютъ, какъ печаленъ часто бываетъ результатъ тамъ, гдѣ хирургія не идетъ рука объ руку съ медициной, и какъ необходимо, чтобы рядомъ съ такими хирургическими наставниками были поставлены дѣльные терапевты (*dass solchen chirurgischen Lehrern tüchtige innere Aerzte zur Seit gestellt werden*). Послѣднюю фразу Булгаринъ переводитъ: «чтобы при такихъ хирургическихъ учителяхъ находились для руководства знающіе медики».

Приведенной выпискѣ изъ библиографическаго изданія, которое подъ пылкимъ перомъ фельетониста «Сѣверной Пчелы» превратилось въ «знаменитое во всемъ ученомъ мірѣ изданіе», а редакторъ его въ «члена всѣхъ европейскихъ учено-медицинскихъ академій и обществъ», Булгаринъ предпосылаетъ замѣчаніе, что «не всѣ такъ судятъ о трудахъ г. Пирогова, какъ «Библіотека для Чтенія». Заключаетъ же онъ самую выписку указаніемъ на предшествовавшій фельетонъ, гдѣ, не называя Пирогова, онъ дѣлалъ на него различныя намеки. «Эти высокія истины,—говоритъ Булгаринъ,—высказанныя въ ученой Германіи, въ первомъ медицинскомъ изданіи, знаменитыми врачами, не требуютъ поясненій и подтверждаютъ сказанное нами въ № 46 «Сѣверной Пчелы» о хирургахъ и хирургическихъ операціяхъ вообще».

Если бы Булгаринъ и его вдохновители, говоря объ «Анналахъ» Пирогова, могли, хотя бы въ ничтожной степени, проникнуться тѣмъ

¹⁾ Wochenschrift für die gesammte Heilkunde, von Dr. Casper. 1889, № 2. (Статья Dr. A. Fischer'a).

²⁾ Repertorisches Jahrbuch für die Leistungen der gesammten Heilkunde im Jahre 1889. Von I. I. Sachs. Bd. I, p. 171—172.

духомъ научной добросовѣстности, которымъ запечатлѣна каждая страница этого сочиненія, то они вмѣсто того, чтобы цитировать изъ вторыхъ рукъ, по реферату статьи, обратились бы къ первоисточнику, къ самой статьѣ. Тогда Булгаринъ прочелъ бы, что, по мнѣнью автора статьи, «Анналы» Пирогова «способны приковать къ себѣ во многомъ отношеніи вниманіе мыслящихъ и пытливыхъ врачей, что они знакомятъ насъ съ блестящими анатомическими и хирургическими познаніями человѣка, который, повидимому, рожденъ и призванъ, чтобы со временемъ стать изъ ряда вонъ выходящимъ и для своего отечества неоцѣнимымъ операторомъ, такъ какъ въ немъ сказываются всѣ тѣ свойства, которыя рѣдко совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ, но которыя въ такомъ случаѣ даютъ тѣмъ вѣрнѣе право на достиженіе самаго высшаго, что только возможно, въ хирургіи». Тогда Булгаринъ точнѣ узналъ бы, какъ «судятъ о трудахъ Пирогова «въ ученой Германіи» «знаменитые врачи».

Фельетонъ «Сѣверной Пчелы» отъ 10-го марта, какъ видятъ читатели, отличался большимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Здѣсь было и обвиненіе Пирогова въ плагиатѣ, и мнѣніе одного германскаго терапевта объ его «Анналахъ хирургической клиники», и, наконецъ открытое объявленіе его *orgi et urbi* «проворнымъ рѣзуномъ». Здѣсь Булгаринъ собралъ всѣ свои силы и представилъ намъ своего рода *coup de maître*. Ударъ былъ на этотъ разъ разсчитанъ вѣрно. Этотъ фельетонъ переполнилъ чашу терпѣнія Пирогова, и онъ принялъ наконецъ вызовъ Булгарина. Особенно возмутить Пирогова долженъ былъ этотъ фельетонъ еще и потому, что не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при его составленіи автору была оказана «врачебная помощь». Трудно предположить, чтобы сочиненіе Чарльза Белля было знакомо Булгарину. Еще труднѣе допустить, чтобы Булгаринъ зналъ объ «Анналахъ» Пирогова. Существованіе нѣмецкаго медицинскаго библиографическаго изданія, несмотря на всю его «знаменитость», о которой говоритъ Булгаринъ, не было, конечно, ему извѣстно, какъ слишкомъ специальное, и найти въ такомъ изданіи замѣтку, помѣщенную 9 лѣтъ тому назадъ, могъ, конечно, только специалистъ-медикъ.

Отвѣтомъ со стороны Пирогова на вызовъ Булгарина было заявленіе, поданное Н. И. въ конференцію.

Указывая въ этомъ заявленіи, что Булгаринъ въ своемъ письмѣ въ конференцію «позволилъ себѣ различныя обидныя для него выраженія», Пироговъ усматривалъ изъ письма Булгарина, что послѣдній, во-первыхъ, «причинилъ личную обиду въ полномъ засѣданіи присутственнаго мѣста одному изъ членовъ этого мѣста» и, во-вторыхъ, «узналъ недозволеннымъ образомъ о ходѣ и обсужденіи дѣла учено-канцелярскаго».

«Не удовольствовавшись этимъ (курсивъ нашъ),—возмущается даже Пироговъ,—онъ обвинилъ въ № «Сѣверной Пчелы» 10-го марта мое сочиненіе (Полный курсъ прикладной анатоміи), награжденное полною премією академіи наукъ, какъ оригинальное, въ плагиатъ изъ сочиненія Чарльза Белля и въ этомъ же №, сдѣлавъ замѣчаніе о недостаткахъ моего другого сочиненія, сослался на предшествовавшій № «Сѣверной Пчелы», въ которомъ была имъ же помѣщена статья о достоинствахъ хирурговъ и хирургическихъ операцій вообще. Сличивъ эти два №№ газеты, обнаруживаются тоже нанесенныя мнѣ лично укоризны и обиды».

Затѣмъ Пироговъ сообщаетъ конференціи, что относительно плагиата онъ довелъ статью Булгарина до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія и секретаря академіи наукъ и просилъ академію наукъ «потребовать отъ г. Булгарина публично дальнѣйшихъ объясненій объ этомъ предметѣ».

«Что же касается,—пишетъ Пироговъ,—до личныхъ обидъ, нанесенныхъ мнѣ г. Булгаринимъ въ полномъ засѣданіи присутственнаго мѣста и въ публичной газетѣ, то я обращаюсь къ конференціи и прошу ее покорно представить мою жалобу къ высшему начальству академіи о судебномъ изслѣдованіи всего дѣла по принятому законами порядку, присоединяя къ тому, что теперь, когда письмо уже было прочтено въ засѣданіи конференціи, а обидные намеки и клеветы опубликованы въ газетѣ, читаемой во всей Россіи, то честь моя и достоинство занимаемаго мною мѣста не позволяютъ мнѣ удовольствоваться однимъ съ его стороны словеснымъ или письменнымъ извиненіемъ».

Одновременно съ этимъ заявленіемъ Пирогова въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ появилось по адресу Булгарина письмо академика Бэра, краткое, но внушительное.

«Въ фельетонѣ № 55 «Сѣверной Пчелы»,—пишетъ нашъ великій академикъ,—приводится давнишній разборъ сочиненія профессора Пирогова «Полный курсъ прикладной анатоміи» и говорится объ этомъ такимъ образомъ, что выходитъ, будто бы это сочиненіе не самостоятельное, а заимствовано большею частью изъ другихъ авторовъ (именно изъ Белля). Часть публички въ этомъ смыслѣ и приняла утвержденіе «Сѣверной Пчелы», ибо казалось, что новый разборъ критики, напечатанной за четыре года предъ симъ, иной цѣли имѣть не могъ.

«Такъ какъ императорская академія наукъ, — заканчиваетъ Бэръ,—по моему предложенію приняла въ 1844 году «Полный курсъ прикладной анатоміи» профессора Пирогова къ соисканію Демидовскихъ наградъ и присудила ему полную премію въ особенности потому, что оба ея комиссара (Бэръ и Врандтъ) признали это со-

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1848 г., № 61.

чиненіе вполне самостоятельнымъ и основаннымъ на собственныхъ изысканіяхъ, то я принужденнымъ нахожусь просить читателей обратиться къ официальному отчету о тогдашнемъ присужденіи награды¹⁾, а г. Булгарина, какъ издателя «Сѣверной Пчелы» и автора вышеозначенной статьи, приглашаю объявить положительно, что упоминаемыя имъ мѣста и рисунки изъ сочиненія Белля о человѣческой рукѣ находятся отнюдь не въ твореніи профессора Пирогова, а только въ критической статьѣ объ этомъ сочиненіи, помѣщенной г. Сенковскимъ въ «Библіотекѣ для Чтенія»²⁾.

Итакъ академія наукъ исполнила просьбу Пирогова и въ лицѣ Бэра «потребовала отъ Булгарина публично дальнѣйшихъ объясненій». Послѣдній никакъ не ожидалъ нападенія съ этой стороны и былъ немало удивленъ, когда, какъ онъ выразился, «съ кессель-батареи № 61 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» раздался новый выстрѣлъ». Бэръ, для котораго Булгаринъ могъ представлять интересъ, какъ скверная разновидность homo sapiens, взялъ по отношенію къ Оуддею замѣчательно вѣрный тонъ, и письмо ученаго академика произвело на нашего «правдолюба» такое дѣйствіе, какъ хороній ударъ хлыста. Этотъ холодный, не допускающій никакихъ разсужденій тонъ категорическаго императива, какимъ строгій учитель предписываетъ напроказившему школьнику «просить прощенія» у оскорбленнаго имъ лица, тонъ, который слышится въ письмѣ стараго академика, это скрытое презрѣніе, которое чувствуется въ «приглашеніи объявить положительно», эта заранѣе продиктованная формула, по которой Булгаринъ долженъ былъ взять свои слова назадъ, и, наконецъ, этотъ курсивъ, которымъ все это подчеркивалось,—вотъ благодаря чему письмо Бэра такъ задѣло Булгарина.

Изъ отвѣтнаго фельетона³⁾ Булгарина видно, что Оуддей пришелъ прямо въ бѣшенство. Я не стану приводить подробно содержанія этого фельетона. Скажу только, что въ немъ Булгаринъ подъ испытующимъ взглядомъ Бэра извивается, какъ оперный Мефистофель при видѣ креста. Опять и опять мы встрѣчаемъ здѣсь «текстъ Чарльза Белля», «текстъ г. Пирогова», «текстъ критики», «г. Пироговъ превознесенъ до небесъ похвалами» и т. д. Въ концѣ Булгаринъ торжественно заявляетъ, что «мы позаймемся имъ (сочиненіемъ Пирогова) и сравнимъ съ другими сочиненіями въ томъ же родѣ для положительнаго опредѣленія его достоинства относительно самостоятельности, о которой говоритъ г. академикъ Бэръ», и далѣе, что «мы разберемъ твореніе г. Пирогова и воздадимъ достойное достоинству». Вы чувствуете, однако, что эти всѣ нагло-

¹⁾ Бэръ приводитъ въ выноскѣ заключеніе этого отчета.

²⁾ Курсивъ въ оригиналѣ.

³⁾ «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 64, 20 марта.

торжественныя заявленія—пустыя слова, что Булгаринъ бьетъ отбой по всей линіи и страшно озлобленъ противъ Бара, упоминая постоянно о приглашеніи, о курсивѣ и т. д.

Этотъ фельетонъ былъ лебединой пѣсней Булгарина въ его поэмѣ, невольнымъ героемъ которой онъ сдѣлалъ Пирогова. Фельетономъ 20-го марта закончилась роль Булгарина: «мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уходить».

Представленіе, предназначенное для большой публики, окончилось. Эпизодъ Булгаринской исторіи, какъ и прологъ ея, происходилъ уже въ тѣсной академической средѣ.

IV.

Заявленіе Пирогова въ конференцію, въ которомъ онъ просилъ «о судебномъ изслѣдованіи всего дѣла по принятому законами порядку», было представлено высшему начальству. Но высшее начальство не желало возбуждать судебного дѣла. Въмѣсто того 22 марта въ конференцію было прислано отъ попечителя предписаніе, изъ котораго конференція могла узнать, что военный министръ считаетъ извиненіе Булгарина предъ конференціей и Пироговымъ, принесенное Булгаринимъ въ его письмѣ отъ 10-го марта, удовлетворительнымъ, «и затѣмъ полагасть неумѣстнымъ новое по сему предмету домогательство проф. Пирогова; относительно же разбора сочиненія проф. Пирогова въ «Сѣверной Пчелѣ», то, сообразивъ, что г. Пироговъ уже вошелъ по этому дѣлу съ просьбой въ академію наукъ и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, г. военный министръ полагаетъ излишнимъ принимать какое либо участіе въ ходѣ оного».

Предписаніе Анненкова было доложено въ засѣданіи конференціи 27 марта и особо сообщено Пирогову. Но на этомъ засѣданіи конференціи Пироговъ уже не присутствовалъ. Оскорбленный такимъ отвѣтомъ «высшаго начальства», Пироговъ рѣшилъ оставить академію.

Одновременно съ донесеніемъ президента Шлегеля о томъ, что Пироговъ «имѣетъ намѣреніе оставить службу», попечитель Анненковъ получилъ неофіціальное письмо Пирогова, гдѣ послѣдній приводилъ подробно мотивы своего ухода.

Вотъ это замѣчательное письмо, своего рода *profession de foi*.

«Я объявилъ конференціи,—писалъ Пироговъ,—о намѣреніи моемъ оставить службу при академіи. Желая, чтобы начальникъ академіи зналъ истинную причину, побудившую меня сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, я счелъ нужнымъ объяснить вамъ съ нѣкоторою подробностью всѣ предшествовавшія обстоятельства. Обращаясь къ вамъ путемъ неофіціальнымъ, позвольте говорить

откровенно. Достоинство наставника, руководящего образованіемъ врачей, по моимъ понятіямъ, такъ важно, что каждый изъ насъ долженъ поставить себѣ въ непремѣнную обязанность дорожить этимъ достоинствомъ въ той же или даже и въ большей степени, какъ вообще дорожать въ обществѣ честнымъ и благороднымъ именемъ человѣка. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого взгляда есть: 1) попеченіе о томъ, чтобы и всѣ другіе члены общества, составляемаго наставниками, равно заботились о сохраненіи и поддержаніи этого достоинства, какъ въ ученомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, потому что только этимъ общимъ стремленіемъ наставниковъ учебное заведеніе сохраняетъ почетное мѣсто, назначенное ему въ государствѣ. 2) Попеченіе о сохраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ правительствомъ обществу наставниковъ. 3) Попеченіе о сохраненіи своего достоинства въ глазахъ учениковъ, будущее направленіе которыхъ утверждается примѣромъ наставниковъ».

«Къ сожалѣнію, обстоятельства, встрѣтившіяся во время службы моей при академіи, препятствуютъ мнѣ исполнить эти существенныя условія и даже заботиться объ ихъ исполненіи. Я не могъ, несмотря на всѣ старанія, быть полезнымъ академіи въ выборѣ будущихъ наставниковъ. Попеченія мои о сохраненіи достоинства и славы заведенія тщательнымъ сужденіемъ о достоинствахъ избираемаго въ кандидаты считались, къ сожалѣнію, личностями съ пристрастіемъ. Коллегіальное общество наставниковъ академіи избѣгаетъ смѣлаго и откровеннаго сужденія о достоинствахъ и заслугахъ избираемыхъ. Этому я могу представить нѣсколько уже несомнѣнныхъ доказательствъ. Но послѣдній выборъ въ кандидаты ¹⁾ на кафедру одного изъ самыхъ важнѣйшихъ предметовъ доказываетъ это еще очевидно. Откровенное сужденіе, представленное мною съ нѣкоторыми другими членами о нравственныхъ достоинствахъ избираемаго, было объяснено и принято въ совершенно другомъ смыслѣ. Намъ никогда и въ мысль не приходило, чтобы правило академическаго устава, требующее нравственныхъ достоинствъ отъ избираемаго, было принято въ одномъ служебномъ значеніи, въ значеніи послужного списка. Мы никогда не могли ожидать упрека отъ большинства членовъ, что мы не имѣемъ права разсуждать объ этихъ достоинствахъ, когда послужной списокъ избираемаго совершенно чистъ. Развѣ этимъ однимъ служебнымъ ручательствомъ мы должны руководствоваться при коллегіальномъ избраніи нашихъ будущихъ товарищей и будущихъ наставниковъ? Развѣ послужной списокъ опредѣляетъ нравственныя достоинства профессора, во многомъ отношеніи превышающія обыкновенныя служебныя достоинства чиновника? Наконецъ, дошло до того, что

¹⁾ Широковъ говоритъ здѣсь о Шипулинскомъ.

наши сужденія перенесли незаконно изъ среды конференціи и дошли до журналиста, позволившаго себѣ вмѣшательство въ дѣла конференціи и объявившаго себя публично защитникомъ ученыхъ и нравственныхъ достоинствъ избираемаго. Можно ли послѣ этого быть товарищемъ, не нарушая собственного достоинства, будущаго наставника, который жалобой на конференцію и ея начальника и связями съ этимъ же журналистомъ желаетъ достигнуть каедръ?»

Приводя еще нѣкоторыя причины (ограниченіе права подачи особыхъ мнѣній, неспрiятности по поводу смерти одного госпитальнаго больного), Пироговъ ставитъ вопросъ Анненкову:

«Какъ уважаемый всѣми начальникъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, скажите, можно ли быть истиннымъ врачомъ и хорошимъ наставникомъ, не имѣя убѣжденій о высокомъ достоинствѣ своего искусства? А можно ли требовать этого убѣжденія отъ будущаго врача, который, бывши ученикомъ, видѣлъ униженіе учителя въ глазахъ свѣта? Вотъ откровенное изложеніе причинъ, побуждающихъ меня оставить службу при академіи».

«Въ службѣ моей, такъ заканчиваетъ Пироговъ это проникнутое чувствомъ собственного достоинства и высокимъ уваженіемъ къ званію наставника письмо,—въ службѣ моей я никогда не искалъ личныхъ выгодъ, и потому я оставляю ее, какъ скоро этого требуетъ мой взглядъ на собственное достоинство, которымъ я привыкъ дорожить».

Это письмо Пирогова должно было произвести, да, вѣроятно, и произвело сильное впечатлѣніе на Анненкова, который могъ понять, что не легко было Пирогову «сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ».

Надо полагать, что, какъ ранѣе письмо Булгарина, такъ теперь письмо Пирогова, хотя по соображеніямъ совершенно иного порядка, Анненковъ также счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія министра. Во всякомъ случаѣ Чернышевъ лично объяснялся съ Пироговымъ и убѣдилъ его остаться.

Итакъ, только благодаря личному вмѣшательству военнаго министра, стратегема съ Булгаринымъ не увѣнчалась успѣхомъ. Если бы Анненковъ и Чернышевъ отнеслись къ дѣлу болѣе официально, побѣда осталась бы на сторонѣ недоброжелателей Пирогова. Письмо Пирогова убѣдило Анненкова, а затѣмъ, непосредственно или посредственно, и Чернышева, что на требованіе Пирогова «судебнаго изслѣдованія» никоимъ образомъ нельзя было смотрѣть, какъ на «неумѣстное домогательство». При личномъ объясненіи съ Пироговымъ, во время котораго Н. И., вѣроятно, говорилъ еще болѣе «откровенно», чѣмъ въ письмѣ къ Анненкову, Чернышеву стало ясно, что Булгаринъ былъ здѣсь лицомъ второстепеннымъ, игралъ роль Шиллеровскаго мавра. Съ своей стороны и Чернышевъ, вѣроятно, убѣдилъ Пирогова, что относиться ему къ этому дѣлу такъ страстно—ниже его достоинства.

О взглядѣ Чернышева на Булгаринскую исторію мы можемъ судить по его предписанію попечителю Анненкову (6-го апрѣля). Въ своемъ предписаніи министръ обращаетъ вниманіе попечителя, что въ конференціи дѣла и ходъ оныхъ до ихъ окончанія сообщаются постороннимъ. Министръ находитъ, что подобныя дѣйствія «не только не совмѣстимы съ ихъ (членовъ конференціи) званіемъ, но и противны существующимъ узаконеніямъ». Поэтому слѣдуетъ внушить членамъ конференціи, чтобы не допускалось «ни малѣйшей огласки». Въ противномъ случаѣ будетъ доведено «до свѣдѣнія его императорскаго величества».

Этимъ закончилась Булгаринская исторія.

Въ настоящее время, когда сама жизнь поставила на очередь вопросъ объ отношеніяхъ между учащими и учащимися, когда эти отношенія стали «вопросомъ жизни», мнѣ казалось особенно своевременнымъ и крайне поучительнымъ привести фактическое доказательство, какъ чутко авторъ «Вопросовъ жизни» относился къ своему достоинству учащаго. Пироговъ былъ не только геніальнымъ учителемъ, не только гуманнымъ попечителемъ—миссіонеромъ, онъ былъ глубокимъ мыслителемъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ понималъ, какое великое воспитательное значеніе для общества имѣетъ наука. Поэтому онъ и предъявлялъ высокія требованія къ нравственной личности наставника. Поэтому онъ требовалъ, чтобы проповѣдь уваженія къ наукѣ, проповѣдь и словомъ и дѣломъ, исходила прежде всего отъ представителей науки. Только при такихъ условіяхъ и въ массѣ всего общества развивается уваженіе къ наукѣ. Истинный же прогрессъ общества возможенъ только тамъ, гдѣ уважаютъ науку, потому что только тамъ,

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человекъ.

Ю. Г. Мались.

В. В. КРЕСТОВСКІЙ ВЪ НАХИЧЕВАНИ.

ТИ НЕМНОГІЯ свѣдѣнія о пребываніи автора «Петербургскихъ трущобъ» въ Нахичевани (Эриванской губерніи) мнѣ удалось слышать отъ одной дамы (фамиліи ея не называю, такъ какъ не имѣю на это разрѣшенія), съ которой мы вмѣстѣ были нынѣшнимъ лѣтомъ въ грязелѣчебномъ заведеніи д-ра Добровольскаго (въ Крыму).

И сидѣлъ какъ-то около заведенія и заносилъ въ свою записную книжку путевыя замѣтки о казачьихъ степяхъ и Черноморьѣ, черезъ которыя я проѣзжалъ.

— Это вы что пишете?—улыбаясь спросила меня она, замѣтивъ мое занятіе:—путевыя замѣтки?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Такъ же, какъ вообще всѣ туристы это дѣлаютъ? На основаніи «достоверныхъ свѣдѣній»?

— А вы развѣ знаете, какъ это дѣлаютъ туристы?

— Да, я видѣла, какъ это дѣлалъ Всеволодъ Крестовскій.

— А вы были знакомы съ нимъ?—заинтересовался я.

— Да, была. Мы жили въ одномъ городѣ съ нимъ одинъ мѣсяцъ.

И попросилъ ее разсказать, что она помнитъ о Крестовскомъ.

— Познакомилась я съ нимъ въ бытность мою въ 1887 году въ Нахичевани, гдѣ мой мужъ служилъ тогда судебнымъ слѣдователемъ. Рядомъ съ нашимъ домомъ жилъ офицеръ пограничной стражи, съ которымъ мы были въ дружескихъ отношеніяхъ и каждый день бывали другъ у друга.

Однажды онъ намъ говоритъ, что ожидаетъ прибытія въ скоромъ времени начальства.

Мы, между прочимъ, спросили, какъ фамилія ожидавшагося начальства.

— Крестовскій,—отвѣчалъ онъ.

— Тотъ самый, который пишетъ?—спросили мы.

— Да, тотъ самый,—отвѣчалъ онъ.

Про Крестовскаго мы, конечно, слышали раньше, многіе изъ насъ читали его «Петербургскія трущобы», «Кровавый пуфъ» и такъ далѣе, но никто никогда не видалъ его, почему воплотить понятенъ нашъ интересъ увидать воочию этого извѣстнаго писателя. Въ темной глуши, какъ наша Нахичевань, рады вообще всякому новому человѣку, а тутъ вдругъ еще и писатель!

И нѣкоторое время мы жили ожиданіемъ увидать его.

Крестовскій вскорѣ пріѣхалъ и остановился въ домѣ этого самаго офицера пограничной стражи. Это было вскорѣ послѣ его путешествія въ Японію.

Какъ-то вечеромъ этотъ офицеръ приходитъ къ намъ и говоритъ:

— Приходите сегодня ко мнѣ: я васъ познакомлю съ Крестовскимъ.

Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали вечера, въ который намъ предстояло увидѣть «настоящаго» писателя!..

Мы пришли — и увидѣли въ залѣ дома таможеннаго офицера не очень высокаго, плотно сложеннаго брюнета, насколько я помню, съ закинутыми назадъ, совсѣмъ черными волосами, съ маленькими глазами, смотрѣвшими какъ-то устало, и съ усами, которые онъ, какъ мы подозрѣвали, фиксатуарилъ. На немъ былъ китель съ погонами офицера пограничной стражи.

Признаться, мы были нѣсколько разочарованы... Писатель—и вдругъ въ кительѣ офицера пограничной стражи!.. Въ нашемъ представленіи это какъ-то не вязалось одно съ другимъ... Затѣмъ, въ самой фигурѣ мы не нашли ничего особеннаго, что, по нашему мнѣнію, должно быть въ наружности писателя. Въ общемъ, на меня онъ произвелъ безразличное впечатлѣніе...

Далѣе онъ все болѣе и болѣе разочаровывалъ насъ. Правда, это былъ очень веселый человѣкъ, но особенной живости не обнаруживалъ, такъ что можно было думать, что эта его веселость больше напускная; даже скорѣе онъ былъ неподвиженъ.

Но, какъ ни какъ, а мы все были рады ему, хотя бы только потому, что онъ былъ свѣжій человѣкъ въ нашей глуши. Этому еще много помогало то, что онъ имѣлъ массу, что поразсказать. Поэтому онъ скоро привился въ нашемъ обществѣ и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. У меня и теперь еще въ памяти тѣ вечера, когда онъ начиналъ рассказывать про жизнь въ Западномъ краѣ, про поляковъ и евреевъ. Зная его отношеніе къ польскому вопросу, мы ожидали, что онъ будетъ съ предубѣжденіемъ относиться къ полякамъ. Но, сверхъ ожиданія, онъ всегда былъ сдержанъ и о полякахъ никогда не начиналъ первый разговора.

Онъ чрезвычайно удачно умѣлъ подражать еврейскому жаргону и за ужиномъ пѣлъ еврейскія пѣсни и рассказывалъ анекдоты изъ еврейскаго быта, чѣмъ заставлялъ часто хохотать насъ до упаду.

Также часто рассказывалъ онъ намъ про свое путешествіе въ Японію. Описание его путешествія, печатавшееся, кажется, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мы почти всѣ читали и, такъ какъ онъ тамъ описалъ чуть ли не каждый свой шагъ, то новаго мы отъ него ничего не услышали, хотя онъ дополнялъ напечатанное кое-какими деталями.

Однако я должна отмѣтить то подмѣченное мною обстоятельство, что, какъ рассказчикъ, онъ не выдавался. Правда, все то, что онъ рассказывалъ, было очень интересно, отличалось живостью красокъ и образовъ, но его манера рассказывать была очень не интересна, такъ какъ говорилъ онъ какимъ-то монотоннымъ голосомъ, не живо, довольно суховато. Вначалѣ всѣ слушали его съ удовольствіемъ, но затѣмъ начинали позѣвывать, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали конца рассказа. Конечно, мы старались скрыть одолѣвавшее насъ состояніе, но онъ прекрасно это видѣлъ, однако никогда не обижался.

Въ общемъ, мы находили, что онъ лучше писалъ, чѣмъ рассказывалъ, и это, признаться, насъ нѣсколько разочаровывало, такъ какъ мы думали, что кто хорошо пишетъ, тотъ долженъ хорошо и говорить.

Въ обществѣ онъ бывалъ мало и, когда кончалъ служебныя дѣла, то уходилъ къ себѣ и все писалъ. Про свои литературныя занятія и планы онъ не говорилъ и, какъ кажется, не любилъ бесѣдовать объ этомъ. Вообще, въ этомъ отношеніи онъ держалъ себя чрезвычайно скромно, не говорилъ о томъ, что писалъ или что намѣренъ писать.

Только помню, что онъ разъ рассказывалъ о томъ, какъ писалъ «Петербургскія трущобы», какъ для собиранія матеріаловъ переряживался въ подходящее платье и отправлялся по разнымъ вертепамъ, при чемъ показывалъ намъ, какъ онъ измѣнялъ свою физиономію.

Мы замѣтили, что онъ былъ очень любознателенъ. Было ли это въ его природѣ, или было проявленіе писательской профессіи,— не берусь судить. Но только онъ спрашивалъ рѣшительно обо всемъ, что ему казалось интереснымъ въ мѣстныхъ особенностяхъ. Впрочемъ, съ этимъ онъ обращался больше къ мужчинамъ, чѣмъ къ намъ.

Но здѣсь онъ иногда попадался впросакъ.

Такъ онъ часто бесѣдовалъ съ татарами, спрашивалъ ихъ объ ихъ обычаяхъ, преданіяхъ и т. д. При этомъ иногда татаринъ передавалъ ему по-русски какое нибудь названіе, но произносилъ его крайне отвратительно. Всеволодъ же Владимировичъ

думалъ, что это—туземное названіе, и заносилъ его въ свою записную книжку. Поэтому, если мы случайно отъ самого него узнавали о подобномъ, то часто исправляли собранныя имъ свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, между нами находились такіе люди, которые избрали это предметомъ своихъ глумленій и насмѣшекъ и часто мистифицировали Всеволода Владимировича.

Такъ тогда въ Нахичевани служилъ одинъ молодой чиновникъ, большой шлопай, послѣ занимавшій на Кавказѣ довольно видный постъ.

Онъ часто мистифицировалъ Крестовскаго, отчаянно вралъ ему, выдумывалъ цѣлыя легенды и давалъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія.

Верстахъ въ трехъ отъ Нахичевани есть такъ называемая «могила Ноя».

«Могила» эта представляетъ собою небольшой каменный кіоскъ, внутри котораго находится плита, какъ бы придавливающая могилу. Кіоскъ весь украшенъ камешками, раковинами и т. под. Сюда приходятъ молиться армяне, ставятъ здѣсь свѣчи, хотя никакихъ иконъ здѣсь нѣтъ. Мусульманскимъ населеніемъ «могила» эта также чтится. На самомъ ли дѣлѣ здѣсь погребенъ Ной,—конечно, вопросъ темный, и никакихъ преданій и легендъ относительно этого мнѣ собрать не удалось, хотя, кажется, между мѣстными армянами такія преданія существуютъ.

Мы какъ-то припили сюда и показали Крестовскому эту могилу.

Но почему-то ему вдругъ вздумалось поинтересоваться узнать: гдѣ же погребена жена Ноя?

Тогда упомянутый молодой чиновникъ пресерьезно начинаетъ увѣрять его, что именно здѣсь погребена вся семья Ноя—онъ самъ, жена и всѣ дѣти, за исключеніемъ Сима, Хама и Иафета, и что эта «могила» есть фамильная усыпальница Ноева семейства.

Какъ кажется, Всеволодъ Владимировичъ повѣрилъ этому разсказу. Но намъ выходки этого господина не нравились, такъ какъ онѣ основывались лишь на одномъ какомъ-то глупомъ озорствѣ.

— Что вы дѣлаете?—говорили мы ему тогда.

— Развѣ хорошо такъ мистифицировать? Вѣдь это онъ можетъ въ печать пустить?

Онъ въ отвѣтъ только хохоталъ и отвѣчалъ:

— Ну, кому какой вредъ отъ того, что онъ сообщитъ читателямъ, что здѣсь погребена жена Ноя?

Я теперь не помню всего, но этотъ господинъ очень много общалъ Крестовскому завѣдомо ложнаго и вздорнаго. Такъ объ Араратѣ, находящемся отъ Нахичевани въ не очень далекомъ разстояніи, и о ковчегѣ онъ рассказывалъ цѣлыя сказки. Въ концѣ концовъ, намъ пришлось предупредить Крестовскаго, чтобы онъ не очень-то вѣрилъ этому господину.

Мы спрашивали Крестовскаго, будетъ ли онъ описывать свое пребываніе на границахъ Персіи? Онъ отвѣчалъ, что будетъ, но я, право, не знаю, описать ли когда онъ это и гдѣ.

— Что же, Всеволодъ Владимировичъ,—спрашивали мы его,—и насъ всѣсъ опишете?

— Непремѣнно,—смѣясь отвѣчалъ онъ.

Онъ обѣщалъ, что если когда напечатаетъ свое путешествіе по Эриванскому краю, то непременно пришлетъ каждому изъ насъ по экземпляру. Но, какъ это водится, забылъ о своемъ обѣщаніи, и мы никто ничего отъ него не получили.

Въ служебномъ отношеніи онъ былъ крайне снисходителенъ. Въ общемъ, онъ никого не стѣснялъ и самъ не стѣнялся. Особенно ни съ кѣмъ не дружилъ и ко всѣмъ относился ровно. Характеръ у него былъ покладистый, невздорный.

Въ Нахичевани онъ прожилъ недѣли три или мѣсяць. Куда дальше онъ отправился, я не помню. Но за это недолгое время мы успѣли такъ привыкнуть къ нему, что при прощаніи намъ было жаль разставаться съ этимъ умнымъ и веселымъ человѣкомъ.

Василій Якимовъ.

Н. И. БУХАРОВЪ И ЕГО ДВОРЕЦКІЙ ДАНИЛЫЧЪ.

Н. И. Бухарову.

.....
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранить струю кипучаго вина.

Лермонтовъ.

Къ Бухарову.

.....
Стоятыя прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусарь прославленныхъ потомокъ,
Пирокъ и битвы гражданскыя.

Лермонтовъ

АКЪ ни долго подготовлялась крестьянская реформа въ передовыхъ русскихъ умахъ, но обнародованіе ея громомъ упало на неподготовленную массу и сопровождалось эпизодами сильно-драматическаго характера, подъ часъ съ развязкой равно фатальной какъ для помѣщика, такъ и для его бывшаго крѣпостнаго.

Я расскажу со словъ моего мужа, Д. Н. Бизюкина, одинъ изъ такихъ эпизодовъ этого памятнаго времени, касающійся лица, также нѣсколько знакомаго русскому обществу, если не по его личнымъ дѣяніямъ, то по отраженію его личности въ русской поэзіи. Я разумѣю воспѣтаго Лермонтовымъ стараго «дядьку» лейбъ-гусарскаго николаевской эпохи полка — генерала въ отставкѣ, Николая Ивановича Бухарова.

Мой мужъ такъ о немъ рассказывалъ.

— Николай Ивановичъ Бухаровъ былъ сосѣдомъ по Порховскому имѣнію и давнишнимъ знакомымъ отца моего. Насколько

нѣрно очерченъ его характеръ немногими стихами поэта, Николая Ивановича доказаль своею поздней женитьбой: ему было уже за 50 лѣтъ, когда, путешествуя за границей, онъ влюбился въ молодую красавицу-испанку, женился на ней, и несмотря на громадную разницу лѣтъ, красавица-жена его страстно любила до конца его жизни; онъ умеръ, оставивъ двухъ дочерей и трехъ малолѣтнихъ сыновей.

Въ первое лѣто по обнародованіи крестьянской реформы, въ іюнѣ 1861 г., отецъ мой задумалъ провѣдать Николая Ивановича въ его порховской усадьбѣ — Михалевѣ, и взять меня съ собою. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ. Этотъ визитъ въ Михалево глубоко врѣзался въ мою память. Мнѣ до сихъ поръ такъ живо и во всѣхъ подробностяхъ представляется все, что я тамъ видѣлъ и слышалъ.

Какъ сейчасъ, вижу я громадный садъ и паркъ съ островками и мостиками, таинственные гроты и бесѣдки съ надписями; на одной изъ нихъ, изображавшей пантеонъ въ миньютюрѣ, была на классическомъ фронтонѣ, надъ деревянною колоннадой, надпись: «товарищамъ-гусарамъ». Въ полумракѣ аллея и среди роскошнаго парка сверкали мраморы статуй. Большой, деревянный барскій домъ, построенный «покоемъ», казалось, зазывалъ къ себѣ, гостеприимно раскрывая, точно объятія, свои два одноэтажныя крыла, соединенныя центральной частью дома—двухъэтажною, увѣнчанною куполомъ. Тутъ были парадныя гостиныя, залы съ хорами для домашняго оркестра, которымъ нѣкогда управлялъ талантливый и любимый Николаемъ Ивановичемъ капельмейстеръ — Данилычъ, впоследствии приближенный имъ къ себѣ въ качествѣ дворецкаго.

При вѣздѣ въ усадьбу насъ поразила какая-то необычная тишина и полное отсутствіе суетливой дворни на широкомъ барскомъ дворѣ. Никѣмъ не встрѣченныя вошли мы на крыльцо; въ лакейской — тоже ни души. Двери раскрыты настежь; ихъ бронзовыя ручки давно не чищены; паркеты въ залахъ тусклы, неопрятны; случайно сдвинутая мебель стоитъ въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ оставили ее послѣдніе гости, и, должно быть, давно такъ стоитъ, потому что все густо покрыто пылью; засиженныя мухами окна и зеркала не протерты; кое-гдѣ видна паутина. Домъ точно вымеръ, или покинутъ своими обитателями. Мы дошли до широкаго балкона съ колоннадой, выходящаго въ садъ, и увидѣли въ правомъ углу балкона, у стѣнки, въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ осанистую фигуру Николая Ивановича, а передъ нимъ, спиной къ колоннѣ, видѣлся силуэтъ стараго дворецкаго Данилыча. И было что-то фатально-упорное въ пригнутой головѣ его, въ опущенныхъ по швамъ рукахъ и въ судорожномъ вздрагиваніи пальцевъ. Физиономія Николая Ивановича выражала

недоумѣніе, оскорбленное чувствіо и какую-то жалкую растерянность; онъ сидѣлъ какъ-то особенно прямо, опираясь обѣими руками на ручки кресель. Въ первый разъ онъ показался мнѣ тутъ старичкомъ — не только по лѣтамъ, но настоящимъ, безсиленнымъ старикомъ... «Столѣтѣя проплаго обломокъ»... вспомнилось мнѣ... И Данилычъ — тоже «обломокъ». Два обломка другъ передъ другомъ въ опустѣломъ домѣ.

Увидавъ насъ, Николай Ивановичъ оживился, съ привычной бодростью вскочилъ навстрѣчу. Тронулся съ мѣста и Данилычъ, чтобы уйти, но, замѣтивъ его движеніе, Николай Ивановичъ повелительнымъ жестомъ быстро остановилъ его и заговорилъ съ жаромъ:

— Вотъ, это—кетати! это по-пріятельски! Добро пожаловать! Я тутъ одинъ остался; одинъ — во всемъ домѣ: жена уѣхала въ городъ искать... просить у знакомыхъ прислуги... и дочерей съ собою взяла. Вѣдь въ домѣ у насъ вотъ онъ одинъ остался,— всѣ разбѣжались... повара, лакеи, дѣвки, садовникъ,— всѣ! Дочери сами себѣ воротнички и кружевца тамъ свои стирали... Онъ одинъ остался... и вотъ, посмотрите-ка, что онъ надумалъ. Повтори имъ, Данилычъ, чтѣ ты сейчасъ мнѣ докладывалъ? Садитесь, пожалуйте. Вотъ трубка... послушайте, что онъ говоритъ.

Отецъ сѣлъ возлѣ хозяина. Данилычъ почтительно раскурилъ господамъ трубки. И остался стоять за кресломъ отца, сильно взволнованный необычайностью всего, что видѣлъ и слышалъ.

Раскуривъ трубки, Данилычъ сталъ у колонки въ прежнюю позу. Отецъ, не спѣша, разъ, другой, затянулся Жуковымъ и обратился къ Данилычу:

— Ну, чтѣ же ты тутъ докладывалъ барину? Повтори, любезный.

Данилычъ заговорилъ уныло и монотонно, какъ затверженный урокъ.

— А такъ что, какъ вышла нынче всѣмъ воля, и крѣпостныхъ людей больше нѣтъ, то и я желаю хоть послѣдніе дни моей жизни провести на волѣ...

Отецъ мой сталъ его урезонивать.

— Да вѣдь ты, милый другъ, сколько я знаю, съ дѣтства не разлучался почти съ бариномъ... играли вмѣстѣ... и въ походахъ, случалось, ты барина сопровождалъ... и тебя твой баринъ никогда пальцемъ не тронулъ... отличалъ тебя... А ты... что-жъ ты это задумалъ?

— Это такъ точно! Никогда я отъ своего барина обиженъ не бывалъ. За ихнюю доброту всегда имъ былъ благодаренъ и былъ имъ вѣрнымъ слугою... и посейчасъ за нихъ Господа Бога молю... но, какъ вышла нынче всѣмъ воля, и крѣпостныхъ больше нѣтъ, то и я желаю...

— Да куда-жъ ты пойдешь, милый другъ? тебѣ ужъ восьмой десятокъ! Въ дворецкіе тебя ужъ никто не возьметъ, въ капель-

мейстеры — тоже; а на другія должности ты не годишься. Выкинь ты эту дурь изъ своей башки. Доживай свой вѣкъ при своемъ баринѣ...

Николай Ивановичъ усленно шхтѣлъ своей трубкой и переводилъ тревожные взоры съ отца моего на Данилыча и обратно.

— Все это ужъ я ему говорилъ, замѣтилъ онъ.—И жалованье ему назначилъ. Спросите: чего ему не достаетъ? чего онъ хочетъ? Пусть скажетъ.

— Чего же ты, въ самомъ дѣлѣ, еще хочешь?—спросилъ отецъ.— Скажи, любезный, чѣмъ ты недоволенъ?

Данилычъ судорожно подергивалъ пальцами и молчалъ, понурившись и глядя на кончики своихъ сапоговъ.

— Ну, отвѣчай же, любезный, чѣмъ ты такъ недоволенъ, что на старости лѣтъ хочешь своему барину измѣнить?

Данилычъ встрепенулся и заморгалъ слезящимися глазами.

— Я отъ своего барина никогда обиженъ не бывалъ... ихнюю доброту ко мнѣ я чувствую... и могу понимать... (тутъ Данилычъ даже всхлипнулъ и утеръ глаза кончикомъ носового платка). И никогда противъ нихъ измѣнникомъ я не бывалъ и не желаю быть... но, какъ вышла, стало быть, всѣмъ воля, и крѣпостныхъ больше нѣтъ, то желаю и я...

— Ну, хорошо, это мы слышали. Но куда-жъ ты пойти-то желаешь? что ты хочешь дѣлать съ собой?

Данилычъ скосилъ глаза въ уголъ балкона и, подернувъ шеей изъ высокаго галстука, рѣшительно выговорилъ:

— Сундукъ мірской караулить буду. Сторожемъ, значить, въ волостное правленіе меня зовутъ.

Николай Ивановичъ только крякнулъ и энергичнѣе запыхтѣлъ своей трубкой.

Отецъ продолжалъ увѣщанія.

— Ну, послунай, любезный другъ, подумай только, что ты сказалъ такое? Сообрази ты только хоть то, какъ жилось тебѣ у барина, и что тебѣ предстоитъ въ волостномъ правленіи... на службѣ у мужичья! Вѣдь ты привыкъ за всю жизнь свою одѣваться съ барскаго плеча, пить-ѣсть со стола барскаго, спать въ чистомъ и тепломъ помѣщеніи; дѣла у тебя за послѣдніе годы только и было, что сидѣть въ лакейской да докладывать... а тамъ ты будешь жить въ грязной избѣ, хлебать мужичья щи пустыя, спать на этомъ самомъ мірскомъ сундукѣ, въ нетопленной хатѣ... да ты помрешь на этомъ сундукѣ, старій... подумалъ ли ты объ этомъ?

— А хотъ и помереть, да вольнымъ! А у Николая Ивановича я и умру крѣпостнымъ.

Сказалъ, какъ отрѣзалъ, Данилычъ.

Молчаніе.

Николай Ивановичъ безсилно свѣсилъ свою сѣдую голову. Данилычъ неслышной поступью сталъ пробираться къ выходу и, какъ тѣнь, скрылся за дверью въ залъ.

Вскорѣ послѣ этого мы узнали, что Данилычъ такъ-таки и ушелъ отъ своего барина; прощался трогательно, плакалъ самъ,—и ушелъ.

Недѣли черезъ двѣ по его уходѣ, пришлось отвезти Николая Ивановича въ Петербургъ, въ психіатрическую больницу, гдѣ онъ очень скоро умеръ. Не пережилъ разлуки и Данилычъ: черезъ нѣсколько дней послѣ извѣстія о кончинѣ барина умеръ и онъ на сундукѣ волостного правленія, «умеръ на волѣ».

Недавно узналъ я отъ своей родственницы, порховской помѣщицы С. А. Васильевой, что имѣніе Бухаровыхъ, Михалево, куплено четырьмя крестьянами. Гостепріимный барскій домъ распиленъ на четыре части, а садъ съ бесѣдками и гротами вырубленъ на дрова и распаханъ подъ ленъ.

А. Ю. Бизюкина.

ПО ГРАНИЦАМЪ БУХАРЫ И АФГАНИСТАНА.

(Шутевые очерки 1898 г.).

I.

Кулябъ.

УТРО. Мы въ концѣ долины Яхъ-су ¹⁾. Впереди ждетъ Кулябъ, главный городъ богатой кулябской провинціи, Хоталанъ-Бабера. Южное солнце палитъ немилосердно, вѣтерка нѣтъ и въ поминѣ. Дорога ровная и гладкая, «какъ длани самосуцаго Бога-Питателя», по живописному выраженію нашего каратегинца Ходжи-Назара; порою она пропадаетъ въ придорожныхъ заросляхъ, порою опять открывается причудливыми зигзагами и опять пропадаетъ. По невысокимъ горамъ, замыкающимъ очень широкую долину,—желтѣя

¹⁾ Рѣка Яхъ-су, или на нѣкоторыхъ картахъ неправильно обозначаемая чрезъ «Акъ-су»,—одинъ изъ значительныхъ притоковъ Аму-Дарьи съ правой стороны. Ея широкая, удобопроезжая долина, заключенная между невысокими горами, искони служила легчайшимъ путемъ въ горныя области Бухары. Большинство народонаселенія долины Яхъ-су составляютъ арабы племени «курайшъ». Ихъ всего здѣсь 1.000 домовъ, начиная отъ кишлака «Тальбаръ», въ верховьяхъ рѣки, до кишлака «Сары-Пуль» включительно. Они себя считаютъ потомками первыхъ арабовъ, завоевавшихъ Среднюю Азію. Теперь эти давніе выходцы изъ Арабіи утратили родные обычаи, костюмъ и языкъ и говорятъ по-таджикски. Слово «Яхъ-су», или, вѣрнѣе, «Ягъ-су», по ихъ объясненіямъ, ость тюркское и значитъ «рѣка враговъ». Орды тюрковъ, нахлынувшія на Аму-дарьинскіе оазисы, проникли и сюда; здѣсь арабы долгое время оказывали имъ упорное сопротивленіе, почему пришельцы, будто бы, и дали рѣкѣ, на которой обитали арабы, названіе «Рѣка враговъ» (Ягъ-су). Дѣйствительно, слово ягъ, ягъ, на восточно-тюркскихъ нарѣчіяхъ означаетъ врага, ивѣнника, обще-тюркское же «су» значитъ вода.

нивы сжатыхъ хлѣбовъ, засохшія желтыя травы, внизу—на нѣсколько верстъ отходящей отъ рѣки берегъ, залитый густою зеленью риса, камышей и деревъ. Рисовыя поля обступаютъ справа и слѣва путь, высокія заросли камышей куртинами поднимаются здѣсь и тамъ, тополи, платаны и свѣчеобразныя чинары порою цѣлыми лѣсами мелькаютъ вдаль и обозначаютъ скрытыя за ними и въ нихъ кишлаки ¹⁾. Чуть видной серебристою лентою вдаль блестятъ воды Яхъ-су, за ними туманными призрачными очертапіями, смутно рисуются горы далекаго зарѣчья, а вдаль, на самомъ горизонтѣ, на грани бѣлаго тумана, скрывающаго остальную, дальнюю часть картины, видятъ длинные, поперечной лентою протянувшіеся, сады Куляба. Ёдемъ прямо на нихъ. Въ кишлакъ «Даханá» остановились позавтракать. Въ такую жару подъ исполинскими чинарами тѣнь особенно пріятна. На разостланныхъ паласахъ ²⁾ стоятъ громадныя блюда съ дымящимся превосходнымъ пилавомъ и лежатъ въ живописномъ безпорядкѣ сочные дыни, арбузы и гроздья зрѣлаго чернаго и розоваго винограда, покрытыя золотистымъ пушкомъ нѣжныя персики соблазнительно глядятъ съ деревянныхъ лотковъ попережку съ большими кроваво-красными гранатами. Безвозмездное гостепримство «благородной Бухары» замѣчается и въ ея отдаленныхъ провинціяхъ.

Окружающія насъ фізіономіи, съ разнообразными типичными чертами, и узбекскій говоръ, какъ-то неожиданно смѣшившіе доселѣ наблюдавшіеся иранскіе типы и таджикскій языкъ, показывали, что мы попали туда, гдѣ на смѣну доселѣ господствующему таджикскому населенію выступали другія народности, разнообразныя, но немногочисленныя. И, дѣйствительно, начиная нѣсколько выше отсюда, до самаго конца населенныхъ мѣстъ всей рѣчной системы Яхъ-су, смѣшеніе національностей невообразимое. Мѣстные таджики, узбеки и туркмены различныхъ племенъ, киргизы, афганцы, бадахшанскіе таджики, тюрки изъ Афганскаго Туркестана— все это, въ большинствѣ случаевъ, невольные выходцы сюда изъ того буфера, который поставленъ противъ Россіи коварными «инглизй», и который называется Афганистаномъ. Въ этихъ мѣстахъ, на пространствѣ громадныхъ, почти безлюдныхъ пустырей, бухарское правительство и отвело имъ мѣсто для поселенія. Добрую половину этого сброда растеряли по пути различные Абдуръ-Рахманъ-ханы и Исхакъ-ханы ³⁾, во время оно бѣжавшіе то въ Бухару, то въ Россію, и увлекшіе за собою, какъ это водится на востокъ,

¹⁾ Кишлакъ, или кишлокъ—селеніе, деревня.

²⁾ Палась—коверъ безъ ворса.

³⁾ Абдуръ-Рахманъ-ханъ—недавно умершій эмиръ Афганистана; прежде жилъ въ Ташкентѣ, получая отъ русскаго правительства 18.000 рублей. Исхакъ-ханъ—племянникъ эмира, претендентъ на афганскій престолъ, нынѣ живетъ въ Самаркандѣ, получая отъ русскаго правительства также значительную субсидію.

цѣлыя ненужныя толпы послушныхъ имъ приверженцевъ. Если же къ упомянутымъ народностямъ еще прибавить небольшое количество цыганъ, индусовъ и евреевъ, то, кажется, перечисленіе національностей, сгруппированныхъ здѣсь, будетъ закончено. Сами туземцы называютъ эту смѣсь однимъ общимъ терминомъ «аралашъ»¹⁾, то есть смѣсь, кавардакъ. Обособленность «аралаша», составляющей населеніе низовьевъ долины Яхъ-су, отъ сосѣднихъ узбековъ и таджиковъ выражается въ нѣсколько презрительномъ отношеніи къ ней послѣднихъ и въ нѣкоторыхъ анекдотахъ, рисующихъ недалекую видность этого смѣшаннаго населенія. Для примѣра приведу одинъ изъ такихъ ходячихъ рассказовъ, въ дословномъ переводѣ съ узбекскаго, какъ его рассказывалъ мнѣ нашъ махрамъ-бекъ²⁾.

«Было время, когда жители низовьевъ Яхъ-су подчинялись балхскому хакиму³⁾ и платили подати, по обычаю, натурою. Разъ привезли они къ нему подать, а онъ ихъ, между прочимъ, и спрашиваетъ: «хороша ли ваша страна?»—«Нѣтъ»,—отвѣчаютъ они:—«холодное время—зима—долго стоитъ: мѣсяца два—три. Вотъ если бы ты намъ далъ такую грамоту, которой запретилъ бы быть холоду!» Засмѣялся хакимъ и написалъ имъ такую грамоту. Обрадовались жители Яхъ-су, взяли эту грамоту, воротились домой и ничего не стали заготовлять на будущую зиму: ни дровъ, ни хлѣба, въ надеждѣ, что по указу балхскаго хакима зимы не будетъ. Но зима пришла попрежнему, повалилъ снѣгъ. Изумился народъ: какъ это зима не слушается приказанія хакима? Вышли они изъ хижинъ, держа грамоту хакима и показывая ее небу, откуда падали хлопья снѣга.—«Не падай ты, снѣгъ»,—умоляли люди:—«не начинай зимы: у насъ и указъ есть тебѣ отъ балхскаго хакима, чтобы ты совсѣмъ у насъ не появлялся».

«Но не послушалась зима ни указа, ни словъ жителей: снова пришла такая же суровая, какъ и всегда, и тяжело досталось людямъ, не приготовившимся къ ея приему и легкомысленно понадѣявшимся на грамоту хакима изъ Балха».

Когда мы кончили завтракъ, махрамъ-бекъ, сидѣвшій вдали, началъ многозначительно поглядывать на меня и подмигивать, давая понять, что пора ѣхать. Говорю объ этомъ своимъ спутникамъ.

Охъ, какъ не хочется подниматься и выходить изъ-подъ этой гостепріимной тѣни опять въ пекло! Но дѣлать нечего, да и ло-

¹⁾ Отъ тюркскаго глагола «аралашіакъ»—смѣшать, соединить, взбудоражить.

²⁾ Махрамъ—названіе одного отдѣленія дворцовыхъ чиновъ при бухарскомъ дворѣ, въ составъ котораго входитъ восемь различныхъ должностей,—соответствуетъ нашему камеръ-юнкеру.

³⁾ Балхъ, древній Бактры, главный городъ Бадахшана, нынѣ его развалины находятся верстахъ въ 10—12 отъ Мазари-Шарифа, одного изъ значительнѣйшихъ афганскихъ городовъ. Хакимъ—губернаторъ, намѣстникъ, правитель.

шади наши стоятъ готовыя у глинобитной площадки, гдѣ находимся мы; ихъ уже держатъ подъ уздцы нѣкоторые изъ челяди аксакала. Подходимъ, стремянные подобострастно держатъ стремя и почтительно подсаживаютъ насъ на коней. Слѣдуютъ обоюдныя рукопожатія: «чтобы Богъ былъ вашимъ покровителемъ, чтобы Его ангелы осѣнили васъ своими крылами въ этотъ жаркій день». Въ надеждѣ на исполненіе такихъ прекрасныхъ пожеланій бодро трогаемъ лошадей, выѣзжаемъ изъ тѣни деревъ и ѣдемъ по палящему жару по дорогѣ къ Кулябу. Копыта лошадей неслышно ступаютъ по мягкой сѣропепельной печвѣ; струйки пыли курятся изъ-подъ ихъ ногъ и обдаютъ наши скромные костюмы и адрасные ¹⁾ халаты и бѣлоснѣжные тюрбаны нашихъ спутниковъ - бухарцевъ. Махрамъ-бекъ въ дорогомъ шолковомъ халатѣ и затѣйливо-вышитыхъ красныхъ кожаныхъ штанахъ ѣдетъ далеко впереди вмѣстѣ съ сопровождающимъ насъ до Куляба аксакаломъ изъ Дахана. До слуха долетаютъ обрывки ихъ фразъ, по которымъ можно заключить, что нашъ чиновникъ толкуетъ своему спутнику о какихъ-то доблестяхъ ѣдущихъ сзади урусовъ. Бухарскій этикетъ имѣетъ слабость увеличивать достоинство и знатность прѣзжихъ чужестранцевъ.

Подъ солнцемъ изумрудными переливами сверкаютъ рисовыя поля, блестятъ узенькія полоски арыковъ, бороздящихъ здѣсь и тамъ всю безпредѣльную ширь развернувшейся предъ глазами зелени. Освѣщенные солнцемъ вдали справа и слѣва, обнаженные бурые холмы кажутся еще безжизненнѣе и печальнѣе и еще рѣзче отъняютъ разстилающіеся у ихъ подножій цвѣтушія поля, камыши и лѣса кишлачныхъ деревьевъ. На горизонтѣ бѣлая пелена тумана рѣдѣетъ, начинаютъ выступать задернутые воздушной синевой ряды деревьевъ, и чѣмъ ближе мы подѣзжаемъ, тѣмъ они дѣлаются все яснѣе.

Вотъ отъ нихъ отдѣляется кавалькада всадниковъ. Яркіе цвѣтные халаты и бѣлыя чалмы особенно рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ зелени, обнаженныхъ бурыхъ мѣстъ и пыльной дороги. Порою нестерпимо сверкаетъ отблескъ солнца на какомъ либо металлическомъ украшеніи всадника. Махрамъ-бекъ и сопровождающій его аксакалъ погоняютъ лошадей и, скрывшись въ облакъ окутавшей ихъ пыли, несутся впередъ къ выѣхавшей намъ встрѣчѣ. Подѣзжаемъ ближе, вдали рѣдѣетъ пыль, всадники остановились; видно, какъ махрамъ-бекъ и аксакалъ сходятъ съ лошадей, пѣшими подходятъ къ всаднику, безстрастно сидящему на росломъ черномъ конѣ, и подобострастно обѣими руками берутъ протянутую имъ правую руку. Свита же этого всадника (человѣкъ пять-шесть) вся спѣшилась и привѣтствуетъ эмирскаго чиновника и аксакала. И

¹⁾ Адрасъ—цвѣтная полушелковая бухарская ткань.

тотъ, и другой переходятъ изъ крѣпкихъ объятій одного въ объятія другого. Всадникъ на большой лошади — сынъ кулябскаго «мира» (губернатора), выѣхавшій встрѣтить гостей. Какъ важная особа, онъ не слѣзаетъ съ лошади и привѣтствуетъ гостей на конѣ. По бухарскимъ понятіямъ обмѣняться привѣтствіями, не слѣзая съ лошадей, могутъ только лица, равныя по положенію. Вотъ и мы подъѣзжаемъ къ встрѣчѣ. Якубъ¹⁾, Ходжа-Назаръ и другіе сопровождающіе насъ чалмоносцы всѣ слѣзаютъ съ коней, мы остались, какъ были, и одинъ за другимъ подъѣзжаемъ и жмемъ руку губернаторскому сыну. Что за лицо! Желтое, безкровное, рябое и въдобавокъ съ рѣдкой растительностью; небольшіе коричневые глаза глядятъ надменно и какъ-то плутовски. Не будь этой восточной личины мнимой безстрастности, какъ было бы гордо и презрительно выраженіе этого лица по отношенію къ намъ, «невѣрнымъ пришельцамъ изъ далекой, невѣрной Руси!» На нашемъ новомъ знакомцѣ шелковый, крупными полосами, халатъ, опоясанный широкимъ поясомъ малиноваго бархата, и бѣлоснѣжная чалма изъ англійской кисеи, ноги, обутыя въ щегольскіе лакированные сапоги русскаго образца, вдѣты въ ярко высеребренныя стремяна.

Послѣ обмѣна привѣтствій ѣдемъ всѣ вмѣстѣ впередъ. Разговоры умолкаютъ, и всѣ сосредоточенно молчатъ до самаго Куляба. Вотъ и городъ. Изъ-за богатѣйшей растительности мелькаютъ глиняныя стѣны построекъ. Очарованіе понемногу исчезаетъ. Казавшійся прекраснымъ садомъ Кулябъ постепенно разворачиваетъ предъ глазами свое убожество. Начались городскія предмѣстья; жалкія глиняныя лачуги образуютъ узкія, кривыя улицы. Въ нихъ пыль и духота нестерпимы. У арыковъ съ водою, подлѣ хижинъ и подъ деревьями — массы стоящаго, идущаго и ѣдущаго люда. Ёдутъ съ головы до ногъ закутанныя въ темное женщины на бойкихъ сѣрыхъ осликахъ, скрипятъ арбы на своихъ громадныхъ колесахъ, легкою ипоходью проходятъ темнокараковые скакуны, неся на спинахъ всадниковъ въ живописныхъ костюмахъ. Толпы народа проходятъ и уходятъ, другіе стоятъ или сидятъ. И все это: и животныя, и люди въ своихъ яркіхъ, кричащихъ одѣяніяхъ, и глиняныя лачуги, и придорожные тополи и платаны, и одиноко-стоящіе шалкообразные карагачи, и вода въ арыкахъ — все залито жгучими лучами горячаго азіатскаго солнца, все такъ назойливо рѣжетъ непривычный глазъ своею нестроюю и кричитъ на каждомъ шагѣ объ иной, чуждой намъ жизни.

Предмѣстья какъ-то незамѣтно сливаются съ городомъ, и мы въѣзжаемъ на обширную городскую площадь, обставленную глиняными мазанками и неизмѣнною роскошною растительностью, скрывающею все ничтожество человѣческихъ жилищъ и окружающую

¹⁾ Нашъ караванъ-башы (проводникъ), персѣ-шинъ изъ Самарканды.

ихъ грязь. Среди площади двѣ длинныхъ шеренги солдатъ, одѣтыхъ по-русски: въ бѣлыя рубахи, красные кожаные штаны и высокіе сапоги, на головахъ у нихъ барашковые шапки. За ними, въ глубинѣ площади, подѣ тѣнью высокихъ деревьевъ, многочисленная разнообразная публика стоящаго и сидящаго люда. Эти собрались посмотрѣть на даровую «тамошу» (зрѣлище), какою представляется каждому туземному правовѣрному въѣздъ «урусовъ» въ городъ. Слышится протяжная команда на русскомъ языкѣ¹⁾. Солдаты берутъ ружья на-караулъ и вытягиваются въ струнку. Раздается оглушительная музыка изъ пискливыхъ звуковъ дудокъ и трескотни барабановъ. Съ такимъ парадомъ встрѣчаютъ гостей по приказанію мира.

Каждый изъ насъ, «урусовъ», прикладываетъ правую руку къ своей сѣрой киргизской шляпѣ, и мы ѣдемъ, отдавая честь, вдоль длинныхъ шеренгъ бухарскихъ солдатъ: Якубъ, Ходжа-Назаръ и другіе туземцы, ѣдущіе за нами, подавлены величественностью встрѣчи и какъ-то смиренно плетутся на своихъ лошадяхъ, не поднимая глазъ на окружающее. Губернаторскій же сынъ со своей свитой, махрамъ-бекъ и аксакаль покинули насъ еще при въѣздѣ въ городъ и теперь дожидаются насъ въ «аркѣ» (дворцѣ) губернатора.

Вотъ и ворота «дворца». Соломенная крыша надъ губернаторскими покоями и окружающими ихъ постройками мѣстами провалилась и зияетъ своими темными отверстиями; глиняныя стѣны растрескались и образовали широкія щели. Словомъ тотъ же самый видъ, что и у любого зауряднаго бухарскаго «хона» (жилица).

Черезъ раскрытыя ворота, подлѣ которыхъ насъ встрѣчаютъ нѣсколько десятковъ разодѣтыхъ чиновниковъ и слугъ, мы въѣзжаемъ на громадный дворъ. Все кругомъ суетится, кричитъ. Встрѣтившіе насъ подлѣ воротъ люди и находящіеся на дворѣ, что называется, сбились съ ногъ: бѣгаютъ назадъ и впередъ, берутъ подѣ уздцы лошадей, помогаютъ слѣзть, прямо на рукахъ стаскивая съ сѣдла и почтительно ставя на землю. Среди этой суетни и сутолоки насъ, пыльныхъ и измученныхъ, ведутъ по двору, занятому многочисленными службами, въ отведенное намъ помѣщеніе—длинный флигель среди двора съ большимъ числомъ рѣзныхъ дверей по фасаду. Предъ нимъ невысокая глинобитная веранда съ развѣсистыми чинарами и исполинскими карагачами; на ней махрамъ-бекъ и толпа людей въ пестрыхъ халатахъ. Они ждуть насъ, чтобы показать отведенные покои. Богатый костюмъ махрама выгодно выдѣляется изъ окружающей его толпы. Лицо чиновника сосредоточено и важно. Не то онъ весь проникнутъ серьезностью настоящей минуты, не то хочетъ не ударить лицомъ въ грязь передъ окружающими его

¹⁾ Среди бухарскихъ войскъ введена русская команда.

провинціалами и показать, что за персона эмирскій чиновникъ изъ Священной Бухары. Строго блюдетъ махрамъ-бекъ предписанія фирмана своего повелителя, и вездѣ впереди онъ, чтобы прїѣзжали гости ко всему готовому и хорошему, и чтобы не чинилось имъ никакихъ притѣсненій и обидъ.

Входимъ на террасу. Махрамъ даетъ знакъ,—люди раздвигаются. Въ предшествіи махрама идемъ въ одну изъ настѣжъ растворенныхъ дверей, за нами движется сомкнувшаяся толпа. Проходимъ небольшую переднюю съ глинобитнымъ поломъ и нѣсколькими кувнинами для воды, и чтобы не стукнуться головою о притолоку, нагибаемся и входимъ чрезъ низкую дверь въ слѣдующую комнату. Махрамъ-бекъ дѣлаетъ низкій, ловкій поклонъ и, безмолвнымъ красивымъ жестомъ показывая на обстановку, отходитъ въ уголь. Сопровождавшая насъ толпа биткомъ набиваетъ переднюю и смотреть оттуда на насъ. Мы находимся въ длинной оштукатуренной комнатѣ съ высокимъ потолкомъ и неизмѣнными нишами въ стѣнахъ. Глинобитный полъ весь устланъ дорогими персидскими и текинскими коврами, стѣны до половины завѣшены знаменитыми кашгарскими коврами, громадной величины и чудной работы. По стѣнамъ три тахты для насъ, покрытыхъ парчевыми одѣялами и съ круглыми длинными подушками въ наволочкахъ изъ адраса. Среди комнаты длинный столъ, накрытый красной скатертью, передъ нимъ табуреты, задернутые кумачемъ. На столѣ самый разнообразный достарханъ: нѣсколько чайниковъ съ чаемъ и горячею водою, сахаръ, индійскія, афганскія и мѣстныя конфеты, пшеничныя лепешки на бараньемъ салтѣ, пшеничныя круглые хлѣбы, варенье изъ вишневои кожицы и фрукты, фрукты безъ конца.

Рядъ богато орнаментированныхъ рѣзныхъ дверей ведетъ на террасу, надъ ними—надворныя рѣшетки затѣйливаго рисунка, заключенныя промасленою бумагою. Золотистые солнечные лучи, заглядывая въ щели неплотно притворенныхъ дверей, ослѣпительно мелькаютъ то на адрасѣ халатовъ и бархатѣ ковровъ, то на эмалированномъ китайскомъ фарфорѣ. Съ усталости ли или на самомъ дѣлѣ, кажется какой-то особенная поэзія въ этомъ прохладномъ полусвѣтѣ оригинальной комнаты.

Мы садимся за столъ. Махрамъ откланивается, пятясь спиною къ дверямъ, выходитъ изъ комнаты и затворяетъ за собою обѣ половинки дверей, но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ снова появляется и почтительно докладываетъ, что къ намъ жалууетъ миръ. Хватается скинутый пиджакъ, торопливо надѣваешь его и идешь вмѣстѣ съ спутниками къ дверямъ навстрѣчу миру. А тотъ уже входитъ въ растворенныя двери, за нимъ свита изъ его чиновниковъ, нѣтъ лишь его сына, который встрѣчалъ насъ за городомъ. Шелкъ и бархатъ халатовъ, бѣлоснѣжные тюрбаны такъ и блиснули передъ глазами красивыми переливами.

По бухарскому придворному этикету мира встрѣчаютъ гостей не за городомъ, а у себя въ домѣ, или же дѣлаютъ имъ визитъ въ отведенномъ для нихъ помѣщеніи.

Самъ миръ, почтенный старецъ съ мягкими, полными достоинства манерами, напоминаетъ нашихъ сіятельныхъ старичковъ высшихъ петербургскихъ канцелярій. На немъ роскошный блѣдно-розовый халатъ изъ китайской «камфы» ¹⁾, опоясанный поясомъ, бѣлая кашемирская шаль пышно обвиваетъ его голову.

Съ сладкой улыбкой миръ подаетъ каждому руку и сыплеть по-узбекски неизмѣнными на востокѣ привѣтствіями: «какъ поживаете? Какъ сдѣлали путь? Довольны ли всѣмъ?» и т. п. Его свита между тѣмъ входитъ въ комнату и безмолвно становится у дверей. Садимся за столъ. За миромъ помѣщается за переводчика нашъ Якубъ, за г. Н. переводчикъ мира. По ту и другую сторону стола становятся двое слугъ съ широкими бархатными опахалами, отдѣланными золотымъ галуномъ и пристроенными на изящно выточенныхъ ручкахъ въ формѣ ручныхъ флаговъ. Во все время пребыванія у насъ мира они навѣвали прохладу и кстати отгоняли рои большихъ мѣстныхъ осъ, которыя влетали въ комнату и кружились надъ столомъ. Миръ пьетъ чай небольшими глотками и разспрашиваетъ о различныхъ предметахъ, больше для того, чтобы чтонибудь сказать. Отвѣты выслушиваетъ съ добродушною, полуразсѣяною улыбкою. За время короткаго визита миръ успѣлъ наговорить и комплименты по адресу насъ и вообще русскихъ, и понитересовался узнать, что теперь въ Россіи, каковы ея отношенія къ «сосѣдямъ-франкамъ», и каково ея финансовое и экономическое положеніе? И нельзя сказать, чтобы это выходило у него не кстати, и вопросы сыпались бы беспорядочно: какъ и всѣ вообще бухарскіе сановники, кулябскій миръ являлся человекомъ съ большимъ тактомъ и въ высшей степени приличнымъ.

Наконецъ, извиняясь, что уставшимъ съ дороги путникамъ надо отдохнуть, губернаторъ поднимается, за нимъ и всѣ сидящіе за столомъ. Прощаясь, миръ проситъ насъ погостить въ Кулябѣ недѣлю-двѣ. Говоримъ, что воспользуемся его любезнымъ приглашеніемъ и, если можно, останемся дней пять-шесть. Слѣдуетъ отвѣтъ, подправляемый обворожительной улыбкой, что намъ должно здѣсь отдохнуть по меньшей мѣрѣ мѣсяць. Послѣ обоюдныхъ благодарностей и рукопожатій миръ удаляется, съ величавымъ достоинствомъ и какою-то особенно неторопливою граціей умѣло и ловко пятясь задомъ къ дверямъ. Его свита безшумно раздвигается передъ нимъ, пропускаетъ его и, сдѣлавъ намъ прощальный поклонъ, удаляется за своимъ господиномъ съ тѣми красивыми манерами,

¹⁾ Камфа—толстая широкая (18 вершк.) китайская шелковая матерія, покрытая цвѣтами или различными фантастическими животными.

которыя сдѣлали бы честь любому изящному петиметру салоновъ восемнадцатаго столѣтія.

Минуть черезъ пять-десять послѣ ухода мира пришли съ визитомъ офицеры Кулябскаго гарнизона. Этихъ было трое. На каждомъ бѣлый китель русскаго покроя, красныя сафьянныя брюки запряганы въ высокіе сапоги, на головѣ широкодонныя, барашковыя шапки. У всѣхъ шааги и по ордену бухарской звѣзды; у полковника второй степени, у остальныхъ—низшихъ степеней. Поздоровавшись съ нами точно такъ же, какъ и наши офицеры, гости усѣлись за чай. Полковникъ, судя по типу и по тому акценту, съ какимъ онъ говоритъ по-таджикски, повидимому, узбекъ, онъ держитъ себя вполне прилично и говоритъ за всѣхъ. Двое же его спутниковъ во все время не проронили ни слова. На наше замѣчаніе о молодецкой выправкѣ кулябскихъ солдатъ не въ примѣръ плохимъ войскамъ хисарскаго кушъ-беги¹⁾ физиономіи нашихъ посѣтителей расцвѣтаютъ, но полковникъ скромно замѣчаетъ, что, правда, у кушъ-беги солдаты должны были бы быть лучше, чѣмъ у нихъ въ Кулябѣ, но это объясняется тѣмъ, что Хисаръ сравнительно далеко отъ границы Афганистана, и потому на случай какихъ либо осложненій съ «афганами» и «коварными инглези» пойдутъ въ дѣло войска Дарваза, Куляба и вообще пограничныхъ съ Афганистаномъ бухарскихъ провинцій. По этому-то на эти войска и обращено особое вниманіе. Посидѣвъ съ, четверь часа, офицеры раскладываются и уходятъ.

Благодаря посѣтителямъ, мы еще не умылись и не переодѣлись съ дороги. Сдѣлавъ это и достаточно отдохнувъ, выхожу на веранду и осматриваюсь: кого бы изъ нашихъ людей взять съ собою побродить по городу. Никого нѣтъ, должно быть, всѣ ушли на базаръ. Къ счастью, откуда-то вывернулся Якубъ; приглашаю его и иду съ нимъ. Проходимъ темными переходами подъ аркой «дворцовыхъ» воротъ. По стѣнамъ развѣшана большая коллекція старыхъ кремневыхъ ружей, засиженныхъ голубями. Видимо онѣ давно сданы въ архивъ и неизвѣстно для чего тутъ находятся. Десятка же два солдатъ, стоящихъ здѣсь въ двѣ шеренги на часахъ, вооружены хорошими русскими берданками. Проходимъ пустую площадь передъ «дворцомъ», идемъ пустынными узкими, кривыми улицами и выходимъ на базаръ—многочисленные, длинные ряды лавокъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ. Особеннаго нѣтъ ничего, ничего похожаго на базары Бухары или Самарканда. Ни такихъ товаровъ, какъ тамъ, ни такого народа. Здѣсь сейчасъ нѣтъ ни души. Продавцы сидятъ, апатично поглядывая по сторонамъ, а то просто спятъ или собрались двое-трое и играютъ въ

¹⁾ См. мою книгу «На рубежѣ Афганистана», 1 вып. «Въ благодатномъ Хисарѣ». Изд. 1900 г.

шахматы. Быть может, вслѣдствіе жары такое безлюдье, а базары здѣсь не съ крышами, какъ Бухарѣ.

Вонъ сидятъ купцы, по типу и по костюмамъ напоминающіе афганцевъ. Подхожу къ ихъ лавкамъ, въ которыхъ развѣшаны халаты, рубашки, лежатъ куски англійской кисеи для тюрбановъ съ клеймами англійскихъ фабрикъ, индиго и другіе товары. Заговариваю, просятъ садиться и предлагаютъ чай. Таджикскимъ нарѣчіемъ плохо говорятъ, а персидскимъ языкомъ съ немалымъ числомъ архаическихъ формъ; перехожу на знакомый мнѣ иснаганскій діалектъ, и бесѣда къ обоюдному удовольствію ведется свободно. Новые знакомые оказываются индійскими персами («фаршика́», какъ они называютъ себя) изъ Пеншавера и британскими подданными. Въ Кулябѣ ихъ нѣсколько человѣкъ, и они торгуютъ индійскими и англійскими товарами. И на родину ѣздятъ и съ родины везутъ сюда товаръ окружнымъ путемъ, то-есть чрезъ Индійскій океанъ, Суэцкій перешеекъ, Средиземное и Черное моря и Россію, потому что «Абдуръ-Рахманъ-ханъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ заперъ свою страну отъ всѣхъ чужеземцевъ, даже отъ инглизовъ и ихъ разноплеменныхъ подданныхъ и никого не пускаетъ ни въ свою землю, ни черезъ Афганистанъ въ другія страны». Зная, что эта мѣстность Бухары богата развалинами древнихъ городовъ, я, между прочимъ, спрашиваю, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо древностей. Говорятъ отрицательно. Иду дальше по лавкамъ, высматривая, что бы купить. Рѣшительно не на чемъ остановиться: все такая дрянь. Правда, для нумизмата здѣсь было бы раздолье. Во всѣхъ почти лавкахъ этихъ купцовъ таджиковъ и узбековъ навалены цѣлыя груды старой мѣдной монеты и при томъ... русской. Есть рѣдчайшіе экземпляры не только царей московскаго періода, но и различныхъ великихъ князей. Попадаютъ также и серебряныя монеты великокняжескія, царскія и императоровъ и императрицъ восемнадцатаго столѣтія. Покупайте сколько хотите и все за гроши. Сами владѣльцы этихъ богатствъ съ полною готовностію и любезностію помогаютъ разбирать эти груды монетъ. Какъ зашли сюда эти деньги,—объяснить не берусь.

Исходили съ Якубомъ всѣ базары и заглянули въ старое городское медресе, «единственную достопримѣчательность Куляба», по словамъ встрѣчныхъ горожанъ. Но мѣстный храмъ науки не представлялъ ровно ничего особеннаго. Это просто небольшое мизерное и убогое зданіе съ куполообразною крышею, съ облупившеюся штукатуркою и безъ всякихъ украшеній. Сидѣвшіе въ небольшой прохладной залѣ «суфи» (студенты) объяснили намъ, что это зданіе перестроено лѣтъ около ста тому назадъ изъ большого медресе, сооруженнаго при Абдуллахъ-ханѣ¹⁾.

¹⁾ Абдуллахъ-Багадуръ-ханъ, сынъ Искандаръ-хана, правитель Мауаруннахъ (Средней Азіи) съ 1588 г. по 1598 г. по Р. Х.

— Почему же, — спросилъ я, — не поддержали старое зданіе? Оно, навѣрное, было лучше и болѣе просторно, какъ и всѣ сооруженія Абдуллаха.

— Конечно, тюря, лучше, — отвѣчали мои собесѣдники, — но при покойномъ эмирѣ Мурадъ-Маасумѣ ¹⁾ не особенно дорожили зданіями, и при томъ понадобилось построить городскія бани; кирпича негдѣ было взять, и вотъ разобрали старое медресе. Большую часть кирпича употребили на бани, а изъ остального построили это медресе.

Что можетъ быть картиннѣе этого примѣра безразсудной государственной экономіи: тратить какъ можно меньше денегъ на сооруженіе общественныхъ зданій?! Нужно построить бани — слѣдуетъ разобрать большое старое медресе, изъ него выйдетъ и то, и другое. Просто и экономно.

Великій шейбанидъ, Абдулахъ-ханъ, воздвигалъ великолѣпныя мечети, дворцы и училища, строилъ при дорогахъ обширные каравансарай, прокладывая дороги, словомъ всячески заботился объ упорядоченіи своего государства, монашествующій же ханжа, эмиръ Маасумъ, надѣленный придворными льстецами пышнымъ титуломъ ²⁾, посившій дырявое рубище, ѣвшій разъ въ день скудную пищу, жившій въ грязи и цѣлые дни проводившій въ молитвѣ и богомыслии, не только ничего не строилъ вновь, но даже совершенно прекратилъ отпускъ необходимыхъ суммъ на поддержаніе старыхъ зданій. Эта де расточительность подрываетъ благосостояніе царства. Такихъ же взглядовъ, къ сожалѣнію, держались и всѣ послѣдующіе преемники этого вѣнценоснаго нищенствующаго святоши. И въ концѣ концовъ нынѣ въ Бухарѣ видны лишь слѣды нѣкогда благоустроенныхъ дорогъ, остались засоренные негодные колодцы, полуразрушенные каравансарай съ кучами въ нихъ навоза и сора, разваливающіеся порталы медресе, дворцовъ и мечетей, или же лежація въ прахѣ развалины цѣлыхъ городовъ. Только эти плачевные остовы былого величія съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ разноцвѣтными изрѣзками напоминаютъ нынѣ путнику о результатахъ этой своеобразно понятой «государственной экономіи, и о бывшихъ счастливыхъ временахъ процвѣтанія и благоденствія священной Бухары».

Sic transit gloria mundi!

Походили съ Якубомъ еще по городу. Всюду одна и та же пустыньность, унылый видъ, и ничего особеннаго и привлекательнаго. Пора домой: близится вечеръ, да и усталость даетъ себя чувствовать.

На дворѣ губернаторскаго дома, куда мы пришли, на невысокой

¹⁾ Эмиръ Маасумъ, сынъ Даниаль-хана, царствовалъ съ 1786 г. по 1801 г. по Р. Х.

²⁾ Шахъ-Мурадъ-Маасумъ-Гази-Амираль-Мѣмининъ, т. е. Шахъ-Мурадъ-Маасумъ, герой и повелитель правовѣрныхъ.

верандѣ, «дыша вечернею прохладою», сидитъ миръ въ одномъ бѣльѣ. Вокругъ него красивая группа его приближенныхъ. О чемъ-то вполголоса ведется бесѣда. Прохожу къ себѣ на террасу, гдѣ за походнымъ столикомъ на складныхъ стульяхъ сидятъ мои спутники и мирно попиваютъ чай. Присоединяюсь къ нимъ и, наслаждаясь вечеромъ, дѣлюсь впечатлѣніями только что видѣннаго.

Изъ группы людей, окружающихъ мира, встаетъ одинъ, сходитъ съ террасы и становится среди двора лицомъ къ «сосредоточію вселенной», святой Меккѣ: часъ вечерняго намаза насталъ. Говоръ и смѣхъ замолкаютъ, всѣ встаютъ и оправляютъ костюмы. Среди воцарившейся тишины раздается громкій и звучный призывъ на молитву. На него откликнулись муэзинны въ городѣ, и изъ конца въ конецъ Куляба разнеслись святыя слова «азана»¹⁾. Возгласивъ призывъ къ молитвѣ, губернаторскій муэзинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мулла опять восходитъ на террасу и, снявъ туфли, становится на коврикъ впереди всѣхъ, за нимъ миръ, ужъ успѣвшій надѣтъ халатъ. За миромъ правильными рядами становятся другія лица, и тѣ ближе къ начальнику, кто знатнѣе. Со двора слѣзаетъ на террасу слуги губернатора и размѣщаются позади его приближенныхъ. Молитва объединяетъ всѣхъ правовѣрныхъ, всѣхъ ихъ равняетъ предъ Всесильнымъ, Безконечнымъ. Туфли сняты и поставлены подлѣ «суджадата»²⁾, концы тюбановъ распущены, широкія одѣянія и пышныя чалмы причудливо рисуются въ вечернемъ воздухѣ, мулла громко и внятно читаетъ первую сѣру корана. Строгою сосредоточенностью и благоговѣніемъ охвачены многочисленные безмолвные ряды молящихся.

И кажется, будто въ настоящій мигъ вся окружающая атмосфера, всѣ трепетныя листья чинаръ и недвижная листва карагачей, и всѣ эти загорающіяся звѣзды и свѣтлый серпъ луны слились съ людьми въ одной общей молитвѣ Самосущему Аллаху, милліоны ангеловъ Котораго несутъ эти мольбы и хвалы въ безпредѣльную высь надзвѣздныхъ міровъ, къ таинственному престолу вѣковѣчнаго Міродержца.

Послѣ молитвы всѣ расходятся и принимаются за прерванныя занятія: за чаепитіе, бесѣды и ужинъ. Намъ уже принесли нѣсколько громадныхъ блюдовъ мѣстной кухни и все поставили у нашихъ ногъ на разостланную циновку. Просимъ передать глубокую благодарность миру, который противъ насъ на своей верандѣ соби-

¹⁾ «Азанъ» — призывъ на молитву. Въ дословномъ переводѣ съ арабскаго онъ гласитъ слѣдующее: Великъ Богъ (четыре раза). Свидѣтельствую, что Мухаммедъ посланникъ Божій (два раза). Слѣши на молитву (два раза). Слѣши ко спасенію (два раза). Послѣ этого во время утренней молитвы произносится еще: Молитва лучше сна (два раза). Богъ великъ (два раза). Нѣтъ Бога, кромѣ Бога (одинъ разъ).

²⁾ «Суджадатъ» — коврикъ для молитвы.

рается тоже кушать. Халатъ и туфли онъ уже снялъ и опять остался въ одной длинной рубашкѣ и широкихъ панталонахъ. Сидѣвшіе около него приближенные отодвигаются подальше въ то время, когда на террасѣ появляется чалмоносецъ съ блюдомъ дымящагося пилава и съ миской суша. Все это ставится передъ миромъ. Миръ садится на колѣни и, низко нагнувшись, начинаетъ ѣсть пилавъ руками, въ антрактахъ обсасывая жирные пальцы. Къ губернатору присоединился ужинать и его сынъ, остальные приближенные безмолвно смотрятъ на это: по мѣстному этикету изъ нихъ никто не ѣстъ съ начальникомъ, за исключеніемъ лишь близкихъ его родныхъ. Наконецъ ужинъ оконченъ. Пилавъ съѣденъ, супъ выпить по очереди, сначала миръ отпилъ половину миски, потомъ его сынъ; ложекъ, какъ извѣстно, не полагается.

Еще съ часъ проходить въ бесѣдѣ или игрѣ въ шахматы при мерцающемъ свѣтѣ ночника, потомъ послѣдній, предъ отходомъ ко сну, намазъ, и все засыпаетъ, лишь бодрствуетъ ночная стража, и стукъ ея барабановъ и звонъ треугольниковъ порою нарушаютъ покой и безмятежность спящихъ улицъ.

На другой день утромъ мы пригласили мира къ себѣ кушать чай. Онъ не замедилъ явиться. На этотъ разъ на немъ былъ шелковый халатъ стального цвѣта и бѣлый кисейный тюрбанъ; ни приближенныхъ, ни слугъ при немъ не было. Они его проводили лишь до нашей террасы и удалились. Пришелъ и махрамъ-бекъ. Остались мы съ миромъ, что называется, «съ глазу на глазъ», поэтому бесѣда могла вестись болѣе откровенно, да и визитъ губернатора былъ неофициальный, а запросто.

За чаемъ нашъ гость разсказалъ немало интереснаго о житиѣ-бытиѣ губернаторовъ бухарскихъ провинцій. Нарисованная имъ картина настолько характерна, что, кажется, небезынтересно привести пересказъ слышаннаго съ добавленіемъ кое-чего изъ личныхъ наблюденій.

Миръ назначаютъ эмиромъ или изъ его любимцевъ и приближенныхъ, или изъ особенно заслуженныхъ «амлекдаровъ»¹⁾. Принимается во вниманіе и національность. По традиціоннымъ соображеніямъ повелителей Бухары, на должности, гдѣ болѣе полезна покорность и преданность престолу, назначаютъ добродушнаго и недалекаго узбека, на отвѣтственныя же мѣста, гдѣ нуженъ большой политическій тактъ и осторожность, въ большинствѣ случаевъ назначаютъ ловкіе и хитрые таджики или ихъ сородичи изъ Ирафа. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что эмиры Бухары охотно принимали къ себѣ и теперь принимаютъ различныхъ выходцевъ изъ Персіи. И въ исторіи Трансоксаніи было немало примѣровъ, когда персидскіе невольники, проданные въ рабство турк-

¹⁾ Окружный, начальникъ, исправникъ.

женами, занимали впоследствии при Бухарскомъ дворѣ важнѣйшія государственныя должности. Въ этихъ случаяхъ, какъ видно, религіозная непримиримая рознь между персами-шиитами и суннитскимъ населеніемъ Бухары не находила себѣ мѣста, и на первомъ планѣ стояли недюжинныя, вопедшія на Востокѣ въ поговорку, способности персіянъ и ихъ сравнительно высокое умственное развитіе.

Полученіе мѣста губернатора, какъ это водится на Востокѣ, понятно, не обходится безъ извѣстной мзды, если не въ пользу эмира, то его вліятельныхъ сановниковъ. Не только какое либо образованіе, но даже простая грамотность необязательна для претендента на губернаторское мѣсто. И, напримѣръ, нынѣшній кулябскій миръ не умѣетъ ни читать, ни писать. Да и къ чему такая роскошь? Въдѣлѣ никакой особенно сложной переписки, канцелярскихъ дѣлъ и книгъ для записи «исходящихъ и входящихъ». А если что и потребуется написать, на это есть «мирза»¹⁾. Въ каждомъ городѣ, куда пріѣдетъ новый губернаторъ, къ его услугамъ многочисленныя штаты покорныхъ приближенныхъ и великое множество безотвѣтныхъ слугъ. Среди нихъ и мирза, важный и неизбѣжный винтикъ въ государственной машинѣ Священной Бухары. Мирза есть у каждого бухарскаго чиновника, начиная отъ простаго сельскаго старшины и кончая кунъ-беги и диванъ-беги²⁾. Когда придетъ къ миру та или другая бумага, ее прочтетъ ему мирза и тотчасъ напишетъ на нее соответствующій отвѣтъ, не безпокая мира. Послѣдній только прочтетъ написанное или, если неграмотенъ, прослушаетъ и приложитъ къ бумагѣ свою печать. Подпись не требуется, печать на Востокѣ важнѣе всего³⁾.

¹⁾ Секретарь, писецъ.

²⁾ Кунъ-беги—высшій чинъ бухарскаго и хивинскаго дворовъ, министр-резидентъ, вице-король. Въ Бухарѣ два кунъ-беги. Одинъ живетъ въ самой столицѣ ханства, ему подчинены провинціи западной Бухары, другой живетъ въ Хисарѣ и начальствуетъ надъ областями восточной Бухары. Диванъ-беги—министръ иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ И знатный восточный сапожникъ, и мелкая сошка носятъ эту необходимую вещь всегда съ собой. У кого она бережно завернута въ тряпочкѣ и хранится въ карманѣ, кто носитъ ее на шеѣ на шнуркѣ. На печати выгравировано полное имя ея владѣльца и его чинъ. У коронованныхъ особъ на печати красуется какое либо высокопарное двустипіе, куда входятъ имя и титулъ ея обладателя. Такъ, напримѣръ, на печати покойнаго персидскаго шаха было выгравировано двустипіе, которое въ переводѣ на русскій языкъ гласитъ слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ, какъ рука Насръ-Эддина взяла печать шаховъ, «Молва о справедливости и правосудіи пронеслась изъ конца въ конецъ вселенной». На печати нынѣшняго шаха значится:

«Съ помощью Бога взошла звѣзда побѣды и торжества:
«Взялъ печать шаховъ Музафферъ-Эддинъ-шахъ».

И шахъ, какъ и всѣ восточные владетели, никогда не подписываетъ своего имени, а всегда прикладываетъ печать. Лишь въ непосредственныхъ сношеніяхъ

Всѣ дѣла, касающіяся непосредственно мировъ, рѣшаются ими на своемъ дворѣ и въ лѣтнее время всегда подъ открытымъ небомъ. Раннее утро застаётъ мировъ въ кругу своихъ приближенныхъ ужь на террасѣ. Нравы патриархальны, и жизнь еще здѣсь не выработала сложнаго кодекса приличій, и потому миръ дома цѣлый день бываетъ въ одномъ бѣльѣ. У себя, по мѣстнымъ понятіямъ, можно быть въ чемъ угодно, и въ такомъ видѣ не возбраняется принимать посѣтителей и рѣшать какія угодно важныя дѣла. Другое дѣло—выходить куда либо изъ своихъ покоевъ, тогда нужно одѣваться въ полный костюмъ. Являются просители или вообще люди, имѣющіе дѣло до губернатора, послѣдній принимаетъ ихъ, сажаетъ поодаль отъ себя, выслушиваетъ и тутъ же словесно, безъ всякихъ бумагъ, налагаетъ свое рѣшеніе. Часто во все время разбора тѣхъ или другихъ дѣлъ, миръ спокойно попиваетъ зеленый чай изъ маленькой фарфоровой чашки и изъ нея же угощаетъ присутствующихъ, и чашка съ чаемъ переходитъ изъ рукъ въ руки, отъ устъ знатнаго мира до рта смиренно сидящаго на колѣняхъ челобитчика. Одно другому не мѣшаетъ. Знатность и ничтожество само собой, а священный законъ гостепріимства самъ собой, истецъ же и обвиняемый пришли къ миру—значить, они до нѣкоторой степени его гости.

Никто ничего не имѣетъ и противъ того, если во время занятія должностными дѣлами губернаторъ лежитъ, растянувшись на коврѣ, а двое мальчиковъ-подростковъ усердно его растираютъ. Иногда массажисты для удобства заворачиваютъ рубашку начальника или спускаютъ его панталоны, и предъ глазами присутствующихъ мелькаетъ обнаженное благородное тѣло мира. Но это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, тѣмъ болѣе, вѣдь губернаторъ не прерываетъ дѣла и вставляетъ порою свои замѣчанія на слова просителей или докладчика, почтительно сидящихъ или стоящихъ передъ нимъ. Застанетъ время того или другого намаза подобное начальническое разбирательство,—всѣ встанутъ и молятся здѣсь же вмѣстѣ. И судъ, и всякія служебныя дѣла, и молитвы, и принятіе пищи—все подъ открытымъ небомъ. Когда же солнце начнетъ особенно сильно припекать, миръ и его свита переходятъ или на другую террасу, по ту сторону дома, гдѣ тѣнь, или же удаляются въ комнаты, гдѣ царитъ прохлада и въ самый сильный жаръ. Лишь по пятницамъ, или вообще въ праздники, въ этой

съ коронованными особами вмѣсто печати шахъ собственноручно подписывается. Мнѣ извѣстенъ фактъ, когда покойный Насръ-Эддинъ, посылая бумагу одному изъ своихъ приближенныхъ, по ошибкѣ подписался. Но, во время спохватившись, не долго думая, смизнулъ языкомъ написанное и вмѣсто этого на соответствующемъ мѣстѣ приложилъ печать. Царедворецъ, получивъ августѣйшую грамоту, тѣмъ не менѣе замѣтилъ уничтоженную подпись повелителя (она все-таки выступала неясными очертаніями) и понялъ, какимъ образомъ это произошло.

тихой, однообразной жизни замѣчается нѣкоторая перемяна. Богато убранныя лошади съ великолѣпнымъ бархатнымъ чепракомъ, шитымъ серебромъ или золотомъ, везутъ губернатора въ мечеть на молитву. Послѣ моленія, возвращаясь обратно, онъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ всѣхъ присутствовавшихъ въ мечети, начиная отъ муллы, читавшаго «хотбу»¹⁾, и кончая простымъ обывателемъ города, «байкушемъ»²⁾. Въ просторномъ залѣ мирскаго «дворца» гости размѣщаются, смотря по степени знатности. Хозяинъ занимаетъ самое почетное мѣсто. Разнообразныя и сытныя блюда ставятся передъ гостями, неизбѣжный «чилими» — мѣстный кальянь, послѣ обѣда обходитъ присутствующихъ, и слуги приносятъ мѣдные обиджушъ и фарфоровыя чашечки безъ ручекъ и безъ блюдецъ для чаенія. Миръ ведетъ назидательную бесѣду съ наиболѣе образованными гостями: муллами, судьями и другими, остальные въ глубокомъ молчаніи внимаютъ разговору. Послѣ угощенія — краткая молитва, благодарность и поклоны отъ всѣхъ гостепріимному хозяину, и всѣ расходятся во-свояси. Губернаторъ, утомленный пріемомъ, отправляется на отдыхъ во внутренніе покои своего помѣщенія; въ такой день никакихъ служебныхъ дѣлъ ужъ не полагается.

И такъ изо дня въ день проходитъ вся жизнь каждаго мира безмятежной чередой, развѣ только омрачается она тогда, когда «по волѣ судьбы» выпадаетъ ему черный день отправиться въ столицу или въ Керминэ (гдѣ больше всего живетъ эмиръ) къ «Дженабэ Аалы»³⁾, по грозному вызову послѣдняго. А это происходитъ въ томъ случаѣ, если замѣчаютъ, что доходы съ той или другой области уменьшились, и слѣдовательно виноватъ ея губернаторъ: онъ де удерживаетъ часть поборовъ, идущихъ въ казну эмира. Какъ и вездѣ на Востокѣ, мѣстные губернаторы не получаютъ никакого жалованья отъ своего правительства, а берутъ себѣ натурой и деньгами съ жителей подвластной имъ провинціи. Нормы для этого не существуетъ, и отсюда, понятно, грабежъ и хищеніе невѣроятныя.

Правда, по закону каждый подданный эмира долженъ давать въ казну ежегодно десятую часть отъ своихъ доходовъ, но кто же можетъ съ точностію сказать, сколько онъ собралъ за годъ хлѣба, масла, молока, фруктовъ и проч.? И потому каждый даетъ столько,

¹⁾ Молитва, читаемая муллою по пятницамъ.

²⁾ Байкушъ — турецкое слово, въ собственномъ смыслѣ означающее филина, сову, вообще ночную птицу. На языкѣ же бухарскихъ чиновныхъ лицъ слово «байкушъ» означаетъ простаго крестьянина, черный людъ вообще.

³⁾ «Высочайшая свѣтлость» — титулъ бухарскаго эмира, котораго такъ величаютъ за глаза всѣ мѣстные чиновники.

сколько назначаютъ власти ¹⁾, а послѣднія въ виду своихъ выгодъ берутъ какъ можно больше. Да если бы и были извѣстны доходы каждаго туземца, то законные поборы опять были бы немислимы. Честность и безупречность мѣстныхъ властей, при полной безконтрольности ихъ дѣяній, весьма сомнительны, а если добавить къ этому житье безъ жалованія и кормленіе отъ народа, то это невѣроятное лихоимство станетъ понятнымъ. Начиная отъ губернатора и кончая послѣднимъ чинушей-халатникомъ, грабятъ всѣ, отчего бѣдное, истощенное непосильными налогами, населеніе встрѣчается въ каждой провинціи. И только изумительное плодородіе земли да необыкновенное трудолюбіе прекраснаго народа, еще живущаго тысячелѣтними традиціями своей когда-то прославленной культуры, не даютъ странѣ дойти до полнаго обнищанія и запущенности. Ни суда, ни расправы на беззаконія властей ни у кого нельзя найти. У мелкаго чиновничьяго міра всегда найдутся сильные родственники или хорошіе знакомые, которые за просьбу и за подарки постараются уничтожить передъ губернаторомъ всякое обвиненіе противъ ихъ кліентовъ, у губернаторовъ же добрые друзья при дворѣ и хорошія взятки кушъ-бѣги и другимъ вліятельнымъ сановникамъ тоже сдѣлаютъ свое дѣло, и виновный всегда окажется

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, какъ взимаютъ годовую подать въ Каратегинѣ и прочихъ мѣстахъ Нагорной Бухары. Эмиру $\frac{1}{10}$ часть собраннаго за годъ хлѣба, 20 фунтовъ масла съ богатыхъ и барана стоимостью въ 12 тенговъ (1 рубль 92 к.) или же 12 тенговъ деньгами, съ бѣдныхъ же, взаменъ масла и барана, кусокъ «маты» (бѣлой хлопчато-бумажной ткани своего надѣлія) стоимостью отъ 60 коп. до 1 рубля. Въ пользу же міра, амлекдара, волостнаго старшины и ихъ прислуги сходить еще нуда по два хлѣба зерномъ, подиуда или пудъ масла и нѣсколько тенговъ деньгами, смотря по степени выпрашиванья, или, вѣрнѣе, вымогательства. При страшной окружающей бѣдности такіе поборы невыносимы. Деньги же въ горахъ крайне рѣдки и потому представляютъ большую цѣнность; горный таджикъ, искони привыкшій къ мѣноной торговлѣ, на деньги съ удовольствіемъ продастъ баранка тенговъ за 6—7 (96 к.—1 р. 12 к.), или, какъ въ Каратегинѣ, «батманъ» (9 пудовъ) пшеницы отдастъ въ урожайные годы за 8 тенговъ (1 р. 28 к.). Такимъ образомъ, если перевести на нашъ курсъ всю стоимость поборовъ съ мѣстнаго горца, то сумма выйдетъ внушительная. Въ самомъ дѣлѣ, если положить, что въ среднемъ горецъ-таджикъ дастъ 2 пуда пшеницы ($\frac{1}{10}$ часть съ земельныхъ доходовъ), то, считая по 1 рублю 10 коп. пудъ, выйдетъ 2 рубля 20 коп., 20 фунтовъ масла стоятъ приблизительно 5 рублей, баранъ—три рубля или столько же деньгами, итого выйдетъ 10 рублей съ богатыхъ. Съ бѣдныхъ же, если, при всемъ одинаковомъ остальномъ, вмѣсто барана и масла положить кусокъ маты рубля въ два, выходитъ всего податей рублей на 6. Если прибавить еще столько же на мѣстныхъ властей, то непосильность платежа такихъ поборовъ стиснетъ очевидною. Недонмокъ же не полагается; для ихъ устраненія существуютъ клоповники и качуки. Отсюда понятнымъ станетъ, почему мѣстные туземцы, «байкуши», наввно спрашиваютъ проѣжающаго «урсуса», скоро ли ихъ возьметъ себѣ «Вѣллы царь». У него же легко жинется: по слухамъ, податей меньше приходится платить; вонъ въ Ферганѣ, въ Самаркандѣ и другихъ русскихъ владѣніяхъ въ Средней Азіи каждый платитъ въ среднемъ выводѣ только около 7 тенговъ (1 рубль 10 коп.).

правымъ. А такъ какъ «у сильнаго всегда безсильный виноватъ», то обиженный бухарскій миръ чинить кровавую расправу надъ своими доносчиками и обвинителями. Развѣ только кто нибудь изъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ, враждебныхъ миру, или всевластный кушъ-бѣги донесутъ «хазрѣту»¹⁾ о томъ или другомъ неправомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ о казнокрадствѣ, и тогда знатнаго мира ждетъ опала или еще что нибудь худшее этого.

По прїѣздѣ къ эмиру, обвиняемаго губернатора начинаютъ допрашивать, почему онъ мало присылаетъ податей. Миръ отговаривается тѣмъ, что, напримѣръ, урожаи за послѣдніе годы были плохіе, и собраннаго хлѣба поэтому оказалось мало, а народъ весь обѣднялъ; откуда же быть большому сбору податей? Оправданіямъ этимъ, конечно, никто не вѣритъ. Въ Бухарѣ невозможнаго не бываетъ: если бы и годы на самомъ дѣлѣ были плохіе, и народъ бы былъ окончательно разоренъ неурожаемъ, исправность платежа податей все-таки обязательна. Состраданіе и государственныя заботы о подданныхъ здѣсь неизвѣстны, да къ тому же если ужъ кто провинился предъ эмиромъ, то значитъ справедливо подпалъ подъ его грозный, немилосердный гнѣвъ. А гнѣвъ «хазрета» не шутка: онъ сразу уничтожаетъ человѣка. Мольбы и просьбы о законномъ разбирательствѣ дѣла бесполезны. Опальнаго губернатора прямо спрашиваютъ: «сколько скопилъ денегъ?» Онъ называетъ извѣстную сумму, ее требуютъ у него, подъ страхомъ пожизненнаго заключенія въ «виндону»²⁾, немедленно отдать эмиру. Нечего и говорить, что обвиняемый тутъ же отдаетъ требуемое. Но здѣсь кто нибудь изъ лицъ, хорошо знавшихъ его, быть можетъ, даже кто нибудь изъ друзей, доноситъ, что у него столько-то скота пасется тамъ-то, столько-то табуновъ лошадей гуляетъ по равнинамъ, и что и денегъ-то у него собрано гораздо больше, чѣмъ онъ показалъ. По такому навѣсту отбираютъ все имущество у бывшего мира и вымогаютъ всѣ накопленныя деньги, употребляя не только всяческія угрозы, но и прибѣгая къ помощи различныхъ пытокъ, на которыя такъ щедръ и изобрѣтателенъ безчеловѣчный Востокъ. Въ концѣ концовъ бывшій могущественнѣйшій сатрапъ, по своему усмотрѣнію казнившій и миловавшій людей, очутится безъ куска хлѣба въ жалкомъ домишкѣ, который ему дадутъ изъ милости гдѣ нибудь въ столицѣ подъ грознымъ окомъ повелителя. Послѣдній изъ жалости кое-какъ кормитъ опальника, чтобы тотъ не умеръ съ голода, какъ бродячая уличная собака. И развѣ только по прошествіи многихъ лѣтъ, когда уже за давностью времени его вина из-

¹⁾ Хазрѣтъ, или, вѣрнѣе, хазратъ—«святѣйшій, высочайшій». Одинъ изъ титуловъ эмира, который онъ носитъ, какъ духовный глава мусульманъ Средней Азіи.

²⁾ Тюрьма, клоповникъ.

гладится изъ памяти «Дженабе-Аали», о немъ вспомнить и опять пошлютъ губернаторомъ куда нибудь въ бѣдную провинцію. А часто случается и такъ, что совсѣмъ не вспомнятъ, и бывшій губернаторъ умираетъ ничтожнымъ бѣднякомъ. Ни прежніе многочисленные друзья и пріятели, ни бывшіе вѣрные слуги, никто не придетъ навѣстить подданнаго подъ гнѣвъ повелителя. Еще заподозрять въ измѣнѣ послѣднему и въ сочувствіи его недругамъ. И нерѣдкость, если дѣти такого впавшаго въ немилость мира займутся потомъ какой либо мелкой торговлею, либо пойдутъ въ чернорабочіе. Сословіи и сопряженныхъ съ ними разнаго рода привилегій въ Бухарѣ вѣдь нѣтъ.

Лѣто 1897 г. мнѣ пришлось провести въ столицѣ Бухарскаго ханства, въ Бухарѣ. Во все это время мнѣ прислуживалъ молодой таджикъ Мадъ-Али. Всѣ знавшіе его называли его не по имени, а «бой-бача», т.-е. сынъ богатаго. Какъ-то мнѣ пришлось спросить, почему его такъ называютъ. И мой слуга повѣдалъ мнѣ грустную исторію. Его отецъ былъ одинъ изъ вліятельныхъ сановниковъ эмира и имѣлъ титулъ «шарвоначи». За что-то онъ былъ отставленъ отъ должности, деньги, которыя онъ успѣлъ нажить во дни своей славы, прожилъ во дни своего ничтожества. По смерти его осталась большая семья, и старшій изъ дѣтей былъ Мадъ-Али. Чтобы прокормить бѣдствовавшую семью, онъ поступилъ къ какому-то сластолюбивому горожанину «бачею» и цѣной собственнаго позора содержалъ своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ и старуху мать. Изъ прежнихъ же друзей отца никто не протянулъ руку помощи его бѣдствовавшей семьѣ, напротивъ, всѣ сторонились, какъ отъ зачумленныхъ, несмотря на просьбы и мольбы о помощи. Нѣсколько лѣтъ безпутной жизни сказались на Мадъ-Али, и изъ когда-то розоваго, цвѣтущаго мальчика сталъ высокій, желтый, безобразный, съ тупымъ взоромъ и вялыми движеніями, двадцати-лѣтній парень. Быть бачею теперь онъ не можетъ: онъ уже слишкомъ выросъ и сталъ безобразенъ. Куда же идти? Правда, мать умерла, сестры успѣли выйти замужъ, братья выросли, но вѣдь нужно же себя прокормить. И Мадъ-Али сталъ «мардикоромъ», т.-е. поденщикомъ, рабочимъ, слугою. Отъ прежняго отцовскаго богатства и славы только сохранилось лишь насмѣшливое прозвище, данное его сыну: «бой-бача».

Чтобы не попасть въ такую бѣду, какъ гнѣвъ эмира, мѣстные губернаторы всячески стараются о доставленіи возможно большихъ суммъ въ казну эмира. По закону каждый начальникъ провинціи обязанъ представить тому кушъ-беги, которому онъ подчиненъ, ежегодно отъ 6 до 10 лаковъ тенговъ ¹⁾, смотря по богат-

¹⁾ Собственно «лакъ» — индійское слово, перешедшее въ таджикскій діалектъ, и значить 100.000. Лакъ тенговъ равенъ нашимъ 16.000 рублямъ, считая по нынѣшнему курсу тенгу въ 16 копеекъ.

ству своей области (эта подать должна вноситься мирами не тенгою, а русской монетой). Собранную дань купшъ-беги отсылаетъ въ Бухару. Къ этимъ-то нѣсколькимъ лакамъ ежегодныхъ податей каждый миръ и усердствуетъ прибавить еще нѣсколько тысячъ лишнихъ тенговъ, лишь бы не впасть въ немилость у эмира. Само собою разумѣется, что, радѣя о пользѣ своего государя, миры не забываютъ и себя: 2—3 лака тенговъ откладываютъ ежегодно въ свою пользу. Такимъ образомъ, если сравнить жалованье нашихъ губернаторовъ съ доходами ихъ бухарскихъ собратьевъ, то сравненіе окажется не въ пользу первыхъ. А если присоединить къ этому многочисленныя табуны лошадей и тысячныя стада коровъ и овецъ и прочіе побочные доходы натурой, то богатство мѣстныхъ мировъ покажется и вовсе значительнымъ.

Среди разговора, миръ, между прочимъ, выразилъ сожалѣніе, что мы пріѣхали немного поздно. И когда мы спросили, въ чемъ дѣло, губернаторъ замѣтилъ, что мы лишились удовольствія видѣть казнь преступниковъ: три дня тому назадъ казнили двухъ. «Впрочемъ,—замѣтилъ сановный старецъ,—эта вещь поправимая, черезъ недѣлю еще предстоитъ казнь, такъ что вы, если поживете въ Кулябѣ, то увидите это». Поблагодаривъ мира за такое «эстетическое удовольствіе», я спросилъ его, не разрѣшитъ ли онъ намъ осмотрѣть мѣстную тюрьму, такъ какъ мы много слышали о правосудіи Благородной Бухары, гдѣ зло всегда несетъ заслуженное возмездіе. Съ любезной улыбкой миръ далъ на это полное согласіе и, кликнувъ одного изъ гуляющихъ по двору чиновниковъ, далъ ему приказъ проводить насъ въ «зиндону».

Тюрьма оказалась во дворѣ же мирскаго «дворца», почти противъ нашего помѣщенія. Единственная дверь въ нее была въ стѣнѣ входной арки губернаторскаго дома. Внутренность кулябской тюрьмы представляетъ громадную яму, надъ которой возвышаются высокія глинобитныя стѣны съ однимъ узенькимъ оконцемъ. Ослизлая солома валяется на сыромъ полу. Воздухъ необыкновенно спертый и удушливый, безъ привычки не пробудешь и нѣсколькихъ минутъ.

Всего преступниковъ при насъ въ тюрьмѣ было четверо; длинная желѣзная цѣпь сковывала ихъ шеи, такъ что если одному нужно было сѣсть, лечь или нагнуться, то это должны были сдѣлать и всѣ остальные. Свои физиологическія отправления заключенные дѣлали въ тюрьмѣ же, наружу ихъ совсѣмъ не выпускали. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ, съ безпокойно блгавшими глазами и страшно блѣднымъ лицомъ, сидитъ здѣсь двѣ недѣли. Онъ обвиняется въ кражѣ лошади. На мой вопросъ, когда онъ думаетъ освободиться, онъ отвѣтилъ: «послѣ того, какъ по приговору суда мнѣ отрубятъ руку» ¹⁾. Другой—высокій, сред-

¹⁾ Въ Бухарѣ судятъ по законамъ имама Абу-Ханифа; по уголовному кодексу этого имама за воровство въ первый разъ полагается отрубить кисть руки, за

нихъ лѣтъ мужчина съ сумрачной и утомленной фізіономіей, бывшій купецъ, онъ заключенъ сюда кредиторами за неплатежъ долговъ и находится здѣсь ужъ два съ половиной мѣсяца. Когда я спросилъ, какъ можетъ долго продлиться его пребываніе въ тюрьмѣ, онъ мрачно отвѣтилъ: «до тѣхъ поръ, пока не уплачу долговъ, а гдѣ я возьму деньги?» Какого рода преступленія совершили остальные,—я, къ сожалѣнію, не помню. Когда ихъ всѣхъ по нашей просьбѣ вывели на дворъ снять съ нихъ фотографію, несчастные едва держались на ногахъ отъ слабости и отъ того, что за время пребыванія въ тюрьмѣ они отвыкли отъ воздуха и солнца. Когда же г. Б. поставилъ противъ нихъ фотографическій аппаратъ и навелъ объективъ, бѣдные узники настолько напугались, что тряслись, какъ въ лихорадкѣ: имъ казалось, что странный инструментъ сейчасъ выстрѣлитъ и убьетъ ихъ. Большихъ трудовъ стоило ихъ хотя нѣсколько успокоить.

До полдня еще далеко. Опять, какъ и вчера, пошли съ Якубомъ бродить по городу; мои спутники тоже собираются. Прошли опять черезъ базары къ лавкамъ вчерашнихъ нашихъ знакомцевъ изъ Пешавера, но онѣ оказались заперты; сосѣдніе торговцы говорятъ, что они ушли въ каравансарай: тамъ де какое-то собраніе, многіе и другіе пошли.

Вотъ и каравансарай, длинное большое зданіе. Настежь раскрыты ворота ведутъ въ обширный, начисто разметенный дворъ. На дворѣ, подъ навѣсами окружающихъ его съ четырехъ сторонъ галлерей, цѣлое море разноцвѣтныхъ тюбановъ и яркихъ халатовъ, мѣстами выдѣляются своими темными куртками и блестящими пуговицами длинноволосые афганцы и всѣ въ черномъ смуглые «хинду» (индусы). Подходили къ тому мѣсту, гдѣ сидятъ индійскіе персы; ихъ умныя, плутоватыя фізіономіи рѣзко выдѣляются изъ окружающей ихъ группы таджиковъ и другихъ національностей. Дѣлаемъ общій поклонъ ихъ собесѣдникамъ и спрашиваемъ, не помѣшали ли мы своимъ приходомъ. Со всѣхъ сторонъ слышится отрицаніе и любезное приглашеніе садиться. Въ группѣ, къ которой мы подошли, предметомъ общаго вниманія служитъ представительный старикъ въ богатомъ костюмѣ. Вижу—Якубъ почтительно привѣтствуетъ его, а старикъ, какъ старый знакомый, привѣтливо улыбаясь, отдаетъ Якубу отвѣтный «саламъ». Между ними завязывается разговоръ. Ко мнѣ же тѣснѣе подвинулись пешаверцы и познакомили меня съ тремя другими изъ своихъ соотечественниковъ.

— Вы извините насъ, что мы вчера отвѣтили вамъ отрица-

норовство во второй разъ отрубаютъ кисть ноги (науродованную такимъ образомъ руку или ногу сейчасъ же погружаютъ въ кипящее масло, чтобы унять кровотеченіе). За кражу въ третій разъ виновнаго отсылаютъ къ эмиру на его усмотрѣніе, что всегда оканчивается казнью.

тельно на вашъ вопросъ о старинныхъ монетахъ, — безъ дальнѣйшихъ околичностей приступилъ «къ дѣлу» одинъ изъ вчерашнихъ моихъ знакомцевъ. — Дѣло, видите ли, въ томъ, у насъ кое-что имѣется изъ старины, но вчера мы не показали вамъ этого. Думали, что вы, какъ гости мира, возьмете наши вещи, а денегъ не отдадите. Здѣсь вѣдь гостямъ все, что нравится, отдаютъ даромъ, будь это хоть и чужое. Но о васъ узнали, что вы много на пути покупали вещей и за все хорошо платили.

Увидя на моей физиономіи необычайное удивленіе, мой собесѣдникъ поспѣшно прибавилъ.

— Вы не вѣрите? Были случаи, увѣрю васъ. Пріѣзжали къ миру русскіе таксыры отсюда... съ равнины, и брали даромъ.

Глядя на это красивое матовой бѣлизны лицо съ черными умными глазами, я, признаться, заподозрѣлъ моего собесѣдника въ нѣкоторомъ преувеличеніи, если не сказать болѣе, и въ душѣ не повѣрилъ слышанному. Къ сожалѣнію, далѣе на пути изъ Кабадіана въ Патта-Хисаръ, увы, пришлось воочію убѣдиться въ такихъ подвигахъ нѣкоторыхъ «благородныхъ російскихъ таксыровъ» и при томъ занимающихъ въ странѣ извѣстное служебное положеніе. Но объ этомъ послѣ.

Разговаривая со мной, мой собесѣдникъ вынулъ изъ-за пазухи своего халата маленькіе узелочки и сталъ ихъ развязывать. Въ нихъ оказалось нѣсколько штукъ серебряныхъ греко-бактрійскихъ монетъ и одна мѣдная съ изображеніемъ Александра Македонскаго. И у другихъ также оказалось по нѣсколько подобныхъ монетъ, а у одного даже цѣлый мѣшочекъ, но только мѣдныхъ. Пока я разсматривалъ ихъ и читалъ имена различныхъ *basileus*'овъ, вокругъ меня шель оживленный разговоръ. Сидѣвшій противъ меня благообразный старикъ, повидимому, знакомецъ Якуба, рассказывалъ окружающимъ о могуществѣ эмира и о богатствѣ Благородной Бухары.

Якубъ почтительно замѣчаетъ, что эмира теперь нѣтъ въ Бухарѣ; говорятъ, будто въ Россію выѣхалъ.

— Да, — небрежно роняетъ старикъ: — уѣхалъ. Вѣдь у нихъ съ Бѣлымъ царемъ большая дружба: другъ безъ друга жить не могутъ.

— Отчего же это, таксыръ? — сладко закативъ глаза, спросилъ кто-то изъ здѣсь сидящихъ.

— Да вѣдь Бѣлый царь — тайный мусульманинъ, — еще небрежно замѣчаетъ спрошенный таксыръ, задумчиво перебирая четки¹⁾: — ну, сердце эмира и влечется къ нему. Надо поговорить о дѣлахъ вѣры, о правленіи царствомъ, — мало ли о чемъ?

— Do you speak english? — спрашиваю я своего сосѣда, перса изъ Пешавера.

— Yes, I do.

¹⁾ Всѣ мало мальски степенные мусульмане имѣютъ всегда при себѣ четки.

— Who is this old man?

Въ отвѣтъ на это сосѣдъ нагибается къ моему къ уху и тихо произноситъ по-персидски: «собиратель «заката» ¹⁾ изъ Бухары».

Важная персона! Таковыми-то, подумашь, небылицами старается мѣстное вліятельное духовенство и чиновничій міръ оправдать частыя отлучки правовѣрнаго эмира въ «нечестивую Русь». Правда, эпитетъ мусульманина еще болѣе увеличиваетъ и безъ того область котораго «всѣмъ правовѣрнымъ такъ хорошо живется». И великій Вѣблый царь, упованіе и надежда всѣхъ народовъ Азіи, и при томъ для христіанъ — христіанинъ, для мусульманъ — чтитель Аллаха и его пророка, какъ, надо полагать, должно это дѣйствовать на болѣзненно-восторженный умъ восточнаго человѣка!

На пути изъ каравансарая встрѣтили г. N. съ переводчикомъ міра: людей нашихъ никого не оказалось, и міръ любезно предоставилъ въ его распоряженіе своего чиновника.

Говорю о видѣнныхъ монетахъ г-ну N., — тотъ, страстный нумизматъ, оживляется и проситъ познакомиться его съ «фаришами». Идемъ опять назадъ, въ каравансарай. Тамъ народъ сталъ уже расходиться, и пешаверцы, показавъ монеты, предложили зайти въ одну изъ ближайшихъ ихъ лавокъ и тамъ потолковать о цѣнѣ. Тутъ же рядомъ съ воротами каравансарая оказалась лавка одного изъ нихъ. Ея хозяинъ, небольшой, очень смуглый человѣкъ съ тишиной индусской фізіономіей, совсѣмъ непохожій на своихъ земляковъ, отперъ дверь и впустилъ насъ въ темное и тѣсное помещеніе лавки. Свѣтъ доставляли въ нее только двое дверей. Несмотря на тѣсоту, всѣ кое-какъ размѣстились. Хозяинъ любезно предложилъ всѣмъ мѣстнымъ конфеты и чай. Пока идетъ торгъ изъ-за монетъ, я отъ нечего дѣлать ткну чай и разсматриваю лежащій передо мной свертокъ бумаги, написанный оригинальными угловатыми письменами «хиндустани» ²⁾. Одинъ изъ пешаверцевъ, замѣтивъ это, спросилъ меня, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторой тревогой, знаю ли я нарѣчіе «хиндустани», и взялъ у меня свертокъ. Услышавъ мой отрицательный отвѣтъ, онъ, какъ видно, успокоился и оставилъ меня въ покоѣ. А вокругъ меня идетъ жаркій торгъ: Якубъ и губернаторскій переводчикъ изъ силъ выбились, доказывая, что такія цѣны не мыслимы. А цѣны дѣйствительно ужасающія: за одну монету запрашиваютъ по нѣсколько сотенъ рублей.

¹⁾ Закатъ — милостыня, чистота, очищеніе. Мухаммеданскій законъ предписываетъ давать часть своего имущества бѣднымъ, или употреблять на богоугодныя дѣла, чтобы чрезъ то очистить остальную часть имущества и снискать Божіе благословеніе.

²⁾ Хиндустани — одно изъ современныхъ нарѣчій Индостана, образованное изъ персидскаго языка, арабскаго и мѣстныхъ говоровъ.

— Вѣдь они говорятъ, по всей вѣроятности, по-англійски,— замѣчаю я г. Н.:—я недавно говорилъ съ однимъ. Поговорите съ ними сами.

Г. Н. обращается по-англійски какъ разъ къ тому же, съ кѣмъ я недавно горилъ. Пешаверецъ, къ моему удивленію, отрицательно качаетъ головой и говоритъ чрезъ Якуба, что онъ не знаетъ англійскаго языка. Что такое?—думаю. И пока у меня въ умѣ мелькаютъ подозрѣнія относительно пешаверцевъ, преслѣдующихъ здѣсь, повидимому, не одинъ только торговья цѣли, въ дверяхъ показывается сѣдой старикъ, очень скромно, даже бѣдно одѣтый. Это, оказывается, «хозяинъ каравансарая, богатѣйшій человекъ не только Куляба, но и всей Бухары, владѣлецъ многихъ земель и каравансарая въ различныхъ городахъ, купецъ, ведущій громадную торговлю съ Россіей, Афганистаномъ и Персіей», какъ тутъ же объяснилъ мнѣ губернаторскій переводчикъ. Онъ и привелъ его сюда для того, чтобы старикъ, какъ хозяинъ помѣщенія, уговорилъ пешаверцевъ сбавить немилосердно запрашиваемыя цѣны. Старикъ снялъ у входа свои старенькія туфли, опустилсѣ на колѣни подлѣ торгующихъ и началъ уговаривать купцовъ уступить. Сначала онъ ихъ увѣщевалъ, что называется, добромъ, указывалъ на слишкомъ высокія назначаемыя ими цѣны, говорилъ что-то о гостепримствѣ, объ уступчивости, какъ чертахъ, особенно присутствующихъ правобѣрныхъ. Купцы упорно стояли на своемъ и твердили, что эти монеты они свезутъ къ себѣ на родину, гдѣ у нихъ ихъ купятъ за хорошую цѣну «инглізы».

— У инглізовъ много денегъ,—твердили они и не безъ ироніи прибавляли:—чѣмъ мы виноваты, если русскіе господа такъ бѣдны, что не могутъ заплатить, сколько мы просимъ?

Постепенно старикъ разгорячался и возвышалъ свой голосъ, наконецъ, пришелъ въ такой азартъ, что схватилъ хозяина лавки, небольшого смуглаго пешаверца, за бороду и закричалъ громовымъ голосомъ, чтобы онъ продавалъ «негодныя деньги» за столько, сколько даютъ. Но тутъ вступились Якубъ, губернаторскій переводчикъ и остальные купцы и успѣшили уговорить не въ мѣру расходившагося бухарскаго креза. Кончилось все дѣло тѣмъ, что г. Н. предложилъ пешаверцамъ прійти подъ вечеръ къ намъ и тамъ сторговаться.

Оставивъ г. Н., Якуба и переводчика ходить по базару, иду къ себѣ. На одной изъ улицъ подошелъ откуда-то взявшійся одинъ изъ нашихъ каратегинцевъ, Мулла-Нозиль. На пути заглянули съ нимъ въ мастерскую «фагфурчй», т. е. мастера, занимающагося починкою фарфора. Въ углу его помѣщенія, отъ пола до потолка, огромная груда битаго фарфора. Здѣсь осколки и китайскаго эмалированнаго фарфора, и глазурь знаменитыхъ бомбейскихъ чайниковъ, и скромный фарфоръ отечественныхъ Матвѣевъ и Ивановъ

Кузнецовыхъ. Способъ починки, или, вѣрнѣе, составленія заново разбитой посуды весьма оригиналенъ. Мастеръ тщательно собираетъ всѣ осколки и скрѣпляетъ ихъ поперечными тонкими мѣдными пластинками. Нечего и говорить, что подобная работа требуетъ много терпѣнья и навыка. Вещь, починенная такимъ способомъ, никогда не развалится, какъ склеенная, и не пропуститъ жидкости. Бухара особенно славится этого рода искусствомъ. Разбитая и скрѣпленная описаннымъ способомъ фарфоровая посуда расходуется отсюда по всѣмъ странамъ Азіи, отъ Персіи до границъ Китая.

У «фагфурчи» встрѣтили одного изъ губернаторскихъ чиновниковъ, съ которымъ и отправились восвояси. Проходя одною изъ улицъ, мы были вдругъ поражены раздавшимся откуда-то нечеловѣческимъ крикомъ. Завернули туда, откуда неслись вопли, и глазамъ предстала не совсѣмъ обыкновенная картина. Среди пустынного переулка, почтеннаго вида старецъ немилосердно дупилъ палкою какого-то подростка. Юнецъ оралъ благимъ матомъ, но, какъ истый сынъ раболѣпнаго Востока, не старался убѣжать, а смиренхонько стоялъ и только оралъ и оралъ все громче. Его крики разносились по переулку, но не привлекали ничего вниманія. Лишь мѣстами кое-гдѣ изъ-за полупритворенныхъ дверей «хона» высматривали нѣкоторыя фізіономіи и видимо любовались этою экзекуціею. Палка же старца продолжала съ еще большимъ ожесточеніемъ взвиваться надъ отрокомъ и поучать его бока и спину. Изъ устъ видимо разгнѣваннаго «учителя» срывались какія-то отрывистыя восклицанія, по всей вѣроятности, назидательнаго характера. Увидѣвъ эту сцену, должно быть, хорошо ему извѣстную, «джевачи»¹⁾ повернулся ко мнѣ съ разочарованнымъ видомъ и сказалъ:

— Пойдемте, «тюря», особеннаго ничего нѣтъ.

— А это что же происходитъ?—спросилъ я.

— Раису-ш-шаріатъ,—лаконически отвѣтилъ джевачи.

Это по-русски означало «блюститель закона», чиновникъ, неопустительно смотрящій за точнымъ исполненіемъ среди населенія всѣхъ предписаній шаріата. Эта давно позабытая должность на мусульманскомъ Востокѣ возродилась въ Бухарѣ вновь при вилотствующемъ эмирѣ Маасумѣ и существуетъ здѣсь до сихъ поръ.

— За что же это онъ бьетъ мальчика?—спрашиваю я.

— Да, навѣрное, мальчикъ попался раису-ш-шаріатъ на встрѣчу, послѣдній спросилъ его, знаетъ ли онъ молитвы. А мальчикъ оказался незнающимъ, ну, вотъ палка послушанія и застучала по его невѣжественной спинѣ.

— А что же никто не заступится за него? На улицѣ ни души не видно.

¹⁾ Одинъ изъ низшихъ гражданскихъ чиновъ въ Бухарѣ.

— Да развѣ это возможно? — удивился такому наивному вопросу нашъ Виргилій.—Пускай раису-ш-шариатъ его заставитъ знать молитвы, а то безъ боя развѣ дѣти будутъ что знать?

Да, кромѣ того, показаться народу мѣшаеъ страхъ передъ раисомъ. Спросить онъ, пожалуй, кого нибудь изъ закона, а тотъ и не знаетъ—палка тогда съ одной спины перенесется на другую.

На площади передъ аркомъ джевачи покинулъ насъ. Мулла-Новиль указываетъ мнѣ на видѣвшееся влѣво низкое большое зданіе и говорить:

— Таксыръ, тамъ живутъ дервиши. Не хотите ли пойти туда?

Горцу, вѣроятно, самому хочется посмотрѣть на этихъ своеобразныхъ мусульманскихъ отшельниковъ отъ міра: въ горахъ нѣтъ дервишей. Эти общины добровольныхъ бѣдняковъ и нестяжателей земныхъ благъ только принадлежность равнинной жизни.

Переходимъ черезъ площадь и входимъ въ длинную узкую улицу, на которую выходило фасадомъ «текіе» (монастырь) дервишей. Большія ворота растворены, и мы входимъ чрезъ нихъ на просторный дворъ. Среди него двѣ раскидистыхъ чинары, подъ ними обширная, высокая глинобитная площадка; на ней группа людей въ длинныхъ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ кушаетъ пилавъ. Всѣ они умыты и бороды тщательно расчесаны. Это дервиши. Насъ встрѣтилъ высокій представительный старикъ въ ослѣпительно-бѣлой рубашкѣ и штанахъ, запрятанныхъ въ сапоги. Такой же безукоризненной чистоты чалма обвивала голову. На поясѣ, которымъ онъ былъ опоясанъ, висѣлъ на ремешкѣ ключъ. Внѣшность этого старика была очень типична и весьма напоминала, по физиономіи и костюму, зажиточнаго горца-таджика. Это былъ «пиръ», глава, начальникъ мѣстной дервишской общины. Ласково привѣтствуя насъ, онъ замѣтилъ на мое извиненіе, что весьма и весьма радъ видѣть чужестранцевъ.

— Вѣдь бѣдными дервишами не только иноземцы, но и мѣстные жители совсѣмъ не интересуются,—добавилъ пиръ и растворилъ низенькую калитку, ведущую въ садикъ, примыкавшій ко дворцу. Въ саду росли великолѣпные розовые кусты и находились длинныя грядки съ цвѣтущей резедой. Пиръ сорвалъ одинъ изъ пышныхъ розовыхъ цвѣтковъ, прибавилъ къ нему резеду и, поклонившись, просилъ меня принять «подарокъ дервиша».

И взявъ эти нѣжно-благоухающіе цвѣты, «чистѣйшее проявленіе Божества», и, поблагодаривъ, продекламировалъ тутъ же пришедшіе мнѣ въ голову стихи величайшаго изъ дервишей, поэта Саади:

«Варки сѣбист тухфай дарвиш¹⁾».

¹⁾ Лица, являющія персидскій ямыкъ, да не осудитъ меня за такое прозябаніе. Я вѣдь читалъ это въ Бухарѣ, а по-таджикски такъ именно и слѣдуетъ произнести.

(Подарокъ дервиша только зеленый листокъ). Пиръ вздохнулъ и тутъ же закончилъ за меня:

Чи кунад бинавб? Амин дѣрад.

(Что же ему дѣлать горемычному? Онъ только это и имѣеть).

Въ то время дервиши окончили обѣдъ и, вставъ, одинъ за другимъ подходили къ пиру, кланялись ему и привѣтствовали насъ съ Муллою-Новилемъ. Показавъ пиру на дервишскіе атрибуты и рубища, развѣшанные на стѣнахъ двора, я спросилъ, развѣ дервиши не цѣлый день носятъ эти костюмы. Пиръ объяснилъ мнѣ, что въ этихъ одѣяніяхъ они показываются только въ городѣ, за стѣнами своего жилища, и для поясненія этого продекламировалъ стихъ изъ Хайяма ¹⁾, что только тамъ

«Отъ насъ требуютъ желтое лицо, оборванное платье».

Мало знакомый съ развитіемъ того своеобразнаго ученія мусульманскаго Востока, которое называется «суфизмомъ», я, къ сожалѣнію, не могу сказать, къ какой его вѣтви принадлежали мои гостеприимные дервиши.

Какъ религиозное ученіе, суфизмъ не самобытенъ: онъ возникъ подъ вліяніемъ идей греческихъ неоплатониковъ, учившихъ, что между Богомъ и людьми существуетъ цѣлая цѣпь существъ, которыя могутъ переходить изъ низшаго состоянія въ высшее. Понять этого нельзя однимъ разумомъ, поэтому необходимъ экстазъ. Черезъ сирійцевъ неоплатонизмъ перешелъ къ мусульманамъ.

Послѣдователи суфизма «суфи» учили, что Божество слито съ міромъ, во всѣхъ созданіяхъ Бога, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, проявляется Божество. Суфи, «люди прямого пути», цѣнили на свѣтѣ всѣ красивыя вещи, какъ проявленіе Бога; они поклонялись красотѣ во всѣхъ ея видахъ: восторгались луной, любили розу, цѣнили ея запахъ и т. п. ²⁾ Вино, какъ и всякое одуряющее средство (верченіе, табакъ и проч. ³⁾, они считали однимъ изъ физическихъ свойствъ уничтоженія сознанія, самости (мәні), которое есть главный врагъ познанія Божества. Поэтому суфи употребляли и вино. Какъ люди богобоязненные, постоянно ищущіе единенія съ Богомъ и стремящіеся къ будущей жизни, суфи про-

¹⁾ Омаръ-Хайямъ—знаменитый персидскій поэтъ на основѣ суфизма (но съ большою долей пифагоризма), астрономъ и математикъ, жилъ въ XI—XII вѣкѣ по Р. Х.

²⁾ У насъ, среди такъ называемой «большой публики», поэтическія произведенія гениальныхъ лириковъ-суфи: Хафиза, Саади и друг., по недоразумѣнію понимаются въ буквальномъ смыслѣ, и выраженія въ родѣ: «традиціонная любовь солонья къ розѣ», слышатся на каждомъ шагу, когда въ обществѣ и литературѣ заходитъ рѣчь о восточной поэзіи вообще и персидской въ частности. Но солоней, роза, зефиръ, вино и опьяненіе, — все это символы, означающіе на таинственномъ языкѣ восточныхъ мистиковъ—поэтовъ: человѣческой духъ, Божество, время молодости, соединеніе съ Божествомъ и т. п.

³⁾ Благодаря чему существуютъ воющіе дервиши, вертящіеся и др.

повѣдывали кротость и любовь ко всѣмъ людямъ и животнымъ, сочувствовали меньшей братіи, простому люду и, не стѣняясь, открыто обличали высшіе классы въ корыстолюбіи и жадности. Многіе суфи увлекались идеаломъ суфизма и вели благочестивую жизнь, другіе же впадали въ крайность и становились попросту гуляками. Суфи жили въ монастыряхъ и просили подаваніе. Отъ ихъ обычнаго грубаго шерстяного рубища ¹⁾ произошло названіе «суфи», такъ какъ шерсть по-арабски называется «суфунъ». Такъ объясняютъ происхожденіе этого слова сами суфи, но, вѣроятнѣе всего, оно произошло отъ греческаго σοφός (мудрый).

Въ Бухарѣ, среди мѣстнаго населенія, послѣдователей суфизма называютъ просто «дарвіни», что значитъ «лежащій у дверей», т. е. бѣднякъ, словомъ же «суфи» обозначаютъ всякаго студента медресе.

Разставаясь съ добрыми и словоохотливыми дровищами, я получилъ на прощаніи отъ пира тонкій листокъ индійской бумаги, на которомъ было написано какое-то стихотвореніе.

— Это будетъ всегда напоминать вамъ о бренности всего земного, — прибавилъ старикъ.

Оказалось стихотвореніе Саади ²⁾, — кажется, изъ его «Пенд-намѣ» (Книга совѣтовъ), — подъ названіемъ «О превратности этого міра», въ дословномъ переводѣ съ персидскаго оно поучало такъ:

¹⁾ Обычный уличный костюмъ бухарскихъ дровишекъ составляетъ доходящій до лодыжекъ грубый шерстяной халатъ (хыре), въ большинствѣ случаевъ темный, ноги босыя, на голови — смотря по ордену, къ которому они принадлежать — или темныя остроконечныя шапки, опушенныя мѣхомъ, или чалмы иногда изъ черныхъ шерстяныхъ жгутовъ, какіи носятъ арабы, или же головной уборъ отсутствуетъ и его замѣняетъ шевелюра длинныхъ, никогда не знающихъ гребня, волосъ. На лѣвомъ боку привязывается высокій, изъ особаго тыквеннаго растенія, кувшинъ (кузъ) для воды и подаваній. На груди виситъ овальный сосудъ (кешкӯль), сдѣланный изъ половинки кокосоваго орѣха и покрытый или рѣзнымъ затѣйливымъ орнаментомъ или разрисованный клееными красками, въ него собираютъ подаваніе пицей. У многихъ въ рукахъ имѣются продолговатыя топоры и острые сѣкиры, насаженныя на длинныя ручки. Они часто бываютъ украшены богатою серебряною насѣчкою въ формѣ змѣй, деревьевъ и проч., означающихъ символы Божественной мудрости, благодати и т. п. Нѣкоторые дровишки высшихъ степеней имѣютъ еще такъ называемый «камень спокойствія», четырехугольный, въ формѣ правильного квадрата (приблизительно въ дюймъ или нѣсколько болѣе каждое ребро), селенить, съ вдѣланною въ него круглою, съ орѣхъ величины, бирюзкою. «Камень спокойствія» прикрѣпляется къ данной шерстяной веревкѣ, которая и опоясываетъ туловище нѣсколько разъ, при чемъ самый камень приходится по срединѣ подобнаго пояса, изображалъ собою какъ бы большую поясную пряжку.

²⁾ Шейхъ-Мослеходъ-динъ-Саади Ширазскій — одинъ изъ знаменитѣйшихъ персидскихъ поэтовъ и учителей суфизма. И какъ лирикъ, и какъ дидактикъ, онъ равно великъ и превосходенъ. Шейхъ-Саади родился въ Ширазѣ или въ 1198, или въ 1176 году по Р. Х., умеръ же въ 1291 году по Р. Х. въ глубокой старости. Его «Голестанъ» (Цвѣтникъ розъ), «Востанъ» (Фруктовый садъ) и друг. произведенія извѣстны съ дѣтства каждому образованному мусульманину и переведены на многіе европейскіе языки.

«Сколько было могущественныхъ царей,
 Сколько героевъ, покорителей странъ,
 (Сколько дикихъ подчицъ¹⁾, губителей войскъ,
 Сколько отважныхъ ратныхъ бойцовъ,
 Сколько луноянкныхъ красавицъ, крѣпкихъ, какъ букъ,
 Сколько красавицъ съ ланитами, солнцу подобными,
 Сколько славныхъ и баловней судьбы,
 Сколько стройныхъ, какъ кипарисъ, и сколько было розощекихъ,—
 Которые, увы, вносили рубашку жизни
 И просушили головы въ воротникъ одежды праха²⁾,
 Какъ шелуха зеренъ, разнеслись по вѣтру ихъ славныя имена,
 И никто потомъ о нихъ не узналъ.
 Итакъ, не привязываясь къ этому обольстительному дворцу наслажденій³⁾:
 На него съ высоты небесъ льются лишь несчастья.
 Сынъ мой, мѣръ не имѣетъ постоянства,
 И потому эту живнѣ скорбей не проводи безопасно!

У себя я засталъ пешаверцевъ: они на террасѣ передъ нашимъ помещеніемъ мирно попивали чай по-европейски вмѣстѣ съ моими спутниками. Ихъ было четверо. Одинъ, высокій мужчина представительной наружности, былъ совсѣмъ мнѣ незнакомъ. Расшитыя золотомъ туфли гостей съ высокими пятками и сильно загнутыми кверху носками стояли здѣсь же на террасѣ, недалеко отъ сидѣвшей за столикомъ компаніи.

Подхожу ближе и раскланиваюсь.

— А, османъ, миръ тебѣ!—привѣтствуетъ меня незнакомый пенаверецъ, очевидно принявъ меня за турка, благодаря бывшей на мнѣ фескѣ.

— Да будетъ и надъ тобой миръ!—отвѣчаю я этимъ неизбѣжнымъ на Востокѣ арабскимъ привѣтствіемъ и сажусь рядомъ съ нимъ за столъ.

У моихъ спутниковъ идетъ оживленный разговоръ съ гостями черезъ Якуба. Говорятъ объ Индіи и господствѣ тамъ англичанъ. Пешаверцы хвалятъ и страну, и мѣстное управленіе.

— Почему же вы не остались тамъ торговать? Вѣдь тащиться въ такую глушь, какъ Бухара, подвергать себя непріятностямъ окружнаго дальняго пути,—разъ черезъ Афганистанъ не пропускаютъ,—платить на границахъ большія пошлины за товары,—это, сами согласитесь, безразсудно! Можетъ быть, вы ужъ очень хорошіе барыши отъ торговли берете?—спрашиваютъ ихъ.

— Какіе тамъ барыши?—отвѣчаютъ почти всѣ въ одинъ голосъ.—Привычка,—вотъ и торгуемъ. Дѣло давно здѣсь ведемъ, привыкли къ мѣстности и къ народу. А на родинѣ, знаете, повезетъ ли еще счастье?

¹⁾ Въ оригиналѣ стоитъ «тонд-корданъ», т. е. «грубые курды».

²⁾ То-есть они умерли и ихъ «схоронили—позабыли», какъ говорятъ Шекспиръ.

³⁾ То-есть къ этому міру, къ этой жизни.

— Такъ чѣмъ же вы живете? Свои капиталы вѣдь не охота проживать на чужбинѣ?—замѣчаютъ имъ.

— Да, вотъ,—отвѣчаютъ:—собираемъ здѣсь старинныя вещи, больше монеты, а въ Индіи у насъ ихъ покупаютъ англичане, такъ что иной разъ и хорошія деньги на этомъ зарабатываемъ.

— Да неужели здѣсь такую массу находятъ рѣдкихъ древнихъ монетъ, что продажею ихъ можно «хорошія деньги» заработать? Да кому же насъ здѣсь и много! —справедливо изумляются мои спутники.

— А отчего же не быть здѣсь рѣдкимъ монетамъ? — улыбнувшись, отвѣтилъ красавецъ съ матово-бѣлымъ лицомъ и, очевидно, желая прекратить этотъ не совсѣмъ удобный для себя разговоръ, полѣзъ за пазуху халата за древними монетами ¹⁾.

И пока мои спутники ожесточенно торговались изъ-за монетъ, у насъ съ высокимъ пешаверцемъ шелъ въ это время свой разговоръ. Мой собесѣдникъ оказался хорошо знающимъ древнюю исторію Ирана и выдавалъ себя за потомка послѣдняго персидскаго царя изъ династіи Сассанидовъ, Ездигерда III-го.

— Вы вотъ спрашиваете, почему я мусульманинъ, а не чти-тель Зардушты,—говорилъ онъ.—Что же дѣлать? Не я виновать, а обстоятельства того времени, когда мои предки переѣхали старую вѣру на вѣру Пророка. Вы думаете, при мусульманскомъ владычествѣ въ Индіи легко жилось парсамъ ²⁾? Помилуйте, такіе были притѣсненія, что поневолѣ обратились въ правоѣрнаго. Многіе, правда, изъ нашего народа принимали исламъ и по другимъ причинамъ, менѣе уважительнымъ,—и помолчавъ, онъ прибавилъ:— хотя бы ради коммерціи.

— Да развѣ это похвально?—замѣтилъ я.

— А вы думаете—нѣтъ?—спокойно опарашилъ меня собесѣдникъ.—Напрасно. Персіянинъ, будь то хоть зардуштіи, хоть мусульманинъ, прежде всего—коммерческій гений, а потомъ ужъ послѣдователь своей вѣры. Знаете, чѣмъ живешь, чѣмъ кормишь себя и свою семью, съ тѣмъ и должно прежде всего считаться, то и нужно ставить на первомъ планѣ въ этой жизни.

— Ну, а для той-то жизни что останется?—насмѣшливо спросилъ я этого, повидимому, величайшаго радѣтеля о земныхъ благахъ.

— А кто же ту жизнь видѣлъ?.. Одинъ умный человѣкъ сказалъ: «никто къ намъ не пришелъ ни изъ ада, ни изъ рая, чтобы сказать, что тамъ. И противъ этого ничего нельзя возразить».

— Это изъ Хайяма,—сказалъ я.—А если къ этому еще прибавить Хафизовское:

¹⁾ Эти пешаверцы, какъ мы узнали потомъ, занимались ростовщичествомъ и, вѣроятно, какъ и индусы въ Бухарѣ, брали съ своихъ должниковъ чудовищные проценты.

²⁾ Въ Индіи парсами называютъ послѣдователей Зороастра.

«Что мнѣ адъ, что мнѣ рай, что мнѣ люди и небожители?»

— Ахъ, какъ вы мудры, османъ!—отвѣтитъ мнѣ извѣрившійся «потомокъ Мазеджурда» съ тономъ насмѣшки.

— Какъ вы образованы, мой другъ!

Какъ же, думаю, не бытъ образованнымъ! Такими-то «стинками» меня еще на школьной скамьѣ поучалъ мой достопочтенный наставникъ, персъ изъ Испагани.

— И все вы тамъ, въ Индїи, такихъ убѣжденій держитесь?—спросилъ я.

— Кто отъ благъ этого міра извлекаетъ пользу, тотъ иначе и не думаетъ, а кому ничего не надо, тотъ, пожалуй, не прочь сдѣлаться и строгимъ мусульманиномъ.

— И «ради благъ міра» не прочь прикинуться вѣрующимъ, если это будетъ полезно?

— Непремѣнно.

И пустился въ длинныя разсужденія на тему, что религія существуетъ только на бумагѣ. Приводилъ въ примѣръ англичанъ, проповѣдующихъ любовь къ врагамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣшающихъ и разстрѣливающихъ туземцевъ Индїи за ничтожныя, сравнительно, проступки, бралъ браминовъ, «святыхъ людей», ровно ничѣмъ не помогающихъ своимъ голодающимъ собратьямъ—индусамъ, и въ заключеніе обругалъ мусульманъ и самый шаріатъ за то, что послѣдній проповѣдуетъ ненависть къ невѣрнымъ. Этого де сдѣлать нельзя на практикѣ, особенно купцу: приходится вести дѣла и съ невѣрными. Барыши отъ нихъ получаешь, а тутъ говорятъ: ненавиждь невѣрныхъ! Гдѣ же логика?

Совсѣмъ передъ вечеромъ пешаверцы ушли отъ насъ, оставивъ нѣсколько великолѣпныхъ монетъ и унеся взамѣнъ ихъ кругленькую сумму.

Послѣ ходьбы въ теченіе цѣлаго дня по жарѣ и пыли, усталость даетъ себя чувствовать, и до ужина растягиваешься на коврѣ подъ чинарами. Мимолетныя азіатскія сумерки ужъ близятся. Въ воздухѣ холодѣетъ, слабыя лучи заходящаго солнца освѣщаютъ послѣднимъ заревомъ верхушки гигантскихъ деревьевъ. Смутный гулъ доносится изъ города. Сѣрая мгла все болѣе кутаетъ окрестности, небо темнѣетъ, мѣстами въ немъ ужъ загорѣлись «Божьи очи», въ листьѣхъ деревьевъ зазвенѣли цикады, еще немного—и прозвучалъ азанъ, Азраиль¹⁾ неслышно спускается къ грѣшной землѣ. Зовутъ ужинать...

Черезъ два дня, раннимъ утромъ, мы выѣзжали изъ Куляба. За городъ насъ провожалъ опять губернаторскій сыгъ со свитой. Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ его, скакалъ съ боченкомъ воды

¹⁾ Азраиль—ангелъ сна и смерти, по вѣрованію мусульманъ.

въ новомъ шелковомъ халатѣ и бѣлоснѣжномъ тюрбанѣ тотъ самый туземецъ, котораго я видѣлъ въ тюрьмѣ заключеннаго за воровство. Ни рука, ни нога не были у него отрублены. Откупился ли онъ передъ мѣстными «справедливыми» судьями, была ли обнаружена его невинность,—не знаю.

Передъ глазами развертывалась неоглядная и знойная бухарская равнина, и, казалось, не было ей конца и края...

А. А. Семеновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

ТОРИ Кейсуке, бывший японскій посланникъ, сначала въ Сеулѣ, потомъ въ Пекинѣ, прочелъ недавно въ одномъ изъ учено-литературныхъ обществъ Токио любопытный этюдъ, озаглавленный: «Перемѣны, какія претерпѣли чувства Японіи по отношенію къ Китаю». Японія, говоритъ Отори, начала съ того, что слѣбно преклонилась предъ Китаемъ: его литература и учрежденія, его методы управленія и формы жизни стали предметомъ подражанія для Японіи, и такъ продолжалось съ древнихъ временъ и до конца эры Токугавъ. Затѣмъ наступила эпоха недовѣрія и боязни. Эти чувства пробудились въ началѣ 70-хъ годовъ, когда Японія узнала объ обширныхъ военныхъ приготовленіяхъ Китая. Въ 1874 году японское правительство заключило трактатъ съ Китаемъ и отправило специальную дипломатическую миссію въ Пекинъ. Донесенія главы этой миссіи произвели въ Токио сильное впечатлѣніе: въ дальнѣйшемъ развитіи военныхъ и морскихъ силъ Китая Японія увидѣла угрозу своему собственному существованію. Экспедиція японцевъ на Формозу, вызванная насиліями, совершенными варварскими племенами надъ экипажемъ одного японскаго судна, разбиившагося у береговъ этого острова, явилась первой причиною серьезнаго охлажденія между маленькою островною имперіей и ея гигантскимъ сосѣдомъ. И въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ, подъ внѣшней, спокойной, повидимому, поверхностью, таилось много взаимнаго неудовольствія. Болѣзненно-само-

любимые японцы считали, что Китаю смотреть на нихъ, какъ на низшую расу, и это страшно раздражало ихъ. Въ 1884 году отношенія между обѣими странами стали очень натянуты, благодаря извѣстнымъ безпорядкамъ въ Корей. Тяньцзинскій трактатъ 1885 г. временно уладилъ дѣло. Дальнѣйшій ходъ событій былъ таковъ, что подозрѣнiе повело къ враждѣ, вражда къ войнѣ, побѣдоносная война къ ряду сюрпризовъ для Японіи. Слѣдствіемъ побѣды надъ Китаемъ явилось со стороны японцевъ презрѣнiе къ нему. Это чувство длилось до тѣхъ поръ, пока Китаю не сдѣлался жертвой агрессивныхъ стремленій западныхъ державъ, когда оно уступило мѣсто сожалѣнiю. Сожалѣнiе вызвало желаніе заключить съ Китаемъ союзъ, что и явилось послѣднимъ фазисомъ развитія японскихъ чувствъ къ нему непосредственно предъ возникновеніемъ послѣдней смуты, извѣстной подъ именемъ боксерскаго движенія. Отори закончилъ свой очеркъ выраженіемъ надежды, что Японія сумѣетъ найти удобный случай существеннымъ образомъ помочь Китаю и такимъ образомъ отплатить ему за тѣ безчисленныя благодѣянія, какія онъ въ древнія времена оказалъ своей сосѣдѣ.

Японскіе государственные люди нашли, что лучшимъ средствомъ помочь Китаю въ борьбѣ съ надвинувшимися на него со всѣхъ сторонъ иностранными аппетитами будетъ рядъ коренныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ его государственнаго устройства, и что здѣсь на первомъ планѣ должна быть поставлена реорганизація военныхъ силъ Китая китайскими же офицерами, но получившими свое военное образованіе въ японскихъ военныхъ школахъ и академіяхъ. Года полтора тому назадъ, въ Токио состоялся первый выпускъ такихъ офицеровъ, прикомандированныхъ вѣдѣ затѣмъ къ различнымъ воинскимъ частямъ въ Японіи для практическихъ занятій. На послѣднихъ большихъ маневрахъ, происходившихъ въ октябрѣ прошлаго года въ Сендаѣ, въ присутствіи японскаго императора, среди представителей иностранныхъ армій находились и 40 слннкомъ китайскихъ офицеровъ, съ генералъ-майоромъ Кинъ-луномъ во главѣ. Но офицеры эти, къ великому разочарованію японцевъ, оказались далеко не на высотѣ своего положенія. Японскія газеты, по крайней мѣрѣ, дали о нихъ самый неблагоприятный отзывъ. Спеціальныя военные корреспонденты этихъ газетъ говорятъ, между прочимъ, что на военную сторону маневровъ китайцы не обращали рѣшительно никакого вниманія, и только тогда, когда дѣло шло о ѣдѣ и витьѣ, они вдругъ начинали обнаруживать самый живой интересъ. Они всегда очень торопились занять свои мѣста на банкетахъ и пиршествахъ,—и это составляло разительный контрастъ съ обычнымъ апатичнымъ отношеніемъ ихъ къ своимъ спеціально-военнымъ обязанностямъ.

Одна изъ газетъ замѣчаетъ по этому поводу: китайскіе офицеры вернутся къ себѣ на родину съ нѣкоторыми новыми свѣдѣніями по части иностранныхъ блюдъ и винъ, но, конечно, безъ всякой ощутительной прибавки къ своимъ знаніямъ относительно военного дѣла у иностранцевъ.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что военная реорганизація Китая— дѣло совсѣмъ безнадежное. Въ колоссальной, разноязычной и разноплеменной имперіи богдыхановъ есть немало элементовъ, вполне пригодныхъ къ выработкѣ изъ нихъ великолѣпныхъ солдатъ. Такихъ элементовъ особенно много на Китайскомъ югѣ, въ тѣхъ провинціяхъ, которыя искони вѣковъ сльвуть подъ именемъ «безпокойныхъ». Здѣсь живутъ, между прочимъ, племена хакка. Въ переводѣ «хакка» значитъ собственно «чужестранецъ». Эти племена жили прежде на сѣверѣ Китая, главнымъ образомъ, въ Шаньдунской и Шаньсѣйской провинціяхъ. Подвергшись жестокому преслѣдованіямъ при Цинской династіи, они въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. двинулись на югъ и послѣ тяжелой, упорной борьбы достигли, наконецъ, горныхъ округовъ Гуанъ-си и Гуанъ-дуна. И доннынѣ еще они живутъ тамъ преимущественно въ горахъ, хотя теперь и на окрестныхъ равнинахъ есть уже цѣлые округа, населенные хакками. Это интересное племя говоритъ языкомъ, составляющимъ, такъ сказать, переходный мостъ между южнымъ, кантонскимъ, и пекинскимъ, мандаринскимъ, нарѣчіями. Обычаи хакковъ значительно разнятся отъ обычаевъ какъ нынѣшнихъ обитателей Шаньдуна, такъ и жителей южныхъ провинцій. Хакка—природные воины, безстрашные, стойкіе, упорные и крайне жестокіе. Во время тайпинскаго возстанія хакка составили ядро войскъ претендента; они сообщили свою храбрость и неукротимый духъ его многочисленнымъ ордамъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ господствовавшимъ надъ всѣмъ пространствомъ Китайской имперіи къ югу отъ Янцзыяна. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, уже послѣ подавленія тайпинскаго мятежа, въ Кантонской провинціи вспыхнула междоусобная брань между хакка и коренными уроженцами этой провинціи. Два года длилась она и стоила жизни 150.000 человекъ. Подавивъ это междоусобіе, власти выслали массы хакковъ въ сосѣднія провинціи и на островъ Хайнанъ. Въ настоящее время въ одной только Гуандунской провинціи считается до четырехъ милліоновъ хакка; но ихъ очень много и въ Фу-Цзянѣ, и въ Цзянъ-си, и въ Гуичжоу. Въ умѣлыхъ рукахъ, подъ руководствомъ, напримѣръ, офицеровъ японскаго генеральнаго штаба и при европейской организаціи матеріальной части, хакка могли бы явиться ядромъ грозной арміи.

Въ самомъ Китаѣ, въ его верхнихъ слояхъ, по крайней мѣрѣ, все больше и больше распространяется убѣжденіе въ неотложности нѣкоторыхъ реформъ, въ томъ числѣ и реформы военного дѣла. Извѣстно, что два вліятельнѣйшихъ генераль-губернатора провинцій,

расположенныхъ по нижнему и среднему теченію Янцзицина, знаменитые Лиу-Куньи и Чжан-чжи-дунъ не разъ уже обращались ко двору съ докладными записками по этому поводу. Въ послѣдней запискѣ они, кромѣ того, рекомендуютъ своему правительству цѣлый рядъ реформъ въ администраціи, совѣтуютъ посылать путешествовать за границу какъ можно больше молодыхъ китайцевъ, оказывать всякое покровительство промышленности, земледѣлію и горному дѣлу, организовать правильную почтовую службу, ввести серебряную валюту, учредить правительственную монополію на опиумъ, содѣйствовать переводу на китайскій языкъ полезныхъ иностранныхъ книгъ и т. д., и т. д. Такіе совѣты со стороны двухъ престарѣлыхъ и едва ли не самыхъ могущественныхъ китайскихъ сантравъ тѣмъ знаменательнѣе, что оба они—люди старой вѣры, впитавшіе въ себя съ молокомъ матери глубокое презрѣніе ко всему чужестранному, конфуціанцы до мозга костей.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, въ столицу Японіи прибылъ вновь назначенный китайскій посланникъ при Токийскомъ дворѣ,—Тсаи, въ свитѣ котораго находились, между прочимъ, 13 китайскихъ юношей, посланныхъ въ Японію учиться, и среди нихъ: сыновья Чжанъ-чжи-дуна и Юнлу, внукъ Лиу-Куньи и внукъ покойнаго Ли-хунъ-чжана. Кромѣ того, раньше еще прибыли въ Японію одинъ изъ внуковъ Чжанъ-чжи-дуна и сынъ знаменитаго Ванъ-чжи-чупа.

Въ цѣляхъ болѣе тѣснаго сближенія Китая съ Японіей, нѣкоторые выдающіеся политическіе дѣятели послѣдней учредили недавно такъ называемое «Восточно-азиатское общество однихъ и тѣхъ же письменныхъ знаковъ для обѣихъ странъ» и очень энергично принялись за пропаганду своихъ идей. Основная точка зрѣнія учредителей новаго общества слѣдующая: будущность Китая далеко не безразлична для Японіи уже по тому, что онъ—великолѣпный рынокъ для ея растущей промышленности и представляетъ громадныя удобства для эмиграціи японцевъ, которымъ тѣсно становится на ихъ островахъ. Останется ли Китай такимъ, каковъ онъ есть, или будетъ реформированъ, это—вопросъ жизненной важности для Японіи. Китай долженъ быть реформированъ, и Японіи необходимо взять на себя руководящую роль въ этомъ дѣлѣ: она поставлена теперь въ такія исключительно-благопріятныя условія, что не воспользоваться своимъ положеніемъ было бы для нея непростительно. Она призвана къ тому, чтобы дѣйствовать въ Китаѣ, какъ пионеръ западной цивилизаціи, и «живительная влага этой цивилизаціи, пройдя черезъ японскій фильтръ, будетъ жидкостью, во всякомъ случаѣ болѣе пріемлемою для обыкновенной китайской глотки, чѣмъ напитокъ, вятый непосредственно изъ самаго источника». Шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ несчастной войны, Китай былъ, конечно, враждебно настроенъ къ Японіи; теперь обстоятельства рѣзко измѣнились, и, извѣрившись въ державахъ Запада, китайцы обратили свои взоры

на Японію, въ надеждѣ, что она одна въ состояніи помочь имъ выбраться изъ той трясины, въ какой они очутились. Такого историческаго момента упускать не слѣдуетъ: Японіи надо взять съ него все, что онъ можетъ дать.

На одномъ изъ недавнихъ засѣданій «Восточно-азиатскаго общества», два его члена,—виконтъ Нагаока и Танабе Иносукэ, состоявшіе въ свитѣ принца Конохе во время его послѣдняго путешествія въ Китай, сочли нужнымъ подѣлиться съ публикой своими личными наблюденіями и взглядами на положеніе дѣлъ въ сосѣдней имперіи, тѣмъ болѣе цѣнными, что оба докладчика имѣли возможность видѣться и говорить со многими выдающимися государственными дѣятелями Китая. Весь Китай, по ихъ словамъ, настроенъ дружелюбно къ Японіи; весь онъ взволнованъ отъ края до края недавними событіями, и убѣжденіе въ необходимости реформъ растетъ, ширится и крѣпнетъ. И молодой императоръ, и старая императрица, видятъ, что Китаю не уцѣлѣть безъ самыхъ радикальныхъ реформъ. Многіе придворные стоятъ за реформы. Вице-короли, или генералъ-губернаторы, имѣютъ теперь гораздо больше власти, чѣмъ центральное правительство и на очень долгое время еще удержатъ эту власть, а они—во главѣ сторонниковъ коренныхъ реформъ. Они опираются на преданныя имъ войска; вся почти военная сила Китая—въ ихъ рукахъ, и путемъ могущественной коалиціи они могутъ въ каждый данный моментъ сдѣлать невозможной любую оппозицію. Немногіе консерваторы, остающіеся у власти, не въ состояніи остановить это движеніе. Вице-короли пойдутъ своей дорогой, и Китай будетъ реформированъ. Для реорганизации своихъ армій вице-короли приглашаютъ японскихъ офицеровъ. Японскія скорострѣльные ружья (Мурата) находятъ большой сбытъ въ Китаѣ; все японское—въ большомъ почетѣ, и повсюду, куда только ни являлось посольство принца Конохе, оно встрѣчало неизмѣнно одинаковыя чувства благорасположенія и симпатіи со стороны туземнаго населенія. Китай нуждается прежде всего въ реформѣ его образованія. Корень нынѣшняго китайскаго безсилія и безпомощности—въ академическомъ и совершенно не соответствующемъ потребностямъ времени характерѣ образованія, получаемаго лицами правительственнаго класса.

Въ Китаѣ человѣкъ учится только для того, чтобы, выдержавши экзаменъ въ знаніи классиковъ, добыть ученую степень, дающую ему возможность выступить кандидатомъ на занятіе какойнибудь официальной должности. И первой реформой здѣсь должна явиться замѣна традиціоннаго образца учености другимъ—практическимъ, отвѣчающимъ требованіямъ измѣнившихся условій. Еще очень недавно уничтоженіе нынѣшней системы экзаменовъ казалось вещь совершенно невозможной. Теперь и въ этомъ отношеніи замѣчается поворотъ къ лучшему. И здѣсь Японія идетъ на встрѣчу

новымъ вліяніямъ, стараясь утилизировать ихъ въ свою пользу. «Для подготовки японцевъ къ принятію руководящей роли въ судьбахъ Китая, признано было необходимымъ, чтобы известное число молодыхъ японцевъ получили спеціальную подготовку въ самомъ Китаѣ». Съ этою цѣлью въ Шанхаѣ была открыта одна школа типа японскихъ нормальныхъ школъ, и сдѣланы приготовленія къ открытію такихъ же школъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Китая. До послѣдняго времени въ Шанхайской школѣ учились только японскіе студенты; теперь допускаются сюда и китайскіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что черезъ нѣсколько лѣтъ весь Китай будетъ покрытъ сѣтью такихъ японско-китайскихъ школъ, и школы эти сослужатъ большую службу обѣимъ странамъ.

Въ концѣ ноября прошлаго года, одна фирма въ Токио (Хейринъ-Канъ), занимающаяся изданіемъ спеціально военныхъ сочиненій, выпустила въ свѣтъ брошюру, озаглавленную «Рококу то Киокуто» (т.-е. Россія и Дальній Востокъ). Принцъ Конохе и виконтъ Міура ¹⁾, очевидно, одобрили взгляды, высказанные анонимнымъ авторомъ брошюры, потому что снабдили ее первый — введеніемъ, второй—предисловіемъ.

Послѣ общихъ разсужденій, содержащихъ въ себѣ историческій очеркъ развитія русской мощи на берегахъ Тихаго океана, авторъ переходитъ къ нынѣшней фазѣ грозной проблемы Дальняго Востока и роли Японіи здѣсь. Японія, говоритъ онъ, не можетъ больше смотрѣть хладнокровно, какъ «русскій орелъ вонзаетъ свои когти въ Китайское мясо». Самые жизненные интересы Японіи требуютъ, чтобы Китай сохранилъ свою территорію въ цѣлости, а свои двери широко открытыми для сосѣдней островной имперіи. Другимъ, столь же жизненнымъ, вопросомъ для него является независимость Кореи, обращеніе ея въ крѣпкій буферъ между Россіей и Японіей. Россія—врагъ Японіи; это—фактъ, въ которомъ японцы не должны сомнѣваться, на который смѣшно негодовать или сѣтовать. Ни завидовать Россіи, ни ненавидѣть ее имъ не за что. Они скорѣе должны уважать ее и гордиться, что у нихъ такой великій и могучій врагъ. Пора открыть карты и повести честную игру. Грубо заблуждаются тѣ, кто думаютъ, что образъ дѣйствія Россіи въ Турціи или на Дальнемъ Востокѣ обусловленъ только ея ненасытной жаждой къ завоеваніямъ. Нѣтъ, это—приведеніе въ исполненіе хорошо задуманныхъ и постепенно осуществляемыхъ плановъ дальновидной политики. Россіи на Дальнемъ Востокѣ нуженъ былъ свободный выходъ въ океанъ. Владивостокъ имѣетъ свои

¹⁾ Міура—бывшій японскій посланникъ въ Корей, замѣшанный въ дѣло убійства корейской королевы.

большія удобства, но также и очень крупныя недостатки. Бухта его глубока; якорная стоянка великолѣпна; корабли на рейдѣ хорошо защищены отъ вѣтровъ, съ моря ихъ не видно, и отсюда они не могутъ быть атакваны. Для блокады потребовались бы двѣ отдѣльныя эскадры: по одной съ каждой стороны острова, расположеннаго у самаго входа въ бухту. Четыре мѣсяца въ году портъ скованъ льдомъ, а въ маѣ, іюнѣ и іюльѣ берега почти все время бываютъ закрыты густыми туманами. Но такъ какъ портъ расположенъ на оконечности длиннаго полуострова, то неприятелю все-таки можно отрѣзать его сообщеніе съ суши и взять его, высадивши достаточный десантъ. Высадить же десантъ здѣсь можно, только располагая флотомъ, значительно превосходящимъ русскій. Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится въ данномъ случаѣ на вопросъ о верховенствѣ на морѣ. Если дѣло когда нибудь дойдетъ до борьбы на жизнь и на смерть между Японіей и Россіей, то споръ будетъ рѣшенъ именно на морѣ. Такъ какъ Владивостокъ въ концѣ концовъ оказался мѣстомъ, далеко не отвѣчающимъ видамъ русскаго правительства, то оно обратило свое вниманіе на Портъ-Артуръ. Но Портъ-Артуръ имѣетъ тоже свои крупныя неудобства: часть бухты, гдѣ есть достаточная глубина для большихъ судовъ, слишкомъ мала; входъ въ нее такъ узокъ, что достаточно одного затонувшаго здѣсь корабля, чтобы страшно затруднить проходъ; какъ крѣпость, онъ не въ состояніи былъ бы удержаться противъ большой арміи съ суши; кромѣ того, разстояніе между нимъ и Владивостокомъ настолько значительно, что уже само по себѣ представляетъ серьезную опасность во время войны. Въ виду того, что ни Владивостокъ, ни Портъ-Артуръ, какъ военныя базы, не могли удовлетворить Россію, она обратила свои взоры на Корейское побережье, ища тамъ мѣста, которое явилось бы связующимъ звеномъ между этими двумя пунктами. Въ морской войнѣ съ Россіей Японія могла бы напасть на Портъ-Артуръ и на Владивостокъ отдѣльно, и русскимъ военнымъ судамъ было бы также трудно пройти Тусимскій проливъ, какъ французскимъ кораблямъ Гибралтаръ. Если бы въ рѣшительномъ морскомъ сраженіи Японія была разбита, остатки ея флота ушли бы въ Сасехо или Такесика, и отсюда Японія стала бы готовиться къ возобновленію враждебныхъ дѣйствій. У Россіи нѣтъ такихъ мѣстъ. Отсюда-то вѣдъ эти попытки устроить русскій военный портъ въ Мазампо, Чинхаѣ, на островѣ Коже. И совершенно невѣроятнымъ представляется, чтобы Россія успокоилась на томъ, чѣмъ она здѣсь владѣетъ. Россія неизбежно будетъ пытаться получить опорную базу на побережьѣ Кореи, потому что отъ этого слишкомъ много зависитъ ея положеніе, какъ могущественной морской державы на Дальнемъ Востокѣ. Но прочное утвержденіе ея на одномъ изъ пунктовъ Южной Кореи мало того, что парали-

зусѣтъ почти совершенно значеніе желѣзной дороги, проводимой японцами изъ Фузана въ Сеулъ, — оно явится угрозой самымъ жизненнымъ интересамъ Японіи. И если бы Россія дѣйствительно рѣшила сдѣлать серьезную попытку осуществить свои планы въ этомъ направленіи, Японія не замедлила бы принять самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ интересовъ.

Эти откровенныя заявленія, представляющія, несомнѣнно, отголосокъ мнѣній военныхъ и дипломатическихъ сферъ Японіи, приобрѣтаютъ особенное значеніе теперь, когда сталъ совершившимся фактомъ тотъ союзъ Англии и Японіи, о которомъ давно мечтали японскіе государственные дѣятели, и который начинается собою новую главу въ исторіи Дальняго Востока.

30-го января н. с., въ Лондонѣ, представителями Англии и Японіи былъ подписанъ слѣдующій союзный договоръ:

«Правительства Великобританіи и Японіи, движимыя единственно желаніемъ поддержать *statu quo* и общій миръ на Дальнемъ Востоцѣ, заинтересованныя, сверхъ того, въ сохраненіи независимости имперій Китайской и Корейской и въ обезпеченіи въ этихъ странахъ одинаковыхъ льготъ для торговли и промышленности всѣхъ націй, пришли къ такого рода соглашенію:

«Статья 1. Высокія договаривающіяся стороны, признавая независимость Китая и Кореи, объявляютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ агрессивныхъ стремленій по отношенію къ какой либо изъ этихъ двухъ странъ. Имѣя, однако, въ виду, что у Великобританіи есть свои спеціальныя интересы въ Китаѣ, тогда какъ Японія, кромѣ тѣхъ интересовъ, какіе она имѣетъ въ томъ же Китаѣ, заинтересована еще особеннымъ образомъ, и политически, и въ торгово-промышленномъ отношеніи, въ Корей, высокія договаривающіяся стороны признаютъ, что онѣ обѣ могутъ ирринимать такія мѣры, которыя оказались бы необходимыми для охраны ихъ интересовъ, если таковымъ будетъ угрожать опасность, — отъ агрессивныхъ ли актовъ со стороны какой либо другой державы, или возникновенія смутъ въ Китаѣ или Корей, вызывающихъ необходимость вмѣшательства одной изъ двухъ договаривающихся сторонъ для защиты жизни и собственности ихъ подданныхъ.

«Статья 2. Если Великобританія, или Японія, защищая свои интересы, окажутся вовлеченными въ войну съ какой либо державой, — другая высокая договаривающаяся сторона сохранитъ строгій нейтралитетъ и употребитъ всѣ усилія для того, чтобы воспрепятствовать другимъ державамъ принять участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ ея союзницы.

«Статья 3. Если бы въ вышеупомянутомъ случаѣ какая либо держава, или нѣсколько державъ, приняли участіе въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ одного изъ союзниковъ, то другая договаривающаяся сторона явится къ нему на помощь, поведетъ войну

совмѣстно съ нимъ и заключить миръ лишь по обоюдному съ нимъ согласію.

«Статья 4. Высокія договаривающіяся стороны условились, что безъ совѣта другъ съ другомъ ни одна изъ нихъ не заключить какого либо отдѣльнаго соглашенія съ третьей державой въ нарушение вышеупомянутыхъ интересовъ.

«Статья 5. Всякій разъ, какъ по мнѣнію Великобританіи или Японіи интересы ихъ окажутся въ опасности,—оба правительства должны вполне откровенно объясниться другъ съ другомъ по этому поводу.

«Статья 6. Настоящій договоръ вступаетъ въ силу немедленно по его подписаніи и остается дѣйствительнымъ втеченіе пяти лѣтъ со дня подписанія.

«Въ случаѣ если ни одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не увѣдомитъ другую, за 12 мѣсяцевъ до истеченія сказаннаго пятилѣтняго срока, о намѣреніи положить конецъ этому союзу, настоящій договоръ продолжаетъ связывать ихъ до тѣхъ поръ, пока та или другая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не откажется отъ него. Если же при наступленіи срока договора, одинъ изъ союзниковъ окажется вовлеченнымъ въ войну, союзъ ipso facto продолжаетъ сохранять свою силу до того времени, какъ заключенъ будетъ миръ».

Конія договора была въ тотъ же день отправлена лордомъ Лансдоуномъ сэру Клоду Макдональду, англійскому посланнику въ Токио,—вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ британскій министръ иностранныхъ дѣлъ говоритъ, между прочимъ, что этотъ трактатъ явился результатомъ событій, имѣвшихъ мѣсто на Дальнемъ Востокѣ втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и того участія, какое Великобританія и Японія принимали въ нихъ. Лордъ Лансдоунъ обращаетъ при этомъ особенное вниманіе сэра Макдональда на 2-ю и 3-ю статьи договора и прибавляетъ, что англійское правительство рѣшило заключить настоящій трактатъ въ томъ убѣжденіи, что онъ не содержитъ въ себѣ ни одной статьи, которую можно было бы толковать въ смыслѣ существованія агрессивныхъ или эгоистическихъ стремленій обихъ договаривающихся сторонъ въ тѣхъ государствахъ, коихъ онъ непосредственно касается: это -- лишь мѣра предосторожности для защиты важныхъ англійскихъ интересовъ, никоимъ образомъ не угрожающая настоящему положенію или законнымъ интересамъ тамъ другихъ державъ.

На другой день, въ палатѣ лордовъ, британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, объявляя о заключеніи англо-японскаго договора, далъ, между прочимъ, слѣдующія объясненія: «Мы хотѣли защитить Японію отъ самой серьезной опасности, которая только могла угрожать ей: коалиціи другихъ державъ. Японія владѣетъ сильнымъ флотомъ и могущественной арміей и можетъ разсчитывать

выдержать столкновение съ любой державой; но если бы ей стало грозить нападеніе со стороны болѣе чѣмъ одной державы, она очутилась бы лицомъ къ лицу съ неминуемой опасностью, — и вотъ на случай именно такой грозной опасности мы и хотѣли оказать ей помощь. Если бы вообще на Дальнемъ Востоку миръ былъ нарушенъ, соглашеніе наше съ Японіей имѣетъ въ виду ограничить театръ возможныхъ военныхъ дѣйствій». Затѣмъ лордъ Лансдоунъ объявилъ, что для британскаго правительства никогда не являлось сомнѣній относительно того, что Манчжурія составляетъ часть Китайской имперіи, и, слѣдовательно, статья договора, гдѣ говорится о сохраненіи въ цѣлости этой имперіи, должна относиться, конечно, одинаково и къ Манчжуріи.

Въ то же время, въ палатѣ общинъ, лордъ Кранборнъ сдѣлалъ отъ имени кабинета слѣдующія заявленія: «Соглашеніе наше съ Японіей касается Манчжуріи настолько же, насколько всякой другой китайской провинціи. Суть договора, до его опубликованія, была сообщена правительству Соединенныхъ Штатовъ; о ней поставлено было въ извѣстность также германское правительство, и договоръ англо-германскій остается въ полной силѣ. Британское правительство готово заключить соглашеніе, подобное англо-японскому, со всякой державой, цѣлью которой явилось бы поддержаніе *statu quo* въ Китаѣ; то же самое относится и къ Персіи».

Заключенію формальнаго союза Англии съ Японіей предшествовали обмѣны сердечныхъ любезностей между королемъ Эдуардомъ и японскимъ императоромъ. Король послалъ также самую дружественную телеграмму японской императрицѣ: фактъ небывалый въ исторіи сношеній Запада съ Востокомъ.

За нѣсколько дней до обнародованія англо-японскаго союзнаго договора официально было объявлено, что англійское правительство рѣшило отказаться отъ мысли сдѣлать изъ Вей-хай-вэй перво-классную крѣпость и военный портъ и намѣрено обратить его въ климатическую станцію для своихъ войскъ на Дальнемъ Востоку. Заявленіе это было встрѣчено въ парламентѣ съ большимъ недоумѣніемъ, вопли въ тотъ моментъ понятнымъ: вмѣсто неприступной твердыни, долженствовавшей служить «ключомъ» къ Печилійскому заливу и вѣчной угрозой русскому Портъ-Артуру, — вдругъ простой курортъ! Загадка не замедлила скорѣ разъясниться: Англии теперь нѣтъ никакой надобности тратить огромныя суммы на Вей-хай-вэй, когда опорной базой для ея военнаго флота въ Желтомъ морѣ становится не одинъ этотъ ничтожный клочекъ Китайской территоріи, а вся Японія, со всеми ея удивительными бухтами, гаванями, великолѣпно оборудованными морскими портами, доками и адмиралтействами.....

В. Д. Черевковъ.

ЗАБЫТАЯ СТАРИНА ИЗЪ ЭПОХИ САМОЗВАНЩИНЫ¹⁾.

(Посвящается предстоящему въ 1902 году археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ).

МОГО было памятниковъ старины въ Курскомъ краѣ; немало ихъ и погибло отъ времени, а главное отъ невѣжества людей, но немало и осталось, а между тѣмъ всѣ эти памятники, находящіеся въ полномъ забвеніи, имѣютъ большое значеніе не только для специалистовъ, но и для всѣхъ, кому не чуждо прошлое родного края. Въ этомъ отношеніи особенно богатъ уѣздный городъ Курской губерніи Путивль; да оно и понятно.

Раскрывъ любую изъ російскихъ лѣтописей, вы найдете упоминаніе о Путивлѣ, и имя его поставлено не на послѣднемъ мѣстѣ. Все это какъ нельзя лучше говоритъ о той роли, какую Путивлю пришлось сыграть въ исторіи Русскаго государства.

О Путивлѣ упоминается еще въ домонгольскій періодъ русской исторіи, но наибольшимъ значеніемъ этотъ городъ начинаетъ пользоваться съ первой четверти шестнадцатаго столѣтія, съ 1523 года, именно съ момента отобранія его отъ удѣльнаго князя рыльского, Василия Шемяки, великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Иоанновичемъ, когда онъ, Путивль, ставъ пограничною крѣпостью на югѣ Московскаго царства противъ Литвы и Крыма, начинаетъ играть государственную роль. Но одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи Путивля относится ко времени пребыванія въ немъ Лжедмитрія Перваго.

¹⁾ Докладъ «литературно-историческому кружку», учрежденному при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

Какъ извѣстно, Путивль однимъ изъ первыхъ русскихъ городовъ передался этому самозванцу, и мнимый царевичъ жилъ въ Путивлѣ довольно продолжительное время, а именно болѣе трети своего кратковременнаго царствованія.

Достаточно вспомнить клики радостнаго ликования: «Царь нашъ желанный, красное солнышко», которыми привѣтствовалъ народъ вступающаго въ Москву мнимаго Димитрія, и представить себѣ тотъ жалкій образъ физически и нравственно разбитаго послѣ своихъ первыхъ неудачъ самозванца, и намъ станетъ яснымъ то значеніе, какое имѣлъ Путивль въ дѣлѣ воцаренія Лжедимитрія Перваго. Да, Путивль для Лжедимитрія сыгралъ важную роль.

Если мы заглянемъ въ исторію, то увидимъ, откуда съ новой силой вырывается потокъ революціоннаго движенія, испровергнувшаго династію Годуновыхъ. Насколько обвиняютъ Украину въ томъ, что она какъ бы создала лицо, взявшее на себя всѣ эти нелегіимныя полномочія, столько же можно приписать Сѣверской области и въ особенности ея главному въ то время городу Путивлю, что здѣсь съ новой силой вспыхнулъ тлѣющій, почти загашенный пожаръ, и отсюда понесся онъ по всему лону Московскаго царства, призывая своимъ заревомъ къ возстанію.

Будучи почти неприступной по тогдашнему времени крѣпостью, Путивль неоднократно укрывалъ мнимаго царевича, спасая его отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ и помогая ему собраться съ силой; онъ былъ не только его оплотомъ, но базисомъ для дальнѣйшихъ его дѣйствій и центромъ революціоннаго движенія, охватившаго Русь въ началѣ семнадцатаго вѣка.

Послѣ неудачной битвы при Добрыничахъ, въ январѣ 1605 г., когда побѣда, если такъ можно выразиться, была вырвана почти изъ рукъ у Лжедимитрія Перваго и вырвана благодаря лишь храбрости наемныхъ, нѣмецкихъ дружинъ, онъ, разбитый на голову, съ остатками своихъ приверженцевъ отступаетъ къ Рыльску, но, какъ говоритъ одинъ изъ его современниковъ ¹⁾, не будучи увѣреннымъ въ преданности ему жителей, онъ переходитъ въ городъ Путивль и живетъ тамъ четыре мѣсяца, не страшась Бориса, который и явно и тайно старался погубить его. Къ этому же времени относится, какъ говорятъ, попытка отчаявшагося уже въ своемъ предпріятіи Лжедимитрія Перваго, попытка бѣжать обратно въ Польшу.

Въ исторической смѣлѣйшей событіи есть такіе моменты, когда кажется, будто эта сплошная историческая нить порывается... и если дѣйствительно попытка, бросивъ все, бѣжать, передаваемая заслуживающимъ довѣрія современникомъ ²⁾ перваго самозванца, была сдѣлана, то можно полагать, что одинъ изъ такихъ моментовъ не-

¹⁾ Margeret. *Éta' de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie.*

²⁾ De Touet.

посредственно слѣдовалъ за неудачнымъ сраженіемъ при Добрыничахъ, такъ какъ это былъ, пожалуй, самый критическій мигъ въ цѣломъ рядѣ событій, закончившихся вступленіемъ Лжедмитрія Перваго въ Москву.

Но и здѣсь друзья поддержали Лжедмитрія, убѣждая, что дѣло еще не проиграно, была пущена въ ходъ, какъ говорятъ, даже угроза выдать его Борису и тѣмъ самымъ спасти себя, угроза перешедшихъ на его сторону русскихъ людей, можетъ быть, въ томъ числѣ и путивлянъ; тѣмъ болѣе, что разговоръ происходилъ въ Путивлѣ, когда самозванецъ былъ уже въ стѣнахъ города.

Исторія умалчиваетъ, что именно сильнѣе всего подѣйствовало на Лжедмитрія Перваго, доводы ли его утѣшителей или ихъ угрозы, но только онъ остался, заперся въ Путивлѣ и сталъ готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ.

Какимъ былъ въ то время Путивль, можно судить, какъ по отзывамъ самого Лжедмитрія, такъ и его современниковъ. По словамъ самозванца, здѣсь «кипяше медъ и млеко и ведона торгъ самые знатные заѣзжіе купцы-гречане златомъ, серебромъ, узорочными камешьями и дорогими, локотными товарами».

Что же касается отзывовъ современниковъ, то всѣ они позволяютъ предполагать, что это былъ значительный городъ, какъ въ военномъ, такъ и торговомъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, капитанъ Margeret, начальникъ конвоя тѣлохранителей сначала царя Бориса, а потомъ перешедшій на сторону Лжедмитрія Перваго, чловѣкъ, лично участвовавшій во многихъ сраженіяхъ, предшествовавшихъ воцаренію мнимаго Дмитрія, въ своихъ запискахъ ¹⁾ прямо называетъ Путивль городомъ обширнымъ и богатымъ. Интересное замѣчаніе о Путивлѣ встрѣчается также въ дневникѣ Марины Мнишекъ. Описывая сраженіе при Новгородкѣ, она говоритъ, что на разсвѣтѣ, когда поляки хотѣли уже покинуть Дмитрія (подразумѣвается самозванецъ), прискакалъ на конѣ одинъ москвитянинъ съ извѣстіемъ, что главный городъ Сѣверской области, Путивль, городъ, который можетъ выставить 40.000 войска, перешелъ на сторону царевича, и что воеводѣ ведутъ связанными ²⁾. Не менѣе интересное для насъ описаніе Путивля даетъ въ своихъ запискахъ нѣкто архидіаконъ Павель. Хотя это описаніе относится къ нѣскольکو позднѣйшему времени, а именно къ 1654 году, но, тѣмъ не менѣе, оно можетъ служить правдивымъ истолкователемъ всего того, что относилось къ характеристикѣ Путивля въ началѣ семнадцатаго столѣтія, такъ какъ за пятидесятилѣтній промежутокъ, отдѣляющій

¹⁾ Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est plus passé de plus memorable et tragique pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590—jusques en l'an 1606.

²⁾ Дневникъ Марины Мнишекъ. 1604—1606.

его отъ смутнаго времени, въ исторіи Путивля не случилось ничего такого, что могло бы радикально повліять на городъ.

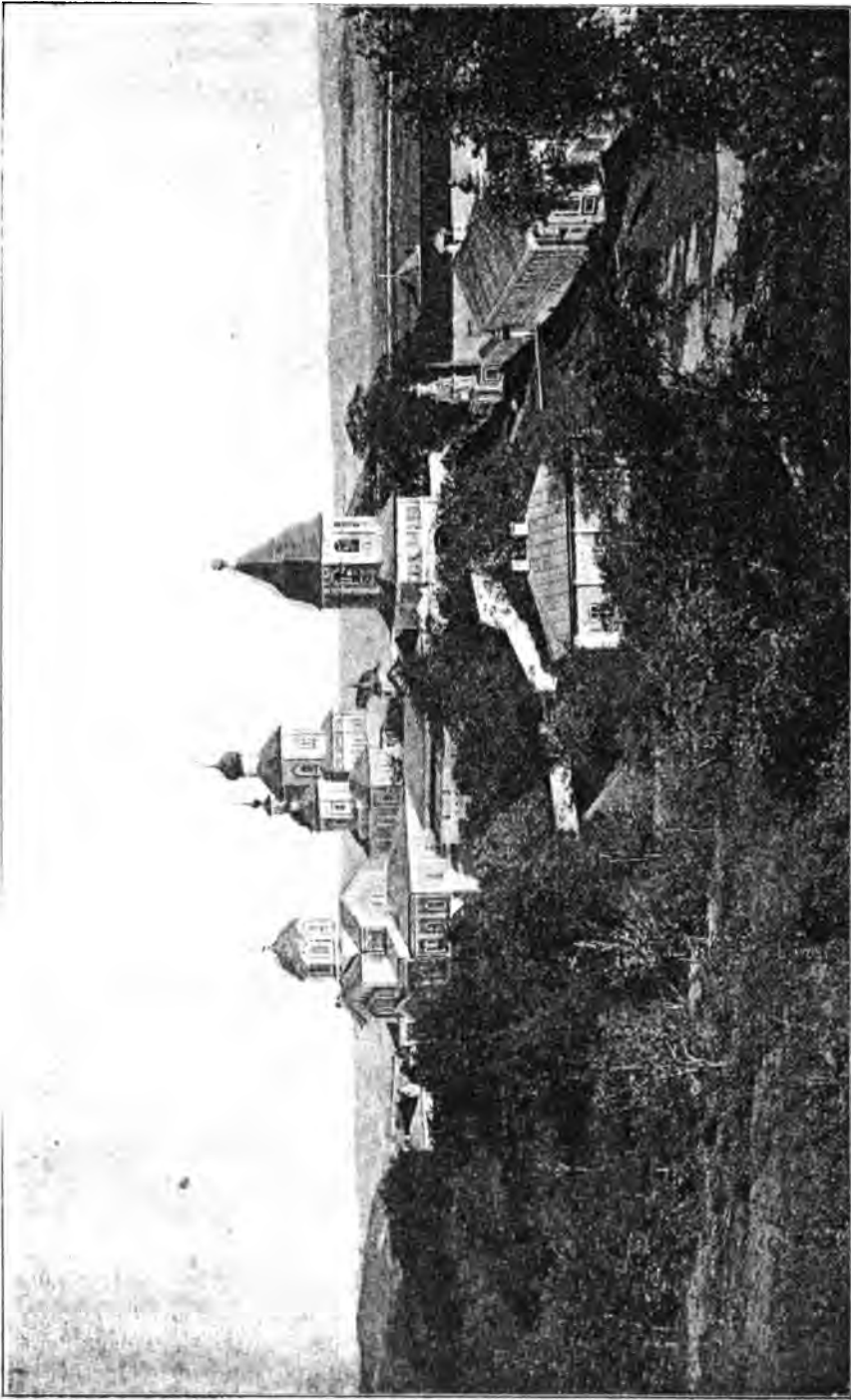
Архидіаконъ Павелъ сопутствовалъ сирійскому патріарху Макарію во время его путешествія въ Москву въ половинѣ семнадцатаго столѣтія и въ своихъ запискахъ описалъ все то, что слышалъ и чему былъ свидѣтелемъ. Вотъ что онъ говоритъ о Путивлѣ, черезъ который имъ пришлось проѣзжать: «1654 года, іюля 20-го, въ праздникъ Іліи пророка, патріархъ, переправясь черезъ пограничную рѣку Сеймъ въ Путивль, встрѣченъ былъ намѣстникомъ воеводы, множествомъ вельможъ и тысячею тысячъ воиновъ и народа, которые тѣснились получить благословеніе. Онъ ѣхалъ торжественно въ сопровожденіи сорока человекъ духовенства и множества воиновъ до самаго Путивля и встрѣченъ былъ у воротъ города воеводою Никитою Алексѣевичемъ, который просилъ его отслужить передъ отъѣздомъ въ слѣдующее воскресенье обѣдню въ соборной церкви. Патріархъ отправился въ воскресенье въ крѣпость, гдѣ находился соборъ. У крѣпостныхъ воротъ мы нѣсколько разъ молились поставленнымъ тамъ образамъ. Лишь только вступили внутрь крѣпости, тотчасъ встрѣчены были воеводою Никитою Зѣвинымъ»¹⁾.

Все это какъ нельзя лучше говоритъ въ пользу того предположенія, что Путивль былъ большой сравнительно городъ и имѣлъ политическое значеніе, въ особенности, если принять во вниманіе, что онъ съ первой четверти шестнадцатаго столѣтія былъ русскою пограничною крѣпостью противъ Литвы и Крыма и входилъ въ составъ первой пограничной крѣпостной линіи, такъ называемаго «Путивльскаго рубежа».

Въ физическомъ же отношеніи мѣстность Путивля представляла нѣсколько холмовъ Урало-Карпатской гряды, холмовъ довольно значительной высоты, на которыхъ и раскинулся широко городъ. Вдоль почти всѣхъ этихъ холмовъ тянулись крѣпостныя постройки, уничтоженныя уже во времена царя Алексѣя Михайловича, когда оказалась ненужной Путивльская пограничная крѣпость, а ненужной стала она послѣ присоединенія Малороссіи, когда новыя владѣнія широкимъ полукругомъ заслонили съ юга Московское царство отъ вражескихъ нападеній. Тутъ же на одномъ изъ холмовъ находился и Путивльскій кремль, который былъ каменный, что составляло рѣдкое явленіе въ Московскомъ царствѣ, и вмѣщалъ значительный гарнизонъ²⁾. Кремль этотъ являлся не только средоточіемъ военной силы, но и религиознымъ центромъ. Здѣсь находился старинный Молченскій монастырь, сохранившійся и до настоящаго времени. Въ этомъ-то монастырѣ и скрывался Лже-

1) «Библіотека для Чтенія» 1836 года.

2) Ипатьевскій списокъ лѣтописи. Несторова лѣтописи.

Путивльскій Молченскій монастирь.

димитрій Первый въ комнатѣ, находящейся подъ куполомъ одной изъ церковей монастыря. Какъ церковь, такъ и комната уцѣлѣли и донынѣ. Эта церковь сама по себѣ представляетъ архитектурную рѣдкость, построена она въ строгомъ русскомъ стилѣ, и время ея постройки относится къ семнадцатому столѣтію. Она въ два этажа, и въ каждомъ изъ нихъ по особому храму. Возникла она вмѣсто существовавшаго когда-то здѣсь древняго Софійскаго храма, пришедшаго въ ветхость и единственно по этой причинѣ уничтоженнаго, какъ это было зачастую въ старину. Но не вся эта двухъ-этажная церковь строилась вновь, она, повидимому, пристроена къ какой-то древней баннѣ, входившей въ составъ Путивльскихъ крѣпостныхъ построекъ. Пристройка сдѣлана такъ, что банни стала составлять часть церкви.

Дверь, черезъ которую входили въ банню, передѣлана въ царскія врата, а сама банни въ алтарь. Кромѣ различныхъ преданій, относившихся къ этой метаморфозѣ, послѣдняя подтверждается также и внутреннимъ устройствомъ алтаря въ главномъ приделѣ верхняго храма, такъ, напримѣръ, горнее мѣсто находится не прямо позади престола, какъ это принято въ нашей церкви, а нѣсколько лѣвѣе; собственно говоря, эта вещь не имѣетъ особеннаго значенія для историка, и не всякій обратитъ на нее вниманіе, но въ данномъ случаѣ она важна потому, что подтверждаетъ сказанія объ этой метаморфозѣ, о томъ, что все здѣсь устроивалось въ зависимость отъ того, какъ позволило готовое уже помѣщеніе. Мы не будемъ отвлекаться другими предметами старины различныхъ эпохъ, а сосредоточимъ наше вниманіе только на всемъ томъ, что относится ко времени Лжедимитрія Перваго. Посѣтимъ прежде всего комнату, въ которой онъ жилъ. Для этого мы отправляемся въ главную церковь, находящуюся въ верхнемъ этажѣ. Еще только поднимаемся по лѣстницѣ, какъ уже насъ охватываетъ какое-то особенное настроеніе, и кажется, будто мы вернулись на нѣсколько столѣтій назадъ въ глубь минувшаго, и чѣмъ-то далеко прошедшимъ вѣетъ отъ всего, что попадается намъ на каждомъ шагѣ.

Въ верхнемъ храмѣ въ лѣвой стѣнѣ видна небольшая, деревянная дверь, почергившая и покосившаяся отъ времени; за нею-то и открывается ходъ въ комнату Лжедимитрія Перваго, въ видѣ постепенно поднимающагося коридора. Ходъ очень узкій и низкій, такъ что голова и плечи чуть не касаются стѣнъ. Кругомъ полумракъ. Ступеньки сдѣланы изъ кирпича и полуразвалились отъ времени. Комната, какъ мы уже сказали, находится подъ самымъ куполомъ, надъ главнымъ алтаремъ, надъ алтаремъ той самой церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, изъ которой и ведетъ дверь въ этотъ тайникъ. Не будь той входной двери, говорящей о существованіи комнаты, нельзя было бы и предположить, что есть еще какое-то помѣщеніе, и гдѣ оно именно находится; и въ

Різана изъ дерева статуэтка Христа, передъ которой молился
Лжедмитрій I.

случаѣ, если бы проникли въ Путивль враги Лжедмитрія, то оставалось бы заложить только кирпичемъ входъ въ этотъ коридоръ, заштукатурить его, закрасить подъ цвѣтъ стѣнъ, и никто не узналъ бы, гдѣ скрывается Лжедмитрій, развѣ нашлись бы измѣнники, а мнимый царевичъ, запасшись на продолжительное время провіантомъ, могъ бы между тѣмъ спокойно ожидать помощи отъ своихъ друзей и покровителей. Но оригинальная лѣстница, напоминающая собою какой-то средневѣковый лабиринтъ, поднимается все выше и выше, заворачиваетъ направо, а вотъ наконецъ и историческая комната. По формѣ она напоминаетъ правильную, восьмигранную призму, увѣнчанную сверху полушаріемъ купола. Внутренность комнаты очень проста: такъ полъ, имѣющій въ діаметрѣ около десяти аршинъ, сдѣланъ изъ простого кирпича, а стѣны просто выкрашены мѣломъ. Въ комнатѣ находится интересный предметъ, который заставляетъ призадуматься: такъ въ углу, обращенномъ къ востоку, останавливаетъ на себѣ вниманіе рельефное изображеніе сидящаго на престолѣ Христа. Матеріаломъ для всего этого служить дерево; изъ него сдѣланы и престолъ и статуэтка, изображающая Христа во весь ростъ.

Престолъ имѣетъ видъ кресла съ высокой спинкой и выпущенными впередъ досками вмѣсто ручекъ; весь онъ, выкрашенный въ коричневый цвѣтъ, просто сколоченъ изъ досокъ и чуждъ даже признака какого нибудь изящества, не говоря уже о какой либо рѣзбѣ или какихъ нибудь украшеніяхъ; его легко можно представить себѣ въ воображеніи, если взять часто встрѣчающуюся на улицахъ будку сторожа, снять съ нея крышу и на половину урѣзать боковыя стороны. Получилось бы именно нечто подобное.

На простой, незакрашенной доскѣ, помѣщенной въ среднѣ и служащей сидѣньемъ, покоится статуэтка сидящаго Христа. Ротъ Его полуоткрытъ, Онъ, повидимому, что-то говоритъ, и приподнятая правая рука дѣлаетъ соответствующій жестъ. На головѣ Христа терновый вѣнецъ, на ногахъ тонкіе цвѣтные чулки, и, кромѣ того, ноги обуты еще въ туфли изъ темнаго бархата, отороченные золотымъ позументомъ; и вся вообще статуэтка наряжена въ какую-то синяго цвѣта мантию, обшитую серебрянымъ галуномъ, и опоясана какой-то вылинявшей голубенькой тесемочкой. Нѣсколько стоящихъ около статуэтки металлическихъ, почернѣвшихъ отъ времени, подсвѣчниковъ съ гвоздями вмѣсто отверстій для свѣчъ, дополняютъ картину. Какъ видъ вылинявшей матеріи, такъ и безобразно грубо сдѣланная статуэтка, производитъ непріятно отталкивающее впечатлѣніе. Преданіе говоритъ, что передъ этой фигурой, несомнѣнно являющейся отпечаткомъ вліянія католицизма, молился Лжедмитрій Первый.

Кресло Лжедмитрія¹, на которомъ онъ, по преданію, давалъ аудіенціи.

Невольно напрашивается вопросъ, какъ же согласовать передаваемая историками ¹⁾ свѣдѣнія, что этотъ самозванецъ въ бытность свою въ Путивлѣ отличался необыкновенной, бьющей даже

¹⁾ Соловьевъ. Смутное время, т. VIII. Устряловъ, т. III.

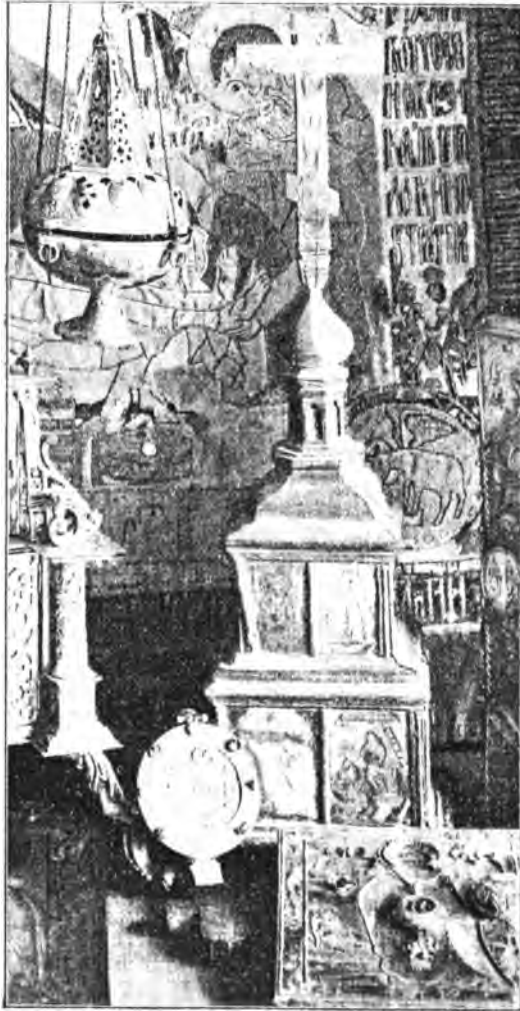
въ глаза, преданностью къ православію, съ представленіемъ объ этихъ предметахъ, которымъ онъ воздавалъ также поклоненіе, хотя въ старину разграниченіе святынь католическихъ и православныхъ зачастую доходило до фанатизма. Передаются такіе факты, какъ приносъ изъ Курска въ Путивль, по приказанію Лжедмитрія, почитаемой иконы Богоматери, сообщаются подробности встрѣчь и видимаго его почтенія къ иконѣ, и въ то же время завѣдомо извѣстно, что Лжедмитрій Первый имѣлъ при себѣ нѣсколько ксендзовъ, отправлявшихъ при немъ всякія требы, имѣлъ различныя католическіе священныя предметы, къ числу которыхъ принадлежить и эта статуэтка и проч. Единственнымъ на это отвѣтомъ можетъ быть весьма обоснованное предположеніе, что самозванецъ, въ сущности говоря, не былъ ни ирымъ католикомъ, ни твердымъ православнымъ, а исповѣдывалъ ту и другую религію въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Вся эта фигура, то-есть престолъ и статуэтка, окружена сверху въ видѣ полукруга аляповатыми изображеніями, писанными масляными красками по дереву. Въ центральной, или, вѣрнѣе, средней, части этого полукруга изображенъ «Сидящій во славі Христосъ», а по концамъ два ангела; непосредственно за всѣми этими изображеніями слѣдуютъ прикрѣпленныя къ нимъ рѣзныя изъ дерева украшенія, покрытыя позолотой, какъ бы являющіяся къ нимъ рамкой. Несмотря на то, что эти изображенія, расположенныя полукругомъ около престола, какъ бы приобщены къ нему, они, тѣмъ не менѣе, относятся къ гораздо позднѣйшему времени, а именно ко второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Это предположеніе подтверждается сохранившимися остатками надписи подъ изображеніемъ «Сидящаго во славі».

... «и при наслѣдникѣ ея», — гласитъ надпись, — «благовѣрномъ государѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ благословеніемъ...» дальше слова прерываются. Значитъ, всѣ эти, какъ бы окаймляющія престолъ и статуэтку, рѣзныя изображенія сооружены въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Въ комнатѣ три окна на востокъ, югъ и западъ, то-есть на всѣ тѣ три стороны, откуда могли главнымъ образомъ угрожать своимъ движеніемъ непріятели, а они наступали обыкновенно съ юга, со стороны рѣки Сейма, воднымъ путемъ котораго зачастую пользовались. Съ сѣвера же трудно было подступиться къ Путивлю; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ тамъ еще были дремучіе лѣса, постепенно переходящіе въ такъ называемыя Брянскія дебри; широкая рѣка, которой теперь забыто и названіе, опоясывала и съ этой стороны Путивль, какъ бы ограждая его отъ непрошенныхъ гостей; но времена миновались, и того, что было, теперь уже и помину нѣтъ, и только овраги да одиноко слезящіеся ключи свидѣтельствуютъ о прошломъ.

Въ эти-то окна и смотрѣлъ Лжедимитрій, наблюдая за каждымъ дѣйствіемъ и шагомъ своихъ враговъ и приверженцевъ; а видно все, какъ на ладони. На нѣсколько десятковъ верстъ вдаль открывается широкій горизонтъ, представляющій дивную картину ху-

Дарохранительница времени Лжедимитрія.

дожника-природы, и вся эта чудная панорама какъ бы заключена въ рамку поднимающимся съ востока и запада горами и лѣсомъ.

Въ эту комнату раньше велъ еще и другой ходъ, его слѣды замѣтны при поворотѣ этого постепенно поднимающагося корн-

дора, которымъ нужно идти въ комнату. Тамъ въ лѣвой сторонѣ видно небольшое, полузадѣланное отверстие въ формѣ четырехугольника. Этотъ ходъ, впоследствии уничтоженный, шелъ изъ комнаты Лжедмитрія I въ нижній храмъ, а затѣмъ уже выходилъ наружу.

Нѣсколько вѣковъ тому назадъ помѣщеніе этого нижняго храма было мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. Здѣсь была тюрьма. Еще и до настоящаго времени сохранились нѣкоторыя принадлежности прежней тюрьмы. Это—рипны. Теперь рипны нигдѣ не встрѣтите, въ старину же онѣ составляли необходимую, чуть ли не неотъемлемую принадлежность каждой большой, или, вѣрнѣе сказать, важной, тюрьмы. Рипны представляютъ собою длинные, винтообразныя, трубчатыя отверстия, идущія внутри стѣнъ. Ихъ назначеніе давать возможность слышать вверху все, что дѣлается тамъ, внизу, подъ землею, въ темницѣ. Такимъ образомъ онѣ выполняютъ роль отчасти современныхъ телефоновъ. Подобными рипнами, какъ говорятъ, была снабжена и темница, въ которой были передъ казнью заключены Кочубей и Искра. Здѣсь же остатки рипны сохранились въ главномъ верхнемъ храмѣ, и, судя по ихъ направленію, можно сказать, что онѣ шли изъ нижней части этой двухъэтажной церкви въ верхнюю, въ комнату Лжедмитрія I. Не ошибемся, если допустимъ, что и во времена междуцарствія эта тюрьма еще существовала въ неприкосновенности, и самъ мнимый Димитрій сажалъ туда кое-кого.

И теперь еще существуетъ преданіе о какихъ-то погибшихъ въ этой тюрьмѣ монахахъ, заключенныхъ туда по приказанію Лжедмитрія.

Если мы прослѣдимъ внимательно за всѣми событіями Путивльскаго житья-бытья Лжедмитрія I, то увидимъ, что это преданіе имѣетъ нѣкоторое историческое основаніе, а именно относится къ неоднократной попыткѣ царя Бориса умертвить Лжедмитрія черезъ посланныхъ съ этой цѣлью людей. Это подтверждаетъ и французъ Margeret, человекъ, близко стоявшій къ Лжедмитрію I, прямо говоря въ своихъ запискахъ ¹⁾, что Борисъ нѣсколько разъ покушался погубить мнимаго царевича, посылая для этого въ Путивль разныхъ людей.

Нѣсколько подробнѣе рассказываетъ объ этомъ другой современникъ Лжедмитрія I, а именно Наэрле ²⁾.

«Задумавъ Борисъ погубить царевича, и вотъ послалъ онъ въ Путивль трехъ монаховъ съ грамотами къ духовенству и гражданамъ, требуя, чтобы они схватили Димитрія со всѣми его приверженцами и отравили ихъ въ Москву, за что обѣщалъ ихъ награ-

¹⁾ Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie.

²⁾ Дословный переводъ, съ возможнымъ сохраненіемъ стиля письма.

Образъ Жировицкой Божіей Матери, полученный Лжедмитріемъ I отъ своего тестя, сендомирскаго воеводы Мишника, хранящійся въ Молченскомъ монастырѣ.

дѣтъ щедро и помиловать за измѣну. Монахи повиновались, отправились въ Путивль и, прочитавъ грамоты народу, убѣждали его и отъ себя не вѣрить тому, кто называется Димитріемъ, сказывая, что онъ—бѣглый чернецъ, а не сынъ блаженной памяти царя Ивана Васильевича. Мы жили вмѣстѣ, говорили они, въ одномъ монастырѣ

и замѣтивъ, что онъ занимается чародѣйствомъ, наказали его, какъ старшіе, въ намѣреніи отучить отъ дьявольскаго ремесла, а онъ убѣжалъ въ Польшу и выдалъ себя за сына Ивана Васильевича. Къ тому же извѣстно каждому, что настоящій Димитрій за нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался въ Угличѣ. Такого рода рѣчами монахи предполагали одурачить народъ. Димитрій же, тотчасъ проиждавъ о томъ, приказалъ ихъ изловить и привести къ нему; но прежде, чѣмъ ихъ привели, онъ повелѣлъ одному шляхтичу, по имени Иванцкому, надѣть его Димитрія платье и сѣсть на его мѣстѣ. Приведенные предъ шляхтича монахи были вопрошаемы нѣкоторыми поляками: узнаете ли вы Димитрія?»

— Какъ прежде народу мы говорили, — отвѣтствовали монахи, — такъ и нынѣ повторяемъ, что онъ не тотъ, къѣмъ быть хочетъ.

«Желая, однако, извѣдать, не умышляютъ ли они чего нибудь другого, Димитрій повелѣлъ ихъ пытать. Двое ни въ чемъ не хотѣли признаваться, а третій, уже старецъ, передъ самымъ началомъ истязаній умолялъ о пощадѣ и просилъ позволенія переговорить наединѣ съ Димитріемъ, давая обѣщаніе повѣдать все, что извѣстно ему. Его просьбу немедленно исполнили. Приведенный предъ очи Димитрія, монахъ тотчасъ узналъ его и, павъ ему въ ноги, отъ ужаса ни слова не могъ сказать. Димитрій же приказалъ ему встать и говорить все откровенно, безъ всякаго опасенія.

«Да будетъ вѣчная хвала и благодарность Создателю неба и земли, — воскликнулъ въ умиленіи монахъ, — за милосердное избавленіе всемилощивѣйшаго государя моего отъ смерти, приготовленной ему въ Угличѣ! Ты, — законный наинъ царь и наследникъ всей русской державы! То не былъ паревичъ, кого мы вчера всѣ трое видѣли сидѣвшимъ на твоемъ мѣстѣ». Затѣмъ онъ просилъ Димитрія приказать остальнымъ нѣсколько отойти и смотрѣть внимательно, да не выйдетъ никто изъ крѣпости. Когда все это было сдѣлано, и съ Димитріемъ осталось не больше трехъ лицъ, монахъ снова повелъ рѣчь: «Всепресвѣтѣйшій князь! Пусть будетъ извѣстно твоей княжеской милости, что одинъ изъ моихъ спутниковъ имѣеть у себя разныя яды, изъ коихъ самый смертоносный запрятанъ у него въ сапогѣ между подошвами, и тотъ, кто хотя слегка коснется этого яда, такъ распухнетъ всѣмъ тѣломъ, что въ девятый день непременно лопнетъ. Изъ твоихъ бояръ двое лицъ взяли съ собою этотъ ядъ съ ладаномъ, которымъ священникъ окуритъ тебя въ церкви. Они подкуплены Борисомъ и неоднократно уже пересылали ему объ этомъ письма, что и докладываю вашему величеству».

«Услышавъ такія слова, Димитрій приказалъ позвать къ нему обвиняемыхъ бояръ. Они войдя били по обычаю челомъ въ землю. Гнѣвно и грозно вскричавъ на нихъ Димитрій: «вѣроломные злодѣи, вамъ ли при вашихъ сѣдницахъ быть измѣнниками своему госу-

дарю! такъ-то вы платите мнѣ за мою милость царскую, за мою отеческую любовь? ужели забыли вы, коварные злодѣи, то милосердіе, какое я оказалъ вамъ, когда васъ, измѣнниковъ, привели ко мнѣ граждане? Я по своему незлобію пощадилъ васъ, даровалъ вамъ жизнь и ввелъ васъ въ тайный мой совѣтъ, а вы, злодѣи, доносили обо всѣхъ моихъ помысленіяхъ Борису. Но тотъ, кто помогалъ правому дѣлу, и теперь открылъ черезъ этого монаха ваше вѣроломство: вы приняли отъ проклятыхъ людей ядъ съ тѣмъ, чтобы лишить меня жизни. Нынѣ нѣтъ вамъ милосердія, безбожные преступники. Ожидаетъ васъ казнь мучительная на страхъ другимъ, подобнымъ измѣнникамъ».

«Они во всемъ повинились, а граждане путивльскіе, свѣдавъ объ ужасномъ умыслѣ, просили Дмитрія выдать имъ этихъ бояръ, желая сами совершить надъ ними казнь. Получивъ согласіе царевича на свою просьбу, они схватили этихъ бояръ и, раздѣвъ донага, вывели на площадь, привязали къ врытому въ землю столбу и разстрѣляли ихъ изъ луковъ и пищалей. Два же монаха, не хотѣвшіе ни въ чемъ признаться на пыткѣ, были ввержены въ темницу, третьяго же Дмитрій за открытіе измѣны осыпалъ милостями»¹⁾).

Такъ неудачно окончилась попытка Бориса: позорно погибли всѣ тѣ, которые были орудіемъ выполненія его плана, забылись и имена ихъ, и только стоустая людская молва, что морская волна, переливаясь въ массѣ толковъ и постепенно теряясь въ пространствѣ времени, продолжала говорить о прошломъ, передаваясь отъ одного поколѣнія къ другому.

Но закончимъ осмотръ комнаты.

Кромѣ статуэтки Христа, здѣсь же раньше хранилось и уцѣлѣвшее до нашего времени кресло самозванца; впоследствии это кресло было перенесено въ лѣвый придѣлъ верхняго храма, гдѣ и хранится теперь вмѣстѣ съ различными древностями.

Кресло это готическаго стили, и сдѣлано оно изъ цѣльнаго орѣха и покрыто различными инкрустаціями съ почернѣвшей и облѣзшей отъ времени позолотой. Вышиною оно одинъ аршинъ девять вершковъ, а шириною аршинъ полтора вершка, и въ общемъ напоминаетъ наши кресла въ гостинныхъ, только оно побольше и помассивѣе. Большое, почти квадратное, мягкое сидѣнье опирается на четыре ножки кресла, широкая нѣсколько откинувшаяся назадъ спинка, также почти квадратная, представляетъ въ срединѣ пустое пространство, которое заполнено мягкой подушкой, прикрѣ-

¹⁾ Beschreibung der Moscovitterischen Rayse welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Herrn Andreassen Nathan und Matheo Bernhart Manlichen denn jungern Ady 19 Martii Aj 1606 von Crachaw ans, angefangen und was wir wahrhaftiges gehört geschen und erfahren alles aufs khürzest beschriben, bis zuo unserer, Gottlob wider dahirr Ankunft den 15 decembris anno 1608.

пленной къ рамкамъ спинки. Отъ нижней части этой рамки идутъ деревянныя ручки, обитыя сверху той же матеріей, какъ сидѣнье и спинка, и представляетъ эта матерія какой-то неопредѣленный цвѣтъ, потому что окрашена полосками въ самые разнокалиберные цвѣта, размѣщенные узоромъ въ видѣ четырехугольниковъ.

И вотъ здѣсь, сидя въ этомъ креслѣ, принималъ Лжедмитрій воеводъ, изъявлявшихъ покорность, и давалъ аудіенціи, здѣсь же подписывались и получали санкцію важныя государственныя бумаги и отсюда же разсылались по лицу земли Русской сотнями, если не тысячами, грамоты мнимаго Дмитрія, призывающія народъ къ возстанію. И такія грамоты, какъ говорить Martinus Baër, тоже одинъ изъ современниковъ Лжедмитрія, разсыпанныя въ различныхъ мѣстностяхъ государства, привели къ удачнымъ результатамъ: много русскихъ людей явилось въ Путивль и признало Дмитрія своимъ законнымъ государемъ ¹⁾.

Кромѣ исторической комнаты и вышеуказанныхъ предметов, связанныхъ съ памятью о Лжедмитріи Первомъ, есть еще двѣ реликвіи мнимаго царевича, а именно польскій образъ и дарохранильница. Всѣ вообще эти предметы, такъ или иначе говорящіе намъ о эпохѣ самозванщины, къ которой они и относятся, попали въ Путивль, только благодаря пребыванію въ этомъ городѣ Лжедмитрія; они, по всей вѣроятности, были или привезены самимъ самозванцемъ, или присланы ему сюда. Перейдемъ къ ихъ осмотру.

Образъ Жировицкой Вожіей Матери, какъ мы уже сказали, католическій образъ; писанъ онъ по полотну масляными красками и представляетъ собою поясное изображеніе Богоматери, держащей на правой рукѣ Младенца Христа; вокругъ изображенія, по полотну идетъ огромными буквами надпись на старомъ польскомъ языкѣ:

«POCIESZNIIEISZANADCHIERVBI
NYCHWALENIEISZANADSERAPUINY
REZSKAZYSI.OWOBOGARODZACA».

Что приблизительно значитъ: «Честнѣйшая херувимъ, славнѣйшая безъ сравненія серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова родшая»...

Нѣсколько иначе была бы передана эта надпись на современномъ польскомъ языкѣ; современный полякъ сказалъ бы (приводимъ русскими буквами):

«Поцешаѣнца над хэрувины найхвалебнейша над серафины без змаъвы почѣнта Слово Богародзица».

¹⁾ Martinus Baër. Chronicon Muscoviticum continens res a morte Ioannis Basilidis Tyranni omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi au. Cristi 1584—1612.

Подобныхъ же размѣровъ и также слитно, нераздѣльно въ отношеніи буквъ, тянется по полотну и внизу изображенія польская надпись:

«OBRAZCVDOWNYP: MARIEYWZYRO-
WICACHWXICŃWƏLITEW».

«Чудотворный образъ Божіей Матери въ Жировицахъ въ области Литовской».

Самъ по себѣ образъ довольно большихъ размѣровъ: такъ длина его одинъ аршинъ двѣнадцать съ половиной вершковъ, а шириною онъ въ одинъ аршинъ десять вершковъ, и вставленъ онъ въ широкую деревянную рамку, покрытую различными золочеными украшениями.

Образъ этотъ занесенъ въ Путивль Лжедмитріемъ Первымъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія, съ тѣхъ поръ и находится въ Путивльскомъ Молченскомъ монастырѣ. Преданіе говоритъ, что эта икона получена самозванцемъ отъ своего тѣста, сендомирскаго воеводы Мнишка, когда Лжедмитрій Первый съ польскою ратью отправлялся въ Россію.

Наконецъ, послѣднимъ историческимъ памятникомъ пребыванія въ Путивлѣ Лжедмитрія Перваго является деревянная дарохранительница, завезенная сюда, какъ говорятъ, однимъ изъ ксендзовъ, сопровождавшихъ Лжедмитрія; страннымъ кажется только то, что вся она сдѣлана въ строгомъ русскомъ стилѣ. Дарохранительница эта напоминаетъ собою небольшую деревянную модель въ видѣ одноглавой церковки, высотой она $14\frac{1}{2}$ вершковъ, длиною $4\frac{1}{2}$ вершка, а шириною $3\frac{1}{2}$ вершка. Въ отношеніи формы она представляетъ два наложенныхъ одинъ на другой нѣсколько продолговатыхъ прямоугольныхъ ящичка о шести сторонахъ, нижній нѣсколько побольше верхняго. Кругомъ на сторонахъ этихъ ящичковъ какъ верхняго, такъ и нижняго, наклеены пергаментныя въ католическомъ духѣ изображенія на слова капона: «Плачь Пресвятыя Богородицы». Верхняя же часть дарохранительницы, это, по формѣ, миниатюрная деревянная церковная крыша, увѣнчанная позолоченной главкой, на которой высится сравнительно огромный деревянный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа.

Особенно интересенъ одинъ изъ пергаментовъ, наклеенныхъ внизу; на немъ изображена Скорбящая Божія Матерь, окруженная орудіями мученій Христа, слѣва ея стоитъ ангелъ, въ рукахъ котораго развернутое полотно съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа, а внизу пергаментна слѣдующая, латинская надпись:

«O! quam tristis et afficta fuit illa benedicta Mater Unigeniti quae maerebat et dolebat et tremebat cum videbat noti penas incluti.
T. C. Berharter».

Вотъ всѣ сохранившіеся слѣды пребыванія Лжедмитрія Перваго въ Путивль; и нигдѣ не найдете даже упоминанія объ этихъ рѣдкихъ памятникахъ старины изъ эпохи самозванчества; мало кто даже слышалъ о Путивлѣ, а памятники находятся положительно въ полномъ забвеніи, и, къ стыду своему, о нихъ не знаетъ почти никто даже изъ путивлянъ.

При изслѣдованіи архива Путивльскаго Молченскаго монастыря, въ числѣ различныхъ бумагъ, наплись и документы, описывающіе эти памятники, что и побудило меня повнимательнѣе изучить эти предметы и собрать преданія и слухи, относящіеся къ описываемому времени и связанныя въ частности съ этими реликвіями.

Итакъ Путивль забытъ. И только школа, не жизнь, а школа напоминаетъ еще иногда о Путивлѣ. То, читая отрывки изъ знаменитаго памятника древней русской литературы «Сюжета о полку Игоревѣ», невольно натолкнетесь ученикъ на упоминанія о Путивлѣ; а то иной «пространный» учебникъ географіи, описывая Курскую губернію, мимоходомъ лаконически замѣтитъ: «Путивль—древній городъ», да и только. Такая ужъ видно, къ сожалѣнію, у насъ судьба всего того, что характеризуется не настоящимъ, а прошлымъ.

Какимъ же образомъ Путивль потерялъ свою извѣстность, это говоритъ отчасти послѣдующая исторія Россіи, со сцены которой Путивль постепенно начинаетъ сходить.

20 іюня 1605 года, Лжедмитрій Первый торжественно вступилъ въ Москву. Его заключительное движеніе изъ Путивля является уже триумфальнымъ шествіемъ законнаго государя. Но не умѣлъ воспользоваться мнимый Димитрій своей удачей, или такая ужъ была его судьба, но только онъ погибъ, и никто не вознаградилъ путивлянъ за ихъ труды и поддержку ему. А между тѣмъ возникли страшныя междоусобія; Россію грабили и жгли и сами русскіе и чужеземцы, досталось и Путивлю; всѣ окрестности его были снелены и опустошены, а сколько народу погибло!

«Перо не можетъ выразить, съ какимъ жестокосердіемъ свирѣпствовали москвитяне въ своемъ отечествѣ», восклицаетъ современникъ ¹⁾).

Но этимъ не кончились несчастія Путивля. Поляки и крымскіе татары не прекращали своихъ набѣговъ, а тутъ еще пошли пожары и наконецъ страшное моровое повѣтріе. И сталъ мало-помалу падать Путивль. Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ принялъ Малороссію подъ свою высокую государеву руку, и съ этого времени Путивль постепенно начинаетъ терять свое политическое значеніе, закончившееся окончательнымъ уничтоже-

¹⁾ *Chronicou Muscoviticum continens res a morte Ioanni Basilidis Tyranni omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi an. Christi 1684—1612.*

пиемъ Путивльскою крѣпости, какъ ставшей съ этихъ поръ ненужной.

Въ одномъ изъ указовъ, относящихся къ 1676 году, Путивль охарактеризованъ уже, какъ городъ, приходящій въ упадокъ, о Путивльскою крѣпости уже не упоминается ни слова, а говорится только, что торгуютъ здѣсь гречане самые малотные люди, и во всемъ Путивлѣ насчитывается не болѣе ста сорока восьми посадскихъ дворовъ. Но не то было въ былые времена.

«Время пролетѣло,
Слава прожита»...

При въѣздѣ изъ города въ Путивльскій Молченскій монастырь бросается въ глаза постройка съ лѣвой стороны колоколыни; это—древняя, крѣпостная баня, сохранившаяся и до настоящаго времени. Находящіяся бойницы, небольшія окошки въ прежніе внутренніе проходы и крытые амбразуры напоминаютъ о тѣхъ старинныхъ временахъ, когда эта баня и многія другія, теперь уже не существующія, городскія укрѣпленія играли роль оплота земли Русской, и здѣсь за дѣло отечества бились наши праотцы съ татарами, литовцами и другими непрошенными гостями, или когда сами путивляне, гостеприимно принимая различныхъ авантюристовъ, защищали ихъ своею кровью.

П. М. Раздольскій.

ЗАБЫТАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА.

(Памяти А. П. Хвостовой, рожд. Херасковой).

СЕДЬМОГО апрѣля текущего года исполняется ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Александры Петровны Хвостовой. Имя этой, некогда знаменитой, женщины, долго блиставшее въ петербургскомъ beau monde'ѣ и хорошо извѣстное современнымъ литературнымъ кружкамъ, въ настоящее время совсѣмъ забыто. Это обстоятельство дало намъ поводъ собрать изъ старыхъ изданій кое-какія данныя о жизни ея и связать ихъ въ небольшую био-библиографическую справку.

Александра Петровна родилась въ Петербургѣ, въ 1767 году, отъ брака статскаго совѣтника Петра Матвѣевича Хераскова съ графиней Елизаветой Петровной Девьеръ и приходилась, слѣдовательно, родной племянницей извѣстному поэту Михаилу Матвѣвичу Хераскову. Воспитаніе ея съ самыхъ раннихъ лѣтъ было обставлено очень комфортабельно, для нея выписывались изъ-за границы гувернантки и учителя и, благодаря, очевидно, ихъ добросовѣстности и опытности, дѣвушка приобрѣла большія познанія по литературѣ, основательно изучила иностранные языки и въ 19 лѣтъ выступила уже въ печать.

Подробныхъ свѣдѣній ни о дѣтскихъ, ни о дѣвическихъ годахъ писательницы не имѣется. «Воспоминанія» Вигеля—главный источникъ для ея биографіи—относятся къ 1806 году, т. е. къ тому времени, когда Хвостовой было уже за тридцать лѣтъ.

Въ это время она была замужемъ, и семейная обстановка ея была очень непріятна. Мужъ ея,—Дмитрій Семеновичъ Хво-

стовъ,—въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля изображенъ грязнымъ, распутнымъ человѣкомъ, вѣчно кутящимъ и мотавшимъ женино приданое. Живя съ женой подъ одною кровлею, онъ вовсе не интересовался ея жизнью и почти никогда не видалъ ея. При такомъ разладѣ семьѣ грозила полная нищета, и отъ нея Хвостову спасъ только слѣдующій ея геройскій поступокъ.

Отецъ Дмитрія Семеновича за совершенное имъ преступленіе долженъ былъ отбыть какое-то наказаніе. Гордый, самолюбивый богачъ не зналъ, какъ ему избавиться отъ всеобщаго позора, но находчивость его невѣстки пришла ему на выручку. Проходя какъ-то по улицѣ, Александра Петровна встрѣтила императора: не долго думая, она пала къ его стопамъ и вымолила Дмитрію Семеновичу помилованіе. Тронутый такимъ поступкомъ, старикъ завѣщалъ невѣсткѣ порядочную пожизненную пенсію. Очевидно, что на эти деньги Хвостова и существовала по смерти мужа.

Но, несмотря на семейную неурядицу, домъ Хвостовой, въ періодъ ея жизни въ Петербургѣ, принадлежалъ къ аристократическимъ. Въ небогато, но, по словамъ того же Вигеля, со вкусомъ убранной квартирѣ ея, на Невскомъ (между Литейной и Знаменской), собиралось почти ежедневно людное общество. Среди массы дипломатовъ, литераторовъ и художниковъ завсегдатаями были графы Іосифъ и Кеверіи де-Местръ и князь Вѣлосельскій, одинъ изъ главнѣйшихъ поклонниковъ гостепріимной хозяйки, сдѣлавшій подъ ея портретомъ ниже приводимую нами надпись.

Когда этотъ тѣсный кружокъ началъ увлекаться мистицизмомъ, заразилась имъ и Хвостова. Вечорѣ она познакомилась съ Александромъ Оедоровичемъ Лабзнымъ, и онъ, по свидѣтельству П. Безсонова («Русскій Архивъ» 1866 г.), принялъ участіе въ двухъ ея книгахъ: «Совѣты души моея» и «Письма христіанки». Въ чемъ именно сказалось это участіе, г. Безсоновъ не указываетъ, но, надо думать, лишь въ одномъ печатаніи ихъ, такъ какъ издательская дѣятельность «Феофемта Мисанлова»¹⁾ въ это время, какъ разъ, процвѣтала, и на его средства печаталось много книгъ.

Въ концѣ царствованія Александра I, когда началось преслѣдованіе мистиковъ, сопряженное съ прекращеніемъ «Сіонскаго Вѣстника» и высылкой Лабзина, Крюденеръ и другихъ, была удалена изъ Петербурга и Хвостова. Это было въ 1823 году.

На этомъ году печатные источники о жизни ея обрываются, и мы нигдѣ не могли достать свѣдѣній, гдѣ и какъ она провела время до 30-хъ годовъ.

Въ самомъ началѣ этого десятилѣтія Хвостова переселяется въ Кіевъ и здѣсь всецѣло посвящаетъ себя филантропической дѣятельности, становясь—съ 1833 г.—во главѣ двухъ благотворитель-

¹⁾ Псевдонимъ А. О. Лабзина.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1902 г., т. LXXXVII.

ныхъ учрежденій—вице-предсѣдательницею Кіевскаго общества для помощи бѣднымъ и начальницею училища, учрежденнаго графинею А. В. Левашевою. Оба эти званія Хвостова носила до самой смерти, и время ея участія въ дѣлахъ этихъ учрежденій считается лучшимъ періодомъ въ ихъ исторіи. По словамъ близкихъ Александрѣ Петровнѣ людей, подобнаго рода дѣятельность на поприщѣ филантропіи очень подходила къ отзывчивой натурѣ ея. Вотъ слова одного изъ ея друзей: «...сострадательность была главной чертой ея характера; денегъ у нея не было, и несчастнымъ она помогала не одиными слезами, а неимоверной дѣятельностью; мучила друзей, наряджала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, даже исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ».

Самымъ позднимъ свѣдѣніемъ объ Александрѣ Петровнѣ служить собственноручная записъ ея, занесенная ею въ альбомъ профессора Михаила Алекс. Максимовича, съ которымъ она познакомилась въ бытность свою въ Кіевѣ.

Содержаніе этой интересной памятки таково: «Мнѣ 80 лѣтъ. Время затопило всѣ различныя способности мои, и жизнь, какъ перегорѣлый уголекъ, едва тлѣется въ разрушающемся бытіи моемъ; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову».

Позднѣйшихъ свѣдѣній о жизни Александры Петровны въ печати не существуетъ. Изъ газетныхъ сообщеній видно, что она умерла въ Кіевѣ 7 апрѣля 1852 г.; въ «Словарѣ» же кн. Голицына годъ смерти ошибочно помѣченъ 1853-мъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Хвостовой. На писательское поприще она выступила очень рано; первымъ печатнымъ опытомъ ея слѣдуетъ признать переводъ книги, вышедшей въ Москвѣ въ 1787 г. подъ заглавіемъ: «О тройственномъ пути». Переводчицѣ въ это время было всего 20 лѣтъ. Затѣмъ черезъ восемь лѣтъ въ 1795 г. въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» было напечатано главное ея произведеніе «Каминъ», вышедшее черезъ годъ въ отдѣльномъ изданіи подъ заглавіемъ: «Отрывки. Je vais errer sur la terre sans trouver une place pour reposer mon coeur. J. J. Rousseau. Nouv. Hel. Въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи». (Другое заглавіе: «Отрывки. Санктпетербургъ, 1796 года»). 24°. 48 стр.

«Отрывки» эти разошлись въ числѣ 2.400 экземпляровъ, вскорѣ вышли вторымъ изданіемъ, переводились на иностранные языки и сдѣлали автора, такимъ образомъ, извѣстнымъ.

Въ виду того, что книга эта давнымъ давно попала въ число книжныхъ рѣдкостей, и достать ее даже въ Публичной библиотекѣ довольно трудно, находимъ нелишнимъ и небезынтереснымъ сдѣлать здѣсь ея описаніе и привести выдержки изъ нея.

Заглаўны лісьце изданія гравіраваны; кніжка пачынаецца съ прэдисловія издательницы, въ которомъ она говоритъ слѣдующее:

«Желаю сдѣлать услугу и удовольствіе чувствительнымъ читателямъ, издаю я сочиненію одной російской писательницы, которая, держась скромности, нашему полу свойственной, долго противилась моему желанію и хотѣла скрыть отъ публики плоды своего дарованія; но, убѣждена будучи усильною просьбою друзей своихъ, рѣшилась наконецъ принести имъ въ жертву свои сочиненія, а мнѣ позволила быть надательницею»...

Затѣмъ послѣ панегирика писательницѣ за ея слогу и нѣжныя чувства къ отцу, которому она посвящаетъ свое произведеніе, издательница оканчиваетъ прэдисловіе такъ:

«Почтенныя чувствованія! Они достойны быть обнаружены, и сочиненіе достойно быть напечатано».

Въ книжку включено, кромѣ сочиненія: «Каминъ. 1796 года. Марта мѣсяца. Москва» (9+26 стр.), и другое произведеніе Хвостовой: «Ручеекъ. Въ 1796 году, Маія мѣсяца, въ селѣ Вѣйиѣ» (31—48 стр.).

На первой страницѣ «Камина» напечатана хорошо исполненная виньетка, съ изображеніемъ автора. Александра Петровна сидитъ передъ каминомъ, въ задумчивости, облокотившись на столъ; у ногъ ея лежить собака; свади кресла—статуя.

Самое содержаніе «Камина» слѣдующее:

«Полночь. Часы ударили двѣнадцать, и сердце томно сказало: еще день лишній къ прошедшимъ, еще днемъ меньше жить и скитаться въ мірѣ семъ! Все вокругъ меня тихо и покойно, все молчитъ, и природа сама дремлетъ. Сижу одна у потухающаго огня; смотрю на свѣтлые уголья, одинъ за другимъ уга-сающіе; слушаю унылый вой вѣтра, въ трубѣ шумящаго; обращаюсь мыслями на прошедшее время жизни моея и сравниваю горести съ радостями, печали съ удовольствіями, тѣ минуты, въ которыя благодарила Бога за бытіе свое, съ тѣми, которыя тяжкимъ бременемъ угнетаютъ душу мою. Радости! Гдѣ онѣ? Въ одномъ воображеніи, исцвели, какъ тонкій дымъ, и только иногда, какъ легкія привидѣнія, мочтаются. Печали! Печали тутъ, тутъ со мною, глубоко въ сердцѣ и вмѣстѣ съ кровью текутъ въ жилахъ моихъ. Удовольствія!.. были—одна минута, одно мгновеніе. Горести!—вѣчность, неаримость, степь дикая и необозримая, гдѣ бѣдный странникъ не находитъ ни сѣни для отдохновенія, ни капли воды для утовленія несносной тоски своея! Жизнь, какъ ты тягостна, когда сердце милой ему мечты лишится! Какъ медленно приближается тотъ часъ, который назначенъ природою быть послѣднимъ скучнаго бытія. Смерть, ты не странное привидѣніе! Объятія твои не такъ холодны, какъ счастливецъ воображаетъ себѣ! Сердце часто говоритъ мнѣ, что ты другъ несчастнаго, покой, единственный покой тоскующей души, одинъ покой въ мірѣ».

Воображеніе молодой писательницы, печально настроенной, переносится на берегъ Днѣпра, къ монастырю...

«Тутъ останавливаюсь въ задумчивости; тысячи мыслей наполняютъ душу мою, пульсъ бьется скорѣе, томное дыханіе прерывается, и слезы падаютъ на сѣрый камень. Читаю сквозь тонкую дымку, блѣдныя лица монахинь покрывающую, тайную, безпрестанную тоску ноющихъ сердецъ ихъ вижу, и душа моя

чувствуешь умиление... Ах!.. Онъ ближе прочихъ къ сердцу моему, и онъ въ свѣтъ одиноки».

Затѣмъ фантазія уноситъ автора въ Финляндію, въ Шотландію, гдѣ она ищетъ на пескѣ слѣдовъ войска Фингала...

«Сижу съ его героями вокругъ горящаго пня дубоваго; внимаю побѣдоносному бардовъ пѣнію и ловлю въ воздухѣ унылый звукъ печальныхъ пѣсней Оссиана. Пронзительный крикъ ворона заглушилъ печальную пѣсню твою, и время высокими дубами засѣяло мѣсто, на коемъ съ нѣжною Мальвиною оплакивалъ ты сына твоего Оскара».

... Далѣе она представляетъ себя ночью на дикой скалѣ внимающе унылому реву шумящаго моря, смотритъ на блѣдный мѣсяцъ, тихо катящійся по лазоревому своду, и ей представляются тѣни ея дѣтей, стирающихъ къ ней свои блѣдныя руки, и вдругъ онъ разсыпаются звѣздами по синему небу...

«Вѣтеръ востъ въ ущельяхъ, и дикой голосъ Друнда во мрачной пещерѣ раздается. Огненные глаза сверкаютъ сквозь сѣдые волосы, висящіе по угрюмому лицу его, и гласъ, подобный грому подземному, требуетъ страшной жертвы—страшному богу».

Но вѣтеръ, подувшій съ моря, разбрасываетъ мрачныя тучи, привидѣніе легкимъ туманомъ опускается въ долину; мракъ мыслей писательницы разсѣвается, и вскорѣ она видитъ себя въ домѣ отца, въ кругу семейства. Но часъ разлуки быстро наступаетъ и, можетъ быть, навѣки...

«Отецъ мой; отецъ обожаемый, заключаетъ меня въ свои объятія. Трепещущія руки его прижимаютъ меня къ болѣющему сердцу, и горячая слеза каплетъ на грудь мою изъ тусклыхъ очей его. Онъ хотѣлъ бы сказать: «Прости, дочь милая! Будь счастлива далеко отъ отца твоего!» Но слова замираютъ въ устахъ его, и дрожащій голосъ насилу произнести можетъ: «Господу Богу поручаю тебя». Рука его, омытая слезами моими, поднимается въ послѣднее благословить дочь печальную; теплая молитва сердечная вылетаетъ изъ глубины души его и упадетъ къ подножію престола Всевышняго».

... Въ случаѣ смерти своей поэтесса проситъ друзей сорвать цвѣты съ ея могилы и дать ихъ отцу...

«Онъ возьметъ тогда изсохшую траву, нѣжно прижметъ ее къ сердцу и скажетъ: «Ангель мира съ тобою, бѣдная».

Очнувшись отъ всѣхъ этихъ призраковъ, Хвостова опять видитъ себя сидящею у своего камина, огонь въ немъ уже погасъ, возшелъ мѣсяцъ и чуть свѣтитъ сквозь замерзлыя окна, бьетъ два часа, она перестаетъ думать, бросается въ постель и засыпаетъ. (См. «Русск. Арх.» 1892, кн. III, с. 327—329).

Таково содержаніе «Камина». Успѣхъ его, сказавшійся въ быстрой распродажѣ книги и повлекшій за собою дальнѣйшія его изданія, можно объяснить исключительно тѣмъ, что онъ былъ написанъ входившимъ тогда въ моду сентиментальнымъ слогомъ.

Другія два произведенія Хвостовой: «Совѣты душѣ моей» и «Письма христіанки», были сочинены въ періодъ увлеченія ея мистицизмомъ и появились въ свѣтъ какъ разъ въ то время, когда это теченіе дѣлалось преобладающимъ, отсюда, конечно, вытекаетъ и ихъ успѣхъ.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть о портретахъ Александры Петровны и привести списокъ ея произведеній.

Портретовъ ея, насколько извѣстно (см. A. Wassiltschikoff: Liste alphabétique de portraits russes. 1875), существуетъ лишь два.

Первый, снимокъ съ котораго прилагается при настоящемъ №,—гравюра на стали in folio,—находится въ Императорской Публичной библиотекѣ.

Писательница на немъ изображена сидящей въ большомъ креслѣ, съ лицомъ, обращеннымъ налѣво, и немного наклоненной головой; прическа съ локонами, падающими на плечи; руки сложены на колѣняхъ; въ правой рукѣ билетъ; платье, очевидно, бархатное. Внизу награвировано:

(правописаніе подлинника) Александра Петровна Хвостова род. въ 1767 год.

Elle a par ses talents et ses moyens de plaire
Rectifié, chez nous, les deux nombres d'Homère:
J'en prendrais à témoin le beau berger Paris.
Graces! vous n'êtes plus trois à Cithère,
Et vous Muses vous voila dix.

Par m-or le prince Alex. Bélosseisky.

Переводъ:

Она своими талантами и своими способностями нравиться
Перемѣнила два числа у Гомера,
Свидѣтелемъ чего я взялъ бы прекраснаго пастуха Париса.
Граціи, васъ больше не три на Цитерѣ,
И васъ, музы, вотъ уже десять.

Кн. Алек. Вѣлосельскій.

Другой портретъ Хвостовой, гравированный на стали въ Парижѣ, по сходству и по положенію всей фигуры напоминаетъ собою первый; но на немъ не обозначено, что онъ изображаетъ Хвостову, а внизу сдѣлана другая надпись, анонимная, именно:

A me voir, j'ai les traits d'une beauté divine,
Les yeux noirs et brillants, un teint vif et charmant;
Mais j'ai l'esprit formé d'une étoffe si fine,
Que j'en donne à garder au plus subtil amant.

Переводъ:

Взглянувъ на меня, вы увидите черты лица божественной красоты,
Черные, блестящіе глаза, яркій и прелестный цвѣтъ лица;
Но мой умъ состоитъ изъ такой тонкой ткани,
Что я даю его беречь самому чувствительному любовнику.

Произведенія А. П. Хвостовой.

1. «О тройственномъ пути». Переводъ. М. 1787. (См. Голицынъ, Словарь писательницъ, стр. 261).

2. «Каминъ». Отрывокъ. (Подп. А—а Хва—а). («Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1795 г., ч. 6, стр. 68—77). См. выше.

3. «Отрывки». (Каминъ и ручеекъ). Спб., 1796. Въ типографіи Государственной Медицинской Коллеги. 24°. 48 стр. (Напечатано было въ количествѣ 2.400 экз., разошедшихся почти въ теченіе одного года). Подробное описаніе см. выше.

а) Тоже. Второе изданіе. Спб., 1802. 8°.

б) Тоже. Третье изданіе. Спб., 1833. 8°.

Переводы этого произведенія:

На французскомъ языкѣ: «La cheminée, piece, fugitive trad. de Schékalefsky». (S.-Pbg). 1798. 12°.—«Aux Mânes de mon père, élégie par M***». (См. «Моск. Вѣд.» 1804, № 78 и 79, и «Moniteur» du 13 novembre, 1821 г.).

На нѣмецкомъ языкѣ: «Der Kamin oder die Phantasie einer Russin, ein russisches Original-Gedicht, übersetzt von M. Malfa». Moskau 1805. Leipzig. 1805. 16°. (Посвященіе: «Dem Fräulein Nadeschda Kussownikow gewidmet»).

Другихъ переводовъ, о которыхъ говоритъ Голицынъ, разыскать намъ не удалось.

4. «Совѣты душѣ моей (твореніе христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ)». Спб., 1816. 12°. Морск. тип.

5. «Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ, къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ». Спб., 1815. 12°. Морск. тип. II † 274 стр. (Въ этихъ двухъ изданіяхъ принималъ участіе А. Θ. Лабзинъ, см. «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 830, въ статьѣ П. Безсонова «А. Θ. Лабзинъ»).

6. «Письма къ другу и завѣщаніе отца сыну». (См. Голицынъ, Словарь писательницъ, стр. 261).

Биографическія свѣдѣнія о А. П. Хвостовой помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) «Biographie des hommes vivants». Paris. 1817, p. 182.

2) «Biographie nouvelle des contemporains, par Jay, Jouy, Arnaut et Norvins». Paris. 1822, t. 4, p. 412.

3) «France Littéraire, qu'éarda!» 1828, t. 2, p. 201 (встрѣчаются ошибки).

4) «Дамскій Журналъ», 1830, ч. 30, № 15, ст. Макарова.

5) «Сѣв. Пчела», 1849, № 37.

- 6) «Моск. Вѣд.», 1853, № 129.
- 7) «Россійскій Родословный Сборникъ», кн. П. В. Долгорукова. Спб., 1841, ч. 2, стр. 15, ст. П. А. Вяземскаго.
- 8) Вигель, «Воспоминанія», М. 1866, ч. II, стр. 231—234; ч. III, стр. 8, 9, 62, 155; ч. VII, стр. 6, 7.
- 9) Геннади, «Русскія книжныя рѣдкости». Спб., 1872, стр. 103.
- 10) Ровинскій, «Словарь русск. гравир. портретовъ». Спб., 1872.
- 11) Геннади, «Списокъ русск. анон. книгъ», Спб., 1874, стр. 29.
- 12) С. В. Руссовъ, «Библ. каталогъ россииск. писательницамъ», Спб., 1826, стр. 44.
- 13) A. Wassiltschikoff, «Liste alphabétique de portraits russes». St.-Pbg., 1875, I, 258—259.
- 14) Толль, «Настольный словарь», т. III, стр. 922.
- 15) «Кіевская Старина», 1882, т. I, стр. 166—167, ст. С. Пономарева.
- 16) Голицынъ, «Библиогр. словарь русск. писательницъ». Спб., 1889, стр. 260—262.
- 17) «Варш. Дневн.», 1881, № 179.
- 18) «Русск. Архивъ», 1892, кн. III, стр. 328—329, ст. «Книжныя рѣдкости».
- 19) «Русскій біографическій словарь». Спб., 1901, стр. 293—294, ст. В. В. Сяповскаго.

Б. Городецкій.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

(Некрологъ).

ЩЕ ОДНИМЪ полезнымъ и неутомимымъ литературнымъ дѣятелемъ стало меньше—умеръ Петръ Николаевичъ Полевой. Сорокъ лѣтъ имя его появлялось на страницахъ разныхъ изданій и журналовъ, и въ теченіе этого времени имъ написано множество разнообразныхъ сочиненій и статей, упрочившихъ за нимъ репутацію глубокаго знатока русской литературы и исторіи. Онъ писалъ учебники, романы, повѣсти, рассказы, драмы, изслѣдованія, монографіи, очерки, критики и т. д., и всѣ его произведенія, не отличаясь яркостью дарованія, выдѣляются рѣдкимъ знаніемъ эпохи и быта, изученіемъ мельчайшихъ подробностей предмета, умѣньемъ живо и интересно излагать самый сухой матеріалъ.

Сынъ извѣстнаго публициста и писателя сороковыхъ годовъ, Николая Алексѣевича Полевого, Петръ Николаевичъ родился 25 февраля 1839 года и, получивъ въ домѣ отца прекрасную подготовку, учился въ пятой Петербургской гимназіи, а затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ. Окончивъ, въ 1861 году, курсъ кандидатомъ, онъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Новгородскій, графа Аракчева, корпусъ и здѣсь написалъ свою магистерскую диссертацию: «Опытъ сравнительнаго обзорѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской», послѣ защиты которой, въ 1864 году, въ званіи привагъ-доцента читалъ лекціи всеобщей литературы въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1865 году, онъ представилъ свою докторскую диссертацию «Историческіе очерки средневѣковой драмы», но въ виду неодобрительнаго отношенія къ ней факультета отказался отъ ея защиты и перешелъ въ Новороссійскій университетъ, на кафедру

русскаго языка и литературы; въ 1867 году онъ былъ назначенъ инспекторомъ Херсонской гимназiи и, наконецъ, занялъ, въ званiи ординарнаго профессора, кафедру русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ Варшавскомъ университетѣ. Въ 1871 году, онъ вышелъ въ отставку, вернулся въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ 1872 году, П. Н. издалъ «Учебную русскую хрестоматiю съ толкованiями» въ трехъ частяхъ, которая разо-

Петръ Николаевичъ Полевой.

шлась въ теченiе двухъ лѣтъ въ количествѣ 40.000 экземпляровъ. Въ томъ же 1872 году, имъ была напечатана «Исторiя русской литературы въ очеркахъ и биографiяхъ», выдержавшая три изданiя. Въ 1873 году, онъ издалъ «Общедоступную русскую грамматику», а затѣмъ, одно за другимъ, слѣдующiя изданiя: «Русскую исторiю для среднихъ учебныхъ заведенiй», «Родные отголоски», «Очерки русской исторiи въ памятникахъ быта» въ двухъ частяхъ, «Народныя русскiя сказки» и «Художественную Россiю». Всѣ эти изданiя

имѣли большой успѣхъ и доставили ему громкую извѣстность. Въ 1875 году, онъ редактировалъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Пчелу», а съ 1882 года издавалъ «Живописное Обзорѣніе». П. Н. желалъ создать серьезный, вполнѣ литературный, иллюстрированный журналъ, но, къ сожалѣнію, эта попытка не встрѣтила поддержки со стороны публики, и въ 1887 году онъ былъ вынужденъ передать «Живописное Обзорѣніе» въ другія руки, потерявъ всѣ свои сбереженія и оставшись должнымъ около 50.000 рублей. Этотъ долгъ тяжелымъ бременемъ легъ на всю его дальнѣйшую жизнь и поставилъ въ необходимость работать безъ устали, часто на спѣхъ, и при томъ братья иногда за переводы и такія работы, которыя ему были не симпатичны.

Перечисленіе всего написаннаго П. Н. заняло бы нѣсколько страницъ, и потому мы упомянемъ здѣсь лишь, что, сдѣлавшись съ 1885 года сотрудникомъ «Историческаго Вѣстника», онъ въ одномъ этомъ журналѣ помѣстилъ сорокъ пять болѣе или менѣе обширныхъ статей и нѣсколько десятковъ рецензій и замѣтокъ. За двѣ недѣли до смерти онъ прислалъ намъ статью «Опытъ характеристики Гоголя», которая и напечатана въ февральской книжкѣ. Потеря такого даровитаго, опытнаго и разносторонне образованнаго сотрудника, какъ П. Н., чувствительна не только для нашего журнала, но и для всей нашей литературы, потому что въ ней очень немного такихъ добросовѣстныхъ и энергичныхъ работниковъ, какимъ былъ покойный.

Жизнь П. Н. Полевого была полна неудачъ, зависѣвшихъ, впрочемъ, отчасти отъ него самого. Всѣ попытки его прочно устроиться въ Петербургѣ не имѣли успѣха, и въ 1890 году онъ случайно приобрѣлъ въ долгъ небольшое имѣніе въ Зоровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, куда и переселился. Онъ надѣялся найти въ этомъ уединеніи душевное спокойствіе и ничѣмъ не стѣсняемую свободу заниматься задуманными имъ работами. Но надежды эти не сбылись. Потеря любимаго сына, единственной дочери, жившей вмѣстѣ съ нимъ въ деревнѣ, затѣмъ сестры и многолѣтняго друга, Ю. О. Грюнберга, наконецъ, неожиданное лишеніе пенсіи, которую онъ получалъ изъ фонда императора Николая II при академіи наукъ, не могли не отразиться на его нравственномъ состояніи. Необходимость погашать старый долгъ по журналу и новый по имѣнію принуждала его къ непосильной работѣ, и онъ, между прочимъ, взялся за обширный и срочный трудъ—«Исторію русской словесности» въ трехъ большихъ томахъ, обязавшись передъ издателемъ окончить его въ три года. Писать такое сложное изслѣдованіе въ деревнѣ, не имѣя подъ рукой многихъ существенныхъ матеріаловъ и лишь изрѣдка наѣзжая въ Петербургъ для кратковременныхъ занятій въ Публичной библіотекѣ, оказалось дѣломъ весьма нелегкимъ. Въ немъ явились неизбежныя при такихъ условіяхъ пробѣлы и недосмотры, и первые выпуски этого труда дали придирчивой критикѣ поводъ

къ крайне неблагопріятнымъ отзывамъ. П. Н. это предвидѣлъ. Посылая первые выпуски редактору «Историческаго Вѣстника», онъ писалъ:

«Я серьезно и спокойно готовлюсь къ ругани со всѣхъ сторонъ. Ругать меня будутъ преимущественно тѣ, которые никогда ничего не произведутъ и весь свой вѣкъ будутъ питаться статейками о вопросахъ, длиною съ воробьиный носъ. Но вѣдь нужно же когда нибудь дать и общую и связную, хотя и не совсѣмъ, можетъ быть, вѣрную картину нашего литературнаго прошлаго. Ошибки и промахи въ такой большой картинѣ можно будетъ исправить во второмъ изданіи, но картина все-таки останется. Но г. суровые критики не поймутъ, что на мелочи всякаго хватить, а на широкую, соразмѣрную картину умственнаго движенія на пространствѣ вѣковъ нужно имѣть нѣчто такое, чего у нихъ нѣтъ».

Мы приведемъ выдержку еще изъ одного письма П. Н., гдѣ онъ откровенно сознается, какихъ невѣроятныхъ усилій потребовалъ отъ него этотъ трудъ. Послѣдніе мѣсяцы 1900 года онъ прожилъ въ Петербургѣ, заканчивая «Исторію русской словесности» и, сдавъ въ типографію корректуру послѣдняго листа, уѣхалъ въ деревню. На сдѣланный ему упрекъ, что онъ не посѣтилъ редакціи «Историческаго Вѣстника», П. Н. отвѣчалъ:

«Съ первыхъ чиселъ ноября я уже никуда не двигался и работалъ до полного изнеможенія силъ, до отчаянія, до изступленія! Мнѣ предстояла только одна диллема: или окончить къ сроку, или поставить крестъ на себя. Я довелъ себя этой работой и сопровождавшими ее непрерывными непріятностями до того, что сталъ заговариваться, сталъ чувствовать никогда не испытанный мною страшный упадокъ силъ и, едва закончивъ послѣднюю строчку, бѣжалъ безъ оглядки въ деревню, даже ничего не прибравъ, даже не захвативъ изъ Питера ни бумагъ, ни книгъ своихъ! Я боялся, что вотъ, вотъ, до крайней степени напряженія силы мои порвутся, и я свалюсь съ ногъ... И только теперь, почти три недѣли спустя, послѣ отдыха, въ теченіе котораго я не развернулъ ни одной книги, начинаю приходить въ себя и становиться вновь человѣкомъ. Согласитесь, что въ томъ состояніи, въ которомъ я находился весь ноябрь и декабрь, я никакъ не могъ къ вамъ заглянуть».

Непосильная работа надломила силы и здоровье П. Н., и онъ уже не могъ вполнѣ оправиться. Одиночество въ деревнѣ тяготило его, и въ сентябрѣ прошлаго года онъ женился. Въ началѣ декабря онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, довольный, оживленный, сообщалъ о задуманныхъ новыхъ работахъ, договорился относительно статьи о Гоголѣ для «Историческаго Вѣстника», но 30 декабря писалъ: «Работаю надъ статьей о Гоголѣ вотъ уже вторую недѣлю, и все мнѣ не нравится то, что выходитъ изъ-подъ пера моего. Не оригинально, не красиво и недостаточно сжато и

кратко, а расплывчато писать ужасно не люблю. Какъ только кончу, такъ тотчасъ пришлю вамъ. Долженъ, однако же, признаться, что моя машина работаетъ не попрежнему, и колеса въ ней ходятъ какъ-то вяло, словно не смазаны».

Статья о Гоголѣ, оконченная и посланная 15 января текущаго года, была послѣднимъ трудомъ П. Н. 24 января онъ побѣхалъ въ Петербургъ, простудился въ дорогѣ, схватилъ крупозное воспаленіе легкихъ, надломленный организмъ не могъ бороться съ болѣзнию, и 31 числа его не стало. Кончина П. Н. прошла незамѣченной. Извѣстіе о ней было напечатано только въ одной газетѣ, 2-го февраля, накануне похоронъ, и потому проводить его на Волково кладбище собралась лишь небольшая кучка близкихъ ему людей.

ИСТОРИЯ ШЕСТИ МѢСЯЦЕВЪ.

(Июль—декабрь 1862 г.)¹⁾.

I.

Наканунъ пріѣзда великаго князя Константина Николаевича въ Варшаву.—Переговоры Велепольскаго съ Карломъ Маевскимъ.—Пріѣздъ великаго князя.—Покушеніе Урошинскаго на его жизнь.—Образъ дѣйствій Фелинскаго.—Первые шаги и слова великаго князя въ Варшавѣ.—Проектъ Гурскаго депутаціи и адреса.—Переговоры съ графомъ Замоискимъ и маркизомъ Велепольскимъ.—Ихъ безуспѣшность.—Отношеніе прессы къ покушенію.

ВЪ ВЫШЕДШЕЙ недавно подѣ этимъ заглавіемъ книгѣ В. Приборовскаго, бывшаго редактора кратковременной славянофильской газеты «Хвили» («Chwila»), сообщаются любопытныя свѣдѣнія о событіяхъ, предшествовавшихъ польскому возстанію 1863 г. Авторъ, съ семидесятихъ годовъ постоянный житель Варшавы, нользовался для своего труда разнообразными и частью малодоступными источниками и потому даетъ немало новыхъ свѣдѣній, касающихся прискорбныхъ событій второй половины 1862 г. Извлекаемъ изъ сочиненія Приборовскаго то, что, по нашему мнѣнію, представляетъ интересъ для русскихъ читателей.

Наканунъ прибытія великаго князя Константина Николаевича въ Варшаву, выраженіемъ общественнаго мнѣнія круговъ болѣе умѣренныхъ была такъ называемая партія «бѣлыхъ», состоявшая

¹⁾ «Historya szesciu miesięcy»—W. Przyborowskiego. Peterzburg. 1901.

изъ представителей дворянства, именитаго купечества, еврейской плутократии и большинства интеллигенціи свободныхъ профессій. Элементы революціонные составляли партію «красныхъ», — неудовимую, такъ какъ хотя многіе и знали, что тотъ или другой принадлежитъ къ этой партіи, но объ ея внутренней организаціи и ея «центральномъ комитетѣ» имѣлись въ обществѣ свѣдѣнія сбивчивыя и смутныя. Маркизъ Велепольскій, вполне еще увѣренный въ успѣхъ своей политики, за нѣсколько дней до пріѣзда великаго князя попытался устранить съ своего пути единственное серьезное, какъ ему казалось, препятствіе, а именно удалить изъ Варшавы главныхъ дѣятелей «красныхъ». Мысль эту внушилъ маркизу, повидимому, Леопольдъ Кроненбергъ, видный дѣятель партіи «бѣлыхъ», извѣстный банкиръ и финансистъ. На одномъ изъ засѣданій партіи онъ объявилъ желаніе маркиза, чтобы ему были выданы главари «красныхъ», раскрыта организація ихъ и «центрального комитета». Маркизъ требовалъ этого во имя патриотизма и успѣха примирительной миссіи великаго князя, при чемъ ручался, что обнаруженныхъ и лишенныхъ возможности вредить «красныхъ» онъ вовсе не желаетъ губить и лишь на короткое время вышлетъ ихъ въ Россію. Присутствующіе, хотя не безъ споровъ, нашли полезнымъ исполнить желаніе маркиза. Но это было не легко. Большинство знало «красныхъ» и ихъ организацію лишь по смутнымъ слухамъ. Наконецъ, остановились на Карлѣ Маевскомъ, какъ на единственномъ человѣкѣ, хорошо обо всемъ освѣдомленномъ и являвшемся какъ бы посредствующимъ звеномъ между обѣими партіями. Маевскій согласился на предложеніе Кроненберга и вмѣстѣ съ нимъ, подъ видомъ его секретаря, нѣсколько разъ посѣтилъ Брюлевскій дворецъ, резиденцію маркиза. Но при переговорахъ съ Велепольскимъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обо всемъ, имѣющемъ произойти, составленъ былъ протоколъ въ трехъ экземплярахъ. Одинъ имѣлъ быть отосланъ за границу, на храненіе въ одномъ изъ польскихъ архивовъ, второй хранился бы гдѣ либо въ краѣ, третій выданъ на руки ему, Маевскому: Эта предосторожность, полагалъ Маевскій, гарантировала, что данное маркизомъ слово будетъ сдержано, онъ же, Маевскій, будетъ имѣть оправданіе передъ лицомъ потомства и исторіи. Маркизъ нѣсколько разъ повторялъ торжественныя обѣщанія, что «красныхъ» не погубить, но отъ выдачи письменнаго документа наотрѣзъ отказался. Такъ все дѣло и разстроилось.

Какъ ни тайно происходили переговоры, однако «красные» узнали или догадались о нихъ. Одинъ изъ «красныхъ», Хмеленскій, рѣшилъ отвѣтить покушеніемъ на жизнь маркиза. Онъ надѣялся, что такое покушеніе удержитъ великаго князя въ Петербургѣ, вызоветъ военную диктатуру и тѣмъ ускоритъ взрывъ. Въ его болѣзненномъ мозгу роились впрочемъ и другіе, болѣе самолю-

бивые планы. Одновременно съ покушеніемъ онъ думалъ разогнать ненавидимый имъ за медлительность «центральный комитетъ» и самому захватить власть въ руки. О намѣреніи Хмеленскаго произвести покушеніе комитетъ «красныхъ» не зналъ. Хмеленскій былъ слишкомъ трусъ, чтобы самому рѣшиться на роль активную въ покушеніи. Онъ поручилъ найти нужное лицо своему другу Родовичу, молодому портняжному подмастерью. Родовичъ остановился на Людовикѣ Ярошинскомъ, 22 лѣтъ, подмастерь портняжной же мастерской Щецинской. Ярошинскій былъ тихій, скромный, крайне религіозный, почти совершенно необразованный, отъ природы тупоумный, и поэтому легко поддающійся вліянію громкихъ фразъ самоувѣренныхъ фразеровъ. И поэтому Родовичъ легко добился отъ него обѣщанія: «если дѣло въ томъ, чтобы пожертвовать собою для родины, то я готовъ на все». Тѣмъ не менѣе, узнавъ, что желаютъ, чтобы онъ убилъ Велепольскаго, Ярошинскій согласился на это не безъ колебаній. Заговорщики ежедневно встрѣчались въ Саксонскомъ саду, и въ бесѣдахъ, на которыхъ выработывался планъ покушенія, прошла недѣля. Узнавъ изъ газетъ, что великій князь ускорилъ свой пріѣздъ, они рѣшили, что теперь покушеніе на Велепольскаго лишено смысла, такъ какъ ихъ цѣль: предотвратить пріѣздъ великаго князя,—не можетъ быть уже достигнута. И они надумали направить ударъ свой прямо въ великаго князя. Второго іюля, въ Саксонской гистиницѣ, № 36, Ярошинскій въ назначенный часъ сошелся съ Родовичемъ у Хмеленскаго. Послѣдній, желая утвердить Ярошинскаго въ рѣшимости, кажется, даже предъявилъ ему подложный приказъ центрального комитета. Затѣмъ онъ вынулъ три шестиствольныхъ револьвера и на одномъ, не заряженномъ, сталъ показывать обоимъ, какъ обращаться съ оружіемъ. Кромѣ револьверовъ, далъ имъ и кинжалы. Оба условились въ тотъ же день сойтись на Сѣздѣ (около моста на Прагу). Оттуда они направились на петербургскій вокзалъ, гдѣ, смѣшавшись съ толпою любопытныхъ, около часа ожидали прибытія великаго князя. Поѣздъ прибылъ въ 5¹/₂ часовъ. День былъ ясный, но прохладный. Великій князь, подъ руку съ супругой, имѣя за собой блестящую свиту, прошелся нѣсколько разъ по платформѣ, мимо надвигавшейся толпы любопытныхъ, среди которыхъ находились и Ярошинскій съ Родовичемъ. Тутъ же, позади великаго князя, выдѣлялась громадная фигура маркиза Велепольскаго. Ярошинскій и Родовичъ порѣшили было убить обоихъ, причемъ первый долженъ былъ стрѣлять въ великаго князя, второй въ маркиза. Но видъ великой княгини, готовившейся сдѣлаться матерью, довѣрчиво опирающейся на плечо супруга и ясными, добрыми глазами обводящей присутствующихъ, удержалъ руку Ярошинскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и Родовича. Такимъ образомъ въ этотъ день покушеніе не состоялось. Ярошинскій и Родовичъ

вернулись къ Хмеленскому и рассказали, отчего не исполнили его порученія. Тотъ, вѣроятно, чтобы не оттолкнуть ихъ вовсе отъ себя, ласково выслушалъ ихъ оправданіе, но добавилъ, что все-таки медлить болѣе нельзя, и что непременно завтра же слѣдуетъ произвести покушеніе. Отобравъ отъ нихъ оружіе, онъ приказалъ явиться за нимъ на слѣдующее утро.

Въ это утро, 3 іюля, послѣ пріема въ большомъ залѣ Лазенковскаго дворца, великій князь поѣхалъ одинъ посѣтить православный соборъ, а затѣмъ католическую каеэдру св. Іоанна. Толпы народа встрѣтили его здѣсь и тамъ, при чемъ въ каеэдрѣ привѣтствовалъ намѣстника рѣчью архіепископъ Фелинскій. «Преисполненные упованія въ будущее,—говорилъ между прочимъ архіепископъ,—поручаемъ попеченіямъ вашего императорскаго высочества то, что имѣемъ наиболѣе дорогою на этой землѣ». И у церкви, и у костела, въ толпѣ народа, были и оба заговорщика. Утромъ Хмеленскій настоялъ, чтобы они не откладывали болѣе покушенія. Но вездѣ, по пути великаго князя, толпа народа была столь плотна, что удобнаго момента для выстрѣла не нашлось. Заговорщики опять разошлись, не рѣшившись ни на что, но условившись встрѣтиться около 5 часовъ въ Саксонскомъ саду.

Ярошинскій по возвращеніи домой спокойно пообедалъ, около часа отдыхалъ на кровати, затѣмъ около трехъ часовъ вышелъ на Краковское предмѣстье. Здѣсь онъ встрѣтилъ случайно Родовича и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ Саксонскій садъ, гдѣ послѣ совѣщанія рѣшили произвести покушеніе около театра, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Родовича, великій князь долженъ былъ посѣтить въ этотъ день оперу. Прибывъ къ театру около восьми часовъ, они узнали, что великій князь уже тамъ.

Пришлось дожидать его отъѣзда. Съ этою цѣлью оба вошли въ длинную и темную сѣнь со стороны улицы Вержбовой, условившись, что будутъ стрѣлять съ обѣихъ сторонъ. Коляска великаго князя стояла тутъ же. Пройдя сѣнь, они очутились на дворикѣ театральнаго зданія, не обративъ на себя вниманія. Въ сѣни подъѣзда находилось до тридцати человекъ, которыхъ полиція не трогала, такъ какъ ей приказано было крайне вѣжливо обращаться съ публикой. Впрочемъ, полиція скопилась преимущественно со стороны улицы, мало обращая вниманія на сѣнь подъѣзда и театральныя дворикъ.

По странной случайности, на сценѣ въ этотъ вечеръ шла опера «Александръ Страделла», на героя которой также должны были произвести покушеніе заговорщики при его выходѣ. Въ этомъ именно мѣстѣ оперы великій князь оставилъ театръ (въ десятомъ часу), окруженный свитой высшихъ офицеровъ (князь Бебутовъ, генералъ Кржижановскій, адъютантъ князь Ухтомскій и мн. др.). Въ то время, когда великій князь сѣлся въ коляску, изъ группы

нѣсколькихъ лицъ выдѣлился Ярошинскій и протянулъ руку, точно желая подать прошеніе. Движеніе это намѣстникъ замѣтилъ и перегнулся изъ коляски, вѣроятно, желая принять прошеніе. Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ. Въ тотъ же моментъ городской, Петръ Бѣлый, сильнымъ ударомъ по рукѣ вышибъ револьверъ у Ярошинскаго. Къ нему подоспѣли: второй городской Гома Малиновскій, капитанъ Времсень, бывшій адъютантъ генерала Лидера, и наконецъ полицеймейстеръ Оедоровъ, которые схватили стрѣлявшаго. Родовичъ, вопреки уговору, не произвелъ выстрѣла, быть можетъ, струсивъ. Пользуясь общимъ смятеніемъ, онъ бросилъ револьверъ за чанъ съ дождевой водою и незамѣтно ускользнулъ.

Великій князь былъ раненъ. Пуля пробила пальто, мундиръ и рубашку, содрала кожу на лѣвомъ плечѣ, легко контузила шею и, занутовавшись въ кистяхъ эполета, повисла на шнуркѣ отъ театрального лорнета. Великій князь вышелъ изъ коляски, прошелъ въ комнату за императорской ложей, самъ осмотрѣлъ рану, собственноручно написалъ телеграмму императору и уѣхалъ въ Вельведеръ. Рана оказалась очень легкой, но пережитыя тревоженія вызвали ночью сильный жаръ.

Покушеніе на великаго князя, видимо, воодушевленнаго лучшими намѣреніями, возмутило, исключая крайніе элементы, всѣхъ. Въ городѣ всѣ заговорили, что слѣдуетъ наконецъ положить предѣлъ террору «красныхъ» и т. п., но, увы, дѣло дальше словъ не пошло. У одного архіепископа Фелинскаго слово вызвало немедленно и дѣло. При вѣсти о покушеніи онъ оцѣнилъ. Онъ очень рассчитывалъ на присутствіе въ Варшавѣ великаго князя, брата императора, полагая не безъ основанія, что при его посредствѣ явится возможность притти къ болѣе прочному соглашенію съ правительствомъ. Не теряя минуты, Фелинскій созываетъ на утро, въ семь часовъ, экстренный духовный совѣтъ и заявляетъ собранному духовенству, что желалъ бы отслужить торжественное благодарственное молебствіе по случаю избавленія намѣстника отъ опасности, при чемъ имѣетъ въ виду произнести рѣчи. Въ отвѣтъ на это неожиданно ксендзъ офиціаль Ржевусскій грубо замѣтилъ: «Я бы ни мессы не служилъ, ни рѣчи не произносилъ». Фелинскій на мгновеніе смутился. Но поднялся ксендзъ Игнатій Домаганскій, извѣстный церковный ораторъ и проповѣдникъ, и сталъ доказывать съ жаромъ, что не только слѣдуетъ служить молебствіе, но надлежало бы предложить всѣмъ монастырямъ, чтобы они, для вящей торжественности, выслали на мессу, съ крестами, своихъ представителей. Совѣтовалъ при этомъ, чтобы архіепископъ въ своей рѣчи возможно строже клеймилъ преступленіе скрытоубійствъ. На этомъ совѣтъ и порѣшилъ, и надлежащія наставленія немедленно разосланы были и свѣтскому и монастырскому духовенству.

Наутро всё въ городѣ уже знали, что состояніе здоровья великаго князя удовлетворительно. Около 12 часовъ начался съѣздъ представителей властей и общества къ Бельведеру. Раньше чѣмъ выйти къ собравшимся, великій князь пригласилъ въ кабинетъ маркиза, а послѣ него архіепископа Фелинскаго. Послѣднему онъ съ явнымъ волненіемъ сказалъ: «если кровь, пролитая вчера, поможетъ мнѣ приобрести довѣріе поляковъ, то считать буду этотъ день однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ въ моей жизни». Намекая затѣмъ на пріемъ его въ каѳедрѣ св. Іоанна, добавилъ, что, вѣроятно, немало способствовало его избавленію отъ опасности то благословеніе, которое принялъ онъ изъ пастырскихъ рукъ архіепископа.

Выйдя затѣмъ къ собравшимся, великій князь обратился къ нимъ по-французски съ краткой рѣчью, въ которой заявилъ между прочимъ: «Я глубоко убѣжденъ, что благородный и великодушный народъ польскій отклоняетъ отъ себя всякое соучастіе къ покушеніямъ этого рода; но словъ здѣсь недостаточно, необходимо дѣйствовать. Мой братъ желаетъ вашего счастья, и поэтому прислалъ меня сюда. Разсчитываю на ваше содѣйствіе. Дайте мнѣ возможность работать на вашу пользу и будьте увѣрены, что сдѣлаю все, что только могу». Затѣмъ, обращаясь къ графу Андрею Замойскому, извѣстному патріоту, наиболѣе вліятельному представителю польскаго дворянства, протянулъ ему руку со словами: «Вы согласны со мною, графъ?.. Дайте мнѣ вашу руку», и, одновременно взявъ руку маркиза, добавилъ: «Требую, господа, вашего содѣйствія; поддерживайте меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишённое поддержки народа, бессильно».

Эта великодушная рѣчь, проникнутая горячимъ желаніемъ успокоенія и блага Польши, къ несчастью, произнесена была въ присутствіи ограниченнаго кружка лицъ и не была въ точности передана газетами къ общему свѣдѣнію, благодаря чему сдѣлалось даже возможнымъ распространять по поводу ея много сплетенъ и передержекъ. Газеты, вслѣдъ за официальной, напечатали краткое, неточное и канцелярски сухое резюме рѣчи великаго князя, въ какомъ видѣ она не могла произвести на публику достойнаго ея впечатлѣнія.

Въ городѣ, между прочимъ, рассказывали, что намѣстникъ приглашалъ графа Замойскаго, какъ извѣстно, не одобряющаго политики Велепольскаго, примириться съ маркизомъ, но въ то время, когда предложилъ имъ подать другъ другу руки, графъ брезгливо уклонился отъ пожатія съ маркизомъ. Этого на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, не было, но во всякомъ случаѣ многіе изъ присутствующихъ сильно порицали ту холодную сухость, съ которою отнесся графъ къ словамъ великаго князя.

Послѣ пріема всё направилось въ каѳедру, гдѣ благодарственное молебствіе служилъ самъ архіепископъ. Фелинскій, послѣ «Те

deum», со ступеней алтаря обратился къ народу съ прочувствованной рѣчью, въ которой вымаливалъ у поляковъ, какъ милостыню, милосердіе для Польши же, молилъ, чтобы народъ и его совѣсть отряхнули отъ себя прочь позоръ преступленія.

Слова архіепископа на великаго князя и на всѣхъ присутствующихъ произвели сильное впечатлѣніе.

И безъ того впрочемъ Варшава и вся страна были глубоко возмущены покушеніемъ. На первыхъ порахъ ожидали даже, что послѣдуетъ поворотъ правительства къ дореформенной системѣ дѣйствій. Но рѣчь, которую произнесъ публично маркизъ 5 іюля, и которую дословно передали газеты, разсѣяла эти опасенія. Маркизъ оповѣстилъ, что на должность губернаторовъ трехъ губерній царства (единственныхъ, которыми управляли не поляки) довѣріе императора призываетъ поляковъ, и что это лишь начало реформы провинціальной администраціи, имѣющей совершиться на «незыблемомъ фундаментѣ единодушія дѣйствій между правительствомъ и страной».

Между тѣмъ, представители общества, по инициативѣ здравствующаго и повныиъ Людовика Гурскаго, рѣшили отправить къ великому князю депутацію, которая вручила бы адресъ, выражающій негодованіе по поводу покушенія. Составленіе адреса поручено было тому же Гурскому. Но большинству текстъ адреса, составленнаго Гурскимъ, не понравился. Находили, что онъ напрасно ограничивается осужденіемъ покушенія и лишенъ вовсе политическаго характера, что напротивъ слѣдовало бы, пользуясь случаемъ, высказать въ адресѣ свои пожеланія. Послѣ жаркихъ споровъ адресъ былъ все-таки принятъ, и лишь въ концѣ его добавили слѣдующія слова: «nous espérons, que Votre Altesse Imperiale saura trouver les moyens d'alléger les souffrances de cette nation si longtemps malheureuse». (Надѣмся, что ваше императорское высочество найдете способъ облегчить страданія этого народа, столь долгое время несчастнаго).

Рѣшено было, что во главѣ депутаціи съ адресомъ будетъ графъ Андрей Замойскій. Графъ согласился не сразу, поставивъ при этомъ условіе, чтобы обо всемъ предупрежденъ былъ маркизъ Велепольскій.

Послѣдній обѣщалъ представить все дѣло на усмотрѣніе великаго князя. Когда же на слѣдующее утро Гурскій явился за отвѣтомъ,—Велепольскій заявилъ, что великій князь очень ему благодаренъ за инициативу въ этомъ дѣлѣ, что депутацію приметъ охотно, но при нешрѣмномъ условіи, чтобы во главѣ ея былъ самъ Гурскій, и чтобы онъ лишь одинъ говорилъ отъ ея имени. Гурскій возразилъ, что это невозможно, такъ какъ уже условлено съ графомъ Андреемъ Замойскимъ, что онъ предводитъ будетъ депутаціей; вдобавокъ популярность графа въ странѣ такъ велика, что лишь онъ одинъ можетъ быть представителемъ дворянства. Мар-

кизь, нахмуренный и видимо сосредоточенный на чемъ-то, вдругъ спросилъ: «По старому знакомству скажите мнѣ откровенно: выдвигая Замойскаго, желаете ли вы создать противъ меня политическую партію?» Тутъ Гурскій понялъ, что если великій князь и требовалъ, чтобы во главѣ депутаціи не стоялъ Замоискій, то лишь вслѣдствіе представленій или даже настояній маркиза.

Возмущенный этимъ выдвиганіемъ на первый планъ личныхъ интересовъ и счетовъ въ дѣлѣ великаго общественнаго значенія,— онъ сухо отвѣтилъ: «Маркизь! о созиданіи какой либо партіи противъ васъ никто не думаетъ, но господинъ Замоискій пользуется въ странѣ такимъ авторитетомъ, что если онъ не будетъ предводительствовать, то никто не пойдетъ въ Бельведерь. Если бы я согласился стать во главѣ депутаціи, то оглянувшись назадъ, никого бы за собою не нашелъ и долженъ былъ бы одинъ идти къ великому князю». Замѣчаніе это показалось маркизу небезосновательнымъ, и, повидимому, примиряясь уже съ мыслью видѣть во главѣ депутаціи графа, онъ сталъ спрашивать Гурскаго о подробностяхъ, а затѣмъ попросилъ прочесть текстъ адреса.

Услышавъ заключительныя слова «о страданіяхъ народа, столь долго несчастнаго», маркизь заявилъ, что представленіе такого адреса невозможно, что онъ его не разрѣшитъ. Возникъ споръ, и оба разошлись, оставшись каждый при своемъ мнѣніи.

Но, увы, дѣлу адреса не повезло не только у маркиза. Когда Гурскій отъ маркиза пріѣхалъ къ графу, гдѣ собранные члены депутаціи ожидали результата переговоровъ, то нашелъ графа въ состояніи крайняго раздраженія, при чемъ онъ наотрѣзъ отказывался ѣхать въ Бельведерь. Такъ и не удалось добиться уступокъ ни отъ маркиза, ни отъ графа, и послѣ двухдневныхъ тщетныхъ въ этомъ направленіи усилій пришлось мысль о депутаціи оставить. Къ счастью, публика ничего обо всемъ этомъ не знала, и неудавшееся дѣло депутаціи огласки не получило.

Варшавскія газеты молчали о покушеніи, ограничиваясь перепечатками изъ официального «Dziennika Powszechnego». Но молчали не по своей волѣ. «Gazeta Polska», редактируемая тогда Крашевскимъ и считаемая органомъ партіи «бѣлыхъ», приготовила горячее воззваніе къ народу, въ которомъ осуждался всякія покушенія именно съ точки зрѣнія польскаго патриотизма. Статья могла имѣть большое вліяніе на общество, но Велепольскій не пропустилъ ея. Тѣмъ шире распространялось вліяніе газетъ подпольныхъ и заграничныхъ. Особенно отличился Краковскій «Сзасъ». Осуждая покушеніе, онъ утверждалъ, что это дѣло рукъ либо полиціи, желающей сохраненія настоящаго режима, либо нѣмецкой партіи въ Петербургѣ, не сочувствующей реформамъ и великому князю. Въ дальнѣйшемъ газета заявляла положительно, что покушался на жизнь великаго князя русскій, Иванъ Некрашевъ, сынъ петербургскаго купца.

II.

Дворъ великаго князя въ Варшавѣ.—Хрентовичъ, Вржесневскій и Тенгоборскій.—Отношеніе Велепольскаго къ евреямъ и права, дарованныя имъ.—Отношеніе его къ прессѣ и послѣдствія этого.—Перемены въ сферахъ высшей администраціи.—Увольненіе президента Варшавы Войде.—Приемы въ Брюлевскомъ дворцѣ.—Госпожа Келлеръ и ея роль.—Отвергнутые проекты новаго административнаго отдѣленія царства и реформы суда.—Переговоры съ архіепископомъ и отношеніе великаго князя къ дѣламъ духовнымъ кралъ.

Между тѣмъ августѣйшій намѣстникъ понемногу устроивался въ Варшавѣ, и около него образовался давно здѣсь невиданный польскій придворный штатъ.

Гофмейстеромъ назначенъ былъ графъ Хрентовичъ изъ литовской знати, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и благоволеніемъ великаго князя и имѣвшій на него нѣкоторое вліяніе. Хрентовичъ имѣлъ друзей въ кругу высшаго варшавскаго общества; особенно близокъ былъ къ графу Александру Пржездзецкому, извѣстному меценату и исторнику, а также къ Францу Венглинскому, члену дирекціи «бѣлыхъ». Великій князь узнавалъ отъ него о многомъ, что творилось въ Варшавѣ.

Вторымъ полякомъ, приближеннымъ къ намѣстнику, былъ Альфъ Вржесневскій, комендантъ великокняжеской квартиры, сынъ доктора изъ Ошатова. Красивый, изящный, онъ имѣлъ обширныя связи во всѣхъ слояхъ варшавскаго общества, при чемъ среди молодежи охотно прикидывался Валленродомъ, въ сущности же любилъ пользоваться жизнью, быть желаннымъ въ обществахъ—и только. Великій князь также благоволилъ къ нему, и когда проѣзжалъ по улицамъ Варшавы, —за нимъ почти всегда слѣдовалъ въ маленькой изящной коляскѣ Вржесневскій.

Третьимъ приближеннымъ ко двору великаго князя полякомъ былъ Юліанъ Тенгоборскій, начальникъ дипломатической канцеляріи, сынъ извѣстнаго финансиста и русскаго консула въ Данцигѣ, получившій воспитаніе въ Петербургѣ. Это была личность безцвѣтная, не оказывавшая никакого вліянія на теченіе вещей.

Маркизъ Велепольскій старался усилить элементъ польской аристократіи при дворѣ, пытаясь склонить дамъ посѣщать Вельведерь.

Послѣ покушенія, великій князь, подчиняясь настояніямъ маркиза, сталъ появляться на улицахъ, окруженный конвоемъ. Первый такой выѣздъ онъ совершилъ 28 іюля, при чемъ прежде всего посѣтилъ въ Брюлевскомъ дворцѣ маркиза, потомъ командующаго войсками барона Рамзая, и, наконецъ, архимандрита Іоаннікія и архіепископа Фелипскаго.

По совѣту Велепольскаго, намѣстникъ дѣятельно занимался въ то время дѣломъ довершенія эмансипаціи евреевъ. Они получили право принадлежать къ ремесленнымъ такъ называемымъ «цехамъ»

(обществамъ), быть избираемыми на должность ремесленныхъ старшинъ, быть избирателями и избираемыми въ купеческихъ собранияхъ, судьями коммерческихъ судовъ и совѣтниками польскаго банка; наконецъ, получили право повсемѣстнаго жительства въ царствѣ Польскомъ. Но Велепольскій не остановился и на этомъ. Онъ отменилъ всѣ спеціальныя налоги на евреевъ, какъ, наприкладъ, за временное пребываніе въ столицѣ края, за право торговли крѣпкими напитками и прочее; всѣ эти налоги приносили казнѣ милліоны дохода, и снимая это бремя съ евреевъ, приходилось перелagать его на христіанъ, хотя бы путемъ возвышенія налога на спиртные напитки и тому подобное. Понималъ это Велепольскій, но шелъ къ цѣли сознательно. Въ разговорѣ съ раввиномъ Майзельсомъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ ему: «отнынѣ евреи не имѣютъ никакого повода вѣшиться въ извѣстнаго рода дѣла».

Въ то же время, противъ ожиданій общества, положеніе польской прессы значительно ухудшилось. Предполагали, что съ пріѣздомъ великаго князя польскія газеты получатъ возможность открыто и широко обсуждать общественно-политическія дѣла. Это могло бы имѣть для страны крайне благотворныя послѣдствія, такъ какъ во главѣ журналистики польской стояли опытные и талантливые люди (Крашевскій, Кеннигъ, Кучъ), убѣжденные противники революціоннаго движенія. Даже относительная свобода слова сразу отняла бы всю притягательную силу у прессы подпольной, правительству же дала бы возможность точно знать настроеніе и стремленія общества.

Но маркизъ въ этомъ отношеніи оказался крайне близорукимъ, нѣкоторые же утверждали прямо, что онъ боялся, дабы газеты не стали распатывать его положенія, какъ руководящаго государственнаго мужа.

Когда цензура не разрѣшила «Gazecie Polskiej» статьи, направленной противъ покушеній, это показалось до того непонятнымъ даже людямъ, наиболѣе расположеннымъ къ правительству, что одинъ изъ нихъ, новый директоръ «Комиссіи просвѣщенія», Кржиницкій, представилъ 18-го іюля проектъ новаго закона о временной печати. Предлагалось взимать съ издателей ежедневныхъ газетъ залогъ (5.000 рублей въ Варшавѣ и 3.000 рублей въ провинціи), требовать представленія номера съ подписью редактора за четыре часа до выпуска, взаменъ чего упразднить цензуру. Проектъ этотъ не былъ одобренъ маркизомъ и поэтому остался даже безъ обсужденія.

По нѣкоторымъ слухамъ, нѣсколько лицъ, искренно приверженныхъ къ правительству, лично просили великаго князя разрѣшить выпускъ газетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ цензуры, дабы въ теченіе этого времени онѣ могли повліять на овдоровленіе об-

щественнаго мнѣнія. Но маркизъ, къ которому великій князь обратился за совѣтомъ, отвѣтилъ, что «ни подь какимъ видомъ» на это согласиться нельзя, что онъ «обойдется и безъ этихъ господъ». Вообще, въ отношеніяхъ маркиза къ прессѣ проглядывала почти личная злоба, и онъ не задумываясь подчинилъ ее полному произволу цензуры и полиціи. Газеты, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ заняться ближайшими дѣлами, совершенно замолкли и стали все болѣе и болѣе культивировать на своихъ столбцахъ иностранную политику.

Но и въ передовыхъ статьяхъ изъ области внѣшней политики Веленольскій сумѣлъ находить нежелательныя иллюзіи, вслѣдствіе чего, не задумываясь, совершенно запретилъ помѣщать и передовыя статьи; спустя же нѣсколько дней, пошелъ еще далѣе, приказавъ, чтобы подь каждой статьей политическаго характера подписываемы были названія трехъ иностранныхъ газетъ: «Times», «Indépendance Belge», «Schlesische Zeitung», хотя бы онѣ и не были источникомъ данной статьи. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ убѣдить публику, что варшавскія газеты лишь перепечатываютъ извѣстія изъ иностранныхъ источниковъ.

Свои мѣропріятія противъ прессы маркизъ мотивировалъ въ официальномъ своемъ органѣ: «Dziennik Powszechny», сознательно лживо, заставляя къ тому же другія изданія перепечатывать эту ложь, безъ всякихъ на нее возраженій. «Недавно варшавскія газеты,—писалъ «Dziennik Powszechny»,—сознательно и громко требовали разрѣшенія писать о внутреннихъ дѣлахъ». «И вотъ для удовлетворенія этимъ требованіямъ и даже для инициативы (!) въ этомъ направленіи, основанъ былъ «Dziennik Powszechny», который сталъ печатать статьи о наиболѣе важныхъ вопросахъ, касающихся внутренняго управленія краемъ». Частныя газеты въ началѣ послѣдовали съ радостію этому примѣру, но не надолго, такъ какъ вскорѣ вернулись опять къ щекотливой сферѣ политики иностранной. Тогда надлежащая правительственная власть, видя, что одного примѣра недостаточно, поручила цензурѣ, дабы та, «оставляя всегда свободу при обсужденіи внутреннихъ дѣлъ, запретила, впредь до новаго распоряженія, передовыя статьи и самостоятельныя статьи о политикѣ иностранной».

Эта ложь, которую разоблачить газеты не имѣли возможности, оканчивалась слѣдующими заключительными вдвойнѣ лживыми словами:

«Выведетъ ли это средство газеты изъ заколдованнаго круга, поймутъ ли онѣ, что наиболѣе крупныя вопросы заграницы меркнутъ передь лицомъ нуждъ и задачъ родины? — покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, продолжая хранить воздержаніе въ этомъ направленіи, руководители газетъ не могутъ ссылаться на цензурныя препятствія».

Такъ неблагородно мстилъ маркизъ прессѣ за всѣ тѣ непріятности, которыя, какъ полагалъ онъ, она ему причиняла, за всѣ тѣ отзывы о немъ, которые печатались въ то время, когда онъ не былъ всевластнымъ правителемъ. Крашевскій, который раньше всѣхъ долженъ былъ въ «Gazecie Polskiej» перепечатать статью маркиза, сдѣлалъ еще послѣднюю попытку заговорить объ общественныхъ дѣлахъ искренно и прямо, и приготовилъ статью: «Дзенникъ Повнєхны и его отношеніе къ другимъ газетамъ». Когда цензура ея не пропустила, то отъ дальнѣйшей невозможной борьбы всѣ отказались.

Такимъ образомъ, маркизъ совершенно напрасно создалъ себѣ изъ прессы непримиримаго врага, хотя имѣлъ полную возможность искать и найти ея содѣйствіе. Несомнѣнно, исторія сочтетъ это за одну изъ главныхъ его ошибокъ, поведшихъ неотвратимо къ развитію дальнѣйшаго хода событій, такъ какъ власть въ лицѣ маркиза по своей волѣ возстановляла противъ себя все общественное мнѣніе страны.

Помимо этого, въ другихъ направленныхъ онъ проявлялъ кипучую дѣятельность и недюжинный умъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умѣніе плодить вездѣ враговъ. Изъ числа 15.000 чиновниковъ, въ большинствѣ не сочувствовавшихъ новому направленію, онъ оставилъ на службѣ не болѣе одного процента; это, быть можетъ, и было полезно для освѣженія административной машины, но создало новые кадры явно недовольныхъ.

Преобразованія эти коснулись и верховъ администраціи. По его инициативѣ рушилась административно-полицейская власть генераль-губернатора въ Варшавѣ, такъ какъ эта должность (по словамъ указа 15-го іюля) «сдѣлалась бесполезной со времени новаго устройства высшей администраціи въ царствѣ Польскомъ».

Къ вышеуказаннымъ переѣнамъ общественное мнѣніе отнеслось одобрительно. Наоборотъ, оскорбительные для маркиза слухи вызвали увольненіе президента Варшавы, Казимира Войде, хотя тотъ и считался крайне угодливымъ, а потому популяренъ не былъ. Предлогъ увольненія былъ слѣдующій. Новый городской совѣтъ, въ которомъ засѣдали между прочими: Матіасъ Гозень, знаменитый впоследствии докторъ Титъ Халубинскій, Леопольдъ Кроненбергъ,—тщательно занялся обслѣдованіемъ положенія заключенныхъ, сидящихъ подъ арестомъ при городской ратушѣ. Обнаружились дѣла вопіющія. Между прочимъ, оказалось, что съ 1-го января по 20-е іюля заключено здѣсь было, на срокъ отъ 1-го дня до 4-хъ мѣсяцевъ,—14.833 лица, т. е. около $\frac{1}{10}$ тогдашняго населенія Варшавы. Одна женщина съ 4-лѣтнимъ больнымъ ребенкомъ за то, что не имѣла паспорта, заключена была въ одну комнату съ 34 проститутками, хотя комнаты рядомъ были совершенно пусты. Питаніе, гигиеническія условія заключенныхъ были невоз-

можны. Всѣ эти безпорядки довольно рѣзко осуждались въ рапортѣ, скрѣпленномъ, хотя неохотно, подписью президента Войде и представленномъ высшимъ властямъ. Въ виду нѣкоторыхъ замѣчаній и заключеній, городской совѣтъ, быть можетъ, превысилъ въ данномъ случаѣ свою компетенцію, но все дѣло могло бы ограничиться простымъ за это выговоромъ, такъ какъ совѣтъ, учрежденіе молодое, не могъ еще въ должной степени приобрести надлежащаго опыта и дисциплинироваться. Но Велепольскій, недовольный, что извѣстіе объ этихъ злоупотребленіяхъ, благодаря чьей-то нескромности, проникло за границу, въ краковскій «*Czas*», къ тому же желая видѣть президентомъ своего сына, Сигизмунда, воспользовался случаемъ и демонстративно уволил Войде «для блага службы».

Въ Брюлевскомъ дворцѣ, около маркиза, на первыхъ порахъ, кромѣ сына Сигизмунда, не было никого. Но въ концѣ іюля прибыла изъ Кракова супруга, рожденная Потоцкая, типичная, величественная «*grande dame*», нѣкогда красавица, и вслѣдъ затѣмъ маркизъ открылъ пріемы для ограниченнаго числа избранныхъ: по понедѣльникамъ вечерніе и по четвергамъ обѣдненные. По понедѣльникамъ былъ приглашаемъ міръ чиновный. Исполнѣ завися отъ Велепольскаго, чиновники вели себя до того раболѣпно, что сынъ его Сигизмундъ, уже президентъ Варшавы, неоднократно громко вышучивалъ ихъ. Бывалъ здѣсь и архіепископъ, котораго отличала и занимала бесѣдою маркиза. Женщинъ бывало мало, такъ какъ являться въ черныхъ платьяхъ казалось неудобнымъ, надѣвать же цвѣтныя рѣшались немногія. Маркизъ, большею частью, былъ не въ духѣ и мрачный, изрѣдка бросалъ кому либо нѣсколько словъ, которыя на утро повторялъ весь городъ. Руку онъ подавалъ немногимъ, и случалось, что нарочно вытаскивалъ носовой платокъ, види чью либо протянутую къ себѣ руку, и такимъ образомъ отклонялъ рукопожатіе.

Маркизъ Велепольскій продолжалъ работать, не покладая рукъ, надъ задачами преобразованія края. Политическимъ его идеаломъ было царство Польское до 1831 года. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ такъ далеко, что требовалъ возстановленія прежняго раздѣла царства на 8 губерній (бѣлыхъ воеводствъ). Проектъ этотъ, представленный императору, кажется, не встрѣтилъ сочувствія въ Петербургѣ и не разсматривался вовсе.

Точно такъ же не посчастливилось проекту «главнаго суда», долженствовавшаго возстановить формы суда до 1831 года. Этому же суду предполагалось передать, изъявъ ихъ изъ вѣдѣнія военныхъ судовъ, государственныя преступленія.

Благополучіе вершились дѣла духовныя, благодаря такту архіепископа и доброжелательству намѣстника великаго князя. Здѣсь главнымъ камнемъ преткновенія былъ вопросъ о смѣшанныхъ бра-

кахъ, такъ какъ по указу 1836 года дѣти отъ такихъ браковъ могли воспитываться исключительно въ вѣрѣ православной. Духовенство считало требованія указа несогласуемыми съ каноническими уставами католической церкви. Вопросъ объ этомъ разсматривался въ Петербургѣ, во время пребыванія тамъ Велеспольскаго, и (какъ онъ по возвращеніи возвѣстилъ публично, 28-го іюни) «поручено было департаменту исповѣданій, дабы тотъ снесся съ министерствомъ юстиціи для разсмотрѣнія закона о бракахъ и возстановленія прежняго порядка вещей».

Но такъ какъ результата всего этого нельзя было ожидать скоро, то великій князь, съ дозволенія императора, своею властью разрѣшалъ въ единичныхъ случаяхъ, чтобы вопросъ о религій дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ рѣшали сами родители. Ходъ событій и вспыхнувшее возстаніе приостановило все доброжелательныя намѣренія правительства въ этомъ отношеніи.

III.

Слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго.—Причина его совнанія.—Судъ и приговоръ надъ нимъ.—Исторія перваго покушенія на жизнь маркиза.—Людовикъ Рилль.—Его прошлое.—Онъ является слѣдственнымъ орудіемъ въ рукахъ настоящихъ злоумышленниковъ.—Покушеніе и его полная неудача.—Первые дни послѣ покушенія.—Миг Ржонца.—Второе покушеніе на жизнь маркиза.

Винovníкъ покушенія на великаго князя, португальскій подмастерье, Людовикъ Ярошинскій, сидѣлъ въ цитадели подъ слѣдствіемъ, которое подвигалось впередъ крайне медленно. На вопросы Ярошинскій либо отмалчивался, либо давалъ уклончивые отвѣты. Заявилъ, наприимѣръ, что «приобрѣлъ револьверъ отъ неизвѣстнаго за 15 рублей и отъ него же кинжалъ за 3 рубля». На вопросъ, откуда имѣлъ онъ столько денегъ, между тѣмъ какъ извѣстно было, что вѣчно нуждался,—отвѣтилъ рѣзко: «денегъ не воровалъ, но заработалъ». Сознался наконецъ, что имѣлъ сообщниковъ, но не назвалъ ихъ, «такъ какъ никого не желаетъ губить безвинно». Разъ заявилъ, что и въ Лидерса стрѣлялъ онъ, на вопросъ же о подробностяхъ отрѣзалъ грубо: «стрѣлялъ, и все тутъ». Слѣдствіе точно опровергло это заявленіе.

Такъ какъ изъ всѣхъ отвѣтовъ Ярошинскаго явствовало, что онъ считаетъ себя героемъ, которому исторія будущаго воздастъ должное, то чтобы пошатнуть его въ этомъ убѣжденіи, былъ приглашенъ тюремный священникъ. Но опытъ оказался неудаченъ и не измѣнилъ настроенія заключеннаго. Тогда ему доставили заграничныя польскія газеты («Czas», «Dziennik Poznański», «Nadwisłanin»), которыя доказывали, что покушеніе дѣло безразсудное и преступное, требующее съ польской точки зрѣнія безусловнаго осужденія.

Статья эти произвели на него столь сильное впечатлѣніе, до того поколебали увѣренность въ героизмъ его подвига, что онъ наконецъ заявилъ желаніе открыть всю правду, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ судей, Слунскій, полякъ, обѣщалъ, что взаменъ признанія ему будетъ дарована жизнь, обѣщаніе, которое исполнить не было въ его власти.

Когда показаніе Ярошинскаго было провѣрено, при чемъ оказалось, что его сообщникъ Родовичъ, при помощи его знакомыхъ, скрылся за границу, а Хмеленскій исчезъ безслѣдно,—то командующій войсками въ краѣ, Рамзай, приказомъ отъ 11-го августа, отдалъ преступника во власть военного суда, но въ предсѣдательствѣ генерала Мерхелевича, кратковременнаго, въ 1861 году, полицеймейстера варшавскаго. Отчасти подъ вліяніемъ маркиза, великій князь распорядился, чтобы судъ былъ гласный, и при открытыхъ дверяхъ. Это произвело на публику очень благоприятное впечатлѣніе. Разборъ дѣла назначенъ былъ на 14-ое августа, въ 9 часовъ утра, въ бѣломъ залѣ дома (бывшій Паца) на Медовой, занятого губернскимъ правленіемъ.

Судъ происходилъ на польскомъ языкѣ. Преступникъ доставленъ былъ въ закрытомъ экипажѣ; при проѣздѣ толпа еврейской черни стала кричать вслѣдъ быстро мчавшейся каретѣ: «ура!»

Защитникомъ назначили Ярошинскому Викентія Гробицкаго, добросовѣтнаго и опытнаго юриста, недавно прибывшаго изъ Петербурга, гдѣ онъ заявилъ себя опредѣленнымъ противникомъ революціоннаго движенія. Когда Ярошинскій, тщедушный, смуглый брюнетъ, появился въ залѣ, толпа съ нѣкоторымъ разочарованіемъ и даже недоброжелательствомъ стала разсматривать его. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ былъ и окровавленный мундиръ великаго князя. Ярошинскій отвѣчалъ просто и откровенно, но казался сильно угнетеннымъ. На вопросъ, онъ ли стрѣлялъ въ великаго князя,—отвѣтилъ, что да и сдѣлалъ это «изъ любви къ родинѣ». Спрошенный, не примѣнялись ли къ нему во время слѣдствія принудительныя мѣры,—отвѣтилъ, что «съ чистымъ сердцемъ, какъ истый полякъ, утверждаетъ, что нѣтъ».

Защитникъ указывалъ на то, что изъ дѣла не видно, чтобы великій князь призналъ въ Ярошинскомъ то лицо, которое въ него стрѣляло; что признаніе Ярошинскаго не совсѣмъ согласно съ данными слѣдствія, что сознался онъ лишь тогда, когда ему обѣщали, что даруютъ жизнь. Въ заключеніе требовалъ, дабы обѣщаніе это, данное слѣдственной властью, было исполнено. Пренія окончились въ 3 часа пополудни, а въ 6 часовъ вечера Мерхелевичъ огласилъ приговоръ, по которому Ярошинскій присужденъ былъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ этотъ, утвержденный великимъ княземъ 19-го августа, спустя двое сутокъ, приведенъ былъ въ исполненіе. Изъ близкихъ Ярошинскому лицъ во время слѣдствія не пострадалъ никто, только содержательница мастерской, въ кото-

рой работалъ виновный, вдова Цицинскаго, административнымъ порядкомъ выслана была изъ Варшавы.

Слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго обнаружило съ очевидностью, что главная ненависть крайнихъ элементовъ направлена противъ маркиза. Мысль убійства его дѣйствительно не покидала ихъ ни на минуту, тѣмъ болѣе, что неопредѣленные слухи говорили о возможности и попыткахъ сближенія съ маркизомъ партіи «бѣлыхъ». Революціонеры понимали, что случись это на самомъ дѣлѣ, и о возстаніи печего мечтать. Поэтому слѣдовало это сближеніе предупредить, подрѣзать въ корнѣ, убивъ Веленпольскаго.

Мысль эту усиленно поддерживалъ Хмеленскій. Послѣ покушенія на великаго князя, онъ до того поспѣшно оставилъ Саксонскую гостиницу, что не захватилъ своихъ вещей, но Варшавы не покинулъ и скрывался у разныхъ знакомыхъ. вмѣстѣ съ Ярославомъ Домбровскимъ, онъ занялся устройствомъ давно задуманнаго покушенія на маркиза. Среди юношества найти лицо, жаждущее хотя бы Геростратовой славы, было не трудно. Совершенно случайно выборъ палъ на Людовика Александра Рылля, литографскаго ученика, около 20-ти лѣтъ отъ роду. Тѣмъ не менѣе Рылля имѣлъ уже за собою бурное прошлое. Родился онъ въ имѣніи графа Гутаковскаго и былъ, повидимому, плодомъ связи жены Рылля съ графомъ. Ребенка съ дѣтства воспитывалъ графъ, искорѣ продавшій имѣнія въ царствѣ и переселившійся въ Познань. Молодой Рылля учился туго и изъ 5-го класса реальной гимназіи былъ отданъ въ ученики къ литографу. Но и здѣсь преуспѣвалъ онъ плохо, и графъ отправилъ юношу въ 1859 году въ Варшаву. Въ Варшавѣ старика Рылля уже не оказалось—онъ пропалъ безъ вѣсти, мать жила въ монастырѣ Сакраментокъ, два брата и сестра—дѣйствительныя дѣти стараго Рылля—прозябали въ нищетѣ. Прибывшій не сошелся съ семействомъ и, избѣгая работы, сталъ засиживаться по пивнымъ, влача жалкую жизнь со дня на день. Съ голоду онъ сталъ работать у кузнеца, но, порѣзавъ себѣ руки и ноги, бросилъ и это. Наконецъ, заболѣлъ и очутился въ больницѣ. Выйдя изъ больницы, онъ бродилъ по городу почти нагой; въ это время его отыскалъ нарочно для этого прибывшій изъ Познани управляющій графа, нѣкій Залѣскій, приодѣлъ, далъ денегъ и помѣстилъ ученикомъ въ литографію Регульскаго. Но Рылля работалъ и здѣсь неохотно, часто напивался, и хозяинъ искорѣ отказалъ ему. Залѣмъ работалъ у печника, опять въ литографіи Янниевскаго, весною же 1864 года какимъ-то образомъ попалъ въ одно изъ первыхъ литографскихъ заведеній въ Варшавѣ — Флека (Fleck). Самъ Флекъ за литографированіе разныхъ воззваній и патріотическихкихъ пѣсенъ еще въ 1861 году сосланъ былъ въ Россію, заведеніемъ же управляла его жена. Отъ Флека перекочевалъ Рылля въ литографію Сигизмунда Вронскаго, на Трембацкой улицѣ. Здѣсь,

какъ потомъ показывали его товарищи, никогда не видали его трезвымъ; вдобавокъ онъ обнаруживалъ наклонность къ вспышкамъ и буйству. Но вѣроятный его отецъ, графъ Гутаковскій, не теряя его изъ виду и еще разъ пришелъ къ нему съ помощью, начавъ выдавать черезъ третье лицо 12—15 рублей въ мѣсяцъ и платить за квартиру. Но такъ какъ условіемъ этого было хорошее поведеніе, то Рыльскъ получалъ деньги недолго. Узнавъ, что онъ попрежнему ведетъ жизнь невозможную, графъ, въ іюнѣ 1862 года, прибылъ самъ въ Варшаву. Но, свидѣвшись съ сыномъ, до того былъ пораженъ его вѣщимъ и правдивымъ обликомъ, что, повидному, порѣшилъ порвать съ нимъ всякую связь; уѣзжая, онъ ничего ему не оставилъ и болѣе о немъ не справлялся. И опять Рыльскъ вернулся къ прежнему прозябанію, живя изъ милости у друга своего, саножника Станшевскаго. Онъ сталъ все чаще жаловаться на судьбу, на людей, неоднократно увѣрялъ, что готовъ на все, что дальѣе выносить такой жизни не можетъ.

И этому-то неоквержанному, полувѣрному существу пришлое быть стѣннымъ орудіемъ въ рукахъ Хмеленскаго и его сообщниковъ. Натолкнувъ на него Хмеленскаго ибкій Станиславъ Яницкій, изъ партіи «красныхъ», приказчикъ въ книжномъ магазинѣ Фридриха. Онъ видѣлъ нѣсколько разъ Рыльскаго въ литографіи Флека, куда являлся со счетами,—и, встрѣтивъ его теперь на улицѣ, пригласилъ въ кондитерскую. Здѣсь Рыльскъ началъ обычныя жалобы на судьбу, увѣрялъ, что готовъ поступить въ солдаты или сдѣлать какую либо «глузость», чтобы попасть въ тюрьму. Яницкій, понижывая его взглядомъ, какъ сознавался потомъ Рыльскъ, неопредѣленно заявилъ, что, быть можетъ, вскорѣ судьба ему улыбнется. Затѣмъ пригласилъ въ ближайшее воскресенье, 6-го іюля, въ садъ на такъ называемомъ «Фокзалѣ» (принадлежавшемъ, кстати, шурина маркиза, въ то время уже умершему графу Омѣ Потопскому). Здѣсь Рыльскъ нашелъ «Станислава» (знакомство было такъ поверхностно, что фамиліи его онъ не зналъ) въ обществѣ двоихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одного въ разговорѣ называли Феликсомъ (Каминскій), а второй много старше, около 30 лѣтъ, брюнетъ съ большими усами и суровымъ выраженіемъ лица, такъ и остался для слѣдственныхъ властей и для исторіи неразгаданнымъ. Но вѣроятно, это и былъ самъ Хмеленскій. Здѣсь Феликсъ, у котораго во время разговора, какъ показывалъ Рыльскъ, «руки первно дрожали», началъ говорить о политикѣ, заявилъ, что вскорѣ вспыхнетъ вооруженное возстаніе, что организація революціонная охватила уже весь край, что въ Варшавѣ много людей, готовыхъ жертвовать жизнью за отечество. Увѣрялъ, что онъ и его товарищъ устроили всѣ прошлогоднія манифестаціи и тѣмъ подняли духъ въ народѣ. Но главное препятствіе на пути ихъ это Велопольскій, который долженъ быть и будетъ устраненъ. Разговоръ происхо-

дилъ въ ресторанѣ, находящемся въ этомъ же саду. Рыль замѣтилъ поодаль нѣсколько молодыхъ людей, которые въ разговорѣ не вмѣшивались, но, повидимому, принадлежали къ единомышленникамъ Феликса и его товарища.

Спустя два дня, Рыль встрѣтилъ на улицѣ одного изъ этихъ молодыхъ людей. Это былъ Янъ Ржонць, тоже литографъ, «десятникъ» тайной организаціи. Тотъ также пригласилъ Рыля въ «Фокзалъ», откуда вечеромъ повелъ въ домъ, на углу улицъ Слизкой и Сѣнной. Здѣсь въ боковомъ флигелѣ, въ квартирѣ изъ одной комнаты и кухни, они нашли Ковальскаго и таинственнаго незнакомца, котораго Ржонць представилъ, какъ «защитника родины». И тогда-то впотѣмахъ, въ полумракѣ июльской ночи, они уговорили окончательно Рыля на покушеніе; обѣщали, если не будетъ пойманъ, дать ему всякую помощь и средства на выѣздъ за границу. Въ заключеніе обязали быть готовымъ по первому же призыву. Четыре дня спустя, таинственный незнакомый появился въ литографіи Вронскаго, гдѣ Рыль все еще съ перерывами работалъ, и развернулъ передъ нимъ бумагу съ какими-то неясными подписями и двумя печатями, утверждая, что эта бумага разрѣшаетъ дѣйствовать для защиты родины всякими средствами. Эта тактика, почти тождественная съ той, какую употреблялъ Хмеленскій относительно Ярошинскаго, позволяетъ предполагать съ большою достовѣрностью, что незнакомецъ и былъ именно Хмеленскій. Убѣдилъ онъ Рыля, что бѣгство будетъ ему облегчено, что вблизи будетъ его ожидать коляска, и наконецъ убѣждалъ передъ покушеніемъ принять ядъ. Если бѣгство будетъ удачно, говорилъ онъ, то легко излѣчиться отъ яда, въ противномъ случаѣ быстрая смерть лучше смерти на висѣлицѣ. При этомъ щедро угостилъ его виномъ и далъ два рубля. Съ тѣхъ поръ Ковальскій, Яницкій, Ржонць и Рыль встрѣчались часто, при чемъ главнымъ образомъ угощались по пивнымъ и ресторанамъ. Однажды, на «Фокзалѣ» Рыль опять встрѣтилъ неизвѣстнаго, и тотъ опять далъ ему рубль, такъ какъ Рыль снова бросилъ работу и былъ безъ гроша.

Ярославъ Домбровскій, одинъ изъ руководителей, первоначально хотѣлъ переодѣть Рыля въ офицерскій мундиръ и, вооруживъ револьверомъ, направить въ Бельведеръ, куда маркизъ ежедневно ѣздилъ и, ожидая пріема у великаго князя, имѣлъ обыкновеніе прогуливаться по Бельведерскому парку. Въ мундирѣ офицера можно было проникнуть въ паркъ. Но Рыль, переодѣтый въ мундиръ, держалъ себя такъ неуклюже, былъ такъ смѣшенъ, что сразу возбудилъ бы подозрѣніе. Поэтому рѣшено было стрѣлять въ маркиза на улицѣ.

Наконецъ, 7 августа, неизвѣстный, встрѣтившись на «Фокзалѣ» съ Рылемъ, заявилъ, что покушеніе должно быть совершено непременно сегодня, что сегодня же около часу дня маркизъ будетъ

въ «комиссіи финансовъ», зданіе которой находится внутри большого двора и соединено другими дворами со зданіями Польскаго банка, что очень облегчитъ бѣгство. Затѣмъ оба отправились знакомиться съ мѣстомъ покушенія, при чемъ по дорогѣ трижды заходили угощаться водкой и пушшемъ. Указавъ на мѣстѣ, что и какъ дѣлать, незнакомецъ сунулъ сообщнику въ карманъ револьверъ, велѣлъ послѣ покушенія бѣжать по направленію къ воротамъ банка, обѣщавъ, что на улицѣ будетъ ему подана помощь, и, пожелавъ успѣха, разстался. Былъ часъ времени, погода послѣ утренняго дождя была холодная и вѣтреная. Дворъ былъ почти пустъ, изрѣдка сновали въ одиночку или попарно чиновники и сторожа. Чувствуя жажду, Рыль вышелъ на улицу, въ пивную, и затѣмъ вернулся обратно. Онъ долго, слишкомъ часъ, расхаживалъ по двору и уже собирался уходить, полагая, что маркизъ не прійдетъ. Но вдругъ вбѣжалъ торопливо во дворъ Ржонць и, проходя быстро мимо Рылля, прошепталъ: «маркизъ ѣдетъ». Вслѣдъ за тѣмъ загремѣли по мостовой двора колеса, и въ открытой коляскѣ показалась могучая фигура маркиза.

На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ курьеръ съ портфелемъ подъ мышкой. Такъ какъ слѣдствіе по дѣлу Ярошинскаго обнаружило, что «красные» имѣютъ въ виду посягнуть на жизнь маркиза, то обыкновенно полиціи сообщался маршрутъ Велепольскаго, и она оберегала его путь. Въ данный день маркизъ долженъ былъ посѣтить «комиссію юстиціи», и у зданія ея, на Долгой улицѣ, уже два часа полиція внимательно слѣдила за прохожими. Между тѣмъ въ послѣднюю минуту онъ измѣнилъ намѣреніе и приказалъ ѣхать въ «комиссію финансовъ». Полиція объ этомъ не знала, но революціонеры знали, и это свидѣтельствуешь, что они имѣли сообщниковъ среди ближайшихъ къ маркизу лицъ.

Рыль, слыша вѣвжающую во дворъ коляску, первоначально остановился у одной изъ арокъ перистили, но, чувствуя себя здѣсь неудобно, вошелъ въ подъѣздъ зданія и остановился у малыхъ стеклянныхъ дверей. Было три четверти третьяго. Въ то время какъ маркизъ медленно поднимался на лѣстницу, Рыль ринулся впередъ и на разстояніи какихъ нибудь двухъ шаговъ направилъ дуло револьвера прямо въ грудь Велепольскаго. Тотъ не растерялся и, поднявъ толстую трость, на которую опирался, громовымъ своимъ голосомъ закричалъ: «что ты здѣсь дѣлаешь, разбойникъ?!» Крикъ, громадная фигура маркиза, поднятая трость, ошеломили Рылля, и онъ, опустивъ оружіе, понятился назадъ. Маркизъ въ крайнемъ возбужденіи сдѣлалъ по направленію къ нему нѣсколько шаговъ и закричалъ: «ловите мошенника!» но видя, что тотъ убѣгаетъ, и увѣренный, что его поймаютъ на дворѣ, и что всякая опасность миновала, опять сталъ подниматься на лѣстницу. Рыль же, не чувствуя надъ собою толстой трости и гровнаго преслѣдо-

ватели, остановился и съ нервной поспѣшностью, почти не цѣля, выстрѣлилъ по направленію маркиза разъ, затѣмъ, отступивъ на шагъ, второй разъ. Первая пуля попала въ стоящій въ коридорѣ шкафъ, вторая въ дверь. Послѣ этихъ безцѣльныхъ, свидѣтельствующихъ о его неполной вмѣняемости выстрѣловъ Рыльъ сталъ, согласно уговору, убѣгать по направленію выхода на лекторальную улицу, но на громкій окрикъ маркиза нѣсколько лицъ бросились за нимъ въ погоню. Рыльъ, защищаясь револьверомъ, достигъ уже было воротъ, выходящихъ на улицу. Но здѣсь его поймалъ сзади за руки сторожъ и при помощи участвующихъ въ погонѣ солдатъ обезоружилъ и передалъ властямъ, которыя отвезли его въ цитадель. Здѣсь появились у него симптомы отравленія, такъ что, кромѣ нѣсколькихъ словъ, въ первый день нельзи было отъ него ничего добиться. Потомъ оказалось, что онъ дѣйствительно отравился, или былъ отравленъ (неизвѣстнымъ, во время угощенія). Спасенный докторами на время отъ смерти, онъ до конца не могъ вполне оправиться.

Арестованы были также впрочемъ на короткое время всѣ товарищи Рылья въ литографіяхъ Регульскаго и Вронскаго и его хозяинъ, ни къ чему не причастный сапожникъ (Станшевскій).

Велепольскій, предупреждая преувеличенныя вѣсти, себѣчасъ же послалъ женѣ записку: «стрѣляли въ меня, чувствую себя хорошо и продолжаю засѣданіе». Когда онъ вернулся домой, то его посетили, поздравляя съ избѣжаніемъ опасности, великій князь, намѣстникъ, а также находившійся въ тотъ день въ Варшавѣ, по случаю торжества крещенія сына намѣстника великаго князя Вячеслава Константиновича, великій князь Александръ Александровичъ, впоследствии императоръ Александръ III.

На слѣдующій день въ залахъ Брюлевскаго дворца состоялся обычный пріемъ официальныхъ поздравленій. Обращаясь къ городскому совѣту и чиновникамъ, Велепольскій, сумрачный и высокомерный, произнесъ рѣчь, особенно ударяя на то, что днемъ покушенія преступники избрали канунъ крещенія великокняжескаго сына, разсчитывая, повидимому, что это новое преступленіе пріостановитъ объявленіе въ этотъ день новыхъ милостей и льготъ, такъ какъ стремленіемъ анархической партіи является тормозить осуществляемыя въ царствѣ реформы: «Но и здѣсь, заключилъ маркизъ,—сторонники анархій, въ краѣ и внѣ края, ошибутся въ своихъ расчетахъ». Увы, будущее показало, что ошибся въ расчетахъ именно маркизъ.

Графъ Андрей Замоискій, на котораго обращены были всѣ взоры, и по стопамъ котораго слѣдовало послушно все дворянство, узнавъ о покушеніи, сразу высказалъ глубокое возмущеніе и собрался было въ Брюлевскій дворецъ, но передъ рѣшеткой его остановился, сталъ расхаживать взадъ и впередъ въ борьбѣ съ самимъ собою и наконецъ повернулъ обратно домой.

Яницкій скрився. Домбровскій былъ арестованъ. Хотя Рылль при очной ставкѣ заявилъ, что «не знаетъ вовсе этого человѣка», тѣмъ не менѣе Домбровскій возбуждалъ слишкомъ много подозрѣній, и его продолжали держать въ десятомъ павильонѣ цитадели. Но и здѣсь, повидимому, огражденный отъ міра, онъ, какъ потомъ окажется, продолжалъ вліять на ходъ событій.

Въ обществѣ между тѣмъ перестали на время заниматься Рыллемъ, такъ какъ общее вниманіе поглощено было манифестаціей празднованія 12 августа люблинской уніи (костелы были переполнены, дамы на этотъ день сбросили трауръ и одѣлись въ національные цвѣта, въ аллеяхъ Уяздовскихъ произошло блестящее «корсо»), затѣмъ процессомъ Ярошинскаго 14 августа и наконецъ на слѣдующій день, 15 августа, новымъ покушеніемъ на жизнь маркиза.

Рѣшился на это покушеніе отчасти извѣстный уже по знакомству съ Рыллемъ, Яць Ржонць, 19-ти лѣтъ отъ роду, довольно усердный работникъ въ литографіи Регульскаго, зарабатывавшій 6 рублей въ недѣлю и содержавшій вѣчно имъ недовольную старуху мать. Это былъ юноша первый, впечатлительный, жеманчиваго и даже буѣйнаго нрава. Онъ окончилъ школу грамоты и, считая себя довольно развитымъ, вступилъ въ тайную организацію, въ которой послѣднее время занималъ должность «десятинка», при чемъ переселился отъ матери на квартиру Станислава Новинскаго и Юсефа Высоцкаго, бывшихъ юнкеровъ, на Краковскомъ предмѣстьѣ.

По дѣлу Рылля онъ одинъ изъ первыхъ очутился въ цитадели, но былъ вскорѣ отпущенъ, такъ какъ Рылль его не выдалъ.

Пребываніе въ цитадели до того потрясло его, что онъ заболѣлъ и два дня пролежалъ въ кровати. Вскорѣ, присутствуя вмѣстѣ съ друзьями на процессѣ Ярошинскаго, онъ былъ вновь сильно потрясенъ всѣмъ происходившимъ передъ нимъ. И вотъ подъ впечатлѣніемъ минуты, когда друзья, расходясь по домамъ, заговорили, что необходимо убить маркиза, заявилъ имъ: «завтра же пойду и убью его».

На утро 15-го августа онъ посѣтилъ мать, взялъ у нея молитвенникъ и направился въ костелъ, гдѣ долго и горячо молился. Затѣмъ пообѣдалъ дома и много пилъ водки. Наконецъ въ 4 часу, въ обществѣ двоихъ прибывшихъ неизвѣстныхъ молодыхъ людей направился въ аллею Уяздовскія, гдѣ рѣшено было совершить покушеніе.

Тѣ же обязанности застрѣльщика піюна, которыя при Ярошинскомъ исполняли Родовичъ, а при Рыллѣ, вѣроятно, самъ Хмеленскій, здѣсь принялъ на себя пѣкій Сатурнинъ Скржечинскій, приказчикъ изъ мануфактурнаго магазина. Заговорщики знали, что маркиза имѣлъ обыкновеніе къ вечеру, если погода была хорошая,

гулять въ открытой коляскѣ по Узловскимъ аллеямъ, любимому мѣсту праздничнаго гулянья варшавянтъ. Эти аллеи къ прямой линіи отъ Краковскаго предмѣстья Новаго Свѣта и площади св. Александра ведутъ къ Ботаническому саду, Лазенкамъ и Бельведеру.

Ржонцъ съ товарищами въ ожиданіи маркиза сѣли на скамейку, напротивъ такъ называемой «Швейцарской долины». На этотъ разъ рѣшено было не употреблять огнестрѣльнаго оружія, которымъ юноши не владѣли, но пустить въ ходъ кинжалъ, котораго остріе пропитано было ядовитой массой. Ожидали долго. Но вотъ около половины восьмого показалась коляска маркиза, и самъ онъ рядомъ съ женой; позади, въ другой коляскѣ поменьше, сидѣлъ съ лакеемъ сынъ его младшій, Юсифъ. Экипажи направлялись въ сторону Лазенокъ. Когда они поравнялись съ скамейкой, гдѣ сидѣли заговорники, Ржонцъ быстро бросился впередъ, перепрыгнулъ ровъ, отдѣляющій аллею пѣшеходовъ отъ колесной дороги, и впрыгнулъ на ступеньку экипажа. Здѣсь, одной рукой придерживаясь за край коляски, другой—быстро выхватилъ изъ-подъ пальто кинжалъ и направилъ его въ шею маркиза. Тотъ избѣжалъ несомнѣнной смерти, шарахнувшись въ сторону, такъ что кинжалъ ударилъ вскользь по шляпѣ и глубоко надвинулъ ее на глаза. Въ то же время кучеръ Венцесловскій размахнулся и хлестнулъ кнутомъ по лицу Ржонца, который на мигновеніе зашатался, но удержался на ступенькѣ и опять поднялъ кинжалъ для удара. Но маркизъ уже опомнился и, выхвативъ револьверъ, направилъ его дуло въ грудь убійцы. Тотъ, думая уже лишь о собственномъ спасеніи, обратился въ бѣгство, въ сторону города. Тогда сынъ Велепольскаго, Юсифъ, свидѣтель всей этой сцены, спрыгнулъ на землю и вмѣстѣ со своимъ лакеемъ погнался за убѣгающимъ. Къ нимъ присоединился кучеръ Венцесловскій, передавшій вожжи сядящему рядомъ лакею. Всѣ трое кричали громко: «держи! лови!»,—при чемъ молодой графъ давалъ сигналы нѣбюцимъ у него свисткомъ. Ржонцъ между тѣмъ быстро лавировалъ между наполняющей аллею праздничной публикой, изъ которой никто не пытался его остановить. Попытался было это сдѣлать нѣкій Кутнеръ, кажется, русскій, чиновникъ въ отставкѣ, прогуливавшійся съ женой. Но въ то время, какъ онъ закричалъ: «держи!»—изъ толпы выдвинулся какой-то молодой человекъ и проиниѣлъ грозно: «молчи! потому что и съ тобой будетъ то же». Кутнеръ ретировался и рѣшилъ не соваться не въ свое дѣло. Между тѣмъ погоня усилилась двумя городскими. Добѣжавъ и свернувъ на улицу Пенкную, Ржонцъ бросилъ по дорогѣ кинжалъ. Видя это, проходившій мимо нѣкій Эдвинъ Нефе, курляндецъ, помощникъ механика изъ телеграфа, пересѣкъ ему дорогу и схватилъ его. Тутъ же подоспѣли Юсифъ Велепольскій и его спутники и

схватили обезоруженнаго Ржонца, тяжело дышавшаго, съ блуждающимъ взоромъ. Среди все увеличивающейся толпы любопытныхъ, его повели назадъ, къ экипажу, въ которомъ сидѣлъ маркизъ.

— Это ты думалъ меня убить?—спросилъ маркизъ.—Что тебя къ этому привело?

Теряющій сознание Ржонць, забывая, кто передъ нимъ, криливо отвѣтилъ: «господинъ генераль, я хотѣлъ сдѣлать это съ отчаянья». По дорогѣ въ участокъ, куда отвелъ его сынъ маркиза, на вопросъ, кого онъ хотѣлъ убить, Ржонць заявилъ: «Все равно кого: князя, или маркиза Веленольскаго, или наконецъ какого нибудь генерала, лишь бы понасть въ тюрьму и избавиться отъ неприятностей, которыя причиняетъ мнѣ мать».

Въ участкѣ онъ повторилъ болѣе или менѣе то же самое, никого не дѣлая причастнымъ покушенію, напротивъ — пытался отнять у него всякій политическій характеръ.

Въ цитадели обнаружился у него симптомы той же болѣзни, что и у Рылля; это, повидному, доказывало, что и онъ принялъ отраву, или былъ отравленъ. Докторъ заявилъ, что въ виду состоянія здоровья допросъ преступника слѣдуетъ отложить назавтра; тѣмъ временемъ занялись изслѣдованіемъ кинжала. Оказалось, что остріе покрыто было сѣрой массой стрихнина. Такъ какъ стрихнинъ вѣрнѣе и быстрѣе дѣйствуетъ, введенный въ кровь, нежели въ желудокъ, то достаточно было легкой царапины, чтобы вызвать мучительную кончину маркиза.

IV.

Впечатлѣнія и послѣдствія покушеній.—Новый образъ жизни маркиза.—Его приказъ чиновникамъ носить исключительно цилиндры.—Пресса и статьи Крашевскаго въ «Газетѣ Польской» и Конига въ «Газетѣ Варшавской».—Исполненіе смертнаго приговора надъ Урошинскимъ.—Судъ надъ Рыллемъ и Ржонцемъ.—Смертные приговоры и ихъ исполненіе.

Покушеніе это произвело гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ первое. Съ ужасомъ умѣренные элементы убѣждались, что революціонная партія ни передъ чѣмъ не думаетъ останавливаться, стремясь прямо къ зипонцей пропасти. Уже въ Уяздовскихъ аллеяхъ здравый смыслъ толпы, свидѣтельницы покушенія, подсказалъ ей, что этимъ путемъ родину спасти нельзя; когда маркизъ возвращался, то вопреки обычной къ нему холодности теперь всѣ демонстративно кланялись ему, поздравляли, даже громкими криками выражали удовольствіе, что онъ избѣжалъ удара убійцы. Великій князь подъ первымъ впечатлѣніемъ въ тотъ же день прислалъ казаковъ, чтобы они охраняли маркиза. Императоръ, на имя великаго князя, телеграфировалъ, совѣтуя соблюдать впредь всѣ

мѣры предосторожности и оканчивая словами: «мысли мои съ вами, да сохранить васъ Господь». Великая княгиня Елена Павловна телеграфировала изъ Бадена: «Отъ ужаса идемъ къ ужасу. Да смилуется Господь надъ вашей родиной». Министръ иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ проявилъ въ своей телеграммѣ обычную витіеватость. Онъ писалъ: «Господь хранить тебя очевидно. Здѣсь, въ Петербургѣ, ты приобрѣлъ сочувствіе всѣхъ; твоему несокрушному мужеству отдаютъ полную справедливость. Лично я горжусь тѣмъ, что отгадалъ тебя сразу. Такъ же, какъ и ты, и мы не сойдемъ съ настоящаго пути дѣйствій по отношенію къ Польнѣ».

Съ этого времени въ Врюлевскомъ дворцѣ ввелся многія предосторожности; часовые день и ночь стали оберегать жилище маркиза. На публично выраженное статсъ-секретаремъ Ленскимъ желаніе, дабы маркизъ не выѣзжалъ впредь безъ вооруженной охраны, тотъ изъявилъ свое на то согласіе, добавивъ, что «угрозы черни, которая хочетъ овладѣть столицей, не столкнуть его съ разъ избраннаго пути». Съ тѣхъ поръ онъ появлялся только въ закрытой каретѣ, о которой рассказывали басни, будто она окована стальными листами, окруженный десятью жандармами, по три по бокамъ кареты и по два сзади и спереди ея.

Для маркиза наступили истинно мученическіе дни. Рожденный селяниномъ, привыкшій къ движенію и воздуху, онъ теперь долженъ былъ сидѣть почти взаперти, отказывать себѣ въ прогулкахъ пѣшкомъ за городъ, необходимыхъ при его полной комплекціи.

Тѣмъ онъ всегда много, но при движеніи и частыхъ прогулкахъ за городъ это ему не вредило. Теперь же рѣзкая переменна режима стала плохо отзываться на его здоровьѣ. Быть можетъ, въ это-то время и получилъ онъ зачатки той болѣзни, которая, 15 лѣтъ спустя, убила его могучій организмъ.

Между тѣмъ, въ концѣ августа «красные», повидному, еще разъ хотѣли покуситься на его жизнь. Онъ получилъ письмо, пустое по содержанію, приблизивъ которое по близорукости къ лицу почувствовалъ головокруженіе, что повторилось нѣсколько разъ съ нимъ и его секретаремъ. Анализъ бумаги не открылъ ничего, тѣмъ не менѣе возможно, что письмо пропитано было какимъ-то ядомъ, который выдохся. Случай этотъ сохраненъ былъ въ величайшей тайнѣ, и общество о немъ не узнало.

Все это, угнетая нравственно и физически Велепольскаго, толкало его къ поступкамъ, отъ которыхъ въ обыкновенное время онъ, несомнѣнно, воздержался бы. Три дни спустя послѣ покушенія Ржонца, онъ издалъ пресловутое распоряженіе о шляпахъ, которое и оповѣстилъ къ общему свѣдѣнію на газетныхъ столбцахъ. «Чиновники всѣхъ вѣдомствъ,—гласить этотъ единственный въ своемъ родѣ приказъ,—получили отъ своихъ начальниковъ распоряженіе, дабы, въ отличіе отъ партій анархистовъ, которая въ по-

слѣднее время запретила мужчинамъ употреблять форму шляпъ, обычную въ цивилизованной Европѣ,—носили отнынѣ публично шляпы формы цилиндра, такъ какъ всякая другая форма шляпы считается будетъ, какъ признакъ ихъ соучастія въ манифестаціяхъ, навязанныхъ Варшавѣ шайкою злодѣевъ».

Даже издавая такое распоряженіе, маркизъ могъ бы не объявлять объ этомъ публично, такъ какъ дѣло касалось лишь подвластныхъ ему чиновниковъ.

Отлащенное оно явилось для желающихъ денежнымъ средствомъ осмѣять Веленпольскаго. Въ обществѣ говорили не безъ основанія, что правительство, требующее отъ своихъ органовъ наружныхъ знаковъ благонадежности, тѣмъ самымъ сознается въ своей несостоятельности, въ томъ, что даже на солидарность съ нимъ своихъ органовъ рассчитывать не можетъ.

Подпольная «Strażnica» въ такомъ тонѣ выпущивала этотъ приказъ: «Веленпольскій проводитъ даже такія нововведенія, о которыя разбила вся высокая интеллигенція Крузештерна. Истинно гениальная голова этотъ Великопольскій, если даже такія перемѣны въ государствѣ проводить».

Вообще этотъ неудачный приказъ охладилъ взрывъ искренняго негодованія противъ покушеній на жизнь маркиза. Такъ, напримѣръ, польскіе дворяне Пинскаго гнѣзда рѣшили публично протестовать противъ варшавскихъ покушеній. Но въ то время въ газетахъ появился приказъ о шляпахъ, и подъ его впечатлѣніемъ мысль о составленіи протеста былъ оставлена.

Газеты тѣмъ не менѣе полны были горячихъ статей противъ злоумышленниковъ. На второй день послѣ покушенія Гжонца, Крашевскій въ «Gazecie Polskiej» писалъ: «...тотъ ли это край жертвъ, героизма, великодушныхъ чувствъ? Тотъ ли это край, какимъ оставался нѣсколько столѣтій, или край отчаянія, каковымъ его сдѣлали фабриканты лживыхъ ученій?—Да! мы находимся на пути опасномъ, по которому можемъ скатиться въ бездну..... Ни одинъ народъ не возродился посредствомъ такого отчаяннаго единоборства съ единичными личностями».

«Кто бросилъ въ сердца сѣмена отчаянія,—пишетъ Кенигъ въ «Gazecie Warszawskiej»,—кто подготовилъ умы къ хватанію теорій, не на нашей произросшихъ почвѣ, надъ тѣмъ да тяготѣетъ проклятіе, горе и слезы грядущихъ поколѣній.... Въ слѣднее время въ странѣ нашей совершено было нѣсколько покушеній. Пожелали ли и смогли ли рѣшавшіеся на нихъ заглянуть за завѣсу ужаснаго будущаго, къ какому велѣдъ за собою направляютъ всю страну?»

Тѣмъ временемъ наступилъ день казни Ярошинскаго. Нѣкоторые ожидали, что въ послѣднюю минуту преступнику будетъ дарована жизнь. Но этого не случилось. Въ четвертъ, 21 августа, съ ранняго утра толпы народа заперудили равнину около цитадели,

вблизи которой, приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго вокзала Надвислянскихъ желѣзныхъ дорогъ, высилась мрачная, въ черной цвѣтѣ окрашенная висѣлица. Въ народѣ шли—Богъ вѣсть откуда почерпнутые—разказы о послѣднихъ дняхъ жизни приговореннаго.

Разказывали, что онъ все время не терилъ самообладанія, что наканунѣ съ аппетитомъ поужиналъ и пригласилъ откусать съ собою капуцина, отца Гонората, съ которымъ былъ неразлученъ въ теченіе послѣднихъ двухъ сутокъ. Въ поступкѣ своемъ не находилъ ничего преступнаго, когда же священникъ пробовалъ доказывать противное, возразилъ, что, вѣроятно, отецъ Гоноратъ не чувствуетъ родному дѣлу.

Около 9 часовъ утра, изъ цитадели выступилъ взводъ солдатъ съ барабаннымъ боемъ. За ними ѣхалъ Ярошинскій, въ квадратной телѣгѣ, сидя на скамьѣ рядомъ со священникомъ. Телѣгу конвоировали жандармы. Ярошинскій, чисто и старательно одѣтый и причесанный, дико озирался кругомъ.

Преступника ввели на эшафотъ, закованнаго въ кандалы, которые здѣсь были сняты. Когда набросили на него рубаху и связали назадъ руки, а священникъ сталъ крестомъ его благословлять, Ярошинскій началъ что-то говорить, но барабанный бой заглушилъ его слова.

Трупъ казеннаго, въ бѣлой рубахѣ, изъ-подъ которой торчали его тонція ноги, висѣлъ неубраннымъ до поздней ночи, и народъ толпился вокругъ него все время.

На слѣдующій день офиціальныи «Dziennik» оповѣстилъ на-завтра, на 23-е августа, судъ надъ Рыллею и Ржонцемъ. Судить Рылля, въ виду неудовлетворительнаго состоянія его здоровья, рѣшено было въ самой же цитадели. Когда объ этомъ узнала публика, то среди нея опять стали циркулировать слухи, будто Рылля незаконный сынъ маркиза, который де опасается, чтобы публично на судѣ не заговорили объ этомъ.

Подпольная «Strażnica» увѣряла даже, что Рылля знаетъ о какомъ-то воровствѣ маркиза и т. п. Все это было очевидныи взоръ.

Судъ надъ Ржонцемъ, назначенный одновременно, производился въ томъ же залѣ и при той же обстановкѣ, какъ и судъ надъ Ярошинскимъ. Подсудимаго защищаль извѣстный адвокатъ Юсифъ Карпинскій. Защита поручена была ему за два дня до суда. Карпинскій отправился въ цитадель и увидѣлъ передъ собою недоразвитаго умственно подростка. Онъ упорно затвердилъ, что поступокъ его лишень всякаго политическаго характера.

Билеты для входа въ судебный залъ раздавалъ, между прочими, и президентъ Варшавы, графъ Сигизмундъ Велепольскій. Предсѣдательствовалъ, какъ въ процессѣ Ярошинскаго, генералъ Мерхелевичъ. Ржонць появился въ залѣ въ кандалахъ, одѣтый въ сильно поношенное платье. Малаго роста, блондинъ, безъ расти-

тельности на лицѣ, онъ производилъ впечатлѣніе подростка, самолюбію котораго удовлетворяла торжественная обстановка суда, присутствіе важныхъ генераловъ и сановниковъ. Оживленные, улыбающіеся его глаза разбѣгались во все стороны, и онъ все́мъ своимъ поведеніемъ очень смахивалъ на типичнаго варшавскаго «уличника». Онъ попросилъ жандарма принести ему кофе, а тѣмъ временемъ загаянулся папирской. Съ аскетомъ отвѣдавъ кофе, опять закурилъ и впалъ въ апатичное раздумье. Залъ былъ переполненъ, публика въ большинствѣ состояла изъ военныхъ. Передъ рѣшеткой, недалеко отъ судей, стояла пожилая бѣдно одѣтая женщина — мать Ржонца — типъ уличной варшавской торговки, каковой она и была на самомъ дѣлѣ. Когда предѣдательствующій спросилъ, сознается ли Ржонецъ въ совершенномъ имъ преступленіи, подсудимый оживился и юношескимъ, неокрѣпшимъ голосомъ, безпокойно ворочая но сторонамъ глазами, отвѣтилъ, что нѣтъ, что убивать Веленольскаго не думалъ, что въ его поступкѣ ничего политическаго не было, что желалъ лишь попасть въ тюрьму, такъ какъ ему жизнь и передышки съ матерью надобны. Тогда судъ обратился къ матери, предлагая ей повліять на сына, дабы тотъ сознался и открылъ все подробности покушенія. Мать со слезами на глазахъ обратилась къ сыну, но ея неуклюжая рѣчь не произвела на него никакого впечатлѣнія. Защитникъ пытался доказать, что коль скоро преступленіе не имѣло характера политическаго, то преступникъ не подлежитъ военному суду; если же этотъ отводъ будетъ отвергнутъ, просилъ принять во вниманіе печальныя семейныя и матеріальныя обстоятельства подсудимаго, равно какъ его незрѣлый возрастъ. По окончаніи преній, предѣдательствующій предложилъ матери проститься съ сыномъ. Но въ рыданіяхъ матери не чувствовалось искренности, и сынъ ими несколько не былъ тронутъ.

Ржонецъ, какъ и Рыля, оба приговорены были къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ былъ утвержденъ 24 августа, а на утро, 26-го, назначена была казнь. Ожидали, что Веленольскій исходатайствуетъ дарованіе жизни. Оба подростка были орудіемъ въ рукахъ другихъ, благодаря же ихъ неумѣльнымъ пріемамъ, маркизъ остался живъ и невредимъ. Но они все-таки посягали на его жизнь, и поэтому въ дунѣ маркиза не нашлось для нихъ состраданія.

Оба были казнены. Ржонецъ у висѣльниці сильно дрожалъ, но такъ какъ день былъ холодный, то неизвѣстно, дрожалъ ли отъ холода, или отъ ужаса. Больного Рыля втащили на эшафотъ почти въ безсознательномъ состояніи. Трушы обонхъ, какъ и Крошницкаго, висѣли неубранными до поздней ночи.

І. Кучинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Поля Джонсъ въ Россіи.—Служба его въ русскомъ флотѣ и козни его враговъ.—
Отношенія къ нему Суворова.

ОТЯ прошло болѣе ста лѣтъ со времени смерти основателя американскаго флота и одного изъ героевъ американской революціи, Поля Джонса, но еще не появилось ни одной основательной и подробной его біографіи. Для насъ, русскихъ, тѣмъ интереснѣе подобное жизнеописаніе, что онъ служилъ въ Россіи адмираломъ, или же, какъ говорила Екатерина, «черноморской мордашкой». Много писали о немъ—въ Америкѣ, Англій и Франціи—книжки, статьи и очерки, но всѣ они болышею частію отличались неполнотою, неосновательностію, а иногда фантастичностію и даже просто лживостію сообщаемыхъ свѣдѣній. Вообще, Полю Джонсу не везло въ литературѣ, и онъ являлся, главнымъ образомъ, героемъ романтическихъ произведеній въ родѣ «Лонмана» Купера и «Поля Джонса» Александра Дюма. Что англичане относились къ нему подобнымъ образомъ—неудивительно: они считали его, родившагося шотландцемъ, измѣнникомъ Англій, пиратомъ, корсаромъ и злѣйшимъ врагомъ «старой родины». Но странно, какъ американцы и французы не посвящали такъ долго серьезнаго труда смѣлому герою и патриоту, проливавшему кровь за свою вторую родину.

Наконецъ, недавно появилась на англійскомъ языкѣ, съ двумя портретами, вполне удовлетворительная, подробная біографія Поля Джонса, въ двухъ томахъ, составленная американцемъ Августомъ Бьюллемъ. Авторъ основалъ свой трудъ на всѣхъ, какъ уже извѣстныхъ, такъ и не изданныхъ матеріалахъ. Онъ рылся во всѣхъ американскихъ, французскихъ и англійскихъ правительственныхъ и част-

ныхъ архивахъ, но, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на собственноручныя записки Поля Джонса—на англійскомъ и французскомъ языкахъ. Онѣ состояли изъ дневника событій 1786 года, представленнаго французскому королю, подробныхъ мемуаровъ за 1787 г., прибавле іи къ нимъ за 1790 - 1791 годъ и отдѣльнаго отчета о турецкой кампаніи 1789 года, написаннаго для Екатерины. Всѣ онѣ были старательно составлены Джонсомъ и приведены имъ въ полный порядокъ, также какъ и значительное число писемъ и отрывочныхъ документовъ. Судьба ихъ была печальна: Джонсъ умеръ въ 1792 году, въ Парижѣ, въ самый разгаръ террора, и всѣ, оставшіеся послѣ него, бумаги исчезли, частью, разбросанныя во Франціи, частью—въ Соединенныхъ Штатахъ, а частью—въ Шотландіи. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны, но не полностью, въ отрывкахъ и даже въ невѣрномъ, неточномъ видѣ. Многія же части его мемуаровъ оказались впоследствии подложными.

Только въ 1825—1830 гг. его сестра, мистриссъ Тэйлоръ и американецъ Шербуригъ, при содѣйствіи Лафайета и Джефферсона, напечатали эти документы, насколько они сохранились въ подлинникѣ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, авторы большинства книгъ и статей о Джонсѣ перепутали эти подлинныя документы съ фальшивыми, издаваемыи въ 1799 году, и, снова, въ исторіи Джонса воцарился хаосъ. Только съ настоящимъ трудомъ Бьюлля водворился окончательный порядокъ, и біографія американскаго героя приняла достовѣрный характеръ, потерявъ свою прежнюю фантастичность и лживость.

Относительно службы Поля Джонса въ Россіи Бьюллеръ сдѣлалъ всевозможныя справки на мѣстѣ, чрезъ потомковъ его сослуживцевъ, генерала Корсакова и адмирала Гревэ, а также при посредствѣ покойнаго князя Витгенштейна. Изъ русскихъ книгъ авторъ приводитъ только сочиненія Каульбарса о Суворовѣ и Тотлебена о войнѣ 1788 года. Такимъ образомъ въ первый разъ появляется подробное описаніе американскихъ, западно-европейскихъ и русскихъ походовъ этого героя, вполне достовѣрное и основанное, какъ на его собственныхъ бумагахъ, такъ и на свидѣльствѣ современниковъ. Хотя въ 1895 году и была помѣщена въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статья В. А. Тимирязева²⁾, въ которой авторъ, насколько было возможно въ то время, сообщилъ данныя о жизни Джонса и его службѣ въ Россіи, но въ этихъ свѣдѣніяхъ не были приведены подлинныя, личныя его воспоминанія. Поэтому мы теперь воспользуемся случаемъ пополнить свѣдѣнія о пребываніи

1) Paul Jones. Founder of the american navy. By Augustus Buell. 2 vol. New-York, 1901.

2) «Одна изъ Екатериинскихъ мордашекъ на Черномъ морѣ», «Историческій Вѣстникъ», июль 1895 г.

храбраго моряка въ Россіи отрывками изъ его собственныхъ мемуаровъ, а также разказами его современниковъ.

Въ декабрѣ 1787 года, Джонсъ получилъ чрезъ русскаго посланника въ Парижѣ, Симолина, предложеніе вступить на морскую службу въ Россіи. Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ молодости и сплъ: ему только что минуло сорокъ одинъ годъ, и онъ уже покрылъ себя славой, какъ основатель американскаго военнаго флота, смѣлый, неустрашимый морякъ и побѣдитель въ многочисленныхъ морскихъ битвахъ съ англичанами. Въ послѣднее время Джонсъ не занималъ никакой должности въ американскомъ флотѣ и проживалъ во Франціи, исполняя разныя порученія американскаго правительства. Такимъ образомъ предложеніе Россіи было для него очень кстати, такъ какъ онъ болѣе всего жаждаль находиться въ морѣ и бою. Вотъ что онъ писалъ въ своихъ мемуарахъ 1790 г. о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него неожиданнымъ предложеніемъ.

«Сначала я былъ склоненъ считать этотъ планъ химерой, хотя и зналъ о готовящейся войнѣ Россіи съ Турціей, съ цѣлью уничтоженія турецкаго флота на Черномъ морѣ и превращенія этого, землей окруженнаго, моря въ русское озеро. Но, съ другой стороны, я мало зналъ Россію и русскихъ. Мое знаніе въ этомъ отношеніи ограничивалось только знакомствомъ съ дюжиной русскихъ дипломатовъ во Франціи, Англии и Голландіи. Миѣ не было извѣстно ни одного русскаго слова, и я не считалъ возможнымъ вести военныя операціи чрезъ переводчиковъ. Конечно, я зналъ, что всѣ образованные русскіе говорятъ по-французски, но врядъ ли это распространялось на служащихъ во флотѣ, и, къ тому же, всякій морской командиръ долженъ лично объясняться на извѣстномъ подчиненнымъ морякамъ языкѣ. Наконецъ, я имѣлъ такія понятія о формѣ правленія въ Россіи, которыя не согласовались съ моими воззрѣніями на этотъ счетъ. Конечно, эти воззрѣнія были основаны исключительно на чтеніи, а я давно уже убѣдился, что чтеніе не вѣрный источникъ знанія, что для практическаго знанія какого нибудь предмета необходимо быть лично съ нимъ знакомымъ. Такимъ образомъ я считалъ, сначала, этотъ планъ непрактичнымъ и въ этомъ смыслѣ выразился Джефферсону (американскому посланнику въ Парижѣ). Но въ то же время я сознавалъ, что подобное предложеніе открываетъ миѣ широкій путь къ славі, который нельзя легко отвергнуть безъ основательнаго и глубокаго размысленія. Джефферсонъ сказалъ, что онъ не будетъ спорить противъ моихъ доводовъ, но полагаеть, что мое знаніе французскаго языка, извѣстнаго всѣмъ образованнымъ русскимъ, сначала можетъ миѣ помочь, а вскорѣ моя способность къ иностраннымъ языкамъ дастъ миѣ возможность научиться русскому. Однако, повидавъ Симолина, я былъ все же очень заинтригованъ этимъ предложеніемъ и старался

узнать о его происхожденіи. Мнѣ въ этомъ помогла г-жа Тэлисонтъ (побочная дочь Людовика XV и любовница Поля Джонса). Согласно собраннымъ свидѣніямъ чрезъ придворныхъ сплетниковъ, оказалось, что за годъ предъ симъ я предложилъ королю свои услуги, и въ то же время Екатерина просила у его величества молодого, извѣстнаго своими способностями, моряка, для организаціи ея морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Король не считалъ удобнымъ представить императрицѣ француза для морскихъ дѣйствій противъ Турціи, постоянной его союзницы; при томъ же французы, которыхъ онъ могъ рекомендовать, не соглашались на подобное предложеніе. Поэтому король написалъ Сегюру, французскому посланнику въ Россіи, что я лучше французомъ удовлетворилъ бы требованіе императрицы. Узнавъ объ этомъ, Екатерина поручила Симолину войти со мною въ переговоры. Съ своей стороны Симолинъ, прежде чѣмъ вступить въ сношенія со мной, переговорилъ съ Джефферсономъ». Однако, переговоры между Джонсомъ, Симолинымъ и Джефферсономъ не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года баронъ Крюденеръ, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, окончательно заявилъ, посѣтившему тогда Данію, Джонсу, что императрица Екатерина собственноручнымъ письмомъ предлагаетъ ему начальство надъ ея морскими силами въ Черномъ морѣ, подъ высшей командой князя Потемкина. Полученное, непосредственно отъ императрицы, предложеніе разсѣяло все сомнѣнія Джонса, и онъ уполномочилъ барона Крюденера сообщить ея величеству, что согласенъ принять чинъ русскаго контръ-адмирала. Въ инструкціи императрицы Крюденеру она упоминала о чинѣ генераль-майора, который по словамъ Джонса былъ для моряка не понятенъ, и потому онъ предпочиталъ чинъ контръ-адмирала. Баронъ Крюденеръ, отъ имени императрицы, на это согласился, и такимъ образомъ рѣшенъ былъ вопросъ о вступленіи Джонса на русскую морскую службу.

Однако, чтобы окончательно уладить это дѣло, потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ официальной переписки между самимъ Джонсомъ, императрицей Екатериной, графомъ Сегюромъ, Симолинымъ, Томасомъ Джефферсономъ, барономъ Крюденеромъ, графомъ Безбородкой, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Потемкинымъ, графомъ Бернсторфомъ, первымъ министромъ Даніи, и графомъ Разумовскимъ, русскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Все эти многочисленныя письма, въ существѣ, были очень лестны для американца, и, въ концѣ концовъ, Джонсъ сдѣлался русскимъ контръ-адмираломъ. 11 апрѣля онъ отправился изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, но оттуда не могъ переѣхать въ Ревель на пакетботѣ, такъ какъ на Балтійскомъ морѣ было много льда, и въ виду этого пакетботъ не рѣшался отплыть; тогда онъ нанялъ маленькое частное судно и отважно пустился въ путь. Это смѣлое

путешествіе, длившееся трое сутокъ, часто описывалось съ разнообразными подробностями. Но самъ Джонсъ въ своихъ мемуарахъ 1790 года говоритъ, что только сначала онъ долженъ былъ съ пистолетомъ въ рукахъ заставить матросовъ вѣзаться въ ледъ, впоследствии же они вели себя очень похвально, и онъ благополучно достигъ Ревеля. Тамъ онъ отдохнулъ и добрался сухимъ путемъ 23 апрѣля до русской столицы.

Черезъ два дня онъ былъ принятъ императрицей въ Царскомъ Селѣ. «Ея величество, говоритъ онъ, обошлась со мною самымъ лестнымъ образомъ и до моего отъѣзда на югъ выказывала мнѣ такое вниманіе, что я былъ совершенно плѣненъ ею и отдался въ ея руки, не сдѣлавъ никакихъ условій. Я просилъ у нея только одной милости, чтобы она никогда не осуждала меня, не выслушавъ моей защиты». Дѣйствительно, вскорѣ Джонсъ испыталъ значительныя непріятности отъ своихъ новыхъ сослуживцевъ. Около 20 англичанъ уже служило въ русскомъ флотѣ, и болѣе десятку другихъ были обѣщаны мѣста. Какъ только они узнали о назначеніи Джонса въ русскіе контръ-адмиралы, то явились къ своему начальнику, также англичанину, контръ-адмиралу Грейгу, и заявили, что они не станутъ служить вмѣстѣ съ измѣнникомъ ихъ отечеству. Грейгъ, самъ родомъ шотландецъ, не раздѣлялъ предразсудка англичанъ противъ Джонса и, во всякомъ случаѣ, изъ дипломатическихъ видовъ, не питалъ къ нему вражды, тѣмъ болѣе, что послѣдній получилъ мѣсто въ Черноморскомъ флотѣ, и слѣдовательно не имѣлъ прямого отношенія къ нему. Англичанинъ былъ очень не доволенъ поведеніемъ своихъ офицеровъ и посовѣтовалъ имъ оставить это дѣло, такъ какъ императрица, узнавъ объ ихъ выходкѣ, разсердилась бы и подвергла ихъ изгнанію изъ своихъ владѣній. Всѣ такъ и поступили, исключая двухъ, которые жаловались графу Безбородкѣ, доведенному дѣло до императрицы. Она очень разгнѣвалась и, по увѣренію Джонса, воскликнула: «Какъ, эти люди, эти нищія, выпрашивающіе у меня милости, смѣютъ оспаривать мое право обращаться, какъ я хочу, съ приглашеннымъ мною гостемъ?» Подавшіе жалобу министру были отставлены отъ службы, хотя они находились въ чинѣ капитановъ; остальные же англичане, по совѣту Грейга, остались на своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ, лейтенантъ Эдвардсъ, былъ назначенъ въ Черноморскій флотъ, адъютантомъ и переводчикомъ, къ адмиралу Джонсу, такъ какъ зналъ русскій языкъ.

Впоследствии Джонсъ былъ очень доволенъ храбростью и морскими способностями этого молодого офицера; что же касается его поведенія въ самомъ началѣ относительно Джонса, то послѣдній замѣчаетъ: «Лейтенантъ Эдвардсъ былъ побужденъ участвовать въ заговорѣ противъ меня не по своему влеченію, а подъ вліяніемъ другихъ англичанъ». О самомъ же заговорѣ Джонсъ писалъ

Лафайету: «По моемъ вступленіи въ русскую службу, ея величество удостоила меня чиномъ контръ-адмирала, считая съ того времени, когда начались переговоры съ посланникомъ во Франціи, Симолинымъ. Это причинило большое неудовольствіе англичанамъ, но признаюсь, что ихъ гнѣвъ, извѣстный всѣмъ въ Петербургѣ, меня несколько ни оскорбилъ».

7-го мая, ровно двѣ недѣли послѣ прибытія въ столицу, Джонсъ отправился въ Херсонъ, главную квартиру русской арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, подъ начальствомъ князя Потемкина. На прощаніе Екатерина дала ему двѣ тысячи дукатовъ на расходы и открытое собственноручное письмо, въ которомъ она выражала увѣренность, что онъ поддержитъ ея высокое мнѣніе о немъ и оправдаетъ ту славу, которую онъ составилъ себѣ необыкновенными морскими способностями, а также доблестью на той стѣнѣ, на которой онъ призванъ служить. Джонсъ ѣхалъ днемъ и ночью, и чрезъ двѣнадцать дней онъ достигъ цѣли своего путешествія, останавливаясь только на нѣсколько часовъ въ Москвѣ, Тулѣ, Курскѣ и Екатеринославѣ.

Принятый Потемкинымъ очень милостиво, онъ былъ назначенъ командующимъ той частью Черноморскаго флота, которая извѣстна была подъ названіемъ «Херсонской эскадры». Она состояла изъ семнадцати судовъ; экипажъ ихъ состоялъ изъ двухсотъ моряковъ, а остальные были греческіе, генуэзскіе и крымскіе рыбаки. Сами суда были, хотя и новыя, но плохо оснащенные. Офицеры, кромѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, не имѣли никакого морского знанія или практики. Эти иностранцы были три француза.—Гревэ, Варажъ и Вербуа; три голландца—Тенъ-Брокъ, Ванъ-Риенъ и Винтеръ, а также одинъ англичанинъ,—Феншо, не считая адъютанта Джонса, Эдвардса. Вскорѣ послѣ прѣзда Джонса пришли съ моря два сорока-пушечныхъ корабля, но ихъ начальники, контръ-адмиралъ Мордвиновъ и капитанъ греческаго происхожденія Алексіано, не хотѣли признавать власти новаго адмирала. Однако, Потемкинъ живо водворилъ порядокъ, и 26 мая Джонсъ поднялъ свой флагъ на «Владимирѣ». Кромѣ состоящихъ подъ командой Джонса девятнадцати судовъ, была еще флотилія изъ шестидесяти гребныхъ судовъ. Къ величайшему удивленію адмирала, эта флотилія была совершенно независима отъ него и состояла подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена, находившагося подъ личнымъ начальствомъ Потемкина. Однако, послѣдній устранилъ, могущія произойти отъ этого обстоятельства, затрудненія, приказавъ принцу отрягать, по требованію адмирала, сколько ему потребуется гребныхъ судовъ.

Джонсъ нашелъ, что увѣренный ему флотъ былъ въ большомъ безпорядкѣ, и тотчасъ принялъ мѣры къ его оснащенію, вооруженію, очисткѣ, окраскѣ и т. д. Экипажъ комплектовалъ онъ тремя

тысячами солдатъ изъ корпуса Суворова, которыхъ распредѣлилъ на суда своей эскадры и на гребныя суда. Такимъ образомъ его эскадра получила приличный видъ, и 31-го мая онъ созвалъ на своемъ флагманскомъ кораблѣ «Владимиръ» военный совѣтъ, «согласно постановленію Петра Великаго». При этомъ онъ произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

«Господа, неожиданно призванный на службу ея величества, и вдвойнѣ нуждающій въ снисхожденіи, не зная вашего языка и обычаевъ. Я сознаюсь, что сомнѣваюсь въ своихъ способностяхъ, какъ слѣдуетъ, исполнить обязанности, возложенныя на меня высокими довѣріемъ ея величества. Но я рассчитываю на мое усердіе и ваше милостивое содѣйствіе, а также на ваши благосклонныя совѣты на пользу службы. Мы сошлись, господа, по серьезному дѣлу. Мы должны разрѣшить вопросы, отъ которыхъ зависитъ честь русскаго флага и интересы страны ея величества. Намъ предстоитъ имѣть дѣло съ могущественнымъ врагомъ... Мы должны порѣшить, что выйдемъ изъ борьбы побѣдителями. Соединимъ все наши руки и сердца воедино. Будемъ выказывать только благородныя чувства и отбросимъ отъ насъ все личныя соображенія. Почести могутъ быть пріобрѣтены каждымъ, но истинная слава солдата или матроса состоитъ въ пользѣ, приносимой отечеству».

Вслѣдъ за этимъ адмиралъ объяснилъ французскую систему сигналовъ, и распространился о французской же системѣ морской тактики. «Вліяніе этого совѣта было очень удовлетворительно,—пишетъ Джонсъ въ своемъ отчетѣ Екатеринѣ о морской кампаніи 1788 г.:—для русскихъ офицеровъ было очень интересно услышать изложеніе морской тактики по французской системѣ, такъ какъ рѣдкіе изъ нихъ имѣли объ этомъ какія либо свѣдѣнія, за исключеніемъ Алексіано (который вскорѣ умеръ) и Нассау-Зигена; я не имѣлъ основанія впоследствии жаловаться на кого либо изъ офицеровъ эскадры или флотиліи».

Нѣсколько дней послѣ прибытія Джонса въ главную русскую квартиру и принятія команды надъ флотомъ, онъ имѣлъ свиданіе съ Суворовымъ. Это было нѣчто въ родѣ военного совѣта, такъ какъ Суворовъ, въ сущности, командовалъ русской арміей, которая была, только ради почести, подчинена Потемкину. Въ самомъ началѣ ихъ совѣщанія адмиралъ выразилъ свое удивленіе, что не было принято никакихъ мѣръ для укрѣпленія западнаго конца Кинбурнской косы. Суворовъ на это отвѣчалъ, что высшее распоряженіе зависитъ отъ Потемкина, а онъ только исполнялъ его приказанія, и больше нечего. Джонсъ повторилъ, что предлагаемая имъ мѣра необходима для удачнаго дѣйствія противъ турокъ, а Суворовъ замѣтилъ, что ему все это было хорошо извѣстно, но князь-фельдмаршалъ не любилъ непрошенныхъ совѣтовъ. Тогда адмиралъ замѣтилъ, что князь-фельдмаршалъ, конечно, слишкомъ великій

воинъ, чтобы не понять пользы предлагаемаго имъ шага. «Однако, любезный адмиралъ, — воскликнулъ Суворовъ, — вы великій открыватель, открывъ въ Потемкинѣ великаго воина». Они посмотрѣли пристально другъ на друга и знаменательно улыбнулись. Разговоръ этотъ, конечно, происходилъ по-французски, и кончилось тѣмъ, что Суворовъ взялся на другой день, на разсвѣтѣ, начать постройку форта. Со своей стороны Джонсъ долженъ былъ увѣрить Потемкина, что это дѣлалось по его распоряженію. На слѣдующее утро адмиралъ написалъ соответствующее письмо Потемкину, котораго не трудно было обойти. Онъ, дѣйствительно, написалъ приказъ Суворову о постройкѣ форта, уже почти готоваго къ этому времени.

Съ этихъ поръ Джонсъ и Суворовъ поняли другъ друга и стали некрещеными друзьями. Великій воинъ сдѣлался единственнымъ сторонникомъ и преданнымъ защитникомъ въ Россіи морского героя. Напротивъ, принцъ Нассау-Зигентъ, ловкій искатель приключеній, но совѣтъмъ неспособный воинъ, дипломатъ и государственный человѣкъ, хотя, сначала, повидимому, былъ пріятелемъ Джонса, но скоро сталъ его соперникомъ и врагомъ. По словамъ біографа американскаго морского героя, «Зигентъ былъ, по всей справедливости, не только неспособный человѣкъ, но не придерживающійся правды, измѣнчивый, безчестный и даже трусливый; однимъ словомъ, его можно назвать низкимъ шарлатаномъ и подлымъ царедворцемъ, готовымъ на всякія гадости для своихъ интересовъ. Врядъ ли въ исторіи найдется человѣкъ хуже его. Благодаря своему низкопоклонству, онъ пользовался милостью Потемкина, котораго скоро настронилъ противъ Джонса». Такимъ образомъ, кромѣ Суворова, всѣ были враждебны къ нему, но и отъ Суворова ему было мало пользы, такъ какъ старыи воинъ держался хитрой осторожности и всегда говорилъ ему: «*Mon chér Jons, mon camarade, voici donc mon exemple; faites obeissance et taisez-vous toujours et partout.*»

При такихъ обстоятельствахъ начались 1-го іюня 1788 года морскія дѣйствія противъ Очакова, съ цѣлью помочь сухопутной арміи. Съ самаго начала Суворовъ письменно совѣтовалъ Джонсу дѣйствовать въ морѣ, имѣя Клибурги главнымъ пунктомъ своихъ операцій. Но адмиралъ полагалъ, что долженъ опираться на Херсонъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ Суворову, что не можетъ дѣйствовать самостоятельно, а потому не въ силахъ предпринять того шага, который считалъ необходимымъ. Суворовъ не отвѣчалъ ему на это письменно, а лично посѣтилъ его на флагманскомъ кораблѣ. На словахъ онъ ему сказалъ, что такъ дѣйствовать, какъ онъ хотѣлъ, было разумно и возможно въ Западной Европѣ, но въ Россіи это невозможно. Потемкинъ не хочеть, по его словамъ, брать на себя какую нибудь отвѣтственность и желаетъ, чтобы

другіе дѣйствовали на свой страхъ. «При этомъ,—прибавилъ Суворовъ,—онъ хочетъ угодить Нассау-Зигену и васъ не любитъ, напротивъ, Нассаускаго онъ любитъ, но не довѣряетъ ему. Этого довольно — горю не поможешь». Джонсъ въ своихъ мемуарахъ 1790 г. говоритъ по случаю этого посѣщенія Суворова: «Хитрый старикъ былъ единственный другъ, котораго я имѣлъ среди русскихъ. Онъ нарочно проѣхалъ въ лодкѣ тридцать миль, чтобы переговорить со мною два слова. Онъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы довѣрить бумагѣ или на словахъ курьеру то, что хотѣлъ мнѣ сказать. Сообщенія мнѣ свѣдѣнія были не только печальны, но привели меня въ отчаяніе. Однако, дружба Суворова была такого рода, что говорила правду, и такую правду, которая никогда не обманываетъ и не льститъ. Онъ былъ такъ же правдивъ, какъ и храбръ».

То, что узналъ Джонсъ отъ Суворова, причинило ему такое разочарованіе, что онъ едва не уѣхалъ въ Петербургъ, намѣреваясь доложить обо всемъ императрицѣ. Ему даже вошла въ голову мысль бросить все и уѣхать во Францію. Съ горечью онъ прибавляетъ въ своихъ мемуарахъ: «И гораздо было бы лучше, если бы я это сдѣлалъ. Но, обдумавъ дѣло, я сказалъ себѣ, что не могу оставить своего поста, въ началѣ кампаніи, какъ онъ ни труденъ. Такъ я и объяснилъ Суворову. Онъ отвѣчалъ, что на войнѣ рискуешь не только раной и жизнью, но несправедливость можетъ быть хуже пули или меча».

Какъ бы то ни было, Джонсъ началъ морскія дѣйствія, не имѣя права дѣйствовать самостоятельно и только получивъ отъ Потемкина разрѣшеніе требовать, когда нужно, гребныя суда отъ Нассау-Зигена. 7-го іюня турецкій капитанъ-паша попытался прорвать своими кораблями блокаду Очакова и вступилъ въ жаркую стычку съ русскими гребными судами. Девять турецкихъ галеръ и канонерокъ были уничтожены, а со стороны русскихъ только два маленькія судна сѣли на мель и были сожжены самими русскими. Хотя это дѣло было не значительное, но все же окончилось въ пользу русскихъ, и капитанъ-паша, прежде возобновленія морскихъ дѣйствій, нашелъ болѣе осторожнымъ дожидаться остальныхъ своихъ силъ, шедшихъ къ нему на помощь изъ Варны и Босфора. Такимъ образомъ только 16-го іюня весь турецкій флотъ двинулся въ Лиманъ и обстрѣливалъ фортъ и батареи на Книбуриской косѣ, но не двинулся достаточно далеко, чтобы эскадра адмирала Джонса со своими большими кораблями могла вступить въ бой. Это обстоятельство произошло, благодаря тому, что турецкій флагманскій корабль, пройдя косу, набѣжалъ на подводный камень, и весь флотъ остановился вокругъ него на ночь, проведенную въ тишнѣхъ усніяхъ сняться съ камня.

17-го іюня, на разсвѣтѣ, Джонсъ направился со всей своей эскадрой на турецкій флотъ. Сначала турки храбро поддерживали бой, и русское тридцати-одно-пушечное судно пошло ко дну. Но флагманскій корабль «Владимиръ» атаковалъ второе въ турецкомъ флотѣ судно, и турецкій адмиралъ послѣ двухъ или трехъ пушечныхъ залповъ, на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, нарочно обрубилъ якорь и сѣлъ на мель. Между тѣмъ пять фрегатовъ, составлявшихъ передовую линію русской эскадры, подѣ начальствомъ капитана Фэншо, пробили себѣ дорогу мимо Клибурнской косы и угрожали туркамъ отрѣзать отступленіе. Тогда турецкій флотъ совершенно разсѣлся: суда мелкаго размѣра старались искать себѣ убѣжище подѣ стѣнами Очакова, а болѣе крупныя — пытались уйти въ море. Нѣкоторымъ изъ первыхъ удалось ихъ намѣреніе, но девять послѣднихъ попали на мель, противъ Клибурнской косы. Сраженіе 17-го іюня — извѣстное подѣ названіемъ Лиманскаго — окончилось къ 10-ти часамъ ночи.

Рано утромъ, 18-го іюня, Джонсъ, не имѣя возможности со своими болышними судами подойти къ сѣвшимъ на мель турецкимъ кораблямъ, перенесъ свой флагъ на одно изъ гребныхъ судовъ, находившихся подѣ его командой, и приказалъ капитану Корсакову съ нѣсколькими изъ нихъ овладѣть непріятельскими судами. Видя приближающіяся гребныя суда, турки немедленно спустили флагъ. Такимъ образомъ Корсаковъ взялъ въ плѣнъ тридцати-пушечный фрегатъ и шестнадцати-пушечный корветъ. Между тѣмъ Нассау-Зигенъ, накануне стоявшій все время вдали отъ пушечныхъ выстрѣловъ, подошелъ и началъ стрѣлять, поджигая большія турецкія суда, сидѣвшія на мели, а также турецкія канонерки, не успѣвшія скрыться подѣ защиту Очакова. Тщетно Джонсъ возражалъ, увѣряя, что все эти суда могутъ быть спасены для русскаго флота, если снять ихъ съ мели, благодаря облегченію судовъ и поднявшемуся сильному южному вѣтру. Зигенъ не обращалъ никакого вниманія на его слова и, — какъ бы въ доказательство своей самостоятельности, — взялъ одно изъ судовъ, уже захваченное Корсаковымъ и снятое имъ съ мели, и въ ту же минуту сжегъ его.

Впослѣдствіи Нассау-Зигенъ увѣрялъ, что онъ дѣйствовалъ согласно конфиденціальнымъ приказаніямъ Потемкина, который велѣлъ уничтожить турецкій флотъ, такъ какъ онъ, по словамъ Зигена, «не хотѣлъ, чтобы русскіе матросы взяли себѣ въ голову идею о призовыхъ деньгахъ, какъ французы, англичане и голландцы». Конечно, Потемкинъ могъ дать подобное приказаніе Нассау, но онъ ничего подобнаго не говорилъ Джонсу, и Суворовъ, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, сказалъ, что не вѣдаетъ о такихъ приказаніяхъ, и былъ взбѣшенъ ненужнымъ и бесполезнымъ уничтоженіемъ судовъ, которыя могли пригодиться на службу русскимъ. Турки потеряли девять большихъ судовъ, болѣе двадцати

канонерокъ и, по словамъ Джонса, три тысячи матросовъ. Потеря же русскихъ ограничилась однимъ фрегатомъ, шестью гребными судами и семьюстами офицерами и солдатами,—убитыми и ранеными. Неизвѣстно, сколько понесла урону флотилія подъ командою Нассау-Зигена, но Джонсъ увѣряетъ, что онъ былъ очень незначительный. По его словамъ, поддержаннымъ адмираломъ Гревэ и впоследствии Тотлебенемъ, если бы эта флотилія не занималась сожженіемъ турецкихъ судовъ, а оказала эскадрѣ быстрое содѣйствіе, то ни одинъ турецкій корабль не избѣгъ бы плѣна. При настоящихъ же обстоятельствахъ турецкій флотъ ушелъ въ Варну, хотя и съ тяжелымъ урономъ, но все-таки ушелъ.

19-го іюня. Джонсъ объявилъ Суворову, что онъ можетъ безопасно перейти Бугъ съ своей арміей. Дѣйствительно, великій воинъ такъ и сдѣлалъ, приступивъ къ осадѣ Очакова. Въ то же время Джонсъ предложилъ Потемкину, чтобы севастопольскій флотъ присоединился къ Лиманской эскадрѣ и, пользуясь удаленіемъ турецкаго флота, атаковалъ его въ открытомъ морѣ. Онъ даже предлагалъ наступательное движеніе на Варну, а затѣмъ—демонстрацію на Босфоръ. Потемкинъ, посѣтившій адмирала на «Владимирѣ» и обѣдавшій у него, былъ очень доволенъ этимъ проектомъ. Но, послѣ обѣда, въ конфиденціальномъ разговорѣ, заявилъ, что будетъ невозможно разрѣшить вопросъ о подчиненности между Джонсомъ и Мордвиновымъ, который былъ гораздо старше его, въ качествѣ контръ-адмирала и командовалъ всѣмъ черноморскимъ флотомъ, а слѣдовательно имѣлъ право распорядиться и Лиманской эскадрой. На это Джонсъ возражалъ, что если Потемкинъ самъ лично поднималъ бы флагъ, какъ главнокомандующій на «Владимирѣ», то вопросъ о первенствѣ Мордвина не имѣлъ бы основанія.

Этотъ проектъ очень понравился Потемкину, и онъ послалъ генерала Попова съ приказаніемъ, чтобы черноморская эскадра тотчасъ двинулась къ Лиману. Его приказаніе было исполнено, и контръ-адмиралъ Войновичъ, собственно командовавшій эскадрой подъ высшимъ начальствомъ Мордвина, выступилъ 28 іюня съ пятью линейными кораблями и пятью фрегатами. На второй день пути онъ встрѣтилъ турецкую эскадру, шедшую изъ Босфора на помощь капитану-пашѣ, и, несмотря на то, что турецкихъ силъ было гораздо меньше, повернулъ назадъ въ Севастополь. Узнавъ объ этомъ, Потемкинъ началъ попрежнему придерживаться оборонительной программы кампаніи относительно флота.

Въ то время онъ поссорился съ Джонсомъ, противъ котораго уже давно настроивали Нассау-Зигенъ и, вскорѣ потомъ умершій, капитанъ Алексіано. Поводомъ къ этой ссорѣ было донесеніе Джонса императрицѣ о лиманской побѣдѣ, которое онъ представилъ въ двухъ экземплярахъ: Потемкину и Мордвинову, какъ начальнику всѣхъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ. Въ этомъ донесеніи

Джонсъ по своему правдивому, прямому характеру представилъ отчетъ обо всемъ событіи, осыпавъ похвалами своихъ офицеровъ. О Нассау-Зигенѣ онъ не сказалъ ничего неодобрительнаго, а лишь изложилъ всѣ факты. Одновременно Нассау-Зигенъ явился къ Потемкину съ своимъ донесеніемъ о битвѣ и приписалъ себѣ и «мудрой распорядительности князя-фельдмаршала» побѣду. Потемкинъ попался на эту удочку, хотя не давалъ никакихъ распоряженій. Онъ уничтожилъ дубликатъ донесенія Джонса, а самое донесеніе приказалъ Попову передѣлать такъ, что въ немъ не осталось ни слова правды. Естественно, что Джонсъ на это не согласился, хотя очевидно было, что онъ шелъ на вѣрную ссору съ временщикомъ. Потемкинъ тогда совсѣмъ уничтожилъ его донесеніе и послалъ несправедливую и лъстивую бумагу Нассау-Зигена, въ которой Джонсъ даже не былъ совсѣмъ названъ.

Въ это время въ Херсонѣ, случайно, находился оберъ-камергеръ польскаго короля, кавалеръ Литльпакъ, родившійся во Франціи, но по происхожденію ирландецъ. Джонсъ былъ друженъ съ нимъ во время своего пребыванія въ Парижѣ и зналъ, что Литльпакъ собирается въ Петербургъ, просилъ его отвезти къ французскому посланнику Сегюру, бывшему его жаркимъ сторонникомъ, копію съ его донесенія императрицѣ, для врученія ей. Литльпакъ взялся за это порученіе, хотя уговаривалъ его не идти на открытую борьбу съ Потемкинымъ. Джонсъ отвѣчалъ: «Дѣло не въ Потемкинѣ, а въ Нассау-Зигенѣ. Я перетерпѣлъ отъ него столько, сколько не выдержалъ бы ни отъ одного человѣка въ здоровомъ разумѣ. Пора положить этому конецъ. У него нѣтъ ни чести, ни правдивости, ни способности. Сейчасъ онъ васъ цѣлуетъ, а чрезъ минуту готовъ зарѣзать. Хуже всего, что онъ даже не имѣетъ храбрости, которая часто замѣняетъ всѣ доблести. Онъ же, просто, подлый трусъ».

Литльпакъ болѣе не сопротивлялся и, поѣхавъ въ Петербургъ, вручилъ бумаги Джонса французскому посланнику, который въ свою очередь передалъ ихъ императрицѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ краснорѣчиво защищалъ Джонса, котораго, по приказанію короля, рекомендовалъ съ самаго начала Екатеринѣ. Она прочитала донесенія и оказалась въ затруднительномъ положеніи. Императрица очень хорошо понимала, что Джонсъ говорилъ правду, а Потемкинъ и Нассау-Зигенъ лгали, но она не могла пойти противъ своего любимца. Нѣсколько дней она обдумывала, какъ выйти изъ затрудненія, и, наконецъ, рѣшила вызвать Джонса въ Петербургъ, гдѣ, очень кстати, умеръ начальникъ Балтійскаго флота, адмиралъ Грейгъ. Она сказала Сегюру, что произведетъ Джонса въ вице-адмиралы и назначитъ его командиромъ Балтійскаго флота. Въ тотъ же день она написала Джонсу собственноручный рескриптъ о производствѣ его въ вице-адмиралы и о вызовѣ его въ Петербургъ, гдѣ онъ получить лично отъ нея распоряженіе относительно себя. Кромѣ того,

императрица назначила ему на путевые расходы тысячу дукатовъ и дозволила взять съ собою двухъ адъютантовъ. Его выборъ палъ на капитановъ Корсакова и Эдвардса, какъ самыхъ способныхъ и преданныхъ ему людей. Въѣстъ съ тѣмъ, Сегюръ, по приказанію Екатерины, сообщилъ Джонсу, что она исполнѣ довольна его поведеніемъ и питаетъ къ нему совершенное довѣріе.

Но по русскимъ источникамъ видно, что этотъ эпизодъ въ жизни Джонса кончился совершенно иначе. Его вызвали въ Петербургъ не въ видѣ награды, а въ видѣ почетной ссылки. Потемкинъ, окончательно настроенный Пассау-Зингомъ противъ него, написалъ Екатеринѣ, что «сонный Жонсесъ прозѣвалъ подвозъ къ Очакову, труситъ турокъ, и никто не хочетъ служить подъ его начальствомъ, а потому рѣшено отправить его въ Петербургъ, подъ видомъ особой экспедиціи на сѣверъ»¹⁾. На это Екатерина отвѣчала, что Джонсъ всегда пользовался репутаціей храбраго моряка, но «если его возвратятъ въ Петербургъ, то сыщеть ему мѣсто»²⁾. Однако, несмотря на неприязнь къ Джонсу, Потемкинъ отнесся къ нему при его отъѣздѣ изъ Херсона съ обычной своей двуличностью. Вотъ какъ Джонсъ описываетъ въ мемуарахъ 1790 г. свое послѣднее свиданіе съ знаменитымъ временщикомъ.

«За два дня до моего отбытія въ Петербургъ, князь-фельд-маршалъ пригласилъ меня въ свою главную квартиру, чтобы проститься со мною и вручить мнѣ лично въ руки письмо къ императрицѣ, съ отзывомъ о моей службѣ. Послѣ обѣда, онъ, на время, вышелъ изъ комнаты, и я, воспользовавшись случаемъ, сказалъ генералу Попову, начальнику его штаба, все, что накипѣло у меня на сердцѣ. Когда я удалился, то генералъ передалъ Потемкину суть моего разговора. Сначала, по его словамъ, князь очень сердился, но на другой день послалъ за мною, чтобы лично переговорить. Онъ началъ разговоръ съ того, что ему были неизвѣстны нѣкоторые факты, сообщенные мною генералу Попову. Держа себя съ должнымъ почтеніемъ къ его рангу, я отвѣчалъ ему совершенно свободно и откровенно сказалъ, что онъ несправедливо обошелся со мною съ самаго начала кампаніи, раздѣливъ командованіе Лиманскимъ флотомъ. Это было противъ интереса страны и противорѣчило цѣли войны, но я пожертвовалъ своими чувствами и правами, надѣясь, со временемъ, сладить съ тѣми людьми, которыхъ онъ сдѣлалъ моими товарищами, хотя они должны были находиться подъ моей командой. Если бы мнѣ это не удалось, то я рѣшилъ выйти въ отставку въ концѣ мая, потому что, уѣзжая изъ Петербурга, не только графъ Безбородко и французскій посланникъ, но и сама императрица увѣрили меня, что весь черноморскій флотъ будетъ находиться въ моей

¹⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 180.

²⁾ Сб.,никъ Н. Р. И. О., т. XXVII.

командѣ, какъ армія въ распоряженіи генерала Суворова. Я подробно объяснилъ Потемкину, что если бы это соглашеніе было исполнено, то кампанія окончилась бы совершенно иначе, что я атаковалъ бы капитана-пашу въ открытомъ морѣ соединеннымъ флотомъ Херсона и Севастополя, что турецкій флотъ былъ бы совершенно уничтоженъ, и Очаковъ взятъ. Вы сами видѣли,—прибавилъ я,—что мною было нанесено 17-го іюля пораженіе туркамъ съ половиною русскихъ морскихъ силъ, находящихся здѣсь, а потому легко поймете, что сдѣлалъ бы я со всѣмъ черноморскимъ флотомъ. Князь, выслушавъ меня, отвѣчалъ: «Я съ вами согласенъ, но теперь поздно». Я тогда замѣтилъ, что не жаловался относительно себя, но былъ оскорбленъ за своихъ офицеровъ, которымъ князь не отдалъ справедливости. Князь согласился и съ этимъ, и я рѣшился тогда высказать мое недоумѣніе, что такъ странно поступили съ моимъ донесеніемъ о Лиманской битвѣ. Онъ видимо былъ недоволенъ и заявилъ, что не желалъ бы говорить объ этомъ предметѣ. Я отвѣчалъ, что нельзя не говорить объ этомъ, такъ какъ вся суть въ немъ. Онъ задумался, но чрезъ нѣсколько минутъ сталъ съ жаромъ бранить Нассау-Зигена, котораго онъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, уславъ въ Варшаву. Князь мнѣ объяснилъ, что данное Нассау-Зигену порученіе въ Варшаву было только предложено отъ него отдѣлаться; онъ же узналъ всю правду относительно Лиманской битвы, когда уже было поздно. По его словамъ, Нассау-Зигенъ его сначала обманулъ, увѣривъ, что онъ былъ виновникомъ побѣды; теперь же онъ никогда его больше не обманетъ, такъ какъ ему извѣстно, что это за человѣкъ. Послѣ этого объясненія, князь задумался и прибавилъ съ большимъ жаромъ: «Я не совершенно виновентъ; если бы вы и Мордвиновъ не поссорились съ самаго начала, то Нассау-Зигенъ не имѣлъ бы случая интриговать. Мордвиновъ первый открылъ мнѣ его нелѣпныя притязанія, но онъ сдѣлалъ это слишкомъ поздно, когда нельзя уже было предупредить зло». Великъ за этимъ онъ сказалъ, что если я соглашусь дѣйствовать совместно съ Мордвиновымъ и признаю его старшинство, то онъ (Потемкинъ), возьметъ на себя отнѣнить приказъ императрицы о моемъ вызовѣ въ Петербургъ. Въ такомъ случаѣ онъ прикажетъ окончить зимою строящіяся въ Таганрогѣ восемь судовъ, и я, весною, буду единственнымъ командиромъ соединеннаго флота, такъ какъ Мордвиновъ былъ согласенъ заниматься исключительно административной частью Черноморскаго адмиралтейства и не вмѣшиваться въ мои морскія операціи. На это я отвѣчалъ, что согласился пріѣхать въ Россію по предложенію — командовать Черноморскимъ флотомъ, сдѣланному мнѣ въ Парижѣ Симолинымъ и повтореннымъ барономъ Крюденеромъ въ Копенгагенѣ. Императрица также подтвердила мнѣ его въ Петербургѣ, а если означенное условіе впоследствии не исполнено, то мнѣ нѣтъ причины согласиться на умень-

шеніе власти. Къ тому же императрица приказала мнѣ теперь пріѣхать въ Петербургъ, и я не желаю ея послушаться. Наконецъ, я окончилъ наше свиданіе просьбою наградить моихъ офицеровъ, согласно представленной мною запискѣ адмиралу Мордвинову, который вполне былъ согласенъ съ моимъ представленіемъ. Князь обѣщалъ исполнить мое желаніе, и потомъ я узналъ, что онъ сдержалъ свое слово».

Если поведеніе Потемкина относительно Джонса было противорѣчиво и двойственно, то еще непонятнѣе было отношеніе Суворова къ этому эпизоду въ черноморской службѣ адмирала. Мы видѣли, что онъ постоянно относился къ нему съ любезнымъ и теплымъ сочувствіемъ; тутъ же вдругъ относительно Лиманской битвы онъ выразился о немъ грубо и недоброжелательно въ письмѣ къ Потемкину: *il était cochon: à la première entrée il me felicita par sa defensive*. Это выраженіе приведено въ статьѣ Н. Орлова: «Суворовъ и флотъ», которая приложена къ брошюрѣ ¹⁾ «Суворовъ, какъ представитель славянства». Такое неблагоприятное мнѣніе Суворова о Джонсѣ, противное всѣмъ его предыдущимъ и послѣдующимъ дѣйствіямъ, можно себѣ объяснить только лестью относительно Потемкина, хотя это противорѣчитъ прямой и правдивой натурѣ Суворова. Во всякомъ случаѣ, при прощаніи съ нимъ, онъ велъ себя попрежнему совершенно дружественно. Такъ Поль Джонсъ въ своихъ мемуарахъ въ 1791 году говоритъ слѣдующимъ образомъ объ этомъ послѣднемъ свиданіи съ великимъ русскимъ героемъ:

«Сдавъ командованіе херсонскимъ флотомъ, я поѣхалъ къ генералу Суворову, въ его главную квартиру. Это было за мѣсяць до паденія Очакова. Онъ помѣщался въ одной хижинѣ вблизи взятаго форта; въ ней было всего двѣ комнаты, и въ подобномъ жилищѣ не помѣстился бы турецкій полковникъ. Въ одной комнатѣ находилась канцелярія и столовая генерала, а въ другой—его спальня. Вся его прислуга состояла изъ повара и двухъ денщиковъ, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ за лошадьми, а другой укаживамъ за нимъ, хотя не очень заботливо. Офицеры его штаба жили гораздо лучше его. Но вышности онъ почти одинаковаго роста со мной, въ плечахъ нѣсколько сутоловатъ, грудь у него плоская и даже нѣсколько впала; вообще онъ худощавъ и далеко невнушительной наружности. Напротивъ, его лицо отличается приятнымъ выраженіемъ, особенно, когда онъ веселъ и оживленъ. Цвѣтъ его лица очень смуглый, благодаря сорокалѣтней службы во всѣхъ климатахъ. Онъ гладко выбритъ, и на его лицѣ видны слѣды заботъ и страданій, такъ какъ у него много ранъ, и ему уже минуло шестьдесятъ лѣтъ. Онъ знаетъ основательно и обстоятельно военное дѣло; ему извѣстны военныя дѣйствія послѣднихъ двухъ столѣтій, со времени Густава-Адольфа до

¹⁾ «Суворовъ, какъ представитель славянства», проф. Орлова. Спб. 1901 г.

Фридриха, и, къ моему удивленію, онъ подробно знаетъ о военныхъ операціяхъ нашей республиканской войны, хотя о ней очень мало печатали въ Европѣ. Онъ не стремится къ личной славѣ, хотя я замѣтилъ, что онъ цѣнитъ мнѣніе военныхъ людей Франціи и Англій, которые онъ очень желаетъ посѣтить. Суворовъ замѣчательный лингвистъ: онъ хорошо говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-шведски, по-фински и по-польски, а также правильно пишетъ на этихъ языкахъ, онъ одинаково можетъ объясниться по-татарски и по-турецки. По характеру онъ человѣкъ душевный и всегда вѣренъ правдѣ и чести. Находясь подъ зловѣщимъ начальствомъ Потемкина, онъ никогда не писалъ ему докладовъ о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, потому что Потемкинъ не вынесъ бы правды, а Суворовъ не могъ писать лжи. Его великодушіе равняется его простотѣ. Его кошелькъ открытъ для всякаго—одинаково для достойнаго и недостойнаго человѣка, и онъ такъ простъ, что его можетъ обойти всякій. Великолѣпную саблю, съ драгоценными камнями, подаренную императрицею за покореніе Тавриды, онъ носилъ каждый день и, только благодаря его вѣрному денщику, онъ не потерялъ ни одного драгоценнаго камня, стоящаго болѣе тысячи рублей. Онъ расточителенъ только въ отношеніи лошадей. Когда я былъ у него, то видѣлъ четырехъ чистокровныхъ арабскихъ коней; при этомъ ихъ конюшня была гораздо лучше его жилища. Онъ показалъ мнѣ съ гордостью одного сѣраго жеребца, на которомъ онъ ѣздилъ изъ Таганрога въ Москву и обратно, безъ малѣйшей подставы. До сихъ поръ эта лошадь здрава и невредима. Когда я хотѣлъ проститься съ нимъ, то онъ вынулъ изъ своего походнаго сундука шубу изъ сибирскаго бобра, крытую желтой китайской шелковой матеріей, съ воротникомъ и отворотами изъ соболей. Я никогда не видалъ такой великолѣпной одежды. Но это не все: онъ досталъ еще гусарскій доломанъ, подбитый бѣлымъ, какъ снѣгъ, горностаемъ, и съ золотыми шнурами. Это былъ зимній нарядъ Павлоградскаго гусарскаго полка, котораго онъ былъ почетнымъ подполковникомъ. «Возьмите, Джонсъ, — сказалъ онъ: — они слишкомъ хороши для меня; мои дѣтушки (такъ онъ называлъ солдатъ) не узнали бы своего батюшку Суворова, если бы я такъ нарядился, но къ вамъ они пойдутъ; вы, вѣдь, французскій кавалеръ. Для вашего бѣднаго брата, Суворова, годится сѣрая солдатская шинель и забрызганные грязью сапоги. Прощайте!». Я никогда его съ тѣхъ поръ не видалъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые интереснѣе завтра, чѣмъ сегодня, а послѣ-завтра пріятнѣе, чѣмъ завтра. Храбрый до безумія, великодушный до безконечности и способный на военное дѣло выше всякаго воображенія, несмотря на его грубую вѣшность, Суворовъ—величайшій воинъ въ Россіи не только теперь, но, я полагаю, и на будущія времена. Онъ долженъ быть поставленъ въ древнія времена на ряду съ Александромъ Македонскимъ, Анибаломъ и Цезаремъ

въ новыя времена—съ Густавомъ-Адольфомъ, Мальборо и Фридрихомъ Великимъ. Что же касается настоящаго времени, то я полагаю, что онъ не только первый полководецъ Россіи, но и всей Европы». Мемуары Джонса за 1791 годъ оканчиваются любопытнымъ описаніемъ Черноморскаго флота. Небезынтересно привести отрывокъ изъ этого описанія. «Я съ сожалѣніемъ замѣтилъ,—говоритъ онъ,—что суда, построенныя на Черномъ морѣ, особенно въ Херсонѣ, служатъ не болѣе пяти или шести лѣтъ. Это происходитъ отъ того, что русскіе не сушатъ предварительно дерево, отчего оно чрезъ короткое время гниетъ. Это удивительная потеря дерева, тѣмъ болѣе, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ столько строевого лѣса, какъ на Днѣпрѣ. Франція запасается оттуда большимъ количествомъ лѣса, и я видѣлъ въ Тулонѣ большіе запасы русскаго лѣса, съ береговъ Днѣпра. Мое уваженіе къ императрицѣ, создавшей русскую морскую силу на Черномъ морѣ, побуждаетъ меня сожалѣть, что люди, которымъ она поручила строить флотъ, совершили это на основаніи невѣрныхъ принциповъ, почему суда не могутъ выдерживать тяжелой артиллеріи и имѣть быстрый ходъ. Напримѣръ, мой флагманскій корабль «Владимиръ» не могъ такъ быстро идти и сопротивляться вѣтру, какъ маленькій американскій фрегатъ «Alliance». Вообще, по несчастію, черноморскія суда строятъ совершенно неправильно, и потому они мало пригодны къ дѣлу. Велѣдствіе этого турецкія суда, одинаково крупныя и мелкія, рѣшительно превосходятъ русскія въ быстротѣ и ловкости маневрированія. Если отъ военнаго флота мы перейдемъ къ торговлѣ на Черномъ морѣ, столь важной для Россіи, то нельзя не замѣтить, что она никогда не достигнетъ развитія, пока Россія не будетъ имѣть хорошаго флота, который уничтожитъ турецкій и вручитъ ключи Константинополи императрицѣ и ея наслѣдникамъ. Россія имѣетъ всѣ матеріалы, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ достигнуть подобнаго флота, если возьмется за дѣло съ порядкомъ, способностью и экономіей. Лучшее средство имѣть хорошихъ матросовъ это создать коммерческій флотъ, для чего необходимо заключить торговый трактатъ съ Американскимъ Соединеннымъ Штатами, завести океанскую торговлю и имѣть въ Черномъ морѣ значительную эскадру подъ компетентнымъ начальствомъ».

Покончивъ свою неудачную службу на Черномъ морѣ, Поль Джонсъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ императрицей такъ любезно, что забылъ всѣ причиненныя ему непріятности. Онъ не только подпалъ подъ ея чары, какъ пріятной и красивой женщины, несмотря на ея шестьдесятъ лѣтъ, но просто обожалъ ее. Это мѣшало ему сначала понять ея неискренность. Екатерина вовсе не намѣрена была назначить его начальникомъ Балтійскаго флота, несмотря на все ея видимое расположеніе къ нему. Въ январѣ, февралѣ и мартѣ, 1789 года, Джонсъ бывалъ постоянно при дворѣ, имѣлъ прекрасную казенную квартиру, получалъ жалованье, и ему

оказывались различныя почести. Хотя, формально, онъ не получилъ назначенія въ Балтійскомъ флотѣ, но съ нимъ совѣтовалось адмиралтейство по многимъ вопросамъ, касавшимся этого флота.

Однако, его старые враги, англійскіе морскіе офицеры и купцы, а также представители русской администраціи, тайно вели козни противъ него. Въ срединѣ же марта состоялся противъ Джонса цѣлый заговоръ, благодаря которому отвернулись отъ него всѣ придворные, и императрица даже запретила ему доступъ во дворецъ. Дѣло заключалось въ томъ, что однажды явилась къ нему молодая дѣвушка, подъ предлогомъ просить работы; но при этомъ стала такъ неприлично вести себя, что Джонсъ просилъ ее удалиться, а когда она сопротивлялась, то онъ за руку вывелъ ее изъ комнаты. Тогда она разорвала на себѣ платье и бросилась на лѣстницу, гдѣ стояла старуха, которую она назвала матерью. Съ громкими воплями онъ обѣ жаловались на насиліе со стороны Джонса и подняли скандалъ на улицѣ, гдѣ онъ жилъ. Эту исторію онъ рассказалъ единственному своему другу, графу Сегюру, и тотъ горячо заступился за него. Въ нѣсколько дней тайное изслѣдованіе этого дѣла, произведенное французскимъ посланникомъ, привело къ благопріятному результату. Оказалось, что молодая дѣвушка была веселого поведенія, а старуха, выдаваемая за ея мать, занималась продажей подобныхъ, погибшихъ созданий. Мало того, заговоръ былъ, повидимому, составленъ Нассау-Зигеномъ, находившимся теперь въ Петербургѣ, и среди лицъ, участвовавшихъ въ немъ, находился племянникъ Безбородко. Узнавъ обо всемъ этомъ, Сегюръ прямо отправился къ самому Безбородко и объявилъ ему, что если сущность дѣла не будетъ доведена до свѣдѣнія императрицы, то онъ уѣдетъ немедленно изъ Петербурга. Министръ испугался, тѣмъ болѣе, что Сегюръ пользовался въ то время громаднымъ вліяніемъ при дворѣ. Онъ обѣщалъ устроить все дѣло благополучно. Но Сегюръ этимъ не удовольствовался и, отправившись самъ къ императрицѣ, объяснилъ ей весь заговоръ. Кромѣ того, онъ заявилъ, что не только заступался за Джонса, какъ другъ, но и какъ представитель французскаго короля, который рекомендовалъ Джонса императрицѣ и въ нѣкоторой степени ручался за него. Онъ еще прибавилъ, что французскій король, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пожаловалъ Джонсу орденъ, который давалъ ему рыцарское достоинство, а слѣдовательно всякое оскорбленіе, нанесенное ему, было личнымъ оскорбленіемъ короля. Императрица согласилась съ справедливостью всего, что рассказывалъ ей Сегюръ, и объяснила, что если бы Нассау-Зигенъ былъ русскимъ подданнымъ, то она тотчасъ сослала бы его за такое дѣло въ Сибирь. Все же, что она могла сдѣлать теперь, не поднимая скандала, было удалить его изъ Петербурга и приказать поселиться въ Курляндскомъ имѣніи близъ Митавы, кото-

рое она недавно подарила ему. Сегюръ не удовлетворился подобнымъ наказаніемъ Нассау-Зигена и сказалъ, что тотчасъ увѣдомить официально обо всемъ французское правительство, послать копию съ ноты всѣмъ иностраннымъ посольствамъ, а также напечатать во французской официальной газетѣ о позорномъ поступкѣ Нассау-Зигена. Императрица полагала, что эта мѣра была излишней, и на этомъ окончила разговоръ, только прибавивъ, что адмиралъ Джонсъ долженъ написать ей подробную записку въ оправданіе себя, и затѣмъ ему будетъ разрѣшенъ доступъ ко двору.

Екатерина исполнила свое слово и, получивъ 17-го мая объяснительное письмо Джонса, чрезъ два дня пригласила его попрежнему ко двору. Теперь онъ былъ увѣренъ, что его окончательно назначатъ начальникомъ Балтійскаго флота, тѣмъ болѣе, что двадцатаго мая онъ получилъ приказаніе императрицы отправиться въ Свеаборгъ и основательно обозрѣть флотъ, стоявшій тамъ на якорѣ, послѣ чего донести ей лично объ его состояніи. Это распоряженіе возбѣсило все морское начальство, и оно приняло мѣры, чтобы власти въ Свеаборгѣ оказали всевозможныя препятствія для исполненія данного ему императрицей порученія. Онъ, повидимому, подозрѣвалъ нѣчто подобное и, прежде чѣмъ отправиться въ Свеаборгъ, увѣдомилъ командовавшаго тамъ адмирала о полученномъ отъ императрицы приказѣ. Онъ объявилъ, что подробный осмотръ каждого корабля начнется чрезъ недѣлю, такъ какъ недавно окончилась зимняя стоянка, и необходимо время для приведенія всего въ порядокъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ потребовалъ, чтобы адмиралъ представилъ ему подробный отчетъ о личномъ составѣ служащихъ на эскадрѣ, а также о количествѣ имѣющихся военныхъ и жизненныхъ припасовъ.

Адмиралъ далъ уклончивый отвѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправилъ морскому начальству въ Петербургѣ письмо, увѣрившее, что адмиралъ Джонсъ ведетъ тайные переговоры съ Густавомъ III, королемъ шведскимъ, о переходѣ на службу въ шведскій флотъ, и что только ради этой причины онъ добился порученія произвести столь неслыханную инспекцію русской эскадры. Узнавъ объ этомъ доносѣ, Екатерина разсердилась и смѣстила временно контръ-адмирала возвративъ ему прежнее мѣсто только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Джонсъ приступилъ, между тѣмъ, къ самому подробному осмотру Балтійскаго флота и о результатѣ осмотра написалъ императрицѣ подробное донесеніе. Онъ указалъ на такую массу недостатковъ и совѣтовалъ столь дорогія улучшенія, что императрица пришла въ ужасъ. Однако, она исполнила значительное количество его совѣтовъ, особенно касавшихся новаго оснащиванія кораблей, исправленія дековъ, замѣны парусовъ новыми и т. д.

Во время этой инспекціи, продолжавшейся двѣ недѣли, Поль Джонсъ схватилъ серіозную простуду, и по возвращеніи въ Петер-

бургъ у него обнаружилось воспаленіе легкихъ. Болѣзнь была серьезная, и хотя въ концѣ іюня онъ снова сталъ выходить, но его легкія были не прежнія, и онъ казался на взглядъ не молодцемъ сорока одного года, а шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Придворные доктора, Роджерсонъ и Кассини, присланные къ нему императрицей, засвидѣтельствовали, что онъ не можетъ перенести наступленіе зимы въ Петербургъ, и донесли объ этомъ Екатеринѣ. Вслѣдствіе этого она дала ему отпускъ на годъ, а въ случаѣ надобности на два, съ сохраненіемъ полного вице-адмиральскаго жалованья. 19-го числа онъ удостоился прощальной аудіенціи, а наканунѣ написалъ Екатеринѣ письмо, въ которомъ кратко повторилъ всѣ обстоятельства его русской службы, заявилъ всю свою преданность лично къ императрицѣ и увѣрилъ ее, что онъ впредь ни въ какомъ случаѣ не поступитъ на службу ея враговъ, хотя бы о немъ распускали подобныя клеветы. Онъ прибавилъ, что надѣется, оправившись отъ болѣзни, доказать всю искренность его завѣреній. Въ концѣ онъ писалъ: «Такъ какъ меня считаютъ слишкомъ откровеннымъ и слишкомъ правдивымъ для успешной службы при русскомъ дворѣ и такъ какъ я создалъ себѣ много могущественныхъ враговъ, то я счесть необходимымъ удалиться; но честь для меня дороже всякой награды, и я считаю долгомъ увѣрить ваше величество, что служить вамъ преданно даже среди преслѣдованій. Я вполнѣ убѣжденъ, что заслужилъ одобреніе императрицы, и несмотря на всѣ несправедливости, всегда занимался планами на пользу ея службы. Хотя мои враги, быть можетъ, никогда не превратятся въ моихъ друзей, но меня уважаютъ всѣ, кому я извѣстенъ, и немалое торжество для меня, что въ минуту отъѣзда изъ Россіи всѣ, въ томъ числѣ англичане въ Петербургѣ, безъ малѣйшаго съ моей стороны искаательства, измѣнили свои чувства, стали питать ко мнѣ уваженіе и сожалѣютъ о моемъ отъѣздѣ».

Конечно, это письмо не очень понравилось императрицѣ, но рѣзкость его надо приписать нездоровью Джонса, а такъ же его оскорбленному самолюбію, благодаря интригамъ враговъ. Кромѣ того, онъ узналъ передъ отъѣздомъ, что, во время его пребыванія въ Россіи, систематически задерживали частныя письма, адресованныя на его имя, по почтѣ. Это обстоятельство чрезвычайно его раздосадовало и вполнѣ доказало, какъ его враги вѣчески старались вредить ему.

Поль Джонсъ покинулъ Петербургъ 18 августа 1789 года, прослуживъ въ Россіи около 16-ти мѣсяцевъ. Ему жилось у насъ не радостно, не весело, и по словамъ его американскаго біографа: «это было естественно, потому что онъ жилъ въ XVIII вѣкѣ, при Екатеринѣ II, а не въ XX вѣкѣ и не при Николаѣ II».

Прежде всего, за границей, онъ остановился въ Варшавѣ и былъ принятъ очень любезно польскимъ королемъ Станиславомъ. Среди

поляковъ онъ познакомился со знаменитымъ генераломъ Костюшко, который старался, во что бы то ни стало, уговорить его выйти изъ русской службы. Но Джонсъ отвѣчалъ, что ни подъ какимъ видомъ не пойдетъ противъ Россіи, развѣ будетъ война между нею и Американскими Соединенными Штатами, что совершенно невозможно. Шпіоны Потемкина и Безбородки, разсѣянные повсюду, тотчасъ донесли, что Костюшко убѣдилъ его поступить на службу къ королю шведскому. Сегюръ узналъ объ этомъ и немедленно увѣдомилъ адмирала о новой клеветѣ его враговъ. Онъ тотчасъ отвѣчалъ Сегюру, прося передать копію письма императрицѣ.

«Желая,—писалъ онъ,—выразить мои отношенія къ русской службѣ, я торжественно заявляю, что съ моей стороны было бы совершенно нелѣпо, считая себя въ отпуску, войти въ сношенія, а тѣмъ болѣе поступить на службу врага ея величества. Я всегда выражалъ императрицѣ мое намѣреніе оставаться американскимъ гражданиномъ и офицеромъ, находясь на русской службѣ. Кромѣ того, получивъ отъ ея величества почетный орденъ и золотую шпагу, я далъ слово не обнажать ея противъ интересовъ Россіи. Если же, паче чаянія, и несмотря на мою преданность и благодарность къ особѣ ея величества, я былъ бы принужденъ подать въ отставку, то, конечно, спрошу на это согласія ея величества и, ни въ какомъ случаѣ, не вступлю на службу враждебной ея величеству державѣ».

Сегюръ передалъ копію этого письма Екатеринѣ, и она, повидимому, была довольна его содержаніемъ. Императрица приказала Храповицкому написать Джонсу, что она постоянно питаетъ къ нему довѣріе и не вѣритъ распространяемымъ его врагами мелочнымъ клеветамъ. Несмотря, однако, на подобныя завѣренія императрицы, Джонсъ послалъ Вашингтону всѣ бумаги Сегюра, касавшіяся его дѣла, чтобы уничтожить въ Америкѣ всѣ слѣды русскихъ интригъ противъ него. Президентъ не отвѣчалъ ему ни слова относительно его русской службы, но въ концѣ того же года написалъ ему, что, по его мнѣнію, «не слѣдовало ему оставаться на русской службѣ, потому что онъ могъ понадобится Америкѣ и по другимъ причинамъ». Кромѣ надежды на полученіе команды надъ американскимъ флотомъ, онъ въ 1790 году, живя постоянно въ Парижѣ, сошелся со многими изъ революціонныхъ дѣятелей, и Лафайетъ, Мирабо, Бареръ, Карно, даже Робеспьеръ и Дантонъ обѣщали ему въ близкомъ будущемъ начальство надъ французскимъ флотомъ. Всѣ эти воздушные замки и серіозныя мысли о неблагопріятной службѣ въ Россіи побудили его въ 1791 году, когда истекалъ его двухгодичный отпускъ, отправить чрезъ русскаго посланника въ Гаагѣ просьбу къ императрицѣ о совершенной отставкѣ. Но императрица не согласилась на его просьбу и чрезъ своего пріятеля, барона Гримма, увѣдомила адмирала, что

желаетъ удержать его на службѣ, хотя она находилась въ мирныхъ отношеніяхъ съ Турціей и Швеціей, а потому не нуждалась въ немедленныхъ его услугахъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ она позволяла ему остаться еще въ отпуску, а въ случаѣ надобности, обѣщала сообщить ему лично о своихъ желаніяхъ. Въ то же время она распорядилась о платежѣ ему недоданнаго жалованья.

Такимъ образомъ, какъ это видно изъ достовѣрныхъ документовъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1791 года Екатерина даже не въ официальныхъ бумагахъ, а въ частныхъ письмахъ къ Гримму отзывалась снисходительно и даже любезно о своей «черноморской мордашкѣ», но въ маѣ мѣсяцѣ того же года она писала тому же Гримму совершенно иначе. Во-первыхъ, она называетъ его контръ-адмираломъ, хотя во время пребыванія въ Россіи пожаловала его въ вице-адмиралы; во-вторыхъ, по ея словамъ, отпускъ ему былъ данъ, чтобы спровадить его безъ позора послѣ возбужденнаго противъ него обвиненія въ изнасилованіи, и, въ-третьихъ, она говоритъ, что, послѣ этого гадкаго анекдота, онъ не имѣлъ аудіенцій при дворѣ. Поэтому изъ письма Екатерины отъ 14-го мая и послѣдующаго письма отъ 1-го сентября къ Гримму видно, что она была совершенно не расположена къ Джонсу и вѣрила всѣмъ наговорамъ на него. Въ первомъ изъ этихъ писемъ она еще говорила: «если миръ не будетъ заключенъ, то я сообщу о своихъ намѣреніяхъ господину Полю Джонсу», а во второмъ прямо совѣтовала ему заняться своими дѣлами въ Америкѣ. Очевидно, все было кончено между императрицей и Джонсомъ.

Узналъ ли объ этомъ Джонсъ, или по другой какой причинѣ, но весной 1792 года онъ рѣшился окончательно прекратить всѣ отношенія къ Россіи и съ этою цѣлью поѣхать въ Голландію, чтобы свидѣться съ Крюденеромъ. Но странному стеченію обстоятельствъ, русскій посланникъ вручилъ ему письмо Суворова, доказывавшее, что эти отношенія были самыя неопредѣленные и противорѣчивыя. Письмо было помѣчено 3-мъ марта, 1792 года, и въ немъ Суворовъ увѣдомлялъ, что назначенъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ. Послѣ этого онъ писалъ:

«Не позволяйте, мой добрый братъ, какойнибудь сиренѣ во плоти, или въ образѣ самолюбія, обольстить васъ и побудить оставить службу ея величества. Я слышу дурныя вѣсти о вашемъ здоровьѣ, но убѣжденъ, что климатъ Чернаго моря положительно не можетъ быть вреденъ для васъ. Россія именно тамъ нуждается въ васъ. Вспомните, что въ 1788 году Англія и Пруссія соединились для покровительства туркамъ, и даже Австрія отказалась отъ нашего союза, когда услышала о нашемъ планѣ итти на Босфоръ съ вашимъ флотомъ и перейти Балканы съ моею арміею. Ваши французы приготавливаютъ много бѣдъ, которыми Западная Европа будетъ сверхъ силъ занята. Я не обманываю себя; я предвижу,

что дѣла во Франціи поведутъ къ уничтоженію монархіи. Когда это случится, то Франція станетъ общимъ врагомъ всѣхъ сосѣднихъ монарховъ, и во всей Западной Европѣ будетъ продолжительная общая война, которая всецѣло займетъ Австрію, Пруссію и Англию. Эти факты совершатся очень скоро: черезъ годъ—не болѣе. Австрія же объявитъ войну Франціи, быть можетъ, прежде, чѣмъ это письмо дойдетъ до васъ. Когда Западная Европа будетъ въ огнѣ,—придетъ наше время. Намъ будетъ полная свобода распорядиться турками, какъ мы желаемъ; мы тогда можемъ безопасно владѣть Чернымъ моремъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, выстроено новыхъ девять линейныхъ кораблей и шесть фрегатовъ; поэтому вы видите, что морскія силы удвоены сравнительно съ тѣми, что были въ вашихъ рукахъ на Ливанѣ. Кромѣ того, теперь я могу васъ защитить отъ придворныхъ интригъ, чего прежде не могъ сдѣлать. Со временъ Измаила придворные меня болѣе не беспокоятъ, я отъ нихъ отмахиваюсь, какъ отъ мухъ. Въ новой турецкой кампаніи я буду главнымъ начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, а вы будете давать отчетъ только мнѣ, что, я полагаю, не будетъ вамъ непріятнымъ. Вотъ мой планъ. Я сообщилъ его только одной императрицѣ. Она одобряетъ его и двинется впередъ, какъ только осуществится въ Западной Европѣ то, что я предвижу. Ну, добрый братъ мой, императрица получитъ копию съ этого письма, она согласится со мною, что ваше начальство надъ Черноморскимъ флотомъ—необходимая часть плана. Поэтому умоляю васъ, не затрудняйте себя никакими западными комбинаціями, но возвращайтесь въ Россію, какъ можно скорѣе. Пріѣзжайте лѣтомъ, когда можете безопасно для вашего здоровья быть въ Петербургѣ, и заѣзжайте въ мой лагерь здѣсь или въ Польнѣ, чтобы переговорить о предполагаемыхъ планахъ».

Это замѣчательное письмо, однако, не произвело никакого впечатлѣнія на Джонса, и даже неизвѣстно, отвѣчалъ ли онъ на него. Въ это самое время онъ былъ занятъ обѣщаніемъ друзей назначить его командиромъ французскаго флота и настаивалъ на русской отставкѣ. На этотъ разъ ему это удалось, и онъ добился согласія Екатерины на свое отчисленіе отъ русскаго флота, при чемъ получилъ все жалованье, слѣдующее ему за прежнее время, хотя окончательный расчетъ онъ получилъ послѣ своей смерти.

Въ Парижъ онъ вернулся свободнымъ человѣкомъ въ 1792 г., но судьбѣ было угодно послать ему неожиданную смерть 18-го іюля того же года, на сорокъ пятомъ году его жизни. Что онъ умеръ наканунѣ счастливой переменѣ въ его судьбѣ, доказываютъ почести, которыя были оказаны послѣ его смерти «человѣку, послужившему въ дѣлѣ свободы». Только одна Екатерина была злопамятна и писала Гримму: «Поль Джонсъ былъ очень вздорливый человѣкъ, вполне достойный, чтобы его чествовала кучка отвратительныхъ людей».

Совершенно иначе отзывался о немъ Наполеонъ. «Поль Джонсъ не дождался своей судьбы и умеръ слишкомъ рано,—говорилъ императоръ послѣ Трафальгара:—если бы онъ былъ живъ, то Франція имѣла бы теперь настоящаго адмирала. Наши адмиралы толкуютъ о различныхъ теоретическихъ предметахъ и забываютъ, что вся цѣль войны заключается въ томъ, чтобы поймать непріятеля и уничтожить его. Такъ смотрѣли на цѣль морской войны Поль Джонсъ и Нельсонъ. Жаль, что имъ не пришлось помѣряться равными силами».

В. Т.

НОВЫЯ МѢРОПРІЯТІЯ ВЪ БИБЛОЛОГІИ.

ВѢЩЕ еще и трехъ лѣтъ, какъ число нашихъ ученыхъ обществъ увеличилось новымъ товарищемъ: въ Петербургѣ возникло «Русское библиологическое общество». Широко понимая слово библиологія, новое общество, какъ гласитъ первый параграфъ его устава, поставило себѣ цѣлью содѣйствовать теоретической выработкѣ и практическому примѣненію мѣръ для облегченія обзорнѣи всѣхъ родовъ литературныхъ произведеній, а также изученію книжнаго дѣла въ его прошломъ и настоящемъ. Такимъ образомъ, помимо чисто научной дѣятельности, общество возложило на себя трудную задачу прійти на помощь людямъ, занимающимся тѣмъ или другимъ специальнымъ вопросомъ, или даже просто не совсѣмъ беззаботнымъ насчетъ литературы и науки. Общество стремится пособить какъ своимъ членамъ, такъ и постороннимъ лицамъ, разобраться въ великомъ множествѣ книгъ, появляющихся теперь на книжномъ рынкѣ, и въ цѣломъ морѣ статей и замѣтокъ разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Потребности въ такого рода помощи чувствовалась уже давно. Едва ли не первый въ Россіи библиографическій трудъ Бакмейстера: «Russische Bibliothek zur Kenntnis des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland», появился еще въ 1772 году. Съ тѣхъ поръ появляется цѣлый рядъ библиографическихъ работъ и даже періодическихъ журналовъ, кончая «Библиографомъ» Н. М. Лисовскаго. Однако, всѣ такія попытки кончались обыкновенно неудачей по той простой причинѣ, что съ развитіемъ литературы беллетристической и научной услѣдить одному лицу за всѣмъ печатнымъ ма-

теріаломъ оказывалось не подѣ силу. Осуществить такую задачу въ наше время возможно лишь цѣлому обществу, въ родѣ библиологическаго, гдѣ уже въ концѣ перваго года его существованія насчитывалось болѣе сотни членовъ.

Заручившись коллективнымъ содѣйствіемъ членовъ, молодое общество, не теряя времени, на первыхъ же порахъ приступило къ практическому осуществленію своихъ плановъ. Прежде всего начата была регистрація нашихъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ, начиная съ 1900 г. Содержаніе каждаго № разносилось членами общества на особыя карточки, которыя въ настоящее время составили уже цѣлое библиографическое бюро, настолько полное, что теперь уже возможно дать точныя указанія, гдѣ и что печаталось въ XX столѣтіи по тому или другому предмету. Справочное библиографическое бюро общество рѣшило предоставить къ услугамъ не только своихъ членовъ, но и постороннихъ лицъ, которыя пожелаю бы обратиться туда съ запросомъ. Такого рода карточные указатели существовали до сихъ поръ лишь у записныхъ библиографовъ спеціалистовъ и, конечно, были доступны только немногимъ. Русское библиологическое общество, удовлетворяя назрѣвшей потребности, идетъ въ этомъ отношеніи на встрѣчу интеллигентной публикѣ.

Дальнѣйшимъ практическимъ мѣропріятіемъ общества явился его собственный печатный органъ «Литературный Вѣстникъ». Новый журналъ, выходящій пока 8 разъ въ годъ, поставилъ себѣ цѣлью сдѣлаться изданіемъ, гдѣ могли бы помѣщаться историко-литературные матеріалы и отмѣчались бы сколько нибудь важныя труды по исторіи русской литературы. Какъ видно изъ этого заявленія редакціи, «Литературный Вѣстникъ» представляется органомъ собственно не всего библиологическаго общества, въ составѣ котораго могутъ быть спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія, а лишь его историко-литературной секціи. Съ другой стороны, благодаря именно этому обстоятельству, молодой журналъ, оставаясь строго научнымъ изданіемъ, приближается къ типу нашихъ общео- историческихъ журналовъ и можетъ себѣ найти тотъ же кругъ читателей, что и они. Насколько «Литературный Вѣстникъ» удовлетворилъ требованіямъ науки, видно изъ того, что академія наукъ сочла нужнымъ ассигновать ему особую субсидію. То обстоятельство, что «Вѣстникъ» вступилъ во второй годъ существованія, указываетъ и на то, что особый органъ пришелся ко двору и обыкновенныхъ смертныхъ, не остывшихъ еще окончательно къ интересамъ науки и литературы. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, преслѣдуя главнымъ образомъ идейныя цѣли, журналъ этотъ занимаетъ своеобразное положеніе: въ немъ все дѣлается и пишется даромъ. Какъ заявляетъ редакція въ годичномъ обзорѣ, ни одна статья, помѣщенная въ «Вѣстникъ», не была оплачена гонораромъ.

и вся сложная и хлопотливая редакціонная служба неслась безплатно.

Обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія журнала за истекшій первый годъ его существованія, мы замѣчаемъ, что книжки «Вѣстника» распадаются на два главные отдѣла. Прежде всего идутъ новые историко-литературные матеріалы и статьи научнаго характера. Такъ на страницахъ «Литературнаго Вѣстника» впервые появляются стихотворенія Огарева, доставленныя редакціи сыномъ Герцена, извѣстнымъ лозанскимъ физиологомъ. Отмѣтимъ далѣе письма Э. Булгарина къ разнымъ лицамъ, любезно сообщенныя знатокомъ нашей исторіи С. Н. Шубинскимъ, со статьей В. Бояновскаго объ этомъ «восьмомъ чудѣ», какъ зло назвалъ Булгарина одинъ современникъ. Далѣе заслуживаетъ вниманія доселѣ неизвѣстная статья Батюшкова «Замѣчанія на баснословіе сѣверныхъ народовъ», лишній разъ обнаруживающая живой интересъ поэта къ странѣ, «гдѣ природа мертва и угрюма». Историкъ литературы найдетъ въ этомъ отдѣлѣ немало для себя подходящаго и интереснаго, тѣмъ болѣе, что редакція перепечатываетъ въ своемъ журналѣ все, что можетъ найти о дѣятеляхъ литературы въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, болышею частью недоступныхъ, а иногда и вовсе неизвѣстныхъ обыкновеннымъ смертнымъ.

Вторымъ основнымъ отдѣломъ журнала является критико-библиографическое обзорѣніе современной литературы и журналистики. Отдѣлъ этотъ составляется, видимо, съ любовью и отличается своей полнотой. Ни одна мало-мальски интересная книга, вышедшая въ 1900 году, не ускользнула отъ вниманія сотрудниковъ-сочленовъ и не осталась безъ обстоятельной и компетентной рецензіи. Особенно цѣнными являются въ этомъ отдѣлѣ списки журнальныхъ статей, касающихся литературы и ея дѣятелей. Такіе списки составляются редакціей ежемѣсячно и служатъ для интересующихся лицъ не замѣнимымъ пособіемъ для знакомства съ критической и библиографической литературой о томъ или другомъ писателѣ.

Отмѣчая книжныя новости, «Литературный Вѣстникъ» вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за умственной и общественной нашей жизнью, поскольку она касается дѣятелей науки и литературы. Въ каждомъ № дается обстоятельный отчетъ о засѣданіяхъ столичныхъ ученыхъ обществъ съ краткимъ изложеніемъ читанныхъ тамъ рефератовъ. Смерть такихъ крупныхъ людей, какъ Шеллеръ и Майковъ, вызываетъ на страницахъ «Вѣстника» ихъ некрологи, а отлученіе отъ церкви графа Толстого—съ одной стороны перепечатку извѣстнаго синодальнаго посланія, а съ другой полемику, возникшую между супругою писателя и митрополитомъ Антоніемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этого общественнаго журнала. Физиономія его въ настоящее время достаточно выяснилась, и его положеніе среди другихъ изданій этого рода можно опре-

дѣлать, сравнивь его съ «Русскою Стариною». Можно сказать, что по отношенію къ исторіи русской литературы органъ Русскаго библиологическаго общества занялъ то же положеніе, какое «Русская Старина» укрѣпила за собой относительно русской исторіи.

Опытный специалистъ замѣтитъ, конечно, нѣкоторую неполноту справочнаго отдѣла и даже, пожалуй, кое-какія погрѣшности. Но эти недостатки и не страшны, потому что журналъ, видимо, идетъ на расширеніе и улучшеніе, и извинительны, если вспомнить изреченіе знаменитаго Скалигера относительно всѣхъ вообще изданій, носящихъ главнымъ образомъ справочный характеръ:

Lexicographi secundum post Herculem labor.

А. Бв.

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО ВЪ ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

(Культурно-историческія замѣтки).

ВЪ РУССКОЙ печати еще не было сдѣлано серьезныхъ попытокъ ¹⁾ заняться хотя отчасти историческимъ прошлымъ женскаго вопроса, обращающаго теперь всеобщее вниманіе во всѣхъ сколько нибудь культурныхъ странахъ. А между тѣмъ именно такое разсмотрѣніе этого вопроса, т.-е. со стороны его культурно-историческаго прошлаго въ наше время очень интересно и особенно поучительно. Даже при самомъ бѣгломъ очеркѣ наиболѣе выдающихся болѣе или менѣе отдѣльных фактовъ и эпизодовъ этого прошлаго, — что и предлагается здѣсь, — окажется, какъ обыкновенно нѣмцы говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, *Alles schon da gewesen* (все такое уже было)! Женскій вопросъ пробовали уже рѣшать со всякихъ сторонъ и съ почти незапамятныхъ временъ! И всѣ считающіе себя противниками его и увѣряющіе, что онъ не что иное, какъ порожденіе нашего и притомъ самаго новѣйшаго либеральнаго времени, должны признать себя неправыми. Но съ другой стороны и всѣ сочувствующіе этому вопросу, при ознакомленіи съ его историческимъ прошлымъ, могутъ серьезно поразмыслить вотъ о чемъ. Почему же, если всѣ эти подчасъ удивительныя и мужественныя стремленія женщинъ въ теченіе почти

¹⁾ Уже почти при заключеніи этого очерка историческихъ фактовъ авторъ его съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ прочелъ въ «Маленькихъ письмахъ» А. С. Суворина («Новое Время», № 9.203) именно такое обозрѣніе. Но А. С. Суворинъ преимущественно говоритъ о новѣйшихъ замѣчательныхъ историческихъ фактахъ въ женскомъ вопросѣ, касаясь болѣе древнихъ не далѣе конца XVIII вѣка. У автора же этихъ строкъ, наоборотъ, обзоръ почти кончается именно на этомъ времени.

всѣхъ вѣковъ не только постоянно проявлялись наружу, но и почти не прерывались,—до сихъ поръ сравнительно немного было сдѣлано? Подобныя разсужденія, основываемыя на прошломъ, которое, однако, далеко не что либо ничтожное, очень многимъ дадутъ возможность видѣть, какъ всякія напрасныя прежнія увлеченія и надежды, такъ и тѣ реальныя средства, которыхъ необходимо держаться при преслѣдованіи наиболѣе достижимаго въ этомъ дѣлѣ, приобретающемъ все болѣе и болѣе друзей. Объ этомъ впрочемъ еще нѣсколько словъ въ заключеніи очерка сравнительно съ нынѣшнимъ «женскимъ движеніемъ», какъ здѣсь называютъ женскій вопросъ.

Въ Западной Европѣ, кромѣ уже довольно богатой литературы по современному женскому вопросу, начинаютъ появляться отдѣльныя серьезныя книги и перѣдкія статьи въ журналахъ и газетахъ, относящіяся именно къ исторіи этого вопроса. Въ числѣ, напримѣръ, недавно (1900—1901 г.) появившихся книгъ заслуживаютъ вниманія: вышедшая въ Парижѣ «*Les femmes medecins d'autrefois*» (Женщины врачи прежняго времени) доктора Марселя Бодуэна, гдѣ онъ излагаетъ исторію женскихъ врачей древнихъ вѣковъ, и вышедшая въ Лейпцигѣ въ двухъ томахъ «*Über die Frauen in der Geschichte des deutschen Geistes-Lebens*» (О женщинахъ въ исторіи германской духовной жизни) А. фонъ-Г.нштейна. Но заимствуемая изъ этихъ сочиненій свѣдѣнія дополняются и изъ всевозможныхъ другихъ источниковъ, а также разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и тщательно собранныхъ авторомъ этихъ строкъ извѣстій.

Первое знаніе, къ которому стремились выдающіяся женщины съ незапамятныхъ временъ, кажется, медицина. Уже изъ классической древности извѣстенъ цѣлый рядъ такихъ выдающихся женщинъ. Въ числѣ первыхъ ихъ называютъ Артемизию царицу карійскую, въ IV вѣкѣ до Рожд. Хр. прославившуюся своею необыкновенною скорбью по случаю смерти мужа ея—Мавзолея, и постановкою ему памятника въ видѣ изящнаго сооруженія, послужившаго образцомъ для подобныхъ же монументовъ и до нашихъ дней, т.-е. мавзолеевъ. Сколько извѣстно, съ тѣхъ поръ, т.-е. въ теченіе болѣе чѣмъ 22 вѣковъ, изъ возсѣдавшихъ на престолахъ женщинъ только нынѣшняя португальская королева послѣдовала примѣру своей знаменитой предшественницы, да еще какъ! Въ 1895 г. она прошла въ Лиссабонскомъ университетѣ полный курсъ медицинскаго факультета, потомъ поднесла ей докторскій дипломъ. Далѣе въ древности прославились: Феано, жена знаменитаго Пифагора, знавшая такъ же философію и другія науки и противъ Эврифона (основательно) утверждавшая, что семимѣсячный младенецъ бываетъ уже жизнеспособенъ; Арига, жрица Эскулана (т. е. сына Аполлона и бога медицины), излѣчившая одного жителя отъ слѣпоты (жрецы въ древней Греціи и Египтѣ были первыми врачами);

Ланса Афинская, по всей вѣроятности та извѣстная образованная гетера, которая «оказывала свое благоволеніе» философамъ Аристиппу, Діогену и Демосѳену. Но первую женщиною, получившею систематическое школьное медицинское образованіе, была Агнодиса, молодая афинянка, за 300 лѣтъ до Р. Х., а по другимъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.; эта мужественная женщина, чтобы обойти уже тогда изданное запрещеніе женщинамъ заниматься высшими науками, остриглась, надѣла мужской костюмъ и поступила въ медицинскую школу нѣкоего философа Герофила. Новый врачъ скоро подъ прикрытіемъ мужского платья приобрѣлъ знаменитость и большую популярность въ народѣ. Но слишкомъ уже ревнивые—насчетъ конкуренціи по доходамъ—коллеги, настоящіе врачи мужскаго пола, привлекли ее къ суду ареопага, между прочимъ, по обвиненію съ заднею мыслью, будто бы она портитъ, т. е. развращаетъ обращающихся къ ней за лѣченіемъ женщинъ. Агнодиса должна была признаться, что она сама женщина, что и требовалось ревнивыми коллегами, обвинившими ее затѣмъ въ нарушеніи закона, запрещавшаго женщинамъ и рабамъ заниматься медициною. Но тутъ за нее заступились знаменитѣйшія афинянки, умолявшія сенатъ объ отмініи такого закона. Шумная агитація женщинъ въ пользу Агнодисы такъ подѣйствовала на большинство сенаторовъ, оказывавшихъ знаменитой докторшѣ симпатіи, что они издали новый законъ, по которому женщинамъ дозволялось уже заниматься акушерствомъ и лѣченіемъ разныхъ другихъ болѣзней, свойственныхъ ихъ полу, конечно, къ немалому горю ихъ ревнивыхъ коллегъ. Но, увы, послѣдніе, очевидно, таковыми же почти повсемѣстно остались и по сей день. Трудно-бъ вѣрилось, что это такъ, невзирая на два тысячелѣтія, но вотъ несомнѣнный фактъ, который такъ и хочется занести въ лѣтопись именно рядомъ съ повѣствованіемъ объ этомъ хитромъ преслѣдованіи прародительницы женскаго вопроса ея очень уже «ревнивыми» коллегами. На генеральномъ собраніи, лѣтомъ 1898 г., въ Висбаденѣ германскаго 26-го съѣзда врачей, единогласно постановлено было ходатайствовать, чтобы женщины вовсе не допускались къ изученію медицинскихъ наукъ или, по крайней мѣрѣ, если это уже никакъ невозможно, чтобы женщинамъ, стремящимся къ врачебной карьерѣ, не оказывалось на экзаменахъ никакихъ облегченій. Курьезно, однако, что «единогласными» коллегами сдѣлана—таки уступка: если нельзя вовсе не допускать, то хоть безъ всякихъ послабленій. Ходатайство врачей о первомъ позднечко: на всемъ земномъ шарѣ, вѣдь, по статистикѣ уже оказывается болѣе 7.000 съ дипломами врачующихъ человечество женщинъ. А въ «послабленіяхъ»¹⁾ женщины теперь, съ уравне-

¹⁾ Подъ недопущеніемъ послабленій врачи разумѣютъ требованіе отъ женщинъ и греческаго языка, отъ котораго до сихъ поръ онѣ освобождались въ университетахъ.

ніемъ въ Германіи въ правахъ мужчинъ реалистовъ съ классиками (и замѣтите: не только оканчивающихъ реальныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, но и высшія реальныя школы, даже вовсе безъ латинскаго языка), женщины не имѣютъ уже и надобности, т. е. въ греческомъ языкѣ, для поступленія на медицинскій, какъ и на другіе факультеты (кромя древней филологіи и богословія).

Послѣ покоренія Греціи римлянами нѣкоторыя женщины занимались медицинскою практикою въ Малой Азіи, а отчасти въ самомъ Римѣ. Многія изъ этихъ женскихъ врачей были вольноотпущенныя, которыя должны были исполнять обязанности домашнихъ врачей ихъ господъ. Въ числѣ такихъ была Секунда въ домѣ Ливиллы, сестры Германика и племянницы Тиверія. Еще двѣ докторши сильно занимали историковъ подобныхъ вопросовъ. Первая изъ нихъ— Аспазія, жившая въ концѣ I вѣка нашей эры. Конечно, се не должно смѣшивать со знаменитою женою Перикла, прославившеюся своею красотою и умомъ. Она оставила по себѣ важныя работы по женскимъ болѣзнямъ вообще и по акушерству въ особенности. Многимъ спорамъ подвергался также вопросъ о томъ, кто такая была вторая изъ этихъ врачей—Клеопатра, ученая, между прочимъ, оставившая сочиненіе о косметикѣ. Нѣкоторые утверждали, что это была не кто иная, какъ знаменитая египетская царица, увлекшая въ свои сѣти сперва Цезаря, а потомъ Антонія, и отравившая себя въ 30-хъ годахъ до Р. Х. ядомъ змѣи, когда ей не удалось еще одного римскаго властелина завлечь въ сѣти, т. е., Октавія. Знаменитый французскій химикъ Бертелло считаетъ ее алхимическою писательницею, а другой (Гефферъ) естествоиспытатель даже приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ ея сочиненій по исторіи химіи,

Въ древней Галліи занимались женщины тоже нѣкоторою медицинскою практикою. Археологи нашли въ Нимѣ даже памятникъ, поставленный одной изъ нихъ, Гедонѣ, жившей во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Другая изъ этихъ извѣстныхъ врачей называлась Метилія Донате; въ Ліонѣ она пользовалась огромною популярностью и практикою.

Особенный интересъ для насъ должны представлять упоминаемая исторіею, какъ мудрая, женщины-врачи, изъ коихъ были даже мученицы и святые. Такъ, Θεодосія, мать св. Прокофія, занималась медициною и хирургіею въ Римѣ и большою извѣстностью пользовалась. Она была во время преслѣдованій христіанъ при Діоклетіанѣ (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.) казнена мечомъ. Позже Фабія, или Фабіола, признанная церковью святою, устроила даже на свой счетъ тамъ же первый въ исторіи госпиталь для бѣдныхъ. Наконецъ, медицинскою практикою занималась въ Византіи, при императорѣ Аркадіи, въ V вѣкѣ по Р. Х. св. Никерата, которой приписываютъ излѣченіе св. Хризостома отъ тяжелой болѣзни желудка.

Въ средніе вѣка, невзирая на ихъ безправіе въ извѣстныхъ отношеніяхъ, цѣлый рядъ женщинъ прославился полученіемъ по всеѣмъ правиламъ въ университетахъ докторской степени, главнымъ образомъ въ мавританскихъ университетахъ Испаніи. Такъ Тротула де-Руджіеро (Rugiero), занимавшаяся медицинскою практикою въ XI вѣкѣ въ Салерно, пользовались даже европейскою знаменитостію. Въ XIV вѣкѣ, Доротея Бокки (Bocchi) приобрѣла не только докторскую степень, но и занимала профессорскую кафедру по медицинскому факультету въ университетѣ въ Болоньѣ (Италія), наиболѣе тогда знаменитомъ въ Европѣ. Въ томъ же университетѣ гораздо позже (въ концѣ XVIII столѣтія) двѣ женщины оставили по себѣ хорошую память, какъ профессора: Анна Магнолини занимала профессорскую кафедру по анатоміи, и Марія Донне (dolle Donne) по родовспомогательнымъ наукамъ. Судя по эдиктамъ отъ 1311 и 1352 г., и во Франціи женскіе врачи и хирурги не были тогда рѣдкостью.

Но не исключительно къ медицинскимъ наукамъ стремились женщины въ прежнее время. Недавно отыскалась лѣтопись иѣнскаго хрониста, аббата Мартина, который повѣствуетъ, что одна славянская студентка, по имени Новойка, еще въ 1400 году прошла весь курсъ богословія въ Краковскомъ университетѣ—тайно, на подобіе знаменитой вышеуказанной Агнодисы въ Авинахъ, прародительницы настоящаго женскаго вопроса,—и уже была накануне провозглашенія ея бакалавромъ богословія. Она была лишь неожиданно открыта между студентами-мужчинами, хотя носила, конечно, мужское платье и долго жила среди нихъ въ бурсѣ. Лѣтописецъ этотъ называетъ такое открытіе тогда большимъ скандаломъ и сообщаетъ, что вѣсть о томъ съ быстротою молніи распространилась по городу, ибо подобное поведеніе считалось тяжкимъ преступленіемъ. Преданная суду, она спокойно объяснила, что ея поступокъ не болѣе, какъ чистая жажда науки. Судьи сначала сомнѣвались въ этомъ, но ректоръ и преподаватели подъ присягою показали, что тайная студентка отличалась не только примѣрнымъ прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ, но и заявила себя уже серьезными научными познаніями въ богословіи. Тогда судьи, оставивъ всякія сомнѣнія, рѣшили лишь отправить въ монастырь ученую дѣвицу.

Тамъ она скоро сдѣлана была начальницею школы и настоятельницею женскаго монашескаго ордена. Исторически установлено, что Новойка была авторомъ одного цѣлнвившагося въ XV столѣтіи религіознаго сочиненія подъ заглавіемъ «Книга Новойки».

Въ Германіи собственно духовная эмансипація женщинъ началась гораздо позже, чѣмъ въ вышеуказанныхъ странахъ. Тамъ началось это движеніе лишь вмѣстѣ съ пробужденіемъ интереса къ умственнымъ благамъ, послѣ тридцатилѣтней войны, хотя и кон-

чившейся религіознымъ равноправіемъ протестантовъ съ католиками, но разрушившей Германію и ея культуру надолго. Зато тамъ этотъ вопросъ, такъ сказать, съ матеріальной стороны скоро послѣ того поставленъ былъ ребромъ. Изъ недавно открытаго въ архивахъ подлиннаго документа отъ 1650 года,—на удивленіе всѣхъ христіанъ,—видно, что тогда было въ Германіи дозволено даже двоеженство съ тѣмъ лишь, чтобы по возможности уничтожить вредное большое преобладаніе (численное, конечно) женщинъ надъ мужчинами. Въ этомъ актѣ, составленномъ какъ бы соборомъ франконскаго округа (Франкская или Франконская область составляла провинціи, отошедшія послѣ отчасти къ Баваріи, а отчасти къ Пруссіи), на каковомъ собраніи участвовали даже князья-епископы (католическіе), то-есть высшія духовныя власти,—впервые, конечно, со времени христіанской цивилизаціи, находятся три слѣдующіе удивительные пункта (передаю ихъ тѣмъ же старымъ слогомъ): «1) Симъ воспрещается въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ принятіе въ монастыри молодыхъ мужчинъ или лицъ мужского пола менѣе 60 лѣтъ отъ роду; 2) всѣмъ священникамъ и настоятелямъ приходо́въ (католическихъ, конечно), не принадлежащихъ къ религіознымъ орденамъ, немедленно (должно) вступить въ бракъ; 3) всякой личности мужского пола дозволяется жениться на двухъ женщинахъ. Однако при семъ всѣмъ и каждому изъ лицъ мужского пола напоминаетъ,—и съ церковной каедры тоже въ томъ почтаще должно увѣщевать, (что должно) такъ себя вести и соблюдать себя въ томъ, чтобы онъ (мужчина) ревностно заботился съ необходимою и подобающею въ семъ скромностью и предусмотрительностью, какъ законный мужъ, коему довѣрили взять двѣ жены, не только о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ обезпечить обѣ законныя жены, но и предотвратить между ними всякіе раздоры». Какъ долго дѣйствовало это изумительное для христіанской культуры законное нововведеніе,—исторія умалчиваетъ, равно неизвѣстно, много ли тогда нашлось охотниковъ брать по «двѣ законныхъ». Но если бы въ наше время какимъ либо мудрецамъ вздумалось вновь попробовать это слишкомъ уже радикальное средство, то на дѣлѣ вышло бы куда какъ трудно это сдѣлать. Напримѣръ, въ одной Германіи на 26 милліоновъ мужского населенія 27 милліоновъ женскаго,—слѣдовательно, еслибъ всѣхъ поголовно заставить вступать въ обязательный бракъ, то около милліона женщинъ нужно было бы выдавать замужъ въ качествѣ вторыхъ женъ. Нужно еще замѣтить, что этимъ страннымъ двоебрачіемъ 250 лѣтъ назадъ думали также подготовить болѣе мужского населенія «противъ враговъ христіанъ, турокъ», грозившихъ тогда Европѣ.

Около того же самаго времени, т. е. 250 лѣтъ назадъ, «женское движеніе» не только было пущено въ ходъ, но, какъ оказывается, находилось даже въ полномъ разгарѣ и въ старой Польшѣ, какъ

извѣстно, не любившей никакихъ, ни семейныхъ, ни социальныхъ измѣненій. Въ университетской библиотекѣ г. Кракова находится очень оригинальный подлинный документъ того времени, XVII вѣка, гдѣ интеллигентная женщина изложила всѣ свои благопожеланія насчетъ женской эмансипаціи для подачи въ видѣ петиціи парламенту, созданному тогда королемъ Владиславомъ IV. Для подачи этой коллективной просьбы женщинъ великой Польши и Литвы были даже избраны практическими польками особыя посланницы-комиссарки отъ разныхъ мѣстностей. Петиція содержитъ 25 особыхъ пунктовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ культурно-историческій интересъ. Самые курьезные, какъ кажется, пункты колоссальнаго прошенія женщинъ—14-й и 19-й: въ первомъ онѣ уравниваютъ объ изданіи закона объ обязательномъ бракѣ для всякаго мужчины, «не позже 30 года жизни», а во второмъ—онѣ «всеподданнѣйше» просятъ парламентъ и короля «для военной службы избирать впредь лишь мужчинъ, лишенныхъ всякой жизненной энергіи и имѣющихъ какіе либо выдающіеся (физическіе) недостатки», а слѣдовательно негодныхъ для брака. Статьею 5-ю ходатайствовалось, чтобы «молодые люди, сватавшіеся на масленицѣ за дѣвушекъ и до іюня не женившіеся, подвергались штрафу въ 1.000 польскихъ гульденовъ въ пользу осиротѣвшихъ польскихъ дѣвицъ». Въ ст. 2 и 3 (что не дурно бы и теперь проводить!) просятъ, чтобы были воспрещены и наказываемы денежные браки (изъ-за денегъ лишь), и предоставлено было всѣмъ свободное право выбора жениховъ. Никакому отцу не должно быть болѣе дозволяемо принуждать своихъ дочерей къ браку съ нелюбимыми ими людьми. 18 статьей требуется уже нѣчто болѣе чѣмъ курьезное дозволеніе вступать въ бракъ только «парамъ, имѣющимъ одинаковый характеръ», т. е. дурной мужчина можетъ лишь на такой же женщинѣ жениться, простодушный—лишь на простачкѣ и т. д. Есть далѣе пунктъ (10) о воспрещеніи вдовамъ, имѣвшимъ одного или нѣсколькихъ мужей, послѣ 40 лѣтъ, улавливать въ свои сѣти юношей. Но добились ли всего этого польки, такъ жаждавшія своей эмансипаціи, къ сожалѣнію, изъ исторіи не видно.

Но въ высшей степени курьезно, что это радикальное средство, изобрѣтенное женщинами въ старой Польшѣ два съ половиною вѣка назадъ, какъ социальное лѣченіе нынѣшнихъ женскихъ бѣдъ и всего женскаго вопроса, предлагается немногими прямолинейными мудрецами. Даже извѣстный германскій философъ Э. фонъ Гартманъ для этого предлагаетъ, если уже не обязательный бракъ всѣхъ къ тому способныхъ мужчинъ, то, по крайней мѣрѣ, установленіе налога на холостяковъ въ пользу не выходящихъ замужъ дѣвицъ.

Сильно разрушившая культуру тридцати-лѣтняя война, однако же, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ подобныхъ войнъ, скоро на-

чала послѣ мира опять пробуждать интересъ къ духовнымъ благамъ всякаго рода въ Германіи. Уже даже въ самомъ началѣ этой войны стали образовываться союзы всякихъ выдававшихся въ умственномъ отношеніи людей, въ каковыя общества охотно поступали и женщины. Въ одномъ тогда знаменитомъ такомъ союзѣ, предсѣдателемъ коего былъ поэтъ—принцъ Людвигъ Ангальтскій, а членомъ—великій курфюрстъ Бранденбургскій, родоначальникъ нынѣшнихъ императоровъ германскихъ, былъ даже поставленъ на очередь вопросъ, могутъ ли пиинуиція женщины быть членами этого литературно-учснаго общества, при чемъ единогласно было дано въ отвѣтъ да. Въ числѣ небольшихъ подобныхъ союзовъ, бывшихъ какъ бы питомниками-отдѣленіями этого, потомъ сталъ извѣстенъ союзъ въ г. Нюрнбергѣ или орденъ «Pegnitzschäfer», который имѣлъ своимъ прямымъ назначеніемъ пробуждать и направлять женщинъ къ умственной работѣ. Тогда были устраиваемы такъ называемыя общественныя игры или «женскія собесѣдныя игры», для коихъ составляемы были изъ всѣхъ европейскихъ литературъ сборники (всего достойнаго познанія). Въ одно изъ такихъ собесѣдованій, членъ общества, жена настора Штокфлетъ, держала рѣчь о равноправности женщинъ, чѣмъ сохранила о себѣ память и до нашего времени. Между прочимъ, она говорила тогда (въ 1669 г.) почти то же, что и теперь говорится, а именно: «почему же это наконецъ мы должны прозябать въ навязываемомъ намъ, женщинамъ, невѣжествѣ? И должны безъ вины переносить названіе дуръ? Развѣ мы не такіе же люди, какъ и мужчины? Вѣдь, разумъ и рѣчь людей суть качества, кои отличаютъ ихъ отъ безсловесныхъ животныхъ,—почему же это мы не можемъ упражнять нашъ разумъ?» Тогда, какъ оказывается, почти во второй половинѣ XVII вѣка, были уже далеко не въ видѣ одинокихъ случаевъ, а цѣлыми группами, женщины, желавшія образовывать свой умъ наравнѣ съ мужчинами. Два года спустя (1671 г.), вдова профессора Кенигсбергскаго университета Гертруда Моллеръ была признана поэтессою пфальцъ-графа, которому, какъ и нѣкоторымъ университетамъ, императоромъ предоставлено было это право «вѣнчанія» или провозглашенія поэтами и женщинъ съ возложеніемъ на головы ихъ лавровыхъ вѣнковъ и пр.

На сторонѣ ищущихъ просвѣщенія женщинъ стояли уже въ то время почти всѣ выдающіеся въ умственномъ отношеніи мужчины. Занятые же ученые еще раньше (въ 1651 г.) торжественно признали заслуги Анны-Маріи фонъ-Шюрманнъ, написавшей тогда на латинскомъ языкѣ диссертацию о способностяхъ женскаго ума къ высшему образованію. А шесть лѣтъ послѣ того великій реформаторъ воспитанія, славянинъ Антонъ Коменскій, котораго нѣмцы все желаютъ считать своимъ и ради этого именуютъ его Коменіусомъ (Comenius), въ своемъ основномъ сочиненіи «Дидактика» такъ во-

прошаль насчетъ ставшаго тогда жгучимъ женскаго вопроса: «почему же мы должны ихъ, женщинъ, допускать къ А В С (начальному образованію), но затѣмъ отгонять отъ книгъ, т. е. наукъ?» Вообще тогда не было рѣдкостью, что юныя дѣвѣцы говорили полатыни. А среди дочерей ученыхъ это было даже вполне обычно. Въ основанномъ піэтистомъ-благотворителемъ Германномъ Франке (въ 1698 г.) въ г. Галле «Сиротскомъ домѣ» было отдѣленіе для «дочерей господъ и знатныхъ», одна учительница (а прежде воспитанница) коего отлично знала языки: латинскій, греческій и гебрайскій (и она была не единственная въ этомъ отношеніи).

Въ началѣ XVIII столѣтія женщины съ высшимъ литературнымъ и ученымъ образованіемъ, по словамъ ихъ исторіографовъ (есть уже и такіе спеціалисты), просто росли, какъ грибы изъ земли послѣ хорошихъ дождей. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что рядомъ съ отличившимися въ борьбѣ за свою умственную эмансипацію женщинами были и мужчины, усердно помогавшіе имъ въ этомъ. Въ 1704 г. Пауллинъ издалъ свою книгу: «Высоко и хорошо образованная нѣмецкая женщина», съ алфавитнымъ перечисленіемъ нѣсколькихъ сотенъ женщинъ, ставшихъ извѣстными въ умственной области, при чемъ затронулъ много вопросовъ о женскихъ качествахъ въ отношеніи къ высшему образованію. Въ предисловіи онъ обзываетъ французскаго романиста Бальзака «несмытымъ рыломъ» за его насмѣшливыя сомнѣнія насчетъ женскихъ способностей къ такому образованію. Между прочимъ онъ задаетъ вопросъ, который не лишень значенія и теперь: «всѣ и каждый изъ насъ очень хотѣли бы имѣть у себя благоразумныхъ бабъ, но средствъ къ развитію ихъ разсудка, вѣдь, никто не хочетъ предоставлять». Онъ же приводитъ протестъ одной тогдашней женщины, жаловавшейся на то, что «ихъ, вмѣсто стремленія къ совершенству, душатъ въ расцвѣтѣ ихъ способностей преждевременною отсылкою лишь въ кухонныя тюрьмы и принужденіемъ ихъ быть Марѳами, тогда какъ многія изъ нихъ желали бы быть Маріями». Два года послѣ того появилась подобная же книга подъ заглавіемъ: «Кабинетъ извѣстнѣйшихъ женщинъ съ высшимъ образованіемъ, собранныхъ со всѣхъ странъ и изъ всѣхъ временъ»—писателя Эберта изъ Силезіи. Спустя же 10 лѣтъ (въ 1715 г.) появилось сочиненіе Лемса (Lelms): «Ученыя или изящныя поэтессы Германіи», сдѣлавшее автору быстро общую извѣстность. Онъ не безъ остроумія доказывалъ тамъ, что «женскій полъ столь же способенъ къ высшему образованію, какъ и мужской». Дальше авторъ доказывалъ историческими примѣрами, что «женскому полу ничего не недостаетъ на счетъ храбрости, благоразумія, учености и другихъ главныхъ добродѣтелей», и утверждалъ, что «даже нравственность женщинъ вслѣдствіе ихъ высшего ученія не подвергается никакой опасности, такъ какъ именно ученыя женщины никогда не даютъ другимъ никакихъ соблазнительныхъ при-

мѣровъ», поэтому имъ необходимо открыть все факультеты для ученія ихъ по желанію и расположенію, «для достойнаго пользованія дарованнымъ имъ Богомъ точно такъ же, какъ и мужчинамъ, разумомъ».

И подобная пропаганда выдающихся писателей (въ книгахъ болѣе 300 убористыхъ страницъ) въ то время далеко не оставалась безплодною. Но, какъ выше замѣчено, первоначально подобающія власти «вѣнчали» выдававшихся по талантамъ и образованію женщинъ лишь «на званіе поэтессы» (или Poetinnen). Формальное же пожалованіе докторской степени имъ университетами началось позже и, что особенно замѣчательно, въ Пруссіи, по почину Фридриха Великаго. Такъ въ Пруссіи объявлены были поэтессами на такихъ «вѣнчаніяхъ на поэтовъ» (Dichterkrönung)¹⁾, бывавшихъ обыкновенно въ университетахъ послѣ защиты (мужчинами) магистерскихъ и докторскихъ диссертаций, двѣ женщины, такъ прославившіяся въ свое время, что противъ нихъ, какъ и противъ всей женской умственной эмансипаціи, въ то время появился большой печатный пасквиль недоброжелателей всего этого движенія, — сатира, сохранившаяся и до нашего времени и, какъ оказывается, мало чѣмъ отличающаяся отъ аргументаціи нынѣшнихъ враговъ такихъ же стремленій женщины. То были двѣ женщины (замужнія): г-жа Готтнедъ и г-жа фонъ-Циглеръ, удостоившіяся такой чести въ университетѣ Виттенбергскомъ (въ 1733 г.) или торжественно принявшія «поэтическія лавры», какъ выразился тогдашній деканъ того университета, Готтнедъ, тоже считавшійся энергическимъ покровителемъ женской умственной эмансипаціи. Онъ уже въ 1725 г., въ своемъ одномъ сочиненіи, вопросъ, могутъ ли женщины заниматься науками (вышними), называлъ «избитымъ» или «устарѣлымъ». Изъ цѣлыхъ серій объявленныхъ въ то время поэтессами сдѣлались извѣстными или «безсмертными» еще: Сибилла Ригеръ, Христина Леберъ и Гедвига Цейнеманъ. Первою формальною женщиною-докторомъ медицины, «по повелѣнію Фридриха Великаго», въ 1754 г. въ г. Галлѣ отъ университета была провозглашена жена пастора Эркслебена и была очень извѣстнымъ и дѣятельнымъ врачомъ въ свое время. Этой счастливицѣ на поприщѣ женской эмансипаціи задолго до того, когда она была еще молоденькою дѣвицею Леноринъ и усердно училась, извѣстный ректоръ Экардъ даже предсказалъ какую-то «особую вѣсть» потомъ, когда правилъ ея греческіе переводы. Второй случай удостоенія докторской степени женщины въ Германіи, однако, послѣдовалъ лишь черезъ 33 года, когда всего 16-ти-лѣтняя Доротея Шлецеръ была возведена въ это званіе Геттингенскимъ универси-

¹⁾ Въ Германіи подъ именемъ Dichter или Dichterin, поэтъ или поэтесса, понимаютъ не исключительно пишущихъ въ стихотворной формѣ, а и романистовъ и романистокъ.

тетомъ. Около того времени, однако, послѣдовала реакціи противъ равноправности женщинъ, особенно со стороны самой учащейся молодежи, совершенно, какъ кое-гдѣ и теперь, иногда расположенной вмѣсто всякихъ идеальныхъ стремленій видѣть сильную конкуренцію женщинъ въ области, до того принадлежавшей исключительно имъ, мужчинамъ. Особенно медики отличались и тогда такими не очень высокими чувствами профессиональной конкуренціи. Но были и поэты, не сочувствовавшіе всему этому движенію женщинъ. Даже такіе, какъ Клопштокъ и особенно Гете, преимущественно въ молодые годы, были противниками его. Великій поэтъ (Гете) и позже осмѣялъ въ своихъ «Страданіяхъ молодого Вертера», во II части, одну ученую жену пастора. Авторъ выше названныхъ двухъ нѣмецкихъ историческихъ книгъ по женскому вопросу отчасти объясняетъ именно этимъ вліяніемъ небольшой перерывъ въ женскомъ движеніи въ то время. Лишь на исходѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX снова стали женщины появляться, какъ научно образованныя, и опять начали проводить свои стремленія по части эмансипаціи.

Какъ разъ около того времени (въ 1792 г.) появилось еще одно особенно замѣчательное большое сочиненіе Гиппеля: «О гражданскомъ улучшеніи женщинъ», въ которомъ находится большая часть нѣхъ нынѣшнихъ аргументовъ, въ историческомъ, культурномъ, социальномъ, нравственномъ и психологическомъ отношеніяхъ. Особенно авторъ доказываетъ искусственное образованіе того приниженаго положенія, противъ коего борются наиболѣе выдающіяся женщины, и дѣлаетъ обращенія къ природѣ, по примѣру Ж. Ж. Руссо, такъ много способствовавшаго такими же воззваніями къ справедливой матери-природѣ, равенству правъ людей вообще и т. д. Гиппель настаиваетъ, чтобы женщинъ тоже воспитывали, какъ гражданокъ для государства, насчетъ же того, что онѣ должны знать, какъ матери семей и хозяйки дома, — чтобъ ихъ обучали особо. Вѣдь, болѣе половины челоуѣчества, говоритъ онъ, въ отношеніи первоначальнаго воспитанія лежитъ на рукахъ именно женщинъ, какъ же ихъ самихъ-то оставлять безъ надлежащаго образованія? Онъ уже тогда приводилъ общераспространенное теперь доказательство полезности особенно медицинскаго образованія женщинъ, вопрошая: «развѣ неисчислимыя женщины и особенно дѣвушки не скрываютъ своихъ болѣзней, пока послѣднія не становятся неизлѣчимыми, только потому, что онѣ стыдятся мужскихъ врачей?» Но что особенно придаетъ этому сочиненію Гиппеля значеніе и теперь, такъ это, конечно, не его воззванія къ природнымъ правамъ въ родѣ Руссо, а именно разносторонность доказательствъ, что нынѣшнее (какъ и тогдашнее) положеніе женщинъ, противъ коего въ теченіе вѣковъ все дѣлались попытки реформъ, образовалось исторически и искусственно, и что во имя справедли-

ности и социальной цѣлесообразности скоро должны возникнуть новые идеалы на мѣсто старыхъ и т. д. Автору этихъ строкъ помнится даже, что нѣкоторыя германскія газеты, 10 лѣтъ назадъ, въ 1892 г., въ видѣ столѣтняго юбилея систематической зашиты женскаго движенія въ Германіи, дѣлали изъ этой книги большія извлеченія.

Что почти во всей тогдашней культурной Европѣ въ XVIII вѣкѣ движеніе въ пользу женщинъ было довольно въ ходу, доказываетъ еще замѣчательный протестъ швейцарскихъ женщинъ около 200 лѣтъ тому назадъ. Объ англійскихъ и американскихъ женщинахъ и ихъ движеніи въ прежнія времена я здѣсь не говорю. И на этотъ счетъ есть уже особая литература, хотя движеніе собственно среди американскихъ женщинъ нѣсколько позднѣйшаго періода и не такъ важно для этого историческаго обзорѣнія особенно выдающихся фактовъ. Конечно, тогда, т. е. въ XVIII столѣтіи, женщины хлопотали большею частью лишь о своемъ скромномъ участіи въ умственной культурѣ и профессіяхъ практическихъ, сообразно тому времени, а не о всевозможныхъ полныхъ правахъ, какъ это дѣлается теперь на женскихъ конгрессахъ и въ женской литературѣ. Въ 1721 г. въ Цюрихѣ издавался еженедѣльный журналъ «Die Discourse der Mahlern» (Бодмеромъ и Грейтингеромъ), занимавшійся всевозможными философскими, эстетическими и критическими разсужденіями. Журналъ этотъ съ особеннымъ усердіемъ занимался и женскимъ вопросомъ, стараясь привлечь женщинъ къ умственнымъ и литературнымъ интересамъ. Это было сдѣлано по образцу англійскихъ журналовъ (стало быть, тогда уже такое же движеніе, и даже нѣсколько раньше, было и въ Англии), при чемъ была даже образована особая женская бібліотека для литературнаго образованія женщинъ — издателями «Die Discoures». Въ своемъ протестѣ на имя этихъ редакторовъ швейцарскія женщины жалуются на то, что «все еще дѣйствуетъ основное правило», по коему будто бы науки должны «считаться вредными женщинамъ и даже дѣлаютъ ихъ смѣшными», — увы, это правило, невзирая на 200 лѣтъ, въ извѣстныхъ сферахъ очень ходячее и теперь и вполне «свѣжее» для этихъ сферъ. Онѣ, женщины, будто бы лишь затѣмъ рождены, чтобы стирать, штонать и судить о покроѣ юбокъ. Читеніе хорошихъ книгъ имъ совершенно недоступно.

«Наше намѣреніе, — говорится въ протестѣ дальше, — не въ томъ, чтобы мы черпали изъ книгъ слишкомъ отвлеченныя научныя знанія насчетъ ненужныхъ намъ вещей; мы желаемъ быть пріятными подругами, умными женами и хорошими матерями. Но именно ваша порода, вашъ полъ, господа мужчины, есть главная причина тому, что почти всѣ наши разсужденія касаются лишь однихъ пустяковъ. Мы вынуждены влачить нашу жизнь въ рабскихъ трудахъ, ибо мужчины отнимаютъ у насъ всякую возможность заниматься порядочными дѣлами, достойными людей».

Когда я писалъ эти строки, мнѣ почему-то очень кстати повернулся отчетъ о недавней парламентской рѣчи графа Посадовскаго, который, къ общему смѣху, почти буквально заявилъ то, что швейцарки выразили 200 лѣтъ назадъ. Дѣло въ томъ, что въ германскихъ обоихъ парламентахъ довольно часто разными друзьями женскаго движенія и подъ всякими предлогами начинаются споры о женскомъ вопросѣ.

И вотъ, представитель правительства Германской имперіи, статсъ-секретарь Посадовскій, заявляетъ слѣдующее: «Что до высшаго образованія женщинъ, то я самъ очень сочувственно къ этому дѣлу отношусь, чтобы расширить полезныя для нихъ занятія. Но, вѣдь, господа, самые большіе враги женщинъ въ этой области это мужчины!» И тогдашнее движеніе, какъ въ Швейцаріи, такъ и другихъ странахъ, не было какимъ либо слишкомъ мимолетнымъ, скоротечнымъ. Это доказываетъ еще недавно открытымъ письмомъ одного женеваго ученаго, съ которымъ Фридрихъ Великій, много позже послѣ этого женскаго протеста, раздавнагося въ началѣ XVIII вѣка, — подробно бесѣдовалъ о женскомъ вопросѣ, какъ очень современномъ тогда (этотъ же женевецъ послалъ объ этомъ отчетъ женевакому профессору Бурламаки). Разсужденія философа-короля особенно достойны вниманія, какъ по основательности ихъ, такъ и потому, что собственно самъ онъ не былъ особеннымъ другомъ женщинъ и тѣмъ не менѣе такъ безпристрастно относился къ этому обществу вопросу. Какъ извѣстно, этотъ прусскій король болѣе своей полъ-жизни провелъ въ одиночествѣ, помѣстивъ свою супругу-королеву въ особый отдаленный отъ него дворецъ и обставивъ ее всякими почестями, но являлся къ ней только разъ въ годъ для торжественнаго поздравленія съ новымъ годомъ. Вотъ что говорилъ этотъ философъ изъ «Сансуси» (его дворецъ въ Потсдамѣ) по женскому вопросу. «Сознаюсь вамъ (женевакому ученому), что я часто бывалъ возмущенъ, когда только себѣ представлялъ, до какой степени въ Европѣ эту половину рода человѣческаго (женщинъ) маловажною считаютъ и всѣмъ пренебрегаютъ, что только можетъ служить къ образованію ихъ ума. Сколько же есть женщинъ, которыя ни въ чемъ не уступаютъ мужчинамъ! Въ напемъ вѣкѣ есть и королевы, далеко превосходящія своихъ предшественниковъ (мужчинъ).. Я не смѣю этихъ женщинъ называть изъ боязни имъ не понравиться, если коснусь ихъ чрезвычайной скромности, достойной короны за ихъ добродѣтели и таланты... При серіозномъ и основательномъ воспитаніи этотъ полъ, право, одержалъ бы надъ нашимъ побѣду; онъ обладаетъ всякими прелестями красоты; но развѣ прелести ума не достойны предпочтенія? Конечно, общество не можетъ существовать безъ законныхъ браковъ, коими оно дальше произрастаетъ и становится вѣчнымъ. Поэтому необходимо пещись объ этихъ юныхъ растеніяхъ, образуемыхъ для

передачи корней потомству, такъ чтобы мужъ и жена равноправно могли исполнять обязанности главы семейства. Необходимо поэтому, чтобы разумъ, умъ, талантъ, правдивость этому служили въ равной мѣрѣ, какъ основаніе, чтобы тѣ, кои его получаютъ, въ свою очередь могли передавать тѣмъ, кои они будутъ давать жизнь... Я долженъ еще сказать о злоупотребленіяхъ отцовскою властью, что относится тоже къ этому вопросу, — злоупотребленіяхъ, кои нерѣдко принуждаютъ дочерей подпадать подъ иго неподходящихъ браковъ... Я уважаю не менѣе всякаго другого отцовскую власть и вовсе не противъ нея, однако же я желаю, чтобы имѣющіе ее въ своихъ рукахъ не злоупотребляли ею, принуждая къ бракамъ тѣхъ, кои не имѣютъ никакой склонности одинъ къ другому, коихъ характеры или возрасты не подходятъ одинъ къ другому... Родители должны совѣщаться со своими дѣтьми, когда дѣло идетъ о заключеніи союза, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье всей жизни ихъ». Здѣсь кстати еще, по новымъ извѣстіямъ, прибавить, что этотъ король-мыслитель не на словахъ лишь придерживался этихъ принциповъ о женщинахъ. Когда вышеупомянутая жена пасторка Эркслебенъ, сильно желавшая держать экзаменъ на доктора-медицины, преподнесла ему въ 1749 году вышедшую въ Берлинѣ вторымъ изданіемъ книгу объ «Исслѣдованіи причинъ недопущенія женщинъ къ высшему образованію» и проч.; съ просьбою о допущеніи ея къ экзамену, то монархъ и приказалъ ее допустить, какъ выше сказано, въ университетъ Галле. Выдержавъ блестящимъ образомъ таковой (она уже имѣла 4-хъ дѣтей) и принеши тамъ же присягу на званіе доктора при небываломъ собраніи учащихся и молодежи, она была допущена къ медицинской практикѣ (она имѣла таковую огромную), къ удовольствію короля, покровителя женскихъ стремленій къ образованію и приобрѣтенію честныхъ средствъ къ жизни.

Мнѣ хочется кое-что сказать еще объ одной отрасли занятій, которыми женщина также довольно давно уже въ Западной Европѣ прославилась, и о которыхъ обыкновенно думаютъ, что это тоже лишь новшества. Это — почти такъ же, какъ и медицинскія занятія, излюбленныя ими почтовые занятія, дополняемыя новѣйшею культурою телеграфными и телефонными занятіями. Заблужденіе, будто бы и эта общественная, или правильнѣе государственная, служба женщинъ лишь измышленіе (либераловъ) нашего времени, вполне опровергается недавно найденными подлинными документами историческаго значенія. Въ Берлинѣ, въ архивѣ почтоваго музея Германской имперіи, открыли нѣсколько такихъ замѣчательныхъ документовъ. Изъ нихъ оказывается, что женщины уже съ первой половины XVIII-го вѣка то тамъ, то сямъ, въ разныхъ государствахъ Германіи, завѣдывали почтовыми управленіями въ качествѣ начальницъ и, конечно, еще болѣе въ качествѣ подчиненныхъ. Изъ перваго изъ этихъ инте-

ресныхъ документовъ видно, что въ 1740 году владѣтельный князь Турнъ-Таксискій, Александръ-Фердинандъ, собственноручнымъ приказомъ назначилъ одну даму директрисой своихъ почтъ. Второй документъ содержитъ въ себѣ назначеніе этимъ же княземъ въ 1748 году еще одной дамы начальницею провинціальныхъ почтъ. Исторія этого княжескаго рода замѣчательна. Предки этого князя, открывшаго въ Европѣ женщинъ для почты или почту для женщинъ, если угодно, стали знаменитыми открытіемъ почты въ Западной Европѣ. Въ 1516 году, дворянинъ изъ итальянскихъ выходцевъ, Францъ Таксисъ, основалъ между Вѣною и Брюсселемъ первую почту для всеобщаго пользованія. Умныя соображенія его и полное ихъ оправданіе насчетъ всеобщей пользы отъ такой (правильной) почты послужили причиной того, что его потомки сперва были императоромъ Германіи возведены въ графы, а потомъ въ князья, такъ какъ избобрѣтенная ихъ предкомъ почта служить уже благомъ всего человѣчества. Еще недавно, въ 1867 году, Пруссія выкупила отъ этихъ князей почтовые права и учрежденія за 9 милліоновъ марокъ. Такъ какъ потомкомъ перваго Турнъ-Таксиса, назначеннаго тогда же генераль-почтмейстеромъ Германской имперіи, эта должность была для всего дома этихъ князей предоставлена наследственно, то понятно, почему вышеназванный князь Александръ назначалъ женщинъ въ разныя германскія почтовые учрежденія. И его соображенія, что женщины хорошо годятся для должностей почтовыхъ, гдѣ особенно требуются: аккуратность, трезвость, надежность, — какъ и соображенія его предка насчетъ полезности почты вообще, оправдались на дѣлѣ вполне. Кромѣ другихъ германскихъ государствъ, Пруссія у себя тогда же начала вводить службу женщинъ. Третій изъ упомянутыхъ документовъ Берлинскаго музея есть подтвержденіе прусскимъ правительствомъ назначенія въ 1779 году управительницею почты въ г. Варендорфѣ одной дамы.

Изъ другихъ разныхъ документовъ архива небезынтересно отмѣтить, что женщины съ большимъ успѣхомъ завѣдывали здѣсь въ качествѣ второстепенныхъ или низшихъ почтовыхъ чиновницъ. Нѣкая Маріанна, прозванная «Цопотскою скорою почтою» за ея быстроту сношеній, въ началѣ XIX-го вѣка завѣдывала въ Пруссіи почтовымъ сообщеніемъ между городами Цопотомъ и Данцигомъ въ теченіе 32 лѣтъ, и, какъ говоритъ хроникеръ, еще дольше служила бы, если бы не была въ лѣсу подкараулена и убита пѣвѣжественными крестьянами, считавшими ее именно за ея образцовую быстроту сношеній или сообщеній «чародѣйкою». Чиновница (дѣвица) Цваклинская также завѣдывала почтою между городами Тильзитомъ и Рагнитомъ, въ пограничной намъ части Пруссіи, съ 1823 года по 1868 году, то-есть въ теченіе 45 лѣтъ. Около того же времени вдова Гаммерштейнъ въ теченіе 33 лѣтъ завѣдывала почтою въ Эльберфельдѣ, въ Пруссіи же.

Теперь мало кого удивляетъ, что по только что изданной центральной почтовой управленіемъ въ Берлинѣ статистикѣ состоитъ на службѣ въ почтѣ, телеграфахъ и телефонахъ, въ одной только прусской столицѣ и ея ближайшихъ пригородахъ¹⁾, болѣе 3.000 женщинъ. И это государственная служба: всѣ эти женщины приводятся къ присягѣ на государственную службу; многія изъ нихъ, какъ говорится въ отчетахъ, за вѣрную и усердную службу получаютъ прибавки къ жалованью (начальное жалованье уже порядочное—1.100 м., которое увеличивается до 1.500 м., кромѣ того, еще 540 м. квартирныхъ) Интересно еще то, что здѣшнее правительство возвращается къ вышеописанной системѣ учрежденія (въ провинціяхъ) имперскихъ почтовыхъ агентуръ, въ которыя назначаются женщины, съ самостоятельнымъ управленіемъ ими почтъ, чѣмъ еще болѣе широко открывается поле для служебнаго женскаго труда въ Германской имперіи.

Благодаря же всеобщему строго обязательному здѣсь всеобщему начальному образованію, теперь уже просто несмыслимо, чтобы даже въ самыхъ темныхъ закоулкахъ массы простого народа могли еще считать вредными «чародѣями» или «портящими» людей, какъ ловкихъ почтовыхъ чиновницъ, такъ и врачей обоихъ половъ, благодѣтельныхъ для населенія.

Если теперь, хотя въ нѣсколькихъ строкахъ, подвести итоги всему здѣсь сказанному, то, кажется, для всякаго неслѣпо-предубѣжденнаго станетъ ясно, что женское движеніе во всѣ времена, особенно же съ нашей христіанской эры, было культурнымъ движеніемъ среди разныхъ цивилизованныхъ націй, со множествомъ образцовыхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Прежніе безчисленные опыты и всякія попытки такимъ образомъ съ несомнѣнною пользою послужили для новѣйшаго времени. Въ извѣстную вредную «политику» женщина при преслѣдованіи своихъ цѣлей почти нигдѣ и никогда не вдавались, хотя, конечно, въ увлеченіяхъ и всякихъ ошибкахъ не было недостатка, особенно гдѣ дѣйствовали, какъ въ наше время, спеціальныя агитаторныя женскаго движенія. Но, гдѣ дрова рубить, тамъ и щепки летятъ.

Опасаться, какъ многіе это допускаютъ, что всѣ эти женскія пріобрѣтенія, или ихъ надѣ мужчинами «побѣды», какъ говорилъ (см. выше) объ ихъ дѣятельности послѣ хорошаго образованія Фридрихъ Великій, исчезнутъ опять послѣ разныхъ историческихъ потрясеній,—едва ли основательно. Нынѣшнее женское движеніе,—не говоря уже, что почти всѣ новѣйшія законодательства гуманно

¹⁾ Тогда какъ во всей Франціи этихъ чиновницъ 6.000, при 80.000 женщинъ на государственной службѣ вообще.

начинаютъ ему идти навстрѣчу¹⁾, очень все-таки различая отъ прежнихъ движеній. Оно отличается именно своею всеобщностью, поголовностью. А въ отношеніи высшаго образованія оно отличается научностью, систематичностью, разносторонностью, такъ какъ женщины теперь берутся за всѣ науки, не исключая и богословія. Философъ фонъ-Гартманнъ увѣряетъ, что въ нѣмѣцкомъ XX-мъ столѣтіи, которое будетъ, такъ сказать, женскимъ, что онѣ вдадутся даже въ техническія науки, какъ наиболѣе теперь выгодныя.

Во всякомъ же случаѣ, какъ реальные результаты, достигнутыя ими въ медицинскихъ наукахъ—7.000 образованныхъ врачей ихъ пола, о чемъ выше упомянуто, изъ числа коихъ на одну Россію приходится 700 (цифра, конечно, высокая сравнительно съ отношеніемъ нашего населенія къ такому же всего свѣта, но для насъ еще небольшая, гдѣ одинъ врачъ даже мужского пола приходится на 10.000 челоѣкъ),—это вѣдь уже цѣлый корпусъ врачующихъ опытныхъ женщинъ, а сколько же ихъ еще вездѣ учится? Вообще женщины въ наше время просто ломятъ во всѣ двери²⁾. Быстрое увеличеніе ихъ числа въ одномъ Берлинскомъ университетѣ за этотъ годъ, къ удивленію всѣхъ, уже перевалило 600, т. е. почти вдвое, чѣмъ въ малыхъ германскихъ университетахъ мужчинъ, и это—незвизрая на всѣ недавнія придирки и строгости по приему женщинъ.

Извѣстный германскій поэтъ и драматургъ, фонъ-Вильденбрухъ, тоже предсказывающій серьезное движеніе дальше женщинъ въ этомъ вѣкѣ, увѣряетъ даже, что дамы будутъ и официально назначаться на дипломатическія посты, такъ какъ онѣ, особенно въ XIX-мъ вѣкѣ, во многихъ случаяхъ, отличились, какъ превосходныя закулисныя дипломатки. Что же? Историческія хроники указываютъ такіе случаи и относительно Россіи. Ровно 100 лѣтъ тому назадъ, жена нашего посланника въ Лондонѣ, г-жа Ливентъ, превосходившая умомъ и образованіемъ своего супруга, не только сама составляла

¹⁾ По новымъ германскимъ гражданскимъ законамъ, дѣйствующимъ уже 2 года, отчасти нашли осуществленіе мечты Фридриха Великаго о болѣе свободныхъ бракахъ и о томъ, чтобы оба въ семьѣ, мужъ и жена, были почти равноправными главами. Хотя мужъ и считается главою, но если онъ злоупотребляетъ (множество случаевъ для этого) этимъ преимуществомъ, то жена не обязана съ нимъ жить или за нимъ стѣдовать. И наоборотъ, если жена оказывается недостойною семьѣ, онъ не обязанъ съ нею жить и ее содержать. «Мужъ и жена также должны себя взаимно содержать»,—конечно, если жена имѣетъ средства для этого. Права домашней самостоятельности жены и ея опеки надъ дѣтьми тоже расширены, какъ и права совершеннолѣтнихъ дѣтей въ отношеніи родителей.

²⁾ По послѣдней статистикѣ, въ Германіи почти уже 6 милліоновъ женщинъ, имѣющихъ болѣе или менѣе независимыя профессіи и занятія—конечно, считая въ томъ числѣ не только такъ называемыя свободныя (образованныя), но и ремесленная и занятія женщинъ-рабочихъ.

всѣ депеши и донесенія нашему правительству, но лично вела всѣ переговоры и совѣщанія съ англійскими министрами и дипломатами. И императоръ Александръ все это зналъ и лишь улыбался насчетъ такой способной русской посланницы. Словомъ въ очень интересное время мы живемъ, если думать о будущемъ женскомъ движеніи.

В. Ө. Пуцыковичъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VII. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1901.

 ВЕДЬМОЙ томъ «Книги бытія» знаменитаго русскаго ученаго и путешественника, епископа Порфирія Успенскаго († 1885 г.), содержитъ въ себѣ его дневники и автобіографическія записки за 1854—1861 годы. И этотъ томъ, какъ и предыдущіе, читается съ интересомъ, сообщаетъ немало любопытныхъ фактовъ изъ поучительной и богатой внутреннимъ содержаниемъ жизни преспомятаго русскаго іерарха и освѣщаетъ различныя стороны судьбы греческаго востока.

Съ октября мѣсяца 1854 года и по 17 мая 1858 года епископъ Порфирій провель въ Петербургъ, куда онъ прибылъ изъ Іерусалима, вынужденный, вслѣдствіе крымской кампаніи, оставить святой городъ и прекратить свою полезнѣйшую учено-просвѣтительную дѣятельность, въ качествѣ начальника здѣшней русской миссіи (стр. 1—173). Тяжело и грустно жилось въ сѣверной столицѣ этому узнику, душа котораго всею своимъ существомъ рвалась на Востокъ, къ мѣстнымъ святынямъ и бібліотекамъ, въ среду арабскаго и греческаго православнаго населенія Сиріи и Палестины, для котораго русскій епископъ былъ настоящимъ отцемъ, радѣвшимъ и о духовныхъ, и о матеріальныхъ его нуждахъ. Петербургскій митрополитъ Никаноръ, коему епископъ (тогда архимандритъ) Порфирій представился по возвращеніи съ Востока, принялъ его сухо, выразивъ свое неудовольствіе по поводу его путешествія въ Римъ и отпустилъ съ наказомъ обращаться съ просьбами къ лаврекому намѣстнику. Последній указалъ знаменитому паломнику «диѣ гризныя кельи въ верхнемъ жильѣ подлѣ лаврскаго собора», въ одной изъ коихъ Порфирій

помѣстился самъ, а въ другой поселилъ служивнаго при немъ въ Іерусалимѣ студента Соловьева (стр. 1). И потекла полная лишений, душевныхъ тревогъ и незаслуженныхъ обидъ, жизнь чловѣка, ничѣмъ себя не занятнавшаго, напротивъ—оказавшаго громадную услугу и русской церкви, и русской наукѣ и имѣвшаго все права на вниманіе, почетъ и выдающееся общественное положеніе. Оказалось, что въ Петербургѣ неблагопріятно посмотрѣли на поѣздку Порфирія въ Римъ и на его аудіенцію у папы Пія IX, о чемъ говорилось въ шестомъ томѣ «Книги бытія». Этому событію было придано совсѣмъ не собственное ему значеніе, о чемъ, вѣроятно, постарались недоброжелатели знаменитаго ученаго. «Въ духовномъ вѣдомствѣ, пишетъ епископъ Порфирій, меня обдалъ холодъ. Оберъ-прокуроръ синода Протасовъ, выслушавъ вызванный имъ самимъ разсказъ мой объ аудіенціи моеи у папы, и только этотъ разсказъ, простился со мною, отвернувшись отъ меня по-солдатски направо кругомъ... Директоръ его канцеляріи, Сербиновичъ, принялъ меня и отпустилъ, ни о чемъ не спросивши и извинившись какимъ-то недосугомъ» (стр. 2). А преемникъ Протасова, графъ А. П. Толстой, поставилъ въ вину архимандриту Порфирію то, что онъ не постился въ Іерусалимѣ и вкушалъ скоромную пищу. «И я несчастливъ, пишетъ авторъ: меня, сиротинку, судить и осуждаетъ Толстой умъ, и за что же? За то, что вкушалъ скоромную пищу тамъ, гдѣ нѣтъ ни рыбы, ни грибовъ, ни ягодъ, и гдѣ святые апостолы учили, что пища не поставитъ насъ предъ Господомъ. Ни слабость моего здоровья, ни созерцательная жизнь моя, отъ которой я сознаю въ себѣ скорѣе бытіе души, нежели тѣла, ни дарованія и познанія мои, ни труды и заслуги мои, ни ходатайство о мнѣ нѣсколькихъ соновниковъ, изумленныхъ фарисействомъ Толстого, ничто не уважается. Вкушеніе нѣсколькихъ капель скоромной похлебки тамъ, гдѣ болѣе печѣмъ нитаться, признано величайшимъ преступленіемъ. И кто судья мой? Кто порицаетъ меня и тѣхъ іерарховъ (греческихъ), съ которыми я раздѣлялъ трапезу въ св. градѣ? Мірской чловѣкъ, который не понимаетъ различія между заповѣдію и обычаемъ, который судъ свой ставитъ выше разсужденія многихъ, но который, къ несчастью, имѣетъ власть раснимать. Воже! Прости ему, ибо онъ не знаетъ, что творитъ» (стр. 46). Иные упрекали епископа Порфирія за то, будто онъ крайне самолюбивъ. По этому поводу авторъ пишетъ: «Меня считаютъ самолюбивымъ! Но, Боже мой, когда и кого стѣснилъ я своимъ превосходствомъ? Съ митрополитомъ Григоріемъ я даже не бесѣдовалъ ни однажды. Онъ вовсе не знаетъ меня. Къ прочимъ архіереямъ я ѣздилъ только съ поклономъ. Откуда же возникло обвиненіе? Не понимаю. Хитрецы! Не знаютъ, за что обвинить меня, такъ упрекаютъ въ самолюбіи. Воже! Прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ» (стр. 158). Однако, онала была крайне тяжела для епископа Порфирія, вынужденнаго сидѣть безъ дѣла, горѣвшаго пламеннымъ желаніемъ отправиться на Востокъ. Во время пребыванія въ Петербургѣ онъ принималъ участіе въ переводѣ церковно-богослужебныхъ каноновъ съ греческаго на русскій языкъ, помогая занимавшейся этимъ дѣломъ комиссіи изъ профессоровъ духовной академіи, вель богословскія бесѣды съ великой княгиней Еленой Павловной, которая очень цѣнила его ученія познанія и, желая чаще видѣтъ, приглашала его лѣтомъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ ему

было предложено бесплатное помѣщеніе во дворцѣ,—составилъ новый проектъ учрежденія іерусалимской духовной миссіи, занимался своими учеными трудами. Государь императоръ, цѣня ученыя заслуги епископа Порфирія и его особые труды, назначилъ ему ежегодную пенсію въ тысячу рублей. Но особенно тяжелый удар былъ нанесенъ епископу Порфирію тѣмъ, что въ 1857 году въ Іерусалимѣ вновь была отправлена духовная миссія, во главѣ съ епископомъ мелитопольскимъ Кирилломъ, тогда какъ наиболѣе компетентнымъ и авторитетнымъ представителемъ русской церкви на Востокъ могъ быть нашъ авторъ. «Прощай, святой градъ, съ грустью по этому поводу писалъ Порфирій: не жить мнѣ тамъ. Пригласили меня туда даже именемъ высочайшихъ особъ и снова оттолкнули. Какимъ же чудомъ одинъ и тотъ же я въ одно и то же время пуженъ и не пуженъ, полезенъ и не полезенъ, свѣтеть и теменъ?... Я родился, выросъ, возмужалъ, состарился и умру подъ сѣнію алтара русскаго. Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. Союзъ мой съ возродившею меня церковію нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уяснены во мнѣ болѣе, чѣмъ въ комъ либо... О, зачѣмъ мнѣ суждено имѣть большую извѣстность? Лодочки спокойно стоятъ въ пристани, а боевой корабль среди океана обуревается грозными волнами. Тростинки растутъ роскошно на сырой землѣ, а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана, расщепляется молніею. О недруги мои! Дайте мнѣ безвѣстность. Дайте мнѣ покой. Я васъ прощаю» (стр. 91).

Въ іюлѣ 1858 года епископъ Порфирій отправился съ научною цѣлью на Аѳонъ. Результаты этого (второго) путешествія на святую гору онъ изложилъ въ особой книгѣ (Москва, 1880), дополненіемъ къ коей и могутъ служить дальнѣйшія страницы (173—211) разсматриваемаго дневника. Здѣсь говорится о святыняхъ, бібліотекахъ, живописи и современномъ внутреннемъ состояніи монастырей—Есфигменова, Русскаго св. Пантелеймона, Кутлумушскаго, Иверскаго, Карен, Зографа, Хиландаря, Пантократора и нѣкоторыхъ скитовъ. «Я расцѣлалъ на Аѳонѣ,—писалъ, между прочимъ, Порфирій,—разныя познанія, какъ радужныя лучи свѣта, просвѣщаютъ мою душу. Красоты здѣшней природы чаруютъ и обогащаютъ мое воображеніе. Строгое и правильное житіе святогорскихъ подвижниковъ назидаетъ и исправляетъ меня окаяннаго. Соборныя молитвы ихъ, какъ волны, поднимаютъ мою душу къ небесамъ... Аѳонъ—мой рай... Скуки я не знаю, враговъ простилъ, друзей люблю, на людей не надѣюсь, на Бога уповаю и молюсь ему пламенно, а дѣломъ своимъ занимаюсь прележно: изучаю рѣзбу, ваяніе, зодчество, иконописаніе и церковное пѣніе греческое, а болѣе читаю старинныя книги, писанныя на кожахъ» (стр. 177 и 184). Съ Аѳона епископъ Порфирій отправился въ Фессалію, гдѣ осмотрѣлъ знаменитые Метеорскіе монастыри, которые и описалъ въ особой книгѣ; въ дневникѣ содержатся немногія добавленія къ этому специальному труду.

Загѣмъ, посетивъ Константинополь, епископъ Порфирій направился въ Палестину, гдѣ и пробылъ съ 16 февраля по 23 іюля 1860 года. (стр. 222—275). Страницы дневника, посвященные этому времени, содержатъ сообщенія объ ученыхъ занятіяхъ пресвященнаго Порфирія въ Святотрѣбской бібліотекѣ, Введенскѣ и монастырѣ св. Саввы Освященнаго, гдѣ много наломилъ.

изучать рукописи, обозрѣвать живопись иконную и стѣнную и мозаики. Съ особою обстоятельностью описывается здѣсь Базилика Константина въ Визелемѣ, ея украшенія, архитектура и сохранившіяся надписи, а также иконы сербскаго, греческаго и арабскаго письма, надписи и библиотека монастыря св. Саввы. Кромѣ того, авторъ говоритъ объ иконахъ въ Крестномъ монастырѣ близъ Иерусалима, о начальникахъ мѣстной патріаршей школы. Результаты пребыванія епископа Порфирія были для него благопріятны и въ научномъ отношеніи, и въ смыслѣ подъема его нравственнаго самосознанія, въ противовѣсъ униженію и обидамъ, полученнымъ въ Петербургѣ. Авторъ имѣлъ случай еще разъ убѣдиться въ прочности и плодотворности своего многолѣтняго здѣсь дѣла. Заключивъ разсказъ о жизни въ Иерусалимѣ, онъ пишетъ: «О, кто что ни говори, а быть на святыхъ мѣстахъ и поклониться тамъ Богу духомъ и истинною отрадою, полезно, душевнасъательно. Прощай, святой градъ. Я болѣе не увижу тебя, но никогда не забуду. Скорѣе прильпнетъ языкъ мой къ гортанн моей, скорѣе забуду я десницу свою, нежели я забуду тебя, Иерусалимъ» (стр. 275).

Изъ Иерусалима епископъ Порфирій прѣѣхалъ въ Одессу (стр. 276—278), а потомъ отправился въ Египетъ, гдѣ и пробылъ съ 20 ноября 1860 года по 8 марта 1861 года (стр. 279—369). Эта поѣздка была предпринята и съ научною цѣлію, а главнымъ образомъ для переговоровъ съ коптскимъ патріархомъ Кирилломъ о соединеніи коптовъ съ православными. Это дѣло стало уже налаживаться, какъ патріархъ Кириллъ внезапно скончался. Епископъ Порфирій, между прочимъ, осмотрѣлъ достопримѣчательности Каира и Александріи и описалъ ихъ. Въ этой же части дневника передается разговоръ нашего пономника съ александрійскимъ патріархомъ Каллиникомъ о синайскомъ спискѣ Библии, увезенномъ Тишендорфомъ, о греко-болгарской распрѣ, о церковныхъ имѣніяхъ въ Молдавіи и Валахіи, налагаются биографическія свѣдѣнія о коптскомъ патріархѣ Кириллѣ и прочее.

Изъ Египта епископъ Порфирій уѣхалъ въ Константинополь (стр. 370—372), а потомъ на Афонъ (стр. 372—389), гдѣ, обозрѣвъ нѣкоторыя келіи, а также монастыри Аѳанасовъ и Пверскій; результаты этого путешествія, въ видѣ описанія иконъ, стѣнной живописи и надписей, онъ положилъ въ своемъ дневникѣ

23-го іюля 1861 года епископъ Порфирій выѣхалъ съ Востока и въ сентябрѣ того же года прибылъ въ Петербургъ. «Кончены мои путешествія по Востоку, — пишетъ онъ, — теперь остается мнѣ привести въ порядокъ всѣ собранныя тамъ свѣдѣнія и напечатать ихъ. Господи! Благослови и это мое дѣло» (стр. 391). Въ заключеніи дневника епископъ Порфирій сообщаетъ, что всѣхъ его путешествій по морьямъ Черному, Мраморному, Эгейскому, Средиземному, Адриатическому и Красному, въ теченіе 1836—1861 годовъ, было 46.

Въ приложеніи къ книгѣ (стр. 395—444) помѣщенъ указатель собственныхъ именъ, а въ текстѣ ея имѣется шесть наместническихъ видовъ.

Такимъ образомъ, и седьмой томъ «Книги бытія» знаменитаго русскаго ученаго-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго, представляетъ интересъ въ различныхъ отношеніяхъ, а преимущественно полезенъ для ознакомленія съ археологіей и исторіей греческаго востока.

Σ.

Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897-го года включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансовой и экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 годъ включительно. Составленъ съ высочайшаго соизволенія по распоряженію министра путей сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей инженера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Спб. 1901.

Это—объемистая и тяжелая книга, въ обычномъ форматѣ для казенныхъ изданій, не преслѣдующихъ коммерческихъ цѣлей, на отличной бумагѣ, со множествомъ рисунковъ, чертежей и портретовъ видныхъ дѣятелей на поприщѣ развитія русскаго желѣзнодорожнаго дѣла. Съ другой стороны, книга эта является одною изъ важнѣйшихъ составныхъ частей общей исторіи вѣдства путей сообщенія за его столѣтнѣе существованіе и въ то же время составляетъ непосредственное продолженіе общаго историческаго очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, о первомъ томѣ котораго мы имѣли уже случай говорить на страницахъ нашего журнала.

Лежащій передъ нами томъ того же историческаго очерка состоитъ изъ XII отдѣльныхъ монографій, сохраняющихъ и свою особую нумерацію и составленныхъ каждый особымъ специалистомъ. Каждая монографія, въ своихъ границахъ, имѣетъ свои неоспоримыя достоинства, хотя по сравненію одна съ другою есть монографія очень полная и развитая, а рядомъ съ ними монографіи болѣе общаго историческаго характера, чѣмъ характера спеціальнаго.

Къ числу первыхъ относится первая статья этого въ сущности сборника, а именно: «Историческій очеркъ развитія верхняго строенія пути желѣзныхъ дорогъ въ Россіи», составленная нижеперомъ С. Д. Карейша изъ высшей степени добросовѣстно и вполне способная войти дѣлкомъ въ курсъ желѣзныхъ дорогъ института путей сообщенія. Масса чертежей, отличныя детали послѣдовательнаго развитія и измѣненія формы рельсовъ и шпаль дѣлаютъ ее прямо классно поучительной.

Такъ какъ сборнику этому, подобно всѣмъ сочиненіямъ такого рода, предстоитъ очень не широкое распространеніе не только въ кругахъ общихъ, но и среди специалистовъ, то мы совѣтовали бы почтенному автору этой монографіи издать свой великолѣпный, въ спеціальномъ отношеніи, трудъ отдѣльно. Многіе учащіеся и нынѣ и въ будущемъ скажутъ ему за его работу большое спасибо.

Много слабѣе, поверхностнѣе и короче разработанъ отдѣлъ объ искусственныхъ сооруженіяхъ инженеромъ Н. В. Богуславскимъ. Впрочемъ это, можетъ быть, кажется всего болѣе потому, что этотъ отдѣлъ и самый трудный, самый богатый примѣрами и самый живой. Но и въ этомъ очеркѣ хорошо отгѣнены послѣдовательныя механическія идеи въ созданіи мостовыхъ фермъ, отъ дѣтальныхъ наивныхъ формъ мостовъ Тау и Гайу въ ихъ деревянномъ выраженіи и до почти экстравагантной идеи мостовъ съ консолями, позволяющихъ давать огромные про-

леты желѣзнодорожнымъ мостамъ на рѣкахъ судоходныхъ. Скуповать авторъ только на имена русскихъ инженеровъ. Останапливался на именахъ Мельникова, Крафта, Журавскаго и Еракова, оныхъ очень мало, то-есть ничего, не говоритъ, на-примѣръ, о такихъ строителяхъ и инженерахъ оригинальныхъ предложеній, какъ Семиколѣновъ, Мейнгардъ и нѣтъ равные. Впрочемъ исторія — не курсъ, и съ этой точки зрѣнія скупой инженеръ Вогуславскій, можетъ быть, какъ историкъ, и лучше такого усерднаго спецiалиста своего дѣла, какъ г. Карейша.

Третья, по общему интересу, статья: «О мѣропріятіяхъ за историческое время по усилению пропускной способности желѣзныхъ дорогъ», — принадлежитъ дѣйствительному статскому совѣтнику Ф. А. Голицынекому.

Само собой разумѣется, что и этотъ инженеръ большого чина разработалъ свою задачу съ полнымъ знаніемъ дѣла. Но здѣсь нѣсколько странно, что усиленной перевозкѣ каменнаго угля въ 1888-мъ году, руководимой инженеромъ В. М. Верховскимъ, удѣлено спецiальныхъ десять' страницъ съ таблицами, между тѣмъ какъ о перевозкѣ хлѣба съ Кавказа на востокъ, въ мѣстности, пораженные недородомъ въ 1891—1892 годахъ полковникомъ Вендрихомъ, сказано такъ: «Мы не будемъ входить въ такое же подробное обсужденіе ни условій, при которыхъ приходилось исполнять полковнику Вендриху возложенное на него высочайшее порученіе, ни въ какомъ положеніи находились дороги, и насколько ихъ провозоспособность не соотвѣтствовала потребности, не будемъ также обсуждать принятые имъ мѣры, такъ какъ въ программу нашего очерка не входить оцѣнка исполненія отдѣльныхъ порученій».

Пусть такъ! Но зачѣмъ же тогда вслѣдъ за симъ пишется, что Сызрано-Вяземская дорога, ужасающее состояніе которой безъ подвижного состава и даже безъ водоснабженія освѣтилъ г. Вендрихъ, оправдывается тѣмъ, что по своему географическому положенію должна была развиваться по направленію къ западу, а здѣсь отъ нея потребовали усиленія перевозки по направленію къ востоку!? Удивительно, какъ это, говоря объ историческомъ развитіи пропускной способности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, забыть работы А. А. Вендриха, который проповѣдывалъ устье, да и начекалъ работъ по этому предмету болѣе чѣмъ 200 листовъ и, конечно, долженъ быть почтенъ за пераго (не хочю сказать, единственнаго) спецiалиста именно и только по этому вопросу. Онъ началъ съ малаго, прошелъ въ этомъ направленіи всѣ стadiи службы движенія, былъ и субалтерномъ, и начальникомъ движенія, и какъ директоръ упорядочилъ движеніе разстроенной Фастовской дороги, кончилъ же тѣмъ, что сталъ извѣстенъ государю императору. Право же, послѣднее отличіе достается человѣку безъ всякой протекціи не даромъ!

Очевидно, у него есть не только спецiально инженерныя, но и историческія заслуги въ разниги вопроса, которыя вѣжо менѣе слѣдовало бы игнорировать въ изданіи подъ редакцію В. М. Верховскаго, которое превозноситъ дѣла дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. М. Верховскаго. Даже если это однофамильцы и не родственники, то, похваливъ одного за уголь, ему слѣдовало бы похвалить и другого за хлѣбъ. Не правда ли?

Въ результатѣ все же приходится констатировать фактъ, что этотъ историческій очеркъ недостаточно историченъ, потому что безпристрасенъ.

Въ концѣ сборника, конечно, заслуживаютъ всякаго вниманія статья профессора Георгіевскаго: «Желѣзныя дороги съ финансовой и государственной точекъ зрѣнія». Назидательнѣйшія есть здѣсь страницы и при томъ не только спеціальнаго, но и частнаго интереса! Общее погребеніе въ архивахъ министерства и этой статьи также было бы нежелательно, какъ и статьи о верхнемъ строеніи желѣзныхъ дорогъ инженера С. Д. Карейши. Затѣмъ также въ интересахъ общихъ укажу на рефератъ инженеръ-технолога и путей сообщенія Н. К. Антопина и инженеръ-механика С. А. Силуянова: «О развитіи желѣзныхъ дорогъ по отношенію къ подвижному составу». Съ исторической точки зрѣнія въ этомъ рефератѣ неприятно поражаетъ та скудость именъ, и при томъ русскихъ, которымъ эта отрасль желѣзнодорожнаго дѣла, у насъ отлично развитая, много обязана. Нѣтъ такихъ именъ, какъ имя талантливаго инженера В. А. Яловецкаго Н. Л. Щукина, имя котораго вспоминается вскользь и совершенно какъ бы мимоходомъ.

Больше бы вниманія въ этомъ направленіи въ историческомъ сочиненіи ничему бы не помѣшало. Но въ этомъ рефератѣ для общей публики интересны факты о первыхъ шагахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Конечно, всѣ наши дороги имѣютъ право называться Николаевскими, потому что инициаторомъ ихъ является и при томъ безусловно одинъ этотъ замѣчательный самодержецъ. Что онъ слышалъ кругомъ себя? Отъ какихъ умныхъ людей шли нареканія на дороги, когда и самъ иностранецъ Ф. Герстнеръ, прѣхавшій знакомить Россію и ея царя съ этимъ новымъ способомъ передвиженія, удивлялъ его своими расчетами и предложеніями.

Николай I одинъ ясно понималъ великое значеніе желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ и одинъ заслуживаетъ за это великой благодарности. Любопытно, однако, вотъ что. Первая построенная у насъ опытная желѣзная дорога была, какъ извѣстно, Царскосельская. И что же? Разматривая скудную свѣдѣнія о первыхъ опытахъ движенія по этой дорогѣ, мы встрѣчаемся съ великими странностями. Первая странность—это то, что въ архивахъ министерства не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній о постройкахъ и способахъ эксплуатаціи этой дороги на первыхъ порахъ. Объяснить это можно только крайнимъ скептицизмомъ знаменитаго Клейнмихеля, который даже и послѣ постройки московской дороги не вѣрилъ въ экономическое будущее такихъ дорогъ въ Россіи.

Но все же изъ отрывковъ, сохранившихся тамъ и тутъ, интересно узнать, что съ первыхъ же шаговъ Царскосельская дорога стала развивать скорость движенія поѣздовъ своихъ отъ 57 до 60 верстъ въ часъ, то-есть скорость еще и понинѣе недоступную нашимъ великолѣпнымъ локомотивамъ. Кромѣ того, немалый интересъ представляетъ и соображеніе, что тогда полагалось отпирать поѣзда въ зависимости отъ числа пассажировъ. Нынѣ даже взяли конной тягой со скоростью 20 верстъ въ часъ, что впрочемъ невѣроятно, ибо тогдашнія лошади едва ли могли въ условіяхъ желѣзнодорожнаго передвиженія, а не фельдъегерскаго, развивать такую быструю скорость. Но что хорошо, такъ это паровая карета, родъ современнаго на лѣ автомобиля, изобрѣтеннаго въ 1820 году (могъ уже подлинно, ничто не ново подъ луною),

которые ходили другъ за дружкой, какъ только на станціи накоплялось достаточное число пассажировъ для ихъ наполненія. Все это можно было бы поигорить и теперь, особенно для лѣтняго движенія, а тѣмъ болѣе при помощи электрическихъ автомобилей. Гонять же по семи пустыхъ и громоздкихъ вагоновъ съ тремя пассажирами, какъ это случается въ февраль мѣсяцѣ, и невыгодно, да и долго.

Съ легкой руки императора Николая I пошло у насъ желѣзнодорожное строительство, и ко дню только полулѣтковаго дня его кончины мы встрѣчаемъ на поляхъ нашего обширнаго государства сѣтъ желѣзной колесъ длиною въ пятьдесятъ тысячъ верстъ. Въ добрый день началъ свое великое дѣло этотъ суровый государь!

Между тѣмъ нельзя также не сказать, какъ мало понимали въ то время даже заинтересованные люди будущее развитіе этого рычага современной намъ механической культуры. Недавно отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей Николаевской дороги. Самъ Ф. Герстнеръ, требовавшій между прочимъ, кромѣ гарантіи на капиталъ, еще передачу ему откупа на продажу по всей линіи водки¹⁾, говорилъ и строилъ расчеты на томъ, что каждый выгонъ сдѣлаетъ 185 поѣздокъ и перевезетъ 5.000 человекъ въ годъ, и что каждый локомотивъ сдѣлаетъ между Москвою и Петербургомъ только 75 поѣздокъ въ годъ, почему десять локомотивовъ было, по его словамъ, вполне достаточно, какъ для пассажирскаго такъ и для товарнаго движенія. И вотъ въ оправданіе этихъ скромныхъ желаній и надеждъ ко дню своего пятидесятилѣтія, Николаевская дорога могла представить, что она въ 1900 году перевезла 4.500.000 пассажировъ, то-есть въ три раза болѣе всего населенія Петербурга, и, кромѣ того, привезла въ Петербургъ 259 миллионъ пудовъ груза малой скоростью и увезла изъ Петербурга тою же скоростью 120 миллионъ пудовъ. Заработала же она чистаго дохода болѣе 7 миллионъ. Вотъ вы и сопоставьте все это съ desiderataми Герстнера въ 1836-мъ году и со скептическими выводами его противниковъ, которые находили даже его исчисленія чрезмѣрными. Кто бы всему дѣйствительно случившемуся сегодня тогда повѣрилъ?

Остальные рефераты и менѣе важны и менѣе спеціальны. Въ практическомъ отношеніи не худо обратить вниманіе на «Организацію мѣропріятій по обезпеченію желѣзно-дорожныхъ служащихъ и ихъ семействъ и улучшенію ихъ быта».

Заглавіе заманчивое, но, несмотря на заглавіе, быть желѣзнодорожныхъ служащихъ, этихъ истинныхъ рабовъ и мучениковъ желѣзнодорожнаго прогресса, и до сихъ поръ оставляетъ желать многоаго! Хуже всего здѣсь грубое несоотвѣтствіе между крупными министерскими окладами начальниковъ и по истинѣ нищенскими окладами мелкихъ служащихъ. Несоотвѣтствіе это несомнѣнно опасно, говоря безъ всякихъ шутокъ. Въ ежедневной прессѣ при-

¹⁾ Чрезвычайно характерна резолюція императора Николая на этомъ докладѣ (о гарантіи онъ написалъ такъ: «пусть Герстнеръ покажетъ мнѣ свои капиталы, и я дамъ ему мою на нихъ гарантію». На предложеніе отдать торговлю на линіи водкой рѣзко написалъ: «никогда!»

нято защищать стрѣлочниковъ отъ постоянныхъ несправедливостей начальства. Однако господа защитники всегда при этомъ упускаютъ изъ вида, что плохой стрѣлочникъ можетъ по собственной инициативѣ сокрушить любой поѣздъ; напротивъ—самый великій начальникъ дороги не можетъ собственной инициативой приказать сбросить даже вагона съ рельса, въ минуту, ну, хотя бы невѣняемаго гнѣва.

Въ этомъ-то весь и вопросъ.

Съ этой точки зрѣнія всѣ начальники хмуро встрѣчаютъ пзвѣстия о спасеніи поѣздовъ дорожными сторожами, которымъ благодарная спасенная ими публика дѣлаетъ немедленно же и складчину. Бываютъ случаи такіе но рѣдко. Но они могутъ стать гораздо болѣе частыми, если это выйдетъ въ привычку, потому что сторожу ничего не стоитъ развинтить рельсъ или подбросить шпалу и самому же остановить поѣздъ и получить сразу въ десять разъ болѣе того, что онъ получаетъ за годъ при честной и скромной работѣ. Поощрять это во всякомъ случаѣ не благоразумно, но и кормить сторожей и стрѣлочниковъ слѣдовало бы лучше, чѣмъ ихъ вообще кормить и оплачивать.

Очеркъ о врачебной части на желѣзныхъ дорогахъ доктора Успенскаго очень не длиненъ и совершенно фактиченъ. Все есть... на бумагѣ, обо всемъ подумано и все извѣстно. Очень было бы хорошо, если бы каждый реальный пассажиръ находилъ все положенное по птату на мѣстѣ, когда въ томъ «положеніи» встрѣчается надобность. Бумага все терпитъ, ибо ей не больно. Но вотъ пассажиру которому ноги поломало не до терпѣнія, когда въ сокрушенномъ поѣздѣ не оказывается ни врача, ни перевязокъ.

Остальные рефераты знакомятъ насъ съ юрисконсультскою частью на желѣзныхъ дорогахъ и съ труднымъ вопросомъ объ отчужденіи земли подъ желѣзнодорожныя уголья. Извѣстно, что и до сихъ поръ у насъ во многихъ мѣстахъ это—имущественный вопросъ, несмотря на то, что казна платитъ за насильственное отчужденіе много дороже добровольной продажи, претензіи изнасилованныхъ такъ сказать, собственниковъ всегда превосходятъ предложенія казны. Но это вопросъ спеціально юридическій, я съ нимъ встрѣчался въ моей желѣзнодорожной дѣятельности и считаю самымъ тяжелымъ вопросомъ въ области постройки желѣзныхъ дорогъ вообще.

Вотъ, слѣдовательно, сколько полезныхъ, интересныхъ свѣдѣній заключаетъ въ себя этотъ сборникъ. Но будутъ ли его читать? Едва ли. Зато тѣмъ немногимъ, которымъ въ послѣдствіи, ко времени будущей исторіи, потребуются справки, они, навѣрно, будутъ искать ихъ въ этомъ сборникѣ, а не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Это соображеніе и заставляетъ насъ привѣтствовать появленіе историческихъ справочныхъ такихъ дорого стоящихъ, но въ торговомъ смыслѣ безкорыстныхъ, изданій.

В. П.—въ.

Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Исслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890) Изданы подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Спб. 1901.

Появленіе въ свѣтъ трудовъ покойнаго академика Я. К. Грота продолжится безостановочно, и съ выходомъ каждаго тома накопляется все болѣе и болѣе матеріала для характеристики покойнаго труженика науки, для оцѣнки

его значенія въ русскомъ ученомъ мірѣ. Дѣйствительно, каждый новый томъ заставляеть убѣждаться, насколько разносторонни были интересы и симпатіи М. К.—ча, какъ серьезно смотрѣлъ онъ на всякую представлявшуюся ему задачу, насколько глубокими знаніями въ каждомъ изъ изучаемыхъ имъ вопросовъ обладалъ онъ, какой поучительный образецъ самаго плодотворнаго метода далъ онъ намъ въ своихъ трудахъ. Беллетристъ, поэтъ, переводчикъ, историкъ, филологъ, историкъ литературы—всѣмъ этимъ былъ покойный Гротъ, и во всѣхъ указанныхъ областяхъ науки и литературы оставилъ онъ по себѣ видный слѣдъ.

IV томъ собранія его сочиненій содержитъ въ себѣ его труды по русской исторіи, появившіеся, какъ въ изданіяхъ академіи наукъ и императорскаго русскаго историческаго общества, такъ и въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Редакція расположила эти статьи въ хронологическомъ порядкѣ затрогиваемыхъ ими вопросовъ, и потому на первомъ мѣстѣ стоитъ любопытная статья «Литва или Скандинавія», вызванная статьей Костомарова и извѣстнымъ его диспутомъ съ Погодинымъ; умѣренный приверженецъ норманской теоріи, М. К.—чъ здѣсь намѣчаетъ вопросы и развиваетъ положенія, съ большею частію которыхъ спорить не приходится, хотя, разумѣется, послѣ появленія трудовъ профессора Будиловича, академика Васильевскаго и профессора Брауна статья Грота должна считаться устарѣвшей. За двумя интересными замѣтками о русско-шведскихъ отношеніяхъ XIV и XVI вѣковъ слѣдуетъ большая статья, посвященная разсмотрѣнію вопроса: «дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?» Доказавъ несостоятельность мнѣнія Устрялова, полагавашаго авторство Бера несомнѣннымъ, Гротъ ищетъ составителя хроники въ родственникѣ Бера, Конрадѣ Буссау или Буссовѣ, опираясь главнымъ образомъ на дрезденскій списокъ хроники и подтверждая свою догадку цѣнными свѣдѣніями изъ біографіи Буссова. Далѣе слѣдуютъ: статья о пребываніи Котошихина въ Швецію и объ его трагической судьбѣ, вызванная трудомъ шведскаго ученаго Йэрне, и замѣтка о малоизвѣстномъ путешествіи по Россіи шведа Пальмквиста въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича.

Этимъ заканчиваются статьи, посвященныя древней Руси; дальнѣйшая, большая часть книги занята изслѣдованіями по «Петербургскому періоду» русской исторіи. Этотъ отдѣлъ открывается любопытной замѣткой: «Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ», гдѣ авторъ показываетъ, что русскій элементъ въ Ингрии всегда былъ достаточно силенъ, силенъ настолько, что это обстоятельство могло значительно облегчить Петру дѣло покоренія Ичорскаго края. Обширная академическая рѣчь «Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи» слѣдуетъ за этой замѣткой, предшествовая любопытнѣйшему изслѣдованію «О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ»; здѣсь мы найдемъ обоснованное опроверженіе заявленій извѣстной части западно-европейской литературы о жалкой участи, постигнувшей якобы на Руси плѣнныхъ шведовъ, о томъ, что никто изъ нихъ не увидѣлъ снова своей родины; академикъ Гротъ между прочимъ сообщаетъ здѣсь интересныя подробности изъ біографіи 10 шведскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ извѣстнаго настора Нордберга, историка Стралеберга и Синклера, таинствен-

ная и трагическая судьба котораго доставила ему такую громкую извѣстность (непонятно лишь, какъ могла вкрасться въ разсказъ объ немъ досадная обмолвка: всюду вмѣсто императрицы Анны Иоанновны, какъ слѣдовало бы, говорится объ Елисаветѣ Петровнѣ); въ заключеніе дано извлеченіе изъ записокъ прапорщика Пипера о московскомъ плѣнѣ его. Двѣ небольшія замѣтки и статья о происхожденіи императрицы Екатерины I заключаютъ собою рядъ изслѣдованій о петровской эпохѣ; статья эта содержитъ въ себѣ подробный сводъ мнѣній по этому вопросу, и, хотя академикъ Гротъ и склоняется на сторону предположенія, что Екатерина была плѣнная служанка, по все же, какъ и предыдущія и послѣдующія изслѣдованія, она оставляетъ спорный вопросъ открытымъ.

Вслѣдъ за основанной на датскихъ источникахъ замѣткой о пребываніи дѣтей несчастной Анны Леопольдовны въ Даніи идетъ рядъ статей, посвященныхъ вѣку Екатерины II. Долговременныя занятія этой эпохой сдѣлали академика Грота признаннымъ ея знатокомъ, и эти его монографіи и статьи приобретаютъ потому высокій интересъ. Изслѣдованіе о воспитаніи Екатерины II, появившееся въ «Древней и Новой Россіи», не осталось безъ вліянія на позднѣйшую литературу предмета. Обширный трудъ «Екатерина II и Густавъ III», представляя собою всестороннее разсмотрѣніе этихъ двухъ великихъ дѣятелей эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, въ этомъ отношеніи оставляетъ далеко за собою извѣстную книгу профессора Брикнера «Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 годахъ»; особенно занимательны подробности о пребываніи Густава III въ Петербургѣ, а также сообщаемыя ему Екатериною свѣдѣнія о воспитаніи великаго князя Александра Павловича. Статьи, рисующія намъ великую государыню, какъ литературнаго дѣятеля и какъ просвѣтительницу своего народа, читаются тоже съ неослабнымъ интересомъ, особенно та изъ нихъ, гдѣ описано сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ». Въ цѣломъ рядѣ предисловій къ тѣмъ томамъ «Сборника Русскаго историческаго общества», которые редактировалъ Я. К.—чь, особенно выдѣляются замѣтки о письмахъ Екатерины къ Гриму и Гримма къ своей высокой корреспонденткѣ; эти краткіе очерки не утратили своего значенія и интереса даже послѣ появленія обстоятельнаго труда В. А. Вильбасова «Екатерина II и Гриммъ». Далѣе вниманіе читателя привлекаетъ статья «Спенгшортенъ», представляющая собою пересказъ части монографіи Тигерстедта; посвященной жизни и дѣятельности этого шведскаго эмигранта, такъ много потрудившагося для отторженія Финляндіи отъ Швеціи; потому понятна ненависть, питаемая къ нему свепоманами и мѣшающая имъ объективно смотрѣть на этого, дѣйствительно не совсѣмъ порядочнаго, но безусловно даровитаго дѣятеля; отсутствіемъ такой объективности страдаетъ и трудъ Тигерстедта, а потому и статья Я. К. Грота.

Изданныя Гротомъ «Матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта» пользуются слишкомъ большою извѣстностью, для того, чтобы говорить объ ихъ значеніи и интересѣ. Тѣмъ же событіямъ посвященъ «Эпизодъ изъ Пугачевщины» — разсказъ о роли поэта Державина, въ то время преображенскаго офицера, въ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ; Я. К.—чь доказываетъ, что нельзя смотрѣть съ пренебреженіемъ, какъ то иногда дѣлается, на участіе Державина въ борьбѣ съ самозванцемъ.

Наконецъ, послѣ маленькихъ замѣтокъ о паденіи Сперанскаго слѣдуетъ рядъ критическихъ и библиографическихъ статей. Особенно заслуживаетъ вниманія статья о сочиненіи Мальма, современника Петра I, о Россіи; сочиненіе это, по словамъ Грота, написано пристрастно, дышитъ враждою къ Россіи, но въ то же время, кажется намъ, нельзя отказать его автору въ известной наблюдательности; на примѣръ, Мальмъ говоритъ, что «въ Россіи торговлю захватили въ свои руки иностранцы: они, какъ комары, сосутъ кровь изъ русскаго народа, а потомъ улетаютъ въ другіе края»; замѣчаніе выхвачено изъ жизни: какъ это намъ напоминаетъ «анонимныхъ бельгійцевъ» и т. п. напихъ дной.

Одинъ перечень, далеко не полный, статей, вошедшихъ въ составъ IV тома «Трудовъ Я. К. Грота», показываетъ его интересъ и побуждаетъ желать его книгъ возможно широкаго распространенія. М. П—й.

Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Спб. 1901.

Первый томъ труда нашего почтеннаго историка, обогатившаго русскую науку цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ сочиненій по исторіи русскаго крестьянства, былъ посвященъ состоянію помѣщичьихъ и посессионныхъ (то-есть принадлежащихъ фабрикантамъ) крестьянъ въ царствованіе Екатерины II. Второй томъ имѣетъ своимъ предметомъ состояніе всѣхъ остальныхъ родовъ крестьянъ за это время, то-есть дворцоваго вѣдомства, церковныхъ вотчинъ и государственныхъ. Авторъ сообщаетъ статистическія данныя относительно ихъ числа и множество драгоценныхъ свѣдѣній относительно ихъ экономическаго быта, повинностей и управленія ими, свѣдѣній, собранныхъ во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ архивахъ. Почти вездѣ автору приходится рисовать самую мрачную картину. Даже пріютившаяся на дальнемъ сѣверѣ и въ отдаленной Сибири община казенныхъ, такъ называемыхъ черносошныхъ, крестьянъ не представляла въ этомъ отношеніи рѣзкаго исключенія, хотя она и не знала надъ собою никого, кромѣ государства: ей приходилось страдать отъ неравномернаго распределенія надѣловъ, отъ тяжести государственныхъ повинностей, какъ-то: дорожной, подводной и т. д., а также и отъ своего брата міроѣда¹⁾. Авторъ знакомитъ насъ съ дѣятельностью одного такого сибирскаго міроѣда—Повникова, который даже выписывалъ изъ Москвы экипажи. Всѣ окрестные крестьяне были поголовно ему должны, а поэтому бывало, какъ только онъ прослышитъ, что у кого нибудь изъ нихъ завелась лошадка получше, то сейчасъ посылаетъ своихъ рабочихъ отобрать ее... Высшія власти, посѣщая Томскъ и Барнауль, запросто принимали его у себя²⁾. Дворцовые крестьяне страдали отъ безогляднаго взысканія податей даже въ такіе годы, когда помѣщичьи дѣлались льготы, отъ отсутствія всякихъ мѣропріятій на случай неурожая, повторявшихся довольно часто, а также отъ хищничества посылавшихся къ нимъ упра-

¹⁾ Стр. 676 и сл.

²⁾ Стр. 698.

вителей ¹⁾. Г. Семейскій приводитъ интересный случай, какъ по удаленіи одного изъ такихъ управителей крестьяне ходатайствовали о введеніи у нихъ выборнаго самоуправленія, но просьба ихъ не была исполнена ²⁾. Вообще, ихъ бытъ представлялъ мало утѣшительнаго, хотя волненія между ними были сравнительно рѣдки. И дѣйствительно, положеніе этихъ двухъ родовъ крестьянъ было еще очень завиднымъ въ сравненіи съ положеніемъ крестьянъ духовныхъ вотчинъ и государственныхъ приписныхъ къ заводамъ. Правда, крестьяне духовныхъ вотчинъ пахали на своихъ господъ менѣе помѣщичьихъ, но зато множество лежавшихъ на нихъ поборовъ превосходило тяжесть лежавшихъ на ихъ помѣщичьихъ собратьяхъ ³⁾. Къ этому присоединялись самыя вопіющія злоупотребы и жестокости церковныхъ властей и ихъ управителей. У г. Семейскаго ихъ приведено очень много. Такъ, напримеръ, архимандритъ Саввино-Сторожевскаго монастыря посылалъ крестьянъ, считавшихся собственно на оброкѣ, всѣхъ поголовно на работу въ теченіе двухъ недѣль. Однажды онъ заставилъ ихъ чистить прудъ въ самую страдную пору и, такъ какъ они не дали ему требуемой взятки (700 рублей), то продержалъ ихъ на этой работѣ болѣе мѣсяца ⁴⁾. Крестьяне Новоспасскаго монастыря жаловались на то, что управитель его «держитъ ихъ въ цѣняхъ и желѣзахъ недѣль по пяти и больше и, державъ, бьетъ плетми, налками, пинками, смертными побоями и, бивъ наклъ, бросивъ въ тюрьму, мучитъ голодною и студеною смертью и хвалится разглашаетъ, что въ вотчину затѣмъ и съѣхалъ: разорить всѣхъ до конца и искоренить» ⁵⁾. Тогда какъ даже помѣщичьи собирали по случаю свадебъ умѣренный сборъ, протопопъ Муромскаго собора бралъ съ крестьянъ по 2 рубля, а не то и совѣмъ не позволялъ имъ жениться ⁶⁾ и т. д. и т. д. Потому и не удивительно, что, когда Екатерина II возвратила было духовенству вотчины, переданныя Петромъ II въ вѣдомство коллегіи экономіи, то всюду обнаружилось сопротивленіе крестьянъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Что касается до приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, то это были казенные крестьяне, которые не уплачивали своихъ податей, а должны были ихъ отработать на казенныхъ и частныхъ заводахъ за опредѣленную плату. Плата эта была очень незначительна ⁷⁾; кромѣ того, иногда цѣлыя деревни казенныхъ крестьянъ приписывались къ очень отдаленнымъ заводамъ; сначала, правда, имъ давались небольшія подѣмныя, но въ указанное время и это вывелось изъ обыкновенія ⁸⁾... Наконецъ заводчики получали право жестоко наказывать приписныхъ крестьянъ и пользовались имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Такъ Демидовъ могъ за ослушаніе или лѣность своихъ приписныхъ наказывать ихъ плетми или батогами и даже налагать на нихъ цѣни ⁹⁾. Вообще эти заводчики были маленькими царьками на своихъ заводахъ и объ ихъ произволѣ ходили въ народѣ самыя невѣроятныя слухи. Такъ рассказывали, что во время посѣщенія княземъ Вяземскимъ уральскихъ заводовъ, по распоряженію Акинѳа Демидова, были спрятаны въ подземельѣ и потоплены тамъ водой изъ пельянскаго пруда рабочіе, занимавшіеся будто бы чеканкой фальшивой монеты для хозяина и тайно проживавшіе

¹⁾ Стр. 87 и сл. ²⁾ Стр. 98. ³⁾ Стр. 201 и сл. ⁴⁾ Стр. 208. ⁵⁾ Стр. 211. ⁶⁾ Стр. 218. ⁷⁾ Стр. 308. ⁸⁾ Стр. 309. ⁹⁾ Стр. 299.

тамъ каторжники для того, чтобы скрыть всякіе слѣды беззаконій¹⁾. Поэтому не удивительно, если начало царствованія Екательрины II ознаменовалось ужасными волненіями среди заводскихъ крестьянъ, въ подавленіи которыхъ принимала видное участіе будущій герой борьбы съ Пугачевымъ— Вибиконъ. Въ книгѣ г. Семеновскаго читатель найдетъ подробное изображеніе этихъ волненій²⁾.

Къ сожалѣнію, книга г. Семеновскаго написана довольно тяжелымъ языкомъ, что вмѣстѣ съ ея громоздкостью дѣлаетъ ее мало доступною для большой публики, но эти недостатки совершенно блѣднѣютъ передъ цѣнностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній.

В. Отроевъ.

Князь М. А. Накашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для Россіи. Съ 9-ю рисунками, Спб. 1902.

Авторъ подробно объясняетъ, въ какой степени страдаетъ въ экономическомъ отношеніи Кавказъ отъ примитивныхъ способовъ передвиженія по шоссейнымъ дорогамъ, и, какъ военный, обращаетъ также вниманія на тѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ повсемѣстно войска на Кавказѣ въ вопросахъ довольствія и быстрого передвиженія. «Безъ ошибки можно сказать, что на случай военныхъ дѣйствій, когда Кавказъ явится главной базой дѣйствующихъ армій; наиримѣрь, въ случаѣ войны съ Персией, Афганистаномъ, Турціей, или вообще какихъ либо осложненій на побережьяхъ Чернаго моря, вопросъ о передвиженіи по весьма немногочисленнымъ путямъ его явится весьма жгучимъ, а перевозочныя средства самымъ большимъ мѣстомъ дѣйствующей арміи».

Широкое примѣненіе автомобилей для удовлетворенія потребностей экономической и общественной жизни за границей не могло остаться незамѣченнымъ и въ военномъ мірѣ. Въ 1900 году разные типы автомобиля съ усгѣхомъ фигурировали на французскихъ маневрахъ, въ видѣ самодвижущихся обозовъ, фургоновъ, лазаретовъ и т. д., а въ 1901 году самодвижущіяся повозки появились и на германскихъ маневрахъ, во время которыхъ императоръ Вильгельмъ не сходилъ съ автомобиля. Англичане также занялись серьезно этимъ жгучимъ вопросомъ, и на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Транснаалѣ появилось нѣсколько автомобилей, усгѣшно удовлетворившихъ военнымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ автомобиль сдѣлался мало-по-малу центромъ вниманія всѣхъ государствъ, и наконецъ на него было обращено вниманіе Россіи.

Авторъ настоящей книги первымъ выступаетъ со своимъ въ высшей степени интереснымъ трудомъ въ нашей литературѣ, знакомя наше общество всесторонне съ значеніемъ автомобиля для Россіи, какъ со стороны экономической, такъ и въ стратегическомъ отношеніи, съ значеніемъ мѣстныхъ сообщений въ экономической жизни населенія, доказывая затѣмъ всю выгоду и преимуществу отъ примѣненія механической тяги передъ мускульной и подтверждая свои доказательства рядомъ сравнительныхъ цифровыхъ данныхъ.

Перечисли тѣ огромныя услуги, которыя несомнѣнно окажетъ для Россіи автомобиль, авторъ приводитъ весьма удачный примѣръ изъ мусульманскаго

¹⁾ Стр. 312.

²⁾ Стр. 322—308.

возстанія въ г. Андижанѣ 18-го мая 1898 г., когда «шайка въ 2.000 сартовъ, руководимая Ишаномъ Мадали, напала на сонныхъ солдатъ 20-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и вырвала 21-го человѣка. Телеграфъ оказался порваннымъ. Посланные конные джигиты не могли довести требованія о помощи въ Маргеланъ ранѣе, какъ черезъ 6—7 часовъ; а потому извѣщеніе о катастрофѣ военный губернаторъ получилъ лишь на слѣдующее утро, послѣ чего сейчасъ же была отправлена рота на вокзалъ желѣзной дороги, съ цѣлью отправленія ея въ Андижанъ, но на станціи не оказалось поѣзда, который по телеграфу былъ вытребованъ изъ Коканда, находящагося отъ Маргелана въ 90 верстахъ. Войска ждали, а Андижанъ находился въ крайне опасномъ положеніи. Совсѣмъ другой оборотъ приняло бы дѣло, если бы изъ Андижана по прекрасной почтовой дорогѣ отправился автомобиль, и немедля изъ Маргелана на автомобильныхъ повозкахъ двинулась хотя бы полурота, даже взводъ на помощь андижанцамъ».

Какъ дополненіе къ желѣзнымъ дорогамъ, автомобиль окажетъ также незамѣнимую услугу, такъ какъ на короткихъ разстояніяхъ (60 верстъ) желѣзныя дороги не могутъ конкурировать съ перевозкой гужеми, и при усовершенствованіи гужевой тяги подобныя разстоянія могли бы достигать ста и болѣе верстъ. Въ подтвержденіе своихъ предположеній авторъ приводитъ примѣръ недавно начавшейся перевозки грузовъ морского вѣдомства изъ Ижорскаго завода въ Колиннѣ до Петербурга, на бензино-и спирто-моторной телегѣ поднимающей 300 пудовъ.

Исходя изъ безусловной выгоды примѣненія автомобиля въ Россіи для вышеупомянутыхъ цѣлей, авторъ обращаетъ вниманіе на Кавказъ, гдѣ за последнее время особенно ощутителенъ недостатокъ въ лошадяхъ даже и по главнымъ артеріямъ его путей сообщенія. Желѣзныхъ дорогъ на Кавказѣ почти нѣтъ, постройка подъѣздныхъ путей обоилась бы правительству огромныхъ капиталовъ въ силу особаго географическаго положенія страны.

Слѣдовательно, по мнѣнію автора, на Кавказѣ необходимо создать такой способъ передвиженія, который могъ бы замѣнить собою желѣзныя дороги безъ тѣхъ огромныхъ затратъ, которыя несомнѣнно, повлечетъ за собою сооруженіе послѣднихъ. Прекрасно изучивъ Кавказъ и его тракты, авторъ даетъ полное описаніе главнѣйшихъ изъ нихъ и, не ограничиваясь однимъ маршрутнымъ описаніемъ, даетъ полную картину производительности, экономическаго положенія областей, по которымъ они пролегаютъ.

По прочтеніи труда князя М. А. Накашидзе составляется полная картина той видной роли, которая безусловно выпадетъ на долю автомобиля.

На томъ или другомъ типѣ автомобилей авторъ не останавливается, считая этоть вопросъ преждевременнымъ, такъ какъ усовершенствованія самодвижущихся экипажей прогрессируютъ съ удивительной быстротою, и не приходится мѣсяца, чтобы не появилось болѣе новаго и совершеннаго типа.

Воркозъ Тагъевъ.

**Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ.
Москва. 1902.**

За послѣднее время нѣкоторые преподаватели географіи и исторіи, вѣроятно, утомившись преподносить своимъ питомцамъ произведенія г. Пловайскаго и г. Смирнова, начали (одни—самостоятельно, другіе — въ компаніи) издавать по нѣкоторымъ вопросамъ своихъ наукъ книги, цѣль которыхъ быть добавочнымъ чтеніемъ для учащихся, популярнымъ же чтеніемъ для людей вообще, желающихъ восполнить пробѣлы въ своемъ общемъ образованіи. Намѣренія такъ хороши, что публика начала восторгаться раньше приведенія ихъ въ исполненіе. На дѣлѣ же оказалось, что для выполненія намѣченной цѣли, кромѣ званія учителя, требуется еще что-то... чего не достало, главнымъ образомъ, историкамъ (напримѣръ, Весленеву и К. А. Иванову). Своихъ изслѣдованій у нихъ не оказалось; тогда, не смущаясь, они взялись за компиляцію, и компиляція эта получилась у нихъ ни хуже, ни лучше тѣхъ учебниковъ, по которымъ они проходили свой курсъ, такъ что ихъ сборники можно, не скрываясь, назвать «лишнимъ чтеніемъ». Географы дѣйствуютъ немного иначе. Своихъ замѣтокъ и описаній у нихъ тоже нѣтъ, ибо у насъ меньше всего ѣздитъ куда нибудь учителя географіи, компиляцій они не дѣлали, ибо, по ихъ мнѣнію, при этомъ всегда теряетъ свою живость и образность первоисточникъ, они просто, безъ затѣи, взяли да отпечатали отдѣльной книжкой очерки и замѣтки путешественниковъ, при чемъ изъ путешественниковъ исключительно русскихъ, такъ чтобы Западная Европа была освѣщена съ русской точки зрѣнія, а, сверхъ того, еще важенъ и «тотъ сравнительный методъ, съ которымъ всякій русскій путешественникъ невольно подходитъ къ явленіямъ западно-европейской жизни».

Такимъ образомъ зародился и появился въ свѣтъ настоящій сборникъ въ 124 статьи на 760 страницѣхъ. Начинается сборникъ очеркомъ Ф. Палсена «Зимовка на Землѣ Франца-Иосифа», но это не одинъ очеркъ не русскаго путешественника, дальше раза два проскальзываютъ случайно и иностранцы. Большинство же описаній принадлежатъ А. Елисеѣву, Е. Маркову, В. Пемровичу-Данченко, П. Василевскому, Д. Мордовцеву.

Составленъ сборникъ въ смыслѣ распредѣленія матеріала очень удачно. Послѣ описанія сѣверо-западной части Европы, идутъ статьи, рисующія намъ англійскую жизнь во всѣхъ деталяхъ, праздничную и будничную въ различныхъ кварталахъ, описаніе города Лондона съ внѣшней стороны, небольшой очеркъ посвященъ жизни рабочимъ. Далѣе слѣдуютъ статьи, касающіяся жизни Германіи, и описаніе ея большихъ городовъ. Затѣмъ идетъ описаніе французской жизни съ городомъ Парижемъ и всѣми его закоулками, жизнь французской деревни, французы-южане и сѣверяне. Не менѣе статей собрано и объ Италіи, Испаніи. Много описаній городовъ и столицъ Балканскаго полуострова. Обдѣлили составители только Данію: о ней всего два небольшихъ очерка въ такомъ обширномъ географическомъ сборникѣ.

Мы не будемъ входить въ разборъ тѣхъ описаній и очерковъ, которые составители нашли нужнымъ помѣстить въ сборникъ—есть дѣйствительно та-

лантливо и живо написанные, но и есть совсѣмъ никуда не годные. Вотъ только невольно составителямъ приходится задать вопросъ, чѣмъ руководствовались они выбирая эти описанія и очерки. Вѣроятно, только тѣмъ, чтобы авторомъ ихъ былъ человекъ русскій... Составители глубоко ошиблись и ввели въ заблужденіе читателя: въ этомъ русскомъ авторѣ нѣтъ сравнительнаго метода, котораго такъ желали составители, и котораго такъ, съ ихъ же словъ, ждалъ читатель. Русскій авторъ нишесть, восхищается, наиримѣръ, Парижемъ, черезъ каждыя двѣ строки пять восклицательныхъ знаковъ, — гдѣ же его невольный сравнительный методъ?.. Какъ не явился онъ въ Парижѣ, такъ нѣтъ его и въ продолженіи путешествія по всей Западной Европѣ. В. I.

Постройка и эксплуатация Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 г.г.). Краткій историческій очеркъ. Составленъ управленіемъ дороги. Спб. 1902.

Это прекрасно составленная монографія. Безъ лишнихъ словъ, безъ всякаго чрезмѣрнаго раздуванія, это въ самомъ дѣлѣ вразумительный, всѣмъ понятный и даже интересный очеркъ существованія этой дороги въ трехъ стадіяхъ ея развитія: постройки казенными инженерами, затѣмъ эксплуатациі главнымъ обществомъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и наконецъ въ казенномъ управленіи, продолжающемся и донынѣ. Монографія эта снабжена множествомъ интересныхъ рисунковъ, портретами четырехъ государей, портретами всѣхъ ея директоровъ, строителей и иныхъ важныхъ дѣятелей, видами наиболѣе характерныхъ и интересныхъ зданій, планами дороги съ профилемъ, графикомъ движенія, видами поѣздовъ разнаго состава и назначенія и тому подобное. Поэтому книгу интересно не только прочесть, но и пересмотрѣть даже и неспеціалисту инженернаго дѣла.

Первыя страницы посвящены, конечно, чисто анекдотической исторіи первыхъ попытокъ постройки желѣзныхъ дорогъ не только у насъ, но и въ просвѣщенной Англіи, гдѣ и ученые люди сомнѣвались, чтобы локомотивъ могъ ходить быстрые лошади, и не могли себѣ представить дороги черезъ болыное и глубокое болото, находившееся между Манчестеромъ и Ливерпулемъ. Любопытно въ самомъ дѣлѣ, что Стефенсону приходилось производить изысканія ночью, или боевымъ образомъ отступившись отъ владѣльцевъ путныхъ земель и угодій.

Но первый поѣздъ въ 1825 году, пущенный Стефенсономъ, рѣшилъ вопросъ безспорно, и дѣло желѣзныхъ дорогъ стало быстро и безирепятственно развиваться на западѣ. Благодаря превосходнымъ инженернымъ способностямъ императора Николая и его государственной дальновидности, мы очень мало отстали по времени отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, ибо въ 1836 году уже эксплуатировали Царскосельскую дорогу. Но, конечно, и у насъ выросли сомнѣнія со всѣхъ сторонъ, и два любопытныхъ документа, одинъ отъ 1835-го года, а другой отъ 1837-го, приведенные въ отрывкахъ въ разбираемой книгѣ, дѣйствительно представляются нашимъ глазамъ невѣроятною слѣ-

потою людей, даже очень умныхъ, которые никакъ не могли допустить, чтобы при нашихъ зимахъ и климатѣ вообще желѣзныя дороги были у насъ выгодны и возможны.

Въ послѣднемъ отношеніи любопытно сочиненіе Наркиза Атрѣшкова «О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи», въ которомъ съ отличною логикою и считывалось, что товарное движеніе между Москвою и Петербургомъ не превзойдетъ 7.000 пудовъ въ годъ, и что 8.000 пассажировъ будетъ крайнимъ предѣломъ ся пассажирскаго движенія. На основаніи этихъ данныхъ Наркизь Атрѣшковъ высчиталъ максимальный доходъ дороги въ 5.650 рублей въ годъ. Но если это крайность даже и для того времени, то и защитники будущей Николаевской дороги не надѣялись перевозить болѣе 12.000.000 пудовъ въ годъ и 120.000 пассажировъ.

Что же случилось на самомъ дѣлѣ? Эти данныя мы находимъ на заключительной страницѣ той же прекрасной книги.

Стоимость дороги въ ея настоящемъ видѣ, безъ реализаціи капиталовъ, 135.800.000 рублей. Съ 1846 года по 1901 включительно перевезено: пассажировъ—93.404.931 человекъ, товаровъ большой скорости 62.288.731 пудъ, малой скорости 6.582.889.856 пудовъ, выручено чистаго дохода—506.226.312 рублей.

Понятно, какъ долженъ страдать мятежный духъ Наркиза Атрѣшкова, если онъ видитъ эти торжественные результаты эксплуатаціи дороги, которой онъ предсказывалъ такую скромную участь? Впрочемъ, тотъ же скептицизмъ, несмотря на громадный опытъ, слышится нередко и нынѣ, почти всякій разъ, когда проектируется какая либо новая линія желѣзной дороги. А между тѣмъ пора понять, что желѣзная дорога есть великій историческій факторъ, сильно измѣнившій лицо земли и характеръ человѣчества, и что значеніе этого фактора много больше такихъ сравнительно громадныхъ историческихъ движеній, какъ крестовые походы, какъ войны реформаціи и неистовства всякихъ революцій. Одно только книгопечатаніе можетъ стать рядомъ и то потому, что безъ него немислимы были бы не только желѣзныя дороги, но и такія курьезныя сочиненія, какъ Атрѣшкова, и такія хоронія—какъ просмотрѣнная нами книга.

В. П.

Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей А. Бенуа. Выпускъ I. Спб. 1902.

Въ прошломъ году мы привѣтствовали появленіе этого прекраснаго и единственнаго въ своемъ родѣ изданія, поставившаго себѣ цѣлью познакомить русскую публику съ картинами и рисунками, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ знаменитыхъ мастеровъ, съ наиболѣе значительными скульптурными и архитектурными памятниками и драгоценными и любопытными предметами художественной промышленности. Первый выпускъ «Сборника» текущаго года

посвященъ исключительно русскому искусству. Къ нему приложены слѣдующія безукоризненно исполненныя хромолитографіи и фототипіи: находится въ музеѣ императора Александра III, икона св. Бориса и Гльба «строгано夫скаго» письма, имѣющая, главнымъ образомъ, значеніе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи древне-русскихъ княжескихъ одеждъ; портретъ императрицы Екатерины II, писанный Рокотовымъ, изъ Китайской галлерей Гатчинскаго дворца; портретъ этотъ совершенно неизвѣстенъ публикѣ, такъ какъ никогда не былъ гравированъ; но времени онъ принадлежитъ къ 1763 году и можетъ считаться однимъ изъ самыхъ схожихъ изображеній государыни. Образъ Нерукотвореннаго Спаса, серебряный окладъ котораго, соруженный въ 1645 году бояриномъ В. М. Хитрово, представляетъ прекрасный образецъ русской эмали половины XVII столѣтія. Два мѣдныхъ кунгава, изъ музея императора Александра III, интересны тѣмъ, что являются образцами прикладнаго искусства начальнаго и конечнаго періода расцвѣта московской культуры. Сундукъ XVII столѣтія, — одна изъ большихъ драгоценностей Московскаго историческаго музея, — замѣчательнъ по живописи, украшающей внутреннюю сторону крышки и изображающей фантастическую игицу «алконостъ» среди вѣтокъ, усыяенныхъ разнообразными цвѣтами. Англійская карета, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ, временъ Бориса Годунова. Кувшинчикъ и коробка изъ туалетнаго прибора императрицы Анны Ивановны, хранящагося въ Эрмитажѣ; этотъ приборъ весь изъ золота, состоитъ изъ 48 предметовъ, въ стилѣ голландскаго или англійскаго барокко, но всемъ изъясняетъ, исполненъ въ Англии, славившейся въ XVIII столѣтіи своими чеканщиками и золотыхъ дѣлъ мастерами. Картина Торелли, находящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ и изображающая триумфъ императрицы Екатерины II, какъ побѣдительницы турокъ и завоевательницы Новороссійскаго края; въ картинѣ масса вѣщихъ и конныхъ фигуръ, написанныхъ съ рѣдкой законченностью; вообще, мягкіе тона красокъ, прекрасный рисунокъ, неподражаемая виртуозность исполненія, отнюдь не этой картинѣ, въ ряду прочихъ произведеній Торелли, безспорно, первое мѣсто. Янтарная комната въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ—одна изъ главныхъ его достопримѣчательностей, не только благодаря драгоценности матеріала, но и тому неподражаемому вкусу, съ которымъ придворный декораторъ императрицы Елисаветы Петровны сумѣлъ воспользоваться хрупкими янтарными бездѣлушками для создания великолѣпнаго, можно сказать, сказочнаго зала. Эскизъ изъ терракоты знаменитаго скульптора Козловскаго «Меркурій, передающій Вакха на воспитаніе нимфъ», отличающійся удачною композиціей и большимъ мастерствомъ. Превосходная статуя, неизвѣстнаго мастера, изображающая Нептуна и украшающая лѣвую, ростральную колонну передъ биржей въ Петербургѣ. Портреты братьевъ Ланскихъ, рисованные итальянскимъ карандашомъ Кириенскимъ. Наконецъ портретъ великой княгини Елены Павловны съ дочерью Маріей Михайловной, писанный съ обычнымъ мастерствомъ К. Брюлловымъ и принадлежащій герцогу Михаилу Георгиевичу Мекленбургъ-Стрелицкому.

Пояснительный текстъ, написанный знатоками, заключаетъ биографическія свѣдѣнія о творцахъ художественныхъ произведеній и даетъ эстетическую

ощѣнку послѣднихъ. Мы искренно желаемъ успѣха и широкаго распространенія «Сборнику», такъ какъ, кромѣ чисто художественнаго интереса, онъ имѣетъ и большое образовательное значеніе.

С. Ш.

Суворовъ, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генераль-майоръ Н. А. Орловъ. Спб. 1901.

Казалось бы, едва ли возможно въ такой небольшой, сравнительно, книгѣ сказать такъ много и обстоятельно о нашемъ знаменитомъ полководцѣ; а между тѣмъ почтенный авторъ, не долюбивая, очевидно, многоглаголонія, сумѣлъ въ сжатомъ и чрезвычайно образномъ очеркѣ дать читателямъ цѣльный и совершенно законченный портретъ Суворова.

Авторъ начинаеть свою книгу перечисленіемъ всѣхъ великихъ полководцевъ Европы за минувшія времена, насчитываетъ ихъ десять—и дѣлаетъ пріятное открытіе, что на долю славянъ приходится значительный процентъ, именно цѣлыхъ два полководца—Петръ Великій и Суворовъ. Войны послѣдняго г. Орловъ дѣлитъ на три группы: на войны съ Турціей, съ Польшей и наконецъ въ Италиі и Швейцаріи. Въ первой группѣ останавливается на себѣ особенное вниманіе взятіе Суворовымъ Измаила, гарнизонъ котораго состоялъ изъ 35 тысячъ человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ энергичнаго команданта Айдозли Мехметъ-паша, между тѣмъ какъ у Суворова было всего не болѣе 30 тысячъ подъ ружьемъ. «И въ чистомъ полѣ, говоритъ авторъ книги, разбить армію, превосходящую числомъ, не легко, а когда она находится въ сильной крѣпости — подвигъ дѣлается еще труднѣе. Несмотря на это, Суворовъ, тщательно подготовивъ штурмъ Измаила, превосходно его исполняетъ. Достается это цѣлыми потоками крови: изъ 35 тысячъ турокъ было убито 26 тысячъ; Дунай покраснѣлъ отъ человѣческой крови, которая лилась изъ Измаила... Немало было тутъ и русской крови: 10 тысячъ нашихъ убито во время штурма... Суворовъ побѣдами надъ турками окончательно установилъ наше первенствующее значеніе въ восточномъ вопросѣ и значительно подвинулъ его впередъ. При немъ занялась заря освобожденія балканскихъ славянъ».

Говоря о второй группѣ суворовскихъ войнъ, талантливый авторъ останавливается на штурмѣ Праги 24 октября 1794 года, когда наши солдаты, вспоминая рѣзню, учиненную въ Варшавѣ, въ ночь на 6-ое апрѣля того же года, надъ мирно спавшими русскими солдатами, избивали всѣхъ, не давая никому пощады... Суворовъ пожелалъ спасти столицу Польши отъ справедливаго мщенія нашихъ воиновъ, взявшихъ уже Прагу, и съ этою цѣлью приказалъ разрушить мосты, соединявшіе это предмѣстье съ самою Варшавою. На этой чертѣ чисто русскаго человѣка—быть милосерднымъ къ побѣжденному врагу — чертѣ, замалчиваемой обыкновенно біографами Суворова, авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ и въ доказательство приводитъ даже 7-й пунктъ приказа Суворова передъ штурмомъ Праги: «Въ домѣ не за-

бѣгать, непріятеля, просищаго пощады, щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтковь не трогать». Всѣ изумлялись, говорить г. Орловъ, великодушію Суворова; но онъ отвѣчалъ стихами Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
А хищный волкъ его лежащаго терзаетъ»...

Еще болѣе, вѣроятно, пзумлялись въ Европѣ великодушію—или, скорѣе, простодушію—нашего правительста того времени, отдавнаго, при послѣдовывшемъ послѣ этихъ побѣдъ третьемъ раздѣлѣ Польши, значительная «пространства земли въ пользу Пруссіи и Австрій, пространства, прибрѣтенныя рѣками русской крови... По существу же дѣла, конечно, славянскія земли должны бы были принадлежать славянамъ же». Еще одна характерная черточка въ исторіи этой войны: оказывается, русскіе за все, что брали у поляковъ, расписывались наличными деньгами, хотя у нихъ самихъ этихъ денегъ было оченъ мало, такъ какъ въ армію долго почему-то не высылали денегъ изъ Петербурга, вслѣдствіе чего побѣдители терпѣли во многомъ недостатокъ. Несмотря на это, порядокъ въ завоеванной странѣ не былъ нисколько нарушенъ.

Въ третьей группѣ суворовскихъ войнъ—въ походѣ въ Италію и Швейцарію, — авторъ оставалывается на знаменитой трехдневной битвѣ отряда Суворова съ войсками Макдональда, между конми была очень стойкая дивизія генерала Домбровскаго, составленная изъ поляковъ. Здѣсь опять, вслѣдствіе рокового и крайне прискорбнаго историческаго недоразумѣнія, славяне столкнулись съ славянами же, и бой былъ столь же упорный, какъ и подъ Прагою, хотя и закончился отступленіемъ Макдональда... И въ эту войну русскія войска, предводимыя безсмертнымъ Суворовымъ, отличились блестящими побѣдами, а правительство—своимъ добродушіемъ: мы все время, оказывается, вынимали кантаны изъ огня для двудушной Австрій...

Характеризуя итоги военной дѣятельности Суворова, г. Орловъ приводитъ слѣдующія интересныя цифры: «Въ теченіе 20-ти своихъ походовъ, Суворовъ взялъ у непріятеля 609 знаменъ, 2.670 орудій, 107 морскихъ судовъ, 52.107 человекъ плѣнныхъ. При этомъ, Суворовъ былъ шесть разъ раненъ и подъ нимъ было убито нѣсколько лошадей». И вотъ, этотъ-то военный гений, удивлявшій своею славою и побѣдами цѣлый міръ, позналъ на смертномъ ложѣ, подобно многимъ другимъ людямъ, всю тщету величія и земного бытія, говоря окружающимъ: «Долго гонялся я за славою... Все мечта! Покой души—у престола Всемогущаго!»...

Въ концѣ книги обращаетъ также на себя вниманіе особая статья «Суворовъ и флотъ», въ которой описываются такъ мало извѣстныя большинству русской публики морскія побѣды знаменитаго полководца, одержанныя надъ тѣмъ же турками въ 1773 году, во время первой турецкой войны, а также и во время второй, въ 1787 году, при Екатеринѣ. Этими и объясняется количество 107 «морскихъ судовъ», считающихся въ числѣ трофеевъ Суворова.

L.

**А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи.
Москва. 1902.**

Трудъ Олара давно извѣстенъ всякому, занимающемуся французской революціей. Среди множества сочиненій по исторіи Франціи въ концѣ XVIII вѣка сочиненіе Олара занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ своемъ капитальномъ трудѣ, состоящемъ изъ четырехъ частей (въ русскомъ переводѣ сочиненіе Олара занимаетъ 952 стр.), французскій историкъ изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи и развитіи демократіи и республики въ періодъ отъ 1789 до 1804 г. Онъ выясняетъ, какъ примѣнялись на практикѣ принципы Декларации Правъ, какъ эти принципы осуществлялись въ учрежденіяхъ, какъ понимались они и истолковывались въ рѣчахъ, въ печати, въ дѣйствіяхъ различныхъ партій, въ тѣхъ или иныхъ проявленіяхъ общественнаго мнѣнія. Обыкновенно, при разработкѣ новаго политическаго строя, ссылались на политическую равноправность и верховную власть народа, — на эти два основныхъ принципа указывали, но ихъ различно понимали и различно примѣняли въ разные періоды французской революціи.

Какъ демократія является логическимъ послѣдствіемъ принципа равноправности, такъ и республика была логическимъ послѣдствіемъ принципа верховной власти народа. Оларъ раздѣляетъ исторію демократіи и республики за время французской революціи на четыре періода. Въ первомъ (отъ 1789 до 1792 г.) онъ видитъ возникновеніе демократической и республиканской партій при господствѣ избирательнаго ценза и конституціонной монархіи. Второй періодъ былъ временемъ демократической республики (1792—1795 г.), третій — періодомъ буржуазной республики (1795—1799) и четвертый — періодомъ плебисцитарной республики (1799—1804 г.). «Вмѣсто демократіи», говоритъ Оларъ, «люди 1789 г. установили буржуазный порядокъ, основанный на имущественномъ цензѣ; вмѣсто республики они организовали органическую монархію. Только 10 августа 1792 года, путемъ признанія всеобщаго избирательнаго права, французы установили у себя демократическій строй; только 22-го сентября 1792 г., уничтоживъ монархію, они установили республику. Относительно республиканской формы правленія можно сказать, что она существовала до 1804 г., т. е. до тѣхъ поръ, пока правительство республики не было вручено императору; что же касается демократіи, то она была упразднена еще въ 1795 году, при введеніи конституціи III года; во всякомъ случаѣ она потеряла тогда глубокое измѣненіе, благодаря сочетанію всеобщаго избирательнаго права съ избирательнымъ правомъ, основаннымъ на цензѣ. Сначала у народа потребовали отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного буржуазнаго класса; этотъ буржуазный порядокъ характеризуетъ собою періодъ Директоріи. Затѣмъ потребовали у народа отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного чеговѣка, Наполеона Бонапарта; это былъ періодъ плебисцитарной республики, періодъ Консульства. Раздѣливъ исторію демократіи и республики на періоды, Оларъ выдѣляетъ тѣ факты, которые среди перепутанныхъ огромнаго количества событій оказали очевидное и прямое вліяніе на политическую революцію Франціи.

Къ такимъ фактамъ относятся: политическія учрежденія, система избира-

тельного ценза и монархическій режимъ, всеобщее избирательное право, конституція III года, конституція VIII года, идейное движеніе, подготовившее, установившее и видоизмѣнявшее всѣ эти учрежденія; политическія партіи, ихъ стремленія и ихъ распри, главнѣйшія теченія общественнаго мнѣнія, перевороты въ умахъ общества, выборы, плебисциты, борьба новаго духа съ духомъ прошлаго, новыхъ силъ съ силами стараго порядка, свѣтскаго духа съ клерикальнымъ, рациональнаго принципа свободнаго изслѣдованія съ католическимъ принципомъ авторитета. Въ этомъ, въ сущности, и состояла политическая жизнь тогдашней Франціи. О другихъ фактахъ, имѣвшихъ свое вліяніе, какъ о войнахъ, дипломатическихъ и финансовыхъ актахъ, Оларъ не распространяется. Весь трудъ его состоитъ изъ четырехъ частей. Въ первой части выяснено происхожденіе демократіи и республики, во второй изображена дѣятельность демократической республики, въ третьей — «буржуазной» республики, и въ четвертой — «плебисцитарной». Во всей первой части своего труда Оларъ держится хронологическаго порядка, — иного и нельзя въ данномъ случаѣ держаться, такъ какъ онъ изучаетъ развитіе республиканской и демократической идеи до революціи и послѣ.

По отношенію къ промежутку времени отъ 1789 до 1792 года историку приходилось просто разсказывать о всѣхъ проявленіяхъ демократическихъ и республиканскихъ идей, по мѣрѣ того какъ они встрѣчались, помѣщая ихъ въ рамки сначала конституціонной монархіи, а затѣмъ буржуазнаго порядка. Но что касается остальныхъ трехъ періодовъ, демократической, буржуазной и плебисцитарной республикъ, то было бы трудно излагать одновременно въ той же самой хронологической последовательности какъ исторію политическихъ учрежденій, такъ борьбу партій и всѣ метаморфозы общественнаго мнѣнія; это значило бы внести въ разсказъ ту же путаницу, которая существовала въ самой дѣйствительности, особенно въ періодъ демократической республики. Поэтому Оларъ излагаетъ поочередно, одно за другимъ, каждое изъ этихъ проявленій той же самой политической жизни, какъ бы въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ хронологическихъ серій. Такъ какъ колебанія общественнаго мнѣнія и видоизмѣненія политическихъ учрежденій тѣсно связаны между собою и находятся въ постоянномъ соотношеніи; то онъ указываетъ на эту связь всякій разъ, когда это представляется необходимымъ.

Болѣе двадцати лѣтъ работалъ Оларъ надъ своимъ трудомъ, перечитавъ всѣ законы революціонной эпохи, всѣ вліятельныя газеты того времени, переписку, пренія, политическія рѣчи, протоколы выборовъ. Матеріалъ, на которомъ построено изслѣдованіе его, — колоссальный. Но авторъ вездѣ остается объективнымъ, вездѣ онъ историкъ, а не публицистъ.

«Ошибочно думать, чтобы французская революція была совершена нѣсколькими выдающимися личностями, нѣсколькими героями», — таковъ одинъ изъ заключительныхъ выводовъ историка. Героемъ революціи былъ народъ, не въ видѣ безформенной массы, а въ видѣ организованныхъ группъ. Политической и социальной программой республиканцевъ было просвѣщеніе народа, борьба съ этимъ просвѣщеніемъ составила одинъ изъ пунктовъ программы Наполеона. Оларъ, далѣе, развиваетъ и ту мысль, что люди, дѣйствовавшіе въ эпоху рево-

люди, вовсе не были «гигантами», выдающимся поколѣніемъ, это поколѣніе было не ниже и не выше средняго. Наиболѣе сильный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, заключается въ устраненіи двусмысленности толкованія словъ—великая французская революція. Она представляетъ собою какъ бы политическій и соціальный идеалъ, къ осуществленію котораго Франція стремилась, а историки смѣшивали этотъ идеалъ или съ его практическимъ применением, или съ событіями, вызванными врагами этого идеала, съ цѣлью упрядненія или замаскированія его.

Императорскій деспотизмъ остановилъ революцію, отбѣтилъ собою отступленіе въ сторону принциповъ стараго порядка, упряднилъ временно свободу, уничтожилъ отчасти равенство. Но эта разрушительная работа коснулась скорѣе политическихъ, чѣмъ соціальныхъ результатовъ революціи. Сохраненіе этихъ соціальныхъ результатовъ появилось въ обладаніи національными имуществами и въ гражданскихъ законахъ, сведенныхъ въ кодексъ, хотя и менѣе эгалитарный, чѣмъ какой былъ задуманъ конвентомъ, но во всякомъ случаѣ бесконечно болѣе гуманный и разумный, чѣмъ кодексы стараго порядка, обладавшій, кромѣ того, тѣмъ преимуществомъ, что онъ былъ одинаковымъ для всей Франціи; оно проявилось въ функционированіи революціонныхъ законовъ о наследствѣ, словомъ, во всемъ этомъ кодексѣ, принятомъ почти всей Европой. Этимъ именно и объясняется, почему послѣ паденія Наполеона Бонапарта, когда соціальныя результаты революціи осаривались роялистами, вернувшимися изъ эмиграціи, этотъ человекъ, сдѣлавшій все, что только онъ могъ сдѣлать для разрушенія политическихъ результатовъ революціи, сталъ казаться человекомъ революціонной эпохи и могъ говорить о себѣ, какъ о таковомъ. Переводъ сочиненія Огара сдѣланъ прекраснымъ языкомъ, издана книга хорошо.

А—въ.

Феликсъ Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1902.

XVIII вѣкъ во Франціи былъ временемъ необыкновеннаго развитія общественнаго духа, развивающагося въ оппозиціи противъ церкви и королевской власти и расширившаго объѣмъ главныя опоры прежняго государственнаго строя. Послѣ замѣчательнаго сочиненія Тэна о старомъ порядкѣ, гдѣ немало мѣсто удѣлено характеристикѣ оппозиціоннаго духа предъ революціей, книга Рокэна занимаетъ выдающееся мѣсто, какъ по богатству новаго матеріала, такъ и по талантливому освѣщенію этого пелегко поддающагося анализу матеріала. Рокэнъ пользовался всевозможными дневниками, напимѣръ, неизданными текстами дневниковъ Реньо и Гарди, а иногда художественно воспроизводилъ картинны старрой Франціи.

Въ своемъ трудѣ Рокэнъ показываетъ, какъ началось броженіе общественной мысли, какъ оппозиціонный духъ постепенно развивался и обращался въ духъ революціонный, и какъ проявленія послѣдняго шли съ возрастающей силой вплоть до 1789 года. Основнымъ источникомъ для него послужили многочисленные произведенія литературы, относящіяся къ этому періоду времени,

и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя въ свое время обращали на себя вниманіе властей и подвергались преслѣдованію. Въ XVIII вѣкѣ книга служила органомъ выраженія общественнаго мнѣнія, правительство боролось противъ книги.

Если, вопреки законамъ о книгопечатаніи, воспрещавшимъ издавать что бы то ни было безъ разрѣшенія, появлялись сочиненія, возбуждавшія опасенія или навлекшія на себя гнѣвъ правительства, то послѣднее не ограничивалось преслѣдованіемъ авторовъ и книгопродавцевъ. Постановленіемъ государственнаго совѣта, парламента, иногда верховнаго совѣта или Шателэ, книга объявлялась изъятой изъ обращенія, что влекло за собою истребленіе всѣхъ появившихся экземпляровъ. Часто сочиненія осуждались на сожженіе, и въ такомъ случаѣ приговоры, равносильный осужденію на позорное наказаніе, исполнялся черезъ палачей. Приговоры этого рода обыкновенно постановлялись парламентомъ. У подножія главной лѣстницы зданія парламента складывался костеръ въ присутствіи главнаго секретаря и двухъ приставовъ, книга раздиралась и бросалась въ огонь. Такія ауто-да-фэ, послѣдїе той варварской эпохи, когда выѣтъ съ книгою сжигался и авторъ, продолжались вплоть до самой революціи.

Въ своихъ изысканіяхъ авторъ пользовался и самими произведеніями и состоявшимися по нимъ постановленіями. Послѣднія вывѣшивались, провозглашались по улицамъ и были почти всегда подробно мотивированы. Въ особенности парламентскіе приговоры неизмѣнно сопровождались обвинительными актами, въ которыхъ выставлялось на видъ направленіе инкриминируемой книги, и приводились изъ нея выдержки, изобличавшія ея дерзость и въ большинствѣ случаевъ исчерпывавшія все, что возбуждало въ ней интересъ общества. Эти рѣдкія книги хранятся въ національныхъ архивахъ, и Рокэнъ впервые пользуется ими изъ всѣхъ историковъ.

Свое изслѣдованіе Рокэнъ начинаеть съ характеристики оппозиціоннаго духа въ началѣ регентства, когда оппозиція еще не выходила изъ области религіознаго вопроса. Во время министерства герцога Вурбона и Флери (1724—1733 г.) оппозиція охватила низшее духовенство, магистратуру, буржуазію и народъ, превратившись изъ религіозной въ политическую. Еще болѣешихъ успѣховъ достигла оппозиція во время правленія Людовика XV, когда духъ оппозиціи превращается въ революціонный. Наконецъ, царствованіе Людовика XVI, послѣ надеждъ, возбужденныхъ новымъ королемъ, привело къ катастрофѣ. Рокэнъ даетъ рядъ блестящихъ страницъ быта, нравовъ, настроенія умовъ. При Неккерѣ шла энергичная проаганда революціонныхъ идей въ книгахъ и журналахъ, но правительство не замѣчало этого. Безплодныя интриги и странное ослѣпленіе духовенства, дворянства, создавали цѣлую стѣну между надвигавшимися событіями и правительствомъ.

Дворъ представлялъ собою не менѣе печальное зрѣлище. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, господствовали интриги. Высшее дворянство, какъ и при Людовикѣ XV, соперничало другъ передъ другомъ въ тщеславіи и жадности. Изъ-за полученія мѣстъ и разныхъ королевскихъ милостей шла самая отчаянная борьба, которая не прикрывалась даже и соблюденіемъ вѣщнаго достоинства.

Подъ влияніемъ все болѣе распространенныхъ философскихъ идей, этикетъ который еще умѣлъ поддерживать Людовикъ XV, теперь утратилъ всю свою строгость. Иностранецъ, появившійся въ Версаль, лишь съ трудомъ иногда отличалъ короля отъ его окружающихъ. Графъ д'Артуа, проходя мимо короля, обращался съ нимъ въ высшей степени непочтительно, толкалъ его и чуть не наступалъ ему на ноги. Сама королева первая отбросила всякія, стѣснявшія ее, церемоніи и допускала такую фамильярность по отношенію къ себѣ, которая являлась оскорбленіемъ, какъ ея лично, такъ и короны. Не соблюдая никакихъ приличій, она отличала своимъ расположеніемъ людей самой сомнительной репутаціи. «Плохая репутація и всякіе позорные поступки какъ будто даютъ особья права на то, чтобы быть допущеннымъ въ высшее общество», — сказала ей однажды аббатъ Вермонъ, и при этомъ непрерывный рядъ празднествъ и развлеченій, которымъ она отдавалась съ какою-то лихорадочностью, увлекала за собой всю эту шумную толпу придворныхъ, производившую на строгого и серьезнаго графа де-Мерси впечатлѣніе «вихря испорченности». Несмотря на то, что азартныя игры были запрещены во всемъ королевствѣ, въ Версали, въ Фонтенебло и въ Марли играли въ ланскнехтъ или въ фараонъ до четырехъ часовъ и пяти утра. И мало того, что игра велась вопреки закону, она еще велась и неестно. Такимъ образомъ, лишенный всякаго вышшняго декораума, дворъ Людовика XVI, хотя и не столь безразличный, какъ при предыдущемъ царствованіи, былъ уже больше не дворомъ, а «притономъ раснущенной шайки».

Собраніемъ нотаблей и созывомъ генеральныхъ штатовъ закончились всѣ ожиданія общества, и настала революція. Авторъ даетъ въ концѣ своего интереснѣшаго труда списокъ книгъ, подвергнувшихся осужденію съ 1715 по 1786 годъ.

П. А.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ III. Изданіе А. М. Пантелѣва. Спб. 1902.

Кромѣ книги Эдмеса и Кенингема, дающей описаніе государственнаго устройства Швейцаріи, а также Курти (Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи) на русскомъ языкѣ ничего больше не имѣется по исторіи Швейцаріи. Недавно вышедшій третій и послѣдній томъ сочиненія Ванъ-Мюйдена очень кстати пополняетъ этотъ важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. О первыхъ двухъ томахъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» былъ данъ отзывъ. Былъ указанъ и главный недостатокъ этого большого труда—слабое освѣщеніе культурно-соціальной исторіи Швейцаріи и поверхностное отношеніе къ литературѣ, гдѣ идетъ о ней рѣчь. Тѣми же чертами, конечно, отличается и послѣдній томъ этого сочиненія. Такъ, болѣе чѣмъ слабы «общія соображенія» Ванъ-Мюйдена, которыми открывается настоящій томъ. Въ этихъ соображеніяхъ находимъ нѣсколько фразъ о причинахъ и результатахъ французской революціи. Фразы эти ничего новаго не скажутъ среднему читателю, т. е. вовсе не разъяснятъ ни причинъ ни слѣдствій революціи во Франціи. А между тѣмъ, для историка швейцарскаго народа во-

прость о вліяніи Франціи на Швейцарію—первостепенный, такъ какъ революція французская послужила могучимъ толчкомъ для гельветской революціи. Авторъ остроумно сближаетъ ту и другую революціи, находя въ нихъ много общаго. Оба эти крупныхъ движенія были благодѣтельнымъ кризисомъ страны. Революція въ Швейцаріи заставила страну порвать съ прошлымъ. «Какъ и французская революція, она была преждевременна; люди, взявшіе на себя управленіе движеніемъ, опередили свою эпоху, провозглашенныя ими точки зрѣнія были преждевременны; хотя они не запытали себя преступленіями и бесполезными жестокостями, ихъ образъ дѣйствія былъ тѣмъ не менѣе самовольный: они оскорбили общественное чувство и, благодаря своей безразсудной дерзости, открыли путь для реакціи не замедлившей воспослѣдовать». Историкъ подробно знакомитъ читателя со всеми важными подробностями гельветской революціи, съ основаніемъ гельветской республики и съ устройствомъ Швейцаріи на вѣнскомъ конгрессѣ. На договоръ, вступившій въ силу 7 августа 1815 г., Ванъ-Мюнденъ смотритъ, какъ на «феодальный» договоръ, бывшій одною изъ наиболѣе неразработанныхъ хартій. «То была не столько конституція», говоритъ онъ, «сколько союзный договоръ, заключенный между равноправными государствами во имя общей безопасности ихъ» (15 стр.). Такихъ неопредѣленныхъ формулъ и опредѣленій можно немало найти у Ванъ-Мюндена, и онъ, въ данномъ случаѣ, лишь раздѣляетъ далеко не научное мнѣніе о «феодальныхъ» договорахъ... въ XIX вѣкѣ. Понятіе «феодальный» имѣло вполне опредѣленный смыслъ для опредѣленнаго лишь времени и даже для извѣстныхъ лишь государствъ. Правда, Масперо находилъ феодализмъ даже въ Египтѣ—но въ этомъ и заключается слабость его построенія.

Послѣ 1815 г. въ Швейцаріи началось пробужденіе національнаго духа, выразившееся введеніемъ демократическаго образа правленія въ разныхъ кантонахъ, а также образованіемъ либеральной, радикальной и ультрамонтанской партій. Описавъ февральскую конституцію 1848 г. и выяснивъ довольно точно назначеніе федеральныхъ властей, Ванъ-Мюнденъ даетъ характеристику конституціи 1874 г., чѣмъ и заканчивается вѣтшая исторія Швейцаріи. Последняя глава, какъ и въ предыдущихъ томахъ аналогичная ей,—очень слаба. Поверхностно, весьма не ярко и скучно изображено умственное движеніе въ XIX вѣкѣ. На это отведено всего лишь 25 стр., и кромѣ перечня именъ съ указаніемъ нѣкоторыхъ датъ книга ничего не даетъ. Къ періоду, сдѣланному болѣе тщательно, чѣмъ первые тома, приложены 6 рисунковъ (5 портретовъ и одинъ видъ Цюриха въ XVIII в.).

В.

Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901.

Названное сочиненіе есть первый опытъ исторіи грузинской церкви и экархата за XIX столѣтіе и принадлежитъ перу епископа Киріона. Авторъ пользовался неразобранными еще архивными документами и имѣлъ въ виду намѣтить проявленія религіозной жизни за періодъ, послѣдовавшій со дня присоединенія грузинскаго царства къ Россіи. Настоящая книга заключаетъ пре-

дисловіе, введеніе (церковно-политическія сношенія Грузіи съ единовѣрною Россіей) и пять главъ изложенія. Первая глава разсматриваетъ измѣненія, которымъ подверглись устройство и управленіе грузинскою церковью съ 1801 г., вторая обнимаетъ церковное управленіе въ западной Грузіи (имеретинскій католикосатъ); третья посвящена миссіонерской дѣятельности (среди осетинъ, несторіанъ, абхазцевъ, дѣятельность епископа Гавріила); четвертая занята обзоромъ духовно просвѣтительной дѣятельности экзархата (открытіе школъ грамоты, духовныхъ училищъ и семинарій, печатаніе книгъ и прочее); наконецъ, пятая заключаетъ мѣры къ улучшенію быта духовенства и дальнѣйшее развитіе церковно-религіозной жизни. Наиболее цѣнной частью въ этомъ интересномъ трудѣ являются свѣдѣнія, заимствованныя изъ архивныхъ документовъ и выясняющія различныя стороны церковной жизни Грузіи за сто послѣднихъ лѣтъ. Историческія экскурсіи, предпринимаемыя авторомъ для полноты того или другого вопроса, придаютъ книгѣ цѣльность и связываютъ преемственною нитью прошлое и настоящее грузинской церкви. Изъ портретовъ, которыми снабжена книга, наименѣ рѣдкими въ изданіяхъ можно считать портреты преосвященнаго Гаіоза, просвѣтителя осетинъ, грузинскаго историка-археолога Пл. Юсселиани и перваго экзарха Варлаама (изъ князей Эрнстовыхъ). Слабая сторона этого труда находится въ связи съ современнымъ состояніемъ грузинологіи. Поэтому нѣкоторыя утвержденія изслѣдователя, напримѣръ, объ отношеніяхъ иверійской церкви къ константинопольской и антиохійской, а также вопросъ о времени автокефалии въ Грузіи требуютъ спеціальной разработки и пересмотра существующихъ по этимъ пунктамъ разнообразныхъ мнѣній. Фактическая сторона исторіи церкви за XIX вѣкъ въ Грузіи представлена съ такой полнотой, которая впоследствии потребуеетъ лишь немного дополненій. Словомъ, названная работа одно изъ полезныхъ изданій, появившихся по поводу столѣтней годовщины присоединенія Грузіи къ Россіи.

А. Хахановъ.

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyshev. Volumen quartum. Petropoli MDCCCXI. (Древнія греческія и латинскія надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря. По порученію и на средства императорскаго Русскаго археологическаго общества издалъ Василій Латышевъ. Томъ четвертый. Спб. 1901).

Первые два тома настоящаго труда появились въ 1885 и 1890 гг. и, какъ видно изъ добавленій и поправокъ къ нимъ, приложенныхъ къ настоящему тому, отнюдь не прошли незамѣченными не только въ русской, но главнымъ образомъ въ западной ученой литературѣ: филологи и историки Германіи, Австріи, Франціи, Греціи и Италіи неоднократно пользовались изданіями г. Латышева для своихъ трудовъ. А весьма сочувственные отзывы, какъ спеціально критическіе, такъ и высказанные случайно въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, показали, что уже въ 1885 г. издатель греческихъ и латин

скихъ надписей, находимыхъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, былъ опытнымъ эпиграфистомъ; по изданіи же 2-го тома г. Латышевъ получилъ небывалую до селѣ и единственную пока для русскихъ филологовъ честь; былъ избранъ въ члены-корреспонденты Берлинской академіи наукъ. Третьяго тома сборника надписей пока еще не выходило въ свѣтъ. По первоначальному плану изданія онъ долженъ содержать надписи на разнаго рода утвари, главнымъ образомъ на вазахъ, и опубликованіе его поручено императорскимъ Русскимъ археологическимъ обществомъ Евг. М. Придику. Въ настоящемъ томѣ собраны многочисленныя (478) древнія надписи найденныя за періодъ съ 1885 г. до самаго послѣдняго времени. Наибольшая часть ихъ добыта изъ Херсонеса Таврическаго, гдѣ съ 1888 г. найдено болѣе 130 эпиграфическихкихъ документовъ. Размѣщены надписи, какъ и въ предшествующихъ томахъ, сперва по древнимъ мѣстностямъ, къ которымъ принадлежатъ, а затѣмъ по однородности содержанія. Каждая надпись напечатана двумя прифигамъ: эпиграфическимъ и минускульнымъ; съ болѣе важныхъ документовъ приложены цинкографическіе снимки. Нечего и говорить, что ко всякой надписи приложено объясненіе, въ которомъ указываются мѣсто находенія документа и тщательное описаніе его внѣшности, и толкуется его содержаніе. Комментарій издателя, въ общемъ кратки, такъ какъ большинство помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ надписей было опубликовано уже ранѣе, по мѣрѣ ихъ находенія, преимущественно самимъ В. В. Латышевымъ, а отчасти и другими лицами, въ матеріалахъ по археологій Россіи, издаваемыхъ императорской археологической комиссіей, «Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества», «Запискахъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей» и нѣкоторыхъ другихъ изданій. Размѣры и назначеніе настоящей записки не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на богатомъ содержаніи труда г. Латышева и выяснить все огромное значеніе, какое имѣеть онъ для классической филологіи вообще и для исторіи нашего юга въ частности. Поэтому я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые документы, наиболѣе важныя и интересныя. На первомъ планѣ безспорно слѣдуетъ поставить (№ 79) открытую въ 1890—91 и 99 гг. присягу гражданъ Херсонеса Таврическаго на вѣрность конституціи своего государства, весьма важный памятникъ какъ для исторіи и устройства Херсонеса въ III в. до Р. Хр., такъ и для уясненія практическихъ взглядовъ гражданъ того времени на ихъ обязанности по отношенію къ государству. Надпись эта послѣ ея первой публикаціи вызвала уже болѣе 10 специальныхъ изслѣдованій въ ученой литературѣ Запада. Важней также для исторіи Херсонеса новый отрывокъ отъ найденнаго въ 1878 г. постановленія въ честь полководца цари Митридата VI, Эватора-Діофанта, воевавшаго противъ скифовъ (№ 66). Любопытенъ извлеченный изъ моря жертвенникъ (IV или III в. до Р. Хр.) Ахиллу, очень высоко чтимому среди грековъ Эвксинскаго пошта (№ 63). Интересна латинская надпись подъ № 94, свидѣтельствующая о томъ, что центромъ римской военной оккупациіи Крыма во II вѣкѣ по Р. Хр. былъ Херсонесъ. Въ связи съ этимъ въ № 464 впервые дается указаніе, что въ послѣдній десятилѣтія IV в. по Р. Хр. Херсонесъ былъ подчиненъ римской власти и былъ занятъ отрядомъ военнаго трибуна Флавія Вига, который, между прочимъ,

принимать действительное участие въ сооруженіи городскихъ стѣнъ. Изъ документа № 194 узнаемъ, что Старый Крымъ имѣлъ торговое значеніе уже въ первые вѣка нашей эры. На основаніи № 434 издатель почти съ наглядной убѣдительностью доказываетъ, что древняя Горгиннія лежала на мѣстѣ теперь ищущей Анапы. № 460, къ сожалѣнію, далеко не полный, впервые указываетъ, какъ далеко могли древніе стрѣлять изъ лука. Названный тамъ грекъ Анаксагоръ пустилъ на состязаніи стрѣлу на разстояніе 521,6 метр. Наконецъ, любители греческаго языка и поэзіи съ удовольствіемъ прочтутъ нѣсколько стихотворныхъ надгробій, отличающихся своей поэтичностью и задушевностью тона (таковы №№ 136, 219, 256, 318 и 391). Для большей полноты своего труда В. В. Латышевъ счелъ нужнымъ прибавить къ нему и подложныя надписи, фабрикованныя, къ сожалѣнію, одно время довольно усердно и продававшіяся при содѣйствіи еврейскихъ торговцевъ, главнымъ образомъ братьевъ Гохмагъ. Весь текстъ сборника написанъ на латинскомъ языкѣ, какъ международно-научномъ. На этомъ же языкѣ публикуетъ, какъ извѣстно, свое колоссальное изданіе греческихъ и римскихъ надписей Берлинская академія наукъ. И если, какъ это ни грустно, прекрасный трудъ академика Латышева найдетъ себѣ, въ силу особыхъ условій нашего просвѣщенія, на Западѣ и болѣе читателей, и болѣе цѣнителей, то все же появленіе настоящей книги не должно пройти незамѣченнымъ и у насъ, такъ какъ это изданіе — гордость нашей науки.

А. М.—въ.

Г. Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва, 1902.

Рабство въ экономической жизни человѣчества играло громадную роль не только въ отдаленныя времена, но не менѣе важное значеніе имѣло оно въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и въ началѣ XIX столѣтія. Въ настоящее время промышленная жизнь покоится на свободномъ трудѣ. Какимъ образомъ совершился подобный поворотъ, будетъ понятно только послѣ того, какъ будутъ выяснены условія, необходимыя для успѣха рабства, какъ хозяйственной системы, и противоположныя условія, при которыхъ рабскій трудъ долженъ быть вытѣсненъ свободнымъ трудомъ. Вотъ отысканіемъ этихъ условій и занялся специально Нибуръ. Но уже съ первыхъ строкъ авторъ снѣшить ограничить свое изслѣдованіе рамками «этнологическаго» и пользуется только этнографическимъ матеріаломъ.—описаніями различныхъ системъ хозяйства у дикихъ племенъ.

Приступая къ научному изслѣдованію Нибуръ очень дорожитъ точной терминологіей, а потому посвящаетъ цѣлую главу тому, чтобы заранѣе условиться съ читателемъ, что онъ будетъ понимать подъ словами «рабъ» и «рабство». Конечно, новаго онъ не ищетъ, но изъ этихъ понятій старается исключить тѣ жизненныя явленія, къ которымъ въ обыденной жизни очень часто присоединяются эти слова—приниженное положеніе женщины, дѣти, подчиненныя власти главы семьи, крѣпостное право, отданные въ кабалу и нѣкоторыя другіе. Такое усло-

віе имѣеть то громадное значеніе, что при классификаціи матеріала къ рабамъ относились строго опредѣленныя группы.

Далѣе, сдѣлавъ географическое распредѣленіе дикихъ народовъ, имѣющихъ рабовъ, Нибуръ, приступаетъ, наконецъ, къ изслѣдованію рабства по культурамъ хозяйства. Вслѣдствіе ограниченности матеріала и выводы изъ его изслѣдованія получились двоякаго рода. Одни изъ нихъ примѣнимы только къ дикарямъ и совершенно не пригодны для уясненія хозяйственныхъ отношеній у цивилизованныхъ народовъ, наприимѣръ, «что кочевыя племена менѣе склонны держать рабовъ, чѣмъ осѣдлыя» (по цивилизованные и даже получивилизованные народы не ведутъ кочевой жизни); другіе—имѣютъ болѣе общезначеніе, наприимѣръ «что рабство обыкновенно не существуетъ тамъ, гдѣ вся земля считается чьей нибудь собственностью». Вообще же какихъ нибудь болѣе опредѣленныхъ конечныхъ результатовъ своего изслѣдованія не видитъ и самъ авторъ. Вопросъ объ экономическомъ значеніи рабства такъ великъ и такъ тѣсно связанъ съ другими вопросами (происхожденіе рабовъ, положеніе ихъ и т. д.), что разрѣшеніе его въ предѣлахъ какихъ нибудь рамокъ едва ли является возможнымъ. Такъ видимо понимаетъ это и авторъ, ибо въ заключеніе говоритъ о вѣсѣхъ тѣхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ должно пріимитъ сибѣтъ на этотъ предметъ. Къ концу книги авторъ приложилъ библиографическій указатель книгъ по интересующему его вопросу; указатель составленъ болѣе чѣмъ добросовѣстно.

Издана книга довольно порядочно, но переводъ г. Максимова мѣстами наводитъ грусть и уныніе на читателя. I.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV-го вѣка. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1902.

Книжка содержитъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Сверхъ заглавной новеллы, въ нее входитъ другая такая же: «Наука любви», далѣе — хрѣстка XVI-го вѣка «Микель Анджело» и «Святой Сигиру», флорентійская легенда Анатоля Франса, съ мастерствомъ переданная на русскій языкъ авторомъ классическаго перевода «Дафниса и Хлон». Уже съ давняго времени г. Мережковскій насаждаетъ въ Россіи маленькіе сады Адониса, или, что то же, пытается пробудить какой возможно «Renaissance» эллино-римскаго міра среди степей Московіи и Скиѣи. Одно можно отмѣтить, что чѣмъ старіе становится авторъ, тѣмъ спокойнѣе, увѣреннѣе, а главное—сложнѣе онъ работаетъ, переставъ, наприимѣръ, относиться къ христіанству съ той поверхностною отрицательностью и глумленіемъ, какія неприятно поражали читателя въ его «Юліанъ Отступникъ». Нельзя и сравнивать стиль или слогъ его теперешнихъ писаній, ровный и твердый, съ тѣмъ нервно-приподнятымъ, безсильно-надтреснутымъ стилемъ, каковыя написаны многія изъ его страницъ начала девяностыхъ годовъ. Мальчикъ вырастаетъ въ мужа, изъ «Амура» вылунился «Адонисъ», и это совершилось такъ удачно и быстро, что друзьямъ автора можно помечтать даже о будущемъ Геркулесѣ изъ него. Да поможетъ ему древняя Люцина, помощница въ родахъ. Возростъ-

великій умудритель. Ни изъ какой книги не научится тому, чему можно научиться изъ горба за спиною, т. е. изъ усталости, опыта, богатства наблюденій. Все это расхолаживаетъ и вмѣстѣ укрѣпляетъ, даетъ правильную поступь, вѣрный глазъ: цѣлнѣйшія качества въ наше не молодое время, которое безконечно скучаетъ всѣмъ юнымъ въ смыслѣ неопытности и лже-приподнятости страстей и языка. Серьезная правда болѣе и болѣе выдѣляется изъ многочисленныхъ «лже» г. Мережковского, изъ «лже»-эллинизма, «лже»-нищезанятства, «лже»-антихристіанства: и всѣ начинаютъ серьезнѣе и серьезнѣе слушать рѣчь просто Мережковского, самого Мережковского. Просто Мережковский несравненно любознательнѣе Ницше—Мережковского, который довольно долго утомлялъ русскую публику. Теперь онъ находитъ въ себѣ мудрыя слова о христіанствѣ; онъ находитъ подлинно-уязвимыя слабости въ Ницше, напримѣръ, указывая въ первомъ «сверхъ-человѣкѣ» потомка слабохарактерныхъ и крикливыхъ «ляховъ», который нище всего рвется къ тому именно, чего ему усиленно недостаетъ... Увы, всѣ чахоточные любятъ весну и розы. Но ошибется тотъ смертный, который доверитъ повести себя къ розамъ и солоньямъ чахоточному...

Мережковский—мыслитель, наблюдатель и ученый. Онъ вѣчно учится, постоянно и много читаетъ. Это не часто встрѣчается въ нашъ лѣтний вѣкъ, и уже однимъ усердіемъ къ дѣлу г. Мережковский скоро переростетъ множество самодовольныхъ «талантовъ» изъ своихъ современниковъ, которые думаютъ, что подлинному таланту остается только сочинять *chefs d'oeuvres*'ы. Цѣлнѣйшая и самая обѣщающая сторона въ сложномъ дарованіи г. Мережковского, мнѣ кажется, лежитъ въ умѣнн увидѣть и точно оцѣнить значеніе такого-то слова или факта въ литературѣ и исторіи: оцѣнить ихъ со стороны психологической и метафизической. Нѣтъ еще такого чуткаго манометра въ нашей литературѣ, опредѣляющаго удѣльный вѣсъ мифній и событий; такого подвижно-чуткаго компаса, опредѣляющаго направленія скрытыхъ въ землѣ магнитныхъ токовъ. Отъ излишества внутренняго напряженія онъ способенъ здѣсь къ ошибкамъ, на которыхъ не будетъ настаивать; но затѣмъ можетъ раньше всякаго другаго дать формулу незамѣтному, предрѣчь пораженіе сейчасъ еще сильнаго явленія или побѣду еще слабаго явленія. Роль Кассандры ему въ высшей степени пріеуща...

Въ разсматриваемой книжкѣ самымъ лучшимъ произведеніемъ намъ показала историческая повѣсть «Микель-Анджело», предшествуемая стихотвореніемъ того же имени. Италію и Renaissance авторъ изучилъ, какъ Забѣлннъ московскіе закоулки; и студентъ, студентка, размысливающій гимназистъ, какъ и самый образованный человѣкъ неспециалистъ, равно приобретутъ много, если изберутъ г. Мережковского «гидомъ» по интересной странѣ и интереснѣйшей эпохѣ. Къ тому же это не гидъ-археологъ, а гидъ-мыслитель, и въ самой Италіи и Renaissance онъ не беретъ все, что на глаза попадается, а ищетъ то, что нужно, справедливо чужа, что нѣтъ великаго безъ великихъ подъ нимъ тайнъ, и что секретъ распознаванія исторіи и человѣка и заключается въ разыскываніи этихъ тайнъ... Древніе вѣрили, что гдѣ-то, въ Сициліи или другомъ мѣстѣ, есть «спускъ въ тартаръ»; вотъ около такихъ историческихъ и биогрфическихъ «спусковъ» любитъ бродить и Мережковский, и догадливый чита-

тель найдеть въ его произведеніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ не догадливый (напримѣръ, стр. 116—117). Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело, творцы-философы, творцы-исполнны, болѣе всего привлекаютъ его вниманіе. Разсказы г. Мерзжковскаго (стр. 52—148) о Микель-Анджело въ сжатой и изящной формѣ полу-исторіи, полу-беллетристики, вводятъ въ жизнь, творчество, замыслы и судьбу знаменитаго флорентинца, любимца итальянцевъ, какъ я наблюдалъ въ Италіи въ церквахъ, въ монастыряхъ, въ любовномъ возвышеніи ему статуи и набожномъ охраненіи (я видѣлъ въ одномъ монастырѣ) какой нибудь простой (но дѣйствительно изящной) перекладки двухъ-трехъ желѣзныхъ прутьевъ надъ колодезъ. «Это сдѣлано Микель-Анджело». И въ самомъ дѣлѣ — что-то красивое, воздушное. Такъ обрывки стихотвореній Лермонтова, не конченные, цѣныя цѣлыхъ «здуманныхъ, выполненныхъ и благополучно оконченныхъ» поэмъ другихъ стихотворцевъ. Въ талантѣ содержится нѣкоторое чудо, и этия чудомъ былъ богатъ флорентинецъ, дѣйствительно точно украсившій Италію всюду разбросанными имъ скульптурами, зданіями и картинами. «Моисей», Сикстинская капелла (вся въ цѣломъ) и куполь св. Петра—просто невѣроятнo, чтобы это вышло изъ рукъ одного человѣка. Кто можетъ представить соединенными въ одной фигурѣ, въ одной душѣ—Толстого, Чайковскаго и Менделѣева? А такими-то и были кентавры Возрожденія, «боги» Возрожденія, къ которымъ примѣнно удивленное изреченіе грековъ о Пинагорѣ: «ювь пришелъ къ намъ οὗτος Θεος, οὗτος ἀνθρωπος ἀλλὰ Πυθαγόρας». «Οὗτος ἀνθρωποι, ἀλλὰ Θεοί» были и люди «Возрожденія»,—точно выкопанные изъ силлава христіанства и язычества, металла новаго и превосходнаго крѣпостью и красотой своихъ ингредиентов...

Мало у насъ писателей, столь умственно-возбужденныхъ, какъ г. Мерзжковский, вѣчно ищущій, надѣющійся, идущій впередъ. И мы бы особенно хотѣли, чтобы въ наше вообще умственно-возбужденное время онъ сталъ другимъ-мыслителемъ нашей мыслящей молодежи обоихъ половъ. Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько строфъ автора, характеризующихъ Микель-Анджело:

За міромъ міръ ты создавалъ, какъ Богъ,
 Мучительными силами удрученный,
 Петерблливъ, угрюмъ и одинокъ.
 Но въ исполненскихъ глыбахъ изваяній,
 Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ
 Осуществить чудовищныхъ мечтаній,
 И, красоту безмѣрную любя,
 Порой не успѣвалъ кончать созданій.
 Упорный камень молотомъ дробя,
 Испытывалъ лишь ярость, уголенія
 Не зная во вѣкъ,—и были у тебѣ
 Отчаянью подобны вдохновенія:
 Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
 Являютъ намъ могучія творенія
 Страданій человѣческихъ предѣлы.

Не правда ли: это полно, точно и психологично. Книжка издана новою московскою книгоиздательскою фирмою «Скорніонъ» очень изящно, съ пріятною виньеткой.

В. Розановъ.

**«Исторія польской артиллеріи» (Historya artylerji polskiej),
Константина Гурскаго. Варшава. 1902.**

Авторъ «Исторіи польской пѣхоты и кавалеріи» Константинъ Гурскій скончался 2-го января (н. ст.) 1898 года, и некрологъ о немъ былъ въ свое время помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

По желанію умершаго всѣ его посмертныя рукописи и замѣтки переданы были извѣстному польскому историку Фаддею Корзону. Рукописи эти составили не вполне еще приготовленную къ печати «Исторію польской артиллеріи». Въ настоящее время издательство варшавской «Кассы помощи для лицъ, трудящихся на научномъ поприщѣ, имени Мяновскаго» выпустило въ свѣтъ это единственное по данному предмету въ польской литературѣ сочиненіе.

Несомнѣнно существовавшій, какъ это доказываетъ авторъ, особый архивъ польской артиллеріи гдѣ-то затерялся. К. Гурскій не исключаетъ возможности того, что онъ гдѣ либо хранится въ частныхъ рукахъ, самые же тщательные его поиски въ общественныхъ архивахъ и бібліотекахъ были безрезультатны. Благодаря этому, исторія польской артиллеріи могла быть восстановлена лишь на основаніи общихъ военныхъ архивныхъ матеріаловъ, почерпнутыхъ между прочимъ изъ бібліотекъ Чарторыжскихъ и Красинскихъ, матеріаловъ, до сихъ поръ не использованныхъ никѣмъ.

Эти источники доходятъ до половины XIV столѣтія, впрочемъ, не безъ весьма существенныхъ пробѣловъ, наиримѣръ, охватывающихъ собою все царствованіе Яна Собѣскаго. Исторія артиллеріи доведена до 1792 года. Матеріалы, касающіеся времени послѣдней борьбы Польши до третьяго ея раздѣла, съ которыми Гурскій не успѣлъ ознакомиться, тщательно обработаны Ф. Корзономъ въ его «Внутренней исторіи Польши времени Станислава Августа» (Wewnstrze dzieje Polski za Stanislaw Augusta).

Примѣчанія, составляющія почти половину книги К. Гурскаго, представляютъ собою цѣнный сводъ архивныхъ выписокъ, касающихся даннаго предмета.

Разборъ «Исторіи артиллеріи» не можетъ быть цѣлью нашей библиографической замѣтки. Добросовѣстно разобраться въ разнообразномъ матеріалѣ книги можетъ только специалистъ и въ добавокъ знакомый съ военными архивами. Во всякомъ случаѣ бѣглаго взгляда достаточно, чтобы видѣть, что это только тщательно собранные обрывки «Исторіи польской артиллеріи». Большая половина книги писана уже на смертномъ одрѣ, и поэтому пробѣлы зашпательны поверхностно и неуверенно. Впрочемъ это едва ли не достоинство. Излишняя самоуверенность при возстановленіи того, вѣроятно, никогда уже возстановлено съ полною точностью не будетъ, повела бы лишь къ истребленію книги путаницей гипотезъ и догадокъ, къ которымъ обыкновенный читатель не имѣлъ бы возможности отнестись въ надлежащей степени критически.

И. К.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ подѣ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V. Спб. 1901.

Въ V-мъ томѣ соч. Бѣлинскаго изданныхъ подѣ редакціей С. А. Венгерова собраны статьи и рецензіи Бѣлинскаго за 1839—40 гг. Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся указать читателю только на тѣ изъ нихъ, которыя раньше или индѣ не были напечатаны, или были напечатаны съ значительными сокращеніями. Въ настоящемъ томѣ такихъ статей и замѣтокъ 59.

Начинается этотъ томъ большою рецензіей на повѣсть Загоскина «Тоска по родинѣ»—это скорѣе статья, чѣмъ рецензія, но раньше она индѣ напечатана не была и даже не числится почему-то въ Галаховскомъ спискѣ статей Бѣлинскаго; принадлежность же ему не подлежитъ сомнѣнію, что видно изъ его писемъ, гдѣ онъ, сообщая нѣкоторыя подробности о № 11 «Отечественныхъ Записокъ» 1839 г., гдѣ въ первый разъ эта рецензія была напечатана, между прочимъ говоритъ: «каково я отдѣлалъ Загоскина?» и т. д. Далѣе слѣдуетъ большая рецензія на сочиненія Каменскаго, которая тоже раньше не входила въ собраніе сочиненій Бѣлинскаго. Отмѣтимъ далѣе его большую статью объ «Очеркахъ русской литературы» Полевого, которая раньше печаталась съ значительными сокращеніями; то же можно сказать и о его разборѣ «Пантеона русскаго и всѣхъ иностранныхъ театровъ» за 1840 г. Слѣдующая значительная рецензія на произведенія народнаго поэта Слѣпушкина. На долю этого поэта въ свое время выпалъ значительный успѣхъ, а это имѣло хорошее воспитательное вліяніе на другихъ поэтовъ-самоучекъ, въ томъ числѣ и на Кольцова. Бѣлинскій очень строго отнесся къ его стихотвореніямъ и призналъ его не какъ «народнаго» поэта, а считалъ обыкновеннымъ поэтомъ, поступившимъ въ храмъ славы. Редакція съ своей стороны, чтобы дать возможность читателю уяснить себѣ значеніе Слѣпушкина, приводитъ довольно большую его біографію. Сочиненія этого Слѣпушкина академіей наукъ были награждены золотомъ медалью. Кромѣ біографіи, составленъ еще полный библиографическій указатель сочиненіямъ Слѣпушкина.

Слѣдующая большая статья Бѣлинскаго о «Героѣ нашего времени» Лермонтова, въ предыдущихъ изданіяхъ печаталась съ значительными сокращеніями. Наконецъ послѣдняя его большая статья «Русская литература въ 1840 г.», раньше печаталась съ пропусками.

Заслуживаютъ большаго вниманія примѣчанія редакціи, въ которыхъ она старается не только пояснить нѣкоторыя темныя мѣста въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, но при случаѣ приводитъ даже краткія свѣдѣнія о лицахъ, которыя причастны такъ или иначе къ статьямъ Бѣлинскаго. Такъ, кромѣ уже упомянутой выше біографіи Слѣпушкина, въ примѣчаніяхъ встрѣчаются довольно подробныя свѣдѣнія объ Андр. Ник. Бородинѣ, извѣстномъ своими коммюлятивными работами, о Дмитріи Никит. Вѣгичевѣ, важномъ чиновникѣ, но неудачномъ литераторѣ, и драматургѣ П. И. Мельниковѣ и др... Вообще этотъ томъ комментированъ такъ же прекрасно, какъ и предыдущіе.

Къ этому тому тоже приложенъ портретъ Бѣлинскаго, самый распространенный, изданный въ 1859 г. типографіей А. Мюнстера, но сохранилъ невѣрно передающій лицо Бѣлинскаго.

В.

Э. Бессонъ. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансоваго контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. С. А. Халютина. Спб. 1901.

Финансовое благосостояніе государства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ объема платежныхъ силъ страны, т. е. имѣетъ основаніемъ экономическое положеніе народа; разумное же распоряженіе государственными суммами оказываетъ благотворное вліяніе на финансовую жизнь государства, въ то время какъ возведенныя въ систему случайности расточительнаго и непредусмотрительнаго управленія часто ведутъ за собой истощеніе даже обильныхъ источниковъ налоговъ. Поэтому авторъ разсматриваемой книги замѣчаетъ: «какая бы ни была организациія государственной власти, въ абсолютной ли монархіи, а равно при представительномъ режимѣ, управленіе средствами государства и, преимущественно, употребленіе ежегодныхъ ресурсовъ, которые въ видѣ налоговъ надаютъ на средства націи, должны быть поставлены подъ надзоръ бдительнаго контроля подъ условіемъ систематической отчетности» (стр. 71). Изъ этого видно, что тема премированного сочиненія Бессона возбуждаетъ значительный интересъ. Переводчикъ же съ своей стороны снабдилъ книгу предисловіемъ, въ которомъ заключаются нѣкоторые матеріалы по исторіи государственнаго контроля въ Россіи. Это усиливаетъ интересъ къ новому изданію.

Къ сожалѣнію, едва ли читатель получитъ въ этой книгѣ отвѣтъ на тѣ многочисленные вопросы, которые она возбуждаетъ. Вънѣшнимъ образомъ Бессонъ вполне разрѣшилъ задачу. Описавъ организацию финансоваго контроля въ эпоху упадка Римской имперіи, онъ разсматриваетъ контроль времянъ феодальнаго періода, генеральныхъ штатовъ, счетныхъ палатъ, эпохи, предшествовавшей великой революціи, самаго революціоннаго періода, послѣдовавшихъ за нимъ формъ политической жизни во Франціи и, наконецъ, современную организацию контроля, какъ въ этомъ государствѣ, такъ и за границею. Въ заключеніе Бессонъ предлагаетъ планъ нѣкоторыхъ реформъ, необходимыхъ для усовершенствованія существующаго порядка въ отечествѣ автора.

Но Бессонъ не принадлежитъ къ числу умовъ, обильныхъ знаніями и способныхъ къ творческой дѣятельности. Онъ—одинъ изъ представителей золотой середины, которые въ сущности довольны тѣмъ, что есть. Современный политическій строй Франціи, какъ извѣстно, весьма несовершенный, кажется автору высшей стадіей развитія, «періодомъ ея политической зрѣлости». Изъ такого взгляда естественный выводъ—авторъ боится коренныхъ реформъ настолько, что даже официальный критикъ Бессона на конкурсъ, Штурмъ, признаетъ законность удивленія передъ скромностью требованій Бессона. Дѣйствительно, всѣ реформы, предлагаемыя имъ, сводятся только къ увеличенію числа чиновниковъ контроля для наблюденія за дѣятельностью различныхъ учреждений. Такимъ образомъ, громкія заявленія Бессона въ началѣ его труда, что «контроль тѣсно связанъ съ политическимъ и социальнымъ строемъ страны», не приводятъ его къ соответствующимъ практическимъ выводамъ.

Историческая часть работы Вессона также не блещет особыми достоинствами. Она отличается поверхностнымъ описаніемъ смѣняющихся формъ организаціи контроля въ разныхъ государствахъ и представляетъ краткій сводъ данныхъ, почти необработанныхъ въ теоретическомъ отношеніи. Это бѣглая компиляція матеріала, собраннаго другими. О Россіи, наиримѣрь, свѣдѣнія Вессона получены изъ брошюры Рафаловича и производятъ курьезное впечатлѣніе сопоставленіемъ парламентскихъ преній съ преніями государственнаго совѣта и похвалами тому спокойствію и приличію, съ которыми члены нашего высшаго установленія обсуждаютъ бюджетъ, и которыхъ не хватаетъ парламенту.

Предисловіе г. Халюткина для русскаго читателя представляетъ большій интересъ, но авторъ страдаетъ въ большей мѣрѣ тѣми же недостатками, какъ и Вессонъ. Онъ превозноситъ до небесъ независимость нашего государственнаго контроля. Вообще въ организаціи государственнаго контроля ясно сказалась эпоха великихъ реформъ, но авторъ въ увлеченіи забылъ, что одно дѣло—принципъ, другое примѣненіе его на практикѣ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдовало бы разобрать положеніе контроля въ Россіи.

Г. Халюткинъ этого не дѣлаетъ: онъ хвалитъ и хвалитъ, забывая, что похвалы относятся къ означенному представленію объ идеальномъ контролѣ, а не къ дѣйствительному жизненному факту. Въ итогѣ же получаются курьезныя противорѣчія. Наиримѣрь, на стр. 49, онъ пишетъ, что «въ Россіи, вслѣдствіе независимости государственнаго контроля, невозможенъ такой случай, который имѣлъ мѣсто недавно въ Англии. Оказалось, что одинъ изъ государственныхъ руководителей, Чемберленъ, получаетъ 20% дохода на свои капиталы, вложенные въ предпріятія, отъ которыхъ страдаетъ вся остальная англійская промышленность и торговля». А строкой выше— «еще не забыть случай отстраненія отъ обязанностей управленія министерствомъ лица, которое по всеноданныйшему докладу государственнаго контроля признано было мѣстнымъ ревизіоннымъ учрежденіемъ за нарушеніе интересовъ казны въ пользу своихъ личныхъ выгодъ». А вотъ еще одинъ примѣръ: «по случаю неурожая для доставленія работковъ нуждающемуся населенію были учреждены въ 1891 году общественныя работы, но операціи этихъ работъ были изъяты отъ надзора государственнаго контроля». Каковы были результаты такого изъятія,—всѣ знаютъ, а многіе и чувствуютъ.

Вотъ въ этихъ изъятіяхъ и заключается недостатокъ нашего контроля, отъ него не зависящій, а вызываемый, по мнѣнію Вессона, общими политическими и соціальными условіями страны. Поэтому было бы правильнѣе, если бы Халюткинъ сталъ на общую точку зрѣнія и съ нея взглянулъ бы на дѣло. Онъ же тонетъ въ мелочахъ, въ родѣ такихъ «реформъ», какъ увеличеніе жалованья чинамъ государственнаго контроля, переименованіе государственнаго контроля въ министерство государственнаго контроля и тому подобное. Въ итогѣ же ни книга Вессона, ни предисловіе Халюткина не устраняютъ необходимости въ поновѣ и болѣе научномъ изслѣдованіи затронутого вопроса.

О. Н.

Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общiе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго изданiя П. С. Когана. Москва. 1901.

Настоящiй трудъ великаго англійскаго историка живописи и моралиста вызванъ той поверхностной и ложной критикой, которую мы постоянно встрѣчаемъ въ периодической печати по отношенiю къ произведенiямъ современныхъ художниковъ. Критика эта читается многочисленной публикой, и такимъ образомъ создается неправильное общественное мнѣнiе о тѣхъ художникахъ, которые по большей части являются истинными представителями искусства. Такую критику необходимо нужно было поудить, указать ей должное мѣсто, и вотъ этому посвятили первую часть своего труда Д. Рескинъ. Это особенно важно въ настоящее время, когда вкусъ публики къ истинно художественному все падаетъ, а критика, съ своей стороны, старательно поддерживаетъ все театральное, аффектированное и фальшивое въ искусствѣ.

Въ своей книгѣ Рескинъ снова проводитъ основной взглядъ на искусство, какъ высшiй и свободный трудъ, гдѣ дѣйствуютъ не только руки, но и всѣ духовныя силы человека; на природу онъ смотритъ, какъ на отраженiе Божества, и требуетъ благоговѣйнаго къ ней отношенiя, а при воспроизведенiи точности всего видимаго. Въ своей книгѣ онъ вовсе не думаетъ дать систематическую критику современныхъ картинъ, онъ стремится только, установивъ общiе принципы, которымъ должна подчиняться художественная критика, показать въ чемъ состоитъ истинность разстоянiй, истинность въ изображенiи неба, правдивость въ изображенiи земли, истинность воды и правильное изображенiе растений и т. п. Каждый родъ скалъ, облаковъ, землю, художникъ долженъ знать такъ же, какъ и специалистъ ученый, причемъ долженъ вникнуть не въ мельчайшiя подробности, какъ это часто бываетъ, а понять тотъ простой, серьезный и постоянный характеръ, который проявляется въ общемъ эффектѣ каждаго вида природы.

Всѣ свои положенiя Рескинъ подтверждаетъ существующей пейзажной живописью и описанiемъ картинъ старыхъ итальянскихъ художниковъ, на произведенiяхъ которыхъ воснiтывается новое поколѣнiе. Свои ссылки на мастеровъ итальянской школы онъ усиленно проситъ не считать традиционной манерой, такъ какъ въ каждомъ случаѣ, о которомъ онъ упоминаетъ, его прельщаетъ не блескъ имени, а только приодность произведенiя для иллюстрацiи его принциповъ.

Книга носитъ чисто спеціальныи характеръ, разсматриваетъ произведенiя только англійскихъ художниковъ, потому эта часть читается съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ первая, въ которой разсматриваются общiе принципы въ искусствѣ внѣ времени и национальности. Переводъ сдѣланъ вполне удовлетворительно, за исключенiемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ видимо переводчикъ не вполне понялъ мысль автора.

Józef Dunin-Karwicki. Z moich wspomnień. T. I—II. Warszawa. 1901.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что по окончаніи въ 1852 г. Рипсальскаго лица онъ поступилъ въ лейбъ-гусарскій Павлоградскій полкъ, въ рядъхъ котораго въ чинѣ офицера принималъ участіе въ дунайской кампаніи 1853—1854 г., испыталъ много приключеній, участвовалъ въ многихъ битвахъ и стычкахъ; вообще эта эпоха жизни оставила много воспоминаній, которыя онъ и рѣшилъ сохранить на память потомству.

Это заявленіе автора даетъ нѣсколько обманчивое представленіе о содержаніи его воспоминаній; военныя дѣла 1853—1854 гг. занимаютъ никакъ не болѣе четвертой части двухъ убористымъ шрифтомъ напечатанныхъ томиковъ, а на остальныхъ страницахъ авторъ описываетъ полковую жизнь того времени, то: арицескую среду, нѣкоторыя болѣе или менѣе интересныя встрѣчи и приключенія п. т. н. Павлоградскій полкъ, въ которомъ служилъ г. Дунинь-Карвицкій, въ полномъ смыслѣ слова могъ быть названъ тѣсною товарищескою семьей; среда офицеровъ была объединена не только естественной общностью интересовъ, но также связана узами землячества, такъ какъ большая часть офицеровъ во главѣ съ командиромъ была изъ юго-западныхъ губерній. Отношенія поэтому были не столько служебныя, сколько дружескія и родственныя; даже командиръ Нашковскій, въ снисхожденіи къ извѣженности подчиненныхъ ему баричей, допускалъ немало послабленій по части суровой походной дисциплины, позволяя, напримѣръ, офицерамъ тащить за собою въ походъ фургоны съ разными вещами. Очень живо обрисованы г. Дунинымъ-Карвицкимъ типичныя фигуры тогдашнихъ вѣхмистровъ, которые были фактическими начальниками эскадроновъ и оека которыхъ надъ молодыми, неопытными офицерами простиралась до того, что они подсказывали офицерамъ слова команды; дѣлаетъ величайшую честь доброму сердцу автора, что онъ вспоминаетъ объ этихъ доблестныхъ служакахъ съ теплымъ дружескимъ чувствомъ. Не скрываетъ г. Дунинь-Карвицкій и разныхъ темныхъ сторонъ тогдашней военной среды. Такъ называемые безгрѣшныя доходы были явленіемъ обычнымъ и даже введены были въ систему. Эскадронный командиръ, распределявшій фуражъ на полтораста лошадей, могъ легко класть въ свой карманъ ежемѣсячно отъ 500 до 600 рублей. Авторъ добавляетъ, что «въ военномъ министерствѣ и вообще въ высшихъ сферахъ объ этомъ были все очень хорошо освѣдомлены. Командованіе армейскими кавалерійскими полками поручали, благодаря протекціи, тѣмъ гвардейскимъ штабъ-офицерамъ, которые растеряли свое состояніе на петербургскихъ развлеченияхъ. И это считалось дѣломъ совершенно естественнымъ, назначеніе давалось какъ бы въ награду и въ видѣ удобнаго средства для поправленія обстоятельствъ» (I, с. 185). Для характеристики порядковъ въ интендантской части большой интересъ представляетъ описанная г. Дунинымъ-Карвицкимъ процедура приемки солдатскаго сукна, въ которой автору пришлось принять непосредственное участіе: когда развернули пугуку сукна, то оказалось, что на протяженіи нѣсколькихъ аршинъ оно представляло собою что-то въ родѣ стѣжки, которою можно было скорѣе раковъ ловить, а не одѣвать солдатъ (с. 225). Но такая ужъ, знать, сила традиціи: несмотря на проявленную при

пріемкъ строгость и на безошадную забраковку всего лежалаго и негоднаго. интендантъ ловко подсунулъ «благодарность» автору—три громадныхъ тома съ разной бакалеей и винами.

Помимо живыхъ бытовыхъ картинъ, мемуары г. Дунинъ-Карвицкаго содержатъ немало другихъ интересныхъ данныхъ, напримѣръ, о полякахъ изъ повстанцевъ 1831 г., служившихъ офицерами въ турецкой арміи, о случаяхъ дезертирства въ русской арміи и т. п.

Другая, гораздо болѣе значительная, часть мемуаровъ г. Дунинъ-Карвицкаго касается прошлаго Юго-Западнаго края—въ частности Волыни. Связующей вѣтвейшей нитью между столь разнородными двумя частями воспоминаній служить то, что авторъ, пользуясь благоволеніемъ начальства, частенько совершалъ поѣздки въ родные края подъ благовиднымъ предлогомъ командировокъ для закупки лошадей. Но авторъ далеко не ограничивается изложеніемъ впечатлѣній данной только поѣздки. Погостивъ въ домѣ какого нибудь польскаго магната, г. Дунинъ-Карвицкій считаетъ умѣстнымъ подробно изложить по сему поводу генеалогію рода и біографіи болѣе замѣчательныхъ его представителей, дать свѣдѣнія о земельной собственности этого магната, исторически прослѣдить процессъ ея увеличенія или оскуднѣнія и т. д. Все это повѣствуется въ подробностяхъ, нерѣдко весьма занимательныхъ, но подъ часть очень утомительныхъ; нужно замѣтить, что авторъ доводитъ свой рассказъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Во всякомъ случаѣ воспоминанія г. Дунинъ-Карвицкаго даютъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи Волыни въ XIX вѣкѣ; немало тутъ повтореній того, что изложено авторомъ въ его прежнихъ очеркахъ изъ стариннаго быта Волыни («Ze starego autoramentu» и «Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości»), но немало также есть и новаго.

Авторъ приступилъ къ писанію своихъ мемуаровъ, какъ онъ заявляетъ, уже на 60 году своей жизни. Это кладетъ извѣстный отпечатокъ на тонъ повѣствованія: въ рѣчи звучитъ грусть по минувшемъ, когда, по мнѣнію г. Дунинъ-Карвицкаго, все было гораздо лучше, чѣмъ теперь. Авторъ вкладываетъ столько горячей любви къ прошлому въ свое повѣствованіе, что у читателя какъ-то не хватаетъ духа осуждать его за это не совсѣмъ снисходливое предпочтеніе старины, безспорно, милой и простой, но иногда довольно темной. Во всякомъ случаѣ указанное пристрастіе выкупается тѣмъ, что авторъ съ замѣчательною живостью и картинностью воспроизводитъ это колоритное прошлое.

К. X.

Н. Е. Ончуковъ. По Чердынскому уѣзду. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Живая Старина», вып. I. 1901.

Небольшая (38 стр.) брошюра г. Ончукова представляетъ сводъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки на Вишеру, Колву и Печору, гдѣ авторъ очерка лѣтомъ 1900 года собирать матеріалы по этнографіи. Своеобразный бытъ этого глухого уголка нашего отечества, населеннаго русскими, по преимуществу старообрядцами, и полуобрусѣвшими вогулами, ярко изображенъ въ очеркѣ г. Ончукова. Отъ наблюдательности автора не ускользнули причины того

обстоятельства, что цивилизация еще слишком мало коснулась этого уголка России. Автор очерка попутно останавливается на прежних судьбах Чердынского края, столь богатого и поныне историческими памятниками прошлого, погибающими благодаря невежеству и нерадѣнію туземцев. Очеркъ написанъ живымъ, хотя и не всегда правильнымъ языкомъ («яма выкладена кирпичомъ» (24 стр.), «вытаскали сначала вещи изъ лодки» (26 стр.) и тому подобно).

Г. О.

Е. Н. Опочининъ. Очерки старо-русского быта. Выпускъ I. Боярскій домъ въ XVII столѣтіи. Опальный воевода. Москва. 1902.

Небольшая, очень изящно изданная брошюрка г. Опочинина посвящена бытовой исторіи Московскаго государства въ концѣ XVII вѣка. Исторія древне-русскаго быта разработана въ нашей ученой литературѣ довольно обстоятельно, и г. Опочининъ имѣетъ немало предшественниковъ; даже тѣ самыя темы, которыя выбирать онъ для своихъ очерковъ, были уже предметомъ изслѣдованія для такихъ видныхъ ученыхъ, какъ П. Е. Забѣлинъ («Домашній бытъ русскихъ царей») и Н. Н. Селифонтовъ («Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія Василія Александровича Даудова»), и, надо сознаться, ихъ труды гораздо ярче и нагляднѣе освѣщаютъ тѣ вопросы, какіе возникаютъ у насъ при представленіи о домашней жизни боярина XVII вѣка или о его служебной дѣятельности. Существеннымъ недостаткомъ очерковъ г. Опочинина является также и то, что выбранные имъ примѣры нельзя считать типичными: заимствованные изъ розыскаго дѣла о Шакловитомъ, они изображаютъ намъ московскую жизнь уже въ ту эпоху, когда западныя вліянія сильно давали себя чувствовать на Москвѣ, когда для Московскаго государства наступала пора ломки дѣдовскаго уклада его жизни, и эта грядущая ломка уже проявлялась отдѣльными фактами. Не надо также забывать, что самый источникъ, изъ котораго черпаются факты г. Опочинина, источникъ довольно мутный; дѣло Шакловитаго, веденное подъ вліяніемъ разыгравшихся страстей, нельзя считать образцомъ объективнаго отношенія къ дѣйствительности, и это неизбежно должно было дать себя почувствовать, особенно при составленіи второго очерка. Но, вообще говоря, этотъ второй очеркъ, посвященный судьбѣ горемычнаго Андрея Безобразова, написанъ гораздо живѣе и читается съ большимъ интересомъ, чѣмъ первый, построенный почти исключительно на описіи имущества опальнаго князя В. В. Голицына и мѣстами переходящій прямо въ каталогъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не признать за брошюркой г. Опочинина извѣстнаго интереса и извѣстной пользы; при той бѣдности общедоступнаго историческаго чтенія, какое замѣчается въ нашей литературѣ, нельзя не привѣтствовать ея появленія; въ дѣлѣ ознакомленія нашей читающей публики съ родною старинной и настоящею трудъ, несомнѣнно, можетъ сыграть нѣкоторую роль.

М. П—я.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

БЫЛЪ III апостолъ Петръ въ Римѣ?—Въ январьской книжкѣ «Preussische Jahrbücher» профессоръ Клемень разсматриваетъ вопросъ: правильно ли римскіе папы считаютъ себя прямыми потомками апостола Петра? Онъ не отрицаетъ подлинности того факта, что тотчасъ послѣ Вознесенія Христа на небо, св. Петръ былъ главою церкви, но задается слѣдующими вопросами: дѣйствительно ли апостолъ перенесъ свою первенствующую епархію изъ Иерусалима въ Римъ? Профессоръ Клемень говоритъ, что въ 57 году св. Петръ еще не переселился въ Римъ. Дѣйствительно этимъ годомъ помѣчено первое посланіе св. Павла къ римлянамъ. Въ этомъ посланіи не упоминается о пребываніи св. Петра въ Римѣ, и его имя не обозначено въ списокѣ 26 почетныхъ членовъ христіанской общины, уже водворившейся на берегахъ Тибра. На одной изъ страницъ Дѣяній Св. Апостоловъ говорится, что въ 44 году св. Петръ покинулъ Иерусалимъ, но тамъ ни слова не упоминается о цѣли его путешествія, и нѣтъ основанія полагать, что онъ отправился въ Италію, а не въ другую какую либо страну. Кромѣ того, въ посланіяхъ св. Павла, написанныхъ во время его пребыванія въ Римѣ, съ 58—64 гг.—дата великихъ гоненій, во время которыхъ погибъ св. Петръ,—ни слова не упоминается о св. Петрѣ въ перечнѣ лицъ, проагандирующихъ христіанство въ Римѣ. Въ Новомъ Заветѣ есть посланіе св. Петра, въ которомъ послѣдній посылаетъ привѣтъ друзьямъ изъ Вавилона. «Конечно,—говоритъ Клемень,—не можетъ быть вопроса, что это былъ не Вавилонъ въ Халдеѣ, но городъ Вавилонъ, находившійся въ Нижнемъ Египтѣ, и есть основаніе думать,

что апостоль Петръ, покинувъ Палестину, отправился въ сосѣдную страну, тѣмъ болѣе, что въ ней основалось съ этого момента множество христіанскихъ общинъ. Даже, допуская, что Вавилонъ обозначалъ Римъ, все-таки, надо замѣтить слѣдующее: Римъ началъ называться Вавилономъ лишь въ средніе вѣка. Кромѣ того, другія подробности указываютъ, что это посланіе было написано, нѣсколько вѣковъ спустя послѣ мученичества св. Петра. Въ особенности странно, зачѣмъ было св. Петру, будучи въ Римѣ, посылать письменно привѣтъ людямъ, среди которыхъ онъ всегда находился. Климентъ Александрійскій утверждаетъ, будто бы проповѣди св. Петра были переведены на латинскій языкъ св. Маркомъ въ Римѣ. Это привело католическихъ писателей на ложный слѣдъ относительно пребыванія св. Петра, и они заключили, что онъ жилъ въ Римѣ. Въ посланіи Іоанна сообщается о страданіяхъ св. Петра, но не упоминается о мѣстѣ, гдѣ они происходили. Въ первомъ посланіи св. Климента говорится объ этихъ событіяхъ, нотаже безъ обозначенія мѣстности. Датой этому событію служитъ гоненіе христіанъ Нерономъ, но оно происходило не въ одномъ Римѣ, а во всей имперіи. Игнатій Антиохскій въ посланіи къ римлянамъ, напоминая о себѣ св. Петру и Павлу, относится безразлично къ какой изъ общинъ, въ изобиліи распространившихся въ цѣлой имперіи (это было въ 115 г.). Пѣкій же Діонисъ Коринескій, епископъ, писавшій, въ свою очередь, къ римлянамъ, упоминалъ, что св. Петръ и Павелъ проповѣдывали въ Италіи, но, къ несчастію, его посланіе не можетъ служить доказательствомъ; развѣ только ему было болѣе ста лѣтъ, что очень возможно, но этого еще не пытались доказывать. Начиная съ 170 года для исторіи представляется легендарная традиція, о которой историческая критика не можетъ представить отчета. Поэтому возможно, что св. Петръ былъ въ Римѣ, но еще вѣрнѣе, что онъ никогда тамъ не былъ и, въ особенности, никогда не находился тамъ епископомъ.

— Теодора. Изъ архивовъ все чаще и чаще выходятъ на свѣтъ Божій факты отдаленныхъ эпохъ. Такъ недавно пьеса Сарду «Теодора» послужила причиной къ полемикѣ между авторомъ пьесы и Дилемъ, извѣстнымъ наслѣдователемъ византійской старинны. Исторія Теодоры, византійской императрицы, подвизавшейся съ очень юныхъ лѣтъ на ипподромѣ, въ качествѣ танцовщицы, а затѣмъ поднявшейся до византійскаго престола, — довольно извѣстна. Теперь возникъ специальный вопросъ: нарушили-ли Сарду исторически вѣрный характеръ Теодоры, представивъ ее въ своей пьесѣ императрицей-куртизанкой, что Дилемъ оспариваетъ на основаніи строгихъ историческихъ наслѣдованій? Сарду ссылается на «Анекдоты», которые онъ приписываетъ византійскому историку Проконію, жившему въ концѣ V и въ началѣ VI вѣковъ. Хотя Проконій описалъ въ «Секретной исторіи» бурную, позорную молодость Теодоры, когда, по его словамъ, «честные люди, при встрѣчѣ съ нею, сторонились, чтобы не замараться отъ несчастиваго прикосновенія къ ней», но онъ все-таки окончилъ тѣмъ, что нарисовалъ ее безупречной женою-государынею. По словамъ же Сарду, это не помѣшало ему помѣстить въ «Анекдотахъ» свѣдѣнія о томъ, что она была въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ со своими прежними товарищами по цирку: Индарой и Кризомаллой, для которыхъ она совершала позорныя поступки: покровительствовала легкомысленнымъ женщинамъ и подавала

сама примѣри, взявъ изъ любовники Θεодосія, Арсѣбинда, Петра Барсіама а также уничтоживъ своего сына Іоанна, прижитаго ею съ главою арабовъ. Но Дилль не признаеть этихъ «Анекдотовъ» за произведенія Проконія. По поводу этого спора, Дилль помѣстилъ интересную статью ¹⁾ въ заголовку Θεодоры въ одной изъ книгъ «Revue de Paris», собравъ новыя документы, какъ, напри- мѣръ: «Жизнь счастливыхъ людей Востока», написанную въ VI вѣкѣ епи- скопомъ Іоанномъ Эфесскимъ; новыя отрывки изъ «Церковной исторіи» того же автора; анонимную хроніку, подписанную Захаріемъ изъ Мити- лены, біографію патріарха Севера и Іакова Бародея, апостола монофизитовъ, а также Іоанна Лиды и прочихъ авторовъ, между которыми многіе очень мало извѣстны и къ нимъ рѣдко обращаются за справками. Ознако- мившись съ ними, читатель видитъ Θεодору въ совершенно иномъ видѣ, какъ она обыкновенно рисуется. «Есть дѣи Θεодоры,—говоритъ авторъ,— Θεодора «секретной исторіи» и Θεодора просто «исторіи». Первая слишкомъ извѣстна, и ея похождения, какъ описываетъ ихъ Проконій,—банальны. Исто- рія танцовщицы, утомленной приключеніями, которая, найдя болѣе продолжи- тельную связь и вступивъ въ бракъ съ серьезнымъ покровителемъ, становится ханжей,—не нова. Но есть еще иная Θεодора, менѣе извѣстная, но болѣе инте- ресная и любопытная: это — великая государыня, занимавшая значительное мѣсто возлѣ Юстиніана и часто игравшая рѣшающую роль въ государствен- ныхъ вопросахъ. Эта женщина, обладавшая возвышеннымъ умомъ, энергич- ной волей, деспотическимъ, высокоумнымъ и сложнымъ, часто ставившимъ вгущикъ характеромъ, — была безконечно плѣнительна. Похождения первой достаточно извѣстны. Дочь сторожа при медвѣдяхъ въ циркѣ, воспитанная легкомысленной матерью, Θεодора съ юныхъ лѣтъ познакомилась съ закули- сными правами иннодромы. Еще ребенкомъ она сопровождала, въ качествѣ слу- жанки, свою сестру Камиту на цирковые подмостки, и сама играла дѣтскія роли. Удѣлавшись взрослой, она превратилась въ танцовщицу и участвовала, въ осо- бенности, въ живыхъ картинахъ и пантомимахъ, гдѣ привлекала вниманіе своею красотою и легкимъ нравомъ. Въ этомъ качествѣ она забавляла и весе- лила Константинополь, выставляясь съ смѣлой дерзостью въ самыхъ двусмы- сленныхъ позахъ. Въ сцену она прославилась своими пышными и безумными ужинами, самыми циничными выходками, вольностью намековъ и безчислен- ными любовниками. Затѣмъ ее увезъ съ собою нѣкій Гецеболость, отиравив- шійся префектомъ въ отдаленную провинцію, но, поссорившись съ нею, бросилъ ее на произволъ судьбы. Побѣдствовавъ въ большихъ восточныхъ городахъ и дойдя до отвращенія къ развратной жизни, она возвратилась въ Константино- поль. Это сказаніе извлечено изъ «Секретной исторіи» Проконія, но этому источнику слѣдуетъ довѣрять осторожно, такъ какъ его свидѣтельства про- тиворѣчатъ одно другому. При какихъ обстоятельствахъ встрѣтила она Юсти- ніана, будущаго наследника престола, и какъ удалось ей не только увлечь, но и удержать человѣка, уже немолодого, которому необходимо было беречь свою репутацію,—остается мало извѣстнымъ. Одна изъ легендъ рассказываетъ, что

¹⁾ Théodora; par Charles Diehl. «La Revue de Paris» 15 Janvier 1902.

«истор. вѣсти.», мартъ, 1902 г., т. LXXXVII.

около 320 года вв. Византія жила въ очень скромномъ маленькомъ домикѣ молодая женщина, по имени Теодора. Ей было 25 лѣтъ; она была довольно маленькаго роста, но хорошо сложена, очень граціозна, съ матовымъ цвѣтомъ лица и черными, жгучими глазами. Эта молодая женщина вела очень скромный образъ жизни и содержала себя на заработанныя отъ пряжи шерсти деньги, и никто не предполагалъ, какая блестящая будущность ожидаетъ эту скромную женщину. Юстиніанъ однажды увидѣлъ ее и влюбился. Онъ осыпалъ ее подарками и, несмотря на ея небезупречное прошедшее, рѣшился жениться. «Проконій, какъ плохой психологъ,— говоритъ Дилль,— принудилъ къ этой странной жизни колдовство и магію, когда, въ сущности, умная и забавная Теодора, удерживавшая самыхъ непостоянныхъ своихъ поклонниковъ, сумѣла увлечь и Юстиніана». Это неожиданное счастье Теодоры такъ поразило умы не только Востока, но и Запада, что о женѣ Юстиніана сохранились, какъ святыня, строгія или снисходительныя воспоминанія. Дилль, въ противоположность Проконію, считаетъ Теодору женщиной, наившей, не столько, благодаря своей порочной натурѣ, сколько по причинѣ неблагоприятныхъ обстановки и обстоятельствъ. Относительно ея развратной жизни и любовниковъ послѣ ея брака съ Юстиніаномъ Дилль говоритъ, что, во-первыхъ, Теодорѣ было уже за тридцать лѣтъ, а восточная женщина въ эти годы приближается къ старости; во-вторыхъ, она была слишкомъ умна и, обладая практичностью, не рискнула бы потерять завоеваннаго положенія, ради любовныхъ интригъ. Ни одинъ изъ современныхъ писателей или историковъ, даже имѣющихъ поводъ быть ея недовольными и упрекавшими ее за алчность, ея авторитарный, жестокий нравъ, влияние на императора и скандалы, производимыя ея инноваторскими мнѣніями, ни одинъ изъ нихъ не намекаетъ на ея легкомысленное поведение съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась женою Юстиніана. Даже Проконій, сильно клеветавшій на нее, не говоритъ ни одного слова объ ея легкомысленномъ поведении послѣ замужества и не приписываетъ ей любовниковъ, какъ, напримеръ, Теодоса, Петра Паремисса или Ареобинда. Между тѣмъ, во дворцѣ было легко скрывать интриги, доказательствомъ чему служило укрывательство Теодорой ея любимца, патріарха Анемія, прятаннаго у нея во дворцѣ отъ своихъ гонителей. Она такъ сумѣла обставить дѣло, что всѣ, даже Юстиніанъ, считали его умереннымъ, или исчезнувшимъ. Насколько Теодора-танцовщица была разнуздана и дерзка, настолько Теодора-императрица отличалась приличіемъ и цензурностью. Она строго слѣдила за общественной нравственностью, заботливо заставляла уважать супружескій союзъ, упорно избѣгала любовныхъ интригъ, хотя «Анекдоты» приписываютъ ей различныя похождения, итѣжно заботилась о бѣдныхъ дѣвункахъ своей столицы, которыя чаще всего гибли ради необходимости, а не благодаря своей порочной натурѣ. Гордясь своимъ положеніемъ и очень заботливо поддерживая этикетъ, она увеличила и усложнила церемоніаль. «Можетъ быть,— говоритъ Дилль,— это происходило изъ желанія видѣть почтительно склоненныя фигуры тѣхъ вельможъ, которые прежде обращались съ нею безцеремонно». Авторъ сомнѣвается, хотя Проконій утверждаетъ, что Теодора привлекла ко двору прежнихъ подругъ по цирку. Если она и сдѣлала своей фавориткой Антонину, ловкую,

смѣлую интриганку, «способную достигнуть невозможнаго», какъ выразился одинъ человѣкъ, близко ее знавшій, то она чаще всего бесѣдовала съ нею о политическихъ планахъ, а не о любовныхъ похожденияхъ. Такая честолюбивая женщина, какъ Θεодора, не могла довольствоваться положеніемъ празднои государыни. Она пользовалась своимъ безграничнымъ вліяніемъ на Юстиніана и, въ продолженіе двадцати лѣтъ, имѣла едва ли не большій авторитетъ, чѣмъ Юстиніанъ. Ея рука видѣлась вездѣ: въ администраціи, куда она поставила покровительствуемыхъ ею лицъ, въ дипломатіи, политикѣ и церкви. Она была такъ увѣрена въ доверіи къ ней императора, что не опасалась даже открыто противиться его волѣ и смѣло замѣняла его распоряженія своими. Умная, съ сильной и рѣшительной волей, она была способна на великія дѣла и пріятномъ обладала проникательнымъ умомъ, который доводилъ ихъ до конца. Вообще она любила, чтобы за нею оставалось во всемъ послѣднее слово, и даже, когда она уступала, ея отвязный и гибкій умъ придумывалъ на будущее блестящее отнѣшеніе. Превосходя въ умственномъ отношеніи своего мужа и облада душою государственнаго человѣка, она ясно видѣла нужды государства и возможное ихъ осуществленіе. Въ то время, какъ Юстиніанъ соблазнялся величіемъ римскихъ императоровъ, мечталъ возродить имперію Цезаря и обезпечить союзомъ съ Римомъ царство православія, болѣе чуткая Θεодора устремила глаза на Востокъ, чувствуя, что, именно тамъ, въ цвѣтущихъ провинціяхъ Сиріи и Египта, находятся живыя силы монархіи. Она понимала, какую опасность причиняетъ религіозный расколъ имперіи, благодаря которому восточныя національности стали обнаруживать склонность къ сепаратизму и чувствовала необходимость уменьшить чрезъ своевременныя уступки угрожавшее недовольство. Насколько Юстиніанъ — въ душѣ богословъ — любилъ произносить рѣчи предъ епископами, председательствовать въ Соборахъ, спорить съ еретиками о текствъ Св. Писанія, настолько Θεодора, не изъ любви къ религіознымъ спорамъ и безплоднымъ догматическимъ обсужденіямъ и не изъ ханжества, занималась церковными дѣлами. Она, какъ прежніе великіе византійскіе государи, прикрывалась религіозными спорами, видя въ нихъ постоянную сущность политическихъ проблемъ. Вотъ почему она открыто покровительствовала еретикамъ, дерзко пренебрегая напѣвномъ, увлекала за собою перѣшительнаго и колебавшагося Юстиніана, бросаясь, очертя голову, въ борьбу и никогда не желая признать себя побѣжденной. Ей обязанъ еретическій Египетъ долгими годами терпимости и фанатическая Сирія восстановленіемъ своей гонимой національной церкви; благодаря ей, отступники не боялись отлученія отъ соборной церкви и часто избѣгали преслѣдованій, а монофизиты обязаны ей поддержкѣ усилкомъ своей пропаганды въ Аравіи, Нубіи и Абиссиніи. До послѣдняго дня она боролась за свои вѣрованія, умѣрляла усердіе своихъ друзей, когда они неосторожно бросались въ «пасть льва», и поддерживала ихъ нилъ. Ей не хватило времени для полнаго осуществленія своей задачи. Все-таки имперія, какою она ее задумала, была серьезнымъ препятствіемъ для нападенія персовъ и аравитянъ, а если бы составленный ею планъ былъ приведенъ въ исполненіе, то, по словамъ Дилли, можетъ быть измѣнилось бы теченіе исторіи. Но Θεодора, несмотря на способности государственнаго человѣка, все-таки

осталась женщиной. Ея женственность выдѣлялась во всемъ — въ страсти къ роскошнымъ покоемъ, великолѣпнымъ костюмамъ, ослѣпительнымъ драгоценнымъ камнямъ, въ заботѣ о своей наружности и кокетствѣ. Она понимала, что въ послѣднемъ — вся ея сила и гарантія ея вліянія. Но эта женская черта въ особенности выдѣлялась въ силѣ ея страсти и пылкой ненависти. Не желая ни съ кѣмъ раздѣлять завоеваннаго могущества, она безопадно и не колеблясь уничтожала всѣ попадавшіеся на ея пути препятствія и отодвигала всѣ властолюбивыя замыслы. Она не затруднялась выборомъ средствъ для уничтоженія противниковъ. Мстительная и даже жестокая, когда ставился на карту ея интересъ, она не прощала тому, кто мѣшалъ ея планамъ. Чтобы крѣпче держать въ своихъ рукахъ Юстиніана, она удалила отъ двора всѣхъ членовъ императорской семьи, пользуясь для этого клеветою, а отъ губернатора Іоанна Кападокскаго, какъ отъ соперника, сильно вліяющаго на Юстиніана, она избавилась посредствомъ темной интриги. Наоборотъ, ея привязанность къ оказавшимъ ей услугу лицамъ была безгранична, и не напрасно ея друзья называли Теодору «вѣрною императрицей». Она устроила не только свою сестру Камиту, внука Аванасія, племянницу Софію, вышедшую замужъ за наследника престола, но она также не переставала покровительствовать всѣмъ, кто заслужилъ ея милости, защищая не только противъ паны, но даже противъ императора. Если у нея были недостатки и пороки, какъ, напримеръ, ея необузданная любовь къ власти, которая дѣлала ее иногда жестокой, грубой и вѣроломной, и если ея широкая, блестящая жизнь не обходилась безъ алчности, то взамѣтъ у нея были высокія качества, оправдывавшія ея громадное тщеславіе — гордая энергія, мужественная твердость и сибѣтлѣй, могучій умъ государственнаго чловека. Когда 15-го января 53 года грозилъ дворцу мятежъ, и Юстиніанъ, до безумія растерявшійся, видѣлъ спасеніе лишь въ бѣгствѣ, Теодора въ такую критическую минуту, грозившую паденіемъ имперіи, присутствовала на совѣтѣ. Она напомнила Юстиніану и министрамъ, предавшимся страху, объ ихъ долгѣ относительно имперіи, и, предпочитая смерть позорному бѣгству, сказала, что «пурфира — прекраснѣйшій санъ». Угнѣвъ она спасла имперію. Дилъ замѣчать: «Юстиніанъ не забылъ услугъ, оказанныхъ Теодорой, и когда чрезъ 16 лѣтъ она умерла отъ рака, онъ оплакивалъ ее горькими слезами и свято хранилъ память о той, которую называли «даромъ Бога». Такимъ образомъ, Дилъ въ своей статьѣ представляетъ торжество исторіи надъ пустой болтовней Сарду, хотя, въ сущности, онъ напрасно такъ заботится доказать справедливость своихъ доводовъ въ своемъ спорѣ съ драматургомъ. Всѣмъ уже было извѣстно и безъ того, что такъ называемыя историческія нысы Сарду отличаются всѣмъ, только не исторіей.

— Кровавая Марія. Серія историческихъ реабилитаций, рано или поздно, должна была остановиться на личности первой царствовавшей въ Англіи королевы, Маріи I, или такъ называемой Кровавой. Уже по самому ея прозвищу, естественно, она подлежала попыткѣ обѣленія, главнымъ образомъ, со стороны католическихъ историковъ, которыхъ въ послѣднее время развелось значительное количество въ Англіи. Для протестантовъ она въ полномъ смыслѣ слова представляется кровавой, т. е. католичкой, не жалѣвшей преслѣдовать

самым жестоким образом своих протестантских подданных. Напротив, католики сожалеют ее, как жертву не справедливой клеветы современников и потомков. В последние время набралось много католических документов, объявлявших Марию, и потому за ее реабилитацию принялась католическая историческая исследовательница, мисс Стоун. Ее обширный труд «История Марии I, королевы английской» (в двух томах¹⁾), отличается ясным, живым изложением и полным, подробным исследованием всех новейших испанских, французских и венецианских дипломатических депеш. Но по всей справедливости это не история, а биография, и то с точки зрения адвоката, а не судьи. Она всячески старается облить свою героиню и если нельзя ее прямо упрекнуть в извращении фактов, зато она подбирает все излагаемые события в пользу Марии. Таким образом она представила все, что только можно сказать в защиту Марии, и, однако, ей не удалось несколько ее облить, а если и можно ее название Кровавой заменить чем либо иным, то разве — несчастной женщины, совершившей ужасы, благодаря самым неблагоприятным обстоятельствам, окружавшим ее с молодости. Историческая истина заключается в том, что не она была кровавой, а кровавы были религия и паперы, заставлявшие ее совершать кровавые поступки. Детство Марии, дочери Екатерины Арагонской, первой жены английского короля Генриха VIII, протекло самым счастливым образом. Она была любимицею своего отца и получила весьма тщательное, почти мужское воспитание, как было в обычае того времени. Эразм особенно выхваляет ее письма на латинском языке. Семь лет она была помолвлена за императора Карла V, но он отказался от ее руки, когда Генрих развелся с Екатериной. Точно также неудачна была попытка найти ей жениха во Франции, в лицъ французского короля, Франциска I-го. Одинаково не удалось ее сватовства за короля португальского, герцога баварского и т. д. В это время отец ее женился на Аннъ Болойнъ и всю любовь свою перенесъ съ Марии на свою вторую дочь от другой жены — Елизавету. Мария же подверглась преследованиям вмѣстѣ съ ея однопольцами — католиками. Естественно, что ее характер сдѣлался мрачным и озлобился. Въ концѣ царствованія ея отца и съ воцареніемъ Эдуарда VI, ея перодного брата, жизнь Марии потекла спокойно, мирно, среди ученыхъ занятій, между прочимъ, переводовъ Эразма съ латинскаго языка. Эти счастливые для нея дни окончились со смертію Эдуарда въ 1553 г., и она была провозглашена королевою. Она не долго царствовала, и благодаря окружавшимъ ее католическимъ спиконамъ, а также Филиппу испанскому, за котораго она вышла замужъ, послѣ столькихъ неудачъ, Мария превратилась въ жестокою и кровавою королеву. Ея реакціонной политикѣ много содѣйствовало и то обстоятельство, что горячо любимый ею мужъ обращался съ нею безжалостнымъ образомъ. Проведя четыре года самой несчастной жизни, она запелегла и послѣ долгихъ припадковъ тяжелой болѣзни умерла 17 ноября 1558 г.

— Вашингтонъ и Пѣмцевичъ. Въ февральской книгѣ «Century Magazine» помѣщена чрезвычайно интересная статья В. Козловскаго о посѣщеніи

¹⁾ The history of Mary I, Queen of England. By J. M. Stone 2 v. London, 1901.

въ 1798 году Вашингтона въ его помѣсть, Маунтъ-Вернонъ, польскимъ поэтомъ Нѣмцевичемъ¹⁾. Къ ней приложено предисловіе Вортингтона Форда, объясняющее, какъ происхожденіе мемуаровъ Нѣмцевича, изъ которыхъ Козловскій сдѣлалъ извлеченіе, такъ и краткій некрологъ самого Нѣмцевича. Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ былъ извѣстный польскій поэтъ и сподвижникъ Костюшки, благодаря чему онъ очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ Польскій сеймъ, гдѣ находился на сторонѣ патриотовъ. Во время польскаго возстанія 1794 г. Нѣмцевичъ былъ адъютантомъ Костюшки и вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ заточеніе въ Петербургъ. Черезъ два года вошелъ на престолъ Павелъ I-й и освободилъ обоихъ польскихъ патриотовъ. Они отправились въ Америку и высадились въ Филадельфій, гдѣ имъ сдѣланъ былъ торжественный пріемъ въ 1797 г. Костюшко намѣревался кунить имѣніе и поселиться навсегда въ Америкѣ, но онъ неожиданно получилъ извѣстіе изъ Франціи, что тамъ образовался польскій легионъ для освобожденія его отечества, и начальство надъ нимъ предлагалось Костюшкѣ. Онъ принялъ это предложеніе и въ маѣ мѣсяцѣ 1798 году отправился въ Вальтимору, гдѣ скрывался отъ всѣхъ, до отъезда во Францію, изъ боязни, чтобы его не захватило какое-нибудь англійское судно. Нѣмцевичъ, хотя и собирался ѣхать съ Костюшко, но открыто жилъ въ Вашингтонѣ, чтобы собирать свѣдѣнія. Въ это время онъ получилъ отъ великаго американца, Вашингтона, приглашеніе посѣтить его помѣсть Маунтъ-Вернонъ. Конечно, Нѣмцевичъ съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ познакомиться съ «отцемъ отечества». Этотъ замѣчательный визитъ онъ подробно описалъ въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ въ ту эпоху своей жизни на польскомъ и французскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, этотъ дневникъ никогда не былъ напечатанъ, и, по мнѣнію его біографовъ, онъ окончательно потерянъ. Такимъ образомъ Нѣмцевичъ только напечаталъ небольшой очеркъ: «Замѣтки о жизни генерала Вашингтона» а всякій слѣдъ объ его посѣщеніи Маунтъ-Вернона исчезъ. Въ послѣдствіи онъ вернулся въ Европу и получилъ предложеніе отъ императора Александра поступить на русскую службу, но Нѣмцевичъ отказался и вернулся снова въ Америку, гдѣ женился на американкѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ отправился въ Польшу и по учрежденіи тамъ конституціоннаго образа правленія служилъ секретаремъ сената до 1830 г. Въ эту эпоху, пользуясь свободнымъ временемъ, онъ много занимался литературой и писалъ поэму, драму, исторію и политическія сочиненія. Онъ пользовался такой славой высоко образованнаго человѣка, что былъ избранъ предсѣдателемъ королевскаго научнаго общества въ Варшавѣ, хотя, собственно, не занимался научными предметами. Въ 1830 году онъ участвовалъ въ польскомъ возстаніи и до окончанія его бѣжалъ въ Лондонъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Парижѣ, въ литературныхъ занятіяхъ и умеръ тамъ въ 1841 году. По истеченіи шестидесяти лѣтъ, послѣ его кончины, Козловскому удалось найти въ одной польской бібліотекѣ рукопись его днев-

¹⁾ A visit to Mt Vernon a century ago. A few pages of an unpublished diary of the Polish poet J. U. Niemcewicz. By Kozłowski «The Century magazine». February 1902.

ника, веденнаго въ Америкѣ. Въ удостовѣреніе подлинности его В. Фордъ навелъ справки въ Вашингтонскомъ архивѣ и доказалъ на основаніи личнаго дневника Вашингтона, что 2-го іюня 1798 года пріѣхалъ въ Маунтъ-Вернонъ товарищъ Костюшки, генералъ Нѣмцевичъ, и оставался тамъ до 14. Послѣ этого уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ достовѣрности найденнаго Козловскимъ документа. Прежде чѣмъ получить приглашеніе въ Маунтъ-Вернонъ, Нѣмцевичъ въ концѣ мая мѣсяца того же года видѣлъ Вашингтона у мистриссъ Питерсъ, куда его повезъ знакомый американецъ Ло. «Лицо Вашингтона величественное, — говоритъ Нѣмцевичъ, — и достоинство дышитъ во всѣхъ его нѣжныхъ чертахъ. Его портреты, распространенные въ Европѣ, нисколько на него не походятъ. Онъ очень высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; носъ у него орлиный, глаза голубые, а ротъ большой. На немъ были фракъ, атласный жилетъ, черныя короткіе панталоны и такого же цвѣта чулки. Онъ началъ разговоръ съ Костюшки, а потомъ спросилъ, давно ли я въ Америкѣ, и правится ли мнѣ эта страна. Я отвѣчалъ: «Очень счастливъ, что американцы пользуются тѣмъ благосостояніемъ, которое я всегда жаждалъ видѣть въ своемъ отечествѣ. Вамъ, сэръ, они обязаны этимъ». Онъ скромно поклонился и произнесъ: «Я всегда отъ всего сердца желалъ добра вашей странѣ». Въ это самое время въ комнату вбѣжала маленькая дѣвочка 16 лѣтцевъ, дочь Ло; Вашингтонъ подзвалъ ее къ себѣ, далъ кусокъ персиковаго пряника, который онъ вынулъ изъ кармана. Потомъ онъ поцѣловалъ ее и передалъ матери остальную часть пряника. Затѣмъ разговоръ перемѣнился и перешелъ на земледѣліе — любимый предметъ генерала. Долго мы говорили о засухѣ, отъ которой тогда очень страдали табакъ, маисъ и ячмень. Разговоръ мой съ генераломъ возобновился за часомъ, но вопросъ былъ уже о прогрессѣ культуры и народонаселенія Америки, особенно въ восточныхъ штатахъ. Я замѣтилъ, что тамъ впервые поселились европейцы. — «Напротивъ, — отвѣчалъ Вашингтонъ, — первые поселенцы водворились въ Виргинію и Новой Англіи, но въ восточныхъ штатахъ особенно развита городская жизнь, и потому въ ней процвѣтаютъ порядокъ, полиція и общественныя учрежденія. Населеніе тамъ чрезвычайно работящее, и каждый фермеръ, даже бѣднѣйшій, живетъ независимымъ человекомъ». Я замѣтилъ генералу, что многіе изъ нихъ превосходятъ любыхъ джентльменовъ, и что они счастливѣйшій народъ въ свѣтѣ. — «Только бы мы не испортили нашего счастья». Когда мы расходились онъ прибавилъ: «Я буду очень счастливъ, если вы пріѣдете ко мнѣ въ Маунтъ-Вернонъ. Я чрезъ нѣсколько дней буду дома и надѣюсь васъ видѣть». Чрезъ два дня опять я увидѣлъ Вашингтона въ домѣ мистера Ло, гдѣ онъ гостилъ и я также. Попрямому, онъ былъ искрененъ, учтивъ и внимателенъ, но говорилъ очень мало, особенно онъ безмолвствовалъ о политикѣ, а только упоминалъ о земледѣліи и естественной исторіи. Главной забавой Вашингтона была игра въ билліардъ, хотя онъ не игралъ уже сорокъ пять лѣтъ, но вниманіе и способность замѣняли ему практикѣ. Съ каждой новой игрой онъ все болѣе и болѣе совершенствовался. 25-го мая, уѣзжая съ женою въ Маунтъ-Вернонъ, они оба повторили предложеніе посѣтить ихъ». Чрезъ нѣсколько дней Нѣмцевичъ съ мистеромъ Ло отиравились въ Маунтъ-Вернонъ Домъ Вашингтона оказался

на горѣ, въ глубинѣ дубоваго лѣса. Онъ былъ обширный, двухъэтажный, кирпичный, съ двумя открытыми галереями по сторонамъ, маленькимъ бельведеромъ по срединѣ крыши и двумя слуховыми окнами. Его окружали канава и каменная стѣна съ маленькими башенками по угламъ. Предъ домою находилась два лужка, обсаженные различными кустарниками. Самъ Вашингтонъ показалъ Нѣмцевичу внутренность дома. Въ него входятъ черезъ крыльцо, украшенное двумя колоннами, и обширные сѣни, которые дѣлятъ домъ на двѣ половины, и украшены нѣсколькими литографіями. Тутъ же находятся ключи отъ Бастиліи, подаренные генералу Лафайетомъ. Въ саду также помещалась модель Бастиліи изъ камней, взятыхъ Лафайетомъ изъ подлинныхъ развалинъ страшной крѣпости. Направо дверь ведетъ въ гостиную, съ портретами Вашингтона, его жены и Лафайета. Далѣе слѣдовала самая лучшая въ домѣ комната, съ бѣлымъ мраморнымъ каминомъ и нѣсколькими картинами на стѣнахъ. Рядомъ была еще гостиная, гдѣ стояли клавирорды. На противоположной сторонѣ отъ сѣней расположены были столовая, спальня генерала и его бібліотека, а наверху находились комнаты мистрисъ Вашингтонъ, миссъ Куотисъ, ея дочери отъ перваго брака, и гостей. Большую часть свободнаго времени семья Вашингтоновъ проводила на галереѣ, съ которой открывался великолѣпный видъ на рѣку Потомакъ. Садъ вокругъ дома былъ въ англійскомъ стилѣ и аккуратно содержался. Кромѣ кустарниковъ и цвѣтовъ, въ немъ находились ягоды въ большомъ разнообразіи, великолѣпныя фруктовыя деревья и огородныя произведенія. Онъ самъ ухаживалъ за своимъ садомъ и выписывалъ образцы лучшихъ садовъ Европы. На другой день Нѣмцевичъ осмотрѣлъ съ мистеромъ Ло ферму Вашингтона, которая распространялась на 10.000 акровъ и прекрасно содержалась. Тамъ находилась мельница и водочный заводъ. Работали на ней негры, принадлежавшіе Вашингтону въ количествѣ 300 человекъ. Жили они въ бѣднѣйшихъ жилищахъ, но ихъ положеніе было гораздо счастливѣе всѣхъ сосѣднихъ негровъ, такъ какъ Вашингтонъ обходился съ ними великодушно. «Я никогда не видалъ тамъ, — говоритъ Нѣмцевичъ, — грустнаго негра: всѣ они веселы и по субботамъ танцовали подъ музыку». Вообще генералъ занимался много земледѣіемъ и даже изобрѣлъ новую соху. «Вашингтона обвиняютъ всѣ, — замѣчаетъ Нѣмцевичъ, — въ молчаливости, и дѣйствительно онъ мало говоритъ, хотя не отказывается отъ разговора, когда затрогиваютъ предметъ, интересующій его. Такъ, по поводу французской революціи онъ однажды сказалъ: «Дѣйствія французовъ въ Голландіи, Италіи и Швейцаріи должны служить предостереженіемъ другимъ націямъ относительно ихъ намѣреній и должны указать, что не свобода и счастье другихъ людей, но ихъ собственное самолюбіе и желаніе побѣды — единственный мотивъ ихъ дѣйствій». Кромѣ того, онъ часами говорилъ со мною о земледѣліи и вспоминалъ различные эпизоды изъ революціонной войны. Быть можетъ, онъ совершилъ немало ошибокъ, но онъ истинно великій человекъ и оказалъ громадныя услуги своей родинѣ. Кромѣ своихъ военныхъ способностей онъ отличался безкорыстіемъ и самое трудное время служилъ безъ жалованья, а послѣ побѣды не хотѣлъ получить вознагражденія. Онъ даже не жаждалъ и славы и, имѣя возможность остаться президентомъ всю жизнь, вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ онъ

вела самую спокойную и однообразную жизнь въ Маунтъ-Вернонѣ. Онъ вставалъ въ 5 часовъ утра и до 7-ми читалъ и писалъ: за чаемъ онъ ѣлъ маисовой хлѣбъ съ масломъ и медомъ. Потомъ онъ верхомъ отпирался осматривать поля и затѣмъ возвращался въ 2 часа обѣдать, во время котораго выпивалъ стаканъ мадеры. Затѣмъ онъ читалъ газеты, которыхъ получалъ ровно десять, и писалъ письма. Въ 7 часовъ онъ пилъ чай, разговаривалъ и въ 9 часовъ шелъ спать. Мистриссъ Вашингтонъ была одинаковыхъ лѣтъ съ мужемъ; она была небольшого роста, съ блестящими глазами, чрезвычайно веселаго настроения, считалась одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Америкѣ и даже до старости не потеряла своей прелести. Трудно было встрѣтить болѣе очаровательной, въ нравственномъ отношеніи, женщины. Добрая, пѣзжая и чрезвычайно приятная личность, она любила говорить и говорила хорошо о старинѣ». Въ концѣ своего описанія Маунтъ-Вернона Нѣмцевичъ упоминаетъ объ архивѣ Вашингтона, который состоялъ изъ тридцати или сорока ящиковъ со всякаго рода бумагами: отчетами, докладами и перенесенной съ генералами и членами конгресса. Генералъ намѣревался выстроить особый домъ для своего архива, такъ какъ онъ занималъ чрезвычайно много мѣста. Наконецъ настало время разстаться съ Маунтъ-Вернономъ, гдѣ Нѣмцевичъ провелъ 12 дней, и накануне отъѣзда Вашингтонъ имѣлъ съ нимъ памятный разговоръ о поведеніи Франціи относительно Америки, которое должно было окончиться войной. «Будемъ ли смотрѣть на отношенія Франціи къ Америкѣ,—сказалъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ:—съ точки зрѣнія наносимаго намъ вреда и грабежа нашей торговли, доходящаго до 50 милліоновъ долларовъ, или съ точки зрѣнія оскорбленія нашей національной чести удаленіемъ посланниковъ, или наконецъ съ точки зрѣнія преслѣдованія и уничтоженія свободныхъ націй ихъ военнымъ правительствомъ,—мы видимъ необходимость вооружиться и приготовиться къ грозившей намъ опасности. Миръ и покорность окончатся тѣмъ же чѣмъ въ Венеціи. Покорность въ этомъ случаѣ не что иное, какъ трусость. Скорѣе Америка возстанетъ. Несмотря на мою старость, я, напримѣръ, отдамъ послѣднюю каплю крови, остающуюся въ моихъ жилахъ, чѣмъ стерплю униженіе. Президента Адама упрекаютъ, что онъ слишкомъ умиротворенъ въ дѣйствіяхъ и слишкомъ смѣлъ на словахъ. Съ той минуты, какъ я покинулъ администрацію, я не писалъ ему ни слова и не получилъ отъ него ни слова, кромѣ официальныхъ денешъ, обнародованныхъ въ газетахъ. Я не знаю, имѣетъ ли онъ другія свѣдѣнія, кромѣ этого, но я убѣжденъ, что, какъ благоразумный, честный и хороший человекъ, онъ не можетъ дѣйствовать иначе. Я самъ, быть можетъ, на его мѣстѣ писалъ бы также смѣло, но, конечно, я дѣйствовалъ бы смѣлѣе и энергично приготовился бы на всякій случай».

— Последніе шуаны. Новая книга историка Гесленъ-Ленотра «Точневицъ», недавно появившаяся въ Парижѣ, съ предисловіемъ Сарду,—весьма интересный историческій очеркъ нравовъ нормандскихъ шуановъ времени имперіи, отъ 1804 до 1809 г.г. Въ 1792 году неспособность правительства революціонныхъ партій привела Францію въ положеніе разрушенія. На каждомъ шагу встрѣчались заброшенные деревни, дома безъ крышъ, сожженные фермы, разрушенные церкви и замки. Полиція,---говорится въ предисловіи книги,--- была

вся поглощена политикой, и жандармы, набранные изъ поддонковъ общества, состояли изъ всевозможныхъ негодяевъ, мазурковъ, бѣглецовъ и террористовъ безъ занятій». Во время директоріи и первыхъ лѣтъ консульства Франція жила грабежами и убійствами: разбойники раскидывались лагеремъ въ пустынныхъ лѣсахъ, развалинахъ, покинутыхъ каменоломняхъ, какъ, напримеръ, въ Гедревилѣ, главной квартирѣ Ожерской банды. Помѣщеніе находилось въ подземельѣ, въ сто футовъ длины и тридцать ширины. Правильно организованная шайка состояла изъ мужчинъ и женщинъ—начальниковъ, помощниковъ, хранителей добычи, шпионовъ, курьеровъ, цирюльниковъ, хирурговъ, портныхъ, кухарокъ, воспитателей для дѣтей и приходскаго патера. Эти шайки увеличивались отъ наплыва бѣглецовъ изъ императорской арміи. «Аристократы съ горячими головами и рѣшительнымъ умомъ» работали въ пользу паденія «тирана» и возстановавленія короля. Вблизи Вернона находился замокъ «Tournebut», окруженный густымъ лѣсомъ и представлявшій прекрасное гнѣздо для шуановъ и ихъ заговоровъ. Онъ принадлежалъ маркизѣ Камбрэ, урожденной Женевиевѣ Жеринъ де-Брюншель, дочери председателя счетной палаты въ Нормандіи. Ея мужъ умеръ, оставивъ ей двухъ сыновей и двухъ дочерей, а также значительныя помѣстья въ окрестностяхъ Фалеза. «Это была надменная, повелительная женщина,—какъ рисовалъ ее Аккэ де-Ферелло, ея врагъ. Ея душа была сильная, полная энергіи: она умѣла пренебрегать опасностями и общественнымъ мнѣніемъ, ея не пугали самые смѣлые планы, и ея честолюбіе было чрезвычайное». Ея единственной мечтой было,—говоритъ Ленотръ,—возстановити королевскій тронъ. Послѣ проведенныхъ трехъ лѣтъ въ Руанѣ она вернулась въ 1796 году въ замокъ «Турнебу», полная мести за короля и упорныхъ илюзій, объявивъ борьбу революціи и вѣря въ скорую побѣду. Ея замокъ былъ очень обширный и хотя своимъ вѣшнымъ видомъ не представлялъ ничего необыкновеннаго, но внутри былъ устроенъ совершенно въ романтическомъ духѣ. Такъ, поднимаясь по маленькой лѣсенкѣ, доходили до крошечной комнаты, совсѣмъ подъ крышей, въ ней было лишь одно окно и простая кровать. Подъ тюфякомъ, близкіе къ маркизѣ личности находили гвоздь, стоило вытащить его, и внезапно растворялась стѣна въ большую комнату—человѣкъ на пятнадцать. Въ другой сторонѣ замка былъ чердакъ, на которомъ всегда находилось развѣшеннымъ грязное бѣлье. На уронѣ съ порогами лежала прикрученная толстая балка, украшенная дощечками, поддерживаемыми планочками. Въ маленькой виадигѣ балки, наполненной червоточиною, лежалъ кусокъ желѣза; если прилаживали его къ одному изъ гвоздей, крѣико укрѣпленныхъ въ одной изъ планочекъ, дощечки складывались, и въ стѣнѣ отворялась дверь, за которой находился громадный залъ на 50 человѣкъ. Здѣсь-то маркиза укрывала своихъ сообщниковъ и оружіе. Ихъ обязанность состояла въ задержаніи почты, отвозящей доходы государства и обирание денегъ «тирана», которая затѣмъ помѣщались въ кассу шуановъ, съ цѣлью возвращенія короля. Дилижансы захватывались на поворотахъ лѣса, и въ этихъ экспедиціяхъ мужчинамъ помогали

¹) La Chouannerie normande au temps de l'empire: Tournebut (1804—1809); par Gosselin Lenotre. Paris. 1901.

и женщины «аристократки», пересодѣтыя мужчинами. Послѣ смерти Кадудала начальниками шуановъ были виконтъ д'Анэ и молодой человекъ, котораго называли всѣ «кавалеромъ»; на немъ-то Ленотръ сосредоточилъ весь интересъ разсказа. «Это былъ красивый юноша, двадцати пяти лѣтъ, бронетъ съ матовой кожей и бѣлыми зубами. Онъ обладалъ итѣжными глазами, страстнымъ го лосомъ, прекрасными манерами и неистощимой веселостью, несмотря на меланхолическій видъ, а также непоколебимой отвагой. Его звали кавалеромъ Сентъ-Арну, по имени его фермы, что придавало ему аристократическое достоинство, впрочемъ его семья происходила изъ дворянъ. Сентъ-Арну сдѣлался любовникомъ второй дочери маркизы де-Камбрэ, Каролины. Она была замужемъ за Аккэ де-Ферраль, который обольстилъ ее въ замкѣ ея матери, куда онъ проникъ подъ личиной яраго роялиста. Онъ такъ дурно обращался съ нею, что ей пришлось покинуть семейный очагъ. Каролина была очень маленькаго роста, но очаровательна: цвѣтъ ея лица былъ замѣчательно чистъ, а черные волосы — необыкновенно длинны. Маленькая женщина имѣла романтическій характеръ и притомъ была очень чувствительна, привязчива, жива, откровенна, энергична, но въ то же время итѣжна. Въмѣстѣ съ этими качествами она получила прекрасное образование, была хорошей музыкантшей и ученицей Буальдьё». Хотя Каролина болѣе любила Сентъ-Арну, чѣмъ роялистскій вопросъ, однако, зная, что ея возлюбленный былъ въ немъ занятъ, сказала ему: «Я все сдѣлаю для васъ». Съ этого момента она предалась достиженію цѣли шуановъ и исполняла всѣ, возлагаемыя на нее, порученія и обязанности: бѣжала по большимъ дорогамъ, пересодѣтыя мужчиной, носила копуры контрабандистовъ и разбойниковъ, помогала грабить останавливаемые дилижансы и скрывала захваченныя деньги. Въ то время, чрезъ каждые три мѣсяца, совершалась пересылка денегъ между различными провинціальными казначействами. Сборщики податей изъ Сентъ-Лу, Алансона, Евре, отправляли деньги въ Каанъ. Зная, въ какой часъ телѣга съ деньгами должна проѣхать чрезъ извѣстное мѣсто, Сентъ-Арну со своей шайкой, составленной изъ различныхъ поддонковъ, которыхъ онъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ имѣлъ на полномъ содержаніи, — нападалъ на почту и грабилъ, при чемъ Каролина всегда присутствовала при подобныхъ сценахъ. Наконецъ, все раскрылось, и Сентъ-Арну былъ схваченъ. Это дѣло произвело большой шумъ, и Каролина призналась во всемъ матери. Маркиза тотчасъ-же покинула замокъ, но увѣренная дочерью, что Сентъ-Арну дѣйствовалъ совмѣстно съ д'Анэ, возвратилась обратно и даже взялась за пересылку захваченныхъ денегъ. Возвратившись, она узнала, что Каролина обманула ее относительно д'Анэ. Дѣло пошло своимъ порядкомъ, и вскорѣ вся банда была арестована, а съ нею маркиза и Каролина. Сентъ-Арну былъ разстрѣлянъ, а Каролина приговорена къ смертной казни. Желая спасти себя, она унизила до связи съ жандармомъ, но этимъ себя окончательно погубила. Казнь она перенесла стойко, твердо и даже сама положила голову на плаху. Шестидесятилѣтняя маркиза Камбрэ была приговорена къ заключенію въ кандалы на двадцать два года. Она сохранила даже въ тюрьмѣ свое величіе и авторитетъ: ни потери дочери, ни разореніе ничто не сломило ея твердости. Что касается д'Анэ,

то онъ тоже погибъ, преданный своей любовницею, Вобандъ. Она была страстная роялистка и самая ужасная личность изъ всей компаніи. Разведясь съ мужемъ, она повела разсѣянную и безпорядочную жизнь, вскорѣ туалеты и празднества занутили ее въ долгахъ. Она сблизилась съ императорскимъ сенаторомъ, который ждала угодить Фушэ, уговорить ее выдать ее любовника д'Апэ, за что Фушэ, по его словамъ, уплатитъ ее долги. Она согласилась, но просила не вмѣшиваться въ это дѣло, а лишь дать въ ся распоряженіе одного жандарма. Сказавъ д'Апэ, что она устроила его бѣгство въ Англію, Вобандъ выманила его изъ тайнаго жилища и когда онъ вышелъ въ лѣтъ, чтобы отпразднеться на пароходѣ, — его разстрѣляли. Такъ кончилъ жизнь послѣдній шуантъ. Маркиза Камбрэ была всѣхъ счастливѣе, она дождалась паденія имперіи, — ее мечта сбылась. Людовикъ XVIII освободилъ ее изъ тюрьмы, и она была представлена ко двору. Даже въ восемьдесятъ лѣтъ маркиза держалась величественно, не горбясь, носила въ волосахъ лилію и не отказывалась посѣщать празднества въ префектурѣ. Она не покидала болѣе своего таинственнаго замка, гдѣ и умерла 83 лѣтъ.

— Столѣтіе Новалиса. Недавно Германия праздновала столѣтіе своего любимаго поэта-романтика Гарденберга, болѣе извѣстнаго по псевдониму «Новалиса». По этому случаю Морисъ Мюрэ рассказываетъ ¹⁾ въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ «Journal des Débats: Revue hebdomadaire» его интимную жизнь. Гарденбергъ родился въ 1772 году и, получивъ домашнее религиозное воспитаніе въ Іенѣ, познакомился съ Шиллеромъ и Рейнгольдомъ. Вращаясь въ кругу романтиковъ Тика и Шлегеля, онъ также изучалъ философію Фихте. Его прозвали пророкомъ романтической школы, и онъ старался слить въ одно цѣлое жизнь, поэзію и религію. Его романъ «Генрихъ фонъ-Офтердингентъ» трудно понимаемъ, благодаря многочисленнымъ символамъ, трудно уловимымъ и распыленнымъ, хотя основательнымъ. Въ немъ онъ задумалъ представить духъ всѣхъ временъ и народовъ, но хорошо задуманная задача не удалась. Онъ идеализировалъ предметъ своей страсти подъ названіемъ «маленькаго голубого цвѣточка», и въ главныхъ своихъ произведеніяхъ воспѣвалъ въ этомъ изображеніи рано умершую невѣсту, Софію Кюнгъ. Новалисъ — послѣдній поэтъ платонической любви. «Земная любовь къ Софіи мало-по-малу возвышалась и очистившись преобразовалась», въ то же время, какъ матеріальный образъ покойной исчезалъ вдали, замѣняя въ воспоминаніи свои прекрасныя черты идеей любви, красоты и возвышенными формами, которыя не что иное, какъ цѣломудріе. Данте и Петрарка дали этой идеѣ бессмертно-поэтическое воплощеніе. Въ настоящее время только Новалисъ можетъ быть сравненъ съ ними. Фогтацаро въ своей конференціи относительно «Великихъ поэтовъ въ будущемъ» указалъ на громадную роль, какую играла въ поэзіи «влюбленная идеализація женщины» въ пользу «высшаго человѣческаго элемента», и умолялъ новѣйшихъ поэтовъ возстановить эту благородную формулу. «Маленькій голубой цвѣточекъ», т. е. Софія Кюнгъ, не представляла, въ сущности, со-

¹⁾ La petite fleur bleue. Par Maurice Muret. «Journal des Débats. Revue hebdomadaire». 13 decembre 1901.

бою ничего особеннаго. Она была самая незначительная личность, но Новалисъ, какъ поэтъ, видѣлъ во всемъ то, что хотѣлъ видѣть, и ничтожную хорошенькую дѣвушку превратилъ въ божественную музу. Эта разница поразительна, когда сравниваешь Софію Кюнъ съ «маленькимъ голубымъ цвѣточкомъ». Молодой студентъ познакомился съ нею случайно въ ея семьѣ во время одной прогулки въ Греннингенъ. Семья состояла изъ отца, матери, французской гувернантки и дѣлой саравчи дѣвочки, одна красивѣе другой. Мать блестяла въ свое время красотю, а отецъ—дворянинъ, деревенскій житель, былъ не высоко развитой человекъ, но онъ очаровывалъ всѣхъ своимъ добрымъ нравомъ, неселостью и, въ особенности, величественнымъ безразличіемъ, съ какимъ онъ допускалъ сосѣднюю молодежь любезничать съ его дѣтьми. Однимъ словомъ, это была самая веселая семья во всемъ округѣ, и молодые люди, не избалованные въ то время весельемъ, дѣлили эту добродѣтель болѣе всего. Зловѣщіе слухи изъ Франціи достигали, конечно, и нѣмецкихъ дворянъ, но несколько не портили ихъ расположенія духа. Въ Греннингенъ попрежнему веселыми взрывами смѣха изгонялись всѣ черныя мысли, столь былъ открытъ для всѣхъ, и молодежь весь годъ предавалась невиннымъ, но опаснымъ играмъ, а вечеръ заканчивался обычнымъ вальсомъ. Софіи было въ это время тринадцать лѣтъ. Молодой Гарденбергъ былъ очарованъ граціей и красотой молодой дѣвушки и рѣшилъ, что ни на комъ не женится, кромѣ нея. По нѣмецкому обычаю они обмѣнялись кольцами, невзирая на юный возрастъ невѣсты, хотя свадьба была отложена надолго, что, однако, не отнимало у него права свободно ухаживать за нею. Благодаря своему положенію жениха, онъ могъ провести каникулъ въ семьѣ Кюна, тѣмъ болѣе, какъ романтикъ, онъ находился подъ вліяніемъ Рима и восторгался Игнатіемъ Лойолой, презирая Лютера, вслѣдствіе чего былъ не въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ своими родными, ярыми послѣдователями Лютера. Свободное отъ свиданій съ невѣстою время онъ посвящалъ ученію. Для скорѣйшаго осуществленія плана женитьбы онъ готовился на довольно прозаическую дорогу инженера, которую быстро сдѣлалъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занимался метафизикой. «Въ сущности,—говорилъ онъ,—мой предпочитаемый предметъ изученія носитъ одинаковое съ моею невѣстою имя: Софія (мудрость)». На любовь такого человекъ, какъ Новалисъ, Софія Кюнъ не отвѣчала любовью. Она допускала своего поэта ублаживать себя золотыми рѣчами, не понимая ихъ хорошо, такъ какъ это была бѣдно одаренная способностями дѣвушка. Ея дневникъ лучше всего рисуетъ ея умственный кругозоръ и отношенія къ Новалису. 6-го января 1795 года она писала: «Юсъ проѣхалъ въ Лейпцигъ, и Гарденбергъ его провожалъ, затѣмъ возвратился». Среда 7-го: «Сегодня Гарденбергъ рано уѣхалъ верхомъ». Воскресенье 11-го: «Прогулка въ Заксенбергъ. Гарденбергъ поѣхалъ съ нами. Миѣ никакого не было удовольствія». Последняя фраза прекрасно характеризуетъ ея отношенія къ поэту. Но ему не пришлось разочароваться: совершенно непредвидѣнная болѣзнь печени унесла ее черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ могилу. Желая спасти молодую дѣвушку, ее отправили въ Йену для операціи, но перенеся стойко страданія, она умерла. Три дня плакалъ и метался Новалисъ, отказываясь отъ пищи, не внималъ утѣшеніямъ и убѣжденный, что въ концѣ года по-

слѣдуетъ за Софіей. Но прошлы года, а Поналистъ жилъ: воспоминаііе о покойницѣ приняло форму поэзіи. Въ «Офтердингенѣ» онъ рисуетъ себя въ образѣ Генриха и его слова: «Я мечтаю о тебѣ, которую я любилъ на землѣ!.. Ты умерла, и протекъ еще часъ страданій. Загнѣтъ я послѣдовалъ за тобою», оправдалсь и 25-го марта 1801 года его не стало. Онъ умеръ отъ чахотки 29-ти лѣтъ. Но поэты, измѣнили «маленькому голубому цѣточку»: онъ обручился съ дочерью одного изъ своихъ друзей — Юліей Шарпантье, но за эту невѣрность былъ наказанъ смертью.

— Отецъ Виктора Гюго. До сихъ поръ еще не существовало біографіи отца Виктора Гюго, генерала Гюго, и только въ одной изъ февральскихъ книжекъ «La Nouvelle Revue» Э. Ганно помѣстилъ статью, составленную по собраннымъ въ архивѣ военнаго министерства документамъ. Въ метрическомъ свидѣтельствѣ генерала Гюго значится: «Жозефъ-Леопольдъ-Сигисбертъ, законный сынъ Жозефа Гюго, столяра, и Жанны-Мargarиты Минпо, прихожанъ Сентъ-Энриъ де-Нанси, родился въ 11¹/₄ ч. вечера 15-го ноября 1773 года и былъ крещенъ 16-го того же мѣсяца». Сигисбертъ, такъ же, какъ и отецъ, изучалъ столярное ремесло, но когда онъ отправился въ обычное тогда для рабочихъ путешествіе по Франціи, то прельстился военнымъ мундиромъ, который онъ искорѣ снѣлъ по случаю распушенія полка. Во время революціи онъ снова взялся за оружіе, и въ 1814 году онъ дослужился до чина бригаднаго генерала и командовалъ въ Тювильтѣ, во время осады. Военная карьера его была не изъ легкихъ: онъ участвовалъ во многихъ походахъ и перенесъ тяжелыя испытанія при переходахъ между Непалеомъ и Пенаніей. Онъ не видѣлъ ни аустерлицкой, ни іенской битвы, но сражался не безъ достоинства, вдали отъ Наполеона, пмѣя непріятелями людей, отетанавившихъ, во что бы то ни стало, своего короля. Находясь при Моро на Рейнѣ, до и послѣ Гогенлиндена, Гюго навлекъ на себя гнѣвъ Наполеона. Если бы не Іосифъ Бонапартъ, онъ, безъ сомнѣнія, вернулся бы домой во время консульства, довольствуясь скромнымъ существованіемъ. Но время выльчило его неприязнь къ Наполеону, и въ 1815 году онъ предпочелъ Наполеона, возвратившагося съ острова Эльбы, — Людовику XVII. Три большіе праздника были въ его жизни: его прекрасное поведеніе въ Кальдіеро въ 1805 году, допросъ Фра-Діаволо, захватъ котораго онъ приписываетъ себѣ, и защита Тювиля во время цѣлестнія союзниковъ въ 1814 и 1815 годахъ. Въ первомъ случаѣ его поведеніе былъ смѣлое. Когда французская армія была отгнѣнена, и Гюго овладѣлъ деревней Кальдіеро, гдѣ продержался, несмотря на усилія непріятеля, — четыре часа. Такимъ образомъ дѣло приняло другой оборотъ, и французская армія овладѣла полемъ сраженія. Однако, на другой день послѣ сраженія, въ которомъ Гюго выказалъ героизмъ, его не сдѣлали полковникомъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ даетъ только неясное резюме военныхъ событій, свидѣтельствомъ которыхъ онъ былъ. Но онъ напрасно приписываетъ себѣ взятіе Фра-Діаволо. Во Франціи вѣрли его разсказу, и Скрибъ, составляя оперу «Фра-Діаволо», оркестровкой которой занялся Обертъ, обратился къ Виктору Гюго за справками

1) Le général Hugo; par Э. Ганно «La Nouvelle Revue», 1 février, 1902.

относительно знаменитого главы партизановъ. Но авторъ статьи сообщаетъ совершенно нныя подробности о Фра-Дяволо. Источникомъ для нихъ служили: итальянскіе архивы и тѣсныя отношенія съ итальянскими историками. Онъ увѣряетъ, что эти подробности совершенно точны, но неизвѣстны во Франціи. По его словамъ, Фра-Дяволо, или Микаэло Пенца, какъ его называли (il bello micælo), бригадиръ-куррьеръ въ арміи короля Фердинанда, въ 1798 году, вернулся въ свою деревню, гдѣ былъ прежде рабочимъ-шаночникомъ. Онъ задумалъ играть роль кардинала Руффо, но никогда не былъ разбойникомъ на большихъ дорогахъ, какъ его представилъ Скрибъ. Краснорѣчивый, убѣдительный и въ то же время жестокій, онъ поклялся въ 1806 году предъ ликомъ Мадонны изгнать изъ Неаполитанскаго королевства французовъ, явившихся линить престола короля. Послѣдній, восторгаясь его храбростью или вѣрнѣе фанатизмомъ сдѣлалъ изъ крестьянина герцога Кассано. Онъ облекъ его чрезвычайной властью и пожаловалъ ему право обращаться, какъ съ равнымъ, съ начальникомъ британской эскадры. Во все время осады Газты Фра-Дяволо (или братъ—Дяволъ, прозвище, данное ему, благодаря его ночнымъ подвигамъ) оказалъ важныя услуги принцу Гессенъ-Филинштадтскому, командовавшему крѣпостью. Послѣ подписанія капитуляціи онъ покинулъ Газту, одѣтый погонщикомъ муловъ и поселился въ горахъ. Отдохнувъ, Фра-Дяволо снова появился между Вальтурной и Римскими владѣніями. Английскій флотъ давалъ ему провіантъ и очень часто убѣжище. Одинъ капитанъ, состоявшій адъютантомъ при главномъ штабѣ, Ампра, въ своемъ рапортѣ 9-го сентября 1806 года доносилъ, между прочимъ новому неаполитанскому королю: «Сидней Смитъ, командиръ эскадры, назначенной произвести высадку и организовать народныя массы, облеченъ полною властью Фердинандомъ, или, вѣрнѣе Каролиной. Онъ всегда окруженъ начальниками разбойничьихъ шайкъ, съ которыми производитъ различныя операціи; съ нимъ много денегъ, и онъ щедро бросаетъ ихъ, чтобы илдушить шайки убійць, напримеръ: Фра-Дяволо, Пале-ди-Гроне, Карбанари и другихъ. Даже англичане не уважаютъ Смита, понимая, что его роль не дѣлаетъ чести ихъ родинѣ». Фра-Дяволо и Смитъ — два непріятели, которые будутъ сражаться противъ господства французовъ — такъ было рѣшено во Франціи. Наполеонъ оцѣнилъ ихъ головы, сиречь являясь ежедневно у министра Дежана о результатѣ ихъ преслѣдованія, а Іосифъ послалъ нѣсколько отрядовъ солдатъ по слѣдамъ главы партизановъ. Французскіе рапорты даютъ возможность преслѣдить каждый шагъ Фра-Дяволо. Во всѣхъ этихъ рапортахъ не встрѣчается имени батальоннаго командира Гюго. Начальниками четырехъ группъ, отрявленныхъ съ цѣлью преслѣдованія Фра-Дяволо, были: Эманъ, Кавеньякъ, Форестье и Тома. Іосифъ Бонапартъ, покровительствуя Гюго, хотѣлъ выдвинуть его предъ Наполеономъ и не упустилъ случая указать на него, какъ на инициатора въ дѣлѣ поимки Фра-Дяволо. Въ своихъ воспоминаніяхъ Гюго наивно говорить въ доказательство своего участія во взятіи Фра-Дяволо: «Чтобы не потерять слѣдъ Фра-Дяволо, мы сиранивали настухотъ, которые намъ всегда указывали, гдѣ былъ Пенца». Это невѣроятно: никакой настухотъ или крестьянинъ не рѣшился бы на это, рискуя впоследствии заплатить свою голову. 28-го октября Фра-Дяволо былъ близко окруженъ егерями Форестье; онъ прятался въ каштано-

вомъ лѣсу, въ дуплѣ дерева и цѣлые три дня питался фруктами: затѣмъ укрался въ хижинѣ пастуха, хозяйнѣ которой былъ въ отсутствіи. Наконецъ 1-го ноября онъ пустился отважно по тропинкѣ, ведущей къ городу Баронези. Вечеромъ, онъ встрѣтилъ двухъ людей, подозрительнаго вида, которые сказали ему: «Фра-Діаволо—подлецъ, онъ измѣнилъ своимъ братьямъ по оружію». Не желая выдавать себя, Пецца отвѣтилъ: «Фра-Діаволо честный, но онъ покинуть своимъ людьми». Одинъ изъ путниковъ спросилъ: «Ты на сторонѣ измѣнниковъ?» Види что на него направляется кулакъ, онъ вынулъ пистолетъ и истрѣлить въ своего противника. Пуля пролетѣла мимо. Тогда оба путника исколотили его и обобрали. Фра-Діаволо дотанцился до какой-то хижины, гдѣ его пріютили. 3-го ноября опухоль отъ ранъ заставила его странно страдать и безонокнуться. Въ одномъ кителѣ и опираясь на палку, онъ явился къ аптекарю въ Баронези, прося у него, какъ милости, лѣкарствъ. Но на улицѣ его встрѣтилъ смотритель солянаго акциза и предупредилъ городскую полицію: четверо солдатъ явилось въ аптеку и потребовали у Пецца бумаги. Онъ не могъ ихъ представить. Его арестовали и отправили на гаутивахту, которой командовалъ начальникъ эскадрона Фаринѣ. Денщикъ Фарина неанолитанецъ. Навезъ призналъ въ немъ Фра-Діаволо, и онъ былъ отправленъ закованный въ цѣпи въ Салерно, затѣмъ въ Неаполь, гдѣ его судили военнымъ судомъ, и за вооруженное разбойничество и бунтъ противъ короля онъ былъ 10-го ноября приговоренъ къ повѣшенію. Сигнебертъ Гюго видѣлъ его только одинъ разъ, 8 ноября, въ неанолитанской тюрьмѣ. Ему поручилъ король допросить Пеццу о томъ, какъ онъ доставалъ себѣ помощъ въ Кампаніи, и добиться, чтобы онъ назвалъ имена его сообщниковъ въ Салерно. «Обвиненный лежалъ въ глубинѣ темнаго каземата, — говоритъ Гюго, — его вытянутыя руки были закованы: когда мы вошли, онъ перебиралъ лѣвой рукой четки. Тотчасъ смотритель тюрьмы вышелъ. Гюго, взявъ фонарь, освѣтилъ лицо узника, котораго было очень блѣдно, и разговоръ завязался. — «Фра-Діаволо, я принесъ тебѣ средство спасти твою голову», — сказалъ Гюго. Микело Пецца взглянулъ на него съ ненавистью и отвѣтилъ: «Кто ты, что говоришь со мною такимъ образомъ?» — «Я командиръ!» — «Тогда я выше тебя; я — генералъ, главнокомандующій арміей его католическаго величества короля Фердинанда, да хранигъ его Богъ. Приказываю тебѣ оставить меня въ покоѣ и выйти отсюда!» Гюго протестовалъ. — «Но я съ порученіемъ отъ короля Іосифа!» — «Н, я не знаю никакого короля Іосифа. Что отъ меня хочетъ этотъ Іосифъ?» — «Онъ сожалѣетъ тебя». Фра-Діаволо страшно потрясъ цѣпями: «нѣтъ, я не хочу его сожалѣній. Якобинцы меня поубьютъ. Я иривотворяюсь къ смерти, прося Аронскую Богородицу отыграть мнѣ путь отъ висѣлицы донеза». — «Тебѣ достаточно назвать твоихъ солдерскихъ сообщниковъ». Пецца нахмурился и воскликнулъ. «Отъ меня требуютъ подлости, я не измѣнникъ». И онъ произнесъ съ жаромъ на неанолитанскомъ народномъ нарѣчій: «Святая Аронская Богородица, уничтожь французозитъ!» Гюго вышелъ и передалъ королю объ отказѣ Фра-Діаволо. Тѣмъ и окончилась исторія Фра-Діаволо, и онъ былъ повѣшенъ. Затѣмъ Гюго сопровождалъ своего покровителя Іосифа Вонапарта изъ Неаполя въ Мадридъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ Веллингтономъ и осады Сарагоссы и Витторіи, коалиція изгнала изъ Испаніи короля и

Жарди; на другой день одна революционная газета объявила, что Бальзакъ былъ социалистомъ, а «Libre parole» выставила его антисемитомъ. Несмотря на многочисленные комментарии, которые породила его «Человѣческая комедія», политическія идеи знаменитаго писателя оставались мало извѣстными. Все затрудненіе состояло въ томъ, что вопросъ старались разрѣшить посредствомъ его романтическихъ произведеній. Теперь Габріэль Ферри рѣшилъ это очень просто, прибѣгнувъ къ избирательнымъ программамъ Бальзака въ качествѣ кандидата на парламентскихъ выборахъ. Въ «Revue politique et parlementaire», 10 декабря появилась статья ¹⁾ Г. Ферри относительно этого вопроса. Оказывается, что Бальзакъ всю жизнь желалъ сдѣлаться государственнымъ членомъ, и на другой день послѣ революціи 1830 года онъ поставилъ свою кандидатуру разомъ въ Ангулемъ и Камбрэ. Онъ всегда выказывалъ себя либераломъ, жаждавшемъ политическаго прогресса, и даже социалистомъ на пользу неимущихъ классовъ. Онъ безпощадно осуждалъ партіи въ цѣлой серіи газетныхъ хроникъ, озаглавленныхъ: «Письма о Парижѣ». Въ ноябрѣ 1830 года онъ писалъ г-жѣ Карро: «Я вижу повсюду—страсть и нигдѣ разсудка... Не обвиняйте меня въ не патриотизмѣ, потому что мой разумъ побуждаетъ меня разочаровываться въ людяхъ и событіяхъ». Его брошюра: «Исслѣдованіе о двухъ министерствахъ», подписанная: «Бальзакъ, избирательный избиратель», раздавалась въ двухъ округахъ. Въ ней онъ преслѣдовалъ министерства Лафита и Казимира Перрье; въ своей программѣ онъ объявлялъ, что никогда не продастся правительству, и требовалъ уничтоженія дворянства, отдѣленія духовенства отъ Рима, природныхъ границъ Франціи, т. е. береговъ Рейна, совершеннаго равенства среднихъ классовъ, признанія превосходства способностей, экономіи въ расходахъ, увеличенія сбора податей лучшимъ ихъ распределеніемъ, наконецъ—всеобщаго образованія. Эта программа довольно банальна, но дополненная «Письмами о Парижѣ», она достаточна для политической классификаціи Бальзака. Бальзакъ принадлежалъ къ конституціонной оппозиціи. Съ подобной программой Беррье было торжественно выбранъ, а Бальзакъ не имѣлъ успѣха. Далеко не желая возвращенія Генриха V, которое онъ считалъ невозможнымъ, Бальзакъ отдавался отъ Шатобріана и другихъ легитимистовъ, но его мнѣнію, противникомъ внутренняго спокойствія. Онъ признавалъ монархію въ лицѣ Луи-Филиппа скорѣе изъ дружбы къ нѣкоторымъ личностямъ, чѣмъ по личному вкусу. Но эта преданность къ королю не мѣшала ему присоединяться ко всемъ требованіямъ партіи либераловъ. Его «Исслѣдованіе о двухъ министерствахъ» не завоевало ему избирателей, и они подали голоса за другихъ двухъ кандидатовъ. Въ томъ же году онъ окончилъ «Шагреновую кожу», а въ слѣдующемъ «Деревенскаго доктора», ихъ литературнымъ успѣхамъ онъ утѣшился отъ неудачи. Однако Бальзакъ не покинулъ окончательно политики и купилъ журналъ «Хроника Парижа», онъ выставилъ въ первыхъ строчкахъ свою программу «либеральную и прогрессивную», въ которой первое мѣсто занимали

¹⁾ Balsac candidat à la députation. Ses idées politiques (1834—1848), par Gabriel Ferry. «Revue politique et parlementaire». 10 décembre 1901.

гражданское равенство, свобода печати и торговли. Революція 1848 года была для него катастрофой. Какъ на большую часть его друзей, паденіе Луи-Филиппа произвело и на него горестное впечатлѣніе, а провозглашеніе республики и всеобщая подача голосовъ пугали его, какъ большую часть либераловъ. Къ этимъ нравственнымъ заботамъ присоединилось еще жестокое денежное затрудненіе и въ то время, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма и другіе выставили свою кандидатуру на выборы, Бальзакъ безпокойный, растерянный, сослался на старость, чтобы не вмѣшаться въ политическую борьбу. Однако, одинъ клубъ «Всемирное братство» завелъ его въ реестръ кандидатовъ; онъ отиѣтилъ, что принимаетъ полномочіе, но находитъ бесполезнымъ выставять свою программу: «Есть люди,—сказалъ онъ,—которыхъ будутъ искать избиратели, а есть и такіе, которые сами ищутъ избирателей, и они должны опредѣлять свою политическую программу. Что до меня, если я вовсе не принадлежу моими литературными работами къ девятистамъ лицъ, представляющихъ въ нашей странѣ образованный классъ, или общественную силу, или богатство торговли, или знаніе законовъ, то баллотировка мнѣ это скажетъ». Во второй разъ общая подача голосовъ доказала Бальзаку, что народная подача голосовъ охотно не признаетъ «превосходство способныхъ людей», и только семьдесятъ два голоса высказались за него. Но, благодаря недоверію остальныхъ, на свѣтъ появилась «Человѣческая комедія». Когда послѣ июньскихъ дней г-жа Жирарденъ нашла на генерала Кавеньяка въ «La Presse» Бальзакъ отдаленъ отъ своей старой пріятельницы. Эта осторожность въ подобныхъ обстоятельствахъ была послѣднимъ выраженіемъ его политическихъ убѣжденій. Викторъ Гюго правильно выразился о немъ его другу Лемеру: «У этого великаго человѣка были мозгъ и сердце демократическіе. Монархическое было у него только воображеніе». Впрочемъ лучшее понятіе о политическихъ идеяхъ Бальзака даетъ его статья, недавно перепечатанная: «О современномъ правительствѣ». Между прочимъ онъ говоритъ: «Непосредственный результатъ представительнаго правительства—это дать въ руки власть министерству, подверженному безирестаннымъ спорамъ. Эта система не мѣшаетъ странѣ имѣть дворъ и куртизанокъ—два вѣчные бича, на которые вѣчно жалуется народъ. Продлите Казимиру Перье десять лѣтъ жизни, силъ и министерство, и вы найдете маленькаго Ришелье, безъ порфиры, низменнаго тирана, но окруженнаго своими хранителями, льстецами, словомъ конституціонную имперію, наряженную въ маску законности. Партія палатъ является вездѣ, гдѣ возникаетъ власть. Конституціонный министеріализмъ не выходитъ изъ этой дилеммы: гдѣ нація подвергнется долгое время деспотизму талантливаго человѣка, она снова найдетъ королевское достоинство, только подъ другой формой и безъ наслѣдственныхъ преимуществъ, и ей придется периодически уплачивать неслыханные долги, или нація часто будетъ мѣнять министровъ, и тогда ея благоденствіе будетъ физически невозможно, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе губительнаго въ администраціи, какъ измѣненія системъ. Каждый министръ имѣетъ свою систему и, какъ случается въ природѣ, самый ничтожный человѣкъ полагаетъ ее создать—худую или хорошую. При томъ кратковременный министръ не сумѣетъ отдаться разомъ

интригамъ, необходимымъ для своего поддержанія и дѣлаетъ государства. Онъ достигаетъ власти, какъ путешественникъ, выходятъ изъ затрудненій займаетъ и увеличиваетъ государственный долгъ, удаляясь часто въ тотъ моментъ, когда онъ узналъ кое-что изъ правительственной науки. Въ данное время государственныи долгъ, этотъ балансъ глуостей, парастаетъ. Банкротство приближается. Только оно дѣлается отъ имени всѣхъ вмѣсто того, чтобы быть отъ одного лица, и придетъ день во время этой системы, когда капиталисты будутъ въ родѣ вельможъ, противъ которыхъ страдающій народъ придумаетъ какія нибудь страшныя казни. Доходъ будетъ привилегіей легкомыслия, ненавидимый, какъ дворянство въ 1790 году. Какому фатальному инстинкту повиновался народъ, желая управлять самъ собою? Это понятно было въ маленькихъ среднесѣковыхъ общинахъ, но въ современномъ большомъ государствѣ—это невозможно. Для выполнения великихъ дѣлъ необходима единственная и центральная власть. Разсѣянная власть конституціонной монархіи не можетъ ничего произвести: если страна должна защищаться національной гвардіей, къ чему же армія? Если представителемъ страны является только единственная палата, такъ какъ пэры есть только принадлежность избирательной палаты и пляшутъ подъ дудку денутатовъ,—къ чему же король? Онъ только стѣснителенъ, потому что для всѣхъ образованныхъ людей конституціонное правительство принуждено измѣнить свою природу, когда палата разумная и сильная, или сдѣлать чахлой націю, если собраніе составлено изъ ничтожествъ. Оно ведетъ или къ деспотизму, или къ разрушенію. Съ революціи 1789 года условія измѣнились, но въ сущности предметъ правленія не измѣнился. Онъ опирается теперь на три элемента: на массу нищихъ и невѣждъ, массу среднихъ и массу аристократовъ. Въ послѣднюю входитъ выдающіеся люди, созданные деньгами, властью и образованіемъ. Эти три класса—вѣчные базисы націи, и теперь, чтобы установить совершенное, долгосрочное правительство, надо удовлетворить идеи, а также интересы, ибо массы имѣютъ только эти два выраженія. Слѣдовательно, пусть будетъ монархическое правленіе или совершенно демократическое, власть, будучи непрерывнымъ сочетаніемъ интересовъ и идей управляемыхъ массъ, должна быть единой и сильной, такъ какъ она само дѣйствіе этой массы, и что нѣтъ возможнаго дѣйствія съ ограниченіемъ. Учреждать слабое правительство—это допустить необходимость принципа и отвергать его. Такимъ образомъ предостоятъ лишь буря».

— Мемуары Дюрюи. Въ 1888 году, знаменитый французскій историкъ и министръ народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ III, Дюрюи, рѣшился, несмотря на свой семидесятилѣтній возрастъ, написать воспоминанія о своей жизни, современныхъ событіяхъ и своей плодотворной дѣятельности¹⁾. Трудъ этотъ длился до 1892 г., а напечатать его онъ предоставилъ своимъ наследникамъ. Дюрюи посвятилъ свое послѣднее произведеніе младшему сыну, въ то время мальчику четырнадцати лѣтъ. «Я хочу,—писалъ онъ,—разсказать тебѣ мою публичную и литературную жизнь, чтобы ты могъ въ одинъ прекрасный день сказать своимъ дѣтямъ: «Мой отецъ былъ хорошимъ слугою своей страны, и

¹⁾ Notes et souvenirs (1811—1894), par Victor Duruy, 2 vol. Paris. 1901.

онъ внести въ свой домъ честь: будемъ поступать, какъ онъ». Наконецъ, его произведеніе вышло въ свѣтъ и вполне оправдало его слова. Дюрюн смѣло могъ отдать на судъ публикѣ свою любовь къ родинѣ, семейному очагу и дѣятельности по народному образованію. Въ его книгѣ находятся документы, свидѣтельствующіе объ его дѣятельности, результаты задуманныхъ проектовъ для улучшенія университета и преподаванія, также личныя воспоминанія о годахъ, проведенныхъ въ учительской семинаріи и объ его первоначальномъ преподаваніи, о составленіи исторій Греціи и Рима, а также объ осадѣ Парижа и вступленіи въ академію. Но это занимаетъ лишь часть воспоминаній. Двѣ трети посвящены задуманному имъ административному плану реформъ въ первоначальномъ образованіи. Проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія и преобразованія факультетовъ, представленный имъ въ сенатъ въ іюль 1870 г., за нѣсколько дней до объявленія войны, исчезнулъ вмѣстѣ съ имперіей, но Дюрюн доказываетъ, что онъ предлагалъ большую часть реформъ, которыя съ тѣхъ поръ дали жизнь французскимъ университетамъ. Затѣмъ Дюрюн говоритъ, что, несмотря на свои самыя близкія отношенія съ императоромъ, онъ всегда сохранялъ свой либеральный характеръ. Это видно изъ главъ, посвященной императору и императрицѣ. Его первое свиданіе съ Наполеономъ въ Фонтенбло послѣ назначенія на министерскій постъ прошло очень просто. «Не было съ одной стороны поведенія къ стопамъ, ни съ другой—официальнаго пріема и повелительныхъ приказаній,—говоритъ Дюрюн.—На мои слова: «какимъ образомъ ваше величество могли помыслить сдѣлать изъ меня министра?»—императоръ отвѣтилъ слѣдующими нѣсколькими словами: «дѣло пойдетъ хорошо». «Вотъ всѣ инструкціи, какія я когда либо получилъ». Но зато министръ на слѣдующій день послѣ своего назначенія написалъ императору письмо, въ которомъ онъ доходилъ до высшей точки относительно своего долга. Онъ объяснилъ Наполеону положеніе своего личнаго состоянія и далъ справки относительно положенія дѣтей, чтобы избѣжать подозрѣній въ неопытнѣ и личномъ интересѣ. Такимъ же онъ являлся во время осады Парижа, когда исполнялъ службу въ національной гвардіи, нося солдатскую шинель съ брилліантовой звѣздой Почетнаго Легіона на груди, и такимъ же представляется намъ въ своихъ мемуарахъ. «Я не взбираюсь на пьедесталъ,—шпишетъ онъ,—на который я желалъ бы понасть. Я удовольствуюсь представить документы, согласно которымъ обо мнѣ будутъ судить». Удивительно, какъ Дюрюн, человекъ съ либеральными взглядами, могъ быть министромъ Наполеона III, не измѣняя характеру своихъ принциповъ. Онъ часто говорилъ съ императоромъ въ рѣзкой формѣ и на вѣжливые вопросы Наполеона отвѣчалъ далеко не любезно. Въ первомъ же разговорѣ съ нимъ на вѣжливое замѣчаніе императора относительно его трудовъ онъ возразилъ: «Эта сила была бы полезна, если бы ее прикрывала официальная должность. Университетъ объ этомъ не мечталъ, но чрезъ нѣсколько времени онъ объ этомъ подумаетъ». Наполеонъ не сердился на него и прозвалъ его «дикимъ». Одно время, когда Дюрюн помогалъ ему въ составленіи «Исторіи Цезаря», онъ даже хотѣлъ взять его къ себѣ въ

¹) Notes et souvenirs (1811—1884) 2 vol; par Duruy. Paris 1901.

секретари, но во время одумался, такъ какъ эта должность вовсе къ нему не подходила, тогда какъ министерскій постъ гораздо болѣе соответствовалъ его способностямъ. Покинулъ же онъ министерство за годъ до франко-германской войны, благодаря интригамъ клерикаловъ. Ярый ихъ антагонистъ, онъ говорилъ, что христіанство—поддержка слабыхъ и повѣждъ, а когда императрица предлагала ему при выходѣ изъ церкви въ Сентъ-Клу святой воды, онъ прямо отказывался. Уже близкій къ смерти Дюрюи говорилъ, что если его похороны должны быть согласно релігіозному обряду, то только изъ привычки, освященной обычаемъ.

— Бисмаркъ, какъ музыкантъ. Робертъ Кёделль, бывшій германскій посланникъ въ Римѣ, недавно напечаталъ въ Берлинѣ свои воспоминанія объ интимной жизни Бисмарка, начиная съ 1846—1872 гг. Кёделль, прежній совѣтникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, въ продолженіе двадцати шести лѣтъ былъ довѣреннымъ другомъ и «музыкантомъ» Бисмарка ¹⁾. Въ тотъ день, когда онъ замѣтилъ, что его музыка не интересуетъ болѣе Бисмарка (1872), онъ рѣшилъ не оставаться долѣе «за своей безполезностью» и попросилъ посольскій постъ. По этому поводу онъ говоритъ: «Если бы канцлеръ остался чувствителенъ къ моей музыкѣ, то я не поѣхалъ бы за границу». Онъ, между прочимъ, жалуется, что Вушъ—тоже близкій человѣкъ къ Бисмарку—наклеветалъ на него, будто бы онъ, Кёделль, оставилъ дефицита 80.000 талеровъ по дѣламъ прессы, порученные ему Бисмаркомъ, которые онъ роздалъ безъ спеціальнаго разрѣшенія на пенсіи различныхъ писателей, и что онъ также мало блестялъ посланникомъ въ Римѣ, какъ совѣтникомъ въ Берлинѣ. Когда Бисмаркъ вналъ въ немилость, то, по словамъ Вуша, Кёделль прекратилъ съ нимъ переписку. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться политическимъ человѣкомъ, Кёделль былъ талантливымъ пианистомъ, и въ августѣ 1846 г. онъ первый разъ встрѣтился съ Бисмаркомъ. Кёделль устроилъ музыкальный сеансъ у инструментальнаго мастера Клетинга для невѣсты Бисмарка, дѣвicy Пюткамеръ, и для своихъ друзей. Прежде всего привлекъ его вниманіе баритонъ Бисмарка, пріятнаго нѣжнаго тембра, затѣмъ бѣлокुरые волосы, подстриженные a la Titus, короткая борода, густыя брови, его ясные пронизательные глаза и его улыбающееся лицо. Въ концѣ сонаты Бетховена на глазахъ Бисмарка блеснула слеза, при этомъ онъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ композиторовъ Бетховенъ болѣе всѣхъ подходитъ къ его нервамъ. У него былъ прекрасный слухъ, но онъ никогда не учился пѣть, такъ какъ общество, въ которомъ онъ вращался въ юности, совсѣмъ не интересовалось музыкой. Но, несмотря на это, тонъ его голоса былъ всегда безусловно чистъ. Онъ искренно любилъ музыку и въ Берлинѣ растворялъ дверь кабинета, чтобы слышать во время работы концерты, исполнявшіеся въ залѣ; во Франкфуртѣ онъ обыкновенно углублялся въ музыку, курия свою сигару; въ Версалѣ (1870—1871 гг.) онъ слушалъ музыку, также курия послѣ обѣда, а въ Петербургѣ онъ обыкновенно слушалъ ее, читая. Будучи министромъ и канцлеромъ германскаго союза, онъ также читалъ, слушая музыку, когда находился въ залѣ, или растворивъ дверь въ кабинетъ,

¹⁾ Bismark und seine familie, von Këudell, Berlin. 1902.

который отдѣлялся отъ залы одной комнатою. Когда онъ сдѣлался канцлеромъ имперіи, онъ не хотѣлъ слушать музыку, потому что мелодіи его преслѣдовали ночью и мѣшали ему спать. Онъ не ходилъ въ концерты, говоря, что тѣснота мѣста и плата за билетъ портитъ ему удовольствіе; при этомъ замѣчалъ, что музыка должна даваться, какъ и любовь, даромъ. Игра въ четыре руки, трудная и продолжительная вариация ему надѣли. Его раздражала нотная бумага, и онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ играющихъ на память, или импровизацію. Кёделль зналъ его вкусъ и дѣльными часами исполнялъ для него произведенія Баха, Шопена, Шумана и Шуберта. Въ длинные вечера 1870—1871 гг. въ Версали, которые они проводили въ салонахъ г-жи Жессё, Кёделль развлекалъ и успокаивалъ его первы, раздраженные пупечными выстрѣлами. Впечатлѣніе, произведенное тѣмъ или другимъ мотивомъ, было не одинаковое; онъ говорилъ, что соната Бетховена въ *fa mineur* «даетъ воинственные идеи. Когда я слушаю ее, то становлюсь очень мужественнымъ». Постъ первой партіи сонаты въ *mi bemol* онъ замѣчаетъ: «Можно подумать, что фланируешь вечеромъ по улицамъ, вышивъ лишнюю каплю вина. Съ блаженствомъ смотришь на заходящее солнце и спрашиваешь себя: будетъ ли завтра такъ же хорошо, какъ сегодня?» Относительно *cariccio* въ *mi* Мендельсона, Бисмаркъ выражался такъ: «Можно сказать, что это пріятное путешествіе по Рейну, а въ другихъ мѣстахъ мнѣ кажется, что я вижу безпокойно бѣгущую лисцу». На другой день своего громаднаго усѣха, когда, повидимому, каждый завидовалъ ему, князь Бисмаркъ ощущалъ странную горечь: «Моя душа тоскуетъ»,—говорилъ онъ,—во всю мою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ: ни друзей, ни семью, ни самого себя». Загѣмъ, перебравъ войны, причиной которыхъ былъ онъ, и триумфъ, слѣдуемый за ними, онъ замѣчалъ: «Я изъ нихъ не извлекъ ни одной радости и теперь я чувствую, что моя душа смущена и тоскуетъ». Кёделль зналъ, что эту тоску не разсѣяли бы ни Мендельсонъ, ни Шуманъ, ни Бетховенъ. Бисмаркъ признавался своему наперснику, что наперсникъ, въ которомъ онъ воспитывался, былъ скорѣе исправительнымъ домомъ съ желѣзной дисциплиной. Но онъ свое взялъ, сдѣлавшись студентомъ, такъ какъ своей веселой жизнью, полной безумныхъ выходокъ, онъ нугалъ товарищей и мирныхъ гражданъ. Молодой Бисмаркъ былъ смѣлый наѣздникъ, страстный охотникъ, упрямый танцоръ и отважный гуляка. Будучи депутатомъ въ рейхстагъ, онъ нугалъ либераловъ своимъ лютымъ роялизмомъ и, почуявъ кровь въ безпорядкахъ, онъ иногда рычалъ, какъ левъ, называя палату собраніемъ «головастиковъ». «Люди,— говорилъ онъ, — все-таки глупѣе, чѣмъ я думаю». Онъ презиралъ свѣтъ и иногда производилъ впечатлѣніе мизантропа, говоря: «Ничто не можетъ сравниться съ дѣйствительными тѣсами, гдѣ не видна человѣческая рука». Въ 1842 г. онъ сказалъ знаменитую фразу, что объединеніе Германіи можетъ быть достигнуто только «желѣзомъ и кровью», которую одно высокопоставленное лицо назвало «выходкой слишкомъ плотно позавтракавшаго человѣка». Сознавая свое превосходство, онъ ненавидѣлъ сотрудниковъ, желалъ знать все самъ и высказать обо всемъ свое мнѣніе. При этомъ не прощаль никакой ошибки своимъ агентамъ и обращался за это съ ними дурно. «Полезно для всѣхъ,— говорилъ онъ,— чтобы я сердился, время

отъ вѣрже. Это подаетъ болѣе надежды на выживание. Смерть не подвизала ни волю, ни сердце и не жертвовала минутъ ему вначетывно, при чемъ не двоялось, чтобы его грѣхъ сдѣлалъ бы и не то, чтобы отъ себя съобщило бы по-прежнему счастливо. Его жена продолжалась, что у него не было не одного истиннаго друга. Что касается къ его смерти, то она была самымъ вѣрнымъ и не смѣла сказать, что онъ страдалъ только, когда разлучался. Трехъдневная жизнь, вѣдывшаяся съ дѣвочкой, какъ въ утѣху до часу ночи, дала ему болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Ему жестоко вѣдывалась болѣзнь и смерть говорилъ. Смерть жала казалась — что у него въ груди дѣлалъ. У меня вѣдывается дѣлая толпа, в это время сумятица, какъ въ раздѣлѣннѣ.

Мемуары императрицы Евгении. Недавно Жанъ Бонифантъ сообщилъ въ «Journal», что мемуары Евгения завѣщаеетъ своимъ «Journal»¹⁾. Они утверждаютъ, что императрица, какъ и этой дѣлѣ, вѣдывалась въ Парижѣ и рѣшилась сама въ архивахъ. Вѣдывъ за его статьи въ «Journal» появилась Жанна А. Филонна, прежняго воспитателя императорскаго ребенка. Въ ней они отрицаютъ этотъ слухъ и говорятъ, что не разъ предлагали императрицѣ написать мемуары, но она отклоняла это предложеніе, и вѣдывалась надежду добиться своей пѣли. Однако, въ концѣ концовъ, они рѣшились, что они будутъ написаны къ ней нѣмѣ со словъ императрицы. Въ своемъ очеркѣ Жанъ Бонифантъ утверждаетъ, что императрица сохранила всѣ письма писема, которыя она получала, начиная со дня свадьбы, 30-го января 1853 года до послѣдняго времени. Каждый годъ эти письма переписывались въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ. Четыре секретаря работали круглый годъ надъ ея наблюдениемъ надъ составленіемъ мемуаровъ и классификаціей писемъ. Личность, близко стоящая къ императрицѣ, имени которой Бонифантъ не называетъ, передала ему, что Евгения завѣщаетъ мемуары послѣ своей смерти публичному учрежденію для всеобщаго пользованія, и срокъ ихъ появленія послѣ ея смерти будетъ непродолжительный, такъ какъ въ нихъ не будутъ помещены документы, вредные для лицъ, оставшихся въ живыхъ. Туда войдутъ письма Наполеона къ Евгени до и послѣ свадьбы, подлинность которыхъ удостоверена цвѣтомъ чернилъ, качествомъ бумаги и датой корреспонденціи. Та же личность сообщаетъ кое-что изъ нихъ. Напримѣръ, изъ переписки Евгени съ Наполеономъ III до свадьбы видно, что, молодая дѣвушка колебалась сдѣлаться его женой и сдѣлалась лишь на послѣднее письмо императора, въ которомъ онъ проситъ ея руки въ «интересахъ Франціи и дыштинъ». Это объясняется помѣщеніемъ въ обнародованномъ рескриптѣ фразы Наполеона: «Соглашайтесь на бракъ не изъ желанія, но что бы то ни стало, понасть въ семью королей». Въ другомъ письмѣ видно, что Наполеонъ имѣлъ въ виду другой тайный бракъ, въ случаѣ отказа Евгени. Въ одномъ изъ картоновъ находилось письмо, касавшееся борьбы императрицы съ отцемъ принца Виктора, но никто не знаетъ ихъ содержанія, такъ какъ послѣ его смерти она ихъ уничтожила. Но самые важные — это политическіе документы: они составляютъ сто

¹⁾ Les mémoires de l'impératrice Eugénie, par Jean Bonifant. «Journal», 23 décembre 1901.

двадцать картоновъ. Не менѣе важныя бумаги, касающіяся социальнаго вопроса, составляютъ болѣе шестисотъ страницъ, написанныхъ Наполеономъ, относительно рабочаго класса, торговли и промышленности. Кромѣ того, многочисленные документы, касающіеся Мексиканской войны, состоятъ изъ переписки Вильгельма Прусскаго, которая будто бы, удивить всѣхъ и соборъ съ толку исторію. О блестящихъ празднествахъ императрица ничего не будетъ упоминаемо. Эти мемуары, по словамъ Бонифона, составятъ не болѣе не менѣе, какъ его томовъ. Какъ испанка, императрица не можетъ забыть и спокойно снести укоры за ея происхождение и хочетъ отмстить своимъ памфлетистамъ. Съ этой цѣлью она разыскиваетъ въ парижскихъ архивахъ фамилные документы для составленія своей полной генеалогіи. По крайней мѣрѣ, послѣ своей смерти она докажетъ, что ея предки были королевскаго происхожденія, и ей принадлежать три титула испанскихъ графовъ: Теба, Ваносъ, Мора; сама же она до замужества съ Наполеономъ называлась маркизою Ардалезъ ди-Озера ди-Мойа, графиня Аблгасъ ди-Сагга-Круча де-ла-Сьера, виконтесса Кольада, а ея отецъ проливалъ свою кровь за французскую имперію. Къ этимъ мемуарамъ, говорятъ, относится интересный анекдотъ о нылкомъ характерѣ императрицы. Въ 1867 году, послѣ выставки въ Парижѣ, уже слышался кругомъ глухой ропотъ, обѣщавшій политическій переворотъ; республиканцы воодушевлялись и какъ внѣшнія такъ и внутреннія дѣла не обѣщали ничего утѣшительнаго, а Наполеонъ III, человѣкъ нерѣшительный, при томъ больной той мучительной болѣзью, отъ которой онъ умеръ, съ трудомъ держался отъ тяжелыхъ частыхъ припадковъ. Вся Италия въ это время во что бы то ни стало хотѣла вернуть себѣ Римъ, находившійся подъ владычествомъ папы. Одна часть французскаго правительства отстаивала вызовъ изъ Рима французскихъ войскъ, поддерживавшихъ верховную власть папы — другая наоборотъ. Будучи испанкой и горячей католичкой императрица также была противъ вызова войскъ. Въ одинъ прекрасный день Наполеонъ III собравъ тайно отъ императрицы совѣтъ министровъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Желая избѣжать вліянія своей жены, присутствовавшей всегда на всѣхъ засѣданіяхъ, онъ запретилъ сообщать ей объ этомъ. Но императрица узнала о запрещеніи; гордая, повелительная испанка не могла снести подобнаго оскорбленія; ею овладѣлъ страшный гнѣвъ: она бросилась въ залъ совѣщанія, но предусмотрительный Наполеонъ приказалъ тѣлохранителю никого не впускать, даже императрицу. — «Я хочу войти, отойдите», — сказала она настойчиво. Въ ту эпоху она была еще молода и замѣчательно хороша, поэтому не удивительно, что она произвела на солдатъ двойное впечатлѣніе — государыни и красивой женщины. Солдатъ бросился предъ нею на колѣни, загорелая пштыкомъ дверь въ залъ совѣщанія, со словами: — «Ваше величество, входъ запрещенъ по приказу императора». — «Что мы еще посмотримъ!» — возразила она и, перескочивъ черезъ пштыкъ, толкнула дверь. Влетѣвъ въ залъ, какъ ураганъ, она направилась прямо къ императору, сидѣвшему въ своей обычной позѣ, прищуривъ глаза и съ безучастнымъ видомъ; онъ одинъ былъ въ шляпѣ. Сорвавъ съ его головы шляпу и бросивъ ее на полъ императрица вышла, оставивъ министровъ въ описанномъ смущеніи. Вернувшись къ себѣ, она приказала собираться къ отъѣзду и отправилась въ наемной каретѣ. На

вомъ лѣсу, въ дуплѣ дерева и цѣлые три дни питался фруктами: затѣмъ укрался въ хижинѣ пастуха, хозяйнѣ которой былъ въ отсутствіи. Наконецъ 1-го ноября онъ пустился отважно по тропинкѣ, ведущей къ городу Баронези. Вечеромъ, онъ встрѣтилъ двухъ людей, подозрительнаго вида, которые сказали ему: «Фра-Діаволо—подлецъ, онъ измѣнилъ своимъ братьямъ по оружію». Не желая выдавать себя, Пецца отвѣтилъ: «Фра-Діаволо честный, но онъ покинуть своихъ людей». Одинъ изъ путниковъ спросилъ: «Ты на сторонѣ измѣнниковъ?» Видя что на него направляется кулакъ, онъ вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ своего противника. Пуля пролетѣла мимо. Тогда оба путника несколько минутъ его и обобрали. Фра-Діаволо дотащился до какой-то хижины, гдѣ его приютили. 3-го ноября онухоль отъ ранъ заставила его странно страдать и безноконтиться. Въ одномъ кителѣ и опираясь на палку, онъ явился къ аптекарю въ Баронези, прося у него, какъ милости, лѣкарства. Но на улицѣ его встрѣтилъ смотритель солянаго акциза и предупредилъ городскую полицію: четверо солдатъ явилось въ аптеку и потребовали у Пецца бумаги. Онъ не могъ ихъ представить. Его арестовали и отправили на гаутивахту, которой командовалъ начальникъ эскадрона Фарингъ. Денищикъ Фарина неаполитанецъ. Навезъ призналъ въ немъ Фра-Діаволо, и онъ былъ отравленъ законаннымъ въ цѣпи въ Салерно, затѣмъ въ Неаполь, гдѣ его судили военнымъ судомъ, и за вооруженное разбойничество и бунтъ противъ короля онъ былъ 10-го ноября приговоренъ къ повѣшенію. Сигнебертъ Гюго видѣлъ его только одинъ разъ, 8 ноября, въ неаполитанской тюрьмѣ. Ему поручилъ король допросить Пеццу о томъ, какъ онъ доставалъ себѣ помощь въ Кампаніи, и добиться, чтобы онъ назвалъ имена его сообщниковъ въ Салерно. «Обвиненный лежалъ въ глубинѣ темнаго каземата, — говоритъ Гюго, — его вытянутыя руки были закованы; когда мы вошли, онъ перебиралъ лѣвой рукой четки. Тотчасъ смотритель тюрьмы вышелъ. Гюго, взявъ фонарь, освѣтилъ лицо узника, которое было очень блѣдно, и разговоръ завязался. — «Фра-Діаволо, я принесъ тебѣ средство спасти твою голову», — сказалъ Гюго. Микело Пецца взглянулъ на него съ ненавистью и отвѣтилъ: «Кто ты, что говоришь со мною такимъ образомъ?» — «Я командиръ!» — «Тогда я выше тебя; я—генералъ, главнокомандующій арміей его католическаго величества короля Фердинанда, да хранигъ его Богъ. Приказываю тебѣ оставить меня въ покоѣ и выйти отсюда!» Гюго протестовалъ. — «Но я съ порученіемъ отъ короля Іосифа!» — «Э, я не знаю никакого короля Іосифа. Что отъ меня хочеть зготъ Іосифъ?» — «Онъ сожалееть тебя». Фра-Діаволо странно потрясъ цѣпями: «вѣтъ, я не хочу его сожалѣній. Якобинцы меня повѣсятъ. Я приотворюсь къ смерти, прося Аронскую Богородицу открыть мнѣ путь отъ висѣлицы до неба». — «Тебѣ достаточно назвать твоихъ солдерскихъ сообщниковъ». Пецца нахмурился и воскликнулъ. «Отъ меня требуютъ подлости, я не измѣнникъ». И онъ произнесъ съ жаромъ на неаполитанскомъ народномъ нарѣчій: «Святая Аронская Богородица, уничтожь французовъ!» Гюго вышелъ и передалъ королю объ отказѣ Фра-Діаволо. Тѣмъ и окончилась исторія Фра-Діаволо, и онъ былъ повѣшенъ. Затѣмъ Гюго сопровождалъ своего покровителя Іосифа Бонапарта изъ Неаполя въ Мадридъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій съ Веллингтономъ и осады Сарагоссы и Витторіи, коалиція изгнала изъ Испаніи короля и

Гюго. Тогда онъ приблизился къ Наполеону, звѣзда котораго уже стала меркнуть. Гюго выпросилъ себѣ постъ на Рейнѣ. Его послали на Мозель, гдѣ онъ не силой, а хитростью сохранилъ для французовъ Тيونвиль. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ онъ оставался въ бездѣйствіи. Точно также онъ не получилъ назначенія во время Ста Дней, до тѣхъ поръ пока тюнвильцы не обратились въ военное министерство съ просьбою прислать генерала Гюго въ Тيونвиль. Тогда онъ отправился на прежнее мѣсто своихъ подвиговъ и принялъ всѣ мѣры для защиты города. 18-го апрѣля въ письмѣ, адресованномъ Гюго министерству, находилась фраза: «деревянная лошадь 1792 г. не сожжена, мы сумѣемъ разыскать ее къ услугамъ императора». Дѣло въ томъ, что во время кампаній 1792 г. австрійскій корпусъ, подъ командою князя Рогенлоэ-Кирнберга осаждалъ Тيونвиль, защищаемый Фелксомъ Вимпфеномъ. Жители помогали защищать городъ и настолько пренебрегали неприятелемъ, что помѣстили на возвышенномъ мѣстѣ вала деревянную лошадь, державшую въ зубахъ пучекъ сѣна. На ней была слѣдующая надпись: «Когда эта лошадь съестъ свое сѣно, Тيونвиль сдастся». Наконецъ, 15 іюля возвратились Бурбоны, и Гюго сдалъ имъ Тيونвиль. Несмотря на то, что онъ сохранилъ его Франціи, генераль не получилъ за это никакого вознагражденія. Онъ вышелъ въ отставку и въ 43 года карьера его была разбита. Тогда онъ принялся писать свои воспоминанія и 12 февраля 1828 г. «графъ Іосифъ-Леопольдъ-Сигизбертъ Гюго, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, кавалеръ орденовъ Почетнаго Легіона и св. Людовика, умеръ въ Парижѣ». Въ этомъ официальномъ документѣ впервые называютъ его графскимъ титуломъ, хотя неизвѣстно когда, гдѣ и за что онъ его получилъ. Что касается его семейной жизни, то во время его странствій по гарнизонамъ Европы онъ женился два раза. Первая его жена была Софія-Франсуаза Требуше, отъ которой имѣлъ тронхъ сыновей: Абеля, Евгенія и Виктора. Вторая жена была вдова ненавскаго офицера Антоніо Альмега, Марія Тантони, женщина высококомѣрная, не искавшая дружбы своихъ пасынковъ. Послѣ смерти генерала его пенсія не перешла къ вдовѣ, и она чуть не кричала, что голодаетъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ она послала 11 прошеній въ министерство, при чемъ ея имя снудали съ другой просительницей Гюго, вдовою какого-то майора Гюго. По этому поводу баронъ Викторъ Гюго, уже достигшій тогда славы, написалъ въ министерство слѣдующее письмо: «Новидному, изъ двухъ дамъ Гюго послѣдняя дѣйствительно нуждается въ помощи. Первая, вдова генерала, владѣеть имѣніемъ въ Блуа, лично ей принадлежащимъ, гдѣ она проводитъ лѣто. Другимъ имѣніемъ въ Солонѣ она владѣеть попополамъ съ наслѣдниками ея мужа. Она имѣеть квартиру въ Парижѣ въ первомъ этажѣ въ улицѣ Сентъ-Моръ, и ея капиталъ помѣщенъ у банкира. Если она будетъ настаивать, можно потребовать у нея инвентарь, сдѣланный послѣ смерти ея мужа». По министерству не послушалось поэта, и обѣимъ вдовамъ были даны пенсіи.

— Политическія идеи Вальзака. Долгое время Вальзака считали монархистомъ, реакціонеромъ и даже въ 1899 году, когда справляли его столѣтіе, то муниципальный совѣтъ Туранжо уклонился отъ присутствія на празднествѣ, ссылаясь на то, что Вальзакъ былъ аристократомъ. Въ прошедшемъ августѣ нѣсколько его поклонниковъ отправились посѣтить его домикъ въ

Жарди; на другой день одна революционная газета объявила, что Бальзакъ былъ социалистомъ, а «Libre parole» выставила его антисемитомъ. Несмотря на многочисленные комментарии, которые породила его «Человѣческая комедія», политическія идеи знаменитаго писателя оставались мало известными. Все затрудненіе состояло въ томъ, что вопросъ старался разрѣшить посредствомъ его романтическихъ произведеній. Теперь Габриэль Ферри рѣшилъ его очень просто, прибѣгнувъ къ избирательнымъ программамъ Бальзака въ качествѣ кандидата на парламентскихъ выборахъ. Въ «Revue politique et parlementaire», 10 декабря появилась статья¹⁾ Г. Ферри относительно этого вопроса. Оказывается, что Бальзакъ всю жизнь желалъ сдѣлаться государственнымъ членомъ, и на другой день послѣ революціи 1830 года онъ поставилъ свою кандидатуру разомъ въ Ангулемѣ и Камбрѣ. Онъ всегда выказывалъ себя либераломъ, жаждавшемъ политическаго прогресса, и даже социалистомъ на пользу немущихъ классовъ. Онъ беспощадно осуждалъ партіи въ цѣлой серіи газетныхъ хроникъ, озаглавленныхъ: «Письма о Парижѣ». Въ ноябрѣ 1830 года онъ писалъ г-жѣ Карро: «Я вижу повсюду—страсть и нищдѣ разсудка... Не обвиняйте меня въ не патриотизмѣ, потому что мой разумъ побуждаетъ меня разочаровываться въ людяхъ и событіяхъ». Его брошюра: «Исслѣдованіе о двухъ министерствахъ», подписанная: «Бальзакъ, избиратель», раздавалась въ двухъ округахъ. Въ ней онъ преслѣдовалъ министерства Лафита и Казимира Перрье; въ своей программѣ онъ объявилъ, что никогда не продастся правительству, и требовалъ уничтоженія дворянства, отдѣленія духовенства отъ Рима, природныхъ границъ Франціи, т. е. береговъ Рейна, совершеннаго равенства среднихъ классовъ, признанія превосходства способности, экономіи въ расходахъ, увеличенія сбора податей лучшимъ ихъ распределеніемъ, наконецъ—всеобщаго образованія. Эта программа довольно банальна, но дополненная «Письмами о Парижѣ», она достаточна для политической классификаціи Бальзака. Бальзакъ принадлежалъ къ конституціонной оппозиціи. Съ подобной программой Беррье былъ торжественно выбранъ, а Бальзакъ не имѣлъ успѣха. Далеко не желая возвращенія Генриха V, которое онъ считалъ невозможнымъ, Бальзакъ отдался отъ Шатобриана и другихъ легитимистовъ, но его мнѣнію, противникомъ внутренняго спокойствія. Онъ признавалъ монархію въ лицѣ Луи-Филиппа скорѣе изъ дружбы къ нѣкоторымъ личностямъ, чѣмъ по личному вкусу. Но эта преданность къ королю не мѣшала ему присоединяться ко всемъ требованіямъ партіи либераловъ. Его «Исслѣдованіе о двухъ министерствахъ» не завоевало ему избирателей, и они подали голоса за другихъ двухъ кандидатовъ. Въ томъ же году онъ окончилъ «Шагреновую кожу», а въ слѣдующемъ «Деревенскаго доктора», ихъ литературнымъ успѣхамъ онъ утѣшился отъ неудачи. Однако Бальзакъ не покинулъ окончательно политики и купилъ журналъ «Хроника Парижа», онъ выставилъ въ первыхъ строчкахъ свою программу «либеральную и прогрессивную», въ которой первое мѣсто занимали

¹⁾ Balsac candidat à la députation. Ses idées politiques (1834—1848), par Gabriel Ferry. «Revue politique et parlementaire», 10 décembre 1901.

гражданское равенство, свобода печати и торговли. Революція 1848 года была для него катастрофой. Какъ на большую часть его друзей, паденіе Луи-Филиппа произвело и на него горестное впечатлѣніе, а провозглашеніе республики и всеобщая подача голосовъ пугали его, какъ большую часть либераловъ. Къ этимъ нравственнымъ заботамъ присоединилось еще жестокое денежное затрудненіе и въ то время, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма и другіе выставили свою кандидатуру на выборы, Бальзакъ безпокойный, растерянный, сослался на старость, чтобы не вмѣшаться въ политическую борьбу. Однако, одинъ клубъ «Всемирное братство» занесъ его въ реестръ кандидатовъ; онъ отбѣгилъ, что принимаетъ полномочіе, но находитъ бесполезнымъ выставять свою программу: «Есть люди, — сказалъ онъ, — которыхъ будутъ искать избиратели, а есть и такіе, которые сами ищутъ избирателей, и они должны опредѣлять свою политическую программу. Что до меня, если я вовсе не принадлежу моими литературными работами къ девятистамъ лицъ, представляющихъ въ нашей странѣ образованный классъ, или общественную силу, или богатство торговли, или знаніе законовъ, то баллотировка мнѣ это скажетъ». Во второй разъ общая подача голосовъ доказала Бальзаку, что народная подача голосовъ охотно не признаетъ «превосходство способныхъ людей», и только семьдесятъ два голоса высказались за него. Но, благодаря недоверію остальныхъ, на свѣтъ появилась «Человѣческая комедія». Когда послѣ июньскихъ дней г-жа Жирарденъ напала на генерала Кавеньяка въ «La Presse» Бальзакъ отдалился отъ своей старой пріятельницы. Эта осторожность въ подобныхъ обстоятельствахъ была послѣднимъ выраженіемъ его политическихъ убѣжденій. Викторъ Гюго правильно выразился о немъ его другу Лемеру: «У этого великаго человѣка были мозги и сердце демократическіе. Монархическое было у него только воображеніе». Впрочемъ лучшее понятіе о политическихъ идеяхъ Бальзака даетъ его статья, недавно перепечатанная: «О современномъ правительствѣ». Между прочимъ онъ говоритъ: «Непосредственный результатъ представительнаго правительства—это дать въ руки власть министерству, подверженному безпрестаннымъ спорамъ. Эта система не мѣшаетъ странѣ имѣть дворъ и куртизанокъ—два вѣчные бича, на которые вѣчно жалуется народъ. Продлите Казимиру Перье десять лѣтъ жизни, силу и министерство, и вы найдете маленькаго Ришелье, безъ порфиры, низменнаго тирана, но окруженнаго своими хранителями, льстецами, словомъ конституціонную имперію, наряженную въ маску законности. Партія царедворцевъ является вездѣ, гдѣ возникаетъ власть. Конституціонный министеріализмъ не выходитъ изъ этой дилеммы: гдѣ нація подвергнется долгое время деспотизму талантливаго человѣка, она снова найдетъ королевское достоинство, только подъ другой формой и безъ наслѣдственныхъ преимуществъ, и ей придется периодически уплачивать неслыханные долги, или нація часто будетъ мѣнять министровъ, и тогда ея благоденствіе будетъ физически невозможно, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе гибельнаго въ администраціи, какъ измѣненія системъ. Каждый министръ имѣетъ свою систему и, какъ случается въ природѣ, самый ничтожный человѣкъ полагаетъ ее создать—худую или хорошую. При томъ кратковременный министръ не сумѣетъ отдалиться разомъ

штригамъ, необходимымъ для своего поддержанія и дѣлать государство. Онъ достигаетъ власти, какъ путешественникъ, выходитъ изъ затрудненій тайно и увеличиваетъ государственный долгъ, удаляясь часто въ тотъ моментъ, когда онъ узналъ кое-что изъ правительственной науки. Въ данное время государственный долгъ, этотъ балансъ глупостей, паростаетъ. Банкротство приближается. Только оно дѣлается отъ имени всѣхъ вмѣсто того, чтобы быть отъ одного лица, и придетъ день во время этой системы, когда капиталисты будутъ въ родѣ вельможъ, противъ которыхъ страдающій народъ придумаетъ какія нибудь странныя казни. Доходъ будетъ привилегіей легкомыслія, ненавидимый, какъ дворянство въ 1790 году. Какому фатальному инстинкту повиновался народъ, желая управлять самъ собою? Это понятно было въ маленькихъ средневѣковыхъ общинахъ, но въ современномъ большомъ государствѣ—это невозможно. Для выполнения великихъ дѣлъ необходима единственная и центральная власть. Разбѣнная власть конституціонной монархіи не можетъ ничего произвести: если страна должна защищаться національной гвардіей, къ чему же армія? Если представителемъ страны является только единственная палата, такъ какъ нѣры есть только принадлежность избирательной палаты и пляшутъ подъ дудку депутатовъ,—къ чему же король? Онъ только стѣснителенъ, потому что для всѣхъ образованныхъ людей конституціонное правительство принуждено измѣнить свою природу, когда палата разумная и сильная, или сдѣлать чахлой націю, если собраніе составлено изъ ничтожествъ. Оно ведетъ или къ деспотизму, или къ разрушенію. Съ революціи 1789 года условія измѣнились, но въ сущности предметъ правленія не измѣнился. Онъ опирается теперь на три элемента: на массу нищихъ и неимѣждъ, массу среднихъ и массу аристократовъ. Въ послѣднюю входитъ выдающіеся люди, созданные деньгами, властью и образованіемъ. Эти три класса—вѣчные базисы націи, и теперь, чтобы установить совершенное, долгосрочное правительство, надо удовлетворить идеи, а также интересы, ибо массы имѣютъ только эти два выраженія. Слѣдовательно, пусть будетъ монархическое правленіе или совершенно демократическое, власть, будучи непрерывнымъ сочетаніемъ интересовъ и идей управляемыхъ массъ, должна быть единой и сильной, такъ какъ она само дѣйствіе этой массы, и что нѣтъ возможнаго дѣйствія съ ограниченіемъ. Учреждать слабое правительство—это допустить необходимость принципа и отвергать его. Такимъ образомъ предостоятъ лишь бури».

— Мемуары Дюрюи. Въ 1888 году, извѣстный французскій историкъ и министръ народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ III, Дюрюи, рѣшивъ, несмотря на свой семидесятилѣтній возрастъ, написать воспоминанія о своей жизни, современныхъ событіяхъ и своей плодотворной дѣятельности¹⁾. Трудъ этотъ даялся до 1892 г., а напечатать его онъ предоставилъ своимъ наследникамъ. Дюрюи посвятилъ свое послѣднее произведеніе младшему сыну, въ то время мальчику четырнадцати лѣтъ. «Я хочу, — писалъ онъ, — разсказать тебѣ мою публичную и литературную жизнь, чтобы ты могъ въ одинъ прекрасный день сказать своимъ дѣтямъ: «Мой отецъ былъ хорошимъ слуга своей страны, и

¹⁾ Notes et souvenirs (1811—1894), par Victor Duruy. 2 vol. Paris. 1901.

онъ внесъ въ свой домъ честь: будемъ поступать, какъ онъ». Наконецъ, его произведеніе вышло въ свѣтъ и вполне оправдало его слова. Дюрюи смѣло могъ отдать на судъ публикѣ свою любовь къ роднѣ, семейному очагу и дѣятельности по народному образованію. Въ его книгѣ паходится документы, свидѣтельствующіе объ его дѣятельности, результаты задуманныхъ проектовъ для улучшенія университета и преподаванія, также личныя воспоминанія о годахъ, проведенныхъ въ учительской семинаріи и объ его первоначальномъ преподаваніи, о составленіи исторій Греціи и Рима, а также объ осадѣ Парижа и вступленіи въ академию. Но это занимаетъ лишь часть воспоминаній. Двѣ трети посвящены задуманному имъ административному плану реформъ въ первоначальномъ образованіи. Проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія и преобразованія факультетовъ, представленный имъ въ сенатъ въ юль 1870 г., за нѣсколько дней до объявленія войны, исчезли вмѣстѣ съ имперіей, но Дюрюи доказываетъ, что онъ предлагалъ большую часть реформъ, которыя съ тѣхъ поръ дали жизнь французскимъ университетамъ. Затѣмъ Дюрюи говоритъ, что, несмотря на свои самыя близкія отношенія съ императоромъ, онъ всегда сохранилъ свой либеральный характеръ. Это видно въ главѣ, посвященной императору и императрицѣ. Его первое свиданіе съ Наполеономъ въ Фонтенбло послѣ назначенія на министерскій постъ прошло очень просто. «Не было съ одной стороны поведенія къ столамъ, ни съ другой—официальнаго приѣма и повелительныхъ приказаній»,—говоритъ Дюрюи.—На мои слова: «какимъ образомъ ваше величество могли помыслить сдѣлать изъ меня министра?»—императоръ отвѣтилъ слѣдующими нѣсколькими словами: «дѣло пойдетъ хорошо». «Вотъ вѣсь инструкціи, какія я когда либо получилъ». Но зато министръ на слѣдующій день послѣ своего назначенія написалъ императору письмо, въ которомъ онъ доходилъ до высшей точки относительно своего долга. Онъ объяснилъ Наполеону положеніе своего личнаго состоянія и далъ справки относительно положенія дѣтей, чтобы избѣжать подозрѣній въ неоптизмъ и личномъ интересѣ. Такимъ же онъ являлся во время осады Парижа, когда исполнялъ службу въ національной гвардіи, нося солдатскую шинель съ брилліантовой звѣздой Почетнаго Легіона на груди, и такимъ же представляется намъ въ своихъ мемуарахъ. «Я не взбираюсь на пьедесталъ,—пишетъ онъ,—на который я желалъ бы понасть. Я удовольствуюсь представить документы, согласно которымъ обо мнѣ будутъ судить». Удивительно, какъ Дюрюи, человекъ съ либеральными взглядами, могъ быть министромъ Наполеона III, не измѣняя характеру своихъ принциповъ. Онъ часто говорилъ съ императоромъ въ рѣзкой формѣ и на вѣжливыя вопросы Наполеона отвѣчалъ далеко не любезно. Въ первомъ же разговорѣ съ нимъ на вѣжливое замѣчаніе императора относительно его трудовъ онъ возразилъ: «Эта сила была бы полезна, если бы ее прикрывала официальная должность. Университетъ объ этомъ не мечталъ, но чрезъ нѣсколько времени онъ объ этомъ подумаетъ». Наполеонъ не сердился на него и прозвалъ его «дикимъ». Одно время, когда Дюрюи помогать ему въ составленіи «Исторіи Цезаря», онъ даже хотѣлъ взять его къ себѣ въ

1) *Notes etsonvairs* (1811—1884) 2 vol; par Duruy. Paris 1901.

секретари, но во время одумался, такъ какъ эта должность вовсе къ нему не подходила, тогда какъ министерскій постъ гораздо болѣе соответствовалъ его способностямъ. Покинулъ же онъ министерство за годъ до франко-германской войны, благодаря интригамъ клерикаловъ. Ярый ихъ антагонистъ, онъ говорилъ, что христіанство—поддержка слабыхъ и невѣждъ, а когда императрица предлагала ему при выходѣ изъ церкви въ Сень-Клу святой воды, онъ прямо отказывался. Уже близкій къ смерти Дюрюи говорилъ, что если его похороны должны быть согласно религіозному обряду, то только изъ привычки, освященной обычаемъ.

— Бисмаркъ, какъ музыкантъ. Робертъ Кёделль, бывшій германскій посланникъ въ Римѣ, недавно напечаталъ въ Берлинѣ свои воспоминанія объ интимной жизни Бисмарка, начиная съ 1846—1872 гг. Кёделль, прежній со-вѣтникъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, въ продолженіе двадцати шести лѣтъ былъ довѣреннымъ другомъ и «музыкантомъ» Бисмарка¹⁾. Въ тотъ день, когда онъ замѣтилъ, что его музыка не интересуетъ болѣе Бисмарка (1872), онъ рѣшилъ не оставаться долѣе «за своей бесполезностью» и попросилъ посольскій постъ. По этому поводу онъ говоритъ: «Если бы канцлеръ остался чувствителенъ къ моей музыкѣ, то я не поѣхалъ бы за границу». Онъ, между прочимъ, жалуется, что Бушъ—тоже близкій человѣкъ къ Бисмарку—наклеветалъ на него, будто бы онъ, Кёделль, оставилъ дефицита 80.000 талеровъ по дѣламъ прессы, порученные ему Бисмаркомъ, которые онъ роздалъ безъ спеціальнаго разрѣшенія на пенсіи различнымъ писателямъ, и что онъ также мало блестялъ посланникомъ въ Римѣ, какъ со-вѣтникомъ въ Берлинѣ. Когда Бисмаркъ впасть въ немилость, то, по словамъ Буша, Кёделль прекратилъ съ нимъ переписку. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться политическимъ человѣкомъ, Кёделль былъ талантливымъ пианистомъ, и въ августѣ 1846 г. онъ первый разъ встрѣтился съ Бисмаркомъ. Кёделль устроилъ музыкальный сеансъ у инструментальнаго мастера Клетинга для невесты Бисмарка, дѣвicy Пюткамеръ, и для своихъ друзей. Прежде всего привлекъ его вниманіе баритонъ Бисмарка, пріятнаго вѣжнаго тембра, затѣмъ бѣлокुरые волосы, подстриженные а la Titus, короткая борода, густыя брови, его ясные пронизательные глаза и его улыбающееся лицо. Въ концѣ сонаты Бетховена на глазахъ Бисмарка блеснула слеза, при этомъ онъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ композиторовъ Бетховенъ болѣе всѣхъ подходитъ къ его нервамъ. У него былъ прекрасный слухъ, но онъ никогда не учился пѣть, такъ какъ общество, въ которомъ онъ вращался въ юности, совсѣмъ не интересовалось музыкой. Но, несмотря на это, тонъ его голоса былъ всегда безусловно чистъ. Онъ искренно любилъ музыку и въ Берлинѣ растворялъ дверь кабинета, чтобы слышать во время работы концерты, исполнявшіеся въ залѣ; во Франкфуртѣ онъ обыкновенно углублялся въ музыку, курия свою сигару; въ Версалѣ (1870—1871 гг.) онъ слушалъ музыку, также курия послѣ обѣды, а въ Петербургѣ онъ обыкновенно слушалъ ее, читалъ. Будучи министромъ и канцлеромъ германскаго союза, онъ также читалъ, слушая музыку, когда находился въ залѣ, или растворивъ дверь въ кабинетъ,

¹⁾ Bismark und seine familie, von Kuedell, Berlin. 1902.

который отдѣлялся отъ залы одной комнатою. Когда онъ сдѣлался канцлеромъ имперіи, онъ не хотѣлъ слушать музыку, потому что мелодіи его преслѣдовали почью и мѣшали ему спать. Онъ не ходилъ въ концерты, говоря, что тѣснота мѣста и плата за билетъ портить ему удовольствіе; при этомъ замѣчалъ, что музыка должна даваться, какъ и любовь, даромъ. Игра въ четыре руки, трудная и продолжительная вариации ему надоели. Его раздражала нотная бумага, и онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ играющихъ на память, или импровизацію. Кёддль зналъ его вкусъ и цѣлыми часами исполнялъ для него произведенія Баха, Шопена, Шумана и Шуберта. Въ длинные вечера 1870—1871 гг. въ Версали, которые они проводили въ саюнахъ г-жи Жессё, Кёддль развлекалъ и успокаивалъ его нервы, раздраженные пушечными выстрѣлами. Впечатлѣніе, произведенное тѣмъ или другимъ мотивомъ, было не одинаковое; онъ говорилъ, что соната Бетховена въ fa мінеур «даетъ воинственный идее. Когда я слушаю ее, то становлюсь очень мужественнымъ». Послѣ первой партіи сонаты въ mi bemol онъ замѣчаетъ: «Можно подумать, что планируешь вечеромъ по улицамъ, выниги лишнюю каплю вина. Съ блаженствомъ смотришь на заходящее солнце и спрашиваешь себя: будетъ ли завтра такъ же хорошо, какъ сегодня?» Относительно саргиссіо въ mi Мендельсона, Бисмаркъ выражался такъ: «Можно сказать, что это пріятное путешествіе по Рейну, а въ другихъ мѣстахъ миѣ кажется, что я вижу безпокойно бѣгущую лисцу». На другой день своего громаднаго уснѣха, когда, повидному, каждый завидовалъ ему, князь Бисмаркъ ощущалъ странную горечь: «Моя душа тоскуетъ»,— говорилъ онъ,— во всю мою долгую жизнь я никого не сдѣлалъ счастливымъ: ни друзей, ни семью, ни самого себя». Затѣмъ, перебравъ войны, причиной которыхъ былъ онъ, и триумфъ, слѣдуемый за ними, онъ замѣчалъ: «Я итъ ихъ не излекъ ни одной радости и теперь я чувствую, что моя душа смущена и тоскуетъ». Кёддль зналъ, что эту тоску не разсѣяли бы ни Мендельсонъ, ни Шумагъ, ни Бетховенъ. Бисмаркъ признавался своему наперснику, что пансіонгъ, въ которомъ онъ воспитывался, былъ скорѣе исправительнымъ домомъ съ желѣзной дисциплиной. Но онъ свое взялъ, сдѣлавшись студентомъ, такъ какъ своей веселой жизнью, полной безумныхъ выходокъ, онъ пугалъ товарищей и мирныхъ гражданъ. Молодой Бисмаркъ былъ смѣлый вабздинокъ, страстный охотникъ, упорный танцоръ и отважный гуляка. Будучи депутатомъ въ рейхстагъ, онъ пугалъ либераловъ своимъ лютымъ роялизмомъ и, почувявъ кровь въ безпорядкахъ, онъ иногда рычалъ, какъ левъ, называя палату собраніемъ «головоастиковъ». «Люди,— говорилъ онъ, — все-таки глупѣе, чѣмъ я думаю». Онъ презиралъ сибтъ и иногда производилъ впечатлѣніе мизантропа, говоря: «Ничто не можетъ сравниться съ дѣйственными лѣсами, гдѣ не видна человѣческая рука». Въ 1842 г. онъ сказалъ знаменитую фразу, что объединеніе Германіи можетъ быть достигнуто только «желѣзомъ и кровью», которую одно высокопоставленное лицо назвало «выходкой слинкомъ плотно позавтракавшаго человѣка». Сознывая свое превосходство, онъ ненавидѣлъ сотрудниковъ, желалъ знать все самъ и высказать обо всемъ свое мнѣніе. При этомъ не прощаль никакой ошибки своимъ агентамъ и обращался за это съ ними душно. «Полезно для всѣхъ,— говорилъ онъ,— чтобы я сердился, время

отъ времени, это поддаетъ болѣе нара въ машину». Онъ не подпадалъ ни подъ чье вліяніе и не жертвовалъ минутному впечатлѣнію, при чемъ не любилъ, чтобы его прямо сранивали, а нескромнымъ отиѣчалъ обыкновенно по-русски «ничего». Его жена признавалась, что у него не было ни одного истиннаго друга. Что касается ихъ отношеній, то они были самыя искреннія и, по ея словамъ, «они страдали только, когда разлучались». Тревожная жизнь, начинавшаяся съ девяти часовъ утра до часу ночи, дѣлала его больнымъ, причиняя ему жестокия невралгическія боли и онъ говорилъ: «Фаустъ жаловался,— что у него въ груди двѣ души. У меня ихъ есорителъ цѣлая толпа, и это такая сумятица, какъ въ республикѣ».

— Мемуары императрицы Евгеніи. Недавно Жанъ Боньфонъ сообщилъ въ «Journal», что императрица Евгенія занята составленіемъ своихъ «Мемуаровъ»¹⁾. Онъ утѣряетъ, что императрица, ради этой цѣли, прѣзжаетъ въ Парижъ и ретей сама въ архивахъ. Вслѣдъ за его статьей въ «Gaulois» появилась замѣтка А. Филонна, прежняго воспитателя императорскаго принца. Въ ней онъ опровергаетъ этотъ слухъ и говоритъ, что не разъ предлагалъ императрицѣ написать мемуары, но она отклонила это предложеніе, и онъ потерялъ надежду добиться своей цѣли. Однако, въ концѣ концовъ, онъ разсчитываетъ, что они будутъ написаны кѣмънибудь со словъ императрицы. Въ свою очередь, Жанъ Боньфонъ утверждаетъ, что императрица сохранила всѣ личныя письма, которыя она получала, начиная со дня свадьбы, 30-го января 1853 года, до послѣдняго времени. Каждый годъ эти письма переправлялись подъ солиднымъ эскортомъ въ одинъ изъ лондонскихъ банковъ. Четыре секретаря работаютъ круглый годъ подъ ея наблюденіемъ надъ составленіемъ мемуаровъ и классификаціей писемъ. Личность, близко стоящая къ императрицѣ, имени которой Боньфонъ не называетъ, передала ему, что Евгенія завѣщаетъ мемуары послѣ своей смерти публичному учрежденію для всеобщаго пользованія, и срокъ ихъ появленія послѣ ея смерти будетъ непродолжительный, такъ какъ въ нихъ не будутъ помѣщены документы, вредные для лицъ, оставшихся въ живыхъ. Туда войдутъ письма Наполеона къ Евгениі до и послѣ свадьбы, подлинность которыхъ удостовѣрена цвѣтомъ чернилъ, качествомъ бумаги и датой корреспонденціи. Та же личность сообщаетъ кое-что изъ нихъ. Напримѣръ, изъ переписки Евгениі съ Наполеономъ III до свадьбы видно, что, молодая дѣвушка колебалась сдѣлаться его женой и сдалась лишь на послѣднее письмо императора, въ которомъ онъ проситъ ея руки въ «интересахъ Франціи и династіи». Это объясняетъ помѣщенную въ обнародованномъ рескриптѣ фразу Наполеона: «Соглашаются на бракъ не изъ желанія, но что бы то ни стало, понасть въ семью королей». Въ другомъ письмѣ видно, что Наполеонъ имѣлъ въ виду другой тайный бракъ, въ случаѣ отказа Евгениі. Въ одномъ изъ картоновъ находились письма, касавшіеся борьбы императрицы съ отцемъ принца Виктора, но никто не знаетъ ихъ содержанія, такъ какъ послѣ его смерти она ихъ уничтожила. Но самыя важныя— это политическія документы: они составляютъ сто

¹⁾ Les mémoires de l'impératrice Eugénie, par Jean Bonneton. «Journal», 23 décembre 1901.

двадцать картонок. Не менѣе важныя бумаги, касающіяся социальнаго вопроса, составляютъ болѣе шестисотъ страницъ, написанныхъ Наполеономъ, относительно рабочаго класса, торгони и промышленности. Кроме того, многочисленныя документы, касающіеся Мексиканской войны, состоятъ изъ перенесенныя Вильгельма Прусскаго, которыя будто бы, удивить всѣхъ и собѣсть съ толку исторію. О блестящихъ празднествахъ императрицы ничего не будетъ упоминаемо. Эти мемуары, по словамъ Бонифона, составятъ не болѣе не менѣе, какъ сто томовъ. Какъ испанка, императрица не можетъ забыть и спокойно снести укоры за ея происхожденіе и хочетъ отмстить своимъ памфлетистамъ. Съ этой цѣлью она разыскиваетъ въ парижскихъ архивахъ фамилные документы для составленія своей полной генеалогіи. Но крайней мѣрѣ, послѣ своей смерти она докажетъ, что ея предки были королевскаго происхожденія, и ей принадлежать три титула испанскихъ грандовъ: Теба, Ваносъ, Мора; сама же она до замужества съ Наполеономъ называлась маркизой Ардалесъ ди-Озера ди-Мода, графиня Аблгасъ ди-Санта-Круча де-ла-Сьера, виконтесса Колыада, а ея отецъ проливалъ свою кровь за французскую имперію. Къ этимъ мемуарамъ, говорятъ, относится интересный анекдотъ о нылкомъ характерѣ императрицы. Въ 1867 году, послѣ выставки въ Парижѣ, уже слышался кругомъ глухой ропотъ, обѣщавшій политическій переворотъ; республиканцы воодушевлялись и какъ вѣдншія такъ и внутренія дѣла не обѣщали ничего утѣшительнаго, а Наполеонъ III, человѣкъ нерѣшительный, при томъ больной той мучительной болѣзнью, отъ которой онъ умеръ, съ трудомъ держался отъ тяжелыхъ частыхъ припадковъ. Вся Италия въ это время во что бы то ни стало хотѣла вернуть себѣ Римъ, находившійся подъ владычествомъ папы. Одна часть французскаго правительства отстаивала вызовъ изъ Рима французскихъ войскъ, поддерживавшихъ верховную власть папы — другая наоборотъ. Будучи испанкой и горячей католичкой императрица также была противъ вызова войскъ. Въ одинъ прекрасный день Наполеонъ III собралъ тайно отъ императрицы совѣтъ министровъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Желая избѣжать вліянія своей жены, присутствовавшей всегда на всѣхъ засѣданіяхъ, онъ запретилъ сообщать ей объ этомъ. Но императрица узнала о запрещеніи; гордая, повелительная испанка не могла снести подобнаго оскорбленія; ея окладѣлъ странный гнѣвъ: она бросилась въ заль совѣщанія, но предусмотрительный Наполеонъ приказалъ тѣлохранителю ни кого не впускать, даже императрицу. — «Я хочу войти, отойдите», — сказала она настойчиво. Въ ту эпоху она была еще молода и замѣчательно хороша, поэтому не удивительно, что она произвела на солдата двойное впечатлѣніе — государини и красивой женщины. Солдатъ бросился передъ нею на колѣни, загоразивая штыкомъ дверь въ заль совѣщанія, со словами: — «Ваше величество, входъ запрещенъ по приказу императора». — «Это мы еще посмотримъ!» — возразила она и, перескочивъ черезъ штыкъ, толкнула дверь. Влетѣвъ въ заль, какъ ураганъ, она направилась прямо къ императору, сидѣвшему въ своей обычной позѣ, прищуривъ глаза и съ безучастнымъ видомъ; онъ одинъ былъ въ шляпѣ. Сорвавъ съ его головы шляпу и бросивъ ее на полъ императрица вышла, оставивъ министровъ въ неопредѣленномъ смущеніи. Вернувшись къ себѣ, она приказала собираться къ отъѣзду и отправилась въ домашнюю каретѣ. На

слѣдующій день она была въ Англіи. Узнавъ объ ея неожиданной выходкѣ, Наполеонъ III пришелъ въ ужасъ: что дѣлать? Какъ скрыть отъ постороннихъ такой скандалъ? На счастье, одна изъ ея служанокъ была очень похожа на нее лицомъ и одного съ нею роста. На слѣдующій день Наполеонъ III извѣстятъ англійское посольство о желаніи императрицы отправиться въ Англію, къ своему дорогому другу, королеви Викторіи. Въ тотъ же день закутанная густымъ вуалемъ псевдо-Евгенія официально выѣхала изъ дворца въ придворной каретѣ на Сѣверный вокзалъ и съ большой торжественностью была встрѣчена тамъ. Одновременно была отправленъ въ Лондонъ одинъ дипломатъ съ порученіемъ уговорить императрицу. Но эта мѣра была излишня: королева Викторія, отличавшаяся своей строгостью по отношенію къ суиужескимъ обязанностямъ, приняла императрицу болѣе чѣмъ холодно, и Евгенинъ ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратиться домой.

— Смерть лорда Дѣфферина, профессора Тилэ, путешественника Эмиля Голуба, г-жи Клемансъ Руабе и Маріи Ратацн. 12 февраля скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни извѣстный англійскій дипломатъ и администраторъ, лордъ Дѣфферинъ, маркизъ Ава. Фредерикъ Тэмплъ, впоследствии пріобрѣтшій оба громкіе титула и сдѣлавшійся изромъ Англіи, родился въ Флоренціи, въ 1826 г., но по происхожденію онъ былъ ирландецъ. Мать его по прямой линіи была внучкой знаменитаго писателя Шеридана. Получивъ воспитаніе въ Итонѣ и Оксфордѣ, онъ поступилъ на дипломатическую службу, и по смерти отца получилъ титулъ барона Дѣфферина. Въ 1855 г. онъ сопровождалъ лорда Росселя въ Вѣну, а потомъ былъ посланъ чрезвычайнымъ комиссаромъ въ Сирію, во время рѣзни 1860 г. Въ либеральныхъ министерствахъ Пальмерстона и Гладстона онъ занималъ должности товарищей министра — военного и Индіи. Затѣмъ онъ перешелъ на административную карьеру и былъ генералъ-губернаторомъ Канады и вице-королемъ Индіи. Но онъ не покидалъ и дипломатической дѣятельности: такъ два года онъ находился посланникомъ въ Петербургѣ и три года въ Константинополѣ. Въ 1891 г. онъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ и оставался тамъ до 1897 г. Съ тѣхъ поръ онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ богатомъ имѣніи въ Ирландіи. Кромѣ этого, лордъ Дѣфферинъ былъ блестящимъ авторомъ; изъ многочисленныхъ его сочиненій славятся рассказы о путешествіяхъ, сатирическіе очерки и этюды по общественнымъ вопросамъ. Последнимъ его произведеніемъ было собраніе его рѣчей.

Въ концѣ января, въ Лейденѣ похоронили съ большими почестями голландскаго профессора, Корнелиса Тилэ, умершаго на 71 году. Его можно назвать величайшимъ авторитетомъ въ Европѣ по сравнительной исторіи религій. Онъ занималъ кафедру ея въ Лейденѣ съ 1877 г. и написалъ значительное число ученыхъ книгъ по этому предмету. Извѣстѣйшими его трудами считаются: «Сравнительная исторія египетскаго и месопотамскаго религіознаго культа», «Основаніе исторіи религій», «Западная Азія въ свѣтѣ послѣднихъ открытій» и «Вавилоно—ассирійская исторія». Онъ не только писалъ по-голландски и нѣмецки, но его англійскія статьи по религіознымъ вопросамъ въ «Encyclopaedia Britannica» обратили на себя общее вниманіе. Наконецъ онъ былъ за-

мѣчательнымъ духовнымъ проповѣдникомъ и постоянно писалъ въ основанныхъ имъ «Theologische Tijdschrift».

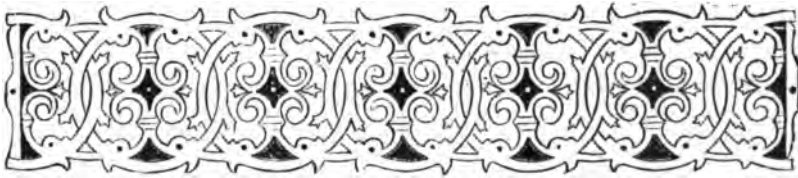
21-го января, умеръ въ Вѣнѣ чешскій ученый, Эмиль Голубъ. Онъ былъ извѣстенъ своими путешествіями по Африкѣ и изслѣдованіями по естественнымъ наукамъ. Родившись въ Голлицѣ, въ 1847 г., онъ прошелъ курсъ наукъ на медицинскомъ факультетѣ Пражскаго университета. Въ то время Ливингстонъ гремѣлъ во всемъ свѣтѣ своей славой, и черный континентъ привлекалъ къ себѣ молодыхъ ученыхъ. Въ томъ числѣ отправился въ его дебри и Эмиль Голубъ въ 1872 г. Изучивъ основательно южно-африканскій берегъ, онъ совершилъ три экспедиціи внутрь страны съ цѣлью изслѣдованія бассейна Замбози. Въ 1876 г. онъ окончилъ свои странствія, но заболѣлъ лихорадкой, благодаря чему и недостатку своихъ средствъ онъ не могъ немедленно возвратиться въ Вирону. Однако, несмотря на это, онъ собралъ блестящую естественно-историческую коллекцію, которую ему удалось вывезти изъ Африки, благодаря щедрой субсидіи императора австрійскаго. Окончательно эти коллекціи были пожертвованы имъ различнымъ музеямъ Вѣны. Его «Воспоминанія о путешествіи по Африкѣ» имѣли громаднѣйшій успѣхъ. Бельгійскій король предложилъ ему мѣсто въ колоніи Конго, но Голубъ отказался и предпринялъ съ женою въ 1883 г. африканское путешествіе. Оно продолжалось четыре года, и Голубъ описалъ его въ двухъ томахъ. Вывезя снова богатую коллекцію научныхъ предметовъ изъ Африки, Голубъ предпринялъ поѣздку въ Америку, гдѣ читалъ лекціи о своихъ африканскихъ странствіяхъ. Въ сравнительно пестаромъ возрастѣ, 55 лѣтъ, онъ умеръ и оплакивается всемъ ученымъ миромъ.

Въ одинъ день и почти въ одинъ часъ скончались въ Парижѣ 3-го февраля дѣти замѣчательныя, но совершенно противоположныя личности. Первая изъ нихъ—Клемансъ Руафѣ родилась въ 1830 году въ Нантѣ, въ юности отличалась чрезвычайно мистическимъ направленіемъ, такъ что хотѣла поступить въ монастырь, но ее увлекла въ совершенно иной міръ, полька. «Я была эмансипирована, странно сказать, полькой,—говорила она съ улыбкой:—тогда только что ввели во Франціи этотъ бавальный танецъ. Мои родители принимали много знакомыхъ и, конечно, въ томъ числѣ кавалеры, танцовавшіе до упада, не были рѣкостью». Однако, танцы, побудивъ ее покинуть мысль о монастырѣ, не сдѣлали ее свѣтской, легкомысленной женщиной. Напротивъ, революція 1848 года побудила ее заниматься философіей и другими научными предметами. Она сдѣлалась не только либеральной ученой, но даже анти-религіозной женщиной. Политическія событія принудили ее удалиться въ Швейцарію, и тамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Прудономъ, она написала на конкурсъ сочиненіе о теоріи палоговъ, которое имѣло большой успѣхъ. По ее прославила еще болѣе ея превосходный переводъ «О происхожденіи видовъ», Дарвина. Съ тѣхъ поръ она писала одно сочиненіе за другимъ—по астрономіи, физикѣ, политической экономіи, философіи, психологіи и т. д. Самыми замѣчательными ея произведеніями были, «О происхожденіи человѣка», «Исторія религіи» и «Исторія пантеизма». Но кромѣ этихъ высоко ученыхъ трудовъ, она должна была добывать себѣ средства къ жизни газетной работой. Естественно, что она стояла за свободу женщины и считалась виднымъ распространителемъ женскаго

движенія. Не смотря на то, что въ ученѣмъ мірѣ ея очень уважали и, даже не давно, министерство народнаго просвѣщенія наградило ее орденомъ Почетнаго легіона, по ея имя не было извѣстно парижской публикѣ. Хотя Ренанъ говорилъ: «Эта женщина—гениальный мужчина», но это не мѣшало ей умереть въ сравнительной неизвѣстности, въ пріютѣ для больныхъ женщинъ, въ Небли.

Совершенно иная судьба была другой поколѣницы, скончавшейся съ нею въ одно время. Марія Ратаци была одной изъ первыхъ красавицъ парижскаго общества второй имперіи. Она была внучкой Люсьена Бонапарта и двоюродной сестрой Наполеона III. Ея отецъ англійскій дипломатъ Уайтъ рано выдалъ замужъ юную Марию за князя Сольмса. Оба рассчитывали на протекцію своего коронованнаго родственника, но, по несчастію, ея красота вызвала ревность императрицы Евгеніи и ее удалили отъ двора. Тогда она зысела у себя блестящій салонъ, окружила себя писателями и художниками, задавала фееричныя празднества и заставила говорить о себѣ всю Францію. Императоръ, по совѣту жены, выселилъ ее изъ предѣловъ страны. Она удалилась въ Э-ле-Вейгъ въ Савойю и продолжала тамъ, окруженная такими знаменитостями, какъ Викторъ Гюго, Александръ Дюма, Эженъ Сю, Ронפורъ, Конутъ и такъ далѣе, веселиться и гремѣть своей славой на весь свѣтъ. По смерти стараго князя Сольмса, она вышла замужъ за знаменитаго итальянскаго государственнаго челоѣка, Ратаци, но прожила съ нимъ недолго и овдовѣвъ, вышла замужъ за испанца де-Руте, но присоединила свою прежнюю фамилію къ новой. Во время своего второго брака она жила часто въ Римѣ, а потомъ переехала въ Мадридъ. Со времени же третьей республики и похоронивъ третьяго мужа она поселилась окончательно въ Парижѣ. Несмотря на быстро приближавшуюся старость, она продолжала вести легкомысленную веселую жизнь. Выѣстъ съ тѣмъ она занималась литературой, писала романы и великаго рода книги, сотрудничала въ газетахъ и сама издавала «Revue internationale». Наконецъ на 71-мъ году жизни она окончила свою болѣе чѣмъ легкомысленную жизнь.

С М Ъ С Ъ.

КЪ ЮБИЛЕЮ ПЕЧАТИ. Русскому библиографическому обществу при императорскомъ Московскомъ университетѣ разрѣшено, при участіи представителей мѣстной печати, устроить празднество по случаю 200-лѣтія русской періодической печати и образование для сего въ Москвѣ особаго «юбилейнаго комитета», положеніе о коемъ также утверждено въ слѣдующемъ видѣ. 1. Въ Москвѣ, въ ознаменованіе выхода перваго номера первой русской газеты въ январѣ 1903 года, при участіи современныхъ представителей московской періодической печати предполагается торжественное празднованіе 200-лѣтняго юбилея сего достопамятнаго событія. 2. Для детальнаго выработки программы предстоящаго празднованія и его осуществленія учреждается особый «юбилейный комитетъ». 3. Въ составъ «юбилейнаго комитета» входятъ: а) должностныя лица русскаго библиографическаго общества и пять членовъ его, выбранныхъ для подготовительныхъ работъ по организаціи празднованія; б) представители отъ ученыхъ обществъ и учреждений. 4. На обязанности комитета лежатъ подробная выработка программы празднованія и подготовительныя работы по организаціи: а) торжественнаго засѣданія въ день юбилея въ залѣ университета; б) составленія и изданія списка русскихъ газетъ и журналовъ; в) устройства выставки русскихъ періодическихъ изданій за 200 лѣтъ и публичныхъ чтеній по вопросамъ, касающимся праздника какъ до начала, такъ и во время его; г) основанія въ Москвѣ убожища для работниковъ періодической печати, потерявшихъ способность къ труду; д) равно и по всѣмъ другимъ вопросамъ, могущимъ возникнуть въ комитетѣ, а также и самое осуществленіе праздника. 5. Юбилейный комитетъ изыскиваетъ средства на осуществленіе праздника путемъ обязательныхъ взносовъ, добровольныхъ пожертвованій, устройствомъ платныхъ публичныхъ чтеній, входной платы на выставку и т. и. 6. Комитетъ издаетъ съ разрѣшенія своего предсѣдателя отчеты о своей дѣя-

тельности. 7. Комитетъ имѣеть право ходатайствовать о дополненіяхъ и измѣненіяхъ настоящаго положенія. Въ самомъ продолжительномъ времени состоится общее собраніе членовъ русскаго библіографическаго общества для доклада утвержденнаго положенія и для выбора должностныхъ лицъ юбилейнаго комитета. На это собраніе будутъ приглашены представители ученыхъ обществъ и учреждений и представители всей московской періодической печати.

Собираніе былинь. Минувшимъ лѣтомъ сотрудниками отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ былъ произведенъ рядъ весьма цѣнныхъ, по полученнымъ результатамъ, работъ по собиранію и изслѣдованію текстовъ русскихъ былинь и историческихъ пѣсенъ. Последнія записывались съ помощью фонографа, къ которому, несмотря на его диковинность для населенія нашихъ окраинныхъ губерній, крестьяне относились безъ особой робости и довольно охотно передавали этому инструменту свои «старинны» (какъ называютъ они былины). А. Д. Григорьевъ собралъ въ свою, продолжавшуюся 2½ мѣсяца, поѣздку по Шинезскому и Мезенскому уѣздамъ, Архангельской губерніи, сдѣлавъ пѣшкомъ, на пароходѣ, въ лодкахъ и на лошадяхъ, 3.700 верстъ, 211 «старинъ» (былинь) полныхъ и четыре былинные отрывка. 75 экземпляровъ изъ записанныхъ принадлежатъ къ рѣдко встрѣчающимся. Записаны въ первый разъ: 1) «Побѣда богатирей князей Олега Черниговскаго со Святогоромъ во главѣ надъ войсками князя Додога; Кушаня Святогора съ Пльей Муромцемъ, Добрыней и Алешей Поповичемъ; Смерть въ гробу и погребеніе Святогора. 2) Молодость Добрыни, жалоба на него князю, оправданіе Добрыни (300 слишкомъ стиховъ); Добрыня и Маринка (80 стиховъ). 3) Женитьба Владимира на указанной и привезенной Добрыней греческой княжнѣ; Илья и Удолище. 4) Мамаево побойще (Добрыня, Окольниковъ и Алеша Поповичъ, по приказу княгини, освобождаютъ Кіевъ отъ Скурланца). 5) Женитьба молодца (если только не изъ Дуная). 6) Васька Пьяница отвозитъ дань Ордынскому королю. 7) Продѣлки Васьки Шишки. 8) Старина о льдинѣ и боѣ женщины. Другой изслѣдователь, А. Марковъ, ѣздилъ въ теченіе полутора мѣсяца въ сопровожденіи А. Л. Маслова и В. А. Богословскаго, по той же губерніи. Текстовъ различныхъ произведеній народной поэзіи записано ими всего 132 №№: 70 старинъ (былинь, историческихъ пѣсенъ и такъ называемыхъ низшихъ эпическихъ пѣсенъ), 27 духовныхъ стиховъ, 4 сказки; 7 протяжныхъ пѣсенъ, 5 святочныхъ, 3 хоровадныхъ, 2 плясовыхъ, 2 свадебныхъ; 10 свадебныхъ причитаній, 1 похоронное и 1 заговоръ. Старинны заключаютъ въ себѣ 48 собственно-былинь, 6 историческихъ пѣсенъ и 16 низшихъ эпическихъ пѣсенъ. Среди былинь попалось нѣсколько новыхъ сюжетовъ, именно: «Женитьба Дюка Степановича, Женитьба Пересыякина племянника, Рында». Другіе былины представляютъ собою варианты уже извѣстныхъ сюжетовъ. Что касается музыкальныхъ записей, то всего записано 113 мелодій, изъ нихъ 55—фонографомъ. Записаны пѣньи 67 старинъ, 22 духовныхъ стиховъ и 24 пѣсенъ и причитаній.

С.-Петербургское археологическое общество. 1. 9-го января въ общемъ собраніи председательствовалъ графъ Н. И. Толстой. Единогласно по предложенію совѣта въ почетные члены общества избранъ П. Н. Мартыановъ по слу-

чаю празднованія 25-лѣтія существованія Миусинскаго музея. Въ члены ревизіонной комисіи избраны: Н. П. Покровскій, П. К. Кокорцовъ и Я. П. Смирновъ. Въ члены общества избраны: О. Ф. Ретовскій и Ф. А. Розенбергъ. Большою интересъ возбудилъ докладъ проф. Н. П. Веселовскаго «О раскопкахъ въ Кубанской области въ 1901 году» съ демонстраціей коллекціи найденныхъ предметовъ. Раскопки эти дали въ теченіе лѣта 1901 года значительные результаты. Открыто до 60 кургановъ совершенно новаго типа; вещей сравнительно мало. Грабители унесли въ большинствѣ случаевъ все. Слѣды ходовъ, вырытыхъ ворами, указываютъ, что они были прекрасно осведомлены о расположеніи гробницъ въ курганѣ. Наиболѣе богатая пожива ожидала ихъ въ головахъ покойника; туда въ особенности и стремились грабители. Посуда, не взятая ворами, ломалась и разбивалась ими. Но, тѣмъ не менѣе, остатки вещей составили значительную коллекцію; встрѣчаются котлы (принадлежность почти каждаго кургана), металлическіе сосуды, серьги, бусы изъ горнаго хрустала и друг., бляшки мѣдныя съ накладкою изъ серебра, составлявшія поясъ, много мелкихъ золотыхъ бляшекъ, ожерелья, золотыя бляхи—украшеніе кольчуги. Погребеніе по опредѣленію референта относится къ римскому времени, II—III вѣкамъ по Р. Х. II. 24-го января, подъ предѣдательствомъ профессора В. Р. Розена, происходило засѣданіе членовъ восточнаго отдѣленія. Прочитанъ былъ докладъ иностраннаго корреспондента общества А. Грюнведела, указавшаго на важное научное значеніе богатаго собранія князя Э. Э. Ухтомскаго — буддійскихъ статуэтокъ, образовъ и другихъ предметовъ буддійскаго культа. Нѣкоторые изъ предметовъ коллекціи князя были имъ любезно демонстрированы въ засѣданіи. Вещественныхъ памятниковъ тибетско-монгольскаго буддизма собрано вообще очень мало. Собраніе князя является исключеніемъ. Коллекція его отличается рѣдкостью встрѣчающихся типовъ отдѣльныхъ божествъ, разнообразіемъ сюжетовъ, безурочной сохранностью предметовъ, а также большимъ вкусомъ. Для исторіи ламайскаго искусства коллекція даетъ обильный матеріалъ. Докладчикъ обращаетъ особенное вниманіе на выраженіе лицъ статуэтокъ. Позднѣйшія изображенія буддійскихъ божествъ характеризуются многочисленностью фигуръ—они имѣютъ по нѣсколько лицъ, глазъ, по множеству рукъ и пр. Фигуры болѣе древнія имѣютъ нормальное количество членовъ. Большое разнообразіе сюжетовъ и матеріалъ для опредѣленія послѣднихъ даютъ образы коллекціи, иногда сопровождаемые подписями. Быстро усвоивъ все новыя и новыя формы чужого искусства, буддизмъ обладаетъ крайнимъ разнообразіемъ сюжетовъ своихъ религіозныхъ изображеній, точное опредѣленіе которыхъ часто весьма затруднительно. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Предѣдатель, отъ имени восточнаго отдѣленія, выразилъ князю Э. Э. Ухтомскому благодарность за оказанную науцѣ заслугу въ дѣлѣ собранія богатыхъ матеріаловъ для изученія буддизма, а также и за любезное предоставленіе предметовъ своей коллекціи для разсмотрѣнія во время засѣданія. III. Засѣданіе русскаго отдѣленія 26-го января происходило подъ предѣдательствомъ Н. Д. Чулушина. Е. Ф. Шмурло взялъ темою своего доклада вопросъ о томъ, «когда началъ учиться грамотѣ Петръ Великій». Въ исторической литературѣ установилось мнѣніе, что царевичъ Петръ началъ свое образованіе 12-го марта 1677

года, т.-е. съ пятилѣтняго возраста. Другая предполагаемая дата относится ко времени еще болѣе раннему, приписывая начало ученія будущаго великаго преобразователя Россіи чуть не съ трехъ лѣтъ. Докладчикъ, тщательно изслѣдовавъ детали вопроса, приходитъ къ нѣскольکو шному выводу, а именно: начало ученія Петра онъ относитъ къ декабрю 1679 г., то-есть когда царевичу шелъ уже седьмой годъ. Около этого времени Петръ перешелъ съ рукъ мамокъ подъ наблюденіе боярина Родіона Стрѣшнева. Ученіе начиналось обыкновенно съ «пророка Наума», т.-е. съ 1-го декабря; за два-три дня передъ этимъ служили молебны. Въ образованіи Петра принималъ участіе и Симоонъ Полоцкій; можно думать, что составленный имъ около того времени букварь былъ предназначенъ специально для Петра Алексѣевича. Референтъ въ своемъ изслѣдованіи приходитъ также къ выводу, что нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній приписывать какую нибудь особенность въ обученіи Петра. По мнѣнію докладчика, Петръ началъ учиться, какъ и другія царскія дѣти, съ семилѣтняго возраста и обученіе его шло обычнымъ, установленнымъ порядкомъ, будучи главнымъ образомъ обученъ религіознымъ. Такъ, почти одновременно съ букваремъ начиналъ изучаться и часословъ. Второй докладъ принадлежалъ неутонному послѣдователю древностей донскаго человека князю П. А. Путятину. «Варианты металитическихъ обрядностей на Сѣверѣ Россіи», перечисленные докладчикомъ, иллюстрированы были какъ любознательными коллекціями каменныхъ орудій и остатковъ гончарства, такъ и множествомъ фотографій. Между прочимъ княземъ демонстрированы были: интересная коллекція изъ раскопокъ баронессы Софій Торма въ Венгріи и собраніе предметовъ каменнаго вѣка, найденныхъ княземъ при раскопкахъ его близъ Вологды въ 1901 г. Д. Θ. Щегловъ попытался объяснить происхожденіе загадочныхъ предметовъ, впервые найденныхъ при раскопкахъ въ минувшемъ году въ Орловской губерніи, произведенныхъ поручикомъ Анухтинымъ. Докладчикъ считаетъ эти предметы за остатки булавъ.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 11 января Ю. В. Готье прочелъ присланный А. М. Покровскимъ докладъ о результатахъ произведенныхъ имъ и ранѣе совместно съ проф. Д. Н. Багалъемъ и Е. П. Трефилевымъ раскопкахъ въ Харьковской губерніи такъ называемыхъ Салтовскихъ могильниковъ. За оба раза раскопано было 44 могилы, изъ которыхъ 17 раскопаны троими упомянутыми послѣдователями, а 27—однимъ А. М. Покровскимъ. Костный матеріалъ разобранныхъ могильниковъ представляетъ очень много интереснаго. Очевидно, судя по сильно развитой мускулатурѣ, въ этой мѣстности жилъ рослый и сильный народъ. При производствѣ раскопокъ по склонамъ овраговъ и канавъ находили мѣста рупенной земли, гдѣ и вскрывали цѣлыя камеры. Эти мѣста замѣтны и по своей рыхлости, и по цвѣту, и по тому, что тамъ попадаются прослойки черной земли, а иногда при ея вышнзачаніи находили и потерянные вещи: бубенчики, бляшки и др.; было найдено даже цѣлое ожерелье бусъ, расположенныхъ большою кучей, и при немъ золотая сережка. Вышнзачая рупенную, обнаружили родъ коридора или траншеи, очень узкой, около 12 вершковъ ширины. Коридоръ этотъ упирается въ стѣну, внизу которой прорыта дыра, куда можно пройти согнувшись, иногда

съ большимъ трудомъ. Это отверстіе ведетъ въ камеру, вырытую въ землѣ приблизительно на глубинѣ отъ 2 до 5 сажень. Камеры вырыты въ землѣ, стѣнки и потолокъ выглажены какъ бы небольшими лопатками или полукрытыми совками, отъ которыхъ остались углубленія. Стѣны и потолокъ вырыты или однимъ круглымъ сводомъ, такъ что камера представляетъ какъ бы полуцилиндръ, или четырьмя сводами, сходящимися вмѣстѣ; ребра пересѣченія сводовъ иногда видны совершенно ясно. Стѣны и потолокъ выбѣлены, и слѣды отбѣлки ясно сохраняются и до сихъ поръ. Въ камерѣ на голомъ полу, по большей части, клалась труны; иногда встрѣчается сложенная подстилка слоя угля. Число скелетовъ въ камерахъ по большей части одно и то же: это—3 скелета, положенные рядомъ, перпендикулярно ко входу; впрочемъ встрѣчаются два и даже одинъ. Труны клались одновременно, на что указываетъ то обстоятельство, что всѣ кости лежатъ въ полномъ порядкѣ, и труны лежатъ взявшись за руки. По большей части, въ каждой камерѣ одно погребеніе мужское, два же другіе скелета или женскіе, или женскій и дѣтскій; вообще дѣтскихъ очень много, и преимущественно маленькихъ. Труны клались на спину съ вытянутыми ногами и руками, положенными свободно вдоль туловища. Въ головѣхъ обыкновенно стоялъ глиняный кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ. Сосуды черные, рѣдко красной глины, очень хорошаго обжига, почти напоминающаго терракоту: около сосуда лежатъ кости быка, теленка или барана. Мужской скелетъ сопровождается обыкновенно оружіемъ, сабля желѣзная, иногда въ ножнахъ, съ перекрестною рукояткой, съ деревянною ручкой, окованной желѣзомъ. Кромѣ сабли, имѣются еще боевые топорики: найдена также шарообразная булава со сверлиной. Обязательнымъ оружіемъ при всѣхъ трунахъ является желѣзный ножъ, прибитый съ правой стороны, какъ у мужскихъ, такъ и у женскихъ скелетовъ. Ножъ виситъ обыкновенно на поясъ въ ножнахъ, иногда окованныхъ серебромъ, но случалось находить въ однихъ и тѣхъ же ножнахъ по нѣскольку экземпляровъ ножей, заключенныхъ въ одинъ ножны. Пояса были покрыты наборомъ изъ бронзовыхъ бляшекъ съ колечками. На одномъ изъ поясовъ сохранился даже кусокъ ремня съ бронзовымъ изображеніемъ человѣческой фигуры на концѣ. Фигура эта въ длинной одеждѣ съ поясомъ, въ головномъ уборѣ и сапогахъ. У мужскихъ скелетовъ встрѣчаются еще бубенчики около головы, бронзовыя пуговицы на лѣвой сторонѣ шеи и на лѣвомъ плечѣ и лѣвомъ боку. На ногахъ остатки ремней и серебряныхъ бляшекъ, иногда съ изображеніемъ человѣческой фигуры. Убранство женскихъ скелетовъ гораздо богаче. Встрѣчаются даже золотыя серьги; большое количество стеклянныхъ бусъ, сердоликовыхъ, горнаго хрустала и другихъ. Кромѣ ожерелья изъ бусъ, встрѣчается рядъ очень тонкихъ бубенчиковъ, нашитыхъ на одежду или на какую нибудь матерію и тоже образующихъ родъ ожерелья вокругъ шеи. Кромѣ того, находили много разныхъ подвѣсокъ около пояса. Найдена также одна пряжка съ прикрепленными къ ней 4 бронзовыми цѣпочками. На рукахъ имѣются браслеты и кольца. Среди подвѣсокъ имѣются персидскія и арабскія монеты. На основаніи этихъ весьма важныхъ находокъ можно съ достовѣрностью отнести изслѣдованные могильники къ VI вѣку по Р. Х. При дѣтскихъ скелетахъ тоже найдены укрешенія въ видѣ бусъ, бубенчиковъ и пуговиць.

Неключительнымъ погребеніемъ является погребеніе лошади. Похоронена она была въ очень узкой ямѣ, куда ее ввели, заставили опуститься и убили, такъ что ноги ея были совершенно подогнуты. Между передними ногами лежала богатая уздечка, на шеѣ были стремена, по подковѣ на конятахъ не было и слѣда. А. М. Покровскому удалось при помощи магніа сдѣлать нѣсколько фотографій одного очень богатаго погребенія въ общемъ видѣ и деталяхъ. II. Въ слѣдующемъ за сѣданіи общества былъ сообщенъ докладъ В. Тевяшева о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Воронежской губерніи и найденныхъ при этомъ доисторическихкихъ памятникахъ. Подготовительными раскопками цѣлой группы кургановъ, въ Острогжскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Дона, докладчикъ сдѣлалъ первый шагъ для научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Изъ 13 кургановъ, образующихъ группу могильниковъ между рѣкою Дономъ и Витюкомъ, близъ слободки Владимировки, В. Тевяшевымъ были раскопаны 4 кургана лѣтомъ 1900 года и 3—лѣтомъ 1901 года. Общій типъ кургановъ слѣдующій: форма куполообразная съ широкимъ основаніемъ, а высота ихъ отъ 1 до 4 аршинъ надъ поверхностью окружающей ихъ мѣстности. Поле, на которомъ они расположены, распахивается не болѣе 75 лѣтъ, ранѣе оно находилось подъ стѣною, вблизи его лѣсъ, носившій названіе Черемховая стѣнка, а въ 2 верстахъ отъ могильника, по правому берегу Витюка, начинаются обширные лѣса. Самый высокій курганъ № 1 имѣлъ надъ почвою 4 аршина 4 вершка высоты и 77 сажень въ окружности. На глубинѣ 1 аршина 9 вершковъ обнаружены 3 глиняные горшка съ диаметромъ разнообразной формы, величины и орнаментаціи, отъ первобытной до красиво-правильной, въ центрѣ кургана обнаружено много золы и куски человѣческаго черепа. Во второмъ курганѣ найдены деревянные помосты и три наконечника желѣзныхъ коней. Въ третьемъ курганѣ обнаружена была могила съ костякомъ незрелого человѣка, обращеннымъ головою къ сѣверо-западу; кости при выемкѣ изъ могилы разсыпались и легко обращались въ мучную пыль, одни зубы хорошо сохранились. Въ могилѣ, кромѣ того, найдены, бронзовыя спиральки около головы, кремневый тонкій скребокъ въ погахъ и два горшка различныхъ формъ и орнамента. Въ четвертомъ курганѣ найдены бронзовый предметъ въ формѣ фригійской шапочки и громадный дубъ съ вѣтвями, что даетъ поводъ предполагать, что въ позднѣйшее время здѣсь былъ сторожевой курганъ. Въ остальныхъ курганахъ найдены также болѣе или менѣе сохранившіеся костяки, несомнѣнно, принадлежащіе къ одной эпохѣ по одинаковости погребальнаго обряда, по совершенному отсутствію въ нихъ дерева и какихъ либо орудій, однородности керамическаго производства, что свидѣтельствуетъ о глубокой древности сооруженія кургановъ. III. 17-го января въ за сѣданіи славянской комиссіи общества А. Я. Яцимирскій прочиталъ докладъ: «Истѣнія новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи румынъ». Изслѣдованія румынскихкихъ ученыхъ приводятъ ихъ къ тому заключенію, что румыны являются прямыми потомками римскихъ колонистовъ, отсюда самое названіе ихъ и цѣлая треть латинскихъ словъ въ языкѣ. Западныя европейскіе ученые не придерживаются цѣлкомъ этого взгляда и смотрятъ на румынъ, какъ на аггломератъ народностей, неизвѣстный по составу, но подвергнутаго тѣмъ или инымъ путемъ сильной романизации. Славянскіе изслѣдователи склонны видѣть

въ румынахъ остатки или присутствіе славянскаго и даже скипскаго элемента. Въ румынскомъ языкѣ, представляющемъ собой мозаику разноязычныхъ корней, послѣ латинскихъ большая часть приходится на славянскіе. Въ общемъ, однако, ни этнографическія, изысканія, ни лингвистическія, ни антропологическія до сихъ поръ не дали прямыхъ и неопровержимыхъ данныхъ о происхожденіи румынской народности. Докладчики, илагая мнѣнія ученыхъ, высказывали по поводу ихъ свое мнѣніе, но своего заключенія не высказалъ; это дало обильный матеріалъ для обмена мнѣній между присутствующими. Между прочимъ при этомъ указано было и на парадоксальность большинства существующихъ теорій. Особенно ясно это въ вопросѣ о римскомъ происхожденіи румынъ. Колонисты римскіе совсѣмъ не были цѣликомъ итальянцами, а являлись сборомъ пролетаріата изъ всѣхъ провинцій имперіи, и, кромѣ того, римское господство продолжалось здѣсь не болѣе 40 лѣтъ, по истеченіи которыхъ культурное вліяніе римлянъ стало падать. Нѣсколько иброятнѣе предполагать въ румынахъ остатки неконни жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ кельтовъ. Движеніемъ народовъ они были вытѣснены изъ центральныхъ мѣстностей полуострова и ушли на сѣверъ, на лѣвый берегъ Дуная, и здѣсь, укрывшись въ горахъ, сохранили долю римскаго вліянія и усвоили вдобавокъ къ нему отъ сосѣднихъ славянскихъ культурныхъ народовъ Панноніи большую часть ихъ культуры.

Общество любителей древней письменности. I. 11-го января состоялось общее собраніе, подѣ председательствомъ графа С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи первое сообщеніе: «Пасторъ Эрнстъ Глюкъ и сотрудники его по московской школѣ 1703—1711 гг.», было прочитано В. Н. Петерцемъ. Основанная Глюкомъ въ Москвѣ въ 1703 году школа могла явиться важнымъ образовательнымъ учрежденіемъ Петровской эпохи, такъ какъ у Глюка были всѣ данныя для того, чтобы научно поставить въ школѣ дѣло преподаванія, но Глюкъ въ 1705 г. умеръ, его преемникъ магистръ Паусъ послѣ цѣлаго ряда непріятностей, пенитантныхъ имъ въ школѣ, былъ уволенъ, а при послѣдующихъ руководителяхъ школа быстро стала падать все болше, и въ 1714 году остатки ея были переведены въ Петербургъ. Остановившись главнымъ образомъ на дѣятельности въ школѣ пастора Глюка и магистра Пауса, докладчики указали на то, что если культурныя задачи не были достигнуты Глюкомъ и Паусомъ, то за ними остается заслуга сочиненія первыхъ русскихъ тоническихкихъ стиховъ, по образцу которыхъ Тредьяковскій, пользуясь рукописями Пауса (съ 1726 года Паусъ былъ переводчикомъ при академіи наукъ), реформировать теорію русскаго стиха, не умѣя дать примѣровъ, подтверждающихъ ее. Затѣмъ П. Д. Чечулинъ сдѣлалъ сообщеніе: «Объ источникахъ Наказа». О заимствованіяхъ въ Наказѣ изъ сочиненій Монтеस्कье и Беккарин говорила еще сама императрица Екатерина. Исслѣдованіями Кистяковского, Жаруднаго, Вѣликова было установлено, что главы X-я Наказа представляетъ сокращеніе трактата Беккарин, а главы III—IX, части XI и XII и почти цѣликомъ главы XVIII—XX содержатъ преимущественно извлеченія изъ Монтеस्कье. Болѣе тщательное сравненіе Наказа съ сочиненіемъ Монтеस्कье показываетъ, что у него заимствованы и нѣкоторыя изъ статей, считавшихся прежде принадлежащими самой императрицѣ: представляютъ почти сплошь извлеченія

изъ Монтеские всѣ первыя девять главъ, вся глава XI-1 и части главъ XII, XIV, XV, XVIII—XX; кромѣ того, есть извлеченія изъ Монтеские и въ главѣ XXI—первой дополнительной. Докладчикъ указалъ, что обѣ дополнительные главы XXI-1 и XXII тоже составлены императрицею Екатериною на основаніи нѣсколькихъ ученыхъ трактатовъ того времени. Глава XXI о полиціи составлена почти сплошь по сочиненію Вильфелда: «Institutions politiques»; извлеченія изъ этого сочиненія есть и въ главѣ XXII. Глава XVII о городахъ составлена по одному изъ сочиненій Юста, извлеченія изъ него есть и въ главѣ XXII. Въ этой же главѣ есть явные слѣды извлеченій изъ сочиненій Кенэ или во всякомъ случаѣ изъ какого либо политико-экономическаго трактата, проводившаго идеи физиократовъ. Вообще не менѣе трехъ четвертей Наказа заимствованы изъ разныхъ современныхъ ему ученыхъ трактатовъ. Докладчикъ подчеркнул особенно это стремленіе императрицы стоять въ законодательной дѣятельности на уровнѣ современныхъ ученыхъ изслѣдованій; благодаря этому, Наказъ распространилъ въ русскомъ обществѣ много идей, для своего времени передовыхъ и прогрессивныхъ, и дѣйствительно полезныхъ и замѣчательныхъ. II. 25 января состоялось общее собраніе подъ предѣтельствомъ Д. Ѳ. Кобеко. Первое сообщеніе: «О славянскихъ печатныхъ изданіяхъ Кіево-Печерскаго Патерика», было прочитано Д. Н. Абрамовичемъ. Референтъ остановился на первомъ печатномъ славянскомъ изданіи (кіевскомъ 1661 года), которое представляетъ собою позднѣйшую историко-литературную компиляцію, составленную лишь на основаніи Печерскаго Патерика въ собственномъ смыслѣ (какъ сложился этотъ Патерикъ въ періодъ времени съ XIII по XV вѣкъ),—опредѣлилъ отношеніе его и зависимость отъ рукописей редакціи Іосифа Тризны, а затѣмъ перешелъ къ подробностямъ дѣла объ исправленіи Патерика передъ изданіемъ 1759 года (первымъ московскимъ), ознакомивъ съ ними на основаніи данныхъ для исторіи этого исправленія,—очень тщательнаго и сложнаго, —имѣющихся въ архивѣ святѣйшаго Синода, Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и типографской бібліотекѣ. Затѣмъ П. А. Сырку прочелъ рефератъ о латинскихъ принискахъ въ славянскомъ кодексѣ рижованной лѣтописи Манассіи, хранящемся въ Ватиканѣ. Славянскій переводъ этой лѣтописи давно извѣстенъ ученому міру; до сихъ поръ, однако, нѣтъ не только хорошаго изданія этого перевода, но нѣтъ даже научнаго описанія лучшаго изъ его списковъ—ватиканскаго, украшеннаго миниатюрами, драгоценными для исторіи культуры южныхъ славянъ. Такъ, никто пока не обращалъ вниманія на множество славянскихъ и латинскихъ и небольшое количество греческихъ принисокъ, которыя имѣются на поляхъ (изрѣдка въ срединѣ листовъ) ватиканскаго списка и въ большинствѣ случаевъ служатъ указателями содержанія лѣтописнаго текста, а иногда даютъ объясненія непонятныхъ неславянскихъ словъ. Референтъ остановился главнымъ образомъ на латинскихъ принискахъ и примѣчаніяхъ. Онѣ не случайнаго характера, а расположены до нѣкоторой степени въ систематическомъ порядкѣ и даютъ ясное понятіе о содержаніи лѣтописи (до 150-го листа, на которомъ приниски прекращаются). Сдѣланы приниски на основаніи источниковъ главнымъ образомъ историческаго характера и отчасти на основаніи легендарныхъ сказаній

изъ болгарской исторіи. Это одно уже даетъ право предположить, что латинскія прински принадлежатъ славянину. Детальныя наблюденія надъ ихъ правописаніемъ и особенностями языка привели референта къ убѣжденію, что прински несомнѣнно сдѣланы болгариномъ, знавшимъ латинскій языкъ, въ очень близкое къ написанію самаго кодекса время. Наибольше вѣроятнымъ референтъ считаетъ, что латинскія прински сдѣлано для того, чтобы дать понятъ о содержаніи памятника людямъ, не знакомымъ съ славянскимъ языкомъ, тотчасъ послѣ того, какъ кодексъ былъ принесенъ изъ Болгаріи въ Римъ, то-есть въ началѣ XV вѣка. Кромѣ того, референтъ считаетъ возможнымъ допустить мысль, что болгарскій латинистъ, сдѣлавшій латинскія прински, внесъ въ кодексъ и западное троянское сказаніе и, можетъ быть, принималъ участіе въ иллюстрированіи рукописи.

Археологическій институтъ. I. Дѣятельность созданныхъ основателемъ института сенаторомъ П. В. Калачовымъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, по доставленнымъ комиссіями отчетамъ за 1900 годъ, освѣщена была 15-го января въ сообщеніи директора археологическаго института профессора Н. В. Покровскаго. 15-го января, въ день своего основанія, институтъ праздновалъ 24-ю годовщину своего существованія. Засѣданіе въ этотъ день по традиціи посвящается губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Профессоръ Н. В. Покровскій остановился на дѣятельности въ 1900 году комиссій: владимирской, калужской, рязанской, симбирской, тамбовской и тверской. Владимирская, наиболѣе молодая комиссія, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ и сочувствію мѣстнаго общества, привлекла къ себѣ значительныя матеріальныя средства; бюджетъ ея доходитъ вмѣстѣ съ суммами, собранными на постройку зданія для музея комиссіи, до 12.000 рублей. Бюджеты другихъ комиссій значительно меньше. Калужская же имѣла въ своемъ распоряженіи всего около 300 рублей. Но несмотря на отсутствіе необходимыхъ средствъ, энергія труженниковъ комиссій не упадаетъ, и прошлое родныхъ уголковъ, благодаря изслѣдованіямъ мѣстныхъ памятниковъ старины, мало-по-малу выступаетъ изъ тѣмъ забвенія. Комиссіи несутъ обязанность просмотра архивныхъ описей дѣламъ, предназначеннымъ къ уничтоженію, и спасаютъ такимъ образомъ много историческихъ документовъ отъ безпощаднаго истребленія. Вещественные памятники древности заботливо охраняются, собираемыя коллекціи предметовъ старины образуютъ музеи. По примѣру ярославской комиссіи, устроенной первой областной археологической сѣздой, и тамбовская архивная комиссія возбудила въ отчетномъ году вопросъ объ устройствѣ такого же сѣзда для средней полосы Россіи. Собраніе драгоценныхъ и быстро исчезающихъ изъ народной памяти устныхъ произведеній народного творчества симбирскаго Новоложья служило задачей симбирской архивной комиссіи. II. 27-го января профессоръ М. П. Веселовскій прочелъ докладъ «О римскихъ древностяхъ въ Кубанской области». Богатая коллекція предметовъ раскопокъ былъ продемонстрирована въ засѣданіи. Однимъ изъ рѣдкихъ предметовъ является наборъ бляшекъ нося римскаго воина; нося этотъ представляетъ даже болѣе древній типъ, чѣмъ встрѣчаемые на Западѣ. Нѣкоторые изъ вещей, найденныхъ въ курганахъ, несомнѣнно, изготовлялись специально для ритуала погребеній.

Среди римскихъ древностей встрѣтились индикаціи (оттиски монетъ). Красныя вещицы съ вставленными разноцвѣтными стеклами. Древности эти относятся къ II—III вѣкамъ христіанской эры. Присутствующій на собраніи председатель императорской археологической комиссіи сенаторъ гѣцѣ А. А. Бюбринскій, принявъ участіе въ обсужденіи деталей доклада, высказалъ удивленіе, что исторія до сихъ поръ молчитъ о тѣхъ, судя по находкамъ, богатыхъ народностяхъ, которыя обитали въ Кубани въ вышеуказанный періодъ. Обсуждался также вопросъ о времени разграбленія кургановъ. Чаще всего разграбленіе совершалось вскорѣ послѣ погребенія.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 14-го января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Н. П. Алякритскій ознакомилъ съ результатами своей экскурсіи въ г. Дмитріевъ, Курской губерніи. Докладчикъ указалъ на рядъ городищъ и кургановъ, интересныхъ для изслѣдованія и уже отчасти изслѣдованныхъ г. Говоровымъ, и остановился подробно на древнихъ намятникахъ церкви Рождества Богородицы въ г. Дмитріевѣ и церкви Іоанна Богослова, и среди нихъ специально на двухъ синодикахъ, украшенныхъ гравюрами, представляющихъ собою повтореніе третьяго изданія синодика Бушина, одного изъ гравёровъ на мѣди и знаменщика (рисовальщика) серебряной палаты при оружейной палатѣ. По поводу доклада постановлено: просить г. Говорова представить его коллекцію древнихъ намятниковъ для выставки при съѣздѣ. Н. П. Алякритскій ознакомилъ съ описью нѣкоторыхъ замѣчательныхъ памятниковъ, поступившихъ изъ запорожскихъ церквей и хранящихся въ церкви г. Никополя. Рѣшено ходатайствовать о присылкѣ этихъ памятниковъ для церковно-археологической выставки. Профессоръ П. Ф. Сумцовъ ознакомилъ съ народно-поэтическими матеріалами, поступившими въ распоряженіе комитета, и изслѣдованіемъ студента Е. Криста о кобзаряхъ и лирикахъ. Изъ этого матеріала выдѣляется сборникъ малорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ вмѣстѣ съ прекраснымъ описаніемъ ритуала-учителя А. Г. Водолазскаго. Студентъ Е. Кристъ доложилъ о своей экскурсіи по изученію кобзарей и лириковъ, и ихъ пѣсеннаго репертуара. Докладчикъ ознакомилъ съ біографіями кобзарей: Остапа-Бутенка, Петра Древнина, Ивана Зазули, и съ нѣкоторыми исполняемыми ими пѣснями, записанными имъ. Докладчикъ старается установить школы лириковъ Харьковской губерніи. А. В. Ветуховъ ознакомилъ съ матеріаломъ, собраннымъ комитетомъ и относящимся къ вопросу о кобзаряхъ и лирикахъ. Отвѣты въ этихъ матеріалахъ большею частью цѣнности не представляютъ. Однако есть и довольно обстоятельныя сообщенія, приводящія и интересные списки репертуара пѣнцовъ и ихъ характеристику. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ сообщенія: 1) свящ. села Ласны (Екатеринославск. губ.) о древностяхъ мѣстной церкви; 2) крестьянъ Немшина и Комащенко о желаніи производства на свои средства раскопокъ; 3) Ф. П. Трипольскаго о двухъ иконахъ, предлагаемыхъ имъ для выставки. Рѣшено просить о присылкѣ указанныхъ предметовъ. Въ распоряженіе предварительнаго комитета и для музея древностей университета поступили: отъ Псковской соборной церкви: рукописный Ирмалогій XVIII в., Новый Заветъ 1779 г., крестъ 1790 г., епитрахиль,

ризы — даръ Петра I, иконы и книги, и чаша XVII в., отъ Николаевской церкви Новыхъ Водолаговъ: Евангеліе 1759 г., стихарь 1848 г., вѣщицы, чаша 1765 г., кресты 1741 и 1792 г., дискось 1768 г., воздушки и синги; отъ свящ. Чернышева (с. Знаменское, Вылковск. у.): ризы, крестъ, Евангеліе 1712 г., Тріодіонъ 1717 г.; отъ свящ. Власовскаго: Евангеліе 1798 г., 1758 г., Мишею общую 1680 г., отъ свящ. Слобоженко (Ахтырка): Евангеліе 1694 г.; отъ свящ. Петрусенко (Педригайловъ): оловянная чаша, дискось, подризникъ; отъ Боромлянской Троицкой церкви: крестильня, оловянный крестъ, деревянный крестъ и др.; отъ Ахтырской Пресображенской цеткви: серебряная дарохранительница XVIII в., чаша серебряная 1763 г., Евангеліе 1698 г.; отъ Боромлянской Рождества Богородицы церкви: чаша серебряная 1795 г. съ звѣздницею и дискосомъ; отъ свящ. Власова (Богодуховъ): Евангеліе 1677 г.; крестъ XVII в., серебряный ковчигъ 1667 г., оловянная дарохранительница; отъ свящ. Петровскаго (Юнаковка): потиръ и пелена XVIII в.; отъ Ахтырской соборной церкви: икона Богоматери 1782 г., серебряная дарохранительница 1743 г.; отъ свящ. Стенурскаго: плащеница 1806 г.; отъ св. Бородаева: акаѳистъ прав. Богородицы, рукопись XVIII в., брачныя желѣзные вѣщицы; отъ свящ. Макухина—множество старопечатныхъ книгъ, грамоты; отъ свящ. Слѣсарева: Евангеліе учительское 1796 г., бесѣды Іоанна Златоуста 1709 г., грамоты; отъ церкви сел. Нижняго Вурлука: тріодъ постовая 1704; отъ свящ. Шиплова: стальная алебарда, наконечникъ стрѣлы; отъ свящ. Ѳ. Тарапскаго: монеты, указы, рукопись, Евангеліе 1753 г., крестъ 1778 г.; отъ П. С. Шоровкина: глиняная конилка, мѣдная икона; отъ свящ. С. Котлярова — множество старинныхъ богословскихъ и ученыхъ сочиненій XVIII в., рукописи, воздушки; отъ свящ. Олговцева—такое же собраніе книгъ; вѣщицы, крестъ 1812 г., шапка; отъ свящ. Ракшевскаго—Евангеліе XVII в.; потиръ XVII в.; отъ свящ. Царевскаго: крестъ, дароносія, Евангеліе 1764 г., служебникъ 1763 г., каноникъ 1774 г.; отъ учителя Николаева (Локня) — Живописецъ 1784 г., Аугсбургское изданіе 1770 г., гравюры, монеты; отъ свящ. Кушнаревскаго: потиръ и деревянный крестъ XVIII в.; отъ церкви села Водиново: Евангеліе 1730 г., Дѣяніе свв. Апостоловъ XVI в.; отъ свящ. Щербина: Евангеліе XVII в., крестъ и дискось XVIII в. Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность вѣмъ сдѣлавшимъ сообщенія и приславшимъ различные предметы.

Церковно-археологическая коммисія. На послѣднемъ декабрьскомъ засѣданіи церковно-археологическаго отдѣла при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія избрана была при отдѣлѣ постоянная коммисія для осмотра и изученія вещественныхъ памятниковъ церковной старины по городу Москвѣ и Московской епархіи. Въ составъ коммисіи вошли: товарищъ предѣдателя отдѣла А. П. Успенскій, священникъ Покровскаго-Василія-Блаженнаго собора І. І. Кузнецовъ, казначей отдѣла священникъ церкви св. Георгія, на Красной Горкѣ, П. А. Скворцовъ, архитекторъ А. Н. Козловъ и иконописецъ В. П. Гурияновъ.

Археологическая находка. Лѣтомъ прошлаго года въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, на берегу рѣки Роси, былъ раскопанъ г. Гизе курганъ, давший, по словамъ кіевскихъ газетъ, интересные остатки скифской эпохи. На

глубинѣ 2-хъ метровъ отъ уровня земли, подѣ настилкой изъ дубовыхъ бревенъ и громаднымъ слоемъ обожженной глины, угля и зола, оказалась яма, въ которой были найдены обгорѣлыя кости, а въ юго-восточномъ углу ея, въ слоѣ желтой глины,—золотая гривна (шейный обручъ) и золотая діадема изъ широкой бляхи съ изображеніями на ней сцены изъ скиѣской жизни. Въ числѣ 10-ти фигуръ одна, повидимому, царица, сидитъ въ креслѣ, имѣя на головѣ высокую повязку съ ниспадающими изъ-подъ нея волосами или вуалью, въ лѣвой рукѣ она держитъ зеркало, въ правой—кувшинчикъ, изъ котораго наливаетъ въ рогъ стоящаго передъ ней на колѣняхъ бородатаго скна, опирающагося другой рукой на мечъ. За плечами скна—налучье съ лукомъ. За спиной, также на колѣняхъ, стоитъ человекъ, играющій на инструментѣ въ родѣ лиры. Двое юношей занимаются различіемъ вина изъ амфоры въ рогъ. За кресломъ женщины стоитъ мальчикъ съ охаломъ; далѣе два скна, обнявшись, пьютъ изъ одного рога; еще одинъ, въ длинной одеждѣ, съ мечемъ (жрецъ?), приговаривается, повидимому, рѣзать барана, котораго держитъ прислужникъ. Работа діадемы принадлежитъ, очевидно, туземному, малонскусному, хотя и выдавшему греческіе образцы мастеру; фигуры, несмотря на грубость исполненія, живы и въ общемъ дополняютъ новыми чертами извѣстные изображенія изъ жизни скиѣовъ.

Географическое общество. I. Въ заведеніи 16-го января по отдѣленію географіи математической и физической было сдѣлано два сообщенія: А. П. Варнекомъ «Краткій обзоръ плаванія парохода «Нахтусовъ» въ Ледовитомъ океанѣ», и Т. П. Тимофеевымъ «Путешествіе на Новую Землю». Пароходы «Нахтусовъ», имѣя своимъ назначеніемъ охрану морскихъ промысловъ у сѣверныхъ береговъ Россіи, за минувшее лѣто совершили экскурсію въ проливъ Маточкинъ Шаръ и заливъ Медвѣжьей, при чемъ изслѣдовали мѣста, совершенно еще неизвѣстныя; намѣреніе пройти въ Медвѣжскій Заворотъ не могло осуществиться, благодаря большому скопленію льда, что указываетъ, по мнѣнію докладчика, на невозможность избранія Медвѣжскаго Заворота конечнымъ пунктомъ для Сѣверной желѣзной дороги, какъ это предлагалось нѣкоторыми. По проходѣ Карскихъ воротъ, сопряженномъ съ большими опасностями, благодаря отсутствію картъ и подводнымъ скаламъ, была обследована и нанесена на карту бухта Долгая (въ сѣверо-западной части Вайгача). Маточкинъ Шаръ съ 1876 года, послѣ парохода «Царица», не проходило ни одно судно; Маточкинъ Шаръ представляетъ собою проливъ въ 55 миль длины и ширины до 2 миль; берега его состоятъ изъ горъ до двухъ и болѣе тысячъ футовъ высоты и глетчеровъ. Въ Медвѣжьемъ заливѣ до «Нахтусова» еще не было русскихъ судовъ; длина Медвѣжскаго залива 30 миль; при входѣ въ него открывается грандіозная волшебная картина, благодаря разбросаннымъ по нему ледянымъ горамъ самой причудливой формы, играющимъ на солнцѣ безчисленными, ослѣпительными огнями самоцвѣтныхъ камней; горы эти образуются отъ скопленія льдовъ глетчеровъ, задерживаемыхъ мелями; высота ихъ достигаетъ до 40 футовъ, причемъ сидитъ онѣ на глубинѣ 73 и болѣе сажени. Ледяная стѣна глетчера въ Медвѣжьемъ заливѣ тянется на протяженіи 5 верстъ, толщину его можно приблизительно опредѣлить въ 82 сажени, а на высотѣ она еще болѣе; на-

ходится онъ въ періодъ отступанія. Въ Медвѣжьемъ заливѣ были опредѣлены астрономическій пунктъ, магнитное склоненіе, сдѣлано: описаніе береговъ, рядъ драгировокъ, опредѣленія температуры и удѣльнаго вѣса воды. Результатомъ экспедиціи явились карты распределенія полярныхъ льдовъ за время отъ мая до сентября 1901 года, составленныя капитаномъ Варнекомъ по его личнымъ наблюденіямъ и свидѣніямъ, полученнымъ отъ норвежскихъ судовъ; общія послѣдованія укрѣпили докладчика во мнѣніи, что Югорскій Шаръ не можетъ быть лучшимъ путемъ къ сѣвернымъ рѣкамъ, и нынѣшнимъ лѣтомъ такимъ было Карское море. — М. Н. Тимошевскій совершилъ совместную поѣздку и на Новую Землю съ художникомъ Борисовымъ; поѣздка имѣла не только художественныя цѣли, но и научныя. Результатомъ этой поѣздки были обширныя топографическія работы, давшія много поправокъ и пополненій въ картограмахъ Новой Земли, заливовъ Чеккина, Медвѣжьяго и др., богатая коллекція—геологическая и зоологическая, могущая дать нѣкоторый матеріалъ относительно передвиженія мелконитчатокъ; удалось также доказать существованіе теченія вдоль береговъ Новой Земли съ сѣвера на югъ. Въ этомъ же засѣданіи секретаря отдѣленія произнесъ небольшую рѣчь, посвященную памяти скончавшагося Н. В. Мушкетова и обрисовавшую значеніе его научной дѣятельности и его заслуги передъ географическимъ обществомъ, председателемъ отдѣленія (географіи математической и физической) котораго онъ былъ въ теченіе 17 лѣтъ.

И. 18-го января В. П. Масальскій прочелъ сообщеніе о сельско-хозяйственныхъ культурахъ Черноморскаго побережья. Одинъ изъ лучшихъ климатическихъ уголковъ Россіи—черноморское побережье является почти совсѣмъ неисследованнымъ съ точки зрѣнія наиболее примѣнимыхъ здѣсь культуръ сельскаго хозяйства. Надо впрочемъ замѣтить, что населеніе здѣсь необычайно рѣдкое, и на всю Черноморскую губернію приходится всего 54.000 жителей. Для сѣверной части побережья вопросъ сельскаго хозяйства еще можно считать разрѣшеннымъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, найдена лучшая по мѣстности культура — виноградники. Всего въ этой части побережья уже имѣется около 500 десятинъ виноградниковъ, при чемъ имѣются такія вполнѣ благоустроенныя хозяйства, какъ князя Тенишева, Удѣльнаго вѣдомства (170 десятинъ) и нѣкоторыя другія. Лучшие виноградники находятся въ Новороссійскомъ округѣ, и нѣкоторыя вина здѣшнихъ виноградниковъ, наиримѣрь, рислингъ, могутъ считаться лучшими среди всѣхъ русскихъ винъ. Не столь удовлетворительные результаты даетъ здѣсь плодоводство. Урожаемъ много мѣшается недостаткомъ влаги, но можно надѣяться, что въ будущемъ съ примѣненіемъ правильнаго орошенія плодоводство будетъ вестись усѣбно. Болѣе благоприятную почву плодоводство имѣетъ въ южномъ районѣ; иногда хозяева затрудняются здѣсь въ выборѣ сортовъ, но въ этомъ отношеніи существенную помощь имъ въ состояніи оказать сочинская опытная станція. Виноградниковъ въ южной части мало, и въ самомъ значительномъ центрѣ винодѣлія здѣсь — Туапсе — находится лишь около 50-ти виноградниковъ; въ сочинскомъ районѣ ихъ еще менѣе, и мѣстный довольно скудный рынокъ питается преимущественно привознымъ виноградомъ. Произрастанію виноградниковъ мѣшаетъ огромное количество осадковъ. Въ

южномъ районѣ почва удобна для персиковъ, сливъ, орѣховъ и каштановъ; абрикосы почти не встрѣчаются, такъ какъ ихъ губятъ весенніе заморозки, отъ которыхъ страдаютъ даже фундуки. Кромѣ того, хозяева обречены здѣсь на борьбу съ сорными травами, грибами и вредными насекомыми. Урожай персиковъ и сливъ можно считать виолнѣ удачными, но сбытъ ихъ крайне затрудненъ, такъ какъ фрукты эти не могутъ выдерживать продолжительной морской перевозки. Поэтому слѣдуетъ принять мѣры для сушки фруктовъ на мѣстѣ; кое-что въ этомъ отношеніи уже и сдѣлано. Затѣмъ желательна и виолнѣ возможна здѣсь культура фигового дерева, шелковицы и миндаля. Вообще въ южномъ районѣ многія культуры могли бы съ успѣхомъ примѣняться, однако слѣдуетъ выбирать лишь тѣ, которыя свойственны преимуществу одной лишь этой мѣстности. Такимъ образомъ не имѣетъ смысла насажденіе здѣсь хлѣбныхъ злаковъ, кромѣ кукурузы. Но во всякомъ случаѣ оживить Черноморскій край можетъ, по мнѣнію докладчика, только желѣзная дорога. Пароходство здѣсь не имѣетъ никакого значенія, и построенныя пристани остаются совершенно безъ употребленія. Желѣзная дорога выростетъ уже рѣшена, остается пожелать, чтобы ей было дано такое направленіе, которое связывало бы внутреннія долины побережья. Затѣмъ не менѣе насущный вопросъ — заселеніе края; въ рабочихъ рукахъ здѣсь крайній недостатокъ. Въ заключеніе докладчикъ разсказалъ о своемъ посѣщеніи Ново-Аюнскаго монастыря, гдѣ плодородство ведется очень успѣшно; культуры лимоновъ, апельсиновъ и маслинъ удалась здѣсь виолнѣ; монахи собираютъ съ 70 лимонныхъ деревьевъ болѣе 50.000 плодовъ, нѣкоторыя деревья приносятъ до 1.000 плодовъ. Пыльце въ монастырѣ произведенъ опытъ посадки 800 мандариновыхъ деревьевъ въ превосходно защищенной мѣстности. Хорошо растутъ здѣсь также финики и черныя рожки, о которыхъ думали, что культура ихъ въ Россіи невозможна.

Общество любителей естествознанія и географическое его отдѣленіе. Въ сообщеніи, прочитанномъ въ засѣданіи 19-го января, В. А. Федченко сдѣлалъ очеркъ экспедиціи, совершенной имъ лѣтомъ 1901 года на Памирѣ по порученію императорскаго русскаго географическаго общества. (Ср. февральскую книжку «Историческаго Вѣстника», стр. 786—788). Въ экспедиціи этой участвовали также почетный членъ общества любителей естествознанія О. А. Федченко, дѣйствительный членъ того же общества С. Г. Григорьевъ и студенты В. А. Варакинъ и М. П. Тулиновъ. Главная цѣль экспедиціи была ботаническая, — ознакомленіе съ флорой и растительными сообществами Памира, но собирались также зоологическія коллекціи, образцы горныхъ породъ и почвъ, снимались фотографіи и т. д. Снарядившись въ г. Омгѣ, экспедиція направилась къ Алайскому хребту, къ перевалу Талдыкъ. Прегорья Алайскаго хребта покрыты зеленымъ ковромъ травъ; по рѣкѣ Куршабу тянутся луга стеноваго характера. Мѣстами встрѣчаются также рощи листовыхъ деревьевъ, дикая яблоня, кленъ Семенова и др.; по озерамъ можно было видѣть водныя растенія, сходныя со свойственными Средней Россіи; только риска, цвѣтущая у насъ очень рѣдко, здѣсь была встрѣчена въ цвѣту. Съ поднятіемъ въ горы древесная растительность постепенно исчезаетъ; выше прочихъ деревьевъ идетъ черный тополь (осокорь). По горнымъ склонамъ растутъ

полудревесные кустарники, особенно разные виды можжевельника (арча). Одинъ видъ идетъ до 8.000 фут., выше его встрѣчается другой, образующій мѣстами въ ущельяхъ цѣлые лѣса; третій видъ поднимается до 11.000 фут. Перевалъ Талдыкъ сравнительно легкій; чрезъ него проложена довольно удобная дорога, и на самомъ перевалѣ стоитъ столбъ съ доской, на которой отмѣчено, когда и кѣмъ устроена эта дорога. Выше 11.000 фут. можжевельника уже нѣтъ, и начинается альпійская область; 1-го юля здѣсь только что наступила весна; растенія были встрѣчены начинающими цвѣсти. По ту сторону перевала разстилается продольная долина Алая, длиною въ 200 версты, шириною около 25-ти верстъ. Лѣтомъ сюда перекочевываютъ киргизы со своими стадами, находящими на здѣшнихъ альпійскихъ лугахъ обильный кормъ (имѣется до 25—30-ти видовъ кормовыхъ растеній). Перейдя въ одинъ день Алайскую долину (здѣсь встрѣчено было немало насекомыхъ, въ томъ числѣ и многіе виды бабочекъ), караванъ сталъ подниматься по сѣверному склону Заалайскаго хребта къ перевалу Кызыль-яртъ (на высотѣ 13¹/₂ тыс. фут.). Склонъ каменистый, покрытый характернымъ коричневатымъ кремнемъ; мѣстами, съ вершинъ снѣгового Заалайскаго хребта достигающихъ 20-ти, 22-хъ, даже 25-ти тыс. фут., спускаются ледники. За Кызыль-яртомъ разстилается уже плоскогорье Памира, средняя высота котораго около 12.000 фут. Вступивъ въ долину р. Марканъ-су, экваторіица дошла до озера Кара-куля. Двумя полуостровами, выдвигаются одинъ съ сѣвера, другой съ юга, озеро подраздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна довольно мелкая, другая достигаетъ значительной глубины. Вода имѣетъ слабый горько-соленый вкусъ; рыбы въ озерѣ почти нѣтъ; берега озера обрывисты, возвышаются сажени на двѣ-три надъ водой и сложены изъ сѣровато-желтой глины, въ прослояхъ которой видны слои льда. Ледъ этотъ одинъ объяснили, какъ остатки древняго ледника, другіе видятъ въ немъ ледяные слои, образовавшіеся въ смежныхъ съ озеромъ заливахъ и занесенные затѣмъ пломъ, подъ которымъ ледъ не можетъ растаять въ теченіе короткаго лѣта (днемъ впрочемъ въ юлѣ и августѣ бываетъ иногда очень жарко, но ночью рѣдко когда не бываетъ морозъ). Памирская равнина представляетъ пустыню съ рѣдкою растительностью, снѣжной отдѣльными кустиками среди каменистаго щебня, характерны особенно кустики одной солянки, такъ называемаго терскена, служащаго въ пищу верблюдамъ, а главнымъ образомъ—своими толстыми корневищами — для тонки; встрѣчаются также астрагалы и нѣкоторыя другія растенія, а мѣстами валяются громадные рога архаровъ (горныхъ барановъ); послѣдніе впрочемъ удаляются лѣтомъ на высокія горы. Перейдя перевалъ Акъ-байгаль (15¹/₂ тыс. фут.), караванъ достигъ 10-го юля Памирскаго поста, въ долину Мургаба. Вблизи поста—большой мокрый лугъ, на которомъ пасутся казачьи лошади; почва этого луга сверху солончаковая съ выногами соли, а глубже—подзолистая. На Памирѣ есть и туземные обитатели, киргизы; ихъ не болѣе 1.500 человекъ съ 300 кибитокъ; они разводятъ яковъ, верблюдовъ и лошадей. Разрѣженный горный воздухъ оказываетъ свое дѣйствіе на людей, къ нему непривычныхъ; всякое движеніе, даже влѣзаніе на лошадь, вызываетъ одышку и утомляетъ; по мѣстные киргизы и ихъ животныя настолько приспособились къ разрѣженно-

железныя, что зѣль удерживается даже свыше, почти круглогодично, такъ зѣль вступаются также и въ свои зименныя обязанности восточныя это — южныя кукурузы, сорго, жмыха и прочее въ особенности разрабатываются. В разрабатываемую часть Меркита, восточная часть въ провинции Джамань-тау, представляетъ тѣмъ, что зѣль вступаются в производственную, именно пшеница, а также, впрочемъ вступаются въ производство также часто и вступивший въ жизнь свѣтъ. вступая въ рѣчку р. Анча. Рѣка эта впадаетъ въ озеро Янши-куль (до 30-ти вѣстъ и т. д.) откуда вытекаетъ и дѣлаетъ Гунта и впадаетъ въ р. Шангай. Шангай прошла впрочемъ окружными путями черезъ переваль Гоб-тежъ и ставъ соединилась въ долину Шунана. Ландшафтъ озеро совершенно измѣнился. Тамъ вступаются многоводные горные ручьи, но берегамъ ихъ тополя и дрова деревья, но склонамъ — поля ячменя, горчица, а еще ниже — рисъ и восточныя. Около озеръ — сады съ абрикосами, яблонями, персиками, яблоками, сливами. Шунанца впрочемъ — народъ крайне бѣдный; они находятся теперь подѣ властью Бухары; по англо-русскому соглашению, Панджа образуетъ границу между Бухарой и Афганистаномъ. Такое разграничение раздѣлило шунанцевъ на двѣ части, иногда близко родственныя селенія оказываются отчужденными одно отъ другого, тѣмъ болѣе, что афганское правительство не допускаетъ никакихъ сношеній съ противоположнымъ берегомъ. На берегу этой рѣчки, уже въ виду Гиндукуна, расположенъ крайній русскій постъ Хорговъ. Отсюда экспедиція подвиглась по долинѣ Панджа до Пикашима, нѣтъ намѣреніе пройти черезъ Гиндукуна въ Индію; но англо-индійское правительство хотя и дало разрѣшеніе, но поздно, къ тому же указало такой путь, которымъ трудно было воспользоваться. Пришлось поэтому идти обратно тѣмъ же путемъ, при чемъ удалось значительно пополнить собранныя ранѣе ботаническія и зоологическія коллекціи. Въ томъ же запискѣ В. Г. Михайловскій представилъ нѣкоторые результаты городскіхъ переписей, интересныя съ антропогеографической точки зрѣнія. Количество и ростъ населенія въ наиболее многолюдныхъ городахъ Европы и Америки были иллюстрированы референтомъ помощью изображенныхъ на бумагѣ въ профиль идущихъ человѣческихъ фигуръ, при чемъ сравнительная величина этихъ фигуръ показывала относительное количество населенія городовъ, а величина ихъ шага — болѣе или менѣе быстрый приростъ населенія. Рядъ фигуръ открывался колоссальною фигурой англичанина, изображающаго Лондонъ (4,6 милл. жит.), идущаго однако маленькими шажками (приростъ за послѣднее время всего 0,7% въ годъ); слѣдующій за нимъ, болѣе малорослый и сухой, — американецъ Нью-Йоркъ (3,6 милл. жит.), — дѣлаетъ крупныя шаги (приростъ въ пять разъ больше, чѣмъ у Лондона). За ними идетъ мелкими шажками французскій — Парижъ, а за нимъ, меншого роста, нѣмецъ — Берлинъ, приростъ котораго также почти остановился въ послѣдніе годы. Наиболѣе быстро шагаетъ за ними другой американецъ — Чикаго (приростъ — 6% а далѣе слѣдуютъ другія столицы и большіе города, въ томъ числѣ быстро растущіе Буэнос-Айресъ, Глазго и Варшава (годовой приростъ — 3 1/2%). Петербургъ занимаетъ 8-е мѣсто (1.439 тыс. съ пригородами, 1.200 тыс. безъ нихъ), Москва — 10-е (почти 1.136 тыс. жит., а безъ пригоро-

довъ 1.090 тыс.). Увеличеніе населенія въ нихъ происходитъ главнымъ образомъ на счетъ приплагаго крестьянскаго и мѣщанскаго населенія; естественный приростъ не болѣе 2—3 тыс. въ годъ. Въ Петербургѣ пришлое населеніе составляетъ болѣе 70⁰/₀, въ Парижѣ—68⁰/₀, въ Вѣнѣ—62⁰/₀, въ Берлинѣ—57⁰/₀. Коренное населеніе Петербурга составляетъ только 29⁰/₀, Москвы только 26⁰/₀, тогда какъ въ Лондонѣ, наоборотъ, приплагаго населенія не болѣе 37⁰/₀. Въ нашихъ столицахъ количество приплагаго населенія за послѣдніе годы возрастаетъ; въ Петербургѣ въ 1881 году оно составляло 42⁰/₀, въ 1890 г.—52⁰/₀, по правительственной переписи 1897 г.—59⁰/₀. Въ Москвѣ перепись 1882 г. дала 59⁰/₀, 1897 г.—62⁰/₀. Наши крупныя центры стягиваютъ притомъ къ себѣ населеніе съ большей территоріи, чѣмъ за границей, гдѣ столицы привлекаютъ къ себѣ только уроженцевъ ближайшихъ провинцій, а болѣе отдаленныя имѣютъ свои мѣстные значительныя городскія центры. Референтъ показалъ картограмму Россіи, на которой означены различными красками губерніи, тяготеющія къ Петербургу, Москвѣ и Одессѣ (т. е. такія, 2⁰/₀ населенія которыхъ живутъ въ одномъ изъ означенныхъ городовъ). Районъ тяготѣнія къ Петербургу гораздо больше, чѣмъ тяготеющей къ Москвѣ; кромѣ Петербургской губерніи и соседнихъ съ нею (Эстляндской, Псковской, Новгородской, Олонецкой), въ него входятъ Верхнее Поволжье до самаго Нижняго и сѣверныя губерніи (Вологодская, Архангельская). Къ Москвѣ тяготеютъ примосковныя губерніи; однако Тверская, Ярославская, Смоленская даютъ болѣе выходцевъ въ Петербургъ, чѣмъ въ Москву. Фактъ этотъ объясняется, очевидно, исторіей, прежними путями сношеній (водными), а затѣмъ консерватизмомъ, привычкой (разбогатѣвшіе въ Петербургѣ крестьяне, хозяйчики, выискиваютъ къ себѣ въ работники земляковъ), отчасти, можетъ быть, и болѣею заработной платой въ сѣверной столицѣ. Петербургъ расширилъ сферу своего притяженія въ 80-хъ и 90-хъ годахъ даже на Рязанскую и Тульскую губернію, хотя только предстоящая перепись Москвы въ состояніи выяснитъ, насколько въ этомъ отношеніи Москва отстала или сравнялась съ Петербургомъ. Вслѣдствіе такого притяженія въ столицы, крестьянское населеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ за послѣдніе годы (съ 1885 по 1892 г.) стало уменьшаться. Такой районъ уменьшенія существуетъ и около Москвы, а за нимъ слѣдуетъ районъ (Верхнее Поволжье, верховья Оки), гдѣ число населенія остается, повидному, неподвижнымъ; уѣзды съ быстрымъ приростомъ (2⁰/₀) образуютъ отдѣльныя пятна на картограммѣ. Въ столицахъ стекается преимущественно холостое населеніе; но между Петербургомъ и Москвой есть въ этомъ отношеніи разница: въ Москвѣ женатыхъ 47⁰/₀, тогда какъ въ Петербургѣ только 39⁰/₀. Въ то время какъ въ западно-европейскихъ большихъ городахъ число женщинъ сравнительно немногимъ уступаетъ числу мужчинъ и даже превышаетъ его, въ Петербургѣ (1897 г.) на 1.000 мужчинъ насчитывалось только 825 женщинъ, а въ Москвѣ даже только 761. Интересно также отмѣтить происходящій въ крупныхъ городахъ процессъ отлива населенія отъ центра къ окраинамъ. Въ Лондонѣ этотъ процессъ начался уже давно, позже—въ Парижѣ, Берлинѣ; у насъ онъ сталъ сказываться сравнительно недавно. Населеніе Москвы увеличивалось рачѣ равномерно во всѣхъ частяхъ города;

теперь въ центральныхъ частяхъ (например, въ Городской и во 2-мъ Мѣщанскомъ участкѣ) замѣчается уменьшеніе населенія (до 3⁰/о), кругомъ идутъ участки, приростъ населенія въ которыхъ почти остановился (самое большее 0,8⁰/о), а на окраинахъ населеніе сильно растетъ: за участками съ приростомъ 1—2⁰/о слѣдуютъ съ приростомъ 2—4⁰/о и болѣе. Особенно это замѣчается на сѣверной и восточной окраинахъ Москвы; въ 3-емъ Суцескомъ участкѣ приростъ доходитъ до 10⁰/о. Населеніе Марьиной рощи удвоилось въ три года, Даниловской слободы увеличилось наполовину. Живнія ранѣе обособленной жизнью примосковныя доренки Дубровка, Марьино, Черкизово, теперь уже сливаются съ городомъ. Процессъ этотъ будетъ, конечно, продолжаться; примѣръ Лондона, занимающаго территорію въ 2.000 кв. кл., равную площади всего Московскаго уѣзда, наглядно показываетъ, до какихъ размѣровъ можетъ идти разрастаніе большихъ городовъ. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ теперь двоякое явленіе въ распределеніи населенія: съ одной стороны, населеніе стягивается въ большіе города и рѣдѣетъ въ окружающихъ ихъ районахъ, съ другой стороны, въ городахъ оно рѣдѣетъ въ ихъ центрѣ и стягивается къ окраинамъ, которыя расширяются на счетъ ближайшихъ селеній и пустырей.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 25 января состоялось очередное общее собраніе. Вниманію присутствующихъ былъ между прочимъ предложенъ «докладъ о дѣйствіяхъ комиссіи по составленію юбилейнаго сборника статей, посвященныхъ 350-лѣтію присоединенія Казанскаго края къ Россійской державѣ». Изъ этого доклада можно было видѣть, что работы названной комиссіи за время, истекшее съ ея основанія, подвигались довольно быстро; изъ сотрудниковъ предполагаемаго сборника четверо (о. Е. А. Маловъ, Д. А. Горсаковъ, П. М. Покровскій и Н. Ѳ. Юшковъ) подробно изложили сущность статей и матеріаловъ, имѣющихъ войти въ юбилейное изданіе, которое составитъ два тома, объемомъ (въ общей сложности) до сорока печатныхъ листовъ. Сообщенія прочихъ сотрудниковъ «Сборника» объ ихъ статьяхъ имѣютъ быть сдѣланы въ февральскомъ публичномъ засѣданіи общества.

Изъ двухъ включенныхъ въ программу засѣданія научныхъ сообщеній было сдѣлано только одно: «Изъ жизни пермскихъ вотяковъ Гондырскаго края (общественная празднества, моленія и обряды)», принадлежащее члену-сотруднику общества, г. П. В. Яковлеву; второе сообщеніе, за позднимъ временемъ, было отложено до слѣдующаго общаго собранія. Рефератъ г. Яковлева ознакомилъ слушателей съ весьма интересными подробностями изъ жизни вотяковъ и обстановкой ихъ языческаго культа, въ который проникли уже отголоски христіанства; любопытно, что одинъ изъ языческихъ праздниковъ у вотяковъ Гондырскаго края, который приблизительно совпадаетъ съ нашей Пасхой, носитъ на ихъ языкѣ названіе «великаго дня».

Миусинскій музей и Н. М. Мартыановъ. 10-го января исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени основанія въ гор. Миусинскѣ, Енисейской губерніи, публичнаго мѣстнаго музея. Въ виду этого, еще мѣсяца полтора тому назадъ, основанный недавно въ городѣ Красноярскѣ подотдѣлъ восточно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, какъ

единственное мѣстное ученое учрежденіе въ Енисейской губерніи, обратился въ различныя научно-образовательныя и общественныя учрежденія (университеты, музеи, общества, горская дума, редакція газетъ и т. д.) съ печатнымъ циркуляромъ, въ которомъ, указывая на значеніе Минусинскаго музея для науки, края, культурнаго развитія Сибири, и на то, что своимъ возникновеніемъ и развитіемъ музей обязанъ единственно энергіи и неустаннымъ трудамъ Н. М. Мартыанова, призвать «въ высокой степени полезнымъ въ воспитательномъ отношеніи остановить общее вниманіе друзей науки и просвѣщенія на этомъ важномъ въ жизни музея моментѣ и сдѣлать его общимъ для всѣхъ праздникомъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ подотдѣлъ извѣщалъ, что имъ открыта подписка на образованіе при Минусинскомъ музее капитала имени Николая Михайловича Мартыанова, «какъ выраженіе благодарности и уваженія къ этому замѣчательному труженнику. Проценты съ капитала предназначаются на организацію экскурсій и всякаго рода изслѣдованій въ предѣлахъ Енисейской губерніи и будутъ находиться въ распоряженіи комитета Минусинскаго музея». Призывъ красноярскаго подотдѣла не остался безъ отзыва: многія учрежденія обратились съ призывомъ къ Н. М. Мартыанову, другими собираются посылать лепты въ пользу капитала его имени; между прочимъ и бывшій въ Петербургѣ съѣздъ естествоиспытателей и врачей постановилъ удѣлить для этой цѣли изъ своихъ средствъ 200 рублей. Чтобы судить о значеніи Минусинскаго музея и объ услугѣ, оказанной наукѣ и краю Н. М. Мартыановымъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ краѣ и его городѣ. Минусинскій округъ лежитъ на югѣ Енисейской губерніи и соедѣнитъ съ Монголіей. Большая часть его поверхности представляетъ степную, холмистую равнину, мѣстами пересѣченную горными кряжами, а по южной окраинѣ возвышается Саянское нагорье, со многими высокими, покрытыми лѣсомъ, хребтами, сквозь которые пробивается Енисей, составляющій главную рѣку округа (и всей губерніи). Округъ богатъ озерами, особенно солеными и горько-солеными; въ немъ имѣются золотыя прииски, рудныя мѣсторожденія, онъ отпущаеъ немало лѣса, но главное занятіе его жителей—земледѣліе и скотоводство. По долинамъ рѣкъ средней части округа, въ равнинно-степныхъ его мѣстностяхъ почва черноземная, плодородная, имѣются также тучныя луга, и округъ не только прокармливаетъ свое населеніе, но и сбываетъ немало хлѣба, овощей и другихъ продуктовъ въ сѣверныя округа губерніи, привлекая вмѣстѣ съ тѣмъ къ себѣ и переселенцевъ изъ Россіи (въ 90-хъ годахъ, среднимъ числомъ, по 3.000 человекъ въ годъ). Главное населеніе края русское, но въ разныхъ горныхъ и степныхъ его мѣстностяхъ сохранились и многія племена инородцевъ, называемыхъ вообще «татарами»; говоря татарскимъ языкомъ, они носятъ однако особыя названія (кизильды, койбалы, карагасы, сагайцы, калтинцы и другіе), и, какъ показали изслѣдованія, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою отатарившіяся народности самоѣдскаго корня. Въ краѣ находится много кургановъ, шпанныхъ камней; въ землѣ попадаются часто мѣдныя и каменные орудія; это все свидѣтельствуетъ объ обитаніи края съ древнѣйшихъ временъ и о существованіи здѣсь нѣкогда довольно развитой промышленности. Главный городъ округа, Минус-

сникскъ, возникъ въ 1823 г. изъ селенія Минусы и заключаетъ въ себѣ не болѣе 6¹/₂ тыс. жителей. Являясь довольно значительнымъ земледѣльческимъ центромъ, онъ въ то же время и ведетъ торговлю съ соботами въ сѣдней Монголіи и отпускаетъ хлѣбъ и лѣсъ внизъ по Енисею. Въ городѣ имѣется трехклассное мужское училище, четырехклассная женская гимназія, два приходскихъ училища, женская воскресная школа, общественный банкъ съ годовымъ оборотомъ около 120.000 руб., больница на 35 кроватей, богадѣльня на 20 человѣкъ. Торговый оборотъ города опредѣляютъ въ мпліонъ рублей; годовой бюджетъ составляетъ около 35-ти тыс. рублей. И вотъ въ такомъ-то городѣ имѣется въ настоящее время музей съ библіотекой, придавшій имени Минусинска широкую извѣстность. «Извѣстный маленькій уѣздный городокъ Минусинскъ, — говоритъ красноярскій подотдѣль въ своемъ циркулярѣ, — затерявшійся въ подножіяхъ Саяновъ, благодаря музею, сталъ извѣстнымъ всему образованному міру. Не говори о томъ, что музей въ общемъ развитіи населенія этого города и его уѣзда приобрѣлъ чрезвычайно крупное значеніе, онъ сталъ привлекать къ себѣ ученыхъ и изслѣдователей не только изъ различныхъ мѣстностей Сибири, но и изъ Европейской Россіи, изъ различныхъ странъ Западной Европы и Америки, и всѣ ученые люди, поблизившіе здѣсь, находили въ музеѣ богатый матеріалъ по различнымъ отраслямъ естественно-историческаго знанія, археологій, антропологій и этнографіи, матеріалъ, проливающій свѣтъ на многіе, доселѣ стоявшіе въ тѣни, уголки знанія, матеріалъ, достойный внимательнаго изученія и обработки. По полнотѣ, богатству коллекцій и научной систематизаціи музей этого давно сталъ образцомъ для всѣхъ подобнаго рода мѣстныхъ учреждений и послужилъ ближайшей причиною къ открытію въ различныхъ городахъ Сибири цѣлаго ряда такихъ же учреждений». Основателемъ Минусинскаго музея былъ скромный обыватель города, провизоръ мѣстной аптеки Н. М. Мартыновъ. Съ начала 70-хъ годовъ онъ сталъ собирать гербарій мѣстныхъ растений, насѣкомыхъ, птицъ, образцы минераловъ и горныхъ породъ, приобретать на скудную личную средства нѣкоторыя древности, этнографическіе предметы, и мало-по-малу у него составились довольно большія коллекціи, для которыхъ уже не хватало мѣста въ частной квартирѣ, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ стали получать значеніе въ смыслѣ характеристики произведеній края. Ему удалось заинтересовать своимъ собраніемъ мѣстное общество, и въ 1877 г. онъ передалъ свои коллекціи городу, который рѣшился основать изъ нихъ музей, отвѣдя для него помещеніе въ нижнемъ этажѣ мѣстнаго училища. Стараніями Н. М.—ча стали постепенно поступать въ музей пожертвованія, но основатель музея не переставалъ пополнять его постоянно и на личные свои средства. Музей былъ подраздѣляеть на нѣсколько отдѣленій: естественно-историческое, антрополого-археологическое, этнографическое, нумизматическое, промышленное, сельско-хозяйственное, педагогическое; при музеѣ возникла библіотека и метеорологическая станція. Въ извѣстные дни въ музей допускалась для осмотра публика, которой давались объясненія. Музею издавались время отъ времени каталоги, отчеты, а также былъ изданъ на частныя средства обстоятельный каталогъ мѣстныхъ древностей (съ атласомъ рисунковъ),

составленный Д. А. Клеменцомъ. Въ 1877 г. въ музей находилось 1.270 естественно-историческихъ предметовъ, въ 1880 г. ихъ было уже около 7.000, къ 1895 г.—15.000. Въ 1886 году однихъ предметовъ древности (каменныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ орудій) накопилось 4.165, а къ 1895 г. ихъ уже стало около 10.000. Библіотека музея, заключавшая въ себѣ въ 1880 г. 3.700 томовъ, возросла черезъ 10 лѣтъ до 13.000 томовъ, а въ 1896 г. насчитывала уже 17.500 переплетовъ. Музей сталъ посѣщаться всѣми окрѣжными жителями, и число посѣщеній стало доходить до 10.000 въ годъ. Первоначальное помѣщеніе музея скоро стало недостаточнымъ, и П. М. Мартынову удалось вызвать настолько сочувствія къ музею въ мѣстномъ обществѣ, что въ 1890 г. оно построило для него особый каменный домъ и ассигновало небольшую сумму для содержанія музея. Въ Минусинскѣ стали забѣжать путешественники; такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его посѣтилъ шведскій ученый Мартинъ, который настолько заинтересовался находившимися здѣсь коллекціями древностей, что снялъ съ нихъ фотографіи и издалъ ихъ затѣмъ въ Стокгольмѣ въ видѣ роскошнаго атласа съ объяснительнымъ текстомъ. Примѣръ Минусинска повліялъ и на другіе сибирскіе города. Подобный же музей былъ основанъ затѣмъ въ Красноярскѣ, по иниціативѣ И. В. Матвѣева, въ Енисейскѣ — стараніями г. Кытанова, въ Перчинскѣ — г. Кузнецова. Далѣе основаны музей въ Тобольскѣ, опубликовавшій уже нѣсколько «Кжегодниковъ», возникли музеи въ Кяхтѣ, Ачинскѣ, Семипалатинскѣ, Читѣ, Хабаровскѣ и др. П. М. Мартыновъ и самъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по краю, а въ особенности оказывалъ поддержку другимъ изслѣдователямъ — Адрианову, Клеменцу, Боголюбовскому и др. Нельзя не пожелать, чтобы призывъ красноярскаго подотдѣла къ образованію при Минусинскомъ музеѣ капитала имени П. М. Мартынова нашелъ себѣ достаточно сочувствія, такъ чтобы музей получилъ возможность и въ будущемъ пополнять свои собранія и содѣйствовать изслѣдованіямъ края. Нельзя не пожелать также, чтобы и вообще этотъ замѣчательный музей былъ гарантированъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи и въ сохранности своихъ коллекцій, чтобы онъ получалъ опредѣленный бюджетъ и питать и могъ бы оставаться на долгія и долгія времена замѣчательнымъ мѣстнымъ научнымъ и культурнымъ центромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достойнымъ памятникомъ энергичнаго его основателя.

НЕКРОЛОГИ.

БОГУСЛАВСКИЙ, Л. А. 29-го января, скончался во Владикавказъ подполковникъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка Леонидъ Антоновичъ Богуславскій. Онъ составилъ слѣдующія книги: «Исторію Апшеронскаго полка» въ трехъ томахъ, съ иллюстраціями художника Самокиша (Сиб., 1892); «Памятная книга Апшеронскаго полка» въ одномъ томѣ; «Апшеронская памятка, (1700—1894). Краткая исторія Апшеронскаго полка для солдатъ» (Сиб., 1894). Первая изъ этихъ книгъ издана великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ и составляетъ вкладъ въ военной исторической литературѣ. (Некрологъ: «Нов. Вр.» 1902, № 9319).

† **Валуева (Мунгъ), А. П.** Въ концѣ января, въ Екатеринославѣ скончалась писательница Анна Петровна Валуева, жена помощника начальника Екатеринбургской ж. д. Покойная родилась 1-го августа 1856 г. въ Петербургѣ, большую часть дѣтства провела въ имѣніи родителей въ Орловской губ., Елецкаго уѣзда; 12-ти лѣтъ поступила въ Петропавловское училище въ Сиб., гдѣ окончила курсъ въ 1873 г., и тотчасъ же поступила на педагогическіе курсы; затѣмъ А. П. заняла мѣсто образцовой учительницы прогимназій, основанной при курсахъ, давала уроки географіи и естествознанія въ гимназій княгини Оболенской. Педагогическая дѣятельность покойной продолжалась до замужества (1884 г.), когда она уѣхала въ провинцію.

На литературное поприще А. П. выступила въ 1876 г. біографическими очерками для дѣтей въ «Дѣтскомъ Читеніи»; вскорѣ приобрѣла извѣстность, какъ дѣтская писательница. Свои произведенія А. П. помѣщала въ «Дѣтскомъ Читеніи», «Родникѣ» и въ другихъ дѣтскихъ журналахъ сначала подъ своею дѣвическою фамиліей—Мунгъ, потомъ за подписью А. Валуева-Мунгъ.

Въ Екатеринославѣ А. П. Валуева заслужила добрую по себѣ память участіемъ во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ. Вопросы о школьныхъ нуждахъ

населенія Екатерининской дороги покойная особенно близко принимала къ сердцу. Ея трудамъ и заботамъ много, по словамъ «Приднѣпровскаго края», обязано общественіе для дѣтой желѣзнодорожныхъ служащихъ. (Некрологъ сл: «Нов. Вр.» 1902, № 9298).

† **Еленевъ, Ѳ. П.** Въ Царскомъ Селѣ, скончался 10-го февраля послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни тайный совѣтникъ, бывшій членъ главнаго управленія по дѣламъ печати и членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Федоръ Павловичъ Еленевъ. Покойный родился въ 1828 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ со званіемъ кандидата математическихъ наукъ. Службу началъ учителемъ математики сперва въ тульской, затѣмъ въ смоленской гимназіяхъ. Въ 1857 г. перешелъ репетиторомъ и учителемъ математики въ первый кадетскій корпусъ. Молодой репетиторъ своими выдающимися способностями и знаніями обратилъ на себя вниманіе начальника главнаго штаба его величества по управленію военно-учебными заведеніями генераль-адъютанта М. И. Ростовцева, который избралъ его въ свои секретари. Этотъ моментъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Ѳ. П. Еленева.

Въ качествѣ секретаря М. И. Ростовцева, назначеннаго вскорѣ председателемъ редакціонныхъ комиссій по составленію положенія о крестьянахъ, онъ близко ознакомился съ тѣми задачами, которыя были возложены высочайшей властью на редакціонныя комиссіи, а также съ личными взглядами генераль-адъютанта Ростовцева на крестьянскую реформу. Послѣ смерти М. И. Ростовцева замѣститель его по званію председателя редакціонныхъ комиссій графъ В. П. Панинъ избралъ Ѳ. П. для точнаго наблюденія за исполненіемъ своихъ распоряженій по редакціоннымъ комиссіямъ и за сохраненіемъ порядка въ нихъ и для другихъ порученій. Покойный съ этого времени принялъ дѣятельное участіе въ хозяйственномъ отдѣленіи комиссій и въ комиссіяхъ по составленію предположеній къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и по разсмотрѣнію нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ въ связи съ крестьянскимъ дѣломъ. На него было возложено составленіе свода проектовъ губернскихъ комитетовъ по крестьянской реформѣ. По окончаніи занятій редакціонныхъ комиссій Ѳ. П. перешелъ на службу въ с.-петербургскій цензурный комитетъ, былъ назначенъ цензоромъ и въ 1868 году членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Съ этого времени до выхода въ 1896 году по болѣзни въ отставку покойный принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ административныхъ трудахъ главнаго управленія по дѣламъ печати, исполняя неоднократно обязанности начальника и председателя совѣта главнаго управленія. Онъ участвовалъ между прочимъ въ особой комиссіи 1869 г. по пересмотру дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати.

Досуги своей службы покойный посвящалъ литературной работѣ и изслѣдованіямъ разнообразныхъ вопросовъ государственной и общественной жизни. Располагая богатѣйшимъ матеріаломъ объ эпохѣ подготовленія крестьянской реформы, онъ закончилъ въ 1886 г. свой цѣнный трудъ: «Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи». Будучи неутомимымъ борцомъ за русскіе интересы, онъ горячо ратовалъ противъ окраинныхъ стремленій

къ самостоятельности государственнаго управления. Въ 1863 г. издалъ свое изслѣдованіе «Польскія цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь» и съ 1890 года своими многочисленными трудами болѣе другихъ, послѣ К. Ф. Ордина, способствовалъ выясненію и разоблаченію стремленій финляндскихъ политикановъ. Его историческіе труды по финляндскому вопросу: «Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ» (1891 г.) и «Ученіе о финляндскомъ государствѣ» (1893 г.), послужили мотивомъ для приглашенія покойнаго къ участию въ комиссіи по подготовленію проекта кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи. Работая въ этой комиссіи, О. П. составилъ «Историко-критическій обзоръ узаконеній, включенныхъ подъ пименіе основныхъ законовъ Финляндіи въ финляндскіе кодификаціонные проекты» (1894 г.), напечаталъ статьи: «Les prétentions des séparatistes finlandais; aperçu critique de la doctrine séparatiste en Finlande» (Парижъ, 1895 г.), «Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 г. о воинской повинности» (1896 г.), «Чего достигли и чего домогаются впередъ достигнуть финляндцы по пути отпаденія ихъ отъ русской государственной власти» (1898 г.) и др.

Дѣятельность покойнаго не была чужда и русской журналистикѣ. Въ «Отчественныхъ Запискахъ», редак. Н. А. Некрасова, онъ напечаталъ въ 1867—1869 гг. подъ псевдонимомъ Скалдина рядъ писемъ изъ провинціи «Въ захолустьи и въ столицѣ». Кроме того, покойному принадлежатъ нѣсколько арифметическихъ учебниковъ, составленныхъ по особому методу, впервые примененному имъ. До самой смерти онъ интересовался вопросами, выдвигаемыми жизнью, и высказывалъ по нимъ свои взгляды въ печатныхъ брошюрахъ и статьяхъ. За свою усердную и продолжительную службу покойный имѣлъ всѣ награды до ордена святаго Александра Невскаго. (Некрологъ его: «Нов. Вр.». 1902, № 9319).

Игнатовичъ, В. С. 8-го февраля, скончался на 68 году жизни членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Витольдъ Станиславовичъ Игнатовичъ, авторъ распространенныхъ учебниковъ французскаго языка. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, В. С. избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Онъ былъ учителемъ сперва Тульскаго кадетскаго корпуса и одновременно чиновникомъ особыхъ порученій при тульскомъ губернаторѣ, затѣмъ, по закрытіи корпуса въ Тульѣ, преподавалъ французскій языкъ во Второмъ и Александровскомъ кадетскомъ корпусахъ, въ Павловскомъ военномъ училищѣ и въ Электротехническомъ институтѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9318).

Кичевъ, П. И. 23 января, скончался писатель Пётръ Ивановичъ Кичевъ. Покойный родился въ Москвѣ въ 1845 году, учился въ 4-й московской гимназіи, а потомъ слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя юридическаго факультета. Влеченіе къ литературѣ пробудилось въ немъ въ ранніе юношескіе годы. Будучи 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже писалъ стихи, а въ 17 лѣтъ, напечатавъ свои первые молодые омыты, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Развлеченія», «Зрителя», «Антракта», «Будильника», петербургской «Пскры» и многихъ другихъ

газетъ. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ въ силу одного трагическаго обстоятельства П. П. оставилъ Москву и переселился въ Нижній Новгородъ, затѣмъ въ Кіевъ, гдѣ одновременно съ литературной профессіей онъ соединилъ и юридическую, ставъ частнымъ повѣреннымъ. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, у насъ началось такъ называемое ставианское движеніе, — страстная натура Кичеева не выдержала, онъ бросилъ все и, записавшись въ ряды добровольцевъ, уѣхалъ къ Черняеву, въ Сербію. Въ 80-хъ годахъ его имя снова появилось на страницахъ московскихъ газетъ и журналовъ. Онъ пишетъ стихотворенія, рассказы, ведетъ театральную критику и ставитъ на сценахъ частныхъ театровъ свои переводныя пьесы, а въ 1886-мъ году выпускаетъ отдѣльной книжкой сборникъ стихотвореній, какъ собственныхъ оригинальныхъ, такъ и переводовъ. Всѣ его оригинальныя стихотворенія, посящія болѣе или менѣе серьезный характеръ, написаны главнымъ образомъ на гражданскія темы; всѣ юмористическія отличаются преимущественно обличительнымъ направленіемъ. Переводы взяты изъ Лонгфелло, Гартмана, Ф. Конне, Катулла Мендеса, Сюлли Прюдома и другихъ. Къ характеристикѣ покойнаго, какъ человѣка, слѣдуетъ прибавить, что П. П. никогда не обладалъ умѣньемъ устроить свою жизнь вполне обезпеченно. Практикъ онъ былъ плохой. Практическая ловкость и смѣтливость какъ-то не совмѣщались съ его прямой, честной, правдивой природою. Онъ не терпѣлъ «практическихъ» людей, не ужинался съ ними, не шелъ ни на какіе компромисы съ совѣстью и какъ жилъ, такъ и умеръ самымъ настоящимъ безсребренникомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9301).

Клевцинскій, А. А. 3-го февраля, скончался, на 58 году, послѣ непродолжительной тяжелой болѣзни академикъ архитектуры Антонъ Антоновичъ Клевцинскій. Особенность его творчества вполне соответствовала его внутреннему міровоззрѣнію и состояла въ простотѣ и гармоніи. Большую часть своей трудовой жизни онъ прослужилъ на Николаевской желѣзной дорогѣ и построилъ цѣлый рядъ сооружений, свидѣтельствующихъ о немъ, не только какъ о даровитомъ архитекторѣ, но какъ и о даровитомъ инженерѣ. Имя покойнаго помнятъ многіе академики архитектуры, пользовавшіеся его указаніями. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9313).

Колесовъ, А. М. 25-го января, въ Москвѣ скончался заглѣдующій московскимъ училищемъ иконописанія художникъ Алексѣй Михайловичъ Колесовъ. Покойный родился 8-го марта 1834 года, въ городѣ Ковровѣ, Владимирской губерніи, и съ раннихъ лѣтъ проявилъ любовь къ искусству. Начавъ учиться въ Ковровскомъ уѣздномъ училищѣ, А. М. дѣлалъ быстрые успѣхи въ рисованіи и въ юношескихъ годахъ уже проявилъ несомнѣнныя способности. На 17-мъ году, несмотря на сопротивленіе родителей, А. М. пѣшкомъ и безъ всякихъ средствъ отправился учиться живописи въ Москву, гдѣ и поступилъ въ училище живописи и ваянія, тогда именовавшееся художественными классами. Несмотря на крайнюю бѣдность, онъ своей серьезной работой и выдающимися способностями обратилъ на себя вниманіе преподавателей и особенно профессора живописи, тогдашней знаменитости С. К. Заряно, который поддерживалъ молодого художника и оказалъ большое вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Въ 1857 году, А. М. Колесовъ за свои этюды и портреты получилъ отъ

академі художествъ званіе свободнаго художника, а въ 1876 году также за портреты, среди которыхъ былъ портретъ С. М. Соловьева и Гиллярова-Платонова,—званіе класснаго художника 3-й степени. Изъ другихъ его работъ слѣдуетъ назвать портретъ профессора С. К. Заряико, завѣщанный художникомъ московскому Румянцовскому музею, портретъ Н. П. Шипкина, пейзажиста А. К. Саврасова и писателей С. А. Юрьева и Н. А. Часва. Въ 80-хъ годахъ А. М. занялся иконной живописью. Ему было поручено завѣдываніе иконописнымъ училищемъ, основаннымъ въ Москвѣ преосвященнымъ Амвросіемъ. На этомъ новомъ поприщѣ дѣятельности А. М. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью какъ всѣхъ своихъ сотоварищей, такъ и учениковъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9311).

Колоколовъ, А. П. 29-го января, послѣ непродолжительной тяжелой болѣзни въ Спб. скончался настоятель церкви общины сестеръ милосердія св. Георгія, митрофорный протоіерей Алексѣй Петровичъ Колоколовъ. Покойный пользовался извѣстностью въ С.-Петербургѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ. Онъ умѣлъ овладѣть вниманіемъ аудиторіи самой разнообразной по своему составу. Множество немущаго люда находило у него, помимо нравственной поддержки, и матеріальную помощь. Покойный получилъ образованіе въ С.-Петербургской духовной семинаріи, курсъ наукъ въ которой окончилъ въ 1857 г. Рукоположенный въ священники села Хотова Новоладожскаго уѣзда, онъ перевелся въ 1872 г. въ церковь Георгіевской общины и съ тѣхъ поръ непрестанно трудился надъ устройствомъ храма общины, содѣйствовалъ расширенію ея учрежденій и принималъ видное участіе во многихъ благотворительныхъ обществахъ. Въ то же время онъ устроилъ на своей родинѣ въ Новоладожскомъ уѣздѣ церковь и приютъ, гдѣ есть отдѣленіе сестеръ милосердія. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9307).

Ламанскій, Е. Ш. 31-го января, скончался одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей и извѣстныхъ русскихъ финансистовъ, тайный совѣтникъ Евгеній Ивановичъ Ламанскій. Имя покойнаго пользовалось наибольшою популярностью, когда онъ въ качествѣ управляющаго государственнымъ банкомъ находился въ теченіе около двадцати лѣтъ во главѣ этого учрежденія и явился въ это время руководителемъ развитія въ Россіи кредитнаго дѣла. Въ финансовой области онъ широко проявилъ свои выдающіяся способности и замѣчательную смѣлость. Ему принадлежатъ цѣлый рядъ начинаній, направленныхъ къ оживленію русскихъ производительныхъ силъ и къ улучшенію нашей валюты.

Покойный былъ старшій братъ извѣстнаго ученаго В. П. Ламанскаго. Его отецъ былъ директоромъ особой канцеляріи по кредитной части. Е. Ш. родился въ 1825 году, образованіе получилъ въ Царскосельскомъ (нынѣ Александровскомъ) лицѣ. Службу началъ въ государственной канцеляріи, затѣмъ перевелся въ министерство финансовъ, въ которомъ и сосредоточилъ свою дѣятельность. Съ юныхъ лѣтъ Е. Ш. чувствовалъ призваніе къ разработкѣ финансовыхъ вопросовъ и вкорѣ по окончаніи курса въ лицѣ опубликовалъ свою первую, цѣнную для того времени работу по исторіи денежнаго обращенія и казенныхъ кредитныхъ учрежденій въ Россіи, не потерявшюю интереса и въ настоящее

время. Трудъ этотъ былъ напечатанъ въ «Извѣстiяхъ географическаго общества». На талантливаго молодого автора было обращено вниманiе, и географическое общество дало ему средства на заграничную командировку для изученiя операций и устройства западно-европейскихъ кредитныхъ учреждений. Изъ двухлѣтняго пребыванiя за границей покойный вернулся въ Россiю во всеоружii тѣхъ практическихъ знанiй, которыя пришлось ему приобрести, обозрѣвая заграничныя кредитныя учрежденiя.

Его статьи объ организацiи такихъ учреждений появились въ концѣ 50-хъ годовъ въ нашихъ журналахъ, и молодой финансистъ былъ привлеченъ къ участию въ разнообразныхъ комисияхъ. Особенно цѣнился его голосъ въ комисиiи по пересмотру вопроса о банкахъ. При учрежденiи въ 1860 г. государственнаго банка Е. П. былъ назначенъ товарищемъ управляющаго банкомъ, а черезъ нѣкоторое время управляющимъ банкомъ. Съ его пребыванiемъ во главѣ государственнаго банка совпала эпоха развитiя у насъ биржевой спекуляцiи и кредитныхъ учреждений. Будучи горячимъ поборникомъ необходимости устройства въ Россiи банковъ на началѣ взаимности, покойный былъ иниціаторомъ основанiя въ С.-Петербургѣ общества взаимнаго кредита. Затѣмъ Е. П. явился дѣятельнѣйшимъ участникомъ кружка высшихъ петербургскихъ чиновниковъ, банкировъ и концессионеровъ, собиравшихся по примѣру парижскаго экономическаго общества разъ въ мѣсяцъ въ ресторанѣ Донона на обѣдъ. На этихъ такъ называемыхъ экономическихъ обѣдахъ разсматривались зачастую серьезные вопросы экономического и финансоваго характера. Покойный неоднократно развивалъ на нихъ свои взгляды на оживленiе русской промышленности. На этихъ же обѣдахъ онъ впервые развилъ планъ своего проекта поднять курсъ русскаго рубля. Сущность проекта заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что курсъ упалъ будто бы отъ избытка бумажекъ; при уничтоженiи избытка бумажекъ, курсъ, по его мнѣнiю, сдѣлается *al pari*, и все придетъ въ норму. Его проектъ былъ принятъ, было занято 100.000.000 руб., и начался извѣстный развѣтъ. Курсъ, однако, не поднялся, а упалъ еще болѣе.

При перемѣнѣ финансовой политики Е. П. вышелъ въ 1882 г. въ отставку и всецѣло посвятилъ себя промышленнымъ предпрiятiямъ и общественнымъ дѣламъ. Въ с.-петербургской думѣ и въ петергофскомъ уѣздномъ земствѣ онъ былъ дѣятельнымъ гласнымъ, въ третьемъ отдѣленiи Вольнаго Экономическаго общества — председателемъ. Кроме того, онъ до своей смерти председательствовалъ въ совѣтѣ Волжско-Камскаго коммерческаго банка, въ комитетѣ съѣзда представителей акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита, принималъ дѣятельное участiе въ совѣтѣ по желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ дѣламъ, въ Березонскомъ золотопромышленномъ обществѣ и во многихъ другихъ акціонерныхъ обществахъ. Одновременно находилъ досугъ для публичныхъ лекцiй о голодовкахъ въ Индiи (по этому вопросу напечаталъ въ 1892 г. отдѣльную книгу) и о банкахъ, а также для статей по финансовымъ вопросамъ, напечатанныхъ въ разныхъ изданiяхъ. Покойный обладалъ общительнымъ характеромъ, и рѣдкiй изъ петербуржцевъ, вращающихся въ чиновной, биржевой или благотворительной средѣ, не зналъ его всегдашней внимательности, любезности и краснорѣчiя. Е. П., стоя во главѣ нѣсколькихъ биржевыхъ предпрiятiй,

сумѣли составить себѣ хорошее состояніе. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ принималъ между прочимъ участіе въ комиссіяхъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и его голосъ въ нихъ раздавался за свободу, равноправность и прогрессъ въ политико-экономической жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9308).

Мельникова, А. П. 7-го февраля, въ Тифлисъ скончалась вдова подполковника Александра Николаевна Мельникова, урожденная Устимовичъ, имя которой хорошо извѣстно въ нашей дѣтской литературѣ. Покойная сътрудничала въ «Аргистѣ» и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ, но главныя ея работы—разказы для дѣтей—печатались обыкновенно отдѣльными изданіями. Успѣхъ имѣли ея «Пословицы и поговорки въ стихахъ», вышедшія въ миниатюрномъ изданіи въ Кіевѣ. Въ 1899 г. покойная выпустила свои «Воспоминанія о давно-минувшемъ и недавно-быломъ». Воспоминанія эти заключаютъ интересныя свѣдѣнія о Маріи Башкирцевой, П. П. Чайковскомъ, Н. П. Стороженькѣ и другихъ. А. П. скончалась на 54 году. Лица, знавшія покойную, никогда ни забудутъ ея чистой души съ ея глубокой вѣрой въ торжество правды, добра и красоты, служенію которымъ она отдала свою жизнь. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1902, № 9320).

Площанскій, В. М. Въ ночь на 8-е февраля, въ Вильнѣ скончался Венедиктъ Михайловичъ Площанскій, бывшій редакторъ издававшейся въ Львовѣ русской газеты «Слово». Покойный вмѣстѣ съ извѣстнымъ о. І. Паумовичемъ подвергался преслѣдованіямъ австрійскихъ властей и въ концѣ концовъ эмигрировалъ въ Россію. Поселившись въ Вильнѣ, онъ занимался учеными трудами, преимущественно историческими и археологическими, касавшимися Галицкой Руси и вообще славянскихъ земель, и состоялъ нѣсколько лѣтъ отдѣльнымъ виленскимъ цензоромъ по внутренней цензурѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9319).

Рожновъ, Н. В. Скончавшійся 29-го января заслуженный профессоръ бывшей императорской медико-хирургической академіи тайный совѣтникъ Никита Венедиктовичъ Рожновъ былъ одинъ изъ наиболѣе магнитныхъ представителей русской ветеринаріи, на пользу которой работалъ болѣе полувѣка. Начавъ свою дѣятельность въ то время, когда у насъ, можно сказать, только-что зарождалось ветеринарное дѣло, онъ своими выдающимися учеными и практическими трудами оказалъ большое вліяніе на прочное развитіе ветеринарной организаціи въ Россіи. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи, покойный сначала въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ ветеринарнымъ врачомъ въ разныхъ воинскихъ кавалерійскихъ частяхъ. Блестяще запитивъ затѣмъ первый въ Россіи диссертацию на званіе магистра ветеринарныхъ наукъ, онъ въ 1855 г. приглашенъ былъ медико-хирургической академіи занять должность профессора при ветеринарномъ отдѣленіи, гдѣ преподавалъ въ разное время зоогигіену, скотоводство, терапію и другія науки. Профессоромъ былъ онъ до 1883 года, когда было закрыто отдѣленіе. За этотъ почти 30-лѣтній періодъ онъ воспиталъ цѣлая поколѣнія ветеринаровъ, всегда съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью вспоминавшихъ о немъ. Многие изъ его учениковъ занимали и теперь занимаютъ профессорскія кафедры въ

разныхъ ветеринарныхъ учебныхъ заведенійхъ. Одновременно онъ былъ членомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, совѣщательнымъ членомъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ и ученымъ секретаремъ ветеринарнаго комитета. Въ послѣдней должности онъ оставался до 1898 г., куда вышелъ въ отставку. Ему пришлось много потрудиться надъ выясненіемъ важности и полезности ветеринарнаго дѣла, и въ разныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ онъ всегда былъ ближайшимъ участникомъ реформъ и преобразованій, касавшихся наиболѣе правильной постановки ветеринарной части въ имперіи. Неоднократно онъ командировался въ разные губерніи для руководительства въ организаціи мѣръ борьбы съ чумой, сибирской язвой и другими повальными болѣзнями скота. Высшимъ орденомъ покойный имѣлъ орденъ Анны 1-й ст. Многія ветеринарныя учебныя заведенія и ученыя общества имѣли покойнаго своимъ почетнымъ членомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9307).

Сахаровъ, В. Н. Профессоръ С. Ѳ. Платоновъ помѣстилъ въ «Новомъ Времени» слѣдующій некрологъ только-что скончавшагося молодого ученаго В. Н. Сахарова: «28-го января, горловая чахотка унесла въ могилу магистранта С.-Петербургскаго университета Владимира Николаевича Сахарова, состоявшаго въ числѣ молодыхъ ученыхъ, прикомандированныхъ къ нашему археологическому институту въ Константинополь. Въ лицѣ покойнаго русская наука потеряла много обѣщаннаго работника. Уже въ Новороссійскомъ университетѣ, гдѣ В. Н. Сахаровъ началъ научныя занятія, онъ былъ замѣченъ, какъ даровитый юноша. Послѣ перехода его въ С.-Петербургскій университетъ академикъ В. Гр. Васильевскій, всегда очень чуткій въ оцѣнкѣ людей, сталъ съ большою живостью и сочувствіемъ отзываться о Сахаровѣ, устраивалъ ему заграничную командировку и готовъ былъ руководить его занятіями въ итальянскихъ бібліотекахъ, въ которыя самъ тогда стремился. Чтобы вызвать къ себѣ такое отношеніе нашего знаменитаго византиниста, надо было обладать серьезными задатками. У Сахарова они и были; вмѣстѣ съ большими познаніями въ исторіи Византіи, славянства и древней Руси, Сахаровъ соединялъ безспорную критическую способность и широту ученаго интереса, обусловленную хорошей подготовкой въ вопросахъ церковной исторіи, правовой жизни и культурнаго движенія среднихъ вѣковъ. Любовь къ знанію у Сахарова была трогательная, а умѣнье работать изумительное: пишущій эти строки имѣлъ удовольствіе видѣть Сахарова въ своей семинаріи по русской исторіи и удивлялся быстротѣ, съ какою онъ овладѣвалъ новыми для него темами. Живой и бодрый, несмотря на недугъ, онъ былъ приятнымъ собесѣдникомъ и прекраснымъ товарищемъ. Глубоко скорбя о его кончинѣ, все его знавшіе, конечно, согласятся со мною, что о Сахаровѣ слѣдуетъ скорбѣть и всемъ любящимъ нашу науку. Миръ его праху!» (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9317).

Тизенгаузенъ, В. Г. 2-го февраля, скончался на 77 году жизни отъ кружнаго воспаленія легкихъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ ориенталистовъ-археологовъ, баронъ Владимиръ Густавовичъ Тизенгаузенъ. Смерть застала его въ то время, когда онъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, все еще бодрый и полный энергіи, оканчивалъ два капитальныхъ труда,

одинъ историческій, другой чисто археологическій. Баронъ В. Г. родился въ 1825 году въ Нарвѣ. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ, по разряду восточной словесности, онъ долженъ былъ начать службу нисемоводителемъ при командирѣ сѣвернаго округа морской стропительной части. Черезъ четыре года былъ переведенъ секретаремъ въ медицинскій департаментъ, затѣмъ служилъ въ строительной конторѣ министерства императорскаго двора и только въ 1861 г. былъ назначенъ производителемъ дѣлъ императорской археологической комиссіи, тогда только что учрежденной. Съ этого времени и до его выхода въ 1900 г. въ отставку, вся дѣятельность покойнаго принадлежала этому учрежденію, гдѣ онъ послѣдовательно занималъ должности младшаго члена (1864), старшаго члена (1876) и наконецъ (1895) товарища предсѣдателя, совмѣщая въ своемъ лицѣ функціи чисто административныя съ научными. В. Г. былъ, что называется, кабинетнымъ ученымъ и находилъ лучшимъ наслажденіемъ въ жизни разслѣдованіе разнообразныхъ вопросовъ востоковѣдѣнія чисто научнаго характера. Дѣятельность В. Г. въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ по археологической комиссіи была очень тяжела и отвѣтственна. На него было возложено производство археологическихъ раскопокъ въ степяхъ Повороссіи, почва которой, насыщенная предметами греческаго производства, привлекала тогда почти исключительно все вниманіе предсѣдателя комиссіи, ген.-ад. гр. С. Г. Строганова, мало цѣнившаго предметы русской древности. В. Г. приходилось жить въ открытой стени въ палаткѣ и работать часто подъ налипшими лучами солнца, подвергаясь постоянно опасности быть убитому обвалами десяти-саженныхъ кургановъ, въ которыхъ требовалось находить кринты съ погребеніями. Зато результатами его раскопокъ теперь гордятся императорскій Эрмитажъ. По роду своихъ занятій, постоянно соприкасавшійся съ классической древностью, покойный оставался, однако же, къ ней довольно равнодушнымъ. Не она привлекала его любознательность, и не ей были посвящены его научные труды. Сфера его научныхъ интересовъ была иная. Его привлекало изученіе прошлаго мусульманскаго Востока. Въ этой области, почему-то заброшенной нашими историками, имя барона Тизенгаузена горитъ яркимъ свѣтомъ, и его труды будутъ долго служить путеводной нитью для всякаго изслѣдователя, желающаго проникнуть въ дебри изученія мусульманскихъ древностей. Первый трудъ В. Г. «О монетахъ самонидовъ» (1853 г.), посвященный мусульманской нумизматикѣ, былъ удостоенъ преміи императорскаго русскаго археологическаго общества. Въ немъ покойный собралъ такъ много историческихъ, географическихъ и филологическихъ данныхъ, что сдѣлалъ этотъ трудъ интереснымъ не только для нумизмата, но и для историка. Въ еще большей степени можно это сказать о его классической книгѣ «Монеты Восточнаго халифата», хотя и изданной въ 1873 г., но и до сей поры не потерявшей интереса какъ научнаго, такъ и практическаго для коллекционеровъ-нумизматовъ. Трудно перечислить множество написанныхъ имъ статей, брошюръ и замѣтокъ по археологій, нумизматикѣ, географіи и исторіи мусульманскихъ народовъ. Задумавъ написать исторію Золотой орды, В. Г. нашелъ, что разработка этой исторіи ранѣе критическаго изданія всѣхъ восточныхъ текстовъ, служащихъ источниками, немыслима, и приступилъ

къ ихъ заданію. Чтобы сдѣлать сводъ свѣдѣній, оставленныхъ намъ арабскими, персидскими и турецкими авторами по исторіи Золотой орды, В. Г. пришлось въ 1880 г. предпринять путешествіе по всѣмъ городамъ Европы, которыхъ бібліотеки извѣстны богатствомъ восточныхъ рукописей, и начать кропотливую работу выписки всего, что въ нихъ имѣло отношеніе къ Золотой ордѣ. Предпринятое изданіе должно было заключать четыре тома, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ содержать комментарий на первые три, но до сей поры появился только первый томъ (1884): «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды» содержащій выписки изъ арабскихъ авторовъ въ подлинникѣ съ ихъ русскимъ переводомъ. Книга эта была удостоена большой золотой медали императорскаго русскаго археологическаго общества, которому покойный имѣлъ намѣреніе поручить издать остальные томы этого труда. Изданіе это уже отчасти приготовлено къ печати. Вторымъ капитальнымъ трудомъ В. Г., за смертью его оставшимся не оконченнымъ, является «Исторія предметовъ роскоши мусульманскаго Востока X—XV вѣковъ». Этому труду были посвящены послѣдніе годы жизни В. Г. Онъ работалъ надъ нимъ съ необыкновенною усидчивостью и лихорадочною поспѣшностью, тороясь его кончить, точно предчувствуя близкую смерть. Покойный былъ членомъ всѣхъ археологическихъ обществъ Россіи и всѣхъ нумизматическихъ Западной Европы, почетнымъ членомъ императорскаго русскаго археологическаго общества и лондонскаго нумизматическаго, а съ 1893 года членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ. (Некрологъ А. М—на, въ «Новомъ Времени». 1902, № 9313).

Фельдманъ, О. А. 3-го февраля, скончался почетный опекунъ опекунскаго совѣта императрицы Маріи по с.-петербургскому присутствію, членъ военно-ученаго комитета главнаго штаба, генераль-отъ-инфантеріи Ѳедоръ Александровичъ Фельдманъ. Покойный родился въ 1835 году, образованіе получилъ въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Вскорѣ по окончаніи академическаго курса, при военномъ министрѣ гр. Д. А. Милютинѣ, былъ привлеченъ къ дѣятельному участию въ выработкѣ и осуществленіи новыхъ порядковъ и законоположеній, направленныхъ къ коренному преобразованію русской арміи. Сперва въ качествѣ старшаго помощника начальника военно-ученаго отдѣла главнаго управленія генеральнаго штаба и начальника этого отдѣла, затѣмъ въ качествѣ дѣлопроизводителя канцеляріи военно-ученаго комитета главнаго штаба, онъ работалъ во многихъ коммисіяхъ, разсматривавшихъ вопросы о подъемѣ умственнаго образованія въ войскахъ, о всеобщей воинской повинности и друг. Во время борьбы славянъ за свою независимость въ 1876 г. Ѳ. А. былъ назначенъ военнымъ агентомъ въ Вѣну и пробылъ тамъ до 1881 г., когда занялъ должность управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба и вошелъ въ составъ членомъ комитета по мобилизаціи войскъ. Дѣятельность покойнаго по военно-ученому комитету продолжалась непрерывно въ теченіе 15 лѣтъ, при чемъ онъ являлся однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ генераль-адъютанта Н. Н. Обручева. Въ 1896 г. былъ назначенъ директоромъ императорскаго Александровскаго лицея, во главѣ котораго находился около

четырёх лѣтъ. Почетнымъ опекуномъ былъ съ 1900 года. **Ф. А.** отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ, благородствомъ характера и добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Онъ принималъ между прочимъ дѣятельное участіе въ попечительствѣ императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ въ качествѣ члена совѣта и попечителя Александро-Мариннскаго училища слѣпыхъ и мастерской для взрослыхъ слѣпыхъ имени К. К. Грота. За свою продолжительную и усердную службу имѣлъ много наградъ и орденовъ до ордена Бѣлаго Орла включительно и былъ произведенъ въ прошломъ году въ генераль-отъ-инфантеріи. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9310).

Филатовъ, Н. Ф. Въ Москвѣ, 26-го января, скончался отъ апоплексіи профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней Нилъ Федоровичъ Филатовъ. Имя покойнаго, какъ выдающагося педиатра, пользовалось извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Его замѣчательныя сочиненія, изъ которыхъ наиболее выдающимся является «Семіотика и діагностика болѣзней дѣтскаго возраста», переведены почти на всѣ европейскіе языки и даже на японскій. Какъ клиницистъ, Н. Ф. отличался необычайной наблюдательностью, громадными знаніями и опытомъ. Какъ профессоръ, онъ былъ талантливымъ лекторомъ, умѣвшимъ въ немногихъ словахъ охватить сущность предмета и освѣтить ее съ удивительной ясностью и отчетливостью. Аудитория его была всегда переполнена, его лекціи глубоко вѣзвывались въ память слушателей. Какъ врачъ-практикъ, покойный относился одинаково къ бѣднымъ и состоятельнымъ больнымъ и перѣдко оказывалъ матеріальную помощь бѣднымъ родителямъ, чтобы возстановить здоровье ихъ больныхъ дѣтей. Практика его была обширна, онъ былъ главнымъ врачомъ Хлудовской дѣтской больницы и врачомъ-консультантомъ безплатной дѣтской лѣчебницы имени императора Александра III, Софійской дѣтской больницы и другихъ. Его мнѣніе по врачебнымъ вопросамъ цѣнилось всѣми. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за важнѣйшими открытіями и изслѣдованіями въ области врачебныхъ знаній и былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей серотерапіи. Н. Ф. родился въ 1847 г., образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, изъ котораго вышелъ съ дипломомъ лѣкаря съ отличіемъ. Свою врачебную дѣятельность началъ въ Саранскомъ уѣздѣ въ качествѣ земскаго врача. Ему пришлось дѣятельно бороться съ мѣстной эпидеміей сыпного тифа. Вскорѣ перѣѣхалъ въ Москву и выдержалъ экзаменъ на доктора медицины. Затѣмъ отправился за границу для усовершенствованія своихъ знаній, слушалъ тамъ лекціи лучшихъ представителей медицины и занимался въ клиникахъ Праги, Вѣны, Парижа и Берлина. Вернувшись черезъ два года въ Москву, въ 1875 г. поступилъ ординаторомъ въ московскую дѣтскую больницу, въ слѣдующемъ году защитилъ диссертацию: «Къ вопросу объ отношеніи бронхита къ острой катаральной пневмоніи», представленную для полученія степени доктора медицины, и сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента лекціи въ Московскомъ университетѣ. Въ 1891 г. занялъ кафедру дѣтскихъ болѣзней. Изъ его многочисленныхъ сочиненій, кромѣ «Семіотики и діагностики дѣтскихъ болѣзней», выдержавшаго пять изданій, назовемъ «Краткое руководство по дѣтскимъ болѣзнямъ», «Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей», «Клиниче-

скія лекціи» (изданіе послѣднихъ остановилось вслѣдствіе смерти автора на второмъ выпускѣ) и другія. Популярность покойнаго была огромна. Московское общество дѣтскихъ врачей потеряло въ немъ своего предсѣдателя, находившагося во главѣ общества беззмѣнно со дня его основанія. Н. Θ. умеръ въ расцвѣтѣ силъ, на 55 году отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9305).

Щегловъ, Д. Θ. 10-го февраля, скоропостижно скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Θεодоровичъ Щегловъ, всю свою дѣятельность посвятившій педагогическому дѣлу. Какъ выдающемуся педагогу-практику, ему пришлось стоять во главѣ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній въ разныхъ городахъ Россіи, и всюду онъ проявлялъ особенную заботливость о правдивномъ развитіи учащагося юношества, содѣйствуя въ то же время всѣми мѣрами и вообще развитію просвѣщенія, особенно въ глухихъ уголкахъ Россіи. Его инициативъ и ходатайствамъ между прочимъ обязана учрежденіемъ въ городѣ Ефремовѣ Тульской губерніи прогимназія, въ которой ему же пришлось потомъ, будучи ея инспекторомъ нѣкоторое время, положить немало труда въ дѣлѣ организациі и правильной постановки учебной и воспитательной части. По окончаніи курса въ 1857 году въ С.-Петербургскомъ главномъ педагогическомъ институтѣ, покойный сначала состоялъ преподавателемъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гимназіяхъ, а затѣмъ былъ инспекторомъ нѣсколькихъ провинціальныхъ прогимназій и долгое время директоромъ гимназій въ Новочеркасскѣ и 2-й гимназій въ Одессѣ. Д. Θ. извѣстенъ, и какъ писатель-публицистъ. Онъ написалъ большой трудъ: «Исторію социальныхъ системъ» въ 2-хъ томахъ, представляющую собой критическое обозрѣніе социальныхъ ученій, начиная съ Платона и кончая Ор. Контоиъ и Липтре. Трудъ этотъ, обратилъ на себя вниманіе и министерства народнаго просвѣщенія и военное предписали приобрести въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній своихъ вѣдомствъ. За него же по приужденію императорской академіи наукъ покойный получалъ особую пенсію. Своими статьями, главнымъ образомъ историческаго характера, онъ принималъ участіе въ «Библиотецѣ для Чтенія» Писемскаго, въ изданіяхъ Каткова и многихъ другихъ. Кромѣ того, досуги свои онъ посвящалъ археологическимъ изысканіямъ, которыми занимался съ рѣдкой любовью. Состоя съ 1870 года членомъ императорскаго археологическаго общества, онъ неоднократно принималъ на себя труды по раскопкамъ въ Новочеркасскѣ, Донской области, Тверской, Тульской губерніяхъ и другихъ мѣстностяхъ Россіи, и результаты своихъ работъ печаталъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Послѣдніе годы покойный, по заслугѣ пенсіи, находился въ отставкѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9319).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Миѣнчность Лермонтовскихъ мѣстъ».

Прочитавъ статью В. Л. Якимова въ ливерской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»: «Миѣнчность Лермонтовскихъ мѣстъ въ Пятигорскѣ», считаю не лишнимъ сообщить то небольшое, но вѣрное, что я знаю. Можетъ быть, это пригодится кому нибудь изъ доискивающихъ истины, какъ и В. Л. Якимовъ.

Изъѣздивъ Кавказъ отъ Эривани, Сухумъ-Кале, Петровска до Екатеринодара, Моздока, Кизляра, катаясь и съ оказіей, и въ арбахъ, и на выюкахъ, мы наконецъ зажили осыдлой жизнью. Отецъ мой былъ назначенъ, въ 1858 году, старшимъ ординаторомъ Пятигорскаго военнаго госпиталя, и наша семья, переехавъ, поселилась у подошвы Машука, въ домѣ, описанномъ въ «Героѣ нашего времени». Тогда домъ этотъ принадлежалъ Василию Павловичу Челяеву, который въ это время получилъ мѣсто управляющаго въ Кахетині у родственниковъ моей матери, а свою усадьбу съ домомъ, выходящимъ на улицу въ напесадникъ, и флигельмъ, балконъ котораго выходилъ въ небольшой садъ, полный розъ, черешень, лычи и др., предоставилъ въ распоряженіе нашей семьи.

Мать моя была восторженная поклонница Лермонтова, знала всѣ его лучшія произведенія на память, и мы, дѣти, со словъ ея заучивали стихотворенія, относящіяся къ Кавказу.

Въ годъ дуэли Михаила Юрьевича, мать моя, еще небольшая дѣвочка, гостила въ семьѣ этого самаго В. П. Челяева, и жили они въ домѣ, а флигель занималъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

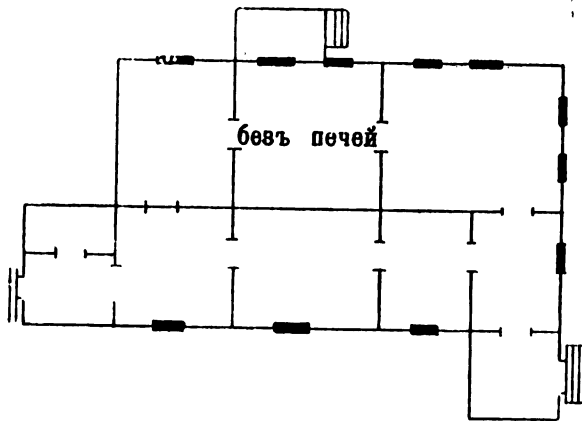
Вся катастрофа произошла на ся глазахъ, и не мудрено, что впечатлительная дѣвочка ясно запомнила всѣ мѣста. Возвратившись въ Пятигорскъ взрослой женщиной, она, конечно, постаралась возобновить въ памяти всѣ мѣста, связаннаыя съ именемъ Лермонтова. Не разъ потомъ вмѣстѣ съ нами, дѣтьми, повторила эти прогулки къ Перкальской скалѣ, показывала мѣсто, гдѣ быть убитъ поэтъ, оттуда пробирались на кладбище, и мать, указывая на яму, говорила: «тутъ былъ похороненъ Михаилъ Юрьевичъ, но его бабушка просила разрѣшенія вырыть и увезти его тѣло къ себѣ въ нѣмнѣ». Има эта была довольно далеко отъ церкви.

Прилагаю небольшой чертежъ комнатъ флигеля, какимъ онъ былъ по расположенію въ 1858 году, безъ означенія размѣра комнатъ.

По словамъ моей матери и В. П. Челяева, въ такомъ видѣ онѣ были и при Михаилѣ Юрьевичѣ. Спальней его была средняя комната, выходящая окномъ во дворъ, а возлѣ, маленькая, служила кабинетомъ. Мать часто заглядывала въ окно, чтобы посмотрѣть, что дѣлаетъ поэтъ. Когда же я спорила съ нею, что въ «Героѣ» говорится про лестницу черешень, надающихъ на столъ, значитъ его комната была обращена въ садъ, она мнѣ отвѣчала: «у Михаила Юрьевича

всегда кто нибудь гостилъ въ тѣхъ комнатахъ, а онъ занималъ со двора». Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я бѣжала по этимъ крохотнымъ комнатамъ, но сильно онѣ запечатлѣлись въ моей памяти: въ то время въ Пятигорскѣ только и говорили, что о Лермонтовѣ (и еще о Шамилѣ), а въ нашемъ домѣ и того болѣе; кто бы ни прїѣзжалъ къ намъ, обязательно просилъ показать Лермонтовскія комнаты и столъ, на которомъ писалъ Михайлъ Юрье-

Садъ

вичъ. (Не знаю, существуетъ ли онъ теперь, но въ то время стоялъ въ кабинетѣ).

При насъ еще сберегались кусты розъ, упоминаемыхъ Лермонтовымъ, и каждый день, до поздней осени, мать посылала меня срывать цвѣты и дѣлать букетики изъ «Лермонтовскихъ розъ», какъ я называла. Относительно грота я тоже слышала отъ матери, что его во времена Лермонтова не было, а лежали только большіе камни.

Что касается предположенія, что поэтъ жилъ въ домѣ, не основывается ли оно на словахъ самого поэта (Княжна Мери)?

Если мы, въ своихъ прозаическихъ письмахъ, искажаемъ иногда факты, красоты ради, какъ же было художнику, начавъ рисовать картину передъ однимъ окномъ, не заглянуть и въ другое и, плѣнившись видами, не зарисовать ихъ?

Истина отъ этого не пострадала, а мы имѣемъ безсмертную картину.

М. Трофимова.

II.

Еще объ имѣніи графа Завадовскаго.

Въ статьѣ «Остатки былого величія» («Историческій Вѣстникъ», 1902 г., кн. I-я) я указалъ, между прочимъ, на нѣкоторыя неточности въ описаніи г. Миллера «судьбы» Лялчичей, извѣстнаго имѣнія графа Завадовскаго. Свою статью я пи-

саль по свидѣнiямъ и документамъ, доставленнымъ мнѣ сыномъ одного изъ бывшихъ владѣльцевъ этого имѣнiя, В. А. Э—дтомъ. Я не успѣлъ проверить всѣ полученныя мною свидѣнiя,—и это вызвало въ февральской книгѣ журнала «поправку» со стороны г-на И. Ал—скаго. Сравнившись, по алфавитнымъ указателямъ историческихъ журналовъ, въ «Архивѣ князя Воронцова», г-нъ Ал—скiй сообщаетъ: 1) что имѣние Завадовскаго называлось не Екатериныдаръ, а Екатеринидаръ (т. е. безъ буквы *ы*); 2) что это имѣние «при императорѣ Павлѣ стало называться, поирежнему, Ляличи» (я сказалъ, что императоръ самъ называлъ такъ это имѣние); и 3) что «во владѣнiи князя Потемкина имѣние Ляличи не было». Существенна, собственно, одна послѣдняя поправка: дѣйствительно, имѣние Ляличи было приобретено отъ Завадовскаго не самимъ Потемкинымъ, а его племянникомъ, генераль-аншефомъ Василемъ Васильевичемъ Энгельгардтомъ.

Относительно же бюро королевы Марин-Антуанетты, г. Ал—скiй говоритъ, что ему «пришлось слышать иное», то-есть не то, что сказали я въ статьѣ своей; и затѣмъ, сообщаетъ это «иное»... Непзвѣстно, откуда почерпнулъ г-нъ Ал—скiй свои свидѣнiя, но только они не вѣрны, и я рѣшаюсь въ свою очередь ихъ исправить на основанiи свидѣнiй, полученныхъ отъ Л. О. Линевица, котораго П. Ал—скiй называетъ «счастливымъ антикваріемъ, приобретшимъ у кою-то (?) изъ потомковъ Троицнскаго историческое бюро сравнительно за безцѣнокъ»... Г-ну Линевицу не было никакой надобности обращаться для покупки бюро «къ кому-то изъ потомковъ Троицнскаго» (которому, по увѣренiю г. Ал—скаго, императрица Екатерина, будто бы, подарила это бюро), такъ какъ онъ купилъ все имѣние Ляличи съ домомъ и всею находящеюся въ немъ драгоцѣнною движимостью отъ гвардiи ротмистра Атрыганьева. Въ числѣ движимости находилось и это самое большое бюро, которое и было, затѣмъ продано г. Линевицемъ парижскому банкиру Ротшильду; но «за баснословную ли сумму», какъ узналъ П. Ал—скiй, пошло это историческое и рѣдкостное бюро, или за обыкновенную,—этого я не знаю, и до исторiи это не относится.

У Д. П. Троицнскаго же имѣлось лишь малое бюро, маркетри же съ нѣсколькими бронзовыми украшениями работы Гутьера, но безъ фарфоровыхъ медальоновъ Вуше. Это небольшое бюро, равно какъ и шкафъ, принадлежавшіе королевѣ же Марин-Антуанеттѣ и имѣвшіе ея вензель, были тоже куплены г. Линевицемъ въ бывшемъ имѣнiи Троицнскаго. Шкафъ королевы, работы маркетри же (мозаика изъ дерева), находится и по сіе время у г. Линевица.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

ОСАДА СТРА

(Braves gens. Strassbour)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢ

ИЗЪ ВРЕМЕНИЪ ФРАНКО-ГЕРМА

ПОЛЯ и ВИКТОРА МАР

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСК

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВ
1902

I.

И ОДНОТЪ! — воскликнулъ свѣ Ансбергъ, бывшій главныи никъ Страсбурга:—не скаж что прусскіе офицеры лучи Онъ самоувѣренно выст его высокою черепѣ прекра косметикою волосы; его усы и эспаньол приданія имъ остроконечной формы. Это его бѣлаго жилета, бѣлыхъ штиблетъ и чернымъ панталонъ. Гордясь своей дружиномъ Пронъ, онъ охотно подражалъ осанкѣ. Будучи отставнымъ офицеромъ, ленинкомъ и убѣжденнымъ бонапартистомъ жила имперію, и, объявленная три недѣли наполнила его сердце гордостью и радостю. Германъ, — эльзасецъ и либералъ, крѣпкой бородой, немного тижеловатый отъ отъ пива,—печально отвѣчалъ:

— Да, нѣмецкіе офицеры выше насъ образованы и подготовлены уже давно; по свое призваніе и надменно повелѣваютъ дисциплинѣ, въ командованіи, въ организаціи дѣла. Повѣрьте мнѣ, я говорю дѣла.

Горечь обнаружилась въ его послѣдній лѣтъ тому назадъ, прежде чѣмъ выйти изъ тихгеймскихъ ситцевъ, оставивъ се комм

на бракъ своей дочери, Эдели, съ баденскимъ офицеромъ, поручикомъ Гаффнеромъ. Она находилась у нихъ со своимъ маленькимъ сыномъ, Генрихомъ, когда грянулъ громъ войны между двумя народами. Она осталась у нихъ лишь столько времени, чтобы успѣть застегнуть пряжки своего чемодана, и уѣхала. У Гермата, какъ и у многихъ его соотечественниковъ, былъ трауръ; въ каждой семьѣ были французскіе и нѣмецкіе родственники. Городъ ученыхъ и студентовъ, Страсбургъ былъ какъ бы мостомъ, перекинутымъ между двумя странами, союзомъ цивилизаціи для обмена новыхъ идей и полезныхъ приобретений. Тамъ говорили по-нѣмецки, но думали по-французски. Невзирая на религіозную и политическую разницу, все жили въ единомысліи въ прекрасномъ и добромъ Эльзасѣ. Но вотъ каждый очагъ раздѣлился, проснулась расовая вражда: отшатнутельная война перевернула вверхъ дномъ совѣсть и взволновала души.

Свысока и строго Ансбергъ возразилъ Гермату:

— Вы говорите, не какъ патріотъ. Я видѣлъ на нашихъ Брелійскихъ гласисахъ изумительное сборище нашихъ военныхъ силъ: тюркосовъ, кирасировъ, зуавовъ, всѣхъ этихъ опьяненныхъ живостью и весельемъ офицеровъ; я отвѣчаю за ихъ рыцарскую доблесть и говорю: вы клеветаете на нихъ!

Герматъ возмущился: онъ клеветаетъ на армію!... Развѣ это была клевета, что его оскорбило легкомысліе и шумная беззаботность офицеровъ, мундиръ которыхъ онъ уважаетъ? Развѣ онъ не видалъ ихъ рисующимися за кофейными столиками, смѣющимися съ сидѣлками въ кокетливыхъ костюмахъ и дѣлающими изъ войны увеселеніе? А какое невѣжество? Одинъ полковникъ спросилъ его съ непринужденнымъ видомъ: «Не правда ли, Гатенау и Виссембургъ — нѣмецкіе города?» А плачевная организація войска, которое ищетъ свои казармы и не находитъ, выпрашивая хлѣба на улицахъ! Развѣ онъ самъ не помѣщалъ у себя солдатъ десятками? А когда подъ звуки трубъ отправлялся полкъ съ ружьями на плечо, не слѣдилъ ли онъ за слабостью наличнаго состава и небрежностью осанки? Развѣ замѣчать то, что колетъ глазъ, значитъ быть дурнымъ патріотомъ? Обо всемъ этомъ онъ хотѣлъ закричать, но къ чему разжигать споръ? Его жена бросала на него умоляющіе взгляды, и онъ продолжалъ молчать.

Поддерживаемый вызывающимъ видомъ г-жи Ансбергъ и скрытнымъ одобреніемъ Стумпфовъ, бѣдныхъ родственниковъ, которыхъ Гермата пригласили изъ доброты, — Ансбергъ бросилъ взглядъ, полный гнѣвнаго триумфа, вокругъ стола. Маленькій Карлъ Герматъ, сидѣвшій съ Нозми на другомъ концѣ стола, замѣтилъ, что красная шея «старога друга» вздувалась, какъ у индѣйки зобъ, и удивился, что не слышитъ звуковъ: «глю! глю! глю!»

Въ этотъ моментъ Ансбергъ считалъ себя лучшимъ французомъ, чѣмъ кто либо другой; его искренній, но узкій шовинизмъ видѣлъ въ самыхъ робкихъ оговоркахъ, самыхъ легкихъ возраженіяхъ оскорбленіе величія страны и стойкости образа государственнаго правленія.

Обладалъ деспотическимъ и пылкимъ правомъ, онъ хотѣлъ заткнуть рта своимъ возражателямъ. Онъ испытывалъ болѣзненное, почти озлобленное раздраженіе противъ своего стараго товарища. Въ немъ пробудились всѣ небольшіе недочеты, мелкая злоба, строгость сужденія, какіе могутъ накопиться и при самой искренней дружбѣ.

Въ продолженіе послѣдовавшаго безпокойнаго молчанія двѣ служанки, Гретхенъ и Ганна, подали золотистыхъ пулярокъ, фаршированныхъ печенками и яичнымъ желткомъ,—торжество поварихи Гертруды. Съ пылающими щечками и съ чепчикомъ, сбившимся на сторону, съ самой вари она слѣдила за слегка кипящими кастрюлями, такъ какъ это была первая суббота въ мѣсяцѣ—день, въ который, съ давнихъ поръ, при первомъ ударѣ одиннадцати часовъ, звонили у рѣшетки дома Герматовъ—Ансберги, пасторъ Готгусъ и адвокатъ Вольфартъ. Этотъ день былъ праздникомъ у Герматовъ. Они питали культъ къ дружбѣ, и хорошій приемъ былъ одинъ изъ его обрядовъ; они любили попотчевать своихъ гостей тонкими блюдами и рѣдкими винами. Дѣйствительно, Гертруда превзошла самоё себя: душистая лососнина, орошенная рюдегеймеромъ, предшествовала поджареннымъ свинымъ хвостамъ, хрустѣвшимъ на зубахъ,—истинное наслажденіе. Такова была сила привычки, что, несмотря на висѣвшее въ воздухѣ безпокойство и на грозные раскаты сраженія, которое давалъ Макъ-Магонъ въ тотъ самый часъ, въ сторонѣ Гагенау,—они съ удовольствіемъ вкушали всѣ эти прелести.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что маршалъ отомститъ за неудачу, смерть генерала Дуэ и уничтоженіе дивизіи въ Виссембургѣ, захваченной корпусомъ королевскаго принца.

Вчера неутѣнные крестьяне, требовавшіе докторовъ къ раненымъ, принесли это извѣстіе. Сначала имъ не хотѣли вѣрить. Этотъ первый несчастный переворотъ въ судьбѣ своимъ похороннымъ звономъ взволновалъ весь Страсбургъ. Волненіе отъ этого впечатлѣнія еще не улеглось; оно дѣлало разговоръ лихорадочнымъ. Многие видѣли въ томъ плачевное предзнаменованіе, другіе—несчастіе, которое на другой день потребуеъ реванша. Разсчитывали на Маджентскаго побѣдителя и героя битвы при Малаховѣ. Своимъ краснымъ, грубымъ лицомъ и сѣдыми волосами маршалъ внушалъ къ себѣ довѣріе, но такое потрясеніе натягивало нервы и сильно возбуждало страсти. За этимъ столомъ, гдѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ споры оставались учтивыми, теперь два раза поднимались

жестокія препирательства—что-то треснуло въ стариной дружбѣ Ансберговъ. Такъ было въ каждомъ домѣ Страсбурга: партизаны войны и мира, протестанты и католики, преторіанцы и либералы находились на пожахъ.

Пасторъ Готтусъ, съ грубымъ краснымъ лицомъ, съ толстымъ луковницеобразнымъ носомъ между свѣтлыми глазами, честный человѣкъ, любившій говорить напрямикъ, заявилъ:

— Сохранимъ себя отъ гордости! Это большой недостатокъ нашего брата, француза. Я вижу, дорогой Ансбергъ, что вы не знаете Германіи.

— Я кичусь этимъ,—отвѣчалъ Ансбергъ.

— Слѣдовательно, какъ же вы можете о ней судить? Нравственный уровень нашихъ сосѣдей несравненно выше нашего: тамъ живетъ народъ сильный, упорный. Германія господствуетъ надъ нами не только своими учеными, знающими и начитанными людьми, но и тѣмъ, что въ каждой семьѣ, даже самой неразвитой, царствуетъ нѣмецкое чувство, состоящее изъ любви къ общей родинѣ и религіознаго идеала, котораго мы не вѣдаемъ. Нанна Франція, праздная, развратная, алчная до наслажденій, выродилась, и я прошу Бога военныхъ силъ, чтобы онъ не положилъ на нее ужасной кары.

— Г-нъ пасторъ (обыкновенно Ансбергъ говорилъ: мой дорогой Готтусъ, или: мой уважаемый другъ), это не французскія чувства.

— Не французскія!—воскликнулъ побагровѣвъ Готтусъ.—Нѣтъ, право, лучше не спорить въ такомъ тонѣ.

Молодой Андрэ Герматъ, только что окончившій курсъ юридическаго факультета, и на котораго съ дѣтства смотрѣли, какъ на жениха Элизы Ансбергъ, поднялъ свои красивые глаза на молодую дѣвушку. Онъ обладалъ болѣзненной впечатлительностью и страдалъ, слыша, что эти существа, которыхъ связывало столько воспоминаній сердечнаго согласія и уваженія, такъ говорили. Но Элиза, также безпокоясь въ этой атмосферѣ, насыщенной электричествомъ, повернувъ свое маленькое, нѣжное личико, разсматривала между полузакрытыми ставнями, желобками тянувшейся тѣни и лучами солнца, столѣтнее каштановое дерево, вѣтви котораго попадали почти въ комнату. Обыкновенно его листья, какъ бы громадное гнѣздо, трепетала отъ крыльевъ и пѣнія птицъ; теперь ни одинъ листъ не колыхался; сожженная земля, засохшіе трава и цвѣты издавали терпкое благоуханіе. Андрэ и Элиза инстинктивно боялись какойнибудь непредвидѣнной неожиданности. Ихъ нѣжнымъ чувствамъ угрожала опасность. При ихъ давней и полной увѣренности въ безопасности имъ казалось это необычнымъ.

Старый домъ и старый садъ былъ дѣйствительно, въ ихъ глазахъ, оазисомъ мира, тишины и счастья. Уже такъ давно они знали въ немъ всѣ закоулки. Сколько разъ они завтракали, какъ сегодня, въ этой высокой и широкой столовой, со стѣнами, украшен-

ными лѣпной работой, медальонами, дверьми съ матово-золочеными сѣтчатыми карнизами, съ китайскимъ фарфоромъ на стѣнахъ, съ мебелью въ стилѣ Ампиръ, свидѣтельствовавшими о семейныхъ традиціяхъ солиднаго и прочнаго комфорта. Каждой предметъ обстановки старѣясь гармонировать и, раздѣляя въ ежедневной жизни живыхъ существъ появившіяся радости и горе, мало-по-малу воодушевлялся и дѣлался самъ какъ бы живымъ. Также и въ душѣ Элизы и Андрэ любовь настолько естественно и глубоко увеличилась, что они даже ея не чувствовали, такъ какъ она проникла въ нихъ и составила часть ихъ самихъ, какъ воздухъ, который они вдыхали, и каждый жестъ, къ которому они привыкли. Никогда они не говорили, что любятъ другъ друга, но ихъ улыбка, ихъ взглядъ, интонація голоса сливались между собою чрезъ таинственное сходство характеровъ и невидимую нить чистой, простой и сильной любви.

Вольфартъ, съ густою гривой волосъ и бородой, остриженной подъ гребенку, дѣлавшими его похожимъ на сѣраго ежа, съ однимъ изъ тѣхъ движеній плечъ, которымъ онъ привыкъ поправлять свою тогу въ судѣ, сказалъ умиротворяющимъ тономъ:

— Очевидно, такой тактикѣ, какъ Макъ-Магонъ, всегда дѣйствующій неожиданно, виушаетъ довѣріе. Однако, мнѣ кажется, что не принимаютъ въ соображеніе стратегической позиціи Страсбурга. Это—ключъ Эльзаса. Объ этомъ забыли. Почему не займемъ мы Кэль, какъ наши отцы въ 1814 и 1815 годахъ? Захвативъ Рейнгъ, мы угрожали бы великому герцогству. Развѣ потому, что въ своемъ глупомъ ваидализмѣ баденцы взорвали мостъ? Развѣ у насъ на мласисахъ нѣтъ для перехода рѣки приготовленныхъ понтоновъ? Только думаютъ ли о возможности блокады? Насъ оставили безъ гарнизона. Осадное положеніе объявлено; у насъ новый губернаторъ, генераль Урихъ. Но солдаты, пушки?.. Наши валы—сады и мурава, поясъ военныхъ операцій покрытъ домами и деревьями. Развѣ это, спрашиваю я, серьезныя приготовленія?

— Вы тоже, Вольфартъ,—воскликнула г-жа Ансбергъ, у которой былъ длинный носъ и рѣзкій голосъ,—вы также дрожите?

Но Ансбергъ прервалъ:

— Какое обвиненіе, дорогой юристъ! Какимъ были бы вы генераль-прокуроромъ, если бы не были Цицерономъ адвокатуры! Но вы и въ самомъ дѣлѣ воображаете, что Страсбургу будетъ угрожать опасность? Это мы, съ блиндированными канонерками генерала Эксельмана, отираемся бомбардировать укрѣпленные города Рейна. Макъ-Магонъ теперь разгромитъ нѣмецкую армію. Сегодня вечеромъ мы устроимъ иллюминацію... въ угрожаемомъ опасностью Страсбургѣ! Нѣтъ, это презабавно!

Насколько идея показалась Ансбергу нелѣпой и неслыханной, что онъ разразился хохотомъ. Его жена вторила ему, а Сгумпфы смѣялись исподтишка.

— Почему надъ этимъ смѣются?—спросила Ноэми тихонько у Карла.

Это была крестница г-жи Герматъ—сирота, воспитывавшаяся въ пансіонѣ «Сестеръ»—худенькая, съжившаяся и зябкая дѣвочка, про которую можно было бы сказать: «хорошая птичка на сѣдѣніе конскѣ»; но это была миленькая, трогательная птичка. Отъ времени до времени ее приглашали, чтобы дать ей хорошо позавтракать. Ея мать была кормилицей Карла, и казалось, что розовый, толстоцекаій мальчикъ взялъ себѣ все молоко, не оставивъ ничего дѣвочкѣ. Онъ покровительствовалъ ей своей дружбой и повелительно распредѣлялъ игры. Карлъ отвѣтилъ ей:

— Они смѣются, потому что будутъ кушать «гуглофъ».

И, довольный своимъ объясненіемъ, онъ углубился въ созерцаніе пышнаго пирога и сопровождающихъ его сливокъ, не видя, какъ мать глазами запрещала ему класть локти на столъ, и, еще менѣе замѣчая, какъ дядя Ансельмъ падали улыбался ему.

Старшій братъ Гермата, старый холостякъ, слылъ за оригинала, благодаря своей превосходной чистотѣ души. Кромѣ своихъ и Карла, котораго онъ баловалъ до крайности, онъ любилъ только свои бездѣлушки, скрипку и бѣдныхъ. Во второмъ этажѣ дома онъ собралъ настоящій музей изъ закопченныхъ картинъ, деревянныхъ, рѣзныхъ бауловъ, маленькихъ фарфоровыхъ фигурокъ и старыхъ ковровъ, стовпныхъ, повидимому, очень дорого, но за которые Карлъ не далъ бы одного крейцера; относительно ихъ дядя Ансельмъ рассказывалъ неистинныя исторіи. Круглолицый, съ гладкими волосами, раздѣленными по срединѣ проборомъ, съ забавно разсыяннымъ, порою, видомъ, дядя Ансельмъ былъ наставникомъ Карла относительно предметовъ таинственнаго міра; онъ наполнилъ воображеніе ребенка таинственными и страшными баснями и раскрылъ подземелья—его грезамъ, изумленію и страху. Часто ночью въ своей кровати Карлъ садился на постель и недоумчиво изслѣдовалъ тѣни: то это былъ горбатый гномъ, проскользнувшій подъ комодъ, то Лорелея, выкупавшись въ зеленомъ Рейнѣ, тянулась на лунный лучъ... Но въ данный моментъ Карлъ не думалъ ни о рассказахъ дяди, ни о войнахъ, ни о поддразниваніяхъ Ноэми, щекотавшей своей вилкой его ладонь, онъ мечталъ только о «гуглофѣ» и о кускѣ, который ему отрѣзывали.

Но что же случилось? Роздали сладкій пирогъ съ миротворной справедливостью, однако споръ сталъ еще болѣе ѣдкимъ. На этотъ разъ Гумблотъ раздулъ бурю. Карлъ проклиналъ этотъ шумъ, произведенный мужчинами; женщины, по крайней мѣрѣ, держались спокойнѣе. Г-жа Готтусъ, добродѣтельная особа, тихая, какъ овечка, съ которой она имѣла большое сходство своей удлиненной челюстью, смотрѣла въ тарелку; двоюродная сестра, Стумпфъ, очень жиню вращала глазами, какъ будто она хотѣла поделунать каждому ра-

зомъ, а толстая г-жа Гумблотъ тяжело дышала отъ астмы; что касается до г-жи Гермагъ, ей было достаточно дѣла—наблюдать за прислугой, слѣдить за разговоромъ и обмѣниваться съ мужемъ озбоченными взглядами.

Гумблотъ, тихій человекъ, несмотря на свои грозные усы, очень оживленно кричалъ:

— Вѣдь я повторяю вамъ, что великое герцогство пусто! Заводы болѣе не работаютъ, крестьяне переселились, баденскія войска покинули границы: настолько великъ страхъ, который мы внушаемъ имъ. Въ данный моментъ говорить объ иномъ, чѣмъ побѣда, было бы вѣроломствомъ. Надо благословлять эту войну, которая сдѣлаетъ Францію еще болѣе великой.

— Не надо благословлять войны! — сказалъ сурово Готтусъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Гермагъ, — война—беззаконіе, преступленіе! Это гнусность! Я подписалъ негицію императору противъ войны. Благословлять ее!.. Какъ можете вы говорить такую вещь, Гумблотъ, вы, не бравшій никогда въ руки ружья, даже чтобы убить зайца! Вы очевидно не знаете, что означаютъ эти ужасныя слова: сожженные жатны, расхищенные деревни, быстрыя экзекуціи, грабежъ, смертоубійство въ частности и большая рѣзня въ общемъ. Подумайте о томъ, что такое поле сраженія, и горе матерей!

— Теперь не время оспаривать войну: разливъ вино, надо его выпить.

— Да, вы его разлили, — возразилъ Гермагъ съ отчаяніемъ: — вы разлили не вино, а кровь. Вы причинили наше несчастіе. Не очень этимъ гордитесь!

Стумифъ, съ лицомъ, походившимъ на мордочку сладенькой ласочки, воскликнулъ фальцетомъ:

— Но, братецъ, ты хорошо знаешь, что Вильгельмъ напалъ на Бенедетти и закричалъ ему: «Вонъ! Вонъ!»

— Я этого не слышалъ, — отвѣтилъ Гермагъ: — я не обязанъ тебѣ вѣрить.

— Вотъ до чего мы дошли! — воскликнулъ Ансбергъ. — Могли ли мы ожидать, что получимъ ударъ съ тыла? Вудто эти люди не вызвали насъ всевозможнымъ образомъ.

— Тогда мы очень наивны, понавъ въ сѣти, — возразилъ Гермагъ. — Развѣ вы дѣти? Вы, старые страсбургцы, развѣ вы не знаете, что Эльзасъ—ставка въ этой нелѣпой войнѣ? Развѣ вы не чувствуете, что мы заплатимъ выкупъ? Значитъ, мысль сдѣлаться пруссаками силою побѣды не производитъ на васъ впечатлѣній?

Поднялась суматоха; стали съ шумомъ возражать.

— Пойдите! — кричалъ Ансбергъ.

— Молчите! — умолялъ Гумблотъ...

Производительные голоса ихъ женъ и Стумифа протестовали:

— Нѣтъ, никогда! Какая мысль! Пруссаки!.. Не слѣдуетъ говорить подобныхъ вещей!.. О братецъ!

Но Герматъ выходилъ изъ себя, возвышая голосъ:

— А! Не надо этого говорить! Правда деретъ уши! Ну, такъ хорошо, вы ее услышите? Гдѣ же ваши иллюзии? Вы говорили, что Пруссія пойдетъ одна, а Германія подымается. Вы говорили: «у насъ будутъ союзники». Гдѣ же они? Покажите мнѣ ихъ! Въ Мюнхенѣ и Штуттартѣ университеты и гимназии опустѣли въ одно мгновѣнiе: тысячи студентовъ предложили себя волонтерами. Это народное движенiе непреодолимо. Ну, вы знаете, однако, какъ и я, что Пруссія хочетъ Страсбурга, добивается Меца и расчлененiя Франціи. Какъ и я, вы получали и получаете ежедневно изъ Германiи письма, которыя не оставляютъ вамъ никакого сомнѣнiя...

— Только не я!—поправилъ Ансбергъ, поселившійся въ странѣ около двадцати лѣтъ.—Благодаря Бога, я знаю только французовъ!

— Но, эльзасцы—отъ отца къ сыну, но вы, пасторъ, и вы, Гумблотъ, и ты, Стумпфъ, вѣдь вы знаете, что я говорю правду. Намъ пинуть: «Мы посвятимъ все, чтобы положить конецъ безпрестаннымъ угрозамъ французовъ. Мы все пустимъ въ ходъ, мы положимъ до послѣдняго нашего талера, до послѣдняго нашего сына, но мы возвратимъ себѣ Эльзасъ и Лотарингію, чтобы защитить наши границы!» Моя дочь, Эдель, французенка сердцемъ, однако, объявила мнѣ о силѣ любви къ своей новой семьѣ, ко всѣмъ тѣмъ, кого она видѣла и слышала. Она считаетъ уже Страсбургъ возвратившимся къ «великой общей родинѣ». Даже дѣти... да вотъ мой внучъ Генрихъ писалъ Карлу: «До свиданiя, дядюшка, и до скорого! Мы возвратимся въ Страсбургъ съ солдатами и хорошо повеселимся вмѣстѣ, когда ты будешь такъ же нѣмецъ, какъ и я». Благословляйте теперь войну, которая порождаетъ подобныя чудовищности!

— Ну, такъ,—воскликнулъ съ бѣшенствомъ Ансбергъ,—ваши слова доказываютъ, что въ Эльзасѣ нѣчто сгнило. Прикосновенiе границы испортило лучшую совѣсть. Вотъ результаты компромиссовъ, союзовъ и дружбы: ослабленiе характера и упадокъ сердца. Однимъ словомъ, знаете ли вы, какъ это называется? О! совѣсьмъ не французское слово:—«трусость». Вы боитесь, боитесь сражаться!

— Ансбергъ, вы мой гость и самый старый другъ,—сказалъ Герматъ дрожащимъ голосомъ:—вы не имѣете права такъ со мною говорить.

— Я имѣю право! Да, я обязанъ. Ваши чувства не достойны истиннаго страсбургца!—воскликнулъ Ансбергъ.

— Ансбергъ!

— Тотъ, кто сомнѣвается въ своей странѣ, ранить во мнѣ священные фибры, тотъ, кто вѣритъ болѣе въ непріятеля, чѣмъ во Францію, жестоко оскорбляетъ меня. Побѣда нашей арміи и тор-

жество имперіи будетъ вамъ карою! Не называйте меня болѣе вашимъ другомъ; это кончено! Вашимъ гостемъ я болѣе никогда не буду!

Онъ поднялся, бросивъ свою салфетку; Гермать—тоже. Въ эту минуту смятенія стулья попадали; дамы издавали восклицанія. Дойдетъ ли дѣло до драки? Выѣхался пасторъ Готтусъ.

— Друзья мои,—сказалъ онъ,—изъ любви къ Богу, именемъ патриотизма, который васъ воодушевляетъ, забудьте это недоразумѣніе. Ансбергъ, Гермать, подайте другъ другу руки!

Но Ансбергъ не хотѣлъ ничего слышать.

— Прощайте! Иди, жена! иди, Элиза!

Андрэ всталъ и сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ хромалъ съ дѣтства, и этотъ недугъ былъ для него жестокимъ униженіемъ. Высокомѣріе Ансберга возмущало его, а мысль потерять Элизу взволновала. Поблѣднѣвъ, онъ пробормоталъ.

— Элиза, не уходите! Элиза, не сердитесь!

Но, потерявъ голову, она, казалось, не слышала его; ея мать увлекала ее за собою; тщетно Вольфартъ и Готтусъ старались его удержать. Ансбергъ удалился въ сопровожденіи Гумблота, затѣмъ Стумпфовъ, рѣшившихся, какъ сказали они, уговорить его и привести обратно.

Карлъ забылъ отъ изумленія свой кусокъ «гуглофа»; испуганная Ноэми, казалось, была готова расплакаться. Г-жа Гермать съ нѣжной твердостью оперлась на плечо мужа, на котораго нѣжно смотрѣлъ дядя Ансельмъ. Гермать взглянулъ на Вольфарта, потомъ на Готтуса. Пасторъ протянулъ ему съ жаромъ руки, сказавъ:

— Мой старый другъ!

И прибавилъ:

— Простите ихъ: они не знаютъ, что творять!..

II.

Однако сраженіе все продолжалось, и глухой шумъ достигалъ до города съ порывомъ вѣтра. Страсбургъ переполненъ былъ любопытными, журналистами, родителями и друзьями офицеровъ, спокойно ожидавшими военныхъ извѣстій. Жители, вышедшіе изъ города на двѣ мили, вернулись съ веселыми лицами: неожиданное нападеніе Макъ-Магона, утверждали они, имѣло успѣхъ. Фальи, спустившись съ Витча, напалъ съ фланга на нѣмцевъ, заманенныхъ въ Гатенаускій лѣсъ. Таможенные вернулись съ развѣдокъ: громъ пушекъ удалялся въ сторону Виссембурга. Пробѣжала дрожь побѣды: королевскій принцъ убитъ, его армія взята въ плѣнъ!

— Давай Богъ!—думалъ Гермать. Безпокойство принудило его выйти изъ дома. Сопровождаемый Вольфартомъ, онъ испыталъ всѣ волненія, свирѣпствовавшія въ городѣ. Многія лица ему были зна-

комы, и онъ могъ прочитатъ на нихъ отраженіе своихъ собствен-
ныхъ чувствъ. Онъ молча шелъ съ тяжелымъ сердцемъ. Одна по-
бѣда могла усладить горечь, разлившуюся въ немъ. Подъ его спо-
койной личиной, въ которой практической смыслъ соединялся съ
добродушіемъ, скрывался нѣжный человѣкъ, вѣрный въ своихъ
привязанностяхъ и укоренившійся въ своихъ привычкахъ. Его
ссора съ Ансбергомъ причинила ему ужасную печаль, это его воз-
буждало, какъ жестокая зубная боль, какъ мучительный глубо-
кій ожогъ. Онъ страдалъ тѣломъ и душою. Такая старинная
дружба! Напрасно онъ повторялъ себѣ, что Ансбергъ, грубый,
восторженный человѣкъ, часто не хотѣлъ его признавать, не хо-
рошо понималъ, что въ ихъ привязанности онъ, Герматъ, давалъ
болѣе, чѣмъ получалъ; это его не утѣшало, но лишь усиливало
злобу, оставшуюся отъ сдѣланной ему несправедливости. До чего
дошло дѣло!... До такой степени Ансбергъ довелъ оскорбленіе,
что за собственнымъ столомъ Гермата, нарушая этимъ тихое обще-
ніе за хлѣбомъ-солью, онъ покинулъ его съ такимъ неприличіемъ
и грубой вспышкой! Нѣтъ, онъ никогда не будетъ въ состояніи про-
стить Ансберга; въ данную минуту Герматъ ненавидѣлъ его за та-
кое ослѣпленіе и жестокость. Затѣмъ онъ вдругъ, представлялъ его
себѣ раскаявшимся, съ влажными глазами, протянутыми руками,
какъ въ добрые дни, послѣ грубыхъ споровъ... Но, нѣтъ, въ ихъ
словахъ прозвучало что-то непоправимое и надломилось при звукѣ
захлопнувшейся двери. Это былъ конецъ. Сколько бы онъ ни раз-
суждалъ, его гордости не удалось бы заглушить такъ долго дѣ-
вующую любовь. Онъ болѣе страдалъ, чѣмъ возмущался противъ
нелѣпаго окончанія двадцатилѣтней дружбы!

Но даже въ этой неожиданности была вся возмутительная сто-
рона катастрофы, и результатъ—ея недовѣріе. Полно! Это мечта!
Какъ, Ансбергъ не придетъ въ субботу завтракать? Онъ не развер-
нетъ своей салфетки, не засунетъ, своимъ обычнымъ жестомъ, ея
кончикъ за жилетъ и не скажетъ съ видомъ превосходства, при-
нимая важную осанку: «Посмотримъ, что-то Гертруда намъ прибе-
рела на сегодня?»—счастливый, какъ ребенокъ,—старый ребенокъ!—
А если г-жа Герматъ отвѣчала: «Будутъ бараньи языки съ шоръ
изъ овецъ, какъ вы любите», или: «Будутъ угри, поджаренные въ
тѣстѣ по-эльзасски», — то онъ восклицалъ: «Право, только здѣсь
умѣютъ хорошо покушать. Никогда у себя я не ѣмъ такой преле-
сти!» Между тѣмъ его жена, нѣсколько раздосадованная, принужденно
смилялась... Полно, это было невозможно. Эти дорогія для Гермата
привычки Ансберга, не менѣе любившій ихъ, разбилъ изъ-за выска-
заннаго личнаго сужденія. Можетъ ли до такой степени ослѣплять
честныхъ людей политическая страсть? Не было ли чего другого,
клеветы, чьего нибудь вліянія? Не жены ли Ансберга—тщеславной
до излишества женщины, которую скандализировать ихъ простота,

въ особенности г-жи Герматъ: женщины часто скрываютъ подъ улыбками свою неприязнь? Не было ли это вліяніе префекта, привыкшаго къ официальной лжи и къ избирательной практикѣ? Конечно, только что вспыхнувшее недоразумѣніе зародилось не со вчерашняго дня; оно ежедневно возрастало. Печально чувствовать, какъ расходится умы, доказать свою невозможность убѣдить, видѣть, какъ слова становятся ѣдкими, и сердце охлаждается въ тѣ годы, когда, именно, дружба должно становиться устойчивѣе, закрѣпленная прошедшимъ, опытомъ и доказательствами.

Но Гермата еще укололо—онъ не давалъ себѣ въ этомъ отчета—сознаніе, что исчезнувшее не возвратится болѣе и не замѣнится: въ его жизни останется пробѣлъ, пустое мѣсто отъ вырванной съ корнемъ живой любви. Если Ансбергъ отъ этого не страдаетъ, тѣмъ лучше для него. Герматъ же испытывалъ страшныя терзанія. Это было довершеніемъ всего, что въ продолженіе цѣлыхъ недѣль тревожило и сокрушало его: предвидѣніе будущаго и родительское горе. Мысль, что честный Людвигъ Гаффнеръ со всѣмъ не дурной человѣкъ, сдѣлавшійся по волѣ рока ихъ непріателемъ, могъ съ обнаженной саблей встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Андрэ, если бы бѣдный мальчикъ могъ служить со своей больной ногой въ волонтерахъ; мысль, что Эдель не могла желать успѣха ни прежней ни новой родинѣ, потому что побѣда одной требовала гибели другой,—вотъ что было его неутѣшнымъ горемъ. Однако онъ, по совѣсти, не могъ сожалѣть о замужествѣ дочери, потому что она была счастлива, найдя любовь, богатство и превосходныхъ свекра и свекровь; надо сознаться, что всѣ эти Гаффнеры были «сливками человѣчества». И онъ снова видѣлъ ихъ добрый пріемъ и прояснившіяся лица. Его разсудокъ и совѣсть возмутились, когда онъ сказалъ себѣ, что теперь приходится ненавидѣть другъ друга, между тѣмъ какъ вчера обнимались.

Внезапно воспоминаніе о дочери напомнило ему о сыновьяхъ; онъ предвидѣлъ новое разрушеніе его плановъ: предполагаемый бракъ Андрэ съ Элизой уничтожился... Полно, но если они любили другъ друга?... Еще дѣтьми ихъ называли маленькимъ мужемъ и маленькой женой. Неужели они будутъ страдать по ошибкѣ Ансберговъ? Они, невинные, были бы несправедливо принесены въ жертву. Такъ какъ онъ любилъ иѣжно Андрэ и Элизу, то такая мысль ему была ненавистна. Нѣтъ, это слишкомъ глупо, это его возмущало... Надвигалась гроза; буря, уносящая людей, дома и деревья въ шквалѣ гранатъ и пуль, огненный вихрь пожара — тяготѣли надъ нимъ, удручали его трагическимъ, невѣдомымъ будущимъ. Боже мой, лишь бы Макъ-Магонъ выигралъ сраженіе!

Эти размышленія возвращались къ нему безпрестанно, оканчиваясь сомнѣніемъ, какъ въ центрѣ темнаго лабиринта.

— Ахъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ Вольфарту, молчаливо идущему около него, — это сильнѣ меня, тоска сжимаетъ мнѣ сердце.

Онъ окинулъ взглядомъ улицу, по которой они шли: она вела въ предмѣстье къ воротамъ Петра. Не было тротуара, не было моста и переулка, къ которому они не привыкли. Прекрасное вечернее солнце, дышащее теплотою блестящаго августа, омывало своими лучами верхушки домовъ изъ рѣзнаго дерева, памятники изъ краснаго песчаника съ почернѣвшими жилками, старинныя жилища, приближавшіяся другъ къ другу подпорками своихъ бурыхъ срубовъ, съ этажами не по отвѣсной линіи, большими розовыми крышами, съ слуховыми окнами и зубчатыми шпицами. Зеленоватая вода каналовъ, образовавшихъ какъ бы рукава рѣки Илля, искрилась и сверкала. Лучи свѣта проникали черезъ листву столбѣтнихъ садовъ. Въ оградѣ своихъ валовъ, построенныхъ Вобаномъ, своихъ бастіоновъ, воротъ, изъ которыхъ часть была вооружена башнями, — Страсбургъ сохранилъ, съ своей пяти-угольной цитаделью и обширнымъ арсеналомъ, средневѣковую суровость и мрачность. Этотъ городъ, съ его соборомъ, храмами, музеями, площадями, старыми домами XVII и XVIII вѣковъ, мощеными улицами, мельницами и арсеналами, прелестью его стѣнъ и теряющейсѣ вдали мягкостью его водъ, съ мертвой жизнью прежнихъ лѣтъ и оживленнымъ движеніемъ новыхъ улицъ, съ богатствомъ и славой его прошедшаго и съ торжественной простотой его настоящаго, — походилъ сегодня на праздничный городъ и на проснувшійся улей подъ голубымъ небомъ. Герматъ пришелъ въ умиленіе отъ этой картины, и въ его сердцѣ и на губахъ появились слова старинной народной пѣсни:

O Strassburg, Strassburg,
Du, wunderschöne Stadt!
O Страсбургъ, чудный городъ!

Его мысль миновала ворота, перенеслась чрезъ массу зелени, широкія аллеи, лужки, мѣста сельскихъ прогулокъ: Контадъ и Роберстау, а также экскурсіи въ Келъ и гостиницу подъ вывѣской «Лососина», гдѣ ѣдятъ устрицъ и пьютъ свѣжее пиво. Онъ снова увидѣлъ широкую долину, обширную, открытую, плоскую мѣстность, усѣянную деревьями, покрытую жатвами и хмельникомъ, колѣно Рейна, вдали темныя вершины Шварцвальда, Альпъ и Вогезъ; здѣсь—Германія, тамъ—Швейцарія, а подъ его ногами французская земля, входъ въ которую защищала Страсбургъ. Стрижи летали въ уровень съ домами. Немытыя дѣти съ полными щечками прогуливались, весело смѣясь. Телѣга, нагруженная соломой, наполняла улицу сладковатымъ запахомъ. Пріятно было существовать, дышать, видѣть, чувствовать, слушать, наслаждаться всѣми порами тѣла,

тепломъ и прекрасной погодой... А приходилось думать только о рѣзнѣ: какой конмаръ!

Проходя мимо краснаго дома—пивной Кермера, они услышали, какъ маленькая дѣтская ручка постучала имъ въ окно.

— Смотрите,—сказалъ Вольфартъ:—это Карлъ и Ноэми.

Они сидѣли тамъ съ дядей Ансельмомъ за тяжелымъ деревяннымъ столомъ. Предъ нимъ стояла громадная кружка съ пивомъ, другая—поменьше, изъ которой поочередно пили дѣти. Карлъ находилъ восхитительнымъ это препровожденіе времени. Онъ упротсилъ дядю не отправлять Ноэми въ школу, утверждая, что для нея было хорошо еще погулять. Онъ и она были очень веселы и смѣялись, безъ всякой причины. Ансельмъ Гермать слушалъ ихъ болтовню, выпуская дымъ изъ своей трубки, прищуривая свои большіе съ неопредѣленнымъ выраженіемъ глаза. Вокругъ него спорили и ссорились: честные граждане были возбуждены, кто—противъ, кто — за правительство. Повсюду было одно и то же — на улицахъ и въ пивныхъ: тѣ же самыя ссоры, въ которыхъ французы и нѣмцы чередовались, прерывая споръ нѣмецкими «ја», «во», «неін». Жирная хохотунья Сузель, прислуга пивной, съ ямочками на шеѣ и громадными, бѣлыми, толстыми руками, проворно бѣгала въ этой суматохѣ. Ансельмъ, которому надоѣла политика, интересовался болѣе вздернутымъ носомъ Карла и блестящими глазами Ноэми. Вольфартъ, едва сѣвъ, заговорилъ; его слушали, потому что онъ хорошо говорилъ, и его краснорѣчіе создавало ему авторитетъ.

Одинъ гарнизонный офицеръ только-что объяснялъ тактику маршала: она состояла въ привлеченіи непріятели на избранное поле сраженія, послѣ чего его убивали въ западнѣ. Даже неудача подъ Виссембургомъ служила тому доказательствомъ. Дуэ, которому было поручено привлечь непріятели медленнымъ отступленіемъ, вышелъ съ ними на неравный бой. Но, волей-неволей, Гермать представилъ себѣ беззаботный отъѣздъ Макъ-Магона, покидавшаго Страсбургъ, послѣ своего завтрака, какъ будто его генераль не долженъ былъ драться въ этотъ самый часъ.

— Господа,—сказалъ офицеръ-энтузіастъ, подымая стаканъ,— за стараго Мадженскаго льва и за побѣду.

Въ эту минуту на улицѣ поднялась тревога; посѣтители пивной бросились къ окошку, нѣкоторые отъ нетерпѣнія, иные отъ безпокойства. На порогѣ толстая Сузель махала своими бѣлыми руками. Смутный, а потомъ болѣе опредѣленный говоръ, слышался изъ всѣхъ устъ. Вздволнованныя, блѣдныя лица толпились вокругъ всадника, который кричалъ:

— Измѣна! армія бѣжала, пруссаки идутъ!...

Откуда было извѣстіе, никто не зналъ. Но оно распространялось, отражаясь съ поразительной быстротой. Предмѣстья наполнялись

толпою. Страсбургцы бросились къ заставамъ; Герматъ и дядя Аксельмъ «въ странной тревогѣ» разспрашивали прохожихъ; Карлъ и Ноэми, прижавшись другъ къ другу, наслаждались своимъ страхомъ, который былъ для нихъ удовольствіемъ.

Что имъ сдѣлають пруссаки?... Они видѣли близко баденское войско во время ученій, и ихъ веселило созерцать, какъ солдаты подымали и опускали ноги, механически шагая, будто деревянные солдатки.

Внезапно показалась наемная карета, ѣхавшая галономъ къ дивизионному штабу: только и успѣли узнать сидящихъ въ ней комманданта и полковника понтонеровъ Фьева. За минуту предъ тѣмъ, они разсматривали горизонтъ въ подзорныя трубки, съ вала, близъ воротъ Петра, и затѣмъ поспѣшно спустились. Что могли они видѣть?

Женщины, съ испуганными лицами, удерживали обѣими руками своихъ мужей. Мрачный слухъ подтвердился: Максъ-Магонъ побитъ; пруссаки подъ стѣнами Страсбурга. Тамъ вдали колонна бѣглецовъ спускалась съ Гатенау. Потомъ поднялись крики: «На вокзалъ! везутъ раненыхъ». Раздался барабанъ, бившій тревогу: волонтеры бѣжали, ихъ грубые сапоги стучали по мостовой.

Герматы поспѣшили на вокзалъ; они прибыли къ платформѣ въ тотъ моментъ, когда поѣздъ съ двумя локомотивами остановился. Въ шести крытыхъ вагонахъ лежали распростертыми раненые. Кровь струилась по колесамъ. Въ этой массѣ томящихся тѣлъ то выдѣлялось странно блѣдное лицо, то сломанная рука протягивалась и упала, то раздавались вздохи.

Позади платформъ, въ длинномъ рядѣ вагоновъ, были свалены, словно скотъ, несчастные въ агоніи и мертвые. Въ толпѣ раздался крикъ ужаса и сѣтованія. Затѣмъ пронзительные возгласы женщинъ огласили воздухъ, раздался концертъ проклятій, на который отвѣчалъ вопль пѣхотнаго солдата, лицо котораго, изрытое рубцами, представляло сплошную рану.

Здѣсь видѣлись ужасная рана: тюркость, съ распоротымъ животомъ, поддерживалъ руками внутренности; у зуава вмѣсто обрубленныхъ рукъ торчали остатки плечъ, походившихъ на красныя эполеты.

— Уведи дѣтей, это ужасно!—сказалъ Герматъ.

Карлъ и Ноэми, хотя испугались, но отъ изумленія вцѣпились въ дядю Аксельма; они хотѣли все видѣть. Приблизились санитары съ ручными носилками, ослѣпительной бѣлизны. Крики женщинъ удвоились: онѣ бранили Наполеона и Вильгельма и требовали своихъ мужей и братьевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ безумнымъ видомъ, ломали себѣ руки, нныя плакали, поддерживая хромыхъ солдатъ. Наконецъ устроилось раздирающее душу шествіе черезъ улицы, переполненныя народомъ. Носилки побагровѣли отъ

крови, на некоторых из них прицвѣнились къ еще новому полотну обрывки мяса и осколки костей. Телѣтъ съ боѣни прѣшло въ больномъ количествѣ; мисники, казавшіеся громадными, въ своихъ розовыхъ, запятанныхъ кровью, блузахъ, уносили на рукахъ, какъ туши скота, это человѣческое мясо, безжизненное или трепещущее, еще согрѣтое жизнью или охлажденное смертью.

Гермать задѣлъ нечаянно Ансберга, избѣгавшаго смотрѣть на него. Съ важной осанкой послѣдній приблизился къ поручику тюроксовъ, распростертому на матрацѣ.

Но крайней мѣрѣ, побѣдители ли вы?—спросилъ онъ офицера.

Послѣдній отвѣтилъ суровымъ тономъ:

Если бы у насъ были генералы, мы не были бы здѣсь.

Старый солдатъ повторилъ раздирающимъ сердце тономъ:

Ихъ слишкомъ много! У нихъ было много пушекъ!...

Дядя Ансельмъ кончилъ тѣмъ, что увелъ дѣтей. Гермать увидѣлъ гордо прошедшаго мимо него Ансберга, какъ будто побѣда была выиграна, но кончики его усовъ дрожали отъ судорожнаго движенія, передернувшаго ему уголь рта. Висзанные звуки сбора не раздавались болѣе въ городѣ; съ четырехъ сторонъ Страсбурга, среди гула барабановъ и хриплага звука трубъ, неслись печальные звуки забитой наскоро, въ минуту паники, тревоги. Гарнизонъ взялся за оружіе и занялъ валы; всѣ заставы закрыли и подняли подъемные мосты. Страсбургъ видѣлъ себя преданнымъ на произволъ штурма и почти безъ защитниковъ; за городомъ замѣтили появленіе непріятельскихъ лазутчиковъ, и лихорадочными или угрюмыми голосами раненыхъ распространялась роковая увѣренность въ неизбежности пораженія. По ихъ словамъ, разбитая армія въ безпорядкѣ разбѣгаетъ; Макъ-Магонъ скитается безъ войска; кирасиры и вся кавалерія побросали тяжелое оружіе въ пропасть, для облегченія отступленія. Страсбургу угрожала опасность. Олзасъ открытъ, Франція наводнена непріателемъ.

Виссебургъ первый прозвонилъ похоронный звонъ, Фрешвиллеръ—второй. Достаточно было нѣсколько часовъ для этой катастрофы.

Вокругъ валовъ, передъ заставами, собиралась жалобно вопіющая ватага; шумъ, производимый ею по другую сторону стѣны, слышался, какъ усиливающаяся прибой волны. Это былъ стремительный потокъ бѣглецовъ, который, спускаясь съ Гагенау, несся по дорогѣ, захватывая, какъ добычу, сотни крестьянъ, обремененныхъ дѣтьми и скарбомъ.

Въ то время, какъ солдаты безъ оружія, спускались на укрѣпленія бастионовъ и пробирались за окопы, позади, первая кучка бѣглецовъ бросалась вразсыпную; кавалерія и артиллерія сбѣгались, завывъ цѣплялись за лошадей гусарь, кирасиры сбиты были

съ коней; артиллеристы ѣхали на телѣгахъ, служившихъ для перевоза артиллерійскихъ запасовъ,—однимъ словомъ происходило полное распаденіе арміи.

Открыли заставы, и волна позорной толпы прорвалась на улицу, наводнивъ предмѣстья.

Ночь все покрыла: большая часть бѣглецовъ хранила молчаніе и глядѣла сосредоточенно, угрюмо, дико, были между ними и раненые; многіе изъ нихъ, казалось, падали отъ истощенія и шептали слабымъ голосомъ:

— Кусокъ хлѣба!

Другіе увѣряли:

— Генералы кричали: спасайся, кто можетъ! Намъ измѣнили!

Они не дали ни одного выстрѣла.

Среди упрековъ, молчанія, бѣшенства и жалобныхъ сѣтованій толпы, бѣглецы продолжали входить въ городъ.

Они прибывали всю ночь и почти весь слѣдующій день; жгучее солнце обнаруживало ихъ плачевный видъ. Въ особенности кирасиры отличались необычайнымъ видомъ: ихъ панталоны были разорваны, кирасы покороблены и продырявлены; безграничное изумленіе тяготѣло на ихъ лицахъ и парализовало ихъ громадныя фигуры. На лоннадахъ, раненыхъ отъ задривка до позвоночника, солдаты скакали галопомъ, иногда по двое на одномъ конѣ; обозная прислуга вела лошадей съ корзинками на спинѣ для перевозки раненыхъ, амбулаторныя кареты были переполнены, донельзя, ранеными и умирающими.

Послѣ полудня раздались свирѣпыя крики: это были тюроксы, которые вошли въ городъ, жестикулируя, какъ эпилептики; ихъ небесно голубыя куртки были замараны кровью и почернѣли отъ пороха; они размахивали штыками, и на ихъ почернѣвшихъ лицахъ можно было различить лишь бѣлки глазъ и зубы, какъ у дикихъ. Они прошли на площадь, гдѣ кишѣла громадная толпа. Когда оказалось, что они несутъ знамя, разорванное въ трипицу, въ толпѣ пробѣжала дрожь; тысячи голосовъ закричали: «Да здравствуетъ Франція!». Съ балкона главнаго штаба полковникъ Дюкасъ развернулъ побѣдный трофей и поднялъ высоко его предъ страсбургцами; всѣ присутствующіе привѣтствовали знамя громкими возгласами. Уже каждый воображалъ, что знаетъ, какъ было проиграно сраженіе; легенды преувеличивали рассказы, смѣшивали ложь съ правдою и возбуждали въ воображеніи народа фантастическія тѣни и отблески эпопей.

Истина была злополучна и проста, но советѣтъ иная.

Императорская армія, наскоро мобилизованная, полная иллюзій и отваги, но недостаточно экипированная и сытая, топталась на мѣстѣ, въ продолженіе трехъ недѣль, въ кавардакѣ приказаній и контръ-приказаній. Далекая отъ мысли устремиться на Палати-

нать, она ограничила свою удачу ничтожнымъ Саарбрюкенскимъ успѣхомъ и исполненіемъ роли таможенныхъ на границѣ; къ тому же еще бѣда: уланы, рыская, взадъ и впередъ, контрабандой, дразнили бездѣтельную французскую кавалерію. Разбросанная гвардія корпусовъ Фроссара, Базена и Ладмиро не могла выставить плотной преградой даже своихъ трехъ арміи противъ Германіи, мобилизованной не торопясь, какъ слѣдуетъ. Въ то время, какъ Фальи собирали 5-й корпусъ вокругъ Битча, какъ Фелпксъ Дуэ сосредоточивалъ 7-й въ Бельфорѣ и Канроберъ 6-й въ Шалонѣ, Макъ-Магонъ, командовавшій силами въ нижнемъ Эльзасѣ, разбрасывалъ дивизію 1-го корпуса въ Лембахѣ, Рейхсгофенѣ и Гагенау. Онъ сдѣлалъ ошибку, оставивъ Абеля Дуэ въ Виссембургѣ, безъ прикрытія и на пять миль впереди отъ всѣхъ подкрѣпленій. Дуэ, пораженный превосходствомъ непріятельскихъ силъ, изъ точнаго повиновенія, принялъ сраженіе и боролся, не получая приказа отъ маршала, ни подкрѣпленія отъ Дюкро, хотя предупредилъ обоихъ о неизбѣжности атаки. Дуэ былъ пораженъ на смерть; Пеллэ продолжалъ борьбу; затѣмъ отгѣсненный изъ Виссембурга и Гейсберга, онъ долженъ былъ отступить. Виссембургское сраженіе было проиграно. Фрешвиллеръ удвоилъ, увеличилъ поражение. Повторились тѣ же самыя неосторожности и тѣ же ошибки, но еще худшія.

Макъ-Магону, по его требованію, передано были командованіе 1-мъ, 5-мъ и 7-мъ корпусами. Какъ только онъ получилъ ихъ, то воскликнулъ радостно: «Господа нѣмцы, вы—въ моихъ рукахъ!».

Что онъ рассчитывалъ дѣлать? зналъ ли онъ это самъ? Занявъ Вогезы, онъ могъ тамъ заградить проходъ: со своими тремя армейскими корпусами онъ былъ непреодолимъ. Но какъ же покинуть Страсбургъ и нижній Эльзасъ, не перейдя снова къ наступательнымъ дѣйствіямъ!.. Въ своемъ незнаніи о направленіи арміи королевскаго принца, онъ рассчитывалъ 7-го приблизиться къ непріятелю на Фрешвиллерской позиціи, а 6-го онъ былъ самъ атакованъ. Не подозрѣвая близости непріятеля, онъ выставилъ на высотахъ, которыя тянулись отъ Неегвилера до Морсбронна, своихъ 35.000 человекъ, не укрѣпивъ, какъ слѣдуетъ, высоту Фрешвиллера, Эльзасгаузена и Гунштедта, не занявъ деревни Вёртъ и не снабдивъ войскомъ Морсбронна. На этихъ волнистыхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ виноградниками, фруктовыми садами и хмельникомъ, имъ служили фронтовой обороной равнины и рѣка Зауэртъ. Перваго корпуса, дивизіи Дюкро, Рауля, Лартига растягивались налѣво предъ Фрешвиллеромъ, въ центрѣ—напротивъ Вёрта и впереди Эльзасгаузена, направо—къ Морсбронну. Кирасиры 2-й резервной дивизіи Воньмана были укрыты между Фрешвиллеромъ и Эльзасгаузенемъ. 7-й корпусъ не былъ выставленъ, за исключеніемъ дивизіи Консель-Дюменпля, устроившагося съ кирасирами бригады Мишеля, около Эбербаха. Отъ 5-го корпуса, неподвижно

стоявшаго въ проходахъ Битча и Горбаха, въ ожиданіи распоряженій, одинъ только дивизионъ Гюйо и де-Лепара выступилъ къ Филиппсбургу.

Сраженіе, завязавшееся съ начала зари простыми демонстраціями, вскорѣ перешло въ ожесточенный бой. Нѣмцы растерялись. Дюкро пустилъ въ ходъ штыки, косидъ картечью и прогналъ баварцевъ II корпуса; V прусскій корпусъ Кирбаха и XI — Бозе, наткнувшіеся на склонѣ Фрѣшвиллера и Эльзасгаузена на французонъ, въ безпорядкѣ устремились назадъ изъ Нидервальда и обратно перешли рѣку. Даже Гартманъ, по приказу королевскаго принца, вызвалъ изъ битвы II баварскій корпусъ. Въ 11½ часовъ нѣмцы не могли болѣе занимать ни одной высоты; они удержали Вѣртъ, но захватили его безъ обороны непріятеля. Макъ-Магонъ могъ отступить: ему на это было время. Онъ вѣрилъ въ побѣду и упрямылся. Однако огонь французской артиллеріи уменьшался; нѣмецкія батареи громили французскія войска съ равнины Гунштедта. Лартигъ бросился противъ Гунштедта, но безъ успѣха. Три нѣмецкіе корпуса съ могучей солидарностью вернулись къ атакѣ. Въ часъ на полѣ сраженія явился королевскій принцъ, введя въ сраженіе всѣ свои войска. Маршалъ попробовалъ штурмовать Вѣртъ, но тщетно. Правый флангъ дрогнулъ и отступилъ предъ натискомъ 12.000 тысячъ пруссаковъ, проникнувшихъ подъ Нидервальденомъ и захватившихъ Морсборнъ. Лартигъ, едва не окруженный непріателемъ, позвалъ на помощь кирасировъ Мишеля и сказалъ: «Ступайте, какъ при Ватерлоо!». При трубныхъ звукахъ, кавалерія «на разъяренныхъ лошадей» ринулась въ атаку внизъ по склону, спотыкаясь на откосы и наталкиваясь на стволы деревьевъ. Рѣдвія подъ пулями, она ворвалась въ Морсборнъ, миновала улицы, на которыхъ изъ каждаго окна стрѣляли въ упоръ. Въ деревни, оставшіеся въ живыхъ, собрались вмѣстѣ и, атакованные прусскимъ гусарскимъ полкомъ, разсѣялись и погибли.

Реорганизованная правая сторона, несмотря на усилія тюркозовъ, 1-го полка егерей и зуавовъ, скоро распалась. Макъ-Магонъ, отражая нападенія съ двухъ сторонъ, потерялъ отбитый непріателемъ Нидервальдъ и подожженный ими Эльзасгаузенъ. Онъ стойко упорствовалъ, продолжая еще держаться. Однако, прижатый въ Фрѣшвиллерѣ, чего онъ ожидалъ? Чтобы дивизія Гюйо и Лепара достигла пунекъ? чтобы Фальи согласно своему долгу?.. Но онъ не телеграфировалъ имъ никакого распоряженія и не требовалъ никакой помощи. Чтобы выиграть полчаса времени, онъ пожертвовалъ своей резервной артиллеріей: пушки были подбиты выстрѣлами, лошади полетѣли кубаремъ, солдаты убиты. Онъ пожертвовалъ свой резервъ кавалеріи. Дивизія Боньмена, состоящая изъ четырехъ великолѣпныхъ кирасирскихъ полковъ, поспѣшила въ пекло. Она понеслась чрезъ виноградники и хмельникъ, осыпан-

ная картечью и градомъ пуль. Принеся эту напрасную жертву, тюркосы бросились впередъ съ дикимъ пыломъ.

Все тщетно. Всюду послѣднія сопротивленія прекращались; І корпусъ разбѣялся — полное пораженіе.

Всѣ дороги покрылись безпорядочными толпами, стадомъ бѣглецовъ. Эльзасъ открытъ, Страсбургъ — покинутъ. Въ тотъ же день Фроссаръ былъ разбитъ въ Форбахѣ; Лотарингія тоже открылась.

Черезъ эти два зияющія отверстія роковое нашествіе готово было разлиться по всей Франціи.

III.

Сидя противъ дяди Ансельма, маленькій Карлъ завтракалъ на кухнѣ. Чтобы не запачкать своего бархатнаго костюма, онъ позволилъ повязать себя вокругъ шеи салфлету, два угла которой торчали рожками; дядя былъ въ черномъ, при бѣломъ галстухѣ и безъ сюртука. Гертруда налила имъ кофе съ молокомъ и намазала грудку тартиннокъ масломъ; при этомъ она дѣлала недовольная гримасы, потому что уже три дня, какъ молочницы не входили въ блокированный городъ, и уже это было не прежнее хорошее молоко и масло съ фермъ Роберстау. Вчера крестьяне этой деревни, спасаясь отъ нѣмцевъ, удалились въ городъ на паромахъ и судахъ.

Двѣ служанки, Гретхенъ и Ганна, одна блондинка, другая брюнетка, уходили и приходили. Онѣ обѣ были одѣты одинаково, по праздничному: въ маленькихъ чепчикахъ изъ серебряной парчи, въ бѣлыхъ кисейныхъ шемизеткахъ, черныхъ бархатныхъ корсетикахъ, зашнурованныхъ на треугольной вышитой серебромъ вставкѣ, въ коротенькихъ юбочкахъ: одна — въ красной, другая — въ зеленой, что отличало католичку отъ протестантки. Онѣ болтали и смѣялись, и ничто не доставляло такого удовольствія дядѣ Ансельму и Карлу, какъ слушать ихъ. Даже сама старая и угрюмая Гертруда съ суровымъ лицомъ, обрамленнымъ плюенымъ чепчикомъ съ капюшономъ, какіе носили нидерландскія монахини, въ вѣчномъ черномъ балахонѣ, съ черной юбкой, надѣтой на сухомъ длинномъ тѣлѣ, улыбалась, глядя на нихъ.

Хотя старуха ворчала, но въ это утро она была менѣе обыкновеннаго недовольна. Это было 15-е августа, именины императора, и, какъ въ прежніе годы, ея кухня блестѣла. Она блестѣла ежедневно, но на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго. Можно было ее принять за гостиную, такъ отливали зеркальнымъ блескомъ красные изразцы и казались новыми прекрасно вымытые бѣлые деревянные столы. Ничто такъ не привлекало взора, какъ громадный очагъ для приготовления жаркого, съ вертеломъ, вращающимся надъ пламенемъ горящихъ сухихъ виноградныхъ лозъ, какъ выдвиненная линія кухонной посуды красной мѣди, начинающаяся съ гро-

маднаго котла для воды, съ подвижной рукояткой, и постепенно уменьшающаяся до кукольной кастрюльки, а также разнообразныя лоханки, рыбныя котлы и сковороды. Карлъ съ нѣжностью созерцалъ всѣ эти желтые чайники для кипяченія воды, черныя формы для тортовъ, почтенныя котелки для варки суповъ, потихоньку хранящія, какъ старыя бабушки, безпокойный рѣзакъ для рубки мяса, покрывающіи свои острія мясомъ для сосисокъ, скалку для тѣста, похожую на палку Полишинеля, старинную вычерненную гравированную грѣлку для простынь и т. д. Дядя Ансельмъ также наслаждался, какъ ребенокъ, интимностью кухни. Оба знали, что, допуская ихъ туда, Гертруда не принимала, а оказывала имъ честь.

— Ты что-то не голоденъ сегодня?— сказала она Карлу, который дулъ на слишкомъ большой кусокъ.

Встревоженный дядя наклонилъ кофейникъ надъ чашкою мальчика и сказалъ:

— Еще немного, Карлъ?

Одинъ кофейный приборъ, совсѣмъ простой, представлялъ цѣлую поэму: пузатый кофейникъ, тонкій молочникъ, яйцевидная сахарница, выпуклыя чашки, въ своемъ митомъ утреннемъ бѣломъ нарядѣ, походили на собравшуюся вокругъ мирную, толстощекую семью въ утреннемъ неглиже.

— Поторопимся,— сказала Ганна, обращаясь къ Гретхенъ:— чтобы увидѣть проходящія войска.

Въ десять часовъ была назначена въ соборѣ большая служба по убитыхъ въ Фрѣшвиллерѣ и затѣмъ благодарственное молебствіе, по случаю императорскаго праздника.

Съ самаго утра на четырехъ башняхъ города развѣвались флаги; всѣ власти были обязаны присутствовать у обѣдни; тамъ можно было видѣть генерала Уриха—толстаго, короткаго и энергичнаго человека, префекта въ военномъ мундирѣ, адмирала Эксельманъ, съ его маленькимъ отрядомъ моряковъ, таможенныхъ, пожарныхъ, отряды гарнизона и волонтеровъ.

— Никогда не бывало такого величественнаго зрѣлища!— утѣряла хохотунья Гретхенъ.

Дядя Ансельмъ улыбался. Онъ не испытывалъ того невѣроятнаго упадка духа и паники, какъ его сограждане, на другой день послѣ пораженія при Фрѣшвиллерѣ, заставившаго ихъ потерять великое мужество. Они говорили:

— Страсбургъ потерянъ; зачѣмъ защищаться? не было ни солдатъ ни пушекъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ въ себѣ воинственную реакцію, возстановившую храбрость нѣкоторыхъ страсбургцевъ, утѣрившихъ: «Какъ парламентаръ имѣлъ дерзость требовать сдачи города? какъ отряды кавалеріи осмѣливались показываться подъ стѣнами города?». Но своему обыкновенію, мирный и тихій Ан-

селемъ продолжалъ отдаваться своей невинной маніи разыскивать у антикваріевъ рѣдкости и прохаживаться, безъ всякой цѣли, по старымъ улицамъ. Правда, что онъ жилъ всегда въ грѣзахъ, и истина еще предъ нимъ не предстала. Безъ сомнѣнія, прибытіе раненыхъ и плачевное наводненіе города бѣглецами сжали ему сердце; но сражаться не было ли предназначеніемъ солдата, успокоивалъ онъ себя. Какъ французъ, онъ сожалѣлъ ихъ; ему не приходила мысль, что онъ, страсбуржецъ, мирный и любознательный гражданинъ, могъ раздѣлять подобныя опасности и переносить такія страданія. Страсбургъ отдѣленъ отъ всего міра: послѣдній поѣздъ унесъ, пути сообщенія и телеграфныя проводы порваны, мосты взорваны, объявлено осадное положеніе, появились официальные объявленія, запасныя войска и національная гвардія вооружаются, даже первая шальная неприятельская граната упала около Совернскихъ воротъ, но все это не вывело его изъ обычного спокойствія.

У него было, подобно этимъ, много другихъ совершенно дѣтскихъ иллюзій. Онъ хотѣлъ бы видѣть въ лицѣ Германіи подругу. Онъ зналъ ее и любилъ. Безъ сомнѣнія, онъ предпочиталъ Францію, но было столько общаго съ его природою по ту сторону Рейна: мечтательные глаза молодыхъ дѣвушекъ, нѣжная сентиментальность, семейное добродушіе, пѣсни, которыя тамъ поютъ, *vergiss mein nicht* (незабудки), которыя собираютъ, *liebefraumilch*, которыя тамъ пьютъ, включительно до любимыхъ имъ супа съ клецками и рѣпы, а философскіе споры съ профессорами въ золотыхъ очкахъ, а вечера Бетховена и Шумана? Нѣтъ, за эту беззаконную войну, за это прискорбное недоразумѣніе заплатятъ своей кровью лишь бѣдные солдаты. Чего можетъ бояться Страсбургъ, цвѣтокъ Эльзаса, городъ наукъ и богословія, гордый своими музеями, библиотекой, соборомъ, памятниками, Страсбургъ, котораго далекое прошлое сдѣлало святымъ, Страсбургъ, называемый самими нѣмцами «братскимъ городомъ», Страсбургъ — несравненный городъ? Придется не бѣдить болѣе гулять въ Кель; блокада наложитъ, можетъ быть, нѣкоторыя лишенія—вотъ и все. Впрочемъ, имъ придется на выручку французская армія, вновь сформировавшійся Макъ-Магонъ, а, можетъ быть, Базенъ. Развѣ Франція не была непобѣдимой?

И дядя Ансельмъ, съ помощью Ганны, надѣлъ свой парадный сюртукъ, взялъ за руку Карла и вышелъ. Они присутствовали на церковной церемоніи въ соборѣ св. Тѳомы, затѣмъ гуляли по улицамъ. Между тѣмъ въ кухню вошелъ Андрэ Герматъ, обратно принесшій на половину пустую чашку съ бульономъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты гостей, именно изъ той, гдѣ останавливалась Эдель и поручикъ Гафферъ; теперь ее занималъ раненый поручикъ стрѣлковъ, госпиталь которыхъ былъ переполненъ ранеными; Герматы предложили ему гостепримство. Пуля ра-

нила его въ липку. Это былъ старшій человѣкъ — простой, некрасивый, молчаливый, но съ прекрасными темными глазами. Его истощала лихорадка, и докторъ Вейсъ, говоря о немъ, покачивалъ головой.

— Ты развѣ не будешь завтракать?—спросила Гертруда.

Она знала съ перваго дня рожденія Андрэ, Карла и Эдель и обращалась съ ними съ ворчливой фамильярностью. Вѣки Андрэ были тяжелы, руки горячи; онъ болѣе не спалъ по ночамъ; эти тревожные дни были для него кошмаромъ. Перекаленная атмосфера города увеличивала его невыразимое горе, причиненное разрывомъ отца съ Ансбергомъ. Онъ никогда такъ не чувствовалъ всей силы узъ, соединяющихъ его съ Элизой, какъ теперь, когда они порвались. Порвались, отчего? (Съ какой цѣлью? Какой былъ въ этомъ смыслъ? Какая нецѣльность! Конечно, онъ будетъ держать сторону отца: Ансбергъ во всемъ виноватъ. Развѣ это причина, что Элиза и онъ должны страдать? Онъ поднялъ глаза и встрѣтился съ сердечнымъ взглядомъ голубыхъ старческихъ глазъ Гертруды, которая, повернувъ свое красное морщинистое лицо, смотрѣла на него. Онъ пожималъ взгляды Ганны и Гретхенъ, бросаемые украдкой на него; они находили молодого человѣка прелестнымъ. Онъ былъ такой тихій, милый, и всѣ любили также Элизу. Онъ угадывалъ, что, въ этой скромной кухнѣ, души окружающихъ его слугъ полны желанія ему покровительствовать и содѣлывать.

Онъ отвѣчалъ взволнованный:

— Благодарю, Гертруда, я не голоденъ.

Эта очевидная симпатія слугъ коснулась его больного мѣста; онъ спрашивалъ себя, почему Гертруда, Гретхенъ и Ганна его сожалеютъ, а его отецъ и мать ничего не сдѣлаютъ для него. У него было бы на сердцѣ спокойно... Его мать на его настойчивыя просьбы отвѣтила обѣщаніемъ подумать одну ночь и хотѣла дать въ это утро отвѣтъ. О чемъ онъ умолялъ ее, было очень важно... Да, но еще важнѣе неизвѣстность будущаго. Онъ бросился изъ кухни, пронелъ коридоръ и постучалъ въ дверь.

Г-жа Герматъ молча обняла его. Ея лицо казалось молодымъ подъ роскошными пепельными волосами, причесанными съ проборомъ, закрывающими уши, и съ уложенными вокругъ висковъ косами; ея розовый цвѣтъ лица и темные глаза придавали ей великолѣпнѣе зрѣлости. Видя ее, всѣ предугадывали, что она весела, добра и нѣжна.

— Ну, что же, Андрэ, благоразумиѣ ли ты сталъ?—Этотъ вопросъ огорчилъ его. Онъ умолялъ ее сдѣлать попытку примириться съ Ансбергами. Въ продолженіе трехъ дней она отъ этого отказывалась: она не могла постѣ нанесенной ей мужу обиды переступить ихъ порогъ. Въ качествѣ кого? Уже ей немало стоило успѣль помѣнать Гермату написать Ансбергу, что при такихъ усло-

нихъ они должны отказаться отъ предполагаемаго и давно обсуждаемаго, желаннаго брака. Андрэ это зналъ; изъ доброты къ нему отецъ согласился остаться въ оборонительномъ положеніи и ждать, что будетъ. Но ничего не случилось. Вся надежда на примиреніе разсѣялась. Оба противника встрѣтились лицомъ къ лицу и посмотрѣли другъ на друга, если не какъ враги, то какъ посторонніе. Г-жа Ансбергъ едва отвѣтила на поклонъ г-жи Гермать. Самъ Андрэ, придя къ нимъ, подъ предлогомъ возвращенія музыкальной партитуры, не былъ принятъ, хотя г-жа Ансбергъ и Элиза были дома; онъ узналъ ихъ голоса.

Однако, не желая вѣрнуть своему несчастію и цѣпляясь за самую слабую надежду, онъ всею душой надѣялся на г-жу Ансбергъ. Она была женщина, мать: отчего оттолкнетъ она попытку другой женщины, матери? Гордость можетъ разъединить ихъ мужей, мужчины обладаютъ предрасудкомъ чести, но онѣ обѣ?.. Могутъ ли онѣ думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ счастья своихъ дѣтей? Какое имъ дѣло до политики, возбужденныхъ споровъ и неприятныхъ словъ? Развѣ улыбка радости и слезы огорченія Элизы и Андрэ для нихъ не все?..

— Благоразуменъ, мама? Ты хорошо знаешь, сказалъ онъ:— что я не могу отказаться отъ Элизы.

Развѣ ты такъ ее любишь, мой бѣдный мальчикъ?

— Я не зналъ, мама, что я ее такъ сильно любилъ, или, скорѣе, я не зналъ, люблю ли я ее; но я хорошо чувствую, что не могу забыть ее; сказать, что я не увижу ея болѣе, что не буду болѣе говорить съ ней, что болѣе не услышу ея!.. О! — сказалъ онъ съ тѣмъ юношескимъ жаромъ и съ тѣмъ пыломъ, которые всегда пугаютъ родителей, — я не могу болѣе такъ жить, мнѣ кажется, что она умерла...

— Молчи, злой ребенокъ.

И, заставивъ Андрэ сѣсть возлѣ себя, она стала ласково гладить его волосы.

Можешь ли ты такъ говорить? Элиза добрая, нѣжная и вѣрная дѣвушка. Я увѣрена, что она терпѣливѣе и мужественнѣе тебя. Мы живемъ въ исключительныхъ условіяхъ, умы сильно возбуждены, но вѣтеръ можетъ завтра повернуться. Повѣрь мнѣ, Андрэ, время все поставитъ на свои мѣста. Вы оба такъ молоды! Бракъ еще такъ далекъ!

— Но, матушка, въ ожиданіи я страдаю!.. Ты говоришь о событіяхъ, но знаешь ли ты, какую неизвѣстность, какую опасность они скрываютъ? Теперь, когда Страсбургъ окруженъ непріятелемъ, когда мы, можетъ быть, подвергнемся бомбардировкѣ, когда надъ нашими головами повисло разореніе и, можетъ быть, смерть, именно, теперь мы должны все сплотиться, итти рука въ руку и

чувствовать, какъ наши сердца бьются въ унисонъ. Разлучить Элизу и меня въ такой моментъ, это жестокость и варварство!

Г-жа Герматъ попробовала улыбнуться.

— Какъ ты преувеличиваешь, мой дорогой! Страсбургъ не подвергается никакой опасности; война окончится, характеры вернутся къ прежнему уровню... Развѣ ты не можешь подождать? Я обещаю тебѣ, что буду ловить всякій случай, который можетъ насъ сблизить...

Отчаяніе Андрэ увеличивалось.

— Нѣтъ, мама, не пробуй меня обманывать. Ты знаешь Ансберга—онъ гордецъ. Теперь—или никогда вамъ не помириться; позже будетъ невозможно.

Г-жа Герматъ покачала головой.

— Но, мой бѣдный мальчикъ, моментъ душно выбранъ: Ансбергъ обладаетъ хорошими качествами и слишкомъ старый другъ, чтобы я была къ нему несправедлива, несмотря на его оскорбительный разрывъ, но онъ тѣмъ менше вернется къ лучшимъ чувствамъ, чѣмъ болѣе виноватъ. Самолюбіе никогда не прощаетъ. Кто самолюбіе только что было сильно уязвлено. Исѣ догадки твоего отца сбылись. И дай Богъ, чтобы онѣ не сбылись болѣе. Ансбергъ, сколько ни возится съ префектомъ, ни рисуется въ мундирѣ капитана, все-таки сильно волнуется,—онъ пораженъ въ самое сердце. Будь увѣренъ, онъ ненавидитъ насъ смертельно, потому что мы были вѣрными пророками.

Андрэ понурилъ голову, онъ зналъ, насколько его отецъ былъ уязвленъ, что не имѣлъ возможности посвятить свою преданность на защиту Страсбурга. Подозрѣваемому въ либерализмъ, ему было отказано вступить въ національную гвардію. Онъ вообразилъ, что Ансбергъ въ тайнѣ ему отомстилъ: по все произошло отъ префекта и его вліянія на генерала Уриха, храбраго воина, вызваннаго изъ отставки и совершенно посторонняго въ городѣ; онъ мало довѣрялъ старанію гражданъ, вооруженныхъ наскоро. Болѣе девяти тысячъ человекъ, подобно Гермату, были забракованы и не приносили пользы при всемъ желаніи служить.

— Матушка, — снова заговорилъ Андрэ съ пылкой настойчивостью,—будь добра, умоляю тебя, повидай г-жу Ансбергъ, тебѣ удастся ее растрогать: по крайней мѣрѣ, она тебѣ что нибудь скажетъ. Я узнаю, любитъ ли еще меня Элиза. О Богъ мой! Если бы я сомнѣвался, если бы я думалъ, что... Я не могу быть солдатомъ, при этихъ словахъ онъ бросилъ безнадежный взглядъ на свою хромую и короче другой ногу, —но я сумѣлъ бы попасть въ такое мѣсто, гдѣ пуля...

— А, неблагодарный, злой сынъ!—повторила г-жа Герматъ съ глазами, полными слезъ: ты не боишься разорвать мнѣ сердце подобными словами! Чтобы ты не страдалъ, я должна душно дѣйстви-

вать противъ твоего отца и рѣшился на попытку, которая, очень вѣроятно, будетъ нехорошо истолкована и унижить всѣхъ насъ; но я готова сдѣлать все возможное.

— Такъ, такъ, жена, сдѣлай это, — сказали Гермать, отворяя дверь и слыша ея послѣднюю фразу. — Не думай, что я порицаю тебя. Въ такое время вопросы тщеславія — презрѣнны, и Богъ мнѣ свидѣтель, что если бы Ансбергъ пришелъ пожать мнѣ руку, я обнялъ бы его отъ всего сердца. Неужели наши дѣти должны быть несчастны потому, что мы, старые упрямцы, смотримъ на вещи по-своему? Поцѣлуй твою мать, Андрэ, и поблаговари ее, но, что бы ни случилось, выкажи себя мужчиной. Любовь такъ благородна, что мы съ твоей матерью сдѣлаемъ все для осуществленія твоего счастья; но знай, мой сынъ, что есть другое чувство, которое должно наполнить твое сердце — культъ къ родинѣ. Никогда, — сказали Гермать съ горечью, — никогда мы не воспламенимся достаточно этимъ чувствомъ. Оно одно можетъ насъ спасти въ подобной катастрофѣ.

И въ то время, какъ г-жа Гермать надѣвала свою шляпу, искала перчатки и свою накидку, онъ повѣдалъ сыну свои горести.

— Какой стыдъ! Паника перваго дня катастрофы произошла отъ того, что трусы будто бы слышали, какъ нѣмцы строятъ насыпь для своихъ пушекъ и вбиваютъ сваи. Гумблотъ и Стумпфръ начали поговаривать о сдачѣ... они были не одни...—Гермать даже не упоминалъ о своихъ разстроенныхъ и скомпрометированныхъ интересахъ въ Шильтиггеймской фабриктъ, занятой непріателемъ, вмѣстѣ съ деревней: его волновало, единственно, общественное дѣло.—Потомъ, къ чему эти объявленія Уриха съ политическимъ направленіемъ? эти угрозы тихому, мирному народу? Лучше было бы поторониться организаціей сопротивленія. Только теперь лишь начали рубить платановыя аллеи и орѣшники, окружающіе городскія прогулки, и уничтожать дачи.

Одинъ генераль, переодѣтый работникомъ, котораго Воскэ прозвалъ «первымъ канониромъ Франціи», по имени Бараль, смѣло проникъ въ окруженный Страсбургъ и взялся командовать артиллеріей, но это была тяжелая задача. Гермать узналъ отъ одного изъ старшихъ офицеровъ, что цитадель и ея укрѣпленія остаются многато желать: въ нихъ почти нѣтъ казематовъ, ни блиндированныхъ убѣжищъ, а большой пороховой погребъ не прикрытъ землею. Валы не имѣютъ даже орудій, обезпечивающихъ ихъ безопасность. Артиллерійскихъ орудій двѣсти пятьдесятъ штукъ, всевозможнаго калибра, даже старомоднаго, и изъ нихъ многія совѣтъ негодны. Малое количество солдатъ приводитъ въ отчаяніе—всего на все двѣнадцать или пятнадцать тысячъ человекъ: резервъ линейныхъ полковъ, стрѣлковъ, артиллеристовъ, 87-й линейный полкъ, нѣсколько инженеровъ, нѣсколько моряковъ,

нѣсколько таможенныхъ; наконецъ батальоны и сводные эскадроны, преобразованные изъ остатковъ френшвиллерскаго пораженія, и волонтеры, едина знающіе военные приемы.

Какъ былъ тогда правъ Вольфартъ! Въмѣсто Кетя можно было занять Шильтихгеймъ и тѣмъ отерочить на нѣсколько дней осаду. А теперь они такъ уже близко сомкнулись, что мелкія рекогносцировки наталкивались на баденскій аванпостъ. Телеграфная обсерваторія, помѣстившаяся на платформѣ собора, указываетъ на суживаніе осаднаго круга. Повсюду баденцы срубаютъ деревья, роютъ траншеи и строятъ барикады въ селеніяхъ, укрѣпляясь на высотахъ Гаусбергена, и распространяются навѣво къ Роберстау, направо—къ Илькирху и Ринау. Они стрѣляли въ передовыя укрѣпленія: пушечныя выстрѣлы глухо звучали.

Но Андрэ едва слышалъ, что говоритъ отецъ. Онъ мысленно слѣдовалъ за матерью: снова видѣть гостиную Ансберговъ, съ ея мебелью, покрытой утрехтскимъ бархатомъ, ея портьерами, коврами, уголокъ, гдѣ онъ и Элиза сживали, подъ защитою большого рѣзного шкафа, у фортепiano. Онъ снова увидѣлъ Элизу, ея маленькое мечтательное личико, ея невинныя глаза, ея взглядъ, похожій на голубое пламя, когда оно колыхнется, ея розовыя щеки, какъ бы изъ хрупкой ткани цвѣтка, непокорныя пряди ея шелковыхъ волосъ, ея тонкое тѣло, все ея невинное очарованіе, всю ея легкую грацію...

Удалившись въ свою комнату, онъ не могъ спать и ходилъ взадъ-впередъ по комнатѣ, освѣщенной одной свѣчкой; его тѣнь фантастически выдѣлялась на стѣнѣ. Онъ не могъ этому повѣрить. Это была ночь, непреложная ночь,—мракъ надъ городомъ, мракъ въ немъ. Элиза не будетъ его женою! Ансберги съ холодной жестокостью выпроводили его мать.

Тщетно она совѣтовала ему имѣть терпѣніе и мужество: онъ ощущалъ лишь безконечныя муки, возбуждаемыя припадкомъ безсильнаго бѣшенства. По какому праву эти люди располагали своею дочерью? Развѣ Элиза была ихъ вещью, ихъ имуществомъ? Надо ли ждать, когда она будетъ совершеннолѣтняя, свободная, сама себѣ госпожа? Но такъ отдалить цѣль, ожидать столько мѣсяцевъ, что онъ не можетъ ихъ сосчитать,—это казалось его безумному отчаянію—вѣчностью. Онъ дошелъ до того, что сомнѣвался въ своей матери и думалъ: сумѣла ли она защитить его дѣло?.. Если бы онъ самъ туда пошелъ, если бы онъ не обратилъ вниманія на спесь Ансберга и пренебреженіе г-жи Ансбергъ! Но, нѣтъ, его оттуда выгнать! Одно утѣшало его, причиняя ему боль, что Элиза была опечалена. Г-жа Герматъ мелькомъ видѣла молодую дѣвушку; она была блѣдна и съ красными глазами... «Такъ она еще меня любитъ», сказалъ онъ себѣ, но и это убѣжденіе далеко не успокаивало.

вало его, разжигая еще болѣе его бѣшенному душа рвалась и билась въ его суковую, горемъ и возмущеніемъ. Онъ въ свиданія матери съ Аисбергами, какъ будто возмущался сухой гордостью отца Элизистостью ея матери.

Несмотря на расположеніе, дливнеее вине ихъ съ Герматами, Аисбергъ заявилъ бракъ не можетъ состояться, такъ какъ з раздѣляетъ родителей.

— Такъ вы обратно берете ваше слово? Аисбергъ отвѣтилъ.

— Да.

— Но увѣрены ли вы, что не сдѣлаетъ

— Моя дочь,—заявилъ онъ, хорохоря своемъ высококомъ бѣломъ воротникѣ,— не кой своей воли ранѣе трехъ лѣтъ!

— Зачѣмъ же безусловный разрывъ?— Даже не обязываясь относительно будуща дѣться иногда съ Элизой, не отнимайте у любите бѣднаго ребенка!..

— Я слишкомъ насмотрѣлся, какъ несгвахъ влечетъ за собою гибель: для дичіе умы.

— Сердца,—подчеркнула г-жа Гермати

— Нѣтъ, любовь проходить, а характ

— Но эти дѣти созданы одинъ для такъ же хорошо, какъ и я...

И, обратившись, къ своей взволнованн лась остаться безучастной, она сказала:

— Натали, именемъ любви, которая няетъ еще...

— Не произносите этого слова,—переб мужъ самъ...

— Не говорите о моемъ мужѣ,—переб гордымъ достоинствомъ,—вопросъ идетъ въ послѣдній разъ, не принимайте безво

— Простите меня, сударыня,—возрази вое,—это дѣло рѣшенное, вашъ сынъ моего порога.

— Когданибудь вы пожалѣете о ваш

— Это только предусмотрительность. I лучше, то избавили бы отъ этого тягости

— Я о немъ не сожалѣю, онъ мен узнать. Вы принесли въ жертву вашей го сына. Я васъ сожалѣю.

Гордо поднявъ голову и сдерживая свое волненіе, г-жа Герматъ удалилась.

«Бѣдная матушка!» — думалъ Андрэ въ порывѣ признательности и сожалѣя, что онъ подвергъ ее подобной попыткѣ.

Онъ прижался своимъ пылающимъ лбомъ къ оконному стеклу; всѣ впечатлѣнія этого дня осадили его умъ и проходили въ безпорядочныхъ образахъ. Завтракъ прошелъ печально, отрывистыми слова прерывались долгимъ молчаніемъ. Какъ только подали кофе, онъ всталъ изъ-за стола и отправился скитаться по городу среди воскресной публики, по солнцу и пыли. Онъ разсѣивалъ свое горе, прогуливаясь отъ аллеи платановъ Броли до Соборной площади, отъ Большой улицы до набережной рѣки Иль, въ нелѣпной надеждѣ, что внезапно появится Элиза. Онъ бродилъ вокругъ ихъ дома, видѣлъ уголь стѣны ихъ сада и служанку, проходившую съ щенкомъ Мумомъ. Ему пришла безумная идея: написать Элизѣ, припилить письмо къ ошейнику Мума, подкупивъ служанку. Онъ ощутилъ непреодолимое искушеніе позвонить у двери и послѣбно скрыться въ коридорѣ: ему казалось, что Элиза угадаетъ это и прибѣжитъ. Самые романческіе планы, одинъ за другимъ, слѣдовали въ его мозгу, потому что онъ боролся въ первый разъ съ житейскими затрудненіями.

По возвращеніи домой онъ стоткнулся съ Карломъ, который радостно бѣжалъ къ нему, размахивая маленькой красной скрипкой, купленной имъ дядей.

— Ты знаешь, у моего племянника, Генриха (онъ всегда гордился, говоря: мой племянникъ), такой иѣтъ! Я буду играть Нозми концерты. Мы ходили за Нозми: она ѣла съ нами вафли у булочника.

И Карлъ, запаликавъ на своей красной скрипкѣ, извлекалъ смычкомъ такіе пронзительные и хриплые звуки, что Андрэ убѣжалъ...

Онъ предался своимъ думамъ: что дѣлала Элиза въ этотъ часъ? Спала ли она? Или, какъ и онъ... Тишина въ домѣ тяготѣла надъ его бессонницей, онъ чувствовалъ себя страшно одинокомъ. Внезапные выстрѣлы потрясли оконныя рамы, острый свистъ пронизалъ воздухъ, затѣмъ послѣдовалъ отдаленный взрывъ. Онъ задрожалъ съ головы до ногъ. Новый свистъ... еще другой... Онъ понялъ.

Предчувствіе его отца было слинкомъ справедливо: началась бомбардировка Страсбурга! Съ бьющимся сердцемъ онъ открылъ свое окно.

Эти удары, порывисто гремящіе въ ночномъ безмолвіи, наполняли его ужасомъ, тоской. То, что онъ испытывалъ, было не страхъ, а какое-то необъяснимое чувство мучительнаго безпокойства и тяжести, которыя при каждомъ звукѣ падали ему на сердце. Городъ былъ погруженъ въ глубокое спокойствіе: можно было сказать, что

онъ представлялъ море мрака съ черными каменными волнами, хаосъ мрачныхъ остатковъ кораблекрушенія, освѣщеннаго луною. Со вчерашняго дня газометры были опорожнены изъ предосторожности: надъ Страсбургомъ водворилась торжественная ночь, заставлявшая казаться тысячелѣтными дома съ большими крышами и ихъ уклоненные отъ отвѣсной линіи срубы. Жестокіе выстрѣлы неслись съ валовъ: городъ отвѣчалъ.

Постучали въ дверь. Андрэ увидѣлъ дядю Ансельма, вышедшаго съ подвѣзчикомъ. Онъ былъ въ брюкахъ съ подтяжками и съ шелковой повязкой на головѣ.

— Скажи мнѣ, Андрэ, что это такое?

— Это, дядя, фейерверкъ 15-го августа; только на этотъ разъ его устраиваютъ нѣмцы.

Протянувъ руку, онъ указалъ въ пространство, пересѣкаемое блескомъ взрывовъ. Соборъ, возвышавшійся надъ крышами соседнихъ домовъ, отражалъ въ выси свою восьмиугольную башню и пирамидальный ажурный шпигль.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дядя, добродушное лицо котораго выражало безграничное недовѣріе,—это невозможно.

Но лѣстница затрещала подъ тяжестью шаговъ, и на ней раздались крики во всѣхъ этажахъ. Андрэ, спустившись въ первый этажъ, увидѣлъ свою мать и отца. Гермать былъ блѣденъ отъ негодованія. Испуганныя служанки ходили взадъ и впередъ, какъ тѣни. Совѣсть стараго страсбуржца возмутилась; среди своихъ онъ подумалъ о дочери, внукахъ, которыхъ не хватало ему, и о зятѣ, Людвигѣ Гаффнерѣ. Онъ былъ тамъ со своими солдатами, находился на вершинахъ холмовъ. Онъ присутствовалъ на этой свято-татственной, беззаконной бомбардировкѣ. Что думалъ Людвигъ? Что думала Эдита? Невозможно, чтобы они одобряли эту раздрающую сердце войну между близкими, отвратительную жестокость гранатъ, бросаемыхъ въ мирный городъ, и какой городъ—Страсбургъ Эльзасскій,—родственный, союзный и братскій нѣмецкимъ городамъ!.. На лицѣ его жены отражалось одинаковое страданіе... Что касается Андрэ, его мысль была не здѣсь, а витала у Ансберговъ, въ маленькой дѣвственной комнатѣ, гдѣ Элиза, тоже стоя, прислушивалась къ борьбѣ; онъ хотѣлъ ей покровительствовать, увести, вырвать отъ шальной смерти, завоевать ее или умереть съ нею. Карлъ съ своей постели просился посмотрѣть ракеты, вспомнивъ о пропущенномъ 15-мъ августѣ.

Въ окнахъ показались фонари и лампы, улицы наполнились смутнымъ жужжаніемъ толпы. Проснувшійся Страсбургъ считалъ двадцать одинъ выстрѣлъ, это былъ насмѣшливый салютъ въ честь праздника императора.

— О! вскричать Карлъ, усаживаясь въ рубашкѣ на стулъ,— это бенгальскій огонь!..

Около Савернскихъ воротъ увеличивался отблескъ пожара.

Дядя Ансельмъ тряхнулъ головой, упорно повторяя:

— Боже мой, это невозможно...

Черезъ полуоткрытую дверь комнаты Гаффереронъ, гдѣ лежалъ раненый капитанъ, просвѣчивалась полоска свѣта. Старый офицеръ, видѣвшій происходящее, воскликнулъ:

— Это только начало! Вы увидите получше этого!

IV.

Квартира дяди Ансельма, помѣщавшаяся въ третьемъ этажѣ, подъ крышей, состояла изъ одной высокой, обширной освѣщаемой слуховымъ окномъ комнаты и маленькой другой.

Въ послѣдней стояла его кровать, бауль и комодъ, что могло бы удовлетворить лишь бѣднаго студента. Эта простота не только ему нравилась, но была даже необходима: онъ приберегалъ вкусъ къ художеству и роскоши для своего музея. Дѣйствительно, большая комната, загроможденная цѣнной мебелью, представляла настоящій музей. Цѣлая жизнь холостика-маньяка, цѣлое состояніе страстнаго собирателя рѣдкостей сосредоточивались тамъ; онъ испытывалъ несравненное наслажденіе, когда сидѣлъ въ большомъ готическомъ креслѣ и курилъ свою длинную фарфоровую трубку, созерцая полузакрытыми глазами свои богатства.

Прежде всего его глаза останавливались на фламандскихъ коврахъ, на которыхъ обезьяны были изображены въ тысячѣ фантастическихъ сценахъ: то скачущими на берберійскихъ лошадяхъ, то преслѣдующими купальницъ, то разодѣтыми въ парчу, пирующими вокругъ столовъ, уставленныхъ блюдами. Затѣмъ видѣлось большое бюро, въ стилѣ Людовика XV, изъ фіолетоваго и розоваго дерева, съ изысканной бронзовой отдѣлкой, единственная въ своемъ родѣ рѣдкость, — итальянскій шкафъ изъ чернаго дерева съ тонкой, какъ кружево, рѣзбой изъ слоновой кости; подлѣ фарнса въ испано-мавританскомъ вкусѣ, съ золотистымъ отблескомъ, красовались японскіе сосуды и высокія китайскія фарфоровыя вазы; затѣмъ бронза, японскія шелковыя матерія, тяжелое оружіе, начиная съ того длиннаго и тяжелаго средневѣковаго меча, который Картъ не могъ поднять обѣими руками, до легкихъ, какъ находящіеся возлѣ стилеты, съ насѣчкой, поражающіе своимъ осинымъ жаломъ даже одежды изъ буйволовои кожи, если не имѣлось стальной кольчуги. Между прочимъ тамъ была восхитительная мебель Бове, золоченаго дерева, вся изъ сплошной рѣзбы, представлявшая цвѣты, птичекъ и фрукты замѣчательная по богатству чуднаго колорита.

За витринами выставляли на видъ свой стерпнѣйшій рельефъ, свою тонкую мозаику или контуры рѣзной и легкой граціи ме-

Россіи. Съ 9-ю рисунками. Спб. 1903. Бориса Тагъва. — 6) Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. Москва. 1902. в. 1.—7) Постройка и эксплуатация Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 гг.). Краткіи историческіи очерки. Составленъ управленіемъ дороги. Спб. 1902. в. п.—8) Художественный сокровища Россіи. Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей А. Бенуа. Выпускъ I. Спб. 1902. с. ш.—9) Суворовъ, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генералъ майоръ П. А. Орловъ. Спб. 1901. л.—10) А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Москва. 1902. А—я.—11) Феліксъ Гоканъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1902. П. А.—12) Ванъ-Мюйденъ. Исторія шведскаго народа. Томъ III. Изданіе А. М. Пантелѣева. Спб. 1902. в.—13) Краткіи очерки исторіи грузинской церкви и епархіи за XIX столѣтіе. К. К. Тифлисъ. 1901. А. Хаданова.—14) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basiliius Latyschev. Volumen quartum. Petropoli. MDCCCXI. (Древнія греческія и латинскія надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря. По порученію я на средства императорскаго Русскаго археологическаго общества надъзъ Василій Латышевъ. Томъ четвертый. Спб. 1901). А. М—я.—15) Г. Г. Нябуръ. Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва. 1902. 1.—16) Д. Мережковский. Любовь сильнѣе смерти. Итальянскія новеллы XV-го вѣка. Книгоиздательство «Скорпионъ». Москва. 1902. в. Розанова.—17) «Исторія польской артиллеріи» (Historja artylerji polskiej), Константинъ Гурскіи. Варшава. 1902. 1. к.—18) Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣлинскаго. Въ 12 томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V. Спб. 1901. в.—19) Э. Вессонъ. Возлестный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансовъ контролн первоначальныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. С. А. Халютина. Спб. 1901. с. н.—20) Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго изданія П. С. Козина. Москва. 1901. 1.—21) Józef Dunin-Karwicki. Z moich wspomnień. T. I—II. Warszawa. 1901. и. х.—22) Н. В. Онуковъ. По Чердынскому уезду. Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Живая Старина», вып. I. 1901. г. с.—23) К. Н. Опочининъ. Очерки старо-русскаго быта. Выпускъ I. Воарскій дождъ въ XVII столѣтіи. Овальный воевода. Москва. 1902. м. п.—снаго.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 1149

1) Былъ ли апостолъ Петръ въ Римѣ?—2) Теодора.—3) Кровавая Марія.—4) Вашингтонъ и Нѣмцевичъ.—5) Послѣдніе шуты.—6) Сгодлѣтіе Новалиса.—7) Отецъ Виктора Гюго.—8) Политическія идеи Вальзака.—9) Мемуары Дюрюи.—10) Висмаркъ, какъ музыкантъ.—11) Мемуары императрицы Евгеніи.—12) Смерть лорда Дѣфферина, профессора Тилъ, путешественника Эмилія Голуба, г-жъ Клемансъ Руайе и Маріи Ратаці.

XX. Смѣсь 1179

1) Къ юбилею печати.—2) Собираніе былинь.—3) С.-Петербургское археологическое общество.—4) Московское археологическое общество.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Археологическій институтъ.—7) Къ археологическому съезду въ Харьковѣ.—8) Церковно-археологическая коммиссія.—9) Археологическая находка.—10) Географическое общество.—11) Общество любителей естествознанія и географическое его отдѣленіе.—12) Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—13) Минусинскій музей и Н. М. Мартыновъ.

XXI. Некрологи 1200

1) Вогуславскій, Л. А.—2) Валуева (Мунтъ), А. П.—3) Рленевъ, Ф. П.—4) Игнатовичъ, В. С.—5) Клячевъ, П. И.—6) Клявцинскій, А. А.—7) Колосовъ, А. М.—8) Колоколовъ, А. П.—9) Ламанскій, в. И.—10) Мельникова, А. Н.—11) Площанскій, В. М.—12) Рожновъ, Н. В.—13) Сахаровъ, В. Н.—14) Тизисаузея, В. Г.—15) Фельдманъ, Ф. А.—16) Филатовъ, П. Ф.—17) Щеголь, Д. Ф.

XXII. Забѣтки и поправки 1212

1) Къ статьѣ «Мнончность Лермонтовскихъ мѣстъ». М. Трофимовой.—2) Еще объ ивѣнн графа Завадовскаго. Ив. Захарьина (Лунинъ).

XXIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александры Петровны Хвостовой.—2) Осада Страсбурга. (Braves gens. Strassbourg). Историческая повѣсть. Изъ временъ франко-германской войны. Пола и Виктора Маргѣритъ. Переводъ съ французскаго. I—VI.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новога Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новога Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно нѣкоторымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

2473
12

2

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

**This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

Acme Bookbinding

Charlestown, Massachusetts

1995

